

Коренные народы [Тихоокеанских
государств], том 3. Мифы и языки.
Работы Хьюберта Хоу Бэнкрофта, том
3

Хьюберт Хоуи Бэнкрофт

THE WORKS

OF

HUBERT HOWE BANCROFT.

VOLUME III.

THE NATIVE RACES.

Vol. III. MYTHS AND LANGUAGES.

SAN FRANCISCO :
A. L. BANCROFT & COMPANY, PUBLISHERS.
1883.

Электронная книга проекта "Гутенберг" о коренных расах [Тихоокеанских государств], том 3, Мифы и языки

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Коренные расы [тихоокеанских государств], Том 3, Мифы и языки

Автор: Хьюберт Хоуи Бэнкрофт

Дата выхода: 7 июля 2013 г. [Электронная книга № 43123]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер - Мелисса Макдэниел и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру по адресу <http://www.pgdp.net> (1st-hand-history.org)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "КОРЕННЫЕ РАСЫ [ТИХООКЕАНСКИХ ГОСУДАРСТВ]", ТОМ 3, МИФЫ И ЯЗЫКИ ***

Примечание переписчика:

Исправлены очевидные типографские ошибки. Непоследовательная орфография и расстановка переносов в оригинальном документе сохранены.

Наборщик неправильно выделил курсивом цитаты в сносках.

Сноска II-11: "Читается", возможно, должно быть "Перечитано".

Footnote VI-43: "por bien de abirle los ojos, y darle luz, y abridle ..." should possibly be "por *bien de abirle los ojos, y darle luz, y abirle* ..."

В сноске IX-7 отсутствует начальная цитата.

Сноска X-65: "ладья", возможно, должно быть "скалой".

В сноске XI-5 отсутствует начальная цитата.

Сноска XII-75: конечная страница, возможно, должна быть 302.

Сноска II'-29: "странный", возможно, должно быть "quer".

В сноске II'-60 отсутствует начальная цитата.

Сноска III'-2: "ислес", возможно, следует заменить на "ислес".

Сноска III'-7: "Кайгани" или "Kaigani" могут быть написаны неправильно.

Сноска IV'-16: "Entfernten", возможно, должно быть "Entfernten".

Сноска V'-7: "Шлусштейн", возможно, должно быть "Шлусштейн".

Страница 569: "Ирритилия", возможно, должно быть "Ирритила".

Страница 634: Точки после слов "от нас" и "масахчи", возможно, являются опечатками.

Страница 703: "киокаме" - это возможная опечатка в слове "хиокаме".

Эрман, Архив пронумерован по-разному римскими и арабскими цифрами.

РАБОТЫ ХЬЮБЕРТА ХОУ БЭНКРОФТА.

ТОМ III.

КОРЕННЫЕ РАСЫ.

Том III. МИФЫ И ЯЗЫКИ.

САН-ФРАНЦИСКО:

ИЗДАТЕЛЬСТВО A. L. BANCROFT & COMPANY.

1883.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1882 году ХЬЮБЕРТОМ Х. БЭНКРОФТОМ,
в должности библиотекаря Конгресса в Вашингтоне.

Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ ЭТОГО ТОМА.

МИФОЛОГИЯ.

ГЛАВА I.

РЕЧЬ И УМОЗРЕНИЕ.

СТРАНИЦА.

Разница между человеком и животными—Язык 1
разума и язык души-Происхождение языка:
дар Создателя, изобретение человека или
эволюция-Природа и ценность мифа—
Происхождение мифа: Божественная идея,
вымысел о колдовстве, создание Жречества—

Проектировщика—Происхождение богослужения, Молитвы, Жертвоприношения—Фетишизм и происхождение поклонения животным—Религия и мифология

ГЛАВА II.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КОНЕЦ ВЕЩЕЙ.

Создание киче-Миф—Происхождение ацтеков-Мифы—Папагосы—Монтесума и койот—Моки—Великая Паутина пима—Творения навахо и пуэбло—Происхождение Чистого озера и озера Тахо—Чарейя у кароков—Гора Шаста, Вигвам Великого Духа—Источники и водопады Айдахо—Как возникли языковые различия—Йель, Создатель Тлинкитов—Ворон и Собака

42

ГЛАВА III.

ФИЗИЧЕСКИЕ МИФЫ.

Солнце, Луна и Звезды—Затмения—Луна, олицетворяемая в Стране Полумесяца—Огонь—Как Койот украл огонь для кароков—Как Лягушка потеряла свой хвост—Как Койот украл огонь для навахо—Ветер и Гром—Четыре Ветра и Переправа—Вода, Первая из Элементалей—Ее Священная и очищающая Сила—Земля и Небо—Землетрясения и вулканы—Горы—Как Ястреб и Ворона построили Прибрежный хребет—Горы Йосемити

108

ГЛАВА IV.

МИФОЛОГИЯ ЖИВОТНЫХ.

Роли, отведенные животным—Предзнаменования по их движениям—Зловещая Сова-Животные—покровители—Люди—метаморфозы-Людоедка—Белка с острова Ванкувер—Обезьяны и Бобры—Падшие Люди—Священные животные—Выдающаяся птица—Эмблема Ветра—Змея, Эмблема Молнии—Не связана со Злом Особо—Змея Пуэбло-Водяная Змея—Офиолатрия—Выдающаяся Собака или Койот—Обычно, хотя и не всегда, Доброжелательная Сила — Как койот пустил лосося вверх по Кламат—Дансу"Жуткая и печальная смерть койота"

127

ГЛАВА V.

БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ.

Эскимосское колдовство — тинне и кониага— 140

куганы алеутов—тлинкиты, хайды и нутки—

Потерянный рай оканоганцев—салиши,

клалламы, чинуки, кайусы, валла—валлас и

Нез персе—Упыри—шошоны—Северная

Калифорния—Солнце в Монтерее—Уиот и

чинигчинич—Боги—антагонисты Нижней

Калифорнии—команчи, апачи и Навахо-

Монтесума из племени пуэбло-моки и Мохавес

-Первобытная раса Северной Калифорнии

ГЛАВА VI.

БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ.

Боги и религиозные обряды Чиуауа, Соноры, 178

Дуранго и Синалоа —Мексиканская религия,

принимаемая с разной степенью

доверчивости разными слоями населения—

Мнения разных авторов относительно ее

природы—Монотеизм Несауалькойотля—

Современное состояние изучения

мексиканской мифологии—Тецкатлипока—

Молитвы Ему во время эпидемии, войны, за

Власть имущих—Молитва, используемая

священником, Отпускающим грехи—

Подлинность вышеупомянутых молитв—

Характер и произведения Саагуна

ГЛАВА VII.

БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ ИМ.

Образ Тескатлипоки—его места на улице— 237

различные легенды о его жизни на земле—

кетцалькоатль—его ловкостью в механических

искусств—его религиозные обряды—богатство

и ловкость его приверженцев—о высылке из

Тульской Кетцалькоатля по Тескатлипока и

Уицилопочтли—питье—Нуемас, или Vemas,

Царь тольтеков, и несчастья навлекло на него

и его людей с Тескатлипокой в разных

обличьях—Кецалькоатля в Чолула—разные

версии рождения и жизни Кецалькоатля—его

мягкий характер—он составил мексиканский

календарь—случаи изгнания и его

путешествие в Tlapalla, как связаны и

комментируется различными писателями—

Брассер представлений о Кетцалькоатль
мифы—Кецалькоатль считался бог-солнце по
Тайлор, и как рассвет-герой Бринтон—
помогает—Доменек—рукописи—долгое
обсуждение Кетцалькоатль мифы Ю. Г. Мюллер

Глава VIII.

БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ.

Различные счета рождения, происхождение и 288

происхождение названия Мексиканского бога
войны Уицилопочтли, его храм, изображение,
парадный, фестивалей, а его заместителем,
или страницы, Paynal—Clavigero—Boturini—
Акоста—Солис—Саагун—Херрера—
Торквемада—Ю. Г. Мюллер резюме
Уицилопочтли мифы, их происхождение,
взаимосвязь и значение—Тайлор—кодекс
Vaticanus—Тлалоку, Богу воды, особенно в
дождь, и в горы—Clavigero, Гама, и
Ixtilxochitl—молитва во время засухи—
Камарго, Motolinia, Мендьета, и Ватиканский
кодекс на жертву Тлалоку—украшения со
своих жертв и мест их выполнения—сбор
бросается на службе Бога воды—разбой у
священников на этот раз—украшения и
реализует священников—наказания для
торжественных правонарушений—водоворот
Pantitlan—изображение горы в честь Тлалока
фестиваля—грядущего дождя и искажение
изображений гор—общие известность в культ
Тлалока, номер четыре, крест, и змеи

глава IX.

БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ.

Мать или все-питательный богиню под 349

разными именами и в разных аспектах—ее
праздник в одиннадцатый месяц ацтеков
Ochpaniztli—фестивали восьмого месяца,
Hueytecuilhuitl, и четвертого, Hueytozoztli—
обожествление женщины, которая умерла в
родах—богиня воды под разными именами и в
разных аспектах—обряды крещения или
люстрации детей—богиня любви, ей
различные имена и аспекты—обряды
исповеди и отпущение грехов—бог огня и его
различными именами—его фестивалей в
десятом месяце Xocotlveti и в восемнадцатом

месяце Yzcali; также его четырехлетний
фестиваль в последний месяц—великий
праздник каждые пятьдесят два года;
зажжения нового огня—бог Аид, и
Теоуаоміque, собиратель душ погибших
храбрый—обожествление умерших
правителей и героев—Мишкоатль, бог охоты, и
его пир в четырнадцатый месяц, Quescholli—
различных других мексиканских божеств—
фестиваль во второй месяц,
Тлакашипеуалицтли, уведомив о
гладиаторских жертвы—полный синопсис
фестивали Мексиканского календаря,
неподвижный и подвижный—храмов и
священников

глава X.

боги, сверхъестественные существа и поклонение.

Доходы мексиканских храмов—огромное 430
количество священников—мексиканское
жреческий системы—жрицы—заказы
Тламахсасayotl и Telpochtiliztli—религиозные
подвижники—Крещения—обрезание—
Причастия—пост и покаяние—крови-
рисование—человеческие
жертвоприношения—Боги Tarascos—жрецы и
храмовые службы Мичоакан богослужение в
Халиско—Оајаса—Вотан и Кецалькоатль—
путешествия Вотан—Апостол Wixerescocha—
пещера рядом с Xustlahuaca—Принцесса
Pinoriaa—поклонение Costahuntox—дерево
поклонение

глава XI.

БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ.

Пантеон майя—Замна—Кукулькан—Боги 461
Юкатана—Символ Креста в Америке—
Человеческие жертвоприношения на
Юкатане—Жрецы Юкатана—Гватемальский
пантеон—Тепеу и Хуракан—Авиликс и
Хакавиц—Герои Священной Книги—Боги
киче—Поклонение холесам, манчесам, ицам,
Лакандонам и другим—Традиция
Комизауаля—Посты—Жрецы Гватемалы—
Боги, поклонение и священники Никарагуа—
Поклонение на Москито—Косте—Боги и
поклонение Истмийцы-Фаллический культ в

Америке

ГЛАВА XII.

БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВО.

Представления аборигенов о будущем —
Общие представления о душах — Будущее
состояние алеутов, чепевянцев, аборигенов
пролива Милбэнк и оканганцев — Счастливая
земля салишей и чинуков — Представления о
рае и аде нез персе, Плоскоголовых и хайда —
Царства Куаутиат и Чайхер — Верования
сонгис, клалламов и Пенд д'Орейлей —
Будущее состояние племен Калифорнии и
Невады, команчей, пуэбло, навахо, Апачи,
моки, марикопа, юма и другие — Дом Солнца
мексиканцев — Тлалокан и Миктлан —
Состояние мертвых — Путешествие мертвых —
Будущее тлашкальтеков и других народов

510

языки.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКИ.

Родные языки опережают социальные
обычаи — Характерная индивидуальность
американских языков — Частое употребление
длинных слов — Редупликации, частотные
падежи и дуализмы — Межплеменные языки —
Язык жестов — Жаргоны славян и чинуков —
Языки Тихоокеанских штатов — Языки тинне,
ацтеков и майя — Более крупные семьи внутри
страны — Язык как критерий происхождения —
Сходства в неродственных языках — План этого
исследования

551

ГЛАВА II.

ГИПЕРБОРЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ.

Различие между эскимосским и
американским — Эскимосское произношение
и склонение — Диалекты кониагас и алеутов —
Язык тлинкитов — Гипотетическое сходство —
Семья тинне и ее диалекты — Восточное,
западное, центральное и южное деление —
Склонение чепевян — Ораторское искусство в

574

речи катчинсов—Сравнение диалектов атна и угалензе—Образец языка колтшейн—
Тактильно—гортанные звуки—Словарь хупа—
Диалекты апачей—Слова липанского лорда
Молитва—Слова навахо-Сравнительный
словарь семьи тинне

ГЛАВА III.

КОЛУМБИЙСКИЕ ЯЗЫКИ.

Хайда, его конструкция и спряжение—Язык
насс и его диалекты—Сравнения беллакулы и
чимсиана—Языки нутка острова Ванкувер—
Десять заповедей нанаймо и Молитва
Господня—Аналогии с ацтеками—Языки рек
Фрейзер и Томпсон —Грамматика
нитлакапамука и Молитва Господня—Языки
звуков—Семья салиш—Грамматика
плоскоголовых и молитва Господня—
Кутенай—Семья сахаптин—Грамматика Нез
Персе—Молитва Господня якима—
Государственные языки сахаптин и языки
рабов — чинук Семья—Грамматика языка
чинуков—Сходство с ацтеками—Жаргон
чинуков

604

ГЛАВА IV.

КАЛИФОРНИЙСКИЕ ЯЗЫКИ.

Множественность языков—Сравнения якона,
кламата и палейка—Словари рек Питт и
винтун—Сравнения вайота, вишоска,
вайцпека, и эхнека—Языки залива
Гумбольдт—Поттер—вэлли, русский и ил—
ривер—Языки помо-Грамматика галлиномер—
Транстихоокеанские сравнения—Молитва
Господня в чокуеме—Языки долин
Сакраменто, Сан—Хоакин, Напа и Сонома—
Олхоне и другие языки залива Сан—
Франциско—рансиен и Эслена
Монтерейская—Молитва Господня в Санта—
Кларе-Грамматика мутсун-Языки миссий
Санта-Крус, Сан-Антонио-де-Падуа, Соледад и
Сан-Мигель-Грамматика Татче-Диалекты
Санта-Крус и других островов

635

ГЛАВА V.

ЯЗЫКИ шошонов.

Связи ацтеков и соноры с семьей шошонов-

660

юта, команчи, моки, киж, нетела, кечи, кауилло и чемехуэви—Восточные и западные шошоны, или вихинашт—баннак и диггер, или шошоки—юта и ее диалекты— гошуты, уошо, пайули, пиуты, сампитче и моно—Популярное поверье об ацтекском элементе на Севере— Закон Гримма—шошоны, команчи, сравнительная таблица Моки—Строфа Нетела—Грамматика Киж—Молитва Господня на двух диалектах Киж—Грамматика чемехуэви и Кауилло—Сравнительный словарь

ГЛАВА VI.

ЯЗЫКИ ПУЭБЛО, РЕКИ КОЛОРАДО И НИЖНЕЙ КАЛИФОРНИИ.

Следы ацтеков, не обнаруженные среди пуэбло Нью—Мексико и Аризоны—Пять языков пуэбло, керес, тегуа, пикори, хемес и зуни—Сравнительный словарь пуэбло—юма и его диалекты, марикопы, кучан, мохаве, Диегеньо, ямпай и явипай—кочими и перикун с их диалектами Нижней Калифорнии— Грамматика гуайкури—Патер ностер на трех диалектах кочими—Языки Южной Калифорнии
Нижняя Калифорния полностью изолирована

680

ГЛАВА VII.

ЯЗЫКИ ПИМА, ЭПАТА И кери.

Грамматика Пима—Альто и Баджо—папаго— пима—Образование множественного числа— Личное местоимение—Спряжение— Классификация глаголов—Наречия— Предлоги, союзы и междометия—Синтаксис пима—Молитвы на разных диалектах— Грамматика опата и Эудеве—Эудеве— Спряжение активных и пассивных глаголов— Молитва Господня—Грамматика Опата— Склонение—Притяжательное местоимение— Спряжение—Язык кери с его диалектами, словарь гуайми и тепока-кери

694

ГЛАВА VIII.

ЯЗЫКИ НОВОЙ МЕКСИКИ.

Кахита и его диалекты —Грамматика кахита— Диалектические различия языков майо, яки и техуэко—Сравнительный словарь—Молитва Господня кахита—тараумара и его диалекты— Грамматика тараумара—Молитва Господня

706

тараумара на двух диалектах —кончо, тобосо,
хулиме, пиро, сума, чинарра, тубар,
ирритила—Грамматика теджано—теджано—
Образец теджано—тепехуана— Грамматика
тепехуаны и молитва Господня —Акаши и его
диалекты, топия, сабаибо и Сиксима—сакатек,
казкане, мазапиле, уитколе, гуачичиле,
колотлан, тлаксомультек, Текуэксе и
тепекано—Кора и ее диалекты, мууцикат,
теакуайтца и атеакари—Грамматика Кору

ГЛАВА IX.

ЯЗЫКИ АЦТЕКОВ И ОТОМИ.

Языки науа или ацтеков, чичимеков и
тольтеков идентичны—анахуак — исконная
резиденция языка ацтеков—Ацтекский
древнейший язык на анахуаке—Красота и
богатство ацтекского языка—Свидетельства
миссионеров и ранних авторов в его пользу—
Образец из Руководства Паредеса—
Грамматика языка ацтеков—Молитва Господня
ацтеков—Отоми, односложный язык
анахуака—Утверждается о родстве с
китайским и чероки—Грамматика отоми-
Молитва Господня отоми на разных диалектах

ГЛАВА X.

ЯЗЫКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ МЕКСИКИ.

Паме и его диалекты — меко из Гуанахуато и
Сьерра—Гордо —Тараско из Мичоакана и его
грамматика—матлальтцинка и его
грамматика—окуильтеки—мизтеки и их
диалекты—Грамматика мизтеков — Амусго,
чочо, масатек, куикатек, чатино, тлапанек,
чинантек и пополука—сапотеки и их
грамматика—Грамматика мие—мие и молитва
Господня—Хуаве из Теуантепекский
перешеек-Цифры Хуаве

ГЛАВА XI.

ЯЗЫКИ МАЙЯ И КИЧЕ.

Майя-киче, языки цивилизованных народов
Центральной Америки—Перечисление членов
этой семьи—Гипотетические аналогии с
языками Старого Света—Молитвы Господни в
чанабале, чьяпанеке, Чоле, цендале, зоке и
зоциле—Грамматика покончи—Грамматика

723

742

759

мамея или заклопахкапа—Грамматика киче—
Молитва Господня какчикеля—Грамматика
майя—Грамматика тотонака—Диалекты
тотонака—Грамматика уастека

ГЛАВА XII.

ЯЗЫКИ ГОНДУРАСА, НИКАРАГУА, КОСТА-РИКИ И ДАРЬЕНСКОГО ПЕРЕШЕЙКА.

Карибский импортированный язык—Язык 782
москито—пойя, тоука, секо, валиенте, рама,
кукра, вулва и другие языки в Гондурасе—
Грамматика чонтал—москито—Любовная
песня на языке москито—Сравнительный
словарь языков Гондураса—корибичи,
чоротегуа, чонтал и оротинья в Никарагуа—
Грамматика оротиньи или награндана—
Сравнение оротиньи и чоротегуа—чирики,
гуатусо, тириби и других в Коста—Рике —
Словарь таламанки—Разнообразие речи на
Дарьенском перешейке—Перечисление
языков-Сравнительная лексика

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ТИХООКЕАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

МИФОЛОГИЯ, ЯЗЫКИ.

ГЛАВА I. РЕЧЬ И УМОЗРЕНИЕ.

Разница между человеком и животными—Язык разума и язык души—Происхождение языка: Дар
Создателя, человеческое изобретение или эволюция—Природа и ценность мифа—
Происхождение мифа: Божественная идея, Вымысел колдовства, Создание Жречества—
Проектировщика—Происхождение богослужения, Молитвы, жертвоприношения—Фетишизм и
происхождение поклонения животным—Религия и мифология.

До сих пор мы видели Человека только в его материальном организме; как дикое, хотя и
интеллектуальное животное. Мы наблюдали общение некультурного разума с окружающей
средой. Мы видели, как, чтобы одеться, дикарь грабит животное; как, подобно животным,
первобытный человек строит свое жилище, добывает пищу, воспитывает семью, пользуется
властью, владеет собственностью, ведет войну, предается развлечениям, удовлетворяет
социальные инстинкты; и что во всем этом дикарь всего на один шаг отстает от животного.
Поднимаясь по шкале, мы рассмотрели первые этапы человеческого прогресса и
проанализировали зарождающуюся цивилизацию. Теперь мы перейдем границу, отделяющую

человечество от животного рода, и войдем в область нематериального и сверхъестественного; явлений, которые не может объяснить чисто позитивная философия.

Основным признаком абсолютного превосходства человека над другими животными является способность говорить; не те немые или вокальные символы, выражающие страсть и эмоции, которые одинаково проявляются у животных и людей; но способность разделять идеи, генерировать в уме и воплощать в словах последовательности мыслей. Действительно, на пороге этого исследования, как и во всем, что касается первобытного человека, мы обнаруживаем, что грубое творение горячо преследует и оспаривает долю в этой прогрессивной силе. Как и человек, животные обладают всеми органами чувств. Они видят, слышат, осязают, пробуют на вкус и обоняют. У них есть даже органы речи; но у них нет речи. Источник этой чудесной способности лежит еще дальше, скрытый туманом, который всегда оседает вокруг нематериального. Независимо от того, есть ли у животных душа, согласно аристотелевской теории души, или же душа животного бессмертна, или по качеству и предназначению непохожа на душу человека и ниже ее, мы видим в них безошибочное свидетельство умственных способностей. Животные высшего порядка обладают интеллектуальным восприятием низшего порядка. Так, гордость проявляется у лошади в попоне, стыд - у побитой собаки, воля - у упрямого мула. У зверей есть память; они проявляют любовь и ненависть, радость и печаль, благодарность и месть. Они смелы или трусливы, утонченны или простодушны, не только в меру того, что мы обычно называем инстинктом, но и с очевидным проявлением рассудительности; и до определенного момента мы могли бы даже приписать им предусмотрительность, например, в том, что касается запаса пищи на зиму. Но при всем этом, по-видимому, ощущается недостаток истинного или связного мышления и способности к абстракции, посредством которой анализируются концепции и определяются впечатления.

МЫСЛЬ И ВЫРАЖЕНИЕ.

У них также есть язык, такой, какой он есть; более того, все разновидности языка, общие для человека. Какой язык жестов может быть более выразительным, чем язык, используемый лошадью ушами и собакой хвостом, в котором проявляются все оттенки радости, печали, мужества, страха, стыда и гнева? В их звериной физиономии также можно прочесть язык эмоций, которые, пусть и не так изящно изображены, как на лице человека, тем не менее, не менее характерны. Они также не лишены своего голосового языка. Каждая птица и каждое четвероногое обладает способностью передавать информацию посредством голоса. У них есть свой шум радости, свой сигнальный крик опасности, свои нотки гнева и горя. Таким образом, мы видим в животных не только интеллект, но и способность передавать информацию. Но интеллект - это не мысль, как и выразительная речь. Язык животных, таких же, как они сами, бездушен.

Следующим признаком превосходства человека над животными является способность поклоняться. Дикий зверь, спасаясь от бури, с воем улетает в свое логово; дикарь, охваченный благоговейным страхом, поворачивается и молится. Самый низкий человек видит руку, стоящую за молнией, слышит голос, доносящийся из-за бури, на который у высшего животного нет ни глаз, ни ушей. Эта сущность человечества, как мы видим, изначально проявляется в мифических явлениях; в первой борьбе духовного человечества за поиск выражения. Язык - это символ, обозначающий мысль, мифология - это символ, обозначающий душу. Первый - это

первый отличительный звук, отделяющий идеальное от материального, другой - первое дыхание души, которое отличает бессмертного от животного. Язык - воплощенная мысль; мифология - воплощенная душа. Одно является инструментом мысли, в то время как другое является сущностью мысли. Ни то, ни другое не является мыслью; оба они тесно связаны с мыслью; отдельно от любого в той или иной форме совершенная интеллектуальная зрелость не может развиваться. Я не хочу сказать вместе с некоторыми, что мысль без речи существовать не может; если только под речью не подразумевается любая форма выражения, символическая, эмоциональная или вокальная, или если только под мыслью не подразумевается нечто большее, чем простое самосознание без последовательности и абстракции. Не может быть никаких сомнений в том, что речь - это живое дыхание мысли, и что использование речи воздействует на ментальные и эмоциональные способности. У животных нет ни речи, ни мифов; у глухонемых мысль и вера туманны и неопределенны; у младенцев мысль подобна мимолетному облаку, проносящемуся над мозгом. И все же, несмотря на все это, глухонемые и дети, у которых нет адекватной формы самовыражения, не могут быть отнесены к категории животных. Изобретение пальцевой азбуки открыло путь к пониманию глухонемыми; но задолго до того, как этому научились, в каждом случае эти несчастные изобретают свой собственный язык жестов, на котором они думают так же, как и говорят. И если бы мы только могли увидеть странно искаженные образы, которые овладевают мозгом человека, мыслящего жестами, мы бы лучше оценили ценность слов. Итак, в уста детей вкладываются слова, вокруг которых складываются мысли; но свидетельства идей обнаруживаются задолго до того, как они могут быть полностью выражены знаками или звуками. Кант придерживался мнения, что разум глухонемого неспособен к развитию, но замечательный успех наших современных институтов навсегда развеял эту идею.

Душа человека - это полусознательное вдохновение, от которого восприятие и выражение неотделимы. Природа говорит с ним в той тонкой симпатии, с помощью которой нематериальное внутри поддерживает беседу с нематериальным снаружи, в мягком шепоте ветерка, в устрашающем реве бури. Между душой и телом существует теснейшая симпатия, взаимодействие во всех отношениях. Поэтому на эти голоса природы, обращающиеся к порождениям природы, разные организмы отвечают по-разному. Животное, интеллектуальное, духовное, из чего бы ни состояла сущность, откликается, и откликаясь, расширяется и раскрывается. Стоит только дать животному способность говорить, и начнется умственное развитие; ибо речь не может продолжаться без идей, а идеи не могут возникнуть без интеллектуальной эволюции. Смутная, полусознательная, грубая мысль может быть; неспособность к абстракции, последовательности мыслей без произнесенных или невысказанных слов не может существовать.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА.

Совершенно маловероятно, что система языка жестов когда-либо использовалась какими-либо примитивными народами до или в качестве предпочтения речевому языку. Общение с помощью знаков требует немалых навыков и подразумевает степень искусственности и предусмотрительности, намного превосходящую ту, которая требуется в устном или эмоциональном языке. Задолго до того, как ребенок достигнет уровня интеллекта, необходимого для передачи мыслей с помощью знаков, он уже хорошо владеет собственным речевым языком.

В мифологии язык приобретает индивидуальность и независимость. Часто значение слова становится основной идеей. Зевс, означающий просто небо, становится богом неба; Эос, первоначально олицетворявшая рассвет, становится богиней дня открытия. Божеством становится не идея, а выражение идеи. И вот, благодаря этим творениям фантазии, воображение расширяется; при воплощении идеи разум расширяется своим собственным творением. Затем, подобно мыльным пузырям, пускаются в ход еще более смелые метафоры, которые, как только обретают форму слов, также обожествляются. Таким образом, душа, мысль и речь действуют и реагируют друг на друга, все эволюции концепции ищут выхода в звуке или умозрении; и таким образом язык, выражение разума, и мифология, выражение души, становятся выразителями божественной человечности.

Но что же тогда такое Язык, что такое Миф и откуда они берутся? В широком смысле термин "язык" может быть применен ко всему, что социальные существа используют для передачи страсти или чувства или для влияния друг на друга; все, что делается средством интеллекта, идеографическим или фонетическим, является языком. В эту категорию могут быть отнесены, как мы видели, жесты, как инстинктивные, так и искусственные; эмоциональное выражение, проявляющееся в форме или черте лица; вокальные звуки, такие как крики птиц, вой зверей. Действительно, язык присутствует везде, во всем. Прислушиваясь к журчанию ручья, реву моря, шепоту леса, а также к тихому внутреннему голосу, мы всего лишь читаем из словаря природы.

В таком толковании принцип принимает различные формы, и ему можно следовать на протяжении последовательных стадий развития. На самом деле, ни форма, ни особенность не могут быть приведены в движение или даже оставлены в состоянии покоя, не передавая наблюдателю информацию. Лицо человека, хочет оно того или нет, постоянно говорит, и говорит в самых изысканных оттенках значения и с выражением гораздо более утонченным, чем то, которое используется языком или пером. Лицо - это отражение души; прозрачность, которая сияет светом, божественным или дьявольским, падающим на него изнутри. Это портрет индивидуального интеллекта, фотография внутреннего существа, показатель врожденного интеллекта. И во всем, что касается действий и страстей человечества, что может быть более выразительным, чем язык эмоций? Есть мягкие, безмолвные ухаживания любви, неистовая ярость ненависти, танцующий бред радости, голодная жажда желания, устоявшаяся меланхолия умерших надежд. Но более определенно, язык - это членораздельная человеческая речь или символическое выражение идей.

Как человек впервые научился говорить и откуда изначально взялся дар речи, - это вопросы, касающиеся того, какая традиция является некоммуникабельной. Даже мифология, которая пытается разгадать сверхъестественные тайны, объяснить все явления, не объяснимые иным способом, мало что может сказать о происхождении этой наиболее потенциальной из всех человеческих сил.

Относительно происхождения языка было выдвинуто множество теорий. Некоторые из них опровергнуты; другие находятся на различных стадиях модификации, и нет двух филологов, мыслящих совершенно одинаково. Основных гипотез три; второстепенных - legion. Очевидно, что речь должна быть либо прямым, законченным даром Творца с одним или несколькими независимыми началами; либо изобретением человека; либо эволюцией из естественного зародыша.

Шлейхер рассматривает первобытный язык как простой организм речевых жестов; Гулд Браун считает язык частично естественным, а частично искусственным; Адам Смит и Дугалд Стюарт предоставляют человеку создание и развитие речи с помощью его собственного искусственного изобретения. Согласно Геродоту, фригийцы и египтяне спорили по вопросу о древности своих языков. После этого Псамметих поручил двух младенцев заботам коз, не обращая внимания ни на какие человеческие звуки. По прошествии двух лет было слышно, как они произносят слово *бекос*, по-фригийски обозначающее хлеб. Поэтому фригийцы претендовали на старшинство своего языка.

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА.

В древние времена считалось, что существовал какой-то единый первобытный язык, центральный язык, от которого произошли все языки земли. На это первенство претендовали сифийский, эфиопский, китайский, греческий, латинский и другие языки. Платон считал язык изобретением богов, данным ими человеку. Ортодоксальные верующие без колебаний утверждали, что иврит, язык Рая, был не только дан человеку в совершенном виде, но и чудесным образом сохранен в чистоте для избранного Израиля. После рассеяния из Вавилона те народы, которые снова впали в варварство, стали говорить варварски. И в корнях каждого диалекта как старого, так и нового света Отцы Церкви смогли разглядеть еврейские аналогии, достаточные для подтверждения их догматики. Действительно, другая вера была ересью.

Были и другие, которые считали, что, когда язык жестов и язык эмоций были признаны недостаточными для удовлетворения растущих потребностей человека, по общему согласию было решено, что определенные объекты должны быть представлены определенными звуками, и что таким образом, когда для каждого объекта было изобретено слово, был создан язык.

Другая доктрина, названная мистером Веджвудом, ее восторженным защитником, "звукоподражанием", а профессором Максом Мюллером - теорией "вау-вау", объясняет происхождение языка попыткой человека подражать крикам природы. Так, для собаки первобытный безъязыкий человек сказал бы "гав-гав"; к ручью, ветру, птицам и зверям применялись названия, которые, насколько это было возможно, были всего лишь воспроизведением звуков, издаваемых этими стихиями или животными.

Таким образом, филология вплоть до сравнительно позднего периода была скорее спекуляцией, чем наукой. Философы стремились узнать, откуда взялся язык, а не что такое язык. Но когда было сделано великое открытие, касающееся арийской и семитской семей, специалисты по сравнительной филологии приступили к работе в манере практических исследователей в других областях науки, собирая, классифицируя и сравнивая словари и на их основе прокладывая обратный путь к первоначальным источникам. Были опубликованы каталоги языков, один в 1800 году испанским иезуитом Хервасом, содержащий триста диалектов, за которым последовали "Митридат" Аделунга и Ватера в 1806-17 годах. Но только после того, как санскрит стал предметом изучения в Европе, стало очевидно, что родство языков подчиняется законам, которые управляют родством по крови. Тогда-то и было обнаружено сходство не только между санскритом и греческим и латинским языками, но и между этими языками и тевтонским, кельтским, иранским и индийским, все из которых объединились в великую арианскую семью. В то же время было обнаружено, что древний еврейский язык, арабский и арамейский, составляющие семитскую семью, полностью отличаются от арийского по своей радикальной структуре. В результате этих исследований

филологи пришли к не меньшему убеждению в том, что все индоевропейские языки принадлежат к одной и той же группе, чем в том, что семитские идиомы к ней не относятся. Следовательно, учение Отцов Церкви не выдерживало критики, поскольку было обнаружено, что не все языки произошли ни от древнееврейского, ни от какого-либо другого известного центрального языка.

Тогда же стало очевидным подчинение языков законам эволюции. Было обнаружено, что язык находится в состоянии постоянных изменений; что при всех своих вариациях человеческую речь можно сгруппировать в семейства и установить степень родства; и что путем сравнения словарей можно провести классификацию одновременно морфологическую и генеалогическую. Разновидности языков, столь же бесчисленные, как и фазы развития человечества, можно проследить до их истоков и преобразовать в более ранние формы. Было обнаружено, что в первом порядке языкового развития слова являются односложными. На этой рудиментарной стадии, к которой принадлежат китайцы, тибетцы и, возможно, японцы, используются корни, или звуки, выражающие только материальные или субстанциональные части вещей. На второй стадии, называемой полисинтетической, агрегативной или агглютинатной, модифицирующее окончание, обозначающее отношения идей или вещей друг к другу, прикрепляется или приклеивается к корню. К агглютинатным языкам относятся американская и туранская семьи. На третьей, называемой флективной стадией, которая включает только арийскую и семитскую семьи, два элемента развиты более совершенным образом, и только на этой стадии язык может достичь высшей степени богатства и утонченности.

ЯЗЫКОВЫЕ ВАРИАЦИИ.

Хотя эти стадии или условия признаются всеми, с одной стороны, утверждается, что, хотя устоявшиеся языки сохраняют свой грамматический характер, каждый агглютинатный язык когда-то должен был быть односложным или радикальным, а все флективные языки когда-то были агглютинатными; а с другой стороны, утверждается, что это утверждение не поддается доказательству, поскольку не существует исторических свидетельств того, что какой-либо один тип когда-либо переходил от одной из этих стадий к другой. Итак, если речь - это совершенный дар Творца, как случилось, что мы находим язык на каждой стадии развития или рецидива, от кудахтанья тлинкитов до классических строк Гомера и Шекспира? По своему физиологическому строению, насколько известно, Человек сейчас не более и не менее совершенен, чем во времена Адама. Как же тогда, если язык - это организм, он, в отличие от других организмов, подвержен экстремальным и внезапным изменениям? В живой природе есть два принципа; один фиксированный и законченный как организм, подверженный постоянному рождению и распаду, но неспособный продвигаться вперед или отступать назад; другой, элементарная жизнь, зародыш или центр будущего развития. Одно растет, другое раскрывается. У нас нет доказательств того, что инстинкты и органические функции вначале были более или менее совершенными, чем сейчас. Следовательно, если язык - это инстинкт или организм, совершенный дар Творца, то как он может существовать иначе, чем в конкретном и совершенном состоянии, подобно другим инстинктам и организмам?

Абсурдность того, что человеческая речь является изобретением первобытного человека, что на каком-то травянистом холме встретились компания полуодетых варваров, которые без слов изобрели слова, без значимых звуков произвели звуки, значимые для каждого объекта, в

результате чего по взаимному согласию возник язык, — может быть отброшена в сторону. Из всех гипотез, касающихся происхождения языка, гипотеза о том, что слова являются искусственным изобретением, наименее правдоподобна. И что нас больше всего удивляет в наши дни, так это то, что такие люди, как Локк, Адам Смит и Дугалд Стюарт, могли на мгновение лелеять эту идею. Очевидно, что без языка не могло бы быть культуры, а без культуры слова никогда бы не были изобретены. Слова - это символы объектов и идей. Определенные слова могут быть выбраны произвольно и, по молчаливому соглашению или общему согласию общества, могут быть использованы для обозначения определенных вещей. И в этом смысле слова могут происходить традиционным путем. Но хотя слова, возможно, были выбраны условно, они никогда не были выбраны условностями. Таким образом, у нас есть открытия современных филологов, которые не только отрицают непогрешимость теории общего происхождения, но и выдвигают ряд других претендентов на величайшую древность, заслуживающих такого же внимания, как и древнееврейский язык.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ РЕЧИ.

Разнообразие в происхождении речи не обязательно подразумевает разнообразие в происхождении расы. Таким образом, при расовом единстве можно представить себе обстоятельства, при которых в разных местностях могли возникнуть независимые языки; тогда как при расовом разнообразии гипотетически всем мог быть дан только один язык. Общее происхождение вероятно, разнообразие происхождения возможно; ни то, ни другое не может быть доказано или опровергнуто. Радикальные различия в структуре трех больших типов, односложного, агглютинатного и флективного; и врожденная гетерогенность нескольких семейств одного и того же типа, таких как китайское и сиамское, американское и туранское или даже арийское и семитское, по-видимому, представляют непреодолимые препятствия для теории общего происхождения; в то время как, с другой стороны, удивительные мутации типов и стволов, известные трансформации языка и идентификация некоторыми филологами одного и того же материала в каждом из трех стадий прогресса теория о единстве происхождения языка представляется в равной степени вероятной. Поэтому вопрос о единстве или разнообразии языков, как мы говорим о единстве или разнообразии рас, может иметь для нас весьма незначительное значение. Язык показывает связь между народами, разделенными на большие расстояния, уводит нас назад, за пределы традиций, в темное прошлое, прослеживает извилистости миграций, указывает эпохи в развитии человечества, указывает на происхождение народов, служит ориентиром в отслеживании распространения рас из общих центров. Однако сходство в звучании или даже в конструкции двух слов не обязательно подразумевает родство. Два совершенно разных языка могли заимствовать одно и то же слово из третьего языка; этот факт никогда не установит родства между заимствовавшими. Когда похожие формы встречаются в разных языках, для установления взаимосвязи в качестве теста необходимо использовать исторические свидетельства и проследить за словами вплоть до их корней.

Если отбросить формальности, стоящий перед нами вопрос сводится к нескольким простым положениям. Все люди говорят; еще не было нации без членораздельного языка. За исключением отдельных и аномальных исключений, никогда не было обнаружено ни одного первобытного племени, где часть людей говорила, а часть была безмолвна. Язык является такой же частью человека, как и любая физическая составляющая; однако в отличие от физических органов, таких как глаз, ухо, рука, язык не рождается вместе с человеком. Он не в крови.

Кавказский младенец, похищенный апачами, не может разговаривать со своей собственной матерью, когда его возвращают ей через несколько лет.

Следовательно, речь - это не независимый, совершенный дар Творца, а случайное приобретение. Более того, язык является атрибутом общества. Она принадлежит народу, а не отдельному человеку. Упомянутый выше ребенок, брошенный апачами среди медведей и возвращенный ими, обречен на мутизм или медвежий язык. Человек был создан как социальное существо; речь была создана как средство передачи интеллекта между социальными существами; один индивид в одиночку никогда не смог бы создать или даже сохранить язык.

Но как же тогда получается, что человеческая речь универсальна, если не человек создал ее, и Бог не дал ее ему? В организм человека Творец внедряет органы речи. В элементарную и прогрессивную жизнь человека Творец внедряет зародыш речи. Как и элемент прогресса и цивилизации, врожденный с самого начала, речь развивалась постепенно, на протяжении тысяч циклов и различных стадий, неуклонно продвигаясь вперед вместе с поступательным движением интеллекта. Сравнительная филология, как и все другие науки, относит человека к далекой древности. По оценкам Бунзена, языку требуется по меньшей мере двадцать тысяч лет, чтобы перейти от одной рудиментарной стадии к другой.

Разум получает впечатления, а душа - интуицию, и отбросить их в той или иной форме - абсолютная необходимость. Болезненные впечатления, как правило, вызывают искривления тела и печальные звуки; приятные впечатления освещают черты лица и придают музыкальность голосу. И этой сжатой эмоции суждено не только найти выражение, но и произвести впечатление на других. Эмоция, по сути, вызывает симпатию. Почему определенные объекты представлены определенными звуками, мы никогда не узнаем. Некоторые думают, что между каждым словом и объектом или идеей, которые оно представляет, изначально существовала тесная связь. Постепенно определенные естественные артикуляции стали ассоциироваться с определенными идеями; затем были предложены новые названия по какой-то воображаемой аналогии с уже названными объектами. При прочих равных условиях сходные условия и причинно-следственные связи производят сходные впечатления и выражаются сходными звуками. Отсюда определенное единообразие между всеми человеческими языками; и склонность человека подражать звукам природы, крикам животных, мелодиям ветра и воды объясняет происхождение многих слов.

От выражения наших внутренних эмоций в какой-либо внешней форме никуда не деться. Давайте теперь применим к выражению чувств и эмоций тот же закон эволюции, который управляет всеми социальными и интеллектуальными явлениями, и из языка восклицаний мы получим сначала односложные существительные и глаголы, затем вспомогательные — наречия, прилагательные, предлоги и местоимения — и, наконец, флексии частей речи, с помощью которых могут быть выражены более тонкие оттенки значения.

Спонтанные вспышки чувств или метафорические выражения эмоций, возникающие инстинктивно и действующие почти одновременно с концепцией или впечатлением, производимым на ум, со временем развиваются в устоявшиеся формы речи. Человек говорит, как птицы летают или рыбы плавают. Творец снабжает органы и внедряет инстинкт. Речь, хотя и интуитивная, - это больше, чем интуиция; ибо, как мы видели, речь - это скорее социальный, чем индивидуальный атрибут. Дарвин усматривает в языке не только спонтанное зарождение, но и естественный отбор грамматических форм; лучшие слова, самые ясные и короткие

выражения постоянно вытесняют более слабые. Поэтому слова подбираются в соответствии с обстоятельствами и отбрасываются, как только удастся найти что-то получше.

Языки не передаются по наследству, но язык - это наследование. Язык не изобретен искусственно, но языки - это всего лишь условные соглашения. Языки не являются конкретным совершенным даром Творца, однако зародыш языка неискоренимо заложен в человеке, и был заложен не кем иным, как Создателем человека. Таким образом, это и есть язык: это приобретение, но приобретение по необходимости; это дар, но, будучи подаренным, неразвитый зародыш; это искусственность в той мере, в какой она развивается с помощью индивидуальных факторов.

МИФОЛОГИЯ.

Здесь мы ненадолго оставим Язык и обратимся к мифологии, к *mythos* "басне" и *logos* "речи" греков.

Анализируемая мифология открыта для широких, но значимых интерпретаций. Как составленная из легендарных описаний мест и персонажей, она является историей; как относящаяся к происхождению богов, природе и приключениям божеств, она является религией; помещенная в категорию науки, она является наукой о баснях; философии - философией интуитивных верований. Масса фрагментарной правды и вымысла, неподвластных рационалистической критике; система традиций, генеалогических и политических, смешивающих субъективное с объективным; разделительная стена аллегорий, построенная из мертвых фактов, сцементированных дикими фантазиями, — она всегда возвышается между неизмеримым и поддающимся измерению прошлым.

Густые черные тучи, предвещающие зло, угрожающе нависают над дикарем в течение всей его жизни. Гении журчат в текущей реке, в шелестящих ветвях чувствуется дыхание богов, гоблины танцуют в туманных сумерках, а демоны воют во тьме.

В мифах дикого, необразованного человека проявляется то врожденное желание объяснить происхождение вещей, которое даже в настоящее время привлекает глубочайшее внимание философии; и, поскольку мы оглядываемся назад на абсурдные концепции наших диких предков с чувствами, родственными жалости и отвращению, такими же могут казаться рассуждения нашего времени тем, кто придет после нас. Эти жуткие сказки, которые для нас являются ребячеством или поэзией, в зависимости от того, как нам заблагорассудится к ним относиться, были для их верующих историей, наукой и религией. И все же это усилие, которое продолжается от начала до конца, не лишено ценности; в нем воплощена душа человеческого прогресса. Без мифологии единственная дверь к идеалу и внутренней жизни первобытных народов, а также к их героическому и историческому прошлому была бы навсегда закрыта для нас. Ничто так не отражает их сердечные тайны, не выставляет на всеобщее обозрение побудительные мотивы их действий, не затеняет источники их надежд и страхов, не демонстрирует модели, по которым они строили свою жизнь.

В грубых поэтических образах отражены их религиозные верования, заложены основы их систем богослужения, изображены их мысли относительно причинно-следственных связей и судеб человечества. Под символическими покровами скрыт их древний национальный дух, все, что можно знать об их ранней истории и популярных идеях. Так объясняются фундаментальные законы природы; так нам рассказывают, как земля возникла из хаоса, как были созданы люди,

звери и растения, как были населены небеса и земля, и каковы были относительные силы и сменявшие друг друга династии богов. Герои становятся богами; боги материализуются и низводятся до людей.

ВСЕ МИФЫ ОСНОВАНЫ НА ФАКТАХ.

О ценности мифологии здесь говорить излишне. Никогда в истории философии не было такого времени, когда характер, обычаи и верования аборигена и все, что с ним связано, пользовались бы таким высоким уважением ученых, как в настоящее время. По мере приближения к пределу человеческого знания исследователь возвращается к прошлому; и становится все более очевидным тот факт, что то, что есть, является всего лишь воспроизведением того, что было; что на более ранних стадиях человеческого развития можно найти аналог каждой фазы современной социальной жизни. Какими бы высокими и разнородными ни были наши нынешние политические и философские системы, каждый принцип, если проследить до его зарождения, оказывается эволюционировавшим, а не возникшим.

Как никогда еще не было народа без языка, так и у каждой нации есть своя мифология, некая популярная и привлекательная форма для сохранения исторической традиции и представления этических максим; и как по разнообразию их словаря мы можем проследить за людьми на всех стадиях их прогресса в управлении государством, домашних делах и механических искусствах, так и по выраженным верованиям мы можем определить в любую данную эпоху истории расы их идеальное и интеллектуальное состояние. Без субстанции не может быть тени, без объекта не может быть для него названия; поэтому, когда мы находим язык, в котором нет слова для обозначения собственности или целомудрия, мы можем быть уверены, что богатство и женщины племени являются общими; и когда в системе мифологии отсутствуют определенные важные метафизические или эстетические идеи и атрибуты, очевидно, что интеллект ее составителей еще не достиг определенной низшей точки понимания.

Более того, как в вещах злых можно обнаружить дух добра, так и в басне мы находим элемент правды. В настоящее время общепризнанным принципом философии является то, что ни одна религиозная вера, какой бы грубой она ни была, ни какая-либо историческая традиция, какой бы абсурдной ни была, не могут в течение сколь-нибудь значительного времени считаться большинством людей истинными, не имея вначале какого-либо фактического основания. Истинность этого принципа становится более очевидной, если мы примем во внимание, что во всех многочисленных верованиях всех эпох, которых придерживались народы дикие и цивилизованные, существует совпадение идей и мнений. Человеческие представления о сверхъестественных событиях проистекают из подобных интуиций. Поскольку природа человека, по существу, одинакова во всем мире и во времени, то и религиозные инстинкты, составляющие часть этого универсального человечества, зарождаются и развиваются сходным образом при сходных условиях. Желание проникнуть в скрытое окружение и метод попытки проникнуть в него в определенной степени присущи всем. Все удивляются таинственному; все пытаются разгадать тайны; все изначально обладают равными возможностями для прихода к правильным выводам. Генезис веры единообразен, и результаты при сходных условиях аналогичны.

Мы можем заключить, что цели, ради которых эти вымышленные повествования были так тщательно сохранены и переданы потомкам, были двоякими - сохранить живыми определенные факты и привить определенные доктрины.

ЦЕННОСТЬ МИФОЛОГИИ.

В каждой легенде, в каждой традиции, в каждой вере, которых когда-либо придерживалось большинство людей, должно было быть что-то такое, что в первую очередь рекомендовало бы это умам людей. Абсолютное заблуждение существовать не может; ложная доктрина без амальгамы истины быстро рассыпается, и чем чудовищнее ложь, тем быстрее ее разложение. Мифы были оракулами наших диких предков; их кредо, правило их жизни, ценилось ими так же, как люди сейчас ценят свою веру; и какой бы дикой философией ни были искоренены эти странные представления, их воздействие на общественное сознание было жизненно важным. Анаксагор, Сократ, Протагор и Эпикур хорошо знали и смело заявляли, что греческие боги были персонажами с сомнительной репутацией, не из тех божеств, которые создают миры или управляют ими; однако максимы прошлого так глубоко укоренились в сердцах людей, что за эти высказывания одного еретика бросили в тюрьму, другого изгнали из Афин, а третьего заставили пить цикуту. И чем меньше в басне видимости правдоподобия, чем более гротескной и экстравагантной она является, тем меньше вероятность того, что она возникла из чистого вымысла; ибо никакое экстравагантно абсурдное изобретение без частицы правды ни при какой возможности не могло быть подсунуто народу и им принято, почитаемо, пересказано, сохранено как подлинный случай или разгадка тайны и передано тем, кто им наиболее дорог, чтобы они таким же образом почитались священными.

Поэтому мы можем быть уверены, что никогда не существовало мифа, лишённого смысла; что мифология - это не набор нелепых фантазий, придуманных для вульгарного развлечения; что нет ни одной из этих историй, какой бы глупой или абсурдной она ни была, которая не была бы основана на фактах, которая когда-то не имела значения. "И хотя я хорошо взвесил и обдумал все это, - заключил лорд Бэкон почти триста лет назад, - и досконально разглядел легкомыслие, с которым разум относится к аллегориям и иллюзиям, все же я не могу не сохранить высокой ценности для древней мифологии". Действительно, древним мифам приписывалось сохранение разрозненных фрагментов утраченных наук, хотя некоторые утверждали, что современными географическими открытиями мы обязаны трудам Демокрита и Аристотеля.

В том, что эти податливые повествования пострадали при их передаче нам, что из-за усиливающего и преломляющего влияния времени, а также невежества и фанатизма тех, кому они были впервые рассказаны, мы получаем их искаженными и искаженными, не может быть никаких сомнений. Не сохранилось ни одной из тысячи тех верований аборигенов, которых придерживались жители Тихоокеанского побережья во времена его первого заселения иностранцами. А за оригинальность и чистоту таких, какие есть у нас, во многих случаях никто не может поручиться. Некоторые авторы, видевшие в туземной басне вероятное свидетельство присутствия апостола или чудесного вмешательства в дела погруженного во мрак язычества, могли лишь изложить повествование в соответствии со своими предположениями. Желание одних доказать определенное происхождение индейцев и презрение других к характеру коренных жителей также привели к несовершенным или окрашенным повествованиям. Но, к счастью, в подлинных художественных произведениях и рассказчиками, честность и интеллект которых выше всяких подозрений, сохранилось достаточно, чтобы дать нам точное представление о психологической структуре и верованиях коренных жителей; и если знания, которыми мы располагаем, всего лишь бесконечно малы по сравнению с тем, что было утрачено, мы можем, таким образом, научиться более высоко ценить то, что у нас есть.

Мы снова приходим к постоянно повторяющемуся вопросу — откуда это? Откуда возникают вера, поклонение, суеверие? Откуда такое поразительное сходство во всех сверхъестественных представлениях между самыми разнообразными народами и эпохами? Почему так много народов на последовательных этапах своего развития имеют свой миф о сотворении мира, свой миф о происхождении, свой миф о потопе, свои мифы о животных, растениях и планетах? Такое совпадение эволюции вряд ли может быть результатом случайности. Итак, мифологии подобны общечеловеческим языкам, однородным по существу, но различающимся в деталях, что же следует из этого относительно существенной системы их сверхъестественных представлений? Является ли это совершенным даром Творца, изобретением проектирующего жречества или спонтанным зарождением и естественным развитием? На столь широкий вопрос, затрагивающий самые важные вопросы, связанные с человеком, вряд ли можно ожидать совершенно одинакового ответа от каких-либо двух человек. Происхождение жизни, разума, веры - такие же проблемы для самого глубокого философа современности, какими они были для первого удивленного, сбитого с толку дикаря, забредшего в первобытные леса.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕРЫ.

Жизнь определяется Гербертом Спенсером как "координация действий или их непрерывное согласование"; Льюисом как "серия определенных и последовательных изменений, как структуры, так и состава, которые происходят внутри индивида, не разрушая его идентичности"; Шеллингом как "тенденция к индивидуализации"; Ришера как "совокупность явлений, которые сменяют друг друга в течение ограниченного времени в организованном организме"; и Де Бленвилем как "двойное внутреннее движение композиции и разложения, одновременно общее и непрерывное". Согласно Юму, Разум - это всего лишь совокупность идей и впечатлений, которые являются суммой всех знаний и, следовательно, "единственными известными вещами, которые существуют". В позитивной философии Огюста Конта интеллектуальное развитие делится на три фазы, а именно: Сверхъестественную, в которой разум ищет сверхъестественные причины; метафизическую, в которой абстрактные силы устанавливаются вместо сверхъестественных агентов; и Позитивную, которая исследует законы, порождающие явления. Мартино, комментируя интуицию и место разума в природе, обвиняет нынешнюю доктрину эволюции в исключении элемента жизни из развивающихся организмов. До тех пор, пока не будет определено происхождение разума и его отношение к окружающей среде, происхождение сверхъестественного должно оставаться неучтенным. И все же мы можем проследить принцип богослужения до самого его истока, если мы не в состоянии полностью объяснить его.

Мы видели, как неспособность животных формировать в уме длинные последовательности мыслей препятствует развитию речи; так, в примитивных обществах, когда последовательности незарегистрированных событий забываются до того, как на их основе может быть сформировано какое-либо представление об общих законах, несомненно, преобладает политеизм в его самой грубой форме. Только после того, как будут пройдены более ранние стадии прогресса и из множества взаимосвязанных и часто повторяющихся опытов будут сделаны общие выводы, могут возникнуть какие-либо более высокие религиозные концепции, чем концепция независимой причины для каждого следствия.

Некоторые утверждают, что религиозное чувство - это божественная идея, доведенная до совершенства Создателем и внедренная в человека как часть его природы до того, как он

отошел от первобытного центра. Достаточно примечательно, что Отцы Церкви относили происхождение басни, так же как и происхождение факта, к еврейским Писаниям. Опираясь на самую здравую софистику, они видели в каждом мифе, греческом или варварском, библейского персонажа. Таким образом, греческий Геркулес был не кем иным, как еврейским Сэмпсоном; Арион был Ионой, а Девкалион Ноем. Другие мифологические персонажи, как они предполагали, были воплощенными демонами, которые исчезли после того, как на некоторое время навлекли свое зло на людей.

Были те, кто считал мифы вымыслом колдовства, так же как сейчас есть те, кто верит, что формы богослужения были изобретены жречеством-прозорливцем, или что мифология - это всего лишь сборник рассказов, физических, этических и исторических, придуманных мудрецами и древними мудрецами нации с целью внушения благоговения злым и поощрения добрых. Одни заявляют, что религия - это искусственное или случайное социальное явление; другие - что это совокупность организованных человеческих переживаний; третьи - что это совокупность чувств, которые изначально были спроецированы воображением и в конечном итоге приняты как сущности; третьи - что это чувство или эмоция, возникновение которых обусловлено окружающими обстоятельствами.

Многие верят, что все мифологические персонажи когда-то были настоящими человеческими героями, основы чьих историй были заложены правдой, в то время как структура была воздвигнута фантазией. Египтяне сообщили Геродоту, что их божества, последним из которых был Орус, сын Осириса, греческого Аполлона, первоначально были их царями. Другие утверждают, что мифы - это всего лишь обожествленные символические идеи; что они являются всего лишь воплощением максимы в форме аллегии и что в этих аллегорических формах преподавались история, религия, право и мораль.

Во всех этих гипотезах есть элементы истины, и все же ни одна из них не представляется удовлетворительным объяснением. Все это подразумевает, что религия в той или иной форме является неотъемлемой составляющей человечества, и что, каковы бы ни были ее происхождение и функции, она осуществляла с самых ранних веков и до сих пор оказывает самое мощное влияние на человека; действуя подобно закваске в общей массе, поддерживая мир в состоянии брожения, побуждая людей к действию, объединяя и разобщая нации, объединяя и разделяя сообщества и формируя ядро бесчисленных обществ и институтов.

ВОЗВЫШЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО ЖРЕЧЕСТВА.

В каждом обществе, малом и великом, несомненно, есть определенные интеллекты с более быстрым, чем обычно, восприятием, которые хватаются за любую возможность и умелым использованием средств достигают господства над низшими умами. Именно так возникает политическая и социальная, а также церковная власть. Не то чтобы лидер создавал нужду — он всего лишь выразитель сдерживаемых человеческих инстинктов. Одним из таких инстинктов является зависимость. То, что мы созданы подчиненными, а не абсолютными или необузданными, является фактом, от которого никто не может убежать. Мы чувствуем, что унаследовали рабство, постоянное и непреодолимое. Поэтому наиболее естественно, что массы человечества ищут среди своих братьев некое воплощение силы и, встав под знамя лидеров, слепо следуют за тем, куда бы их ни вели. Понимая, какая власть, таким образом, оказалась в их руках, эти прирожденные лидеры людей не замедлили изобрести средства для ее сохранения и увеличения. На вопрос ребенка или неискушенного дикаря, который,

испуганный раскатом далекого грома, восклицает: "Что это?" - дается объяснение: "Это говорит бог бури". "Я боюсь, защити меня!" - умоляет проситель. "Я буду, только повинуйся", - таков ответ. Ответа достаточно, любопытство удовлетворено, а ужас рассеян; учитель-варвар обретает преданного. Таким образом, могла возникнуть надстройка верований, колдовства, жречества; таким образом, могли быть созданы некоторые боги, изобретены формы поклонения и начато общение с существами небесными и inferнальными. Тогда преданность развивается и становится искусством; профессора благодаря практике становятся экспертами. Тем временем ремесло экономится; осторожный шаман-лекарь дождя — подобно достойному священнику цивилизованной ортодоксии, который отказался молиться о дожде, "пока ветер дул с той стороны", — внимательно следит за тем, как набирает силу облако, прежде чем попытаться разорвать его стрелой. И, в конце концов, более чем обычный навык в использовании этой силы обожествляет или демонизирует обладателя.

Но откуда возникает необходимость в ремесле и откуда само ремесло? Способность к изобретательству подразумевает мастерство. Умение успешно играть на инстинктах человечества может быть приобретено только посредством подобных инстинктов, и хотя это умение эмпирическое, игра должна быть естественной. Одной хитрости недостаточно, чтобы удовлетворить это желание; на крючок нужно насадить какую-нибудь крупницу правды, прежде чем самый доверчивый ухватится за нее. Если религиозные верования являются плодами изобретения, то как нам объяснить странные совпадения мышления и поклонения, которые преобладают во всех мифах и культах? Почему так получается, что все люди любого возраста, в различных условиях и в разных странах, находятся в поисках одних и тех же существенных фактов? Все поклоняются; почти у всех есть свой миф о сотворении мира, свой миф о потопе, своя теория происхождения, распространения из первобытных центров и будущего государства. В этом отношении, как и во многих других, цивилизация - всего лишь эволюция дикости; почти для каждого принципа современной философии в первобытные времена можно найти параллель.

Природа и порядок представлений о сверхъестественном, по существу, таковы: Первой и самой грубой формой веры является фетишизм, который наделяет каждое явление независимой личностью. В солнечном свете, огне и воде, в ветре, камне и ручье, в каждом животном, птице и растении есть отдельное божество; для каждого следствия есть причина. Даже Кеплер, чей интеллект мог отслеживать движение планет по их орбитам, должен был обладать руководящим духом для каждого мира. Разум не в состоянии постичь самосозидательные или самосуществующие силы.

Со временем личности почитателей фетиша становятся в какой-то степени обобщенными. Однородные явления сгруппированы по классам, и каждый класс относится к отдельному божеству, отсюда и политеизм. Затем приходит пантеизм и делает всю сотворенную субстанцию единой с творцом; природа и вселенная - это Бог. От олицетворения сил природы до создания воображаемых божеств всего один шаг. Каждая добродетель и порок, каждое добро и зло становятся личностью, под непосредственным управлением которой находятся определенные страсти и события; и таким образом, вместо единого бога для многих индивидуумов у каждого индивидуума может быть множество его собственных личных богов. Теогония Гесиода была всего лишь системой материализованных любви и ненависти; в то время как, с другой стороны, боги Гомера, хотя и олицетворяли человеческие страсти, также были

наделены моральными представлениями. В них слепые силы природы озаряются человечески-божественным разумом.

В монотеизме отдельные личности, которые для дикаря лежат в основе каждого явления, становятся полностью обобщенными, и происхождение всех явлений связывается с одной Первопричиной. Утонченные и философствующие греки хорошо знали, что Бог, чтобы быть Богом, должен быть всемогущим, а всемогущество неделимо. То, что ацтеки могли верить в нелепости, которые они творили, и практиковать их на практике, вызывает меньше удивления, чем то, что интеллектуальные философы Афин могли мириться с богами Гомера. Действительно, религия более образованных греков кажется нам чудовищной в той мере, в какой они превосходили других людей в поэзии, искусстве и философии.

ТЕОРИИ, КАСАЮЩИЕСЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ БОГОСЛУЖЕНИЯ.

Специалисты по сравнительной мифологии объясняют происхождение культа двумя явно противоречащими друг другу теориями. Первая заключается в том, что все, что кажется в природе странным и чудесным, первобытный человек считает объектом, достойным поклонения. Другой заключается в том, что за некоторыми известными личностями закреплены метафорические имена, символизирующие какое-то качество, присущее как им самим, так и природному объекту, в честь которого они названы; что это имя, которое сначала было всего лишь фамилией индивидуума, после того, как его обладатель мертв и забыт, живет, возвращается к растению или животному, от которого оно произошло, становится безличным и почитается консервативным потомством. Другими словами, одна теория опирается на природные явления, человеческие атрибуты и поклоняется природе, прикрываясь этими атрибутами, в то время как другая поклоняется в природном объекте только памяти об умершем и забытом человеке. Я не сомневаюсь, что в обеих этих гипотезах есть элементы истины.

В более ранних актах поклонения наблюдалась тенденция ассимилировать объект поклонения и характер поклоняющегося, а также приписывать божествам места обитания, находящиеся за пределами непосредственного окружения человека. У каждого народа есть свои рай и ад; первый, как правило, расположен за пределами голубого неба, а второй - в темных внутренних пещерах земли. Человек в природе воспроизводит самого себя; наделяет внешность атрибутами, аналогичными его собственным. Это сходство сверхъестественного с естественным, богов с человеком является первым шагом вперед по сравнению с фетишизмом, но по мере развития интеллекта антропоморфизм приходит в упадок. По мере того как наука разгадывает одну за другой ближайшие загадки, пустота суеверия становится очевидной, и бодрствующий разум относит необычайное к общим законам причинности; но, все еще цепляясь за свои первые представления, он переносит их на объекты более отдаленные. Человек фиксирует свой взор на планетах, обнаруживает их движение и воображает, что их управляющий дух управляет также и его судьбой; и когда разум освобождается от поклонения звездам, как раньше от фетишизма, снова совершается прогресс, всегда приближающийся к доктрине универсального закона.

В одном кратком исчерпывающем предложении Кларк излагает старый взгляд на то, что называлось естественными религиями: "Они считали их по своему источнику работой обмана; по своей сути - развращающими суевериями; по своим доктринам - полностью ложными; по

своим моральным тенденциям - абсолютно вредными; и в результате все больше и больше вырождающимися во все большее зло".

ЖРЕЧЕСТВО И УМИЛОСТИВЛЕНИЕ.

И эта точка зрения кажется ему в равной степени безжалостной и необоснованной: "Предполагать, что они всецело злые, - это неуважение к человеческой природе. Она предполагает, что человек является легкой и универсальной жертвой мошенничества. Но эти религии покоятся не на таком песчаном фундаменте, а на чувстве зависимости, чувстве ответственности, признании духовных реальностей, очень близких к этому миру материи, и необходимости смотреть вверх и поклоняться какой-то невидимой силе, более высокой и совершенной, чем мы сами. Мы обнаружим, что они всегда стремятся к Богу, часто находят его. Мы увидим, что по своему происхождению они являются делом рук не жречества, а человеческой природы; по своей сути они не суеверия, а религии; по своим доктринам они чаще истинны, чем ложны; по своим моральным тенденциям они скорее добры, чем злы. И вместо того, чтобы деградировать к чему-то худшему, они приходят, чтобы подготовить путь к чему-то лучшему".

Ближайшим случаем к преднамеренному изобретению божеств было, возможно, провозглашение в качестве объектов поклонения в первобытные времена таких абстракций, как Надежда (Spes), Страх (Pallor), Согласие (Concordia), Мужество (Virtus) и т.д. Однако сомнительно, насколько эти боги были богами даже в обычном языческом смысле этого слова. В любом случае, они были всего лишь продолжением старого и существующего принципа — олицетворения божественных аспектов или качеств; они добавили к тому, что было раньше, не больше, чем новый Святой или Дева Лоретто вносит в католическую церковь.

"У христианских апологетов Евсевия и других было любимое мнение, - говорит Гладстон, - что языческие божества представляли обожествленных людей. Другие считают их олицетворением сил внешней природы. Для других они, во многих случаях, олицетворение человеческих страстей и склонностей, отраженных в человеческом разуме. Четвертый способ интерпретации рассматривал бы их как копии, искаженные и развращенные, примитивной религиозной системы, данной Богом человеку. Апостол Святой Павел говорит о них как о бесах; этим он, возможно, намеревается показать, что под именами и в связи с поклонением этим божествам действовало наихудшее влияние Лукавого. Это скорее было бы субъективным, чем объективным описанием; и скорее передало бы отчет о практической работе искаженной религии, чем объяснение ее происхождения или раннего течения. Что касается остальных четырех, то представляется вероятным, что все они в различной степени и манерами вошли в состав позднейшего язычества, а также гомеровской, или олимпийской, системы. Эта система, однако, была глубоко враждебна простому поклонению Природе, в то время как забота о департаментах или провинциях внешней природы была возложена на ее ведущих деятелей. Такое поклонение природным объектам или стихийным силам, какое преобладало в связи с этим, было, как правило, местным или вторичным. А обожествление героев в эпоху Гомера было редким и носило чисто номинальный характер. Мы не находим, чтобы к нему был привязан какой-либо культ или система богослужения".

Боги Гомера так по-человечески божественны, так бессильно велики; они так глубоко проникнуты человеческими страстями, облачены в отличительные оттенки человеческого характера; в них так смешались добродетель и порок, любовь и ненависть, мужество и трусость;

животные страсти сочетаются с благородными чувствами; низкие и вульгарные мысли сочетаются с возвышенными идеями; и все это так преображено его неподражаемой фантазией в божественных и сверхъестественных существ, что наиболее сильно воздействует на природу людей.

Эти конкретные представления о своих божествах всегда были источником утешения для дикаря; ибо, низводя таким образом богов до более близкого к нему уровня, их можно было более материально умиловать, а их защиту купить подарками и жертвоприношениями. Таким образом, греки могли получить совет от оракулов, индус мог сразу же обрести вечные радости, бросившись под колесницу Джаггернаута, в то время как современный преступник ищет помощи у ушедших, чтобы купить прощение благотворительностью и усугубить преступление строительством церквей.

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ ФАКТЫ ВСКОРЕ СТАНОВЯТСЯ МИФОЛОГИЧЕСКИМИ.

Трудность заключается в том, что при попытке создать какую-либо теорию, касающуюся происхождения вещей, самая здравая логика - это не что иное, как дикие предположения. Человечество прогрессирует бессознательно. Мы не знаем, какие проблемы мы сами решаем для тех, кто придет после нас; мы не знаем, с помощью какого процесса мы приходим ко многим нашим выводам; многое из того, что ясно нам самим, никогда не будет понято нашими соседями и никогда не будет известно даже нашим потомкам. События, которые кажутся наиболее материальными, вскоре забываются или же становятся духовными и сохраняются как мифы. Вычеркните процесс, посредством которого наука приходила к результатам, и в каждом достижении науки, в паровой машине, электрическом телеграфе, мы вскоре получили бы нисходящее с небес средство, бога для каждой машины. Вопрос о том, где заканчивается мифология и начинается история, является в анналах каждого народа предметом споров. То, что на первый взгляд кажется совершенно невероятным, может содержать долю правды, тогда как многое из того, что считается правдой, является всего лишь вымыслом, и в этом случае чрезмерный скептицизм так же неразумен, как и чрезмерная доверчивость.

Исторические факты, если их не записывать, вскоре теряются. Таким образом, когда Хуан де Оньяте проник в Нью-Мексико в 1596 году, брат Марко де Низа и экспедиция Коронадо в 1540 году, по-видимому, были полностью забыты тиболанами. Отцы Креспи и Хуниперо Серра в своих сухопутных исследованиях 1769 года, подготовительных к созданию линии Миссий вдоль калифорнийского побережья, не смогли найти в умах туземцев никаких следов путешествия Кабрильо в 1542 году или высадки сэра Фрэнсиса Дрейка в 1579 году; хотя последний случай произвел на дикарей такое впечатление, что, по словам достойного капеллана экспедиции, они пожелали "с покорностью и страхом поклоняться нам как богам". Мы также не можем думать, что память цивилизованных людей, которые приписывают пьесы Шекспира Бэкону и выделяют "Илиаду" Гомера среди бесчисленных незарегистрированных стихотворцев, более живуча. Фредерик Август Вольф отрицает, что Гомер когда-либо существовал; а если и существовал, то что он когда-либо написал свою поэму, поскольку письменность в то время была малоизвестна; но он утверждает, что обрывки истории, передававшиеся устно от одного поколения к другому, в конце концов объединились в несравненные "Илиаду" и "Одиссею". Событие, которое так сильно поразило отца, становится смутным в сознании сына, а в третьем поколении либо теряется, либо становится легендой. Недавние происшествия, возможно, совпадающие с повествованием, иногда настолько неверно истолковываются невежеством или искажаются

предвзвещениями, что этот факт странным образом расходится с изложением. И все же ни один инцидент или действие не остаются бесцельными. Оно может быть незарегистрированным, незамеченным, неслышимым материальными существами; даже мысленной волной, затерянной в невидимом пространстве, действующей, насколько нам известно, только на автора; и все же, действуя таким образом, оно оказывает влияние, запечатлевает в мимолетном времени свою запись, тем самым выполняя свое предназначение. Таким образом, туманные фантазии остаются надолго после того, как действие, их создавшее, кануло в лету; неопределенные тени субстанции исчезли; они не менее впечатляющи, потому что смешались с бессмертными образами.

Обратимся теперь от внешних событий к внутренней жизни; от событий, потускневших со временем, к жизни всегда тусклой и таинственной, равно дикой и мудрой. Повсюду человек видит много непостижимого; внутри, вокруг, в прошлом, будущем. Действуют невидимые силы, невидимые силы влияют на его судьбу. И в творениях фантазии, которые неизбежно вырастают из влияния природы на воображение, нет ничего странного в том, что тайны затемняются, факты и фантазии смешиваются; прошлое и будущее соединяются в сверхъестественном настоящем.

Мы никогда не довольствуемся позитивным знанием. С самых ранних этапов работы разума фантазии играют такую же важную роль в этической экономике, как и позитивное восприятие. Культура ни в коей мере не уменьшает этих причудливых творений интеллекта. На политической арене цивилизованных наций войны и революции за навязывание мнения по вопросам, недоступным позитивному знанию, были равны, если не превосходили, войнам за империю или господство. В социальных и индивидуальных делах жизни мы руководствуемся скорее идеалом, чем реальностью. Достигнув пределов позитивного знания, разум останавливается, но фантазия перескакивает границу и блуждает вперед в бесконечных умозрительных рассуждениях.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И НАУЧНЫЕ ПРЕДЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

Тенденция интеллектуального прогресса, согласно философии Герберта Спенсера, заключается в переходе от конкретного к абстрактному, от однородного к гетерогенному, от познаваемого к непознаваемому. Изначально ничего не было известно; по мере того как суеверия и жречество набирали силу, становилось известно все; не было ни одной проблемы в естественном или сверхъестественном мире, неразрешимой религией. Теперь, когда начинают проявляться некоторые элементы абсолютного знания, мы обнаруживаем не только то, что положительно известно мало, но и то, что многое из того, что до сих пор считалось прошедшим через споры, при нынешнем режиме мышления абсолютно непознаваемо. Раньше высшее религиозное знание достигалось самыми новичками в религии, а высшее научное знание объяснялось через их фанатичные концепции. Отцы Церкви не только легко разгадали все тайны материальной вселенной, но и измерили небеса и подробно описали явления ада. Сейчас мы только начинаем понимать, что окончательные факты, вероятно, навсегда останутся непознаваемыми фактами, ибо, когда нынешний предел будет достигнут, перед ищущим все еще будет простираться вечность неоткрытой истины. До тех пор, пока конечное не станет бесконечным, а время не превратится в вечность, царство мысли будет оставаться незаполненным. В настоящее время и до тех пор, пока сфера интеллекта существенно не расширится, такие теории, как происхождение вселенной, которую атеисты считают самосущей, пантеисты - самосозданной, а теисты — созданной внешним фактором, должны

оставаться, как это сейчас признается, вопросами, находящимися за пределами понимания даже интеллекта. Подобным же образом научные конечные положения, такие как свойства времени и пространства, делимость материи, координация движения и покоя, соотношение сил, тайны тяготения, света и тепла, оказываются не только неразрешимыми, но и непостижимыми. И, как с внешней, так и с внутренней жизнью; мы не можем ни постичь природу, ни объяснить происхождение и продолжительность сознания. Бесконечные рассуждения биологии и психологии сразу же оставляют впечатление о силе и слабости человеческого разума; сильного в эмпирических знаниях, бессильного в любой попытке рационально проникнуть в непостижимое. Нигде в мифологии мы не находим самосозданного или самосущего мира. Для выполнения работы всегда привлекается какое-то внешнее воздействие, и в конце концов структура Вселенной распадается на ее первоначальные элементы.

Первобытный человек оказывается окруженным природными явлениями, действие которых его интеллект способен постичь лишь частично. Определенные аппетиты сразу обостряют определенные инстинкты. Голод знакомит его с плодами земли, холод - со звериными шкурами. Несчастный случай снабжает его грубыми орудиями труда и дает ему осознание своей власти над животными. Но по мере того, как инстинкт сливается с интеллектом, ощущаются странные силы в природе; невидимые агенты, владеющие невидимым оружием; реальности, которые существуют неслышно и движутся невидимо; внешние проявления скрытой силы. Человечество, божественное, но дикое и удивляющееся, наполовину накормленное, наполовину одетое, бродит по первобытным лесам, слышит рев сражающихся стихий, видит древнее лесное дерево, разнесенное на куски небесной артиллерией, чувствует, как твердая земля вздымается грохочущими волнами под его ногами. Он получает, так сказать, удар из темноты и, бросившись на землю, молит о защите; от того, чего он не знает, о ком он не знает. "Не погребайте меня, о буйные небеса, - взывает он, - под облаками вашего гнева!" - "Не поражайте меня в гневе, о яростный пылающий огонь!" "Земля, будь тверда!" Итак, вот источник молитвы. И чтобы сделать его мольбы более действенными, предлагается дар. Схватив то, что он ценит больше всего, свою пищу, свою одежду, он бросается вперед и швыряет свое умиловительное приношение в небеса, на землю, всюду, куда диктует его неистовая фантазия. Или, если этого недостаточно, предлагается еще более ценный дар - человеческая кровь или человеческая жизнь. Он свободно разрывает собственную плоть; чтобы спасти свою собственную жизнь, он отдает жизнь своего врага, своего раба или даже своего ребенка. Отсюда возникает самопожертвование.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРОГРЕСС ЖРЕЧЕСТВА.

И тут тоже начинаются фокусы. Ощущается необходимость установить какие-либо контакты с этими таинственными силами; отношения коммерческие и социальные; бедствия и жертвы, личные и общественные, должны быть прослежены до причин, и демон-мучитель должен быть откуплен. Но совершенно очевидно, что не все эти стихийные силы враждебны счастью человечества. Солнечный свет, воздух и вода, благотворные воздействия в природе, столь же могущественны для созидания, как и неблагоприятные элементы для разрушения. И поскольку эти силы кажутся конфликтующими, частично приносящими жизнь и наслаждение, а частично разрушение, гниение и смерть, происходит разделение. Отсюда открываются принципы добра и зла; и всем этим необъяснимым силам в природе даются названия и свойства, а также

изобретаются причинно-следственные связи. Для каждого поступка есть действующий, для каждого поступка — исполнитель; для каждой силы и страсти создан бог.

Таким образом, мы видим, что поклонение в той или иной форме является человеческой необходимостью или, по крайней мере, постоянным сопровождением человечества. До тех пор, пока совершенная мудрость и безграничная сила не станут атрибутами человечества, поклонение будет продолжаться; ибо люди никогда не перестанут благоговеть перед тем, чего они не понимают, и не перестанут бояться тех элементов силы, которые находятся вне их контроля. Форма этого примирительного почитания, по-видимому, проистекает из общих человеческих инстинктов; ибо во всем мире и во все века существовало сходство в примитивных религиозных формах. Это дарение чего-либо; обмен ценного чего-либо на что-то более ценное. Как в его гражданской политике все преступления могут быть усугублены или отомщены, так и в своем богослужении дикарь отдает свою гордость, свою собственность или свою кровь.

Поначалу эта духовная сила проявляется во всем: в грозе и в мягком вечернем воздухе; в облаках и водопадах, в горах, скалах и реках; в деревьях, в рептилиях, зверях и рыбах. Но когда прогрессивный человек достигает более совершенного господства над грубыми созданиями, поклонение животным прекращается; по мере того, как он знакомится с причинами некоторых сил природы и лучше способен защитить себя от них, страх перед природными объектами уменьшается. Покидая уровень грубого создания, он поднимается вверх и, выбирая из своего собственного вида какого-нибудь живого или мертвого героя, наделяет короля или товарища сверхчеловеческими качествами и поклоняется своему умершему собрату как божественному существу. Тем не менее, он настраивает свои мысли на более тонкие творения и искусными пальцами вырезает материальные образы сверхъестественных форм. Затем приходит идолопоклонство. Поскольку великие принципы причинности определены и воплощены в осязуемых формах, возникает поклонение. Однако страстные желания возрастают. По мере расширения интеллекта ниспровергается один идол за другим. Разум берет верх над материей. От богов из дерева и камня, созданных человеческими пальцами, и от солнц и планет, вырезанных пальцами всемогущего, творение теперь обращается к Творцу. Форма идеального поклонения вытесняет материальную форму; известные и осязаемые боги отбрасываются в сторону ради неизвестного Бога. И хорошо, если бы это было для интеллекта, могло ли это на этом остановиться. Но, как действия бесчисленных материальных богов были понятны первобытному жрецу и им удовлетворительно объяснялись диким массам, так и в этом более развитом состоянии нет недостатка в людях, которые получают от своего идеального бога откровения о его действиях и мотивах. Своему новому, неизвестному, идеальному богу частично пробудившийся человеческий разум приписывает положительные атрибуты старых материальных божеств или изобретает новые и начинает заново проходить бесконечный мифологический круг; пока на еще более высоком уровне он не обнаруживает, что и бог, и атрибуты полностью за пределами его понимания, и что при всем своем прогрессе он лишь немного продвинулся дальше первого представления дикарей; — сила, совершенно таинственная, необъяснимая для науки, управляющая феноменами разума и материи.

Варвары - самые религиозные из смертных. В то время как напряженный, перегруженный работой мозг ученого или делового человека занят более практическими делами, вялый ум дикаря, выброшенного на самое лоно природы, полон бесчисленных догадок и вопросов. Его любопытство, как у ребенка, вошло в поговорку, и поскольку суеверие всегда является

источником невежества, странные фантазии о жизни и смерти, богах и дьяволах постоянно всплывают в его непросвещенном воображении.

Плохо защищенный от стихий, от них зависят его комфорт и ненадежные запасы пищи, первобытный человек относится к природе с живым интересом. Подобно зверям, его лесным спутникам, он стремится, насколько это возможно, к гармонии со своим окружением. Он мигрирует в зависимости от времени года; пирует, когда еды вдоволь, постится во время голода; греется и резвится на солнышке, съезживается под яростью бури, заползает от холода в свое логово и остается там в состоянии полузабытья, пока природа не освободит его. Поэтому не странно ли, что дикий интеллект наделяет стихии сверхъестественными способностями; что Бог присутствует везде, во всем; в самых незначительных происшествиях, а также в солнце, море, роще; что когда приходит зло, Бог сердится, когда улыбается удача, Бог благосклонен; и что он говорит со своим диким, необразованным народом в знаках и снах, в буре и при солнечном свете. Он также не утаивает тихий голос, который вдыхает в самые затемненные умы и в груди самых диких дух прогресса, который, если предоставить народу свободно исполнять свое предназначение, несомненно, рано или поздно созреет для полного развития.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕТИШИЗМА.

Теперь мы взглянем на происхождение фетишизма, который действительно можно назвать происхождением идеальной религии, с другой точки зрения; той, которая возникает из уважения, которое люди испытывают к памяти своих ушедших предков.

Первое представление о двойственности в природе человека объяснялось различными причинами; оно может быть результатом сочетания причин. Это тень на земле, отдельная, но неразделимая; отражение формы на воде; эхо голоса; приключения фантазии, изображенные в снах. "Я" отделимо от этого другого "я" и неразрывно связано с ним. Отсюда проистекали бесчисленные суеверия; наступление на чью-либо одежду предвещало несчастье; ни одна еда не должна была оставаться несъеденной; обрезки ногтей и пряди волос не должны были попасть в руки врага. Кэтлин, делая наброски своих портретов, часто чудом спасался, и индейцы верили, что в своих портретах он уносил их второе "я". И когда приходит смерть, и это другое "я" уходит, куда оно ушло? Безжизненное тело остается, но где же жизнь? Разум не может представить себе полного исчезновения сущности, и поэтому воображение создает локальное жилище для каждого ушедшего духа. Каждое явление и каждое событие анализируется в соответствии с этой гипотезой. Для каждого события есть не только причина, но и личная причина, независимый агент, стоящий за каждым следствием. Каждое животное, каждая рыба и птица, каждый камень, ручей и растение, созревающий плод, падающий дождь, переменчивый ветер, солнце и звезды - все это олицетворено. Нет болезни без ее бога или дьявола, нет рыбы, запутавшейся в сети, нет зверя или птицы, которые падают перед охотником, без своего особого наслателя.

Дикари больше боятся мертвеца, чем живого. Их охватывает ужас при мысли об этой невидимой власти над ними. Дух умершего всемогущ и вездесущ. Любой ценой или риском его нужно умиловить. Итак, в могилу кладут пищу; жен и рабынь, лошадей и собак умерщвляют и в духе отправляют служить призраку усопшего; время от времени в область теней посылают призрачных посланцев; посланцы иногда даже добровольно отправляются туда. Таким образом, лодки, оружие и все имущество покойного сжигаются или сдаются на хранение ему. В руку умершего ребенка кладется игрушка; в руку ушедшего воина - символическая трубка мира,

которая должна открыть спокойный вход в его новое жилище; одежда, украшения и краски удобно размещены, и, таким образом, надлежащий внешний вид человека гарантирован. Не то чтобы нужно было использовать сами вещи, но души вещей. Тело вождя гниет, как и материальная субстанция предметов, погребенных вместе с ним; но душа каждого предмета следует за душой своего владельца, чтобы служить своей особой цели в стране призраков.

ПОКЛОНЕНИЕ УМЕРШИМ ПРЕДКАМ.

Китайцы, привыкшие к глубокой древности своих погребальных обычаев, которые требуют, чтобы деньги и еда оставались на хранение в пользу умершего, одухотворяют деньги, изготавливая имитацию монеты из картона, в то время как еду, к которой умерший не прикасался, в конце концов съедают сами.

Но откуда возникает странная склонность всех примитивных народов поклоняться животным, растениям и камням, предметам одушевленным и неодушевленным, естественным и сверхъестественным? Почему все нации или племена выбирают из природы какой-то объект, который они считают священным и которому поклоняются как божеству? Герберт Спенсер считает, что "рудиментарной формой любой религии является умиловление умерших предков, которые, как предполагается, все еще существуют и способны творить добро или зло своим потомкам". У диких племен существует всеобщий обычай по мере развития характера их членов отказываться от настоящего имени индивидов и закреплять за ними атрибут какого-либо внешнего объекта, под названием которого они впоследствии становятся известны. Так, быстрого бегуна называют "антилопой", медлительного - "черепашкой", безжалостного воина - "волком", темноглазую девушку можно сравнить с "вороном", величественную матрону - с "кипарисом". И таким образом, ручей, скала, рассвет, солнце и даже невидимые элементы используются как метафоры и закрепляются за отдельными людьми в соответствии с реальным или воображаемым сходством между качествами природы и характером мужчин.

Неполноценность и низость, наряду с благородством и мудрым поведением, увековечивают имя. Даже в цивилизованных обществах прозвище часто заменяет настоящее имя. Школьники быстро различают особенности в своих товарищах и закрепляют за ними значимые имена. Тупого ученого зовут "кочан капусты", девочку с рыжими локонами - "морковкой". В семье есть жадный "поросенок", милая "уточка", маленький "ягненок". В новых странах и ненормальных сообществах, где незнакомцы со всех концов света встречаются беспорядочно, нередко мужчины годами живут в интимных отношениях, даже не зная настоящего имени друг друга. Среди шахтеров такие прозвища, как "Мьюли Билл", "Сэнди", "Коротышка", "Сассафрас Джек", часто служат всем целям имени. В более утонченных кругах есть лицемерный "крокодил", хитрая "лиса", грубый "медведь". Мы говорим о лошади: "он быстр, как ветер", о расторопном бухгалтере: "он быстр, как молния". Эти имена, которые мы используем лишь на данный момент или по случаю, у грубых народов постоянны — во многих случаях это единственное имя, которое человек когда-либо получает.

Иногда прозвище человека становится сначала фамилией, а затем названием племени; например, когда вождь "Койот" становится известным, его дети любят называть себя "Койотами". Когда власть вождя переходит к сыну и внуку койота, имя становится знаменитым, семья койотов - доминирующей семьей племени; члены племени в своих отношениях с другими племенами называют себя "койотами", чтобы отличить себя от других племен; голова, или хвост, или когти, или шкура койота украшает одежду или тело; имя становится племенным, а животное

- символом или тотемом племени. По прошествии нескольких поколений великий вождь, Койот, и его непосредственное потомство забыты; тем временем зверь становится любимцем народа; на него начинают смотреть как на привилегированного; на него не охотятся, как на других зверей; добродетели и подвиги всего клана Койотов отождествляются с этим зверем; привязанности людей сосредоточены на животном, и, наконец, когда все остальное потеряно и забыто, потомки вождя, Койота, являются потомками настоящего зверя, койота.

АБСТРАКТНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, МОНСТРЫ И МЕТАФОРЫ.

Что касается поклонения образам и материального представления идеальных существ, мистер Тайлор считает, что "когда человеку удастся каким-то образом развить в себе религиозный элемент, он начинает использовать марионетку или камень в качестве символа и представителя представлений о высшем существе, которые витают в его уме".

Примитивные языки не могут выражать абстрактные качества. Для каждого вида животных, птиц или растений может быть название, но для животных, растений и птиц в целом у них нет названия или концепции. Следовательно, абстрактное качество становится конкретной идеей бога, и потомки человека, чье символическое имя было "собака", из детей человека становятся детьми собаки.

Отсюда также возникают чудовища, существа, состоящие из зверя, птицы и рыбы, сфинксы, русалки, животные с человеческими головами, крылатые животные; например, когда потомок "ястреба" уводит жену из племени "лосося", тотем, представляющий рыбу с головой ястреба, на какое-то время поддерживает это явление и, наконец, становится божеством.

Таким образом, реальности становятся метафорами, а метафоры - реальностями; факт превращается в призрачное ничто, а фантазия рождается в реальное бытие. Исторический инцидент сначала становится расплывчатым, а затем забывается; метафорическое имя умершего предка сначала уважают в животном или растении, затем ему поклоняются в животном или растении, и, наконец, и прозвище, и предок забываются, и идея становится сущностью и подлинным объектом поклонения. Из-за забвения прародителя и метафоры, представления о животном как о самом предке, слова вкладываются в рот животного, высказывания предка становятся высказываниями животного; отсюда мифологические легенды о говорящих зверях, птицах и мудрых рыбах. Одному животному приписывают чудесное исцеление, другому - помощь в трудную минуту; одно животное - обманщик, другое - предатель; и таким образом, через их мифы и метафоры мы можем заглянуть в душу дикости и в их душу природы.

В том, что таково происхождение некоторых стадий фетишизма, сомнений быть не может; в то, что таково происхождение всех религий, или даже единственный метод, с помощью которого происходит поклонение животным и растениям, я не верю. Хотя, несомненно, существуют общие принципы, лежащие в основе всех религиозных концепций, из этого не обязательно следует, что во всех случаях методы достижения этих фундаментальных принципов должны быть идентичными. Как у нас ребенок плачет над портретом умершей матери, рассматривая его с нежностью и преданностью, так и послушный сын варвара, чтобы лучше умиловить своего умершего предка, иногда вырезает его изображение из дерева или камня, и это чувство со временем переходит в идолопоклонство. Любой предмет, который поражает грубое

воображение как аналогичный характеру отдельного человека, может стать объектом поклонения.

Интерпретация мифа никогда не может быть абсолютной и позитивной, и все же мы можем почти в каждом случае раскрыть общий смысл. Таким образом, мы можем быть почти уверены, что высший бог относится к какому-то могущественному герою, какому-то примитивному правителю, которого традиция сделала сверхчеловеком по происхождению и могуществу; полубоги, подчиненные или низшие по могуществу существа, должны рассматриваться как легендарные, относящиеся к определенным влиятельным личностям, отождествляемые с каким-то элементом или происшествием, в котором обожествленный персонаж сыграл заметную роль.

Хотя в мифологии религия является доминирующим элементом, все же мифология не полностью состоит из религии, и не все примитивные религии мифичны. "Мало найдется ошибок, - говорит профессор Макс Мюллер, - столь широко распространенных и столь прочно укоренившихся, как та, которая заставляет нас смешивать религии и мифологию древних народов мира. Как возникает мифология, неизбежно и естественно, я пытался объяснить в своих предыдущих лекциях, и мы увидели, что как языковая болезнь мифология может заразить каждую часть интеллектуальной жизни человека. Верно то, что нет идей, более подверженных мифологической болезни, чем религиозные идеи, потому что они выходят за пределы тех областей нашего опыта, в пределах которых язык имеет свое естественное происхождение, и поэтому, согласно самой своей природе, должны довольствоваться метафорическими выражениями. Око не видело, ухо не слышало, и это не входило в сердце человека. Однако даже религии древних народов ни в коем случае не являются неизбежно и полностью мифологическими. Напротив, как больной каркас предполагает здоровый каркас, так и мифологическая религия, я полагаю, предполагает здоровую религию".

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИДЕИ РЕЛИГИИ.

Вселенские тайны сверхъестественных существ окутаны вероятными баснями; элементы физической природы олицетворяются в аллегориях и облачаются в формы, доступные воображению; божества иногда вводятся в механизм сверхъестественного, чтобы удовлетворить ту любовь ко всему чудесному, которую каждая попытка объяснить таинственные силы природы порождает в невежественном уме. Тем не менее, на самом деле нельзя сказать, что какая-либо форма религии, а тем более любая религия была полностью изобретена. Фанатики иногда создают доктрины, а Церковь излагает свои догмы, но должен быть фундамент истины, иначе здание не устоит. Изобретения там, несомненно, были и есть, но изобретения рано или поздно рушатся, в то время как основные принципы, лежащие в основе религии и мифологии, хотя и на мгновение преодоленные или сметенные, обязательно останутся.

Каждая из фундаментальных идей религии имеет местное происхождение и спонтанно зарождается в человеческом сердце. Характерной чертой мифологии является то, что нынешние обитатели мира произошли от какой-то более благородной расы. Из более благородных побуждений фантазии дикарь ведет свое происхождение. Его высшие инстинкты учат его, что его смутное далекое прошлое и его непроницаемое будущее одинаково имеют более легкую, неземную природу; что его земная природа изменна, что то, что привязывает его к земле, является самой низкой, мерзкой частью его самого.

Тенденция позитивного знания заключается в ниспровержении суеверий. Следовательно, по мере развития науки многие догматы устоявшихся религий, явно ошибочные, отбрасываются, и чем больше знание становится реальным, тем больше реальное знание отрицается. Суеверие не является результатом активного воображения, оно скорее свидетельствует о недостатке воображения, поскольку мы видим, что чем ниже уровень интеллекта и чем слабее воображение, тем сильнее суеверие. Острое, живое воображение, хотя и способно к более широким и сложным концепциям, способно объяснить более грубые чудеса и, следовательно, рассеять более грубые проявления суеверия, в то время как тупой интеллект принимает все, что ему приписывают, за истину. Окончательные религиозные концепции скорее символически, чем актуальны. Окончательные представления о Вселенной недоступны даже самому глубокому интеллекту. Мы можем составить лишь приблизительное представление о сфере, в которой живем. Для формирования представлений об относительных и действительных расстояниях и величинах небесных тел, о системах миров и вечности пространства человеческий разум совершенно неадекватен. Следовательно, если ум неспособен охватить материальные видимые объекты, то насколько меньше мы способны измерить невидимое и вечное.

Поэтому, когда дикарь пытается решить проблему природных явлений, он сначала сводит широкие концепции к символическим идеям. Он лепит свое божество в соответствии со способностями своего разума; и при формировании скелета, на котором развиваются его религиозные инстинкты, принимаются ближайшие теории, и почти любое объяснение кажется ему правдоподобным. Потенциальные творения его фантазии попадают в сферу его понимания; символические боги лепятся из глины или вырезаются из дерева или камня; и таким образом, выделяя бесконечно малую часть обширной идеи божества, верующий удовлетворяет материальные требования своих религиозных концепций. И хотя низшие формы поклонения отбрасываются по мере развития интеллекта, тот же принцип сохраняется. Мы создаем в уме символы конечной идеи, которая слишком велика для нашего понимания, и, воображая, что обладаем действительной идеей, мы впадаем в бесчисленные ошибки относительно того, во что мы верим или думаем. Атеистическая гипотеза самосуществования, пантеистическая гипотеза самосозидания и теистическая гипотеза творения внешним фактором одинаково немыслимы и, следовательно, как постулаты одинаково несостоятельны. И все же в основе всех, какими бы грубыми или суеверными ни были догмы, лежит одна фундаментальная истина, а именно, что существует проблема, которую нужно решить, существующая таинственная вселенная, которая требует объяснения.

Глубоко в груди каждого человека заложена религиозность как фундаментальный атрибут природы человека; сознание того, что за видимыми проявлениями скрывается невидимая сила; в основе любой концепции лежит инстинкт или интуиция, от которой никуда не деться, что за пределами материальной реальности действуют потенциальные силы; и во всех верованиях, от самого глупого фетишизма до самого возвышенного монотеизма, как часть этих инстинктивных убеждений, утверждается, что существа, которые управляют судьбой человека, могут быть умиловлены.

Первый крик природы стихает. С незапамятных времен нации и народности приходили и уходили, откуда и куда никто не знает; вступая в существование без предупреждения, они исчезают и не оставляют никаких следов, за исключением, возможно, своего отпечатка в языке или мифологии мира. Таким образом, из исторического факта, смешанного с религиозными чувствами, проистекает Мифическая Идея.

КЛАССИФИКАЦИЯ МИФОВ ТИХООКЕАНСКИХ ГОСУДАРСТВ.

В следующих главах я попытался, насколько это было практически возможно, классифицировать Мифы Тихоокеанских государств по соответствующим разделам. При составлении такой классификации трудностей нет, за исключением случаев, когда в одном мифе встречаются два или более разделения предмета, и в этом случае возникает необходимость либо прервать повествование, либо сделать исключения из общего правила классификации. Я неизменно придерживался последнего варианта. Я разделяю мифологию следующим образом: I. Происхождение и конец вещей; II. Физические мифы; III. Мифы о животных; IV. Боги, сверхъестественные существа и поклонение им; V. Будущее государство.

ГЛАВА II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КОНЕЦ ВЕЩЕЙ.

Создание киче-Миф—Происхождение ацтеков-Мифы—Папагосы—Монтесума и Койот—Моки—Великая Паутина пима—Творения навахо и пуэбло—Происхождение Чистого озера и озера Тахо—Чарейя у кароков—Гора Шаста, Вигвам Великого Духа—Источники и водопады Айдахо—Как возникли языковые различия—Йель, Создатель Тлинкитов—Ворон и Собака.

"ПОПОЛЬ-ВУХ".

Из всех американских народов гватемальские киче оставили нам богатейшее мифологическое наследие. Их описание сотворения мира, данное в "Пополь Вух", которую можно назвать национальной книгой киче, [II-1], по своему грубому странному красноречию и поэтической оригинальности, является одним из редчайших реликвий мысли аборигенов. Хотя при воспроизведении я был вынужден несколько сжать текст, я постарался передать не только суть, но также, насколько это возможно, своеобразный стиль и фразеологию оригинала. Именно с этой первобытной картины, чье простое безмолвное величие — это величие непостижимого прошлого, мы начинаем:

И было сформировано небо, и все его знаки установлены под углом и на одной линии, и его границы установлены по направлению к четырем ветрам Создателем и Предшественником, Матерью и Отцом жизни и сущего — тем, кем все движется и дышит, Отцом и Хранителем мира наций и цивилизации своего народа — тем, чья мудрость продемонстрировала превосходство всего, что есть на земле, или в озерах, или в море.

Вот первое слово и первая беседа. Не было еще ни человека, ни какого-либо животного, ни птицы, ни рыбы, ни раков, ни какой-либо ямы, ни оврага, ни зеленой травы, ни какого-либо дерева; не было ничего, кроме небесного свода. Лик земли еще не появился — только мирное море и все пространство небес. Еще не было ничего соединенного воедино, ничего, что цеплялось бы за что-то другое; ничего, что уравнивало бы само себя, что производило бы малейший шорох, что издавало бы звук на небесах. Не было ничего, что возвышалось; ничего, кроме тихой воды, но море, спокойное и одинокое в своих границах: ничего не существовало; ничего, кроме неподвижности и безмолвия, в темноте, в ночи. [II-2]

ИДЕЯ ТВОРЕНИЯ В СТИЛЕ КИЧЕ.

Также только Творец, Первый, Владыка, Пернатый Змей — те, кто порождает, те, кто дает бытие, они находятся на воде, подобно растущему свету. Они окутаны зеленым и синим, и поэтому их называют Гукумац.[II-3] Вот, теперь, как существуют небеса, как существует также Сердце Небес; таково имя Бога; именно так он называется. И они заговорили; они советовались друг с другом и размышляли; они смешали свои слова и свое мнение. И творение было воистину таким мудрым: Земля, сказали они, и в тот момент, когда она была сформирована, подобно облаку или туману, было ее начало. Затем горы поднялись над водой, как огромные омары; в одно мгновение стали видны горы и равнины, появились кипарисы и сосны. Тогда Гукумац преисполнился радости, восклицая: "Да будет благословенно твое пришествие, о Сердце Небес, Хуракан, Молния". Наша работа и наш труд достигли своей цели.

Таким образом, земля и ее растительность были заселены различными формами животной жизни. И Создатели сказали животным: Произнесите теперь наше имя, почитайте нас, нас, ваших мать и отца; призовите Хуракана, Вспышку Молнии, Удар Грома, Сердце Небес, Сердце Земли, Создателя и Первоисточника, Того, кто порождает, и Того, Кто дает бытие — говорите, зывайте к нам, приветствуйте нас! Так было сказано животным. Но животные не могли ответить; они вообще не могли говорить на манер людей; они могли только кудахтать и квакать, каждый по-своему бормоча что-то о себе подобных. Это не понравилось Создателям, и они сказали животным: "Поскольку вы не можете ни восхвалять нас, ни называть наши имена, ваша плоть будет унижена; она будет разорвана зубами; вы будете убиты и съедены".

Снова боги посовещались; они решили сотворить человека. И они сотворили человека из глины; и когда они сотворили его, то увидели, что это нехорошо. Он был лишен связности, последовательности, неподвижен, без сил, неумел, водянистый; он не мог двигать головой, его лицо смотрело только в одну сторону; его зрение было ограничено, он не мог смотреть назад; он был наделен речью, но у него не было разума, поэтому он был поглощен водой.

И снова на небесах есть совет: давайте создадим разумное существо, которое будет поклоняться нам и призывать нас. Было решено, что мужчина должен быть сделан из дерева, а женщина - из какой-то сердцевины. Они были сделаны, но результат никоим образом не был удовлетворительным. Они прекрасно передвигались, это правда; они росли и размножались; они населяли мир сыновьями и дочерьми, такими же маленькими деревянными человечками, как они сами; но все же им не доставало сердца и разума; они не помнили своего Создателя и Пржегнего; они вели бесполезное существование, они жили, как живут звери; они забыли Сердце Небес. Они были всего лишь пробой, попыткой стать мужчинами; в них не было ни крови, ни вещества, ни влаги, ни жира; их щеки сморщились, ноги и руки высохли; их плоть изнывала.

РАЗРУШЕНИЕ И ВОССОЗДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

Тогда разгневалось Сердце Небес; и он послал разорение на тех неблагодарных; он лил на них день и ночь с неба густой смолой; и земля потемнела. И люди обезумели от ужаса; они пытались взобраться на крыши, и дома рушились; они пытались взобраться на деревья, и деревья сбрасывали их со своих ветвей; они пытались спрятаться в пещерах и логовищах в земле, но они закрывали от них свои норы. Прилетела птица Секотковач, чтобы вырвать им глаза; и камалоц отрубил им головы; и коцбалам пожирал их плоть; и Текумбалам ломал и крошил их кости в порошок. Таким образом, все они были посвящены наказанию и разрушению, за исключением лишь нескольких, которые сохранились как памятники

деревянными человечкам, которые когда-то были; и они теперь существуют в лесах в виде маленьких обезьянок.[\[II-4\]](#)

Боги снова совещаются; во тьме, в ночи опустошенной вселенной они общаются друг с другом; из чего нам создать человека? И Создатель и Первый сотворил четырех совершенных людей; и полностью из желтого и белого маиса состояла их плоть. Таковы были имена четырех сотворенных людей: имя первого было Балам-Кице; второго - Балам-Агаб; третьего - Махукута; а четвертого - Ики-Балам.[\[II-5\]](#) У них не было ни отца, ни матери, и они не были созданы обычными участниками работы творения; но их появление на свет было экстраординарным чудом, совершенным особым вмешательством того, кто является главным Творцом. Воистину, наконец-то нашлись люди, достойные своего происхождения и своего предназначения; воистину, наконец-то боги увидели существ, которые могли видеть своими глазами, обращаться своими руками и понимать своими сердцами. Величественные лицом и широкоплечие конечностями, четверо потомков нашей расы встали под белыми лучами утренней звезды — единственного пока света первобытного мира — встали и посмотрели. Их большие ясные глаза быстро обожали все вокруг; они увидели леса и скалы, озера и море, горы и долины и небеса, которые были над всем этим; и они постигли все и чрезвычайно восхитились. Затем они ответили благодарностью тем, кто сотворил мир и все, что в нем было: "Мы приносим нашу благодарность дважды — да, поистине, трижды!" Мы получили жизнь; мы говорим, мы ходим, мы вкушаем; мы слышим и понимаем; мы знаем и то, что близко, и то, что далеко; мы видим все вещи, великие и малые, на всем небе и земле. Тогда спасибо, Создателю и Создательнице, Отцу и Матери нашей жизни! мы были созданы; мы есть.

Но боги не были полностью довольны этим; Небеса, по их мнению, превзошли свою цель; эти люди были слишком совершенны; знали, понимали и видели слишком много. Поэтому на небесах снова был проведен совет: что нам теперь делать с человеком? Нехорошо то, что мы видим; они подобны богам; они хотели бы стать равными нам; вот, они знают все, великое и малое. Давайте теперь ограничим их зрение, чтобы они могли видеть лишь малую часть поверхности земли и быть довольными. Вслед за этим Сердце Небес напустило облако на зрачок человеческих глаз, и на него опустилась пелена, как когда дышишь на поверхность зеркала; так потемнел шар глаза; не было видно больше ни того, что было далеко, ни того, что было близко.

Затем четверо мужчин уснули, и на небесах состоялся совет: и были созданы четыре женщины: Балам—Кице была назначена Каха-Палума в жены; Балам-Агабу - Хомиха; Махукуте - Цунуниха; и Ики-Баламу - Чакишаха.[\[II-6\]](#) Теперь женщины были необычайно красивы на вид; и когда мужчины проснулись, их сердца возрадовались из-за женщин.

СЕМЬЯ КИЧЕ ОТПРАВИЛАСЬ В ТУЛАН-ЗУЙВУ.

Далее, как я интерпретирую повествование, были созданы другие люди, предки других народов, в то время как первые четверо были отцами всех ветвей расы киче. Однако поначалу разные племена жили вместе достаточно дружно, в примитивном состоянии; они росли и размножались, ведя счастливую жизнь под своей яркой утренней звездой, предшественницей еще невидимого солнца. У них еще не было никакого культа, кроме дыхания инстинкта их души, еще не было алтарей богам; только — и разве в этих простых словах нет целой идиллии?— только они смотрели в небо, не зная, ради чего проделали такой долгий путь![\[II-7\]](#) Они были

преисполнены любви, послушания и страха; и, подняв глаза к небу, они обратились со своими просьбами:

Радуйся! О Создатель, о Бывший! ты, слышащий и понимающий нас! не покидай нас, не покидай нас! О Боже, ты, сущий на небесах и на земле, О Сердце Небес, О Сердце Земли! дай нам потомство, пока существует свет. Дай нам всегда идти по открытой дороге, по пути без ловушек; вести счастливую, тихую и миролюбивую жизнь, свободную от всякого упрека. Именно так они говорили, живя спокойно, призывая возвращение света, ожидая восхода солнца, наблюдая за утренней звездой, предвестницей солнца. Но солнце так и не взошло, и четверо мужчин и их потомки забеспокоились: у нас нет никого, кто присматривал бы за нами, сказали они, некому охранять наши символы. Итак, четверо мужчин и их соплеменники отправились в Тулан-Зуйву, [II-8], иначе называемую Семью пещерами или Семью ущельями, и там они приняли богов, каждый мужчина как главу семьи, бога; хотя, поскольку у четвертого мужчины, Ики-Балама, не было детей и он не основал семьи, его бог обычно не принимается во внимание. Балам-Кице получил бога Тохиль; Балам Агаб получил бога Авиликса; а Махукута получил бога Хакавица; все очень могущественные боги, но Тохиль, по-видимому, был главным и в общем смысле богом всего народа киче. Другие люди приняли богов в то же время; и для всех это был долгий поход в Тулан.

У киче пока не было огня, а поскольку климат Тулана был гораздо более холодным, чем в покинутой ими счастливой восточной стране, они вскоре начали испытывать в нем нехватку. Бог Тохиль, создатель огня, имел их в своем распоряжении; поэтому к нему, что было вполне естественно, применялись Киче, и Тохиль каким-то образом снабжал их огнем.

Но вскоре после этого пролился сильный дождь, который погасил все пожары на земле; и много града также упало на головы людей; и из-за дождя и града их пожары были полностью рассеяны и потушены. Тогда Тохиль снова сотворил огонь, топнув сандалией. Несколько раз огонь подводил их, но Тохиль всегда возобновлял его. Многим другим испытаниям подверглись они также в Тулане, голоду и тому подобному, а также общей сырости и холоду — ибо земля была влажной, а солнца еще не было.

Здесь также язык всех семей был перепутан, так что никто из первых четырех мужчин больше не мог понимать речь другого. Это также очень опечалило их. Они решили покинуть Тулан, и большая их часть под опекой и руководством Тохила отправилась посмотреть, где бы им поселиться. Они продолжали свой путь, преодолевая самые крайние трудности из-за нехватки пищи; одно время они питались одним лишь запахом своих посохов и воображением, что они едят, тогда как на самом деле они ничего не ели. Их сердца, действительно, как говорится снова и снова, были почти разбиты горем. Бедные странники! им предстоял жестокий путь, нужно было пройти через множество лесов, преодолеть множество суровых гор и проделать долгий переход через море, по гальке и занесенному песком — море, однако, расступилось для их прохода.

КИЧЕ "ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЛНЦА".

Наконец они пришли к горе, которую называли Хакавиц в честь одного из своих богов, и здесь они отдохнули — ибо здесь им каким-то образом дали понять, что они должны увидеть солнце. И действительно, тогда сердце Балам-Кице, Балам-Агаба, Махукута и Ики-Балама наполнилось безмерной радостью. Им показалось, что даже лик утренней звезды озарился

новым, более ослепительным сиянием. Они потрясали своими кадилъницами и танцевали от радости: сладкими были их слезы во время танца, очень горячим был их фимиам — их драгоценный фимиам. Наконец солнце начало подниматься; животные, маленькие и крупные, были полны восторга; они поднимались к поверхности воды; они порхали в ущельях; они собирались на краю гор, дружно поворачивая головы к той части, откуда заходило солнце. И лев и тигр зарычали. И первая птица, которая запела, была та, что называлась Келецу. Все животные были вне себя от этого зрелища; орел и коршун захлопали крыльями, и все птицы, как маленькие, так и большие. Мужчины пали ниц на землю, ибо сердца их были полны до краев.

И солнце, и луна, и звезды теперь были на месте. И все же солнце тогда, в начале, не было таким же, как сейчас; его жар нуждался в силе, и он был всего лишь отражением в зеркале; поистине, говорят историки, это совсем не то же солнце, что нынешнее. Тем не менее он высушил и согрел поверхность земли и достиг многих благих целей.

Еще одно чудо, когда взошло солнце! Три племенных бога, Тохил, Авиликс и Хакавиц, были превращены в камень, как и боги, связанные со львом, тигром, гадюкой и другими свирепыми и опасными животными. Возможно, нас не было бы в живых в этот момент, — продолжает хроника, — из-за ненасытности этих свирепых животных, этих львов, тигров и гадюк; возможно, сегодня нашей славы не существовало бы, если бы солнце не вызвало это окаменение.

И умножился народ на этой горе Хакавиц, и здесь они построили свой город. Именно здесь они также начали петь песню под названием Камуку, "мы видим". Они пели ее, хотя от этого у них болели сердца, потому что именно это они говорили в пении: "Увы!" Мы разорились в Тулане, там потеряли мы многих наших родных, они все еще остаются там, оставленные позади! Мы действительно видели солнце, но они — теперь, когда начинает проявляться его золотой свет, где они?

И они поклонялись богам, ставшим камнем, Тохилу, Авиликсу и Хакавицу; и они предлагали им кровь зверей и птиц, и прокалывали себе уши и плечи в честь этих богов, и собирали кровь губкой, и выжимали ее в чашу перед ними.

Ближе к концу своей долгой и богатой событиями жизни Балам-Кице, Балам-Агаб, Махукутах и Ики-Балам были побуждены, очевидно, сверхъестественным видением, предложить своим богам более ужасное подношение, чем жизнь бесчувственных животных. Они начали смачивать свои алтари кровью человеческих жертв. Из своего горного убежища они высматривали одиноких путников, принадлежащих к окрестным племенам, захватывали, одолевали и убивали их для жертвоприношения. Человек за человеком пропадали без вести в соседних деревнях; и люди говорили: "Вот! тигры унесли их с собой", — ибо везде, где была кровь убитого человека, всегда были найдены следы множества тигров. Теперь это было ремеслом жрецов, и в конце концов племена начали подозревать об этом и идти по следам тигров. Но тропы были намеренно сделаны запутанными, ступени возвращались сами по себе и ступени были стерты; и горный район, где находились алтари, уже был покрыт густым туманом и небольшим дождем, а его дорожки были покрыты грязью.

Таким образом, сердца жителей деревни были измучены преследованием неизвестных врагов. В конце концов, однако, стало ясно, что боги Тохил, Авиликс и Хакавиц и их поклонение так или иначе были причиной этой тяжелой утраты: поэтому жители деревень устроили заговор против них. Много нападений, как открыто, так и хитростью, совершили они на богов, и на четырех

мужчин, и на детей, и на людей, связанных с ними; но ни разу они не преуспели, так велики были мудрость, сила и мужество четырех мужчин и их божеств. И эти три окаменевших бога, как мы уже говорили, могли, тем не менее, принимать подвижный облик, когда им заблагорассудится; что они действительно часто и делали, как будет показано ниже.

Наконец война закончилась. С чудесной помощью орды ос и шершней киче наголову разгромили в генеральном сражении всех своих врагов. И племена унизились перед лицом Балам-Кице, Балам-Агаба и Махукутаха: "Мы такие несчастные, - сказали они, - пощадите нас хотя бы наши жизни". "Пусть будет так, - был дан ответ, - хотя вы и достойны смерти; однако вы будете нашими данниками и будете служить нам, пока существует солнце, пока свет будет следовать своим курсом". Таков был ответ наших отцов и матерей на горе Хакавиц; и с тех пор они жили в великом почете и мире, и души их обрели покой, и все племена служили им там.

КОНЕЦ ПРИГОТОВЛЕНИЯ КИЧЕ.

Теперь было так, что приближалось время смерти Балам-Кице, Балам-Агаба, Махукутаха и Ики-Балама. Никакие телесные болезни или страдания не постигли их; но они были предупреждены о том, что их смерть и их конец близки. Затем они созвали своих сыновей и их потомков, чтобы выслушать их последний совет.

И сердце стариков было разорвано внутри них. В тоске своего сердца они пели Камуку, старую печальную песню, которую они пели, когда впервые взошло солнце, когда солнце взошло и они подумали о друзьях, которых оставили в Тулане, чье лицо им больше не суждено увидеть навсегда. Затем они простились со своими женами, одна за другой; и со своими сыновьями, один за другим; с каждым в отдельности они простились; и они сказали: "Мы возвращаемся к нашему народу; царь Оленей уже готов, он простирается по небесам". Смотрите, мы вот-вот вернемся; наша работа выполнена; дни нашей жизни сочтены. Помните нас хорошо; пусть мы никогда не исчезнем из вашей памяти. Вы все еще будете видеть наши дома и наши горы; размножайтесь в них, а затем продолжайте свой путь и снова увидите места, откуда мы пришли.

И простились старики со своими сыновьями и женами; и Балам-Кице снова заговорил: смотрите! он сказал: "Я оставляю тебе то, что останется на память обо мне". "Я расстался с тобой — и полон печали", - добавил он. Затем в тот же миг четырех стариков не стало; но на их месте оказался большой сверток; и он никогда не разворачивался, и ни один человек не мог найти в нем шва, переворачивая его снова и снова. Поэтому он был назван "Окутанный величием"; и он стал памятником этим отцам, и был очень дорог в глазах Киче; и они воскуривали перед ним благовония.^[II-9]

Так умерли и исчезли на горе Хакавиц Балам-Кице, Балам-Агаб, Махукутах и Ики-Балам, эти первые люди, пришедшие с востока, с другой стороны моря. Долгое время они пробыли здесь, когда умерли; и они были очень стары, и их называли Почитаемыми и Приносящими Жертвы.

Таково повествование Киче о сотворении земли и ее обитателей, а также о первых годах существования человечества. Хотя мы находим здесь описанного в самых простых и наименее двусмысленных выражениях верховного, всемогущего Творца всего сущего, с ним несколько озадачивающим образом связан ряд вспомогательных божеств и творцов. Возможно, те, чью веру олицетворяет Пополь Вух, представляя и говоря о своем верховном боге во многих аспектах и как о выполняющем множество функций, иногда приходили, либо бессознательно, либо для драматического эффекта, чтобы вывести это единое великое Существо на свою мифическую

сцену, поддерживая сразу множество его различных частей и характеров. Или, возможно, подобно евреям, они верили, что Творец каким-то таинственным образом создал из ничего или из своей собственной сущности ангелов и других существ, которые повиновались бы ему и помогали ему в его суверенных замыслах, и что они "были названы богами". То, что эти представления Киче кажутся нам глупостью, не является аргументом в пользу их адаптации к жизни и мыслям тех, кто в них верил; ибо, по словам профессора Макса Мюллера, "мысли первобытного человечества отличались не только от наших мыслей, но и от того, какими, по нашему мнению, должны были быть их мысли".[II-10]

МЕКСИКАНСКАЯ КОСМОГОНИЯ.

И все же, какими бы ни были несоответствия, скрывающие Пополь Вух, мы находим их многократно увеличенными в мексиканской космогонии, запутанной цепочке скудных и, по-видимому, фрагментарных традиций. По-видимому, в Анахуаке существовали две основные школы взглядов, различающиеся относительно того, кто был Творцом мира, а также по другим пунктам — две ветви традиции, возможно, общего происхождения, которые часто, кажется, сливаются в одну, и историки, для которых это языческое тщеславие не имело большого значения, до сих пор считают их одним целым. Более продвинутая школа, черпающая вдохновение в толтекских источниках, по-видимому, особенно процветала в Тецкоко, особенно во времена правления там знаменитого Несауалькойотля, который придерживался вполне определенных монотеистических идей. Она учила, как утверждается в недвусмысленных выражениях, что все вещи были созданы одним Богом, всемогущим и невидимым; и этой школе, вероятно, были обязаны многие нежные и прекрасные идеи и обряды, смешанные с жестким, грубым и прозаичным культом народных масс.[II-11]

Другую школу можно рассматривать как более отчетливо выраженную национальную и в большей степени представляющую обычное мексиканское сознание. Ей следует приписать гораздо большую часть всего, что мы знаем о мексиканской религии.[II-12] Согласно версии этой школы, Тецкатлипока, бог, о рождении и приключениях которого рассказывается ниже, был создателем материальных неба и земли, но не человечества; и иногда даже честь этого частичного творения оспаривается другими богами.

Один мексиканский народ, опять же, согласно древнему писателю их собственной крови, утверждал, что земля была создана случайно; а что касается небес, то они существовали всегда.[II-13]

РУКОПИСЬ ЧИМАЛЬПОПОКИ.

Из фрагментов рукописи Чимальпопоки, переданных аббатом Брассером де Бурбургом, мы узнаем, что Создатель — кем бы он ни был — создавал свое произведение в последовательные эпохи. В знаке Тохтли была сотворена земля; в знаке Акатль был сотворен небесный свод, а в знаке Текпатль - животные. Добавляется, что человек был создан и оживлен из пепла Богом на седьмой день, Эхекатлем, но закончен и усовершенствован этим таинственным персонажем Кецалькоатлем. Как бы ни согласовывался этот рассказ с самим собой или с другими, далее выясняется, что человек был четырежды сотворен и четырежды уничтожен.[II-14]

Возможно, это можно рассматривать как результат того, что я для удобства назвал школой толтеков, хотя в этом конкретном фрагменте прослеживаются следы христианского влияния. Однако то, что следует далее, кажется принадлежащим к отчетливо мексиканскому и более грубому течению мысли. Это почерпнуто у Мендиеты, который был в долгу, опять же, перед Фраем Андресом де Ольмосом, одним из первых миссионеров среди мексиканцев, о которых он рассказывает; и это, безусловно, один из самых достоверных отчетов о подобных вещах, дошедших до нас.

СОТВОРЕНИЕ МИРА АЦТЕКАМИ-МИФЫ.

Мексиканцы в большинстве провинций были согласны с тем, что на небесах есть бог по имени Читлалатонак и богиня по имени Читлаликуэ;[\[II-15\]](#) и что эта богиня породила кремневый нож Текпатль. Теперь у нее было много сыновей, живущих с ней на небесах, которые, увидев это необычайное явление, встревожились и бросили камень на землю. Он упал в месте, называемом Чикомосток, то есть в Семи Пещерах, и из него немедленно возникли тысяча шестьсот богов. Поскольку эти боги были одни на земле — хотя, как выяснится позже, в прежние времена в мире были люди, — они послали своего посланника Тлотли, Ястреба, молить свою мать наделить их силой создавать людей, чтобы у них могли быть слуги, как и подобает их роду. Китлаликуэ, казалось, немного стыдилась своих сыновей, рожденных таким странным образом, и она достаточно жестоко подшучивала над ними, в чем они вряд ли могли помочь: "Если бы ты был тем, кем должен был быть, - воскликнула она, - ты все еще был бы в моей компании". Тем не менее, она сказала им, что нужно делать, чтобы исполнить их желание: идите и попросите Миктлантейкти, Владыку Гадеса, чтобы он дал вам кость или немного праха умерших, которые с ним; получив их, вы должны принести их в жертву, окропив кровью из ваших собственных тел. И падшие боги, посоветовавшись друг с другом, послали одного из своих, по имени Шолотль,[\[II-16\]](#) в аид, как посоветовала их мать. Ему удалось раздобыть у Миктлантеуктли кость длиной в шесть футов, а затем, опасаясь своего ужасного хозяина, он резко удалился, пустившись бежать со всех ног. Разгневанный этим, адский вождь бросился в погоню, не причинив Ксолотлю, однако, никаких более серьезных неудобств, чем поспешное падение, при котором кость была сломана вдребезги. Гонец со всей поспешностью собрал все, что мог, и, несмотря на то, что споткнулся, сбежал. Достигнув земли, он положил осколки костей в чашу, и все боги извлекли кровь из своих тел и окропили ею сосуд. На четвертый день среди намокших костей произошло какое-то движение, и мальчик лежал там раньше всех; а еще через четыре дня, когда кровопускание и окропление все еще продолжались, с ужасного блюда подняли девочку. Детей отдали на воспитание Шолотлю, и он кормил их соком магуи.[\[II-17\]](#) Увеличиваясь в росте, они стали мужчиной и женщиной; и от них произошли люди наших дней, которые, подобно тому как изначальная кость была разломана на неравные части, различаются по размеру и форме. Имя этого первого человека было Истакмикскуатль, а имя его жены Иланкуэйтли,[\[II-18\]](#) и у них родилось шестеро сыновей, чьи потомки со своими богами-наставниками со временем переместились на восток от своего первоначального дома, который почти повсеместно описывается как находящийся в Халиско.

Итак, солнца не существовало уже много лет; поэтому боги, собравшись в месте под названием Теотиуакан, в шести лигах от Мексики, и собравшись в то время вокруг большого костра, сказали своим почитателям, что тот из них, кто первым бросится в этот огонь, удостоится чести превратиться в солнце. Поэтому один из них по имени Нанахуацин — либо, как говорят большинство, из чистой храбрости, либо, как рассказывает Саагун, потому что его жизнь стала

для него обузой из—за сифилитической болезни - бросился в огонь. Затем боги начали вглядываться сквозь мрак во все стороны в поисках ожидаемого света и заключать пари о том, в какой части небес он появится первым. И кто-то сказал "Здесь", а кто-то "Там"; но когда взошло солнце, все они оказались неправы, потому что ни один из них не смотрел на восток. [II-19] И в тот же час, хотя они и не знали этого, вышел указ, что все они должны умереть в результате жертвоприношения.

КАК СОЛНЦЕ БЫЛО ПОМЕЩЕНО НА НЕБЕСАХ.

Солнце действительно взошло, и его окружало сияние жестокого огня, которое не могли выдержать даже глаза богов; но он не двигался. Вот он показался на горизонте; и когда божества послали к Тлотли своего посланца с приказом продолжать свой путь, его зловещим ответом было, что он никогда не покинет это место, пока не уничтожит их всех. Тогда великий страх охватил некоторых, в то время как другие были движимы только гневом; и среди последних был один Китли, который немедленно натянул свой лук и двинулся против сверкающего врага. Быстро опустив голову, Солнце уклонился от первой стрелы, выпущенной в него; но вторая и третья быстро достигли его тела, когда, преисполнившись ярости, он схватил последнюю и метнул ее обратно в своего противника. И храбрый Ситли никогда больше не накладывал тетиву, ибо стрела солнца пронзила его лоб.

Тогда все пришли в смятение в собрании богов, и отчаяние наполнило их сердца, ибо они увидели, что не смогут одолеть сияющего; и они согласились умереть и разрезать себе грудь. Ксолотль был назначен министром, и он убивал своих товарищей одного за другим, и последним он убил и себя. [II-20] Итак, они умерли, как боги; и каждый оставил печальным и удивленным людям, которые были его слугами, свои одежды на память. И эти слуги составили для каждой группы по свертку из одежды, которая была оставлена им, обвязав его вокруг палки, в которую они вложили маленький зеленый камешек, служивший им сердцем. Эти связки назывались *тлакимиллоли*, и каждая носила имя того бога, памятником которому она была; и эти предметы почитались больше, чем обычные боги из камня и дерева в этой стране. Брат Андрес де Ольмос нашел одну из таких реликвий в Тлалманалько, завернутую во множество тряпок и наполовину сгнившую из-за того, что ее так долго прятали. [II-21]

Сразу же после смерти богов солнце начало свое движение по небесам; и человек по имени Текузистекатль, или Тецкочицтекатль, который, когда Нанахуацин прыгнул в огонь, удалился в пещеру, теперь вышел из своего укрытия в виде луны. Другие говорят, что вместо того, чтобы уйти в пещеру, этот Текузистекатль прыгнул в огонь вслед за Нанауацином, но так как жар огня несколько уменьшился, он вышел оттуда менее ярким, чем солнце. Еще один вариант заключается в том, что солнце и луна были одинаково яркими, но богам это показалось нехорошим, и один из них взял кролика за пятки и швырнул его на лик луны, затемнив его блеск пятном, отметину которого можно увидеть и по сей день.

После того, как боги умерли описанным здесь образом, оставив свои одежды в качестве реликвий, эти слуги ходили повсюду, неся эти реликвии в виде свертков на плечах, очень печальные и задумчивые и гадая, увидят ли они когда-нибудь снова своих ушедших богов. Теперь имя одного из этих умерших божеств было Тецкатлипока, и его слуга, прибыв на морское побережье, был удостоен явления своего господина в трех различных обликах. И Тецкатлипока обратился к своему слуге, говоря: Подойди сюда, ты, который так сильно любишь меня, чтобы я мог сказать тебе, что ты должен сделать. Ступай теперь в Дом Солнца и приведи оттуда певцов и

инструменты, чтобы ты мог устроить мне праздник; но сначала призови кита, и сирену, и черепаху, и они соорудят тебе мост к солнцу.

Затем все это было сделано; и посланник отправился через море по своему живому мосту к Дому Солнца, напевая то, что он должен был сказать. И Солнце услышало песню, и он строго наказал своему народу и слугам, сказав: Смотрите теперь, чтобы вы не откликнулись на это пение, ибо тот, кто откликнется на него, должен быть уведен певцом. Но песня была такой необыкновенно сладкой, что некоторые из них не могли не откликнуться, и их увели прочь, унося с собой барабан, *тепонацтли*, и барабан для котлов, *веветл*. Таково было происхождение праздников и танцев в честь богов; и песни, исполняемые во время этих танцев, они воспринимали как молитвы, исполняя их всегда с большой точностью интонации и времени.

РАССКАЗ ТЕЦКУКАНА О СОТВОРЕНИИ МИРА.

В своих устных преданиях жители тецукана соглашались с обычным мексиканским рассказом о сотворении мира — падении кремня с небес на землю и так далее, — но то, что они впоследствии показали на картинке и объяснили отцу Андресу де Ольмосу как способ сотворения человечества, было таково: событие произошло в стране Акулма, на границе Тецукана, на расстоянии двух лиг от Тецукан и пяти от Мексики. Говорят, что солнце, пробившее девять часов, вонзило дротик в землю в упомянутом нами месте и проделало дыру; из этой дыры вышел человек, первый человек и к тому же несколько несовершенный, поскольку от него осталось не больше подмышек, очень похожий на традиционного европейского херувима, только без крыльев. После этого женщина вылезла из ямы. Остальная часть рассказа была сочтена Мендьетой неподходящей для печати; но, во всяком случае, от этих двоих произошло человечество. Имя первого человека было Акулмаитль, то есть *акулли*, плечо и *майtl*, кисть или предплечье, и от него, как говорят, получил свое название город Акулма.^[II-22] И эта этимология, по-видимому, делает вероятным, что детали этого мифа в некоторой степени происходят от названия места, в котором он находился; или что имя первого человека, принадлежащее к ранней фазе развития языка, было неправильно понято, и что ложной этимологии обязаны детали мифа.

Как уже говорилось, люди существовали на земле до этого окончательного и совершенного сотворения человека из костей, полученных Миктлантейтли и смоченных богами их собственной кровью на месте Семи Пещер. Эти люди были сметены чередой великих разрушений. Относительно количества этих разрушений трудно говорить положительно, поскольку ни по одному пункту в широком спектре ранних американских религий не существует такого большого расхождения во мнениях. На протяжении всего пути от двух до пяти раз, по разным данным, мир был опустошен чудовищными природными катаклизмами. Я наиболее внимательно слежу за версией тецуканского историка Икстлильшочитля, как за одним из самых ранних рассказов, как, на первый взгляд, с точки зрения его происхождения, за одним из наиболее достоверных, и как за тем, что его поддерживало большинство уважаемых историков вплоть до времен Гумбольдта.

ВЕКА ИЛИ СОЛНЦА МЕКСИКАНЦЕВ.

О творении, положившем начало первой эпохе, мы ничего не знаем; Ботурини сообщает нам только, что тогда на земле начали появляться гиганты. Эта Первая Эпоха, или "солнце", называлась Солнцем Воды, и она закончилась огромным наводнением, в котором все живое погибло или было преобразовано, за исключением, по некоторым свидетельствам, одного мужчины и одной женщины из расы гигантов, о спасении которых мы расскажем позже. Вторая эпоха, названная Солнцем Земли, завершилась землетрясениями, разверзаниями земли и низвержением высочайших гор. Гиганты, или Кинаме, могущественная и надменная раса, по-видимому, до сих пор являются единственными обитателями мира. Третьей эпохой было Воздушное Солнце. Этому положили конец бури и ураганы, настолько разрушительные, что на земле действительно осталось мало жителей; а те, кто был спасен, потеряли, согласно рассказам тлашкальтеков, рассудок и речь, превратившись в обезьян.

Настоящее - это Четвертая эпоха. К нему, по-видимому, относятся падение с небес рожденного богиней кремня, рождение из этого кремня тысячи шестисот героев, рождение человечества из кости, принесенной из ада, превращение Нанахуацина в солнце, превращение Тецкатекатля в луну и смерть тысячи шестисот героев или богов. Оно называется Огненным Солнцем и должно закончиться вселенским пожаром.[\[II-23\]](#)

С великим потопом связана мексиканская традиция, проводящая некоторые аналогии с историей Ноя и его ковчега. В большинстве раскрашенных рукописей, предположительно относящихся к этому событию, изображено что-то вроде лодки, плывущей по водной глади, в которой находятся мужчина и женщина. Говорят, что даже у тлашкальтеков, сапотеков, мизтеков и жителей Мичоакана были такие изображения. Мужчину по-разному зовут Кокскокс, Теоципактли, Тезпи и Ната; женщину Хочикецаль и Нена.[\[II-24\]](#)

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ.

В качестве обычной мексиканской версии этого мифа обычно принимается следующее: В Атонатиу, Эпоху Воды, великое наводнение покрыло все лицо земли, и ее обитатели были превращены в рыб. Спаслись только один мужчина и одна женщина, укrywшиеся в поломанном стволе *ахахуэте*, или лысого кипариса; мужчину звали Кокскокс, а его жену - Шочикецаль. Когда вода немного спала, они причалили к вершине Колуакан, мексиканскому Арарату. Здесь они росли и размножались, и вокруг них начали собираться дети, которые все родились немymi. И прилетел голубь и дал им языки, бесчисленные языки. Только пятнадцать потомков Кокскокса, которые впоследствии стали главами семейств, говорили на одном языке или вообще могли понимать друг друга; и от этих пятнадцати произошли тольтеки, ацтеки и аколхуа. Этот голубь - не единственная птица, упоминаемая в этих делювиальных традициях, и его ни в коем случае нельзя путать с птицами из другой явно христианизированной истории. Ибо в Мичоакане сохранилась традиция, следуя которой мексиканского Ноя звали Тезпи. Обладая большей удачей, чем та, которую приписывали Кокскоксу, он смог сохранить в просторном сосуде не только себя и свою жену, но и своих детей, несколько животных и некоторое количество зерна для общего пользования. Когда вода начала спадать, он послал стервятника, чтобы тот полетал туда-сюда по земле и снова принес ему весть, когда начнет появляться суша. Но стервятник поел тушками, которые были разбросаны повсюду, и больше не вернулся. Тогда Тезпи разослал других птиц, и среди них была колибри. И когда солнце начало покрывать землю новой зеленью, колибри вернулась в свое старое убежище с зелеными листьями. И Тезпи увидел, что его судно село на мель недалеко от горы Колхуакан, и он высадился там.

У мексиканцев в окрестностях Чолулы была особая легенда, связывающая спасение остатков после великого потопа с часто упоминаемой историей происхождения народа Анахуак из Чикомостока, или Семи пещер. На момент катаклизма страна, по словам Педро де лос Риоса, была населена великанами. Некоторые из них погибли полностью; другие превратились в рыб; в то время как семь их братьев нашли спасение, закрывшись в определенных пещерах в горе под названием Тлалок. Когда воды успокоились, один из великанов, Кселуа, по прозвищу Архитектор, отправился в Чолулу и начал строить искусственную гору в качестве памятника Тлалоку, который приютил его и своих близких, когда разъяренные воды пронесли по всей земле. Кирпичи были изготовлены в Тламаналько, у подножия Сьерра-де-Кокотль, и передавались в Чолулу из рук в руки по цепочке людей — откуда они взялись, не сказано, — растянувшейся между двумя местами. Тогда вспыхнули зависть и гнев богов, когда огромная пирамида медленно поднялась вверх, угрожая достичь облаков и самого великого неба; и боги обрушили свой огонь на строителей и убили многих, так что работа была остановлена.^[II-25] Но наполовину законченное сооружение, впоследствии посвященное чолультеками Кецалькоатлю, все еще остается, чтобы показать, насколько великан Кселуа заслужил свою фамилию Архитектора.

МЕКСИКАНСКИЙ ПОТОП.

До нас дошло еще одно свидетельство о традиционном мексиканском потопе, содержащееся в следующем отрывке из рукописи Чимальпопоки. Его слова, кажется, звучат знакомо; но вряд ли было бы научным делать из такого фрагмента какой—либо очень радикальный вывод относительно их родства, будь то киче или христианское: -

Когда наступило Солнце, или Эпоха Науи-Атль, прошло уже четыреста лет; затем наступили двести лет, затем семьдесят и шесть, и тогда человечество было потеряно, утонуло и превратилось в рыб. Вода и небо приблизились друг к другу; в один день все было потеряно; цветок Четвертого Дня поглотил все, что осталось от нашей плоти. И этот год был годом Се-Калли; в первый день, Науи-Атл, все было потеряно. Сами горы были поглощены наводнением, а воды остались, оставаясь спокойными в течение пятидесяти двух весенних периодов. Но перед началом потопа Титлакауан предупредил мужчину по имени Ната и его жену Нену, сказав: Не делайте больше пульты, а выдолбите себе большой кипарис, в который вы войдете, когда в месяц Тозозтли вода приблизится к небу. Затем они вошли в нее, и когда Титлакауан запер их там, он сказал этому человеку: "Ты съешь только один початок кукурузы, и твоя жена тоже съест только один". И когда они поели, каждый по початку кукурузы, они приготовились отправиться в путь, ибо вода оставалась спокойной, и их бревно больше не двигалось; и, открыв его, они увидели рыб. Затем они разожгли костер, растерев куски дерева друг о друга, и зажарили рыбу. И вот, божества Читлаллиникуэ и Читлаллатонак, глядя сверху вниз, воскликнули: "О божественный Господь! что это за огонь, который они там разводят?" почему они так наполняют небо дымом? И тотчас же Титлакауан Тецкатлипока спустился вниз и принялся ворчать, говоря: "Что это за пожар здесь?" Затем он схватил рыб и придавал им форму сзади и спереди, и превратил их в собак.^[II-26]

Теперь обратимся к традициям некоторых народов, расположенных на окраинах Мексиканской империи, традициям, отличающимся от традиций Мексики, если не по своим элементам, то, по крайней мере, по сочетанию этих элементов. Следуя нашему обычаю, я привожу следующую

легенду, принадлежащую мизтекам, в том виде, в каком они сами привыкли изображать и интерпретировать ее в своих примитивных свитках: —[II-27]

ЛЕТАЮЩИЕ ГЕРОИ МИЗТЕКИ.

В год и в день безвестности и тьмы, да, даже до того, как были эти дни или годы, когда мир был в великой тьме и хаосе, когда земля была покрыта водой и не было ничего, кроме грязи и слизи по всему лицу земли — вот, бог стал видимым, и имя его было Олень, а прозвище было Лев-Змея. Появилась также очень красивая богиня по имени Олень по прозвищу Тигро-Змея.[II-28] Эти два бога были источником и началом всех богов.

Теперь, когда эти два бога стали видимыми в мире, они создали, в своем знании и всемогуществе, огромную скалу, на которой они построили очень роскошный дворец, шедевр мастерства, в котором они устроили свою обитель на земле. На самой высокой части этого здания висел медный топор с острием, обращенным наверх, и на этом топоре покоились небеса.

Эта скала и дворец богов находились на горе в окрестностях города Апоала в провинции Мизтека-Альта. Скала называлась Местом Небес; там боги впервые поселились на земле, прожив много лет в великом покое и довольстве, как в счастливой и восхитительной стране, хотя мир все еще лежал во мраке.

Отец и мать всех богов были здесь, на своем месте, и у них родились два сына, очень красивых и очень сведущих во всех мудростях и искусствах. Первый назывался Ветром девяти Змей, по названию дня, в который он родился; а второй аналогичным образом назывался Ветром Девяти Пещер. Действительно, эти юноши были воспитаны очень изысканно. Когда старший хотел развлечься, он принимал облик орла и летал так далеко и широко; младший превращался в маленького зверька в форме змеи, с крыльями, которыми он пользовался с такой ловкостью, что становился невидимым и летал сквозь камни и стены так же, как по воздуху. Пока они шли, те, мимо кого они проходили, слышали шум и рев этих братьев. Они взяли эти фигуры, чтобы проявить заключенную в них силу, как в преобразовании самих себя, так и в восстановлении их первоначальной формы. И они жили в великом мире в доме своих родителей, поэтому они согласились принести жертву этим богам, своему отцу и своей матери. Затем они взяли каждый по глиняной кадильнице, вложили в нее огонь и насыпали молотый *беленьо* для курения; и это подношение было первым, которое когда-либо было сделано в мире. Затем братья разбили себе сад, в котором посадили много деревьев, и фруктовых деревьев, и цветов, и роз, и разных пахучих трав. Присоединив к этому саду очень красивый луг, они оборудовали его всем необходимым для принесения жертв богам. Таким образом, два брата покинули дом своих родителей и поселились в этом саду, чтобы ухаживать за ним, поливая деревья, растения и пахучие травы, размножая их и воскуривая благовония из порошка *беленьо* в глиняных кадильницах богам, их отцу и матери. Они также приносили обеты этим богам и давали обещания, молясь, чтобы им показалось благим придать форму небесному своду и рассеять тьму мира, а также заложить основание земли, или, скорее, собрать воды воедино, чтобы появилась земля, — поскольку у них не было места для отдыха, кроме одного маленького сада. И чтобы сделать свои молитвы к богам более обязательными, они протыкали себе уши и языки осколками кремня, окропляя ивовой веткой деревья и растения в саду кровью, которая капала из ран, как священную и благословенную вещь. Этим они и занимались, откладывая удовольствие до времени исполнения своего желания, оставаясь всегда в подчинении у богов,

своих отца и матери, и приписывая им больше власти и божественности, чем они действительно обладали.

Здесь Фрей Гарсия прерывает связь — чтобы не утомлять своих читателей таким количеством нелепостей, — но, по-видимому, небесный свод был устроен так, что земля стала пригодной для человечества, которое примерно в то же время также должно было появиться. Ибо после этого случился великий потоп, в результате которого погибло множество сыновей и дочерей, рожденных богами; и сказано, что, когда потоп миновал, человеческая раса была восстановлена, как и в первый раз, и королевство мизтеков заселилось, и установились небеса и земля.

Мы можем предположить, что это было традиционным происхождением простых людей; но правящая семья Мизтеки провозгласила себя потомками двух юношей, родившихся от двух величественных деревьев, которые росли у входа в ущелье Апоала и которые держались там, несмотря на сильный ветер, постоянно дующий из пещеры поблизости.

ПОЕДИНОК С СОЛНЦЕМ.

То ли деревья сами по себе произвели этих юношей, то ли какие-то первобытные асы, как в скандинавской истории, придали им форму, кровь, дыхание и смысл, мы не знаем. Нам только говорят, что рано или поздно юноши разделились, и каждый пошел своим путем завоевывать земли для себя. Самый храбрый из них, прибывший в окрестности Тилантонго, вооруженный щитом и луком, был сильно раздосадован и подавлен палящими лучами солнца, которое он принял за повелителя этого района, стремящегося воспрепятствовать его появлению в этих краях. Затем молодой воин натянул свой лук, выставил перед собой щит и вытащил стрелы из колчана. Он стрелял туда против великого света вплоть до его захода; затем он завладел всей этой землей, видя, что нанес солнцу тяжелую рану, и вынудил его спрятаться за горами. На этой истории основано господство всех касиков Мизтеки, а на их происхождении от этого могучего лучника - их предка. Даже по сей день вожди мизтеков носят на своем гербе вождя с плюмажем, луком, стрелами и щитом, а перед ним солнце, заходящее за серые облака.[\[II-29\]](#)

О происхождении сапотеков, народа, граничащего с этими мизтеками, Бургоа с трогательной простотой говорит, что не смог найти ни одного рассказа, достойного доверия. Их исторические картины он приписывает изобретению дьявола, горячо утверждая, что эти люди были более слепы в подобном тщеславии, чем египтяне и халдеи. Некоторые, по его словам, чтобы похвалиться своей доблестью, сделали себя сыновьями львов и других диких зверей; другие, великие лорды древнего происхождения, произошли от самых больших и тенистых деревьев; в то время как третьи, обладающие непреклонным и упрямым характером, произошли от скал. Их язык, продолжает достойный Провинциал, поражал внезапно и ненаправленным выстрелом в самый центр мифологической интерпретации — их язык был полон метафор; те, кто хотел убедить, всегда говорили притчами и подобным образом рисовали своих историков.[\[II-30\]](#)

В Гватемале, согласно рассказам местных жителей об отце Херонимо Романе, считалось, что было время, когда не существовало ничего, кроме некоего божественного Отца по имени Хмель и божественной Матери по имени Хтмана. У них родились трое сыновей,[\[II-31\]](#) старший из которых, преисполненный гордости и самонадеянности, приступил к созданию вопреки воле своих родителей. Но он не мог создать ничего, кроме старых сосудов, пригодных для низменного использования, таких как глиняные горшки, кувшины и вещи еще более

презренные; и он был низвергнут в ад. Затем два младших брата, которых звали соответственно Хунчеван и Хунаван, попросили у своих родителей разрешения взяться за работу, в которой их брат потерпел столь явную неудачу. И им был предоставлен отпуск, сказав при этом, что, поскольку они смирили себя, они преуспеют в своем начинании. Затем они сотворили небеса и землю с растениями на ней, огонь и воздух, а из самой земли они сотворили мужчину и женщину — предположительно, родителей человеческой расы.

Согласно Торквемаде, через некоторое время после этого произошел потоп, и после потопа люди продолжали взывать к богу, великому Отцу и великой Матери, о которых уже упоминалось. Но, наконец, среди них была знатная женщина^[II-32], получившая откровение с небес, научившая их истинному имени Бога и тому, как этому имени следует поклоняться; все это, однако, они впоследствии забыли.^[II-33]

В Никарагуа, стране, где основным языком был мексиканский диалект, считалось, что много веков назад мир был разрушен наводнением, в результате которого погибла большая часть человечества. Впоследствии *теоты*, или боги, вновь заселили землю, как и в начале. Откуда взялись теоты, никто не знает; но имена двух из них, принявших главное участие в создании, были Тамагостат и Чипаттонал.^[II-34]

ПАПАГОССКИЙ КОЙОТ.

Покидая теперь центральноамериканский регион, мы направляемся на север, в страну Папаго, лежащую к югу от Хила, с рекой Санта-Крус на востоке и Калифорнийским заливом на западе. Здесь мы впервые встречаем койота, или степного волка; мы находим в нем гораздо больше, чем животное, нечто большее даже, чем человек, лишь немного ниже богов. В следующем мифе о Папаго^[II-35] он фигурирует как пророк, а также как министр и помощник некоего великого бога-героя Монтесумы, которого нам суждено часто встречать во многих образах как центральную фигуру в мифах долины Гила:—

ЛЕГЕНДА О МОНТЕСУМЕ.

Великий Дух сотворил землю и все живое, прежде чем сотворил человека. И он спустился с небес и, копаясь в земле, нашел глину, подобную той, что используют гончары, которую, снова поднявшись на небо, он бросил в яму, которую выкопал. Немедленно выступил Монтесума и, с помощью Монтесумы, привел в порядок остальные индейские племена. Последними пришли апачи, одичавшие после своего рождения и убежавшие так же быстро, как были созданы. Те первые дни мира были счастливыми и мирными днями. Солнце было ближе к земле, чем сейчас; его благодарные лучи уравнивали времена года и сделали ненужной одежду. Люди и звери разговаривали друг с другом, общий язык делал всех братьями. Но ужасное разрушение положило конец этому счастливому веку. Великое наводнение уничтожило всю плоть, в которой было дыхание жизни; спаслись только Монтесума и его друг Койот. Ибо еще до начала наводнения Койот предсказал его приход, и Монтесума внял предупреждению и выдолбил для себя лодку, держа ее наготове на самой вершине Санта-Розы. Койот также приготовил ковчег: обгрыз большую тростинку на берегу реки, вошел в нее и заткнул конец какой-то жвачкой. Итак, когда вода поднялась, эти двое спаслись и снова встретились, наконец, на суше, после того как наводнение прошло. Вполне естественно, что Монтесуме теперь не терпелось узнать, сколько осталось сухой земли, и он отправил Койота в четыре путешествия подряд, чтобы точно определить, где море лежит навстречу каждому из четырех ветров. С запада и юга быстро

пришел ответ: море близко. Более длительные поиски велись на востоке, но, наконец, и там море было найдено. Только на севере не было найдено воды, хотя верный посланник почти утомил себя поисками. Тем временем Великий Дух с помощью Монтесумы снова заселил мир, и животные и люди начали увеличиваться и размножаться. Монтесуме было поручено заботиться о новой расе и управлять ею; но, преисполненный гордости и самомнения, он пренебрег самыми важными обязанностями своего обременительного положения и позволил, чтобы самое позорное злодеяние осталось незамеченным среди людей. Напрасно Великий Дух спускался на землю и упрекал своего наместника, который лишь пренебрегал его законами и советами и в конце концов поднял открытый бунт. Тогда действительно Великий Дух преисполнился гнева и вернулся на небеса, отодвинув солнце на своем пути, в ту отдаленную часть неба, которую он сейчас занимает. Но Монтесума ожесточил свое сердце и, собрав все племена себе на помощь, приступил к строительству дома, который должен был достраиваться до самого неба. Он уже достиг огромной высоты и содержал множество помещений, отделанных золотом, серебром и драгоценными камнями, и все это грозило вскоре оправдать похвальбу его архитектора, когда Великий Дух обрушил свой гром и обратил его славу в руины. И все же Монтесума ожесточился; гордый и непреклонный, он ответил громовержцу из надменного неповиновения своему сердцу; он приказал осквернить храмы, а святые изображения втоптать в пыль, он сделал их посмешищем для самых маленьких на деревенских улицах. Тогда Великий Дух приготовил свое высшее наказание. Он послал насекомое улететь на восток, в неизвестную страну, чтобы привести испанцев. Когда они пришли, они объявили войну Монтесуме и уничтожили его, и совершенно развеяли представление о его божественности.[II-36]

ПОТОП ПИМЫ.

Пимы,[II-37] соседний и тесно связанный с папагосом народ, говорят, что землю создал некий Чиовотмахке, то есть Земной пророк. Вначале это казалось похожим на паутину, протянувшуюся далеко и хрупко через то ничто, которое было. Затем Земной пророк облетел все земли в виде бабочки, пока не прибыл в место, которое посчитал подходящим для своей цели, и там создал человека. И дело было после этого мудрое: Творец взял глину в свои руки и, смешав ее с потом собственного тела, замешал все в комок. Затем он дул на комочек, пока он не наполнился жизнью и не начал двигаться; и они превратились в мужчину и женщину. У этого Создателя был сын по имени Шеуха, который, когда мир начал сносно заселяться, жил в долине Гиля, где в то же время жил великий пророк, чье имя было забыто. Однажды ночью, когда пророк спал, его разбудил шум у двери его дома, и когда он посмотрел, перед ним стоял большой Орел. И Орел сказал: Встань, ты, исцеляющий больных, ты, которому следует знать, что должно произойти, ибо вот, приближается потоп. Но пророк посмеялся над птицей, закутался в свои одежды и уснул. После этого Орел прилетел снова и предупредил его о приближающихся водах; но он вообще не обратил внимания на птицу. Возможно, он не захотел слушать, потому что этот Орел имел чрезвычайно плохую репутацию среди мужчин, поскольку, как сообщалось, иногда принимал облик старой женщины, которая заманивала девочек и детей на определенный утес, чтобы их больше никогда не видели; об этом, однако, позже. В третий раз прилетел Орел, чтобы предупредить пророка и сказать, что вся долина Гилы должна быть опустошена водой; но пророк не обратил на это внимания. Затем, в мгновение ока, и как раз в тот момент, когда хлопанье крыльев Орла затихло в ночи, раздался раскат грома и ужасный грохот; и над

равниной вздыбился зеленый холм воды. Секунду казалось, что оно стоит вертикально, затем, непрерывно рассекаемое молниями, подстегиваемое, как огромный зверь, оно бросилось на хижину пророка. Когда наступило утро, не было видно ничего живого, кроме одного человека — если это действительно был человек; Шеуха, сын Создателя, спасся, плавая на шарике из жевательной резинки или смолы. Когда вода немного спала, он приземлился недалеко от устья Соленой реки, на горе, где есть пещера, которую до сих пор можно увидеть, вместе с инструментами и утварью, которыми пользовался Сеуха, когда жил там. Шеуха был очень зол на Великого Орла, который, по его мнению, вероятно, имел большее отношение к наводнению, чем указано в повествовании. Во всяком случае, общая репутация птицы была достаточно плохой, и Шеуха приготовил нечто вроде веревочной лестницы из очень прочного дерева, очень похожего на вудбайн, с помощью которой он взобрался на утес, где жил Орел, и убил его.^[II-38] Оглядевшись здесь, он нашел изуродованные и разлагающиеся тела великого множества тех, кого Орел украл и взял в качестве добычи; и он снова воскресил их всех к жизни и отослал, чтобы они снова населили землю. В доме или логове Орла он нашел женщину, которую чудовище взяло в жены, и ребенка. Их он также отправил в путь, и от них произошли те великие люди, которых называли Хохокам, "древние или деды", которых во всех их странствиях вел орел, и которые в конце концов добрались до Мексики.^[II-39] Один из этих Хохокам по имени Сивано построил Каса Гранде на реке Хила, и действительно, руины этого сооружения по сей день называются его именем. После смерти Сивано его сын возглавил ветвь Хохокам в Солт-Ривер, где построил определенные сооружения и прорыл большой канал, или *асекию*. Наконец случилось так, что Хохокамом правила женщина. Ее трон был вырезан из синего камня, а таинственная птица была ее постоянной спутницей. Эти Хохокам были в состоянии войны с народом, жившим к востоку от них, на реке Рио-Верде, и однажды птица предупредила ее, что враг близко. Предупреждение было проигнорировано или пришло слишком поздно, ибо восточные люди пришли тремя отрядами; разрушили города Хохокама и убили или изгнали всех жителей.

Большинство племен пуэбло называют себя потомками Монтесумы;^[II-40] моки, однако, имеют совершенно иную историю своего происхождения. Они верят в великого Отца, живущего там, где восходит солнце, и в великую Мать, чей дом находится там, где заходит солнце. Отец - это отец зла, войны, мора и голода; но от Матери исходят все радости, мир, изобилие и здоровье. В начале времен Мать произвела на свет в своем западном доме девять рас людей в следующих первичных формах: первая - раса оленей; вторая - раса песков; третья - Раса воды; четвертая - раса Медведей; пятая - раса зайцев; шестая - раса степных волков; седьмая - раса гремучих змей; восьмая - раса табакокурения; и девятая - раса тростниковых трав. Всех их Мать разместила соответственно на тех местах, где сейчас стоят их деревни, и превратила их в людей, построивших нынешние Пуэбло. Эти расовые различия все еще резко сохраняются; ибо считается, что они являются реальностью не только прошлого и настоящего, но и будущего; каждый человек, когда он умирает, принимает свою первобытную форму; будет колыхаться в траве, или дрейфовать по песку, или бродить по прерии, как в начале.^[II-41]

ПЕЩЕРА-ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ навахо.

Навахо, живущие к северу от пуэбло, говорят, что когда-то все народы - навахо, пуэбло, койотеро и белые люди - жили вместе под землей в сердце горы недалеко от реки Сан-Хуан. Их

единственной пищей было мясо, которого у них было в избытке, потому что все виды дичи были заперты вместе с ними в их пещере; но свет в них был тусклым и длился всего несколько часов каждый день. К счастью, среди навахо были два немых человека, флейтисты, которые оживляли темноту музыкой. Один из них, случайно ударив своей флейтой по крыше лимба, издал глухой звук, по которому старейшины племен решили идти в том направлении, откуда доносился звук. Затем флейту прикрепили к крыше, и Енот поднялся по трубе, чтобы выкопать выход, но у него ничего не вышло. Тогда червь-Мотылек забрался в пролом и все скучал и скучал, пока внезапно не очутился на внешней стороне горы, окруженный водой. В этих новых обстоятельствах он насыпал небольшой холмик и уселся на него, чтобы понаблюдать и обдумать ситуацию. Достаточно критическая ситуация! ибо с четырех концов вселенной на него неслись четыре больших белых Лебедя, каждый с двумя стрелами, по одной в каждом крыле. Лебедь с севера добрался до него первым и, пронзив его двумя стрелами, вытащил их и, осмотрев их наконечники, воскликнул в результате: "Он из моей расы". То же самое, последовательно, сделали и все остальные. Затем они ушли; и в тех направлениях, в которых они ушли, на север, юг, восток и запад, были обнаружены четыре больших русла, по которым утекла вся вода, оставив только грязь. Теперь червь вернулся в пещеру, а Енот забрался в грязь, увязнув в ней по самую середину лапы, о чем свидетельствуют отметины на его мехе до сих пор. И начал подниматься ветер, заметая четыре больших русла, и грязь высохла. Затем люди и животные начали подниматься из своей пещеры, и на их подъем ушло несколько дней. Первыми пришли навахо, и как только они выбрались на поверхность, то начали играть в *патол*, свою любимую игру. Затем пришли пуэбло и другие индейцы, которые стригут волосы и строят дома. Наконец, пришли белые люди, которые сразу же отправились навстречу восходящему солнцу и пропали из виду на много зим.

Пока эти народы жили под землей, все они говорили на одном языке; но с появлением дневного света и уровня земли появилось много языков. Земля в это время была очень маленькой, и свет был таким же скудным, как и внизу, потому что тогда еще не было ни неба, ни солнца, ни луны, ни звезд. Поэтому был проведен еще один совет древних, и комитет из их числа был назначен для изготовления этих светильников. Был возведен большой дом или мастерская; и когда солнце и луна были готовы, они были вверены руководству двух уже упомянутых бессловесных трепыхателей. Тот, кто получил власть над солнцем, был очень близок из-за своей неуклюжести в своем новом кабинете к тому, чтобы превратить себя в Фаэтона и поджечь землю. Старики, однако, либо более снисходительные, чем Зевс, либо лишённые его грома, удовлетворились тем, что заставили обидчика отступить, выпустив ему в лицо дым из своих трубок. С тех пор увеличивающийся размер земли четырежды приводил к необходимости вернуть его обратно, а его путь все дальше удалялся от мира и от подземной пещеры, в которую он по ночам удаляется с великим светом. Ночью также другой немой человек выходит из этой пещеры, неся луну под мышкой и освещая ту часть мира, которую он может осветить. Затем старики принялись за создание небес, намереваясь сплести из звезд красивые узоры в виде медведей, птиц и тому подобных вещей. Но как только они начали, в комнату вбежал степной волк и закричал: "К чему все эти хлопоты и вышивание?" рассыпал груды звезд по всему полу небес, точно так же, как они лежат до сих пор.

Когда же мир и его небесный свод были закончены, старики приготовили две глиняные *банки*, или кувшины для воды, и, украсив один яркими красками, наполнили его мелочами; в то время как другой снаружи остался простым, но внутри наполнился стадами крупного рогатого скота и всевозможными богатствами. Когда эти кувшины были накрыты и преподнесены навахо и

пуэбло, первые выбрали безвкусный, но невзрачный кувшин; в то время как пуэбло получили простой и богатый сосуд; каждый народ проявляет в своем выборе черты, которые характеризуют его и по сей день. Затем среди навахо появился великий игрок, который продолжал выигрывать имущество и людей своих противников, пока не завоевал все племя. Услышав это, один из стариков пришел в негодование, натянул игроку тетиву и выстрелил в пространство — неудачный поступок, так как парень вскоре вернулся с огнестрельным оружием и испанцами. Позвольте мне в заключение рассказать, как навахо получили семена, которые они выращивают сейчас: однажды, когда все мудрецы собрались вместе, со стороны утренней звезды прилетела индюшка и стряхнула со своих перьев початок голубой кукурузы в середину компании; а в последующие визиты принесла все остальные семена, которые у них есть.[\[II-42\]](#)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ -МИФЫ ЮЖНОЙ КАЛИФОРНИИ.

О некоторых племенах мы не знаем, обладают ли они какими-либо иными представлениями о своем происхождении, кроме имени своего первого предка, или имени творца, или предания о его существовании.

В Синалоасе, от Кульякана на север до реки Яки, есть танцы в честь некой Виришевы, матери первого человека. Этого первого мужчину, который был ее сыном и которого звали Вайруби, они так же уважают.[\[II-43\]](#) Кочими из Нижней Калифорнии, несмотря на кажущееся множество богов, говорят, что в действительности есть только один, который создал небеса, землю, растения, животных и человека.[\[II-44\]](#) Перики, также из Нижней Калифорнии, называют творца Нипарайей и говорят, что небеса - это место его обитания. Секта того же племени добавляет, что звезды сделаны из металла и являются работой некоего Пурутабуи, в то время как луну создал некто Кукунумик.[\[II-45\]](#)

Народы округа Лос-Анджелес, Калифорния, верят, что их единый бог, Куаоар, спустился с небес и, обратив хаос в порядок, поставил мир на спину семи гигантов. Затем Он создал низших животных и, наконец, мужчину и женщину. Они были созданы отдельно из земли и назывались мужчина Тобохар, а женщина Пабавит.[\[II-46\]](#)

Хьюго Рид, которому мы в основном обязаны мифологией Южной Калифорнии и который является превосходным авторитетом, поскольку его жена была индианкой из этой страны, помимо предыдущего, дает нам еще одно, отличное от предыдущего предание на ту же тему: два великих Существа создали мир, наполнили его травой и деревьями и придали форму, жизнь и движение различным животным, обитающим на суше и в море. Когда эта работа была завершена, старший Создатель поднялся на небеса и оставил своего брата одного на земле. Одиноким бог, оставшийся внизу, создал себе людей-детей, чтобы не оставаться совершенно без общества. К счастью, примерно в это же время в тех краях появилась луна; она была очень красива своей нежной красотой, очень добросердечна и заменила мать детям-мужчинам, которых создал бог. Она присматривала за ними и охраняла их от всего ночного зла, стоя у дверей их вигвама. Дети росли очень счастливо, очень дорожа любовью, с которой относились к ним их опекуны; но настал день, когда их сердце опечалилось, и они начали замечать, что ни их бог-творец, ни их лунная приемная мать больше не проявляли к ним безраздельной привязанности и заботы, но вместо этого двое великих, казалось, растрачивали много драгоценной любви друг на друга. Высокий бог начал красться из их вигвама с наступлением сумерек и проводить ночные дежурства в компании беловолосой луны, которая, с другой стороны, казалось, в этих случаях не уделяла своему дежурству такого пристального внимания,

как в другое время. Детям стало грустно от этого, и на сердце защемило от мальчишеской ревности. Но худшее было еще впереди: однажды ночью их разбудил жалобный плач в их хижине, и на рассвете они увидели странную вещь, которая, как они впоследствии узнали, была новорожденным младенцем, лежавшим в дверном проеме. Бог и луна сбежали вместе; их Великий вернулся в свое место за пределами эфира, и чтобы он не мог разлучаться со своей возлюбленной, он в то же время назначил ей жилище на великом небосводе; где ее все еще можно увидеть в ее прозрачном одеянии и с сияющими серебряными волосами, ступающей небесными тропами. Ребенок, оставшийся на земле, был девочкой. Она выросла очень мягкой, очень яркой, очень красивой, как ее мать; но и как ее мать тоже, о, такая непостоянная и хрупкая! Она была первой женщиной в своем роде, от нее произошли все остальные женщины и с луны; и как меняется луна, так меняются и все они, говорят философы Лос-Анджелеса.[II-47]

СОТВОРЕНИЕ МИРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КАЛИФОРНИИ-МИФЫ.

Гораздо более прозаическое и материалистическое происхождение приписывается Луне в традициях галлиномерос Центральной Калифорнии.[II-48] В начале, говорят они, не было света, но густая тьма покрыла всю землю. Человек слепо наталкивался на человека и на животных, птицы сталкивались в воздухе, и повсюду царило смятение. После того, как Ястреб случайно влетел в морду Койоту, последовали взаимные извинения, а затем долгое обсуждение чрезвычайной ситуации. Преисполненные решимости приложить некоторые усилия к смягчению общественного зла, эти двое принялись за лекарство. Койот собрал большую кучу тула, скатал их в шар и отдал Ястребу вместе с несколькими кусочками кремня. Собрав все вместе, как только мог, Ястреб взлетел прямо в небо, где добыл огонь кремнями, зажег свой шар из тростника и оставил его там, кружась над всем в яростном красном сиянии, которое продолжается до настоящего времени; ибо это солнце. Таким же образом была создана луна, но поскольку тулы, из которых она была сделана, были довольно влажными, ее свет всегда был несколько неуверенным и слабым.[II-49]

В северной Калифорнии мы находим маттолов,[II-50] которые связывают традицию о разрушительном наводнении с пиком Тейлор, горой в их местности, на которой, по их словам, нашли убежище их предки. Что касается сотворения мира, они учат, что некий Крупный Человек начал с того, что создал голую землю, безмолвную и унылую, на которой не было ни растений, ни животных, за исключением одного индейца, который бродил по ней в прискорбном голодном и опустошенном состоянии. Внезапно поднялся ужасный вихрь, воздух потемнел и стал густым от пыли и дрейфующего песка, и индеец в ужасе пал ниц. Затем наступило великое затишье, и человек поднялся и посмотрел, и вот, вся земля была совершенна и населена; трава и деревья были зелеными на каждой равнине и холме; звери полевые, птицы небесные, пресмыкающиеся, плавающие существа двигались повсюду в поле его зрения. На количество животных установлен предел, который заключается в следующем: существует только определенное количество духов животных; когда одно животное умирает, его дух немедленно вселяется в другое тело, так что общее количество животных всегда одно и то же, и изначальные духи движутся по бесконечному кругу земного бессмертия.[II-51]

КАЛИФОРНИЙСКИЙ КОЙОТ.

Теперь мы переходим к череде мифов, в которых Койот снова появляется, выступая во многих важных и несколько мистических ролях — фактически, как великий Персонаж многих племен. Ему, хотя, как кажется, и невольно, мы обязаны рыбой, водящейся в озере Клир. История гласит,

что однажды летом давным-давно в этом регионе была ужасная засуха, за которой последовала эпидемия кузнечиков. Койот съел огромное количество этих кузнечиков и выпил все озеро, чтобы утолить свою жажду. После этого он прилег отоспаться после своей необыкновенной трапезы, и пока он спал, из южной страны пришел человек и пронзил его насквозь копьем. Затем вся вода, которую он выпил, вытекла обратно через его рану в озеро, а вместе с водой и кузнечики, которых он съел; и эти насекомые превратились в рыб, тех самых, которые до сих пор плавают в Чистом озере.[\[II-52\]](#)

Калифорнийцы в большинстве случаев описывают себя как происходящих от койота, и, что более отдаленно, от самой почвы, по которой они ступают. Выражаясь языком мистера Пауэрс, чьи обширные личные исследования дают ему право говорить авторитетно, "Все без исключения коренные жители Калифорнии верят, что их первые предки были созданы непосредственно из земли в местах их нынешнего обитания, и, в очень многих случаях, что этими предками были койоты".[\[II-53\]](#)

Потоянты дают остроумный отчет о превращении первых койотов в людей: Была эпоха, в которой не существовало людей, ничего, кроме койотов. Когда одно из этих животных умирало, в его теле размножалось множество мелких животных, подобно тому, как в туше огромного Имира, гниющего в Гиннунга-гэпе, размножались личинки, которые превращались в карликов. Маленькие животные из нашей истории на самом деле были духами, которые, поползав некоторое время по мертвому койоту и приняв всевозможные формы, в конце концов расправили крылья и улетели на луну. Очевидно, это не годилось; земля находилась под угрозой обезлюдения; поэтому старые койоты посовещались, не удастся ли им изобрести какое-нибудь средство. Результатом стал общий приказ о том, что в будущем все тела должны сжигаться сразу после смерти. Так возник обычай сжигания мертвых, который до сих пор сохраняется среди этих людей. Далее мы узнаем — чего, собственно, и следовало ожидать от животных с такой мудростью и способностями, — что эти первобытные койоты начали постепенно принимать облик людей. Сначала, это правда, со многими несовершенствами; но палец на ноге, ухо, рука, шаг за шагом они постепенно формировались в совершенную форму человека, смотрящего вверх. Однако, с одной стороны, они все еще скорбят о своем утраченном имуществе — у них пропали хвосты. Приобретенная привычка сидеть прямо полностью стерла и уничтожила этот прекрасный член. Потерянное действительно потеряно, и ушедшее ушло навсегда, и все же, когда в танцах и празднествах Потоянец сбрасывает с себя утомительное бремя тяжелой и утилитарной заботы, он прикрепляет к себе, насколько это возможно в древности, искусственный хвост и на счастливый час забывает о вырождении настоящего, имитируя славу прошлого.[\[II-54\]](#)

Калифорнийцы снова рассказывают о великом наводнении или, по крайней мере, о времени, когда вся страна, за исключением горы Диабло и Рид-Пика, была покрыта водой. На вершине был койот, единственное живое существо во всем огромном мире, и на покрытой рябью воде покачивалось одинокое перышко. Койот смотрел на перо, и пока он смотрел, плоть, кости и другие перья появились и присоединились к первому, и стал Орел. На воде послышалось шевеление, взмах широких крыльев, и прежде чем расширяющиеся круги достигли островного холма, птица встала рядом с изумленным Койотом. Вскоре эти двое познакомились и стали хорошими друзьями, и время от времени они вместе совершали экскурсии на другой холм, где Орел неторопливо парил над головой, а Койот плавал. Через некоторое время они начали

чувствовать себя одинокими, поэтому они создали людей; и по мере того, как люди размножались, воды убывали, пока суша не стала такой, какой она является сейчас.

КАК БЫЛИ ОТКРЫТЫ ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА.

Теперь также реки Сакраменто и Сан-Хоакин начали находить свой путь в Тихий океан через горы, которые до этого времени тянулись поперек устья залива Сан-Франциско. Не Посейдон рубил холмы своим трезубцем, как тогда, когда образовалась приятная долина Темпе, но сильное землетрясение разорвало скалу на части и открыло Золотые Врата между внутренними и внешними водами. До этого существовало только два выхода для осушения всей страны; одним из них была Русская река, а другим - Сан-Хуан.[\[II-55\]](#)

Туземцы, живущие в окрестностях озера Тахо, приписывают его происхождение сильным природным конвульсиям. Было время, говорят они, когда их племя владело всей землей и было сильным, многочисленным и богатым; но настал день, когда народ восстал сильнее их, победил и поработил их. Впоследствии Великий Дух послал огромную волну через континент с моря, и эта волна поглотила как угнетателей, так и угнетенных, всех, кроме очень небольшого остатка. Затем надсмотрщики заставили оставшихся людей воздвигнуть большой храм, чтобы у них, представителей правящей касты, было убежище на случай нового наводнения, и на вершине этого храма мастера поклонялись колонне вечного огня.

Однако не прошло и половины луны, как земля снова встревожилась, на этот раз сильными сотрясениями и раскатами грома, после чего учителя укрылись в своей огромной башне, закрыв людей от посторонних глаз. Бедные рабы бежали к реке Гумбольдт и, сев в каноэ, гребли изо всех сил, спасаясь от ужасного зрелища, открывшегося им позади. Ибо земля металась, как беспокойное море, и выбрасывала огонь, дым и пепел. Пламя поднялось до самых небес и расплавало множество звезд, так что они дождем расплавленного металла полились на землю, образуя руду, которую ищут белые люди. Сьерра поднялась из недр земли, в то время как место, где стоял великий форт, затонуло, оставив только купол на вершине, возвышающийся над водами озера Тахо. Обитатели башни-храма цеплялись за этот купол, чтобы не утонуть; но Великий Дух ходил по водам в своем гневе и брал угнетателей одного за другим, как камешки, и забрасывал их далеко в глубины огромной пещеры на восточной стороне озера, которая по сей день называется Обителью Духов, где воды заперли их. Там они должны оставаться до тех пор, пока последнее великое вулканическое извержение, которое должно перевернуть всю землю, снова не освободит их. В глубине их пещеры-тюрьмы все еще можно услышать их стенания, когда тают снега и вода в озере прибывает.[\[II-56\]](#)

Мы снова встречаем койота среди кароков реки Кламат в Северной Калифорнии. Эти кахроки верят в некоего Чарейю, Старца Наверху, сотворившего мир, сидящего в то время на определенном табурете, который сейчас находится во владении верховного жреца, или главного знахаря. После сотворения земли Чарейя сначала создал рыб, затем низших животных и, наконец, человека, которому была дана власть возлагать на каждое животное соответствующие обязанности и положение. Мужчина решил отвесить каждому поклон, длина которого должна была указывать на ранг получателя. Поэтому он создал всех животных вместе и сказал им, что на следующий день, рано утром, состоится раздача луков. Теперь Койоту очень хотелось иметь самый длинный лук, и, чтобы быть первым в дивизионе, он решил бодрствовать всю ночь. Некоторое время тревога поддерживала его, но незадолго до утра он сдался и крепко заснул. В результате он пришел на место встречи последним и получил самый короткий поклон

из всех. Однако человек сжалился над его горем и довел об этом до сведения Чарейи, который, взвесив обстоятельства, постановил, что койот должен стать самым хитрым из животных, каким он остается по сей день. Койот был очень благодарен человеку за его заступничество, и он стал его другом и другом его детей, и многое сделал, чтобы помочь человечеству, как мы увидим позже.[\[II-57\]](#)

ГОРА ШАСТА - ВИГВАМ ВЕЛИКОГО ДУХА.

Местные жители по соседству с горой Шаста в Северной Калифорнии говорят, что Великий Дух создал эту гору в первую очередь. Просверлив отверстие в небе, используя большой камень в качестве шнека, он сбрасывал снег и лед, пока они не достигли желаемой высоты; затем он спустился с облака на облако к огромной ледяной куче, а с нее на землю, где посадил первые деревья, просто ткнув пальцем в почву тут и там. Солнце начало растапливать снег; из снега образовалась вода; вода потекла по склонам гор, освежила деревья и образовала реки. Творец собрал листья, упавшие с деревьев, подул на них, и они превратились в птиц. Он взял палку и разломал ее на куски; из тонкого конца он сделал рыб; а из середины палки он сделал животных — за исключением медведя гризли, которого он сформировал из большого конца своей палки, назначив его хозяином над всеми остальными. Действительно, это животное было тогда таким большим, сильным и хитрым, что Создатель несколько побаивался его и выдолбил гору Шаста в качестве вигвама для себя, где он мог бы жить, находясь на земле, в самой совершенной безопасности и комфорте. Так что вскоре можно было увидеть дым, поднимающийся от горы, где жил Великий Дух и его семья, и где они живут до сих пор, хотя огонь в их очаге больше не горит, теперь, когда на земле появился белый человек. Это было тысячи лет назад, а после этого наступила поздняя и суровая весна, во время которой с моря налетел памятный шторм, сотрясший огромный домик до основания. Великий Дух приказал своей дочери, немногим более младенца, подняться наверх и приказать ветру утихнуть, в то же время по-отечески предупредив ее, чтобы она не высовывала голову навстречу порывам ветра, а только протянула свою маленькую красную ручку и сделала знак, прежде чем передать свое послание. Нетерпеливый ребенок поспешил к отверстию в крыше, сделал, как ей сказали, а затем повернулся, чтобы спуститься; но Ева была слишком сильна в себе, чтобы уйти, не взглянув на запретный мир снаружи, на реки и деревья, на далекий океан и огромные волны, которые шторм сделал такими же седыми, как леса, когда на елях лежит снег. Она остановилась, высунула голову, чтобы посмотреть; в тот же миг буря схватила ее за длинные волосы и унесла вниз, на землю, вниз по склону горы, по гладкому льду и мягкому снегу, вниз, в страну медведей гризли.

Так вот, медведи гризли тогда несколько отличались от того, чем они являются сейчас. С виду они были почти такими же, это правда; но тогда они ходили на задних лапах, как люди, и разговаривали, и носили дубинки, используя передние конечности, как люди используют свои руки.

СЕМЕЙСТВО ГРИЗЛИ С ГОРЫ ШАСТА.

У подножия горы, в том месте, куда унесло ребенка ветром, жила семья этих гризли. Отец возвращался с охоты с дубинкой на плече и молодым лосем в руке, когда увидел маленькую дрожащую беспризорницу, лежащую на снегу со спутанными волосами. Старый Гризли, жалея и удивляясь странному несчастному существу, поднял его и отнес к своей жене, чтобы посмотреть, что можно сделать. Ей тоже было жалко, и она кормила его из собственной груди,

тихо воспитывая как члена своей семьи. Так девочка выросла, и старший сын старого Гризли женился на ней, и их отпрыск был не гризли и не Великим Духом, а человеком. Поистине, весь народ гризли новой расы был очень горд, и, объединив свои силы со всех концов страны, они построили молодой матери и ее семье горный вигвам рядом с вигвамом Великого Духа; и это их сооружение теперь известно как Маленькая Гора Шаста. Прошло много лет, и, наконец, старая бабушка Гризли стала очень слабой и почувствовала, что скоро умрет. Она знала, что девочка, которую она удочерила, была дочерью Великого Духа, и ее мучила совесть из-за того, что она так и не сообщила ему ничего о судьбе его ребенка. Поэтому она созвала всех гризли в новый вигвам и отправила своего старшего внука на облаке на вершину горы Шаста сказать отцу, что его дочь все еще жива. Когда Великий Дух услышал это, он был так рад, что немедленно побежал вниз с горы, по южной стороне, туда, где, как ему сказали, находилась его дочь; и его шаги были такими быстрыми, что снег тут и там на его пути растаял, как это остается и по сей день. "Гриззлис" приготовили ему почетный прием, и когда он подошел к дому своей дочери, то обнаружил, что они стоят тысячами, в две шеренги, по обе стороны от двери, с дубинками подмышками. Он никогда не представлял свою дочь иначе, как маленьким ребенком, которого любил так давно; но когда он узнал, что она была матерью и что его посвятили в создание новой расы, его охватил гнев; он так ужасно нахмурился на бедную старую бабушку Гризли, что она умерла на месте. При этих словах все медведи подняли страшный вой, но разгневанный отец, взвалив на плечо свою потерянную любимицу, повернулся к вооруженному войску и в ярости проклял их. Мир! он сказал. Замолчи навсегда! Пусть ни одно членораздельное слово никогда больше не слетит с твоих губ, и не стой больше прямо; но используй свои руки как ноги и смотри вниз, пока Я не приду снова! Затем он изгнал их всех; он изгнал также новую расу людей, запер дверь Маленькой горы Шаста и удалился на свою гору, неся на руках свою дочь; и ни ее, ни его с тех пор никто не видел. Гризли больше никогда не разговаривали и не вставали; за исключением тех случаев, когда они сражались за свою жизнь, когда Великий Дух все еще позволял им стоять, как в старые времена, и использовать кулаки, как мужчины. Ни один индеец, ведущий свое происхождение от матери-духа и гризли, как описано здесь, не убьет медведя гризли; и если по злой случайности гризли убьет человека в каком-либо месте, это место становится запоминающимся, и каждый проходящий мимо бросает туда камень, пока не образуется большая груда.[\[II-58\]](#)

Давайте теперь пройдем дальше и, направляясь на восток и север, войдем в страну шошонов. В Айдахо есть несколько знаменитых Источников Содовой, происхождение которых Змеи относят к концу своего самого счастливого возраста. Легенда гласит, что давным-давно, когда хлопковые заросли на Большой реке были не толще стрелы, все краснокожие жили в мире, топор был повсюду зарыт, и охотник встречал охотника на охотничьих угодьях того или другого со всем гостеприимством и доброй волей. При таком положении вещей два вождя, один из шошонов, другой из племени команчей, встретились однажды у некоего источника. Шошоны преуспели в погоне, а команчу очень не повезло, что привело последнего в довольно дурное расположение духа. Поэтому он затеял с другим спор о важности их соответствующих и родственных племен и закончил тем, что совершил неспровоцированное и вероломное нападение на шошона, сбросив его в воду сзади, когда он наклонился напиться. Убитый упал лицом в воду, и сразу же там поднялось странное волнение; со дна бассейна поднялись огромные пузыри и клубы газа, и в облаке пара появился также старый седовласый индеец, вооруженный тяжелой дубинкой из лосиного рога. Убийца хорошо знал, кто стоит перед ним; тотем на груди принадлежал Ванканаге, отцу народов шошонов и команчей, древнему

человеку, известному своими храбрыми подвигами и прославленному на иероглифических изображениях обоих народов. Проклятый двумя народами! - воскликнул старик, - сегодня ты посеял смерть между двумя величайшими народами под солнцем; смотри, кровь этого шошона вызывает к Великому Духу об отмщении. И он вышиб мозги команчу своей дубинкой, и убийца упал рядом со своей жертвой в ручей. После этого источник стал зловонным и горьким, и даже по сей день никто не может пить его тошнотворную воду. Тогда Ванканага, увидев, что она осквернена, взял свою дубинку и ударил по соседнему камню, и камень взорвался чистой пузырящейся водой, такой свежей и приятной на вкус, что никакая другая вода не может даже сравниться с ней. [II-59]

ВЕЛИКАНЫ РЕКИ ПАЛОУЗ.

Проезжая в Вашингтон, мы находим рассказ о происхождении водопадов реки Палоуз и некоторых местных племен. Когда-то здесь жила семья великанов, четыре брата и сестра. Сестре захотелось немного бобрового жира, и она упросила своих братьев раздобыть его для нее — задача не из легких, так как в стране был только один бобр, и это животное необычайных размеров и активности. Однако, подобно четырем доблестным молодцам, великаны отправились на поиски чудовища и вскоре увидели его недалеко от устья Палузы, тогда мирной реки с плавным, хотя и извилистым руслом. Они сразу же бросились в погоню, направив его вверх по реке. Немного выше по течению им удалось в первый раз поразить его своими копьями, но он вырвался, преодолев в ходе борьбы первые пороги Палуза, и бросился дальше вверх по течению. Братья снова настигли его, пригвоздив к руслу реки своим оружием, и снова могучее животное, извиваясь, ускользнуло, совершив таким образом второе падение Палуза. Еще одна погоня, и в третьей, смертельной атаке четыре древка копий снова вонзаются в широкую раненую спину. В том месте, которое с тех пор отмечено великим водопадом под названием Апутапут, происходит последняя упорная борьба, разрывается земля и хлещет вода в яростном смертоносном шквале, и огромный Бобр мертв. Братья, добыв кожу и жир, разделали тело и разбросали куски в разные стороны. Из этих фрагментов произошли различные племена страны, такие как кайюсы, нез персе, валла-валлас и так далее. Кайюсы произошли из сердца бобра, и по этой причине они более энергичны, смелы и успешны, чем их соседи. [II-60]

В Орегоне чинуки и соседние народы рассказывают о дочеловеческой расе демонов, которую чинуки называли Улхайпа, а клалламы и лумми - Сехуиаб. Чинуки говорят, что человеческая раса была создана Италапасом, Койотом. Первые люди были посланы в мир в очень неуклюжем и несовершенном состоянии, их рот и глаза были закрыты, руки и ноги неподвижны. Тогда добрый и могущественный дух по имени Иканам взял острый камень, открыл глаза этим бедным созданиям и привел в движение их руки и ноги. Он научил их делать каноэ, а также все другие орудия труда и утварь; и он бросал большие камни в реки и устраивал водопады, чтобы помешать лососю подниматься, чтобы его можно было легко поймать. [II-61]

Дальше к северу, среди жителей острова Ванкувер, возможно, наиболее распространенным представлением о происхождении людей является то, что сначала они существовали как птицы, животные и рыбы. Нам рассказывают о некоем Куавтеате, представленном несколько противоречиво, как о первом Ахте, который когда-либо жил, коренастом и с волосатыми конечностями, и как о главном ахтском божестве, чисто сверхъестественном существе, если не создателе, то, по крайней мере, создателе большинства вещей, создателе земли и воды, а также животных, населяющих то или другое. В каждом из этих животных, как и при

первоначальном сотворении, обитал эмбрион, или сущность человека. Однажды к берегу причалило каноэ, управляемое двумя персонажами в неизвестном на тот момент обличье людей. Животные были напуганы до полусмерти и убежали, каждое из своего дома, в такой спешке, что оставили после себя человеческую сущность, которую обычно носили в своем теле. Эти зародыши быстро развились в людей; они размножались, пользовались хижинами, покинутыми животными, и во всех отношениях стали такими же, как ахты сейчас. Существует другой рассказ о происхождении ахтов, который делает их прямыми потомками Куаутеаха и огромной птицы, на которой он женился, — большой Громовой птицы Тутуч, с которой под другим именем и другого пола мы вскоре познакомимся поближе. Хлопанье крыльев Туточки сотрясло холмы раскатами грома, *тута*; и когда она высунула свой раздвоенный язык, молния прорезала небо.

У ахтов есть различные легенды о том, как впервые был добыт огонь, которые можно свести к следующему: Куаутеахт по той или иной причине удерживал огонь от созданий, которых он произвел на свет, за одним исключением; его всегда можно было найти горящим в жилище каракатицы, *телхупа*. Другие звери пытались украсть этот огонь, но только оленю это удалось; он спрятал немного огня в суставе своей задней ноги и, сбежав, ввел этот элемент в общее употребление.

По-видимому, не все животные были созданы в ходе общего творения; гагара и ворона имели особое происхождение, будучи метаморфозированными людьми. Два рыбака, находясь в море на своих каноэ, поссорились, причем один высмеивал другого за его небольшие успехи в рыбной ловле. В конце концов неудачник пришел в такую ярость от насмешек своего товарища, что ударил его по голове и украл рыбу, отрезав ему язык, прежде чем отчалить, чтобы несчастный случайно не пришел в себя и не добрался до берега. Предосторожность была предпринята правильно, так как изувеченный человек добрался до берега и попытался донести на своего покойного товарища. Однако он не смог издать ни звука, кроме чего-то похожего на крик гагары, на что Великий Дух Куавтеахт так без разбора разозлился на все происходящее, что превратил бедного немого в гагару, а нападавшего на него - в ворону. Поэтому, когда с тихого озера или реки доносится жалобный голос гагары, мы по-прежнему слышим бедного рыбака, пытающегося добиться понимания и рассказать тяжелую историю своих обид. [II-62]

СОТВОРЕНИЕ МИРА НУТКОЙ И САЛИШЕМ -МИФЫ.

Общий смысл многих из вышеприведенных мифов указывает на широко распространенную веру в теорию эволюции человека от животных. [II-63] Однако нет недостатка в традициях, учение которых как раз обратное. Салиши, нискваллисы и якимы из Вашингтона - все они считают, что животные, рыбы и даже съедобные коренья произошли от человеческих предков. Одно из объяснений этого обратного дарвиновского развития таково: Сын Солнца — кем бы он ни был — заставил определенных людей проплыть через озеро с волшебным маслом, жидкостью такой силы, что несчастные, погруженные в нее, преображались, как описано выше. Особенности организма различных животных являются результатом случаев их прохождения; медведь нырял и, следовательно, весь толстый; гусь плавал высоко и, следовательно, жирен только до ватерлинии; и так далее по всему списку. [II-64]

Двигаясь на север, в Такулли Британской Колумбии, мы обнаруживаем, что мускусная крыса активно участвует в созидательной работе. Плоская земля, согласно космогонии Такулли, сначала была полностью покрыта водой. По воде туда-сюда плавала мускусная крыса в поисках

пищи. Не найдя там ничего, он нырнул на дно и набрал полный рот ила, но только для того, чтобы снова выплюнуть его, когда вынырнет на поверхность. Все это он проделывал снова и снова, пока не образовался целый остров, а постепенно и вся земля. Каким-то необъяснимым образом впоследствии эта земля была заселена во всех частях, и так оставалось до тех пор, пока по ней не пронесся яростный пожар продолжительностью в несколько дней, уничтоживший все живое, за двумя исключениями; один мужчина и одна женщина спрятались в глубокой пещере в сердце горы, и с тех пор от этих двоих мир был повторно заселен.[\[II-65\]](#)

ЙЕЛЬ, СОЗДАТЕЛЬ ТЛИНКИТОВ.

Из страны Такулли мы направляемся на север и запад к побережью, населенному тлинкитами, среди которых миф о большой Птице или о великом герое-божестве, любимом обличье птицы, приобретает самые сложные пропорции и важность. Здесь имя этого великого Человека - Йель, Ворон или Вороночка, создатель большинства вещей, и особенно Тлинкитов. Очень темным, сырым и хаотичным был мир в начале; ничто, обладающее дыханием или телом, не двигалось там, кроме Йела; в образе ворона он парил над туманом, его черные крылья разгоняли бескрайнюю неразбериху, воды отступили перед ним и появилась суша. Тлинкиты были помещены на землю — хотя как и когда точно неизвестно, — когда мир все еще был погружен во тьму, без солнца, луны или звезд. Далее нам сообщают, что у некоего Тлинкита были жена и сестра. К жене он испытывал жгучую ревность, и когда работал в лесу по своему ремеслу - строил каноэ, за ней постоянно наблюдали восемь красных птиц, которые назывались *кун*. Для пущей уверенности он даже запирали ее в чем-то вроде коробки каждый раз, когда уходил из дома. Все это время его сестра, по-видимому, вдова, воспитывала нескольких своих сыновей, прекрасных высоких парней, быстроприближающихся к зрелости. Ревнивый дядя не мог вынести мысли о том, что они будут находиться по соседству с его женой. Поэтому он заманивал их одного за другим, раз за разом, в море под предлогом рыбной ловли и топил их там. Бедная мать осталась безутешной, она отправилась на берег моря, чтобы поплакать о своих детях. Дельфин — некоторые говорят, что кит — увидел ее там и пожалел; зверь велел ей проглотить маленький камешек и выпить немного морской воды. Она так и сделала, и через восемь месяцев у нее родился ребенок. Этим ребенком был Йель, который таким образом принял человеческий облик и вырос могучим охотником и выдающимся лучником. Однажды ему явилась большая птица с длинным хвостом, как у сороки, и длинным сверкающим клювом, как из металла; звали эту птицу Куцгатушь, то есть Журавль, способный воспарить к небесам. Йель подстрелил птицу, освежевал ее и всякий раз, когда ему хотелось полетать, одевался в ее шкуру.

Теперь Йель повзрослел и решил отомстить своему дяде за смерть своих братьев; поэтому он открыл шкатулку, в которой была заперта хорошо охраняемая жена. Тотчас же восемь верных птиц улетели и рассказали обо всем мужу, который отправился к себе домой в убийственном настроении. Однако самый хитрый в своем терпении, он хладнокровно поприветствовал Йела и пригласил его сесть в свое каноэ для короткого путешествия по морю. Отплыв немного, он бросился на молодого человека и столкнул его за борт; затем развернул свое каноэ и неторопливо направился к берегу, избавившись, как он думал, от еще одного врага. Но Йель тихо подплыл другим путем и встал в доме своего дяди. Сбитый с толку убийца был вне себя от ярости, он наслал могущественное проклятие на всемирный потоп по всей земле, вполне довольный собственной гибелью, поэтому он вовлек своего соперника в общую гибель, ибо ревность жестока, как могила. Начался потоп, вода все прибывала и прибывала; но Йель

облачился в свою птичью шкуру и воспарил к небесам, где ударил клювом в облако и оставался там, пока воды не успокоились.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЙЕЛЯ И ХАНУХА.

После этого случая у Йела было много других приключений, так много, что "один человек не может знать их все", как говорят тлинкиты. Одной из самых полезных вещей, которые он сделал, было обеспечение светом человечества, которым, как оказалось, земля была снова заселена после всемирного потопа. Теперь весь свет в мире хранился в трех шкатулках, среди богатств некоего таинственного старого Вождя, который тщательно охранял свое сокровище. Йель приложил все усилия, чтобы обезопасить шкатулки; он решил родиться в семье вождя. У старика была единственная дочь, в которой он души не чаял, и Йель, превратившись в травинку, забрался в чашку для питья девушки и был проглочен ею. В свое время она родила сына, которого называли Йел, таким образом, женщина появилась на свет во второй раз. Старый вождь очень гордился своим внуком, любя его так же, как он любил свою дочь, так что Йель превратился в явно избалованного ребенка. Однажды он разрыдался, доведя себя почти до припадка; он брыкался, царапался и выл и превратил семейную хижину в маленькое столпотворение, какое бывает только при детской чуме. Он требовал одну из трех шкатулок; у него была бы шкатулка; ничто, кроме шкатулки, никогда не могло его успокоить! Снисходительный дедушка дал ему одну из коробок; он вцепился в нее, перестал плакать и выполз во двор поиграть. Играя, он ухитрился открутить крышку, и о чудо! прекрасное небо было усыпано звездами, а шкатулка пуста. Старик оплакивал потерю своих звезд, но не ругал внука, он любил его слишком слепо для этого. Йелю удалось поместить звезды на небосвод, и он продолжил повторять свой успешный трюк, проделав то же самое с помощью луны и солнца. Как можно себе представить, трудности значительно возросли; и все же он добился своей цели. Сначала он выпустил на небо луну, а некоторое время спустя, завладев шкатулкой с солнцем, превратился в ворона и улетел со своим самым большим призом из всех. Когда он установил пылающий свет на небесах, люди, которые увидели это, сначала испугались. Многие прятались в горах, в лесах и даже в воде и превращались в различные виды животных, которые часто встречаются в этих местах.

Есть еще другие подвиги Йела, имеющие самые счастливые последствия для человечества. Было время, например, когда весь огонь в мире был спрятан на острове в океане. Туда полетело неутомимое божество, унося в зубах головню. Расстояние, однако, было так велико, что большая часть древесины сгорела вместе с частью его клюва, прежде чем он достиг берега Тлинкита. Придя туда, он сразу же бросил тлеющие угли, и искры разлетелись во все стороны среди различных палочек и камней; следовательно, ударяя по этим камням и тря об это дерево, всегда можно получить огонь.

Теперь у них были свет и огонь, но одного людям все еще не хватало: у них не было пресной воды. Человек по имени Ханух[II-66] хранил всю пресную воду в своем колодце на острове к востоку от Ситки, а над устьем колодца, для лучшей сохранности, он построил свою хижину. Йель отправился на остров в своей лодке, чтобы запастись водой, и по пути встретил самого Хануха, плывущего в другой лодке. Ханух заговорил первым: Как долго ты живешь в этом мире? Гордо Йель ответил: До того, как мир встал на свое место, я был там. Йель, в свою очередь, спросил Хануха: "Но как долго ты живешь на свете?" На что Ханух ответила: С тех самых пор, как

печень вылезла снизу.[II-67] Тогда сказал Йель: Ты старше меня. При этом Ханух, чтобы показать, что его могущество было столь же велико, как и его возраст, снял шляпу, и поднялся густой туман, так что один больше не мог видеть другого. Тогда Йель испугался и позвал Ханух, но Ханух ничего не ответил. Наконец, когда Йель обнаружил, что совершенно беспомощен в темноте, он начал плакать и выть; после чего старый колдун снова надел свою шляпу, и туман рассеялся. Затем Ханух пригласил Йела к себе домой и щедро угостил его многими предметами роскоши, среди которых была пресная вода. Трапеза закончилась, хозяин и гость сели, и последний начал пространный рассказ о своих многочисленных подвигах и приключениях. Ханух слушал так внимательно, как только мог, но история действительно была такой бесконечной, что в конце концов он заснул прямо на крышке своего колодца. Это расстроило намерение Йела украсть воду, пока ее владелец спал, поэтому он прибегнул к другой уловке: он подсыпал немного грязи под спящего, затем разбудил его и заставил поверить, что он обманул себя. Ханух, чей собственный нос вызывал у него отвращение, сразу же поспешил к морю умыться, а его обманщик так же быстро принялся добывать драгоценную воду. Точно так же, как всеотец Один, бог-Ворон, украл мед Суттунга, выпил его и сбежал в облике птицы, так и Йель выпил столько свежей воды, сколько смог, наполнив себя по самый клюв, затем принял облик ворона и попытался улететь через дымоход хижины. Однако он застрял в дымоходе, и Ханух, вернувшийся в этот момент, узнал в бьющейся птице своего гостя. Старик понял ситуацию и, спокойно разведя ревуший огонь, уселся поудобнее, наблюдая, как задыхается и опалается его коварный гость. Ворон всегда был белой птицей, но в этот раз его так тщательно выкурили в дымоходе, что с тех пор он до сих пор остается самой черствой из домашних птиц. Наконец Ханух, наблюдавший за огнем, задремал и заснул; так Йель сбежал с острова вместе с водой. Он улетел обратно на континент, где разбросал его во всех направлениях; и там, куда упали маленькие капли, теперь есть родники и ручьи, в то время как от больших капель образовались озера и реки. На этом подвиги Йела закончились; сделав таким образом все необходимое для счастья человечества, он вернулся в свое жилище, которое находится на востоке и в которое не может войти ни другой дух, ни какой-либо человек.

Существующее различие в языке между тлинкитами и другими народами является одним из последствий великого потопы — возможно, того самого потопы, который, как мы уже описывали, был вызван завистью строителя каноэ. Многие люди избежали утопления, укывшись в большом плавучем здании. Когда вода спала, это судно налетело на скалу и разбилось на две части; в одном фрагменте остались те, чьи потомки говорят на языке тлинкитов, в другом остались все, чьи потомки используют другую идиому.

ЧЕТЛ И АГИШАНАКХУ.

С историей этого потопы связан еще один миф, в котором фигурирует огромная Птица. Когда поднялась вода, некие таинственные брат и сестра сочли необходимым расстаться. Брата звали Четл, то есть Гром или Молния, а сестру звали Ахгишанакху, что означает Подземная женщина. Когда они расставались, Четл сказал ей: "Сестра, ты никогда больше не увидишь меня, но пока я жив, ты будешь слышать мой голос. Затем он облачился в шкуру огромной птицы и полетел на юго-запад. Его сестра взобралась на вершину горы Эджкомб, которая находится недалеко от Ситки, и она разверзлась и поглотила ее, оставив огромную дыру или кратер. Сам мир представляет собой огромную плоскую плиту, опирающуюся на колонну, и под миром, в тишине и темноте, эта Подземная Женщина охраняет великую колонну от зла и злобных сил. Она ни разу не видела своего брата с тех пор, как покинула верхний мир, и никогда не увидит его снова;

но все же, когда буря обрушивается на Эджкомб, молния его глаз сверкает в ее окне-кратере, а грохот его крыльев отдается эхом во всех ее подземных залах.[\[II-68\]](#)

У кониагас, расположенных к северу от Тлинкитов, есть свои легендарные Птица и Собака - последняя занимает место, занимаемое в мифологии многих других племен волком или койотом. Согласно кониагам, на небесах существует великое божество по имени Шлджам Шоа. Он создал двух персонажей и отправил их на землю, и Ворон сопровождал их, неся свет. Эта первоначальная пара создала море, реки, горы, леса и тому подобное. Среди прочих мест они основали остров Кадьяк и так заселили его, что нынешние кониаги считают себя потомками Собаки.[\[II-69\]](#)

Алеуты Алеутского архипелага, по-видимому, расходятся во мнениях относительно своего происхождения. Некоторые говорят, что вначале в Уналашке жила Сука, и что огромный Пес переплыл к ней из Кадьяка; от этой пары произошел человеческий род. Другие, называя суку-мать своей расы Махах, описывают некоего Старика по имени Ирагдадах, который пришел с севера, чтобы посетить этот Махах. Результатом этого визита стало рождение двух существ, мужского и женского пола, с таким необычным смешением элементов природы в них, что каждое из них было наполовину человеком, наполовину лисой. Имя существа мужского пола было Акагниках, и через другое существо он стал отцом человеческого рода. Однако Старик, по-видимому, вряд ли нуждался в какой-либо помощи людям по всему миру, поскольку, подобно великому патриарху Фессалии, он был способен создавать людей, просто бросая камни на землю. Он бросал также другие камни в воздух, в воду и над сушей, создавая таким образом зверей, птиц и рыб. В другой версии повествования говорится, что первый отец алеутов упал с небес в облике собаки.[\[II-70\]](#)

СОБАКА - ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГИПЕРБОРЕЙЦЕВ.

В легендах о тинне, живущих в глубине страны, к северо-востоку от Кониагаса, снова появляются знакомые Птица и Собака. Эти легенды рассказывают нам, что сначала мир существовал как огромный океан, в котором обитала только огромная Птица, взмах крыльев которой был громом, а взгляд - молнией. Это огромное летающее чудовище спустилось и коснулось вод, над которыми поднялась земля и появилась над ними; оно коснулось земли, и оттуда вышли все живые существа — за исключением тинне, которые обязаны своим происхождением Собаке. Поэтому и по сей день собачье мясо является мерзостью для тинне, как и для всех, кто ест такое мясо. За несколько лет до визита капитана Франклина они чуть не погубили себя, последовав совету какого-то фанатичного реформатора. Убедившись им в нечестии отнимать труд у своих ближайших родственников, собак, они сразу же избавились от греха и от всякого соблазна к его повторению, убив всех псов, которые были у них.

Возвращаясь к происхождению тинне, ранее упомянутая чудесная Птица изготовила и подарила им своеобразную стрелу, которую они должны были хранить с особой тщательностью на все времена. Но они этого не сделали; они незаконно присвоили священный стержень для какого-то общего пользования, и огромная Птица немедленно улетела, чтобы никогда не вернуться. С его уходом закончился Золотой век тинне — век, в котором люди жили до тех пор, пока их горло не переедало, а ноги - от ходьбы.[\[II-71\]](#)

Принадлежащее к североиндийской ветви тинне, мы находим повествование, в котором Собака занимает видное место, но в котором мы вообще не находим упоминания о Птице: Сначала

земля существовала в хаотичном состоянии, и только с одним человеком - обитателем, женщиной, которая жила в пещере и питалась ягодами. Однажды, собирая их, она столкнулась с животным, похожим на собаку, которое последовало за ее домом. Этот Пес обладал способностью превращаться в красивого молодого человека, и в таком виде он стал отцом от женщины первых мужчин. Со временем гигант такого роста, что его голова доставала до облаков, появился на сцене и обустроил землю для ее обитателей. Он превратил хаос в порядок; он установил границы земли, он обозначил своим посохом расположение или русло озер, прудов и рек. Затем он убил Собаку и разорвал ее на куски, как четыре великана поступили с Бобром реки Палуз или как Асы-творцы поступили с Аургельмиром. Однако, в отличие от четырех братьев и сыновей Бора, этот великан из племени Тинне использовал фрагменты не для создания людей или вещей, а для животных. Внутренности собаки он бросил в воду, и каждый кусочек превратился в рыбу; мясо он разбросал по земле, и каждый кусочек превратился в животное; куски кожи он развеял по ветру, и они стали птицами. Все они распространились по земле, увеличивались и размножались; и великан дал женщине и ее потомству силу убивать их и есть в соответствии с их потребностями. После этого он вернулся на свое место, и с тех пор о нем ничего не было слышно.[\[II-72\]](#)

Оставляя теперь этот раздел нашей темы, более конкретно касающийся космогонии, возможно, будет нелишним предупредить возможную критику относительно разрозненности изложения различных мифов. Мне остается только повторить, что мифология, с которой мы имеем дело, известна лишь фрагментарно, и заявить, что разбитая статуя или даже осколок подлинной или предположительно подлинной древности более ценен для науки и даже для поэзии, чем самая искусная идеальная реставрация.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФОВ.

Далее, отсутствие каких-либо попыток сформировать связное целое из мифов, которые попадают в поле нашего зрения, не может не устранять тенденцию изменять очертания и приукрашивать детали, которая так незаметно естественна для любого мифографа, одержимого духом системы. Выдвигая, наконец, мнение о том, что разрозненное расположение не только лучше подходит для сохранения первоначальных мифов в их целостности, но и лучше для изучающего, мне, возможно, будет позволено завершить главу вторым Правилom толкования мифов, данным таким выдающимся авторитетом, как м-р Кейтли: "Подобным же образом сами мифы следует рассматривать отдельно и оторванными от системы, в которую они помещены; поскольку отдельные мифы существовали задолго до системы и были продуктом других умов, чем те, которые впоследствии связали их, нередко без их полного понимания".[\[II-73\]](#)

ГЛАВА III. ФИЗИЧЕСКИЕ МИФЫ.

Солнце, Луна и Звезды—Затмения—Луна, Олицетворяемая в Стране Полумесяца—Огонь—Как Койот украл Огонь для кароков—Как Лягушка потеряла свой Хвост—Как Койот украл Огонь для навахо—Ветер и Гром—Четыре Ветра и Переправа—Вода, Первая из Стихий —Ее Священная и Очищающая Сила—Земля и Небо—Землетрясения и вулканы—Горы—Как Ястреб и Ворон Построили Прибрежный хребет—Горы Йосемити.

Фетишизм, по-видимому, является физической философией человека в его самом примитивном состоянии. Он смотрит на материальные вещи как на одушевленные жизнью, аналогичной его собственной, как на обладающие личным сознанием и характером, как на отдельное материальное тело, содержащее некую нематериальную сущность или душу. Ребенок или дикарь бьет или бранит любой предмет, который причиняет ему боль, и ласкает безделушку, которая ему приглянулась, разговаривая с ней почти как с товарищем.

ПРИЧУДЫ, КАСАЮЩИЕСЯ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ.

Пусть в этом предмете есть что-то особенное, таинственное или опасное, и дикарь поклоняется ему, смягчает его гнев и вымаливает его благосклонность такими церемониями, молитвами и жертвоприношениями, которые, по его мнению, способны завоевать его расположение. Рассматривая такие случаи с мифологической точки зрения, необходимо будет изучить факты, чтобы понять, имеем ли мы дело с простым фетишизмом или с идолопоклонством. Этот дикарь поклоняется фетишу, который поклоняется вздымающемуся морю как огромному живому существу или преклоняет колени перед пламенем как перед шипящим ревущим животным; но греки, придумав отдельного антропоморфного бога моря или огня и представляя этого бога фигурами разного рода, были всего лишь идолопоклонниками. Однако эти две вещи часто настолько сливаются друг с другом, что во многих случаях становится трудно или невозможно сказать, рассматривается ли конкретный объект, например солнце, как божество или просто как изображение или символ божества. Однако достаточно очевидно, что в основе большей части индийской мифологии лежит довольно отчетливый элемент фетишизма. Говоря об этой мифологии в *the mass*, *The North American Review* пишет: "Таинственная и необъяснимая сила заключена в неодушевленных предметах. Они тоже могут прислушиваться к голосу человека и влиять на его жизнь во зло или во благо. Озера, реки и водопады иногда являются местом обитания духов, но чаще они сами являются живыми существами, которых можно умиловить молитвами и подношениями".[\[III-1\]](#)

Явное поклонение солнцу и более или менее другим небесным телам или, по крайней мере, признание какой-либо сверхъестественной силы, обитающей в них или связанной с ними, было широко распространено по Мексике, как среди нецивилизованных, так и среди цивилизованных племен. Дикие чичимеки или та часть диких племен Мексики, к которой Алегре применил это название, считали солнце своим божеством, как и жители страны наярит.[\[III-2\]](#)

В том, что мы можем назвать цивилизованной Мексикой, солнцу определенно поклонялись под именем Тонатиух, Солнце в его субстанции, и под именем Наолин, Солнце в его четырех движениях. Иногда его изображали в виде человеческого лица, окруженного лучами, в других случаях - человеческой фигурой в полный рост, и опять же, кажется, что его часто путают или связывают со стихией огня и богом огня. Саагун, например, обычно говорит о празднике месяца Ицкалли как о празднике бога огня, но по крайней мере в одном месте он описывает его как относящийся к солнцу и огню.[\[III-3\]](#) Солнце, это сносно несомненно, занимало если и не самое высокое место, то недалеко ушедшее от этого положения в мексиканском пантеоне. Брассер де Бурбур, Тайлор, Сквайер и Скулкрафт сходятся во мнении, что солнцепоклонничество является самой радикальной религиозной идеей из всех цивилизованных американских религий.[\[III-4\]](#) Профессор Мюллер считает бога солнца и верховного мексиканского теотля идентичными.[\[III-5\]](#) Доктор Бринтон, как мы увидим, когда обратимся к мифологии огня, хотя и не отрицает выдающуюся роль культа солнца, относит этот культ к базовому и первоначальному

поклонению огню. Многие толкователи мифологии видят олицетворение солнца и в других мексиканских богах, помимо Тонатиу. Особенно убедительно свидетельства указывают в этом направлении в случае с Кецалькоатлем, как мы увидим, когда обратимся к этому богу.

Мексиканцы были очень обеспокоены солнечным затмением. Они подумали, что он был чем-то сильно встревожен и его бросало из стороны в сторону, и что у него началась серьезная желтуха. Это вызвало всеобщую панику, женщины громко рыдали, а мужчины выли, кричали и прижимали руки ко рту. Были немедленно начаты поиски мужчин с белыми волосами и белыми лицами, и они были принесены в жертву солнцу под шум и гам пения и музыкальных инструментов. Считалось, что если затмение однажды станет полным, то свету придет конец, и что во тьме демоны спустятся, чтобы пожирать людей.[\[III-6\]](#)

ЗАТМЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА.

Тлашкальтеки, считавшие солнце и луну мужем и женой, верили, что затмения - это домашние ссоры, последствия которых, вероятно, будут фатальными для всего мира, если не удастся установить мир до того, как ситуация дойдет до крайности. Чтобы успокоить взъерошенный дух солнца во время его затмения, ему приносили человеческие жертвы из самых румяных, какие только можно было найти; а когда луна темнела, ее умиротворяли кровью тех людей с белым цветом кожи, которые обычно известны как альбиносы.[\[III-7\]](#)

Идея отвратить зло шумом в случае солнечного или лунного затмения, по-видимому, была распространена среди других американских племен. Алегри приписывает это уроженцам Соноры в целом. Рибас рассказывает, как жители Синалоаса считали, что луна во время затмения была затемнена пылью битвы. Ее враг напал на нее, и на небесах разразилась ужасная битва, имевшая серьезные последствия для тех, кто был на земле. В диком возбуждении люди колотили постенам своих домов, призывая луну и выпуская в небо множество стрел, чтобы отвлечь ее противника. Во многом то же самое делали и некоторые калифорнийцы.[\[III-8\]](#)

Что касается лунного затмения, то у мексиканцев, по-видимому, были довольно особые представления о его воздействии на нерожденных детей. В такие времена беременные женщины начинали беспокоиться, как бы их младенец не превратился в мышь, и, чтобы уберечься от такого нежелательного завершения, они держали во рту кусочек обсидиана, *истли*, или клали его кусочек за пояс, чтобы ребенок родился совершенным, а не безгубым, или безносым, или кривогубым, или косоглазым, или чудовищем.[\[III-9\]](#) Эти представления, вероятно, связаны с тем фактом, что мексиканцы поклонялись луне под именем Мезтли, как божеству, руководящему человеческими поколениями. Клавиджеро считает этого бога луны идентичным Джоалтекутли, богу ночи.[\[III-10\]](#)

Однако именно к аббату Брассеру де Бурбуру мы должны обратиться за поистине новой и циклопической теорией мексиканского лунолатрия. Он возвращается к тем временам, когда праотцы американской цивилизации жили в некой Стране Полумесяца в Атлантике; здесь они практиковали сабаизм. В результате какой-то чудовищной физической катастрофы их страна была полностью затоплена морем; и это наводнение, по мнению аббата, является источником мифов о Всемирном потопе центральноамериканских народов. Остатки этого народа Полумесяца спаслись на семи главных островах Малых Антильских островов; это, объясняет он,

семь мифических пещер или гротов, прославленных во многих американских легендах как колыбель народов. Спасенные остатки народа оплакивали потерю своих друзей и своей старой земли, сделав последнюю, имеющую форму полумесяца, запоминающейся навсегда, приняв луну в качестве своего бога. "Мне кажется, что именно луну, - пишет великий американец, - мужчину и женщину, Луну и Лунные Тела, олицетворенные в стране Полумесяца, поглощенные бездной, я вижу в начале этой смеси всевозможных ритуалов и символов".[III-11] Признаюсь, я не в состоянии проследить путь, которым аббат пришел к такому выводу; но я указал его местонахождение, и будущим студентам может быть предоставлено дальнейшее представление об этом новом лабиринте и тонкостях его трудолюбивого Дедала.

ЧТО МЕКСИКАНЦЫ ДУМАЛИ О ЗВЕЗДАХ И КОМЕТАХ.

У мексиканцев было много любопытных представлений о звездах, некоторые из которых дошли до нас. Они особенно почитали определенную группу из трех человек, называемых *мамалхоазтли*, в знаке зодиака Телец или по соседству с ним. Это название было таким же, как у палочек, из которых добывали огонь: предполагалось, что между ними и этими звездами существует какое-то сходство. С этим также связано выжигание каждым мексиканцем мужского пола определенных знаков на своем запястье в честь тех же звезд; считалось, что человек, умерший без этих знаков, по прибытии в ад должен быть вынужден извлечь огонь из своего запястья, растирая его, как палкой для костра. Планете Венера поклонялись как первому светилу, появившемуся в мире, как богу сумерек и, по мнению некоторых, как тождественному Кецалькоатлю. Далее говорилось, что эта звезда заимствует свой свет у луны и восходит в четыре захода. Его первое мерцание было плохим предзнаменованием, и его следовало закрыть от всех дверей и окон; появившись в третий раз, оно начало излучать ровный свет, а на четвертый засияло во всей своей ясности и блеске.

Каждую из комет называли *читлалинпопока*, или дымящаяся звезда; их появление рассматривалось как общественное бедствие и как предвестие чумы, голода или смерти какого-нибудь принца. Простые люди привыкли говорить об одном из них: "Это наш голод", и они верили, что это метание определенных дротиков, которые, попадая в любое животное, размножают личинку, делающую это существо непригодным для еды. Разумеется, люди, находившиеся в местах, подверженных воздействию этих вредных лучей, принимали все возможные меры предосторожности в отношении укрытия. Помимо вышесказанного, существовало много звезд или групп звезд, названия которых были идентичны названиям определенных богов; следующие, по-видимому, принадлежат к этому классу: Тонакатлекутли или Читлалалатоналли, млечный путь; Изакатекутли, Тлахвицкальпантекутли, Сейакатль, Ачитуметль, Хасупанкальки, Мишкоатль, Тецкатлипока и Контемоктли.[III-12]

Я уже заметил преобладающую тенденцию связывать поклонение огню и солнцу. Обнаруживается, что обряды вечного огня тесно связаны с культом солнца, и, какими бы древними они ни были, несомненно, что их редко можно встретить отдельно. "Что, - говорит Тайлор, - море для поклонения Воде, в некоторой степени Солнце для поклонения Огню".[III-13] Бринтон изменил бы это и отдал бы огню преобладание: короче говоря, говорит он, о солнце "всегда говорят как об огне"; "и без опасности или ошибки мы можем почти полностью объединить рассмотрение его поклонения в этом элементе".[III-14] Это звучит довольно экстравагантно и вряд ли нужно в любом случае; ибо достаточную причину для его обожествления всегда можно найти в его таинственной природе и ужасной разрушительной

силе, а также в его добрых и постоянно обновляемых услугах, если благодарность имеет какую-то силу при создании бога. Простое охранение и почитание священным определенного огня, вероятно, проистекало из важности обладания неиссякаемым источником этого элемента и из сложности его добыwania, если позволить ему угаснуть, среди людей, не обладающих средствами цивилизации.

Когда мы перейдем к обзору богов в целом, те, что связаны с огнем, будут указаны по мере их появления; пока же достаточно сказать, что у многих народов Америки были такие боги, или проводились церемонии, предполагающие их существование и признание, или, наконец, существовали легенды о происхождении или добывании огня, который они ежедневно использовали на алтаре или в очаге. В пуэбло Нью-Мексико, и особенно среди пекос, священные вечные огни поддерживались по особому приказу их традиционного бога и правителя Монтесумы; но эти огни не считались фетишами.[\[III-15\]](#) Мексиканский бог огня был известен под именем Ксиутектли и под другими именами, относящимися к различным аспектам, в которых его рассматривали. Сохраняя свою собственную ярко выраженную индивидуальность, он, очевидно, был тесно связан также и с богом солнца. Многочисленными и разнообразными, даже в домашней жизни, были церемонии, по которым его узнавали; возможно, самым важным ритуалом, связанным с его службой, было зажигание нового огня, которым, как мы увидим, отмечалось начало каждого мексиканского цикла.[\[III-16\]](#)

Среди различных племен существуют различные легенды, касающиеся происхождения или, скорее, добыwania огня. Мы знаем, как киче получили его по отпечатку сандалии из Тохилья; как из родины каракатиц олень принес его ахтам в суставе своей ноги; как с далекого острова великий йель тлинкитов принес в клюве головню, которая наполнила кремь и палочку для костра семенами вечного огня.

КАК КАРОКИ ДОБЫВАЛИ ОГОНЬ.

Кароки считают, что, когда в начале создатель Чарейя сотворил огонь, он отдал его на хранение двум старым ведьмам, чтобы Кароки не украли его. Кароки, исчерпав все средства, чтобы добыть сокровище, обратились за помощью к своему старому другу Койоту; который, зрело обдумав, как лучше всего осуществить кражу, приступил к делу следующим образом: от земли кароков до дома старух он разместил большое стадо животных на удобном расстоянии; самых сильных - ближе всего к логову старых бельдамов, самых слабых - дальше всех. Напоследок он спрятал Карок по соседству с хижинкой и, оставив мужчине точные указания, как действовать, подбежал к двери и попросил впустить его с холода. Ничего не подозревая, старухи впустили его; поэтому он улегся перед огнем и устроился как можно удобнее, ожидая дальнейших действий своего сообщника-человека снаружи. Вовремя мужчина предпринял яростную атаку на дом, и старые фурии сразу же выбежали, чтобы отогнать захватчика. Это была возможность для койота. Он мгновенно схватил наполовину сгоревшую головню и, как комета, помчался по тропе; а две ведьмы, увидев, что их перехитрили, бросились за ним в немедленную и яростную погоню. Тогда надеждам кароков пришлось нелегко, если их четвероногий Прометей полагался на свою единственную скорость; но как только он начал чувствовать, что темп сказывается на нем, и как раз в тот момент, когда странные женщины подумали, что вот-вот вернут клеймо, Пума избавила его от него. Велико было удовлетворение нашего мудрого Койота, когда он опустился на землю, прочищая запачканные сажей глаза и горло и переводя дыхание, и увидел, как большая гибкая кошка отскочила прочь с факелом, а ведьмы заскрежетали своими

потрескавшимися деснами, когда они промчались мимо, преследуемые, по тусклому следу искр. Кугуар передал клеймо Медведю, Медведь - своему соседу, и так до конца. Вдоль длинной вереницы носильщиков запыхавшиеся старухи тщетно перебирали своими иссохшими старческими ногами; среди всех животных, составлявших колонну, произошло только два несчастных случая. Белка, предпоследняя в поезде, так сильно обожгла свой хвост, что он свернулся у нее на спине и даже опалил кожу над плечами. Наконец, бедный Лягушонок, получивший клеймо, когда от него остался совсем маленький кусочек, запрыгал так сильно, что преследователи настигли его, настигли быстро и уверенно. Напрасно он готовился к каждому прыжку, напрасно тянулся при каждом прыжке, пока натруженные мышцы снова не затрещали. Он был пойман. Затуманенные дымом глаза его вылезли из орбит, маленькое сердечко колотилось, как дубинка, в тонких пальцах, сомкнувшихся на его теле, — и все же это дикое карканье не было карканьем отчаяния. Еще раз за надежду Кароков! еще одна борьба за Койота, который доверил ему это великое дело! и одним глотком отважный маленький мученик проглотил огонь, вырвался из державших его рук, прыгнул в реку и, ныряя глубоко и долго, достиг своей цели; но добился этого печальным крушением: красивый хвост, который из всей его расы мог когда-либо снова носить только головастик, бесследно исчез, оставшись, как у кобылы О'Шантера, в руках ведьмы; только его призрак остался выплевывать на несколько деревьев драгоценные угольки, сохраненные такой дорогой ценой. И именно потому, что Лягушка выплюнула этот огонь на эти деревьяшки, его всегда можно извлечь снова, сильно потеряв их друг о друга.[\[III-17\]](#)

ОГОНЬ, МОЛНИЯ И ВЕТЕР.

У навахо есть легенда о добывании огня, которая имеет много аналогий с вышеизложенным. Они рассказывают, как, когда они впервые ступили на землю, у них не было огня, и как Койот, Летучая Мышь и Белка согласились добыть его для них. Объект их вождения, по-видимому, находился во владении животных вообще, в какой-то отдаленной местности. Койот, привязав к своему хвосту сосновые щепки, быстро пробежал сквозь огонь и скрылся со своей зажженной добычей. Однако, преследуемый другими животными, он вскоре устал; после чего Летучая Мышь сменила его и, уворачиваясь и порхая туда-сюда, унесла осколки еще дальше. Тогда Белка пришла на помощь Летучей Мыши и, сменив ее на этом посту, ухитрилась добраться до очагов навахо с вожденными угольками.[\[III-18\]](#)

Уроженцы округа Мендосино, Калифорния, верят, что молния является источником огня, что первобытная стрела, брошенная Человеком Наверху, попала в определенное дерево, из которого, следовательно, огонь всегда можно извлечь, потеряв два куса друг о друга.[\[III-19\]](#)

От огня давайте на мгновение обратимся к ветру, феномену которого, как и следовало ожидать, не позволили пройти совершенно незамеченными мифологии, с которыми нам приходится иметь дело. Когда мы приступим к рассмотрению идей, связанных со смертью, с душой человека и ее будущим, мы обнаружим, что ветер, или воздух, часто используется как лучшее название и фигура для выражения примитивных представлений об этой таинственной вещи, жизненной сущности или духе. Ветер тоже часто рассматривается как бог или, по крайней мере, как дыхание бога, и во многих американских языках Великий Дух и Великий Ветер - это одно и то же как по слову, так и по значению. Имя бога Хуракана, упомянутое в мифах киче, до сих пор означает Бурю на многих языках, незнакомых его почитателям, в то время как на киче это может переводиться как "Дух" или "быстро движущийся дух";[\[III-20\]](#) а имя мексиканского бога

Мишкоатля, как говорят, и по сей день является правильным мексиканским термином для обозначения вихря.[III-21]

Здесь возникает интересный момент в связи с разделением небес на четыре части и присвоением им названий по именам ветра. Доктор Бринтон считает, что этот факт лежит в основе святости и частого появления числа четыре во многих ранних легендах, и он связывает эти четыре ветра и их воплощение во многих кватернионах божеств со священностью креста и его использованием у широко разделенных народов, которым его более позднее христианское значение было совершенно неизвестно.[III-22]

Если мы можем предположить, что Великий Дух и ветер часто изображаются в виде огромной птицы, мы должны связать с ними, как с их наиболее неотделимыми атрибутами, гром и молнию; первое, как мы так часто видели, - это шелест крыльев птицы, второе - сверкание ее глаз. Ворон кониагасов, однако, не является автором этих вещей, как у большинства других племен великого Северо-Запада; но их главное божество, когда оно разгневано, посылает двух гномов, которые по его приказу разражаются громом и молниями.[III-23] О боге Хуракане, на которого мы обратили внимание как на этимон слова ураган, в "Пополь Вух" говорится: "Вспышка - это первый признак Хуракана; второй - борозда от вспышки; третий - удар молнии";[III-24] и мексиканскому богу Тлалоку также приписываются те же три атрибута.[III-25]

ВОДА КАК ОЧИЩАЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ.

Обращаясь к воде, мы обнаруживаем, что многие племена считают ее первоэлементом. Обычно считается, что земля возникла из первобытного океана воды. Очевидно, что вода является первым и главным питателем растительной жизни и необходимой предпосылкой всякого плодородия; отсюда всего лишь короткий шаг до утверждения, что она является матерью тех, кто живет плодородием земли. "Твоя мать, Чальчиутликуэ, богиня воды" - фраза, постоянно звучащая из уст акушерки, когда она обращается к ребенку, во время мексиканского омовения или крещения.[III-26]

Использование воды, более или менее освященной, или выделенной, или удостоенной звания "святой"; использование ее в обряде общепризнанного очищения от врожденного греха во время наречения имени — одним словом, крещения — восходит к периоду, далеко дохристианскому у мексиканцев, майя и других американских народов; как покажут древние церемонии, которые будут описаны ниже. То, что человек вступает на свой жизненный путь с ужасным пристрастием ко злу, с печальной и прискорбной склонностью к искушениям, - это пункт, в котором практически единодушны все религии. Как еще они могли бы существовать? Если бы человек родился совершенным, он оставался бы совершенным, в противном случае не хватало бы первого элемента совершенства; а совершенство не допускает ни превосходной степени, ни большего, ни бога. Таким образом, там, где есть религия, обычно присутствует осознание добровольного и непроизвольного греха. Как мне очиститься? как моему ребенку очиститься от этого великого зла? это крик как идолопоклонника, так и монотеиста. Странно ли, что аналогия между телесным и духовным осквернением независимо напрашивается на ум обоим? Конечно, нет. "Умойся и будь чистым" - для всего мира притча, не нуждающаяся в толкователе.[III-27]

Церемониальное употребление воды сопровождало мексиканца всю его жизнь; хотя пока мы отметим только еще один связанный с ним обычай, последний из всех. Когда тело хоронили, в могилу опускали сосуд с чистой, сладкой водой; яркой, прозрачной, животворящей и оберегающей водой - надеждой и любовью, немymi и невнятными, протягивающими неопределенную руку к воскресению.

Мексиканским богом дождя и воды был Тлалок, посылающий гром и молнию, владыка земного рая и удобрение земли; его женой была уже упомянутая Чальчиутликуэ.[III-28] Подобно Тлалоку, Куиатеот был никарагуанским богом дождя, повелителем молний и генеральным директором метеорологических явлений.[III-29]

Навахо выпускали табачный дым прямо к небесам, чтобы вызвать дождь, и те из них, кто нес труп на похороны, были нечисты, пока не были омыты водой.[III-30] В глубоком и уединенном каньоне недалеко от Форта Дефианс есть источник, который это племя считает священным, приближаясь к нему только с большим почтением и совершением определенных мистических церемоний. Говорят, когда-то это был кипящий источник, и даже сейчас, если приблизиться к нему по неосторожности или со стороны плохого индейца, его воды забурлят и вырвутся наружу, чтобы сокрушить незваного гостя.[III-31]

У зунов также был священный источник, посвященный богу дождя, который, как мы видим, косвенно является самим Монтесумой, великим божеством Пуэбло. Ни одно животное не имело права пробовать его священную воду, и его ежегодно очищали также священными сосудами — древнейшими вазами, которые передавались из поколения в поколение с тех времен, к которым не восходила даже традиция. Эти сосуды стояли в ряд на стенке колодца. На них были изображены лягушка, гремучая змея и черепаха, которые были посвящены великому покровителю этого места, чья ужасная молния должна была поглотить святотатственную руку, прикоснувшуюся к этим священным реликвиям.[III-32]

ЗЕМЛЯ, МОРЕ, НЕБО.

Мы видели, как калифорнийские племена верят, что произошли от самой земли, как бестелесный предок тецуканцев возник из почвы, как гватемальские альтеки, папагосы и пимы были вылеплены из глины, по которой они ступали, и как навахо появились на свет из недр огромной горы близ реки Сан-Хуан. Кажется, что людям давным-давно и часто приходило в голову, что нависающие небеса или что-то там еще и всепроизводящая земля являются, так сказать, отцом и матерью для всех живых существ. Команчи взывают к земле как к своей матери, а к Великому Духу - как к отцу. Мексиканцы привыкли молиться: Будь доволен, о наш Господь, что дворяне, которые могут погибнуть на войне, будут мирно и благосклонно приняты солнцем и землей, которые являются отцом и матерью всего сущего.[III-33] Вероятно, опять же, имея в виду материнскую функцию земли, те же самые люди, когда происходило землетрясение, брали своих детей за голову или руку и поднимали их, говоря: землетрясение заставит их расти.[III-34] Иногда они указывали определенную часть земли как более близкую к ним в этом отношении, чем другие части. Говорят, что в десятый день месяца Кечолли граждане Мексики и Тлателолко имели обыкновение посещать холм под названием Какатепек, поскольку они говорили, что это их мать.[III-35]

Что касается субстанции, устройства и так далее земли и неба, то остаются одна или две идеи, еще не высказанные в связи с общим творением. Глашкальтеки и, возможно, другие народы

анахуака верили, что земля плоская и заканчивается морским берегом, которую несут определенные божества, которые, когда устают, сменяют друг друга, и что по мере того, как бремя перекладывалось с плеча на плечо, происходили землетрясения. Море и небо считались состоящими из одного материала, причем море было более плотным; и считалось, что дождь идет не из облаков, а из самой субстанции небес.[III-36] Жители Южной Калифорнии верили, что когда Творец создавал мир, он поместил его на спинах семи гигантов, движения которых, как и в предыдущем мифе, вызывали землетрясения.[III-37] Небо, согласно некоторым юкатекам, поддерживали четыре брата, каждого из которых звали Бакаб, в дополнение к нескольким их именам, которые, по-видимому, были Кан, Мулук, Икс и Кауак. Этих четверых Бог разместил по четырем углам мира, когда создавал его, и они спаслись, когда все остальное было уничтожено наводнением.[III-38]

Часто предполагалось, что в недрах земли, в вулканах, обитают подземные боги. Кониага, например, считали, что кратеры Аляски населены существами, более могущественными, чем люди, и что они выпускают огонь и дым, когда отапливают свои парилки или готовят пищу.[III-39]

Суровое величие холмов и гор не обошлось без воздействия на благоговейный ум американских аборигенов. Прямое богослужение было необычным, но несколько случаев, должно быть, уже проинформировали читателя о том, что своего рода святость часто связывается с большими возвышенностями в природе. Пристрастие к холмам и насыпям как к ориентирам и почитателям традиций, а также как к местам поклонения было столь же распространено среди американцев, как и среди народов старого света. У племени Чоле из провинции Ица в их стране был холм, который они считали богом всех гор и на котором они жгли вечный огонь.[III-40] Мексиканцы, молясь о дожде, привыкли клясться, что они создадут изображения гор, если их просьбы будут благосклонно восприняты;[III-41] и в других вопросах, связанных с их религией, чтобы показать, как это проявлялось и будет проявляться как у них, так и у других людей, их признание божества, пребывающего на великих вершинах или ограждающего их от них. В самом деле, что удивительного, что грубому и охваченному благоговейным страхом уму вечные холмы казались ближе и подобнее небу, чем обычный земной уровень? и что дикарь должен преклонять колени или тихо ходить там, как в особом присутствии Великого Духа? Вряд ли это новое чувство, похоже, это инстинкт и обычай, такой же старый, как религия. Куда делся Авраам в тот ужасный час, который считался ему праведным на протяжении всех веков? Где были раскаты грома и молнии, возвестившие о передаче Закона, когда сын Амрама разговаривал с Иеговой лицом к лицу, как человек разговаривает со своим другом? Откуда видел более великий, чем Моисей, царства мира и славу их? откуда в последующие ночи возносились молитвы Христа? и где стоял он, когда его одежда стала такой белой, что ни один полновщик на земле не смог бы ее выбелить; Моисей и Илия разговаривали с ним, а Петр так сильно боялся?

ХОЛМЫ И ГОРНЫЕ ЦЕПИ.

Там, где холмы не были найдены подходящими для целей поклонения, они, по-видимому, были подделаны на жалкий человеческий манер: с возвышенностей и курганов, с пирамид и теокалли, с тех пор как утренние звезды пели вместе, дым от алтаря и кадиланицы не переставал подниматься. Но день начинает проясняться, и утренний туман рассеивается; хотя холмы не опускаются, Бог возносится ввысь. И все же они все еще сохраняют свою славу и очарование даже для нас, а дикарям они часто кажутся результатом особого и множественного

сотворения. Мы помним, как Великий Дух сделал гору Шаста своим единственным достойным местом пребывания на земле; и я привожу здесь другую легенду гораздо более тривиального толка, чем первая, рассказывающую, как была построена не только гора Шаста, но и все горы Калифорнии: -[III—42] В то время, когда мир был покрыт водой, жили Ястреб, Ворона и очень маленькая Утка. Последний, нырнув на дно и набрав полный клюв грязи, умер; после чего Ворона и Ястреб взяли каждый по половине поднятой грязи и принялись за работу по созданию гор. Начав с места под названием перевал Техичайпа, они двинулись на север: "Ястреб" работал на восточном хребте, а "Ворон" - на западном. Это был долгий и изнурительный труд, но со временем работа была закончена, и когда они закладывали последнюю вершину, рабочие встретились на горе Шаста. Тогда Ястреб увидел, что где-то произошла нечестная игра, потому что западный хребет был больше его собственного; и он обвинил Ворону в том, что она украла немного его грязи. Но умная птица хрипло расхохотался в лицо своему восточному брату, даже не потрудившись отречься от кражи, и громко хохотал над собственным успехом и западным предприятием. Честный Ястреб совсем растерялся и довольно долго стоял, склонив голову набок, в раздумье; затем с отсутствующим видом взял лист индийского табака и начал жевать, и вместе с жеванием пришла мудрость. И он сильно укрепился, и вонзил свои когти в горы, и вращал всю цепь в воде, как огромное плавучее колесо, пока хребет его соперника не поменялся местами с хребтом его соперника, и Сьерра-Невада оказалась на востоке, а Прибрежный хребет на западе, как они остаются и по сей день.

Эта легенда по—своему не лишена изобретательности, но для человека больше интересна следующая милая история народов Йосемити о происхождении названий и нынешнем виде определенных вершин и других природных особенностей их долины: -

ТОТОКОНУЛА И ТИСАЯК ИЗ ЙОСЕМИТИ.

Некий Тотоконула когда-то был вождем здешнего народа: могучий охотник и хороший земледелец, его племя никогда не нуждалось в пище, пока он заботился об их благополучии. Но произошла перемена: однажды во время охоты молодой человек встретил девушку-духа, ангела-хранителя долины, прекрасную Тисайак. Она была не такой, как смуглые красавицы его племени, а белой и белокурой, с вьющимися желтыми локонами, которые падали ей на плечи, как солнечный свет, и голубыми глазами, в которых горел свет, подобный небу, где заходит солнце. Белые, похожие на облака крылья были сложены за ее плечами, а голос ее был слаще пения птиц; неудивительно, что сильный вождь полюбил ее безумной и мгновенной любовью. Он потянулся к ней, но белоснежные крылья унесли ее прочь, и он снова остался один на куполе, где только что была она.

Тотоконула больше не руководил погоней и не ухаживал за посевами в долине; он бродил туда-сюда, как обезумевший человек, вечно ищущий то чудесное сияющее видение, которое сделало все остальное на земле черствым и неприбыльным в его глазах. Земля начала чахнуть без трудолюбивой направляющей руки, которая так долго ухаживала за ней; приятный сад превратился в дикую местность, где засуха опустошила все, а дикий зверь испортил то, что осталось, и научил своих детенышей делить добычу. Когда прекрасный дух наконец вернулась, чтобы посетить свою долину, она заплакала, увидев запустение, и преклонила колени на куполе, моля Великого Духа о помощи. Бог услышал и, склонившись со своего места, расколол купол, на котором она стояла, и гранит раскололся под ее ногами, и растаявшие снега Невады хлынули через ущелье, неся плодородие на своей прохладной груди. Между зубчатыми стенами

горы образовалось прекрасное озеро, и из него вытекала река, которая вечно питала долину. Тогда птицы запели, как в старину, плавая в воде, и запах цветов поднялся, как приятный ладан, и на деревьях распустились почки, и кукуруза взметнулась навстречу солнцу и зашелестела, когда ветерок пробежал по высоким стеблям.

Тисайак ушла так же, как и пришла, и никто не знал, куда она направилась; но люди называли купол ее именем, как это известно и по сей день. После ее ухода вождь вернулся из своих утомительных поисков; и когда он услышал, что крылатый посетил долину, старое безумие подкралось к его глазам и вошло, в семь раз хуже, чем вначале, в его опустошенную душу; он повернулся спиной к жилищам своего народа. Его последним поступком было вырезать охотничьим ножом очертания своего лица на высоком камне, чтобы, если он никогда не вернется, его память, по крайней мере, осталась с ними навсегда. Он так и не вернулся из тех безнадежных поисков, но высеченную в камне скалу называли Тотоконула, в честь его имени, и ее до сих пор можно увидеть высотой в три тысячи футов, охраняющую вход в прекрасную долину.^[III-43]

Оставляя эту местность и тему, я могу отметить, что местные жители называли водопад Пох-Хоно в той же долине в честь злого духа; многие люди были сметены и разорваны там на куски. Ни один местный житель, проходя через долину, даже не укажет на этот водопад, и ничто не сможет соблазнить кого-либо из них переночевать рядом с ним; ибо призраки утонувших мечутся в его брызгах, и их вопль вечно слышен над шипением несущихся вод.^[III-44]

ГЛАВА IV. МИФОЛОГИЯ ЖИВОТНЫХ.

Роли, отведенные животным—Предзнаменования по их движениям—Зловещая Сова—Животные—покровители—Люди—метаморфозы—Людоедка—Белка с острова Ванкувер—Обезьяны и Бобры—Падшие Люди—Священные животные—Выдающаяся роль Птицы—Эмблема Ветра—Змея, Эмблема Молнии—Не связана со Злом особым образом—Змея Пуэбло—Водяная Змея—Офиолатрия—Выдающаяся роль Собаки или Койота—В целом, хотя и не всегда, Доброжелательная Сила—Как правило, Койот пустил Лосося вверх по Кламату — Танец Жуткой и печальной смерти койота.

Читатель, должно быть, уже обратил внимание на странную роль животных в верованиях коренных народов Тихоокеанских штатов. Звери, птицы и рыбы приносят и переносят, разговаривают и действуют так, что даже герои Эзопа остаются в тени; в то время как им часто приписывается таинственное и необъяснимое влияние на человеческую судьбу. Конечно, невозможно точно сказать, насколько все это метафорично, а насколько считается трезвой и буквальной правдой. Вероятно, эта пропорция полностью варьируется от одной крайности к другой у разных наций и у народов, находящихся на разных этапах развития культуры в одной и той же стране. Они говорили лишь отчасти, эти жрецы и пророки варварских культов, и мы можем понять лишь отчасти; мы не можем разгадать темную загадку прошлого; мы можем чаще всего только повторять ее, да и то в более или менее несовершенной манере.

У мексиканцев были свои официальные авгуры и прорицатели, которые предсказывали многое так же, как их собратья классических времен. Люди также черпали предзнаменования из

многих вещей: из вой диких зверей по ночам; пения определенных птиц; уханья совы; ласки, пересекающей путь путешественника; кролика, забегающего в свою нору; случайных перемещений червей, жуков, муравьев, лягушек и мышей; и так далее в деталях.[IV-1]

Сова, по-видимому, во многих местах считалась птицей дурного предзнаменования. Среди всех племен, которые посетил мистер Лорд, от реки Фрейзер до Святого Лаврентия, эта птица считалась особо священной и была любимым украшением знахарей. Встретить сову в необычное время, например, при дневном свете, и услышать ее мистический крик было нежелательно для любого, кто любил полноту удовольствий и продолжительность дней.[IV-2] В Калифорнии племена на Русской реке считали сов воплощениями дьявола.[IV-3]

Мы часто обнаруживаем, что животное выбирается примерно так же, как средневековый рыцарь выбирал святого покровителя. Гиперборейский юноша, например, когда он достигает зрелого возраста, берет себе в покровители какого-нибудь зверя, рыбу или птицу, и предполагается, что дух, связанный с этим животным, охраняет его. В отличие от большинства индейцев, эскимос без колебаний убьет животное своего вида-покровителя: он лишь заботится о том, чтобы носить кусочек его кожи или кости, который он считает амулетом, потерять который для него было бы большим несчастьем. Длительное невезение иногда заставляет человека менять своего зверя-покровителя на другого. Духи, связанные с оленем, тюленем, лососем и белухой, почитаются всеми с особым почтением.[IV-4]

Мексиканцы привыкли привязывать определенных животных к определенным частям тела; возможно, примерно так же, как астрологи и алхимики связывали небесные звезды с различными веществами и людьми. Предполагалось, что следующие двадцать мексиканских символов господствуют над различными частями человеческого тела: знак оленя над правой ногой; тигра над левой ногой; орла над правой рукой; обезьяны над левой рукой; смерти, представленной черепом, над черепом; воды, над волосами; дома, над бровью; дождя, над глазами; собаки, над носом; грифа, над правым ухом; кролика, над левым ухом; землетрясения, над языком; от кремня — над зубами; от воздуха — над дыханием; от розы — над грудью; от тростника - над сердцем; от ветра - над легкими, как явствует из таблицы в Ватиканском кодексе, однако итальянский переводчик дает "над печенью"; от травы - над кишечником; от ящерицы - над поясницей; и от змеи - над гениталиями.[IV-5]

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ЖИВОТНЫХ.

Иногда предполагалось, что вся жизнь и бытие человека связаны в единое целое с жизнью и бытием какого-нибудь животного. Так, о гватемальтеках олд Гейдж довольно остроумно пишет: "Многие введены дьяволом в заблуждение, заставляя верить, что их жизнь зависит от жизни такого-то зверя (которого они принимают за своего знакомого духа), и думают, что когда этот зверь умирает, они должны умереть; когда за ним гонятся, их сердца учащенно бьются; когда он слабеет, они слабеют; более того, случается, что по наущению дьявола они появляются в облике этого зверя".[IV-6]

Животные иногда оказываются всего лишь переодетыми людьми; и именно эту идею часто можно найти в основе той святости, которая у определенных племен приписывается определенным животным.

Тлинкит убьет медведя только в случае крайней необходимости, поскольку предполагается, что медведь - это человек, принявший облик животного. Мы не знаем, думают ли они то же самое об

альбатросе, но они определенно не убьют эту птицу, полагая, подобно мореплавателям древности и современности, что за таким проступком последует плохая погода.[IV-7]

У туземцев, которых мистер Лорд видел на острове Ванкувер, считается, что нечестивое убийство белки-людоедки приносит несчастье, и фокусники носят ее шкурку в качестве сильного талисмана среди других своих безделушек. Как гласит предание, когда-то там жила чудовищная старуха с волчьими зубами и ногтями, похожими на когти. Она ела детей, эта старая карга, заманивая их к себе хитрыми и льстивыми словами, и много было разбитых сердец и пустых колыбелей, которые она оставила. Одна бедная Рахиль, оплакивающая своего ребенка и не желающая утешиться из-за того, что его не было, громко кричит: О, Великий Дух, Великое Лекарство, спаси моего сына любым способом, в любой форме! И великий, добрый Отец, глядя сверху вниз на рыжую мать, жалеет ее; о чудо, мягкая коричневая кожа ребенка превращается в мех, и из хватки людоедки выскальзывает не ребенок, а самая счастливая, жизнерадостная, веселая маленькая белочка на всем западе — но с четырьмя темными полосами вдоль спины, которые показывают, где в нее вонзились жестокие когти.[IV-8]

Там, где водятся обезьяны, людям, по-видимому, часто приходила в голову идея объяснить сходство обезьяны с человеком тем, что первая представляет собой упавшую или измененную форму последнего. Мы уже видели, как третье уничтожение человеческой расы киче завершилось таким образом; и как разрушенное ураганом Солнце Воздуха в мексиканской мифологии также оставило людей в обезьяньем состоянии. Интеллект бобров, возможно, был средством добиться для них аналогичного отличия. Плоскоголовый говорит, что эти животные - падшая раса индейцев, осужденных за свою порочность на эту форму, но которые все же, со временем, вернутся к своей человечности.[IV-9]

Как мы увидим более подробно, когда мы подойдем к рассмотрению вопроса о загробной жизни, было распространено представление о том, что душа умершего принимала облик животного, иногда обитая в другом мире, иногда в этом. Тлинкиты, например, верили, что их шаманы имели обыкновение беседовать с определенными духами умерших, которые являлись им в двух формах: одни в виде наземных животных, другие в виде морских.[IV-10]

СВЯТОСТЬ НЕКОТОРЫХ ЖИВОТНЫХ.

Калифорнийцы вокруг Сан-Диего не едят мясо крупной дичи, полагая, что в этих животных обитают души поколений людей, умерших много веков назад; "пожиратель оленины!" - укоризненное прозвище среди них.[IV-11]

У Пимо и Марикопы, если верить рассказу Бартлетта, были некоторые любопытные и необычные идеи относительно их будущего состояния; они утверждали, что несколько частей тела должны быть преобразованы в отдельных животных; голова, возможно, примет форму совы, ноги станут волчьими и так далее.[IV-12] Моки предполагали, что после смерти они должны быть по отдельности превращены в животных — медведей, оленей и тому подобных зверей; которые действительно, как мы уже видели, они считали своей первоначальной формой.[IV-13]

Разные племена приводят разные причины для почитания определенных животных священными; на некоторые из них мы уже имели возможность обратить внимание. Однако несколько отличается от большинства то, что дает североиндийская ветвь тинне за то, что она не ест мяса лисиц, волков, воронов и так далее. Это племя привыкло бросать тела своих умерших везде, где бы они ни упали, оставляя их на съедение коршунам или любым другим

хищным животным по соседству; поэтому ничто, кроме крайней необходимости, не может заставить любого члена нации использовать таких животных в пищу.[IV-14]

Некоторые уроженцы Гватемалы в провинции Акалан, названные Вильягутьерре Мазотекасом, держали оленей в настолько ручном состоянии, что их легко убивали наименее активные солдаты. Жители считали этих оленей священными, поскольку традиция гласила, что их величайший бог посетил их в этом образе.[IV-15] Апачи очень уважают медведя, не убивая его и не пробуя его плоти. Они думают, что внутри орла, совы и всех птиц совершенно белого цвета или связанные с ними духи божественного происхождения. Свиней они считают совершенно нечистыми.[IV-16] Некоторые животные посвящены определенным богам: наряду с зунни, лягушка, черепаха и гремучая змея либо считались особо находящимися под покровительством Монтесумы — здесь они считаются богом дождя — либо сами были меньшими божествами воды.[IV-17]

Иногда необходимо остерегаться быть введенным в заблуждение именами. Так, у коренных жителей Никарагуа были боги, которых звали кролик или олень; однако эти животные не считались богами. Идентичность названия означала только то, что к таким-то богам следовало обращаться при охоте на таких-то животных.[IV-18]

ПТИЦА ВЕТРА Или ГРОМА.

Читатель, должно быть, уже заметил, насколько важная роль отводится птицам в нашей мифологии, особенно в мифах о сотворении мира. Большая птица является представителем главного божества, возможно, самого главного божества. Взмах его крыльев - это гром; молнии - это блеск его глаз.[IV-19] Чипевийцы, тлинкиты, атны, кольчане, кенаи и другие народы придают этому существу большое значение в своих легендах.

Бринтон считает эту птицу эмблемой ветра, "пережитком космогонического мифа, который объяснял происхождение мира действием ветров под образом птицы в первобытном океане";[IV-20] и его точка зрения, вероятно, верна во многих случаях.

Дикарь всегда готов быть сраженным силами природы. Невежественный и разинувший рот от изумления, разве неестественно, что он с суеверным благоговением и уважением относится к высшим и более своеобразным животным способностям, соотнося их с подобными физическими способностями и умудряясь смешивать и запутывать все это с помощью странного синтеза философии? Летели птицы, летели ветры; птицы были из рода ветров, а ветры были из рода богов, которые над всем. Бедный, усталый, раскрашенный человек, который мог только пыльно тащиться вперед, с больными ногами и, возможно, с разбитым сердцем, со странными желаниями, которые не могли удовлетворить ни оленина, ни медвежатина, - разве это было так уж чудесно, если пульсирующая музыка и стремительный полет горластых и быстрокрылых были для него очень таинственными и священными вещами? "Все живые существа, - говорят северо-восточные эскимосы, - обладают способностью к душе, но особенно птица". По полету и пению птиц мексиканец угадывал нерожденные очертания грядущего. Он тоже умер, если умер, благоухая воинственной святостью, с твердой верой в то, что его душа в конечном итоге примет форму птицы и будет щебетать сквозь века в пурпурной тени райских деревьев.[IV-21]

Кайлтасы на южной развилке Тринити в Калифорнии, хотя они и не превращают душу в птицу, говорят, что, когда она покидает тело, маленькая птичка уносит ее в страну духов.[IV-22]

Испанцы из экспедиции Вискайно в 1602 году обнаружили, что калифорнийцы острова Санта-Каталина почитают двух больших черных ворон, которые, по словам сеньора Галана, вероятно, были видом птиц, известных в Мексике как *рей де лос зопилотес*, или король канюков-индюшат; он добавил, что эти птицы до сих пор являются объектами уважения и преданности среди большинства калифорнийских племен.[\[IV-23\]](#)

Как еще один символ, знамение или прообраз сверхъестественного, змей, естественно, рано представился человеку. Его крадущиеся, тонкие, извилистые движения, сверкающее очарование его глаз, безмолвный смертельный выпад его заостренных клыков — что удивительного, если глупейший из людей, подобно мудрейшему из королей, скажет: "Я этого не знаю; это слишком чудесно для меня"? Оно кажется бессмертным: каждую весну оно сбрасывает и выползает из своей прежней кожи, ползающий незагорелый феникс, новое животное.

Шварц из Берлина, основываясь на глубоких исследованиях греческой и немецкой мифологии, утверждает, что первостепенной зародышевой идеей в этой широко распространенной эмблеме змеи является молния, и доктор Бринтон несколько подробнее развивает то же мнение.[\[IV-24\]](#)

Тлалок, ацтекский бог дождя, держал в руке золотой предмет в форме змеи, который, скорее всего, символизировал молнию. Хуракан из легенд Киче - в остальном Сильный Змей, тот, кто бросается вниз, что, по всей вероятности, относится к штормовым силам как громовержец.[\[IV-25\]](#) Если принять эту точку зрения, змея-молния является типом плодородия; гроза неразрывно связана с обильными, оплодотворяющими летними ливнями.[\[IV-26\]](#) Рожденная также на среднем небе от матери облаков и Иксиона, на которого наука пока не может указать пальцем, среди стонущего ветра и угрожающей бури, молния, несомненно, также сродни ветру и птице, которая является их символом. На объединение этих сил в одном божестве, по-видимому, указывают такие имена, как Кецалькоатль, Гукумац, Кукулкан, все титулы Бога Воздуха в разных американских языках, и все они означают "Птица-Змей".

КРЕСТ И ЧЕТЫРЕ ВЕТРА.

На табличке на стене комнаты в Паленке изображен крест, увенчанный птицей и поддерживаемый чем-то, что кажется головой змеи: "Крест, - говорит Бринтон, - это символ четырех ветров; птица и змея, ребус бога воздуха, их правителя".

Не похоже, чтобы дикари придавали змее какое-то особое значение зла, хотя предположения ранних авторов почти неизменно закрывали им глаза на этот счет.[\[IV-27\]](#) Однако это правило не лишено исключений; апачи считают, что каждая гремучая змея содержит душу плохого человека или является посланником Злого Духа.[\[IV-28\]](#) У пиутов Невады есть демоническое божество в виде змеи, которое, как предполагается, все еще обитает в водах озера Пирамида. Ветер, проносящийся между девятью островами озера, создает на воде самые фантастические завихрения, даже когда общая поверхность озера относительно спокойна. Это, говорят пиуты, дьявольский змей, заставляющий пучину кипеть, как котел; это старый змей, ищущий, кого бы ему пожрать; и ни один туземец, обладающий пятью трезвыми мозгами, не направится в эти беспокойные воды в такое время.[\[IV-29\]](#)

В городах пуэбло, особенно среди пекос, в древние времена обитал огромный змей, считавшийся священным и, согласно некоторым свидетельствам, питавшийся мясом своих

приверженцев. Грегг слышал, как "честный ранчero" рассказывал, как однажды снежным утром он наткнулся на след этой ужасной рептилии, "большой, как у волочащегося быка"; ранчero не стал продолжать расследование дальше, не навязывая свою науку, какой бы она ни была, своей религии. Предполагалось, что этот змей был особенно связан с Монтесумой и дождевыми явлениями: его часто называют "великим водяным змеем". Уипплу он был описан "как округлый, размером с тело человека, и чрезвычайно длинной, медленно скользящий по воде, с длинными волнистыми складками", как морской змей Нахант, а Мелльхаузену — как огромная гремучая змея, обладающая властью над морями, озерами, реками и дождем; толщиной со многих людей, вместе взятых, и намного длиннее всех змей в мире;двигающаяся большими изгибами и уничтожающая злых людей. Индейцы пуэбло молились ему о дожде и почитали его таинственную силу.[IV-30]

Народ, названный Кастаньедой тахус, по-видимому, из Синалоа в окрестностях Кулиакана, относился к некоторым большим змеям с чувством великого почитания, если не поклонения.[IV-31] К этим рептилиям, по-видимому, также относились с большим почтением на Юкатане. В 1517 году Берналь Диас заметил множество фигур змей в храме, который он видел в Кампече. Хуан де Грихальва также нашел в то же время много подобных фигурок в Шампотоне, среди других идолов из глины и дерева.[IV-32]

Мы уже говорили о мексиканском Тлалоке и о частом появлении змеи в его культе; однако, несмотря на утверждение мистера Скуайера об обратном, не похоже, что змею действительно поклонялись ни на Юкатане, ни в Мексике. Берналь Диас, действительно, положительно отзывается в одном отрывке, говоря о городе под названием Тенаюка, что "они поклонялись здесь, в своем главном храме, трем змеям"; но этот отважный солдат был не из тех, кто проводит тонкие различия между богами и их атрибутами или символами; и даже при самых благих намерениях ни он, ни кто-либо другой из конкистадоров не были в состоянии воздать должное вере "язычников".[iv-33]

В дальнейшем мы обнаружим, что змей тесно связан с Кецалькоатлем во многих его проявлениях, а также с другими мексиканскими богами.

СОБАКА ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ МИФОЛОГИИ.

От змеи давайте обратимся к собаке с ее родственниками - волком и койотом, животным, занимающим почетное место в американской мифологии. Мы видели, как многие племена ведут от него свое происхождение, в переносном или буквальном смысле, и как часто он приобретает легендарную значимость как герой какого-нибудь приключения или представитель какого-нибудь божества. Обычно он предстает перед нами в довольно благожелательном виде, хотя в случае с чинуками в устье Колумбии встречается исключение. При этом койот фигурирует как избранное средство для действия Злого Духа в направлении любой заданной злонамеренной цели — как форма, принятая Злым Духом для противодействия некоторой благотворности Доброго Духа по отношению к бедному индейцу, которого он любит.[IV-34]

Характер того Койота из племени Кароков, о добрых делах которого мы так часто имели возможность рассказывать, сильно отличается от этого. Об одном его подвиге еще предстоит рассказать — о том, как он наполнил реку лососем. Чарейя, творец, сотворил лосося, но он

поместил его в большую воду и соорудил огромную рыбную плотину в устье Кламата, чтобы они не могли подняться наверх; и эта плотина была закрыта чем-то вроде ключа белого человека, который был передан в ведение двух старых ведьм, не совсем нам незнакомых, чтобы они охраняли ее день и ночь, чтобы ни один карок не приближался к ней. Теперь карокам не хватало рыбы, их мучил голод, и были слышны голоса женщин и маленьких детей, умолявших о еде. Койот решил помочь им; он поклялся табуреткой Чарейи, что до следующей луны их жилища наполнятся лососем, и даже собаки будут довольны им. Так он проделал много дней пути вниз по Кламату, пока не добрался до устья реки, не увидел большую воду и не услышал грохот ее волн. Поднявшись, он направился к хижине старух, постучал и попросил приюта на ночь; и он был так вежлив и обходителен, что старухи не могли найти предлога отказать ему. Он вошел в заведение и устроился у огня, греясь, пока они готовили лосося на ужин, который съели, не предложив ему ни кусочка. Всю ночь напролет он пролежал у костра, притворяясь спящим, но на самом деле обдумывая свои планы и ожидая события, которое должно было дать ему в руки могущественный ключ, который, как он видел, висел так высоко, что он не мог до него дотянуться. Утром одна из ведьм взяла ключ и отправилась к плотине добыть немного рыбы на завтрак. Молниеносно Койот прыгнул на нее, проскочив у нее между ног; она перекинула каблуки через голову, и ключ отлетел далеко от ее рук. Прежде чем она успела сообразить, что причинило ей боль, Койот стоял у плотины с ключом в зубах и дергал за крепления. Они уступили дорогу; и с оглушительным ревом зеленая вода устремилась вперед, вся кишася лососем, полностью разрушая плотину, так что с тех пор рыба всегда находила свободный путь вверх по Кламату.

КОЙОТЫ НЕ ДОЛЖНЫ ТАНЦЕВАТЬ СО ЗВЕЗДАМИ.

Конец бедного Койота был довольно печальным, учитывая его доброту сердца и множество услуг, которые он оказал Карокам. Подобно слишком многим великим личностям, он возгордился от лести льстецов и подхалимов — гордился своим мужеством и хитростью, а также успехом, увенчавшим его великие предприятия на благо человечества, гордился тем, что дважды обманул и перехитрил ведьм—хранительниц, которым Чарейя доверил огонь и лосося, — настолько гордился, что решил устроить танец на самих небесах, выбрав в качестве партнерши некую звезду, которая проходила совсем рядом с горой, где он проводил большую часть своего времени. Поэтому он позвал звездочку, чтобы та взяла его за лапу, и они вместе отправились бы в кругосветное путешествие на одну ночь; но звездочка только смеялась и время от времени чересчур вызывающе подмигивала. Койот сердито настаивал на своем требовании и все лаял и лаял на звезду по всему небу, пока мерцающее существо не устало от его шума и не сказало ему, чтобы он вел себя тихо и его заберут следующей ночью. Следующей ночью звезда подошла совсем близко к утесу, где стоял Койот, который, прыгнув, смог зацепиться за нее. Они вместе танцевали в голубых небесах. Какое-то время это было прекрасным развлечением; но, о, наверху стало очень холодно для земного койота, и это было ужасное зрелище - смотреть вниз, где широкий Кламат лежал, как натянутая тетива лука, а деревни Карок - как наконечники стрел. Горе койоту! его онемевшие лапы выскользнули из хватки его светлого спутника; темный - партнер, который теперь ведет танец, и имя ему Смерть. Десять долгих снегопадов выпадает на долю Койота, и когда он ударяется о землю, то "расплющивается, как ивовая циновка".—Койоты не должны танцевать со звездами.[IV-35]

ГЛАВА V.

БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ ИМ.

Эскимосское колдовство —тинне и кониага—куганы алеутов—тлинкиты, хайды и нутки—Потерянный рай оканганцев—салиши, клалламы, чинуки, кайусы, валла—валлас и Нез персе—Упыри—шошоны—Северная Калифорния—Солнце в Монтерее—Уиот и чинигчинич—Боги—антагонисты Нижней Калифорнии—команчи, апачи, и навахо-Монтесума из племен пуэбло-моки и Мохавес -Первобытная раса Северной Калифорнии.

Теперь мы переходим к самой широкой, независимо от того, является ли это самой важной частью нашей темы, а именно к богам и духам, которым люди поклоняются или о которых знают. Начав с крайнего севера, мы последуем за ними через различные народы нашей территории на юг. Очень дикой и противоречивой является общая масса свидетельств, подтверждающих веру в сверхъестественные существования. Не только из-за природы предмета она связана с самыми запутанными и трансцендентальными вопросами и материями, в выражении которых часто ошибается самая точная диалектическая терминология; гораздо больше грубая и запинаящаяся речь дикарей, — но она также склонна вызывать предрассудки самого извращенного и противоречивого рода в умах тех, через чье отношение она должна доходить до нас. Какой бы безнадежной ни была задача, я постараюсь в равной степени придерживаться исторической правды и, отбросив домыслы любой крайности, попытаюсь дать обнаженное выражение веры народов, с которыми мы имеем дело, — какой бы глупой, какой бы абсурдной она ни была, — а не того, во что они должны верить или, как предполагается, должны верить, согласно остроумным предположениям различных теоретиков.

ЭСКИМОССКИЙ ШАМАНИЗМ.

Эскимосы, по-видимому, признают не какое-либо верховное божество, а лишь неопределенное количество сверхъестественных существ, различающихся по имени, силе и характеру — при этом зло, по-видимому, преобладает. Они носят на себе маленькую фигурку из слоновой кости, грубо вырезанную для обозначения какого-либо животного, в качестве своего рода талисмана; считается, что они способствуют успеху в охоте, рыбной ловле и других занятиях, но вряд ли на них можно смотреть с большим почтением, поскольку их обычно покупают у их владельцев за разумную цену. Все сверхъестественные дела совершаются через шаманов; — должностных лиц, подчиняющихся знахарям восточноиндийских племен; — среди них есть как мужчины, так и женщины, каждый практикует от имени или на благо своего пола. Согласно Даллу, обряды их черного искусства несколько отличаются от обрядов их соседей-тиннехов и очень сильно от обрядов чукчей и других сибирских племен; и всю их религию можно резюмировать как смутный страх, находящий свое выражение в колдовстве.[\[V-1\]](#)

Тинне, этот великий народ, простиравшийся к северу от пятьдесят пятой параллели почти до Северного Ледовитого океана и Тихого океана, по-видимому, ни у одного из своих различных племен нет единой выраженной идеи относительно верховной власти. Ветвь Loucheux узнает некоего персонажа, проживающего на Луне, которого они молят об успехе в начале охотничьей экспедиции. Это существо когда-то жило среди них как бедный оборванный мальчик, которого нашла и воспитывала пожилая женщина; и который выставил себя на посмешище своим товарищам, смастерив пару очень больших снегоступов; ибо люди не могли понять, зачем такому голодранцу, как он, понадобилась обувь такого необычного размера. Времена большого

дефицита беспокоили охотников, и им часто приходилось бы плохо, если бы они неизменно в таких случаях не натыкались на новую широкую тропу, которая вела к одной-двум головам только что убитой дичи. Они были достаточно рады заполучить игру и не испытывали угрызений совести по поводу ее присвоения; тем не менее им было любопытно, откуда она взялась и как. Подозрение, наконец, указавшее на мальчика и его огромные ботинки, как на то, что они каким-то образом замешаны в этом деле, заставило его наблюдать. Вскоре стало очевидно, что он действительно был благодетелем Louchoux и тайным охотником, чья добыча так часто пополняла их пустые горшки; однако люди были далеки от должной благодарности и продолжали относиться к нему без особой доброты или уважения. Однажды они отказали ему в определенном куске сала — ему, который так часто спасал их жизни своей своевременной щедростью! В ту ночь парень исчез, оставив только свою одежду, висевшую на дереве. Однако он вернулся к ним через месяц, появившись как мужчина и одевшись как мужчина. Он сказал им, что поселился на Луне; что он всегда будет доброжелательно смотреть на их успехи в охоте; но он добавил, что в наказание за их бесстыдную жадность и неблагодарность, когда они отказали ему в куске сала, все животные должны быть тощими всю долгую зиму и жирными только летом; как и было с тех пор.

КРЕПКИЕ НАПИТКИ С КОНИАГАМИ И ТИННЕ.

Согласно Хирну, тинне верят в разновидность духов, или фей, называемых *нантена*, которые населяют землю, море и воздух и служат инструментом как для добра, так и для зла. Некоторые из них верят в доброго духа по имени Тихугун, "мой старый друг", который, как предполагается, обитает на солнце и Луне; у них также есть злой дух, Хуцейн, который, по-видимому, является лишь олицетворением смерти и по этой причине называется плохим.

У них нет постоянного ордена шаманов; любой, когда им движет дух, может взять на себя их обязанности и притязания, хотя некоторые, благодаря счастливой случайности или особой хитрости, гораздо более высоко ценятся в этом отношении, чем другие, и поддерживаются добровольными пожертвованиями. Заклинатель часто запирается в своей палатке и воздерживается от пищи в течение нескольких дней, пока его земная грубость не истончится, и духи и невидимые вещи не будут вынуждены появляться по его приказу. Младшего Тиннеха ничто из этого не волнует; сильные конечности и острый глаз, хорошо держащиеся в суе жизни, насмеваются над ужасами невидимого; но когда пульс ослабевает от болезни или возраста, а колени стучатся друг о друга в тени надвигающейся смерти, шамана нанимают, чтобы изгнать зло, которым одержим пациент. Среди Такулли на этой стадии часто прибегают к признанию вины, от правдивости и точности которого зависят шансы на выздоровление. Как говорит Хармон, "преступления, в которых они чаще всего признаются, раскрывают кое-что об их моральном облике и поэтому заслуживают упоминания"; но, по правде говоря, я не могу их упоминать; как у женщин, так и у мужчин грязь и скотство, худшие, чем грехи Содомы и Гоморры, не поддаются описанию. То же самое верно и в отношении утомительных и отвратительных ритуалов, совершаемых шаманами Тиннех над больными и в различных других чрезвычайных ситуациях. Они дуют на больного, прыгают вокруг него или на него саму, визжат, поют, стонут, жестикулируют и пускают пену у рта, при этом другие детали фокус-покуса бесконечно варьируются в зависимости от племени и местности. Существование души по большей части отрицается, и духи, с которыми ведутся переговоры, не являются духами, которые когда-либо были в людях или от людей; люди также не относятся к ним с каким-либо чувством любви или доброго уважения; страх и личный интерес являются узами — там, где

существуют какие-либо узы, - которые связывают Тиннех с силами небесными или инфернальными.[V-2]

У кониагов есть обычный легион духов, обитающих в воде, земле и воздухе, чей гнев можно утолить только приношениями шаманам; и иногда, хотя и очень редко, человеческими жертвоприношениями рабов. У них также есть главное божество или дух, называемый Шлджам Шоа, и сила зла, называемая Эяк.[V-3]

Об алеутах говорят, что их обряды демонстрируют гораздо более высокое религиозное развитие, чем можно было обнаружить у кого-либо из их соседей; однако труды русских священников оказались у них достаточно успешными, чтобы стереть все воспоминания о чем-либо, кроме очертаний их древнего культа. Они признают бога-творца, но не поклоняются ему; он создал мир, но не руководил им; люди больше не имели с ним ничего общего, а только с меньшими *куганами*, или духами, которым было поручено руководство и забота о земных делах. Они поклонялись звездам, солнцу и луне или, среди прочего, их духам и мстили тем, кто им не поклонялся. Оскорбленное солнце слепило глаза насмешнику, луна забивала его камнями до смерти, а звезды заставляли его считать их количество — безнадежная задача, которая всегда превращала жертву в маньяка с вытаращенными глазами. Шаманы, по-видимому, не пользовались тем отличием среди алеутов, которое давала им их монополия посредничества между человеком и невидимым миром среди других народов. Как правило, они были очень бедны, жили в нужде и умирали в нищете; они не принимали никакого участия в радостях или горестях общественной жизни; никогда ни на пиршестве, ни на свадьбе, ни на похоронах никто не видел их лиц. Они жили и странствовали, чего не позволяли люди, гонимые туда-сюда призраками, которые были их хозяевами, а не рабами. У алеутов не было постоянных идолов или каких-либо мест поклонения, построенных своими руками; около каждой деревни было какое-нибудь освященное возвышенное место или скала, священная, как Синай, у подножия женщины или юноши, и всякий, кто осквернял ее, немедленно сходил с ума или заболел до смерти. Только мужчины и старики посещали это место, оставляя там свои подношения из шкур или перьев с неизвестными таинственными церемониями.

Использование амулетов было универсальным; и для воина, идущего в битву, пояс из морских водорослей, сплетенный магическими узлами, был важнее щита или копья. То, чем философский камень был для Роджера Бэкона или Парацельса, для алеутского охотника было *тхимки*, чудесный камешек, время от времени выбрасываемый морем. Ни один зверь не мог устоять перед его притяжением; тому, кто нес его, не было необходимости преследовать свою добычу, ему нужно было только ждать и наносить удар, пока животное шло навстречу своей смерти. Другим мощным оберегом был жир, взятый с тела мертвеца; наконечник копья, к которому прикасались, обязательно попадал в смертельное место кита, в которое его метали.

АЛЕУТСКИЙ МИСТЕРИАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ.

Существуют смутные алеутские традиции определенных религиозных ночных танцев, проводимых в декабре месяце. По этому случаю были изготовлены деревянные идолы или какие-то фигурки, которые переносились с острова на остров со множеством эзотерических церемоний. Затем можно было увидеть чудесное зрелище. Мужчин и женщин расставили далеко друг от друга; в середине каждой группы была установлена деревянная фигура; на

каждого человека были надеты большие деревянные маски или шоры, сделанные так искусно, что носящий их ничего не мог видеть за пределами небольшого круга у своих ног. Затем все разделись и там, на снегу, при лунном свете, в суровую полярную ночь, танцевали обнаженными перед истуканом — вернее, перед богом, потому что пока они танцевали, спустился куган и вошел в деревянную фигуру. Горе тому или ей, чья маска из плавника упала или была приподнята в вихре этого ужасного танца; взгляд Горгоны был не более губителен, чем взгляд демона, вселившегося в идола; и для любого, кто посмотрит на представителя противоположного пола, как бы это ни случилось, он может быть даже признан мертвым. Когда танец закончился, идолы и маски были сломаны и отброшены прочь. Можно добавить, что такие маски, как эта, были нужны даже пророкам в их беседах с великими духами, которые знают все последствия для смертных; и что когда человек умирал, такая маска надевалась ему на глаза — О обнаженная и дрожащая душа, лицом к лицу с самым темным куганом из всех, мы защитим тебя, чем сможем.[V-4]

Говорят, что тлинкиты не верят ни в какое высшее существо. У них есть этот Йель, Ворон, и этот Ханух, Волк, с которыми мы уже в некоторой степени знакомы; но ни точный ранг и характер этих существ в сверхъестественном мире, ни даже их сравнительный ранг не могут быть установлены без противоречий. Таким образом, Йель считается создателем всех существ и вещей, но мы не забыли, как Ханух вырвал из его невольных уст признание: "Ты старше меня". О Йеле снова говорят, что его сила безгранична; но, увы, мы видели его беспомощным в волшебной тьме, созданной Ханухом, и воющим, как испуганный ребенок в темном коридоре. Природа Йела добрая, и он любит людей, в то время как для Хануха обычно считается обратным; но Йел тоже, когда его разгневают, насылает болезни и злую судьбу. Йель существовал до своего рождения на земле; он не может ни умереть, ни даже стать старше. Там, где истоки Насса, откуда дует восточный ветер, находится Насс-Шакейель, дом Йела; восточный ветер приносит вести о нем. От неизвестной матери у него родился сын, который любит человечество даже больше, чем своего отца, и обеспечивает их пищей в должное время. В заключение отметим, что Йель является если не центральной фигурой, то, по крайней мере, самой выдающейся в пантеоне тлинкитов, а альфа и омега философии и теологии Тлинкитов выражена в их любимом афоризме: Как Йель действовал и жил, так и мы будем жить и творить. После Йела и Хануха тлинкиты верят в брата и сестру, Четл и Ахгишанакху, Громовержца или Громовую птицу и Подземную Женщину. Четл - это разновидность великого северного руха, который без труда хватает и проглатывает кита, в то время как его крылья и глаза производят гром и молнию, как уже описано; его сестра Агишанакху сидит одна внизу и охраняет Ирминсул, который поддерживает мир Северо-запада.[V-5]

ШАМАН ТЛИНКИТ.

Утлинкитов нет идолов, если только маленькие изображения, которые иногда носят с собой маги для очарования, не могут называться этим именем; у них нет ни культа, ни жрецов, если только их колдуны и их обряды не имеют права на эти названия. Эти колдуны или шаманы, по-видимому, пользуются большим уважением; их словам и действиям обычно верят и с ними соглашаются все; хотя за смерть пациента или жертвы, или предполагаемой жертвы, родственники умершего иногда мстят им. Шаманизм в основном передается по наследству; естественным ходом вещей длинный набор приспособлений, масок, платьев и так далее наследуется сыном или внуком умершего фокусника. Однако молодой человек должен доказать, что достоин своего положения, прежде чем оно станет для него гарантированным,

вызывая духов и общаясь с ними. Будущий шаман удаляется в уединенный лес или на какую-нибудь гору, где он живет уединенно, питаясь только корнями *panax-horridumi* ожидая, когда к нему придут духи, что, как обычно предполагается, произойдет через две-четыре недели. Если все идет хорошо, встреча происходит, и главный из духов посылает неофиту речную выдру, в языке которой, как предполагается, скрыта вся сила и секрет шаманизма. Человек встречается со зверем лицом к лицу и четыре раза, каждый раз по-разному, произносит слог "О!". После этого выдра мгновенно падает, одновременно высовывая язык, который человек отрезает и сохраняет; пряча его в укромном месте, ибо если бы кто-нибудь, не посвященный, взглянул на этот талисман, зрелище свело бы его с ума. Новый шаман снимает шкуру с выдры, и шкура сохраняется как знак его профессии, в то время как плоть закапывается; убивать речную выдру было незаконно, за исключением тех случаев, которые были описаны. Если, однако, духи не посещают потенциального шамана и не дают ему никакой возможности добыть язык выдры, как описано выше, неофит посещает могилу умершего шамана и проводит ужасную бессменную ночь, держа в своем живом рту палец мертвеца или один из его зубов; это очень сильно принуждает духов послать необходимую выдру. Когда все это было сделано, шаман возвращается к своей семье истощенным, и его новые силы немедленно подвергаются испытанию. Его репутация зависит от количества духов в его распоряжении. Духи называются *уек*, и к каждому заклинателю определенное количество из них прикреплено в качестве фамильяров, в то время как есть и другие, к которым он может обратиться в экстренной ситуации; действительно, каждого человека любого ранга или профессии сопровождает фамильяр-дух или демон, который оставляет свою опеку только тогда, когда человеку становится чрезвычайно плохо. Мир духов в целом делится на три класса: *киек*, *такиек* и *текиек*. Первосортные, "Высшие", обитают на севере и, по-видимому, связаны с северным сиянием; это духи храбрецов, павших в битве. Два других класса - это духи тех, кто умер естественной смертью, и их жилище называется *таканкоу*. Такиеки, "духи земли", являются шаманам в виде наземных животных. Что касается *текеек*, "духов моря", которые появляются в виде морских животных, то среди тлинкитов существует некоторый спор относительно того, были ли эти духи когда-либо духами людей, как духи двух других классов, или же они были просто душами морских животных.

Высший подвиг силы заклинателя состоит в том, чтобы вселить одного из своих повелителей духов в тело того, кто отказывается верить в его силу; после чего одержимый впадает в обморок и припадки. Волосы шамана никогда не стригут. Как и у алеутов, деревянная маска необходима для его безопасного общения с любым духом; отдельные маски надеваются для бесед с отдельными духами. Когда шаман заболевает, его родственники постятся, чтобы он выздоровел; когда он умирает, его тело не сжигают, как у других людей, а кладут в ящик, который устанавливают на высокую раму. В первую ночь после его смерти его тело оставляют в том углу его хижины, в котором он умер. На вторую ночь его переносят в другой угол, и так продолжается в течение четырех ночей, пока он не займет последовательно все углы юрты, все обитатели которой должны поститься в течение этого времени. На пятый день тело привязывают к доске, и две кости, которые покойник часто использовал в своих ритуалах при жизни, втыкают: одну в волосы, а другую в переносицу. Затем голову покрывают ивовой корзинкой, а тело относят к месту погребения, которое всегда находится недалеко от берега моря; ни один тлинкит никогда не проходит мимо этого места, не бросив в воду немного табака, чтобы успокоить гривы могущественных мертвецов. [V-6]

СОЛНЕЧНЫЙ ДУХ ХАЙД.

Хайды верят, что великий солнечный дух является создателем и верховным правителем; однако они не путают его с материальным солнцем, которое представляет собой сияющего человека, ходящего по неподвижной земле и носящего "сияющую" корону. Иногда луна также неопределенным образом связана с великим духом. Существует злой дух, который, согласно Данну, снабжен копытами и рогами, хотя ничего не говорится о том, как они выглядят, независимо от того, ортодоксальны они или нет. Хайды, по крайней мере те, которых мистер Пул видел на острове королевы Шарлотты, не имеют никакого культа и не считают себя каким-либо образом ответственными перед каким-либо божеством за свои действия. Как и у их северных соседей, вера в гоблинов, призраков и колдовство, по-видимому, является суммой их религии.

По крайней мере, у некоторых хайда существовал обряд этого колдовства, сопровождавшийся обстоятельствами более чем обычного варварства и свирепости. Когда сезон ловли лосося заканчивается и запасы на зиму убраны, начинаются пиршества и фокусы. Вождь — который, по-видимому, является главным колдуном и на самом деле обладает небольшим авторитетом, если не считать его связи с дочеловеческими силами — уходит в самое уединенное и дикое убежище, которое он знает или может обнаружить в горах или лесу, и морит себя там голодом в течение нескольких недель, пока он не доводится до религиозного безумия *инавлоки* — страшные существа какого-то нечеловеческого вида — не соглашаются общаться с ним голосами или иным способом. Во время всего этого обряда вождя зовут *таамиш*, и горе невезучему Хайде, который случайно увидит его во время обряда; даже если таамиши не убьют незваного гостя немедленно, его соседи наверняка сделают это, когда об этом станет известно, и если жертва попытается скрыть это дело или сам не признается в нем, к его участи добавятся самые жестокие пытки. Наконец вдохновленный бесноватый возвращается в свою деревню, обнаженный, если не считать медвежьей шкуры или рваного одеяла, с венком на голове и красной повязкой из ольховой коры на шее. Он набрасывается на первого встречного, откусывает и проглатывает один или несколько кусков живой плоти человека везде, где только может починить зубы, затем набрасывается на другого и третьего, повторяя свою отвратительную трапезу, пока не впадает в оцепенение от внезапного и наполовину пережеванного переизбытка плоти. Несколько дней после этого он лежит в своего рода коме, "как объевшийся хищный зверь", как говорит Данн; тот же наблюдатель добавляет, что его дыхание в течение этого времени "подобно выдоху из могилы". Жертвы этой свирепости не осмеливаются сопротивляться укусу таамиша; напротив, иногда они готовы подвергнуть себя испытанию и всегда гордятся его шрамами.^[V-7]

БОГИ НУТКИ.

Нутки признают существование великого персонажа по имени Куахутзе, чье обитание, по-видимому, находится в небе, но о природе которого мало что известно. Когда начинается буря, нутки взбираются на крыши своих домов и, глядя вверх, на этого великого бога, бьют в барабаны, поют и призывают его имя, умоляя его утихомирить бурю. Они постятся, как нечто угодное одному и тому же божеству, перед отправлением на охоту и, если этого требует их успех, устраивают пир в его честь после возвращения. Этот праздник обычно проводится в декабре, и раньше был обычаем завершать его человеческим жертвоприношением, зверством, которое, к счастью, вышло из употребления; мальчик с ножами, воткнутыми в поверхностную плоть его рук, ног и боков, выставляется в качестве замены древней жертвы.

Мэтлоуз - знаменитый хоб-гоблин из племени Нуткас; он настоящий Калибан духов; его голова похожа на голову существа, которое могло бы быть человеком, но не является им; его неуклюжая туша ужасна черной щетиной; его чудовищные зубы и ногти похожи на клыки и когти медведя. Всякий, кто слышит его ужасный голос, падает как подкошенный, и его изогнутые когти одним ударом разрывают добычу на куски.

У нутка, как и у многих других американских народов, есть традиция о сверхъестественном учителе и благодетеле, старике, который давным-давно пришел к ним из Саунда. Его каноэ было медным, и весла у него медные; все, что было на нем или при нем, было из того же металла. Он приземлился и проинструктировал людей того времени о многих вещах; сказав им, что он пришел с неба, что их страна в конечном итоге должна быть уничтожена, что все они должны умереть, но после смерти воскреснуть и жить с ним наверху. Тогда весь народ в гневе поднялся, отнял у него каноэ и убил его; преступление, от которого их потомки извлекли много пользы, ибо медь и умение ею пользоваться остались у них до сих пор. Огромные изображения, вырезанные из дерева, до сих пор стоят в их домах, призванные представлять форму и хранить память о визите этого старика — под этим визитом, не исключено, подразумевается аватара или воплощение этого главного божества, или великого духа, которому многие калифорнийские племена поклоняются как "Вышнему Старiku".

Ахты считают луну и солнце своими высшими божествами, причем луна является мужем, а солнце - женой. Главным образом, луне, как более могущественному божеству, они молятся о том, в чем нуждаются; и к луне, и к солнцу, как ко всем добрым божествам, их молитвы обращены непосредственно и без вмешательства колдунов. Куавтеахт, который, по-видимому, является местной ахт-модификацией Куахутзе, который создал большинство вещей, существующих в мире, был первым, кто научил людей поклоняться этим светилам, которые превыше всего и все видят, более могущественны, чем он сам, хотя и более далеки и менее активны. Существует также Тутуч, птица-гром, о которой так много уже было сказано.

Нутки, как правило, верят в существование бесчисленных духов различных видов и в эффективность колдовства. Как и у соседних народов, шаман обретает или обновляет свое вдохновение постом и уединенной медитацией в каком-нибудь уединенном месте, вновь появляясь в конце своего бдения полуголодным и полубезумным, но исполненным черной добродетели своего искусства. Обычно он не ест живую человеческую плоть, как таамиш из предыдущей семьи, но довольствуется тем, что его зубы могут оторвать от трупов в местах захоронений. Пожилым женщинам разрешается участвовать в колдовстве и пророчестве, а также в толковании предзнаменований и снов; последнее является наиболее важной функцией, поскольку в доме Нутка проходит не так много дней и ночей, которые не дают повода каким-либо видением или происшествием для исполнения обязанностей сивиллы или авгура.[\[V-8\]](#)

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ ОКАНАГАНОВ.

Оканаганцы верят в доброго духа или повелителя жизни, называемого Элемехумкилланвейст или Скайаппе; и в злого духа Киштсама или Чачу; оба постоянно перемещаются по воздуху, так что без их ведома ничего нельзя сделать. У оканаганов нет богослужений ни общественных, ни частных, но перед тем, как заняться чем-либо важным, они возносят короткую молитву доброму духу о помощи; опять же, в государственных случаях по кругу пускают трубку, и каждый делает

три затяжки в сторону восходящего солнца, столько же в сторону заходящего и столько же соответственно в сторону неба вверх и земли вниз. Затем у них есть их великая мифическая правительница и героиня, Скомальт, чья история тесно связана с чем-то вроде падения Оканагана или потерянного рая. Давным-давно, так давно, что солнце было совсем молодым и очень маленьким, не больше звезды, далеко в море был остров под названием Самахтумивхула, или Остров Белого человека. Он был населен белой расой гигантского роста, и управляла им высокая белокурая женщина по имени Скомальт; и она была великим и сильным "лекарством", эта Скомальт. Наконец мир на острове был нарушен войной, и послышался шум битвы, белые люди сражались друг с другом; и Скомальт пришел в крайнюю ярость. Она встала и сказала: вот, теперь я изгоню этих нечестивых далеко от себя; моя душа больше не будет беспокоиться о них, и они больше не будут беспокоить верующих моего народа своими стремлениями. И она загнала непокорных вместе на самый дальний конец острова, и отколола клочок земли, на котором они сбились в кучу, и столкнула его в море, чтобы дрейфовало, куда ему заблагорассудится. Этот плавучий остров много дней швыряло взад и вперед, и его сильно били ветры, так что все люди на нем погибли, за исключением одного мужчины и одной женщины, которые, видя, что их остров готов затонуть, смастерили себе каноэ и понесли его на запад. Проплыв день и ночь в течение многих солнц, они добрались до определенных островов, откуда, пройдя через них, они, наконец, добрались до того места, где находился материк, являющийся территорией, которую сейчас населяют оканаганы; однако в те дни он был намного меньше, а с тех пор сильно разросся. Эти мужчина и женщина так сильно пострадали от непогоды, когда приземлились, что обнаружили, что их первоначальная белизна полностью исчезла, а на ее месте появился темно-красноватый цвет. Все люди континента произошли от этой пары, и тусклая кожа их потрепанных штормами предков стала характерной чертой этой расы. И даже, как в былые времена гнев прекрасной Скомальт оторвал остров их предков от материка и отправил его по течению с грузом грешников, так и в грядущие времена глубокие озера, которые, подобно уксусу какого-нибудь Ганнибала, размягчают камни основания мира, и реки, которые вечно текут и разъедают их, снова поднимут землю на плаву; тогда наступит конец света, ужасный *его конец*.[\[V-9\]](#)

Племена салишей верят, что солнце является главным божеством, и определенные церемонии, описанные мистером Лордом как имевшие место в связи со смертью вождя, по-видимому, указывают на то, что огонь каким-то образом связан с великим светом.[\[V-10\]](#) Вождь по должности является своего рода жрецом, по большей части председательствующим на различных обрядах, посредством которых узнается божество солнца. Существует обычная вера в колдовство и второе зрение, и отдельные люди преуспевают, благодаря особым способностям к посту и уединенным медитациям, в том, что их считают заклинателями — честь сомнительного свойства, поскольку знахари постоянно подвержены риску быть застреленными разъяренным родственником любого человека, смерть которого, как можно предположить, они вызвали.

БОЖЕСТВА КЛАЛЛАМОВ.

У клалламовцев, прибрежного племени на материке напротив южной оконечности острова Ванкувер, есть главное доброе божество, называемое разными именами, и злой дух по имени Скукум; к ним некоторые добавляют некоего Тейутлму, "гения удачи". Предполагается, что знахари племени оказывают большое влияние как на добрых, так и на злых духов и на всю расу демонов, или *сехуаб*, как иногда называют последних. В этом племени различные заклинатели

объединены узами тайного общества, посвящение в которое сопровождается большими церемониями и расходами. Три дня и три ночи должен послушник ордена поститься в одиночестве в приготовленной для него таинственной ложе, вокруг которой в течение всего этого времени поют и танцуют уже посвященные братья. По истечении этого периода, в течение которого, казалось бы, старая природа была убита из него, его поднимают, как мертвого, и опускают в ближайшую холодную воду, где его омывают до тех пор, пока он не оживет; это называется "омовением мертвых". Когда его чувства достаточно приходят в себя, его ставят на ноги, после чего он убегает в лес, откуда вскоре появляется совершенным знахарем с погремушкой в руке и облаченным в различные атрибуты своей профессии. Затем он раздает все свои мирские пожитки своим друзьям, а сам отныне будет жить только на гонорары, связанные с его новым призванием.[V-11]

Иканам, творец вселенной, является могущественным божеством среди чинуков, у которых есть гора, названная в его честь из-за веры в то, что он там превратил себя в камень. После него, или до него, как говорят многие, идет Италапас, Койот, который создал людей несовершенным способом,[V-12] научил их плести сети и ловить лосося, как разводить костер и готовить пищу; поэтому первые плоды рыболовного сезона всегда священны для него, и его фигуру можно найти вырезанной на носу почти каждого каноэ чавычи на реке Колумбия. У них есть дух огня, злой дух и группа знакомых духов, *тамановас*. У каждого человека есть свой особый дух, выбранный им в раннем возрасте, иногда путем поста и других умерщвлений плоти, иногда путем принятия первого объекта, который ребенок или юноша видит, или думает, что видит, посетив лес. Эти духи оказывают большое влияние на воображение чинуков, и их предполагаемым указаниям следуют под страхом таинственных и ужасных наказаний; люди беседуют — "особенно когда находятся в воде" — с ними, по-видимому, разговаривая сами с собой тихими монотонными голосами. Некоторые говорят, что когда человек умирает, его таманова переходит к его сыну; но все это окутано большой тайной; имя близкого духа или опекуна никогда не упоминается даже самому близкому другу. Аналогичный обычай запрещает упоминать имя умершего человека, по крайней мере, до тех пор, пока не пройдет много лет после тяжелой утраты.

Знахари племени чинук обладают обычными способностями к беседе и посредничеству с духами добрыми и злыми; они делятся на два класса, применяемые во всех случаях болезни: *этаминуа*, или священники, которые ходатайствуют за душу пациента и, при необходимости, за ее безопасный переход в страну духов, *икилаллес*, или врачи, иногда женщины, в чьи обязанности входит оказывать как медицинскую, так и духовную помощь.[V-13]

У кайюсов и валла-валласов любой может стать знахарем; у нез персе эта должность передается по наследству. Женщин иногда обучают этой профессии, но считается, что они не обладают такими чрезвычайными способностями, как мужчины, и их не убивают при предполагаемом осуществлении какого-то фатального влияния. Ибо, как и в случае с "Чинуками"[V-14], так и здесь репутация колдуна одновременно является самой ужасной для других и самой опасной для самого себя, которую человек может иметь. В его власти жизнь и смерть; его дурной глаз может иссушить и заморозить ненавистную жизнь, если не так быстро, то, по крайней мере, так же верно, как взгляд Медузы; однако он смертен — он может убить вашего друга или вас самих, и смерть горька, но каким сладким обезболивающим средством является месть! Никакая сильная магия не поможет, когда кровь из сердца стекает по древку мстителя, никакие хитрые чары не смогут сохранить жизнь, когда его томагавк крошит череп,

как черепок, — и так получается, что колдуны повсюду ходят, держа свою жизнь в руках, и вынуждены быть очень осторожными в использовании своих гнусных способностей.[V-15]

ДЕМОНЫ-ШОШОНЫ.

Легенды шошонов населяют определенные районы гор Монтаны маленькими бесенятами, называемыми *нинумбис*, которые около двух футов в длину, совершенно голые и снабжены хвостом. Эти конечности дьявола привыкли пожирать любого неохраемого младенца, которого они могут найти, оставляя вместо него представителя своей собственной пагубной расы. Когда мать приходит покормить то, что она считает своим ребенком, дьявольский подменыш хватается ее грудь и начинает пожирать ее; затем, хотя ее крики и поднятая таким образом тревога вскоре вынуждают злобного бесенка сбежать, надежды больше нет; она умирает в течение двадцати четырех часов, и если за это время не присмотрят как следует, маленький демон даже вернется и покончит с ней, доев прерванную трапезу. Есть еще одна разновидность этих хобгоблинов, называемых *пахонами*, "водяными младенцами", которые пожирают женщин и детей, как и их братья-демоны горы, и замыкают кольцо омерзительного ужаса, которое смыкается вокруг ребенка и матери шошонов.[V-16]

Калифорнийские племена, взятые в целом, довольно однородны в основных чертах своих теогонических верований. Кажется, все они, без исключения, имели смутное представление о высоком, почти верховном существе; по большей части их называли Великими Людьюми, Старцем Наверху, Тем, Кто Выше; приписывая ему, однако, как это обычно бывает в таких случаях, ничего, кроме самых расплывчатых и самых негативных функций и качеств. Реальной, практической силой, которая больше всего интересовала их, которая имела наибольшее отношение к ним, а они к нему, был демон или группа демонов, обладающих достаточно выраженным характером. Перед лицом многочисленных утверждений о том, что в мифологии дикарей никогда не встречалось такого понятия, как дьявол в собственном смысле этого слова, мы хотели бы привлечь внимание к следующему отрывку из *Ломо* рукописи мистера Пауэрс — джентльмена, который как своим изучением, так и личным расследованием сделал себя одним из наиболее компетентных авторитетов в области верований коренных калифорнийцев и который имел дело по большей части с племенами, которые никогда не имели дружеских отношений с белыми людьми: "Конечно, тонкое и скудное воображение американских дикарей не могло сравниться с творением Мильтона". великолепный имперский сатана или Мефистофель Гете, с его тонким интеллектом, его огромной силой, его злобным весельем; но в той мере, в какой индийские изверги или дьяволы обладают способностями, они совершенно такие же злые, как эти. Они совершенно плохие, в них нет ничего хорошего, они думают только о зле; но они слабы, недостойны и абсурдны; они настолько же ниже сатаны, насколько "Большие индейцы", которые их выдумывают, уступают в воображении Джону Мильтону".[V-17]

Дьяволу обычно назначается определенное место в качестве его любимой резиденции или курорта; так, калифорнийцы в графстве Сискию отдают замок Дьявола, его гору и озеро злым духам и избегают близости этих мест со всей возможной осторожностью.

СВЯЩЕННЫЕ ОГНИ.

Знахарь этого народа - довольно важная персона, одевающаяся в самые дорогие меха; он не участвует в боевых действиях и выходит на поле боя только после битвы; среди других

обязанностей ему абсолютно необходимо посещать любой лагерь, из которого племя было изгнано врагом, петь там предсмертную песнь и умиротворять разгневанного духа, который вынес приговор о поражении, ибо только после того, как это было сделано, считается безопасным снова разжигать огонь в старых очагах. Однажды зажженным кострам в хижинах никогда не разрешается гаснуть в мирное время; это было бы плохим предзнаменованием, а предзнаменования - это все, что касается этих людей, и их можно вывести из всего сущего. В силу пророчества глубоко верят, и ее приписывают не только особым провидцам, но и выдающимся воинам, идущим в бой; в последнем случае, по крайней мере, в том, что касается их собственной судьбы; это, по словам мистера Миллера, они часто предсказывают с поразительной точностью.[V-18]

У кароков, еврок и многих других племен с парилкой и ее использованием связана странная святость. Мужчины каждой деревни проводят зиму и сезон дождей в ее теплом убежище; но скво запрещено входить туда под страхом смертной казни, за исключением случаев, когда они проходят посвящение в ряды "знахарей". Индейцы настолько последовательны в этом вопросе, что женщинам не разрешается даже собирать дрова, которые должны быть сожжены в священном огне парилки; все делают мужчины, и то только с определенными предосторожностями и церемониями. Священный огонь зажигается каждый год в сентябре "лекарем", который уходит в лес и постится и медитирует в течение десяти дней; и, пока не пройдет определенное время, ни один светский глаз не должен видеть ничего, кроме дыма от него, под страшным наказанием. Однажды разгоревшееся пламя никогда не гаснет до тех пор, пока весна не начнет делать дальнейшее нагревание ненужным и неудобным.

Только в одном случае запрет снимается с головы женщин; когда женщину принимают в ряды целителей, ее заставляют танцевать в парилке, пока она не упадет в изнеможении. Однако не похоже, что, даже став лекаркой, она может надеяться увидеть интерьер этого домика дважды.

Допуск человека к медицине - дело гораздо более серьезное. Он должен удалиться в лес на десять дней, все это время не есть мяса и есть только желудевую кашу, чтобы поддерживать в себе жизнь; через десять дней он возвращается в парилку и прыгает вверх-вниз, пока не упадет, точно так же, как это сделала женщина.

Врачи или маги бывают двух видов: "врачи корней" и "лающие врачи". На лающего врача ложится диагноз болезни. Он или она садится на корточки напротив пациента и часами лает на него, как разъяренная дворняжка. Если это случай отравления или болезни, вызванной каким-нибудь фокусником, лающий врач затем высасывает зло через кожу или вводит рвотные средства, в зависимости от того, что может быть сочтено желательным. Если случай, однако, менее серьезен, "зазывала", поставив свой диагноз, удаляется, и приходит корнетолог, который с помощью своих трав и простых средств и нескольких незначительных заклинаний приступает к лечению болезни. Если пациент умирает, то лекарство вынуждено вернуть его гонорар; а если он отказывается кого-либо обслуживать и человек умирает, то он вынужден выплатить родственникам сумму, равную той, которая была предложена ему в качестве гонорара в начале дела; таким образом, как и у любой профессии, у медицины есть свои недостатки, а также преимущества.

У нескольких племен Северной Калифорнии есть тайные общества, которые собираются в отдельно стоящих вигвамах или в парилке и устраивают разного рода маскарады, чтобы напугать своих женщин. Мужчины притворяются, что беседуют с дьяволом, и заставляют место их встречи снова трястись и звенеть от криков и улюлюканья. В некоторых случаях один из них, замаскированный под самого главного дьявола, выходит из дома с привидениями и носится как сумасшедший по деревне, делая все возможное, чтобы напугать непокорных женщин и детей до потери рассудка. Казалось бы, это происходит с незапамятных времен, и бедные женщины все еще одурачены этим и даже напуганы до более или менее продолжительных приступов супружеской благопристойности и менее легкого поведения.

КАЛИФОРНИЙСКИЕ БОЖЕСТВА.

Прибрежные племена округа Дель Норте, Калифорния, живут в постоянном страхе перед злобным духом, который принимает форму определенных животных, форму летучей мыши, ястреба, тарантула и так далее, но особенно восхищается совой-визгуньей. Вера русско-речных племен и других практически идентична этой.

У кароков, как мы уже знаем, есть некоторое представление о великом божестве по имени Чарейя, Старце Наверху; он имеет обыкновение время от времени появляться на земле перед некоторыми из наиболее почитаемых магов; его описывают одетым в тесную тунику, с аптечкой и длинными белыми волосами, которые благоговейно ниспадают на плечи. Однако на практике кароки, как и большинство калифорнийских племен, почитают главным образом койота. Великий страх внушают также определенные лесные демоны, ведущие ночной образ жизни; они, как говорят евроки, принимают облик медведей и пускают стрелы в заблудившихся путников.[V-19]

Между вышеупомянутыми верованиями калифорнийцев и теми, которые связаны с остальными племенами, идущими на юг, мы не можем обнаружить существенной разницы, пока не достигнем ольчонес, племени на побережье между Сан-Франциско и Монтереем; солнце здесь начинает связываться или отождествляться по имени с этим великим духом, или, скорее, с тем Большим Человеком, который создал землю и который правит в небе.[V-20] Итак, мы снова находим это и в окрестностях Монтерее, и в окрестностях Сан-Луис-Обиспо; первые плоды земли были предложены в этих районах великому свету, и в этих районах солнце было принесено в жертву великому свету. его возвышение было встречено криками радости.[V-21]

Отец Херонимо Боскана[V-22] дает нам следующее отношение к вере и богослужению народов акагхемема в долине и окрестностях Сан-Хуан-Капистрано, Калифорния. Часть из них, естественно, попала бы в ту часть этой работы, которая была выделена origin; но в целом она так тесно переплетена со столь многим, касающимся жизни, деяний и поклонения различным сверхъестественным персонажам, что, казалось, она лучше соответствует своему нынешнему положению, чем любая другая. О первой части традиции существует две версии — если это действительно версии одной и той же традиции. Сначала мы приводим версию, которой придерживаются *серранос*, или горцы, из внутренних районов страны, в трех или четырех лигах от упомянутого Сан—Хуан-Капистрано:

До того, как материальный мир вообще существовал, жили два существа, брат и сестра, природу которых невозможно объяснить; брат жил наверху, и его имя означало Небеса, сестра жила внизу, и ее имя означало Землю. От союза этих двоих появилось многочисленное

потомство. Земля и песок были первыми плодами этого брака; затем родились камни; затем деревья, большие и малые; затем трава и разнотравье; затем животные; наконец, родился великий персонаж по имени Уио, который был "великим капитаном". От какой-то неизвестной матери у этого Уиота родилось много детей из племени знахарей. Все это происходило на севере; и позже, когда были созданы люди, они были созданы на севере; но по мере того, как люди умножались, они двигались к югу, земля также становилась больше и простиралась в том же направлении.

КОЙОТ ИЗ ПЛЕМЕНИ АКАГХИМОВ.

Со временем, когда Уиот состарился, его дети составили заговор с целью убить его, утверждая, что немощи возраста сделали его больше непригодным управлять ими или заботиться об их благополучии. Поэтому они подсыпали ему в питье сильный яд, и когда он выпил его, на него напала сильная болезнь; он встал, покинул свой дом в горах и спустился к тому месту, где сейчас находится берег моря, хотя в то время там не было моря. Его мать, которую зовут Земля, смешала ему противоядие в большой раковине и выставила зелье вариться на солнце; но его аромат привлек внимание Койота, который подошел и перевернул раковину. Итак, Уио заболел до смерти, и хотя он сказал своим детям, что вскоре вернется и снова будет с ними, с тех пор его никто не видел. Все люди сложили большую кучу дров и сожгли там его тело, и как только началась церемония, Койот прыгнул на тело, сказав, что он сгорит вместе с ним; но он только оторвал кусок мяса от желудка, съел его и убежал. После этого титул Койота был изменен с Еуаске, что означает Младший капитан, на Епо, то есть Вор и Каннибал.

Когда погребальные обряды были закончены, был проведен общий совет и приняты меры по сбору животной и растительной пищи; ибо до этого времени детям и потомкам Уио нечего было есть, кроме разновидности белой глины. И пока они совещались друг с другом, вот, перед ними предстало чудесное существо, и они заговорили с ним, говоря: Ты наш капитан, Уиот. Но призрак сказал: "Нет, ибо я более велик, чем Уиот; мое жилище наверху, и меня зовут Чинигчинич". Затем он заговорил дальше, когда ему сказали, для чего они собрались вместе: Я создаю все сущее, и теперь я иду создавать людей, другой народ, подобный вам; что касается вас, я даю вам силу, каждому по роду своему, производить все хорошее и приятные вещи. Один из вас принесет дождь, а другой росу, а третий заставит желудь вырасти, а других - другие семена, а третьи заставят изобиливать на земле всевозможной дичью; и ваши дети будут обладать этой силой вечно, и они будут колдунами для людей, которых я иду создавать, и будут получать от них дары, чтобы дичь не подводила и урожай был обеспечен. Затем Чинигчинич создал человека; из озерной глины он сформировал его, мужчину и женщину; и нынешние калифорнийцы являются потомками одной или нескольких тамошних пар, созданных таким образом.

Так заканчивается известная традиция горцев; теперь мы должны вернуться назад и заново начать историю с ее начала, как ее рассказали *плайано*, или жители долины Сан-Хуан-Капистрано. В них говорится, что невидимое всемогущее существо по имени Нокума сотворило мир и все, что в нем есть, из растущих и движущихся вещей. Он сделал ее круглой, как мяч, и держал в руках, где она сначала долго каталась, пока он не стабилизировал ее, воткнув в нее тяжелый черный камень, называемый *мосаут*, в качестве своего рода балласта. Море в то время было всего лишь маленьким ручейком, текущим по всему миру, и так переполнено рыбой, что их сверкающим плавникам больше некуда было двигаться; напор был так велик, что

некоторые из наиболее глупых мальков стояли за то, чтобы высадиться и основать колонию на суше, и лишь с величайшим трудом старейшины убедили их, что смертоносный воздух, губительное солнце и отсутствие ног должны были безошибочно доказать гибель в течение многих дней всех, кто принимал участие в таком отчаянном предприятии. Правильный план, очевидно, состоял в том, чтобы улучшить и расширить их нынешний дом; и с этой целью, главным образом с помощью одной очень крупной рыбы, они раскололи огромный камень тосо надвое, обнаружив в центре пузырь, наполненный очень горьким веществом. Рыбам понравился его вкус, поэтому они высыпали его в воду, и вода мгновенно стала соленой, разбухла и залила большую часть старой земли, образовав новые границы, которые сохраняются по сей день.

Затем Нокума сотворил человека, создав его из почвы земли, назвав его Эджони. Женщину также создал великий бог, предположительно из того же материала, что и мужчина, назвав ее Эй. У этой первой пары родилось много детей, и их потомки размножились по всей земле. Имя одного из этих последних было Сироут, то есть Горсть табака, а имя его жены было Икают, что означает "Выше"; и у Сироута и Икают родился сын, когда они жили в местечке к северо-востоку, примерно в восьми лигах от Сан-Хуан-Капистрано. Звали этого сына Уиот, то есть Властитель; он вырос свирепым и грозным воином; надменный, честолубивый, деспотичный, он распространял свою власть повсюду, правя повсюду, как железным жезлом; и народ устроил против него заговор. Было решено, что он должен умереть от яда; кусок камня тозаут был измельчен таким смертоносным способом, что простого его внешнего применения было достаточно, чтобы вызвать смерть. Уио, несмотря на то, что он постоянно был настороже, будучи предупрежден об опасности маленьким норным животным по имени кукумель, не смог избежать своей участи; пока он спал, ему на грудь высыпали несколько крупинок язвенной смеси, и крепкий минерал проел себе путь к самым истокам его жизни. Все мудрецы страны были призваны к нему на помощь, но ему ничего не оставалось, как умереть. Его тело сожгли на большой куче с радостными песнями и танцами, и нация возрадовалась.

ПЕРВЫЙ ЗНАХАРЬ.

Пока люди собирались с этой целью, было сочтено целесообразным посоветоваться о возможности добыть семена и мясо для употребления в пищу вместо глины, которая до этого времени была единственной пищей человеческого рода. И пока они еще разговаривали друг с другом, им явился, пришедший неизвестно откуда, некто по имени Аттаджен, "имя которого подразумевает человека, или разумное существо". И Аттаджен, понимая их желания, выбрал среди них некоторых старейшин и дал им власть; одному, чтобы он мог вызывать дождь, другому, чтобы он мог вызывать изобилие дичи, и так с остальными, каждому свою силу и дар, и преемникам каждого навеки. Это были первые знахари.

Прошло много лет после смерти Уиота, и в том же месте появился некто по имени Уиамот, предполагаемый сын Таку и Аузара — людей неизвестных, но туземцев; Боскана считает, что из "какой-то далекой страны". Этот уиамот более известен под своим великим именем Чинигчинич, что означает Всемогущий. Впервые Он проявил свою силу перед людьми в день, когда они собрались на собрание с той или иной целью; он появился, танцуя, перед ними, увенчанный чем-то вроде высокой короны из высоких перьев, воткнутых в какой-то обруч, подпоясанный чем-то вроде нижней юбки из перьев, и его тело было выкрашено в черный и красный цвета. Награжденный таким образом, он был назван *тобетом*. Потанцевав некоторое

время, Чинигчини́ч призвал знахарей, или *щенков*, как их называли, среди которых, по-видимому, всегда числятся вожди, и подтвердил их силу; сказав им, что он спустился со звезд, чтобы научить их танцам и всему остальному, и приказав, чтобы при любой необходимости они выстраивались в тобет и танцевали так, как танцевал он, умоляя его великим именем, чтобы таким образом они могли получить свои прошения. Он научил их, как поклоняться ему, как строить *ванквечи*, или места поклонения, и как направлять их поведение в различных жизненных делах. Затем он приготовился умереть, и люди спросили его, должны ли они похоронить его; но он предостерег их от попыток такого поступка: "Если вы похороните меня, - сказал он, - вы наступите на мою могилу, и за это моя рука будет тяжела на вас; смотрите на это и на все ваши пути, ибо вот, я поднимаюсь туда, где высоко звезды, где мои глаза увидят все пути людей; и всякий, кто не будет соблюдать мои заповеди и соблюдать то, чему Я учил, вот, болезнь поразит все его тело, и никакая пища не приблизится к его губам, медведь разорвет его". его плоть, и кривой зуб змеи ужалит его.

СВЯТИЛИЩА УБЕЖИЩА.

Ванквеч, или место поклонения, по-видимому, представляло собой ограду из кольев без крыши, внутри которой на барьере было помещено изображение бога Чинигчини́ча. Это изображение представляло собой шкуру койота или горного кота, набитую перьями определенных птиц и различными другими вещами, так что оно выглядело как живое животное; снаружи к нему были прикреплены лук и несколько стрел, а другие стрелы были воткнуты ему в горло так, что перья их торчали изо рта, как из колчана. Все огороженное место было священным, и к нему нельзя было приближаться без благоговения; не похоже, что жертвоприношения составляли какую-либо часть совершаемого там богослужения, а только молитву, а иногда и своего рода пантомиму, связанную с желаемым предприятием, которое следовало продолжить — так, желая успеха на охоте, человек имитировал действия охотника, подпрыгивая и взмахивая луком. Каждый ванквеч был городом-убежищем, права на убежище превышали все, когда-либо предоставленные в еврейских или христианских странах. Мало того, что каждый преступник был там в безопасности, каким бы ни было его преступление, но с этого момента преступление было как бы стерто, и преступник мог свободно покидать святилище и разгуливать, как прежде; было запрещено даже упоминать о своем преступлении; все, что мог сделать мститель, это указать на него и высмеять его, сказав: "Смотри, трус, который был вынужден бежать в Чинигчини́ч!" Это бегство было настолько подлым делом, что оно лишь перенесло наказание с головы бежавшего на голову некоторых его родственников; жизнь шла за жизнь, око за око и зуб за зуб, даже до третьего и четвертого поколения, ради справедливости.

Помимо Чинигчини́ча, они поклонялись или, во всяком случае, боялись бога по имени Тач, который населял горы и недра земли, появляясь, однако, время от времени в виде различных животных устрашающего вида. Каждый ребенок в возрасте шести-семи лет получал посланное ему этим богом какое-нибудь животное в качестве защитника. Чтобы выяснить, что это за животное или дух в облике животного, проглатывались наркотические напитки, или испытуемый голодал и наблюдал в ванквече в течение определенного времени, обычно трех дней. Тот, чье звание давало ему право ожидать явления своего хранителя в священном месте, был посажен там рядом с изображением бога, а на земле перед ним один из мудрецов нарисовал грубую фигуру какого-то животного. Затем ребенка оставили завершать свое бдение, предупредив в то же время, чтобы он терпеливо переносил его тяготы, поскольку о любой попытке нарушить его правила, посредством еды, питья или иным образом, богу сообщит распростертая фигура,

которую чародей нарисовал в глине, и что в таком случае наказание Чинигчини́ча будет ужасным. После того, как все это было закончено, на правой руке ребенка, а иногда и на толстой части ноги делали шрам, покрывая эту часть, "в соответствии с требуемой фигурой", особой травой, высушенной и растертой в порошок, и поджигая ее. Это было клеймо или печать, требуемая Чинигчини́чем, и, кроме того, предполагалось, что оно укрепляет нервы и дает "лучший пульс для управления луком".[V-23]

Акагчемемы, как и многие другие калифорнийские племена,[V-24] относятся к большому канюку с чувством почитания, хотя у них, по-видимому, было связано с ним несколько обрядов и идей, присущих только им самим. Они называли эту птицу *панес*, и раз в год устраивали фестиваль с таким же названием, главной церемонией которого было умерщвление канюка без потери ни капли его крови. Затем с него сняли шкуру, приложив все возможные усилия, чтобы сохранить перья целыми, поскольку они использовались при изготовлении нижней юбки и диадемы из перьев, уже описанных как часть тобета. В последнюю очередь тело было похоронено в священном месте среди большого явного горя старых женщин, они оплакивали потерю родственника или друга. Традиция объясняла это так: панес действительно когда-то была женщиной, на которую, странствуя горными путями, внезапно наткнулся великий бог Чинигчини́ч и превратился в птицу. Однако, как это было связано с тем, что люди каждый год убивали ее заново, и с некоторыми необычными идеями, связанными с этим убийством, ни в коей мере не ясно; ибо считалось, что всякий раз, когда птицу убивали, она снова оживала, и даже больше, и вера могла двигать горы — что птицы, убитые на одном и том же ежегодном празднике во многих разных деревнях, были одной и той же птицей. Как это было и почему, никто не знал, было достаточно того, что это была заповедь и постановление Чинигчини́ча, чьи пути отличались от путей человеческих.[V-25]

И НА НЕБЕСАХ НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.

Перики Нижней Калифорнии были разделены на две секты, поклонявшиеся двум враждебным божествам, которые вели друг с другом войну на уничтожение. Традиция объясняет, что на небесах жил великий господь по имени Нипарая, который сотворил землю и море, был всемогущим и невидимым. Его женой была Анайикойонди, богиня, которая, хотя и не обладала телом, божественно таинственным образом родила ему троих детей; один из которых, Куайайп, был настоящим мужчиной и родился на земле, в горах Акараги. Этот молодой бог был очень могущественен, и долгое время он жил с предками Перикуев, которых, можно почти предположить, создал он; во всяком случае, нам говорят, что он был способен создавать людей, извлекая их из земли. Люди, наконец, убили этого своего великого героя и учителя и возложили на его голову терновый венец.[V-26] Где-то он остается мертвым по сей день, и он остается неизменно красивым, и его тело не знает разложения. Кровь постоянно капает из его ран, и он больше не может говорить, так как мертв; и все же есть сова, которая разговаривает с ним. И помимо бога Нипарай, о котором говорилось выше, на небесах существовал еще один враждебный бог по имени Вак или Тупаран. Согласно секте Нипарая, этот Вак объявил войну их любимому богу, был им побежден и низвергнут с небес в пещеру под землей, хранителями которой были морские киты. С извращенным, хотя и не противоестественным упрямством секта, считавшая Вака или Тупарана своим великим богом, упорствовала в своих собственных идеях относительно правдивости предыдущей истории; и их рассказ о великой войне на небесах и ее результатах отличался от другого, как различаются верования неортодоксальных и ортодоксальных повсюду; они приписывают, например, часть творения другим богам, помимо

Нипараи.[V-27] Кочими и оставшиеся уроженцы калифорнийского полуострова, похоже, придерживались того же мнения. в основном, представления о богах и силах, стоящих над ними, были во многом такими же, как у перикуев, и у всех колдунов были общие удары, прыжки, голодания и другие ряженые, которые делают этих профессоров зловещего искусства такими похожими повсюду на нашей территории.[V-28]

У туземцев Невады есть представления о каком-то великом добром Духе, а также миф о дьяволе; но у них нет особого класса, выделенного как знахари.[V-29] Вера Юты, по-видимому, максимально идентична вере Невады.[V-30]

Команчи более или менее смутно признают существование Высшего Духа, но, по-видимому, используют Солнце и Землю как посредников и, в некотором роде, как его воплощения. У них есть признанная группа магов, называемых *пуюканте*, и различные религиозные церемонии и песнопения; по большей части простые и обращенные к Солнцу как великому источнику жизни, и к Земле как производителю иместилищу всего, что поддерживает жизнь. Согласно аббату Доменеку, каждый команч носит маленькую фигурку солнца, прикрепленную к его шее, или имеет изображение солнца, нарисованное на его щите; из ушей каждого свисают также два полумесяца, которые, возможно, представляют луну.[V-31]

Апачи признают высшую силу на небесах под именем Якстакситакситанне, создателя и повелителя всего сущего; но они не оказывают ему ни открытого служения, ни поклонения. Любому молчаливому хитрому человеку они привыкли приписывать общение с какой-то сверхъестественной силой и обращаться к нему как к своего рода оракулу в различных чрезвычайных ситуациях. Фактически, это их знахарь, и в случаях болезни он притворяется, что излечивает с помощью трав и различных церемоний.[V-32]

Индейцы навахо, имеющие обычный класс колдунов, называют свое доброе божество Уэйллахей, а свое злое - Чиндай; основное назначение их доброго бога, по-видимому, заключается в защите их от злого. Куря, они иногда с большой церемонностью выпускают табачный дым к небу; говорят, что это приносит дождь; с той же целью в различных церемониях используются определенные длинные круглые камни, которые, как считается, сбрасываются облаками во время грозы.

Считается, что солнце, луна и звезды являются силами, связанными с дождем и хорошей погодой; в то время как бог Монтесума их соседей-пуэбло неизвестен среди них.[V-33]

МОНТЕСУМА ИЗ ПЛЕМЕНИ ПУЭБЛО.

Все города пуэбло, хотя и говорят на разных языках, исповедуют по существу одну и ту же веру. Они, кажется, соглашались с утверждением о существовании великого и доброго духа, чье имя слишком священо, чтобы его упоминать; но большинство говорит, что Монтесума равен ему; а некоторые, опять же, что Солнце такое же, как Монтесума, или равно ему. Существуют, кроме того, меньшие божества воды — Монтесума рассматривается в одном аспекте как великий бог дождя и как таковой часто упоминается как находящийся в помощи змеи или в связи с ней. Помимо всего этого, существование общего класса или группы злых духов считается само собой разумеющимся.

Многие места в Нью-Мексико претендуют на звание родины великого лидера, учителя и бога Монтесумы. Во всяком случае, традиционно предполагается, что он появился среди пуэбло еще

до того, как они прибыли в свои нынешние города или построили их. Некоторые традиции сделали бы его либо предком, либо создателем одного и того же народа; но большинство рассматривает его как своего рода полу- или полностью божественного священника, пророка, лидера и законодателя. При ограничениях, указанных в предыдущем примечании, [V-34] мы можем справедливо считать его одновременно Мелхиседеком, Моисеем и Мессией этих странников из пустыни Пуэбло из Египта, о котором история ничего не знает и чье имя не упоминает даже традиция. Он научил свой народ строить города с высокими домами, возводить эстуфы, или полусвятые парилки, а также разжигать и охранять священный огонь.

Некоторые говорят, что в Акоме было основано первое пуэбло, и оттуда люди двинулись на юг, образовав другие. Одним была Акома, другим - Пекос. Напоследок Монтесума посадил дерево вверх ногами и сказал, что, когда он покинет их, чужой народ будет угнетать их в течение многих лет, а также лет, в течение которых не должно быть дождя, но что они должны упорно наблюдать за священным огнем, пока дерево не упадет, и тогда он вернется с белой расой, которая уничтожит их врагов; и тогда снова пойдет дождь и земля станет плодородной. Говорят, что это дерево упало из своего необычного положения, когда американская армия вошла в Санта-Фе.

ОН НЕ УМЕР, НО СПИТ.

Наблюдение за огнем, поддерживаемым в подземных устьях рек, как правило, под слоем золы и в чаше небольшого алтаря, было нелегкой задачей. Некоторые говорили, что воины занимали пост по очереди в течение двух дней и ночей подряд, без еды, без питья, без сна, без всего. Другие утверждают, что это наблюдение продолжалось до полного изнеможения и даже смертиохранника — последнее не вызывает удивления, учитывая невыносимую духоту этого места и скопление углекислоты. Иногда предполагалось, что останки умерших были унесены чудовищным змеем. Считалось, что этот священный огонь был палладиумом города, и наблюдавшие за ним вполне могли мечтать о том дне, когда вместе с солнцем спустится Монтесума в столбе дыма, корни которого они питали, и наполнит убогую маленькую эстуфу славой, подобной той, что царит в скинии дикой природы, о которой они не знали, где более ужасный столб дыма скрывал мистических херувимов. Надежда умирает с трудом, и смутные воспоминания о великом прошлом никогда полностью не исчезают ни у одного народа. Ни один истинно рожденный британский бард никогда не сомневался ни в возвращении Артура из его царственного покоя в Авалоне, ни в том, что вспышка Экскалибара однажды снова станет смертоносной молнией в глазах ненавистного сакса. Пастухи на берегу Люцерна знают, что, если бы Швейцария была в опасности, Телль пробудился бы ото сна, как в преддверии рока. "Когда Германия в самом низу, тогда ее величие ближе всего", - гласят жуткие старые баллады той страны; ибо тогда Великий кайзер восстанет из склепа в Киффхойзере — Барбаросса восстанет, хотя его борода и отрастет за длинным каменным столом. Не бывает Франка без своего спасителя: Пойте, о трубадуры, пойте и гордо берите за струны! Кто одержит верх, пока Карл Великий всего лишь спит в тени Унтерсберга?—И вот наш страж Пуэбло взбирается на крышу дома в Пекосе, глядя все время на восток от Санто—Доминго на Рио-Гранде; он тоже ждет прекрасных ног на горах и своих перьев...

Кто жил наверху, под желтым солнцем,

И скорбя о человеческом отчаянии,

Скользнул по его волочащимся желтым волосам

На землю, править с любовью и приносить

Блаженство мира.[V-35]

Вожди пуэбло, по-видимому, в то же время являются жрецами; они совершают различные простые обряды, с помощью которых узнается сила солнца и Монтесумы, а также, согласно некоторым источникам, сила "Великого Змея, у которого по приказу Монтесумы они должны искать жизнь"; они также совершают определенные церемонии, с помощью которых они молятся о дожде. Там есть нарисованные изображения Большой Змеи вместе с изображением уродливого рыжеволосого мужчины, который, как было объявлено, олицетворяет Монтесуму. Из этого последнего также в 1845 году в пуэбло Лагуна было изготовлено грубое изображение или идол, предназначенное, по-видимому, для изображения только головы божества; оно было сделано из дубленой кожи в форме шляпы без полей или цилиндра, открытого снизу. Наполовину она была выкрашена в красный цвет; другая половина была зеленой. Зеленая сторона была грубо размечена, чтобы изобразить лицо: два треугольника были вырезаны для глаз; носа не было; круглая кожаная нашивка служила ртом, а две другие нашивки в соответствующем положении изображали уши. Голову венчал небольшой пучок кожи, который, как говорят, дополнялся перьями по торжественным случаям. Можно было бы сказать, что это жалкое изображение, но на него его участники смотрели, по-видимому, с величайшим благоговением; они преклоняли колени самым преданным образом, произнося своеобразную молитву и посыпая его белым порошком. Один из верующих сказал, что это Бог и брат Божий; и люди выносят его в засушливое время года и танцами и другими обрядами призывают его к дождю.

Христианство в настоящее время стерло память о большинстве обрядов религии пуэбло, но доктор Тен Брок заметил, что многие прихожане христианской церкви в Лагуне несли в руках маленькие корзиночки с изображениями домашних животных или зверей охоты, вылепленными из глины или теста; таков был обычай, существовавший с незапамятных времен, когда те, кто преуспевал в охоте или в накоплении скота, приносили такие подобия своего процветания к алтарю Бога — вероятно, модификация, вызванная бедностью людей в более отдаленном регионе. ритуал столь же древний, как алтарь Авеля, а именно приношение первенцев и первых плодов тому Божеству, чье благословение дало прирост.

Было подтверждено, без особых оснований или вероятности того, что это правда, что пуэбло поклонялись огню и воде.[V-36]

Моки ничего не знают о Монтесуме; они верят в Великого Отца, живущего там, где восходит солнце, и в великую Мать, чей дом находится там, где заходит солнце. Этот Отец - отец зла, войны, мора и голода; но от матери - вся их радость, мир, изобилие и здоровье.[V-37]

БОЖЕСТВА МОХАВЕ.

Жители Мохавеса рассказывают о некоем Матевиле, творце неба и земли, который в прошлом имел обыкновение оставаться среди них в некоем грандиозном доме. Однако это жилище было разрушено каким-то неблагоприятным событием; народы были уничтожены, и Матевиль ушел

на восток. Откуда в последние дни он снова вернется, чтобы объединиться, процветать и вечно жить со своим народом. У этого Матевила, или Матовелии, есть сын по имени Мастамхо, который добывал воду и сажал деревья. Существует также Злой Дух Ньюати.[V-38]

Из письма, только что полученного от судьи Роузборо, я могу завершить эту главу некоторыми новыми и ценными фактами, касающимися религиозных идей определенных племен — точно не указанных — северо-западной части Верхней Калифорнии. Ученый судья уделил необычное внимание предмету, о котором он пишет, и, должно быть, за десять лет поездок и проживания в округах северных графств Калифорнии у него часто появлялись возможности добыть информацию:

Среди племен по соседству с Тринити-ривер встречается легенда, связанная с неким Ваппеккемоу, который был великаном и, по-видимому, отцом и вождем такой же дочеловеческой расы, как и он сам. Он был изгнан из страны, которую населял, — недалеко от устья Кламата - за неповиновение или оскорбление какого-то великого бога, и на него было наложено проклятие, так что даже его потомки никогда не должны были возвращаться в эту землю. После изгнания этих анаким предки народа, которому принадлежит эта легенда, пришли с северо-запада - направления миграции, которого, по мнению судьи Роузборо, неизменно придерживаются легенды всех племен северо-западной Калифорнии. Однако эти новые поселенцы, как и их предшественники из расы гигантов, поссорились с великим богом и были брошены им на произвол судьбы, будучи отданы в руки определенных злых сил или дьяволов. Первый из них - Омаха, который, имея облик медведя гризли, невидим и ходит повсюду, принося болезни и несчастья человечеству. Следующим идет Макалай, дьявол с рогом единорога; он быстр, как ветер, и передвигается огромными прыжками, как кенгуру. Один его вид обычно приносит смерть смертным. Есть, в-третьих, ужасное существо по имени Каликнатек, которое кажется точным воспроизведением великой северной громовой птицы: так, Каликнатек "это огромная птица, которая сидит на вершине горы и в тишине размышляет о своих мыслях, пока не проголодается; тогда он пронесется над океаном, схватит большого кита и отнесет его к своему горному трону для единственной трапезы".

Помимо вышеупомянутых сил зла, у этих Троичных людей есть легенды, связанные с другими персонажами той же природы, среди которых Ванусвегек, Сургелп, Напусни и Неките.

Когда белые шахтеры впервые пришли работать на реку Тринити, их появление вызвало, как можно себе представить, много неудовлетворительных домыслов среди аборигенов; одни говорили о белых одно, другие - другое. Наконец, старый провидец из долины Хупа разрешил этот вопрос, заявив, что вновь прибывшие были потомками того изгнанного Ваппеккемоу, с чьих голов каким-то образом было снято уже упомянутое проклятие, запрещавшее им возвращаться.

КУХОННАЯ ПОМОЙКА ХОГГЕЙТОВ.

У жителей побережья северной Калифорнии есть история о таинственном народе по имени Хоггейтс, которому приписывают огромное скопление раковин мидий и костей животных, все еще существующих на плоскогорье Пойнт-Сент-Джордж, недалеко от Кресент-Сити. Говорят, что эти хоггейты, числом семь, приплыли к этому месту на лодке и построили себе "дома над землей в стиле белых людей" — все это примерно в то время, когда первые туземцы спустились по побережью с севера. Эти хоггаты, жившие в упомянутом месте, убили много лосей на суше, а также много тюленей и морских львов во время рыбацких вылазок со своих лодок; для

последней цели они использовали нечто вроде гарпуна, сделанного из ножа, прикрепленного к палке, и всего этого, прикрепленного к лодке длинной леской. Они также часто подплывали к определенным скалам и загружали свои маленькие суденышки мидиями. Всем этим они добывали себе вдоволь еды, и отходы от нее, кости, панцири и так далее, быстро скапливались в большомкьеккен-меддинге, *который* еще предстоит увидеть. Однако однажды, когда все хоггейты были в море в своей лодке, они поразили огромного морского льва своим грубым гарпуном и, не имея возможности или нежелания перерезать или сбросить леску, были со страшной скоростью утащены в огромный водоворот, называемый Чареккин, который лежал далеко на северо-западе. Это место, куда уходят души, где во тьме и холоде духи вечно дрожат; живые люди страдают даже от его ветров — от северо-западного ветра, унылого и горького Чаррек-равека. И как только лодка достигла края этого страшного места, произошло нечто удивительное: веревка оборвалась, и морское чудовище было унесено вниз в одиночестве в водоворот ветра и воды, в то время как Хоггейты были подхвачены в воздух; раскачиваясь круг за кругом, их лодка неуклонно плыла ввысь, в просторы небес. Никогда больше на земле не видели Хоггейтов; но на небе есть семь звезд, о которых знают все люди, и эти звезды - семь Хоггейтов, которые когда-то жили там, где сейчас находится большое месторождение ракушек близ Кресент-Сити.

ГЛАВА VI. БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ ИМ.

Боги и религиозные обряды Чиуауа, Соноры, Дуранго и Синалоа —Мексиканская религия, принимаемая с разной степенью доверчивости разными слоями населения—Мнения разных авторов относительно ее природы—Монотеизм Несауалькойотля—Современное состояние изучения мексиканской мифологии—Тецкатлипока—Молитвы Ему во время эпидемии, войны, заВласть имущих—Молитва, используемая священником, Отпускающим грехи —Подлинность вышеупомянутых молитв—Характер и произведения Саагуна.

Из городов пуэбло давайте теперь перейдем в Мексику, взглянув сначала на северных и северо-западных соседей этого великого народа, правившего на плато Анахуак. Чихуахуа поклонялись великому богу, которого они называли "повелителем небес", и признавали меньшее божество, пребывающее в их священниках и знахарях и вдохновляющее их. Они воздавали должное солнцу; и когда на небесах появлялась какая—либо комета или другое явление, они приносили ему жертвы; их жертвоприношения были во многом по мексиканскому обычаю - фрукты, травы и тому подобные вещи, которые у них были, вместе с кровью, вытекшей из их тел при уколах шипа.[VI-1]

БОГИ СОНОРЫ И ДУРАНГО.

В Соноре — великом центральном сердце Мексики, удары которого ощущаются все отчетливее по мере приближения к нему, — смутные чувства благоговения, с которыми дикарь относится к невидимым, неизвестным и непознаваемым силам, начинают, наконец, несколько терять свою расплывчатость и кристаллизуются в признание силы, которую представляет и символизирует бог, созданный руками. Приношения к нему также начинают все больше и больше терять свою первобытную простую форму, и кровь, без которой не бывает прощения грехов, пятнает грубый алтарь, который более аркадская раса заваливала только цветами и фруктами. Уроженцы Соноры приносят, говорит Лас Касас, "множество оленей, волков, зайцев и птиц к большому

идолу под музыку множества флейт и других своих инструментов; затем разрезают животных посередине, вынимают сердца и вешают их на шею идола, смачивая текущей кровью. Несомненно, что единственным подношением, сделанным во всей этой провинции Сонора, были сердца животных".[VI-2] Все это они делали особенно в два своих великих праздника, один во время посева, другой во время сбора урожая; и у нас есть причина радоваться, что дело не стало хуже, причина радоваться, что сердца храбрых мужчин и прекрасных женщин и нежных детей, не отличающих правую руку от левой, не были призваны, как в стране знамени орла и кактуса, питать этого дьявольского Минотавра, суеверие.

Жители Дуранго называли главную силу, в которую они верили, Мейункаме, то есть Создателем Всего Сущего; у них был другой бог, Качирипа, чье имя - это все, что мы о нем знаем. Кроме того, у них было бесчисленное множество личных идолов, пенатов всевозможных и невозможных фигур; некоторые из них были каменными, сформированными только природой. В одной деревне они поклонялись большому кремневому ножу, чтобы все их кремневые орудия были хорошими и надежными. У них были боги бури и боги солнечного света, боги добра и боги зла, боги всего, что на небесах вверху, или на земле внизу, или в водах под землей. Их идолам приносились кровавые жертвы, не всегда из животных; чаша с бобами и приготовленным человеческим мясом врага приносилась им в жертву за успех в войне.[VI-3]

Большая часть предыдущего абзаца также относится к Синалоа или не может быть точно расположена скорее в одной провинции, чем в другой. Говорят, что синалоа почитали превыше всех других богов одного по имени Кокоуаме, что в переводе означает Смерть. Они поклонялись также некоему Урабе,[VI-4], что означает Доблесть, предлагая ему луки, стрелы и всевозможные орудия войны. Сехуатобе, то есть Удовольствию, они приносили в жертву перья, одежду, стеклянные бусы, и женские украшения. Бамусехуа был богом воды. Говорят, в некоторых частях света признавался божественный элемент в обычных травах и птицах. Одно божество — или дьявол, как называет его Рибас с изысканной вежливостью, отличающей историка—теософа, - было особым покровителем класса волшебников, очень похожих на шаманов и знахарей севера. Казалось, никто точно не знал силы этого божества, но все признавали их масштабы, с почтительным трепетом признавая их воздействие; воздействие, осуществляемое с помощью волшебников, с помощью мешочков, погремушек, волшебных камней, выдуваний, посасываний и всей той рутинной магии, с которой мы уже знакомы. Это божество называлось Дедушкой или Предком.[VI-5]

Один народ синалоа, таху, живший по соседству с Кулиаканом, разводил огромных змей, перед которыми они очень преклонялись. Они умилялись своих богов приношениями в виде драгоценных камней и богатых тканей, но не приносили в жертву людей. С совершенно характерной инсинуацией аббат Доменек говорит, что, хотя в основном они были в высшей степени аморальны, они настолько высоко уважали женщин, посвятивших себя жизни безбрачия, что устраивали в их честь большие фестивали, оставляя читателю предположение, что у Таху был класс религиозных женщин, посвятивших себя жизни целомудрия, и их уважали по этой причине; правда заключается в том, что при обращении к автору Кастанеде, от которого, по—видимому, аббат позаимствовал эту полуправду и полную ложь, выясняется, что эти уважаемые женщины, соблюдавшие целомудрие, были публичные проститутки страны.[VI-6]

МЕКСИКАНСКАЯ РЕЛИГИЯ И ЕЕ ИСТОРИКИ.

Мексиканская религия в том виде, в каком она дошла до нас, представляет собой запутанный и противоречивый хаос фрагментов. Если когда-либо у великой нации Анахуак был свой Гесиод или свой Гомер, ни один луч его света не достиг спотыкающихся ног исследователей в этом направлении; ни одно эхо его гармонии никогда не было услышано ухом менее тупым, чем ухо зумарраги. Немногим дано превзойти свой возраст, и глупо ожидать, что виноград вырастет из терновника или фиги из чертополоха; и все же трудно полностью подавить некоторое чувство сожаления, изучая те тяжеловесные тома по истории шестнадцатого и семнадцатого веков, которые затрагивают мексиканскую религию; гораздо меньше жалеешь о неизбежных суевериях и детском невежестве варвара, чем о маразме его христианского историка и критика — в том, что знал полуцивилизованный варвар, был какой-то элемент надежды и свидетельства достижения; но с каких высот афинского, римского, римского права он мог бы подняться? александрийская философия и красноречие, если бы цивилизация скатилась к тупому и высокомерному невежеству хроник испанского духовенства.

Мы уже заметили^[VI-7] существование по крайней мере двух школ религиозной философии в Мексике, двух средних уровней мышления: один - вульгарный и левоверный, другой - более просвещенный и рефлексивный. В результате разные авторы несколько расходятся во мнениях относительно точной природы и сущности этой религии, одни говорят одно, другие другое. Я не могу показать это более коротко и — что гораздо важнее в подобной теме — более точно, чем процитировав ряд этих мнений:

"Переходя от простых верований диких племен Америки к сложной религии полуцивилизованной мексиканской нации, мы обнаруживаем то, чего и следовало ожидать, - громоздкий политеизм, осложненный смешением нескольких национальных пантеонов, и, помимо этого, определенные проявления доктрины божественного превосходства. Но об этих доктринах, по-видимому, говорилось более определенно, чем того требуют свидетельства. Следует признать замечательное местное развитие мексиканского теизма, поскольку мы можем ознакомиться с рассказом местного историка Икстлильшочитля о поклонении Несауалькотля, короля-поэта Тецкоко, невидимому верховному Тлоке-Науаке, тому, в ком есть все, причине причин, в пирамиде со звездной крышей которого стоял идол, и который не получал там кровавых жертвоприношений, а только цветы и благовония. И все же это было бы более удовлетворительно, если бы истории, рассказанные этим ацтекским панегиристом своим царственным предкам, подтверждались другими записями. Следы божественного превосходства в мексиканской религии особенно ассоциируются с Тецкатлипокой, "Сияющим Зеркалом", божеством, которое по своей изначальной природе кажется богом Солнца, а затем, благодаря экспансии, стало душой мира, создателем неба и земли, владыкой всего сущего, Верховным Божеством. Подобные концепции, в большей или меньшей степени, могли возникнуть в туземной мысли, но следует отметить, что замечательные религиозные формулы ацтеков, собранные Саагуном, в которых божество Тецкатлипока является столь заметной фигурой, обнаруживают следы христианской примеси в их материале, а также христианского влияния в их стиле. В качестве отдельной и абсолютной личности божественным Солнцем в теологии ацтеков был Тонатиух^[VI-8], чья огромная пирамида-курган возвышается на равнине Теотиуакан, свидетелем поклонения ему в грядущие века. Помимо этого, религия Мексики в ее сложной системе или сообществах великих богов, таких как результат смешения и союза божеств нескольких народов, показывает солнечный элемент, глубоко и широко

укоренившийся в других персонажах ее божественной мифологии, и особенно приписывает солнцу титул Теотля, Бога".[VI-9]

СЛОЖНОСТЬ ТЕОЛОГИИ АЦТЕКОВ.

"Примечательно, - говорит профессор Й. Г. Мюллер, - что хорошо образованный Акоста ничего не знал о поклонении высшему невидимому Богу по имени Теотль. И все же об этом поклонении самым определенным образом сообщалось другими, и это стало очевидным из более точных заявлений относительно природы этого божества. Его прозвали Ипалнемоан, то есть Тот, через кого мы живем, и Красноречивахуаке, то есть Тот, Кто есть все сущее через самого себя. На него смотрели как на создателя и сущность всего сущего, и как на особенный трон в высоких, окруженных облаками горах. Вутке справедливо выступает против любой концепции этого божества как монотеистического, принимая во внимание политеизм народа, поскольку политеизм и монотеизм не будут сочетаться друг с другом; даже если бы было найдено логическое соответствие, внутренние принципы этих двух все равно были бы противоположны друг другу. Другой аргумент также очевиден - полное отсутствие каких-либо молитв, подношений, праздников или храмов в честь этого бога. Из этого очевидно, что Теотль не был богом простых людей. Однако это, с другой стороны, не может оправдать нас — принимая во внимание столь часто встречающиеся заявления хорошо информированных авторитетов - в полном отрицании всех следов пантеистического монотеизма, поскольку этот последний может легко возникнуть среди культурных политеистов как логический результат их естественной религии. Несауалькойотль, просвещенный царь Тецкоко, почитался как причина причин, бог без образа. Вождь аборигенов-тотонаков Семпоаллана имел, если можно верить словам, вложенным в его уста Лас Касасом и Эррерой, представление о высшем боге и творце. Эта абстрактная идея также здесь, как и в других частях Америки, переплелась с представлением о боге солнца. Поэтому мексиканцы называли бога солнца преимущественно Теотлем; а тот просвещенный король Тецкоко, который построил девятиэтажный храм, символизирующий девять небес, в честь звезд, назвал бога солнца своим отцом".[VI-10]

"К древнейшим богам, - говорит Клемм, - принадлежали божества природы, а также высшее существо, называемое Теотль, Бог. Он был совершенным, независимым и невидимым, и, следовательно, не был представлен никаким образом. Его качества были представлены выражениями, подобными этим: Тот, через кого мы живем, Тот, кто весь в себе. Этот бог очень близко совпадает с Хозяином Жизни североамериканцев. Ему противостоит злой дух, враг человечества, который часто является им и наводит на них ужас. Его зовут тлакатеколлотль, то есть Разумная Сова, и, возможно, он, подобно перуанскому Хромоногую, сохранился со времен, когда древние народы-охотники населяли леса и горы. Следующим после Теотла был Тецкатлипока, то есть Сияющее Зеркало; он был богом провидения, душой мира и творцом неба и земли. Теотль не был представлен никаким изображением, и ему, вероятно, не поклонялись с подношениями ни в каких специальных храмах; Тецкатлипока, однако, был представлен таким образом, и это в молодости, потому что время не могло иметь власти над его красотой и великолепием. Он вознаграждал праведных и наказывал нечестивых болезнями и несчастьями. Он сотворил мир, и человечество, и солнце, и воду, и он сам был в определенной степени их надзирателем".[VI-11]

ТЛОКЕ-НАУАКЕ.

Аббат Брассер верит в знание мексиканцами и некоторыми соседними или родственными народами Верховного Бога; но он также думает, что имена великих священников и законодателей часто использовались или смешивались с одним Именем, стоящим над каждым именем. Он говорит: "В дошедших до нас традициях имя законодателя часто путают с именем божества; и за символической завесой, скрывающей первобытную историю, тот, кто цивилизовал американцев и дал им новую жизнь, намеренно отождествляется с Отцом вселенского творения. Авторы, исследующие историю древних американских народов, признают, что во времена высадки испанцев на землю западного континента не было ни одного, кто не признавал бы существование верховного божества и вершителя судеб вселенной. В той путанице религиозных идей, которая является неизбежным результатом невежества и суеверий, представление об уникальном нематериальном существе, о невидимой силе пережило кораблекрушение чистых примитивных верований. Под именем Тлоке-Науаке мексиканцы поклонялись Тому, кто является первопричиной всего сущего, кто сохраняет и поддерживает все своим провидением; называя его снова, по той же причине, Ипалнемоалони, Тот, в ком и посредством кого мы существуем и живем. Этот бог был таким же, как Кунаб-Ку, Единственный Святой, которому поклонялись на Юкатане; таким же, как Хуракан, Голос, который Взывает, Сердце Небес, встречающийся у гватемальских народов Центральной Америки; и, наконец, таким же, как Теотль, Бог, имя которого мы находим в книгах Цендаля и Мексики. Этот "Бог всей чистоты", как его называли в мексиканской молитве, был, однако, слишком возвышенным для мыслей вульгарных людей. Его существование было признано, и мудрецы взывали к нему; но у него не было ни храмов, ни алтарей — возможно, потому, что никто не знал, как его следует представлять, — и только в последние времена ацтекской монархии Несауалькойотль, царь Тецкоко, посвятил ему теокалли из девяти террас без статуй под титулом неизвестного бога".[VI-12]

Мистер Галлатин говорит о мексиканцах: "Их мифология, насколько мы ее знаем, представляет огромное количество несвязанных богов, без видимой системы или единства замысла. В нем нет никаких свидетельств метафизических исследований или силы воображения. Рассматриваемая только как развитие интеллектуальных способностей человека, она во всех отношениях значительно уступает религиозным системам Египта, Индии, Греции или Скандинавии. Если он был импортирован, то, должно быть, из какой-нибудь варварской страны и привезен непосредственно из этой страны в Мексику, поскольку никаких следов подобного культа не обнаружено в более северных частях Америки".[VI-13]

"Ацтеки, - пишет Прескотт, - признавали существование Верховного Творца и Владыки Вселенной. Но идея единства - существа, для которого воля - это действие, которому не нужны низшие служители для достижения своих целей, — была слишком простой или слишком обширной для их понимания; и они, как обычно, искали утешения во множестве божеств, которые управляли стихиями, сменой времен года и различными занятиями человека. Из них было тринадцать главных божеств и более двухсот низших; каждому из них был посвящен какой-то особый день или соответствующий праздник".[VI-14]

ПРИМИТИВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ.

По словам мистера Сквайера: "Первоначальные божества мексиканского пантеона немногочисленны. Таким образом, когда мексиканцы вступали в войну, защищая свободу или суверенитет своей страны, они взывали к Богу Войны в его облике и по имени Уицлипочтли. При

внезапном нападении врагов они взывали к одному и тому же богу под его обликом и именем Пейналтон, что подразумевало Бога Чрезвычайных ситуаций и т. Д. На самом деле, как уже отмечалось в другом месте, все божества мексиканской, как и любой другой мифологии, сводятся к первобытному Богу и Богине".[VI-15]

"Население Центральной Америки, - говорит виконт де Бюссьер, - хотя и сохранило смутное представление о высшем вечном Боге и творце, известном под именем Теотль, имело Олимп столь же многочисленный, как у греков и римлян. Похоже — если следовать самым древним, хотя, к сожалению, и самым малоизвестным легендам, — что в период цивилизации, предшествовавший последовательным вторжениям варварских орд с севера, жители Анахуака присоединили к идее высшего существа поклонение солнцу и луне, предлагая им цветы, фрукты и первые плоды со своих полей. Самые древние памятники страны, такие как пирамиды Теотиуакана, были бесспорно посвящены этим светилам. Давайте теперь проследим некоторые из наиболее ярких черт этих людей. Среди числа их богов есть один, представленный в образе вечно молодого мужчины и считающийся символом верховного и таинственного Бога. Там были еще два бога, наблюдавшие за смертными с высоты небесного города и отвечавшие за исполнение их молитв. Воздух, земля, огонь и вода имели свои особые божества. Женщина змеи, плодовитая женщина, та, которая никогда не рожала, кроме близнецов, почиталась как мать человеческой расы. У солнца и луны были свои алтари. Различные божества руководили явлениями природы, днем, ночью, туманом, громом, урожаем, горами и так далее. Души, обитель умерших, воины, охотники, торговцы, рыбная ловля, любовь, пьянство, медицина, цветы и многое другое имели своих особых богов. Множество героев и прославленных королей, чей апофеоз был предопределен, заняли свое место в этом обширном пантеоне, где, кроме того, восседали двести шестьдесят божеств низшего ранга, каждому из которых, тем не менее, был посвящен один из дней в году. Наконец, каждый город, каждая семья, каждый отдельный человек имели своего небесного покровителя, которому поклонялись. Количество храмов соответствовало количеству богов; эти храмы были найдены повсюду: в городах, на полях, в лесах, вдоль дорог, и во всех них были жрецы, которым было поручено их служение. Эта сложная мифология была общей для всех народов Анахуака, даже для тех, которые империя не смогла подчинить и с которыми она находилась в состоянии войны; но у каждой страны был свой любимый бог, для нее такой бог был тем же, чем Уицилопочтли, бог войны, был для ацтеков".[VI-16]

Мексиканская религия, как резюмировал мистер Бранц Майер,[VI-17] "была смесью спиритуализма и грубого идолопоклонства; ибо ацтеки верили в Верховное Божество, которого они называли Теотль, Бог; или Ипалнемоани, Тот, кем мы живем; или Тлоке Науаке, Тот, Кто имеет все в себе; в то время как их злой дух носил имя Тлалеатколлотль, Разумная Сова. Эти духовные существа окружены рядом низших божеств, которые, вероятно, были попечительскими агентами Теотла. Это были Уицилопочтли, бог войны, и Теояомики, его супруга, чьей обязанностью было проводить души воинов, погибших при защите своих домов и религии, в "дом солнца", небеса ацтеков. Уицилопочтли, или Мекстли, бог войны, был особым покровителем ацтеков; и поскольку они были преданы войне, к этому божеству всегда обращались перед битвой, а после него в качестве компенсации приносили в жертву многочисленных пленников, взятых в ходе конфликта".

МЕКСИКАНСКАЯ РЕЛИГИЯ, ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ.

"Религия мексиканцев, - пишет сеньор Карбахаль Эспиноса,[\[VI-18\]](#) дословно заимствуя из Клавиджеро, - была переплетением ошибок, жестоких и суеверных обрядов. Подобные слабости человеческого разума неотделимы от религиозной системы, порожденной капризом и страхом, как мы видим даже у самых культурных народов древности. Если сравнить религию мексиканцев с религией греков и римлян, то окажется, что последняя более суеверна и нелепа, а первая более варварская и кровожадная. Эти знаменитые народы древней Европы чрезмерно умножали своих богов из-за низкого представления, которое они имели о своем могуществе; они ограничивали свое правление узкими рамками, приписывали им самые ужасные преступления и придавали их богослужению такую отвратительную нечистоплотность, которая была столь справедливо осуждена отцами христианства. Боги мексиканцев были менее несовершенны, и их поклонение, хотя и было суеверным, не содержало ничего противоречащего приличиям. У них было какое-то представление, хотя и несовершенное, о Высшем Существе, абсолютном, независимом, и они верили, что обязаны отдавать ему дань уважения, обожания и страха. У них не было фигуры, которой они могли бы его изобразить, полагая, что он невидим, и они не дали ему никакого другого имени, кроме общего - Бог, которое на мексиканском языке звучит как теотль, даже больше по смыслу, чем по произношению, напоминающее греческий теос; однако они использовали эпитеты в высшей степени выразительные, чтобы обозначить величие и силу, которыми, по их мнению, он был наделен, называя его Ипалнемоани, то есть Тот, кем мы живем, и Тлоке-Науаке, что означает "Тот, Кто есть все вещи в себе". . Но знание и поклонение этой Высшей Сущности были затемнены множеством богов, придуманных суевериями. Кроме того, люди верили в злого духа, враждебного человечеству, называя его Тлакатеколлотль, или Разумная Сова, и говорили, что он часто являл себя людям, чтобы причинить им боль или устроить их".

"Мексиканцы и тецуканцы, - вслед за сеньором Пиментелем, - признавали существование Высшего Существа, Первопричины и давали ему тот общий титул Теотль, Бог, аналогия которого с греческим Theos уже отмечалась различными авторами. Идея Бога - одна из тех, которые кажутся радикальными для самого нашего существования.... У мексиканцев и тецуканцев эта идея была омрачена поклонением тысяче богов, к которым обращались во всех чрезвычайных ситуациях; из этих богов было тринадцать главных, наиболее известным был богпровидения, бог войны и бог ветра и вод. Бог провидения восседал на небе, и все человеческие дела были в его ведении. Бог вод считался удобрением земли, и его жилище находилось на самой высокой из гор, где он расположил облака. Бог войны был главным защитником мексиканцев, их проводником в их странствиях из таинственной страны Ацтлан, богом, чьей милости они были обязаны теми великими победами, которые возвысили их из скромного сословия озерных рыбаков до господства Анахуака. Бог ветра имел более мягкий аспект.... Мексиканцы также поклонялись солнцу и луне и даже, по-видимому, некоторым животным, считавшимся священными. В мифологии ацтеков также фигурировал злой гений по имени Человек-Сова,[\[VI-19\]](#) поскольку некоторым образом хорошее и плохое, смешанное здесь, на земле, должно быть объяснено. Итак, у персов были свои Оромасдес и Ариманес, первый - гений добра, а второй - зла, и поэтому позже манихейство предлагает нам аналогичные объяснения".[\[VI-20\]](#)

БЕЗЫМЯННЫЙ БОГ.

Солис, пишущий о Мексике и мексиканцах, говорит: "Едва ли была улица без своего бога-покровителя; и не было ни одного стихийного бедствия без своего алтаря, к которому они прибегали за лекарством. Они вообразили и создали своих богов из собственного страха, не

понимая, что они уменьшают могущество одних тем, что приписывают другим.... Но при всем множестве их богов и при всей совершенной слепоте их идолопоклонства, они не были лишены знания о Высшем Божестве, которому они приписывали сотворение небес и земли. Этот первоисточник вещей был у мексиканцев богом без имени; в их языке не было слова, которым можно было бы выразить его, только они давали понять, что знают его, благоговейно указывая на небеса и наделяя его на свой манер атрибутом невыразимого, с той религиозной неуверенностью, с которой афиняне почитали Неведомого Бога".[VI-21]

Переводчик Кодекса Теллериано-Ременсис называет Верховного Бога мексиканцев Тонакатеотле.[VI-22] Переводчик говорит: "Бог, Повелитель, Творец, Правитель всего сущего, Тлоке, Науак, Тлалтикпаке, Теотлалале-Матлава-Тепева — всеми этими эпитетами они наградили своего бога Тонакатеотле, который, по их словам, был богом, сотворившим мир; и только его одного они изображали в короне господином всего сущего. Они никогда не приносили жертв этому богу, поскольку говорили, что его не интересуют подобные вещи. Все остальные, кому они приносили жертвы, когда-то были людьми или демонами".[VI-23]

Мы уже видели у Эрреры, что "мексиканцы исповедовали Верховного Бога, Повелителя и творца всего сущего, и указанный Бог был главным, которому они поклонялись, обращая взоры к небесам и называя его Создателем неба и земли".[VI-24] В противовес этому, возможно, было бы неплохо рассмотреть следующую выдержку из того же автора: "Мексиканцы были настолько слепы даже к естественному свету, что не думали, как здравомыслящие люди, что все сотворенные вещи были работой и следствием какой-то огромной и бесконечной причины, которой является только Первопричина и истинный Бог.... И только в Мексике (согласно общепринятому мнению) они имели две тысячи богов и поклонялись им, главными из которых были Визилипузтли и Тецкатлипукатль, которые как верховные были установлены на высоте великого храма, над двумя алтарями.... Тецкатлипукатль был богом провидения, а Визилипузтли - богом войны".[VI-25]

Говоря о мексиканских храмах[VI-26] и богах, Овьедо говорит: "Но у Монтесумы был главный [храм] вместе с тремя другими молитвенными домами, в которых он приносил жертвы в честь четырех богов, или идолов, которые у него были; из них у них был один для бога войны, как у язычников был Марс; другому они воздавали почести и приносили жертвы как богу вод, подобно тому, как древние поклонялись Нептуну; другому они поклонялись как богу ветра, как погибшие язычники поклонялись Эолу; и еще одному по-прежнему они почитали своим верховным богом солнце.... У них были и другие боги; одного из них они сделали богом маисовых полей, приписав ему силу охранять и приумножать то же самое, что поэты-баснописцы и древние древности делали Церере. У них были боги для всего, наделявшие каждого атрибутами в соответствии с их предположениями, наделявшие их тем божеством, которого у них не было и которым не следовало наделять никого, кроме истинного Бога".[VI-27]

Говоря в общих чертах о, вероятно, значительной части Новой Испании, Торквемада говорит: "Эти идолопоклонники не отрицали, что у них был бог по имени Ипалнемоалони, то есть Господь, которым мы живем, и природа его такова, что он существует сам по себе:[VI-28] то, что наиболее присуще Богу, который по своей сути является жизнью. Но то, в чем эти люди ошибались, заключалось в распространении этого божества и приписывании его многим богам; однако на самом деле они признавали Верховного Бога, перед которым все остальные

были ниже. Но из-за величия их грехов им не хватило веры, и они впали в это заблуждение, как и другие народы, которые сделали это".

АКОСТА И ТЕОТЛЬ.

Акоста, как уже было замечено профессором Й. Г. Мюллером, либо никогда не слышал о существовании имени Теотль, либо не верил в существование идей, связанных с ним столькими историками. [VI-29] Упомянутый Акоста говорит: "Если мы поищем в индийском языке слово, соответствующее этому имени Бога, как, например, в латинском Deus; в греческом Theos; в еврейском El; в арабском Alla; но мы не найдем ничего в языках куска или Мексики. Итак, те, кто проповедует или пишет индейцам, используют все наше испанское имя диос, приспособляя его к акценту или произношению индейских языков; которые сильно различаются, из-за чего проявляется то малое знание, которое они имели о Боге, поскольку они не могут даже назвать его, если это не будет само наше имя: все же, на самом деле, у них было некоторое небольшое знание.... Мексиканцы почти таким же образом [как перуанцы] в честь верховного Бога поклонялись сунне: И поэтому они называли Эрнандо Кортеса, Сына Сунне, за его заботу и мужество обследовать землю. Но они больше всего поклонялись Идолу по имени Вицилипуцтли, которого во всем этом регионе они называли самым могущественным и Владыкой всего сущего: по этой причине мексиканцы построили ему Храм, величайший, прекраснейший, высочайший и самый роскошный из всех остальных.... Но у мексиканцев идолопоклонство было более пагубным, чем у ингуа, как мы увидим яснее позже, поскольку большая часть их поклонения и идолопоклонства была направлена на идолов, а не на естественные вещи, хотя они приписывали этим идолам естественные эффекты, такие как дождь, размножение животных, война и порождение, подобно тому, как греки и латиняне выковали идолов Феба, Меркурия, Юпитера. , Минервы и Марса. В заключение, тот, кто внимательно вникнет в это, обнаружит, что способ, которым Дивелл использовал, чтобы обмануть индейцев, тот же самый, которым он обманывал греков, римлян и других древних язычников, давая им понять, что эти замечательные существа, Солнце, Луна, Звезды и Стихии, обладали силой и авторитетом, чтобы творить добро или вред людям ". [VI-30]

ЭВГЕМЕРИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МЕНДЬЕТЫ.

Мендиета говорит: "В качестве общего правила следует отметить, что, хотя у этих людей на всем континенте этих Индий, от самых отдаленных частей Новой Испании до Флориды и еще дальше до королевств Перу, было, как уже было сказано, бесконечное количество идолов, которых они почитали как богов, тем не менее, превыше всего они по-прежнему считали солнце главным и могущественнейшим. И они посвятили солнцу самый большой, богатый и роскошный из своих храмов. Это должна быть сила, которую мексиканцы называли Ипалнемохуани, то есть "той, кем все живет", и Мойукуятзин аяк окийокукс аяк окипик, то есть "тот, кого никто не создавал и не формировал, но кто, напротив, создал все своей собственной силой и волей". ... Так много выдумок и басен, которые индейцы придумали о своих богах, и так по-разному их рассказывают в разных городах, что они не могут прийти к согласию между собой в их пересказе, и не найдется никого, кто бы их понял. В главных провинциях этой Новой Испании у них было — в честь солнца, которое было общим богом для них всех, — в каждой провинции свое особое и главное божество, которому они приносили свои жертвы превыше всех других; как мексиканцы Узилопучтли — имя, которое испанцы, не будучи в состоянии выговорить, называли Охолобос, "восемь волков", или Училобос; как тезуканцы - Тецкатлипуку; как тлашкаланцы - Камаштли, а

чолуланцы - Кецалькоатля несомненно, все это были знаменитые люди, которые совершили какие-то выдающиеся подвиги или изобрели что-то новое к чести и пользе государства; или, возможно, опять же, они дали людям законы и правила жизни, или научили их ремеслам, или приносить жертвы, или еще чему-то, что казалось хорошим и достойным быть вознагражденным благодарностью.... Демон, старый враг, не удовлетворился услугой, которую эти люди оказали ему, поклоняясь почти каждому видимому существу, делая из них идолов, как резных, так и раскрашенных, но он также держал их ослепленными тысячью видов колдовства, пародий на таинства и суеверия".[VI-31]

"Следует отметить, - пишет Камарго, - что, хотя у индейцев для каждой вещи было свое божество, они знали о существовании Верховного Бога, которого они называли Тлоке-Науаке, или Тот, Кто содержит в себе все, считая его превосходящим всех других богов". Этот тлашкальтекский автор также сохранил нам местную молитву, сформулированную в следующих выражениях: "О, всемогущие боги, обитающие на небесах, вплоть до девятого, где пребывает ваш и наш повелитель, великий Тлоке-Науаке (это имя означает "Тот, кто сопровождает других богов"[VI-32]) - вы, обладающие всей властью над людьми, не оставляйте нас в опасности. Мы призываем тебя, а также солнце Наухолин и луну, супругу этого сверкающего светила, также небесные звезды и ветер ночи и дня".[VI-33]

Согласно несколько расплывчатому и неполному отчету брата Торибио де Бенаvente, или Мотолини — последнее его приемное имя и то, под которым он наиболее известен, — еще одного из первоначальных и ранних авторитетов в вопросах, касающихся мексиканцев-язычников: "Тецкатлипока был богом или демоном, которого они считали величайшим и которому приписывалось наибольшее достоинство.... У них были идолы из камня, дерева и обожженной глины; они также делали их из теста и замешанных в тесто семян.... Некоторые из них имели форму мужчин, ... некоторые были похожи на женщин; ... некоторые были похожи на диких зверей, таких как львы, тигры, собаки, олени и другие животные, которые часто обитали в горах и на равнинах; ... некоторые были похожи на змей самых разных видов, больших и извивающихся.... У совы и других ночных птиц, и у других, таких как коршун, и у каждой крупной птицы, или красивой, или свирепой, или с драгоценными перьями — у них был идол. Но главным из всего этого было солнце. Точно так же у них были идолы луны и звезд, и больших рыб, и водяных ящериц, и жаб, и лягушек, и других рыб; и они, по их словам, были богами рыб.... У них были боги огня, воды и земли; и из всего этого у них были нарисованные фигуры.... Из многого другого у них были вырезанные или раскрашенные фигурки и идолы, даже из бабочек, блох и саранчи".[VI-34]

КРЕДО НЕСАУАЛЬКОЙОТЛЯ.

Несауалькойотль, царь Тецкоко, был тем, кто — согласно, без сомнения, несколько пристрастному рассказу его потомка Икстильишочитля — дальше всех продвинул в открытых речах и действиях свое презрение к вульгарному идолопоклонству и признание высокой, святой и в значительной степени непознаваемой верховной силы. Этот вдумчивый монарх "считал ложными всех богов, которым поклонялись люди этой земли, говоря, что они были статуями и демонами, враждебными роду человеческому; ибо он был очень сведущ в вопросах морали, и он ходил взад и вперед больше, чем кто-либо другой, ища, может быть, он найдет свет, чтобы утвердить истинного Бога и творца всего сущего, как это было видно из рассуждений о его истории, и как свидетельствуют песни, которые он сочинил на эту тему. Он сказал, что был

только Один, что этот Единый был творцом неба и земли, что он поддерживал все, что он создал, и что он был там, где не было второго, выше девяти небес; что ни один глаз никогда не видел этого Единого, ни в человеческом облике, ни в каком другом облике вообще; что души добродетельных людей отправлялись к нему после смерти, в то время как души плохих отправлялись в другое место, в какое-нибудь самое печально известное место земли, наполненное ужасными лишениями и страданиями. Никогда — хотя существовало много богов, представляющих много идолов, — король не пренебрегал возможностью сказать, когда обсуждалась божественность: "ынтлоке в наухаке и палне моалани", и эта фраза резюмирует его убеждения, выраженные выше. Тем не менее он признал солнце своим отцом, а землю - своей матерью".[VI-35]

Теперь, учитывая многое из того, что было сказано, отрицая или ставя под сомнение рассказ Икстлильшочитля о вероучении Несауалькойотля, я выбрал приведенный выше переведенный отрывок из числа других отрывков, затрагивающих ту же тему в *Истории чичимеков* и в *Реляциях*. Я выбрал его не потому, что оно наиболее четко сформулировано, или наиболее красноречиво, или наиболее полно; но исключительно из-за предложения, которым оно завершается: Несауалькойотль "признал солнце своим отцом, а землю - своей матерью". Эти несколько слов, произнесенных в конце хвalebной речи великому Тецкукану признанным поклонником, эти несколько слов, которые остались незамеченными среди шума и суматохи, поднятой по поводу высокого вероучения, которому они посвящены в последней статье, эти несколько слов, столь незначительных на первый взгляд, но в то же время столь значительных в своей связи, — должны послужить доказательством достоверности записей Икстлильшочитля и большей или меньшей полноты его портрета своего великого предка. Если бы Икстлильшочитль был нечестен, позволил бы он когда-нибудь такому языческому аккорду, как этот, зазвенеть в безупречной музыке его описания совершенного мудреца и христианина, который верил в единого и самодостаточного Бога, который верил в создателя всего сущего вообще без чьей-либо помощи, не говоря уже о помощи его мертвых материальных созданий - солнца и земли? Давайте признаем честность Икстлильшочитля и признаем вместе с ним знание того Неизвестного Бога, которому, как и афиняне, Несауалькойотль по неведению поклонялся; но давайте не будем ослеплены блеском слов — которые, мы можем быть уверены, ничего не потеряют при повторении — относительно значения этого "по неведению"; давайте никогда не будем упускать из виду тень этого неясного афинского алтаря Неизвестному Богу, могучие колонны Акрополя и гребень Афины Промакос. Несауалькойотль кажется прекрасным типом вдумчивого, несколько скептического мексиканца из того лучше образованного класса, который всегда и везде вызывает ужас лицемеров и фанатиков, из этого класса, который никогда не остается без свидетелей во всех странах и во все времена, из этого класса, стоящего на две ступени выше невежественных мирян, и на одну ступень выше ученого духовенства, но все же далекого от той простой и совершенной истины, которая однажды станет очевидной для всех.

АМЕРИКАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ.

Отвлекаясь от обсуждения столь темного и неосязаемого вопроса, как монотеизм Несауалькойотля и школа, представителем которой он был, давайте рассмотрим очень осязаемый и несомненный политеизм мексиканцев. Кажется, что он радикально мало отличается от других политеизмов, более известных, таких как политеизмы Греции, Рима и Скандинавии; кажется, что это была мешанина персонифицированных сил, причин и качеств, развившихся обычным путем из мифического искажения этого витиеватого гиперболического

стиля речи, естественного для всех народов в те дни, когда точное определение слов было возможно или необходимо; точно такая же мешанина, какой были арийские политеизмы во времена эвгемеристов и, к сожалению, слишком долго после; такой же мешаниной была арийская мифология до появления братьев Гоголь. Гримм повел авангард самых зрелых талантов и ученых девятнадцатого века по пути "манипулирования словами", что снова привело к манипулированию богом или героем, если можно изобрести этот термин. К сожалению, филологический и мифологический материал для такого исчерпывающего синтеза происхождения и взаимоотношений американских вероучений, какой, например, дал миру мистер Кокс об арийских легендах в своей книге *"Мифология арийских народов"*, все еще далек от завершения; этот факт действительно составляет смысл существования работ, подобных настоящей. В настоящее время мне ничего не остается, как собрать, просеять и расположить, с таким расчетом, насколько это возможно, все доступные материалы, относящиеся к рассматриваемому предмету; это позволит более квалифицированным работникам найти и занять им свое место в стене науки. Ибо у них там есть место, независимо от того, будет ли оно найдено сегодня или завтра; там есть брешь, которая будет пустой, пока они не подогнали и не заполнили ее.

Тецкатлипока, по-видимому, считался в целом, не считая богов-покровителей разных городов, самым важным из мексиканских богов. Мы видели, как в нескольких предыдущих цитатах его отождествляли с высшим невидимым богом, и теперь я продолжаю, иллюстрируя эту сторону его характера, переводить как можно точнее различные молитвы, произносимые Саагуном, обращенные к этому великому божеству под его различными именами: Титлакоан, Яутл, Тельпухтли, Тламатцинкатл, Мойокоятзин, Иаоцин, Некоциаутл, Некаоальпилли и другими:—

О, ты, всемогущий Бог, дающий жизнь людям и называемый Титлакоан, даруй мне в твоей милости все необходимое, чтобы есть и пить, и наслаждаться твоими мягкими и деликатесными вещами; ибо в тяжком труде и нужде я живу в этом мире. Смилуйся надо мной, таким бедным и наг-ным, я, который тружусь на службе у тебя и для твоей службы подметаю, убираю и зажигаю свет в этом бедном доме, где я жду твоих приказаний; в противном случае позволь мне поскорее умереть и положить конец этой тяжелой и жалкой жизни, чтобы мое тело могло обрести покой и передышку.

Во время болезни люди молились этому божеству следующим образом: О Бог, чье имя Титлакоан, будь милостив и прогони эту болезнь, которая убивает меня, и я исправлю свою жизнь. Позволь мне однажды исцелиться от этой немощи, и я клянусь служить тебе и заслужить право на жизнь; если я тяжелым трудом чего-нибудь добьюсь, я не буду есть это и употреблять ни на что, кроме как в твою честь; Я устрою пир с танцами в этом бедном доме.

Но больной человек, который не мог выздороветь и который так это чувствовал, приходил в отчаяние и богохульствовал, говоря: "О Титлакоан, раз ты издеваешься надо мной, почему ты не убиваешь меня?"[VI-36]

МОЛИТВА ВО ВРЕМЯ ЭПИДЕМИИ.

ОСТАВЬ ЗЕЛЕНЬ И ВОЗЬМИ СПЕЛУЮ.

Далее следует молитва Тецкатлипоке, которую священник использует во время эпидемии: О могущественный Господь, под чьим крылом мы находим защиту и убежище, ты невидим и неосязаем, как ночь и воздух. Как могу я, такой подлый и никчемный, осмелиться предстать

перед твоим величеством? Я говорю, заикаясь и грубыми губами; неуклюжа манера моей речи, словно я прыгаю по бороздам, словно продвигаюсь неравномерно; из-за всего этого я боюсь вызвать твой гнев и раззадорить тебя, вместо того чтобы успокоить; тем не менее, ты поступишь со мной так, как тебе заблагорассудится. О Господь, ты счел за благо оставить нас в эти дни, согласно совету, который ты дал как на небесах, так и в аду — увы нам, из-за того, что твой гнев и негодование снизошли в эти дни на нас; увы, из-за того, что многочисленные и тяжкие бедствия твоего гнева прошли и поглотили нас, обрушиваясь подобно камням, копьям и стрелам на несчастных, населяющих землю — это жестокая язва, которой мы поражены и почти уничтожены. Увы, о доблестный и всемогущий Господь, простым людям почти пришел конец и они уничтожены; великое разрушение чума уже производит в этой стране; и, что самое прискорбное из всего, маленькие дети, которые невинны и ничего не понимают, только играют с камешками и насыпают небольшие холмики земли, они тоже умирают, разбитые на куски, как о камни и стену, - зрелище очень прискорбное, ибо от них не осталось ни тех, кто был в колыбелях, ни тех, кто не мог ни ходить, ни говорить. Ах, Господи, как все смешивается; от молодых и старых, от мужчин и женщин не остается ни ветви, ни корня; твоя нация, твой народ и твое богатство сровнены с землей и уничтожены. О наш Господь, защитник всех, самый доблестный и милосердный, что это? Твой гнев и твое негодование, это слава или наслаждение от метания камня, стрелы и копья? Огонь эпидемии, ставший чрезвычайно жарким, обрушился на твой народ, как огонь в хижине, горящий и дымящийся, не оставляя ничего вертикального или здорового. Скрежещущие зубы твои пускаются в ход, и твои жестокие плети обрушиваются на несчастных из твоего народа, которые стали тощими и малосущественными, как полый зеленый тростник. Да, что делаешь ты теперь, о Господь, самый сильный, сострадательный, невидимый и неосязаемый, чьей воле подчиняются все вещи, от чьего распоряжения зависит правление миром, кому все подчинено - что в твоей божественной груди ты постановил? Может быть, ты совсем оставил свою нацию и свой народ? Воистину ли ты решил, что оно полностью исчезнет и что в мире больше не останется памяти о нем, что населенное место превратится в поросший лесом холм и пустыню камней? Может быть, ты позволишь, чтобы храмы, места молитвы и алтари, построенные для твоего служения, были снесены и разрушены, и не осталось никакой памяти о них? Действительно ли возможно, что твой гнев, наказание и раздосадованное негодование совершенно неумолимы и будут продолжаться до конца, к нашему уничтожению? Разве в твоём божественном совете уже зафиксировано, что к нам не должно быть ни милосердия, ни жалости, пока стрелы твоей ярости не будут израсходованы на нашу полную гибель и разрушение? Возможно ли, что эта плеть и наказание даны не для нашего исправления, а только для нашего полного уничтожения; что солнце никогда больше не будет светить над нами, но что мы должны оставаться в вечной темноте и безмолвии; что ты никогда больше не посмотришь на нас глазами милосердия, ни малого, ни большого? Неужели ты таким образом уничтожишь несчастных больных, которые не могут ни обрести покой, ни повернуться с боку на бок, чей рот и зубы забиты землей и налетом? Больно говорить о том, что все мы находимся во тьме, не имея ни понимания, ни здравого смысла, чтобы присматривать друг за другом или помогать друг другу. Мы все как пьяные, без понимания, без надежды на какую—либо помощь; уже маленькие дети гибнут от голода, ибо некому дать им ни еды, ни питья, ни утешения, ни ласки - некому дать грудь тем, кто сосет; ибо их отцы и матери умерли и оставили их сиротами, страдающими за грехи своих отцов. О Господь наш, всемогущий, полный милосердия, наше прибежище, хотя на самом деле твой гнев и негодование, твои стрелы и камни сильно ранили этот бедный народ, пусть это будет как отец или мать, которые упрекают детей, дергают их за уши, щиплют за руки, хлещут их крапивой, обливают холодной водой; все

это делается для того, чтобы они могли исправить свое ребячество. Твое наказание и негодование господствовали над этими твоими слугами, над этим бедным народом, подобно тому, как дождь, падающий на деревья и зеленые тростники, будучи задет ветром, капает также на тех, кто внизу. О всемилостивый Господь, ты знаешь, что простые люди подобны детям, что, будучи выпоротыми, они плачут, рыдают и раскаиваются в содеянном. Может быть, уже эти бедные люди из-за твоего наказания плачут, вздыхают, обвиняют и ропщут на самих себя; в твоём присутствии они обвиняют и свидетельствуют о своих плохих поступках и наказывают себя за это. Господь Наш, самый сострадательный, жалостливый, благородный и драгоценный, дай людям время покаяться; пусть прошлого наказания будет достаточно, пусть оно закончится здесь, чтобы начаться снова, если реформа не продлится долго. Прости и не обращай внимания на грехи людей; заставь свой гнев и негодование утихнуть; снова подави их в своей груди, чтобы они больше не разрушали; пусть они успокоятся там; пусть они прекратятся, ибо наверняка никто не может избежать смерти или убежать куда-либо. Мы должны платить дань смерти; и все, кто живет в мире, являются ее вассалами; эту дань каждый человек заплатит своей жизнью. Никто не избежит смерти, ибо это твой посланник, в какой бы час он ни был послан, всегда алчущий и жаждущий поглотить все, что есть в мире, и такой могущественный, что никто не избежит: тогда, воистину, каждый человек будет наказан согласно своим деяниям. О самый сострадательный Господь, по крайней мере, сжался и помилуй детей, которые находятся в колыбелях, тех, кто не может ходить. Смилуйся также, о Господь, над бедными и очень несчастными, которым нечего есть, некуда прикнуться, негде переночевать, которые не знают, что такое счастливый день, чьи дни проходят сплошь в боли, огорчении и печали. Чем это, не было бы лучше, о Господь, если бы ты забыл проявить милосердие к солдатам и к воинам войны, в которых ты когда-нибудь будешь нуждаться; вот, лучше умереть на войне и пойти подавать еду и питье в доме солнца, чем умереть от этой чумы и спуститься в ад. О самый сильный Господь, защитник всех, владыка земли, правитель мира и вселенский владыка, пусть тебе будет достаточно забавы и удовлетворения, которые ты уже получил в этом прошлом наказании; положи конец этому дыму и туману твоего негодования; погаси также жгучий и разрушающий огонь твоего гнева: пусть придут безмятежность и ясность; пусть маленькие птички твоего народа начнут петь и устремятся к солнцу; дай им тихую погоду, чтобы их голоса достигли твоего высочества, и ты сможешь узнать их. О Господь наш, самый сильный, самый сострадательный и самый благородный, я сказал тебе это немного, и мне больше нечего сказать, только пасть ниц и броситься к твоим ногам, прося прощения за недостатки этой моей молитвы; конечно, я не остался бы в твоём неудовольствии, и мне больше нечего сказать.

МОЛИТВА О ПОМОЩИ В БОРЬБЕ С БЕДНОСТЬЮ.

Ниже приводится молитва к тому же божеству под его именами Тецкатлипука и Йоаллиехекатль о помощи в борьбе с бедностью: О наш Господь, защитник, самый сильный и сострадательный, невидимый и неосязаемый, ты - податель жизни; владыка всего и повелитель битв, я предстаю здесь перед тобой, чтобы сказать несколько слов о нужде бедных людей, людей без положения и разума. Когда они ложатся ночью, у них ничего нет, и когда они встают утром; тьма и свет проходят одинаково в великой бедности. Знай, о Господь, что твои подданные и слуги страдают от невыносимой бедности, о которой нельзя сказать ничего, кроме того, что это невыносимая бедность и запустение. Ни у мужчин, ни у женщин нет одежды, чтобы прикнуться, но только определенные тряпки, разорванные во всех местах, которые позволяют воздуху и холоду проникать повсюду. С большим трудом и усталостью они наскребают достаточно на каждый день, бродя по горам и дикой местности в поисках пищи; они так слабы и обессилены, что их

кишечник прилипает к ребрам, и все их тело наполняется пустотой; и они ходят, как испуганные люди, с лицом и телом, подобными смерти. Если они торговцы, то теперь продают только соленые лепешки и молотый перец; люди, у которых что-то есть, презируют свой товар, поэтому они ходят продавать от двери к двери и от дома к дому; а когда они ничего не продают, они печально садятся у какого-нибудь забора, стены или в каком-нибудь углу, облизывая губы и грызя ногти на руках от охватившего их голода; они смотрят по сторонам на рты проходящих мимо, надеясь, что кто-нибудь сможет сказать им какое-нибудь слово. О сострадательный Бог, постель, на которую они ложатся, предназначена не для отдыха, а для того, чтобы терпеть мучения; ночью они натягивают на себя тряпку и так спят; туда они бросают свои тела и тела детей, которых ты дал им. Из-за нищеты, в которой они растут, из-за грязи[VI-37] их пищи, из-за отсутствия одежды их лица желтые, а все тела цвета земли. Они дрожат от холода и из-за худобы пошатываются при ходьбе. Они идут, плача, и вздыхая, и полные печали, и все несчастья присоединяются к ним; хотя они остаются у огня, им мало тепла. О Господь наш, милосерднейший, невидимый и неосязаемый, я умоляю тебя увидеть добро и сжалиться над ними, когда они движутся в твоём присутствии, стеная и требуя милосердия с болью в сердце. О Господь наш, в чьей власти дать всем удовлетворение, утешение, сладость, мягкость, процветание и богатство, ибо ты один — господь всего доброго, — смилуйся над ними, ибо они — твои слуги. Я умоляю тебя, о Господь, чтобы ты проявил к ним немного нежности, снисходительности, мягкости, которых им действительно так не хватает и в которых они нуждаются. Я умоляю тебя, чтобы ты поднял их головы своей милостью и помощью, чтобы ты увидел добро, чтобы они наслаждались несколькими днями процветания и спокойствия, чтобы они могли спать и знать покой, имея процветающие и мирные дни жизни. Если они по-прежнему откажутся служить тебе, ты впоследствии можешь забрать то, что ты дал; они насладились этим всего несколько дней, как те, кто наслаждается благоухающим и прекрасным цветком и вскоре обнаруживает, что он увядает. Если этот народ, за которого я молюсь и умоляю тебя сделать им добро, не поймет, что ты дал, ты можешь отнять добро и излить проклятие; так что все зло может обрушиться на них, и они станут бедными, нуждающимися, увечными, хромыми, слепыми и глухими: тогда действительно они пробудятся и узнают добро, которое у них было и которого нет, и они будут взывать к тебе и склоняться к тебе; но ты не слушаешь, ибо в день изобилия они не поймут твоей доброты к ним. В заключение, я умоляю тебя, о самый добрый и милосердный Господь, чтобы ты счел за благо дать этим людям вкусить благ и богатств, которые ты обычно даешь и которые исходят от тебя, вещей сладких и мягких и приносящих удовлетворение и радость, хотя бы ненадолго, как сон, который проходит. Ибо несомненно, что долгое время люди печально идут пред тобою, плача и задумчиво, из-за тоски, лишений и тревоги, которые наполняют их тела и сердца, отнимая всякую легкость и покой. Воистину, нет сомнения, что с этой бедной нацией, нуждающейся и лишенной крова, происходит все, о чем я сказал. Если ты ответишь на мою мольбу, то это будет только благодаря твоей щедрости и великолепию, ибо никто не достоин получать твою щедрость за какие-либо свои заслуги, но только по твоей милости. Ищи под навозными кучами и в горах своих слуг, друзей и знакомых и возводи их к богатству и достоинству. О Господь наш, пречистый, да свершится воля твоя, как предначертано в твоём сердце, и нам нечего будет сказать. Я, грубый и заурядный человек, не стал бы назойливостью и многословием вызывать отвращение и раздражать тебя, подробно описывая свои болезни, разрушения и наказания. С кем мне поговорить? Где я нахожусь? Вот, я говорю с тобою, о Царь; я хорошо знаю, что стою на видном месте и что я разговариваю с тем, кто обладает великим величием, перед чьим присутствием река течет через пропасть ужасной глубины; это также скользкое место, откуда многие

бросаются в осадок, ибо не найдется ни одного, кто не ошибся бы перед твоим величеством. Я сам, человек малоразумный и лишенный дара речи, осмеливаюсь обратиться к тебе со своими словами; я подвергаю себя опасности упасть в ущелье и пещеру этой реки. Я, Господь, пришел взять своими руками слепоту для моих глаз, гниль и иссушение для моих членов, бедность и немощь для моего тела; за свою подлость и грубость я заслуживаю получить именно это. Живи и правь вечно во всей тишине и безмятежности, о ты, который есть наш господь, наше прибежище, наш защитник, самый сострадательный, самый жалостливый, невидимый, неосязаемый.

МОЛИТВА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

МОЛИТВА БОГУ СРАЖЕНИЙ.

Нижеследующее представляет собой прошение во время войны к тому же главному богу под его именем Тецкатлипока Яутлнекосьяутлмоненеки, молящее о милости против врага: О наш Господь, самый сострадательный, покровитель, заступник, невидимый, неосязаемый, по чьей воле и мудрости мы направляемся и управляемся, под чьим правлением мы живем — О, Владыка битв, то, что война начинает организовываться и готовиться к ней, совершенно определено и устоявшееся. Бог земли открывает свои уста, жаждущий испить крови тех, кто погибнет в этой борьбе. Кажется, что они хотят повеселиться, солнце и бог земли по имени Тлальтекутли; они хотят накормить и напоить богов небес и ада, устроив для них пир из крови и плоти людей, которым суждено погибнуть в этой войне. Они уже смотрят, боги небес и ада, чтобы увидеть, кто они такие, кто должен побеждать, и кто должен быть побежден; кто они такие, кто должен убивать, и кто должен быть убит; чью кровь нужно пить и чью плоть нужно есть; — о чем благородные отцы и матери, сыновья которых должны умереть, не знают. Точно так же невежественны все их родственники и няньки, которые кормили их грудью, невежественны также отцы, которые трудились для них, добывая все необходимое для еды, питья и одежды, пока они не достигли возраста, который у них сейчас. Конечно, они не могли предсказать, как кончат те сыновья, которых они так заботливо растили, или что однажды они окажутся пленниками или погибнут на поле боя. Обрати внимание, о наш Господь, на то, чтобы знатные люди, погибшие в шоке войны, были мирно и приятно приняты, и с огромной любовью, солнцем и землей, которые являются отцом и матерью всего сущего. Ибо, воистину, ты не обманываешь себя в том, что делаешь, [\[VI-38\]](#), а именно, желая им смерти на войне; ибо, несомненно, для этого ты послал их в мир, чтобы своей плотью и своей кровью они могли быть пищей и питьем для солнца и земли. Не гневайся, о Господь, снова на тех, кто исповедует военное дело, ибо в том же месте, где они умрут, умерло много великодушных [\[VI-39\]](#) и благородных лордов, и военачальников, и доблестных людей. Благородство и великодушие знати и великодушие воинов становятся очевидными, и ты показываешь, о Господь, насколько ценен и драгоценен каждый из них, так что как таковым его можно считать и чтить, даже как бесценный камень или дорогое перо. О Господь, милосерднейший, повелитель битв, император всего сущего, чье имя Тецкатлипока, невидимый и неосязаемый, мы умоляем тебя, чтобы тот или те, кому ты позволишь умереть в этой войне, были приняты в дом солнца на небесах с любовью и почетом и были помещены между храбрыми и знаменитыми воинами, уже погибшими на войне, а именно, лордами Кициквакуацином, Масеухкатцином, Тлакауэпанцином, Икстлилькучаваком и другими. Иуитлтемук, Чавакуэцин и все другие доблестные и прославленные люди, умершие в прежние времена, — которые радуются вместе с нашим господом солнцем и восхваляют его, которые счастливы и вечно богаты через него и

будут таковыми вечно; они ходят и сосут сладость всех цветов, восхитительных и приятных на вкус. Это великое достоинство для стойких и доблестных людей, погибших на войне; за это они опьянены восторгом, не ведая счета ни ночи, ни дню, ни годам, ни временам; их радости и их богатству нет конца; нектарные цветы, которые они пьют, никогда не увядают, и ради желания этого люди высокого происхождения укрепляют себя, чтобы умереть. В заключение, я умоляю тебя, о Господь, самый милосердный наш господь, самый непобедимый наш император, позаботься о том, чтобы те, кто погибнет в этой войне, были приняты с состраданием и любовью нашим отцом-солнцем и нашей матерью-землей; ибо ты единственный живешь и правишь, и ты наш самый сострадательный господь. Я молюсь не только за прославленных и благородных, но и за других солдат, чьи сердца обеспокоены и измучены, которые кричат, взывая к тебе, цenia свои жизни как ничто, и которые без страха бросаются на врага, ища смерти. Даруй им хотя бы какую-то малую часть их желания, немного покоя в этой жизни; или, если здесь, в этом мире, им не суждено преуспеть, назначь их слугами и распорядителями солнца, чтобы они давали пищу и питье тем, кто в аду, и тем, кто на небесах. Что касается тех, в чьи обязанности входит управлять государством и быть тлакатекатлем или тлакочкалатлем, [VI-40] сделайте их отцами и матерями для воинов, которые бродят по полям и горам, по высотам и ущельям — в их руках смертный приговор врагам и преступникам, а также распределение почестей, должностей и военного оружия, значков, предоставление привилегий тем, кто носит козырьки и кисточки [VI-41] на голове и серьги, и т. Д. подвески и браслеты, а к лодыжкам привязаны желтые шкурки - с ними связана привилегия определять фасон одежды, которую должен носить каждый. Именно им также надлежит разрешить некоторым использовать и носить драгоценные камни, такие как халчиветы, бирюза и роскошные перья во время танцев, а также носить ожерелья и драгоценные камни из золота: все эти вещи являются изящными и драгоценными подарками, происходящими из твоего богатства, и которые ты даришь тем, кто совершает подвиги и доблестные деяния на войне. Я умоляю тебя также, о Господь, снискать милость твоей щедрости к простым солдатам, дать им какое-нибудь убежище и хороший кров в этом мире, сделать их стойкими и храбрыми и удалить всякую трусость из их сердец, чтобы они не только встречали смерть с радостью, но даже желали ее как сладость, как цветы и изысканную пищу, и не боялись вообще криков своих врагов: поступай с ними как с твоими друзьями. Поскольку ты — повелитель битв, от чьей воли зависит победа, помогающий кому захочешь, не нуждающийся ни в каких советах - Я умоляю тебя, о Господи, свести с ума и напоить наших врагов, чтобы они, не причинив нам вреда, могли отдаться в наши руки, в руки наших воинов, переносящих столько лишений и нищеты. О Господь наш, поскольку ты - Бог, всемогущий, всезнающий, распоряжающийся всем сущим, способный сделать эту землю богатой, процветающей, восхваляемой, почитаемой, прославленной в военном искусстве и подвигах, способный заставить воинов, находящихся сейчас на поле боя, жить и процветать, если в ближайшие дни ты увидишь благо в том, что они умирают на войне, позволь им отправиться в дом солнца, среди всех героев, которые там есть и которые погибли на поле битвы.

МОЛИТВА О ТОМ, ЧТОБЫ ПРАВИТЕЛЬ ПРАВИЛ ХОРОШО.

ЧТОБЫ ПРАВИТЕЛЬ НЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЯЛ СВОЕЙ ВЛАСТЬЮ.

Следующая молитва адресована главному божеству под его именем Тецкатлипока Тейокоани Техиматини, в которой он просит благосклонности для новоизбранного правителя: " Сегодня

счастливым день, солнце взошло над нами, согревая нас, так что на нем можно выковать драгоценный камень и прекрасный сапфир. Нам явился новый свет, пришло новое сияние, нам был дан сверкающий топор, чтобы править нашей нацией — был дан человек, который возьмет на свои плечи дела и беды государства. Он должен быть образом и заменой лордов и правителей, которые уже ушли из этой жизни, которые в течение нескольких дней трудились, неся бремя твоего народа, владея твоим тронem и престолом, которые являются главным достоинством[VI-42] этой твоей нации, провинции и королевства; имея и удерживая их от твоего имени и лично несколько дней. Теперь они ушли из этой жизни, сбросили со своих плеч великий груз, который так мало кто способен вынести. Теперь, о Господь, мы удивляемся, что ты действительно обратил свой взор на этого человека, грубого и малообразованного, чтобы сделать его на несколько дней, на какое-то короткое время правителем этого штата, нации, провинции и королевства. О Господь наш, милосерднейший, может быть, ты испытываешь нужду в людях и друзьях? — нет, воистину, ты, у кого их больше, чем можно сосчитать! Может быть, это по ошибке, или потому, что ты его не знаешь; или потому, что ты принял его за единственного, в то время как ты ищешь среди многих другого и лучшего, чем он, неразумного, нескромного, бесполезного, лишнего человека в этом мире. Наконец, мы благодарим твоё величество за ту милость, которую ты нам оказал. Каковы твои намерения в этом, знаешь только ты; возможно, заранее была предусмотрена эта должность: да будет воля твоя, как определено в твоём сердце; позволь этому человеку служить несколько дней и времен. Может случиться так, что он будет занимать этот пост некачественно, сея беспокойство и страх своим подданным, делая что-либо без совета или обдумывания, считая себя достойным того достоинства, которое у него есть, думая, что он останется на этом посту надолго, строя из этого печальную мечту, превращая занятие и достоинство, которые ты ему даровал, в повод для гордости и самонадеянности, придавая мало значения всем и расхаживая с помпой и зрелищем. Через несколько дней ты узнаешь, что произошло со всеми, ибо все люди — это твоё зрелище и театр, над которым ты смеешься и веселишь себя. Возможно, этот правитель потеряет свой пост из-за своего ребячества, или это случится из-за его беспечности и лени; ибо, воистину, ничто не скрыто от тебя, твоё зрение проникает сквозь камень и дерево, а также твой слух. Или, возможно, его высокомерие и тайное хвастовство своими мыслями погубят его. Затем ты бросишь его в грязь и на навозные кучи, и наградой ему будут слепота, сморщивание и крайняя нищета до самого смертного часа, когда ты положишь его к своим ногам. Поскольку этот бедный человек подвергается такому риску, мы умоляем тебя, кто есть наш Господь, наш невидимый и неосязаемый защитник, под чьей волей и соизволением мы находимся, кто один распоряжается всем и обеспечивает всех — мы умоляем тебя, чтобы ты увидел добро и поступил с ним милосердно; поскольку он нуждается, твой подданный и слуга, и слеп; соизволишь даровать ему свой свет, чтобы он мог знать, что он должен думать, что он должен делать, и по какому пути он должен следовать, чтобы не совершать ошибок в своей должности, вопреки твоему характеру и воле. Ты знаешь, что должно случиться с ним на этом посту как днем, так и ночью; мы знаем, о наш Господь, милосерднейший, что наши пути и деяния находятся не столько в наших руках, сколько в руках нашего правителя. Если этот правитель злым и извращенным образом находится на том месте, на которое ты возвел его, и на троне, на который ты его посадил, — которое принадлежит тебе, — где он управляет делами народа, как тот, кто оmyвает нечистоты чистой и прозрачной водой (да, на том же троне выполняет аналогичную очистительную функцию древний бог, который является отцом и матерью для тебя самого, и бог огня, который стоит посреди цветов, посреди места, ограниченного четырьмя стенами, который покрыт блестящими перьями, подобными крыльям) — если этот наш избранный правитель

совершит зло, которое вызовет твой гнев и негодование и пробудит твое обличение против себя, это будет не по его собственной воле или стремлению, а с твоего позволения или по какому-то импульсу извне; за что я умоляю тебя увидеть добро, открыть ему глаза, дать ему свет; открой также его уши и направь его, не столько ради него самого, сколько ради тех, кем он должен править и нести на своих плечах.[VI-43] Я умоляю тебя, чтобы теперь, с самого начала, ты внушил ему то, что он должен постичь в своем сердце, и дорогу, по которой он должен следовать, поскольку ты сделал из него сиденье, на которое можешь сесть сам, а также как бы флейту, игра на которой может выражать твою волю. Сделай его, о Господь, верным подобием самого себя и не допускай, чтобы на твоём троне и в чертоге он выставлял себя гордым и надменным; но лучше позаботься, о Господь, о том, чтобы спокойно и благоразумно он правил теми, кто находится на его попечении, простыми людьми: не позволяй ему оскорблять и угнетать своих подданных или без причины предавать кого-либо из них уничтожению. Не допусти, о Господь, чтобы он запятнал и осквернил твой трон и чертог какой-либо несправедливостью или притеснением, ибо, поступая так, он запятнает также твою честь и славу. Уже, о Господь, этот бедный человек принял и получил честь и господство, которые Ты даровал ему; уже он обладает славой и богатством, которые они ему даровали; уже ты украсил его руки, ноги, голову, уши и губы забралом, серьгами и браслетами, и надел желтую кожу на его лодыжки. Не допусти, о Господь, чтобы эти украшения были для него причиной гордости и самонадеянности; но лучше, чтобы он служил тебе со смирением и простотой. Да будет угодно тебе, о наш Господь, преосвященнейший, чтобы он правил этим твоим сеньорием, которое ты вверил ему, со всем благоразумием и мудростью. Пусть тебе будет угодно, чтобы он не сделал ничего плохого или оскорбил тебя; сообрази ходить с ним и направлять его на всех его путях. Но если ты не сделаешь этого, прикажи, чтобы с этого дня и впредь его ненавидели и не любили, и чтобы он умер на войне от рук своих врагов, чтобы он отправился в дом солнца; где о нем будут заботиться, как о драгоценном камне, а его сердце будет почитаться повелителем солнца; он умрет на войне как стойкий и доблестный человек. Это было бы намного лучше, чем быть опозоренным в мире, испытывать нелюбовь и отвращение к своему народу за его ошибки или изъяны. О Господь наш, ты, который обеспечивает их всем необходимым, пусть это будет сделано так, как я просил и умолял тебя.

ЧТОБЫ НАД НАЦИЕЙ БЫЛ ПОСТАВЛЕН ПРАВИТЕЛЬ.

Следующая молитва, обращенная к богу по имени Тецкатлипока Титлакаоамокекелoa, состоит в том, чтобы попросить после смерти правителя дать другому: о наш Господь, ты уже знаешь, как умер наш правитель, ты уже положил его к своим ногам; он собран на своем месте; он ушел дорогой, по которой все должны идти, и в дом, где всем приходится жить; дом вечной тьмы, где нет ни окон, ни вообще никакого света; теперь он там, где никто не потревожит его. его покой. Он служил тебе здесь, в своем кабинете, в течение нескольких дней и лет, действительно, не без вины и проступка. Ты дал ему вкусить в этом мире немного твоей доброты и благосклонности, представив это перед его лицом как вещь, которая быстро проходит. Это достоинство и должность, на которые ты его возложил, на которые он служил тебе в течение нескольких дней, как было сказано, со вздохами, слезами и благочестивыми молитвами перед твоим величеством. Увы, теперь он ушел туда, где находятся наши отец и мать, бог аида, бог, который спустился головой вперед под огонь,[VI-44] бог, который желает привести всех нас в свое место с очень настойчивым желанием, с таким желанием, какое есть у человека, умирающего от голода и жажды; бог, который чрезвычайно тронут как днем, так и ночью, плача и требуя, чтобы все шли к нему. Там, с этим богом, сейчас находится наш покойный правитель;

он там со всеми своими предками, которые были в первые времена, которые правили этим королевством, с Акамапичтли, с Тизоком, с Авицотлем, с первым Моктекузой, с Аксаякатлем и с теми, кто пришел последним, как второй Моктекузой, а также Моктекузой Ильуикамина.[VI-45] Все эти лорды и короли правили, управляли и наслаждались суверенитетом и королевским достоинством, а также трон и резиденцией этой империи; они упорядочивали и регулировали дела этого твоего королевства — ты, который есть вселенский господин и император, и которому не нужно советоваться с кем-либо другим. Они уже сбросили с себя невыносимый груз, который лежал на их плечах, передав его своему преемнику, нашему покойному правителю, так что в течение нескольких дней он нес эту власть и царство; но теперь он ушел вслед за своими предшественниками в мир иной. Ибо ты повелел ему уйти и призвал его возблагодарить за то, что он снял с себя столь тяжкое бремя, оставил столь тяжкий труд и ушел в мир и покой. Несколько дней мы наслаждались им, но теперь он навсегда ушел от нас, чтобы никогда больше не вернуться в мир. Может быть, он отправился в какое-нибудь место, откуда сможет вернуться сюда, чтобы его подданные могли снова увидеть его лицо? Придет ли он снова, чтобы сказать нам сделать то или это? Придет ли он снова, чтобы обратиться к консулам или губернаторам государства? Возможно, они увидят его еще раз или услышат его указ и заповедь? Придет ли он еще, чтобы дать утешение своим главным людям и консулам? Увы, его присутствию пришел конец, он ушел навсегда. Увы, наша свеча погасла, и наш свет, что топор, который сиял вместе с нами, полностью утрачен. Всех своих подданных и подчиненных он оставил в приюте и без крова. Может быть, отныне он будет заботиться об этом городе, провинции и королевстве, даже если этот город будет разрушен и сровнен с землей вместе с этой сеньорией и королевством? О Господь наш, милосерднейший, уместно ли, чтобы из-за отсутствия того, кто умер, в город, сеньорию и королевство пришло какое-нибудь несчастье, в результате которого будут уничтожены, уничтожены и напуганы живущие в них вассалы? Ибо при жизни тот, кто умер, укрывался под своими крыльями и держал свои перья расprostертыми над людьми. Великая опасность грозит вашему городу, сеньории и королевству, если немедленно не будет избран другой правитель, который стал бы для него убежищем. Что ты решил делать? Хорошо ли, что твой народ пребывает во тьме? Хорошо ли, что у них нет главы или убежища? Это твоя воля, чтобы они были сровнены с землей и уничтожены? Горе бедным и малым, слугам твоим, которые идут искать отца и мать, кого-нибудь, кто приютил бы их и управлял ими, подобно маленьким детям, которые плачут, ища отсутствующих отца и мать, и которые скорбят, не находя их. Горе мелким и бедным торговцам, которые бродят по горам, пустыням и лугам, горе также печальным труженикам, которые бродят в поисках трав для еды, кореньев и дров для сжигания или продажи, чтобы за счет этого поддерживать существование. Горе бедным солдатам, воинам, которые повсюду ищут смерти, которые ненавидят жизнь, которые не думают ни о чем, кроме поля и рубежа, где ведется битва, — к кому они обратятся? кто возьмет пленника? кому они должны предъявить то же самое? А если они сами будут взяты в плен, кому они должны сообщить, чтобы об этом стало известно в их стране? Кого они должны взять за отца и мать, чтобы в таком случае им была оказана милость? Поскольку тот, чьей обязанностью было следить за этим, кто был для всех как отец и мать, уже мертв. Некому будет плакать, вздыхать по пленным, рассказывать о них своим родственникам. Горе бедным из тяжущихся сторон, тем, кто ведет судебные тяжбы с теми, кто хочет отобрать их имущество. Кто рассудит, установит мир между ними и разрешит их споры и ссоры? Смотрите, когда ребенок становится грязным, если его мать не моет его, он должен оставаться грязным. А те, кто ссорится между собой, кто бьет, кто сбивает с ног, кто сохранит мир между ними? Те, кто из-за всего этого плачет и проливает слезы, кто отрет их слезы и положит конец их стенаниям?

Может быть, они могут применить к себе лекарство? Те, кто заслуживает смерти, возможно, вынесут ли они приговор сами себе? Кто установит трон правосудия? Кто будет владеть залом судьи, поскольку судьи нет? Кто установит то, что необходимо для блага этого города, сеньории и королевства? Кто изберет специальных судей, которые будут присматривать за низшими слоями населения, район за районом? Кто будет ожидать, что звуки барабана и флейты соберут народ на войну? кто соберет и поведет в бой солдат и ловких мужчин? О наш Господь и защитник, сочти за благо избрать и утвердить какого-нибудь человека, способного занять твой трон и нести на своих плечах тяжелое бремя управления государством, радовать и ободрять простых людей, подобно тому, как мать ласкает ребенка, беря его на колени; кто будет играть музыку для потревоженных пчел[VI-46], чтобы они могли успокоиться? О наш Господь, преосвященный, благоволи к нашему избранному правителю, которого мы считаем подходящим для этой должности, избери его, чтобы он мог занимать эту вашу светлость и правительство; отдай ему в долг свой трон и кресло, чтобы он мог править этой сеньорией и королевством до конца своей жизни; подними его из низости, в которой он находится, и возложи на него эту честь и достоинство, которых, по нашему мнению, он достоин; О наш Господь, преосвященный, даруй свет и великолепие своей рукой этому государству и королевству. То, что было сказано, я пришел предложить только вашему величеству, хотя и очень несовершенно, как пьяный, который шатается, почти готовый упасть. Делай то, что может наилучшим образом послужить тебе, во всем и через все.

МОЛИТВА ОБ ИЗБАВЛЕНИИ ОТ ПЛОХОГО ПРАВИТЕЛЯ.

Далее следует своего рода более серьезное отлучение или молитва об избавлении от правителя, который злоупотреблял своей властью и достоинством: О наш Господь, милосерднейший, который дает убежище каждому, кто приближается, даже подобно дереву огромной высоты и ширины, ты невидимый и неосязаемый; который, как мы понимаем, способен проникать сквозь камни и деревья, видя то, что содержится в них. По этой же причине ты видишь и знаешь, что находится в наших сердцах, и читаешь наши мысли. Наша душа в твоём присутствии подобна небольшому дыму или туману, поднимающемуся от земли. От тебя вообще не могут быть скрыты поступки и образ жизни кого бы то ни было; ибо ты видишь и знаешь его секреты и источники его гордыни и честолюбия. Ты знаешь, что у нашего правителя жестокое и черствое сердце, и он злоупотребляет достоинством, которое ты ему дал, как пьяница злоупотребляет вином, как человек, опьяненный снотворным:[VI-47] это означает, что богатство, достоинство и изобилие, которые на короткое время ты ему дал, наполняют его заблуждениями, высокомерием и беспокойством, и что он становится глупцом, опьяненный ядом, который сводит его с ума. Его процветание заставляет его презирать всех и придавать им мало значения; кажется, что его сердце покрыто острыми шипами, как и его лицо: все это становится очевидным по его образу жизни и манере говорить; никогда не говорит и не делает ничего, что доставляет кому-либо удовольствие, никогда ни о ком не заботится, ни с кем не советуется; он всегда живет так, как ему кажется хорошим, и так, как подсказывает прихоть. О Господь наш, милосерднейший, защитник всех, творец и создательница всего сущего, слишком очевидно, что этот человек погубил себя, поступил как ребенок, неблагодарный своему отцу, как беспричинный пьяница. Милости, которые ты оказал ему, достоинство, в которое ты его возвел, привели к его гибели. Помимо этого, есть еще одна вещь, чрезвычайно обидная и предосудительная: он нерелигиозен, никогда не молится богам, никогда не плачет перед ними, не скорбит о своих грехах и не воздыхает; из этого следует, что он упрям в своих пороках, как пьяница, ходит как пустой человек, совершенно бессмысленный; он не

задумывается ни о том, кто он такой, ни о должности, которую он исполняет. Поистине, он бесчестит и оскорбляет достоинство и трон, которые он занимает, которые принадлежат тебе и которые должны быть очень почитаемы; ибо от этого зависит справедливость и прямота судебной системы, которой он обладает, для поддержания и достойного руководства твоим народом, поскольку ты - император всего сущего. Он должен так удерживать свою власть, чтобы низшие люди не были обижены и угнетены великими; от него должно пасть наказание и унижение на тех, кто не уважает твою силу и достоинство. Но все вещи и люди терпят убытки из-за того, что он не исполняет свой пост должным образом. Страдают также торговцы, которые являются теми, кому ты отдаешь большую часть своих богатств, которые наводняют весь мир, да, горы и безлюдные места, добываясь через много гор твоих даров, милостей и лакомств, которые ты раздаешь экономно и своим друзьям. Ах, Господи, он не только бесчестит тебя, как сказано выше, но и когда мы собираемся вместе, чтобы петь твои песни, собираемся в месте, где мы просим твоих милостей и даров, в месте, где тебя восхваляют и молятся тебе, где печальные страждущие и бедняки находят утешение и силу, где самые трусливые находят в себе мужество умереть на войне, — в этом столь святом и почтенном месте этот человек демонстрирует свою распущенность и оскорбляет преданность; он беспокоит тех, кто служит и восхваляет тебя, в месте, где ты собираешь и отмечаешь своих друзей, как пастух отмечает своих друзей. стадо.[VI-48]Поскольку ты, Господь, слышишь и знаешь, что все, что Я сейчас сказал в твоём присутствии, истинно, не остается ничего другого, как исполнить твою волю и благоволение твоего сердца к разрешению этого дела. По крайней мере, о Господь, накажи этого человека так мудро, чтобы он стал предостережением для других, чтобы они не подражали его злой жизни. Пусть наказание падет на того из твоих рук, которое тебе кажется наиболее подходящим, будь то болезнь или любое другое недомогание; или лиши его господства, чтобы ты мог передать его другому, одному из твоих друзей, одному смиренному, преданному и кающемуся; ибо много таких у тебя, ты, у кого нет недостатка в людях, необходимых для этой должности, друзьях, которые надеются, взывают к тебе: ты знаешь тех друзей и слуг, которые плачут и вздыхают в твоём присутствии каждый день. Избери кого-нибудь из них, чтобы он мог сохранить достоинство твоего королевства и сеньории; испытай кого-нибудь из них. И теперь, о Господь, что из всего вышесказанного ты желаешь даровать? Отнимешь ли ты у этого правителя власть, достоинство и богатства, которыми он гордится, и отдашь ли их другому, который может быть набожным, кающимся, смиренным, послушным, способным и хорошо понимающим? Или, может быть, падение этого гордеца в нищету послужит тебе, как одному из бедных крестьян, который едва может собрать средства, чтобы поесть, выпить и одеться? Или, может быть, тебе будет угодно подвергнуть его жестокому наказанию, чтобы все его тело усохло, или глаза его ослепли, или члены его сгнили? Или тебе будет угодно забрать его из мира через смерть и отправить в ад, в дом тьмы и неизвестности, где находятся его предки, куда нам всем предстоит отправиться, где находятся наш отец и наша мать, бог и богиня ада. О Господь наш, милосерднейший, чего больше всего желает твое сердце? Да будет воля твоя. И в этом вопросе, о котором я умоляю тебя, мною движут не зависть и не ненависть; и ни с какими подобными мотивами я не приходил в твоё присутствие. Меня трогают только грабежи и жестокое обращение, от которых страдают люди, только желание их мира и процветания. Я не желал бы, о Господь, вызывать против себя твой гнев и негодование, я, человек подлый и грубый; ибо тебе, о Господь, дано проникать в сердца и знать мысли всех смертных.

МОЛИТВА, ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ИСПОВЕДНИКОМ В ГРЕХАХ.

Ниже приводится форма мексиканской молитвы Тецкатлипоке, которую использует исполняющий обязанности духовника после того, как услышал от кого-либо признание в грехах. Особенность мексиканской исповеди заключалась в том, что по закону она не могла иметь места в жизни человека более одного раза; первое отпущение грехов человека было также последним и единственным, на что он мог надеяться: —О наш всемилостивый Господь, защитник и покровитель всех, ты сейчас выслушал исповедь этого бедного грешника, которой он показал в твоём присутствии свою гнилость и неприглядность. Возможно, он скрыл некоторые из своих грехов перед тобою, и если это так, то он непочтительно и оскорбительно высмеял твоё величество и бросился в темную пещеру и в глубокий овраг;[VI-49] он заманил себя в ловушку и запутался; он сделал себя достойным слепоты, сморщивания и гниения членов, бедности и несчастья. Увы, если этот бедный грешник попытался совершить какую-либо подобную дерзость, чтобы оскорбить таким образом твоё величество, тебя, повелителя и императора всего сущего, считающегося со всеми, он связал себя, он сделал себя мерзким, он высмеял себя. Ты полностью видишь его, ибо ты видишь все вещи, будучи невидимым и не имеющим частей тела. Если он совершил это, то он по собственной воле подвергнул себя такой опасности; ибо это место очень строгого правосудия и очень прямолинейных суждений. Этот обряд подобен очень чистой воде, которой ты смываешь проступки того, кто полностью сознается, даже если он навлек на себя разрушение и сокращение дней; если он действительно сказал всю правду и освободился от своих грехов и ошибок, он получил прощение за них и за то, что они навлекли. Этот бедный человек подобен человеку, который поскользнулся и упал в твоём присутствии, оскорбляя тебя разными способами, также пачкая себя и бросаясь в глубокую пещеру и бездонный колодец.[VI-50] Он пал, как бедный и тощий человек, и теперь он опечален и недоволен всем прошлым; его сердце и тело измучены и не в своей тарелке; теперь он полон тяжестью из-за того, что сделал то, что он сделал; теперь он полностью полон решимости никогда больше не обижать тебя. В твоём присутствии, о Господь, говорю я, знающий все, знающий также, что этот бедняга согрешил не при полной свободе воли; его подтолкнула к этому природа знака, под которым он родился. И поскольку это так, о наш Господь, милосерднейший, защитник и помощник всех, поскольку также этот бедный человек серьезно оскорбил тебя, не удалишь ли ты от него свой гнев и негодование? Дай ему время, Господи; благоволи и прости его, поскольку он плачет, вздыхает и рыдает, глядя перед собой на зло, которое он совершил, и на то, чем он оскорбил тебя. Он печален, он проливает много слез, скорбь о своих грехах терзает его сердце; он не только сожалеет, но и приходит в ужас при мысли о них. Поскольку это так, то также справедливо, чтобы твоя ярость и негодование против него были утолены и чтобы его грехи были отброшены в сторону. Поскольку ты полон сострадания, о Господь, сочти за благо простить и очистить его; даруй ему прощение его грехов, то, что нисходит с небес, как вода очень чистая, чтобы смыть грехи,[VI-51] которой ты смываешь все пятно и нечистоту, которые грех вызывает в душе. Обрати внимание, о Господь, на то, чтобы этот человек ушел с миром, и прикажи ему делать то, что он должен; отпусти его каяться и оплакивать свои грехи; дай ему советы, необходимые для его благополучной жизни.

ОПАСНОСТЬ ЛОЖНОГО ПРИЗНАНИЯ.

УВЕЩЕВАНИЕ КАЮЩЕМУСЯ.

В этот момент исповедник перестает обращаться к богу и поворачивается к кающемуся, говоря: О брат мой, ты попал в место большой опасности, место страданий и страха; ты подошел к крутой пропасти и отвесной скале, откуда, если кто-нибудь упадет, он никогда больше не

поднимется; ты подошел к тому самому месту, где силки и сети соприкасаются друг с другом, где они наложены одна на другую таким образом, что никто не может пройти по ним, не упав в некоторые из них, и не только в силки и сети, но и в ямы. как Уэллс. Ты бросился вниз по берегу реки, среди силков и сетей, откуда без посторонней помощи тебе не выбраться. Эти твои грехи - не только ловушки, сети и колодцы, в которые ты попал, но и дикие звери, которые убивают и растерзают как тело, так и душу. Может быть, ты скрыл какой-то один или несколько своих грехов, тяжких, огромных, грязных, отвратительных, скрыл что-то, что теперь опубликовано на небесах, земле и в аду, что-то, что теперь смердит по всему миру? Теперь ты предстал перед нашим милосерднейшим Господом и защитником из всех, кого ты раздражал, оскорблял и вызывал гнев, который завтра или когда-нибудь в другой день заберет тебя из этого мира и положит к своим ногам, и отправит тебя во вселенский дом аида, где находятся твой отец и твоя мать, бог и богиня ада, чьи пасти всегда открыты, желая проглотить тебя и как можно больше людей в мире. В том месте будет дано тебе все, чего ты заслужил в этом мире, согласно божественной справедливости, и то, что ты заработал своими делами бедности, невзгод и болезней. Разными способами ты будешь мучиться и страдать до крайности, и будешь купаться в озере невыносимых мучений и невзгод; но здесь, в это время, ты сжалился над самим собой, разговаривая и общаясь с нашим Господом, с тем, кто видит все тайны каждого сердца. Поэтому расскажи полностью все, что ты сделал, как человек, который бросается в глубокое место, в колодец без дна. Когда ты был сотворен и послан в мир, чистый и добрый ты был сотворен и послан; твои отец и мать Кецалькоатли сформировали тебя как драгоценный камень и как драгоценную золотую бусину; когда ты родился, ты был подобен богатому камню и драгоценному камню из золота, очень блестящему и очень отполированному. Но по своей собственной воле ты осквернил и запятнал себя, и валялся в грязи, и в нечистоте грехов и злых дел, которые ты совершил и теперь исповедуешь. Ты вел себя как ребенок, не осуждая и не понимая, что, играя и забавляясь, оскверняешь себя отвратительной грязью; так же ты поступил и в отношении грехов, в которых получал удовольствие, но теперь исповедался и полностью открылся перед нашим Господом, который является защитником и очистителем всех грешников. Не принимай это за повод для шуток, ибо воистину, ты пришел к источнику милосердия, который подобен очень чистой воде, которой Господь Бог наш, защитник и благосклонный ко всем, кто обращается к нему, смывает скверну души. Ты вырвал себя из ада и снова вернулся, чтобы жить в этом мире как пришедший из другого. Теперь ты родился заново, ты начал жить заново, и Господь наш Бог дает тебе свет и новое солнце. Теперь, еще раз, ты начинаешь излучать и сиять заново, как очень драгоценный и чистый камень, выходящий из недр матрицы, в которой он был создан. Поскольку это так, смотри, чтобы ты жил с большой осмотрительностью и очень обдуманно сейчас и впредь, все время, пока ты можешь жить в этом мире под властью и владычеством Господа нашего Бога, самого милосердного, благодетельного и щедроумного. Плачьте, печальтесь, ходите смиренно, с покорностью, с низко опущенной головой, молясь Богу. Смотри, чтобы гордыне не было места в тебе, иначе ты вызовешь неудовольствие нашего Господа, который видит сердца и мысли всех смертных. В чем ты себя ценишь? На чем ты держишься? Каково твое основание и корень? На чем ты себя поддерживаешь? Ясно, что ты ничто, ничего не можешь сделать и ничего не стоишь; ибо наш Господь сделает с тобой все, что пожелает, и никто не остановит его руки. Может быть, он должен показать тебе те вещи, которыми он мучает и огорчает, чтобы ты мог увидеть их своими глазами в этом мире? Нет, воистину, ибо муки и ужасные страдания его пыток в потустороннем мире не видны и не могут быть замечены теми, кто живет здесь. Возможно, он осудит тебя на вселенский дом аида; и дом, в котором ты сейчас живешь, падет и будет разрушен, и будет

подобен навозной куче грязи и нечистоты, ты привык жить в нем с большим удовлетворением, ожидая узнать, как он распорядится тобой, он, наш Господь и помощник, невидимый, бестелесный и единственный. Поэтому я умоляю тебя встать и укрепить себя и впредь не быть таким, каким ты был в прошлом. Прими к себе новое сердце и новый образ жизни и хорошенько позаботься о том, чтобы снова не возвращаться к своим старым грехам. Подумай о том, что ты не можешь увидеть своими глазами Господа нашего Бога, ибо он невидим и неосязаем, он Тецкатлипока, он Титлакаоа, он юноша совершенного вида и без единого пятнышка. Укрепи себя, чтобы подметать, убирать и приводить в порядок свой дом; ибо, если ты не сделаешь этого, ты отвергнешь свое общество и свой дом и сильно оскорбишь того самого благочестивого юношу, который всегда ходит по нашим домам и по нашим улицам, наслаждаясь и забавляясь, — юношу, который трудится, ищет своих друзей, чтобы утешить их и утешиться с ними. В заключение я говорю тебе: иди и научись подметать, и избавляйся от грязи и нечистот в своем доме, и очищай все, и себя в первую очередь. Разыщите также раба, чтобы принести его в жертву Богу; устройте пир для знатных людей, и пусть они воспоют хвалу нашему Господу. Более того, тебе следует наложить епитимью, проработав год или больше в доме Божьем; там ты будешь пускать себе кровь и колоть свое тело шипами магуэя; и в качестве епитимьи за прелюбодеяния и другие низости, которые ты совершил, ты должен дважды в день пропускать ивовые веточки через отверстия, сделанные в твоём теле, один раз через язык и один раз через уши. Это покаяние ты должен понести не только за вышеупомянутую плотскую жизнь, но и за злые и ранящие слова, которыми ты оскорблял своих ближних; а также за неблагодарность, которую ты проявил по отношению к дарам, дарованным тебе нашим Господом, и за твою бесчеловечность по отношению к своим ближним, за то, что ты не приносишь в жертву блага, данные тебе Богом, и не делишься с бедными временными благами, дарованными нашим Господом. Ты будешь обременять себя раздачей бумаги и копала; ты будешь раздавать милостыню нуждающимся и голодным, тем, кому нечего есть, пить или прикрыться; даже если ты сам останешься без пищи, чтобы раздать ее и одеть нагих: смотри за этим, ибо их плоть подобна твоей плоти, и они такие же люди, как ты. Больше всего заботьтесь о больных, они - образ Божий.[VI-52] Тебе больше нечего сказать; иди с миром и умоляй Бога помочь тебе исполнить то, что ты обязан сделать; ибо он оказывает благосклонность всем.

МОЛИТВА ПРАВИТЕЛЯ О НАПРАВЛЕНИИ.

Следующая молитва адресована Тецкатлипоке недавно избранным правителем, чтобы поблагодарить его за избрание и попросить милости и света для надлежащего исполнения его обязанностей: О наш господь, милосерднейший, невидимый и неосязаемый защитник и правитель, я хорошо знаю, что ты знаешь меня, бедного человека с низкой судьбой, рожденного и воспитанного среди грязи, человека с ограниченным разумом и подлыми суждениями, полного множества недостатков, человека, который не знает себя и не задумывается о том, кто он есть. Ты даровал мне великое благо, благосклонность и милость без каких-либо заслуг с моей стороны; ты поднял меня с навозной горы и возвел в царское достоинство и на трон. Кто я, мой Господь, и чего я стою, что ты причисляешь меня к числу тех, кого ты любишь? среди числа твоих знакомых, среди тех, кого ты считаешь избранными друзьями и достойными всяческих почестей; рожденных и воспитанных для тронов и королевских санов; с этой целью ты создал их способными, благоразумными, происходящими от благородных и великодушных отцов; с этой целью они были созданы и воспитаны; чтобы быть твоими инструментами и образами, они были рождены и крещены под знаками и созвездиями, под которыми рождаются лорды. Они были рождены, чтобы править твоими королевствами,

твое слово пребывает внутри них и говорит их устами — согласно желанию древнего бога, отца всех богов, бога огня, который находится в пруду с водой среди башен, окруженных камнями, подобными розам, которого зовут Сяхтекутли, который определяет, исследует и улаживает дела и судебные тяжбы нации и простых людей, как бы омывая их водой; в компании и присутствии этого бога всегда находятся вышеупомянутые великодушные личности. О милосерднейший Господь, правитель и наместник, ты оказал мне великую услугу. Возможно, это произошло благодаря заступничеству и слезам, пролитым ушедшими лордами и леди, которые управляли этим королевством.[VI-53] Было бы большим безумием предполагать, что за какие-либо мои заслуги или мужество ты оказал мне благосклонность, поставив меня над этим своим королевством, управление которым является чем-то очень тяжелым, трудным и даже пугающим; это как огромное бремя, взваленное на плечи, которое с большим трудом несли прошлые правители, правя от твоего имени. О Господь наш, милосерднейший, невидимый и неосязаемый, правитель и управитель, творец и знаток всех вещей и мыслей, творец созданий твоих,[VI-54] что мне еще сказать, бедный я? Каким образом я должен править этим твоим государством, или как я должен нести это бремя простых людей? Я, который слеп и глух, который даже не знает себя и не знает, как управлять собой. Я привык ходить по грязи, мои способности позволяют мне искать и продавать съедобные травы, а также носить и продавать дрова. Чего я заслуживаю, о Господь, так это слепоты для моих глаз, иссушения и гниения для моих членов, и того, чтобы ходить одетым в лохмотья; это то, чего я заслуживаю и что должно быть дано мне. Это я нуждаюсь в том, чтобы мной управляли и чтобы меня несли на чьей-то спине. У тебя много друзей и знакомых, которым можно доверить этот груз. Поскольку, однако, ты уже решил выставить меня на посмешище всему миру, да будет исполнена воля твоя и исполнено слово твое. Может быть, ты не знаешь, кто я; и, узнав меня, будешь искать другого и отнимешь у меня власть; снова возьмешь ее себе, снова спрячешь в себе это достоинство и честь, уже будучи разгневанным и уставшим терпеть меня; и ты передашь власть другому, какому-нибудь твоему близкому другу и знакомому, кому-нибудь очень преданному тебе, кто плачет и вздыхает и поэтому заслуживает этого достоинства. Или, может быть, то, что случилось со мной, - сон или хождение во сне. О Господь, ты, присутствующий во всяком месте, знающий все мысли, раздающий все дары, будь благосклонен не скрывать от меня своих слов и своего вдохновения. Я не знаю ни дороги, по которой мне нужно идти, ни того, что я должен делать, поэтому не соизволь скрывать от меня свет и зеркало, которые должны направлять меня. Не позволяй мне заставлять тех, кем я должен править и кого несу на своих плечах, сбиваться с дороги и блуждать по скалам и горам. Не позволяй мне вести их по следам кроликов и оленей. Не допусти, о Господь, чтобы против меня была поднята какая-либо война, и чтобы какая-либо эпидемия обрушилась на тех, кем я управляю; ибо в таком случае я не знал бы, что делать и куда девать тех, кто у меня на плечах; увы мне, неспособному и невежественному. Я не хотел бы, чтобы на меня снизошла какая-либо болезнь, ибо в этом случае твоя нация и народ были бы потеряны, а твое царство опустошено и предано тьме. Что мне делать, о Господь и создатель, если случайно я впаду в какой-нибудь позорный плотский грех и тем самым разрушу королевство? что делать, если по небрежности или лени я погублю своих подданных? что делать, если по моей вине я сброшу в пропасть тех, кем мне приходится править? Господь наш, милосерднейший, невидимый и неосязаемый, я умоляю тебя не разлучаться со мной; навещай меня почаще; навещай этот бедный дом, ибо я буду ждать тебя там. С великой жадностью я жду тебя и настоятельно требую твоего слова и вдохновения, которые ты вдохнул в своих древних друзей и знакомых, которые с усердием и честностью правили твоим королевством. Это твой трон и честь, по обе стороны от которого восседают твои сенаторы и главные мужи, которые

являются твоим образом и самой личностью. Они выносят приговоры и говорят о делах государства от твоего имени; ты используешь их как свои флейты, говоря изнутри них и помещая себя в их лица и уши, открывая их рты, чтобы они могли говорить хорошо. В этом месте торговцы насмеваются и подтрунивают над нашими глупостями, с какими торговцами ты проводишь свой досуг, поскольку они твои друзья и знакомые; там же ты вдохновляешь и дышишь на своих преданных, которые плачут и вздыхают в твоём присутствии, искренне отдавая тебе свое сердце.[VI-55] По этой причине ты украшаешь их благоразумием и мудростью, так что они могут смотреться как в зеркало с двумя гранями, где можно увидеть изображение каждого;[VI-56] для этого ты даешь им очень чистый топор, без какого-либо затемнения, яркость которого вспыхивает во всех местах. По этой причине ты также даешь им подарки и драгоценные украшения, вешая их на их шеи и уши, подобно материальным украшениям, таким как *какнакочтль*, *тентетль*, *тлапилони*, или головная кисточка, *матемекатль*, или дубленый ремешок, которым владыки обвязывают свои запястья,[VI-57] желтая кожа, обтягивающая лодыжки, золотые бусы и роскошные перья. В этом месте доброго правления твоего царства заслужены твои богатства и слава, твои сладкие и восхитительные вещи, спокойствие и безмятежность, мирная и довольная жизнь; все это исходит из твоей руки. Там же, наконец, заслуживают внимания и неблагоприятные и утомительные явления, болезни, бедность и краткость жизни; все это посылается тобою тем, кто в этом состоянии не выполняет своего долга. О Господь наш, милосерднейший, знающий мысли и подающий дары, в моих ли руках, поскольку я подлый человек, знать, как править? находится ли образ моей жизни в моих руках и дела, которые я должен совершить на своем посту? которые действительно принадлежат твоему царству и достоинству, а не моему. Я сделаю все, что ты пожелаешь, чтобы я сделал, и каковы могут быть твои воля и расположение, если ты поможешь мне. Я пойду по дороге, которую ты можешь показать мне; которой ты можешь вдохновить меня и вложить в мое сердце то, что я буду говорить и речью. О Господь наш, милосерднейший, я всецело вверяю себя в твои руки, ибо я не в состоянии направлять или управлять собой; я слеп, тьма, навозная куча. Будь добр, о Господь, даруй мне немного света, хотя бы столько, сколько излучает светлячок, бродящий по ночам; освети меня в этом сне, в этой жизни во сне, которая длится как день; где есть много вещей, о которые можно споткнуться, много вещей, над которыми можно посмеяться, много вещей, подобных неровной дороге, которую приходится преодолевать прыжками. Все это должно произойти в том положении, в которое ты поставил меня, дав мне свое место и достоинство. О Господь, милосерднейший, я умоляю тебя посетить меня твоим светом, чтобы я не ошибся, чтобы я не погубил себя, чтобы мои вассалы не возопили против меня. О Господь наш, самый жалкий, ты сделал меня теперь спинкой[VI-58] твоего кресла, а также твоей флейты; и все это без всякой моей заслуги. Я есмь твой рот, твое лицо, твои уши, твои зубы и твои ногти. Хотя я подлый человек, я хочу сказать, что я недостойно представляю твою личность и твой образ, что слова, которые я произнесу, должны почитаться как твои, что мое лицо должно принадлежать тебе, мои глаза - как твои, и наказание, которое я наложу, должно быть таким, как если бы ты его нанес. При всем этом я умоляю тебя вложить в меня твой дух и твои слова, чтобы все могли повиноваться им и никто не противоречил.[VI-59]

ПОДЛИННОСТЬ ПРИВЕДЕННЫХ ВЫШЕ МОЛИТВ.

ХАРАКТЕР И ПРОИЗВЕДЕНИЯ СААГУНА.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ РУКОПИСИ СААГУНА.

Теперь, что касается меры подлинности только что приведенных молитв Тецкатлипоке, кажется очевидным, что либо с сознательного попустительства отца Бернардино де Саагуна, их историка, либо без него, в них прокралась определенная изощренность и адаптация к христианским идеям; однако, с другой стороны, столь же очевидно, что в них содержится многое оригинальное, туземное и характерное для мексиканской религии. Во всяком случае, они претендуют на это, и в качестве доказательства, имеющего отношение к делу, представленного слушателем и очевидцем из первых рук, человеком, подтверждающим свою честность, образованность и, прежде всего, сильную симпатию к мексиканскому народу, любимого и пользующегося доверием тех из них, с кем он контактировал, и признанного другом в знакомстве с их традициями и образом мышления, - по всем этим причинам его показания, как бы мы к ним ни относились, должны быть выслушаны и оценены. [VI-60]

ГЛАВА VII. БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ ИМ.

Изображение Тецкатлипоки —Его места на углах улиц—Различные легенды о его жизни на Земле—Кецалькоатль—Его ловкость в механическом искусстве—Его религиозные обряды—Богатство и проворство его приверженцев—Изгнание Тецкатлипокой и Уицилопочтли Кецалькоатля из Туллы — Волшебное зелье—Уэмак, или Вемак, царь тольтеков, и Несчастья, навлекаемые на него и его народ Тецкатлипокой в различных обличьях —Кецалькоатль в Чолуле—Разные рассказы о рождении и жизни Кецалькоатля—Его Мягкий характер—Он составил Мексиканский календарь—События его изгнания и путешествия в Тлапаллу, рассказанные и прокомментированные различными авторами—Идеи Брассера о мифах о Кецалькоатле—Тайлор считает Кецалькоатля Богом Солнца, а Бринтон — Героем Рассвета-Хелпс-Доменек—Кодексы—Долгое обсуждение мифов о Кецалькоатле Дж. Г. Мюллером .

В предыдущей главе я изложил только более возвышенный взгляд на природу Тецкатлипоки, который даже с этой стороны нельзя проиллюстрировать без множества несоответствий. Теперь мы переходим к рассказам, свидетельствующим о гораздо более низком представлении о его характере и показывающим того, кого мы называли невидимым, всемогущим и благодетельным, в новом и гораздо менее впечатляющем свете. Фактически, мы переходим от Зевса Платона и Сократа к Зевсу Гесиода и Гомера.

Давайте сначала взглянем на способ изображения его в храмах, хотя и без особой надежды увидеть особое соответствие многих атрибутов и символов, которыми была украшена его статуя. Его главное изображение, по крайней мере, в городе Мехико, было вырезано из очень блестящего черного камня, называемого истли, разновидности обсидиана — камня, ценимого из-за его способности к расщеплению для изготовления тех длинных осколков, которые ацтеки использовали в качестве ножей для жертвоприношений и других целей. За это использование в богослужении и, возможно, действительно за его разнообразное применение во всех отношениях, он получил название *теотетл*, божественный камень. В местах, где камень был менее удобен, изображение делалось из дерева. Предполагалось, что общая идея изображала молодого человека, с помощью которого демонстрировалось бессмертие бога. В ушах идола сверкали серьги из золота и серебра. Сквозь его нижнюю губу была продета маленькая хрустальная трубочка, примерно шести дюймов длиной, и в углубление этой трубочки было

продето перо; иногда зеленое, иногда голубое, придававшее прозрачному украшению оттенок изумруда, иногда бирюзы. Волосы — как мы можем предположить, вырезанные из камня — были собраны в косичку и перевязаны лентой из полированного золота, к концу которой, свисавшему сзади, было прикреплено золотое ушко с нарисованными на нем языками поднимающегося дыма; этот дым должен был обозначать молитвы тех грешников и страждущих, которые, веря себя богу, были им услышаны. На голове у него было множество плюмажей из красных и зеленых перьев. С его шеи спереди свисал большой золотой драгоценный камень, который покрывал всю его грудь. На руках у него были золотые браслеты, а в пупок был вделан драгоценный зеленый камень. В его левой руке сверкало большое круглое зеркало из золота, окаймленное, как веер, драгоценными перьями, зелеными, лазурными и желтыми; глаза бога всегда были прикованы к нему, ибо в нем он видел отражение всего, что совершалось в мире. Это зеркало называлось *итлахия*, то есть "смотрящий", "зритель". Тецкатлипоку иногда усаживали на скамью, покрытую красной тканью с изображением множества черепов, держа в правой руке четыре дротика, что, по мнению некоторых, означало наказание за грех. К верхней части его ступней были прикреплены двадцать золотых колокольчиков, а к правой ступне — передняя лапа оленя, чтобы показать чрезвычайную быстроту этого божества во всех его действиях. Блестящее черное тело скрывал большой плащ, причудливо выполненный в черно-белых тонах, украшенный перьями и окаймленный трехцветными розетками — красными, белыми и черными. Этот бог, украшения которого у разных авторов немного различаются — вариации, вероятно, не большие, чем те, которые действительно существуют у разных фигур, представляющих в разных местах одно и то же божество, — построил для него что-то вроде часовни на вершине своего храма. Это была темная комната, устланная богатыми тканями многих цветов; и из ее полумрака выглядывало изображение, восседающее на пьедестале, с дорогим балдахином прямо над головой и алтарем впереди; очевидно, это был не жертвенник, а что-то вроде украшенного стола, наподобие христианского алтаря, покрытого богатой тканью. В это святое святых не дозволялось входить никому, кроме священника.

ПОКЛОНЕНИЕ ТЕЦКАТЛИПОКЕ.

Однако больше всего, должно быть, для того, чтобы привлечь внимание людей к поклонению Тецкатлипоке, были каменные скамьи, построенные на углах улиц для размещения этого бога, когда он незримо бродил по улицам. Смертный, рожденный женщиной, никогда не садился на них; сам король не осмелился бы воспользоваться ими: они были священными, священными навеки, и их всегда осенял полог из зеленых ветвей, благоговейно обновляемый каждые пять дней.[\[VII-1\]](#)

Теперь мы должны опускаться все ниже и ниже от идеи всемогущего бога, чтобы проследить нить различных легенд, в которых Тецкатлипока предстает совсем не в похвальном свете. Мы уже видели, как его описывали как одного из тех богов-героев, которых новорожденное Солнце сыграло важную роль в уничтожении;[\[VII-2\]](#) и мы можем предположить, что затем он вознесся на небеса, поскольку позже мы находим его спускающимся оттуда по веревке, сплетенной из паутины. Странствуя по миру, он пришел в место под названием Тулла, где много лет правил некий Кецалькоатль — еще один, по словам Саагуна, из только что упомянутых богов-героев. Они вдвоем играли в мяч, в ходе которого Тецкатлипока внезапно превратился в тигра, вызвав тем самым огромную панику среди зрителей, многие из которых в спешке бросились в реку по соседству с оврагом и утонули. Затем Тецкатлипока начал преследовать Кецалькоатля из города

в город, пока не загнал его в Чолулу. Здесь Кецалькоатля считали главным богом, и здесь в течение некоторого времени он был в безопасности. Но только на несколько лет; его неутомимый и могущественный враг вынудил его отступить с несколькими своими приверженцами к морю, в место под названием Тлиллапа или Тизапан. Здесь умер преследуемый Кецалькоатль, и его последователи ввели обычай сжигать мертвых, сжигая его тело.[VII-3]

Вышесказанное от Мендьеты дает нам представление с одной точки зрения об этом великом персонаже Кецалькоатле, о котором мы вскоре узнаем гораздо больше, а пока мы встречаемся снова и снова как с противником или, скорее, жертвой Тецкатлипоки. Давайте рассмотрим версию Саагуна об инцидентах, связанных с этой борьбой:—

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ.

С очень древних времен в Тулле почитали Кецалькоатля как бога. У него была очень высокая *кухня*[VII-4] там, наверху, было много ступенек, таких узких, что ни на одной из них не хватало места для целой ноги. Его изображение всегда находилось в лежащем положении и было накрыто одеялами. Лицо у него было очень уродливое, голова большая и заросшая длинной бородой. Все приверженцы этого бога были преданы механическому искусству, искусны в обработке зеленого камня, называемого чалхиуит, и в получении драгоценных металлов; все эти искусства берут свое начало с упомянутого Кецалькоатля. У него были целые дома, сделанные из халхиуита, другие - из серебра, третьи - из белых и красных раковин, третьи - из досок, четвертые - из бирюзы, а третьи - из дорогих перьев. Его приверженцы были очень легки на ногу и быстро шли туда, куда хотели, и их звали *тланкасемильхийме*. Есть гора под названием Цацитепетль, на которой у Кецалькоатля был глашатай, и люди были далеко и рассеялись, а жители Анахуака, расположенного в сотне лиг от нас, сразу услышали и поняли все, что приказал упомянутый Кецалькоатль. А Кецалькоатль был очень богат; у него было все необходимое как для еды, так и для питья; кукурузы было в изобилии, и один ее кочан был таким большим, что человек мог унести его на руках; тыквы имели сажень в окружности; стебли дикого амаринта были такими большими и толстыми, что люди взбирались на них, как на деревья. Сеяли и собирали хлопок всех цветов: красный, алый, желтый, фиолетовый, беловатый, зеленый, синий, черноватый, серый, оранжевый и рыжевато-коричневый; эти цвета хлопка были естественны для него, таким образом, он рос. Далее говорится, что в этом городе Тулле водилось множество видов птиц с богатым и разноцветным оперением, *ксиухтототль*, *кецальтототль*, *закуан*, *тлаукечольи* другие птицы, которые пели очень сладко. И у этого Кецалькоатля были все богатства мира: золото и серебро, зеленые камни, называемые халхиуитами, и другие драгоценные вещи, а также великое множество деревьев какао самых разных цветов. Вассалы или приверженцы Кецалькоатля также были очень богаты и ни в чем не нуждались; они никогда не были голодны; у них никогда не было недостатка в кукурузе, и они не ели ее маленьких початков, а сжигали их как дрова, чтобы топить бани. Наконец, говорится, что Кецалькоатль совершил покаяние, проколов себе ноги и пустив кровь шипами магуи, а также умывшись в полночь в фонтане под названием *шикапоа*;[VII-5] этот обычай переняли жрецы и служители мексиканских идолов.

Наконец наступило время, когда судьба Кецалькоатля и его народа, тольтеков, начала рушиться; ибо против них выступили три колдуна, переодетые боги, а именно Тецкатлипока, Уицилопочтли и Тлакавепан, которые совершили много обманов в Тулле. Тецкатлипока

специально приготовил хитрый трюк; он превратился в седовласого старика и отправился в дом Кецалькоатля, сказав тамошним слугам: "Я хочу видеть вашего господина и говорить с ним". Тогда слуги сказали: уходи, старик, ты не можешь увидеть нашего короля, потому что он болен, ты будешь раздражать его и причинять ему боль. Но Тецкатлипока настаивал, я должен его увидеть. Тогда слуги велели колдуну подождать, а сами вошли и рассказали Кецалькоатлю, как некий старик подтвердил, что он увидит короля, и ему не будет отказано. И Кецалькоатль ответил: "Пусть войдет, вот уже много дней я жду его прихода". И вошел Тецкатлипока и сказал больному богу-царю: "Как ты?" добавив далее, что у него есть лекарство, которое он может выпить. Тогда Кецалькоатль ответил: "Добро пожаловать, старик, смотри, я ждал тебя много дней. И старый колдун заговорил снова: "Как твое тело и как ты в здравии?" "Я чрезвычайно болен, - сказал Кецалькоатль, - все мое тело болит, я не могу пошевелить ни руками, ни ногами. "Тогда, - ответил Тецкатлипока, - взгляни на это лекарство, которое у меня есть, оно хорошее, полезное и опьяняющее; если ты выпьешь его, ты будешь опьянен, исцелен и на сердце у тебя станет легче, и ты будешь помнить о трудах и изнурении смерти и своего ухода". [VII-6] Куда, воскликнул Кецалькоатль, я должен идти? - В Таллантлапаллан, - ответил Тецкатлипока, - где тебя ждет другой старик; с ним ты поговоришь вместе, и по возвращении оттуда ты будешь как юноша, да, как мальчик. И Кецалькоатль, услышав эти слова, был тронут сердцем, в то время как старый колдун, настаивая все больше и больше, сказал: "Господин, выпей это лекарство". Но король не захотел его пить. Колдун, однако, настаивал: "Выпей, мой господин, или ты потом пожалеешь об этом; по крайней мере, потри немного лоб и попробуй глоток". Итак, Кецалькоатль попробовал его и выпил, говоря: "Что это?" это кажется очень вкусным блюдом; я уже чувствую себя исцеленным и избавившимся от своей немощи; я уже здоров. Тогда старый колдун снова сказал: "Выпей еще раз, мой господин, поскольку это полезно; так ты исцелишься более совершенным образом". И Кецалькоатль снова выпил, он опьянел, он начал печально плакать, на сердце у него стало легче, и он собрался уходить, он не мог избавиться от мысли, что должен уйти; ибо это была ловушка и обман Тецкатлипоки. А лекарство, которое пил Кецалькоатль, было местным белым вином, изготовленным из магуэев, которые называются *теуметль*.

ТЕЦКАТЛИПОКА В РОЛИ РАЗНОСЧИКА.

Итак, Кецалькоатль, за судьбой которого мы впоследствии более подробно проследим, отправился в свое путешествие; а Тецкатлипока коварно продолжил путь, убив многих тольтеков и вступив в союз посредством брака с Вемаком, который был временным правителем тольтеков, в то время как Кецалькоатль был духовным правителем этого народа. Для достижения этих целей Тецкатлипока принял облик бедного чужеземца и предстал обнаженным, как это было принято у таких людей, на рыночной площади Туллы, продавая зеленый острый перец. Дворец Вемака, великого короля, возвышался над рыночной площадью, и у него была единственная дочь, и девушка, случайно заглянув в толпу покупателей и продавцов, увидела переодетого бога. Она была поражена любовью к нему, и ее начало тошнить. Вемак услышал о ее болезни и спросил у женщин, которые ее охраняли, что случилось с его дочерью. Они рассказали ему, как могли, о том, как из-за любви к торговцу перцем по имени Товейо принцесса легла умирать. Царь немедленно послал глашатая на гору Цацитепек с таким воззванием: "О тольтеки, найдите мне Товейо, который торгует зеленым перцем, пусть его приведут ко мне. Итак, люди повсюду искали красивого продавца перца, но его нигде не было видно. Затем, после того как они не смогли найти его, однажды он по собственной воле появился на своем старом месте и стал торговать на рынке. Его привели к царю, который сказал ему: "Откуда ты родом?" и Товейо

ответил: я иностранец, пришел сюда продать свой зеленый перец. Почему ты медлишь, чтобы накинуть штаны и одеяло? - сказал Вемак. Товейо ответил, что в его стране такие вещи не в моде. Вемак продолжал: "Моя дочь тоскует по тебе, не желая, чтобы ее утешал какой-либо толтек; она больна любовью, и ты должен исцелить ее. Но Товейо ответил: "Этого ни в коем случае не может быть, убей меня первым; я хочу умереть, будучи недостойн слышать эти слова, которые зарабатывают мне на жизнь продажей зеленого перца". "Я говорю тебе, - сказал король, - что ты должен исцелить мою дочь от этой ее болезни; не бойся. Тогда они взяли хитрого бога, и вымыли его, и подстригли ему волосы, и покрасили все его тело, и надели на него штаны и одеяло; и сказал король Вемак: войди и посмотри на мою дочь, туда, где они охраняют ее. Затем молодой человек вошел и остался с принцессой, и она стала здоровой; так Товейо стал зятем короля Туллы.

Тогда смотрите, все толтеки, преисполненные ревности и оскорбленные, произносили оскорбительные слова против короля Вемака, говоря между собой: "Неужели среди всех толтеков не найдется человека, который выдал бы свою дочь замуж за коробейника?" И вот, когда царь услышал все вредные и оскорбительные слова, которые народ говорил против него, он был тронут, и он обратился к народу, говоря: идите сюда, вот, я слышал все то, что вы говорите против меня по поводу моего зятя Товейо; тогда притворяйтесь; обманом возьмите его с собой на войну при Какатепеке и Коатепеке, пусть враг убьет его там. Услышав эти слова, толтеки вооружились, собрали множество людей и отправились на войну, взяв с собой Товейо. Прибыв туда, где должно было состояться сражение, они спрятали его вместе с хромыми и карликами, поручив им, как было принято в таких случаях, следить за врагом, в то время как солдаты пошли в атаку. Началась битва; толтеки сразу же уступили; вероломно покинув Товейо и калек, оставив их на растерзание на их посту, они вернулись в Туллу и рассказали королю, как они оставили Товейо и его спутников одних в руках врага. Когда король услышал об измене, он обрадовался, думая, что Товейо мертв, потому что ему было стыдно иметь его зятем. Однако с Товейо дела пошли иначе, чем предполагали заговорщики. При приближении вражеской армии он утешил своих изуродованных товарищей, сказав: "Ничего не бойтесь; враг идет против нас". но я знаю, что убью их всех. Тогда он восстал и пошел против них, против жителей Коатепека и Какатепека; он обратил их в бегство и перебил их без числа. Когда это дошло до ушей Вемака, это чрезвычайно взволновало его и привело в ужас. Он сказал своим толтекам: "Давайте теперь пойдём и примем моего зятя". И все они вышли с королем Вемаком встречать Товейо, неся оружие или приспособления, называемые *кецалапанекаютль*, и щиты, называемые *ксиучимали*. Они подарили эти вещи Товейо, и он и его товарищи приняли их с танцами и музыкой флейт, с триумфом и ликованием. Более того, по прибытии во дворец короля на головы победителей были возложены перья, и все тело каждого из них было окрашено в желтый цвет, а все лицо - в красный; это была обычная награда тем, кто возвращался с войны победителем. И король Вемак сказал своему зятю: "Теперь я доволен тем, что ты сделал, и толтеки довольны; ты очень хорошо расправился с нашими врагами, отдыхай и расслабляйся". Но Товейо промолчал.

ТРИУМФ ТЕЦКАТЛИПОКИ.

И после этого Товейо украсил все свое тело роскошными перьями, называемыми *точивитль*, и приказал толтекам собраться вместе на праздник, и послал глашатая на вершину горы Цацитепек, звать чужеземцев и людей издалека танцевать и пировать. Бесчисленная толпа собралась в Тулле. Когда все они собрались, Товейо повел их, юношей и девушек, в место под

названием Тескалапа, где он сам начал и руководил танцами, играя на барабане. Он тоже пел, подпевая каждый куплет танцорам, которые подпевали ему вслед, хотя они и не знали песни из первых рук. И тогда можно было увидеть там нечто чудесное и ужасное. С заката до полуночи топот бесчисленных ног становился все быстрее и быстрее; тук, тук, тук барабана замолк и перерос в непрерывную дробь; монотонная песня становилась все выше, все дикее, пока не переросла в рев. Толпа превратилась в толпу, пирушка - в бунт; люди начали давить друг на друга; бунт перерос в панику. Там было страшное ущелье или лощина, через которую протекала река под названием Тескальтаухко; через реку вел каменный мост. Товейо разрушил этот мост, когда люди бежали; мрачный корифей этого страшного веселья, он видел, как они топтали и давили друг друга, путались под ногами и падали в пропасть. Те, кто упал, превратились в камни; что же касается тех, кто спасся, то они не видели и не думали, что это Товейо и его колдовство произвели это великое разрушение; они были ослеплены колдовством бога и лишились рассудка, как пьяные.

Тецкатлипока был далек от того, чтобы удовлетвориться резней в Тескалапе, и продолжал вынашивать еще большее зло против толтеков. Он принял облик некоего доблестного человека по имени Тегиоа и приказал глашатаю созвать всех жителей Туллы и ее окрестностей прийти и помочь в определенной работе в определенном цветнике (говорят, что это был сад, принадлежавший Кецалькоатлю.). Все люди собрались на работу, после чего переодетый бог набросился на них, ударив по голове коа. [VII-7] Те, кому удалось спастись от соа, были растоптаны и убиты своими товарищами при попытке к бегству; было убито бесчисленное количество; каждый человек, пришедший на работу, остался лежать мертвым среди растоптанных цветов.

ТЕЦКАТЛИПОКА МЕРТВ.

И после этого Тецкатлипока совершил еще одно колдовство против толтеков. Он называл себя Тлакавепаном, или Аческочом, и пришел и сел посреди рыночной площади Туллы, держа на руке маленький манекен (который, как говорят, был Уицилопочтли), танцующий на его руке. Все покупатели и продавцы мгновенно подняли шум и бросились смотреть на чудо. Люди давили и давили друг друга, так что многие были убиты; и все это повторялось много раз. Наконец, в одном из таких случаев бог-чародей воскликнул: "Что это?" разве вы не видите, что мы вас одурачили? побейте нас камнями. Тогда люди взяли камни и убили упомянутого колдуна и его маленький танцующий манекен. Но когда тело колдуна некоторое время пролежало на рыночной площади, оно начало вонять и отравлять воздух, и его ветер отравил многих. Затем мертвый колдун заговорил снова, сказав: Выбросьте это тело за пределы города, потому что многие толтеки умирают из-за этого. Итак, они приготовились выбросить тело, привязали к нему веревки и потянули. Но говорливый и дурно пахнущий труп был таким тяжелым, что они не смогли его сдвинуть. Затем глашатай провозгласил: "Придите все вы, толтеки, и принесите с собой веревки, чтобы мы могли вытащить и избавиться от этой чумной туши". Все пришли соответственно, принесли веревки, и веревки были прикреплены к телу, и все тянули. Это было совершенно напрасно. Веревка за веревкой обрывались с внезапным треском, и те, кто тащил за собой веревку, падали и погибали, когда она обрывалась. Тогда мертвый волшебник поднял глаза и сказал: "О толтеки, нужен куплет песни"; и он сам дал им этот куплет. Они повторили за ним этот стих и, распевая его, потянулись все вместе, так что с криками выволокли тело из города, хотя все еще не без того, чтобы не порвалось много веревок и не погибло много людей, как и прежде. Когда все это закончилось, те толтеки, которые остались невредимыми,

вернулись каждый на свое место, ничего не помня о том, что произошло, потому что все они были как пьяные.

Другие знамения и чудеса были сотворены Тецкатлипокой в его роли колдуна. Над Туллой была отчетливо видна белая птица по имени Изтаккуикстли, пронзенная дротиком. Ночью также горела съерра под названием Сакатепек, и пламя было видно издалека. Все люди были взволнованы и напуганы, говоря друг другу: О толтеки, теперь с нами все кончено; пришло время конца Туллы; увы для нас, куда нам идти?

Затем Тецкатлипока причинил толтекам другое зло: он обрушил на них дождь камней. В то же самое время с небес упал огромный камень, называемый *техкатль*; и когда он упал, бог-колдун принял облик старой женщины и стал продавать маленькие плакаты в местечке под названием Чапультепекуитлапилко, иначе называемом Вецинко. Многие тогда обезумели, купили эти знамена и отправились к месту, где находился каменный Техкатль, и там были убиты; и не нашлось никого, кто сказал бы хотя бы: "Что это с нами происходит?" они все были сумасшедшими.

Еще одно горе, которое Тецкатлипока навлек на толтеков. Все их съестные припасы внезапно прокисли, и никто не мог их есть. Вышеупомянутая старуха поселилась тогда в месте, называемом Шочитла[VII-8], и начала жарить маис; и запах жареной маиса достиг всех окрестных городов. Умиравшие от голода люди немедленно и единодушно отправились туда, где была старуха. Они достигли ее мгновенно, ибо здесь можно еще раз сказать, что толтеки были чрезвычайно легки на подъем и всегда немедленно прибывали туда, куда хотели попасть. Что же касается толтеков, собравшихся к мнимой колдунье, то ни одному из них не удалось спастись, она убила их всех до единого.[VII-9]

ИЗОБРАЖЕНИЕ КЕЦАЛЬКОАТЛЯ.

Оставляя пока без замечаний Тецкатлипоку, о жизни которого на земле известно только из предшествующего набора легенд, обратимся к тому же периоду в истории Кецалькоатля. Город Чолула был местом, в котором этого бога почитали больше всего и к которому он, как предполагалось, был наиболее благосклонно расположен; Чолула был сильно увлечен торговлей и ремеслом, а чолуланцы считали Кецалькоатля богом торговли. Как рассказывает Акоста: "В Чолуле, которая входит в Мексиканское содружество, они поклоняются знаменитому идолу, который был богом маршандизе, и по сей день широко почитается трафике. Они называли это Кетзаалькоальтом. Этот идол находился на большом месте в очень красивом храме: на нем было золото, серебро, драгоценные камни, очень богатые перья и одеяния самых разных цветов. Оно имело форму человека, но лицо маленькой птички с красным клювом и гребнем, полным бородавок, с редкими зубами и высунутым языком. На голове у него был заостренный лист раскрашенной бумаги, ситэ в руке и множество золотых игрушек на ножках; вместе с тысячей других глупых изобретений, каждое из которых имело свое значение, и они поклонялись ему, ибо он обогащал кого хотел, таких как Мемнон и Плут. По правде говоря, это имя, которое чолуанцы дали своему богу, было очень подходящим, хотя они и не понимали его: они называли его Кецалькоальт, что означает цвет богатого пера, ибо таков признак алчности".[VII-10]

Мотилиния приводит следующий сбивчивый отчет о рождении мужчиной, жизни и апофеозе этого бога. Мексиканец Адам, которого некоторые писатели называют Истакмикскоатлем,

женился во второй раз.[VII-11] Эта вторая жена, по имени Чимаматль, родила ему, как говорят, единственного сына, которого называли Кецалькоатлем. Этот сын вырос целомудренным и воздержанным человеком. Своей проповедью и практикой он положил начало обычаю поста и самонаказания; и с того времени многие в той стране начали совершать это покаяние. Он никогда не был женат и не знал ни одной женщины, но всю свою жизнь прожил сдержанно и целомудренно. Обычай приносить в жертву уши и язык, выпуская кровь из этих членов, также был введен им; не для служения дьяволу, а в качестве покаяния за грехи своей речи и своего слуха: верно, что впоследствии демон незаконно присвоил эти обряды для своего собственного использования и поклонения. Человек по имени Чичимекатль надел кожаный ремень на руку Кецалькоатля, закрепив его высоко у плеча; с тех пор Чичимекатля называли Аколутлем, и от него, как говорят, произошли те, кто из Колхуа, предки Монтесумы и правители Мексики и Колуакана. Этот Кецалькоатль теперь почитается как божество и называется богом воздуха; повсюду ему воздвигнуто бесконечное количество храмов, и повсюду можно найти его статую или изображение.[VII-12]

Согласно рассказу Мендьеты, традиции в отношении фактов из жизни Кецалькоатля сильно различались. Некоторые говорили, что он был сыном Камаштли, бога охоты и рыбной ловли, и жены Камаштли Чималмы. Другие упоминают только имя Чималмы, говоря, что однажды, подметая пол, она нашла маленький зеленый камешек под названием чальчиуит, что она подобрала его, чудесным образом забеременела и родила упомянутого Кецалькоатля. Этому богу поклонялись как главному божеству в Чолуле, где, так же как в Тласкале и Уэхоцинго, было множество его храмов. У нас уже была одна легенда из Мендиеты,[VII-13], рассказывающая об изгнании из Туллы и смерти Кецалькоатля; следующее из того же источника дает другую и более обычную версию упомянутого изгнания:—

ОТЪЕЗД КЕЦАЛЬКОАТЛЯ.

Кецалькоатль прибыл из некоторых частей Юкатана (хотя некоторые говорили, что из Туллы) в город Чолула. Это был белый человек с дородной фигурой, широким лбом, большими глазами, длинными черными волосами и большой круглой бородой; он вел чрезвычайно целомудренную и тихую жизнь и отличался большой умеренностью во всем. У людей были по крайней мере три причины для великой любви, почтения и преданности, с которыми они относились к нему: во-первых, он обучал серебряных дел мастеру, ремеслом, которым чолуланцы очень гордились; во-вторых, он не желал жертвоприношений из крови людей или животных, но получал удовольствие только от подношений хлеба, роз и других цветов, благовоний и сладких запахов; в-третьих, он запрещал всякую войну и насилие. Эти качества ценились не только в городе, где происходили его главные труды и учения; со всей страны приезжали паломники и преданные к святилищу кроткого бога. Даже враги Чолулы приходили и уходили невредимыми, выполняя свои клятвы; а владыки дальних земель имели в Чолуле свои часовни и идолов, служивших общим объектом поклонения и почитания. И только Кецалькоатль среди всех богов был преимущественно назван Господом; в таком роде, что когда кто-либо клялся, говоря "Нашим Господом", он имел в виду Кецалькоатля и никого другого; хотя было много других высоко почитаемых богов. Ибо действительно, служение этого бога было мягким, и он не требовал суровых вещей, но света; и он учил только добродетели, питая отвращение ко всякому злу и обиде. Двадцать лет это доброе божество оставалось в Чолуле, затем он скончался той же дорогой, по которой пришел, унося с собой четырех самых знатных и добродетельных юношей этого города. Он прошел сто пятьдесят лиг, пока не вышел к морю в далекой провинции под

названием Гоацакоалько. Здесь он попрощался со своими товарищами и отправил их обратно в их город, поручив им рассказать своим согражданам, что настанет день, когда белые люди высадутся на их берегах через море, над которым восходит солнце; они будут его братьями и у них будут бороды, как у него; и что они будут править этой землей. Мексиканцы всегда ждали исполнения этого пророчества, и когда пришли испанцы, они приняли их за потомков своего кроткого пророка, хотя, как с некоторым сарказмом замечает Мендьета, когда они узнали их и испытали на себе их деяния, они думали иначе.

Далее Мендиета сообщает, что Кецалькоатль помогал в составлении и систематизации Мексиканского календаря, священной книги из тринадцати таблиц, в которой были изложены религиозные обряды и церемонии, соответствующие каждому дню, в связи с соответствующими знаками. Говорят, что боги, создав человечество, подумали, что было бы хорошо, если бы у созданных ими людей были какие-нибудь письмена, с помощью которых они могли бы направлять себя. Итак, в некоей пещере в Куэрनावаке жили два персонажа из числа богов, и это были муж и жена, он Оксомоко, а она Чипактональ; и они совещались друг с другом. Старой женщине показалось благим, что следует посоветоваться с ее потомком Кецалькоатлем. Бог Чолулана счел, что идея календаря хороша и разумна; поэтому все трое принялись за работу. Старой женщине была почтительно предоставлена привилегия выбрать и написать первый знак; она нарисовала нечто вроде водяной змеи, называемой *чипактли*, и назвала знак *Се Сипактли*, что означает "змея". Оксомоко, в свою очередь, написал "две трости", а затем Кецалькоатль написал "три дома"; и так они продолжали, пока все тринадцать знаков каждой таблицы не были выписаны в их порядке. [VII-14]

СОЛНЦЕ ПРИЗЫВАЕТ КЕЦАЛЬКОАТЛЯ.

Давайте теперь снова обратимся к повествованию о Саагуне, к тому моменту, когда Кецалькоатль, выпив зелье, приготовленное Тецкатлипокой, готовится отправиться в свое путешествие. Кецалькоатль, с тяжелым сердцем переживавший за все несчастья, которые этот бог-соперник навлекал на тольтеков, сжег свои прекрасные дома из серебра и ракушек и приказал закопать другие драгоценные вещи в горах и ущельях. Он превратил кокосовые орехи в разновидность деревьев, которые называются *мизквитль*; он приказал всем птицам с богатым оперением, кецальтототлю, сюхтотлю и тлаукечолю, улететь в Анахуак, расположенный в сотне лиг отсюда. Затем он сам отправился в путь из Туллы; он шел дальше, пока не пришел в место под названием Квоухтитлан, где росло большое дерево, высокое и очень толстое. Здесь изгнанник отдохнул, и он попросил у своих слуг зеркало и посмотрел на свое собственное лицо. Какие бы мысли ни крутились в его сердце, он только сказал: "Я уже стар". Тогда он назвал то место Вевекаухтитланом, и он набрал камней и побил камнями большое дерево; и все камни, которые он бросал, погружались в него, и долгое время было видно, как они торчат там, от земли до самых верхних ветвей. Продолжая свой путь, слушая флейтистов, игравших перед ним, он пришел к месту на дороге, где устал и присел на камень отдохнуть. И, взглянув на Туллу, он горько заплакал. Его слезы оставили следы на камне, на котором он сидел, и отпечатки его рук и спины также были найдены там, когда он продолжил свое путешествие. Он назвал это место Темакпалько. После этого он добрался до очень большой и широкой реки и приказал перекинуть через нее каменный мост; по этому мосту он пересек реку и назвал это место Тепаноайя. Продолжая свой путь, Кецалькоатль пришел в другое место, где встретились некие

колдуны и попытались остановить его, говоря: "Куда ты идешь?" почему ты покидаешь свой город? чьему попечению ты поручишь это? кто наложит епитимью? Кецалькоатль ответил упомянутым колдунам: "Вы никоим образом не можете препятствовать моему уходу, ибо я должен идти". Они спросили его дальше, куда идешь ты? Он сказал, к Тлапалле. Они продолжили, Но с какой целью идешь ты? Он сказал, я призван, и солнце зовет меня. Итак, маги сказали: "Тогда иди, но оставь позади все механические искусства, плавку серебра, обработку драгоценных камней и каменную кладку, рисование, работу с пером и другие ремесла". И всего этого колдуны лишили Кецалькоатля. Что касается его, то он бросил в фонтан все драгоценные камни, которые были у него с собой; и этот фонтан назывался Кохкаапа, и он называется так по сей день.

Кецалькоатль продолжил свой путь; и навстречу ему вышел другой колдун и спросил: "Куда ты идешь?" Кецалькоатль обратился к Тлапалле. Волшебник сказал: "Очень хорошо; но выпей это вино, которое у меня есть". Путешественник ответил: "Нет, я не могу это пить; я не могу даже попробовать это на вкус". "Ты должен выпить, - сказал мрачный волшебник, - даже если бы это была всего лишь капля; ибо никому из живых я не могу ее дать; она опьяняет всех, так что пей". Затем Кецалькоатль взял вино и выпил его через тростинку. Выпив, он опьянел; он заснул на дороге; он начал храпеть; а когда проснулся, то огляделся по сторонам и стал рвать на себе волосы руками. И это место называлось Кохтока.

Когда Кецалькоатль продолжил свой путь и прошел между вершинами вулкана и снежной сьеррой, все его слуги, будучи горбатыми и карликами, умерли от холода в проходе между упомянутыми горами. И Кецалькоатль горько оплакивал их смерть и пел с плачем и вздохами. Затем он увидел другую заснеженную сьерру, которая называется Пойаутекатль и находится недалеко от Текамачалько; и так он прошел мимо всех городов и местечек, оставив, как говорят, множество знаков на всех горах и дорогах.[VII-15] Далее говорится, что у него был способ пересекать сьерры, с помощью которого он развлекался и отдыхал одновременно: когда он поднимался на вершину горы, он обычно садился и, сидя таким образом, позволял себе соскользнуть по склону горы к подножию. В одном месте он построил площадку для игры в мяч, полностью из квадратного камня, и здесь он играл в игру под названием *тлахтли*. [VII-16] Посреди этого двора он провел линию, названную *телкотлом*; и там, где была проведена эта линия, в горе теперь образовалась глубокая рана. В другом месте он метнул дротик в большое дерево, называемое *почутл*, пронзив его насквозь дротиком таким образом, что дерево стало похоже на крест; ибо дротик, который он метнул, сам был деревом того же вида. [VII-17] Некоторые говорят, что Кецалькоатль построил некие подземные дома, называемые *миктланкалько*; и далее, что он установил и уравновесил большой камень, так что его можно было сдвинуть мизинцем, но толпа не могла его сдвинуть. Остается много других примечательных вещей, которые Кецалькоатль совершил среди многих народов; именно он дал названия всем местам, лесам и горам. Путешествуя все дальше, он пришел, наконец, к морскому берегу и там приказал сделать плот из змей, который назывался *коатлапечтли*. Сев на этот плот, как в каноэ, он вышел в море, и никто не знает, как он добрался до Тлапаллана. [VII-18]

Торквемада приводит длинный и ценный рассказ о Кецалькоатле, собранный из многих источников, который нельзя упускать из виду. Оно звучит примерно так: —Имя Кецалькоатль означает "Оперенный Змей" или "Змея, имеющая оперение" - и вид змей, упомянутый в этом названии, встречается в провинции Ксикаланко, которая находится на границе королевства

Юкатан, если ехать оттуда в Табаско. Этот бог Кецалькоатль был очень знаменит среди жителей города Чолула и почитался в этом месте как величайший из всех. Согласно достоверным источникам, он был первосвященником в городе Тулла. Оттуда он отправился в Чолулу, а не, как говорит епископ Бартоломе де лас Касас в своей *Апологии*, на Юкатан; хотя впоследствии, как мы увидим, он отправился на Юкатан. О Кецалькоатле говорят, что он был белым человеком, крупнотелым, с широкими бровями, большеглазым, с длинными черными волосами и густой округлой бородой.[\[VII-19\]](#) Он был великим мастером, и очень изобретательным. Он обучал многим механическим искусствам, особенно искусству обработки драгоценных камней, называемых халхиуитами, которые представляют собой разновидность зеленого камня, высоко ценимого, и искусству литья серебра и золота. Люди, видя его таким изобретательным, высоко ценили его и почитали как короля в этом городе; и так получилось, что, хотя в мирских делах правителем Туллы был лорд по имени Уэмак,[\[VII-20\]](#) однако во всех духовных и церковных вопросах Кецалькоатль был верховным и как бы главным понтификом.

СТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ СЛУГ КЕЦАЛЬКОАТЛЯ.

Те, кто стремится превознести своего бога, утверждают, что у него были определенные дворцы, сделанные из зеленого камня, подобного изумрудам, другие - из серебра, третьи - из раковин, красных и белых, третьи - из всех видов дерева, третьи - из бирюзы, а четвертые - из драгоценных перьев. Говорят, что он был очень богат и ни в чем не нуждался. Его вассалы были очень послушны ему и очень легки на ногу; их звали тланкуасемильуике. Когда они хотели обнародовать какой-либо приказ Кецалькоатля, они посылали глашатая на высокую гору, называемую Цацитепек, где громким голосом он провозглашал приказ; и голос этого глашатая был слышен на расстоянии сталиг и дальше, даже до берегов моря: все это подтверждается как истина. Плоды земли и деревья цвели там в необычайной степени, и сладко поющие птицы были в изобилии. Великий понтифик ввел систему покаяния, прокалывая ноги, выпуская кровь и окрашивая ею шипы магуи. Он также омылся в полночь в фонтане под названием Сюпакоя. Говорят, что из всего этого мексиканские жрецы-идолопоклонники переняли аналогичный обычай.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ ОСТАВЛЯЕТ СЛЕДЫ НА КАМНЕ.

В то время как Кецалькоатль наслаждался этой удачей с помпой и величием, нам говорят, что великий волшебник по имени Титлакауа [Тецкатлипока], еще один из богов, прибыл в Туллу. Он принял облик старика и вошел, чтобы увидеть Кецалькоатля, сказав ему: "Мой господин, поскольку я знаю твои намерения и как сильно ты желаешь отправиться в определенные отдаленные страны, а также, поскольку я знаю от твоих слуг, что ты нездоров, я принес тебе определенный напиток, выпив который, ты достигнешь своей цели. Таким образом, ты отправишься в страну, которую желаешь, имея полное здоровье для путешествия; ты совсем не будешь помнить ни об усталости и трудах жизни, ни о том, что ты смертен."[\[VII-21\]](#) Видя, что все его планы таким образом раскрыты мнимым стариком, Кецалькоатль спросил его: "Куда мне идти?" Тецкатлипока ответил, что это уже решено верховными богами, что он должен отправиться в Тлапаллу и что это неизбежно, потому что в пункте назначения его ждет другой старик. Когда Кецалькоатль услышал это, он сказал, что это правда и что он очень этого желает; и он взял сосуд и выпил содержащийся в нем напиток. Таким образом, Кецалькоатля было легко убедить в том, чего желал Тецкатлипока, потому что он хотел сделать себя бессмертным и наслаждаться вечной жизнью. Проглотив напиток, он вышел из себя и, потеряв рассудок,

заплакал печально и горько. Он решил отправиться в Тлапаллу. Он уничтожил или закопал всю свою посуду и другое имущество и отправился в путь. Сначала он прибыл в то место, Квоутитлан, где росло великое дерево и где он, позаимствовав зеркало у своих слуг, обнаружил, что "уже стар". Название этого места было изменено им на Уэуэквахтитлан, что означает "рядом со старым деревом или деревом старика"; а ствол дерева был наполнен камнями, которые он бросал в него. После этого он отправился дальше, а его соплеменники играли на флейтах и других инструментах, пока он не пришел к горе недалеко от города Тлалнепантла, в двух лигах от города Мехико, где он сел на камень и положил на него руки, оставив на нем следы, которые можно увидеть и по сей день. Истинность этого факта убедительно подтверждается жителями той местности; я сам расспрашивал их по этому поводу, и мне это подтвердили. Более того, у нас есть точные записи многих достойных авторов; и теперь местность называется Темакпалько, что означает "на ладони".

Путешествуя к побережью и в королевство Тлапалла, Кецалькоатль был встречен тремя колдунами, Тецкатлипокой и еще двумя сопровождавшими его людьми, которые уже навлекли столько разрушений на Туллу. Они пытались остановить или воспрепятствовать ему в его путешествии, спрашивая его: "Куда ты идешь?" Он ответил: к Тлапалле. "Кому, - спрашивали они, - ты поручил управлять своим королевством Тулла и кто будет там совершать покаяние?" Но он сказал, что это больше не его дело и что он должен идти своим путем. И когда его еще раз спросили о цели его путешествия, он сказал, что его призвал владыка земли, в которую он направлялся, который был солнцем.[\[VII-22\]](#) Три волшебника, видя тогда решимость Кецалькоатля, не предприняли дальнейших попыток отговорить его от его намерения, но удовлетворились тем, что забрали у него все его инструменты и механическое искусство, так что, хотя он и ушел, в этих вещах не должно было быть недостатка у государства. Именно здесь Кецалькоатль бросил в фонтан все драгоценные камни, которые он носил с собой; из-за чего фонтан с тех пор назывался Козкаапан, то есть "Вода нитей или цепочек драгоценных камней". То же самое место теперь называется Коапан, то есть "В змеиной воде", и очень правильно, потому что слово Кецалькоатль означает "пернатый змей". Таким образом, он путешествовал дальше, терпя различные домогательства от этих колдунов, своих врагов, пока не прибыл в Чолулу, где его приняли (как мы говорим в другой части),[\[VII-23\]](#) и впоследствии почитали как бога. Прожив двадцать лет в этом городе, он был изгнан Тецкатлипокой. Он отправился в королевство Тлапалла в сопровождении четырех добродетельных юношей благородного происхождения и в Гоацакоалько, провинции, удаленной от Чолулы на сто пятьдесят лиг к морю, сел на корабль, направляясь к месту назначения. Прощаясь со своими учениками, он сказал им, что в последующие времена к ним обязательно придут через море, где восходит солнце, некие белые люди с белыми бородами, подобные ему, и что они будут его братьями и будут править той землей.

После этого четверо учеников вернулись в Чолулу и рассказали все, что их учитель и бог пророчествовали, уходя. Затем чолуланцы разделили свою провинцию на четыре княжества и передали управление этим четырем, и примерно четверо их потомков всегда правили подобным образом в этих тетрархиях до прихода испанцев; будучи, однако, подчиненными центральной власти.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ ПОДМЕТАЛ ДОРОГИ.

Этот Кецалькоатль был богом воздуха, и как таковой имел свой храм круглой формы и очень величественный. Он был сделан богом воздуха за мягкость и изнеженность всех своих поступков, ему не нравились резкие и суровые меры, к которым были так сильно склонны другие боги. Далее следует сказать, что его жизнь на земле была отмечена чрезвычайно религиозными чертами; он не только был предан тщательному соблюдению всех старых традиционных форм богослужения, но и сам установил множество новых обрядов, церемоний и праздников для поклонения богам; и совершенно точно считается, что он составил календарь. У него были священники, которых звали кекецалькоа, то есть "жрецы ордена Кецалькоатля". Память о нем глубоко запечатлелась в умах людей, и говорят, что когда бесплодные женщины молились и приносили ему жертвы, им дарили детей. Он был, как мы уже говорили, богом ветров, и ему приписывалась сила заставлять их дуть, а также сила успокаивать или прекращать их ярость. Далее говорилось, что он подметал дорогу, чтобы боги по имени Тлалоки могли проливать дождь: люди воображали это, потому что обычно за месяц или больше до начала дождей по всей Новой Испании дули сильные ветры. Описывается, что Кецалькоатль при жизни носил, ради скромности, одежду, доходившую до пят, с покрывалом поверх всего, усеянным красными крестами. Чолуланцы сохранили некоторые зеленые камни, принадлежавшие ему, относясь к ним с большим почтением и почитая их как реликвии. На одном из них была вырезана голова обезьяны, очень натуральная. В городе Чолула находился посвященный ему большой и величественный храм со множеством ступеней, но каждая ступенька была такой узкой, что на ней не хватало места для ноги. У его изображения было очень уродливое лицо с большой головой, заросшей густой бородой. Оно не стояло на ногах, а лежало и было накрыто одеялами. Говорят, это было сделано в память о том, что однажды он вернется к царствованию. В знак почтения к его великому величеству его изображение держали закрытым, а в знак его отсутствия его держали лежащим, как того, кто спит, как того, кто ложится спать. Пробудившись от этого сна, он должен был восстать и царствовать. Жители Юкатана также почитали этого бога Кецалькоатля, называя его Кукульканом и говоря, что он пришел к ним с запада, то есть из Новой Испании, поскольку Юкатан находится к востоку от нее. Говорят, что от него произошли короли Юкатана, которые называют себя Кокомами, то есть "судьями или слушателями".[VII-24]

КЛАВИДЖЕРО О КЕЦАЛЬКОАТЛЕ.

Отчет Клавиджеро характерно ясен и понятен. Его можно резюмировать следующим образом:—

Среди мексиканцев и других народов Анахуака Кецалькоатль считался богом воздуха. Говорят, что когда-то он был верховным жрецом Туллы. Его описывают как белого — крупного мужчину с широкими бровями и большими глазами, длинными черными волосами и густой бородой. Его жизнь была строго умеренной и образцовой, а его промышленностью руководила глубочайшая мудрость. Он накопил огромное сокровище, и именно ему принадлежало изобретение огранки драгоценных камней и литья металла. В его время все процветало. Одного початка кукурузы хватало на человека, а тогдашние тыквы были высотой с человеческий рост. Тогда никто не красил хлопок, потому что он был всех цветов; и все остальное подобным образом было совершенным и в изобилии. Даже птицы на деревьях пели такие песни, каких с тех пор никто не слышал, и сверкали на солнце такой изумительной красотой, с какой не могло соперничать ни одно оперение более поздних времен. Кецалькоатль провозгласил свои законы с вершины холма Цацитепек (гора крика), недалеко от Туллы, глашатаем, голос которого был слышен за триста миль.

Однако всему этому, по мнению Туллы, был положен конец Тецкатлипокой, который, движимый, возможно, ревностью, решил убрать Кецалькоатля. Итак, бог явился великому учителю в облике старика, сказав ему, что такова воля богов, чтобы он отправился в Тлапаллу, и в то же время дав зелье, действие которого заключалось в том, чтобы вызвать сильную тоску по упомянутому путешествию. Кецалькоатль отправился в путь и, совершив по пути множество чудес, прибыл в Чолулу. Здесь жители не позволили ему идти дальше, но убедили его принять управление их городом; и он остался с ними, обучая многим полезным искусствам, обычаям и церемониям и проповедуя против войны и всех других форм жестокости. По некоторым данным, он в это время упорядочивал разделение времен года и календарь.

Прожив двадцать лет в Чолуле, он уехал, все еще движимый едва уловимым сквозняком, искать этот воображаемый город Тлапаллу. Люди больше не видели его, одни говорили одно, другие другое; но, как бы он ни исчез, он был прославлен тольтеками Чолулы, которые воздвигли ему огромный курган и построили на нем святилище. Аналогичное сооружение было возведено в его честь в Тулле. Из Чолулы его почитание как бога воздуха распространилось по всей стране; на Юкатане знать утверждала, что происходит от него.[\[VII-25\]](#)

БРАССЕР О КЕЦАЛЬКОАТЛЕ.

Идеи Брассера относительно Кецалькоатля уходят своими корнями в самое первое появление мексиканской религии или религии или религий, которые ей предшествовали, и должны быть прослежены до них; так что, чтобы прийти к этим идеям, я должен кратко изложить всю теорию аббата о происхождении этого вероучения. Он верит, что в бурлении и грохоте вулканов представление о божественности и сверхъестественных силах впервые возникло в сознании предков мексиканцев. Впоследствии вулканы были отождествлены со звездами, и самый потрясающий из всех, Нанауатль или Нанахуацин,[\[VII-26\]](#) удостоился почестей апофеоза на солнце. Происходящий с земли Полумесяца (затонувший остров или континент Брассера в Атлантике),[\[VII-27\]](#), олицетворенный в античном Кецалькоатле, прототипе жрецов и жреческого воздержания, он, таким образом, является его сыном и отождествляет себя с ним; он (божество, "Великий Кто-То" Тайлора) является образцом мудрецов под именем Хьюман и прототипом королей под именем Топильцин. Странно обнаружить, что в одном существе объединены такие разные личности! Король, философ, священник по преимуществу, чьи добродетели служат правилом для всех жрецов языческой древности, и, наряду со всем этим, невоздержанность и страсть обожествлялись в этом больном, чье даже имя "сифилитик" является выражением жестокого обращения, которому он подвергал пол.

В начале возникновения религии, по-видимому, возникли две секты или, скорее, два способа оценки одних и тех же событий. Сначала была борьба, а затем разделение; под знаменами Кецалькоатля и Тецкатлипоки соперничающие школы сражались по большей части — конечно, были различные мелкие фракции; но вышеупомянутые были главными и наиболее важными. Есть все основания полагать, что религия, взявшая Кецалькоатля в качестве символа, была всего лишь преобразованием другой, более древней, целью которой была луна. Я верю, что это луна, мужская и женская, *Луна Лунус*, олицетворенная в земле Полумесяца, погруженной в бездну (всегда говорит аббат). Я вижу, как зарождается смесь всевозможных обрядов и символов, религия наслаждений и материальных удовольствий, рожденная распушенностью мужчин и женщин, нашедших убежище на малых Антильских островах после катаклизма.

Религия, взявшая за отправную точку луну и в которой женщины, по-видимому, играли главную роль в качестве жриц, формально атаквала этим самым фактом более древнюю религию, религию до потопа, которая, по-видимому, была сабаизмом, полностью свободным от идолопоклонства, и в которой солнцу уделялось главное внимание. В новой религии, напротив, подлинным объектом поклонения была не луна как звезда, а лунная страна (lune-terre), область Полумесяца, окутанная волнами, о смерти которой оплакивали и чье воскресение впоследствии праздновали появлением островов - убежища потерпевших кораблекрушение в результате великой катастрофы — Малых Антильских островов; из числа семи главных островов, воспетых во всех американских легендах как Семь гротов, колыбель народов.

Это миф о Кецалькоатле, который умирает или исчезает, и чья личность представлена вначале на островах, затем последовательно во всех странах, куда была принесена цивилизация, флагом которой он был. Насколько я могу судить в настоящее время, священник, назвавшийся эгисом этого великого имени, трудился исключительно над реформированием того, что было отвратительного и варварского в культе, которым женщины руководили главным образом и при режиме которого человеческая кровь лилась волнами. После триумфа Кецалькоатля люди, носившие его имя, взяли на себя руководство религией и обществом, которые затем добились значительного прогресса в их руках.

Но если верить тем же традициям, их господство длилось не очень долго. Самые беспокойные и дерзкие среди сторонников древнего порядка вещей подняли знамя восстания: они стали вождями воинственной фракции, соперничающей со жреческой — фракции завоевателей, источником истинных королевских династий и религии солнца, живого и победоносного, в противовес богу, погребенному в бездне. Кецалькоатль, побежденный Тецкатлипокой, затем отступил перед слишком могущественным врагом, и толтеки были рассеяны среди всех народов. Те из них, кто остался, объединились с победителями, и из согласия вышеупомянутых трех культов возникла та чудовищная смесь стольких различных идей и символов, какую можно найти сегодня в том, что осталось от мексиканской религии.

Что касается меня (и всегда говорит аббат), я полагаю, что вижу истоки борьбы не только в разнообразии рас, но главным образом в существовании двух течений противоположных идей, имевших одну и ту же отправную точку в событиях великого катаклизма в Стране Полумесяца, о которых говорилось выше. Различные подходы к этим событиям и увековечиванию их памяти, как мне кажется, с самого начала обозначили отправную точку двух религий, которые, возможно, веками жили бок о бок без взрывов своих разногласий, если не считать незначительных волнений. Прежде чем эти две религии могли принять по отношению друг к другу масштабы раскола или ереси, было необходимо, чтобы все материалы, из которых состоят эти религии, успели развиться сами по себе, и чтобы иероглифы, обозначающие их происхождение, стали достаточно неясными для духовенства, чтобы помешать простолюдinам понять их. Ибо, если раскол привел к борьбе между семьями и последующему насильственному разделению, это разделение не могло произойти до тех пор, пока не завершится полное создание мифов, полное построение этих божественных генеалогий, этих поэтических традиций, которые можно найти рассеянными среди всех народов земли, но полного единства которых не существует, за исключением истории и религии Мексики.[VII-28]

МНОГИЕ ПЕРСОНАЖИ КЕЦАЛЬКОАТЛЯ.

Две категории богов — одна категория, упавшая с небес в бездну, став там судьями мертвых и олицетворяясь в одном из них, который снова ожил, символизируя таким образом жизнь и смерть, — другая категория, пережившая катаклизм и символизирующая, таким образом, нетленную жизнь, — таков по своему происхождению двойной характер мифа о Кецалькоатле. Но, в действительности, этот бог - это земля, он - область, поглощенная водами, он - побежденный, задыхающийся под тяжестью своего противника, под силой победоносной волны; этот противник, эта сила, противостоящая первой, соединяющаяся с огнем на пылающей куче Нанауатля, - это Тецкатлипока, это Геркулес, победитель врагов, это бог, борьба которого вечна, как борьба океана, бьющегося о берег, это тот, в ком впоследствии олицетворяется свет и кто становится, таким образом, битвой. -флаг противников Кецалькоатля. Мертвому богу необходима жертва, которая, подобно ему, нисходит в бездну. Этой жертвой была молодая девушка, выбранная среди тех, кого освящали у подножия пирамиды, и утопленная; обычай, издавна существовавший как в Египте, так и в Чичен-Ице,[VII-29] и во многих других странах мира. Но богу, который снова ожил, богу, в котором был олицетворен огонь и бессмертная жизнь, Кецалькоатлю, когда он стал Уицилопочтли, приносились жертвы, вырывая сердце — символ струи пламени, вырывающейся из вулкана, — чтобы предложить его побеждающему солнцу, символу Тецкатлипоки, который первым потребовал холокоста из человеческой крови.[VII-30]

Мистер Тайлор заявляет, что Кецалькоатль был Солнцем: "Мы можем даже обнаружить, что его имя отождествляется с Солнцем, и его история, возможно, представляет собой более компактную и совершенную серию солнечных мифов, чем имя какого-либо отдельного персонажа в нашей собственной арийской мифологии. Его мать, Рассвет или Ночь, рождает его и умирает. Его отец Камаштли - солнце, и в Мексике ему поклонялись с помощью солнечных обрядов, но он - старое Солнце вчерашнего дня. Облака, олицетворяемые в мифической расе мишкохуа, или "Облачных Змеех" (нибелунги западного полушария), дают старое Солнце, душат его и хоронят в своей горе. Но молодой Кецалькоатль, Солнце наших дней, врывается в самую гущу их снизу, и некоторых он убивает при первом натиске, а некоторых оставляет умирать с красными ранами. У нас есть Солнечная лодка Гелиоса, египетского Ра, полинезийского Мауи. Кецалькоатля, чья блестящая карьера подходит к концу, преследует в далеких землях его родственник Тецкатлипока, юное Солнце завтрашнего дня. Он также хорошо известен как Бог Солнца в мексиканской теологии. Чудесным образом вписываясь во все это, один случай за другим в жизни Кецалькоатля становятся на свои места. За ним ухаживают хранители священного огня, его погребальный костер находится на вершине Орисабы, он помощник путешественников, составитель календаря, источник астрологии, начинающий историю, приносящий богатство и счастье. Он покровитель ремесленников, которых он вдохновляет на свой труд; как написано в древнем санскритском гимне, "Он выходит вперед, великолепии неба, широко видящий, нацеленный далеко, сияющий странник; несомненно, оживленные солнцем, люди идут к своим задачам и выполняют свою работу". Даже его народ, тольтеки, черпают в нем солнечные качества. Возможно ли вообще предоставить этой знаменитой расе, в истории которой легенда о Кецалькоатле является ведущим эпизодом, нечто большее, чем мифическое существование?"[VII-31]

БРИНТОН О КЕЦАЛЬКОАТЛЕ.

Доктор Бринтон придерживается мнения, "что на самом деле было много Кецалькоатлей, поскольку его верховный жрец всегда носил его имя, но сам он - чистое создание фантазии, и вся его предполагаемая история - не что иное, как миф. Я уже объяснял его символическое имя - Птица-Змей, а также его ребус и крест в Паленке. Другими его титулами были: Эхекатль, воздух; Йолкуат, гремучая змея; Тохил, грохочущий; Уэмак, сильная рука; Нанихехекатль, повелитель четырех ветров. В нем вновь проявляется тот же дуализм, который был отмечен в его аналогах в других местах. Он одновременно повелитель восточного света и ветра.

Как и первый, он родился от девственницы в земле Тула, или Тлапаллан, на далеком Востоке, и был верховным жрецом этого счастливого царства. Утренняя звезда была его символом, и храм Чолулы был посвящен именно ему как создателю света. Поскольку мы измеряем время днями, он был предполагаемым изобретателем календаря. Как и все герои рассвета, он тоже был представлен с белым цветом лица, одетым в длинные белые одежды и, как большинство ацтекских богов, с густой ниспадающей бородой. Когда его земная работа была завершена, он тоже вернулся на восток, объяснив это тем, что солнце, правитель Тлапаллана, потребовало его присутствия. Но истинным мотивом было то, что он был побежден Тецкатлипокой, иначе называемым Йоалли Гекатль, ветром или духом ночи, который спустился с небес по паутине и подарил своему сопернику зелье, якобы дарующее бессмертие, но на самом деле вызывающее неконтролируемую тоску по дому. Ибо и ветер, и свет уходят, когда надвигаются сумерки, или когда облака расстилают свою темную паутину по горам и проливают живительный дождь на поля.

В другом своем персонаже он был порожден дыханием Тонакатеотля, бога нашей плоти или средств существования, или (согласно Гомаре) был сыном Истака Мишкоатля, белого облачного змея, духа торнадо. Посланник Тлалока, бога дождя, он, образно говоря, подметал для него дорогу, поскольку в этой стране сильные ветры являются предвестниками сезонов дождей. Куда бы он ни шел, всевозможные певчие птицы составляли ему компанию, символизируя свистящий бриз. Когда он, наконец, исчез на дальнем востоке, он отправил обратно четырех надежных юношей, которые когда-либо разделяли его судьбу, "несравненно быстрых и легких на ногу", с приказом разделить землю между ними и править ею до тех пор, пока он не вернется и не восстановит свою власть. Когда он обнародовал свои указы, его глашатай провозглашал их с Цацитепека, холма восклицания, таким могучим голосом, что его было слышно на сто лиг вокруг. Стрелы, которые он пускал, пронзали огромные деревья, камни, которые он бросал, сровняли леса с землей, и когда он касался руками камней, отметина была неизгладимой. И все же, будучи таким символом грозы, он в полной мере обладал ее лучшими качествами. Потрясая своими сандалиями, он даровал людям огонь; и мир, изобилие и богатство благословили его подданных. Традиция гласит, что он построил множество храмов Миктлантекутли, ацтекскому Плутону, а при сотворении солнца он убил всех остальных богов, ибо наступающий рассвет рассеивает призрачные очертания ночи, и все же вся его животворящая сила приводит лишь к увеличению числа обреченных пасть от безжалостного удара смерти.

Его символами были птица, змея, крест и кремень, символизирующие облака, молнию, четыре ветра и удар грома. Возможно, как Уэмак, Сильная Рука, он был богом землетрясений. Сапотеки поклонялись такому божеству под изображением этого числа, вырезанного из драгоценного камня, вызывающего в памяти "Каб ул", Рабочую руку, обожаемую майя и, как говорят, являющуюся одним из изображений Замны, их бога-героя. Человеческая рука, "этот

божественный инструмент", как ее называли, вполне может рассматриваться рефлексивным умом как учитель искусств и амулет, магическая сила которого принесла человеку преимущество, которого он добился в своей долгой борьбе с природой и себе подобными".[VII-32]

АНАЛОГИ КЕЦАЛЬКОАТЛЯ.

Мистер Хелпс видит в Кецалькоатле самые близкие аналогии с некоторыми другими великими цивилизаторами и учителями, которые появились в различных частях американского континента: "Одно необычное обстоятельство, как отмечает Гумбольдт, заслуживает особого внимания в древних записях и традициях индейских народов. Не менее чем в трех замечательных случаях высокоразвитая цивилизация объяснялась внезапным появлением среди них людей, отличающихся от них внешне и происхождением.

Бохика, белый человек с бородой, явился индейцам моска на равнинах Боготы, научил их строить и сеять, сформировал из них общины, дал выход водам великого озера и, установив гражданское и церковное управление, удалился в монашество покаяния на две тысячи лет.

Подобным образом Манко Капак в сопровождении своей сестры Мамы Оэлло спустился к перуанцам, дал им свод замечательных законов, объединил их в сообщества, а затем вознесся к своему отцу, Солнцу.

Среди мексиканцев внезапно появился Кецалькоатль (змея с зелеными перьями), белый бородатый мужчина с широким лбом, одетый в странную одежду; законодатель, который рекомендовал суровые покаяния, терзая собственное тело колючками агавы и кактуса, но который отговаривал своих последователей от человеческих жертвоприношений. Пока он оставался в Анахуаке, это было правление Сатурна; но этот великий законодатель, перебравшись наравнины Чолулы и мудро правя чолулянами, уехал в далекую страну, и о нем больше никогда не слышали. О нем кратко сказано, что "он предписывал приносить в жертву цветы и фрукты и затыкал уши, когда с ним заговаривали о войне".[VII-33]

Аббат Доменек считает предание о жизнях Кецалькоатля и Тецкатлипоки простой и слегка завуалированной историей, а также о том, что Кецалькоатлей было несколько. При чтении версии аббата по этому поводу следует помнить, что названия мест, народов и даты, которые он приводит, по большей части являются мифическими и гипотетическими: "После предоставления избирательных прав ольмекам в страну прибыл человек по имени Кецалькоатль, которого Гарсия, Торквемада, Саагун и другие испанские писатели приняли за Святого Фому. Также в это время закончилась третья эпоха и началась четвертая, названная Солнцем огня, потому что предполагалось, что именно на этой последней стадии мир будет уничтожен огнем.

Именно к этому четвертому периоду мексиканский историк относит прибытие толтеков в Новую Испанию, то есть примерно в третьем веке до нашей эры. Согласно традициям племени киче, первобытная часть нахоа, или предков толтеков, находилась на далеком Востоке, за бескрайними морями и землями. Среди семей и племен, которые с наименьшим терпением переносили этот длительный покой и неподвижность, можно назвать семьи Кануб и Тлокаб, поскольку они были первыми, кто решил покинуть свою страну. Нахоа приплыли на семи барках или кораблях, которые Саагун называет Чикомозток, или семь гротов. Заслуживает внимания тот факт, что во все века число семь было священным числом среди американского народа, от

одного полюса до другого. Эти чужеземцы высадились в Пануко, недалеко от Тампико; с согласия вотанитов они обосновались в Паксиле, и их государство получило название Уэхуэ-Тлопаллан. Не указано, откуда они пришли, но просто сказано, что они пришли из тех областей, где восходит солнце. Верховное командование находилось в руках вождя, которого история называет Кецалькоатлем, то есть Господином по преимуществу. На его попечение была доверена священная оболочка, скрывавшая божественность от человеческого взора, и он один получал от нее необходимые инструкции, чтобы направлять продвижение своего народа. Такого рода божества, окутанные таким образом, считались надежными талисманами, и на них смотрели с величайшим уважением. Обычно они состояли из куска дерева, в который вставлялся маленький идол из зеленого камня; его покрывали шкурой змеи или тигра, после чего его сворачивали в многочисленные маленькие ленты из материи, в которые он оставался завернутым на протяжении веков. Возможно, таково происхождение аптек, которыми даже в наши дни пользуются индейцы Великой пустыни и о которых мы поговорим во втором томе этого труда".

О, по-видимому, другом Кецалькоатле он пишет: "Толтеки достигли наивысшего расцвета при правлении Кеокатля Кецалькоатля, принца Кулхуакана, который проповедовал новую религию, санкционирующую исповедь через ушную раковину и безбрачие священников. Он запретил все виды войн и человеческие жертвоприношения. Тецкатлипока встал во главе партии недовольных и осадил Толлан, резиденцию Кеокатля Кецалькоатля; но последний отказался защищаться, чтобы избежать пролития крови, что было запрещено законами религии, которую он сам установил, и удалился в Чолулу, построенную его последователями. Оттуда он отправился на Юкатан. Тецкатлипока, его удачливый соперник, после долгого правления, в свою очередь, стал жертвой народного недовольства и пал в битве, которую устроили ему родственники Кеокатля Кецалькоатля. Эти два короля возведены в ранг богов, и поклонение им было постоянным предметом разногласий и гражданской войны во всем Анахуаке вплоть до прибытия испанцев в Новый Свет".[VII-34]

КОДЕКСЫ О КЕЦАЛЬКОАТЛЕ.

Толкователи различных кодексов или мексиканских картин, представленных в великом труде Кингсборо, дают, как они обычно делают во всех вопросах, путаный, несовершенный и часто ошибочный отчет о Кецалькоатле: "Кецалькоатль — это тот, кто был рожден от девы, по имени Чальчихуицтли, что означает драгоценный камень покаяния или жертвоприношения. Он был спасен во время всемирного потопы и родился в Живенарицкатле, где и проживает. Его пост был своего рода подготовкой к наступлению конца света, который, по их словам, должен был произойти в день Четырех Землетрясений, так что они, таким образом, ежедневно ожидали этого события. Кецалькоатль был тем, кто, как они говорят, создал мир, и они даровали ему прозвище повелителя ветра, потому что они сказали, что Тонакатекотли, когда ему показалось, что это хорошо, вдохнул и породил Кецалькоатля. Они воздвигли ему круглые храмы без каких-либо углов. Они сказали, что именно он (который также был повелителем тринадцати знаков, которые здесь представлены) сформировал первого человека. Он один имел человеческое тело, подобное человеческому, остальные боги были бестелесной природы".[VII-35]

"Они заявляют, что их верховное божество, или, точнее говоря, демон Тонакатекотль, которого мы только что упомянули, которого по другому имени звали Читинатонали, ... зачал Кецалькоатля не от связи с женщиной, а только от его дыхания, как мы наблюдали выше, когда

он отправил своего посла, как они говорят, к деде Туллы. Они верили, что он бог воздуха, и он был первым, кому они построили храмы и церквушки, которые они сформировали идеально круглыми, без каких-либо углов. Они говорят, что именно он осуществил преобразование мира посредством покаяния, как мы уже говорили; поскольку, согласно их рассказу, его отец сотворил мир, а люди предались пороку, из-за чего он так часто разрушался. Читинатонали послал этого своего сына в мир, чтобы изменить его. Мы, конечно, должны сожалеть о слепоте этих несчастных людей, на которых, по словам Святого Павла, должен быть явлен гнев Божий, поскольку его вечная истина так долго скрывалась из-за несправедливости приписывания этому демону того, что принадлежало Ему; ибо Он, будучи единственным творцом вселенной, и Тот, Кто сотворил разделение вод, которое эти бедные люди только что приписали дьяволу, когда Ему Это показалось благим, отправил небесного посланника объявить Пресвятой Деве, что она должна быть матерью его вечного слова; который, обнаружив, что мир развращен, преобразовал его. совершив покаяние и умерев на кресте за наши грехи, а не несчастный Кецалькоатль, которому эти несчастные люди приписывали эту работу. Они присвоили ему власть над остальными тринадцатью знаками, которые здесь представлены, точно так же, как они присвоили предыдущие тринадцать его отцу. Они отпраздновали великий праздник по прибытии его знамения, как мы увидим в знамении Четырех землетрясений, которое здесь является четвертым по порядку, потому что они боялись, что мир будет разрушен в этом знамении, как он предсказал им, когда исчез в Красном море; это событие произошло в тот же самый знак. Поскольку они считали его своим защитником, они устроили торжественный праздник и постились во время четырех знамений".[VII-36]

MÜLLER ON QUETZALCOATL.

Й. Г. Мюллер считает Кецалькоатля представительным национальным богом тольтеков, выжившим при многих неправильных представлениях и среди многих несоответствий — унаследованным или принятым в более позднюю мексиканскую религию. Ученый профессор посвятил необычайно много внимания и исследований интерпретации мифов о Кецалькоатле; и поскольку ни один другой исследователь не продемонстрировал в них одновременно столь точное и обширное знакомство с предметом и столь спокойное и рассудительное суждение, мы приводим его мнение подробно, а сначала его краткое изложение басенной истории Кецалькоатля:

Тольтеки, традиционный доисторический народ, покинув свой первоначальный северный дом Уэуэтлапаллан (то есть Старую красную землю), выбрали Туллу, к северу от Анахуака, в качестве первой столицы своего недавно основанного королевства. Кецалькоатль был их верховным жрецом и религиозным руководителем в этом месте. Уэмак, или Уэматзин, руководил гражданским правительством в качестве спутника Кецалькоатля и написал кодекс нации. Говорят, что Кецалькоатль был белым человеком (некоторые придавали ему ярко-красное лицо), с крепким телосложением, широким лбом, большими глазами, черными волосами и густой бородой. Он всегда носил длинную белую мантию, которая, по словам Гомары, была украшена крестами; на голове у него была митра, а в руке - серп. На вулкане Котчитепек, или Цацитепек, недалеко от Туллы, он долго и многочисленно совершал покаяния, подавая тем самым пример своим священникам и преемникам. Название этого вулкана означает "гора вопля"; и когда Кецалькоатль издавал законы, он послал на его вершину глашатая, чей голос был слышен за триста миль. Он сделал то, что основатели религий и культов делали в других странах: он научил людей сельскому хозяйству, металлургии, камнерезному делу и искусству управления. Он также

составил календарь и обучал своих подданных соответствующим религиозным церемониям, особенно выступая против человеческих жертвоприношений и приказывая приносить в жертву только фрукты и цветы. Он не хотел иметь никакого отношения к войнам, даже затыкал уши, когда упоминалась эта тема. Это был поистине золотой век, как во времена Сатурна; животные и даже люди жили в мире, почва давала богатейшие урожаи без обработки, а зерна вырастали такими крупными, что человеку было достаточно трудно снести один колос; хлопок не красили, так как он был всех цветов, и в изобилии росли плоды всех видов. Все были богаты, и Кецалькоатль владел целыми дворцами из золота, серебра и драгоценных камней. Воздух был наполнен самыми приятными ароматами, а множество птиц с прекрасными перьями наполняли мир мелодиями.

Но этому земному счастью пришел конец. Тецкатлипока восстал против Кецалькоатля и Уэмака, чтобы разделить их и уничтожить их правительство. Он спустился с неба на веревке из паутины и начал добиваться своей цели с помощью магических искусств. Сначала он появился в образе красивого юноши (и в одежде купца), одетого как торговец стручками перца, и предстал перед дочерью короля Уэмака. Вскоре он соблазнил принцессу и тем самым открыл дорогу всеобщей безнравственности и полному краху законов. Он предстал перед Кецалькоатлем в образе старика, намереваясь побудить его удалиться в свой дом в Тлапалле. С этой целью он предложил ему напиток, который, как он утверждал, дарует ему бессмертие. Не успел Кецалькоатль выпить, как его охватило неистовое желание увидеть свою родину. Он разрушил дворцы из золота, серебра и драгоценных камней, превратил фруктовые деревья в засохшие стволы и приказал всем певчим птицам покинуть страну и сопровождать его. Так он удалился, и птицы развлекали его во время путешествия своими песнями.

ПУТЕШЕСТВИЯ КЕЦАЛЬКОАТЛЯ.

Сначала он отправился на юг и прибыл в Куаутитлан, в Анахуак. В окрестностях этого города он сломал дерево, бросая камни, которые остались в стволе. Южнее, в той же долине, близ Тлалнепантлы, или Танепантлы, он вдавил руку и ногу в камень с такой силой, что отпечаток сохранился до последних столетий, точно так же, как след от подков лошадей Кастора и Поллукса близ Региллума. Испанцы были склонны приписывать эти и подобные им причуды природы апостолу Фоме.

Теперь Кецалькоатль повернул на восток и прибыл в Чолулу, где ему пришлось остаться на более длительный период, поскольку жители доверили ему управление своим государством. Здесь был восстановлен тот же порядок вещей, который имел место в Тулле, его первой резиденции. Из этого центра его власть распространилась повсюду; он посылал колонистов из Чолулы в Уаксаякак, Табаско и Кампече, и знать Юкатана гордилась своим происхождением от него; в наше время были найдены люди, носящие его имя, точно так же, как потомки Вотана носили имя Вотан в Чьяпасе. В самой Чолуле ему поклонялись, и храмы повсюду возводились в его честь, даже врагами чолуланов. Прожив двадцать лет в Чолуле, он продолжил свое путешествие в сторону Тлальпаллы, пока не достиг реки и провинции Коацакоалько, или Гоасакоалько, Гуасакуалько, то есть змеиного укромного уголка, к югу от Вера-Крус. Теперь он отослал четырех юношей, сопровождавших его из Чолулы, обратно к чолулянам, пообещав вернуться позже и восстановить старое правительство. Чолуланцы поставили четырех юношей во главе своего правительства из любви к нему. Эта надежда на его возвращение все еще существовала среди мексиканских народов на момент прибытия Кортеса. Фактически, сначала

Кортеса считали вернувшимся Кецалькоатлем, и ему был принесен в жертву человек, кровью которого были отмечены победитель и его спутники. Отца Саагуна также все спрашивали во время его путешествия в Мексику, родом ли он и его свита из Тлапаллы. Согласно рассказу Монтесумы Кортесу, Кецалькоатль действительно однажды вернулся в Чолулу, но через такой промежуток времени, что обнаружил, что его подданные женаты на местных женщинах, рожают детей и их так много, что пришлось основать ряд новых округов. Эта новая раса не признала своего старого вождя и отказалась повиноваться ему. После этого он в гневе удалился, угрожая вернуться в другое время и подчинить их силой. Неудивительно, что ожидание, которое было надеждой для чолуланов, должно было привести в ужас Монтесуму и его подданных.

Согласно некоторым источникам, Кецалькоатль умер в Укромном уголке змей, в стране Гоацакоалько; согласно другим, он внезапно исчез на востоке, и корабль, состоящий из переплетенных змей, доставил его в Тлапаллу.

Более пристальный взгляд и критика этой истории в свете аналогии с мифологическими законами показывают нам, что Кецалькоатль является эвгемеризованным религиозным идеалом толтекских народов. Сходство этой истории с рассказами Манко Капака, Ботчика, Сатурна и других сразу бросается в глаза. Мнение Прескотта, Вуттке и многих других, которые считали его обожествленным человеком, основателем религии и цивилизации, подтверждается последней версией басни, в которой Кецалькоатль представлен в этом образе. Хотя эвгемеризм — старая идея для всех людей, в том числе и для американцев — персонификация является первым шагом к нему - общие доводы, которые повсюду звучат против существования таких основателей цивилизации, также должны быть приведены, чтобы говорить против идеи Кецалькоатля.

Если особое значение придается белому лицу и бороде, следует помнить, что борода, которую носят мексиканские священники, не могла быть опущена при упоминании Кецалькоатля; и упоминание одними о том, что у него было белое лицо, а другими - красное, может вызвать подозрение, что Кецалькоатль был представлен как белый человек из-за его белой одежды.

Басня о Кецалькоатле содержит противоречия, более молодые элементы которых являются чистым идеализмом более древних. Например, утверждение о том, что земля произвела все спонтанно, без человеческого труда, не согласуется со старой версией мифа, согласно которой Кецалькоатль научил земледелию и другим отраслям промышленности, требующим приложения сил и упорного труда. Сентиментальная любовь к миру также приписывалась этому богу в более поздние времена, когда тольтеки утратили воинственный дух своих победоносных предков и когда чолуланы, склонные к изнеженности, отличались скорее хитростью, чем храбростью. Лицо бога представлено в басне как более красивое и притягательное, чем оно изображено на изображениях. В том месте, где ему больше всего поклонялись, в Чолуле, статуя Кецалькоатля стояла в его храме, на вершине великой пирамиды. Черты его лица были мрачными и отличались от того прекрасного лица, которое, как говорят, было у него на земле.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ И ТОЛТЕКИ.

В этих моментах басня демонстрирует свои более поздние идеализированные элементы. Во всех других отношениях толтекские особенности всего народа либо ясно и достоверно изображены в их герое, как в персонифицированном идеале, либо узнаваемы изначальные атрибуты божества природы. Там, где были толтеки, был и он, или герой, идентичный ему;

толтеки, которые путешествовали на юг, были посланными им колонистами; столицы толтеков, Тулла и Чолула, были его резиденциями; и по мере того, как законы толтеков распространялись повсюду, голос его глашатая достигал трехсот миль вглубь страны. Искусство и благосостояние толтеков, их богатство и религиозные чувства, даже их позднее не воинственное миролюбие - все эти атрибуты перешли к Кецалькоатлю. Длинная мантия толтеков также была одеждой их героя; галстук мальчиков из его религиозного ордена прикреплен к его изображению; и, поскольку его священники носили митру, он также изображен с ней. Прежде всего, он изображен как оригинальная модель толтекских жрецов, тламаказке (орден назывался Тламаказкойотль), чей глава, или настоятель, всегда носил имя Кецалькоатль. Поскольку эти его ордена должны были подчиняться строжайшим обрядам — их члены должны были отрезать язык, уши и губы в честь Кецалькоатля, а маленьких мальчиков отделяли для него, делая надрезы у них на груди, — поэтому он раньше всех остальных подчинился этим покаяниям на горе Цацитипек. Эти самоназначенные наказания не следует называть епитимьями, как это часто делается, поскольку они не имеют морального значения, такого как покаяние за совершенные грехи, и не имеют мистического значения восточноиндийской идеи конца света (Weltabsterben) и возвращения к пантеистическому хаосу (Urall и Urnichts); все это чуждо американской религии. Напротив, это кровавые жертвоприношения, заменяющие человеческие жертвоприношения на заднем плане, предназначенные для получения земных благословений и предотвращения земных несчастий. Как Кецалькоатль проповедовал против человеческих жертвоприношений, так и его жрецы, находившиеся под властью ацтеков, очень неохотно совершали их. После великой резни, устроенной Кортесом в Чолуле, Монтесума отправился в великий храм Уицилопочтли, принес множество человеческих жертвоприношений и задал вопрос богу, который призвал его быть добросердечным и заверил его, что чолуланцы так ужасно пострадали только из-за своего нежелания приносить в жертву людей.

Поскольку исчезновение толтеков на юг и юго-восток согласуется с исчезновением Кецалькоатля, мы обнаруживаем, что многие черты конца "последнего короля толтеков" воспроизведены в конце "Героя толтеков". После поражения короля Тлолпинцина он (Тлолпинцин) бежал на юг, в сторону Тлапаллы. Он использовал эти слова в своем последнем прощании со своими друзьями: Я удалился на восток, но вернусь через 5012 лет, чтобы отомстить за себя потомкам моих врагов. Прожив тридцать лет в Тлапалле, он умер. Впоследствии его законы были приняты Незалхуалькойоцином. Вера в то, что Тлолпинцин остался с Незалхуалькойоцином и некоторыми другими храбрыми царями в пещере Ксико после смерти, подобно трем легендам Швейцарии, но когда-нибудь выйдет и освободит свой народ, была давно распространена среди индейцев. Каждый заметит, насколько хорошо это согласуется с рассказом Монтесумы о возвращении Кецалькоатля.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ - БОЖЕСТВО ПРИРОДЫ.

Однако Кецалькоатль не может быть представителем и национальным богом толтеков, не имея изначальной природной основы для своего существования как бога. У дикарей с их национальным богом везде так: последний является божеством природы, которое постепенно превращается в национального бога, затем в национального царя, верховного жреца, основателя религии и, наконец, заканчивается тем, что его начинают считать человеком. Чем древнее и чище цивилизация народа, тем легче распознать изначальную сущность его национального бога, несмотря на все трансформации и маскировки. Так и здесь. За

человеческим обликом бога проглядывает облик природы, и национальный бог известен, пожалуй, всем его почитателям как божество природы. Из-за его мощного влияния на природу его также можно считать творцом.

Чистый человеческий облик этого бога, каким он предстает в басне, а также в изображении, является не первоначальным, а самым молодым. Его древнейшие конкретные формы взяты из природы, к которой он изначально принадлежит, и сохранили в себе многие атрибуты. Все это символизирует его как бога плодородия, главным образом, как становится очевидным, благодаря благотворному влиянию воздуха. Во всех мексиканских и европейских заявлениях он предстает как бог воздуха и ветров; даже эвгемеристская идея обожествляет человека Кецалькоатля и превращает его в бога воздуха. Все мексиканские племена поклонялись ему во время завоевания как богу воздуха, и все рассказы, как бы сильно они ни расходились в отношении отдельных моментов его поэтической жизни, сходятся, без исключения, в одном отношении, как существенном и главном. Помимо символов, которые просто прикреплены к изображению, есть три атрибута, которые представляют собой столько же первоначальных видимых форм и экстерьеров бога, в которых он представлен и которому поклоняются: воробей, кремень (Фейерштейн) и змея.

По словам Эрреры, изображение Кецалькоатля имело тело человека, но голову птицы, воробья с красным клювом, большим гребнем и языком, далеко высовывающимся из рта. Бог воздуха этих северных народов, параллельный Кецалькоатлю, ацтекскому Уицилопочтли, был изображен с устройствами, связанными с колибри, в память о его прежней природе колибри. Это северная стихия. Великий дух северных краснокожих также проявляется в своей наиболее почитаемой форме птицы. Латинское *Picus* изначально было дятлом (*Specht*), впоследствии очеловеченным и даже эвгемеризованным, но рядом с ним всегда был дятел в качестве человека-провидца. У некоторых египетских богов человеческие тела и головы животных, особенно птиц. Птицы являются не только символами особых богоподобных атрибутов, как это использовалось в антропоморфные времена, не просто посланниками и передатчиками ордеров богов, но первоначально они считались самими богами, обладающими формами богоподобных сил, особенно в Северной Америке; и внешность бога воздуха, плодоносящего воздуха, естественно, является внешностью птицы, певчей птицы. Таким образом, иероглифическим знаком, обозначающим воздух у мексиканцев, является голова птицы с тремя языками. Везде, где останавливался и правил Кецалькоатль, воздух наполняли птицы, и певчие птицы давали знать о своем присутствии; когда он уезжал, он брал их с собой, и во время путешествия его развлекало их пение.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ И КРЕМЕНИ.

Второй формой Кецалькоатля был кремень, который мы уже узнали как символ и иероглифический знак, обозначающий воздух. Он был представлен либо в виде черного камня, либо в виде нескольких маленьких зеленых, предположительно упавших с небес, скорее всего, аэролитов, которым поклонялись чолуланцы на службе у Кецалькоатля. Бетанкур даже объясняет значение имени Кецалькоатль, вопреки обычному определению, как "двойник драгоценного камня". Басня о Квоухтитлане также связана с этим камнепоклонством; о том, как Кецалькоатль свалил дерево с помощью камней, которые остались закрепленными в нем. Позже этим камням поклонялись как священным камням Кецалькоатля. Камень в Тлалнепантле, к которому он приложил руку, должно быть, также представлял самого бога. Подобные древние

каменные культы, посвященные более великим божествам природы, а также фетиши, были найдены во многих случаях в Перу в доинкские времена. В древней Центральной Америке мы встречаемся с поклонением таким зеленым камням, называемым чалчихуитами. Вотану поклонялись в форме такого зеленого камня, связанного с двумя другими атрибутами. Этот атрибут Кецалькоатля, скорее всего, принадлежит югу.

Третья форма Кецалькоатля, которая также принадлежит югу, - это змея; он змеиный бог или, по крайней мере, слился с древним змеиным богом. Змея, насколько я знаю, не является прямым символом воздуха, и, следовательно, этот атрибут не относится к нему с самого начала; но змея олицетворяет время года, которое в сочетании с жарой и дождем содержит в себе плодоносящее влияние атмосферы, весну, обновляющий год. Однако само имя бога означает, согласно обычному объяснению, данному ему, "пернатую змею, змею, покрытую перьями, зеленую пернатую змею, древесную змею с пышными перьями". Впоследствии к человеческой фигуре этого бога была добавлена змея. Другое имя, под которым ему поклоняются на Юкатане, - Кукулькан, змея, покрытая богоподобными перьями. Вход в его круглый храм в Мексике представлял собой челюсть и клыки огромной змеи. Кецалькоатль исчез в Гоацакоалько, Змеином уголке (или укромном уголке), и корабль змей доставил его в Тлапаллу. Его последователей на Юкатане называли змеями, Кокоме (множественное число от Коатль), в то время как сам он носил имя Коколкан в этой стране, а также в Чьяпасе. Атрибут змеи означает, в связи с Уицилопочтли, также благотворное влияние атмосферы, ежегодное обновление природы, постоянное омоложение природы в виде ростков и цветов. Северный небесный бог Один во многом связан со змеями, он превратился в змею и носил имя Снейк.

Здесь можно затронуть взаимоотношения Тецкатлипоки и Кецалькоатля, описанные в басне. Изгнание последнего Тецкатлипокой не означает, как можно было бы предположить, соперничества между религией ацтеков и предшествующей толтекской. В таком случае Уицилопочтли, главный из богов ацтеков, поклонение которому окрашивает контраст в самые глубокие цвета, был бы гораздо лучшим представителем.

Кецалькоатль, без сомнения, проповедовал против человеческих жертвоприношений, которые были доведены ацтеками до такого беспрецедентного размаха, однако поклоняющиеся этому богу широко использовали человеческие жертвоприношения во время правления ацтеков, периоду которого эта часть басни о Кецалькоатле обязательно обязана своим происхождением. В то время контраст был настолько незначительным, что Кецалькоатль пользовался высочайшим почитанием ацтеков не только в Чолуле, но и в Мексике и повсюду. Его священник пользовался высочайшим уважением, и его храм в Мексике стоял рядом с храмом Уицилопочтли. Монтесума не только называет героя тольтеков вождем своих предков, но и ацтеки на самом деле считают его сыном Уицилопочтли. Противопоставление двух богов, Кецалькоатля и Тецкатлипоки, имеет другую причину: разница заключается не в поклонении им, а в их природе и бытии, в природных явлениях, которые они олицетворяют. Если Кецалькоатлю поклоняются богу благотворной атмосферы, проявленной божественной силой атмосферы плодоносящих сезонов, то Тецкатлипока - его противоположность, бог мрачных нижних областей, лишенных жизни и зародышей, бог засухи, увядания, смерти.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ И ЗМЕЯ.

Следовательно, везде, где правит Кецалькоатль, царят богатство и изобилие, воздух наполнен благоуханием и певчими птицами — настоящая золотая эра; но когда он отправляется на юг со

своими певчими птицами, Тецкатлипока изгоняет его, наступает засуха, и дворцы из золота, серебра и драгоценных камней, символы богатства, разрушаются. Однако он повсюду обещает вернуться. Изображение, упомянутое и скопированное Гумбольдтом, показывает Тецкатлипоку в момент раздвигания змеи. Это не имеет значения для деяний Геркулеса, Тонатиуха, великого духа чиппева, германского Зигфрида, кельтских убийц драконов Тристана и Ивейна или других богов солнца, весны и культурных героев, которые сражаются и подчиняют змею бесплодной влаги; такая интерпретация противоречила бы природе этого бога. Напротив, бог смерти и засухи здесь сражается со змеей как символом влаги, оплодотворения растительной жизни.

Теперь возникает вопрос: если Кецалькоатль получил свой змеиный атрибут только на юге и это его имя, то каким было его первоначальное северное и толтекское имя? Мы отвечаем, совпадая со взглядами, выраженными Икстлильшочитлем и другими, которые утверждают, что Кецалькоатль и его мирской спутник Уэмак были одним и тем же человеком. Противоположное мнение Терно-Компана, который утверждает, что Кецалькоатль, должно быть, был ольмеком, в то время как Уэмак был тольтеком, фактически дает ключ к решению вопроса. Оба правы, Икстлильшочитль и Терно, Уэмак - это первоначальное тольтекское имя национального бога, правителя и автора священных книг тольтеков, древнее имя, используемое тольтеками. Поскольку этот народ все больше и больше поддавался влиянию юга, а их древний бог воздуха в своем облике воробья получил в дополнение атрибут змеи из-за его омолаживающего влияния на природу, вскоре появилось новое название более культурного народа. Следовательно, имя может быть ольмекским, но не бога; мы можем скорее предположить, что атрибуты бога майя, Вотана, были перенесены на бога тольтеков. Таким образом, оба имени имеют двойное происхождение; легенда, обнаружившая два имени, сделала их также двумя лицами и поместила их рядом. Однако легко увидеть, что они естественным образом едины: Уэмак имеет такое же религиозное значение, как и Кецалькоатль; как Уэмазин, он написал божественную книгу, содержащую всю земную и небесную мудрость толтеков. В такой же степени, помимо своего религиозного положения, Кецалькоатль занимает мирское положение правителя и основателя цивилизации. Как Кецалькоатль обладает божественной природой, так и Уэмак, которому также приписывают триста лет жизни и отпечаток руки на камне.

Помимо атрибутов воробья, кремня и змеи, есть и другие, которые приписывают Кецалькоатлю те же свойства, но менее заметные. Как бог воздуха, он держит в руке чудесно раскрашенный щит, символ своей власти над ветрами. Как бог оплодотворяющего влияния воздуха, он держит, подобно Сатурну, серп, символ урожая — именно он способствует созреванию зерна. Раньше говорили, что он подготовил путь для бога воды, ибо в этих краях дождям всегда предшествуют ветры. Именно из-за этой тесной связи с дождем, который уже принес ему атрибут змеи, его мантия была украшена крестами. Мы уже видели, что такие кресты изображали бога дождя у майя и являются символами плодоносящего дождя. Следовательно, они хорошо подходят для бога, который есть только воздух, - бога в том смысле, что воздух оказывает свое плодоносящее и оживляющее влияние на землю.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ И ПАССАТЫ.

Здесь необходимо рассмотреть другой вопрос, который уже приходил нам в голову. Почему этот бог пришел с востока, ушел на восток и почему его следует ожидать с востока? Толтеки, согласно почти единодушным заявлениям, пришли с севера, и даже Кецалькоатль начал свое

правление на севере, в Тулле, и постепенно продвигался в своем путешествии с севера на юго-восток, точно так же, как толтеки, которые путешествовали на юг от Туллы. Ясно, что он отправляется на восток, потому что это его дом, из которого он пришел и вернется. Его восточное происхождение, без сомнения, основано на направлении восточных пассатов, которые несут дождь, а вместе с ним и плодородие, во внутренние районы Центральной Америки. Дожди начались на три-четыре недели раньше в Вера-Крус, Тампико и Табаско, чем в Пуэбле и Мексике. Другой причиной, которая, однако, имеет определенную связь с вышесказанным, могут быть отношения бога воздуха и бога солнца, которые часто занимали равное положение в природе и в поклонении. Мы знаем, что основатели перуанского и муйсканского культов родом с востока, потому что они боги солнца. Кецалькоатль, правда, не является таким божеством, но бог оплодотворяющего воздуха также в других местах тесно связан с оплодотворяющим солнцем, как, например, Уицилопочтли, Один и Брама. Солнце - это его глаз. На эту связь с солнцем ссылался Монтесума, когда говорил в присутствии Кортеса об отъезде Кецалькоатля в регионы, откуда приходит солнце. Как солнце - это око небес, которому преподносят сердце жертвы, приносимой в жертву богу небес, так и ночью это происходит с луной, которой воздавалась такая же дань уважения на празднике Кецалькоатля. Я просто ссылаюсь на это здесь, чтобы показать связь бога воздуха с великими небесными телами.

Идее бога воздуха придается несколько других значений. Естественно, что бог небесного благословения должен быть также богом богатства. Все богатство изначально зависит от плодородия почвы, от благословения небес, каким бы мирским ни было мнение по этому поводу. Золото - всего лишь символ этого богатства, подобный золотому дождю Зевса. Таким образом, по словам Акосты, изображение Кецалькоатля было украшено золотом, серебром, драгоценными камнями, богатыми перьями и яркими нарядами, чтобы продемонстрировать его богатство. По этой причине он носил золотой шлем, а его скипетр был украшен дорогими камнями. Та же точка зрения лежит и в основе мифов древних о змеях и драконах, охраняющих сокровища. Тот факт, что торговцы Чолулы поклонялись богу богатства прежде всех остальных и как своему главному божеству, не требует объяснений.

Его поклонение в Чолуле проводилось следующим образом: за сорок дней до праздника торговцы покупали безупречно чистого раба, которого сначала водили купаться в озере, называемом Озером Богов, затем наряжали как бога Кецалькоатля, которого он должен был представлять в течение сорока дней. В течение этого времени он наслаждался тем же поклонением, что и бог: его ставили на возвышении, одаривали цветами и кормили отборнейшими яствами. Однако ночью его хорошо охраняли, чтобы он не мог сбежать. Во время своей выставки по городу он танцевал и пел, а женщины и дети выбегали из своих домов, чтобы поприветствовать его и сделать подарки. Это продолжалось за девять дней до истечения сорока дней. Тогда два старых священника приблизились к нему со всем смирением, сказав глубоким голосом: "Господи, знай, что через девять дней твое пение и танцы прекратятся, потому что ты должен умереть!" Если он сохранял бодрость духа и был склонен танцевать и петь, это считалось хорошим предзнаменованием, если наоборот - плохим. В последнем случае они приготовили ему напиток из крови и какао, который должен был стереть воспоминания о прошлом разговоре. Можно было надеяться, что после того, как он выпил это, к нему вернется прежнее хорошее настроение. В день праздника ему были оказаны еще большие почести, звучала музыка и воскуривались благовония. Наконец, в полночный час его принесли в жертву, вырвали сердце из его тела, подняли к луне, а затем бросили к изображению бога. Тело было сброшено со ступеней храма и подано купцам, особенно работоторговцам, в качестве

жертвенной трапезы. Этот праздник и жертвоприношение совершались каждый год, но после определенного количества циклов, как в божественный год Теоксиутль, они отмечались с гораздо большей помпой. Кецалькоатлю, как правило, приносились человеческие жертвы во время правления ацтеков, как и другим богам.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ КАК БОГ-ЦЕЛИТЕЛЬ.

Сила, которая восстанавливает макрокосм, исцеляет и омолаживает также микрокосм: это общая целительная сила. Благодаря хорошей погоде тысячи инвалидов выздоравливают, а освежающие дожди оживляют не только измученные жаждой тропические равнины, но и самого человека. Таким образом, бог воздуха, атмосфера, становится богом исцеления. Финикиец рассказал Павсанию, что змеиный бог Эскулапий символизировал воздух, восстанавливающий здоровье. Если этот небесный бог также является богом-змеей, как Кецалькоатль, то омолаживающая и укрепляющая сила природы выражается в явном параллелизме.

Бог-змея также является богом-целителем, и даже греческий Эскулап не может обойтись без змеи. Таким образом, не стоит удивляться, что бесплодные женщины мексиканских народов обращали свои молитвы к Кецалькоатлю.[\[VII-37\]](#)

На этом завершается умелое подведение итогов, представленное Мюллером, и оно дается так, как я излагаю весь теоретический материал, не принимая и не отвергая его, а просто как еще один луч света, направленный на бога Кецалькоатля, природу которого здесь не предлагается ни объяснять, ни иллюстрировать, а только воспроизвести, как ее рассматривали со многих сторон самые ранние и близкие наблюдатели.

ГЛАВА VIII.

БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ ИМ.

Различные рассказы о рождении, происхождении и происхождении имени мексиканского Бога войны Уицилопочтли, о его Храме, Изображении, церемониалах, фестивалях и его заместителе, или паже, Пайнале—Клавиджеро—Ботурини—Акосте—Солисе—Саагуне—Эррере—Торквемаде—Краткое изложение мифов Дж. Г. Мюллера о мифах Уицилопочтли, их происхождении, взаимосвязи и значении—Тайлор—Ватиканский кодекс—Тлалок, Бог Воды, особенно Дождя, и о горах—Клавиджеро, Гама и Икстлильшочитль—Молитва во время засухи—Камарго, Мотолития, Мендиета и Ватиканский кодекс о жертвоприношениях Тлалоку—Украшения его жертв и места их казни—Сбор тростника для служения Богу Воды—Грабежи священников на дорогах в это время—Украшения и орудия труда священников—Наказания за церемониальные нарушения—Водоворот Пантитлана—Изображения гор в честь праздника Тлалок—надвигающегося дождя и Искажение изображений Гор — общая известность в культе Тлалока, числа Четыре, Креста и Змеи.

РОЖДЕНИЕ УИЦИЛОПОЧТЛИ.

Уицилопочтли, Уицилопуцли, или Вицилипуцли, был богом войны и особенно национальным богом мексиканцев. Одни говорили, что он был чисто духовным существом, другие - что женщина родила его после чудесного зачатия. Эта легенда, следующая за Клавиджеро, гласила следующее:

В древнем городе Тулла жила самая набожная женщина по имени Коатликуэ. Прогуливаясь однажды по своему обыкновению в храме, она увидела маленький комочек перьев, спускающийся с небес, который, не задумавшись, она положила себе на грудь. Однако, когда прогулка закончилась, она не смогла найти мяч и сильно удивилась, тем более что вскоре после этого обнаружила, что беременна. У нее уже было много детей, которые теперь, чтобы предотвратить бесчестье своего дома, составили заговор с целью убить ее, что ее очень встревожило. Но из глубины ее чрева бог произнес: "Не бойся, о моя мать, ибо эту опасность я обращаю к нашей великой чести и славе. И вот, Уицилопочтли, совершенный, как Афина Паллада, мгновенно родился, вскочив с могучим боевым кличем, схватив щит и сверкающее копье. Его левая нога и голова были украшены зелеными перьями; его лицо, руки и бедра были страшно испещрены синими полосами. Он напал на неестественных детей, убил их всех и отдал своей матери их добычу. И с того дня его звали Тезаутль, Ужас, и Тецаухтеотль, Ужасный бог.

Это был бог, который стал покровителем мексиканцев, который столько лет сопровождал их в паломничестве и, наконец, поселил на территории Мексики. И в этом городе они воздвигли ему этот гордый храм, столь прославляемый даже испанцами, в котором ежегодно проводились их торжественные празднества в пятый, девятый и пятнадцатый месяцы; кроме того, они проводились каждые четыре года, каждые тринадцать лет и в начале каждого столетия. Его статуя была гигантских размеров, в позе человека, сидящего на голубой скамье, из четырех углов которой торчали четыре огромные змеи. Его лоб посинел, но лицо было закрыто золотой маской, в то время как другая такая же маска закрывала затылок. На голове у него был красивый гребень в форме птичьего клюва; на шее - ошейник, состоящий из десяти фигурок человеческого сердца; в правой руке - большая синяя изогнутая дубинка; в левой - щит, на котором были изображены пять шариков из перьев, расположенных в форме креста, а из верхней части щита поднимался золотой флаг с четырьмя стрелами, которые, как утверждали мексиканцы, были посланы с небес для совершения тех славных деяний, которые мы видели в их истории. Его тело было опоясано большой золотой змеей и украшено различными фигурками животных меньшего размера, сделанными из золота и драгоценных камней, каждое из которых имело свое особое значение. Они никогда не думали о начале войны, не попросив защиты у этого бога молитвами и жертвоприношениями; и приносили ему большее количество человеческих жертв, чем любому другому из богов.[\[VIII-1\]](#)

Другой отчет о происхождении этого божества дает Ботурини, показывая, что бог был храбрым мексиканским вождем, который впоследствии был апофеозирован:—

В то время как мексиканцы продвигали свои завоевания к стране, ныне оккупированной ими, у них был очень известный капитан, или предводитель, по имени Уицитон. Именно он в этих долгих и опасных путешествиях по неизведанным землям, не жалея сил, заботился о мексиканцах. В басне о нем говорится, что, будучи преклонных лет и мудрости, он однажды ночью был застигнут на виду у своей армии и всего своего народа и представлен богу Тезаухтеотлю, то есть Ужасному Богу, который, будучи в облике ужасного дракона, приказал ему сесть по правую руку от себя, сказав: "Добро пожаловать, о доблестный военачальник; я очень

благодарен тебе за верность в моей службе и в управлении моим народом". Пришло время тебе отдохнуть, поскольку ты уже стар и поскольку твои великие деяния возносят тебя в общество бессмертных богов. Возвращайся тогда к своим сыновьям и скажи им, чтобы они не огорчались, если в будущем они не смогут видеть в тебе смертного человека; ибо с девяти небес ты будешь благосклонно взирать на них. И не только это, но также, когда Я сниму с тебя облачение человечности, я оставлю твоему страждущему и осиротевшему народу твои кости и твой череп, чтобы они могли утешиться в своем горе и могли посоветоваться с твоими реликвиями относительно пути, по которому они должны следовать: и в свое время им будет показана земля, которую Я предназначил для них, земля, в которой они будут владеть обширной империей, пользующейся уважением других народов.

Уицитон поступил согласно этим указаниям и после печальной беседы со своим народом исчез, унесенный богами. Плачущие мексиканцы остались с черепом и костями своего любимого капитана, которые они носили с собой, пока не прибыли в Новую Испанию, на место, где они построили великий город Теночтитлан, или Мексику. Все это время дьявол говорил с ними через этот череп Уицитона, часто требуя принесения в жертву мужчин и женщин, от чего произошли те кровавые жертвоприношения, которые впоследствии эта нация с такой жестокостью практиковала по отношению к военнопленным. Это божество называлось, как в ранние, так и в более поздние времена, Уицилопочтли, поскольку высокопоставленные люди верили, что он восседает по левую руку от Тецкатлипоки — человека, происходящего от первоначального имени Уицитон и от слова *малоче*, "левая рука".[\[VIII—2\]](#)

ИЗОБРАЖЕНИЕ УИЦИЛОПОЧТЛИ.

Акоста дает подробное описание образа и храма этого бога:—

"Главным идолом Мексики был, как я уже говорил, Вицилипуцли. Это было деревянное изображение человека, установленное на скамье лазурного цвета, на бранкарде или носилках, в каждом углу был кусок дерева в форме головы Змеи. Статуя означала, что он восседает на небесах: у этого идола был весь лоб лазурного цвета, а на носу от одного уха до другого была лазурная полоса; на голове у него был пышный плюмаж из перьев, похожий на клюв маленькой птички, который сверху был покрыт очень коричневой полированной позолотой; в левой руке он держал белую мишень с фигурками пяти сосновых яблок, сделанных из белых перьев и расположенных крест-накрест; сверху выдавался золотой гребень, а по бокам его у него было четыре дротика, которые (как говорят мексиканцы) были посланы с небес для совершения тех деяний и доблести, о которых будет рассказано: в правой руке он держал посох из лазури, вырезанный в виде извивающейся змеи. Все эти украшения, как и все остальное, что у него было, несли в себе его смысл, как показывает мексиканская лань; имя Вицилипуцли означает левую руку со сверкающим пером. Далее я расскажу о древнем Храме, о жертвоприношениях, пирах и церемониях этого великого идола, которые являются очень примечательными вещами. Но сейчас мы только покажем, что этот идол, столь богато одетый и украшенный, был установлен на высоком Алтаре, в небольшом ящичке, хорошо покрытом льняной одеждой, драгоценными камнями, перьями и золотыми украшениями, со множеством пучков перьев, самыми прекрасными и изысканными, какие только можно было найти: перед ним всегда была накидка для большего почитания. Заглянув в комнату или капелл этого идола, я увидел место поменьше, не столь хорошо украшенное, где стоял другой идол, которого они называли Тлалок.

Эти два идола всегда были вместе, потому что они считали их товарищами и обладали равной властью.

ХРАМ УИЦИЛОПОЧТЛИ.

В Мексике, в этом городе, был знаменитый Храм Вицилипуцли, он имел очень большую площадь и располагался при честном Дворе. Он был построен из больших камней, наподобие змей, привязанных одна к другой, и круг назывался Коатепантли, то есть круг из змей: наверху каждого зала и оратории, где стояли Идолы, была прекрасная колонна, выложенная мелкими камнями, черными как смоль, расставленными в хорошем порядке, земля была выкрашена в белый и красный цвета, которые внизу давали яркий свет. На вершине колонны были зубчатые стены, сделанные очень искусственно, в виде улиток [караколес], поддерживаемые двумя каменными индейцами, которые сидели, держа в руках подсвечники, похожие на круазаны, украшенные на концах желтыми и зелеными перьями и длинной бахромой из них. В пределах этого двора было много покоев религиозных людей и других, которые были назначены для обслуживания священников и пап, ибо так они называют верховных священников, которые служат Идолу.

Было четыре ворот, или въезда, на востоке, западе, севере и юге; у каждого из этих ворот начиналась ярмарка коуси длиной в две или три лиги. Посреди озера, где построен город Мехико, было четыре больших перекрестка, которые очень украсили его; у каждого портала или входа стоял Бог или Идол, обращенный лицом к мосту, прямо против ворот храма Вицилипуцли. Там были степи длиной в тридцать футов, и они отделялись от окружности двора улицей, которая проходила между ними; по верхушке этих степей тянулась дорожка шириной в тридцать футов, вся покрытая мелом, посреди дорожки был разбит Паллисад, искусственно сделанный из очень высоких деревьев, посаженных в порядке удаленности одно от другого. Эти деревья были очень большими, и все они были пронизаны маленькими отверстиями от подножия до верхушки, и от одного дерева к другому перебежали стержни, к которым были прикованы головы многих мертвых мужчин. На каждом пруте было по двадцать гребней, и эти ряды гребней продолжают от основания до верхушки дерева. Это Паллисадо было завалено черепами мертвых мужчин от одного конца до другого, что представляло собой удивительное, скорбное зрелище, полное ужаса. Это были головы тех, кто был принесен в жертву; ибо после того, как они были мертвы и съели мясо, головы доставлялись Служителям Храма, которые связывали их таким образом, пока они не отваливались от костей; и тогда они позаботились поставить на их место другие. На вершине храма были два камня, или чаппеллы, и на них стояли два Идола, о которых я уже говорил, - Вицилипуцли и его спутник Тлалок. Эти башни были вырезаны очень искусственно и настолько высоки, что, чтобы подняться на них, требовалась каменная лестница из шестидесяти степеней. Перед этими Палатами, или Чаппеллами, был Двор на площади Форти фут, посреди которого находился высокий камень шириной в пять ладоней, заостренный в виде пирамиды, он был помещен туда для принесения в жертву людей; будучи положенным на спину, он заставлял их тела сгибаться, и поэтому они действительно вскрывали их и вытаскивали свои сердца, как я покажу позже ".[VIII-3]

Солис также описывает этот храм:—

Вершина усеченной пирамиды, на которой стояли идола Уицилопочтли и Тлалока, имела площадь сорок квадратных футов, и на нее вела лестница в сто двадцать ступеней. На этой платформе, по обе стороны от лестницы, стояли две статуи стражей, поддерживавшие огромные подсвечники необычной формы. И первым из яшмовых плит возвышался горбатый алтарь из зеленого камня. Напротив и за ним находилась часовня, где за занавесями восседал Уицилопочтли на троне, поддерживаемом голубым шаром. Из него, предположительно символизирующего небеса, выступали четыре посоха со змеиными головами, за которые жрецы несли бога, когда он предстал перед публикой. На голове у изображения была изображена птица с коваными перьями, клюв и гребень которой были из полированного золота. Перья выражали ужасающую жестокость и казались еще более жуткими из-за двух синих полос, одной на лбу, а другой на носу. Его правая рука опиралась, как на посох, на изогнутую змею. На левой руке был щит с пятью белыми перьями, расположенными в форме креста; а рука сжимала четыре стрелы, почитаемые как нисходящие с небес. Слева от нее находилась другая часовня, часовня Тлалока. Теперь эти две часовни и идола были одинаковыми во всех деталях. Эти боги были почитаемыми братьями — их атрибуты, качества, силы, склонности, служение, молитвы и так далее были идентичны или взаимозаменяемы.[VIII-4]

УИЦИЛОПОЧТЛИ И КАМАШТЛИ.

Саагун говорит об Уицилопочтли, что, будучи изначально человеком, он был своего рода Геркулесом, обладавшим огромной силой и воинственностью, великим разрушителем городов и убийцей людей. На войне он был живым огнем, очень страшным для своих противников; и оружием, которое он носил, была голова дракона, ужасающая до крайности и извергающая огонь из своей пасти. Он был великим волшебником и колдуном, принимавшим облик различных птиц и зверей. Пока он был жив, мексиканцы очень высоко ценили этого человека за его силу и ловкость на войне, а когда он умер, они чтили его как бога, принося в жертву рабов в его присутствии. И они следили за тем, чтобы эти рабы были хорошо накормлены и хорошо украшены теми украшениями, которые были в ходу, серьгами и заплатами; все для большей чести бога. В Тласкале также было божество по имени Камаштли, которое было похоже на этого Уицилопочтли.[VIII-5]

Гейдж в довольно точном переводе Эрреры описывает этого бога с помощью Тецкатлипоки. Он говорит:—

"Богов Мексики (как индейцы сообщили первым испанцам) было две тысячи; самыми главными были Вицилопучтли и Тецкатлипока, изображения которых стояли в храме на алтарях выше всех. Они были сделаны из камня в полной пропорции, размером с великана. Они были покрыты лужайкой, называемой Накар; они были усыпаны жемчугом, драгоценными камнями и кусочками золота, сделанными в виде птиц, зверей, рыб и цветов, украшенными изумрудами, бирюзой, халцедонами и другими мелкими камушками, так что, когда лужайку убрали, изображения показались очень красивыми и величественными. У этих двух индийских идолов вместо пояса были огромные золотые змеи, а вместо ошейников или цепей на шеях - десять человеческих сердец, сделанных из золота; и у каждого из них было фальшивое забрало со стеклянными глазами, а на шеях у них была нарисована Смерть. Эти два бога были братьями, ибо Тецкатлипока был богом providения, а Вицилопучтли - богом войн, которому поклонялись и которого боялись больше всех остальных".[VIII-6]

Торквемада подробно останавливается на легенде и описании этого бога войны, Уицилопочтли, или Мекситля:[VIII-7]—

Уицилопочтли, древний бог и проводник мексиканцев, - это имя, полученное по-разному. Некоторые говорят, что оно состоит из двух слов: *уицилин*, "колибри", и *тлахуипучтли*, "колдун, плюющийся огнем". Другие говорят, что вторая часть имени происходит не от *тлахуипучтли*, а от *опучтли*, то есть "левая рука"; так что все имя, Уицилопочтли, означало бы "левая рука, покрытая блестящими перьями". Поскольку этот идол был украшен богатыми и сверкающие перья на левой руке. И именно этот бог вывел мексиканцев с их собственной земли и привел их в Анахуак.

Некоторые считали его чисто духовным существом, другие утверждали, что он был рожден женщиной, и рассказывали его историю следующим образом: Недалеко от города Тулла есть гора под названием Коатепек, то есть Гора Змеи, где жила женщина по имени Коатликуэ, или Змеиная нижняя юбка. Она была матерью многих сыновей по имени Чентзунхуицнауа и дочери по имени Койолксауки. Коатликуэ была очень набожна и аккуратна в служении богам, и обычно она занималась подметанием и уборкой священных мест этой горы. Случилось так, что однажды, занятая этими обязанностями, она увидела маленький комочек перьев, плывущий к ней по воздуху, и, взяв его, как мы уже рассказывали, вскоре обнаружила, что забеременела.[VIII-8]

СТАТУЭТКА УИЦИЛОПОЧТЛИ ИЗ ТЕСТА.

После этого все ее дети сговорились против нее, чтобы убить ее, и выступили против нее с оружием в руках, причем дочь Койолксауки была зачинщицей и самой жестокой из всех. Затем, сразу же, родился Уицилопочтли, полностью вооруженный, со щитом, называемым *теуэуэли*, в левой руке у него был дротик, или длинный синий шест, и все его лицо было испещрено линиями того же цвета. Его лоб был украшен большим пучком зеленых перьев, левая нога была стройной и покрытой перьями, а оба бедра и руки были украшены синей полосой. Затем Он вызвал змею, сделанную из факелов, *teas*, называемую *сюхкоатль*; и он приказал солдату по имени Тохаукалки зажечь эту змею и, взяв ее с собой, обнять Койолксауки. От этих объятий дочь-матереубийца немедленно умерла, а Уицилопочтли собственноручно убил всех ее братьев и забрал их добычу, обогатив этим свою мать. После этого он получил прозвище Тецауитль, то есть Испуг или Изумление, и почитался как бог, рожденный от матери, без отца — как великий бог сражений, ибо в этом его почитатели находили его очень благосклонным к ним. Помимо обычного изображения этого бога, постоянно установленного в великом храме Мексики, было еще одно, обновляемое каждый год, сделанное из зерен различных видов. В одном из залов по соседству с храмом жрецы с большим благоговением собирали и измельчали массу семян амаранта и других растений, смачивая их кровью детей и замесив из них тесто, которому придавали форму статуи, по форме и росту напоминающей человека. Священники несли это изображение в храм и к алтарю, заранее подготовленному для его приема, играя на трубах и других инструментах и производя много шума и суеты с танцами и пением во главе процессии. Все это происходило в течение ночи; утром первосвященник и другие священники благословили и освятили изображение с таким благословением и освящением, какие были в ходу у них. Когда это было сделано, и народ собрался, каждый, кто мог подойти к идолу, прикасался к нему везде, где мог, как христиане прикасаются к реликвии, и делал им подношения из золотых украшений и драгоценных камней, каждый по своим средствам и

набожности, засовывая указанные подношения в мягкое пресное тесто, из которого был слеплен идол. После этой церемонии никому больше не разрешалось ни прикасаться к изображению, ни входить в то место, где оно находилось, кроме только первосвященника. После этого они вынесли изображение бога Пейналтона, [VIII-9] — который также является богом войны, являясь наместником или суб-капитаном упомянутого Уицилопочтли — изображение, сделанное из дерева. Его нес на руках жрец, олицетворявший бога Кецалькоатля и украшенный богатыми и причудливыми орнаментами. Перед этим жрецом шествовал другой, неся [изображение] огромной змеи, большой и толстой, скрученной из множества колец. Процессия тянулась очень долго, и тут и там у различных храмов и алтарей жрецы приносили жертвы, принося в жертву пленных людей и перепелов. Первая станция, или место остановки, находилась в приходе Теотлачко. Оттуда кортеж проследовал в Тлателулько (где я, Торквемада, сейчас пишу эту историю); затем в Попотлан; затем в Чапультепек — город Мехико, расположенный почти в лиге от него; затем в Тепетоку; затем в Акачинанко; затем снова обратно в храм, откуда он отправился; и затем изображение Пейналтона было водружено на алтарь, где стоял Уицилопочтли, оставленный там со знаменем, называемым *эспанизтли*, которое несли раньше. перед этим во время марша: только упомянутую выше большую змею унесли и положили в другое место, которому она принадлежала. И во всех этих местах, где появлялась процессия, ее встречали воскурениями, жертвоприношениями и другими церемониями.

Эта процессия закончилась, она заняла большую часть дня, все было подготовлено для жертвоприношения. Сам царь выступал в роли священника; взяв кадило, он с определенными церемониями насыпал в него благовония и воскурил изображение бога. Сделав это, они снова снесли идола, Пейналтона, и выступили в поход, впереди шли те, кто должен был быть принесен в жертву, вместе со всеми вещами, относящимися к роковому обряду. Два или три раза они обошли храм кругом, двигаясь ужасной процессией, а затем поднялись на вершину, где умертвили жертвы, начиная с военнопленных и заканчивая откормленными рабами, купленными специально для этого случая, вырывая у них сердца и бросая их к ногам идола.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ УИЦИЛОПОЧТЛИ.

Весь этот день продолжались празднества и ликования, и весь день и ночь жрецы неусыпно следили за тестяной статуей Уицилопочтли, чтобы никакая оплошность или небрежность не помешали должному почитанию и служению ей. Рано утром следующего дня они сняли упомянутую статую и поставили ее на ноги в зале. В этот зал вошел жрец, названный в честь Кецалькоатля, который нес изображение Пейналтона в своих руках во время процессии, как рассказывалось выше; туда же вошел царь с одним из самых близких слуг бога Уицилопочтли по имени Техуа, четверьмя другими великими жрецами и четверьмя главными юношами по имени Тельпочтлатоке, из числа тех, кто опекал других юношей храма. Собрав всех упомянутых, и только их, жрец, названный в честь Кецалькоатля, взял дротик с кремневым наконечником и метнул его в грудь статуи из теста, которая упала, получив удар. Эта церемония называлась "убийство бога Уицилопочтли, чтобы его тело было съедено". После этого жрецы подошли к упавшему изображению, и один из них вытащил из него сердце и отдал его царю. Другие священники разрезали пастообразное тело на две половины. Одна половина была отдана жителям Тлателулько, которые разделили ее по крошкам между всеми своими подопечными, и особенно молодым солдатам — ни одной женщине не разрешалось попробовать ни кусочка. Другая половина была выделена народу той части Мексики, которая называлась Теночтитлан; она была разделена между четверьмя округами: Теопан, Ацакулько, Кепопан и Мойотлан; и

роздана мужчинам, как малым, так и великим, даже мужчинам-детям в колыбели. Вся эта церемония называлась *teoqualo*, то есть "бог съеден", и изготовление статуэтки из теста и поедание ее возобновлялись раз в год.[\[VIII-10\]](#)

По мере того, как Й. Г. Мюллер внимательно изучал характер Кецалькоатля, его исследование характера Уицилопочтли было еще более тщательным и действительно стало предметом монографии, опубликованной им в 1847 году. Изучающий предмет не может позволить себе пропустить это исследование, и я перевожу наиболее важные его части в следующих параграфах; на самом деле, ни за, ни против интересов теории, которую оно поддерживает, но ради точной и подробной обработки, переосмысления и группировки почти всех данных, относящихся к рассматриваемому вопросу, мастером в этом отделе мифологических исследований: —

Уицилопочтли уже упоминался как изначальный бог воздуха и небес. Он также согласен с Кецалькоатлем во втором заглавном пункте, в том, что он стал антропоморфным национальным богом ацтеков, как Кецалькоатль тольтеков. В своих походах и войнах, при создании кодексов и городов, как в счастье, так и в несчастье, ацтеки руководствовались его оракулом, духом его существа. Как тольтеки, особенно в своем более позднем национальном характере, отличаются от ацтеков, так отличаются и два их главных национальных бога. Если столица толтеков, Чолула, напоминала современный Рим в своих религиозных устремлениях, то восседавший там на троне бог был преобразован в человеческий облик верховного жреца, в котором этот народ видел свой человеческий идеал. Таким же образом можно было бы сравнить столицу ацтеков с древним Римом из-за ее воинственного духа, и поэтому было правильно сделать национального бога ацтеков богом войны, подобным римскому Марсу.

ИМЯ УИЦИЛОПОЧТЛИ.

Мы начнем с имени бога, которое, согласно Саагуну, Акосте, Торквемаде и большинству авторов, означает "с левой стороны колибри"; *othuitzilin* "колибри" и *opochtli* "слева". При соединении ацтекских слов окончание обрезано. Изображение бога в действительности часто имело перья колибри на левой ноге. Связь этой птицы с богом во многих отношениях уместна. Несомненно, она казалась им прекраснейшей из птиц и наиболее достойным представителем их главного божества. Разве ее гребень не сверкает, как корона, украшенная рубинами и всевозможными драгоценными камнями? Соответственно, ацтеки на свой манер называли колибри "солнечным лучом", "или солнечными волосами", поскольку ее посадка на цветы подобна солнечному лучу. Главный бог карибов, Джулука, также украшен полосой из его перьев вокруг лба. У древних мексиканцев самым благородным украшением были парадные мантии из тех же перьев, которые так восхвалял Кортес; и даже в настоящее время женщины ацтеков украшают свои уши этими перьями. Это украшение в виде колибри на левой ноге бога было не единственным; у него также был зеленый пучок оперения на голове, по форме напоминающий клюв маленькой птички. Щит в его левой руке был украшен белыми перьями, и все изображение временами было покрыто мантией из перьев. К общим добродетелям, которые делают понятным атрибут колибри как божественный, следует добавить особую добродетель храбрости, свойственную этой птице, которая особенно подходит богу войны. Английский путешественник Буллок рассказывает, как эта птица отличается необычайной храбростью, нападая на людей в десять раз больше себя, залетая им в глаза и используя свой острый клюв как самое опасное оружие. Нельзя засвидетельствовать ничего более дерзкого, чем его нападение на других птиц

своего вида, когда он опасается беспокойства в период размножения. Последствия ревности превращают этих птиц в настоящих фурий, горло раздувается, гребень на голове, хвост и крылья расправляются; они со свистом дерутся в воздухе, пока одна из них в изнеможении не падает на землю. То, что такой воинственный дух может существовать в таком маленьком создании, показывает силу этого духа; и религиозное чувство пробуждается тем скорее, чем больше инструмент божественной силы появляется в таком ничтожном и слабом теле. Маленький, но храбрый и воинственный дятел находился в аналогичном отношении к Марсу и, соответственно, получил название *picus martius*.

За этим, наиболее распространенным объяснением названия Уицилопочтли, как "колибри, левая сторона", не следует Вейтия, с которым согласен Причард. Он заявляет, что значение этого имени - "левая рука", от *huitzitoc*, "рука", потому что Уицилопочтли, согласно басне, после своей смерти сидит слева от бога Тецкатлипоки, теперь Уицилопочтли в другом месте считается братом этого бога; он также стоит выше и, следовательно, вряд ли получил свое имя из-за своего положения по отношению к другому божеству. Кроме того, рука на ацтекском языке правильно переводится как *майтл* или *тома*.

Помимо этого атрибута, который дает богу его имя, есть и другие, которые указывают на концепцию бога войны. Уицилопочтли, подобно Марсу и Одину, держал в правой руке копье или лук, а в левой - иногда пучок стрел, иногда круглый белый щит, на боковой стороне которого были четыре стрелы, посланные ему с небес для совершения героических подвигов его народа. От этого оружия зависело благосостояние государства, точно так же, как от *вспомогательного* римского Марса, упавшего с неба, или от *палладия* воинственной Афины Паллады.

Имена также указывают на Уицилопочтли как на бога войны; ибо его называют ужасным богом, Тецатеотлем, или неистовым, Тецауитлем. Эти имена он получил при рождении, когда, только что выйдя из чрева матери, победил своих противников.

РОДСТВЕННИК УИЦИЛОПОЧТЛИ.

Не меньше его связей указывают на его воинственный характер. Его младший брат, Тлакауэпанкуэкстоцин, также был богом войны, статуя которого находилась в Мексике и которому поклонялись, особенно в Тецкоко. В еще более близком родстве с ним стоит его собрат по оружию, или, как называет его Берналь Диас, его паж, Пейналтон, то есть "первый по флоту"; он был богом внезапной военной тревоги, *тумультус* или всеобщий *массовый прием*; его призыв заставлял всех, способных носить оружие, бросаться на защиту. В остальном он считается представителем Уицилопочтли и подчиненным ему, поскольку он был всего лишь маленьким изображением, как говорит Диас, и как указывает окончание *ton*. Статуэтку этого маленького военного глашатая всегда ставили на алтарь Уицилопочтли, а иногда проносили по кругу на его праздниках.

Другие символические атрибуты утверждают Уицилопочтли как главного национального бога этого воинственного народа и символизируют его личное присутствие. По пути из древнего дома жрецы по очереди, по четверо, несли его деревянное изображение с маленьким флажком, упавшим с небес, и четырьмя стрелами. Носилки, на которых несли изображение, назывались "престолом бога", *teoicpalli*, и представляли собой священный ящик, подобный тому, который использовался у этрусков и египтян, греков и римлян, в Илионе, у японцев, у монголов. В Америке у индейцев чероки также есть такой ковчег. Ковчег завета, который левиты несли через

пустыню и в битвах, был похожим. Везде, где ацтеки останавливались на некоторое время во время своих странствий, они воздвигали алтарь или курган для жертвоприношений своему богу, на который они помещали этот божий носилок с изображением; этот древний обряд они соблюдали и в более поздние времена в своих храмах. Рядом с ним они установили передвижной шатер, *табернакулум* (штифтшютте), на открытой местности, как это принято у кочевых народов, таких как монголы. Бог, однако, дал им кодексы и обычаи культурного народа и получил в качестве подношений пленников, ястребов и перепелов.

Как голова воробья на теле человека указывает на прежнее поклонение Кецалькоатлю в виде воробья, так и атрибут колибри на изображении и в имени Уицилопочтли указывает на него как на изначального бога-животное. Общее мифологическое правило, согласно которому такие атрибуты животного относятся к древнему поклонению рассматриваемому богу в виде животного, указывает на это в его случае, и особый миф об Уицитоне помогает здесь в исследовании основы этой изначальной природы.

Когда ацтеки еще жили в Ацтлане, некий Уицитон пользовался у них высочайшим уважением, как гласит басня. Этот Уицитон слышал голос птицы, которая кричала "тихуи", то есть "пойдем".^[VIII-11] Вслед за этим он попросил людей покинуть свои дома, что они соответственно и сделали. Когда мы рассматриваем имя Уицитон, природу истории и мифическое время, к которому она относится, не остается никаких сомнений в том, кем должен быть этот Уицитон. Очевидно, что он не кто иной, как сама маленькая птичка, которая в нашей более поздней форме мифа, как антропоморфной басни, отделена от него; отделена эвгемеристически, точно так же, как латинское *Picus* было отделено от своего дятла. Этот Пикус, чьи песни и полет были знаменательными, изображался в виде юноши с дятлом на голове, которого он использовал для своего искусства провидения; но первоначально, как следует из его имени, был не чем иным, как дятлом, которому поклонялись на деревянном столбе, с которого он посылал свои изречения. Этот дятел уселся на *вексиллум* сабинян и направил их в область, которая была названа Пиценом в честь него. Как эта птица, подобно Уицитону, вела свой народ к их новому жилищу, так и многие другие боги-животные вели тех, кто в древние времена искал новые дома. Так, ворон привел Батта в Кирену; голубь привел халкидян в Кирену; Аполлон в образе дельфина привел критян в Пифон; Антиной основал новое поселение, путь к которому указала змея; бык перенес Кадма в Фивы; волк привел гирпинцев. Изначальная порода южноамериканского народа, мбайя, получила божественный приказ через птицу Каракару бродить как враги по территориям других народов вместо того, чтобы селиться в постоянном месте жительства — это антикультурный миф. Как основание городов способствует рождению мифов, подобных предыдущему, так и основание монастырей, места расположения которых, согласно многочисленным басням христианского средневековья, указывали животные — один из пережитков старого язычества, существовавшего тогда в народном воображении. Таким образом, возвращаясь к теме, Уицитон - это бог колибри, который как бог-оракул повелел ацтекам эмигрировать. Его имя означает не что иное, как "маленькая колибри", окончание *ton* является уменьшительным слогом, как в Пейналтоне. Таким образом, колибри была носительницей во время великого потопа божественного послания радости тецпи мичоаканцев, народа, родственного ацтекам. Его выпустили, когда вода отступила, и вскоре он вернулся с маленькой веточкой в ковчег.^[VIII-12] На островах Екатерины [острова Санта-Каталина],^[VIII-13] в Калифорнии воронам поклонялись как толкователям божественной воли. Из вышесказанного также самоочевидно, что Уицитон и Уицилопочтли были одним целым, к такому выводу пришел ученый исследователь мексиканских языков и традиций итальянец Ботурини. Таким образом,

имя, миф и атрибуты Уицилопочтли указывают на колибри. До трансформации этого бога посредством антропоморфизма он был просто маленькой колибри, *уицитон*; однако благодаря антропоморфизму птица стала просто атрибутом, эмблемой или символом и именем бога - именем, которое изменилось вместе с его формой на "колибри слева", или Уицилопочтли.

Идентичность этих двух, несмотря на разные объяснения названия, принимается Вейтией, которая называет Уицитока именем вождя, возглавлявшего армии ацтеков во время их последнего странствия из Чикомостока, или Семи Пещер, в Анахуак. Под его руководством ацтеки повсюду одерживали победы, и по этой причине после его смерти его поместили слева от бога Тецкатлипоки; с тех пор его называли Уицилопочтли.

УИЦИТОН И ПЕЙНАЛТОН.

Идентичность Уицитона и Уицилопочтли подтверждается и другими фактами, помимо имени, атрибута и мифологической аналогии: обоим приписываются одни и те же важные деяния. Мы видели, что Уицитон приказал ацтекам покинуть свои дома; согласно другому сообщению Акосты, это было сделано по настоянию Уицилопочтли. Если другие испанские авторы утверждают, что это было сделано по наущению дьявола, они имеют в виду не кого иного, как Уицилопочтли, использующего ставший устоявшимся способ речи. Это имя стало распространенным титулом дьявола в Германии под видом Визлипуцли вскоре после завоевания Мексики, как можно видеть в старой популярной драме "Фауст". Далее в басне говорится об Уицитоне, что он научил ацтеков добывать огонь трением во время их странствий. Дар огня обычно приписывают богу культуры. Уицилопочтли был таким божеством; он ввел одежду, законы и церемонии среди своего народа. Утверждение о том, что Уицитон когда-то дал людям огонь, не имеет исторического значения; нет людей без огня, и в ранее рассказанном мифе упоминается, что человек добыл огонь еще до существования нынешнего солнца. Значение басни религиозное, это миф, в котором ацтеки приписывают происхождение всей человеческой культуры Уицилопочтли - богу их культуры, впоследствии Уицилопочтли.

МИФЫ О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ.

Этот бог носил также повязку из человеческих сердец и лиц из золота и серебра; в то время как на его одежде были изображены различные кости мертвых людей, а также разорванный на куски человек. Эти атрибуты, подобные атрибутам индийских Шивы и Кали, ясно указывают на него как на бога, которому приносились человеческие жертвы. Среди народов, составляющих Мексиканскую империю, широко распространено мнение, что человеческие жертвоприношения были введены ацтеками в течение последних двух столетий. До этого приносились только бескровные жертвы. Миф относит начало человеческих жертвоприношений к четырнадцатому веку, в котором, как говорят, произошли три первых последовательных случая таких жертвоприношений.

Говорят, что колхуа, правящая нация в то время в долине Анахуак, вступила в битву со своими врагами Хочимилько, которая была решена в пользу колхуа из-застремительной атаки, предпринятой ацтеками-данниками, пришедшими им на помощь. В то время как колхуа представляли своему королю большое количество пленников, ацтеки захватили только четверых, которых они держали в секрете, но в знак своей храбрости показали несколько ушей, которые они отрезали у своих убитых врагов, хвастаясь, что победа была бы намного отсрочена,

если бы они потеряли время на взятие пленников. Гордые своим триумфом, они воздвигли алтарь Уицилопочтли в Уицилопочко и сообщили своему господину, царю колхуа, что желают принести этому богу дорогую и достойную жертву. Царь прислал им через руки священников мертвую птицу, которую посланцы непочтительно возложили на алтарь и удалились. Ацтеки проглотили свое огорчение и положили рядом с птицей ароматную траву с ножом изтли. Когда король со своей свитой прибыл на праздник, скорее для того, чтобы посмеяться над происходящим, чем для того, чтобы украсить его, четырех пленников, взятых у Хочимилько, вывели наружу, положили на жертвенный камень, изтли вспороли им груди и вырвали трепещущее сердце. Это жертвоприношение повергло колхуа в ужас, они уволили ацтеков со службы и прогнали их прочь. Некоторое время ацтеки бродили по стране, а затем, по повелению своего бога, основали город Теночтитлан, или Мексику, на месте, где они нашли нопал (Опунцию), растущую на скале.

При втором жертвоприношении жертвой был Колхуа. Один ацтек охотился на берегу озера в поисках животного, чтобы принести его в жертву своему божеству-покровителю, когда он встретил Колхуа по имени Хомимитль; он яростно нападает на него, сбивает с ног, и побежденный истекает кровью на жертвенном камне.

Оба мифа являются инициологическими и объясняются системой жертвоприношений (Opferkultus). Это показано на примере четырех заключенных, о которых мы узнаем больше в третьем рассказе. Вторая история олицетворяет народы ацтеков и колхуа в двух мужчинах, причем вторая нация обеспечивает первую человеческими жертвоприношениями. С жертвоприношением Хомимитля, параллель которого с четырьмя Хочимилько никто не может не заметить, был открыт первый храм Уицилопочтли в Теночтитлане.

Третье жертвоприношение еще точнее показывает религиозную основу (Kultusgrundlage) мифа. Здесь также, как и в первом случае, мы имеем дело с Colhua. Ацтеки предложили королю Колхуа оказать божественные почести его дочери и возвести ее в ранг матери их национального бога, заявив, что такова воля божества. Король, радуясь чести, оказанной его дочери, отпустил ее, и она была доставлена в Теночтитлан с большой помпой. Однако не успела она прибыть, как была принесена в жертву, с нее содрали кожу, и один из самых храбрых юношей облачился в ее кожу. Король был приглашен на торжественный акт обожествления своей дочери и узнал о ее смерти только тогда, когда пламя копаловой смолы открыло ему окровавленную кожу юноши, положенного рядом с богом. Однако дочь была сразу же официально объявлена матерью Уицилопочтли и всех богов.

ТЕТЕЙОНАН.

Этот мифологический культ легко объясним. Имя дочери - Тетейонан, которую мы научились знать как мать богов и как Точицин, "наша бабушка".[VIII-14] Она никогда не была дочерью человеческого царя, но была преобразована в нее эвгемеризмом, примерно так же, как Ифигению следует считать первоначально Артемидой. У богини Тетейонан был свой особый праздник в Мексике, когда приносили в жертву женщину, одетую как богиня; пока ее держали на спине другой женщины, ей отрубали голову, затем с нее сдирали кожу, и юноша в сопровождении многочисленной свиты нес ее в подарок Уицилопочтли. Кроме того, ранее были принесены в жертву четверо военнопленных.

Похожая на эту историю, рассказанную Клавиджеро, есть и другая, рассказанная Акостой. Согласно последнему, Този была дочерью короля Кулхуакана, и ее принесли в первое человеческое жертвоприношение по приказу Уицилопочтли, который желал видеть в ней сестру. Този, однако, не кто иной, как Токитзин, и также показано, что это "наша бабушка". Согласно ацтекской версии, обычай облачать священников в кожу приносимых в жертву существ восходит к ней — такие изображения часто можно увидеть, особенно у Гумбольдта; в коллекции мексиканских древностей Басле также есть каменное изображение священника, одетого в человеческую кожу. Четвертый месяц, Тлакашипехуалитцли, что означает "сдирать кожу с человека", получил свое название от этого обычая, который, как говорят, был наиболее частым в это время года.

Богини или существа, представляющие богинь, приносятся в жертву в обеих этих баснях. Мы встречались с человеческими жертвоприношениями у племени муискас в Центральной Америке и в связи со многими мексиканскими божествами, в которых человеческая жертва олицетворяет бога, которому она должна быть принесена в жертву. Рабы, изображавшие богов, также приносились в жертву северным индейцам, так называемым *храбрым индейцам*. Принесенный в жертву человек поглощается богом, отдается ему, уже является его частью, является самим богом. Так было с рабом, который олицетворял Кецалькоатля на празднике торговцев в Чолуле.

Критик может признать лишь относительную правдивость недавности периода, к которому эти три мифа относят происхождение мексиканских человеческих жертвоприношений. Мы уже знаем, что человеческие жертвоприношения очень древни во всей Америке и что они были отменены лишь в нескольких местах благодаря гуманным усилиям; как, например, в Перу, в некоторой степени благодаря инкам. Мы встречались с ними по всей Южной Америке.

Столь распространенное утверждение о том, что толтек Кецалькоатль проповедовал против человеческих жертвоприношений, безусловно, подразумевает предыдущее существование таких жертвоприношений. Это утверждение о Кецалькоатле также указывает путь к усвоению различных рассказов, басен и мифов. В очень древние времена повсюду преобладали человеческие жертвоприношения. Тольтеки, как и инки, пытались более или менее уничтожить их, и, даже если не совсем успешно, они значительно сократили их количество. Ацтеки ввели их вновь. В Ост-Индии эти жертвоприношения восходят к эпохе до потопа, и греки там встречались с остатками антропофагии, лежащей в их основе.

Брахманизм стремился уничтожить эти древние жертвоприношения, и Веды запрещают их, запрет, который в связи с обычаем притворяться, что приносят в жертву людей, свидетельствует о прежнем использовании настоящих жертвоприношений. Более поздняя секта шивайтов снова представила их.

Какой бы древней ни была национальная политическая фаза Уицилопочтли, природная фаза еще старше. Этот бог также имеет природную основу, которая не только объясняет его существо, но и проливает свет на его дальнейшее развитие как национального бога или бога войны. Все искатели, которые не начинают с этой основы, не видят перед собой ничего, кроме необъяснимых загадок и противоречий.

ДВЕ МАТЕРИ УИЦИЛОПОЧТЛИ.

Эта природная основа впервые проявляется в мифе о его рождении. По соседству с Туллой было местечко под названием Коатепек, где жила богобоязненная женщина по имени Коатликуэ. Однажды, когда она, по своему обыкновению, направлялась в храм, с неба упал ярко раскрашенный шар из перьев; она подняла его и спрятала у себя на груди, намереваясь украсить им алтарь. Поскольку она собиралась изготовить его для этой цели, его не удалось найти. Несколько дней спустя она осознала, что беременна. Ее дети, Чентзунхуицнахуа, тоже заметили это и, чтобы избежать собственного позора, решили убить ее до того, как она родится. Однако ее печаль была чудесным образом утешена голосом, который донесся из ее чрева, говоря: "Не бойся, о мать, я спасу тебя для твоей великой чести и для моей великой славы!" Братья, подстрекаемые своей сестрой, были готовы убить ее, когда, смотрите, как раз в тот момент, когда вооруженная Афина выскочила из головы своего отца, родился Уицилопочтли; щит в его левой руке, копье в правой, зеленое оперение на голове и перья колибри на левой ноге; кроме того, его лицо, руки и голени были в голубую полоску. Он сразу же убил своих противников, разграбил их жилища и принес добычу своей матери. За это его прозвали Ужасом и Устрашающим Богом.

Если мы проанализируем этот миф, то заметим, что появляется другая мать, а не та, которую ранее приносили в жертву в его честь, Тетейонан. Две матери не представляют собой ничего примечательного в мифологии, я должен только упомянуть Афродиту и Афины, у которых, согласно разным рассказам, были разные отцы. До тех пор, пока продолжается формирование мифов, основанных на свежих представлениях о природе, всегда возможны несколько иные идеи (ибо совершенно разными даже здесь две матери не являются) с разных точек зрения. Это антропоморфизм эпохи, который фиксирует односторонний вывод. Тетейонан - мать Уицилопочтли, потому что она мать всех богов. Матерью в данном случае является Флора ацтеков, эвгемеризованная в богобоязненную женщину, Коатликуэ, или Коатлантану, о поклонении которой в Коатепеке и Мексике мы уже говорили.

Вторым важным моментом в мифе является тесная связь Уицилопочтли с ботаническим царством. Колибри - вестник весны, посылаемый югом на север, из жаркого региона в умеренный. Это средство оплодотворения цветов, его движения вызывают перенос пыльцы с тычинок на зародышевые оболочки. Он засовывает свой длинный, тонкий клюв глубоко в цветок и, роясь под тычинками, пьет нектар цветка, одновременно способствуя размножению растения. В латинском мифе Марс также находится в тесной связи с Флорой: Юнона дает ему рождение с помощью Флоры, без помощи Юпитера. В нашей мифологии севера Тор находится в дружеских отношениях с Наной, северной Флорой. Мы также уже знакомы с басней племени Пима, согласно которой богиня маиса забеременела от дождевой капли и родила праотца народа, того, кто построил великие дома.

СЕСТРЫ УИЦИЛОПОЧТЛИ.

Вопрос, почему Уицилопочтли должен быть сыном богини растений и в чем заключается его реальная связь с ботаническим царством, решается путем изучения поклонения ему на трех древних ежегодных праздниках, которые проводятся именно в те периоды года, которые наиболее важны для мексиканского климата, - в середине мая, середине августа и конце декабря. Как правило, в первой половине мая начинаются дожди. До этого царят сильнейшая засуха и оцепенение; растения кажутся слабыми и поникшими; природа голая, земля серая от сухой, увядшей травы. Однако после нескольких дней дождей деревья покрываются свежей

зеленью, земля покрывается новыми травами, вся природа оживает. Деревья, кустарники, растения распускают свои цветки; над всем этим витает легкий аромат. Плоды, побеги с возделанного поля, сочная, яркая зелень кукурузы радуют глаз. Мюленпфордт, долгое время проживший в этих краях, дает такое описание сезона. Утверждение Фолькера о том, что дождь и вода занимают первое место в древней физике как оплодотворяющие принципы и что они встречаются нам в бесчисленных мифах, вдвойне справедливо для тропиков. Не требуется большого воображения, чтобы понять, какое сильное впечатление преображенная природа, со всей ее красотой и благословениями, должна производить в душе дитя природы. Именно по этой причине древний Тлалок пользовался таким большим уважением у ацтеков, а Кецалькоатль не побрезговал украсить свою мантию крестами бога дождя. Итак, первый праздник Уицилопочтли в году, праздник прибытия бога, возношения благовоний, приходится на начало сезона оживления природы дождем. Германские язычники говорили, что в этот период в страну пришли Нертус, Фрейя, Хульда, Берта, Фриг и другие божества. Специально для этого праздника ацтеки приготовили изображение своего главного бога, сделанное из съедобных растений и меда, такого же размера, как деревянное изваяние; и юноши пели перед ним деяния своего бога и гимны, молящие о дожде и плодородии. Последовало принесение в жертву множества перепелов, воскурение благовоний и знаменательный танец священников и девственниц. Девственницы, которых в этот день называли сестрами Уицилопочтли, носили на головах гирлянды из сухих маисовых листьев, а в руках держали расщепленный тростник, символизируя этим сухой сезон. Священники, напротив, олицетворяли ожившую природу, их губы были намазаны медом.

Теперь, хотя, по словам Макса фон Вида, до прибытия европейцев в Америке не было пчел, пчелы здесь представлены колибри, также называемыми медоносными или пчелиными птицами, которые, паря и жужжа, как пчелы, собирают свою пищу с трубчатых цветов. Эта пища состоит из маленьких насекомых, питающихся медом, и они кормят своих детенышей, позволяя им посасывать язык, покрытый этим медом. Кроме того, жрецы несли еще один символ весны: каждый держал в руке посох, на котором был закреплен цветок из перьев, а поверх него - еще один пучок перьев; таким же образом, ястребиное оперение Фрейи обозначало наступление прекрасного сезона. Заключенный был выбран за год вперед в качестве жертвы и назывался "мудрым владыкой небес", поскольку он олицетворял бога и имел привилегию выбирать час жертвоприношения; он умирал не на жертвенном камне, как другие заключенные, а на плечах жрецов. На этом празднике маленькие дети были посвящены богу своей страны с помощью небольшого надреза на груди.

Так же и Марс предстает как бог весны, тот, кому были посвящены трава и священное весеннее время рождения животных (*ver sacrum*), чей главный праздник и чей месяц приходятся на начало весны, в это время салии также пели свои старые религиозные песни, а человек олицетворял бога. Тирский праздник пробуждения Геракла также пришелся на весну, по той же причине. Таким образом, в мифе о рождении Уицилопочтли и в его первом празднике весна, или энергия, производящая весну, положена в основу его бытия. Его воинственные атрибуты являются придатками антропоморфизированного национального бога и бога войны.

Второй великий праздник божества проходит в середине августа. Дожди, которые продолжались и освежали до сих пор, становятся прерывистыми, и приближается прекрасный сезон, в течение которого лазурное небо тропиков изливает свое великолепие и благотворное тепло на людей, животных и растения, разбросанные по равнине, расположенной на высоте

8500 футов над уровнем моря. Там идет двенадцатый месяц, месяц спелых фруктов. Идолы во всех храмах и жилищах украшены цветами. Теперь благословением является уже не дождь, а голубое небо, которое лелеет пестрый цветочный мир. По этой причине изображение Уицилопочтли было голубым, его голова была обвита лазурной лентой, в правой руке он держал лазурный посох или дубинку и сидел на лазурном табурете, который, согласно древним преданиям, символизирует небеса как место его обитания. На его руках и ногах также были синие полосы, а на шее висели дорогие синие камни. Египетский бог плодородия Хем также был изображен синим.

ГИБЕЛЬ РАСТИТЕЛЬНОСТИ.

Третий фестиваль Уицилопочтли проходит во время зимнего солнцестояния - периода, который играет важную роль во всех культах и мифах. Самым известным праздником такого рода является тот, который проводится 25 декабря по всей Римской империи в честь рождения Митры, непобедимого солнца. Чипева в Северной Америке называют декабрь месяцем малого духа, а январь - месяцем великого духа. Мексиканский фестиваль в этом месяце олицетворял характер вступающего сезона и новое состояние природы. Наступают холода, горы покрываются снегом, земля пересыхает, растения тщетно ищут себе пропитание, многие деревья теряют листву — одним словом, природа кажется мертвой. Так случилось и с их богом. Жрецы приготовили его изображение из различных семян, замешанных на крови принесенных в жертву детей. Многочисленные религиозные обряды очищения и покаяния, омовения водой, кровопускания, посты, процессии, воскурение благовоний, жертвоприношения перепелов и людей положили начало празднику. Затем один из жрецов Кецалькоатля выпустил стрелу в это изображение Уицилопочтли, которая пронзила бога, который теперь считался мертвым. Его сердце было вырезано, как у человеческих жертвоприношений, и съедено королем, представителем бога на земле. Тело, однако, было разделено между различными кварталами города, так что каждый мужчина получил по кусочку. Это называлось *теоквало* "бог, которого съедают".

Значение смерти этого бога в целом очевидно; оно соответствует гибели растительности; и сравнение мифа о его рождении с двумя другими праздниками Уицилопочтли приводит к тому же выводу. Таким образом, этот третий праздник одновременно является праздником в честь брата этого бога, Тецкатлипоки, бога подземного мира, смерти, засухи и голода, правление которого начинается там, где заканчивается правление его брата. Миф придает сходную форму и смысл смерти Осириса, убитого Тифоном, и смерти Диониса и Геракла в финикийских колониях. Адонис живет с Афродитой в течение одной половины года, а с Персефоной - другой половины; индийский Кришна уходит в подземный мир; таким же образом, Брахма и кельтский бог солнца Ху ежегодно умирали и ежегодно рождались вновь. Фестиваль самосожжения тирского Геракла также относится к этому виду; он проводится во время отмирания растительности, даже если это должно быть летом.

Что касается обычая поедания бога, то это также происходит на другом празднике, который отмечается в это время года, в честь богов гор и воды. Затем были приготовлены маленькие идолы из семян и теста, их груди были вскрыты, как у человеческих жертв, вырезано сердце, а тело роздано для употребления в пищу. Время, в которое это происходит, показывает, что оно находится в необходимой связи со смертью бога. Когда бог умирает, это должно совершаться как жертвоприношение в соответствии с его религией, а когда умирает

антропоморфизированный бог, это совершается как человеческое жертвоприношение со всеми необходимыми обычаями, относящимися к нему: его убивают священники, у вырывают сердце, а его тело съедают во время жертвоприношения, точно так же, как это делалось с каждым человеческим жертвоприношением. Может ли это означать, что бог, будучи съеденным, передается или инкорпорируется с человеком, который его ест? Это, без сомнения, так, хотя и не в абстрактном, метафизическом, христианском или моральном смысле, а только в отношении его чувства природы (seiner Naturseite), которое является реальной сущностью бога. Он отдает свое тело в виде семени на съедение своему народу, точно так же, как природа, умирающая с приближением зимы, в этот самый период накопила изобилие своих даров для пропитания человека. Она дает человеку свой жизненный плод, или плод жизни в виде воинства или священной облатки. Как правило, бог во время жертвоприношения угощает приношением тех, кто приносит жертвы; и поедание мяса раба, который так часто представляет бога, которому его приносят в жертву, - это то же самое, что поедание бога. Мы слышали об обычае некоторых народов есть прах своих предков, которым они воздают божественные почести, чтобы стать обладателями их добродетелей. Народ Арканзаса, расположенный к западу от Миссисипи, который поклонялся собаке, обычно ел собачатину на одном из своих праздников. Многие другие народы торжественно забивают животных, употребляют в пищу их мясо и, более того, воздают останкам этих животных божественные почести. Здесь становится понятным поедание бога в семенах — этот обычай существовал и у греков. Разделение бога года древними в мифах и религиозных системах, в остальном, не имеет иного смысла, чем это распределение тела Уицилопочтли. Это делается с солнечным быком на празднике персидского Митры, как и на пиру, и в мифе о Дионисе-Загрее, об Осирисе и Аттисе.

ГОДОВАЯ ЖИЗНЬ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА.

Все три ежегодных праздника, а также миф о его рождении, как правило, демонстрируют положительную связь Уицилопочтли с годовой жизнью растительного мира. Первый праздник - это приход бога, когда открывается растительный мир с его гимнами, молящими о дожде, его девственницами, представляющими сестер бога и враждебную засуху, в том же смысле, в каком братья и сестра, особенно последняя, являются его врагами в мифе о его рождении, и, как Тецкатлипока, бог засухи - его брат. Братья и сестры нередко представляют параллельные противоположности в мифологии и богослужении. Второй праздник представляет бога как ботаническое царство во всем его великолепии, по этой причине мексиканцы называют колибри солнечным лучом, по форме, которую принимает бог в это время. Более того, колибри тоже погружается в зимний сон, и таким образом бог умирает зимой вместе с растениями. Гренландцы спросили младшего Эгедэ, умирал ли когда-нибудь бог неба и земли, и, получив отрицательный ответ, они были очень удивлены и сказали, что он, несомненно, великий бог. Эта тесная связь с миром растений также показана в мифе о рождении Уицилопочтли, который здесь предстает как сын богини растений. Теперь становится легче ответить на вопрос Вуттке: относится ли басня об этом рождении просто к созданию человека из уже существующего бога или к действительному рождению бога? Ацтеки, правда, были в нерешительности по этому вопросу, одни признавали за ним человеческое существование на земле, другие наделяли его сознанием своей природы. Мы, однако, отвечаем на этот вопрос просто, исходя из предыдущего: рождение бога ежегодно, и миф на основании этого изобрел одно рождение, которое, как говорят, имело место в определенный период, в то время как антропоморфизм очень красиво описывает превращение в человека. О прежнем существовании рожденного бога миф ничего не знает, ибо только впоследствии он возносит бога на небеса. Однако в

случае с Уицилопочтли дело не дошло до эвгемеризма, хотя с Уицитонам это произошло. Ставя бога в положение сына по отношению к богине-растению, миф отделяет его бытие от бытия матери, следовательно, Уицилопочтли сам не принадлежит к растительному миру, как бы тесно он с ним ни был связан. Это становится яснее, если проследить за мифом о рождении, который делает его сыном не только Коатликуэ, но и силы, вызывающей ее оплодотворение. Пестрый комочек перьев, упавший с небес, - это не кто иной, как сам Уицилопочтли, маленькая колибри, которая является средством плодоношения растений и мужественной, оплодотворяющей природной силой, проявляющейся им и исходящей от него весной. Он также рождается с пучком перьев, и этот символ прекрасного времени года никогда не покидает его ни в одной из его форм, он остается его атрибутом.

У тапуа в Южной Америке есть, по схожему символизму, обычай на своих ежегодных праздниках посева семян позволять кому-либо повесить себе на спину пучок страусовых перьев, расправив их наподобие колеса. Этот пучок перьев - их символ плодоносящей силы, которая нисходит с небес. Таким образом, становится понятной их вера в то, что хлеб падает с небес в этот пучок перьев. В этом мифе мы находим естественную основу такого мифа о рождении. В нашей северной мифологии Некрис, шар, точно так же является отцом Нанны, северной Флоры. То, что эта мужественная сила небес предстает в виде комка перьев, подходит богу колибри. Эсты также представляли своего бога грома как бога тепла в виде птицы. В том же смысле голуби были посвящены Зевсу в Додоне и Аркадии, а летящая птица является символом рая у китайцев. Однако эта сила может быть символизирована в другой форме и породить миф о рождении точно такого же рода. Так, дочь бога Сангария во фригийском мифе спрятала у себя на груди плод миндального дерева, выросшего из семени дитя земли Агдистиса: плод исчез, дочь забеременела и родила прекрасного мальчика Атта. Согласно Арнобию, это был плод гранатового дерева, которое принесло плоды Нанне. У китайцев нимфа по имени Пуца, кормилица всего живого, забеременела, съев цветок лотоса, и родила великого законодателя и завоевателя. Даная снова беременеет от золотого дождя Зевса — легко понятный символизм. Это всегда мужественная природная сила, которую можно увидеть либо в солнце, либо в лазурном небе (по этой причине Уицилопочтли называют владыкой небес, Очибусом или Хучилобосом), которая помещает пестрое семя в лоно растительного мира, "в то же время снова прорастая и проявляясь в растительном мире". Эта небесная жизненная сила не раньше, чем находит земное материнское лоно, ее триумф обеспечен, еще до рождения, пока развивается ее зародыш; точно так же, как внутренний голос, в котором она произрастает, в то же время проявляет себя в растительном мире. этот миф утешал мать и защищал ее от всех ее врагов. Только после его рождения миф рассматривает Уицилопочтли как личного антропоморфного бога.

МУЖЕСТВЕННАЯ НАТУРА-СИЛА.

Это естественное значение Уицилопочтли, которое мы приняли за основу всех других представлений о боге, и по этой универсальной причине, а именно, что самые древние языческие боги - это боги природы, которым следуют мифологические правила, и что языческая религия по сути является поклонением природе, а также политеизмом. Специальное исследование и последующая проверка различных достоинств привели к тому же результату. Но, поскольку эта точка зрения еще не была общепринятой в отношении этого бога, можно добавить несколько слов относительно объединения антропоморфного национального аспекта Уицилопочтли с его природным аспектом. Было сочтено необходимым сделать боевую фазу

Уицилопочтли основой для остальных, как в случае с Марсом. С этой точки зрения война - порождение весны, потому что после долгого зимнего перемирия оружие возобновляется. Это совсем не относится к Уицилопочтли, потому что сезон дождей, начинающийся весной, когда празднуется прибытие и рождение бога, делает мягкие дороги Мексики непригодными для военных экспедиций. Изначально войны были порождениями осени, и в это время созревшие плоды становились объектами грабежа. Но идея войны и национального бога легко соотносится с основой оплодотворяющего бога небес. Этот главный бог природы может быть либо богом небес, как Уицилопочтли, поскольку дарящий дождь Зевс сделан Гомером национальным богом, которому в Аркадии приносились человеческие жертвы вплоть до позднего периода, либо он может быть богом солнца, как Ваал, к которому в Финикии обращались с молитвами о дожде, чтобы способствовать росту плодов, и который также принимал человеческие жертвоприношения. Кельтский Ху также является эфирным богом войны, собственно богом солнца, который принимал человеческие жертвоприношения в честь победы весны; тем не менее, Один связан с войной, сражениями и военными ужасами; он бог огня, подобно Молоху и Шиве, которому приносились человеческие жертвы из страха перед голодом и неурожаем. Следует принимать во внимание не столько очевидную основу существования такого бога, сколько тот факт, что люди приписывали ему главное управление в течение года. В таком случае главный правитель также становится национальным богом, жизнь нации непосредственно зависит от годового хода природы. Если нация воинственна, то национальный бог, естественно, также становится богом войны. Как антропоморфизм связывает себя с богом природы только в более поздний период, так и поклонение ему как богу войны и национальному богу. В случае с Марсом, а также с Пикусом и Фавном соблюдается та же последовательность. Марс, например, призывается в молитве, которая была сохранена Катонем, чтобы защитить пастухов и стада, а также предотвратить плохую погоду и неурожай; Вергилий называет его богом растений. В "песне братьев Арвалиан" он назван защитником цветов. Таким образом, и в его случае природная сторона является основой. Китайский символизм союза двух сторон, или фаз, выражен таким образом, что копья и оружие изображают зародыши растений. Этот союз уже был проиллюстрирован у ацтеков колибри, солнечным лучом, играющим вокруг цветов, в маленьком теле которого горит сильнейший боевой дух. У египтян жука помещали на кольцо воина, у которого он означал мир и добычу.

СИМВОЛИКА ЗМЕИ.

Остается поговорить о другом атрибуте Уицилопочтли, атрибуте змеи. Уицилопочтли также является богом-змеей. Мы уже упоминали, когда говорили о поклонении змеям майя, о многочисленных змеях, с которыми этот бог связан в мифах и образах, и о том, как этот атрибут был добавлен к первоначальному атрибуту колибри в Коатепеке, где его родила богиня-змея Коатликуэ. Если змея означает, в одном случае, время, в другом - мир, а в другом случае - воду или ежегодное обновление зародышей и цветов, вечный круговорот природы, господство, предсказание — это вполне уместно; ибо все эти качества объединены в боге. Другие качества, которыми он, по-видимому, не обладал, мы пропускаем мимо ушей, такие как связь с землей и с целительной силой, которую можно найти у других мексиканских богов, или злое начало, которого совершенно нет. Точно так же, как змея каждый год меняет свою кожу и уходит в зимний сон, то же самое делает и Уицилопочтли, мать которого, Флора, является, следовательно, богиней-змеей. Точно так же змея олицетворяет зерно в мистериях Деметры. В Сабазии она олицетворяет плодоносящего Зевса и благословение. Это также символ производительной силы и тепла, или жизни, атрибут дарующего жизнь Шивы; у египтян он

символизирует ежегодное омоложение зародышей и цветов. Змея Агатодемон появляется с колосьями зерна и маками, как символ плодородия. Если бог проявляет эту свою природу весной, во время дождя, то змея является подходящим атрибутом. В Индии змеи - гении морей, а Пенджаб, плодородие которого обеспечивается ежегодными наводнениями, носит название змеиных земель (Нагакханда) и претендует на древнее почитание. Поддерживающий бог воды, Вишну, также получил атрибут змеи. У китайцев вода могла быть представлена змеей. Перуанцы называют удава матерью природы.

Идея ежегодного обновления природы также связана с идеей вечной молодости времени, и поэтому ацтеки окружают свой цикл изображением змеи как символа времени. Более позитивное значение, которое змея, помещенная рядом с колибри, придает Уицилопочтли, - это значение бога-прорицателя, подобного змею Питону у греков. У египтян змея означала "царь", и это устраивало и Уицилопочтли, которого вполне можно считать настоящим царем своего народа. Если змея, как это связано с Уицилопочтли, также олицетворяет бога войны, то из-за своего энергичного способа нападения я не могу с уверенностью сказать, но миф, а также поклонение связывают ее с богиней войны Афиной. Хотя идея национального бога и бога войны не совсем затемнена атрибутом змеи, все же им особенно обозначается природная сторона, как в южных странах, где преобладало поклонение змее; отсылка к южной природе этого бога вполне очевидна в атрибуте змеи. На севере влага, представленная змеей, никогда не имела того космологического значения, которое она имеет в жарких странах юга. Там змея скорее олицетворяет антикосмогонический, или дурной принцип.[\[VIII-15\]](#)

ПРАЗДНИК ЗИМНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ.

Мистер Тайлор, не вдаваясь в подробности, тем не менее, согласен, насколько это возможно, с Мюллером. Он говорит: "Само название Мексики, по-видимому, происходит от Мекситли, национального бога войны, идентичного или отождествляемого с отвратительным окровавленным Уицилопочтли. Не пытаясь в общих чертах разгадать загадочную природу этого неразрывно связанного партеногенетического божества, мы можем заметить связь его главного праздника с днем зимнего солнцестояния, когда его идол из пасты был пронзен стрелой и, будучи таким образом убит, был разделен на куски и съеден, поэтому церемония получила название *теоквало*, или "поедание бога". Эта и другие детали, как правило, показывают, что Уицилопочтли изначально был божеством природы, чья жизнь и смерть были связаны с годом, в то время как его функции бога войны могут быть добавлены позже".[\[VIII-16\]](#)

Дата этого праздника зимнего солнцестояния и дальнейшие подробности приведены в Ватиканском кодексе следующим образом:—

Название мексиканского месяца Панкетсалицтли, начинающегося первого декабря, в переводе означает "поднятие знамен". Ибо в первый день декабря каждый человек поднимал над своим домом маленький бумажный флажок в честь этого бога битвы; и капитаны и солдаты приносили в жертву тех, кого они взяли в плен на войне, которые, прежде чем быть принесенными в жертву, были освобождены и вооружены так же, как их противники, им разрешалось защищаться, пока они не будут либо побеждены, либо убиты, и таким образом приносились в жертву. Мексиканцы отмечали в этом месяце праздник своего первого капитана Вичилопучитля. В это время они отмечали фестиваль вафель или тортов. Они испекли пирог из муки бледоса, который

называется *тзоалли*, и, испекши его, поговорили по-своему и разломали на кусочки. Первосвященник переложил их в определенные очень чистые сосуды и с помощью шипа магуэя, напоминающего толстую иглу, он с величайшим почтением брал отдельные кусочки и клал их в рот каждому по отдельности, как при причастии — и я готов поверить, что эти бедные люди знали о нашем способе причащения или проповеди Евангелия; или, возможно, дьявол, наиболее завидующий чести Бога, возможно, ввел их в это суеверие, чтобы посредством этой церемонии ему поклонялись и служили как Христу, нашему святому Духу. Господи. Двадцать первого декабря они праздновали праздник этого бога, благодаря которому, как они говорят, земля снова стала видимой после того, как была затоплена водами потопа: поэтому они праздновали его праздник в течение двадцати следующих дней, во время которых приносили ему жертвы. [VIII-17]

УКРАШЕНИЯ ТЛАЛОКА.

Божество Тлалок, или Тлалокатейхтли, которого мы несколько раз находили упомянутым сидящим рядом с Уицилопочтли в великом храме, было богом воды и дождя, а также удобрения земли. Считалось, что он обитает там, где собираются тучи, на самых высоких горных вершинах, особенно на вершинах Тлалока, Тлашкалы и Толуки, и его атрибутами были молния, сверканье и раскаты грома. Считалось также, что на высоких холмах обитали другие боги, подчиненные Тлалоку, — все они носили одно и то же имя и почитались не только как боги воды, но и как боги гор. Основными цветами изображения Тлалока были лазурный и зеленый, что символизировало различные оттенки воды. Украшения этого изображения сильно варьировались в зависимости от местности и фантазий разных верующих: описание Гамы, основанное на изучении оригинальных произведений мексиканского религиозного искусства, является наиболее достоверным и полным. В великом храме Мексики, в его собственной часовне, называемой *эпеоатль*, примыкающей к часовне Уицилопочтли, этот бог воды стоял на своем пьедестале. В его левой руке был щит, украшенный перьями; в правой - несколько тонких, блестящих, волнистых золотых листов, изображавших его молнии, или иногда золотая змея, символизирующая либо молнию, либо влагу, с которой это божество было так тесно связано. На ногах у него было что-то вроде полусапожек, с которых свисали маленькие золотые колокольчики. Вокруг его шеи была повязка или ошейник, украшенный золотом и драгоценными камнями, в то время как с его запястий свисали нити из дорогих камней, даже таких, какие носят короли. Одеждой его была лазоревая рубаха, доходившая до середины бедра, расшитая поперек серебряными лентами, образующими квадраты; и в середине каждого квадрата был круг, тоже серебряный, а по углам его были цветы жемчужного цвета со свисающими желтыми листьями. И точно таким же украшением одеяния был щит; низ голубой, покрытый перекрещивающимися серебряными лентами и серебряными кругами; и перья желтые, зеленые, телесного и синего цветов, каждый цвет образует отдельную полосу. Тело было обнажено ниже середины бедра и имело серый оттенок, как и лицо. На этом лице был только один глаз несколько необычного характера: внешний круг был голубым, внутренний - белым с черной линией поперек него и маленьким полукругом под линией. Либо вокруг всего глаза, либо вокруг рта была двойная лента синего цвета; это, хотя и не замеченное Торквемадой, по утверждению Гамы, никогда не пропускалось ни на одной фигуре Тлалока, было его самым характерным украшением и тем, что особенно отличало его от других богов. В его открытом рту виднелись только три точильщика; его передние зубы были выкрашены в красный цвет, как и кулон с золотой пуговицей, который висел у него за ухом. Его головным украшением была открытая корона, покрытая по окружности белыми и зелеными перьями, а из-

за спины через плечо свисали другие плюмажи красного и белого цветов. Иногда у этого бога опускается эмблема молнии, и Икстлильшочитль изображает его на рисунке месяца Этцалли с маисовой палочкой в одной руке, а в другой - своего рода инструмент, которым он копался в земле. В вырытую таким образом землю клали листья кукурузы, наполненные чем-то вроде оладий, называемых *эцалли*; от этого месяца и получил свое название.[\[VIII-18\]](#)

МОЛИТВА ТЛАЛОКУ.

МОЛИТВА О ДОЖДЕ.

У Саагуна сохранилась молитва к этому богу, в которой следует заметить, что слово Тлалок используется иногда в единственном, а иногда во множественном числе:—

О наш Господь, милосерднейший, щедрый податель и повелитель зелени и прохлады, владыка земного рая, благоухающего и цветущего, и повелитель копаловых благовоний, горе нам, что боги воды, твои подданные, спрятались в своем убежище, которые привыкли подавать нам то, в чем мы нуждаемся, и которым самим подают *улли* и *аштли* и копал. Они оставили в тайне все, что поддерживает нашу жизнь, и унесли с собой свою сестру, богиню предметов первой необходимости, а также богиню перца. О Господь наш, сжался над нами, живущими; наша пища погибает, иссыкает; из-за недостатка воды она как бы превращается в пыль и смешивается с паутиной. Горе несчастным труженикам и простым людям; они истощены голодом, они ходят неузнаваемые и все до единого изуродованные. Под глазами у них синева, как после смерти; рты у них сухие, как осока; все кости в их телах можно пересчитать, как в скелете. Дети изуродованы и пожелтели, как земля; не только те, что начинают ходить, но даже те, что в колыбели. Нет никого, к кому не приходили бы эти муки голода; даже животные и птицы испытывают сильную нужду из-за нынешней засухи. Жалко видеть птиц, одни тащатся с опущенными крыльями, другие совершенно падают и не могут ходить, а третьи все еще сидят с открытыми ртами от голода и жажды. Что касается животных, о наш Господь, это печальное зрелище - видеть, как они спотыкаются и падают, лижут землю от голода и тяжело дышат с открытым ртом и свисающим языком. Люди теряют рассудок и умирают от жажды; они погибают, никто не хочет оставаться. Печально, о наш Господь, видеть, как все лицо земли высыхает, так что она не может произрастить ни трав, ни деревьев, ничего, что могло бы прокормить нас — землю, которая раньше была нам как отец и мать, давая нам молоко и всякую пищу, травы и плоды, которые на ней росли. Теперь все высохло, все потеряно; очевидно, что боги Тлалока унесли все с собой и спрятались в своем убежище, которое является земным раем. Вещи, о Господь, которые ты милостиво имел обыкновение давать нам, которыми мы жили и радовались, которые являются жизнью и радостью всего мира и драгоценны, как изумруды или сапфиры, — все это ушло от нас. О Господь наш, бог питания и податель его, самый гуманный и сострадательный, что ты решил сделать с нами? Может быть, ты совсем оставил нас? Неужели твой гнев и негодование не будут утолены? Неужели ты решил, что все твои слуги и вассалы погибли и что твой город и королевство останутся опустошенными и необитаемыми? Возможно, это было определено и улажено на небесах и в аиде. О Господь наш, согласись хотя бы с этим, чтобы невинным детям, которые не могут даже ходить, которые все еще находятся в колыбели, было что поесть, чтобы они могли жить, а не умереть от этого столь сильного голода. Что они такого сделали, что их должны мучить и они должны умереть с голоду? Они не совершили никакого беззакония и не знают, что значит грешить; они не оскорбили ни бога небес, ни бога ада. Мы, если мы во многом согрешили, если наши грехи достигли небес и ада, и

зловоние от них распространилось до краев земли, именно поэтому мы должны быть уничтожены и покончить с собой; нам нечего ни сказать по этому поводу, ни оправдать себя, ни противостоять тому, что определено против нас на небесах и в аду. Пусть это будет сделано; уничтожьте нас всех, и притом быстро, чтобы мы не могли страдать от этой долгой усталости, которая хуже, чем если бы мы сгорели в огне. Конечно, это ужасно - страдать от такого голода; это подобно змее, которой не хватает пищи, она глотает свою слюну, она шипит, она просит чего-нибудь пожрать. Страшно видеть, как мучительно оно требует чего-нибудь поесть; этот голод силен, как горящий огонь, выбрасывающий искры. Господи, пусть произойдет то, о чем много лет назад мы слышали от стариков и женщин, ушедших от нас, пусть небеса обрушатся на нас и спустятся демоны воздуха, изицимиты, которые должны прийти, чтобы уничтожить землю со всеми, кто на ней обитает; пусть тьма и мрак покроют весь мир, и нигде не будет места обитания людей на нем. Это было известно древним, и они разглашали это, и из уст в уста это дошло до нас, все это должно произойти, когда наступит конец света и земля устанет производить на свет живых существ. Господь наш, такой нынешний конец был бы теперь дорог нам, как когда-то были дороги богатство или удовольствия — какими бы несчастными мы ни были! Благоклонно смотри, о Господь, чтобы на нас обрушилась какая-нибудь чума, которая быстро покончит с нами. Такая чума обычно исходит от бога айда; и если бы она пришла, то, возможно, был бы предоставлен некоторый запас пищи, чтобы мертвые не отправлялись в аид без каких-либо припасов на дорогу. О, если бы это бедствие было войной, которая порождена солнцем и которая пробуждается ото сна, как сильная и доблестная, — ибо тогда солдаты и храбрые, стойкие и воинственные мужчины получили бы от этого удовольствие. В нем гибнут многие, и проливается много крови, и поле битвы заполняется мертвыми телами, костями и черепами побежденных; лицо земли также усеяно гниющими волосами с голов воинов; но этого они не боятся, ибо знают, что их души отправляются в дом солнца. И там они чувствуют солнце радостными голосами и с большим наслаждением сосут различные цветы; там прославляются и превозносятся все стойкие и доблестные люди, погибшие на войне; там также Солнцу преподносят маленьких и нежных детей, погибших на войне, очень чистых, хорошо украшенных и сияющих, как драгоценные камни. Твоя сестра, богиня пищи, заботится о тех, кто идет туда, снабжая их провизией на дорогу; и эта обеспеченность необходимыми вещами является силой, душой и посохом всех людей мира, и без нее нет жизни. Но этот голод, от которого мы страдаем, о наш самый человеколюбивый Господь, настолько силен и невыносим, что несчастные простые люди не в состоянии ни страдать, ни поддерживать его; будучи еще живыми, они умирают многими смертями; и страдают не только люди, но и все животные. О наш самый сострадательный Господь, повелитель зелени и камеди, благоухающих и полезных трав, я умоляю тебя с состраданием взглянуть на людей этого твоего города и королевства; ибо весь мир, вплоть до самых зверей, находится под угрозой разрушения, исчезновения и непоправимого конца. Поскольку это так, я умоляю тебя увидеть добро, чтобы послать обратно к нам богов, дающих пищу, богов дождя и бури, трав и деревьев; чтобы они снова выполняли свои обязанности здесь, с нами, на земле. Разбрасывай богатство и процветание своих сокровищ, пусть затрясутся тимпаны радости, которые являются посохами богов воды, пусть они наденут свои сандалии из индийской резины, чтобы ходить быстро. Помогите, о Господи, нашему господу, богу земли, хотя бы одним дождем воды, ибо когда у него есть вода, он творит и поддерживает нас. Благоволи, о Господь, оживить кукурузу и другие продукты питания, столь желанные и столь необходимые, ныне посеянные и засеянные; ибо гряды земли испытывают сильную нужду и мучения от недостатка воды. Обрати внимание, о Господь, на то, чтобы люди получили эту милость из твоих рук, позволь им увидеть зелень и прохладу, которые подобны драгоценным

камням, и насладиться ими; обрати внимание, чтобы были даны плоды и субстанция Тлалок, которые являются облаками, которые эти боги несут с собой и которые сеют дождь вокруг нас. Обрати внимание, о Господь, на то, чтобы животные и травы радовались, и чтобы птицы с драгоценным оперением, такие как *кечотль* и *кагуан*, летали, пели и сосали травы и цветы. И пусть это не произойдет с раскатами грома и молниями, символами твоего гнева; ибо, если наши повелители Тлалоки придут с громом и молнией, весь народ, будучи худым и очень слабым от голода, будет в ужасе. Если действительно некоторымуже суждено попасть в земной рай ударом молнии, пусть эта смерть коснется только их, и пусть никто не пострадает из других людей в горах или хижинах; и пусть никто не пострадает рядом с магуэями или другими деревьями и растениями земли; ибо все это необходимо для жизни и поддержания людей, бедных, покинутых и отверженных, которые с трудом добывают пищу, достаточную для жизни, проходя через голод с пустым кишечником и прилипанием к ребрам. О Господь наш, самый сострадательный, самый щедрый, податель всякой пищи, будь рад благословить землю и все живое на ее поверхности. С глубоким вздохом и душевной болью я взываю ко всем тем, кто является богами воды, которые находятся в четырех частях света, на востоке и западе, севере и юге, и к тем, кто обитает во впадинах земли, или в воздухе, или в высоких горах, или в глубоких пещерах, я умоляю их прийти и утешить этот бедный народ и напоить землю; ибо взоры всех, кто населяет землю, как животных, так и людей, обращены к вам, и их надежда обращена к вам лично. О Господь наш, будь рад прийти.[\[VIII-19\]](#)

МЕСТЬ ТЛАЛОКА.

Это молитва Тлалоку. Но не одними молитвами они смягчали его гнев и умоляли о помощи; здесь, как и везде в мексиканской религии, важную роль играли жертвоприношения. Когда дождь прекращался и земля иссушалась засухой, устраивались большие процессии, в ходе которых несколько безволосых собак, обычных в этой стране и съедобных, несли на украшенных носилках в место, предназначенное для этого использования. Там их приносили в жертву богу воды, вырезая у них сердца. После этого туши были съедены во время большого празднества. Все это историк тлашкальтеков Камарго видел собственными глазами за тридцать лет до написания своей книги. Человеческие жертвоприношения, которые добавлялись к ним во времена величия старой религии, он описывает так, как ему сообщили священники, совершавшие там богослужения. Два праздника в году отмечались в честь Тлалока: большой праздник и меньший. Каждый из них заканчивался человеческими жертвоприношениями. Бок жертвы вскрывался острым ножом; первосвященник вырывал сердце и, повернувшись к востоку, протягивал его с поднятыми руками к солнцу, раздавливая его при этом изо всех сил. Он повторил это, поворачиваясь последовательно к оставшимся трем сторонам света; остальные *тламакашки*, или жрецы, не переставая при этом затемнять лица идолов облаками благовоний. В конце концов сердце было сожжено, а тело сброшено со ступеней храма. Священник, впоследствии обратившийся в христианство, рассказал Камарго, что, когда он вырывал сердце жертвы и бросал его на землю, оно трепетало с такой силой, что несколько раз отрывалось от земли, пока не остывало. Тлалок пользовался огромным уважением, и только жрецы имели право входить в его храм. Всякий, кто осмеливался богохульствовать против него, должен был внезапно умереть или быть пораженным громом; молния, орудие его мести, сверкнула с неба даже в тот момент, когда оно было наиболее ясным. Жертвы, приносимые ему во время засухи, никогда не оставались без ответа и результата; ибо, как хитро намекает Камарго, священники тщательно следили за тем, чтобы никогда не предпринимать их, пока не увидят признаков надвигающегося дождя; кроме того, добавляет он, представляя, вопреки

необходимости вмешиваться, безусловно ненужного персонажа, если мы предположим, что его последнее утверждение верно, — дьявол, чтобы утвердить этих людей в их заблуждениях, всегда был уверен, что пошлет дождь.[VIII-20]

Дети также приносились в жертву Тлалоку. Мотилиния говорит, что когда прошло четыре года, в течение которых не было дождей и, как следствие, на полях почти не осталось зелени, люди подождали, пока кукуруза не вырастет по колено, а затем сделали общую подписку, по которой были куплены четверо детей-рабов пяти или шести лет. Ими они жестоко пожертвовали, закрыв их в пещере, которую открывали только в этих случаях.[VIII-21]

Согласно Мендьете, опять же, иногда этому богу приносили в жертву утопленных детей. Детей посадили в каноэ, которое доставили в определенную часть Мексиканского озера, где был водоворот, которого больше не видно. Здесь лодка затонула вместе с живым грузом. Согласно тому же автору, у этих богов были алтари по соседству с бассейнами, особенно вблизи источников; эти алтари были снабжены чем—то вроде крыши, а у главных фонтанов их было четыре, расположенных друг против друга в форме креста - креста бога дождя.[VIII-22]

В Ватиканском кодексе говорится, что в апреле Тлалоку принесли в жертву мальчика, а его мертвое тело положили в зернохранилища или на кукурузные поля — неясно, в какие именно, — чтобы уберечь пищу людей от порчи.[VIII-23] Однако именно к Саагуну мы должны обратиться за наиболее полным и достоверным описанием праздников Тлалока с сопутствующими им жертвоприношениями.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ДЕТЕЙ.

В первые дни первого месяца года, который в некоторых частях Мексики называется Куавитлелоа, но обычно Атлкаоало, и начинается второго февраля у нас, был устроен большой пир в честь тлалоков, богов дождя и воды. По этому случаю у матерей было выкуплено много грудных детей; были выбраны те, у которых в волосах было два завитка (ремолино) и которые родились под хорошим знаком; говорят, что это была самая приятная жертва богам бури и, скорее всего, она заставляла их посылать дождь в должное время года. Некоторые из этих младенцев были зарезаны в честь этого божественного праздника в определенных горах, а некоторые были утоплены в Мексиканском озере. С началом праздника в каждом доме, от хижины до дворца, были установлены определенные шесты, и к ним были прикреплены полоски местной бумаги, обмазанные индийской резиновой жвачкой, эти полоски назывались *аматетеуитль*; это считалось почитанием богов воды. И первым местом, где были убиты дети, был Куаутепетль, высокая гора в окрестностях Тлателулько; всех младенцев, мальчиков или девочек, приносимых там в жертву, называли по названию места, Куаутепетль, и украшали полосками бумаги, выкрашенными в красный цвет. Вторым местом, где были убиты дети, был Йоальтекатль, высокая гора недалеко от Гваделупы. Жертвы были украшены кусочками черной бумаги с нанесенными на них красными линиями и названы в честь этого места - Йоалтекатль. Третья смертельная остановка была сделана у Тепецинго, хорошо известного холма, поднимавшегося из вод озера напротив Тлателулько; там они убили маленькую девочку, обклеили ее синей бумагой и называли Кецальхох, потому что так назывался этот холм по-другому. Пойаухтла, расположенный на границе Тласкалы, был четвертым холмом жертвоприношений. Здесь они убивали детей, названных, как обычно, в честь местности, и разукрашивали бумагу, на которой были нанесены линии индийского каучукового масла. Пятым местом жертвоприношения был больше не видимый водоворот или впадина мексиканского

озера Пантитлан. Утонувших здесь называли Эпкоатль, а их украшение -*эпуэпаниуки*. Шестым холмом смерти был Кокотль,[VIII-24] недалеко от Чалкоатенко; младенческие жертвы были названы в его честь и украшены полосками бумаги, половина из которых была красного, а половина - рыжевато-коричневого цвета. Гора Йяухкеме, недалеко от Атлакуйоайи, была седьмой станцией; жертвы были названы в честь этого места и украшены бумагой желтовато-коричневого цвета.

Всех этих несчастных младенцев перед тем, как нести на смерть, украсили драгоценными камнями и роскошными перьями, а также одеждой и сандалиями причудливой работы; они надели им бумажные крылышки (как будто они были ангелочками); они намазали их лица маслом из индийского каучука, а посередине каждой крошечной щеки нарисовали круглое белое пятнышко. Еще не умеющих ходить жертв несли на носилках, сверкающих драгоценностями и развевающихся перьями; флейты и трубы ревели и пронзительно трубили над маленькими головками, такими несчастными из-за двух завитков волос, когда они проходили мимо; и везде, где проносили носилки, все люди плакали. Когда процессия достигла храма близ Тепецинко, на востоке, под названием Тодзокан, священники отдыхали там всю ночь, бодрствуя и распевая песни, чтобы малыши не могли уснуть. Утром марш снова возобновлялся; если дети обильно плакали, окружающие их люди очень радовались, говоря, что это знак того, что пойдет сильный дождь; в то время как если они встречали на дороге кого-нибудь с водянкой, это принималось за дурное предзнаменование и что-то, что предотвратит дождь. Если кто-либо из служителей храма или из других, называемых *куакавитли*, или из стариков, отделялся от процессии или возвращался в свои дома до того, как приходил к месту совершения жертвоприношения, они считались позорными и недостойными какой-либо общественной должности; с тех пор их называли *мокауке*, то есть "дезертирами".[VIII-25]

ОТНЯТИЕ ЦЕЗАРЯ У ЦЕРКВИ.

Скорее смехотворны, чем дьявольски, церемонии следующего праздника Тлалока. В шестой месяц ацтеков, месяц Эцалькваликстли, здесь проводился фестиваль в честь богов воды и дождя. Перед началом этого праздника жрецы-идолы постились четыре дня, и перед началом поста они совершили шествие к определенному водоему недалеко от Читлальтепека, чтобы собрать туле; ибо в том месте этот тростник рос очень высоким и густым, а та его часть, которая была под водой, была очень белой. Там они подняли их, скатали в узлы, обернули одеялами и так понесли обратно на плечах. Как при отправлении за камышом, так и при возвращении с ним было принято грабить любого, кого встречали на дороге; и поскольку все знали об этом обычае, дороги в это время обычно были довольно свободны от отставших. Никто, даже королевский чиновник, возвращающийся к своему хозяину с данью, не мог надеяться спастись в таком случае или получить от какого-либо суда или магистрата какую-либо компенсацию за потерю или увечье, причиненные таким образом имуществу или людям; и если он оказывал какое-либо сопротивление своим клерикальным захватчикам, они били, пинали и волочили его по земле. Добравшись со своими тростниками до храма, они расстелили их на земле и сплели из них, белых с зеленым, как бы раскрашенные циновки, прочно сшив их нитями из корня магуи; из этих циновок они сделали табуретки и стулья со спинками. Наступил первый день поста, и все служители идолов и священники удалились в свои покои в храмовых зданиях. Туда удалились все те, кого называли *тламаказтекиоагами*, то есть "священниками, совершившими военные подвиги, захватившими трех или четырех пленных"; они, хотя и не жили постоянно в храме, прибегали туда в установленное время для исполнения своих обязанностей. Там удалились

также те, кого называли *тламакаскайяке*, то есть "священники, взявшие одного пленного на войне"; они также, хотя и не были постоянными обитателями киеса, прибегали туда, когда их призывали обязанности. Были также те, кого называют *тламаказкекуиканиме*, "певчие-священники", которые постоянно проживали в здании храма, потому что они еще никого не взяли в плен на войне. Последними на пенсию ушли те, кого называли *тламаказтезкахоан*, что означает "низшие служители", и те мальчики, похожие на маленьких ризничих, которых называли *тламакатотон*, "маленькие служители".

Затем все сделанные тростниковые циновки, которые назывались *азтапилпетлатль*, "яшмовые циновки из тростника, или циновки белого и зеленого цветов", были разложены вокруг очагов (*hogares*) храма, и жрецы приступили к облачению в свои служебные одежды. Они надевали что-то вроде куртки, которая у них была, называемой *ксиколли* из крашеной ткани; на левую руку они надевали что-то вроде шарфа, *макатакстли*; в левую руку они брали мешочек с копалом, а в правую курильницу, *темайтл*, которая представляет собой что-то вроде кастрюли для соуса или сковородки из обожженной глины. Затем они вошли во внутренний двор храма, заняли свое место в середине его, положили в свои кадилницы горящие угли, добавили копала и вознесли благовония по направлению к четырем сторонам света: востоку, северу, западу и югу. Сделав это, они высыпали угли из своих кадилок для благовоний в большие жаровни, которые всегда горели по ночам во дворе, жаровни высотой несколько меньше человеческого роста и такие толстые, что двое мужчин с трудом могли обхватить их.

КУПАНИЕ НА ФЕСТИВАЛЕ ТЛАЛОКА.

Закончив с этим, священники вернулись в здания храма, *кальмекак*, и сняли свои украшения. Затем они предлагали перед очагом маленькие шарики из теста, называемые *веутелолотли*; каждый жрец предлагал по четыре, раскладывая их на вышеупомянутых тростниковых циновках и укладывая с большой осторожностью, чтобы они не скатывались и не двигались; и если шарики у кого-нибудь шевелились, долгом его товарищей было привлечь внимание к этому факту и наказать его за это. Некоторые предлагали вместо теста четыре маленьких пирожка или четыре стручка зеленого перца. Также был проведен тщательный осмотр, чтобы убедиться, нет ли у кого-нибудь грязи на одежде, ни одной нитки, волоска или перышка, и чтобы никто не споткнулся и не упал; ибо в таком случае он должен был быть наказан; и, как следствие, каждый человек внимательно следил за всеми своими шагами и повадками в течение этих четырех дней. В конце каждого дневного жертвоприношения приходили некие старики по имени *куаквакуилтин*, их лица были выкрашены в черный цвет, а головы выбриты, за исключением только макушки, где волосам разрешалось отрастать длинными, в отличие от обычая христианских священников. Эти старики ежедневно собирали сделанные подношения, деля их между собой. Далее, у всех жрецов и во всех храмах был обычай во время поста в эти четыре дня просыпаться в полночь от звука рожков, раковин и других инструментов; когда все вставали и, совершенно нагие, шли туда, где были определенные шипы магуи, срезанные для этой цели накануне, и маленькими каменными ланцетами они прорезали себе уши, окрашивая приготовленные шипы магуи и обмазывая свои лица текущей кровью; каждый человек окрашивал шипы магуи своей кровью в количестве, пропорциональном его преданности, и каждый человек окрашивал шипы магуи своей кровью. у одних пять, у других больше, у третьих меньше. Покончив с этим, все священники отправились мыться, какими бы холодными они ни были, под музыку морских раковин и пронзительный свист обожженной глины. У каждого к плечу был привязан маленький мешочек, украшенный кисточками или полосками

раскрашенной бумаги; в этих мешочках носили что-то вроде мелко измельченных трав, приготовленных из какого-то черного красителя в виде маленьких продолговатых гранул.[VIII-26] Основная группа священников маршировала вперед, каждый нес лист магуэя, в который были воткнуты шипы, как в подушечку для булавок, которой он должен был пользоваться. Перед ними шел священник со своим кадиллом, полным тлеющих углей, и мешком копала; а впереди всех шел человек, несущий на плече доску шириной примерно в пядь и длиной в два ярда, очевидно, каким-то образом выдолбленную и наполненную маленькими деревянными валиками, которые гремели, когда носильщик встряхивал их.[VIII-27] Все священники приняли участие в этой процессии, только четверо остались, чтобы позаботиться о строительстве храма, или кальмекака, который был их монастырем. Эти четверо в отсутствие остальных оставались сидеть в кальмекаке и предавались поклонению богам, пению и постукиванию полой доской, подобной упомянутой выше. У водоема, где должны были совершаться омовения жрецы, стояли четыре дома, называемые *аксаукалли*, "дома тумана", расположенные каждый к одной из четырех сторон света; во время омовений в первую ночь один из этих домов был занят, во вторую ночь - другой, и так далее в течение всех четырех ночей и четырех домов тумана. Здесь также были четыре высоких шеста, торчащих из воды. И несчастные купальщики, с самого начала, как мы помним, голые, добрались до этого места, дрожа и стуча зубами от холода. Один из них пробормотал несколько слов, которые в переводе означают: "это место змей, место комаров, место уток и место тростника". Сказав это, все бросились в воду и начали плескаться руками и ногами, производя сильный шум и подражая крикам различных водных птиц.[VIII-28] Когда омовение закончилось, обнаженные священники отправились обратно под музыку труб и раковин. Полумертвые от холода и усталости, они добрались до храма, где, натянув на себя плащи, беспорядочной кучей повалились на тростниковые циновки, о которых так часто упоминалось, и уснули, насколько это было возможно. Нам говорят, что некоторые разговаривали во сне, некоторые ходили во сне, некоторые храпели, а некоторые болезненно вздыхали. Там они лежали, сбившись в кучу, и не поднялись до полудня следующего дня.

РЕЛИГИОЗНАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Первое, что нужно было сделать по пробуждении, - облачиться в свои канонические одежды, взять кадилницы и последовать за старым священником по имени Кваквакуилти по всем часовням и алтарям идолов, воскуривая на них благовония. После этого они были свободны есть; они садились группами на корточки, и каждому давали такую пищу, какую присылали ему из его собственного дома; и если кто-нибудь брал что-нибудь из порции другого или даже обменивал свою на порцию другого, он был наказан за это. Наказание также сопровождалось выпадением какого-либо кусочка во время еды, если вина не была искуплена штрафом. После этой трапезы все они пошли срубить ветки определенного вида, называемого *акшойатль*, или, там, где их не было, вместо них зеленые тростинки, и принести их в храм в связках. Там они сели, каждый со своей связкой, и стали ждать условленного сигнала. По данному сигналу каждый устремлялся в определенную часть храма, чтобы украсить его своими ветками; и если кто-нибудь шел в чужое место, или отставал от своих товарищей, или отставал от них, они наказывали его - наказание, которое можно было смягчить, заплатив его обвинителю в течение четырех дней, о которых мы сейчас говорим, либо курицу, либо одеяло, либо набедренную повязку, либо, если он был очень беден, шарик теста в чашке.

По прошествии этих четырех дней наступил праздник, и каждый мужчина начал его с того, что съел *эцалли*, разновидность кукурузной каши, в своем собственном доме. Для тех, кто пожелал

этого, были устроены всеобщие танцы и веселье. Многие нарядились как мерри-эндрю и ходили группами с горшками, переходя от дома к дому, требуя эцалли. Они пели и танцевали перед дверью и сказали: "Если ты не дашь мне немного каши, я проделаю дыру в твоём доме", после чего был дан эцалли. Эти пирушки начинались в полночь и заканчивались на рассвете. Тогда жрецы действительно предстали во всей своей красе: под ними была куртка, поверх нее тонкая прозрачная мантия, называемая *йауквемитль*, украшенная перьями попугая, расположенными крест-накрест. Между плечами они прикрепили большой круглый бумажный цветок, похожий на щит. К затылку они прикрепили другие цветы из мятой бумаги полукруглой формы; они свисали по обе стороны головы, как уши. Лоб был выкрашен в синий цвет, а поверх краски посыпан марказитовой пудрой. В правой руке он нес мешочек из тигровой шкуры, расшитый маленькими белыми ракушками, которые позвякивали при ходьбе. Сумка, по-видимому, была треугольной; с одного угла свисал хвост тигра, с другого - две его передние лапы, с третьего - две задние лапы. В нем были благовония, приготовленные из определенной травы под названием *яухтли*. [VIII-29] Туда пошел один священник, неся полуоду доску, наполненную деревянными погремушками, как описано ранее. Впереди этого персонажа шествовало несколько других, неся в руках изображения богов, сделанные из той черной жевательной резинки, которая называется *улли* (индийский каучук), эти изображения назывались *ультетеу*, то есть "боги улли". Другие служители несли в руках куски копала, по форме напоминающие сахарные буханки; на вершине каждой пирамиды было воткнуто роскошное перо, называемое *кетцаль*, воткнутое наподобие плюмажа. Таким образом, прошла процессия с обычными рогами и раковинами, и целью ее было привести к наказанию тех, кто нарушил какой-либо из пунктов, которые мы уже обсуждали. Провинившихся вели маршем, одних держали за волосы на затылке, других - за набедренную повязку; мальчиков-правонарушителей держали за руку или, если они были совсем маленькими, несли на руках. Все это было доставлено в место под названием Тотекко, где была вода. Здесь совершались определенные церемонии, в качестве жертвоприношения сжигалась бумага, а также пирамиды из копала и изображения улли, в огонь бросали благовония и разбрасывали другие благовония по тростниковым циновкам, которыми было украшено это место. Пока это происходило, те, кто отвечал за преступников, не бездействовали, а сбрасывали их в воду. Говорят, громкий был шум, вызванный всплеском брошенного в воду человека, и вода высоко подпрыгнула от толчка. Когда кто-нибудь всплывал на поверхность или пытался выкарабкаться, его заталкивали внутрь или снова сталкивали вниз — хорошо было тому, кто умел плавать, и, ныряя далеко, оставаться вне досягаемости своих мучителей. С остальными обращались так грубо, что их часто оставляли умирать у кромки воды, куда приходили их родственники и подвешивали их за ноги, чтобы из них вытекла вода, которую они проглотили; метод лечения, несомненно, такой же опасный, как и сама болезнь.

ЧЕТЫРЕ ШАРА.

Снова заиграла пронзительная музыка, и процессия вернулась тем же путем, каким пришла; друзья наказанных несли их. По достижении монастыря или кальмекака начинался еще один четырехдневный пост, называемый *нетлакачаоализтли*; но при этом строгий религиозный этикет первых четырех дней поста не соблюдался, или, по крайней мере, никто не подлежал информированию или наказанию за нарушение такого этикета. Завершение этого поста было отмечено пиршеством. Снова священники украсили себя праздничными нарядами. Вся голова была выкрашена в синий цвет, лицо было покрыто медом (*миэль*), смешанным с черной краской. Через плечи носили мешочки для благовоний, расшитые маленькими белыми

ракушками, — мешочки, сделанные из тигровых шкур, как описано выше, для первосвященников, и из бумаги, раскрашенной в имитацию тигровых шкур для низших жрецов. Некоторые из этих сумок были сделаны в виде птицы под названием *аццикуилотль*, другие напоминали уток. Жрецы процессией направились к храму, и впереди всех шествовал жрец Тлалока. На голове у него была плетеная корона, плотно прилегающая к вискам снизу и расходящаяся вверху, из середины которой торчало множество перьев. Его лицо было намазано растопленной резинкой из индийского каучука, черной, как чернила, и скрыто уродливой маской с огромным носом и прикрепленным к ней париком, доходившим до пояса. Все шли, бормоча что-то себе под нос, как будто молились, пока не добрались до города Тлалок. Там они остановились, расстелили на земле циновки для туле и посыпали их измельченными листьями туле, смешанными с благовониями яухтли. На это исполняющий обязанности священника поместил четыре круглых чалхиуита, похожих на маленькие шарики; затем он взял маленький крючок, выкрашенный в синий цвет, и прикоснулся им к каждому шарiku; и когда он прикасался к каждому, он делал движение, как бы отводя руку назад, и полностью поворачивался. Он разбросал еще немного благовоний по циновкам, затем взял доску с погремушками внутри и затрубил с ее помощью — возможно, своего рода религиозный сценический раскат грома в подражание грому своего бога. После этого каждый удалился в свой дом или в свой монастырь и снял свои украшения; а несчастных, которых нырнули, наконец отнесли в их собственные жилища для отдыха и выздоровления, в которых они так остро нуждались. В ту ночь праздника разразились с новой силой, зазвучали музыкальные инструменты самого ку - огромные барабаны и пронзительные раковины. В ту ночь за заключенными, которые были обречены на смерть завтра, тщательно следили. Когда это пришло, они были украшены атрибутами богов Тлалока — ибо было сказано, что это изображения этих богов — и те, кого убили первыми, были, как говорили, основой остальных, что, по-видимому, символизировалось тем, что тех, кто должен был умереть последними, заставили сесть на тех, кто был убит первыми. [VIII-30]

По окончании бойни сердца жертв были помещены в горшок, выкрашенный в синий цвет и испачканный улли в четырех местах. Вместе с этим горшком были взяты подношения из бумаги, перьев, драгоценных камней и чалчиуитов, и группа отправилась со всем этим в ту часть озера, где находится водоворот, называемую Пантитлан. Все, кто помогал при этом подношении и жертвоприношении, были обеспечены запасом травы под названием *мистаухиатль*, которая чем-то похожа на благовония, используемые в Испании, и они подносили ее ртом к лицам друг друга и своих детей. Это они делали, чтобы предотвратить попадание личинок в глаза, а также для защиты от определенного заболевания глаз, называемого *экзокуилло-о-аликстли*; некоторые также закладывали эту траву в уши, а другие из определенного суеверия держали горсть ее зажатой в руке. Отряд сел в большое каноэ, принадлежавшее королю, снабженное зелеными веслами, испещренными узорами улли, и быстро поплыл к месту Пантитлан, где находился водоворот. Этот водоворот был окружен бревнами, вбитыми в дно озера наподобие свай — вероятно, для того, чтобы каноэ не затянуло в раковину. Добравшись до этих бревен, жрецы, стоявшие на носу царского судна, начали играть на своих рожках и раковинах. Среди них выделялся их вождь, державший горшок с сердцами; он швырнул их далеко в бурлящую впадину с водой, и говорят, что, когда сердца погрузились в воду, вода странным образом пришла в движение и взбаламутилась, превратившись в волны и пену. Туда же были брошены драгоценные камни, а документы о жертвоприношении были прикреплены к кольям с помощью нескольких халхиуитов и других камней. Священник взял кадило, положил в него четыре листка

бумаги, которые назывались *телуитл*, и сжег их, поднеся к водовороту; затем он бросил их, все еще горящие, вместе с кадилом в раковину. Покончив с этим, каноэ развернули и направили на веслах к пристани Тетамаколко, и все там искупались.

Все это происходило между полночью и утром, и когда начало светать, все жрецы отправились омываться в обычное место. Они смывали синюю краску со своих голов, за исключением только лба; и если кто-либо из священников совершал какие-либо проступки, подлежащие наказанию, его здесь ныряли и наполовину топили, как описано выше. Наконец, все вернулись в свои монастыри, и зеленые тростниковые циновки, расстеленные там, были выброшены за каждым домом.[VIII-31]

Мы привели описание двух великих праздников тлалок — это все, что упоминается многими авторитетными источниками, — однако остаются еще два других примечательных события, в ходе которых их умилоствовали и почитали.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОР.

В тринадцатом месяце, который назывался Тепейлуитль и начинался, согласно Клавиджеро, 24 октября, существовал обычай придавать определенным палочкам форму змей. Определенные изображения детей также вырезались из дерева, и эти куклы, называемые *гекатотонти*, вместе с деревянными змеями использовались в качестве основы или центра, вокруг которого создавались маленькие изображения гор; здесь Тлалоки почитались как боги гор и где поминали тех, кто утонул или был убит ударами молнии, или чьи тела были похоронены без кремации — куклы, возможно, изображали тела этих людей, а змеи - молнии. Взяв затем этих деревянных кукол и змей в качестве основы, они были покрыты тестом, замешанным из семян дикого амаранта; поверх каждой куклы были положены определенные бумаги; вокруг одной змеи и одной куклы, поставленных спина к спине, по-видимому, был привязан пучок сена (этот пучок хранился из года в год и стирался перед каждым праздником), пока не получилась гора надлежащей формы; затем все это было намазано слоем теста, подобного уже упомянутому. Теперь у нас есть наше изображение горы с двумя вершинами, смотрящими в разные стороны и торчащими из ее вершины. Вокруг этой вершины, похоже, были прикреплены рулеты из теста, изображающие облака, которые обычно образуются над гребнями высоких гор. Лицо человека, выглядывавшего из-за этих облаков теста, было вымазано растопленным улли, а к обеим его щекам были прилеплены маленькие лепешки из повсеместного теста с семенами дикого амаранта. На голову этого же изображения была надета корона с торчащими из нее перьями.[VIII-32] Эти изображения делались ночью, а утром их относили в их "молельни" и укладывали на подстилки из тростника; затем им предлагали еду: маленькие пирожки или тарталетки, кашу из маисовой муки с сахаром и тушеное мясо домашней птицы или собак. Перед ними воскуривали благовония, которые бросали в кадьницу в форме руки, как будто это была большая ложка, полная горящих углей. Те, кто мог себе это позволить, пели и пили пультке в честь своих умерших и этих богов.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ТЛАЛОКУ.

На этом празднике были убиты четыре женщины и мужчина в честь тлалоков и гор. Четырех женщин звали соответственно Тепокш, Матлалквак, Хочетекатль и Маявель — эта последняя была украшена в виде изображения магуэйес. Человека звали Милнаоатль; он олицетворял образ "змей". Этих жертв, украшенных бумажными коронами, испачканными улли, несли на

носилках навстречу их гибели. Когда их несли на вершину ку, их одного за другим бросали на жертвенный камень, вынимали сердца кремнем и предлагали Тлалоку, а их телам позволяли медленно соскальзывать по ступеням храма на землю — слишком быстрому спуску препятствовали жрецы. Трупы были отнесены к месту, где головы были отрезаны и законсервированы, насаженные на шесты, воткнутые в виски каждого черепа. Наконец тела были доставлены в палаты, из которых они вышли живыми, и там разрезаны на куски и съедены. В то же время изображения гор, которые мы попытались описать, были разломаны, тесто, которым они были покрыты, выставлено сушиться на солнце и съедалось каждый день по кусочку. Бумаги, которыми были украшены упомянутые изображения, были затем расстелены поверх упомянутых выше пучков сена, и все это было прикреплено к стропилам молельни, которые были у каждого в его доме; там оставалось до тех пор, пока не потребуется для праздника того же рода в следующем году; по этому случаю и в качестве предварительной подготовки к другим церемониям, которые мы уже описали в первой части этого праздника, люди брали бумагу и пучок из своих частных молельен и относили их в общественную молельню, называемую *акаукалли*, оставляли бумагу там и отправлялись в публичную молельню. вернулся с огоньком, чтобы заново создать из него образ горы.[VIII-33]

УБИЙСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ ГОР.

Четвертый и последний праздник Тлалока, который мы должны описать, пришелся на наш декабрь и на шестнадцатый месяц ацтеков, называемый месяцем Атемузтли. Примерно в это время над вершинами гор прогремел гром, и там пошли первые дожди; простые люди сказали: "Теперь идут тлалоки", и из любви к воде они поклялись делать изображения гор — однако, как могло показаться, не такие изображения, которые были описаны как относящиеся к предыдущему празднику. Священники были очень набожны в это время года и очень усердно молились, ожидая дождя. Они взяли каждому человеку свою курильницу, сделанную в виде большой ложки с длинной круглой полый ручкой, наполненной погремушками и заканчивающейся змеиной головой, и поднесли благовония всем идолам. За пять дней до начала праздника простые люди покупали бумагу, улли, кремневые ножи и что-то вроде грубой ткани, называемой *некуэн*, и благочестиво готовились, соблюдая пост и покаяние, чтобы сделать свои изображения гор и покрыть их бумагой. В это священное время года, хотя каждый совершал омовение, он мыл не выше шеи, голова оставалась немытой; более того, мужчины воздерживались от общения со своими женами. Ночь, предшествовавшую великому празднику, он провел целиком, с кремневым ножом в руке вырезая из бумаги различные фигуры. Эти бумаги, называемые *тетевитль*, были испачканы улли; и каждый домохозяин взял длинный шест, покрыл его кусками этой бумаги и установил у себя во дворе, где он оставался весь день праздника. Те, кто поклялся создавать изображения гор, пригласили священников в свои дома, чтобы они сделали это за них. Священники пришли, неся свои барабаны, трещотки и музыкальные инструменты из панциря черепахи. Они сделали изображения, внешне похожие на человеческие фигурки, из теста из семян дикого амаранта и накрыли их бумагой. В одних домах было сделано пять таких изображений, в других десять, в третьих пятнадцать; это были фигуры, обозначающие такие горы, вокруг которых собираются облака, такие как вулкан Сьерра-Невада или Сьерра-Тлашкала. Когда эти изображения были созданы, они были расставлены по порядку в молельной дома, и перед каждым из них была поставлена еда — очень маленькие пирожки на маленьких тарелочках, пропорциональных маленькому изображению, маленькие коробочки с небольшим количеством сладкой кукурузной каши, маленькие тыквенные тыквы с какао и другие маленькие зеленые тыквенные тыквы с пульте. За

одну ночь они таким образом четыре раза угощали фигурки едой. Всю ночь они также пели перед ними и играли на флейтах; штатных флейтистов на этот раз наняли не они, а несколько маленьких мальчиков, которым за их труды заплатили чем-нибудь съестным. Когда наступило утро, служители идолов попросили у хозяина дома его *цоцопазтли*, что-то вроде широкого деревянного ножа, используемого в ткачестве, [VIII-34] и вонзили его в грудь изображениям гор, как если бы они были живыми людьми, перерезали им горло и вытащили сердца, которые они положили в зеленую чашу и отдали хозяину дома. Сделав это, они забрали всю бумагу, которой были украшены эти изображения, вместе с некоторыми зелеными циновками, которые использовались для той же цели, и посудой, в которую клали приношения пищи, и сожгли все это во дворе дома. Затем пепел и изуродованные изображения, по-видимому, были перенесены в публичный молельный дом под названием Айаухкалько, расположенный на берегу озера. Затем все, кто присутствовал на этих церемониях, объединились, чтобы поесть и выпить в честь изуродованных изображений, которые назывались *тепиеме*. Женщинам разрешалось присоединиться к этому пиршеству при условии, что они привезут с собой пятнадцать или двадцать головок кукурузы; каждая из них получала свою долю еды и пульке. Пульке хранили в черных кувшинах и вынимали, чтобы пить из черных чашек. Когда банкет закончился, бумажные ленты были сняты с шестов, установленных во дворах домов, и отнесены к определенным местам в воде, которые были отмечены вбитыми сваями - возможно, мы помним, что наш водоворот в Пантитлане в Мексиканском озере был одним из мест, отмеченных таким образом, — и к вершинам гор, и оставлены там, как это могло показаться. [VIII-35]

Прощаясь здесь с Тлалоком, я могу обратить внимание на важность в его культе числа четыре, креста и змеи; и добавить, что как с владыкой одного из трех ацтекских подразделений будущего мира, владыкой земного рая, мы встретимся с ним снова при нашем рассмотрении мексиканских представлений о будущей жизни.

ГЛАВА IX. БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ ИМ.

Мать или всепитающая Богиня под разными именами и в разных аспектах - Ее праздник в одиннадцатый месяц ацтеков Очпанизтли—Фестивали Восьмого месяца, Уэйтекуилуитль, и четвертого, Уэйтозозотли—Обожествление женщин, умерших при родах—Богиня Воды под разными именами и в разных аспектах-Церемонии крещения или люстрации детей—Богиня Любви, ее различные имена и аспекты—Обряды исповеди и отпущения грехов—Бог огня и его различные имена—Его фестивали в десятый месяц Шокотльвети и в восемнадцатый месяц Ицкали; также его четырехлетний фестиваль в последнем месяце — великий фестиваль каждые пятьдесят два года; зажигание нового огня — Бог аида и Теояомике, собиратель душ павших храбрецов; Обожествление мертвых правителей и героев —Мишкоатль, Бог охоты и его праздник в четырнадцатом месяце, Кечолли - Различные другие мексиканские божества; Фестиваль во втором месяце, Тлакашипехуализтли, с уведомлением о гладиаторских жертвоприношениях — Полный обзор праздников Мексиканского календаря, постоянных и переносных —Храмы и священники.

Сентеотль - это богиня или, согласно некоторым авторитетным источникам, богиня, которая под многими именами и многими характерами занимала важнейшее место в божественном мире

ацтеков и других народов Мексики и Центральной Америки. Она была богиней кукурузы и, следовательно, из-за важности этого зерна в Америке, сельского хозяйства и производящей земли в целом. Многие из ее различных имен, по-видимому, зависят от различных свойств кукурузы на разных стадиях ее роста; другие, по-видимому, произошли от материнских питательных качеств зерна, божеством которого она была. Мюллер уделяет большое внимание этому аспекту своего характера: "Сила, поддерживающая жизнь, должно быть, также создала ее. Поэтому считалось, что Сентеотль производит на свет детей, и она изображена с младенцем на руках. Небель дает нам такое представление, и в нашем мексиканском музее в Базеле есть много изображений в такой форме, сделанных из обожженной глины. Там, где господствует сельское хозяйство, до зрелого возраста доводится больше детей, чем среди охотничьих народов, и земля радуется многочисленному населению. Ни одна часть мира не приспособлена так хорошо к проявлению этого различия, как Америка. Следовательно, Сентеотль - великий производитель, не просто детей, она великая богиня, самая древняя богиня".[IX-1]

МАТЬ-КОРМИЛИЦА.

Сентеотль была известна, согласно Клавиджеро, под титулами Тонакаджоуа, "та, кто поддерживает нас"; Цинтеотль, "изначальная богиня"; и под другими именами Ксилонен, Истакачентеотль и Тлатлаухвичентеотль. Далее, согласно тому же автору, она была идентична Тонанцин, "нашей матери", и, согласно Мюллеру и многим испанским авторитетам, либо идентична, либо тесно связана с различными божествами, известными как Тетейонан, "мать богов",[IX-2] Чиуаткоатль, "женщина-змея", Тази, или Тоци, или Точицин, "наша бабушка", и Земля, вселенская материальная мать. Сквайер говорит о Тиазолтеотль, что "она - Цинтеотль, богиня кукурузы, в другом аспекте".[IX-3]

Ее особенно почитали тотонаки, у которых она была главным божеством. Они очень любили ее, веря, что она не требовала человеческих жертв, а довольствовалась цветами и фруктами, жирными бананами и желтой кукурузой, а также мелкими животными, такими как голуби, перепела и кролики. Более того, они надеялись, что она в конце концов полностью избавит их от жестокой необходимости подобных жертвоприношений, даже другим богам.

С совершенно иными чувствами, как мы вскоре увидим, мексиканцы должным образом относились к этому божеству, наводя ужас на ее храмы изуродованными формами человеческих жертвоприношений. Это показывает, насколько глубоким пятном крови было религиозное сердце мексиканцев, насколько ядовитый запах крови проник во все чувства души ацтеков, когда можно было поверить, что великая кормилица, желтая колышущаяся кукуруза, сама мать всего сущего, должна питаться плотью своих собственных детей.[IX-4]

Чтобы сделать понятными различные намеки, здесь, по-видимому, уместно быстро обобщить характеры некоторых богинь, идентичных или сходных в различных аспектах с этим Сентеотлем. Чикомекоатль[IX-5] была, согласно Саагуну, мексиканской Церерой и богиней провизии, а также того, что пьют, как и того, что едят. Она была изображена с короной на голове, вазой в правой руке и щитом с нарисованным на нем большим цветком в левой руке; ее одежда и сандалии были красными.

Первой из мексиканских богинь была, согласно тому же авторитету, Чоакоатль, или Чивакоатль, богиня неблагоприятных явлений, таких как бедность, уныние и тяжелый труд. Она часто появлялась в облике знатной дамы, одетая в те одежды, которые использовались во дворце; по

ночам также было слышно, как она кричит и даже рычит. Помимо ее имени Чоакоатль, что означает "женщина-змея", она была известна как Тонанцин, то есть "наша мать". Она была одета в белые одежды, а ее волосы были уложены спереди, на лбу, маленькими локонами, которые перекрещивались друг с другом. У нее был обычай носить колыбель на плечах, как носят в ней ребенка, и, поставив ее на рыночной площади рядом с другими женщинами, исчезать. Когда эту колыбель обследовали, в ней был найден каменный нож, которым жрецы закалывали свои жертвоприношения.

БОГИНЯ МЕДИЦИНЫ.

Описание богини Саагуна, наиболее похожее на Тоси других авторов, - это та, которую он называет "матерью богов, сердцем земли и нашей прародительницей или бабушкой (абуэла)". Она описывается как богиня медицины и лекарственных трав, которой поклоняются врачи, хирурги, кровопускатели, те, кто давал травы для производства аборт, а также прорицатели, которые предсказывали судьбу детей в зависимости от их рождения. Ей поклонялись также те, кто бросал жребий из зерен кукурузы, те, кто гадал, глядя в воду в чаше, те, кто бросал жребий с помощью связанных вместе кусочков веревки, те, кто вытаскивал маленьких червячков или личинок изо рта или глаз, те, кто извлекал маленькие камешки из других частей тела, и те, у кого в домах были парилки, *temazcallis*. Эти последние всегда устанавливали изображение этой богини в банях, называя ее Темаскалтечи, то есть "бабушкой бань". Ее почитатели каждый год устраивали праздник этой богине, покупая женщину для жертвоприношения, украшая эту жертву украшениями, подобающими богине. Каждый вечер они танцевали с этой несчастной и деликатно потчевали ее, умоляя поесть, как подобает знатной даме, и всячески развлекая ее, чтобы она не плакала и не печалилась при мысли о смерти. Когда ужасный час действительно настал, они убили ее вместе с двумя другими, которые сопровождали ее до смерти, и содрали с нее кожу; затем мужчина облачился в ее кожу и ходил по всему городу, разыгрывая множество розыгрышей, из которых ее тождество с Този кажется достаточно ясным. Эта богиня была изображена со ртом и подбородком, испачканными угли, и круглым таким же пятном на лице; на голове у нее было что-то вроде тюрбана из ткани, свернутой и завязанной сзади узлом. В этот узел были воткнуты перья, которые вырывались из него подобно языкам пламени, а концы ткани ниспадали сзади на плечи. На ней были сандалии, рубашка с широкой зазубренной нижней каймой и белые нижние юбки. В левой руке она держала щит с круглой золотой пластиной в центре; в правой руке она держала метлу. [IX-6]

Фестиваль, на котором чествовались различные проявления богини-матери, проводился в начале одиннадцатого месяца у ацтеков, начиная с 14 сентября; Сентеотль, или Чинтеотль, или Сентеутль, или Цинтеутль, однако, представлен на нем как мужчина, а не как женщина.

ПРИНЕСЕНИЕ ЖЕРТВЫ БОГИНЕ-МАТЕРИ.

За пятнадцать дней до начала фестиваля те, кто принимал в нем участие, начали танцевать, если это можно было назвать танцем, в котором ноги и тело почти не двигались и в котором время поддерживалось поднятием и опусканием рук в такт ударам барабана. Это продолжалось восемь дней, начиная с полудня и заканчивая заходом солнца, танцоры были совершенно безмолвны, выстроились в четыре шеренги, и у каждого в обеих руках были цветы, срезанные ветки и все такое. Некоторые юноши, действительно, слишком беспокойные, чтобы выносить тишину, имитировали ртом звук барабана; но все были вынуждены соблюдать как в движении, так и в голосе точное время и хороший порядок. По истечении этих восьми дней женщины-

медики, как старые, так и молодые, разделились на две группы и устроили своего рода шутивную битву перед женщиной, которая должна была умереть на этом празднике, чтобы развлечь ее и сдержать слезы; ибо они считали дурным предзнаменованием, если это несчастное создание даст волю своему горю, и как знак того, что многим женщинам придется умереть при родах. Эта женщина, которую в то время называли "образом матери богов", лично возглавила первую атаку на одну из двух групп бойцов, ее сопровождали три старые женщины, которые были ей как матери и никогда не покидали ее, которых звали соответственно Аоа, Тлавитескуи и Шокуаухтли. [IX-7] Драка заключалась в том, что они забрасывали друг друга пригоршнями красных листьев, или листьев нопала, или желтых цветов, называемых *семпоалсучитль*, того же сорта, который несли актеры в предыдущем танце. Все эти женщины носили пояса, к которым были подвешены маленькие тыквенные сосуды, наполненные порошком травы, называемой *иетль*. Когда состязание закончилось, женщину, которая должна была умереть, отвели обратно в дом, где ее охраняли; и все это повторялось в течение четырех дней подряд. Затем женщина-врач в последний раз провела жертву, представляющую Тоси, то есть "нашу бабушку или предка", ибо так называли мать богов, по рыночной площади. Эта церемония называлась "прощание с рыночной площадью", потому что никогда больше та, кто проходила по ней в этот день, не увидит ее, украшенную таким скорбным убранством, окруженную помпезностью такого пустого веселья. Она шла, посеивая кукурузу со всех сторон, покашла, и, пройдя через рынок, была принята священниками, которые отвели ее в дом недалеко от ку, где ее должны были убить. Там лекарки и повитухи утешали ее: Дочь, радуйся и не печалься, этой ночью ты будешь спать с королем. Затем они украсили ее украшениями богини Тоци, все это время стараясь сохранить факт ее смерти в тайне, чтобы она могла умереть внезапно, так и не узнав об этом. В полночь, в темноте, когда тишину не нарушал даже кашель, ее отвели на вершину святого храма, и какой-то мужчина быстро поднял ее на плечи. Борьбы почти не было; ее носитель чувствовал, что залит кровью, в то время как ей со всей поспешностью отрубили голову и содрали кожу, еще теплую. Сначала с бедер была снята кожа и отнесена, с целью, о которой мы сейчас расскажем, в ку Сентеотля, который был сыном Тоци. Затем сняв оставшуюся часть кожи, жрец облачался в нее, натягивая ее, как следует из других записей, как перчатку; этот жрец, который был молодым человеком, выбранным за его телесную силу и рост, одетый таким образом, представлял Тоци, саму богиню. Священник Тоси, в этой ужасной куртке, прилипшей к его жилистому бюсту, затем спустился из храма под пение певцов кр. По бокам от него шли два человека, которые дали обет помогать ему в этом служении, а позади шли несколько других священников. Впереди бежало несколько высокопоставленных лиц и солдат, вооруженных пучками окровавленной травы, которые время от времени оглядывались назад и били по своим щитам, как бы провоцируя драку; он делал вид, что преследует их с большой яростью, и все, кто видел это представление (которое называлось *какакалли*), испытывали страх и трепет. Дойдя до ку Уицилопочтли, жрец Тоци раскинул руки и встал крестом перед изображением бога войны; это он проделал четыре раза, а затем направился к ку Сентеотля, куда, как мы помним, была отправлена кожа с бедер содранной женщины. Эту кожу с бедер другой молодой жрец, изображавший бога Сентеотля, сына Тоци, надел на свое лицо наподобие маски. В дополнение к этой отвратительной вуали на нем была куртка из перьев и прикрепленный к куртке капюшон из перьев. Этот капюшон переходил в вершину спиралевидной формы, падающую сзади; и задняя кость или хребет этой спирали напоминал гребень петуха; этот капюшон назывался *ицтлаколиуки*, то есть "бог мороза".

Затем жрец Тоси и жрец Сентеотля вместе отправились в храм Тоси, где первый дождался утра (поскольку все это, как уже было описано, происходило ночью), чтобы надеть определенные атрибуты поверх своего ужасного нижнего жилета. Когда наступило утро, под пение певцов все высокопоставленные лица, ожидавшие внизу, с огромной скоростью взбежали по ступеням храма, неся свои подношения. Некоторые из этих высокопоставленных людей начали покрывать ноги и голову священника Тоси белыми пуховыми внутренними перьями орла; другие раскрашивали его лицо в красный цвет; третьи надевали на него довольно короткую рубашку с фигуркой орла, выкованной или вплетенной в грудь, и несколько раскрашенных нижних юбок; третьи обезглавливали перепелов и приносили в жертву копал. Прodelав все это быстро, эти люди удалились.

НОСИТЕЛИ ШКУР.

Затем были вынесены и надеты на жреца Тоси все его богатые одежды, а сверху - что-то вроде квадратной короны, очень широкой, украшенной пятью маленькими знаменами, по одному в каждом углу, а в центре одно выше других. Всех пленников, которые должны были умереть, вывели и выстроили в шеренгу, и он взял четырех из них одного за другим, бросил их на жертвенный камень и вынул им сердца; остальных пленников он передал другим жрецам, чтобы они завершили начатую им работу. После этого он отправился вместе со жрецом Сентеотля на поиски последнего. Немного впереди них шла группа их приверженцев, называемых *икуэшоан*, украшенных бумагами, подпоясанных вместо набедренной повязки скрученной бумагой, несущих на плечах скомканную бумагу, круглую, как щит, и кисточки из расплетенного хлопка. По обе стороны также шли те, кто продавал известь [\[IX-8\]](#) на рынке, и женщины-медики, двигавшиеся под пение священников и бой барабанов. Придя к месту, где насаживали головы на вертел Чентеотля, жрец Тоци ставил одну ногу на барабан и ждал там жреца Чентеотля. Поскольку эти двое объединились, то может показаться, что тот, кто представлял Сентеотля, теперь отправился один, с большой поспешностью и в сопровождении множества солдат, к месту на границе с врагом, где было построено что-то вроде маленькой хижины. Там, наконец, была отложена и оставлена кожа бедер принесенной в жертву женщины, которая служила для такого ужасного использования. И часто, как говорят, случалось, что эта церемония проходила на границе враждебной территории, что враг совершал вылазку против процессии, завязывались бои, и многие были убиты.

После этого молодого человека, олицетворявшего богиню Точи, отвели в дом, который называется Атемпан. Король занял свое место на троне с подстилкой из орлиной кожи и перьев под ногами и тигровой шкурой на спинке своего сиденья, и состоялся грандиозный смотр армии и раздача из королевской казны одежды, украшений и оружия; и было понятно, что те, кто получил такое оружие, должны были умереть вместе с ним на войне. После этого во дворе храма Тоси начались танцы; и все, кто получил подарки, как указано выше, направились туда. Этот танец, как и в первой части празднества, состоял по большей части в том, что в такт ударам барабана руки были полны цветов; так что весь двор походил на живой сад; и там было так много золота, потому что там были король и все принцы, что солнце сверкало во всем, как на воде. Это началось в полдень и продолжалось два дня. Вечером второго дня жрецы богини Чикомекоатль, одетые в шкуры пленных, умерших в предыдущий день, взошли на небольшую площадку, называемую столом Уицилопочтли, и посеяли кукурузу всех видов, белую, желтую и красную, а также семена тыквы, на головы людей, которые были внизу. Люди пытались собрать их, когда они падали, и часто толкали друг друга локтями. Девушки, называемые

чоатламаказке, служившие богине Чикомекоатль, несли каждая на плече, завернутые в богатую накидку, по семь початков кукурузы, промазанных растопленным улли и завернутых в белую бумагу; их ноги и руки были украшены перьями, посыпанными марказитом. Они пели вместе со жрецом своей богини. Покончив с этим, один из жрецов спустился из вышеупомянутого храма Уицилопочтли, неся в руке большую корзину, наполненную толченым мелом и пуховыми перьями, которую он поставил в маленькой комнате, или маленькой пещере, называемой *коаксалпан*, между лестницей храма и самим храмом. В эту полость можно было попасть снизу, сделав четыре или пять шагов, и когда корзина была поставлена на землю, солдаты бросились вперед, чтобы первыми забрать часть содержимого. Каждый, наполнив руки, сильно толкаясь локтями, бегом возвращался к тому месту, откуда он вышел. Все это время священник Тоци наблюдал за происходящим, и теперь он притворился, что преследует тех, кто бежал, в то время как они забрасывали его в ответ пухом и толченым мелом, которые были у них в руках; сам король пробежал немного и забросал его, как и остальных. После этого все они убежали от него и оставили его в покое, за исключением нескольких жрецов, которые последовали за ним в место, называемое Токититлан, где он снял кожу с принесенной в жертву женщины и повесил ее в маленькой хижине, которая была там; позаботившись о том, чтобы руки жертвы были вытянуты, а голова (или, конечно же, шея — ведь разве мы не читали, что голова была отрублена женщине в ту роковую ночь, которая оборвала ее жизнь?) была повернута к дороге или улочке. И это была последняя из церемоний праздника Очпанизтли. [IX-9]

ФЕСТИВАЛЬ КСИЛОНЕН.

О тесной связи богини Ксилонен (от *ксилотль*, молодой или нежный початок кукурузы) с Сентеотль свидетельствует тот факт, что в ку Сентеотль была убита несчастная женщина, которая была украшена так, чтобы напоминать богиню Ксилонен. Фестиваль Ксилонен начался в одиннадцатый день восьмого мексиканского месяца, который начинается 16 июля. Жертву сделали похожей на изображение богини, выкрасив ее лицо в желтый цвет от носа вниз, а лоб — в красный. На ее голову была надета бумажная корона с четырьмя углами, из центра и верха которой выходило множество перьев. Вокруг ее шеи и на груди висели цепочки из драгоценных камней, а поверх них была надета круглая золотая медаль. Ее одежда и сандалии были причудливой работы, последние разрисованы красными полосками. На левой руке у нее был щит, а в правой она держала палку или дубинку, выкрашенную в желтый цвет. Женщины вели ее на смерть, танцуя вокруг нее, а жрецы и высокопоставленные мужчины танцевали перед ними, воскуривая на ходу благовония. У священника, который должен был исполнять обязанности палача, на плечах висел пучок искусственных перьев, зажатых в когтях орла; другой из священников нес полую доску, наполненную так часто упоминаемыми погремушками. У подножия ку Сентеотля этот последний остановился перед женщиной-Ксилонен, рассыпал перед ней благовония и застучал своей доской, размахивая ею из стороны в сторону. Они поднялись на гору, и один из жрецов подхватил жертву, повернув ее спиной так, что ее плечи прижались к его плечам; на этом живом алтаре ей вырезали сердце из груди и положили в чашу. После этого были еще танцы, в которых женщины, старые и молодые, участвовали сами по себе, их руки и ноги были украшены красными перьями ара, а лица выкрашены в желтый цвет и посыпаны марказитом. Был также банкет из маленьких пирожков под названием *шокотамалли*, во время которого старикам и женщинам разрешалось пить пульте; молодежь, однако, была лишена возможности участвовать в вакханалии путем сурового, а иногда и смертного приговора. [IX-10]

Наконец, тесная связь или отождествление Сентеотля с матерью-землей, всемогущей, по-видимому, ясно символизируется праздником четвертого месяца мексиканцев, который начинался 27 апреля. В нем они устроили праздник богу злаков по имени Сентеотль и богине продовольствия по имени Чикомекоатль. Сначала они постились четыре дня, кладя определенные тростники или флажки для воды рядом с изображениями богов, окрашивая белую часть дна каждого тростника кровью, взятой из ушей или ног; также перед алтарями клали ветки, которые назывались *акшойатль*, и что-то вроде кровати или тюфяка из сена. Также была приготовлена разновидность кукурузной каши под названием *мазаморра*, которую раздавали молодежи. Затем все отправились за город, через маисовые поля, неся стебли маиса и другие травы, называемые *мекоатль*. Ими они посыпали изображение бога злаков, которое было у каждого в доме, и накрыли его бумагой, а перед ним поставили разнообразную еду: пять *чикивите*, [IX-11] или корзиночек с лепешками, а поверх каждого *чикивитля* вареную лягушку, корзинку с *чиан* [IX-12] муки, которую они называют *пинолли*; [IX-13] и корзинку с поджаренными хлебцами. кукурузу смешать с фасолью. Они отрезали также суставчик от стебля зеленой кукурузы, набили маленькую трубочку кусочками всех видов вышеупомянутой пищи и аккуратно положили ее на спинку лягушки. [IX-14] Это каждый делал в своем собственном доме, и после полудня все это приношение еды относилось в храм богини провизии, богини Чикомекоатль, и съедалось там в общей суматохе, бери, кто мог взять; символизируя неизвестно что, если не систему национального комиссариата, за которую так ратуют многие политэкономисты, дикари и цивилизованные.

БЛАГОСЛОВЛЯЮ СЕМЯ-КУКУРУЗУ.

На этом празднике девственницы процессией несли початки кукурузы, которые были сохранены для семян, в ку, по-видимому, только что упомянутый, но который здесь называется ку Чикомекоатля и Сентеотля. Девушки несли на плечах не более семи початков кукурузы каждая, сбрызнутых каплями масла улли и завернутых сначала в бумагу, а затем в ткань. Ноги и руки этих девушек были украшены красными перьями, а их лица были намазаны смолой, называемой *чапопотли*, и посыпаны марказитом. Пока они шли в этом причудливом наряде, люди столпились посмотреть, как они проходят, но заговаривать с ними было запрещено. Иногда действительно неугомонный юноша раздражался словами восхищения или любви в адрес какого-нибудь светлого, измазанного смолой лица, но его ответ был резким и быстрым от одной из старух, наблюдавших за младшим, примерно в такой манере: И это ты говоришь, отъявленный трус! ты, должно быть, разговариваешь, а? Сначала подумай о том, чтобы совершить какой-нибудь мужской подвиг, и избавься от этого хвостика волос на затылке, который отличает труса и ни на что не годного. Не тебе здесь говорить; ты такая же женщина, как и я; ты никогда не выходила из-за костра! Но среди юных влюбленных Теночтитлана не было недостатка в дерзких шпринголлах, склонных к грубым насмешкам и репликам вроде следующих: Хорошо сказано, миледи, я принимаю это с благодарностью, я сделаю все, что вы мне прикажете, позабочусь о том, чтобы показать себя мужчиной; но что касается вас, я ценю два какао-боба больше, чем вас и весь ваш род; обмазывайте свое тело грязью и царапайтесь; закиньте одну ногу на другую и поваляйтесь в пыли; смотрите! вот грубый камень, стукнись об него лицом; и если тебе захочется чего-нибудь еще, возьми раскаленный уголь и прожги дырку у себя в горле, чтобы сплюнуть; ради Бога, помолчи.

Это молодые люди сказали, пишет Саагун, чтобы показать свою храбрость; и так продолжалось, отдавая и беря, пока кукурузу не отнесли в ку и не благословили. Затем люди вернулись в свои дома, и освященную кукурузу положили на дно каждого зернохранилища, и было сказано, что это была ее сердцевина, и она оставалась там до тех пор, пока ее не убрали на семена. Эти церемонии проводились специально в честь богини Чикомекоатль. Она поставляла провизию, это она приготовила все виды кукурузы и фриколес, и все овощи, какие только можно было съесть, и все сорта чиа; и за это они устроили ей этот праздник с подношениями еды, с песнями и танцами, и с кровью перепелов. Все украшения ее наряда были ярко-красными и причудливой работы, а в руки ей вложили стебли кукурузы.[IX-15]

Мексиканцы обожествляли под именем Чоапипилти всех женщин, умерших в детской постели. В каждом приходе, имевшем две улицы, были воздвигнуты молельни в их честь. В таких молельнях, называемых *чоатейкалли* или *чатейупан*, хранились изображения этих богинь, украшенные определенными бумагами, называемыми *аматетевитль*. Восьмой подвижный праздник мексиканского календаря был посвящен им, приходящийся на знак Чекиауитль, в первом доме; на этом празднике в их честь были убиты все, кто находился в тюрьмах под страхом смертной казни. Говорили, что эти богини перемещались по воздуху по своему усмотрению и появлялись перед кем хотели из живущих на земле, а иногда входили в них и овладевали ими. Они привыкли причинять боль детям с различными недугами, особенно с параличом и другими внезапными заболеваниями. Их любимым пристанищем на земле был перекресток дорог, и в определенные дни года люди не выходили из своих домов, опасаясь встретиться с ними. Их умиловляли в их храмах и на перекрестках дорог подношениями хлеба, замешанного в различные формы — например, в виде бабочек и молний, — маленькими тамале, или пирожками, и поджаренной кукурузой. Их изображения, помимо упомянутых выше бумаг, были украшены тем, что лицо, руки и ноги были выкрашены в очень белый цвет; их уши были сделаны из золота; их волосы были уложены, как у дам, мелкими кудряшками; рубашка была раскрашена черными волнами; нижние юбки были вышиты разными цветами; сандалии были белыми.

БОГИНЯ-МАТЬ И ЖЕНЩИНА В ДЕТСКОЙ ПОСТЕЛИ.

Богиня-мать в образе женщины-змеи, Чоакоатль, или Чиуакоатль, или Чиуакоатль, или, наконец, Квилацтли, по-видимому, считалась покровительницей женщин, рожаящих в постели, в целом, и особенно тех, кто там умер. Когда роды у женщины, вероятно, были утомительными и опасными, акушерка обращалась к пациентке со словами: "Будь сильной, дочь моя; мы ничего не можем для тебя сделать. Здесь присутствуют твоя мать и твои родственники, но ты один должен довести это дело до конца. Позаботься о том, дочь моя, моя возлюбленная, чтобы ты была сильной, доблестной и мужественной женщиной; будь такой, как та, которая первой родила детей, как Чоакоатль, как Квилацтли. И если после дня и ночи схваток женщина все еще не могла родить, повитуха уводила ее от всех остальных людей, приводила в закрытую комнату и произносила множество молитв, взывая к богине Чоакоатль и к богине Йоалтиситль,[IX-16] и к другим богиням. Однако, если, несмотря на все это, женщина умирала, они давали ей титул *tosiaquezqui*, что означает "доблестная женщина", и они мыли все ее тело, а также мыли с мылом ее голову и волосы. Муж поднял ее на плечи и, распустив ее длинные волосы, отнес к месту захоронения. Все старые повитухи сопровождали тело, маршируя со щитами и мечами и крича, как солдаты, идущие в атаку. Им нужно было оружие, потому что тело, которое они сопровождали, было священной реликвией, которую многие жаждали заполучить; и группа

юношей сражалась с этими амазонками, чтобы отнять у них их сокровище: эта битва была не игрой, а очень серьезным испытанием. Погребальная процессия отправилась на заходе солнца, и труп был предан земле во дворе храма богинь, или небесных женщин, называемых Чоапипилти. Четыре ночи муж и его друзья охраняли могилу, и четыре ночи юноши, или самые неотесанные и неопытные солдаты, рыскали, как волки, вокруг маленького отряда. Если воинственным повитухам или ночным сторожам удавалось спасти тело, они немедленно отрезали средний палец левой руки и волосы на голове; любая из этих вещей, вложенная в щит, делала человека свирепым, храбрым, непобедимым на войне и ослепляла глаза его врагов. Вокруг священной гробницы также рыскали некие колдуны, называемые *темамакпалитотиками*, стремясь отрубить и украсть всю левую руку умершей жены; ибо они считали, что она обладает огромной силой в их чарах, и когда они приходили в дом, чтобы применить к нему свою злобу, это полностью лишало обитателей мужества и приводило их в ужас, так что они не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, хотя и видели все происходящее.

ДОМ СОЛНЦА.

Смерть этой женщины при родах была оплакана повитухами, но ее родители и родственники радовались этому; ибо они сказали, что она отправилась не в аид или подземный мир, а в западную часть Дома Солнца. В восточную часть Дома Солнца, как говорили древние, были доставлены все солдаты, погибшие на войне. Когда утром взошло солнце, эти храбрецы облачились в свои боевые доспехи и сопровождали его до середины неба, крича и сражаясь, очевидно, в притворном или обзорном сражении, пока не достигли точки полудня, которая называлась *непантлатонатиух*. В этот момент героини, чей дом находился на западе небес, *мокиоакуэски*, доблестные женщины, умершие в детской постели, которые считались равными героям, павшим на войне, встретились с этими героями и освободили их от обязанности почетной стражи солнца. С полудня до ночи, вниз по западному склону света, в то время как утренний эскорт воинов был рассеян по всем полям и садам небес, собирая цветы, пока следующий день не призвет их снова к исполнению своего долга, женщины в военном доспехе, как и мужчины, и сражаясь так же, как они, со звоном щитов и радостными криками несли солнце до самого его заката; они несли его на носилках *изкетцалей*, или богатых перьев, называемых *кетцаль-апанекайутль*. В этом месте захода солнца женщины, в свою очередь, получили смену от обитателей подземного мира, которые пришли сюда, чтобы встретить его. Ибо древние сообщали, что когда в верхнем мире наступала ночь, солнце начинало светить сквозь ад, и что вслед за этим мертвые пробуждались ото сна и несли свои сияющие носилки по своим владениям. В этот же час небесные женщины, освобожденные от своих обязанностей на небесах, рассеялись и излились по воздуху на землю, где, с оттенком милой природы, которая роднит мир, они описываются как ищущие веретена для прядения, челноки для ткачества, а также всю старую мебель и инвентарь, которыми гордятся их домашние жены. Саагун говорит, что это "дьявол сотворил, чтобы обмануть, потому что очень часто в образе этих женщин он являлся их мужьям, потерявшим близких, давая им нижние юбки и рубашки".

Очень красивой была форма обращения перед погребением, которую акушерка использовала к умершей женщине, занимавшей высокое положение среди *мокиоакуэске* или *мокиоакуэца*: О женщина, сильная и воинственная, возлюбленная ребенка, отважная, прекрасная и нежная голубка, ты была сильной и стойкой в труде, как герой; ты победила, ты поступила так, как поступила твоя мать, леди Чоакоатль, или Квилацтли. Очень доблестно сражался ты, отважно держал ты щит и копье, которые великая мать вложила в твою руку. Вставай! пробудись ото сна!

смотрите, уже день; уже утренний румянец пробивается сквозь облака; уже ласточки и все птицы на свободе. Встань, дочь моя, оденься, иди в ту добрую землю, где находится дом твоих отца и матери Солнца; туда пусть твои сестры, небесные женщины, отнесут тебя, они, которые всегда радостны и веселятся и преисполнены восторга из-за Солнца, которым они наслаждаются. Моя нежная дочь и госпожа, не без тяжких трудов снискала ты славу этой победы; великую боль и суровую епитимью претерпела ты. Хорошо и, к счастью, ты купила эту смерть. Может быть, это бесплодная смерть, без великих заслуг и почестей? Нет, воистину, но с большим почетом и пользой. Кто получает другую такую великую милость, другую такую счастливую победу, как ты? ибо своей смертью ты обрел вечную жизнь, жизнь, полную радости и восторга, с богинями, называемыми Чоапипилти, небесными богинями. Иди теперь, моя госпожа, моя возлюбленная; мало-помалу приближайся к ним; будь одной из них, чтобы они могли принять тебя и всегда быть с тобой, чтобы ты могла радоваться нашему отцу и матери Солнцу и сопровождать его везде, где он пожелает получить удовольствие. О моя госпожа, моя возлюбленная дочь, ты оставила нас, стариков, недостойных такой славы; ты оторвалась от своих отца и матери и ушла. На самом деле, не по твоей собственной воле, но ты был призван; ты последовал за голосом, который звал. Мы должны оставаться сиротами и покинутыми, старыми, невезучими и бедными; несчастье прославит себя в нас. О моя госпожа, ты оставила нас здесь, чтобы мы могли ходить от двери к двери и по улицам в бедности и печали; мы молим тебя вспомнить нас там, где ты, и позаботиться о бедности, которую мы здесь терпим. Солнце утомляет нас своим сильным жаром, воздух - своим холодом, а мороз - своими мучениями. Все это поражает и печалит наши жалкие земные тела; голод господствует над нами, и мы ничего не можем с ним поделать. Моя возлюбленная, я молю тебя посетить нас, поскольку ты доблестная женщина и леди, поскольку ты навсегда поселилась в месте восторга и блаженства, чтобы жить там и пребывать вечно с нашим Господом. Ты видишь его своими глазами, ты говоришь с ним своим языком, молись ему за нас, умоляй его, чтобы он благоволил к нам, и тогда мы успокоимся.[\[IX-17\]](#)

ЧАЛЬЧИХУИТЛИКУЭ.

Чальчихуитликуэ или Чальчихухьедже описывается Клавиджеро как богиня воды и супруга Тлалока. У нее были и другие названия, относящиеся к воде в ее различных состояниях, такие как Апозоналлотль и Акуэкуэджотль, что означает вздутие и колебание воды; Атлакамани, или вызванные ею штормы; Ахуик и Айау, или ее движение то в одну, то в другую сторону; и Сиксикипилихуи, попеременный подъем и спад волн. Тлашкальтеки называли ее Матлалкуэхе, что значит "облаченная в зеленое одеяние"; и они дали то же название самой высокой горе Тлашкалы, на вершине которой находятся те грозовые тучи, которые обычно сгущаются над городом Пуэбла. На эту вершину поднимались тлашкальтеки, чтобы совершить свои жертвоприношения и вознести молитвы. Это та самая богиня воды, которой Торквемада дает имя Хочикецаль, а Ботурини - Макуильшочикецалли.[\[IX-18\]](#)

В точности утверждений этого последнего предложения я ни в коей мере не уверен; и Ботурини, и Торквемада описывают свою богиню воды, не приводя никаких подтверждений этому. Ботурини говорит, что мексиканцы метафорически называли ее богиней Юбки из Драгоценных камней — имеются в виду чальчихуиты, как следует из других источников, — и что она была представлена с большими лужами у ее ног и символизировалась определенными зарослями тростника, растущими во влажных местах. Ее особенно почитали рыбаки и другие люди, чье ремесло связывало их с водой, и знатные дамы привыкли посвящать ей свои бракосочетания —

вероятно, как будет видно сразу, потому что эта богиня имела много общего с определенными обрядами очищения, совершаемыми над новорожденными детьми.[IX-19]

Много имен, пишет Торквемада, было дано этой богине, но имя Чальчихуитликуэ было самым распространенным; оно означало "нижняя юбка из воды, оттенка между зеленым и синим", то есть цвета камней, называемых чальчихуитами.[IX-20] Она была спутницей, а не женой Тлалока, ибо, действительно, как утверждает наш автор, мексиканцы не были настолько высокого мнения о своих богах и богинях, чтобы жениться на них.[IX-21]

ИДОЛ ЧАЛЧИХУИТЛИКУЭ.

По словам Саагуна, Чалчихуитликуэ была сестрой Тлалоков. Ее почитали за то, что она обладала властью над морскими водами и реками, чтобы топить тех, кто впадал в них, поднимать бури и смерчи и заставлять лодки тонуть. Ей поклонялись все те, кто имел дело с водой, кто продавал ее с каноэ или торговал кувшинами с ней на рынке. Они изображали эту богиню в виде женщины, раскрашивали ее лицо в желтый цвет, за исключением лба, который часто был голубым, и вешали ей на шею ошейник из драгоценных камней, к которому прикреплялась золотая медаль. На голове у нее была корона из светло-голубой бумаги с плюмажем из зеленых перьев и кисточками, ниспадавшими до затылка. Серьги в ушах были из бирюзы, выложенной мозаикой. Ее одежда состояла из рубашки или верхней части тела, прозрачных голубых нижних юбок с бахромой, с которой свисали морские раковины, и белых сандалий. В левой руке она держала щит и лист широкой круглой белой кувшинки, называемой *atlacuezona*. [IX-22] В правой руке она держала в качестве скипетра сосуд в форме креста или чудовища католической церкви. Эта богиня, вместе с Чикомекоатль, богиней продовольствия, и Викстоциоатль, богиней соли, пользовалась большим почитанием у королей и лордов, поскольку, по их словам, эти трое поддерживали простых людей, чтобы они могли жить и размножаться.[IX-23]

ДВЕ ЛЮСТРАЦИИ Или КРЕЩЕНИЯ.

Чалчихуитликуэ был особенно связан с определенными церемониями люстрации детей, во многих аспектах напоминающими крещение у христиан. Казалось бы, две из этих люстраций практиковались над каждым младенцем, и первая происходила сразу после его рождения. Когда акушерка перерезала пуповину ребенка, затем она вымыла его и во время мытья сказала, меняя свое обращение в зависимости от его пола: "Сын мой, подойди теперь к своей матери, Чалчихуитликуэ, богине воды; пусть она сочтет добрым принять тебя, вымыть тебя и убрать с тебя грязь, которую ты перенял от своих отца и матери; пусть она сочтет добрым очистить твое сердце, сделать его добрым и непорочным и привить тебе хорошие привычки и манеры.

Затем повитуха повернулась к самой воде и заговорила: Сострадательнейшая госпожа, Чалчихуитликуэ, вот появился на свет этот твой слуга, посланный сюда нашими отцом и матерью, имена которых Ометекутли и Омециоатль, [IX-24] которые живут на девятом небе, которое является местом обитания богов. Мы не знаем, какие дары приносит с собой этот младенец; мы не знаем, что было дано ему до сотворения мира; мы не знаем, что это такое и какое зло и порок он несет с собой, отнятый у его отца и матери. Теперь это в твоих руках, омой и очисти это так, как ты считаешь необходимым; мы оставляем это в твоих руках. Очисти его от скверны, которую он унаследовал от своего отца и своей матери, все пятна и осквернения позволь воде унести и уничтожить. Благоволи, о владычица наша, очистить его сердце и жизнь,

чтобы оно могло вести тихую и миролюбивую жизнь в этом мире; ибо, воистину, мы оставляем это создание в твоих руках, кто есть мать и владычица богов, и единственная достойна дара очищения, которым ты обладала от начала мира; благоволи сделать так, как мы умоляли тебя по отношению к этому ребенку сейчас, в твоём присутствии.

Затем повитуха заговорила снова: "Я молю тебя принять этого ребенка, которого принесли сюда, к тебе. Сказав это, повитуха взяла воды и подула на нее, и дала попробовать ее младенцу, и коснулась ею младенца груди и макушки. Затем она сказала: Мой возлюбленный сын или дочь, подойди сюда, к своим матери и отцу, Чальчихуитликуэ и Чальчихуитлатонак; позволь теперь этой богине взять тебя, ибо она должна нести тебя на своих плечах и в своих объятиях по этому миру. Тогда повитуха окунула ребенка в воду и сказала: Войди, сын мой, в воды, которые называются *маматлак* и *туспалак*; пусть она омоет тебя; пусть очистит тебя то, что есть повсюду, пусть он увидит добро, чтобы удалить от тебя все зло, которое ты нес с собой от начала мира, зло, которое твой отец и твоя мать соединили с тобой. Вымыв таким образом существо, акушерка затем завернула его, обращаясь к нему при этом следующим образом: О драгоценный камень, о богатое перо, о изумруд, о сапфир, ты был сформирован там, где обитают великий бог и великая богиня, которые выше небес; сотворен и сформирован ты был твоими матерью и отцом, Ометекутли и Омециоатлем, небесной женщиной и небесным мужчиной. Ты пришел в этот мир, место многих трудов и неприятностей, невозддержанной жары и невозддержанного холода и ветра, место голода и жажды, усталости и слез; по правде говоря, мы не можем сказать, что этот мир - иное место, чем плач, печаль, досада. Узри свой удел - усталость, рыдания и слезы. Ты пришел, мой возлюбленный, тогда отдохни и обрети здесь свой покой; пусть наш Господь, который повсюду, позаботится о тебе и поддержит тебя. И, говоря все это, акушерка говорила тихо, как молящаяся.

Второе очищение, или крещение, обычно проходило на пятый день после рождения, но в каждом случае консультировались с астрологами и прорицателями, и, если знаки не были благоприятными, крещение откладывалось до наступления дня добрых знамений. Церемония, когда ребенок был мальчиком, начиналась с того, что к нему приносили маленький щит, лук и стрелы; стрел было четыре, по одной в каждую из четырех точек земного шара. Также были принесены небольшой щит, лук и стрелы, сделанные из пасты или теста из семян дикого амаранта, и похлебка из бобов и поджаренной кукурузы, а также небольшая набедренная повязка и одеяло или мантия. У бедняков в таких случаях были только маленький щит, лук и стрелы, а также немного тамале и поджаренной кукурузы. Когда ребенок был девочкой, ему приносили вместо имитационного оружия определенные женские принадлежности и приспособления для прядения и ткачества, веретено и прялку, маленькую рубашечку и нижние юбки. Когда все это было приготовлено в соответствии с полом младенца, его родители и родственники собрались перед восходом солнца. Когда взошло солнце, повитуха попросила новый сосуд, полный воды; и она взяла ребенка на руки. Затем стоявшие рядом отнесли все инструменты и утварь, о которых уже говорилось, во двор дома, где повитуха повернула лицо ребенка лицом к западу и обратилась к ребенку, говоря: О внук мой, о орел, о тигр, о доблестный человек, ты пришел в мир, посланный твоими отцом и матерью, великим Господином и великой леди; ты был сотворен и зачат в твоём доме, который является обителью верховных богов, которые выше девяти небес. Ты - дар нашего сына Кецалькоатля, который повсюду; соедини себя сейчас со своей матерью, богиней воды, Чалчихуитликуэ.

Затем акушерка дала ребенку попробовать воду, вложив свои увлажненные пальцы ему в рот, и сказала: Прими это; благодаря этому ты должен жить на земле, расти и процветать; благодаря этому мы получаем все, что поддерживает существование на земле; прими это. Затем своими увлажненными пальцами она коснулась груди ребенка и сказала: "Узри чистую воду, которая омывает и очищает твое сердце, которая удаляет всю скверну; прими ее; пусть богиня благоволит очистить твое сердце". Затем повитуха вылила воду на головку ребенка, говоря: О мой внук, мой сын, прими эту воду Господа мира, которая есть твоя жизнь, бодрящую и освежающую, омывающую и очищающую. Я молюсь, чтобы эта небесная вода, голубая и светло-голубая, вошла в твое тело и жила там; Я молюсь, чтобы она уничтожила в тебе и удалила от тебя все то злое и враждебное, что было дано тебе до начала мира. В твои руки, о богиня воды, вверено все человечество, потому что ты - наша мать Чалчихуитликуэ. Омыв таким образом тело ребенка и произнеся такие слова, повитуха сказала: Где бы ты ни был в этом ребенке, о ты, вредное создание, уйди, оставь это, отделись от себя; ибо теперь оно живет заново, и оно заново рождается; теперь оно снова очищается; теперь оно снова сформировано и порождено нашей матерью, богиней воды.

МОЛИТВА МАТЕРИ-ЗЕМЛЕ.

После того, как все это было сделано и произнесено, акушерка подняла ребенка обеими руками к небу и сказала: О Господь, узри здесь свое создание, которое ты послал в это место боли, огорчения, тоски, в этот мир. Даруй ему, о Господь, свои дары и свое вдохновение, ибо ты - великий бог, и с тобой великая богиня. Тогда повитуха снова наклонилась и опустила ребенка на землю, и подняла его во второй раз к небесам, говоря: О Богоматерь, которая есть мать небес, которую зовут Читлалатонак, [IX-25] к тебе я обращаю свой голос и мольбу; Я молю тебя вдохновить своей добродетелью, какой бы добродетелью она ни была, дать и привить ее этому созданию. Тогда повитуха снова наклонилась и поставила ребенка на землю, и подняла его в третий раз к небу, и сказала: О наш Господь, бог и богиня небесная, которые на небесах, взгляни на это создание; постарайся излить в него свою силу и свое дыхание, чтобы оно могло жить на земле. Затем в четвертый и последний раз акушерка опустила младенца на землю, в четвертый раз она подняла его к небу и обратилась к солнцу и сказала: О наш Господь, Солнце, Тотонаметл, Тлальтекутли, это наша мать и наш отец, взгляни на это создание, которое подобно птице с драгоценным оперением, подобно *закуану* или *кечутлю*; [IX-26] твое, о наш Господь Солнце, это оно; ты, кто доблестен в войне и раскрашен красками. подобно черно-серому тигру, он - твое создание, принадлежит твоему поместью и вотчине. Для этого он был рожден, чтобы служить тебе и давать тебе пищу и питье; он из семьи воинов, которые сражаются на поле битвы.

ПОСВЯЩЕНИЕ РЕБЕНКА ВОЙНЕ.

Тогда повитуха взяла щит, лук и дротик, которые были там приготовлены, и обратилась к Солнцу примерно с такими словами: Вот орудия войны, которыми тебе служат, которыми ты наслаждаешься; передай этому младенцу дар, который ты обычно преподносишь своим воинам, позволив им отправиться в твой дом наслаждений, где, пав в битве, они отдыхают и радуются и теперь с тобой, восхваляя тебя. Станет ли когда-нибудь это бедное ничтожество одним из них? Сжался над ним, о милосердный Господь наш.

Во время всех этих церемоний горел большой факел из подсвечника; и когда эти церемонии были завершены, ребенку было дано имя одного из его предков, чтобы он мог унаследовать

состояние или жребий того, чье имя было таким образом взято. Это имя было дано ребенку акушеркой или жрицей, которая проводила крещение. Предположим, что данное имя было Яутл. Тогда повитуха начала кричать и разговаривать с ребенком, как мужчина: "О Яутл, о доблестный человек, возьми этот щит и этот дротик; они для твоего развлечения, они - услада солнца". Затем она набросила ему на плечи маленькую накидку и подпоясала набедренную повязку. Теперь все мальчики прихода были в сборе, и на этой стадии церемонии они ворвались в дом, где проходило крещение, и, изображая солдат и прихожан, они взяли приготовленную для них еду, которая называлась "пуповина" ребенка, и вышли с ней на улицу, крича и поедая. Они кричали: "О Яутл, Яутл, отправляйся на поле битвы, окажись в самой гуще сражения; О Яутл, Яутл, твоя обязанность - радовать солнце и землю, давать им есть и пить; на твою долю выпал жребий воинов, которые являются орлами и тиграми, которые умирают на войне, которые сейчас веселятся и поют перед солнцем". И они снова закричали: "О воины, о воинственные люди, идите сюда, идите есть пупок Яутла". Затем повитуха, или жрица, отнесла ребенка в дом и удалилась, перед ней несли большой факел из свечного дерева, горящий перед ней, и это было последним в церемонии.[\[IX-27\]](#)

АЦТЕКСКАЯ ВЕНЕРА.

Богиню (или бога, как некоторые ее называют), связанную мексиканцами с плотской любовью, по-разному называли Тлазолтеотль, Искуина, Тлаклкуани и другими именами, и, особенно это встречается в Тлашкале, Хочикетсаль. Она не занимала особо видного или почетного места в умах людей и была гораздо более близка к римской Клоацине, чем к греческой Афродите. Камарго, тлашкальтек, дает о ней самый приятный отзыв. Ее дом находился на девятом небе, в прекрасном саду, орошаемом бесчисленными фонтанами, где она проводила время за прядением и ткачеством роскошных тканей, среди наслаждений, которым прислуживали низшие божества. Ни один мужчина не мог приблизиться к ней, но у нее на службе была толпа карликов, шутов и горбунов, которые развлекали ее своими песнями и танцами и выступали в роли посланников к тем богам, которые ей нравились. Она была нарисована так красиво, что ни одна женщина в мире не могла сравниться с ней; и место, где она жила, называлось Иамотамохуаничан, Шочитликакан, Читамихуани, Чикухнауэпаниухан и Тухекаян, то есть "место Тамохуан, место цветочного дерева Шочитликакан, где воздух чистейший, за пределами девяти небес". Далее говорилось, что тот, к кому прикасался один из цветов, растущих в прекрасный сад Шочицеаль следует любить до конца, любить преданно.[\[IX-28\]](#)

ТЛАЗОЛТЕОТЛЬ СОБЛАЗНЯЕТ ЯППАНА.

Ботурини приводит легенду, в которой эта богиня фигурирует очень характерным образом. Жил-был человек по имени Яппан, который, чтобы завоевать расположение богов, стал отшельником, оставив свою жену и своих родственников и удалившись в пустынное место, чтобы вести там целомудренную и уединенную жизнь. В той пустыне был большой камень или скала, называемая Теуэуэтль, предназначенная для покаянных деяний, на которую взошел Яппан и поселился на ней, подобно западному Симеону Столпнику. Боги наблюдали за всем этим со вниманием, но, сомневаясь в твердости намерений нового отшельника, они приставили к нему шпиона в лице его врага по имени Яотль, словояотль на самом деле означает "враг". Однако даже обостренный ненавистью и завистью глаз не мог найти ни единого уголка в суровой жизни отшельника на континенте, и множество женщин, посланных богами, чтобы

соблазнить его на наслаждение, были отвергнуты и сбиты с толку. На самих небесах целомудренным победам одинокого святого аплодировали, и стало казаться, что он достоин преобразования в какую-то высшую форму жизни. Тогда Тлазолтеотль, чувствуя, что ею пренебрегают и считают никчемной, поднялась во всей своей зловещей красоте, гневная, презрительная, и сказала: "Не думайте, о вы, высокие и бессмертные боги, что у этого вашего героя хватит сил сохранить свое решение передо мной или что он достоин какого-либо очень возвышенного преобразования; Я спускаюсь на землю, узрите теперь, насколько силен обет вашего преданного, насколько непритворно его воздержание!"

В тот день хозяйка не ухаживала за цветами в садах Шочикецаля, ее поющие гномы молчали, ее посланцы не беспокоились по ее приказу, и далеко в пустыне, у одинокой скалы, крадущийся шпион Яотль увидел чудесное зрелище: существо, похожее на женщину, но прекраснее, чем может представить глаз, приближалось к худощавому, иссохшему от покаяния мужчине на священной высоте. На! умерщвленная плоть отшельника не трепещет от чего-то большего, чем удивление, в то время как нежный голос говорит: "Брат мой Яппан, я, богиня Тлазолтеотль, пораженная твоим постоянством и сочувствующая твоим невзгодам, прихожу утешить тебя; какой путь мне избрать, или какой тропинкой, чтобы я могла подняться и поговорить с тобой?" Простодушный не заметил уловки, он спустился со своего места и помог богине подняться. Увы, в таком кризисе, о чем нужно говорить дальше? — никакой другой победе Яппана не суждено было прославиться на небесах, но в облаке позора его целомудренный свет померк навсегда. И ты, о бесстыдница, насытили ли поцелуями твои пылкие алые губы, удовлетворена ли этим твоя пафианская душа, когда теперь, окрыленный победой, ты возвращаешься к журчащим фонтанам, и к великому цветущему дереву, и в бескрайние сады, где твои рабы ждут тебя на девятом небе? Опускают ли твои глаза хоть сколько-нибудь при виде несчастной разочарованной жертвы, оставленной скорчившейся, униженной на своей оскверненной скале, его ночи и дни поста и усталости пропали даром, его мечты, его надежды рассеялись, развеялись, как пыль, развеянная по подолу твоих одежд? И для тебя, бедный Яппан, невзгоды этой жизни скоро закончатся; Яотль, враг, не зря видел все это; он, по крайней мере, не испытывал голода, жажды и усталости, не наблюдал и не ждал напрасно. О, бесполезно поднимать умоляющие руки, они теплые, но не от молитвенного пожатия, и усталые, но не от размахивания кадиллом; булава с кремневым лезвием сокрушает твою слабую защиту, шея, которую сжимала Тлазолтеотль, пробита насквозь, губы, которые она целовала, валяются в пыли рядом с обезглавленным туловищем.

Боги превратили мертвеца в скорпиона с поднятыми вверх предплечьями, как тогда, когда он защищался от удара своего убийцы; и он заполз под камень, на котором жил. Его жена, которую звали Тлауицин, что означает "воспаленная", все еще была жива. Неумолимый Яотль разыскал ее, привел к месту, обгабленному кровью ее мужа, безжалостно описал обстоятельства греха и смерти отшельницы, а затем отрубил ей голову. Боги превратили бедную женщину в того вида скорпиона, который называется *алакран энсендидо*, и она заползла под камень и нашла своего мужа. И так получается, что традиция гласит, что все скорпионы красноватого цвета произошли от Тлауицина, а все скорпионы темного или пепельного цвета - от Яппана, в то время как оба прячутся под камнями и бегут от света, стыдясь своего позора и наказания. В последнюю очередь гнев богов пал на Яотля за его жестокость и самонадеянность в превышении их приказов; он превратился в разновидность саранчи, которую мексиканцы называют *тахуакачуллин*.[\[IX-29\]](#)

ПРИЗНАНИЕ.

Саагун дает очень полное описание этой богини и ее связи с определенными обрядами исповеди, во многом напоминающими те, которые уже были описаны в книге "Говоря о Тецкатлипоке".^[IX-30] У богини, согласно нашему автору, было три имени. Первым было Тлазолтеотль, то есть "богиня плоти". Вторым именем была Иксуина, что означает четырех сестер, которых звали соответственно и в порядке возраста Тиакапан, Тейку, Тлако, Ксукотси. Третьим и последним именем этого божества было Тлаклквани, что означает "пожиратель нечистот", имея в виду, как говорят, ее функцию выслушивать и прощать признания мужчин и женщин, виновных в нечистых и плотских преступлениях. Ибо эта богиня или эти богини обладали властью не только вдохновлять и провоцировать на совершение таких грехов и помогать в их совершении, но и прощать их, если они признавались определенным священникам, которые также были прорицателями, предсказателями судьбы и вообще волшебниками. Однако в этом признании, по-видимому, непосредственно обращались не к Тлазолтеотлю, а только к верховному божеству под несколькими его именами. Таким образом, человек, которого из вежливости мы можем назвать кающимся, разыскав исповедника из вышеупомянутого класса, обратился к этому должностному лицу со следующими словами: "Господин, я хочу обратиться к всемогущему богу, покровителю всех, Йоалли Гекатлю, или Тецкатлипоке; Я хочу тайно исповедаться в своих грехах. На это волшебник, или священник, ответил: "Добро пожаловать, сын мой; то, что ты хочешь сделать, делается для твоего блага и выгоды. Сказав это, он заглянул в книгу прорицаний, *тоналаматль*, чтобы узнать, какой день будет наиболее подходящим для слушания исповеди. В тот день кающийся принес новую циновку, белый ладан, называемый *копалли*, и дрова для костра, на котором должны были возжигаться благовония. Иногда, когда он был очень знатной личностью, священник приходил к нему домой, чтобы исповедать его, но, как правило, церемония проходила в резиденции священника. Войдя в этот дом, кающийся очень чисто подмел часть пола и расстелил там новую циновку, чтобы исповедующийся мог сесть, и разжег дрова. Затем священник бросил копал в огонь и сказал: О Господь, ты, который есть отец и мать богов и самый древний бог,^[IX-31] знай, что сюда идет твой вассал и слуга, плачущий и с великой печалью; он осознал, что сбился с пути, что он споткнулся, что он поскользнулся, что он запятнан некоторыми грязными грехами и тяжкими преступлениями, достойными смерти. Господь наш, весьма сострадательный, поскольку ты - покровитель и заступница всех, прими покаяние, прислушайся к мукам этого твоего слуги и вассала.

В этот момент исповедник повернулся к грешнику и сказал: Сын мой, ты пришел в присутствие Бога, покровителя всех; ты пришел обнажить свою внутреннюю гниль и неприглядность; ты пришел обнародовать тайны своего сердца; смотри, чтобы ты не упал в пропасть, солгав нашему Господу; разденься, отбрось всякий стыд перед тем, кого зовут Йоалли Гекатль и Тецкатлипока. Несомненно, что ты сейчас находишься в его присутствии, хотя ты недостойн видеть его, и он не будет говорить с тобой, ибо он невидим и неосязаем. Тогда смотри, как ты подходишь к этому и с каким сердцем; не бойся обнародовать свои секреты в его присутствии, дай отчет о своей жизни, расскажи о своих злых делах так, как ты их совершал; расскажи все с грустью нашему Господу Богу, который является благосклонным ко всем, и чьи руки открыты и готовы обнять и посадить тебя на свои плечи. Остерегайтесь скрывать что-либо из-за стыда или слабости.

Услышав эти слова, кающийся принес клятву, по мексиканскому обычаю, говорить правду. Он коснулся земли рукой и слизнул прилипшую к ней землю;[IX-32] затем он бросил копал в огонь, что было еще одним способом поклясться говорить правду. Затем он преклонился перед священником и, поскольку тот считал его образом и наместником бога, он, кающийся, начал говорить следующим образом: О наш Господь, принимающий и укрывающий всех, прислушайся к моим мерзким поступкам; в твоём присутствии я раздеваюсь, я удаляю от себя все постыдные вещи, которые я совершил. Воистину, не от тебя скрыты мои преступления, ибо для тебя все очевидно. Сказав это, кающийся приступил к изложению своих грехов в том порядке, в котором они были совершены, четко и спокойно, как будто медленно и отчетливо произносимо нараспев, как человек, который идет очень прямым путем, не сворачивая ни направо, ни налево. Когда он закончил, священник ответил ему следующим образом: Сын мой, ты говорил перед Господом нашим Богом, открывая ему свои злые дела; и теперь я скажу тебе, что ты должен сделать. Когда богини Чивапипилти спускаются на землю, или когда наступает время праздника четырех сестер-богинь плоти, которые называются Икшкуина, ты должен поститься четыре дня, страдая от своего желудка и рта; поскольку этот праздник Икшкуины наступил, на рассвете ты должен совершить покаяние, соответствующее твоим грехам.[IX-33] Через отверстие, пробитое шипом магуэа в середине твоего языка, ты должен пропустить определенные ивовые веточки, называемые *теукальзакатль* или *тлакотль*, проводя ими перед лицом и перекидывая их через плечо одну за другой; или ты можешь привязать их одну к другой и таким образом пропустить через свой язык, как длинный шнур. Эти веточки иногда пропускались через отверстие в ухе; и где бы они ни были пропущены, как выяснил наш автор, иногда ими пользовался один кающийся в количестве четырехсот или даже восьмисот человек.

ЕПИТИМЫ.

Если грех казался слишком легким для такого наказания, как предыдущее, священник говорил кающемуся: сын мой, ты должен поститься, ты должен изнурять свой желудок голодом, а ротжаждой, и это в течение четырех дней, принимая пищу только один раз в день, и то в полдень. Или священник сказал бы ему: "Ты пойдешь предлагать бумагу в обычных местах, ты сделаешь изображения, покрытые ею, в количестве, пропорциональном твоей преданности, ты будешь петь и танцевать перед ними, как предписывает обычай". Или, опять же, он говорил ему: ты оскорбил Бога, ты напился; ты должен искупить вину перед Тотохти, богом вина; и когда ты пойдешь на покаяние, ты пойдешь ночью обнаженным, на тебе будет только листок бумаги, висящий у тебя на поясе спереди, и еще один сзади; ты должен повторить свою молитву, а затем бросить перед богами эти два листка бумаги и так уйти.

Считалось, что это признание было сделано не священнику или человеку, а Богу; и поскольку его можно было услышать только один раз в жизни человека, а повторному греху после него не было прощения, оно обычно откладывалось до старости. Отпущение грехов, данное священником, было ценно в двойном отношении; отпущенный считался раскаявшимся во всех преступлениях, в которых он сознался, и свободным от всех страданий и наказаний, мирских или духовных, гражданских или церковных, полагающихся за это. Так была связана огненная плеть Немезиды, так были одинаково повержены посох Миноса и меч Фемиды перед ужасным эгисом религии. Можно себе представить, с какой неохотой прибегали к этой последней надежде, к этому уникальному жизненному признанию; это был единственный город-убежище, единственное мексиканское преимущество святилища, единственный рог алтаря, за который человек мог однажды ухватиться и жить, но больше никогда - навсегда.[IX-34]

БОГ ОГНЯ.

Мексиканского бога огня, как мы уже заметили, обычно называли Ксиутекутли. Однако у него были и другие имена, такие как Икскозауки, то есть "желтолицый"; и Куекальцин, что означает "пламя огня"; и Уэуэтеотль, или "древний бог".[IX-35] Его идол изображал обнаженного мужчину с подбородком, почерневшим от ули, и украшением для губ из красного камня. На голове у него была разноцветная бумажная корона с зелеными перьями, торчащими из ее макушки, как языки пламени; по бокам до самых ушей свисали кисточки из перьев. Серьги на изображении были из бирюзы, выложенной мозаикой. На спине идола была голова дракона, сделанная из желтых перьев и нескольких маленьких морских раковин. К лодыжкам были прикреплены маленькие колокольчики или погремушки. На левой руке был щит, почти полностью покрытый золотой пластиной, в которую были вделаны в форме креста пять халхиуитов. В правой руке бог держал круглую золотую пластину с пронзением, называемую "смотрящей пластиной" (*mirador ó miradero*); ею он закрывал свое лицо, глядя только через отверстие в золотой пластине. Народ считал Схутекутли своим отцом и относился к нему со смешанным чувством любви и страха; и они отмечали в его честь два установленных праздника каждый год, один в десятом, а другой в восемнадцатом месяце, вместе с переносным праздником, на котором, согласно Клавиджеро, назначались магистраты и возобновлялась церемония наделения феодальных владений королевства. Жертвоприношения первого из этих праздников, праздника десятого месяца, Шокотльвети, были особенно жестокими даже для мексиканской религии.

ПРАЗДНИК БОГА ОГНЯ.

Помощники начали с того, что срубили огромное дерево двадцати пяти сажень в длину и обрубili ветви, удалив, казалось бы, все, кроме нескольких на верхушке. Затем это дерево было проташено на веревках в город, по-видимому, на роликах, с большими предосторожностями, чтобы не поранить или не испортить его; и женщины встречали входящую процессию, угощая тех, кто тащил какао. Дерево, которое называлось *шокотль*, было с криками доставлено во двор а ку, там его посадили в яму в земле и оставили там на двадцать дней. Накануне праздника Шокотльвети они осторожно опускали это большое дерево или жердь на землю с помощью веревок и козелков, или упоров, сделанных из балок, связанных пополам, вероятно, в форме буквы Х; плотники обтесывали его идеально гладко и ровно, а там, где были оставлены ветви, ближе к вершине, они закрепляли веревками нечто вроде ярда или поперечной балки длиной в пять сажень. Затем была приготовлена для установки на самую верхушку шеста или дерева статуя бога Схутекутли, сделанная в виде человека из теста из семян дикого амаранта, покрытая и украшенная бесчисленным количеством белой бумаги. В голову изображения были воткнуты полоски бумаги вместо волос; бумажные ленты пересекали тело с каждого плеча; на руках были кусочки бумаги, похожие на крылья, разрисованные фигурками ястребов-перепелятников; чресла прикрывал лист бумаги; и все это покрывало что-то вроде бумажной рубашки или плаща. Большие полосы бумаги, шириной в полсажени и длиной в десять сажень, поднимались из-под ног бога теста на полпути вниз по дереву; в его голову были воткнуты три стержня с тамале, или маленьким пирожком, на верхушке каждого. Когда дерево было приготовлено со всеми этими принадлежностями, к его середине были прикреплены десять веревок, и с помощью вышеупомянутых козел и большой толпы,

собравшейся вместе, все сооружение было поднято в вертикальное положение и закреплено там с громкими криками и топотом ног.

Затем пришли все те, у кого были пленники для принесения в жертву; они пришли разукрашенные для танцев, все тело выкрашено в желтый цвет (это цвет ливреи бога), а лицо - в киноварь. Они были одеты в массу красного оперения попугая, устроенного так, чтобы напоминать бабочку, и несли щиты, покрытые белыми перьями, и как бы лапы шагающих тигров или орлов. Каждый из них танцевал бок о бок со своим пленником. У этих пленников тело было выкрашено в белый цвет, а лицо - в киноварь, за исключением щек, которые были черными; они были украшены бумагой, по-видимому, такой же, как фигурка из теста, и у них были белые перья на голове и украшения из перьев на губах. С заходом солнца танцы прекратились; пленников заперли в *кальпулли*, и за ними присматривали их хозяева, им даже не давали спать. Около полуночи каждый хозяин сбривал волосы на макушке своего раба, которые, привязав красной нитью к маленькому пучку перьев, он складывал в небольшой тростниковый футляр и прикреплял к стропилам своего дома, чтобы каждый мог видеть, что он был доблестным человеком и взял пленника. Нож, которым производилось это бритье, назывался "коготь ястреба-перепелятника". На рассвете обреченных и остриженных рабов выстроили по порядку перед местом, называемым Цомпантли, где черепа принесенных в жертву были насажены рядами на вертела. Здесь один из священников прошел вдоль ряда пленников, взяв у них несколько маленьких знамен, которые они несли, и всю их одежду или украшения, и сжег их в огне; ибо одежда или украшение этим несчастным больше не понадобятся на земле. Пока они стояли так, совершенно обнаженные, в ожидании смерти, пришел другой жрец, неся в руках изображение бога Пайналя и его украшения; он взбежал с этим идолом на вершину ку Тлакакукухана, где жертвы должны были умереть. Он спустился вниз, потом снова поднялся, и когда он поднялся во второй раз, хозяева взяли своих рабов за волосы и отвели их в место, называемое Апетлак, и там оставили их. Немедленно из ку спустились те, кто должен был совершить жертвоприношение, неся мешочки с каким-то одуряющим благовонием, называемым *йяухтли*, [IX-36] которые они горстями бросали в лица жертв, чтобы несколько приглушить их агонию перед страшной смертью, ожидавшей их. Затем каждого пленника связали по рукам и ногам и таким образом подняли на вершину котла, где тлела огромная куча живого угля. Носильщики внесли свою живую ношу внутрь; и старое повествование содержит мельчайшие подробности о большой дыре, проделанной в сверкающих углях каждым рабом, и о том, как пепельная пыль поднялась облаком, когда он упал. Когда пыль осела, стало видно, как связанные тела корчатся и дергаются в муках на своем мягком тускло-красном ложе, и было слышно, как потрескивает и поджаривается их плоть. Теперь наступила часть церемонии, требующая большого опыта и рассудительности; жрецы с дикими глазами стояли с абордажными крюками в руках, выжидая своего часа. Жертвы не должны были погибнуть в огне, и в тот момент, когда на их обожженной коже начали красиво вздуваться огромные волдыри, этого было достаточно, чтобы их выгребли. Затем бедные почерневшие тела бросали на "тахон", а агонизирующую душу освобождали жертвенным разрезом груди (от соска до соска или чуть ниже); затем сердце вырывали и бросали к ногам Сяхтекутли, бога огня.

ВОСХОЖДЕНИЕ РАДИ БОГА.

Когда эта бойня закончилась, статую Пэйналя унесли в ее собственный дом, и все мужчины разошлись по домам, чтобы поесть. И молодые люди и юноши, все те, кого называли *кекспалеке*, [IX-37] потому что у них была прядь волос на затылке, пришли вместе со

всем народом, женщины по порядку среди мужчин, и начали в полдень танцевать и петь во дворе Сяхтекутли; место было такое переполненное, что едва можно было двигаться. Внезапно раздался громкий крик, и все бросились со двора к тому месту, где росло высокое дерево, уже описанное довольно подробно. Давайте протиснемся вперед, не без риска поранить свои ребра, и посмотрим, что мы можем увидеть: там стоит высокий шест с бумажными лентами и свисающими с него десятью веревками, на которых он был поднят. Наверху стоит изображение бога огня из теста со всеми его украшениями и оружием, а также с тремя тамале, так странно торчащими над его головой. Дубинки для посуды! мы прижимаемся слишком близко; плечом к плечу плотным сомкнутым кольцом вокруг подножия шеста стоят "капитаны молодежи", сдерживая молодежь дубинками, пока не будет отдана команда, по которой все могут начинать взбираться на указанный шест за главным призом на вершине. Но молодежь жаждет славы; старые прославленные герои смотрят на это; глаза всех женщин города устремлены на огромное дерево, которое возвышается над головами борющейся толпы; слава тому, кто первым получит перекладину и изображение. Тогда отойдите, вы, капитаны, дайте нам пройти! Кругом суeta и топот, и, несмотря на дождь ударов, весь шест со свисающими веревками кишит альпинистами, сталкивающими друг друга вниз. Первый юноша, стоящий наверху, хватая идола из теста; он берет щит, и стрелы, и дротики, и палку для метания дротиков аталта, он снимает тамале с головы статуи, крошит их и бросает крошки вместе с перьями статуи в толпу; получение этих крошек и перьев является новым поводом для криков, драки и кулачных боев среди толпы. Когда юный герой спускается с оружием бога, которое он добыл, его встречают оглушительными аплодисментами и уносят в ку Тлакакукухан, где он получает награду за свою активность и выносливость, похвалы, драгоценности и богатую мантию, которую другим носить не разрешается, а также честь быть отнесенным жрецами в его дом под музыку рожков и раковин. Праздник закончился; все хватаются за веревки, привязанные к дереву, и тянут его вниз с таким грохотом, что оно разламывается на куски, по-видимому, вместе со всем, что осталось от изображения Сяхтекутли из теста из дикого амаранта.[IX-38]

Другой праздник бога огня проводился в месяце Изкалли, восемнадцатом месяце; он назывался *мотлакскиантота*, что означает "наш отец огонь поджаривает свою пищу". Было сделано изображение бога огня с каркасом из обручей и связанных вместе палочек в качестве основы или модели, которую нужно было покрыть его украшениями. На голову этого изображения была надета сияющая маска из бирюзовой мозаики, окаймленная поперек рядами зеленых халхиуитов. На маску была надета корона, облегающая голову снизу, широкая сверху и великолепная, с богатым оперением в виде цветка; к этой короне был прикреплен парик из рыжевато-волос, так что равномерно подстриженные пряди ниспадали из-под нее, сзади и вокруг маски, как если бы они были натуральными. Одевание из дорогих перьев покрывало всю переднюю часть изображения и ниспадало на землю у ног, такое легкое, что оно дрожало и плыло при малейшем дуновении воздуха, пока пестрые перья не заблестели и не изменили цвет, как вода. Задняя часть изображения, по-видимому, осталась без украшений, скрытая треном, на котором оно восседало, треном, покрытым высушенной тигровой шкурой, с лапами и головой целиком. Перед этой статуей в полночь разводили новый огонь, быстро натирая вручную одну палочку о другую; разгоревшуюся таким образом щепку или трут клали в очаг и разжигали огонь.[IX-39] На рассвете все мальчики и юноши пришли с дичью и рыбой, которые они наловили накануне; обойдя вокруг костра, они отдали ее нескольким старикам, стоявшим там, которые, взяв ее, бросили в огонь перед богом, дав юношам взамен несколько

тамале, которые были приготовлены и предложены для этой цели женщинами. Чтобы съесть эти тамале, необходимо было ободрать листья кукурузы, в которые они были завернуты и приготовлены; эти листья не бросали в огонь, а соединяли все вместе и бросали в воду. После этого все старики палаты, в которой горел костер, пили пульке и пели перед изображением Сухтекутли до самой ночи. Это был десятый день месяца, и таким образом завершился этот праздник, или та часть праздника, которая называлась *вокитамалквалицтли*.

В двадцатый и последний день месяца была изготовлена еще одна статуя бога огня, с каркасом из палок и обручей, как уже описано. Они надели ему на голову маску с мозаичным покрытием из маленьких кусочков раковины, называемую *тапазтли*, [IX-40], сложенную ниже рта из черных камней, окаймленную поперек ноздрей черными камнями другого вида, а щеки сделаны из еще другого камня, называемого *тецкапучтли*. Как и в предыдущем случае, на этой маске была корона, а по всему телу изображения - дорогие и красивые украшения из перьев. Перед тронем, на котором восседала эта статуя, горел костер, и юноши предлагали старикам дичь и получали от них пирожные с различными церемониями; день завершался обильным употреблением стариками пульке, хотя и не до опьянения. Так закончился восемнадцатый месяц; и что касается двух только что описанных церемоний, Саагун говорит, что, хотя они соблюдались не во всех частях Мексики, они соблюдались по крайней мере в Тецкоко.

ФЕСТИВАЛЬ ЧЕТВЕРТОГО ГОДА.

Следует отметить, что праздники этого месяца обходились без человеческих жертвоприношений; но каждый четвертый год был исключением из этого правила. В таком году в двадцатый и последний день этого восемнадцатого месяца, который также, по мнению некоторых, был последним днем года, за исключением пяти немонтени, или несчастливых дней, мужчины и женщины были убиты как изображения бога огня. Женщины, которым предстояло умереть, несли всю свою одежду и украшения на плечах, и мужчины делали то же самое. Прибывшие таким обнаженными туда, где им предстояло умереть, мужчины и женщины были одинаково украшены, чтобы напоминать бога огня; они поднялись на гору, обошли жертвенный камень, а затем спустились и вернулись к месту, где их должны были оставить на ночь. У каждого мужчины-жертвы посередине тела была обвязана веревка, которую держали его охранники. В полночь волосы на макушке каждого из них сбривали перед огнем и хранили как реликвию, а саму голову покрывали смесью смолы и куриных перьев. После этого обреченные сжигали или раздавали своим хранителям свою ставшую бесполезной одежду, а когда наступало утро, их украшали бумагами и вели процессией на смерть с пением, криками и танцами. Эти празднества продолжались до полудня, когда жрец ку, облаченный в украшения бога Пайнала, спустился вниз, прошел перед жертвами, а затем снова поднялся вверх. Их повели за ним, сначала пленников, а потом рабов, в том порядке, в каком они должны были умереть; они страдали обычным образом. Затем состоялся грандиозный танец лордов, возглавляемый самим королем; на каждом танцоре была бумажная корона с высоким передом, что-то вроде накладного носа из синей бумаги, серьги из бирюзовой мозаики или из дерева, украшенного цветами, синяя куртка с причудливыми цветами и мантия. На шее у каждого висела фигурка собаки, сделанная из бумаги и разрисованная цветами; в правой руке он держал палку в форме разделочного ножа, нижняя половина которого была выкрашена в красный цвет, а верхняя - в белый; в левой руке он нес маленький бумажный пакетик из копала. Этот танец начался на вершине ку и закончился спуском и четырехкратным обходом двора ку; после чего все вошли во дворец вместе с королем. Этот танец устраивался только раз в четыре

года, и никто, кроме короля и его вельмож, не мог принять в нем участия. В этот день уши всех детей, родившихся в течение трех предыдущих лет, протыкали костяным шилом, а сами дети проходили рядом с пламенем костра или сквозь него, как уже говорилось.[\[IX-41\]](#) Была еще одна церемония, когда детей брали за голову и поднимали их, "чтобы они выросли"; и от этого месяца получил свое название, Ицкалли, что означает "рост".[\[IX-42\]](#)

В честь огня обычно соблюдался обычай, называемый "бросание", который заключался в том, что никто не ел, предварительно не бросив в огонь ни кусочка пищи. Другой распространенной церемонией было выпивать пульке, предварительно пролив немного на край очага. Также, когда человек начинал с кувшина пульке, он выливал немного в широкую кастрюлю и ставил ее рядом с огнем, откуда из другого сосуда он четыре раза выплескивал ее на край очага; это было "возлияние или дегустация".[\[IX-43\]](#)

ВЕЛИКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НОВОГО ОГНЯ.

Самым торжественным и важным из всех мексиканских праздников был тот, что назывался Токсилмолпилли или Сяхмолпилли, "соединение лет". Каждые пятьдесят два года назывались снопом лет; и считалось достоверным, что по истечении какого-нибудь снопа из пятидесяти двух лет движение небесных тел должно прекратиться и сам мир придет к концу. По мере приближения возможного дня разрушения все люди бросали в воду своих домашних божков из дерева и камня, а также камни, которые использовались в очаге для приготовления пищи и измельчения перца. Они тщательно вымыли свои дома и в последнюю очередь потушили все пожары. Для разжигания нового костра было отведено отдельное место, вершина горы под названием Вискachtлан, или Уиксachtла, на границе между городами Ицтапалапа и Колуакан, примерно в шести милях от города Мехико. В разведении этого нового огня не участвовал никто, кроме священников, и эта задача особенно легла на плечи приходского Кополко. В последний день пятидесяти двухлетнего периода, после захода солнца, все жрецы облачились в одежды и знаки отличия своих богов, чтобы казаться настоящими богами, и отправились процессией к горе, двигаясь очень медленно, с большой серьезностью и молчанием, как подобало случаю и одежде, которую они носили, "шагая", как они выразились, "как боги". Священник прихода Кополко, в обязанности которого входило добывать огонь, держал в руке необходимые для этого инструменты, время от времени пробуя их, чтобы убедиться, что все в порядке. Затем, незадолго до полуночи, когда они достигли горы и построили там шатер для этой церемонии, они начали наблюдать за небесами и особенно за движением Плеяд. Теперь эта ночь всегда наступала так, что в полночь эти семь звезд находились в середине неба по отношению к мексиканскому горизонту; и священники наблюдали за ними, чтобы увидеть, как они минуют зенит и таким образом подадут знак того, что мир продержится еще пятьдесят два года. Этот знак был сигналом к разведению нового огня, зажженного следующим образом. Самого храброго и прекрасного из пленных, взятых на войне, бросили живым на землю, а на грудь ему положили доску из очень сухого дерева; исполняющий обязанности священника в критический момент проткнул ее другой палкой, быстро вращая ее между ладонями, пока не вспыхнуло пламя. Затем мгновенно внутренности пленника были вскрыты, его сердце вырвано, и он вместе со всем телом был брошен в огненную кучу и сожжен ею. Все это время ужасная тревога и неизвестность владели народом в целом; ибо было сказано, что если случится что-нибудь, что помешает разведению в надлежащее время нового огня, то человеческому роду придет конец, ночь и мрак будут вечными, и эти ужасные и уродливые существа, Цицимитли[\[IX-44\]](#), спустятся, чтобы пожрать все человечество. По мере приближения рокового часа люди собирались на

плоских крышах домов, и никто добровольно не оставался внизу. Однако всех беременных женщин запирали в зернохранилищах, а их лица закрывали маисовыми листьями; говорили, что, если не удастся развести новый огонь, эти женщины превратятся в свирепых животных и будут пожирать мужчин и женщин. Детям также надевали маски из листьев кукурузы на лица, и их не давали спать криками и толчками, поскольку считалось, что если им дать поспать, они превратятся в мышей.

ПРАЗДНИК НОВОГО ОГНЯ.

С переполненных крыш домов все взгляды были устремлены на Висксатлан. Внезапно ближайшие увидели движущееся пятнышко света, а затем огромный столб пламени взметнулся к небу. Новый пожар! и громкий крик радости раздался по всей округе. Звезды продолжали свой путь; вселенной оставалось существовать по меньшей мере еще пятьдесят два года. Каждый наложил на себя епитимью: порезал себе ухо осколком кремня и разбрызгал кровь по тому месту, где горел огонь; даже уши детей в колыбели были порезаны подобным образом. И теперь из пылающей кучи на горе самые быстрые бегуны разносили горящие головни для сосновых свечей во все концы королевства. В городе Мехико, в храме Уицилопочтли, перед алтарем был устроен камин из камня и извести, содержащий много копала; в него первый бегущий бросал горящую головню, и с этого места огонь разносился по всем домам священников, а оттуда снова по всему городу. Вскоре в каждом приходе запылали большие центральные костры, и было видно множество людей, собравшихся вместе, чтобы зажечь свет, и всеобщее ликование.

Когда таким образом разожгли огонь в очагах, обитатели каждого дома начали обновлять своих домашних божков и убранство, стелить новые циновки и надевать новую одежду; они сделали все новое в знак нового снопа лет; они обезглавили перепелов и воскурили благовония во внутреннем дворе, обращенном к четырем сторонам света, и на своих очагах. После трапезы из семян дикого амаранта с медом был предписан пост, запрещалось даже пить воду до полудня. Затем возобновились еда и питье, были принесены в жертву рабы и пленники, и возобновились большие костры. Последний торжественный праздник нового огня отмечался в 1507 году, когда испанцев тогда не было на земле; и благодаря их присутствию не было публичной церемонии, когда в 1559 году закончился следующий сноп лет.[\[IX-45\]](#)

ОРИГИНАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ.

Миктлан, мексиканский гадес, или место мертвых, означает либо изначально, либо в приобретенном значении "к северу", хотя многие авторитетные источники считают, что он находится под землей. Этот регион был средоточием власти бога, наиболее известного под своим титулом Миктлантекутли; его спутницу звали Миктланчихуатль, которую некоторые легенды отождествляют с Тлазолтеотль, а другие, по-видимому, с женщиной-змеей и богиней-матерью.[\[IX-46\]](#) Там была обнаружена и сейчас ее можно увидеть в городе Мехико огромная составная статуя, представляющая различные божества, наиболее известной из которых является некая богиня Теояомике, которая, как мне кажется, почти идентична богине-матери или, по крайней мере, является связующим звеном между ней и спутницей Миктлантекутли. Г-н Галлатин говорит[\[IX-47\]](#), что мексиканские боги "были нарисованы по-разному в соответствии с их различными атрибутами и именами: и у священников также был обычай соединять со статуей бога или богини символы других божеств, которые имели сходный характер. Гама привел несколько примеров обеих практик в той части своей диссертации, которая касается статуи

богини смерти, найденной на большой площади Мексики, копии которой он и недавно мистер Небель предоставили.[\[IX-48\]](#) Ее зовут Теоямикви, что означает "умереть в священной войне" или "защищая богов", и она является подходящей спутницей Уицилопочтли, бога войны. Символы ее собственных атрибутов находятся в верхней части статуи, но те, что идут от талии вниз, относятся к другим божествам, связанным с ней или с Уицилопочтли. Змеи являются символами его матери Коуатликуэ, а также Чиуакохуатль, женщины-змеи, родившей близнецов, мужчину и женщину, от которых произошло человечество: те же змеи и перья являются символом Кесатлкоуатль, драгоценные камни обозначают Чалчихуитликуэ, богиню воды; зубы и когти относятся к Тлалоку и Тлатокаоцелоцелотлю (королю тигров): и вместе с ее собственными атрибутами все это представляет собой самую ужасную фигуру".

ГАМА На СОСТАВНОМ ИЗОБРАЖЕНИИ.

Об этой огромной составной статуе Уицилопочтли (по большей части под его именем Теояотлатохауа), Теояомике и Миктлантекутли, а также о трех божествах по отдельности Леон-и—Гама говорит, по существу, следующим образом, начиная с Миктлантекутли:[\[IX-49\]](#)-

Шевалье Ботурини упоминает другое его имя, Теояотлатохауа, и говорит, что как директора и вождя священной войны его всегда сопровождала Теояомике, богиня, чьим делом было собирать души тех, кто погиб на войне, и тех, кто впоследствии был принесен в жертву в качестве пленников. Пусть эти утверждения будут приложены к тому, что говорит Торквемада, а именно, что в великий праздник месяца Уэймиккайлутль,[\[IX-50\]](#) умершим королям и всем известным личностям, героически погибшим на войне и во власти врага, были даны божественные имена; кроме того, из этих личностей были сделаны идолы, и их поместили рядом с божествами; ибо было сказано, что они отправились в место наслаждений, чтобы быть там с богами. Из всего этого следует, что перед этим образом, в котором были тесно объединены Теояотлатохауа и Теояомике, каждый год совершались определенные обряды в память и честь умерших королей, лордов, капитанов и солдат, павших в битве. И не только мексиканцы почитали в храме это изображение многих богов, но и судебные астрологи сочинили соответствующее ему созвездие, оказывающее влияние на людей, родившихся под ним. При изображении этого созвездия Теояотлатохауа Уицилопочтли был изображен только половиной своего тела, как бы сидящим на скамейке и с открытым ртом, как будто что-то говорящим. Его голова была особым образом украшена перьями, руки были сделаны в виде стволов деревьев с ветвями, а из-за пояса торчали какие-то травы, которые ниспадали на скамью. Напротив этой фигуры была Теояомикэ, обнаженная, если не считать тонкого халата,[\[IX-51\]](#) и стоявшая на пьедестале, по-видимому, держа голову в руках, во всяком случае, с отрезанной головой, перевязанными глазами и двумя змеями, выходящими из шеи там, где должна была быть голова. Между богом и богиней стояло разделенное посередине цветущее дерево, к которому была прикреплена балка с различными перемычками, а над всем этим была изображена птица с отделенной от тела головой. Можно было видеть также голову птицы в чашке и голову змеи, а также горшок, перевернутый вверх дном, когда содержимое — вода, как следует из прикрепленных иероглифов, — вытекало.

В таком виде были изображены эти два бога, как одно из двадцати небесных знамений, достаточно замеченных Ботурини, хотя, как он признается, он не расположил их в надлежащем порядке. Возвращаясь к обязанности, приписываемой Теояомике, - собиранию душ умерших, - мы находим, что Кристоаль дель Кастильо говорит, что все рожденные под знаком, которым

вместе с богом войны управляла эта богиня, должны были в раннем возрасте стать доблестными солдатами; но их карьера должна была быть короткой, хотя и блестящей, поскольку они должны были пасть в битве молодыми. Эти души должны были подняться на небеса, чтобы поселиться в доме солнца, где были леса и рощи. Там им предстояло прожить четыре года, по истечении которых они должны были превратиться в птиц с богатым и красивым оперением и расхаживать по цветам как на небесах, так и на земле.

МИКТЕКАЧИУАТЛЬ.

К упомянутой выше статуе было весьма уместно присоединено изображение другого бога, выдававшего себя за бога ада или места мертвых, что является буквальным значением его имени Миктлантекутли. Это изображение было выгравировано полуэльефом на нижней плоскости камня большой составной статуи; но оно также почиталось отдельно в собственном храме, называемом Тлалшикко, что означает "в недрах или пупке земли". Среди различных обязанностей, приписываемых этому божеству, было погребение тел умерших, главным образом тех, кто умер от естественных недугов; ибо души этих людей отправились в ад, чтобы предстать перед этим Миктлантекутли и перед его женой Миктекачиуатль, имя которой Миктекачиуатль. Торквемада переводит как "та, кто низвергает в ад". Действительно, говорили, что эти мертвые отправились туда, чтобы предложить себя в качестве вассалов, несущих подношения, и чтобы им указали места, которые они должны были занять в соответствии со способом их смерти. Этого бога айда далее называли Тзонтемок, термин, истолкованный Торквемадой как означающий "тот, кто опускает голову"; но, скорее всего, он должен заимствовать свое значение из действия, обозначенного большой статуей, где это божество изображено как бы несущим вниз привязанные к себе головы трупов, чтобы похоронить их в земле, как говорит Ботурини. Предполагалось, что в аду существуют места или обители, в которые должны были отправиться души умерших, всего было девять; в последнем из них, называемом Чикунаухмиктлан, упомянутые души должны были быть уничтожены полностью. Наконец, этому богу было отведено место на небесах, он был соединен с одной из планет и сопровождался Теотламаказки; у его ног было нарисовано тело, которое было наполовину погребено или засыпано землей с головы до пояса, в то время как остальное торчало непокрытым. Остается только сказать, что таково было почитание и религиозное чувство, с которым относились ко всему, что относилось к мертвым, что не только были изобретены для них боги-покровители, которых очень почитали частыми празднествами и жертвоприношениями; но мексиканцы возвысили саму Смерть, посвятив ей один день календаря (первый день шестой тресены), присоединив ее к числу небесных знаков; и воздвигли ей роскошный храм под названием Тольнауак, в пределах круга великого храма Мексики, где ей особенно поклонялись с особой любовью. холокост и жертвы под заголовком Ce Miquiztli.[IX-52]

МИШКОАТЛЬ, БОГ ОХОТЫ.

Мишкоатль — бог (или богиня, согласно некоторым авторитетным источникам— охоты. Это имя означает "облачный змей" и действительно кажется общим для целого класса божеств или героев, чем-то напоминающих Нибелунгов из североевропейской мифологии.[IX-53] Далее

предполагается, что он связан с грозой: "Мишкоатль, Облачный Змей, или Истак-Мишкоатль, Белый или Сверкающий Облачный Змей", - пишет Бринтон,[IX-54] "говорят, что он был единственным божеством древних чичимеков, высоко почитаемым науа, никарагуанцами и отоми и отождествлялся с Тарасом, верховным богом тарасков, и Камаштли, богом тео-Чичимеки - еще одно олицетворение грозы. По сей день это знакомое название тропического торнадо на мексиканском языке. Его изображали, подобно Юпитеру, со связкой стрел в руке, громовержцами. И науа, и тараскос рассказывали легенды, в которых он фигурировал как отец человеческой расы. Подобно другим повелителям молнии, ему поклонялись как распределителю богатств и покровителю дорожного движения; а в Никарагуа его изображение описывается как "выгравированные камни", вероятно, предполагаемые порождения грома".

В четырнадцатом месяце, называемом Кечолли и начинающемся, согласно Клавиджеро, четырнадцатого ноября, со многими малопонятными церемониями был устроен праздник в честь этого бога. На шестой день месяца все собрались в ку Уицилопочтли, где в течение четырех дней они изготавливали стрелы и дротики для использования на войне и для общей тренировки на меткости, одновременно умерщвляя свою плоть, проливая кровь, и воздерживаясь от женщин и пульке. Покончив с этим, они изготовили в честь умерших несколько маленьких имитационных дротиков длиной в ладонь, четыре из которых, по-видимому, были связаны вместе четырьмя сосновыми щепками для свечей; их клали на могилы, а на заходе солнца зажигали и сжигали, после чего прах предавали земле на том месте. Были взяты кукурузный стебель с девятью узлами и бумажным флажком наверху, который свисал до самого низа, вместе со щитом и дротиком, принадлежавшими мертвецу, а также его макстли и одеяло; последние два были прикреплены к кукурузному стеблю. Висящий флаг был украшен с обеих сторон красной хлопчатобумажной нитью в виде буквы Х; также свисал кусок скрученной белой нити, к которой была подвешена мертвая колибри. Пригоршни белых перьев цапли были связаны пополам и прикреплены к перегруженному кукурузному стеблю, в то время как все использованные хлопчатобумажные нити были покрыты белыми куриными перьями, обмазанными смолой. Наконец, все это было сожжено на каменной плите, называемой *quaulixicalcalico*.

Во дворе ку Мишкоатля было разбросано много сухой травы, привезенной с гор, на которой сидели старые женщины-жрицы, или *чоатламаказке*, каждая с циновкой перед собой. Пришли все женщины, у которых были дети, каждая со своим ребенком и пятью сладкимитамаля; и тамале были разложены на циновках перед старухами, которые в свою очередь взяли детей, поддержали их на руках, а затем вернули матерям.

ОХОТА За МИШКОАТЛЕМ.

Примерно в середине месяца устраивался особый праздник в честь этого бога отоми, Мишкоатля. Утром все приготовились к большой выездной охоте, подпоясав свои одеяла до пояса и взяв луки и стрелы. Они направились к горному склону, в древности называвшемуся Сапатепек, или Иксиллантонан, над съеррой Атлакуизоаян, или, как ее теперь называют, согласно Бустаманте, Такубайя. Там они вместе загоняли оленей, кроликов, зайцев, койотов и другую дичь, понемногу, каждый тем временем убивал кого мог; мало кому из животных удавалось спастись. Самым удачливым охотникам были розданы одеяла, и каждый принес к себе домой головы добытых им животных и повесил их в знак своей доблести или активности.

В честь этого бога охоты вместе с другими божествами совершались человеческие жертвоприношения. Производители пульки купили, по-видимому, двух рабынь, которых украсили бумагой и убили в честь богов Тламатцинкатля и Изкитекатля; также были принесены в жертву женщины, которые, как предполагалось, представляли жен этих двух божеств. *Кальпикки*, со своей стороны, привели двух других рабов на смерть в честь Мишкоатля и его жены Коуатликуэ. Утром предпоследнего дня месяца всех обреченных вывели и повели вокруг ку, где они должны были умереть; после полудня их повели вверх по ку, вокруг жертвенной площадки, снова вниз, затем обратно в *кальпулько*, где их сразу же охраняли и заставляли бодрствовать всю ночь. В полночь им обрили головы перед огнем, и каждый из них сжег там все, что у него было, - маленькие бумажные флажки, тростниковые трубки для курения [IX-55] и сосуды для питья; женщины бросили в огонь свою одежду, свои украшения, свои веретена, маленькие корзиночки, сосуды, в которых веретена крутились, каркасы для снования, землю для валяния, куски тростника для прессования ткани, веревки для ее скрепления, шипы магуэя, мерные стержни и другие инструменты для ткачества; и они сказали, что все эти вещи были сожжены. чтобы быть отданным им в потустороннем мире после их смерти. На рассвете этих пленников вынесли наверх или им помогли подняться, причем перед каждым несли бумажный флаг, по нескольким сигналам богов, в честь которых они должны были умереть. Четверо, которые должны были умереть, вероятно, до Мишкоатля, были, каждый вчетвером, отнесены в храм связанными по рукам и ногам, чтобы изобразить мертвого оленя; в то время как другим просто помогали подниматься по ступеням по юноше под каждую руку, чтобы они не упали в обморок; двое других юношей тащились за ними или спускали их по тем же ступеням после того, как они были мертвы. Предыдущее относится только к пленным мужчинам, женщин убивали на глазах у мужчин в отдельном лагере, называемом *коатлан*; говорят, что когда их поднимали по ступенькам, некоторые кричали, а другие плакали. Когда мы снова спускали мертвые тела этих женщин по ступенькам, также специально написано, что их не сбрасывали грубо, а скатывали понемногу. На том месте, где были выставлены черепа мертвецов, ждали две старые женщины по имени *тейшамик*, у которых были соленая вода, хлеб и какая-то каша. Когда им приносили туши жертв, они макали листья тростника в соленую воду и посыпали ими лица, а в рот каждому клали по четыре ломтика хлеба, смоченных вышеупомянутой кашей. Затем головы были отрублены и насажены на шесты; так закончился пир. [IX-56]

МАКУИЛШОЧИТЬ.

В связи с религиозными почестями, воздаваемыми умершим, здесь можно сказать, что у мексиканцев было божество, о котором почти все, что мы знаем, - это то, что он был богом тех, кто умер в домах лордов или во дворцах высокопоставленных людей; его звали Макуильшочить, "вождь, который дарит цветы или который заботится о том, чтобы дарить цветы". [IX-57] Праздник этого бога приходился на число передвижных праздников и назывался Хочилуитль, или "праздник цветов". На нем были изображены обычное предварительное голодание (то есть прием пищи только один раз в день, в полдень, и то только с ограниченной диетой), кровопускание и подношение пищи в храме; хотя при этом не происходило ничего, напоминающего о боге цветов или о боге более благородных умерших. Изображение этого божества имело вид почти обнаженного человека, либо содранного с кожи, либо раскрашенного в киноварный цвет; рот и подбородок были трех оттенков: белого, черного и светло-голубого; лицо имело легкий красноватый оттенок. У него была корона светло-зеленого цвета, с перьями того же оттенка и кистями, спускавшимися до плеч. На спине идола был

рисунок из перьев, изображавший знамя, водруженное на холме; вокруг его чресел было ярко-красноватое покрывало, окаймленное морскими раковинами; на ногах его красовались сандалии причудливой работы; на левой руке у него был белый щит, в середине которого были установлены четыре камня, соединенные пополам; он держал скипетр в форме сердца, увенчанный зелеными и желтыми перьями.[IX-58]

Омэ Акатль был богом пиров и гостей; его имя означало "две трости". Когда человек устраивал пир для своих друзей, некоторые из его жрецов приносили изображение этого божества в его дом; и если хозяин этого не делал, божество являлось ему во сне, упрекая его такими словами, как эти: Ты плохой человек, потому что ты лишил меня должной чести, знай, что я оставлю тебя и что ты дорого заплатишь за это оскорбление. Когда этот бог был чрезмерно разгневан, он имел обыкновение подмешивать волосы в еду и питье гостей объекта своего гнева, чтобы опозорить устроителя пира. Как и в случае с Уицилопочтли, в связи с поклонением этому богу праздников существовало своего рода причастие: в каждом приходе главные мужчины брали тесто и замешивали его в виде кости длиной около локтя, называемой костью Оме Акатля. Ночь, по-видимому, была проведена за едой и питьем пульке; затем на рассвете несчастному человеку, изображенному как живой образ бога, проткнули живот булавками или какими-то подобными предметами; как нам сказали, он пострадал от этого. После этого кость была разделена, и каждый съел то, что из нее выпало на его долю; и когда те, кто оскорблял этого бога, ели, их часто тошнило, они почти давились и шли, спотыкаясь и падая. Оме Акатль был изображен в виде человека, сидящего на пучке циперусовой осоки. Его лицо было раскрашено белой и черной краской; на голове красовалась бумажная корона, окруженная длинной и широкой лентой разных цветов, завязанной узлом на затылке; и снова вокруг и поверх ленты была намотана нитка халхиутовых бус. Его одеяло было сделано в виде сетки, и в него была вплетена широкая кайма из цветов. Он нес щит, с нижней части которого свисало нечто вроде бахромы из широких кистей. В правой руке он держал скипетр, называемый *tlachielonique*, или "смотрящий", [IX-59] потому что он был снабжен круглой пластиной, в которой было проделано отверстие, и бог закрывал лицо пластиной и смотрел через отверстие.[IX-60]

ИКСТЛИЛТОН, ЦЕЛИТЕЛЬ ДЕТЕЙ.

Икстлитон, или Икстлильтон, то есть "маленький негритенок", согласно Саагуну, и "чернолицый", согласно Клавиджеро, был богом, который излечивал детей от различных болезней.[IX-61] Его "оратория" представляла собой своего рода временное сооружение из крашенных досок; его изображение не было ни высечено, ни раскрашено; это был живой человек, украшенный определенными облачениями. В этом храме или молельне хранилось множество кастрюль и кувшинов, накрытых досками и содержащих жидкость, которая называлась "черная вода". Когда ребенок заболел, его приносили в этот храм, открывали один из этих кувшинов, из которого ребенок пил черную воду и исцелялся от своей болезни — лечение, вероятно, было наиболее быстрым и полным, когда жрецы, а также бог знали что-то о медицине. Когда устраивали пир в честь этого бога — а это, по-видимому, было при приготовлении нового пульке, - человек, который был образом Икстлильтона, приходил в дом устроителя праздника с музыкой и танцами, сопровождаемый дымом копаловых благовоний. Прибывший представитель божества, первое, что он делал, это ел и пил; в его честь были еще танцы и празднества, в которых он принимал участие, а затем он вошел в подвал дома, где

стояло множество кувшинов с пульке, которые в течение четырех дней были накрыты досками или какими-то крышками. Он открыл один или несколько из этих кувшинов - церемония, называемая "открытием первого, или нового вина", - и сам вместе с теми, кто был с ним, выпил из них. Сделав это, он вышел во двор дома, где были приготовлены определенные кувшины с вышеупомянутой черной водой, которые также хранились закрытыми четыре дня; он открывал их, и если в них обнаруживалась грязь, или солома, или волосы, или пепел, это принималось как знак того, что устроитель угощения был человеком злой жизни, прелюбодеем, или вором, или сварливым человеком, и ему предъявлялось соответствующее обвинение. Когда представитель бога выходил из дома, где все это произошло, ему дарили определенные одеяла, называемые *иксгуэн*, или *икскуэн*, то есть "закрывающие лицо", потому что, когда в черной воде обнаруживался какой-либо недостаток, виновник угощения подвергался позору.[\[IX-62\]](#)

ПУЧТЛИ, БОГ РЫБНОЙ ЛОВЛИ.

Опучтли, или Опочтли, "левша", почитался рыбаками как их защитник и изобретатель сетей, рыболовных копий, весел и других снастей. На Куитлауаке, острове озера Чалко, жил бог рыбной ловли по имени Амимитл, который, по словам Клавиджеро, отличался от первого упомянутого только названием. Саагун говорит, что Опучтли числился среди тлаолоков и что подношения, сделанные ему, состояли из пульке, стеблей зеленой кукурузы, цветов, курительных тростей или трубок, называемых *йетль*, копаловых благовоний, пахучей травы *йяухтли* и сушеной кукурузы. Эти вещи, по-видимому, были разбросаны перед ним, как раньше разбрасывали тростник перед процессией. На этих торжествах использовались определенные погремушки, вложенные в полые трости для ходьбы. Изображение этого бога было похоже на человека, почти обнаженного, с лицом того серого оттенка, который можно увидеть в перепелиных перьях; на голове была бумажная корона разных цветов, сделанная как бы в виде розы из накладывающихся друг на друга листьев, увенчанная зелеными перьями, торчащими из желтой кисточки; другие длинные кисточки свисали с этой короны до плеч идола. На груди была перекрещена зеленая накидка, напоминающая ту, которую носят христианские священники во время службы; на ногах были белые сандалии; на левой руке был красный щит, а в центре его поля белый цветок с четырьмя листьями, расположенными крестом; а в правой руке был скипетр особого вида.[\[IX-63\]](#)

Ксипе, или Тотек, или Шипетотек, или Типетотек, согласно Клавиджеро, бог, чье имя не имеет значения,[\[IX-64\]](#) который был божеством ювелиров и которого мексиканцы очень почитали, будучи убеждены, что те, кто пренебрегает его поклонением, будут поражены болезнями; особенно фурункулами, зудом и болями в голове и глазах. Поэтому они превзошли самих себя в жестокости во время его праздника, который обычно приходится на второй месяц.

Саагун описывает этого бога как особо почитаемого жителями морского побережья и как происходящего из Сапотлана в Халиско. Предполагалось, что Он поражает людей воспаленными глазами и различными кожными заболеваниями, такими как оспа, абсцессы и зуд. Его изображение было выполнено в виде человеческой фигуры, одна сторона или фланг которой были выкрашены в желтый, а другая - в рыжевато-коричневый цвет; по каждой стороне лица от лба до челюсти была нанесена тонкая полоса; а на голове была маленькая шапочка со свисающими кисточками. Верхняя часть тела была обтянута содранной с человека кожей; чресла были опоясаны чем-то вроде зеленой юбки. На одной руке он держал желтый щит с

красной каймой, а в обеих - скипетр в форме маковой чашечки, увенчанный наконечником стрелы.[IX-65]

ПОЕДАНИЕ ТЕЛ ПРИНЕСЕННЫХ В ЖЕРТВУ.

В последний день второго месяца — или, по мнению некоторых авторов, первого — Тлакашипехуализтли устраивался торжественный праздник сразу в честь Шипетотека и Уицилопочтли. Ему предшествовал очень торжественный танец в полдень предыдущего дня. Когда наступила ночь бдения, пленников заперли и охраняли; в полночь — время, когда обычно пускали кровь из ушей, — каждому перед огнем сбрили волосы посередине головы. С наступлением рассвета хозяева подводили их к подножию лестницы храма Уицилопочтли, и если они не желали подниматься добровольно, жрецы тащили их наверх за волосы. Жрецы бросали их одного за другим на спину на камень высотой в три четверти ярда или больше, а квадратным наверху было что-то больше фута во все стороны. Двое помощников держали жертву за ноги, двое за руки и один за голову — последний, согласно многим свидетельствам, накинул хомут на шею мужчины и таким образом придавил ее к земле. Затем жрец, держа обеими руками обломок кремня или камень, похожий на кремень, наподобие большого наконечника копья, наносил им удар поперек груди и вырывал сердце через сделанную таким образом рану; после подношения солнцу и другим богам, подняв его к четырем сторонам неба, он бросал в деревянный сосуд.[IX-66] Кровь также собирали в сосуд и отдавали владельцу мертвого пленника, в то время как тело, сброшенное со ступеней храма, относилось в часовню некими стариками, называемыми *кваквакуилтинами*, сдирали кожу, разрезали на куски и разделяли для употребления в пищу; царь получал мякоть бедра, в то время как остальная часть туши съедалась в доме владельца пленника, хотя, как явствует из последующего замечания,[IX-67] маловероятно, что похититель или владелец сам съел что-нибудь из этого. Из кожи этих содранных людей группа молодых людей, называемых *тототекли*, оделась и вступила в притворный бой с другой партией молодых людей; с обеих сторон были взяты пленные, которые не были освобождены без того или иного выкупа. За этой фиктивной битвой последовали бои ужасающе реального характера, знаменитые так называемые гладиаторские бои в Мексике. К большому круглому камню, похожему на огромный мельничный жернов, пленник был привязан веревкой, проходившей вокруг его талии и через отверстие в камне, достаточно длинной, чтобы позволить ему свободно передвигаться по блоку, установленному рядом с храмом под названием *йоликобога* Тоттека, или Шипе.[IX-68] С помощью различных церемоний, более подробно описанных в предыдущем томе, связанного человека, снабженного плохим оружием, заставляли драться с выбранным мексиканским чемпионом — последний перед боем подставлял свой меч и щит солнцу. Если, как иногда случалось, отчаявшийся, хотя и стесненный в средствах и плохо вооруженный пленник, чья дубинка была, в результате изощренной насмешки, лишена зазубренной кремневой заточки и украшена перьями, убивал своего противника, против него высылали другого защитника, и так далее до пяти, после чего, по мнению некоторых, пленника отпускали на свободу; хотя, согласно другим источникам, ему не позволяли таким образом сбежать, но против него высылали защитников, пока он не падал. После чего жрец по имени *аллаоа* вскрыл себе грудь, вырывал сердце, поднес его солнцу и бросил в обычный деревянный сосуд; в то время как веревки, используемые для привязки к боевому камню, были благоговейно разнесены по четырем сторонам света с плачем и вздохами. Второй священник воткнул кусок тростника в глубокую рану на груди жертвы и поднял его, испачканный кровью, к солнцу. Затем приходил хозяин пленника и набирал крови в сосуд, окаймленный перьями; этот сосуд он брал вместе с

маленькой метелкой из тростника и перьев или аспергиллом и обходил все храмы и часовни, давая каждому идолу как бы попробовать крови своего пленника. Затем убитое тело было перенесено в кальпулько, где оно было заключено живым в ночь перед жертвоприношением, и там с него сняли кожу. Оттуда его приносили в дом его владельца, который разделял его и дарил своим начальникам, родственникам и друзьям, однако сам не пробовал, ибо, как нам говорят, "он считал его плотью своего собственного тела", потому что с того часа, как он взял пленника, "он считал его своим сыном, а пленник смотрел на своего похитителя как на отца".

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОХИТИТЕЛЕМ И ПЛЕННИЦЕЙ.

Шкуры мертвых принадлежали их похитителям, которые снова отдавали их другим, чтобы те носили их в течение, по-видимому, двадцати дней, вероятно, в качестве своего рода епитимьи — люди, одетые таким образом, тем временем собирали милостыню от всех и приносили все, что у них было, каждый тому человеку, который дал ему шкуру. Когда с этими шкурами было покончено, они были спрятаны в гниющем состоянии в определенной пещере, в то время как бывшие их владельцы мылись с великой радостью. При снятии этих шкурок было оказано содействие множеству людей, страдавших зудом и другими болезнями, вызванными Шипом, в надежде таким образом исцелиться от своих немощей, и говорят, что многие были так излечены.[\[IX-69\]](#)

У купцов Мексики — класса людей, которые переправляли свои товары с места на место и часто забредали далеко в незнакомые страны, чтобы купить или продать, — были различные божества, которым они оказывали особое почитание. Среди них главным и часто единственным упоминаемым был бог Якатекутли, или Джакатекутли, или Иякатекутли, то есть "господь, который направляет", иначе называемый Якаколиуки, или Джакаколиуки.[\[IX-70\]](#) Однако, согласно Саагуну, у этого главного бога торговцев было пять братьев и сестра, которых также почитали торговцы, причем сестру звали Чалмекациоатль, а братьев соответственно Чиконкьявитль, Шомокуил, Накшитль, Кочиметль и Якапитцаоак. Главным изображением этого бога была фигура, изображающая человека, идущего по дороге с посохом; лицо черно-белое; волосы собраны в пучок посередине макушки с двумя кистями из роскошных перьев кетцалья; золотые серьги; голубая мантия, окаймленная бахромой в цветочек и покрытая красной сеткой, сквозь сетки которой просвечивала синева; вокруг лодыжек кожаные ремешки, с которых свисали морские раковины; на ногах сандалии причудливой работы; а на руке простой желтый щит без украшений с пятнистым рисунком. светло-голубого цвета в центре его поля. Практически, однако, каждый торговец почитал свой собственный прочный посох — обычно сделанный из цельного куска черной трости без сучков, называемого *утатль* — как представителя или символ этого бога Якатекутли; когда им не пользуются, он хранил его в молельне или священном месте в своем доме и неизменно ставил перед ним еду перед тем, как съесть свой обед. Путешествуя, торговцы имели обыкновение каждую ночь складывать свои посохи в удобном месте, привязывать их, разводив перед ними костер,[\[IX-71\]](#) а затем, принося в жертву кровь и копал, молиться о сохранении и укрытии от многих опасностей, которым особенно подвергалась их кочевая жизнь.[\[IX-72\]](#)

НАПАТЕКУТЛИ.

Напатекутли, что означает "четырежды владыка", был богом изготовителей циновок и всех работников на водных флагах и тростниках. Благодетельное и помогающее божество, один из тлалок, он был известен под разными именами, такими как Тепахпака Теаалтати, "очиститель или мойка"; Кицетцелохуа, или Тлайтланилилони, "тот, кто рассеивает или веет"; Тланемпополоа, "тот, кто большой и щедрый"; Теацелхуйя, "тот, кто разбрызгивает воду"; и Амотененкуа, "тот, кто проявляет благодарность". У этого бога было два храма в Мексике и других странах. по подсчетам Клавиджеро, его праздник пришелся на тринадцатый месяц. Его изображение напоминало чернокожего человека, лицо было испещрено белыми и черными пятнами, сзади свисали кисточки, поддерживающие зеленый плюмаж из трех перьев. Вокруг чресел, доходя до колен, было опоясано что-то вроде бело-черной юбки, украшенной маленькими морскими раковинами. Сандалии этого идола были белыми; на его левой руке был щит, сделанный в виде широкого листа водяной лилии, или нунуфара; в то время как правая рука держала скипетр, похожий на цветущий посох, цветы были бумажными; а поперек тела, проходя под левой рукой, был повязан белый шарф, разрисованный черными цветами. [IX-73]

У мексиканцев было несколько богов вина, или, скорее, пульке; из них главным, по-видимому, был Тецкацонкатль, иначе известный как Текечмеканиани, "душител", и как Театлахуиани, "утопленик"; эпитеты, навеянные воздействием опьянения. Божества-спутники этого ацтекского диониса назывались как класс несколько необычным именем Сентзонтоточтин или "четыреста кроликов"; Йяулитекатль, Изквитекатль, Аколоа, Тилхоа, Пантекатль (Патекатль толкователей кодексов), Тультекатль, Папазтак, Тлальтекайооа, Ометочтли (часто упоминаемый как главный бог вина), Тепузтекатль, Чимапалнекатль были божествами этого класса. Главной характеристикой образа мексиканского бога пьянства было, согласно Мендьете и Мотolini, что-то вроде сосуда, который несли на голове идола, и в этот сосуд торжественно наливали вино. Праздник этого бога, как и праздник предыдущего божества, приходился на тринадцатый месяц Тепейлуитль, и в его храме в городе Мехико служили четыреста посвященных священников, настолько великим было служение, совершаемое этим повсеместно слишком широко известным богом. [IX-74]

ДОМАШНИЕ БОГИ.

У мексиканцев были определенные домашние боги, которых называли Тепитотон, или Тепиктотон, "маленькие", — маленькие статуэтки, шесть из которых короли держали в своих домах, знать - четыре, а простые люди - две. Были ли это особый класс божеств или просто миниатюрные изображения уже описанных более великих богов, сказать трудно. Говорят, что подобные маленькие идолы украшали улицы, перекрестки, фонтаны и другие места общественного движения и курорты. [IX-75]

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

Можно сказать, что этими тепитотонами завершается список мексиканских богов любой известности; так что, по-видимому, уместно привести здесь сжатое и упорядоченное резюме всех фиксированных праздников и торжеств ацтекского календаря с его восемнадцатью месяцами по двадцать дней в каждом и пятью дополнительными днями в конце года. Существуют некоторые разногласия относительно того, с какого месяца начинался год; но для нашей настоящей цели лучше всего подойдет расположение Саагуна, толкователей Кодексов, Торквемады и Клавиджеро, в котором месяц, называемый по-разному Атлкауалько, или Куахуитлехуа, или Чиуаилуитль, или Ксиломанализтли, является первым. [IX-76] Название

Атлчуалко, или Атлауало, или Аталкаопло, означает "покупка или нехватка воды"; Куахуитлеуа, или Куавитлелоа, "прорастание деревьев"; и Ксиломанализтли, "подношение Ксилотля (то есть головок кукурузы, которые затем преподносились богам, чтобы заручиться их благословением во время посева)". Этот первый месяц, начинающийся второго февраля, согласно Саагуну, восемнадцатого, согласно Гаме, и двадцать шестого, согласно Клавиджеро, был посвящен Тлалоку и другим богам воды, и в него приносили в жертву большое количество детей. [IX-77] В дальнейшую честь Тлалоков в это время также было убито много пленников на гладиаторском камне.

Это был второй месяц, называемый Тлакашифуализтли, [IX-78] или "сдирание кожи с людей", который был особенно знаменит своими гладиаторскими жертвоприношениями, жертвоприношениями, уже описанными и совершаемыми в честь Ксипе, или Ксипетотека. [IX-79]

Третий месяц, называемый Тозозтонтли, "малый пост или покаяние", был открыт жертвоприношением детей тлалокам в горах. Те, кто также торговал цветами и назывался Сочиманке, или Сочиманки, устраивали праздник в честь своей богини Коатликуэ, или Коатлантоны, предлагая ей первые плоды цветов года, из тех, что росли в окрестностях ку *япико*, ку, как мы видели, посвященного Тлалоку. В пещеру, принадлежащую этому храму, в это время также были брошены сгнившие человеческие шкуры, с которых содрали кожу в предыдущем месяце. Туда, "воняя, как дохлые собаки", как выразился Саагун, шли процессией люди, носившие эти шкуры, и там они снимали их, совершая множество церемоний омовения; а больные, страдающие определенными кожными заболеваниями, следовали за ними и смотрели, надеясь при виде всего этого исцелиться от своих немощей. Хозяева убитых пленников также в течение двадцати дней несли епитимью, ни разу за это время не мылись; и теперь, когда они увидели шкуры, оставленные в пещере, они вымылись и устроили пир для всех своих друзей и родственников, совершив множество церемоний с костями мертвых пленников. Все двадцать дней этого месяца в домах, называемых Куикакалли, проводились песенные упражнения, восхваляющие бога, при этом исполнители не танцевали, а оставались на своих местах.

Четвертый месяц назывался, в отличие от третьего, Вейтозозтли, или Уэйтозозтли, то есть "большая епитимья или кровопускание"; потому что в этот период не только священники, но также простые люди и знать совершали покаяние, пускали кровь из ушей, голеней и других частей тела и выставляли у своих дверей листья меч-травы, испачканные ею. После этого они выполнили некоторые уже описанные церемонии, [IX-80] а затем сделали из теста, известного как *тзоалли*, [IX-81] изображение богини Чикомекоатль во дворе ее храма, предложив перед ним все виды кукурузы, бобов и чиана, потому что она была создателем и подательницей всего этого и опорой народа. В этом месяце, как и в три предыдущих, приносились в жертву маленькие дети - жестокость, которая, как предполагалось, должна была понравиться богам воды и которая сохранялась до тех пор, пока не начали лить обильные дожди.

МЕСЯЦ ДО РОЖДЕСТВА.

Пятый месяц, называемый Токскатль, а иногда Тепопочуилицтли, [IX-82] начинался самым торжественным и знаменитым праздником в году в честь главного мексиканского бога, бога, известного под множеством имен и эпитетов, среди которых были Тецкатлипока, Титлакаоан, Яутл, Тельпучтли и Тламатцинкатль. За год до этого праздника один из самых выдающихся

пленников, предназначенных для жертвоприношения, был выбран за исключительную грацию и внешность из числа всех своих братьев и передан на попечение священнослужителей, называемых кальпикками. Они с большим усердием обучали его всем искусствам, относящимся к хорошему воспитанию, в соответствии с мексиканскими представлениями: таким, как игра на флейте, ходьба, разговоры, приветствие тем, кого он случайно встречал, использование и ношение прямых тростниковых трубок с табаком и цветов, с ловким курением одного и изящным вдыханием запаха другого. За ним ухаживали восемь пажей, одетых в дворцовые ливреи, и он имел полную свободу ходить, где ему заблагорассудится, днем и ночью; пища его была настолько обильной, что, чтобы уберечь его от чрезмерного ожирения, иногда приходилось разнообразить рацион, исключив соль и воду. Повсюду его почитали как живой образ и признанного представителя Тецкатлипоки, он ходил, играя на маленькой пронзительной глиняной флейте, или флейте, и был украшен богатой и необычной одеждой, предоставленной царем, в то время как все, кого он встречал, благоговейно целовали ему землю. Все его тело и лицо были раскрашены — по-видимому, в черный цвет; его длинные волосы ниспадали до пояса; голова была покрыта белыми куриными перьями, промазанными смолой, и гирляндой из цветов, называемых *изкисучитль*; в то время как две нити из тех же цветов пересекали его тело на манер перекрещивающихся поясов. Золотые серьги, ожерелье из драгоценных камней с большим самоцветом, висящим на груди, украшение для губ (барбот) из морской раковины, золотые браслеты выше локтя на каждой руке и цепочки драгоценных камней, называемых *макуэкстли*, выходящие от запястья почти до локтя, сверкали и отбрасывали свет, когда обреченный человекобог двигался. Он был покрыт богатой сетчатой мантией с красивой бахромой, а на плечах нес что-то вроде кошелька из белой ткани квадратного сечения, украшенного кистями и бахромой. Белая макстли шириной в пядь охватывала его чресла, два конца причудливой работы ниспадали спереди почти до колена. Маленькие золотые колокольчики отбивали такт каждому движению его ног, обутых в расписные сандалии под названием *oselunacase*.

Все это было одеянием, которое он носил с начала года подготовки; но за двадцать дней до наступления праздника они сменили его облачение, смыли краску с его кожи и подстригли его длинные волосы до такой длины, чтобы они были уложены по моде капитанов, скрепив их на макушке перьями, бахромой и двумя кисточками с золотыми пуговицами. В то же время они выдали его замуж за четырех девушек, которых баловали и воспитывали для этой цели, и которые были названы соответственно в честь четырех богинь: Хочикецаль, Ксилонен, Атлатонан и Викстоциоатль. [IX-83] За пять дней до великого дня праздника, [IX-84] когда день праздника считался первым, весь народ, высокий и низкий, за исключением, по-видимому, короля, который был один, вышел, чтобы отпраздновать с богом-человеком торжественный пир и танцы в палате, называемой Теканман; за четвертый день до праздника то же самое было сделано в палате, в которой охранялась статуя Тецкатлипоки. Небольшой холм, или остров, называемый Тепецинко, поднимающийся из вод Мексиканского озера, был ареной торжеств следующего дня; торжества возобновились в последний раз на следующий день, или непосредственно перед великим днем, на другом подобном острове, называемом Тепельпулько, или Тепепулько. Там, вместе с четырьмя женщинами, которые были даны ему для утешения, почтенную жертву посадили в крытое каноэ, обычно предназначенное исключительно для использования королем; и его перевезли через озеро в местечко под названием Тлапицаоаян, недалеко от дороги, ведущей Изтапалапана в Чалко, в место, где находился небольшой холм, называемый Акакуилпан, или Кабалтепек. Здесь он оставил

четырёх прекрасных девушек, обществом которых он наслаждался в течение двадцати дней, и они вернулись в столицу со всем народом; там героя этой ужасной трагедии сопровождали только те восемь слуг, которые были с ним весь год. Почти в одиночестве, покончив с удовольствиями красоты, пиршества и танцев, неся связку своих флейт, он направился к маленькому плохо построенному домику, расположенному на некотором расстоянии от упомянутой выше дороги и примерно в лиге от города. Он поднялся по ступеням храма, его не тащили, не связывали, не несли, как обычного раба или пленника; и, поднимаясь, он бросался вниз и ломал на каждой ступеньке одну из флейт, на которых привык играть в дни своего процветания. Он достиг вершины; — благодаря тошнотворному повторению мы узнали остальное; только одно: с жертвенного камня его тело не сбросили со ступеней, а четверо мужчин отнесли его вниз, в Цомпантли, к месту отрубания голов.

ПРАЗДНИК ТОКСКАТЛЯ.

И летописцы говорят, что все это означало, что те, кто наслаждался богатством, радостями в этой жизни, в конце концов придут к бедности и печали — настолько полны решимости те же самые летописцы не допустить, чтобы что-то осталось без морали.

В этот праздник Токскатль, в деревне Уицнауак, где всегда хранилось изображение Уицилопочтли, жрецы сделали бюст этого бога из *тесты тзоалли*, в которое вместо костей были вставлены кусочки дерева мизквитль. Они украсили его украшениями; надели куртку, расшитую человеческими костями, мантию из очень тонкого *неквена* и другую мантию, называемую *тлаквакуалло*, покрытую роскошными перьями, облегающую голову снизу и расширяющуюся сверху; посередине торчал маленький стержень, также украшенный перьями, а в верхней части стержня был воткнут кремневый нож, наполовину залитый кровью. Изображение было установлено на платформе, сделанной из кусков дерева, напоминающих змей, и расположенных так, что головы и хвосты чередовались по всему кругу; все это несли многие капитаны и военачальники. Перед этим изображением и помостом несколько крепких юношей несли огромный лист бумаги, напоминающий картон, длиной двадцать сажень, шириной одну сажень и толщиной чуть меньше дюйма; он поддерживался древками копий, расположенными попарно: одно древко над бумагой и одно под ним, в то время как люди по обе стороны от бумаги держали каждую из этих пар в одной руке. Когда процессия с танцами и пением достигла места, на которое предстояло подняться, змеящуюся платформу осторожно подняли с помощью веревок, прикрепленных к ее четырем углам, изображение установили на сиденье, и те, кто нес бумагу, свернули ее и положили рулоном перед бюстом бога. Был закат, когда изображение было установлено таким образом; и на следующее утро каждый предлагал еду в своем собственном доме перед изображением Уицилопочтли, возжигая также изображения других богов, которые у него были, а затем пошел предлагать перепелиную кровь перед бюстом, установленным на ку. Царь начал с того, что отрубил головы четырем перепелам; следующими совершили жертвоприношение жрецы, затем весь народ; вся толпа несла глиняные жаровни и курила всевозможные копаловые благовония, после чего каждый бросал свои горящие угли в большой очаг во дворе храма. Девственницы раскрашивали свои лица, надевали на головы гирлянды из сушеной кукурузы с такими же нитками поперек груди, украшали руки и ноги красными перьями и носили черные бумажные флажки, воткнутые в расщепленные трости. Флаги дочерей знати были сделаны не из бумаги, а из тонкой ткани под названием *канаоак*, раскрашенной вертикальными черными полосами. Эти девушки, взявшись за руки, танцевали вокруг большого очага, на котором или над которым на каком-то

возвышении танцевали, отбивая ритм и шаг, двое мужчин, у каждого на плечах было что-то вроде сосновой клетки, покрытой бумажными флажками, ремень, поддерживающий которые, проходил не через лоб — обычный способ мужчин нести ношу, — а через грудь, как это было принято у женщин. Жрецы храма, танцующие по этому случаю с женщинами, несли щиты из бумаги, скомканные наподобие больших цветов; их головы были украшены белыми перьями, их губы и часть лица были вымазаны соком сахарного тростника, который производил особый эффект на фоне черного цвета, которым всегда были выкрашены их лица. В руках они держали листки бумаги, называемые *амасмакстли*, и скипетры из пальмового дерева, увенчанные черным цветком и имеющие в нижней части шар из черных перьев. Во время танцев они использовали этот скипетр как посох, а та часть, за которую они его держали, была обернута бумагой, разрисованной черными линиями. Музыка для танцоров исполняла группа невидимых музыкантов, которые занимали одно из зданий храма, где они и сидели, тот, кто играл на барабанах в центре, и исполнители на других инструментах вокруг него. Мужчины и женщины танцевали до ночи, но соблюдался строжайший порядок и приличия, и любое непристойное слово или взгляд влекли за собой немедленное наказание со стороны назначенных надзирателей.

СМЕРТЬ ИКСТЕЙКАЛЛИ.

Этот праздник завершился смертью юноши, который в течение прошлого года был посвящен Уицилопочтли и заботился о нем, напоминая в этом жертву Тецкатлипоки, товарищем которого он действительно был, но не получал таких высоких почестей. Этот юноша из Уицилопочтли носил титул Икстейкалли, или Тлакабепан, или Тейкаухцин, и считался образом и представителем бога. Когда настал день его смерти, священники украсили его бумагами, разрисованными черными кругами, и надели ему на голову митру из орлиных перьев, в середину плюмажа которой был воткнут кремневый нож, наполовину запятнанный кровью и украшенный красными перьями. К его плечам веревочками, проходящими поперек груди, был привязан кусок очень тонкой ткани примерно в квадратную пядь, а поверх него висел маленький мешочек. Через одну из его рук была перекинута шкура дикого зверя, устроенная чем-то вроде манипулы; золотые колокольчики позвякивали у его ног, когда он шел или танцевал. Со смертью этого юноши были связаны две странные вещи: во-первых, у него была абсолютная свобода выбора относительно часа, в который он должен был умереть; и, во-вторых, его не распростерли ни на какой плахе или алтаре, но когда он пожелал, он бросился в объятия священников, и ему вырезали сердце. Затем его голова была отрублена и насажена на вертел рядом с головой юноши из Тецкатлипоки, о котором мы уже говорили. В тот же день священники делали маленькие пометки на детях, нанося им порезы тонкими каменными ножами на груди, животе, запястьях и мясистой части рук; пометки, как считали испанские священники, по которым дьявол должен узнавать своих овец.^[IX-85] Церемонии последующих ежемесячных праздников уже были подробно описаны.^[IX-86]

РАЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Кроме того, существовал ряд переносных праздников в честь высших богов, небесных тел и божеств-покровителей различных профессий. Саагун рассказывает о шестнадцати подвижных праздниках, многие из которых, однако, не содержали религиозного элемента.^[IX-87] Первая была посвящена солнцу, к которому была отправлена призрачная депутация из восемнадцати душ, чтобы сообщить о нуждах народа и вымолить будущие милости. Выбранные жертвы были

расставлены по порядку на месте жертвоприношения, и священник обратился к ним с речью, которая увещевала их помнить о священном характере их миссии и о славе, которая постигнет их после ее надлежащего выполнения. Теперь зазвучала музыка; среди грохота и треска жертвы одну за другой возносят на алтарь; несколько вспышек ножа истли в натренированной руке убийцы, и посольство отправилось навстречу солнцу.[IX-88]

Шестой, седьмой и одиннадцатый фестивали были посвящены Кецалькоатлю, Тецкатлипоке и Уицилопочтли соответственно. Общественные и домашние идолы этих богов в такое время года украшались и приносились в жертву пища, перепела и благовония. Во время праздника бога огня, тринадцатого из передвижных праздников, были избраны различные государственные чиновники и дано великое множество грандиозных банкетов. *атамалквалицтли*, или "пост из хлеба и воды", по-видимому, был одним из самых важных подвижных праздников. Люди готовились к его празднованию, которое проводилось каждые восемь лет, соблюдая строгий пост, прерываемый только полуденной трапезой из воды и несоленого хлеба. Считалось, что те, кто оскорблял богов, пренебрегая соблюдением этого поста, подвергали себя нападению проказы. Люди предавались всевозможным развлечениям во время курортного сезона, который следовал за постом. Самой интересной особенностью празднества был бал-маскарад, на котором должны были присутствовать все боги. Однако главные почести в этот день были оказаны Тлалокам, и вокруг их изображения, стоявшего посреди пруда, кишашего лягушками и змеями, непрерывно кружились танцоры. Это было частью церемонии, когда несколько мужчин по имени *максатека* пожирали рептилий в пруду; каждый из них брал в зубы змею или лягушку и постепенно проглатывал их, присоединяясь к танцу; тот, кто первым заглатывал свой лакомый кусочек, торжественно восклицал: "Папа, папа!"

Каждый четвертый год, называемый *теоксиуитль*, или "божественный год", и в начале каждого тринадцатилетнего периода праздники были более многочисленными и в большем масштабе, посты более суровыми, а жертвоприношений гораздо больше, чем в обычных случаях.[IX-89] Можно сказать, что вся серия фестивалей завершалась торжественной Токсилмолпилией, или "переплетением лет", которое проводилось каждые пятьдесят два года и знаменовало истечение и возобновление срока аренды мира на существование.[IX-90]

ГЛАВА X. БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ ИМ.

Доходы мексиканских храмов—Огромное количество священников—Мексиканская система жречества—Жрицы—Ордена Тламаксакайотля и Тельпочтилицтли—Религиозные приверженцы—Крещение—Обрезание—Причастие—Посты и епитимьи—Пролитие крови—Человеческие жертвоприношения—Боги Тараско—Священники и храмовая служба Мичоакана—Богослужения в Халиско и Оахаке—Вотан и Кецалькоатль—Путешествия Вотана—Апостол Виксепекоча—Пещера близ Шустлауака—Принцесса Пинопиаа—Поклонение Костахунтоксу—Поклонение дереву.

В предыдущем томе мы видели, что число религиозных сооружений было очень велико; что в дополнение к храмам в городах — а говорят, что только в Мексике насчитывалось две тысячи священных зданий — "на каждом изолированном холме, вдоль дорог и в полях были

значительные сооружения, посвященные какому-либо божеству". Торквемада оценивает их общее число в восемьдесят тысяч.

ДОХОДЫ ОТ ХРАМА.

Огромные доходы, необходимые для поддержки и ремонта храмов, а также для содержания огромной армии священников, совершавших в них богослужения, поступали из различных источников. Большая часть поставлялась с больших участков земли, которые были собственностью церкви и находились во владении вассалов на определенных условиях или обрабатывались рабами. Кроме того, с общин взимались налоги на вино и зерно, особенно на первые фрукты, которые хранились в зернохранилищах при храмах. Добровольные пожертвования, от пирога, пера или мантии рабам или бесценным драгоценным камням, данные во исполнение обета или на многочисленных празднествах, не были чем-то неважным. Родители детей, посещавших школы, предоставляли большое количество еды, и никогда не было недостатка в набожных женщинах, готовых ее приготовить. В королевстве Тецкоко тридцать городов должны были обеспечивать дровами храмы и дворцы;[X-1] в Мезтитлане, по словам Чавеса, каждый мужчина давал по четыре куса дерева каждые пять дней; легко поверить, что запасы топлива должны были быть огромными, если учесть, что только в одном великом храме Мексики постоянно горело шестьсот костров.[X-2] Все излишки, оставшиеся от доходов после покрытия всех расходов, как говорят, были направлены на поддержку благотворительных учреждений и помощь бедным;[X-3] в этом отношении, по крайней мере, Святая Мать-Церковь современной Европы могла бы извлечь урок из своей языческой сестры в Новом Свете.

В каждом храме был свой штат служителей, которые проводили ежедневные службы и принимали в них участие, а также слуги, которые занимались чисткой, увольнением и другими черными делами. В великом храме в Мексике было пять тысяч священников и служителей,[X-4] следовательно, общая численность церковного воинства должна была быть огромной; Клавиджеро оценивает ее в миллион, что не кажется невероятным, если мы примем за основу для подсчета утверждение Торквемады о том, что храмов было сорок тысяч. Следует помнить, однако, что жреческий корпус не состоял полностью из постоянных членов; некоторые были просто заняты в течение определенного количества лет во исполнение обета, данного ими самими или их родителями; другие были обязаны посещать его только с перерывами или на определенных праздниках, остальное время проводя в занятиях какой-либо профессией, обычно военной.[X-5]

Огромное количество священников, их огромное богатство и слепое рвение народа - все это в совокупности делало жреческую власть чрезвычайно грозной. Сам король в определенных случаях исполнял функции первосвященника и часто занимал какую-либо священную должность, прежде чем взойти на трон. Главы Церкви и государства, по-видимому, дружно работали вместе и объединили свою власть, чтобы держать массы в повиновении. Государь не предпринимал ни одного важного шага, не посоветовавшись сначала с первосвященниками, чтобы узнать, благосклонны ли боги к этому проекту. Низшие служители точно так же руководили народом, и это влияние, вероятно, не уменьшалось, поскольку священникам как обладателям всех знаний, историкам и поэтам нации было доверено образование молодежи, которую они позаботились сформировать в соответствии со своими целями.

Во главе мексиканского духовенства стояли два верховных служителя; Теотекутли, или "божественный владыка", который, по-видимому, уделял больше внимания светским вопросам, и Уэйтеопишки, который в основном руководил религиозными делами. Эти министры избирались якобы из числа священников, наиболее выдающихся по рождению, благочестию и учености; но поскольку выборщиками были король и высшая знать, предпочтение, несомненно, отдавалось тем, кто был наиболее предан их интересам, или членам королевской семьи.[\[X-6\]](#) Их отличал ниспадающий на грудь хлопковый пучок. Их церемониальные одежды менялись в зависимости от характера бога, праздник которого они отмечали. В Тецкоко и Тлакопане папский сан всегда присваивался второму сыну короля. Тотонаки избрали своего понтифика из числа шести первосвященников, которые, по-видимому, вышли из рядов монахов Сентеотля; мазь, использованная при его посвящении, частично состояла из детской крови. Каким бы высоким ни был ранг первосвященника, он никоим образом не освобождался от наказания; например, в Ичатлане, где он был избран своими собратьями-священниками, если он нарушал обет безбрачия, его разрезали на куски, а окровавленные конечности раздавали в назидание его преемнику.[\[X-7\]](#)

МЕКСИКАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО.

Следующим по рангу после двух мексиканских первосвященников был мексиканский Теохуацин, который был назначен ими и, по-видимому, был своего рода генеральным викарием. В его обязанности входило следить за тем, чтобы поклонение богам должным образом соблюдалось во всем королевстве, а также надзирать за священством, монастырями и школами. Знаком его должности был мешочек с благовониями особой формы. Два помощника помогали ему в исполнении его обязанностей: Уицуауктеохуацин, который заменял его, когда это было необходимо, и Тепантеохуацин, который в основном посещал школы.[\[X-8\]](#) Завоеванные провинции сохранили контроль над своими собственными религиозными делами.[\[X-9\]](#) Среди других высокопоставленных лиц церкви можно упомянуть Топильцина, который занимал наследственную должность священнослужителя, в которой ему помогали пять помощников;[\[X-10\]](#) Тлалквимилолтекухтли, хранитель реликвий и украшений; Ометочтли, составитель гимнов; Тлапикскатзин, музыкальный руководитель; Эпкоаквакуильцин, церемониймейстер; казначей; распорядитель храмового имущества; и ряд руководителей специальных организаций. торжества. Кроме того, в каждом приходе был свой настоятель, который совершал богослужение в храме при содействии нескольких священников низшего звена и школьников. Знать держала личных капелланов для участия в поклонении домашним богам, которые каждый должен был иметь в своем жилище.[\[X-11\]](#) Утверждения некоторых авторов указывают на то, что группа священников, приобщенных к служению каждому богу, была в определенной степени независимой и управлялась своими собственными правилами. Таким образом, в некоторых приходах служба Уицилопочтли передавалась по наследству и ценилась выше, чем любая другая.

Отличительной одеждой обычных священников была черная хлопчатобумажная ткань площадью от пяти до шести квадратных футов, которая свисала с затылка наподобие вуали. Их волосы, которые никогда не стриглись и часто доходили до колен, были выкрашены в черный цвет и заплетены в косички; во время многих длительных постов они оставались немытыми, и у некоторых наиболее аскетичных орденов было правилом никогда не мыть голову.[\[X-12\]](#)

Тростниковые сандалии защищали их ноги. Они часто красили свои тела черной смесью, приготовленной из корня окотля, и раскрашивали себя охрой и киноварью. Каждую ночь они совершали омовение в прудах, специально отведенных для этой цели внутри ограды храма. Когда они уходили в горы, чтобы принести жертву или покаяться, они смазывали свои тела смесью, называемой *теопатли*, которая состояла из пепла ядовитых насекомых, змей и червей, смешанных с окотловой сажей, табаком, ололиуки и священной водой. Предполагалось, что это грязное сооружение защищает от укусов змей и нападения диких зверей.[X-13]

МЕКСИКАНСКИЕ ЖРИЦЫ.

Священные должности занимали не только мужчины; женщины занимали должности в храмах, хотя они были исключены из числа жертвенных и более высоких должностей. Способ, которым они были посвящены в храмовую школу, уже был описан.[X-14] Как и у римских весталок, их главной обязанностью, по-видимому, было поддерживать священный огонь, хотя от них также требовалось класть мясные приношения на алтарь и шить священнические облачения. Наказанием, постигавшим тех, кто нарушал свой обет целомудрия, была смерть. Их разделили на вахты, и во время выполнения своих обязанностей они должны были держаться на должном расстоянии от помощников-мужчин, на которых они даже не осмеливались взглянуть.[X-15]

Из нескольких религиозных орденов наиболее известным своей святостью был Тламаскаайотль, который был посвящен служению Кецалькоатлю. Настоятель этого ордена, названный в честь бога, никогда не соизволил выйти из своего уединения, кроме как для того, чтобы посоветоваться с королем. Его члены, называемые *тламакашки*, вели очень аскетичный образ жизни, питаясь грубой пищей, одеваясь в простые черные одежды,[X-16] и выполняя всевозможную тяжелую работу. Они совершали омовение в полночь и несли вахту за час или два до рассвета, распевая гимны Кецалькоатлю; иногда некоторые из них удалялись в пустыню, чтобы вести жизнь молитвы и покаяния в одиночестве. Дети, посвященные в этот орден, отличались ошейником под названием *януати*, который они носили до четвертого года жизни, самого раннего возраста, в котором они были приняты в качестве послушников. Женщины, вступавшие в эти ордена, не обязательно были девственницами, поскольку, по-видимому, допускались замужние женщины.[X-17]

Орден Тельпочтилизтли, "конгрегация молодых людей", состоял из молодых людей, которые жили со своими родителями, но собирались на закате в отдельном для них доме, чтобы танцевать и петь гимны в честь своего бога-покровителя Тецкатлипоки. Женщины также посещали эти собрания, и, согласно отчету, соблюдались строгие приличия, по крайней мере, пока длились службы.[X-18]

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРИВЕРЖЕНЦЫ.

Акоста упоминает некоторых аскетов, которые на год посвятили себя самой аскетичной жизни; они помогали священникам в часы воскурения благовоний и приносили в жертву много крови из их тел. Они одевались в белые одежды и жили попрошайничеством.[X-19] Камарго относится к аналогичному классу кающихся в Тлашкале, которые называли себя *тламасекеи* и стремились снискать божественную милость, переходя по ночам из храма в храм с горящими кастрюлями на головах; это продолжалось год или два, в течение которых они вели очень строгий образ жизни.[X-20] У тотонаков была очень строгая секта, ограниченная по численности,

посвященная Сентеотлю, в которую не допускались никто, кроме вдовцов с безупречной репутацией, которым перевалило за шестьдесят. Именно они создали исторические и другие картины, из которых первосвященник черпал свои речи. Они пользовались большим уважением в народе, и все классы общества обращались к ним за советом, который они давали серьезно, присев на корточки и опустив глаза. Они одевались в шкуры и не ели мяса.[X-21]

Дети, которые все должны были, по словам Лас Касаса, посещать школу в возрасте от шести до девяти лет, оказывали ценную помощь священникам, выполняя мелкие обязанности по хозяйству в храме. Ученики младших классов выполняли большую часть внешней работы, такой как ношение дров и черпание воды, в то время как сыновьям знати поручались более высокие задачи внутри здания.[X-22]

Повседневные храмовые обязанности выполнялись группами священников, которые сменяли друг друга с интервалом в несколько часов или дней. Служба, которая в основном состояла из пения гимнов и возжигания благовоний, совершалась четыре раза в день: на рассвете, в полдень, на закате и в полночь. Во время полуночной службы священники пустили кровь из своих тел и омылись. Солнцу приносили в жертву перепелов четыре раза в течение дня и пять раз ночью.[X-23] Жрецы Кецалькоатля отбивали часы этих дежурств трубами из раковин и барабанами. Трижды каждое утро понтифик-тотонак возносил благовония к солнцу; после чего старшие жрецы, следовавшие за ним цепочкой, в соответствии с рангом, трижды взмахивали своими кадилницами перед главными идолами и один раз перед остальными; наконец, благовония возжигались в честь самого понтифика. Оставшийся копал был разложен кучами на различных алтарях. Позже в тот же день первосвященник прочитал лекцию перед священниками и знатью.[X-24] Их молитвы были стандартными композициями, заученными наизусть в школе;[X-25] во время их чтения они принимали позу сидя на корточках,[X-26] обычно лицом к востоку; в особо торжественных случаях они простирались ниц. Иногда применялся тест, чтобы выяснить, склонно ли божество откликнуться на молитвы народа, когда оно возносится с определенной целью. Это делалось путем посыпания алтаря нюхательным табаком, и если вскоре после этого в нюхательном табаке обнаруживался отпечаток лапы животного, особенно орла, это расценивалось как знак божественного благоволения, и когда священник объявлял о предзнаменовании, раздавались громкие крики.[X-27]

Было обнаружено, что у цивилизованных народов Америки существует множество обрядов и церемоний, которые были очень похожи на некоторые другие, соблюдавшиеся евреями и христианами в старом свете. Бесчисленные спекулянты о происхождении коренных обитателей нового света или, по крайней мере, о происхождении их цивилизации, не преминули выдвинуть эти совпадения — нет веских оснований предполагать в них что—либо иное - в поддержку своих различных теорий.

КРЕЩЕНИЕ И ОБРЕЗАНИЕ.

Очищающие свойства воды, естественно, предполагают ее приспособленность к очищению от духовных пятен; священники и аскеты, погружавшиеся в полночь с незаживающими ранами, нанесенными самим себе, в ледяной бассейн на территории храма, преследовали именно эту цель; поэтому нет причин удивляться, что крещение превратилось в устоявшийся обряд. Тот факт, что младенцев крестили сразу после рождения, доказывает, что эти люди вместе с христианами и евреями верили, что грех передается по наследству; но это, по крайней мере, на мой взгляд, не обязательно показывает, что какое-либо общение любого рода когда-либо имело

место или существовало между жителями старого света и нового. Они видели, что жизнь — это не только счастье; они видели, что страдания человека начинаются с момента его рождения; они были особенно склонны рассматривать каждое несчастье как прямое посещение оскорбленных богов, гнев которых они постоянно умалили молитвами и жертвоприношениями; как же тогда они могли не верить в неотъемлемость греха — в то, что грехи отцов падают на детей, - в то время как страдания, вызванные безответственным младенчеством, постоянно были перед ними?

Обряд обрезания был главной опорой многочисленных теоретиков, пытавшихся доказать, что коренные американцы произошли от евреев; но с теми же доказательствами можно доказать, что они произошли от кафиров, жителей островов Южных морей, эфиопов, египтян или от любого другого мусульманского народа, который все либо практиковал, либо практикует обрезание сейчас. [X-28] Бринтон считает, что обряд был, вероятно, символическим отказом от плотских вожделений; [X-29] но, поскольку было бы трудно найти более распущенную расу, чем американцы, это предположение неудовлетворительно. В конце концов, зачем нам рыться в тайниках малоизвестного культа в поисках значения и происхождения обычая, с которым, возможно, не было связано никаких религиозных идей? Мы знаем, что некоторые народы старого света практиковали обрезание просто в целях чистоты и удобства, почему бы не сделать это и американцам?

В определенных случаях соблюдался обряд, аналогичный в некоторых аспектах христианскому причащению. Так, в пятнадцатом месяце статуэтка Уицилопочтли из теста была разбита и роздана мужчинам; эта церемония называлась *teoqualo*, что означает "бог съеден". В другое время священные лепешки из семян амаранта и меда нанизывали на шипы магуи и раздавали. Мендьета утверждает, что табак ели в честь Чихуакоатля. Тотонаки готовили тесто из первых плодов храмового сада, *улли*, и крови трех младенцев, приносимых в жертву на определенном празднике; мужчины старше двадцати пяти лет и женщины старше шестнадцати ели его каждые шесть месяцев; когда тесто черствело, его смачивали кровью сердца обычных жертв. [X-30] Обряд исповеди уже был описан. [X-31]

ПОСТЫ И ПОКАЯНИЕ.

Пост соблюдался как искупление грехов, а также как подготовка к торжественным праздникам. Обычный пост состоял в воздержании от мяса в течение периода от одного до десяти дней и приеме пищи только один раз в день, в полдень; ни в какое другое время нельзя было прикоснуться даже к капле воды. В "божественный год" соблюдался восьмидесятидневный пост. Некоторые посты, проводимые священниками, длились сто шестьдесят дней, и из-за недостаточного количества разрешенной пищи и ужасных увечий, которые практиковались, эти длительные застолья нередко приводили к летальному исходу для преданных. Верховный жрец иногда подавал блестящий пример своим подчиненным, уходя в горы и проводя там несколько месяцев в совершенном одиночестве, молясь, воскуривая благовония, выпивая кровь из своего тела и поддерживая жизнь сырой кукурузой. [X-32]

В Теотиуакане четыре священника наложили на себя четырехлетнюю епитимью, которая при строгом соблюдении давала им право навсегда считаться святыми. Тонкая мантия и набедренная повязка - вот все, что позволяла им носить одежда, независимо от погоды; голая земля была их единственной постелью, камень - самой мягкой подушкой; их полуденной и единственной трапезой был двухунционный пирог и маленькая миска каши, приготовленной из

муки грубого помола и меда, за исключением первого числа каждого месяца, когда им разрешалось принимать участие в общих пирах. Двое из них дежурили каждую ночь поочередно, проливая кровь и молясь. Каждый двадцатый день они пропускали через верхнюю часть уха двадцать палочек; и им, как торжественно заверяет нас Гомара, позволялось накапливаться из месяца в месяц, так что по истечении четырех лет в ухе оставалось четыре тысячи триста двадцать палочек, которые сжигались в честь богов по истечении срока покаяния.[\[X-33\]](#)

Кровопускание было любимым и наиболее распространенным способом искупления греха и проявления преданности. Чавес говорит, что жители Мезтитлана пускали кровь каждые пять дней, окрашивая ею кусочки бумаги и принося их в жертву богу.[\[X-34\]](#) Инструментами, используемыми при обычной скарификации, были шипы магуи, которые приносились в жертву идолу, а затем сжигались, но для более суровой дисциплины использовались ножи истли, а через язык, уши или гениталии пропускались веревки или палки.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ.

Подношением, наиболее приемлемым для божеств науа, была человеческая жизнь, и без этого ни один сколько-нибудь важный праздник не был полным. Происхождение обряда человеческих жертвоприношений, связанного, по крайней мере, с поклонением солнцу, восходит к древнейшим временам. Это упоминается в истории о первом появлении солнца у мексиканцев, в которой рассказывается о том, как это светило отказывалось продолжать свой ежедневный кругооборот, пока не будет умиротворено принесением в жертву определенных героев, оскорбивших его.[\[X-35\]](#) Некоторые утверждают, что человеческие жертвоприношения впервые были введены Тецкатлипокой; другие снова говорят, что это практиковалось до времен Кецалькоатля, что достаточно вероятно, если, как нам говорят, этот пророк не только проповедовал против этого как против мерзости, но и закрывал уши обеими руками, когда это даже упоминалось. Письменные или раскрашенные записи свидетельствуют о его существовании в 1091 году, хотя некоторые местные авторы утверждают, что до этой даты он не практиковался. Народы, населяющие ацтеков, приписывают введение человеческих жертвоприношений последнему народу; утверждение, принятое большинством ранних историков, которые утверждают, что первыми человеческими жертвами были четверо хочимилько, чьей кровью был освящен недавно возведенный алтарь Уицилопочтли.[\[X-36\]](#)

Количество человеческих жертв, ежегодно приносимых в жертву в Мексике, точно неизвестно. Лас Касас, защитник местных жителей, называет эту цифру ничтожно низкой, в то время как Зумаррага утверждает, что только в столице ежегодно приносились в жертву двадцать тысяч человек. В то, что их число было огромным, мы можем легко поверить, когда читаем у Торквемады, Икстлильшочитля, Ботурини и Акосты, что от семидесяти до восьмидесяти тысяч человек были убиты при открытии храма Уицилопочтли и пропорционально большое количество на других торжествах подобного рода.[\[X-37\]](#)

Жертвами были в основном военнопленные, и с единственной целью завоевания часто устраивались эти войны; однако большая часть принесенных в жертву были рабами и детьми, либо купленными, либо подаренными для этой цели, а также осужденными преступниками. Более того, нередки случаи, когда набожные люди добровольно приносят себя в жертву ради

блага людей и чести бога.[X-38] Большая часть жертв умерла от ножа так часто описываемым способом;[X-39] однако некоторые, как мы видели в предыдущем томе, были сожжены заживо; детей часто хоронили, или замуровывали заживо, или топили; в некоторых случаях преступников раздавливали камнями. Тлашкальтеки часто привязывали обреченного к столбу и делали его тело мишенью для своих копий и стрел.

Трудно определить, какие религиозные идеи были связаны с почти повсеместной практикой антропофагии. Мы видели, что несколько диких племен съедали части убитых героев, думая таким образом унаследовать часть хороших качеств умершего человека; та же причина могла бы быть приписана каннибализму ацтеков, если бы не тот факт, что они ели мясо принесенных в жертву рабов и детей, а также воинов и знатных людей. Каким бы ни было первоначальное значение обряда, наиболее вероятно, что в конечном итоге тело, сущность которого служила для угощения бога, рассматривалось просто как остатки божественного пиршества и, следовательно, как священная пища. Однако вполне возможно, что религиозная антропофагия постепенно выродилась в неестественный аппетит к человеческой плоти и ни к чему более.

На этом я заканчиваю обзор ацтекских богов. Как и большинство ее ответвлений, этот великий центр североамериканской мифологии основан на природных явлениях и антропоморфных созданиях, с случайным эвгемеристическим развитием или апофеозом, но сопровождается поклонением настолько кровавым и чудовищным, что представляет собой изолированное зрелище крайности, до которой могут дойти фанатичное рвение и слепое суеверие. Одного взгляда на греческую и римскую мифологию достаточно, чтобы показать, насколько чище было представление науа о божественном характере. Боги науа не играли с пороком, как боги Греции, а скорее питали к нему отвращение. Тецкатлипока — единственное божество, которое можно справедливо сравнить с порывистым Зевсом Гомера - им движет крайняя страсть, им руководит благородный порыв, им движет жестокая похоть, им движет жилка юмора. Но утонченный грек, поэтичный, утонченный, полный идей, восхищающийся своими сильными, прекрасными, безнравственными богами и делающий свое искусство бессмертным благодаря их возвышенным изображениям, представляет картину, сильно отличающуюся от ацтекского, флегматичного, кровожадного, свирепого, сломленного телом и духом из-за излишеств своего поклонения, омраченного бесчисленными ужасами воображения, постоянно трепещущего перед богами, которые пируют его плотью и кровью. Тем не менее вдали на горизонте было одно яркое пятно, на которое ацтек мог смотреть и надеяться. Подобно брахманам, буддистам и иудеям, он с нетерпением ждал новой эры под руководством великого вождя, даже Кецалькоатля, который обещал вернуться с пылающего востока, принеся с собой все процветание, мир и счастье своего прежнего правления. Тотонаки также знали о том, кто на небесах непрестанно молился за них перед великим богом и кто в конечном итоге должен был привести к более мягкой эре.

БОГОСЛУЖЕНИЕ В МИЧОАКАНЕ.

Богослужение в Мичоакане, хотя и в меньших масштабах, было очень похоже на богослужение в Мексике. Туманная форма Высшего Существа, парящая в последнем, однако, здесь приобретает более отчетливые очертания. Первопричина, Творец Всего Сущего, Правитель Мира, дарующий существование и регулирующий времена года, распознается в боге Тукапаче; невидимое существо, обитающее на небесах, непостижимое существо, которого не может представить никакое изображение, милосердное существо, которому люди, надеюсь, могут

молиться.[X-40] Но сама красота и простота концепции этого бога, по-видимому, действовали против популярности его поклонения. Люди нуждались в менее призрачном воплощении своих идей, и это они нашли в Куриканери, первоначально божестве-покровителе правителей страны чичимеков, которое они возвысили над Ксаратангой, бывшим главным богом тарасков. Брассер де Бурбур считает Куриканери идентичным солнцу и приводит в качестве причины то, что чичимеки приносили свои подношения сначала этому светилу, а затем низшим божествам. Есть еще один момент, который, кажется, подтверждает эту точку зрения. Знаки отличия Куриканери и Ксаратанги священники носили в авангарде армии, чтобы вселять мужество и уверенность в победе. Перед отправлением в поход перед идолом зажигали огонь, и когда благовония поднимались к небу, жрец обращался к богу огня, умоляя его принять подношение и благосклонно отнестись к экспедиции.[X-41] Изображение Куриканери было обильно украшено драгоценными камнями, каждый из которых представлял собой человеческую жертву, принесенную в честь бога.

Богиня Ксаратанга, хотя и вторая по рангу, по-видимому, занимала первое место в любви тарасков, несмотря на миф, связывающий ее имя с падением местной династии, в котором говорится, что она превратила их принцев в змей, потому что они появлялись пьяными на ее празднествах, и таким образом предоставила чичимекам возможность завладеть скипетром. Кроме того, жрецы делали все возможное, чтобы поддержать ее престиж, и они добились успеха, как мы видели из положения богини рядом с Куриканери, в авангарде армии.

Среди низших богов были Мановапа, сын Шаратанги, и Тарас, от которого, по словам Саагуна, тараски получили свое имя и который соответствовал мексиканскому Мишкоатлю. Матлалцинка боготворили Колтзина, задыхаясь перед его изображением из тех немногих человеческих существ, которые предлагались ему. Они также очень высоко почитали великого реформатора Сурита, первосвященника, который проповедовал мораль и, вдохновленный пророческим духом, как говорят, подготовил людей к лучшей вере, которая должна была прийти со стороны восходящего солнца. Праздники Перанскуаро, который соответствовал нашему Рождеству, и Цитакуаренкуаро, или "воскресение", были учреждены суритами. Эти идеи, однако, несут следы того, что они были "улучшены" падре.

Священники Мичоакана оказывали на людей даже большее влияние, чем священники Мексики. Чтобы сохранить эту власть, они взывали к религиозной стороне характера людей громовыми проповедями и торжественными обрядами, а также к их привязанности, занимаясь благотворительностью при каждом удобном случае. Сам король, когда он наносил свой ежегодный визит первосвященнику, чтобы начать приношение первых плодов, подал пример смирения, преклонив колени перед понтификом и благоговейно поцеловав его руку. Жрецы Мичоакана образовывали особый класс, состоящий из трех орденов, во главе которых стоял верховный жрец Куриканери.[X-42] Те, кто служил богине Ксаратанге, назывались *ватаречаи* отличались выбритыми макушками, длинными черными волосами и туниками, окаймленными красной бахромой.[X-43] Брак был одной из их привилегий.

Храмовое богослужение в Мичоакане было во многом таким же, как и в Мексике. Человеческие жертвоприношения, которые, по-видимому, были введены в более поздний период, вероятно, были очень многочисленными, поскольку сотни человеческих жертв были принесены в жертву на похоронах монарха. Сердца принесенных в жертву были съедены священниками, говорит

Бомонт, и это не маловероятно, поскольку население отоми в Мичоакане продавало мясо на общественном рынке. В засушливые сезоны отоми стремились умиловить богов дождя, принося в жертву девственницу на вершине холма.[\[X-44\]](#)

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ХАЛИСКО.

В Халиско появилось несколько форм поклонения, каждая со своими особыми божествами. В основном это были гении природы. Таким образом, города вокруг Чапалы воздавали божественные почести духу озера, который был представлен уродливым изображением с миниатюрным озером перед ним. У жителей других мест были идола, установленные на камнях, или изображенные сражающимися с диким животным или чудовищем. В Зентипаке и Акапонете звездам подносили отборные фрукты и цветы. Столь же невинными были подношения, приносимые Пильцинтеолли, "богу-младенцу", чье юное обличье было выращено в нескольких местах. Пример апофеоза произошел в Наярите, где скелет короля, восседавший на троне в пещере, был удостоен божественных почестей.

Среди храмов, посвященных различным идолам, можно упомянуть один в Халиско, который представлял собой квадратную пирамиду, украшенную нагрудниками и башенками, к которой вела лестница высотой шестьдесят футов. В каждом из четырех углов был устроен очаг таким образом, что дым от священного огня густым облаком распространялся над храмом. Другой, в Теуле, состоял из каменного здания, пять саженей в длину и три в ширину, постепенно расширяющегося к вершине. Два входа, один в северном углу, другой в южном, каждый с пятью ступенями, вели внутрь; рядом лежало несколько куч, сложенных из костей принесенных в жертву.

Имевшие место фестивали, по-видимому, были омрачены не только бесчинствами самого позорного характера, но и самой ужасной жестокостью, если верить Овьедо, который пишет о печах, заполненных обугленными человеческими останками. Однако эти жертвоприношения, если это были жертвоприношения, которые были обычным явлением в северо-восточных частях, где общение с Мексикой произвело много изменений, не появляются по мере продвижения на юг. Мало того, что они полностью исчезли, но хронисты утверждают, что в Колиме, которая, как считалось, когда-то управлялась очень мудрым князем, нельзя было найти никакого внешнего поклонения любого рода; более того, они намекают на существовавший там атеизм, ограниченный только моральными предписаниями. Но реальность такого оазиса среди самых деградировавших суеверий и самого дикого фанатизма, по меньшей мере, сомнительна, и работа Отцов Церкви, кажется, становится еще более очевидной.[\[X-45\]](#)

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ОАХАКЕ.

Культ оахаки имел даже большее сходство с культом Мексики, чем культ Мичоакана, и утверждение некоторых современных авторов о том, что оба народа имеют общее происхождение, кажется, полностью подтверждается записями старых хронистов. Множество богов было, по возможности, больше, поскольку почти у каждой черты величественного дикого пейзажа, у каждой нужды, у каждой добродетели и даже у каждого порока, говорит Бургоа, было одно или несколько божеств-покровителей, которым приносились жертвы на домашних алтарях. Это было особенно актуально в верхних районах Мизтеки и Сапотеки, где скалистые, покрытые облаками вершины, густые леса, бурлящие водопады и незаметные ручьи - все это, как правило, наполняло грубый ум местного жителя суеверным благоговением, которому

должен был быть выход. Сквозь все это можно различить смутные очертания Высшего Существа, носящего множество титулов, таких как Пиетао Пиексоо, "единый без бытия", Питао Козаана, "создатель существ", Вичана, "создатель людей и рыб", Кокиза-Чибатая Козаанатао, "опора и правитель всего", и множество других титулов, которые просто служат для того, чтобы показать, насколько неопределенным было положение, которое этот Невидимый занимал в умах людей, неспособных подняться до определенного представления о его величии, и множество других титулов. пресмыкающиеся перед отвратительными гномами, порожденными их собственным воображением.[X-46]

Когда ученики Кецалькоатля, тольтекского бога и законодателя, отправились по приказу своего учителя проповедовать его доктрины, некоторые, как говорят, направились в Оахаку, где основали несколько центров поклонения,[X-47] и среди них Ахиухтлу, штаб-квартиру религии мизтеков, расположенную в самой труднопроходимой части гор. Здесь, в пещере, внутренность которой была заполнена идолами, установленными в нишах на камнях, окрашенных человеческой кровью и дымом благовоний, находился большой прозрачный халхиуит,[X-48] обвитый змеей, голова которой указывала на маленькую птичку, примостившуюся на вершине. Эта реликвия, которой с незапамятных времен поклонялись под названием "сердце народа", обладает всеми главными атрибутами Кецалькоатля: камнем, эмблемой бога воздуха, змеей и птицей; и все же, как изуродован первоначальный миф, как много из его прекрасного значения исчезло! Бургоа наделяет реликвию еще одним атрибутом, делая ее опорой земли, фактически еще одним Атласом, движения которого вызывают землетрясения. Это также согласуется с характером Кецалькоатля, который, как предполагалось, под именем Уэмак вызывал землетрясения. Сапотеки, кроме того, молились ему о победе и богатстве, и Кецалькоатль, как "бог мира", несомненно, мог влиять на первое, в то время как второй дар всегда был в его власти.[X-49] В нескольких других местах были идолы с таким же именем, как в Янгистлане, Чалкатонго и Коатлане, где храмы представляли собой пещеры, факт, достойный внимания, если учесть, что в мифе утверждается, что Кецалькоатль воздвиг храмы Миктлантекутли, мексиканскому Плутону.[X-50]

ВОТАН И КЕЦАЛЬКОАТЛЬ.

Однако те немногие авторы, которые ссылались на эту реликвию, почти все считают, что она представляет Вотана; древние авторы, несомненно, потому, что это имя означает "сердце"[X-51] на цендальском диалекте Чьяпаса, где он был самым выдающимся божеством, современные, потому что его атрибуты согласуются с атрибутами этого бога. Но у Вотана так много общего с Кецалькоатлем, что некоторые авторы склонны считать их идентичными или, по крайней мере, родственниками. Мюллер, однако, объявляет его изначальным змеиным богом майя, одной из тринадцати главных змей, которой в более поздний период был присвоен атрибут птицы, заимствованный, возможно, у Кецалькоатля. Он постепенно очеловечивается и становится одним из многих лидеров, чьи имена были даны дням месяца, Вотан берет третье из четырех имен, обозначавших дни, а также годы. Тем не менее, профессор Мюллер признает, что бог был привезен из Чолулы, и что определенные особые атрибуты Кецалькоатля могут быть распознаны в фигурах на руинах Паленке, которые, вероятно, относятся к Вотану; и далее, что часть мифа, по-видимому, указывает на него как на внука Кецалькоатля.[X-52] Брассер де Бурбур, признавая свою идентичность с "сердцем народа", считает, что двойной аспект традиции позволяет нам предположить, что вотанов было несколько или что это имя был предоставлен достойным людям, которые пришли после него. Временами он кажется мифическим созданием,

посредником между человеком и Богом, олицетворением мудрости и силы; временами князем и законодателем, который привнес более высокую культуру в свой народ. Аналогия, проводимая традициями между Вотаном, Гукумацем, Кукулканом и Кецалькоатлем, наводит нас на мысль, что один человек объединил в своем лице все эти наименования. Тем не менее, сравнение различных традиций допускает существование двух имен - Вотан и Кецалькоатль, причем другие имена имеют то же значение, что и последнее.

Однако несомненно, что от них, будь то герои, священники, правители или воины, Центральная Америка унаследовала культуру, которую их преемники довели до такого совершенства. Знание о едином высшем существе, по-видимому, было одной из первых догм, внедренных в умы их народа; но в представленной нам традиции имя героя часто путают с именем божеств.[\[X-53\]](#) Как и Кецалькоатль, Вотан был первым историком своего народа и написал книгу о происхождении расы, в которой он объявляет себя змеем, потомком Имоса, линии Чан, расы чивим.[\[X-54\]](#) Одним из его титулов был "повелитель полого дерева", тепауасте, или тепонацтли.[\[X-55\]](#)

Из запутанной традиции цендалов, изложенной Нуњесом де ла Вегой и Ордоньесом-и-Агиаром, кажется, что Вотан по божественному повелению отправился в Америку и там разделил землю.[\[X-56\]](#) Соответственно, он покинул Валум Чивим, прошел мимо "жилища тринадцати змей" и прибыл в Валум Вотан,[\[X-57\]](#) куда он взял с собой нескольких членов своей семьи, чтобы сформировать ядро поселения. С ними он прошел через усеянную островами Лагуну Терминос, поднялся по реке Усумасинта и здесь, на одном из ее притоков, основал Нахан,[\[X-58\]](#) или Паленке, будущую столицу могущественного королевства и одну из предполагаемых колыбелей американской цивилизации. Жители Цендаля дали странного вида новоприбывшим кличку чекилес, "люди в нижних юбках", из-за их длинных одеяний, но вскоре обменялись с ними идеями и обычаями, подчинились их правлению и выдали за них замуж своих дочерей. Это событие произошло за тысячу лет до Рождества Христова.[\[X-59\]](#)

ПУТЕШЕСТВИЯ ВОТАНА.

Далее Ордоньес говорит, что Вотан после создания своего правительства нанес четыре или более визитов в свой бывший дом. В своем первом путешествии он прибыл в большой город, где возводился великолепный храм; Ордоньес предположил, что этим городом был Иерусалим; затем он посетил здание, которое первоначально предназначалось для достижения небес, но из-за смешения языков ему не удалось достичь цели; наконец, ему было позволено проникнуть по подземному ходу к истокам небес.[\[X-60\]](#) Вернувшись в Паленке, Вотан обнаружил, что прибыло еще несколько его народов; в них он узнал змей и оказал им множество услуг, в обмен на которые его превосходство было обеспечено, и он, наконец, был возведен в культ.[\[X-61\]](#) Среди памятников, оставленных героем, был храм на реке Уэуэтан, называемый "домом тьмы" из-за его подземных помещений, где хранились летописи нации под присмотром определенного числа стариков, называемых *тлапианами*, или хранителями, и ордена жриц, начальница которого также была главой членов мужского пола. Здесь также содержалось несколько тапиров, священных животных среди людей.[\[X-62\]](#)

Претензии Вотана на то, что его считают "сердцем народа", подтверждаются, согласно приведенным выше рассказам, главным образом его именем, что означает "сердце", и тем фактом, что чалчиуит, из камня которого была сделана реликвия, был помещен мексиканцами и другими народами между губ умершего. Другие атрибуты, как мы видели, больше соответствуют характеру Кецалькоатля, и традиция очень похожа; ее путаница показывает, что это искаженная

версия толтекского мифа. Если мы примем Вотана внуком Кецалькоатля, мы также можем предположить, что он был одним из учеников, посланных пророком для распространения его доктрин, и что его собственное имя было заменено именем его учителя. В пользу этой точки зрения говорит тот факт, что Кецалькоатль отождествляется с героями-змеями Юкатана и Гватемалы, стран, расположенных рядом с Чьяпасом и за его пределами. Затем, опять же, мы обнаруживаем, что поклонение Вотану было известно в Чолуле и что он приземлился в том самом регионе, где исчез бывший герой. Какой бы сомнительной ни была предшествующая традиция, среди жителей Оаджакана есть одна, которая, на мой взгляд, представляет собой искаженную версию мифа о Кецалькоатле, еще больше искаженную ортодоксальными Отцами Церкви. В очень отдаленные времена, примерно в эпоху апостолов, по словам падре, в Уатулько внезапно появился белый старик с длинными волосами и бородой, пришедший морем с юго-запада, и проповедовал туземцам на их родном языке, но о вещах, недоступных их пониманию. Он вел строгий образ жизни, проводя большую часть ночи в коленопреклоненной позе и почти ничего не ел. Вскоре после этого он исчез так же таинственно, как и появился, но оставил на память о своем визите крест, который он установил собственноручно, и призвал людей свято хранить его, ибо однажды они узнают о его значении.[\[X-63\]](#) Некоторые авторы описывают персонаж той же внешности и характера, прибывший из того же квартала и появившийся в стране вскоре после этого, но это, несомненно, тот же самый старик, который, покинув Уатулько, возможно, направил свои стопы в глубь страны. Затем Его голос звучит в Миктлане,[\[X-64\]](#) мягко, но твердо осуждающий удовольствия этого мира и призывающий к покаянию и искуплению. Его жизнь протекала в строгом соответствии с его доктринами, и никогда, кроме как на исповеди, он не приближался к женщине. Но удел Виксепекочи, как называют его сапотеки, был уделом большинства реформаторов. Преследуемый теми, на чьи пороки и суеверия он нападал, он был изгнан из одной провинции в другую и, наконец, нашел убежище на горе Семпоалтепек. Даже здесь его преследователи последовали за ним, взбираясь по скалистым склонам, чтобы возложить руки на пророка. Как только они достигли вершины, он исчез, как тень, оставив на камне только отпечаток своих ног.[\[X-65\]](#)

АПОСТОЛ ВИКСЕПЕКОХА.

Среди моментов в этом мифе, которые соответствуют характеру Кецалькоатля, можно отметить появление пророка с юго-запада, что согласуется с направлением приносящих влагу ветров, главного атрибута бога тольтеков; крест, который указывает не только на четыре ветра, но и на дождь, который они несут, атрибуты, признанные мексиканцами, которые украсили мантию бога крестами; длинная борода, белое лицо и одежда, которые все соответствуют тольтекскому Кецалькоатлю. Как и он, Виксепекоча проповедовал мягкие доктрины реформ, как и он, он подвергался преследованиям и был вынужден скитаться с места на место и, наконец, исчез, оставив своим последователям надежду на лучшее будущее. Доктрина Виксепекочи пустила корни и процветала на земле, которую он освятил своими трудами и молитвами, и, согласно Брассеру де Бурбуру, Виятао, понтифик Сапотекапана, был викарием и преемником "пророка Монапостиака".[\[X-66\]](#)

Первые падре видели в этом персонаже не кого иного, как святого Фому, апостола, который пришел, чтобы водрузить крест и подготовить путь для христианства. В деревне Магдалена, в четырех лье от Теуантепека, есть или была до недавнего времени его статуя, изображающая его с длинной белой бородой, закутанного в длинную мантию с капюшоном, перетянутую шнуром вокруг талии; он сидел в задумчивой позе, слушая исповедь женщины, стоявшей на коленях

рядом с ним.[\[X-67\]](#) Похожая статуя упоминается Бургоа как существовавшая в пещере недалеко от Шустлауака, в Мистекапане,[\[X-68\]](#) где она стояла у входа на мраморном монолите высотой одиннадцать футов. Вход в пещеру, по-видимому, раньше вел через прекрасный сад; внутри были груды сталактитов самых фантастических и разнообразных форм, многие из которых люди превратили в изображения разного рода и самого художественного исполнения, говорит падре, воображению которого, несомненно, способствовал полумрак внутри. Здесь лежали забальзамированные тела королей и понтификов, окруженные сокровищами, поскольку предполагалось, что это был вход на цветущие поля рая. Храмовая пещера в Миктлане пользовалась аналогичной репутацией и служила усыпальницей для сапотекских вельмож. Он состоял из четырех основных частей, самая большая из которых образовывала собственно святилище, вторая и третья - гробницы королей и понтификов, а четвертая служила вестибюлем к огромному лабиринтообразному гроту, в котором иногда хоронили храбрых воинов. В эту самую преддверную райскую комнату время от времени входили обезумевшие приверженцы и искали в ее темных лабиринтах обитель богов; никто так и не вернулся из этого ужасного похода, ибо вход был закрыт огромным камнем, и, несомненно, многие бедняги, дотрагиваясь в своих последних слабых попытках ощупать кости тех, кто был до них, чувствовали, как свет проникает в их душу, несмотря на густую тьму, и понимали, что их ввели в заблуждение; но могучий камень у входа в пещеру не выдавал секретов.[\[X-69\]](#)

БОГИ ОАХАКИ.

Важность плутонического элемента в поклонении Оахаке подтверждается тем фактом, что Пезелао, характер которого соответствовал характеру мексиканского миктлантекутли, получил высокие почести. Другими известными богами, перечисленными Брассером де Бурбургом, были Питао-Кокоби, бог изобилия или урожая; Косио, бог дождя; Козаана, покровитель охотников и рыбаков; и Питао-Ксу, бог землетрясений. Другие божества управляли богатством, несчастьями, предзнаменованиями, поэтическим вдохновением — даже у кур было свое божество-покровитель. Как и следовало ожидать от народа, который с обожанием относился даже к живым царям и священникам, апофеоз был обычным делом. Так, Петеле, древнему сапотекскому касику, чье имя означало "собака", поклонялись в пещере Коатлан. В одном конце этого подземного храма зияющая пропасть принимала пенящиеся воды горного потока, и в нее по определенным поводам сбрасывали ярко одетых и украшенных цветами рабов и пленниц.[\[X-70\]](#)

В другом месте находился белый камень в форме кегли, предположительно являющийся воплощением Пинопиаа, святой принцессы Сапотекапана, чье тело было чудесным образом перенесено на небеса и возвращено в таком виде на благо верующих.[\[X-71\]](#)

В Чьяпасе они поклонялись Костахантоксу, который был изображен с бараньими рогами на голове и восседал на троне в окружении тринадцати вельмож. В округе Льянос главными богами были Ябалан, или Яхалан, и Канамлум. Даже живые существа занимали положение божеств, согласно Диасу, который утверждает, что толстая пожилая женщина, одетая в богато украшенные одежды, которую местные жители почитали как богиню, повела их против испанских захватчиков, но была убита.[\[X-72\]](#) Среди мийесов зеленый плоский камень с кроваво-красными блестящими лучами пользовался большим почитанием. Хотя это единственное упоминание хронистов, которое может быть связано с поклонением солнцу — которое, кстати,

вряд ли могло претендовать здесь на очень высокое положение, поскольку утверждается, что основатель королевской семьи мизтеков одержал победу в состязании с солнцем, — стоит отметить, что сапотекское слово *нуху*, огонь, также обозначает божество, идола, все священное, саму землю.[X-73] Домашние идолы имели свои имена, историю и культ, изображенные на коре, а также закопченные или раскрашенные прячет, чтобы всегда держать их на виду у людей и обеспечить молодежи познание своего бога. Насколько прочно укоренилось идолопоклонство и насколько медленной, должно быть, была работа по его искоренению у падре, несмотря на то, что они уничтожали всех идолов, до которых могли дотянуться, показывает тот факт, что среди гечекорос объектом поклонения служила статуя Кортеса.[X-74] Нагуализм - одна из древних форм поклонения, которая все еще процветает, и заключается в выборе животного в качестве родственного божества ребенка, существование которого будет настолько тесно связано с ним, что жизнь одного зависит от жизни другого. Бургоа утверждает, что священник выбрал животное путем гадания; когда мальчик вырос, ему было приказано отправиться на гору, чтобы принести жертву, и там животное должно было явиться ему. Другие говорят, что в час родов матери отец и друзья нарисовали на полу хижины контуры различных животных, стирая каждую фигуру, как только они начинали рисовать следующую, и фигура, которая оставалась в момент родов, представляла опекуна младенца; или, что птица или зверь, впервые увиденные наблюдателями после родов, были приняты за нагваля. Присвоение младенцу знака дня в качестве имени, возможно, можно рассматривать как разновидность нагуализма, поскольку названия животных часто образовывали эти знаки.[X-75]

ПОКЛОНЕНИЕ ДЕРЕВУ.

Формой поклонения, особенно отмеченной в этой стране, было почитание деревьев, о чем можно судить по мифу, который приписывает происхождение мизтеков, а также, по крайней мере, части сапотеков, двум деревьям. Этот культ существовал также в других частях Мексики и Центральной Америки, где за кипарисами и пальмами, растущими рядом с храмами, обычно группами по три человека, ухаживали с большой заботой и часто предлагали благовония и другие дары. Однако, по-видимому, они не были посвящены какому-либо конкретному богу, как у римлян, где Плутон претендовал на кипарис, а Победа - на пальму. Одной из самых священных из этих реликвий является кипарис, стоящий в Санта-Мария-де-Туле, почтенный ствол которого имеет девяносто футов в окружности на высоте шести футов от земли.[X-76]

Одним из главных приношений сапотеков была кровь священной для них индейки; соломинки и перья, смазанные кровью из задней части уха и из-под языка людей, также составляли значительную часть священных приношений и подавались в специальных сосудах из травы. Человеческие жертвоприношения не были обычным явлением у народа оаджакан, но в случае крайней необходимости жертвами, как правило, становились пленники и рабы. Обычным способом принесения их в жертву было вырвание сердца, но в некоторых местах, как в Коатлане, их сбрасывали в пропасть. Эррера утверждает, что мужчины приносились в жертву богам, женщины - богиням, а дети - низшим божествам, и что их тела были съедены, но последнее утверждение сомнительно.[X-77]

ГЛАВА XI.

БОГИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЕ ИМ.

Пантеон майя—Замна—Кукулькан—Боги Юкатана—Символ Креста в Америке—Человеческие жертвоприношения на Юкатане—Жрецы Юкатана—Гватемальский пантеон—Тепеу и Хуракан—Авиликс и Хакавиц—Герои Священной Книги—Боги киче—Поклонение холесам, манчесам, ицам, лакандонам и другим—Традиция Комизауаля—Посты—Жрецы Гватемалы—Боги, поклонение и священники Никарагуа—Поклонение на Москито—Косте—Боги и поклонение жители Истмии - фаллический культ в Америке.

Религия майя была в основе своей такой же, как у науа, хотя и несколько отличалась внешними формами. Большинство богов были обожествленными героями, более или менее выделявшимися на первый план своей значимостью. Иногда мы находим очень отчетливые следы более древнего солнцепоклонничества, которое уступило место более поздним формам, завезенным, согласно смутной традиции, из Анахуака. Об общности этого культа свидетельствуют многочисленные изображения солнечных пластин и столбов, найденные среди руин Центральной Америки.[\[XI-1\]](#)

На Юкатане Хунаб Ку, "единственный бог", называемый также Кинехахау, "уста или глаза солнца",[\[XI-2\]](#) представлен как Высшее Существо, Творец, Невидимый, которого не может представить никакое изображение.[\[XI-3\]](#) Его супруга Иксазалвох была почитаема как изобретательница ткачества, а их сын Замна, или Якшочахмут, один из культурных героев народа, как предполагается, был изобретателем искусства письма.[\[XI-4\]](#) Расследование, начатое Лас Касасом, выявило существование троицы, первым лицом которой был Изона, Великий Отец; вторым был Сын Великого Отца, Бакаб, рожденный от девы Чибириас,[\[XI-5\]](#) бичеванный и распятый, он сошел в царство мертвых, воскрес на третий день и вознесся на небеса; третьим лицом троицы был Эчуа, или Экчуа, Святой Дух.[\[XI-6\]](#) Итак, обвинять преподобных Отцов в преднамеренной фабрикации этого и других утверждений подобного характера - значит обвинять их в актах шарлатанства, которые не может оправдать никакое религиозное рвение. С другой стороны, то, что эта таинственная троица имела какое-либо реальное существование в первоначальных верованиях туземцев, является, мягко говоря, чрезвычайно сомнительным. Возможно, однако, что туземцы, когда их спрашивали об их религии, старались привести ее в максимально возможное соответствие с религией своих завоевателей, надеясь таким образом заручиться доброй волей своих хозяев и усыпить подозрения в скрытом идолопоклонстве.

Бакаб, как указано выше, означающий Сына Великого Отца, на самом деле был именем четырех духов, которые поддерживали небесный свод; в то время как Эчуа, или Святой Дух, был богом-покровителем торговцев и путешественников.

ЗАМНА.

Богиня Иксанлеокс считалась матерью богов, но, поскольку Коголлудо утверждает, что у нее было несколько имен, возможно, она идентична Иксазалуох, жене Хунаба Ку, чье имя подразумевает рождение.[\[XI-7\]](#) Майя не отставали от своих соседей по количеству своих меньших и особых божеств, так что едва ли было животное или воображаемое существо,

которое они не изображали священными изображениями. Эти идолы, или земес, [XI-8], как их называли, обычно делались из терракоты, хотя иногда они были из камня, золота или дерева. В первом ряду круга богов, известного под именем ку, были обожествленные цари и герои, которым мы часто приписываем атрибуты, настолько тесно связанные, что подразумевают идентичность или представление различных фаз одного и того же элемента. [XI-9] Самыми популярными именами были Замна и Кукулькан, оба культурных героя, и некоторые считали их идентичными; очень вероятное предположение, если учесть, что Кецалькоатль, который, как считается, был таким же, как Кукулькан, обладал атрибутом сильной руки, как и Замна. Традиция гласит, что через некоторое время после падения Квинамской империи Замна появился на Юкатане, придя с запада, и везде, где он останавливался, его принимали с большим уважением. Помимо того, что он был изобретателем алфавита, говорят, что он дал названия всем точкам и местностям в стране. Над его могилой возвышался город под названием Изамаль или Изамат-уль, который вскоре стал одним из главных центров паломничества на полуострове, особенно для страждущих, которые искренне верили, что их молитвы, сопровождаемые подходящими подарками, не преминут быть услышанными. Этот класс преданных обычно прибегал в храм, где его изображали в виде руки, Каб Ул, или рабочей руки, прикосновения которой было достаточно, чтобы восстановить здоровье. [XI-10]

Профессор Мюллер считает весьма сомнительным, относилась ли творящая или работающая рука к солнцу, как это было у северных племен, но рассказ о следующем идоле, как мне кажется, делает это вероятным. В том же городе находилось изображение Кинича Какмо, "лица или глаза солнца", которого Ланда представляет как отпрыска солнца, но который впоследствии стал отождествляться с этим светилом и получил божественные почести в том самом храме, который он воздвиг своему отцу. Он изображен в акте жертвоприношения, указывающим пальцем на луч полуденного солнца, как бы извлекая искру, с помощью которой можно разжечь священный огонь. К этому идолу люди прибегали во времена бедствий и болезней, принося подношения, чтобы получить совет оракула. [XI-11] Есть много вещей, которые, как мне кажется, отождествляют этого персонажа с Замной, хотя другие авторы считают их разными. Коголлудо, например, подразумевает, что Замна был единственным сыном солнца, или Высшего Существа, в то время как Ланда и другие объявляют Кинича Какмо сыном этого светила; оба находятся на одном уровне или примерно на одном уровне и считаются целителями, а поднятая рука последнего сильно напоминает нам Кабул. Другая форма, в которой мы можем узнать Замну, - это образ Изамат Ул, или "небесной росы", который, как говорят, был великим правителем, сыном божьим, который исцелял болезни, воскрешал мертвых и изрекал предсказания. Когда его спросили, как его зовут, он ответил: *иценкан, иценмуйял*. [XI-12]

КУКУЛКАН.

Другой культурный герой, Кукулкан, появился на Юкатане с запада с девятнадцатью последователями, двое из которых были богами рыб, два бога ферм и один бог грома, все они носили окладистые бороды, длинные одежды и сандалии, но без головных уборов. Предполагается, что это событие произошло в то самое время, когда Кецалькоатль исчез в соседней провинции Гоазакоалько, - предположение, которое, в дополнение к сходству имен, характера и деятельности героев, формирует основу для их почти общепринятой идентичности. Кукулкан останавливался в нескольких местах на Юкатане, но в конце концов поселился в Чичен-Ице, где правил в течение десяти лет и установил законы. По истечении этого срока он

уехал без видимой причины, чтобы вернуться в страну, из которой прибыл. Благодарный народ воздвиг храмы в Майяпане и Чичене, к которым со всех сторон стекались паломники, чтобы поклониться ему как богу и испить воды, в которых он искупался. Его поклонение, хотя и было одно время довольно распространено по всему Юкатану, позже было ограничено главным образом непосредственными местами его трудов.[XI-13]

Помимо Изамала и Чичена, на Юкатане был третий крупный центр поклонения, а именно храм Ахулнеб на острове Косумель, который, по утверждению некоторых авторов, был главным святилищем, а Чичен занимал второе место по значимости. Он состоял из квадратной башни значительных размеров, внутри которой находилась гигантская терракотовая статуя Ахулнеба, одетого как воин и держащего в руке стрелу. Статуя была полый и стояла вплотную к отверстию в стене, через которое жрец входил в фигуру, чтобы сообщить оракулу; если предсказание не сбывалось, что было маловероятно, поскольку обычно оно формулировалось так, что могло означать что угодно или вообще ничего не значить, неудачу приписывали недостаточной жертве или неискупленному греху. Этот оракул приобрел такую известность и к нему постоянно стекалось такое множество паломников, что было сочтено необходимым построить дороги, ведущие из главных городов Юкатана и даже из Табаско и Гватемалы в Поле, город на континенте напротив острова. Перед отплытием морского гения всегда умилялись принесением в жертву собаки, которую убивали стрелами под музыку и танцы.[XI-14]

ЮКАТЕКСКИЕ БОЖЕСТВА.

Бакабы были четырьмя братьями, которые поддерживали четыре угла небесного свода; они также считались богами воздуха. Коголлудо называет их Сакал Бакаб, Канал Бакаб, Чакал Бакаб и Экель Бакаб, но они были известны и под другими именами. Эчуа был богом-покровителем торговцев и дорог; в его честь путешественник каждую ночь воздвигал грубый алтарь из шести камней, три из которых были положены плашмя, а три - вертикально, на котором он воскуривал благовония, призывая защиту бога. У путников Юкатека считалось религиозным долгом, проезжая мимо какой-нибудь заметной точки на дороге или места, где стояло изображение Эчуа, добавить один-два камня к уже накопленной там куче - акт поклонения, подобный тому, который совершали римляне в честь Меркурия. Юнсемиль был Повелителем Смерти или, возможно, олицетворением самой смерти; это ужасное божество умилялись подношениями пищи.[XI-15] Акат был Богом Жизни; именно он сформировал младенца в утробе матери. В Тиху, нынешней Мериде, стоял великолепный храм Яхау Куна, в котором поклонялись Баклumu Чааму, Приапу майя и их самому древнему богу. Чак, или Чаак, бывший король Изамала, почитался как бог полей и плодородия, а также изобретатель сельского хозяйства. На некотором расстоянии к юго-западу от этого города находился храм Хунпиктока, "командующего восемью тысячами копий", титул, присвоенный также генералу армии.[XI-16] Абчуй Как был еще одним прославленным принцем-воином, чью статую, одетую в королевские одежды, несли в авангарде армии четыре самых прославленных военачальника, и на всем пути следования ей аплодировали. Икшебелякс упоминается как изобретатель искусства вплетения фигур в ткань и живописи. Шибальба, "тот, кто исчезает", было именем злого духа. Эсквемелин рассказывает, что нагуализм возник на побережье. Обнаженный ребенок был помещен на пепельное ложе в храме, а животное, след которого был замечен на пепле, было принято как нагваль, и ему ребенок подносил благовония, когда тот подрастал.[XI-17]

СИМВОЛ КРЕСТА.

Одной из самых замечательных эмблем культа майя, по оценке завоевателей, был крест, который также был замечен в других частях Центральной Америки и в Мексике, [XI-18] хотя и менее заметен, чем здесь. Среди множества предположений относительно его происхождения предполагается, что он был получен от испанцев, потерпевших кораблекрушение на побережье до того, как Кордова открыл Юкатан, как, например, благочестивый Агилар, переводчик Кортеса; но это не объясняет существования крестов в других частях Центральной Америки. Однако у туземцев существовала традиция, согласно которой введение креста относилось к нескольким годам до завоевания. Среди многих пророков, возникших в то время, был один, который предсказал пришествие странного народа со стороны восходящего солнца, который принесет с собой монотеистическую веру, эмблемой которой является крест. Он увещевал их принять новую религию и воздвиг крест в знак своего пророчества. [XI-19] Другая традиция гласит, что очень красивый мужчина проезжал через страну и оставил крест на память, и в это многие падре охотно поверили, заявив, что этот персонаж - не кто иной, как странник Святой Фома. [XI-20] Мнению о том, что оно было введено ранними христианами или язычниками старого света, однако противоречит аргумент о том, что другие, более практичные черты их культуры оставили бы свой след в то же время. Сам символ настолько прост и наводит на мысль о стольких идеях, что мне кажется наиболее разумным предположить, что местные жители переняли его без иностранной помощи. В любом случае, поскольку крест использовался и как религиозная эмблема, и как орудие наказания задолго до христианской эры, безусловно, нет необходимости объяснять его присутствие в Америке теориями, придуманными специально для этого случая, или, фактически, каким-либо образом связывать его с христианством. Наиболее распространенное значение, приписываемое этому символу, - плодородие или зарождение. Кусок дерева, прикрепленный горизонтально к вертикальной балке, указывал высоту разлива Нила. Если наводнение достигало этой отметки, урожай процветал; если же этого не удавалось, результатом был голод; таким образом, как нам говорят, в Египте кресту стали поклоняться как символу жизни и зарождения или бояться как образа разложения и смерти. У других народов и по другим причинам это было тесно связано с фаллическими ритуалами, о которых я буду говорить в другом месте, или было связано с поклонением этому великому удобрению и дарителю жизни - солнцу. У китайцев крест означает зачатие. Крест Тора, возможно, является исключением и относится просто к его молоту или молнии. [XI-21]

У мексиканцев крест был символом дождя, оплодотворяющей стихии, или, скорее, четырех ветров, несущих дождь, и как таковой он был одной из эмблем Кецалькоатля. Чалчиуитликуэ, сестра богов дождя, держала в руках крестообразный сосуд. Крест можно найти в мексиканских рукописях, и он появляется в рукописи Фейервари с птицей, которая, как обитательница воздуха, можно сказать, соответствует характеру символа. Мексиканское название креста, *tonacaquahuil*, "древо единой жизни, или плоти", безусловно, передает идею плодородия. Тем не менее некоторые авторы рассматривают его просто как астрономический знак. [XI-22] Первый крест, замеченный испанцами, стоял во дворе храма с башенками на острове Косумель; он был сложен из известки и камня и имел десять пядей (пальм) в высоту. К этому кресту местные жители молились о дожде, а во времена засухи ходили процессией, чтобы принести *вахомче*, как они называли этот символ, перепелов и другие умиловительные дары. Другой крест стоял на территории испанского монастыря в Мериде, куда благочестивые монахи, скорее

всего, привезли его с Косумеля; он был около трех футов в высоту, шести дюймов в толщину, и на его лицевой стороне был вырезан другой крест.[XI-23] Скульптурный крест в Паленке имеет латинскую форму; на его вершине восседает птица, а по обе стороны стоят человеческие фигуры, по-видимому, священники, один из которых предлагает ему ребенка.[XI-24]

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ На ЮКАТАНЕ.

Юкатеки так же тщательно, как и мексиканцы, готовились к своим многочисленным праздникам, соблюдая посты, отмеченные строгим целомудрием и отсутствием соли и перца.[XI-25] Благочестивые люди не могли не прибегать к скарификации в этих случаях, хотя женщин не призывали пускать кровь.[XI-26] Однако их боги ни в коем случае не были такими кровожадными, как мексиканские, их обычно умиротворяли кровью животных, а человеческие жертвоприношения требовались только в исключительных случаях. Кукулкан, как и его прототип Кецалькоатль, несомненно, выступал против пролития человеческой крови, но после его ухода эта практика, безусловно, существовала, и яма в Чичен-Ице, воды которой он лично освятил, была одним из первых мест, подвергшихся загрязнению. Жертвами здесь, как правило, были молодые девственницы, которым было поручено, когда они должны были предстать перед богами, умолять их о необходимых благословениях. Медель рассказывает, что однажды жертва пригрозила навлечь на людей самое ужасное зло вместо благословения, если они принесут ее в жертву против ее воли; озадаченные священники сочли благоразумным отпустить девушку и выбрать вместо нее другую, более сговорчивую жертву. Жертвы, которые умирали под ножом или были привязаны к дереву и расстреляны, обычно были поработанными пленниками, особенно высокопоставленными, но когда это не удавалось, на их место вставляли преступники и даже дети. Все они внесли свой вклад в эти жертвоприношения, либо подарив рабов и детей, либо пожертвовав деньги на покупку. В ожидании этой участи с жертвами хорошо обращались, и их возили из города в город среди великого ликования; однако были приняты меры к тому, чтобы ни один греховный поступок не умалил их чистоты или ценности.[XI-27] Иногда тело съедали, говорит Ланда, ноги, руки и голову отдавали священникам, остальное - вождям и другим; но Коголлудо и Гомара настаивают, что каннибализм не практиковался. Однако последнее утверждение не может быть применимо ко всему полуострову, поскольку на предыдущей странице Коголлудо рассказывает, что товарищи Агилара, потерпевшие кораблекрушение, были принесены в жертву и съедены местными жителями.[XI-28]

К исповеди, которую, как говорят, ввел Кукулкан, часто прибегали, тем более что смерть и болезни считались прямым наказанием за совершенный грех. Женатые священники были постоянными исповедниками, но к ним не всегда обращались за духовной помощью; жена часто исповедовалась своему мужу, или муж своей жене, или иногда делалось публичное признание. Однако, по словам Ланда, душевные грехи не признавались.[XI-29]

ЖРЕЦЫ ЮКАТАНА.

Жречество Юкатана было разделено на различные фракции, некоторые из которых считали Замну и Кукулкана своими основателями, в то время как другие оставались верны более древним лидерам. Согласно Ланде, первосвященника звали Ахкин Май, или Ахау Кан Май, и он пользовался большим почитанием как тот, чьим советам следовали короли и вельможи. Доходы должности, переходившие по наследству к сыну или ближайшему родственнику, состояли из

подарков от короля и податей, собираемых священниками. Обычные священники носили титул *ахкин*,^[XI-30] и были разделены на несколько классов. Некоторые из них проповедовали, делали подношения, вели записи и обучали сыновей знати и тех, кто предназначался для священства, различным отраслям образования. *Чиланы*, толковавшие оракулы богов и, соответственно, пользовавшиеся большим влиянием, занимали самое высокое место в глазах народа, перед которым они появлялись в торжественном виде, несомые на носилках. Колдуны и знахари предсказывали судьбу и излечивали болезни. *Чаки* были четырьмя стариками, избираемыми на каждом празднике в помощь священникам, из чего следовало, что духовенство было не очень многочисленным органом. *Након* - титул жреца, должность пожизненная, но мало почитаемая; этот титул также носил генерал армии, который помогал на определенных празднествах. Брак, по-видимому, был разрешен всем, и исповедники фактически были обязаны иметь жен, тем не менее, несомненно, было большое число тех, кто жил в состоянии безбрачия, преданный своим священным обязанностям. Их одежда варьировалась в зависимости от их ранга, первосвященника отличала митра в дополнение к его особому одеянию; однако самой обычной одеждой была большая белая хлопчатобумажная мантия^[XI-31] и тюрбан, образованный путем наматывания невымытых волос вокруг головы и удерживания их в таком положении, пропитанными кровью. С поклонением солнцу был связан орден весталок, основанный принцессой Цухуи Как, "огненной девой", дочерью Кинич Какмо, верховной жрицы весталок. Все члены церкви были добровольцами, которые обычно записывались на определенный срок, по истечении которого им разрешалось покинуть храм и вступить в брак; некоторые, однако, навсегда оставались на службе в храме и были возведены в культ. Их обязанностью было ухаживать за священным огнем, эмблемой солнца, и соблюдать строгое целомудрие; тех, кто нарушал свои обеты, расстреливали стрелами.^[XI-32]

Основное описание культа гватемальцев почерпнуто из священной книги кичес, "*Пополь Вух*", на которую я уже ссылался на первых страницах этого тома, но описание, данное в ней, настолько путанное, имена и атрибуты богов настолько перемешаны, что из этого нельзя сделать никаких надежных выводов. Однако сама эта путаница, по-видимому, указывает на то, что импортированные имена Хуракан, Гукумац и другие были со своими атрибутами прикреплены к местным героям, которые претерпевают самые разные судьбы и характеры, среди которых время от времени можно взглянуть на их первоначальную форму.

ТЕПЕУ И ХУРАКАН.

Самыми древними из богов являются две личности по имени Хун Ахпу Вуч и Хун Ахпу Утю, или Спячок и Шмукане, Создатель и Защитник, Дедушка и Бабушка солнца и луны, которых часто путают с обоими богами и изображают с большими носами, как у тапиров, священных животных этих народов. Брассер отождествляет их с мексиканскими оксомоко и Чипактоналем,^[XI-33] Тонакатлекулти и Тонакатепетль, Ометекутли и Омециуатль, самку также с Сентеотлем и Точи, и помещает ее в календарь киче как Хун Ахпу, в то время как самец возглавляет список месяцев под именем Имокс.^[XI-34] Связанный с ними стоит Тепеу, названный священной книгой Владыкой, Тем, кто Порождает, и чье имя означает великий, величественный. Хименес, переводя его имя как бубоес, или сифилис, связывает его с Нанахуацином, героем науа, который бросился в огонь и взошел как солнце.^[XI-35] Тепеу более широко известен под именем Гукумац, "пернатый змей", которое повсеместно отождествляется

с Кецалькоатлем, богом воздуха науа. Говорят, что в этом персонаже он каждые семь дней трансформируется в четыре формы: змею, орла, тигра, массу свернувшейся крови, одну за другой, и каждые семь дней он поочередно посещает рай и ад. Он также считается популяризатором культуры в Гватемале, хотя и скорее как тот, кто направляет человека в его поисках совершенствования, чем как культурный герой.[\[XI-36\]](#) Эти два бога, сливаясь в одного, часто образуют троицу с Хун Ахпу Вучом и Хун Ахпу Утью под одним именем Гукумац, Сердце Небес. Принятие этим богом четырех форм может иметь отношение к божественному квартету, и в выражении "они окутаны зеленым и лазурным туманом" Брассер де Бурбур видит отсылку к священному свертку, содержащему четырех первых людей и жертвы, превратившихся в богов.[\[XI-37\]](#)

Хуракан,[\[XI-38\]](#) хотя и связан с вышеупомянутым квартетом в перечислении титулов верховного божества, держится в стороне от низшей сферы, в которой они время от времени перемещаются, и даже вызывается Гукумацем, который называет его, среди прочих имен, Создателем, тем, кто порождает и дарует бытие. То, что он считался особым и киче поклонялись ему как таковому, видно из того факта, что у них был один верховный жрец для Гукумаца, а другой для Тохила, еще одно имя Хуракана, который, по-видимому, занимал ступень выше первого.[\[XI-39\]](#) Он олицетворял гром и молнию, и его особым титулом, по-видимому, было Сердце Небес, под которым подразумевались три фазы его атрибута: гром, молния и удар молнии, или, как указано в другом месте, вспышка, след молнии и удар молнии,[\[XI-40\]](#) другая концепция троицы. Его также называют Центром Земли, и он изображен с громом в руке. Птица Лос была его посланником. Мюллер считает его богом солнца, вероятно, из-за его титула "Сердце небес", который ничего не определяет, в то время как другие считают, что он идентичен тлаокам, мексиканским богам дождя. Он, несомненно, тот же самый, что и Тохил, вождь богов киче, который представлен знаком воды, но чье имя означает грохот, столкновение.[\[XI-41\]](#) В нем также соединены три символа троицы Киче, как мы вскоре увидим, и его священники обращаются к нему: "Приветствую тебя, Краса Дня, Хуракан, Сердце Неба и Земли! Ты, дарующий славу, богатство и детей! Ты, Тохиль, Авиликс, Гагавица, Недра Небес, Недра Земли! Ты, кто составляет четыре конца Небес!"[\[XI-42\]](#) Он также был богом огня и как таковой дал своему народу огонь, встряхнув свои сандалии.[\[XI-43\]](#) Согласно версии Брассера де Бурбура, его храм в Утатлане, где он, по-видимому, занял место древнего бога, представлял собой усеченную пирамиду с чрезвычайно крутыми ступенями на фасаде. На его вершине находился храм огромной высоты, построенный из тесаного камня и с крышей из ценных пород дерева; стены внутри и снаружи были покрыты тонкой, блестящей штукатуркой исключительной твердости. Посреди самой великолепной обстановки восседал идол на троне, украшенном драгоценными камнями. Его священники постоянно молились и воскуривали перед ним драгоценные благовония, сменяя друг друга группами по тринадцать человек, так что, пока одни присутствовали на его службе, другие постились, готовясь к ней. Высшие мужи королевства также присутствовали группами по восемнадцать человек, чтобы призвать его благословение для себя и своих провинций, девять постились, а девять возносили благовония.[\[XI-44\]](#) Тохил и другие члены троицы, Авиликс и Хакавиц, или Гагавиц, которые также представляют гром, молнию и удар молнии, были семейными богами, данными Творцом основателям расы киче, и хотя впоследствии они стали каменными, они все еще могли принимать другие формы в соответствии с высшей волей. Как семейные боги, они имели специальные храмы во дворце принцев, где совершались их регулярные богослужения, а три горные вершины, носящие их имена, служили для того, чтобы они предстали перед народом.[\[XI-45\]](#) Кремень, с которым

Бринтон отождествляет Тохил, возможно, является черным камнем, привезенным с дальнего востока и почитаемым в храме Кахбы, "дома жертвоприношений", в Утатлане, но летописцы этого не подтверждают. Кроме того, утверждается, что поклонение Кахбе сильно пришло в упадок, но Гукумац снова вернул ему что-то вроде былой славы; Тохил, с другой стороны, всегда занимал высокое положение, и его первосвященник принадлежал к другой семье.[XI-46] Подобный камень существовал в храме, расположенном в глубоком ущелье близ Исимче, на отполированном лице которого боги выражали свою волю. Этот камень часто использовался для определения судьбы обвиняемых в преступлении; если судьи не замечали никаких изменений в камне, заключенный выходил на свободу.[XI-47]

ГАВАЛИЦ И ХАКАВИЦ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КВИКА, ХУН АХПУ И ШБАЛАНКЕ.

Теперь мы переходим к героям, приключениями которых в основном занимается *"Пополь Вух"*. От союза дедушки и бабушки, возглавляющих список божеств киче, произошли два сына, Хунхун Ахпу и Вукаб Хун Ахпу.[XI-48] Они навлекают на себя подозрение и ненависть принцев Шибальбы, которые планируют их падение и с этой целью приглашают их к своему двору под предлогом игры с ними в мяч. По прибытии они подвергаются различным унижениям и в конце концов обречены лишиться голов. Голова Хунхун Ахпу помещена между засохшими ветвями тыквенного дерева; но вот! происходит чудо; дерево немедленно усыпается плодами, а головка превращается в тыквенную тыкву. Отныне дерево считается священным, и царь приказывает, чтобы никто к нему не прикасался. Квик, однако, королевская принцесса, похожая на Еву, игнорирует предписание и подходит, чтобы сорвать плод. Когда она протягивает руку, Хунхун Ахпу плюет ей в ладонь, и Квик обнаруживает, что беременна. Ее отец вскоре замечает ее состояние и в ярости приговаривает ее к смерти, приказывая палачам принести ему сердце его дочери, чтобы доказать, что они выполнили свой долг. Пока ее ведут в лес, Квик искренне умоляет сохранить ей жизнь и, в конце концов, уговаривает своих палачей обмануть ее отца, заменив ее сердце желеобразной смолой дерева, которую она добывает. Квик отправляется в Утатлан, к бабушке Шмукане, и рождает близнецов Хун Ахпу и Шбаланке,[XI-49] которые быстро развиваются; их выдающиеся таланты вскоре вызывают зависть у старших братьев, и они пытаются их уничтожить, но близнецы предвосхищают их замыслы и превращают их в обезьян. Эти братья Хун Бац и Хун Чоуен были сыновьями Хунхуна Ахпу от Шбакияло, и их называли покровителями изящных искусств[XI-50]. Брассер де Бурбур объясняет этот миф, говоря, что Хунхун Ахпу обозначает иммигрантов науа, которые своим превосходством завоевывают женщин страны, и чьи дети ведут успешную борьбу с аборигенной расой.

Продолжение состязания и триумф науа описаны в "Приключениях Хун Ахпу и Шбаланке". Крыса рассказывает им об их происхождении и о месте, где спрятаны принадлежности для игры в мяч их отца. Они играют в матч с принцами Шибальбы, которые бросили вызов их отцу, и добиваются успеха в этом, а также в нескольких возложенных на них титанических задачах, но, тем не менее, сгорают.[XI-51] Пепел, брошенный в воду, превращается в двух красивых молодых людей, а затем в людей-рыб, что, возможно, указывает на прибытие морем союзников, чтобы помочь им. Они снова появляются в Шибальбе, на этот раз как фокусники, и строят свои планы настолько искусно, чтобы свергнуть принца Вукуба Какиша с его приверженцами и получить апофеоз своего отца и его приверженцев в виде солнца, луны и звезд. Вукуб Какиш, олицетворяющий солнце, может быть воспринят как представитель более древнего солнцепоклонничества, замененного новым культом, введенным Хун Ахпу.[XI-52] Сожжение

этого героя согласуется с сожжением мексиканского нанахуацина, который благодаря этому действию превратился в солнце. На самом деле Брассер де Бурбур рассматривает все это в целом как версию мифа науа. С другой точки зрения, Хун Ахпу, чье имя, означающее "сарбакан-воздуходувка или воздушный стрелок", соответствует атрибуту бога воздуха, может рассматриваться как утренний ветер, разгоняющий облака и открывающий величие солнца.[\[XI-53\]](#)

В *Четверостишии* аббат по-другому смотрит на миф и видит в нем лишь версию конвульсий, происходящих на Антильских островах, Семи гротах мексиканского мифа, о которых я говорил в предыдущей главе. Хунхун Ахпу, Вукуб Хун Ахпу и два законных сына первого - вулканы, а их игры, смерть и трансформация, - землетрясения, вымирание и перевороты. Сожжение Хун Ахпу и Шбаланке и развеивание их пепла над водами - это окончательная катастрофа, затопление Атлантиды, или семи островов; и по мере того, как братья воскресают в облике прекрасных молодых людей, новые острова занимают место разрушенных. Подтверждение этого он находит в распространенной на островах традиции, в которой говорится о неких потрясениях, подобных описанным выше.[\[XI-54\]](#)

БОГИ КИЧЕ.

У киче было множество других богов и гениев, которые управляли стихиями и оказывали свое влияние на судьбы людей. Места, где они больше всего любили задерживаться, были темными тихими уголками, в нетронутой тишине грота, у подножия какого-нибудь крутого обрыва, в тени могучих деревьев, особенно там, где между их корнями пробивался ручей, и на вершинах гор; и сюда простой туземец приходил, чтобы излить свою печаль и принести свою жертву. В некоторых местах эта идея уединения была доведена до такой степени, что идолы хранились спрятанными в подземных часовнях, чтобы их никто не потревожил или люди не стали слишком хорошо знакомы с ними; однако другой причиной было предотвращение их кражи другими жителями деревни. У бога дороги были святилища, называемые *мума*, вдоль всех дорог, особенно на перекрестках, и проходящий мимо путник никогда не забывал растереть себе ноги пучком травы, на которую впоследствии с большим уважением плевал и клал ее на алтарь вместе с небольшим камнем, веря, что этот акт благочестия придаст ему новых сил. Он также оставил небольшую дань из своих запасов еды или товаров, которые остались гнить перед идолом, поскольку никто не осмеливался убрать их. Этот обычай также соблюдался в Никарагуа.

Домашних богов называли *чахалха*, "хранитель дома", и во время возведения здания им сжигали благовония и приносили жертвы; когда строительство было завершено, для их использования был освящен угол внутри. Похоже, их отождествляли с духами ушедших друзей, поскольку иногда под домом закапывали труп, чтобы обеспечить их присутствие.[\[XI-55\]](#)

Среди наиболее суеверных горцев древний культ в значительной степени сохранил свою власть над населением, несмотря на усилия падре. Шерцер рассказывает нам, что жители Иштаваджана почитали богов разума, здоровья, посева и других под именами Нодж, Аджмак, Канил и Ик, которые обычно воплощались в природных объектах, таких как горы или большие деревья. Они узнали Ормузда и Аримана в Кидже, боге света и принципа добра, которым противостоял Джуиуп, бог земли и принципа зла, который был представлен скалой высотой в

три фута и толщиной в один фут, предположительно представляющей собой искаженное человеческое лицо. Местные священники обычно брали гороскоп и назначали нагваля, или духа-хранителя, для своих детей, прежде чем падре разрешали их крестить. Говорят, что они приносили в жертву младенцев, разбрызгивая кровь своего сердца по камню перед идолом, и хоронили тела в лесу, чтобы их не обнаружили.[\[XI-56\]](#)

Шоле и манчи Вера-Паса, впечатленные дикими особенностями своей страны, почитали горы, и на одной из них, называемой Эскурручан, которая стояла на слиянии нескольких рукавов их главной реки, они поддерживали вечный огонь, в который прохожие подливали топливо и у которого приносились жертвы. В другом месте падре нашли грубый алтарь из камня и глины, окруженный оградой, где они жгли факелы из черного воска и смолистого дерева и приносили в жертву домашнюю птицу и кровь из их тел горам, перекресткам дорог и заводям в реке, откуда происходили все средства существования и все приращения.[\[XI-57\]](#)

ПОКЛОНЕНИЕ ЛОШАДИ.

Главным идолом ица был Хубо, который представлялся полой металлической фигурой с отверстием между плечами, через которое пропускали людей, призванных молить о милости богов. Затем под фигурой разожгли костер, и пока жертвы поджаривались заживо, их друзья присоединились к танцу вокруг него, заглушая крики жертв криками и грохотом барабанов. Женщинам не разрешалось участвовать в храмовых церемониях. На главном острове в озере Петен завоеватели обнаружили двадцать один каменный храм с каменными крышами, главный из которых представлял собой своего рода пирамиду из девяти ступеней. В нем был найден большой чалчиут, представляющий одного из двух их богов битвы, Пакока и Хунчунчана, которые давали предсказания и должны были присоединиться к людям в их танцах. Однако такая фамильярность, очевидно, вызывала презрение, поскольку рассказывают, что, когда предсказание оракула не сбылось, жрец без колебаний подвергал идола критике. В том же храме стояло гипсовое изображение в виде солнца, украшенное лучами, инкрустированное накармом и имеющее разинутый рот, полный человеческих зубов. Кости лошади, свисавшие со стропил, почитались как священные реликвии. Это были останки раненой лошади, оставленные Кортесом среди местных жителей по пути в Гондурас. Увидев, как испанцы стреляют из его спины, они поверили, что животное производит вспышку и выстрел, и поэтому поклонялись ему как Тзиминчаку, богу грома, и приносили ему цветы, мясо и благовония; но такие подношения не поддерживали жизнь, и вскоре кости прославленного скакуна были всем, что осталось от его почитателей. В другом месте была сделана из камня и извести имитация этой лошади, сидевшей на полу на задних лапах, которую туземцы точно так же обожали. Это поклонение животным допускалось с большей готовностью, поскольку предполагалось, что их боги принимают такие формы.[\[XI-58\]](#)

Их идолов было так много, говорят завоеватели, что потребовалось более сотни человек в день, чтобы уничтожить тех, что существовали только на главном острове; Коголлудо утверждает, что жрецы заботились обо всех идолах.[\[XI-59\]](#) Главный бог какчикелей, Чамалк, или Чималакан,[\[XI-60\]](#) имел многие атрибуты Тохилья, но принимал форму летучей мыши, символа королевского дома Зоциль. Каждый седьмой и тринадцатый день месяца жрецы клали перед ним окровавленные шипы, свежую белую смолу, кору и ветви сосны, а также ката, эмблему ночи, которые сжигались в его честь.[\[XI-61\]](#)

Чистейшая форма поклонения солнцу встречается у лакандонов, которые поклонялись светилу без вмешательства изображения и приносили ему жертвы по мексиканскому обычаю. Однако у них были храмы, стены которых были украшены иероглифами солнца и луны, а также фигурой, молящейся солнцу.[XI-62] Племя науа из племени пипилес также поклонялось солнцу, перед которым они простирались ниц, воскуривая благовония и бормоча заклинания. Кецалькоатль и богиня Ицквей были почтены жертвоприношением,[XI-63] которое обычно состояло из оленя. Об относительной важности Кецалькоатля и Ицквейя можно судить из заявления о том, что фестиваль, проводимый в честь первого, в определенных случаях длился пятнадцать дней, в то время как фестиваль в честь последнего длился всего пять дней. Главный центр поклонения находился в Миктлане, недалеко от озера Уикса, где сейчас находится деревня Санта-Мария-Мита, основанная, согласно традиции, стариком, который в сопровождении чрезвычайно красивой девушки вышел из озера, оба были одеты в длинные синие одежды, мужчина также носил митру. Он сел на камень на холме, в то время как девушка продолжила свой путь и исчезла, и здесь по его приказу был построен храм Миктлан, вокруг которого впоследствии возникли величественные дворцы; он также организовал управление этим местом.[XI-64]

ТРАДИЦИЯ ОБЩЕНИЯ.

Среди пережитков более древнего культа мы находим уроженцев Черкина в Гондурасе,[XI-65] почитающих и молящихся о здравии двум идолам, называемым соответственно Великим Отцом и Великой Матерью, что, вероятно, относится к Дедушке и Бабушке Киче. Слабое представление о Высшем Существо, говорит Торквемада, было примешано к поклонению солнцу и звездам, которым приносились жертвы. В их культурной традиции говорится о красивой белой женщине по имени Комизауал, или "летающая тигрица", известной колдунье, которая принесла цивилизацию в Черкин. Говорят, что она спустилась с небес и была перенесена невидимой рукой в город Алкоген, где построила дворец, украшенный чудовищными фигурами людей и животных, и поместила в главном храме камень, имеющий на каждой из трех сторон по три лица странного и отвратительного вида; с помощью этого камня она победила своих врагов. Она оставалась девственницей, но у нее родилось трое сыновей,[XI-66] между которыми она разделила королевство, когда состарилась. Приведя в порядок свои дела, она приказала своим слугам отнести ее на кровати в самую высокую часть дворца, откуда она внезапно исчезла среди грома и молний, несомненно, чтобы занять свое место среди богов; сразу же после этого была замечена прекрасная птица, которая взлетела вверх и исчезла. Народ воздвиг храм в ее честь, где священник произносил ее предсказания, и каждый год отмечал годовщину ее исчезновения большими празднествами. Паласио относится к камню, подобному тому, что имеет три грани, по имени Айселака, в Чезори, который раскрывал прошлое, настоящее и будущее, и перед которым люди приносили в жертву домашнюю птицу, кроликов и различные виды пищи, а лицо смазывали кровью, взятой из половых органов.[XI-67]

Религиозный пыл людей проявляется в том факте, что за какую бы работу они ни брались, они начинали с освящения ее молитвами и подношениями, а также с возжигания своих орудий труда, чтобы они могли повысить эффективность; так, прежде чем приступить к посеву, работники убивали индейку, кровью которой разбрызгивали по полю, и совершали другие церемонии.[XI-68] Простые в своем образе жизни, они не требовали от богов напрасной роскоши: их молитвы были о долгой жизни, здоровье, детях и предметах первой

необходимости. Первое они надеялись получить с помощью скарификации и епитимий; чтобы уберечься от болезней, они посылали священнику птицу, обычно перепела, для жертвоприношения. Когда на него действительно нападала болезнь, к исповеди прибегали как к мощному средству умилоствления, как это также имело место во всех важных случаях, чтобы получить божественные благословения и предотвратить непосредственную опасность. Старый хронист рассказывает, что когда группа путешественников встречала ягуара или пуму, каждый из них немедленно посвящал себя богам и громким голосом признавался в совершенных им грехах, умоляя о прощении. Если объект их ужаса все еще приближался к ним, они кричали: "Мы совершили еще столько же грехов, не убивайте нас!" и садились, говоря друг другу: "Один из нас совершил какое-то тяжкое деяние, и его убьет дикий зверь!"[XI-69]

ОСОБЫЕ ПОСТЫ.

В своих скарификациях те, у кого было взято больше всего крови, особенно из секретных органов, считались самыми набожными. Среди пипилей женщины участвовали в том, что брали кровь из ушей и языка, размазывали ее по хлопку и предлагали Кецалькоатлю, а затем Ицкуйе.[XI-70] В исключительных случаях, например, в случае общественного бедствия, жрецы и вожди держали совет, чтобы определить искупительную епитимью, которая должна быть наложена на людей, и вид жертвы, которая должна быть принесена; Ахги были призваны вычерчивать магические круги и фигуры и бросать зерна, чтобы определить время, когда это должно быть сделано. Почетная задача по сбору топлива для этого праздника легла на принца королевской крови, который объединил мальчиков округа в группы для заготовки дров. В такие времена одних усилий народа считалось недостаточно для умилоствления богов; требовалось освященное присутствие и могущественное влияние первосвященника, чтобы обеспечить отпущение грехов. Этот персонаж, будь то король или понтифик, подвергал себя очень суровому посту и епитимье в течение определенных двадцати или даже ста дней. Он удалился в беседку рядом со скрытым святилищем идолов и жил в полном уединении, питаясь зерном и фруктами, не прикасаясь к пище, приготовленной на огне, принося в жертву приношения, приносимые ему в течение дня, и проливая кровь. По окончании поста, сопровождавшегося разлучением мужа и жены, омовением, покраской в красный цвет и другими актами покаяния, зная всем скопом отправилась к убежищу идолов и, украсив их самым великолепным образом, провела процессией в город в сопровождении первосвященника и жертв. В тех местах, где идолы хранились в городских храмах, они маршировали с ними по городу. Различные обряды завершались играми в мяч, проводимыми под присмотром идолов, а также пиршествами и пирушками.[XI-71]

"Пополь Вух" приписывает введение человеческих жертвоприношений Тохилью, который потребовал это подношение от первых четырех мужчин в обмен на огонь, переданный киче, в то время как Лас Касас утверждает, что Шбаланке инициировал их. Он говорит, что их жертвенные ножи упали с небес, и поэтому их почитали как "руки Бога", а рукояти из золота или серебра были украшены бирюзой и изумрудами. Обычные жертвоприношения совершались несколько раз в месяц, и среди пипилей количество и качество были указаны в календаре и состояли в основном из внебрачных мальчиков в возрасте от шести до двенадцати лет. Их самые торжественные подношения совершались в начале и конце дождей, и на них присутствовали только знатные люди. Хуаррос утверждает, что человеческие жертвоприношения не приносились пипилами и что попытка касиков ввести их привела к восстанию; и, хотя это вряд ли применимо к более поздним временам, кажется, что раньше жертвоприношений было очень

мало. Однако говорят, что чакчикели воздержались от этого обряда. Кортес рассказывает, что в Акале жрецы отбирали самых красивых девушек, которых только можно было найти, и воспитывали в строгом целомудрии, чтобы в надлежащее время принести их в жертву богине этого места. У ица, которые, когда пленники терпели неудачу, брали в жертву самых жирных из своих молодых людей, было несколько способов жертвоприношения: запекание жертв заживо в металлическом изваянии; расправление их ножом на жертвенном камне, большой из которых был найден в Тайсале; сажание на кол с последующим извлечением сердца, как у Просперо; а в более ранние времена отстреливание, как это делали их предки с Юкатека. Согласно Коголлудо, при жертвоприношениях помогали три человека: *адкулель*, церемониймейстер, *адкайоми* девственница, которая, должно быть, была дочерью одного из них; но Виллагутьерре упоминает, что жертвенный камень в главном храме в Тайсале был окружен двенадцатью сиденьями для сопровождающих жрецов; и, безусловно, требовались помощники для удержания жертв. Похоже, что все эти жертвоприношения сопровождались каннибализмом: мясо варили и приправляли специями, а отборные куски оставляли для первосвященников и вождей.[XI-72]

СВЯЩЕННИКИ ГВАТЕМАЛЫ.

Каждое из многочисленных племен Гватемалы имело отдельную группу священников, которые с помощью своих оракулов оказывали решительное влияние на государство, а некоторые, например, киче, духовно управлялись независимыми понтификами. Первосвященники Тохила и Гукумаца, Ахау Ах Тохил и Ахау Ах Гукумац, принадлежали к королевскому дому Кавек и занимали четвертый и пятый ранг соответственно среди вельмож Империи; Ахау-Авиликс, первосвященник Авиликса, был членом семьи Нихаиб; Ахау Гагавиц происходил из дома Ахау Киче; а два первосвященника храма Кахба в Утатлане принадлежали к дому Закик, и каждому была выделена провинция для проживания. его поддержка. Священники Тохила дали обет вечного воздержания и сурового покаяния, им не разрешалось пробовать мясо или хлеб.[XI-73] Понтифик в Миктлане, в Сальвадоре, стоявший почти на одном уровне с королем, носил титул Теоти, "божественный"[XI-74] и отличался длинной синей мантией, диадемой и жезлом, похожим на епископский крест; в торжественных случаях он заменял диадему митрой из красивых перьев. За ним следовал церковный совет, состоящий из Теуаматлини, главы астрологов и ученых жрецов, который исполнял обязанности заместителя верховного жреца и руководил писаниями и гаданиями, и четырех других жрецов, *теопикски*, которые одевались в разные цвета. Они управляли остальным жречеством, состоящим из хранителей имущества, жертвователей, наблюдателей и обычных жрецов, называемых *теупами*, которые все были назначены первосвященниками из сыновей министров. Когда верховный жрец умер, тело забальзамировали и поместили в склеп под дворцом. После пятнадцатидневного траура, сопровождавшегося постами, король и Теуаматлини бросили жребий для выбора его преемника из числа четырех теопишки, причем вакансию в их рядах заполнял сын понтифика или один из их собственных сыновей. Избранный очищал себя для вступления в должность кровопусканием и другими обрядами, в то время как народ праздновал его восшествие на престол пиршеством и танцами. В Вера-Пас главный священник избирался народом в соответствии с заслугами представителя определенной семьи и занимал второе место после короля.[XI-75] В качестве примера длительного влияния, которым обладало духовенство на людей, Шерцер рассказывает, что несколько лет назад в Иштлаваджане было до шестидесяти

священников, прорицателей и знахарей, Ahgih, Ahqixb и Ahqahb, как их раньше называли, которые исполняли свои обязанности среди них. В Кобане, по словам Виллагутьерре, священник пользовался таким большим уважением, что человек, осмелившийся прикоснуться к нему, должен был немедленно упасть замертво.[XI-76]

БОГИ НИКАРАГУАНЦЕВ.

Влияние народа науа, заметное в языках и обычаях Никарагуа, еще сильнее проявляется в мифологии этой страны.[XI-77] Однако вместо того, чтобы уничтожить старые формы поклонения, как это, по-видимому, произошло в северной части Центральной Америки, оно кое-где обошло стороной многие из различных верований, которых придерживались разные племена, и смешалось с главным элементом системы, которая восходит к муйским в Южной Америке. Расследования, проведенные испанским монахом среди различных слоев населения в районе Награндо, доказывают, что Тамагостат[XI-78] и Чипаттонал, мужские и женские божества, населяющие регионы восходящего солнца, были высшими существами. Они создали все сущее, как звезды, так и смертных, и воссоздали то, что было разрушено потопом, в этой работе им помогали Экалшот по прозвищу Уэхуэ, "престарелый", и Чагат, "маленький". В Тамагостате Мюллер сразу узнает Фомагату, древнего бога солнца племени муйска, который после своего свержения новым солнечным божеством стал, в частности, богом огня этого народа, но сохранил большую часть своего первоначального значения в странах, куда распространилось его поклонение, например, в Никарагуа. Эта точка зрения подтверждается утверждением, что он обитал на небесах вверху, или, скорее, в области восхода солнца. Его супруга Чипаттональ, Мюллер, судя по их отношениям, считается луной; однако ее имя, по-видимому, происходит из мексиканского источника, вероятно, от *xipalli*, "темно-синий цвет", *itonalli*, "солнце",[XI-79], что может быть истолковано как относящееся к солнцу в его синей стихии или, как более слабое солнце, к луне. В любом случае связь между ними совершенно законна. Экалшот, который представлен как молодой человек, но носит прозвище "престарелый", по-видимому, совпадает с мексиканским Ehecatl, "ветер, воздух", элемент вечно молодой, но в то же время вечно старый, а Ciagat может означать "влага";[XI-80] оба вместе с солнцем образуют оплодотворяющие силы, которые творят.[XI-81] Овьедо дает имена этим божествам как Тамагостат или Тамагостада, Зипаттовал или Зипаттонал, Кальчитуэуэ и Чикозиагат,[XI-82] "отец". Далее он называет Чикинота и Гекату богами ветров, что, по-видимому, является просто другой версией Чикозиагата и Эхекатля.[XI-83]

Гватемальская троица вновь появляется в образах Омеятита и Омеятезигоата[XI-84]— легко узнаваемых в мексиканских ометекутли и Омециуатль — и их сына Руиаткота, бога дождя,[XI-85] который посылает гром, молнию и дождь. Предполагается также, что они живут там, где восходит солнце, несомненно, потому, что это кажется обителью блаженства, и как оплодотворяющие силы они считаются творцами, но не связаны с двумя вышеупомянутыми. Квиатеот был самым выдающимся, если не высшим членом троицы, поскольку двое других, представляющие гром и молнию, предшественников или родителей ливней, по-видимому, не призывались, когда требовался дождь, и не участвовали в жертвоприношениях мальчиков и девочек, приносимых в таких случаях.[XI-86]

БОГИНЯ ВУЛКАНА.

У никарагуанцев были и другие божества, управляющие стихиями, временами года и предметами первой необходимости. Таким образом, Макат и Тосте, также записываемые как Мазат и Теотост,[XI-87] олень и кролик, были богами охоты. Когда олень был убит, охотник клал голову в корзину в своем доме и рассматривал ее как изображение бога.[XI-88] Мишкоа был богом, к которому обращались торговцы и те, кто собирался совершить покупки; Какагуат был покровителем культуры какао; Микетантеот, бог айда, очевидно, был тем же самым, что и Миктлантекутли из Мексики; кроме того, были и другие, чьи имена были даны дням месяца. В Мартиари главное божество называлось Типотани. В самой Никарагуа поклонялись Томаотеоту, "великому богу", сын которого Теотбильче был ниспослан человечеству. Это похоже на еще один миф о Христе, особенно когда мы читаем о сопровождающих ангелах, у которых были крылья и которые летали по небесам. Имена двух главных ангелов были Тараакзчати и Тамаказтобал.[XI-89] Диранцы особенно почитали богиню вулкана Масайю; в честь нее они клали еду на край кратера, в который бросали людей, особенно когда она проявляла свой гнев землетрясениями. В таких случаях вожди и жрецы, которым единственным было позволено заглядывать в бурлящую бездну, поднимались на вершину и взывали к гению, который выходил из огненного озера в образе старухи и наставлял их, что делать. Ее описывают как обнаженную темнокожую ведьму с отвисшей грудью, редкими волосами, длинными острыми зубами и запавшими сверкающими глазными яблоками. Боги были наделены всеми особенностями человечества, созданы из плоти и крови и питались пищей, предоставленной человеку, помимо крови и благовоний. Они также появлялись на земле в одежде туземцев, но после смерти касика Шостовала эти визиты прекратились.[XI-90] Они олицетворялись идолами из камня, глины или дерева, называемыми *теобат*,[XI-91], чьи формы передали их предки; им приносили пищу и другие приношения, которые прислуживавшие там мальчики вносили у дверей храма, ибо никому, кроме посвященных, не разрешалось входить в святилище.[XI-92] Чтобы поощрить благочестие, побудившее к этим жертвоприношениям, священники никогда не упускали случая напомнить людям о наказании, постигшем жителей древней столицы Награндо, которые, предавшись погоне за удовольствиями и пренебрегши богами, были однажды ночью поглощены, и от их города не осталось и следа.[XI-93] Самым приемлемым подношением была, конечно, человеческая кровь. В определенное время любимого идола насаживали на копье и водружали на открытом месте среди великолепно разукрашенных слуг, держащих знамена и цветы. Здесь жрецы резали себе языки и другие части тела, смазывая лицо идола вытекшей кровью, в то время как набожные приближались, чтобы прошептать свои желания на ухо идолу. Эти церемонии сопровождались песнями, танцами и играми.

Перед каждым храмом была коническая или пирамидальная насыпь из самана, называемая *тескуит*, или *тезарит*, на которую вела внутренняя лестница.[XI-94] С его вершины, на которой могло поместиться около десяти человек, священник объявлял природу приближающегося праздника и вид жертвы, которая должна быть принесена, и здесь, на каменном блоке, жертвам, как правило, пленникам и рабам, вырезали сердца, после чего их обезглавливали, тело расчленили и готовили для грандиозных пиршеств, в то время как голову, если она принадлежала пленнику, вешали на дереве недалеко от храма, особое дерево было зарезервировано для каждого племени, у которого были захвачены жертвы. Самыми ценными жертвами были маленькие мальчики и девочки, которых вожди воспитывали для этой цели и к которым относились с большой заботой и уважением, куда бы они ни пошли, поскольку предполагалось, что после смерти они станут обожествленными и будут оказывать большое влияние на жизненные дела. Женщин, которые считались недостойными выполнять какие-либо

обязанности, связанные с храмами, приносили в жертву за пределами храмовой территории больших святилищ, и даже их мясо было нечистой пищей для первосвященника, который, соответственно, ел только мясо мужчин.[XI-95]

Посты и обряды крещения, столь известные до сих пор, по-видимому, не практиковались в Никарагуа. Однако совершалось своего рода таинство с помощью кукурузы, окропленной кровью, взятой из половых органов, и исповедь была признанным институтом. Исповедник избирался из числа самых пожилых и уважаемых горожан; калebas, подвешенный к горлышку, был знаком его должности. От него требовалось быть человеком непорочной жизни, неженатым и не связанным с храмом. Те, кто желал исповедаться, приходили к нему домой и там, смиренно стоя перед ним, облегчали свою совесть. Исповеднику было запрещено разглашать любую тайну, доверенную ему в его официальном качестве, под страхом наказания. Наложенная им епитимья, как правило, представляла собой какой-либо труд, который должен был выполняться на благо храма. Мальчики не признавались, но, похоже, приберегали признание в своих грешках для более зрелого возраста.[XI-96]

СВЯЩЕННИКИ НИКАРАГУА.

Должность первосвященника занимали касики, каждый из которых, в свою очередь, покидал дом и занятие и удалялся в главный храм, где оставался в течение года, занимаясь религиозными делами и молясь за народ. По истечении срока он получил почетное отличие в виде перфорации носа. Подчиненные обязанности выполняли мальчики. В низшие храмы другие классы поступали на годичную епитимью, живя, подобно настоятелю, в строгом уединении, за исключением, возможно, праздников, не видя никого, кроме мальчиков, которые приносили еду из их домов. Обычных жрецов звали *тамагаст*[XI-97] и они жили за счет приношений идолам и, возможно, за счет собственных усилий, поскольку храмы не имели фиксированных доходов.[XI-98] У них были колдуны, *тексокс*, которые иногда вызывали смерть детей простым взглядом на них и которые могли принимать облик животных, по этим причинам люди их очень боялись. Чтобы укрепить эту веру, они иногда переодевались в звериные шкуры.[XI-99] В Гондурасе идея Высшего Существа и Творца была связана с поклонением солнцу, луне и звездам, которым люди приносили жертвы.[XI-100] Недалеко от Трухильо были три главных храма[XI-101] в одном из которых был чалкиUIT в виде женщины, которому молились люди и который отвечал им через священников. Готовясь к какому-либо важному начинанию, петухи, собаки или даже люди приносились в жертву, чтобы заручиться благосклонностью богов. В каждом из святилищ председательствовал *папа*, или верховный жрец, которому было доверено воспитание сыновей знати. Это были неженатые мужчины, отличавшиеся длинными волосами, доходившими до пояса, хотя в некоторых местах они заплетали их вокруг головы в косы. Их святость и превосходные знания давали им большое влияние, и к ним обращались за советом по всем важным вопросам высокопоставленные люди, ибо никто другой не осмеливался обратиться к ним. Были также колдуны, которые могли принимать формы животных, в которых они пожирали людей и распространяли болезни.[XI-102]

ПАНТЕОН КОМАРОВ.

Среди варваров Москито-Кост мы, конечно, находим верования гораздо более низкого порядка, которые напоминают упырей и призраков калифорнийской мифологии. Туземцы признавали добрый дух или принцип, которому они не давали определенного названия[XI-103] и не оказывали никакого почтения, поскольку, по их словам, не было необходимости молиться тому,

кто всегда творил добро; что касается благодарности ему за полученные милости, то такая идея, по-видимому, никогда им в голову не приходила. На самом деле у них не было ни храмов, ни идолов, и единственными церемониями, носившими религиозный характер, были заклинания их *сукиас*, или колдуний, которые постоянно были заняты разрушением чар злых духов, которыми народное воображение, возбужденное жуткими историями, рассказываемыми у лагерного костра, наполнило каждое темное и унылое место, каждый ручей и горную вершину. Эти гномы были известны под именем Вулаша, [\[XI-104\]](#) и, как предполагалось, выходили из своих укрытий, особенно ночью, чтобы творить всевозможные злодеяния; они были особенно склонны похищать одиноких странников; поэтому, говорят хронисты, было почти невозможно заставить туземца выйти одного после наступления темноты.

Считалось, что среди подлеска и поваленных деревьев у истоков рек обитают большие змеи. Этим чудовищам помогало непреодолимое восходящее течение и сильный ветер, который уносил неосторожного лодочника в пределы досягаемости красных челюстей и слизистых складок. Патук, среди других рек, имел такую дурную репутацию, и белый человек, который, несмотря на предупреждения туземцев, начал исследовать его тайны, вернулся через несколько дней с рассказом о том, что его продвижению препятствовал большой белый петух. Лива [\[XI-105\]](#) так звали водного духа, который затягивал купальщика в лужи и водовороты и насылал разрушительные смерчи и ураганы. Вихвин, дух, имеющий облик лошади, [\[XI-106\]](#) с огромными зубами, способными пожирать человеческую добычу, летом обитал в холмах, но зимой удалился к морю, откуда он первоначально вышел. В горных пещерах, охраняемых свирепыми белыми кабанами, жило божество-покровитель *варри*, диких свиней этой страны, детского облика, но огромной силы, которое руководило передвижениями стад. Кроме того, существовали некоторые ядовитые ящерицы, которые, укусив человека, немедленно бежали к ближайшему водоему: если раненый делал то же самое и добирался до воды первым, он был спасен, а ящерица погибала; в противном случае человек был обречен. [\[XI-107\]](#) Сукии, которых призывали изгонять этих злобных существ при каждой болезни или несчастье, как правило, были старыми ведьмами, которые, как предполагалось, заключили договор со злым, от имени которого они требовали половину своего гонорара, прежде чем начать свои чары. Карибы регулярно проводили собрания или фестивали, чтобы умилостивить этих духов, а вулвы, у которых, по-видимому, было много общих с никарагуанцами религиозных форм, устраивали "танцы с богами". [\[XI-108\]](#)

БОГИ ИСТМИЙЦЕВ.

У жителей Истмийского полуострова появилось несколько форм богослужения, которые в окрестностях Панамы напоминают систему, распространенную в Хайти и на Кубе, говорит Гомара. [\[XI-109\]](#) Небесным телам, по-видимому, очень широко поклонялись, особенно в северной части Перешейка, где считалось, что все хорошее исходит от солнца и луны, которые считались мужем и женой; но никаких сведений о храмах или формах поклонения не приводится, за исключением того, что молитвы были обращены к солнцу. [\[XI-110\]](#)

Самым выдающимся персонажем истмийского пантеона была Дабайба, богиня, которая управляла громом и молнией и с их помощью опустошала земли тех, кто вызывал ее недовольство. В Южной Америке гром и молния считались инструментами, которыеиспользовало солнце для наказания своих врагов, что делает вероятным, что Дабайба была трансформированной богиней солнца. Паломники издалека приходили в ее храм в Урабе,

принося дорогие подарки и человеческие жертвы, которых сначала убивали, а затем сжигали, чтобы нежные ноздри богини почувствовали приятный запах жарящегося мяса. Некоторые описывают ее как туземную принцессу, правление которой было отмечено великой мудростью и множеством чудес, и которая была прославлена после смерти. Ее также почитали как мать Творца, создательницу солнца, луны и всего невидимого, а также ниспослательницу благословений, которая, по-видимому, выступала посредником между людьми и его матерью, поскольку их молитвы о дожде были обращены к нему, хотя она описывается как управляющая ливнями, и однажды, когда ее поклонением пренебрегли, она вызвала сильную засуху в стране.

Когда нужды народа были очень острыми, вожди и священники оставались в храме, постясь и молясь с воздетыми руками; люди тем временем соблюдали четырехдневный пост, растирая свои тела и умывая лица, которые в другое время были покрыты краской. Этот пост был настолько строгим, что до четвертого дня нельзя было прикасаться ни к мясу, ни к напиткам, а потом только к супу, приготовленному из кукурузной муки. Сами священники поклялись в вечном целомудрии и воздержании, а тех, кто сбивался с пути истинного в этих вопросах, сжигали или забивали камнями до смерти. Их храмы были окружены стенами и содержались в скрупулезной чистоте; золотые трубы и колокола с костяными колотушками созывали людей на богослужение.[XI-111]

В провинции Покороса было признано существование бога дождя по имени Чипирипе, который обитал на небесах, откуда управлял движением небесных тел ; с ним жила красивая женщина с одним ребенком. Больше ничего не было известно об этой божественной семье. Это незнание божества еще больше проявлялось в отсутствии какой-либо формы поклонения; однако моральные законы были четко определены, так что прелюбодеяние и даже ложь считались греховными.[XI-112] Лас Касас утверждает, что Чикуне, "начало всего", живший на небесах, был единственным существом, к которому жители Дариена обращали свои призывы и жертвоприношения, хотя определенная секта или племя среди них поклонялись воде. В другой главе он заявляет, что у жителей Истма было мало религии или ее вообще не было, поскольку у них не было храмов и почти не было богов или идолов.[XI-113] Согласно Питеру Мученику, в Комагре поклонялись забальзамированным и украшенным драгоценностями телам предков, а в Верагуа золоту придавали божественные качества, так что его сбор сопровождался постом и покаянием.[XI-114] Туира, которого испанские писатели объявили самим дьяволом, был широко известным существом, которое общалось со своими слугами, *текина*, "хозяевами",[XI-115] в хижинах без крыш, предназначенных для этой цели. Сюда текинцы приходили ночью и говорили разными голосами, чтобы вызвать веру в то, что духи действительно отвечают на их вопросы; результат беседы был сообщен их покровителям. Временами дьявол появлялся в облике красивого мальчика без рук[XI-116] и с трехпалыми ногами, и сопровождал колдунов в их экспедициях, чтобы творить зло, и снабжал их защитной мазью. Среди злых деяний, вменяемых этим колдунам, было сосание пупка спящих людей до тех пор, пока они не умирали.[XI-117] Эти люди, естественно, заботились о развитии идей, которые имели тенденцию поддерживать или усиливать их влияние, и распространяли, кроме того, самые экстравагантные истории о сверхъестественных событиях и существах. Однажды страшный ураган, дувший с востока, опустошил страну и принес с собой двух птиц с девичьими лицами, одна из которых была такого размера, что хватала людей и уносила их в свое горное гнездо. Ни одно дерево не могло удержать ее, и там, где она садилась на камни, остались отпечатки ее когтей. Другая птица была меньше и предположительно была потомком первой. Испробовав несколько способов убить этих гарпий-людоедов, они наткнулись на приспособление для закрепления большой балки в

земле, недалеко от того места, где они обычно садились, оставляя открытым только один конец, на котором было вырезано изображение человека. С рассветом более крупная птица спикировала на приманку и так крепко вонзила свои когти в балку, что не могла их вытащить, и таким образом люди смогли убить ее. [\[XI-118\]](#)

Знание того, что человеческий разум, каким бы низким ни было его состояние, может быть способен на такие ребяческие концепции, должно вызывать у мыслящего человека чувство унижения; и хорошо, если бы это было для него, он мог бы утешать себя верой в то, что такие унижительные суеверия присущи человечеству по крайней мере на его первых и низших стадиях; но этого он не может сделать. Это правда, что вера цивилизованных ацтеков была намного выше и благороднее, чем вера нецивилизованных карибов, но может ли тот, кто читал свидетельства, на основании которых самые ученые судьи самых ученых судов современной Европы приговаривали пожилых женщин и молодых девушек к посещению шабашей ведьм на метлах, отрицать, что самые грубые суеверия и высочайшая цивилизация до сих пор шли рука об руку.

ФАЛЛИЧЕСКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ.

Прежде чем покинуть этот раздел, неплохо было бы сказать несколько слов о существовании фаллического культа в Америке.

Одной из первых проблем первобытного человека было созидание. Если аналогии приводят его к пониманию этого как связанного с рождением и совместного результата какой-то неизвестной мужской и женской энергии, тогда символизация этой силы может принять грубую форму фаллического поклонения. Таким образом, у самых ранних народов, о которых мы располагаем какими-либо знаниями, животворящий принцип природы всегда символизировался человеческими органами зарождения. Лингам в Индии, Фаллос в Греции, Приап в Риме, Ваал-Пеор в еврейских источниках и Пеор-Апис в Египте - все они имеют явно одно и то же значение. В большинстве мифологий солнце, принцип огня, луна и земля были связаны с этой верой; солнце и луна как небесные эмблемы воспроизводящих и производительных сил природы, огонь и земля как земные эмблемы. Это были Отец и Мать, и их наиболее очевидными символами, как уже говорилось, были фаллос и изделия из него, или скау и йони Индостана.

Нет необходимости множить цитаты, касающиеся основной, хотя и часто завуалированной идеи Единого, лежащей в основе политеистических систем. Трудность для человеческого разума рассматривать что-либо не в человеческом аспекте и наше естественное увлечение аналогиями приводят, однако, во многих случаях к рассмотрению определенных аспектов этого божества как двойственности или совместной сущности мужского и женского начал. Возьмем краткое изложение древней мифологии ученого Кори: "Она признает в качестве первичных элементов всех вещей два независимых принципа природы мужского и женского; и они в мистическом союзе, как душа и тело, составляют Великое Божество-гермафродита, Единого, саму вселенную, все еще состоящую из двух отдельных элементов своего состава, измененных, хотя и объединенных в одном индивидууме.... Если мы исследуем пантеоны древних народов, мы обнаружим, что все они, несмотря на разнообразие имен, признавали одних и тех же божеств и одну и ту же систему Богословия; и каким бы скромным ни казалось любое из божеств, каждое, имеющее какие-либо претензии на древность, будет в конечном счете, если

не немедленно, сведено к тому или иному из Первобытных Принципов, Великому Богу и Богине язычников".[XI-119]

ОБОСНОВАНИЕ ФАЛЛИЧЕСКОГО ПОКЛОНЕНИЯ.

Нравственному идеалу нынешнего века, идеалу, вытекающему из приобретенной привычки, а не из природы, фаллическое поклонение, несомненно, покажется в высшей степени отталкивающим и неделикатным. Тем не менее, это была самая естественная форма поклонения, которую мог принять первобытный человек; для него этот символ не имел нечистого значения и не ассоциировался ни с одним из отвратительных излишеств, посредством которых, по мере того как он становился более искушенным, он превращал свое почитание Природы в поклонение Похоти.

Что может быть естественнее, чем то, что он символизирует оплодотворяющий принцип, творческую силу, посредством непосредственной причины размножения, или, как он, несомненно, понимал, творения, фаллоса. Он не признавал никакой нечистоты или распущенности в умеренном и регулярном удовлетворении какого-либо естественного аппетита; ему также не казалось, что органы одного вида наслаждения, естественно, должны рассматриваться как предметы большего стыда и сокрытия, чем органы другого. Как замечает Пейн Найт о древних народах старого света: "Следовательно, в эпоху, когда не существовало предрассудков искусственной порядочности, какой более справедливый и естественный образ могли они найти, чтобы выразить свое представление о благотворной силе великого Создателя, чем тот орган, который наделил их способностью к деторождению и сделал их причастниками не только счастья Божества, но и его великого характерного атрибута, умножения его собственного образа, передачи его благословений и распространения их на еще нерожденные поколения". Ничто естественное не было для них оскорбительно непристойным. Когда египетские матроны прикасались к фаллосу, они делали это с чистым желанием получить потомство. Золотой лингам на шее индусских жен не был для них предметом стыда.

РЕЛИКВИИ ФАЛЛИЧЕСКОГО КУЛЬТА.

В том, что поклонение взаимным принципам природы было признано и практиковалось в Америке, у меня нет никаких сомнений. Почти повсеместное распространение культа солнца, который, как я уже намекал, тесно связан с фаллическими обрядами, само по себе далеко доказывает это, но рассказ о некоторых материальных реликвиях и хорошо известных обычаях является еще более убедительным доказательством.

На Юкатане, по словам Стивенса, "орнаменты на внешних карнизах нескольких крупных зданий на самом деле состояли из *соединительной мембраны в коиту*, слишком простой скульптуры, чтобы ее можно было неправильно понять. И, хотя этого было недостаточно, еще больше было найдено в отдельных и разрозненных изображениях *membrum virile*, настолько точных, что даже индейцы узнали объект и привлекли внимание мистера Катервуда к оригиналам некоторых его рисунков, которые еще не опубликованы".

Скульптурные столбы, которые можно увидеть в Копане и других руинах Центральной Америки, которые, как считается, связаны с поклонением солнцу, очень похожи на скульптурные столбы-фаллосы Востока.[XI-120] Мистер Сквайер придерживается мнения, что их можно

рассматривать как таковые, и аббат Брассер придерживается той же точки зрения, превращая простой цилиндрический столб, встречающийся во многих местах, в изображение вулкана, богини любви, и откуда он исходит, в символ новой жизни. На другой странице он называет фаллос Полумесяцем, землю, откуда произошли науа, а континент Америка - телом.[XI-121] Некоторые колонны выглядят без украшений, как *пикот* в Ушмале, круглый камень неправильной формы, который стоял перед одной из руин, но поклоняющиеся Приапу в Теспи и других местах в ранние времена довольствовались грубым камнем для изображения. Согласно Гаме, в Мексике главный бог весны, Ксопанкалехуэй Тлаллок, часто изображался без человеческого тела, имея вместо него пилястру или квадратную колонну на пьедестале, покрытом различными скульптурными узорами.[XI-122] В Пануко изображения половых органов хранились в храмах в качестве объектов поклонения, а статуи, изображающие мужчин и женщин, совершающих половой акт в различных позах, стояли во дворах храмов.[XI-123] Недалеко от Лагуна-де-Терминос, на побережье Юкатана, Грихальва нашел изображения людей, совершающих неопишуемые зверства, в то время как рядом лежали тела жертв, недавно принесенных в их честь.[XI-124] В Тлашкале публично поклонялись объединенным символам половых органов, а в месяц Кечолли проводился грандиозный фестиваль в честь Шочикецаль, Шочитекатль и Тлазолтеотль, богинь чувственных наслаждений, когда проституткам и молодым людям, пристрастившимся к содомии, разрешалось совершать обряды на общественных улицах.[XI-125] На острове Сапатеро, вокруг озера Никарагуа, и в Коста-Рике было найдено несколько идолов, из которых непропорционально большой *membrum generationis virile in erectione* был наиболее заметной особенностью. Паласио рассказывает, что в Сезори, в Гондурасе, местные жители приносили кровь, взятую из органов зачатия, и обрезанных мальчиков перед идолом по имени Айселака, который представлял собой просто круглый камень,[XI-126] с двумя лицами и множеством глаз, и предполагалось, что он знает все: прошлое, настоящее и будущее.[XI-127] Частое появление креста, который служил в столь многих и столь отдаленных друг от друга частях земли символом животворящего, созидательного и оплодотворяющего начала в природе, является, пожалуй, одним из самых поразительных свидетельств прежнего признания американцами взаимных принципов природы; особенно если вспомнить, что мексиканское название эмблемы, тонакакуауитль, означает "древо единой жизни, или плоти".[XI-128] О двух терракотовых реликвиях, найденных в Окоцинго, в Мексике. штат Чьяпас, несомненно, привлеч бы внимание любого, кто исследовал предмет фаллического культа или видел фаллические амулеты и украшения старого света.[XI-129] В музее в Мексике есть два небольших изображения, которые, очевидно, использовались в качестве украшений. Каждый из них представляет собой человеческую фигуру в согнутой позе, сжимающую обеими руками огромный фаллос. Полковник Бранц Майер любезно показал мне рисунки, сделанные им самим. Один из этих рисунков воспроизведен в другом томе этого труда.

ФАЛЛИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ.

Пипилы воздерживались от общения со своими женами в течение четырех дней перед посевом, чтобы в полной мере предаться супружескому акту накануне этого дня, очевидно, с целью инициировать или призвать оплодотворяющие силы природы. Говорят даже, что определенные люди были назначены для совершения полового акта в момент посева первого семени. В суровые холодные ночи гиперборейской зимы алеуты, как мужчины, так и женщины, брались за руки на открытом воздухе и совершенно обнаженными кружились вокруг определенных идолов,

освещаемых только бледной луной. Предполагалось, что дух должен был освятить танец своим присутствием. В этой церемонии, конечно, не могло быть никакого элемента распущенности, поскольку, отбросив дискомфорт от танца голышом при нулевом показателе термометра, мы читаем, что танцорам завязывали глаза и что приличия строго соблюдались. В Никарагуа кукуруза, окропленная кровью, взятой из гениталий, считалась священной пищей.[XI-130] Обычай брать кровь из этой части тела соблюдался как религиозный обряд почти каждым племенем от Мексики до Панамы, хотя это, конечно, , не доказывает, что во всех случаях это было связано с фаллическим культом. Сквайр рассматривает обрезание как фаллический ритуал, но нет достаточных свидетельств в поддержку этой точки зрения. Тецкатлипока, главный бог науа, которого часто отождествляли с солнцем, почитался как бог любви, согласно Ботурини, который добавляет, что науа лотарио устраивали беспорядочные празднества в его честь, чтобы побудить его одобрить их замыслы.[XI-131] Оргии, характеризующиеся крайней распущенностью, встречаются в разных местах вдоль побережья, например, среди нутка, жителей Верхней и Нижней Калифорнии, в Синалоа, Никарагуа, и особенно на Юкатане, где каждое празднество заканчивалось развратом. Во время определенного ежегодного фестиваля, проводимого в Никарагуа, женщины любого положения могли отдаться в объятия того, кого им заблагорассудится, не навлекая на себя никакого позора.[XI-132]

Праздник мексиканского месяца Сокотлхуэцин, "осень, или созревание плода", является для меня наиболее ярким свидетельством прежнего существования фаллического культа или, по крайней мере, признания оплодотворяющего принципа в природе. Я, однако, оставляю читателя делать свои собственные выводы. Этот праздник "созревания плодов" был посвящен Сухтекутли, богу огня и, следовательно, плодородия. Главным украшением праздника было высокое, прямое дерево, с которого сняли все ветви, кроме тех, что были ближе к вершине, и установили во дворе храма. В нескольких футах от его вершины был укреплен крест длиной в ярд тридцать футов; таким образом, получился идеальный крест. Поверх всего этого было прикреплено изображение бога огня в причудливом одеянии из теста. После того, как божеству того времени были принесены ужасные жертвы, люди собрались вокруг шеста, и юноша вскарабкался на статую, которую они разломали на куски и разбросали по земле.[XI-133] Множество подобных аналогий можно обнаружить в обрядах и обычаях этого народа, и я почти неохотно воздерживаюсь от полного изложения своих взглядов. Однако я поставил перед собой цель оперировать фактами и оставить домыслы другим. Тем, кто желает тщательно исследовать этот интереснейший предмет, нет ничего лучше, чем изучить ученый и исчерпывающий трактат мистера Сквайра о Символе Змеи.

ГЛАВА XII. БУДУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ.

Представления аборигенов о будущем —Общие представления о душе—Будущее состояние алеутов, чепевянцев, аборигенов пролива Милбэнк и оканоганцев—Счастливая земля салишей и чинуков—Представления о рае и аде нез персе, плоскоголовых и хайда—Царства Куаутиат и чайхер—Верования сонгиев, клалламовцев и Пенд д'Орейлей—Будущее состояние племен Калифорнии и Невады, команчей, пуэбло, навахо , Апачи, моки, марикопы, юма и другие—Дом Солнца мексиканцев—Тлалокан и Миктлан—Состояние мертвых—Путешествие мертвых—Будущее тлашкальтеков и других народов.

Надежда или, по крайней мере, ожидание бессмертия распространена среди людей повсеместно. Разум инстинктивно уклоняется от мысли о полном уничтожении и всегда цепляется за надежду на будущее, которое будет лучше настоящего. Но поскольку идеал высшего счастья человека зависит от его культуры, вкусов и условий в этой жизни, мы обнаруживаем у разных людей совершенно разные представления о будущем. Интеллектуальный грек предвкушал менее грубые и более разнообразные удовольствия на своих Елисейских полях, чем чувственный мусульманин, чей рай был всего лишь местом, где ясноглазые гурии могли удовлетворить любую его потребность, или свирепый викинг, чья Валгалла была сценой постоянного обжорства и борьбы, попеременного разделывания на куски и распития медовухи.

ИДЕИ НА БУДУЩЕЕ.

Некоторые предполагали, что идея будущего наказания и награды была неизвестна американцам. [XII-1] Это, безусловно, ошибка, поскольку у некоторых племен Тихоокеанского побережья были очень определенные представления о будущем возмездии, и почти все, предполагая, что способ смерти повлиял на будущее состояние умершего, подразумевали, по крайней мере, веру в будущую награду. Считалось, что и раб, принесенный в жертву на могиле своего хозяина, заслужил своей преданностью, какой бы вынужденной она ни была, пропуск в царство вечной радости; если бы не было менее блаженного борна, эта предполагаемая награда за верность была бы явно излишней.

Будущая жизнь этих людей была резко очерчена и носила земной характер. В своих наиболее распространенных формах это была просто земная жизнь, более или менее свободная от смертных недугов. Душа была подвержена тем же потребностям, что и тело, и должна была удовлетворяться теми же средствами. На самом деле, языческое представление о небесах было гораздо более четко определено, чем христианское, и первые, должно быть, ожидали переселения туда с гораздо меньшим удивлением и тревогой, чем вторые.

На мексиканских небесах были разные степени счастья, и каждому было назначено свое место в соответствии с его рангом и заслугами в этой жизни. Высокородный воин, славно павший в битве, не встречался на равных с простолюдином низкого происхождения, умершим в своей постели. Даже в Доме Солнца, самом блаженном обиталище храбрецов, нельзя было полностью отказаться от обычных жизненных занятий, и после пения и танцев мужчина снова взялся за лук, а женщина - за веретено. Нижние небеса обладали меньшей степенью великолепия и счастья до тех пор, пока не стали обителью огромной массы тех, кто прожил безвестную жизнь и умер естественной смертью. Они занимались своими делами в сумерках или проводили время в мечтательном состоянии, или в состоянии оцепенения. Поскольку рабов часто приносили в жертву над могилой их хозяина, чтобы они могли служить в загробном мире, мы должны предположить, что там сохранялись различия в ранге. Тлашкальтеки предполагали, что простые люди после смерти превращаются в жуков и отвратительные предметы, в то время как более благородные становятся звездами и прекрасными птицами. Но на это состояние также повлияли поступки и поведение друзей покойного.

Сэр Джон Лаббок [XII-2] не верит, как Уилсон и другие археологи, что захоронение орудий труда вместе с умершими происходило из-за какой-либо веры в то, что они пригодятся умершему в будущем; но исключительно как дань привязанности, вспышка того духа жертвенности, который так заметен у всех, от самых диких до самых цивилизованных, в присутствии

утраченного братства, дружбы или любви. Во-первых, снаряжение в подавляющем большинстве случаев совершенно непригодно и неадекватно, рассматриваемое с любой рациональной точки зрения полезности; оно не такое, какое досталось бы погибшему воину, если бы каким-либо образом он был снова возвращен на землю к своим друзьям. Во-вторых, было и остается обычным делом так искусно уродовать преданное оружие и утварь, что превращать их в простое издевательство, если они предназначены для будущего использования умершими. Легко отнести это явление к той же категории, что и оставление или разрушение дома умершего, отказ упоминать его имя и все другие грубые ухищрения, с помощью которых память об их горе может быть похоронена с глаз долой.

Однако этот вопрос можно рассматривать в другом свете, если учесть, что эти индейцы иногда приписывают духов даже неодушевленным предметам, и когда жена или рабыня убиты, их духи встречаются с вождем в стране будущего. Разве они также не ломают лук и копье, чтобы призрачное оружие могло подняться над руками своего бывшего владельца, не оставляя его беззащитным среди ужасных теней? Нанесение увечий предметам, возможно, можно рассматривать как символическое умерщвление, чтобы освободить душу предмета; недостаточность запасов может указывать на то, что они должны были использоваться только во время путешествия или подготовительного состояния, более совершенные предметы были даны душе или приготовлены ею при входе в собственно рай.

Рабы, приносимые в жертву на могиле ацтеками и тарасками, были отобраны из представителей различных профессий и забирали с собой самые ценные вещи хозяина и орудия своего ремесла, которыми можно было удовлетворить его потребности. Были выданы паспорта для разных пунктов на дороге и собака в качестве проводника. Таким образом, показано, что души животных попали на небеса вместе с человеком, и это также подразумевается верой в то, что люди были там преобразованы в птиц и насекомых и что они последовали за погоней. Другим примером, который, по-видимому, указывает на то, что души этих земных объектов использовались только во время подготовительного состояния, был ежегодный праздник, устраиваемый в честь умерших душ в период, когда длилось это состояние. После этого они были преданы забвению. У мизтеков был обычай приглашать духов войти и отведать угощение, приготовленное для них, и эта пища, эссенцию которой съели невидимые посетители, считалась священной.[XII-3]

ДОРОГА В РАЙ.

Дорога в рай представлялась полной опасностей — вероятно, эту идею им подсказала ужасная тайна смерти. В идее этого опасного путешествия, этой дороги, окруженной множеством опасностей — штормами, чудовищами, глубокими водами и водоворотами, — мы можем проследить веру в грядущее возмездие, ибо, хотя большинству путешественников удастся достичь места назначения, лишь подвергнувшись более или менее жестокому обращению по пути, все же многие одинокие, плохо обеспеченные странники оказываются подавленными и не могут этого сделать. В исключительных случаях опасностей этой долины смертной тени удастся избежать благодаря вмешательству дружелюбного божества, которое, подобно Гермесу, уносит усталую душу прямо к ее покою. У мексиканцев Теояомике, супруга бога войны, совершала это доброе дело для павшего воина.

Учитывая альтернативу этого не очень привлекательного будущего, стоявшую перед ними, естественно, что теория метемпсихоза нашла широкое и готовое признание, ибо у этих людей

это не означало очищения от греха, как у брахманов; это было просто возвращение души в мир, чтобы снова жить старой жизнью, хотя временами в другой и высшей сфере. Таким образом, человеческий облик принимался чаще, чем животный. Душа обычно входила в тело родственницы женского пола, чтобы сформировать душу нерожденного младенца; сходство ребенка с умершим другом в чертах лица придавало большой вес этому поверью. Это возрождение не ограничивалось отдельными людьми; нутки, например, объясняли существование далекого племени, говорящего на том же языке, что и они, объявляя их воплощенными духами своих умерших. Сохранение костей умерших, по-видимому, в некоторых случаях связано с верой в воскресение тела. Мнение, лежащее в основе различных обычаев сохранения останков, говорит Бринтон, "заключалось в том, что часть души или одна из душ обитала в костях; что это были семена, которые, будучи посажены в землю или сохранены нетронутыми в безопасных местах, со временем снова облекутся плотью и прорастут в живых людей".[XII-4] Действительно, мексиканский миф о сотворении мира повествует о том, что человек произошел из мертвых костей,[XII-5] и в Гоацакоалько кости на самом деле были сложены в удобном месте, чтобы душа могла их восстановить.

ИДЕИ ДУШИ.

Наиболее общей идеей души, по-видимому, было представление о двойном "я", обладающем всей сущностью и атрибутами личности, за исключением плотского воплощения, и независимом от тела в той мере, в какой оно было способно покидать его и наслаждаться другими сценами или сферами. Соответственно, он будет являться другому человеку днем или ночью как призрак, имеющий узнаваемую форму и черты, и оставит впечатление о своих посещениях в идеях, воспоминаниях или снах. Каждый туманный контур, каждый шорох мог быть расценен неразборчивым в различениях аборигеном как душа в ее странствиях, и понятия воздуха, дуновения, тени, души часто обозначались одним и тем же словом. Эскимосское слово *силла* означает воздух, ветер и передает идею мира, разума; *тарнак* означает душу, тень. Якимское слово, обозначающее ветер и жизнь, содержит один и тот же корень; у ацтеков *экекатль* означает ветер, воздух, жизнь, душу, тень; в киче душа носит имя *натуб*, тень; никарагуанцы думают, что это *юлия*, дыхание, которое уходит на небеса.[XII-6] Некоторые считают, что у человека есть несколько душ, одна из которых отправляется на небеса, остальные остаются с телом и витают вокруг своего бывшего дома. Мексиканцы и киче получали душу после смерти из камня, помещенного для этой цели между губами, который также служил сердцем, вместилищем души;[XII-7] это было похоронено вместе с останками. Обычай поедания плоти храбрых врагов, чтобы унаследовать их добродетели, указывает на веру в существование другой души или жизненно важных качеств в трупе. Некоторые племена штата Орегон наделяли душой каждый член тела. Множественность душ также подразумевается верой в блуждание души во время сна, ибо разве тело не является одушевленным, даже если душа отделена от него? И все же сама душа не могла оставаться вдали от тела дольше определенного времени, чтобы оставшаяся более слабая душа не смогла поддерживать жизнь.

Учитывая множество противоречий и расплывчатых утверждений, стоящих перед нами, следует признать, что фраза "бессмертие души" часто вводит в заблуждение. Тайлор даже считает сомнительным, "насколько низшая психология вообще придерживается абсолютной концепции бессмертия, поскольку прошлое и будущее вскоре теряются в полной неопределенности, поскольку дикий разум покидает настоящее, чтобы исследовать их".[XII-8]

МЕТЕМПСИХОЗ.

Некоторые племена гиперборейцев действительно не верили в будущее существование, в то время как другие придерживались доктрины о будущей награде и наказании. Однако представления о душе были четко определены; тлинкиты предполагали, что она попадает в мир духов, к йекам, после освобождения от тела. Храбрецы, павшие в битве или убитые, стали *киеками*, "высшими", и отправились жить на север, где северное сияние, предзнаменование войны, отражается от огней, освещающих их танцы; так, по крайней мере, считают эскимосы. [XII-9] Те, кто умер естественной смертью, стали *такиеками*, духами суши, и *текиеками*, духами моря, и поселились в *таканконе*, несомненно, расположенном в центре земли, [XII-10] дорога к которому была полита водой и разглаживалась слезами родственников, но если слишком много плакать, она становилась болотистой и труднопроходимой. Такиеки и текиеки, по-видимому, привязывались как духи-хранители к живым и находились под контролем шаманов, к которым они приходили в виде наземных и морских животных, чтобы выполнять их приказы и открывать прошлое и будущее. [XII-11] Киеки, очевидно, были выше чар колдунов. Удобрства рая, как и дорога к нему, зависели от земных условий; таким образом, тело было сожжено, чтобы ему было тепло в его новом доме. Рабы, однако, которые были похоронены, были обречены на замерзание, но шаманы, чьи тела также были оставлены разлагаться, несомненно, обладали властью избежать таких страданий. Все жили на небесах, как и на земле, зарабатывая себе на жизнь таким же образом, для чего использовались инструменты и другие предметы, сжигаемые вместе с ними; богатые люди назначали двух рабов для принесения в жертву на погребальном костре, на которых возлагалась обязанность заботиться об их нуждах. Говорят, рабы относились к своей давно ожидавшей их участи очень философски. [XII-12] Однако, по-видимому, у души была возможность вернуться в эту жизнь, и, как я уже говорил, обычно она входила в тело родственницы женского пола, чтобы сформировать душу будущего младенца. Если ребенок был похож на умершего друга или родственника, это повторное рождение сразу же распознавалось, и ему присваивалось имя умершего человека. Метемпсихоз, по-видимому, не ограничивался только родственниками, поскольку часто можно было услышать, как Тлинкиты выражали желание родиться заново в семьях, отличавшихся богатством и положением, и даже желали поскорее умереть, чтобы пораньше достичь этого блаженства. [XII-13] Эта вера в переселение душ была широко распространена и в какой-то степени объясняет бесстрашие, с которым гиперборейцы смотрели на смерть. [XII-14] Такулли и Сиканни спросили умершего, вернется ли он к жизни или нет, и шаман, задавший вопрос, решил этот вопрос, посмотрев на обнаженную грудь тела сквозь пальцы; затем он поднял руку к небу и выпустил душу, которая, по-видимому, вошла в его пальцы, в воздух, чтобы она могла найти тело для завладения; или шаман возложил руки на голову одного из скорбящих и послал в него дух, который воплотится в его следующем потомстве. Облагодетельствованный таким образом родственник добавлял имя умершего к своему собственному. Если этого не было сделано, предполагалось, что умерший отправится к центру земли, чтобы наслаждаться счастьем, согласно их оценке. Кенаи предполагали, что в этом месте постоянно царят мягкие сумерки и что его обитатели занимаются своими делами; пока живые спят, они работают. Однако душа не достигала совершенного покоя до тех пор, пока в ее честь не устраивался пир с раздачей шкур. [XII-15]

БУДУЩЕЕ КОЛУМБИЙСКИХ ПЛЕМЕН.

Далл, говоря о тиннехах, к семейству которых принадлежат Такулли и Кенаи, утверждает, что он нашел немногих, кто верил в бессмертие души, и никого - в будущие награды и наказания; любое противоположное утверждение он характеризует как исходящее от невежества или преувеличения. Другие авторы, однако, рассматривая племена, расположенные как на крайнем севере, так и в центре этой семьи, такие как луше и чепевяны, заявляют, что с добрыми и злыми обращались соответственно их заслугам, бедные и богатые часто менялись жребием в другой жизни. Ужасное наказание иногда постигало нечестивых в этом мире; так, в реке Стикин стоят несколько каменных столбов, которые, как говорят, являются останками злодейского вождя и его семьи, которых божественный гнев поместил туда в назидание другим. Согласно Кенникотту, душу, хорошую или плохую, получал Чутсейн, дух смерти, которого, вероятно, по этой причине называли плохим духом. [XII-16] Эскимосы, по-видимому, верили в будущее состояние, поскольку Ричардсон рассказывает, что умирающий мужчина, которого он видел в заливе Камберленд, заявил о своей радости от перспективы встретить своих детей в другом мире и жить там в блаженстве. Также наводит на размышления тот факт, что орудия труда и одежда были похоронены вместе с телом, причем были приняты меры к тому, чтобы ничто не давило на него сильно. Массовое уничтожение имущества, практикуемое некоторыми племенами Скалистых гор, имело целью стереть память о погибших. [XII-17] Алеуты верили, что духи их родственников посещают их как добрые гении, и призывали их во всех трудных случаях, особенно в случаях *кровной мести*. [XII-18] История Чепевяна повествует о том, что душа прибывает после смерти к реке, по которой плывет каменное каноэ. Здесь он отправляется в путь и несется легким течением к обширному озеру, посреди которого находится заколдованный остров. Пока душа плывет к нему, анализируются поступки в ее жизни, и если преобладает добро, каноэ причаливает к берегу, где чувства предаются нескончаемым удовольствиям. Но если зло его прошлой жизни перевешивает добро, каменное каноэ тонет, оставляя обитателя духа погруженным по подбородок, вечно плыть и бороться, всегда созерцая, но никогда не осознавая счастья добра. [XII-19] Эта ярко выраженная вера в будущую награду и наказание распространилась среди нескольких колумбийских племен. Уроженцы Миллбэнк-Саунд представляют его как две реки, охраняемые огромными воротами и вытекающие из темного озера — мрака смерти. Добрые входят в ручей справа, который сверкает под постоянным солнечным светом и в изобилии снабжает их лососем и ягодами; злые переходят налево и терпят холод и голод на его унылых, покрытых снегом берегах. [XII-20] Оканеганцы называют рай, или обитель доброго духа, *elemehumkillanwaist*, а ад, куда попадают те, кто убивает и ворует, - *киштсама*. Мучения последнего места усиливаются злым духом в человеческом обличье, но с хвостом и ушами, как у лошади, который прыгает с дерева на дерево с палкой в руке и избивает осужденных. [XII-21]

Некоторые из салишей и чинуков описывают счастливое государство как светлую землю, которую последние называют *таматх*, очевидно, расположенную в направлении солнечного юга и изобилующую всеми благами. Здесь душа может упиваться удовольствиями, которые, однако, зависят от ее собственных усилий; поэтому богатые берут с собой рабов для выполнения черных обязанностей. Нечестивые, с другой стороны, отправляются в пустынный регион под контролем злого духа, известного как Черный Вождь, где их постоянно мучает вид дичи, воды и огня, до которых они никогда не смогут добраться. Некоторые считали, что таматх

был достигнут трудной дорогой под названием *отуйхути*, которая пролегла вдоль Млечного Пути, в то время как другие верили, что каноэ перевозило душу по воде, которая, как предполагалось, отделяла ее от земли живых.[XII-22]

Нез персе, Плоскоголовые и некоторые племена хайда верили, что нечестивые, искупив свои преступления более или менее длительным пребыванием в земле запустения, были допущены в обитель блаженства. Хайда называли последнее место *кивак*, "наверху", внутри которого, по-видимому, находилось еще более яркое пятно, называемое *киваккоу*, "жизнь наверху", обитель вечной молодости, куда устремлялся дух павших храбрецов. Те, кто умер естественной смертью, были отправлены вместе с нечестивыми *всивуккоу*, отделение чистилища, расположенное в лесу, чтобы пройти там очищение перед входом в счастливый кивак.[XII-23] Жители островов королевы Шарлотты называли рай "счастливыми охотничьими угодьями", что довольно странно, если учесть, что их почти единственным занятием была рыбная ловля.[XII-24] Нез Персе также верили в чистилище для живых и в то, что бобры были людьми, приговоренными искупить свои грехи, прежде чем они смогут принять человеческий облик.[XII-25] Похоже, так и не было решено, разделили ли жены и маленькие дети судьбу главы семьи; плоскоголовые выражали веру в воссоединение, но это могло произойти после того, как одна или все были очищены в промежуточном состоянии. Те, кто приносил рабов в жертву на могиле, отправляли их одинаково с хозяином, который славно погиб на поле битвы или безвестно в своей постели.

КУАВТЕАТ И ЧАЙХЕР.

Согласно АХТ, душа обитает одновременно в сердце и голове человека. Некоторые говорят, что после смерти он вернется в животную форму, от которой его владелец может проследить свое происхождение; другие, что, в зависимости от ранга, развоплощенные души отправятся жить к Куавтеату или к Чайхеру. Куаутиат обитает в прекрасной стране где-то высоко в небесах, хотя и не прямо над землей; прекрасная страна, в которой текут всевозможные индийские молочные и медовые реки; там нет ни бурь, ни снега, ни мороза, сковывающих реки, а только тепло, солнечный свет и изобилие дичи и рыбы. Здесь вожди живут в самом особняке Куавтеат, а убитые в битве живут в соседнем домике, также в своей степени наслаждаясь всеми удобствами этого места. И это единственные двери в эту Валгаллу ахтов; только высокое рождение или славная смерть в бою могут дать право войти сюда. Души тех, кто умирает женской смертью в своей постели, отправляются в страну Чайхер. Чайхер — фигура из плоти без костей, переворачивающая наше живописное представление об ужасном короле ужасов, который предстает в образе седобородого старика. Он бродит по ночам, крадя человеческие души, когда, если врачи не смогут вернуть душу, человек умирает. Страна Чайхер также называется чайхер. Она напоминает подземную землю, но во всех отношениях является низшей страной: там нет лосося, олени ужасно маленькие, а одеяла такие тонкие, что почти бесполезны ни для тепла, ни для украшения. Вот почему люди сжигают одеяла, когда хоронят своих друзей; они не могут вынести, если их друга отправят дрожать в нижний мир. Мертвым Ахтам, по-видимому, в некоторых случаях разрешалось бродить по земле в виде человека или животного, творя как добро, так и зло, — вера, которая побудила многих делать примирительные подношения пищи умершим. Некоторые племена чинуков боялись произносить имена своих умерших, чтобы не привлечь их внимание и не увести души. Этому особенно боялись у постели больного, и знахарь должен был постоянно быть начеку со своими приближенными, чтобы пресечь подобные попытки.[XII-26] Колдун Ахт даже отправил свою собственную душу в чайхер, чтобы вернуть прогульщика, в чем он обычно преуспевал, если только дух больного не входил в дом.[XII-

27]Некоторые племена верили, что душа исходит от животных, особенно морских чаек и куропадок, и вернется к своей первоначальной форме. Сонги говорили, что охотник превращается в оленя, рыбак - в рыбу; а Нутки - что дух может вновь принять человеческий облик, если небесная обитель ему не по вкусу.[XII-28]

БУДУЩЕЕ КАЛИФОРНИЙЦЕВ.

В разительном контрасте с предшествующими верованиями в будущее и с верованиями клалламов, которые с универсалистским чувством верят, что добрый дух примет всех без исключения в своих счастливых охотничьих угодьях, нам говорят, что Пенд д'Орейли не имели никаких представлений о душе или бессмертии, так что миссионерам было трудно объяснить им эти вопросы. Конечно, странно, что племя, окруженное другими людьми, придерживающимися этих идей, и находившееся в постоянном контакте с ними, оставалось неподвластным их влиянию, тем более что они были чрезвычайно суеверны и верили в духов-хранителей и сны.[XII-29] Неверие в будущее состояние присуще многим племенам, у которых при ближайшем рассмотрении обнаруживаются представления о жизни после этого; поэтому к таким утверждениям следует относиться с осторожностью. Среди калифорнийцев, которые, как говорят, отождествляют смерть с уничтожением, есть мивоки и племена долины Сакраменто, однако последние боятся произносить имя умершего человека, чтобы он не восстал из темного забвения.[XII-30] Но их можно рассматривать как исключения, остальные имели довольно определенные представления о будущем, поскольку небеса обычно располагались на западе, куда устремляется на отдых великолепное солнце. Жители Северной Калифорнии считали это прекрасным местом для кемпинга под присмотром доброго духа, где все встречаются после смерти, чтобы насладиться жизнью, свободной от нужды. Но на пути, ведущем к этому блаженству, были опасности; ибо Омаха, злой дух, витал рядом с умирающим человеком, готовый схватить и унести душу, как только она покинет свое земное жилище. Чтобы предотвратить такое бедствие, друзья, присутствовавшие при сожжении тела, кричали и жестикулировали, чтобы отвлечь внимание Злодея и дать возможность сердцу, в котором обитала душа, выпрыгнуть из пламени и убежать на небеса. Если бы тело было предано земле, они думали, что у дьявола было бы больше шансов завладеть сердцем, которое затем было бы отправлено обратно на землю, чтобы досаждать живым.[XII-31] Туземцы близ устья Русской реки сжигали своих мертвецов, чтобы они не превратились в гризли, в то время как жители Клир-Лейк полагали, что только нечестивые претерпевают такую метаморфозу или обречены скитаться в виде духов.[XII-32] Другие, однако, которые придерживались погребения, стремились завершить церемонию до наступления ночи, когда койот, в облике которого, вероятно, появился злой дух, начинает вить, и в течение трех дней они устраивали шумные демонстрации и устраивали костры на могилах; после этого судьба души больше не вызвала сомнений. Если бы его поймали, добрый дух мог бы искупить свою вину большим ножом. В некоторых странах верили, что умерший оставался в могиле в течение трех дней, а затем отправлялся на небеса, где земля и небо соединяются, чтобы стать звездами, вождями, принимающими самые блестящие формы.[XII-33]

Яркие реки, солнечные склоны и зеленые леса европейского рая отделены от земли глубокой пропастью, которую как добрым, так и злым приходится пересекать по тонкому скользкому шесту. Первые вскоре достигают цели с помощью, несомненно, доброго духа, а также огня, зажженного на могиле скорбящими друзьями, но злому человеку приходится брести без посторонней помощи по дрожащему мосту; и проходит много ночей, прежде чем его друзья

отваживаются обойтись без маяка, чтобы душа не сбилась с пути и не упала в темную бездну. Возмездие также не заканчивается опасностями и тревогами, связанными с переходом, поскольку многие могут вернуться на землю в виде птиц, зверей и насекомых. Когда Кайлта умирает, маленькая птичка уносит душу в страну духов, но ее полету препятствуют грехи нечестивых, что позволяет наблюдающему за ней ястребу настигнуть и пожрать душу.[XII-34]

У кароков более четкое представление о будущей награде и наказании, и они предполагают, что дух в своем путешествии выходит на две дороги: одна, усыпанная цветами, ведет к светлой западной земле за великими водами, по которой добрый Чарейя, несомненно, помогает ему; другая, оцетинившаяся шипами и вереском, ведет к месту, полному смертоносных змей, где нечестивым суждено скитаться вечно.[XII-35] Толева помещают небеса позади солнца, где бы оно ни находилось, и представляют ад как темное место, где души вечно дрожат от холодных ветров и их преследуют демоны.[XII-36] Модоки верят в страну духов, очевидно расположенную в воздухе над земным домом, где витают души, побуждающие живых к добру или злу. Заслуги, по-видимому, измеряются телесным ростом, поскольку презренная женщина становится здесь настолько маленькой, что воину, чей рост пропорционален его силе, требуется довольно много женщин для удовлетворения своих потребностей.[XII-37]

Укии, Санели и другие разбрасывают еду по любимым местам умерших. Мать, например, распевая свою скорбную песенку над могилой своего умершего младенца, разбрызгивает питательное молоко в воздухе.[XII-38]

Многие племена Невады верили, что душу ожидает несколько небес, каждое со степенью блаженства, пропорциональной заслугам умершего; но эта вера не была четко сформулирована; так же как и вера Змей, которые убили любимую лошадь и даже жену для умершего, чтобы он не был одинок.[XII-39] Аллеква предполагали, что прежде чем душа могла войти в вечно зеленые прерии, чтобы прожить свою вторую жизнь, свободную от нужды и печали, она искупала свои грехи в образе какого-нибудь животного, слабого или сильного, плохого или хорошего, часто переходя из низшей ступени в более высокую, в соответствии с земным поведением умершего. Поедая луговых собачек и другую дичь, некоторые пытались собрать души, очевидно, с целью повысить свою чистоту и сократить подготовительный срок.[XII-40] С другой стороны, племена Сан-Диего, считавшие крупную дичь воплощением духов определенных поколений, воздерживались от ее мяса, очевидно, опасаясь, что такая пища ускорит их метаморфозу; но стариков, срок жизни которых был почти на исходе, эти опасения не останавливали.

МЕТЕМПСИХОЗ В КАЛИФОРНИИ.

Идеи метемпсихоза также присутствуют в одной из песен племени из Южной Калифорнии, которая гласит: "Как луна умирает, чтобы возродиться, так и душа человека будет обновлена". Однако этот народ не исповедовал никакой веры в будущую награду или наказание. Несомненно, это те же самые люди, живущие близ Монтерея, о которых Мармье говорит, что они предполагали, что умершие удалились на некие зеленые острова в море, ожидая рождения младенцев, души которых они должны были сформировать. Другие считали эти острова раем и помещали ад в горной пропасти.[XII-41]

Среди акахимем мы встречаемся со своеобразным пантеистическим представлением. Смерть рассматривалась как невидимая сущность, составляющая воздух, который также формировал

душу человека, или его дыхание, особым местом пребывания которого было сердце. По мере того как человек дряхлел, его душа постепенно поглощалась породившей ее стихией, пока, наконец, не слилась с ней и не затерялась в ней. Но в это верили только некоторые в племени. Другие предполагали, что они отправятся в *толмек*, обитель великого Чинигчини, расположенную под землей, изобилующую чувственными удовольствиями, не омраченную печалью, и где пища и другие потребности удовлетворялись без труда. Третьи считали, что Чинигчини отправляет душу, или сердце, как они выражались, в разные места, в зависимости от положения в жизни и способа смерти покойного. Таким образом, вожди и знахари, которых Таку, пожиратель человеческого мяса, почитал за пожирание, стали небесными телами, в то время как те, кто умер, утонув или попав в плен, и не мог быть съеден Таку, отправились в другое место. Души простых людей были отправлены в какое-то неопределенное, хотя и явно счастливое место, поскольку они были обязаны пройти испытательный срок на берегах моря, в горах, долинах или лесах, откуда они приходили общаться со своими вдовами или родственниками, которые часто сжигали или сносили дома, чтобы спастись от таких посещений.[XII-42]

У мохавцев более либеральные идеи, и они допускают, что все разделяют радости рая. С дымом, вьющимся вверх от погребального костра, душа поднимается и плывет на восток, в области восходящего солнца, куда Матевил ходил раньше и где ее ждет вторая земная жизнь, свободная от нужды и печали. Но если ее чистота запятнана преступлением или запятнана человеческой кровью, душа превращается в крысу и должна оставаться четыре дня в крысиной норе, чтобы очиститься, прежде чем Матевиль сможет принять ее. По некоторым данным, Матевиль обитает на некой высокой горе, лежащей на территории Мохаве.[XII-43]

БУДУЩЕЕ МАРИКОПА, ЮМА, АПАЧЕЙ, МОКИ.

Пимы также верят, что душа[XII-44] отправляется на восток, возможно, в дом солнца, чтобы жить там с Сехуиабом, сыном создателя, но этот Элизиум несовершенен, поскольку туда допущен дьявол по имени Чиават, и он сильно досаждал обитателям.[XII-45] В одном рассказе утверждается, что марикопы верят в будущее состояние, в точности подобное жизни на земле, со всеми ее социальными различиями и потребностями, так что для того, чтобы душа могла занять надлежащее положение среди духов, все имущество умершего, а также большая часть имущества его родственников приносятся в жертву на могиле. Но, по словам Бартлетта, они думают, что мертвые вернутся в свой древний дом на берегах Колорадо и будут жить на песчаных холмах. Здесь различные части тела трансформируются в животных, голова, например, становится совой, руки, летучие мыши, ноги, волки, и в этих формах продолжают свою древнюю вражду с юмами, которые изгнали их из этой страны.[XII-46] Юмы, однако, не соответствуют этим взглядам, но ожидают, что добрая душа оставит мирскую борьбу ради приятной долины, скрытой в одном из каньонов Колорадо, а нечестивые будут заперты в темной пещере, чтобы мучиться видом недоступного им блаженства.[XII-47]

Апачи верят в метемпсихоз и считают гремучую змею обликом, который принимают нечестивые после смерти. Сова, орел и совершенно белые птицы считались обладателями душ божественного происхождения, и медведь в их представлении был не менее священен, поскольку сама дочь Монтесумы, которую он унес из дома ее отца, была матерью их расы.[XII-48] Моки зашли так далеко, что предположили, что они вернутся к первобытному состоянию животных, растений и неодушевленных предметов.[XII-49] Вера других племен пуэбло в Нью-

Мексико больше соответствовала их культурному уровню, а именно, что душа будет судима сразу после смерти в соответствии с ее деяниями. К мертвым клали еду, а на тело бросали камни, чтобы изгнать злого духа. Однажды ночью, кажется, в августе, душа бродила по холмам неподалеку от своего бывшего дома, чтобы получить подношения в виде еды и питья, которые спешили предложить любящие друзья. Насмешники связывали исчезновение отборных яств с округлыми формами священников.[XII-50]

Навахо рассчитывали вернуться туда, откуда они произошли, под землю, где все виды фруктов и злаков, проросших из семян, потерянных наверху, растут в непревзойденной роскоши. Освобожденные от своих земных уз духи направляются к обширному болоту, в котором многие души теряются из-за того, что слишком полагаются на свои собственные усилия и не обращаются за помощью к великому духу; или, возможно, живой скот и инвентарь, предложенные на могиле, были неадекватны путешествию. После четырехдневных блужданий наиболее удачливые души приходят к лестнице, ведущей в нижний мир; они спускаются по ней и радуются виду двух великих духов, мужчины и женщины, которые сидят, расчесывая свои волосы. Понаблюдав несколько солнц, возможно, впитав уроки чистоты, они снова поднимаются на болото, чтобы очиститься, а затем возвращаются в обитель духов, чтобы вечно жить в мире и изобилии. Некоторые верят, что плохие становятся койотами, а женщины превращаются в рыб, а затем в другие формы.[XII-51]

Среди команчей мы находим ортодоксальный американский рай во всей его красе. В направлении заходящего солнца простираются счастливые прерии, где бизоны ведут охотника в славной погоне и где лошадь бледнолицего помогает тем, кто преуспел в снятии скальпов и конокрадстве, достичь высшего счастья. Ночью им разрешается вновь посещать землю, но они должны вернуться до рассвета.[XII-52] Разительным контрастом с этой идеей является любопытное поверье, которого, как говорят, придерживались перикуйи из Нижней Калифорнии. Их великий дух Нипарая ненавидел войну и, чтобы удержать свой народ от участия в ней, отправил всех убитых в битве в Тупаран, или Вак, дух, который поднял восстание против миролюбивого Нипарая, был лишен всех предметов роскоши и заточен в пещере на берегу моря, охраняемой китами. Тем не менее, некоторые открыто заявляли о себе как о приверженцах этого персонажа. Кочимы, которые, по-видимому, придерживались почти такой же веры, заявляют, что именно злые духи пытались завладеть душой и держать ее в плену в пещере. Какой бы ни была правильная версия, их вера в будущее состояние, говорит Бэгерт, очевидна из обычая надевать сандалии на ноги умерших.[XII-53]

ЦАРСТВО МУЧЧИТЫ.

Души индейцев племени Сонора обитают в пещерах и среди камней утесов, и эхо, которое слышно там, - это их громкие голоса.[XII-54] Рибас заявляет, что в одной части Синалоа игнорировалось будущее государство, однако он говорит, что они признавали верховную мать и ее сына, который был первым человеком.[XII-55] В Наярите мы сталкиваемся с мексиканской идеей различных небес, определяемых способом смерти. Таким образом, дети и те, кого унесла болезнь, отправлялись в одно место; те, кто умер насильственной смертью, - в воздушные области, где они становились падающими звездами. Остальные отправились в муччиту, расположенную где-то в районе Росарио, где они жили под присмотром мужчин с бритыми головами. Днем им разрешалось общаться с живыми существами в виде мух в поисках пищи; но ночью они возвращались в муччиту, чтобы принять человеческий облик и скоротать время в

танцах. Когда-то их можно было освободить из этого жилища, но из-за неосторожности одного человека эта привилегия была утрачена. Однажды этот человек отправился на побережье за солью, оставив свою жену заботиться о доме. После короткого отсутствия он вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как она исчезла в мучките, куда ее поманили духи. Его печаль была безгранична, ибо он горячо любил свою жену. Наконец его слезы и вздохи тронули сердце хранителя душ, который велел ему однажды ночью высмотреть свою жену, когда она появится в танце, и ранить ее стрелой: тогда она узнает его и вернется домой; но он предупредил его, чтобы он не произносил громких слов, иначе она исчезнет навсегда. Мужчина сделал, как ему сказали, ранил свою жену в ногу и имел радость видеть, как она возвращается домой. Были приглашены музыканты и певцы, и в ознаменование этого события был устроен грандиозный пир; но, охваченный волнением, муж испустил крик радости. В следующий момент предупреждение хранителя подтвердилось — место жены занял отвратительный труп. С тех пор ни одной другой душе не было позволено воссоединиться с живыми. [XII-56] Любопытно отметить, во скольких странах учение о загробной жизни было связано с легендой о некоем герое, который умер, спустился в подземный мир и снова воскрес к жизни. Как близко эта американская легенда напоминает старую историю Орфея и Эвридики; смерть и воскресение египетского Осириса; митраистские мистерии Персии, в которых посвященные в немом представлении умирали и воскресали из гроба; индийский Махадева, разыскивающий бездыханную Ситу и радующийся ее воскрешению; возвращение Атиса Кибелой к жизни у фригийцев; возвращение Кору Деметре на половину каждого года в эллинистических мистериях; инсценированное убийство и новое рождение выданного за другого человека. Загрей в Вакхических мистериях; метаморфозы в кельтских и друидических мистериях, практиковавшихся в Галлии и Британии; все это разные формы одной идеи.

ЭЙКУТ И ЙОАТОТОВИ.

Столь же преданным мужем был Нишенам, история которого рассказана мистером Пауэрсом в следующей легенде: "Прежде всего существовала луна. Луна создала человека, как говорят одни, в форме камня, другие говорят, в форме простой, прямой, безволосой массы плоти без конечностей, похожей на огромного дождевого червя, из которого он постепенно развился в свою нынешнюю форму. Первого человека, созданного таким образом, звали Эйкут; его жену - Йоатототи. Со временем Йоатототи заболела, и хотя Эйкут нежно ухаживал за ней, она постепенно угасла у него на глазах и умерла. Он любил ее любовью, превосходящей любовь братьев, и теперь его сердце было разбито горем. Он вырыл для нее могилу рядом со своим лагерным костром (ибо нишенамы тогда не сжигали мертвых), чтобы ежедневно и ежечасно рыдать над ее безмолвным прахом. Его горю не было предела. Его жизнь стала для него бременем; весь свет погас в его глазах, и весь этот мир стал черным и унылым. Он хотел умереть, чтобы последовать за своей возлюбленной Йоатототи. От силы своего горя он впал в транс, в земле раздался грохот, и дух умершей Йоатототи поднялся из своей могилы, подошел и встал рядом с ним. Когда он очнулся от своего транса и увидел свою жену, он хотел заговорить с ней, но она запретила ему, потому что в тот момент, когда индеец разговаривает с призраком, он умирает. Она отвернулась и отправилась на поиски страны духов (*oishuush* кум, буквально "танцплощадка призраков".) Эйкут последовал за ней, но призрак обернулся и сказал: "Почему ты следуешь за мной? ты не умер." Они путешествовали по великой и мрачной стране — земле, которую ни один человек не видел и не вернулся, чтобы сообщить об этом, — пока не пришли к реке, которая отделяла их от страны духов. Через эту реку был перекинут мост из одной маленькой веревки, такой узкий, что по нему едва мог перебраться паук. Здесь дух Йоатототи

должен попрощаться со своим мужем и отправиться в одиночку в страну духов. Но великая, невыразимая скорбь Эйкута при виде того, что его жена покидает его навсегда, пересилила в нем любовь к жизни, и он громко позвал ее вслед. В тот же миг он умер — ибо ни один индеец не может заговорить с призраком и остаться в живых, — и вместе они вошли в страну духов. Так Эйкут покинул царство земли и в невидимом мире стал добрым и тихим духом, который постоянно присматривает за своими потомками, все еще живущими на земле, и дружит с ними. Но он и его жена оставили после себя двоих детей, брата и сестру; и, чтобы предотвратить кровосмешение, луна создала еще одну пару, и от этих двух пар произошли все современные нишенамы".[XII-57]

ДОМ СОЛНЦА И ТЛАЛОКАН.

В будущей обители мексиканцев было три отделения, в которые допускались умершие в соответствии с их положением при жизни и способом смерти. Какой бы славной ни была судьба воина, погибшего за дело своей страны, на поле битвы или от рук вражеских священников, еще более славной была судьба, ожидавшая его душу. Лучезарные валькирии отнесли павшего викинга в Валгаллу, но ацтекский герой был перенесен на руках самой Теояомике, супруги Уицилопочтли, на яркие равнины дома солнца в восточной части небес, где тенистые рощи, деревья, усыпанные сочными плодами, и цветы, пропитанные медом, соперничали с достопримечательностями обширных охотничьих парков, чтобы провести время счастливо. Здесь его также ждали подарки, присланные любящими друзьями снизу. Каждое утро, когда солнце отправлялось в свой путь, эти яркие сильные воины хватали свое оружие[XII-58] и маршировали перед ним, крича и сражаясь в притворных битвах. Это продолжалось до тех пор, пока они не достигли зенита, где солнце было передано в ведение Небесных Женщин, после чего воины разошлись на охоту или в тенистую рощу. Членами нового эскорта были женщины, погибшие на войне или в детской постели, и жившие в западной части Дома Солнца. Одетые как воины в боевое снаряжение,[XII-59] они проводили солнце к его дому, некоторые несли подстилку из перьев кетцаля, на которой он возлежал, в то время как другие шли впереди, крича и весело сражаясь. Прибыв на крайний запад, они передали солнце умершим Миктлану и отправились на поиски своих веретен, челноков, корзин и других инструментов, необходимых для ткачества или домашней работы.[XII-60] Единственными другими людьми, которые упоминаются как допущенные в Дом Солнца, были купцы, умершие в пути. После четырех лет этой жизни души воинов превращаются в птиц с прекрасным оперением, которые питаются цветочным медом, растущим в небесных садах, или ищут пропитания на земле.[XII-61]

Вторым местом блаженства был Тлалокан, обитель Тлалока, земной рай, источник рек и всех питательных веществ земли, где царит радость, а печаль неведома,[XII-62] где все мыслимые продукты поля и сада в изобилии произрастают под вечным летним небом. Этот рай, по-видимому, был воздвигнут на идеальных воспоминаниях о счастливом Толлане, колыбели расы, где их отцы наслаждались богатством и великолепием. В это место отправлялись те, кто был убит молнией, утопленники, страдающие чесоткой, подагрой, опухолями, водянкой, проказой и другими неизлечимыми болезнями. Дети также, по крайней мере те, кого приносили в жертву Тлалокам, играли в его садах, и раз в год они спускались к живым в невидимой форме, чтобы присоединиться к их празднествам.[XII-63] Сомнительно, однако, был ли этот рай вечным, поскольку, согласно некоторым авторам, больные оставались здесь недолго, а затем отправлялись в Миктлан; в то время как детям, жизнь которых была прервана смертью или жертвоприношением, было позволено испытать это снова.[XII-64]

МИКТЛАН.

Третьим местом назначения мертвых, предназначенным для тех, кто умер от обычных болезней или старости, и, соответственно, для подавляющего большинства, был Миктлан, "место мертвых", которое описывается как обширное, лишенное троп место, земля тьмы и запустения, где мертвые после испытательного срока погружаются в сон, не знающий пробуждения. Обращаясь к трупу, они говорили об этом месте Миктлана как о "самой темной земле, куда не проникает свет и откуда никто никогда не может вернуться".[XII-65] Однако есть несколько моментов, приведенных Саагуном, а также другими авторами, которые имеют тенденцию изменять этот аспект Миктлана. Лорды и знать, кажется, даже здесь поддерживали барьеры, которые отделяли их от оскверняющего прикосновения низших, и, несомненно, хорошие и уважаемые люди были отделены от низких негодяев и преступников, поскольку в Миктлане было девять отделов, из которых Чиконнаумиктлан, или Девятый Миктлан, был обителью ацтекского Плутона и его Прозерпины. Это название, по-видимому, также применялось ко всему региону, что означало тогда девять миктланов.[XII-66] Различные идольские накладки, в которые был облачен умерший, определяемые его профессией и способом смерти, означают, что разные боги контролировали эти разделения.[XII-67] Какое бы различие ни существовало, оно поддерживалось более скромными или богатыми подношениями в виде еды, одежды, инвентаря и рабов, сделанными во время погребения, по истечении восьмидесяти дней и в первую, вторую, третью и четвертую годовщину смерти; все это доставлялось в Миктлантекутли, прежде чем быть переданным в пользование человеку, которому они были предназначены.[XII-68] В одном месте Саагун утверждает, что прошло четыре года в путешествии, прежде чем душа достигла Миктлана, а на другой странице он отчетливо подразумевает, что этот срок прошел в пределах этого региона, когда он говорит, что мертвые пробудились ото сна, когда солнце достигло западного горизонта, и поднялись, чтобы сопровождать его по своей земле; Торквемада говорит, что путешествие заняло четыре дня.[XII-69] Единственный способ согласовать эти утверждения - предположить, что душа переходила от одного разделения к другому, пока, наконец, по истечении четырех лет не достигла собственно Миктлана, или Девятого Миктлана, и не обрела покой. Их обязанности в течение этого семестра состояли в том, чтобы сопровождать солнце и работать, как их более счастливые собратья, в Доме Солнца, помимо того, что они проводили определенное время во сне. Тот факт, что люди умоляли мертвых навестить их во время фестиваля в их честь, подразумевает, что они находились в пределах Миктлана, хотя их свобода там, по крайней мере в то время, была не так уж сильно ограничена. "Поскольку они помогали сопровождать солнце, мы должны предположить, что они также наслаждались благословениями солнечного света, пока земные существа спали, и выражение Тезозомокъ, место, где никто не знает, ночь сейчас или день, место вечного покоя", должно относиться только к тем, кто прошел испытательный срок и погрузился в последний сон. Возможно, однако, что ночью солнце не светило, поскольку Камарго утверждает, что оно спало после своего путешествия.[XII-70] Если это так, то тусклые сумерки, замечаемые у северных народов, или луна, божество ночи, должно быть, заменили затененную яркость солнца, если освещение действительно было необходимо, поскольку сопровождающие и рабочие едва ли могли пользоваться искусственным освещением. Путь солнца далее указывает на то, что Миктлан располагался в регионах-антиподах, или, скорее, в центре земли, к которому также применим термин "темные и непроходимые области". Это предположение Клавиджеро, который основывает его на том факте, что Тлалчикко, название храма Миктлантекутли, означает центр или недра земли.[XII-71] Но Саагун и другие помещают

его на севере и подтверждают это утверждение, показывая, что *Миктлампа* означал север.[XII-72] Тот факт, что люди поворачивались лицом к северу, взывая к мертвым,[XII-73] убедительно свидетельствует в пользу этой теории; север также является темным кварталом. Эти явно противоречивые утверждения можно согласовать, предположив, что Миктлан располагался в северной части подземных областей, тогда как дом героев находился в восточной части небес.

Как воин в Доме Солнца после четырех лет совершенного наслаждения переходит в, казалось бы, менее счастливое состояние, так и стажер из Миктлана, похоже, оставил свою работу ради состояния вечного покоя.[XII-74] На это условие уже указывает само значение названия Миктлан, "место мертвых", и предыдущие утверждения; это также подразумевается в мифе о сотворении человека, где боги-герои говорят Шолотлю: "Иди, попроси Миктлантекутли, Владыку Гадеса, чтобы он дал тебе кость или немного праха мертвых, которые с ним".[XII-75]

ПУТЕШЕСТВИЕ МЕРТВЫХ.

Теперь я вернусь к ужасному четырехдневному путешествию,[XII-76] которое должны были совершить те, кому не повезло умереть мирной смертью, прежде чем они смогли достичь своего негативного счастья. Полностью проникнутые мыслью о его трудностях, друзья покойного считали религиозным долгом обеспечить его всем необходимым: едой, одеждой, инвентарем и даже рабами, чтобы он мог безопасно пройти через это испытание. Рядом с ним также клали идолов, и если покойный был лордом, его капеллана посылали присутствовать при их служении. Это поддержание богослужения во время путешествия также подразумевается окроплением пепла водой со словами: "Пусть мертвый омоется".[XII-77] Исполняющие обязанности священники, кроме того, положили вместе с телом паспорта, которые должны были служить в различных пунктах по дороге. Первые газеты прошли мимо него мимо двух гор, которые, подобно симплегадам, грозили встретиться и раздавить его в своих объятиях. Второй был пропуском на дорогу, охраняемую большой змеей; остальные документы вели его на зеленом крокодиле Шочитонале через восемь пустынь и восемь холмов. Затем пришел ледяной *ицехекайя*, "ветер ножей", который швыряет камни и ножи в путешественника, который сейчас больше, чем когда-либо, находит подношения своих друзей по службе. Как бедняжка избежала этого испытания, не говорится. Наконец он добрался до широкой реки Чиконауапан, "девятой воды", которую можно было пересечь только на спине собаки рыжевато-красного окраса, которую для этой цели убили, вставив ей стрелу в горло, и сожгли вместе с трупом. Согласно Гомаре, собака служила проводником в Миктлан, но другие авторы утверждают, что она предшествовала своему хозяину, и когда он прибыл к реке, то нашел ее на противоположном берегу, ожидающей вместе с другими своими хозяевами. Как только собака узнала своего хозяина, она подплыла к нему и благополучно перенесла его через стремительное течение. Хлопчатобумажный шнурок, обвязанный вокруг его шеи, когда его клали на погребальный костер, возможно, служил для отличия его от других собак или в качестве паспорта.[XII-78] Путешественника теперь приводили к Миктлантекутли, которому он вручал паспорта вместе с подарками, состоящими из канделябров, парфюмерных тростинок, мягких ниток из простого и цветного хлопка, куска ткани, мантии и других предметов одежды, и после этого он получал назначение в свою сферу. Женщины подвергались такому же испытанию.[XII-79] Камарго упоминает рай над девятью небесами, населенный богиней любви, где карлики, дураки и горбуны танцевали и пели для ее развлечения, но не указано, были ли эти существа человеческого или божественного происхождения.[XII-80] Временами старые хронисты рассматривают Миктлан как место наказания,[XII-81] но священники в своих проповедях, по-

видимому, никогда не призывали к покаянию с целью избежать будущего наказания, а просто для того, чтобы избежать земных мучений, постигших их самих или их детей.[XII-82] Филантроп, вся жизнь которого была одним непрерывным актом благотворительности, мудрый принц, живший только ради блага своей страны, святой отшельник, благочестивый священник, проводивший свои дни в постоянных постах, епитимьях и самоистязаниях, - все были отправлены в Миктлан вместе с пьяницей, убийцей, вором, и никто не был освобожден от ужасного путешествия или от длительного испытательного срока, который заканчивается вечным сном. Возможно, они объясняли себе очевидную несправедливость этой системы своей верой в предопределение, которая учила, что знак, под которым человек родился, в значительной степени, если не полностью, определяет его характер, карьеру и, следовательно, его будущее.[XII-83] Следовательно, Миктлан нельзя рассматривать как ад; это всего лишь место негативного наказания, Нирвана, в которой душа в конце концов выдувается и теряется.[XII-84]

БУДУЩЕЕ ТЛАШКАЛЬТЕКОВ.

Тлашкальтеки предполагали, что души высокопоставленных людей после смерти вселяются в тела высших животных или даже в облака и драгоценные камни, в то время как обычные души переходят в низшие животные формы.[XII-85] Мексиканцы верили, что маленьким детям, которые умерли, было дано еще одно испытание земной жизнью.[XII-86] В Гоацакоалько кости умерших были расположены так, что душа могла без труда найти их.[XII-87] В мифе ацтеков о сотворении мира мы видели, что человек был сформирован из костей, и Бринтон считает, что это, наряду с примерами тщательного сохранения останков, которые можно наблюдать в разных частях Америки, свидетельствует о широко распространенной вере в то, что душа обитала в костях. Это получает дальнейшее подтверждение в легенде о киче, в которой говорится, что кости некоторых героев были измельчены в порошок, чтобы предотвратить их удаление.[XII-88] Однако эта идея не согласуется с мексиканским обычаем класть камень между губ умершего, который служит сердцем и, несомненно, удерживает душу, как предполагали киче. Однако и тот, и другой пример подразумевают веру в несколько душ, хотя о такой множественности и не говорится. У тлашкальтеков были духи-хранители, которые воплощались в идолах, называемых *тепиктотонами*, и Камарго упоминает ангелов, которые обитали в воздухе и влияли на гром, ветры и другие явления, и которые, несомненно, были детьми Тлалокана.[XII-89] Дьявол, которого у них вряд ли могло быть, ибо зло слишком щедро присутствовало в природе большинства мексиканских богов, чтобы допустить его олицетворение кем-то одним. Ближайшее приближение к нашему Сатане можно было найти в призраке по имени Тлакатеколотль, "совоподобном существе"[XII-90], который бродил повсюду, творя пакости; соответственно, увидеть сову считалось дурным знаком, и ее очень боялись. Блуждающие огоньки считались преобразенными волшебниками и ведьмами или животными.[XII-91] Тлашкальтеки предполагали, что искры, вылетающие из кратеров вулканов, были душами тиранов, посланных богами мучить людей.[XII-92]

БУДУЩЕЕ ОТОМИ, МИЗТЕКОВ И МАЙЯ.

Отоми верили, что душа умирает вместе с телом,[XII-93] в то время как тараско, по словам Эрреры, допускали грядущий суд с сопутствующими ему небесами и адом, но, судя по их погребальным обычаям, с принесением в жертву слуг, сроком траура и так далее, похоже, что у них была та же вера, что и у ацтеков.[XII-94]

Мизтеки поместили врата рая в пещере Чалкатонго, и поэтому вельможи королевства стремились быть похороненными на ее территории, чтобы быть поближе к обители блаженства. Сапотеки разместили небесные порталы в пещере Миктлан. Соответственно, их небеса должны были располагаться внутри земли, хотя обычай класть умерших ногами на восток указывает на то, что они располагались в стороне от солнечной утренней земли. По крайней мере, кажется, что простые люди, подобно ацтекам, должны были пройти испытательный срок, прежде чем войти в святое место, и в течение этого периода им разрешалось раз в год навещать своих друзей на земле и вкушать угощение, приготовленное для них. Сапотеки приводили в качестве причины для погребения мертвых то, что те, кто был сожжен, не смогли попасть на небеса. [XII-95]

Майя верили в место вечного наслаждения, где праведники должны возлежать в сладострастном покое в тени *якше*, [XII-96] наслаждаясь изысканной едой и восхитительными напитками. Те, кто умер через повешение, были особенно уверены в том, что попадут в этот рай, поскольку их богиня Икстаб сама перенесла их туда, и многие энтузиасты покончили с собой в надежде на это. Нечестивые, с другой стороны, спустились в Митналь, [XII-97] сферу ниже этой, где их ждали голод и другие муки. К телу клали деньги на какао, чтобы оплатить его путь, и часто приносили в жертву еду, но похороны продолжались только на пятый день, когда душа вошла в свою сферу. Следы метемпсихоза можно заметить в суеверной вере в то, что колдуны превращали людей в животных. [XII-98]

Неизвестно, верили ли киче в будущую награду и наказание, поскольку, с одной стороны, нам говорят, что Шибальба, что подразумевает место ужаса, была их адом, где правили два принца, носящие наводящие имена Одна Смерть и Семь Смертей; в то время как, с другой стороны, принесение в жертву рабов и других предметов подразумевает отрицательное наказание. Говорят, что у кроткого, не воинственного племени Гватемалы была вера, сходная с верой перикуйи, а именно, что будущая жизнь даровалась только тем, кто умер естественной смертью, и поэтому они оставляли тела убитых зверям и стервятникам. [XII-99] Пипилы, по-видимому, смотрели вперед на те же будущие жилища, что и мексиканцы, и на то же ужасное путешествие после смерти. В течение четырех дней и четырех ночей, пока душа находилась в пути, скорбящие громко рыдали, вероятно, опасаясь за ее сохранность, но на пятый день, когда священник объявил, что она достигла цели, плач прекратился. В течение этого времени мать, чей младенец ушел, также отказывала в молоке всем другим детям, чтобы измученный жаждой маленький странник не рассердился и не поразил узурпатора. [XII-100] Процедура испытания духов, по-видимому, периодически призывала их на землю, поскольку легенда об островах озера Илопанго повествует о том, что в определенное время года призрачный лай безмолвно скользит над спокойными водами озера, помазывая каждый остров от самого маленького до самого большого, принося на каждом какому-нибудь кровавому божеству прошлых времен человеческую жертву, младенца, выбранного по жребию. [XII-101]

БУДУЩЕЕ НИКАРАГУАНЦЕВ.

Такого же взгляда на будущее придерживались никарагуанцы, которые думали, что души [XII-102] убитых воинов отправляются в районы восхода солнца, обитель Тамагостата и Чипаттоналя, которые приветствовали их титулом "наши дети". Но все хорошие, то есть те, кто повиновался и почитал богов, были допущены сюда, независимо от того, воины они или нет, и сильной, должно быть, была их вера в ожидающее их блаженство, поскольку девственницы, говорит

Андагоя, которые были брошены в качестве жертвоприношения в бурлящие потоки лавы вулкана, встретили свою судьбу без страха.[XII-103] Нечестивые были обречены на уничтожение в обители Микетантео.[XII-104] Младенцы, умершие до того, как их отняли от груди, возвращались в дом своих родителей для ухода, очевидно, в форме духов.[XII-105] Комары верят только в одно небо, и оно открыто для всех; к нему они готовятся в самом начале жизни, привязывая к шее младенца мешочек с семенами, которыми можно оплатить переправу через великую реку, за которой лежит рай.[XII-106] В Верагуа и его окрестностях смерть означает уничтожение, и мертвым не остается еды. В некоторых местах умирающих выносят в леса и бросают на съедение диким зверям.[XII-107] В Коста-Рике и Дариене рабов и даже жен приносят в жертву, чтобы их души могли служить своим господам на небесах.[XII-108]

Описывая обычаи Дабайбы, Питер Мученик говорит: "Они такие простые люди, что не знают, как призвать душу, и не понимают ее силы: в связи с чем они часто с восхищением обсуждают между собой, какой могла бы быть эта неуловимая и непостижимая сущность, посредством которой должны быть раскрыты члены людей и диких зверей": Я не знаю, какая тайная вещь, о которой они говорят, должна остаться после телесной жизни. Что (я не знаю, что именно) они верят, что после этого странствия, если оно прошло без промедления и если выяснилось, что масса людей совершила его без причинения вреда кому-либо, оно должно достичь определенного внутреннего счастья; напротив, если оно подвергнется тому же, чтобы быть развращенным какой-либо грязной похотью, жестоким грабежом или неистовой фурией, говорят они, оно найдет тысячи пыток в грубых и неприятных местах в Центре: и, говоря это, поднимая вверх свои руки. они показывают хоуэнов, и после этого опускают правую руку вниз, они направляются к чреву земли"! Их веру в будущее наказание он далее иллюстрирует, рассказывая, что "самое большое пятно, которое можно увидеть на шаре полной Луны, - это человек, и они верят, что он был изгнан в влажный и холодный Круг Луны, чтобы он мог постоянно мучиться между этими двумя страстями, страдая от холода и моистура, за инцест, совершенный с его сестрой".[XII-109]

Следующие мифы, которыми я обязан доброте и усердному исследованию мистера Пауэрс, попали в руки слишком поздно, чтобы их можно было вставить в их соответствующие места, и я пользуюсь возможностью привести их здесь: — Говорят, нишенамы, на холмах и в лесах обитает призрак по имени Бохем Кюллек, который является одновременно мужчиной и женщиной. Это злой дух, но, тем не менее, он полезен тем, кто обращается к нему за помощью, а это в основном плохие люди. Иногда по ночам в лесу раздается его жуткий крик, и тогда какая-нибудь женщина, которую вот-вот настигнут нечестные роды, уходит в лес одна, со своим стыдом и муками, и, родив, вскоре возвращается, плача и сокрушаясь о том, что злой призрак встретился и победил ее, и что она зачала от духа. Или, возможно, это человек, совершивший злодеяние, который возлагает ответственность за свое злодеяние на этого злого духа. Либо мужчина, либо женщина, бродящие в одиночестве по лесу, подвергаются соблазну призрака Бохем Кюллек, чтобы совершить с ним прелюбодеяние.

ПОБЕГ КОЙОТА.

"Побег койота" является темой другой сказки Нишенамы. Это происходит следующим образом— однажды койот и летучая мышь собирали орехи сахарной сосны в мягкой скорлупе, когда мимо них прошли две женщины-олени (единственный известный им способ выразить "самка оленя"), которые были женами голубей. После этого койот набрал пригоршню смолы и

замазал глаза летучей мыши, чтобы она ничего не видела. Бедная летучая мышь была полностью ослеплена, но она призвала ветер, и ее глаза были немного приоткрыты, какими мы видим их сегодня. Тем временем негодяй койот сбежал с двумя женщинами-оленими. Но вскоре они подошли к мосту, такому чрезвычайно узкому, что не смогли перейти по нему. Как раз в этот момент мимо прошла перепелка, и он взял двух оленей и повел их через реку, оставив двоеженца койота в беде. Как только они переправились, сестра голубей унесла перепела в лагерь его матери, и таким образом оленяхи были освобождены и возвращены их мужьями-голубями.

"В этой истории, - говорит мистер Пауэрс, - как и во многих других, мы имеем нечто аналогичное оборотням и девам-лебедям из средневековых легенд. Это также иллюстрирует веру индейцев в общее происхождение всех животных. Их любимая теория заключается в том, что мужчина произошел от койота, а женщина - от оленя. Поэтому эта история, вероятно, дает нам представление о первом зарегистрированном уходе за человеческой расой, когда животные настолько развились, строго в соответствии с дарвиновской программой, что человек вот-вот должен был появиться на сцене. Неудавшийся побег "койота" на некоторое время отсрочил это благоприятное событие".

Другая легенда Нишенама повествует о том, что когда-то жил-был знахарь, обладавший чудесной способностью превращаться на короткое время в медведя. Когда один из его пациентов был крайне болен и, согласно обычаю, он отсасывал его, чтобы извлечь вредное вещество, его немедленно охватывал спазм. Упав на четвереньки, он обнаружил бы, что его руки и ноги раскинуты по земле растительным способом, его ногти стали бы длинными и острыми, вырос бы короткий хвост, шерсть встала дыбом по всему телу, короче говоря, он превратился бы в разъяренного, ревущего медведя. Когда спазм пройдет, он вернется в человеческий облик.

Согласно еще одной традиции нишенам, давным-давно жил очень страшный старик, главным наслаждением которого было убивать и пожирать индейцев. У него были каменные ступки, в которых он толлок мякоть, чтобы сделать ее нежной для употребления в пищу. Далеко внизу, на равнинах Сакраменто, в тридцати или сорока милях отсюда, он и его жена жили вместе, и вокруг их вигвама на фут была залита индейская кровь. Все индейцы объявили им войну и пытались убить их, но они ничего не могли против них сделать. Тогда, наконец, Старый Койот сжалился над индейцами, которых он создал, и решил убить этого старика. У него была привычка входить в большой хоровод, когда в нем собирались индейцы, и убивать вождя. Поэтому Старый Койот вырыл глубокую яму прямо за дверью и спрятался в ней, вооружившись большим ножом. Нож был как раз на уровне земли, и когда старик проходил мимо, направляясь в танцзал, он увидел его и пнул ногой, но не заметил койота, который немедленно выскочил из своей норы, вбежал в танцзал и убил старика.

Мистер Пауэрс считает, что эта история, вероятно, относится к какой-то давно вымершей расе каннибалов, которые превосходили по силе нынешнюю расу. "К ним, - говорит он, - можно отнести каменные ступки, найденные во многих частях Калифорнии, которые, по общему признанию, не изготавливали индейцы, ныне живущие здесь. Другие объясняют появление этих каменных ступ, говоря, что они были изготовлены вождем духов Хейлином Какини и его подчиненными".

ЛЕГЕНДЫ ШАСТЫ.

Следующие странные легенды, согласно неоспоримому авторитету мистера Пауэрса, происходят из шасты: Мир был создан Старым Земляным кротом, *идидоком*, огромным животным, которое вызвало творение к существованию на своей спине, прокопавшись где-то под ним. Когда пришло наводнение, оно уничтожило всех животных, кроме белки размером с медведя, которая и по сей день обитает на горе, называемой шастами Ваквайнума, недалеко от Счастливого лагеря.

Давным-давно на далеком востоке был огненный камень, белый и блестящий, как чистейший кварц; и койот отправился на восток, принес этот огненный камень и подарил его индейцам, и таково было происхождение огня.

Первоначально у солнца было девять братьев, все, как и он сам, пылали жарким огнем, так что мир был близок к гибели; но койот убил девять братьев и таким образом спас человечество от сожжения. У луны тоже было девять братьев, похожих на него самого, сделанных из самого холодного льда, так что ночью люди подходили близко и замерзали насмерть. Но койот ушел на восточный край мира с огромным кремневым ножом, нагрел камни, чтобы согреть руки, затем схватил девять лун, одну за другой, и убил их таким же образом, и таким образом люди снова согрелись.

Когда идет дождь, на небесах плачет какой-нибудь больной индеец. Давным-давно на земле жил хороший молодой индеец, и когда он умер, все индейцы так сильно плакали, что на землю обрушился потоп и поднялся до небес, и утонули все люди, кроме одной пары.

Ченпосели рассказывают, что жил-был мужчина, который любил двух женщин и хотел на них жениться. Так вот, эти две женщины были сороками, *одновременно*, и они не любили его, а презрительно смеялись над его ухаживаниями. Тогда он впал в ярость и проклял этих двух женщин, которые были сороками, и отправился далеко на север, и там он поджег мир, сделал себе туловище, на котором сбежал в море, и больше о нем никогда не слышали. Но огонь, который он разжег, горел с могучей силой. Он с ужасающей быстротой прокладывал себе путь на юг, поглощая все, что есть на земле — людей, деревья, камни, животных, воду и даже саму землю. Но Старый Койот увидел пожар и дым со своего места далеко на юге и побежал изо всех сил, чтобы потушить его. Он взвалил на спину мешок с двумя маленькими мальчиками и помчался на север со скоростью ветра. Он бежал так быстро, что потерял сознание, как только добрался до костра, и уронил двух маленьких мальчиков. Но он взял в рот индийский сахар (медвяную росу), разжевал его, выплюнул в огонь и потушил. Теперь костер погас, но Койоту очень хотелось пить, а воды не было, поэтому он снова взял индийский сахар, разжевал его, вырыл ямку на дне ручья, засыпал в нее сахар, и он превратился в воду, и, таким образом, в земле снова появилась вода. Но два маленьких мальчика плакали, потому что им было одиноко, потому что на земле никого не было. Затем Койот соорудил парилку и наломал множество маленьких палочек, которые он положил в парилку на ночь; утром все они превратились в мужчин и женщин, так что у двух маленьких мальчиков была компания, и земля была заселена заново.[\[XII-110\]](#)

СОЛНЦЕ - МИФ О ПАЛЛАВОНАПАХ.

В заключение я приведу солнечный миф о паллавонапах, которые жили на реке Керн в Южной Калифорнии: "Поко сотворил все сущее. Давным-давно солнце было человеком. Солнце плохое и желает убить все сущее, но луна добрая. Солнечные лучи - это стрелы, и он дает связку

каждому существу, больше льву, меньше койоту и т.д.; Но никому он не дает стрелу, которая убьет человека. Койоту захотелось отправиться к солнцу, и он спросил Покоха о дороге. Поко указал ему хорошую дорогу, и койот шел по ней весь день, но солнце повернулось, и он пошел по кругу, а ночью вернулся на то место, откуда отправился утром. Во второй раз он спросил Поко, и во второй раз тот вернулся по кругу. Тогда Поко сказал ему идти прямо к восточному краю земли и ждать там, пока не взойдет солнце. Итак, койот пошел и сел на яму, где всходило солнце, повернувшись спиной к востоку, и продолжал тыкать стрелой во все стороны, делая вид, что собирается выстрелить. Солнце взошло прямо под ним и велело ему убираться с дороги. Но койот сидел там, пока не стало так тепло, что ему пришлось поджать под себя хвост. Затем его начала мучить жажда, и он попросил у солнца воды. Солнце дало ему полную чашку из желудей, но это не утолило сильную жажду койота. Затем его плечи начали нагреваться, поэтому он поплевал на лапы и потер ими спину. Затем он сказал солнцу: "Почему ты приходишь сюда и вмешиваешься в мои дела?" Но солнце сказала: "Я не вмешиваюсь в твои дела; я путешествую там, где у меня есть право путешествовать". Койот сказал ему, чтобы он шел другим путем, что это его дорога, но солнце настояло на том, чтобы идти прямо вверх. Потом койот захотел подняться вместе с ним, и добродушное солнце взяло его с собой. Вскоре они вышли на тропинку со ступеньками, похожими на лестницу, и когда взошло солнце, он сосчитал ступеньки; когда они поднялись над миром, койот обнаружил, что становится жарко, и хотел прыгнуть вниз, но расстояние было слишком велико. К полудню солнце стало очень горячим и ярким, и он велел койоту закрыть глаза. Он так и сделал, но снова быстро открыл их и так продолжал открывать и закрывать весь день, чтобы посмотреть, как быстро садится солнце. Когда солнце опустилось к земле на западе, койот прыгнул на дерево и так спустился на землю.[XII-111]

Таковы мифы Самого Дальнего Запада, таковы попытки этих непросвещенных людей, согласно нашим представлениям о просвещении, определить неопределимое, таков результат их "тоски по богам". Большинство их мифов и верований экстравагантны, ребячливы, бессмысленны в нашем понимании, но, несомненно, наши мифы были бы для них такими же. С начала времен люди боролись с тенью, объясняли материальную определенность нематериальной неопределенностью. Давайте удовлетворимся тем, что соберем и сохраним эти бранные фантомы сейчас; они станут очень любопытными реликвиями в день торжества субстанции.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ
OF THE
ТИХООКЕАНСКИХ ШТАТОВ.

языки.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Родные языки опережают социальные обычаи — Характерная индивидуальность американских языков — Частое употребление длинных слов — Редупликации, частотные падежи и дуализмы — Межплеменные языки — Язык жестов — Жаргоны славян и чинуков — Языки Тихоокеанских штатов — Языки тинне, ацтеков и майя — Более крупные семьи внутри страны — Язык как критерий происхождения — Сходства в неродственных языках — План этого исследования.

Пожалуй, ни в чем коренные народы Тихоокеанских штатов так не проявляют признаков возраста и прогресса от абсолютного первобытности, как в своих языках. Действительно, по всей длине и ширине двух Америк языки аборигенов демонстрируют большее богатство, более тонкие градации и более широкий охват, чем можно было бы предположить, исходя из некультурного состояния, в котором находились эти люди. До недавнего времени ученые не уделяли внимания этим языкам; теперь признано, что чем больше их изучают, тем больше появляется новых красот и что в своей речи эти народы опережают то, что подразумевала бы их общая грубость в других отношениях. Нет также той разницы в построении слов и объеме словарного запаса между нациями, которые мы называем цивилизованными, и теми, которые мы называем дикими, которую мы ожидали бы обнаружить из различия в их обычаях, отраслях промышленности и государственном устройстве; из чего можно с уверенностью заключить, что с развитием, после удовлетворения основных телесных потребностей, потребности интеллекта, самой первой из которых является речь, не только удовлетворяются, но развиваются и удовлетворяются сверх того, чего требуют действительные потребности тела. То есть, с речью или без речи, тело должно быть накормлено, иначе животное умрет, но с обеспечением абсолютных потребностей тела интеллект и его вспомогательные компоненты устремляются вперед за пределы своего относительного первобытного состояния, оставляя телесные удобства далеко позади. Следовательно, в самом начале того, что мы называем прогрессом, мы видим, как интеллект утверждает свою независимость и развивает только те органы, которые, в свою очередь, способствуют его собственному развитию. Опять же, при определенных условиях две нации, продвинувшиеся материально и интеллектуально бок о бок до определенного момента, могут по внешним или случайным причинам сильно разделиться; можно продвигаться интеллектуально, в то время как по существу эти две нации остаются вместе; можно продвигаться материально, в то время как в ментальном плане нет видимой разницы. Причины, порождающие это странное неравенство, мы не можем понять, пока не сможем детально проследить прогресс людей на протяжении тысячелетий их истории; мы только видим на многочисленных примерах вокруг нас, что это факт. Народ, хорошо развитый в искусстве и языке, может из-за войны или голода опуститься до первобытной нищеты и все же сохранить следы своей прежней культуры в своей речи, но грубая и варварская речь ни в коем случае не может внезапно обрести глубину и богатство благодаря материальному процветанию; из всего этого можно с уверенностью заключить, что язык является самым верным критерием возраста народа, поскольку ум не может расширяться без улучшения речи, а речь совершенствуется только тогда, когда ее заставляют медленно развиваться под давлением ума.

РОДСТВО АМЕРИКАНСКИХ ЯЗЫКОВ.

Исследования немногих филологов, посвятивших свое изучение американским языкам, выявили следующие факты. Во-первых, что между всеми языками северного и южного

континентов существует родство; и что, хотя определенные характеристики являются общими для всех языков Америки, эти языки в целом достаточно своеобразны, чтобы их можно было отличить от речи всех других рас мира. Хотя некоторые из этих характеристик, как само собой разумеющееся, присутствуют в некоторых языках старого света — в туранской семье их больше, чем в каких-либо других, — все же нигде на земном шаре единообразие речи не распространяется на обширных территориях и среди бесчисленных и разнообразных рас с таким постоянством, как в Америке; нигде языки не являются столь непохожими и в то же время такими похожими, как здесь. Это общее сходство было бы прочной основой для теории общего происхождения, как местного, так и иностранного, если бы не тот факт, что, хотя языки Америки кажутся отличными от всех других языков мира и действительно в некоторых отношениях имеют общее сходство друг с другом во всем, в то же время я могу с уверенностью утверждать, что ни на одном другом континенте нельзя найти такого множества различных языков, которые определенно приближаются друг к другу едва ли в одном слове или слоге, как в Америке. На основании языка так же легко доказать, что народы Нового Света первоначально были собраны вместе из разных частей и что благодаря смешанным миграциям, единообразию обычаев и климата, а также по прошествии долгих веков люди стали примерно братьями по языку, в то время как их непрекращающиеся войны в то же время разделяли их и препятствовали более частичному единообразию, как и доказать общее происхождение и последующее рассеяние; без дальнейшего освещения обе теории одинаково не поддаются доказательству, как, впрочем, и все гипотезы, касающиеся происхождения коренных рас этого континента. Другой факт, который, естественно, становится более очевидным по мере углубленного изучения предмета, особенно в отношении народов, населяющих западную половину Северной Америки, заключается в том, что бесчисленные разновидности речи, встречающиеся среди этих племен, постоянно имеют тенденцию к исчезновению, имеют тенденцию к широкому разделению, объединению в группы и семьи, тем самым устанавливая более тесные отношения между одними и увеличивая дистанцию между другими. Количество языков и диалектов, которые поначалу казались легионом, при сравнении и классификации постоянно сокращается. Если бы мы могли вернуться назад, хотя бы на несколько тысяч лет, и проследить за поворотами и извилинами их кочевого существования, мы были бы удивлены постоянно происходящими быстрыми и тотальными изменениями; мы увидели бы, как по всему этому обширному континенту прилив человеческой жизни спадает и течет, подобно могучему океану, вздымающемуся взад и вперед в постоянном волнении, огромные волны человечества перекачиваются через леса, равнины и горы, нации вытесняют нации, поглощают или уничтожают, только для того, чтобы самим быть неизбежно вытесненными, поглощенными или аннигилированными; мы увидели бы в результате, что человеческая жизнь меняется. из этого нескончаемого смешения языки постоянно видоизменяются, некоторые полностью или частично исчезают, некоторые меняются в меньшей степени, и вряд ли хоть один остается неизменным в течение сколь-нибудь значительного промежутка времени. Даже за короткий период наших собственных наблюдений, между временем первого прибытия европейцев и исчезновением туземцев, многие изменения очевидны; пока мы наблюдаем за ними, мы видим, как колеблются их границы, подобно игре нитей в сети. На внутренних равнинах, где охотились на бизонов, я видел скопления племен, изгнанных со своих старых стоянок, в некоторых случаях за тысячу миль отсюда, и их места были заняты другими; в более узких пределах северо-западных гор я видел многочисленные племена, истребленные их соседями, и только остатки содержались в качестве рабов. Хотя таково было нормальное состояние аборигенов, нетрудно заметить, по крайней мере, в какой-то степени, влияние этого явления на языки. И все же, хотя

американские языки действительно являются, по выражению Уитни, "самыми изменчивыми формами человеческой речи", в них все же обнаруживаются неразрушимые характерные элементы, связи, которые никакие обстоятельства времени или места не могут полностью стереть.

ДЛИННЫЕ СЛОВА В АМЕРИКАНСКИХ ЯЗЫКАХ.

Одним из таких характерных элементов является частое употребление длинных слов. Даже отоми, единственный язык в Америке, который можно назвать односложным, состоящий по большей части из односложных этимонов, содержит несколько сравнительно длинных слов. Такая частота употребления длинных слов, метод их построения и легкость, с которой они произносятся, составляют поразительную черту в системе единства, которая пронизывает все американские языки. Уроженец Нового Света выражает одним словом, сопровождаемым, возможно, мычанием или жестом, то, для объяснения чего европеец использовал бы целое предложение. Он облакает максимально возможное количество идей в максимально компактную форму, как будто во множестве слов он находит скорее слабость, чем силу, — беря несколько идей за их односложные эквиваленты и объединяя их в одном единственном выражении. Это правило универсально; и поэтому эти языки становятся, по выражению Гумбольдта, "подобными различным субстанциям в аналогичных формах", в которых, как замечает Галлатин, существует "универсальная тенденция выражать одним и тем же словом не только все, что модифицирует или относится к одному и тому же объекту или действию, но и действие, и объект, концентрируя таким образом в одном выражении сложную идею или несколько идей, между которыми существует естественная связь". Эта лингвистическая особенность называется по-разному. Дюпонсо называет это полисинтетической стадией или системой, Вильгельм фон Гумбольдт - агглютинативной, Либер - голофрастической; другие - агрегативной, инкорпоративной и так далее. В качестве иллюстрации этой особенности возьмем ацтекское слово, обозначающее почтовые расходы, *amatlacuilolitquitcatlaxtlahuilli*, которое в буквальном переводе означает "плата, полученная за доставку бумаги, на которой что-либо написано". Чероки идут еще дальше и выражают целое предложение одним словом — правда, длинным, но все же одним словом — *winitawtigeginaliskawlungtanawnelitisesti*, которое в переводе образует предложение: "к тому времени они почти закончат оказывать милости на расстоянии тебе и мне". Можно упомянуть и другие особенности, общие для всех американских языков, такие как повторение одного и того же слога для выражения множественного числа; использование частотных падежей и двойственных форм; применение рода к слову "Я". третье лицо глагола; прямое преобразование существительных, субстантивированных и прилагательных, в глаголы и их спряжение как таковое; особые родовые различия, возникающие в результате деления одушевленных и неодушевленных существ, и тому подобное.

Многообразие языков, даже в пределах сравнительно узких областей, делало принятие какого-либо универсального языка абсолютно необходимым. Этот международный язык в Америке по большей части ограничен жестами, и нигде язык жестов не достиг более высокой степени совершенства, чем здесь; и что наиболее примечательно, одни и те же представители используются от Аляски до Мексики и даже в Южной Америке. Таким образом, у каждого племени есть определенный жест для обозначения своего названия, который понятен всем остальным. Плоскоголовый сообщает о своем племени, положив руку на голову; ворон - имитируя хлопанье крыльями птицы; Нез Персе - указывая пальцем себе в нос, и так далее. Огонь

обычно обозначается дуновением, за которым следует притворное согревание рук, воду - притворным зачерпыванием и питьем, обмен - скрещиванием указательных пальцев, определенный жест фиксируется для всего необходимого для продолжения разговора. Помимо этого естественного языка жестов, в различных частях света встречается межплеменной жаргон, состоящий из слов, подобранных в соответствии с чрезвычайными ситуациями из речи нескольких соседних народов; при необходимости конструкция или произношение слов изменяются, чтобы удовлетворить всех. Таким образом, в долине Юкона мы находим жаргон славян, а в долине Колумбии - жаргон чинуков, который возник первоначально, а не между франко-канадскими и английскими трапперами и туземцами северо-запада исключительно в целях торговли, как это обычно принято считать, но который возник среди самих племен спонтанно и до прихода европейцев, хотя и был значительно изменен и расширен в результате последующих контактов с европейцами. Таким образом, без сомнения, был заложен фундамент многих постоянных языков и диалектов; и таким образом мы можем легко ощутить мощное и продолжительное влияние одного языка на другой.

Относительно количества языков в Америке существуют большие расхождения во мнениях. Эрвас, до того как была открыта половина страны, считал оправданным классифицировать их все по семи семьям, в то время как другие находят, только на тихоокеанской стороне северного континента, более шестисот языков, которые до сих пор отказываются присоединяться. Различных диалектов бесчисленное множество; и все же, несмотря на огромное количество названий, которые я собрал в конце этой главы, вероятно, нам не известна и четвертая часть их реального числа.

ЯЗЫКИ ТИХООКЕАНСКИХ ГОСУДАРСТВ.

Языки многих Тихоокеанских государств имеют сходство друг с другом, и поэтому их можно в той или иной степени объединить в группы и классы. Эти языки, однако, слишком мало похожи друг на друга, чтобы их можно было назвать диалектами, и в большинстве случаев невозможно проследить какую-либо связь. Но на нашей территории встречаются четыре великих языка, или, если исключить эскимосский, который в полном смысле не является американским языком, остается только три: тинне, ацтеки и майя. Малых языков гораздо больше, как будет показано далее. Эскимосы живут вдоль берегов северного полярного океана и принадлежат скорее к старому свету, чем к новому. Семейство тинне, атабаска или Чепевьян охватывает северную оконечность хребта Скалистых гор, посылая свои ответвления во всех направлениях - на Аляску, в Британскую Колумбию, Британскую Америку, Вашингтон, Орегон, Калифорнию, Нью-Мексико, Техас и Мексику. Язык ацтеков, родиной которого является Центральная Мексика, встречается также в Никарагуа и других частях Центральной Америки. Следы, кроме того, появляются в некоторых частях Соноры, Синалоа, Дуранго, Чиуауа, Техаса, Аризоны, Калифорнии, Юты, Невады, Айдахо, Монтаны и Орегона. Майя - главный язык Центральной Америки, но его следы можно найти и в Мексике. Таким образом, мы видим, что, хотя колыбель языка тинне, по-видимому, находится в центре Британской Северной Америки, его диалекты распространяются на запад и юг, их интенсивность уменьшается по мере удаления от гипотетического первоначального центра, они внезапно вымирают в одних направлениях, постепенно исчезают в других и возникают с разрозненными интервалами в других. Так и с языком ацтеков, первоначальным центром которого, насколько можно судить по нынешним данным, была долина Мехико; мы находим, что он простирается на юг вдоль берегов Тихого океана до Никарагуа, в то время как на севере его следы становятся все слабее и слабее, пока не

исчезают совсем. Так же обстоит дело и с майя, которые, занимая меньшую территорию, более отчетливо обозначены и, следовательно, за ними легче следить.

При классификации языков Тихоокеанских штатов идентификационные знаки различаются в зависимости от разных семей. Таким образом, лингвистическая принадлежность семьи Тинне основана не столько на определенных повторяющихся грамматических правилах, сколько на количестве важных слов, встречающихся в той же или слегка измененной форме. В языке ацтеков верно обратное; ибо, хотя в некоторой степени при установлении отношений мы руководствуемся словесным сходством, все же мы также находим положительные грамматические правила, которые имеют гораздо больший вес, чем простое словесное сходство.

Например, на севере, везде, где обнаруживаются следы ацтеков, ацтекские субстантивные окончания *tl* и *tli* либо сокращены, либо изменены в соответствии с обычной системой на *ti*, *me*, *m*, *de*, *re*, *ki*, *ke*, *ca*, *la*, *ri*. Эти северные народы используют ацтекские числительные, но в сильно измененных формах; личные местоимения встречаются там, но почти не изменились, в то время как указательные, вопросительные и неопределенные местоимения также имеют признаки ацтекского происхождения. Окончание *ame*, которое, прилагаясь к глаголу, обозначает действующее лицо, может быть ясно прослежено; в то время как среди тех же северных народов, о которых я говорю, обнаруживается определенная система *Lautverschiebung* или шумоподавления, первоначально открытая Гриммом в индогерманской семье и профессором Максом Мюллером, названная законом Гримма.

В ходе этого расследования я заметил двоякое любопытство, которое, возможно, заслуживает упоминания. По всему великому Северо-Западу, а также в большинстве многочисленных словарей тинне, как и везде, встречается ацтекское слово, обозначающее камень, *tetl*, иногда слегка измененное, но всегда узнаваемое, и которому неизменно придается то же значение; в то время как, с другой стороны, тиннеское слово, обозначающее огонь, *sin* или *soon*, аналогичным образом встречается в нескольких мексиканских языках, и я даже заметил его в словаре одного народа Гондураса. Это может быть чисто случайно, но оба слова важны, и я подумал, что лучше всего привлечь внимание к этому факту.

ЯЗЫКИ ВНУТРЕННИХ И ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.

Более крупные языковые семьи по большей части находятся в глубине материка, в то время как вдоль морского побережья речь людей разбита на бесчисленные фрагменты. Особенно это касается берегов Северо-запада. К югу от Акапулько, как мы видели, язык ацтеков занимает побережье на некотором расстоянии; но опять же, дальше на юг, а также на побережье Мексиканского залива, наблюдается большое разнообразие языков и диалектов. В Калифорнии неразбериха становится нескончаемой; как будто здесь собрались строители Вавилонской башни со всех концов земли, что привело всех в вечное замешательство; однако даже в Калифорнии, главным образом в северной части, существуют языковые семьи. Вовсе не невероятно, что малайцы, китайцы или японцы, или все они, когда-то появились на территории нынешней Северной Америки в таком количестве, что оказали существенное влияние на язык, но до сих пор в Америке не было обнаружено ни одного азиатского или европейского языка, за исключением эскимосского; также не было обнаружено сходства с каким-либо другим языком мира, достаточно заметного, чтобы оправдать утверждение о родстве. Теоретиков было и будет достаточно; на протяжении последующих столетий полузабытые ученые, не знающие о том, что

сделали или, скорее, не смогли сделать другие, не перестанут выдвигать замечательные концепции, поразительные аналогии; не перестанут строить предположения лингвистически, этнологически, космографически и иным образом к собственному удовлетворению и замешательству своих читателей. Абсурдность этих спекуляций очевидна всем, кроме спекулянта. Как только в Америке был открыт односложный язык отоми, восстает чемпион, сеньор Наджера, заявляющий о различии китайского языка, и без какого-либо другого результата, кроме как признать оба языка односложными, что было достаточно хорошо известно раньше. Итак, аббат Брассер де Бурбур, посвятивший этому предмету больше лет изучения и страниц печатной продукции, чем любой другой писатель, если только это не полусумасшедший лорд Кингсборо, сначала пытается доказать, что языки майя произошли от латинского, греческого, английского, немецкого, скандинавского или других арийских языков; затем, что все эти языки являются всего лишь ответвлениями от самих майя, которые являются единственным истинным первобытным языком. Вот и все для невоздержанных спекуляций, которые, будь то заученные или поверхностные, слишком часто берут начало в сомнении и заканчиваются безвестностью. Во всех этих гипотезах аргумент принимает форму аналогий, проводимых между народами, с которыми пытаются установить отношения, — на самом деле, это несложно, если учесть, что все человечество сформировано по одной модели и что бесчисленные сходства неизбежно должны существовать между всеми расами земного шара.

СЛУЧАЙНОЕ СХОДСТВО СЛОВ.

Чтобы показать тщетность таких попыток, позвольте мне привести несколько слов, аналогичных как по значению, так и по звучанию, выбранных из американского, европейского, азиатского и других языков, между которыми, как теперь точно установлено, не существует никакой связи. Для немецкого *джа* у нас есть *шаста я*; для *комма* - *команч ким*; для *Копфа* - *кахита коба*; для *вайнена* - *Кора вьейн*; для *туна* - *тепехуана дуни*; для *нихтса*, *найна*, *чавычи никст*, *никс*. Для греческого *κόραξ*, есть *Тараумарасолатши*; для *ῥαθον*, *μαθεῖν*, *кора муатê*; для *γυνή*, в *Сахита Цуна*. Для латинского *hīs*, *vas*, у нас есть *тепехуана hīs*, *ваза*; для *мукора* - *Кора мукуаре*; для *лингва* - *мокуи линга*; для *валлиса* - *калапуя валлах*; для *тогу*, *manus*, *the Kenai togaai* *мужчина*. Для французской *запеканки* мы находим *тараумара кассниалер*; для *тантнер* - *тепехуана татаме*. Для испанского *уэко* - *тараумара носо*; для *туэтано* - *Кора тутана*. Для итальянского *così* - *тараумара косси*; для арабского *ачара* - *тараумара аджаре*; для гавайского *по* - *Секумне по* (ночь).

Для санскритского *da* есть *Кора та* (давать); для *эке* - *мизтекский эк* (один); для *ма* - *тепехуана май* (не) и *майя ма* (нет); для *маса* (месяц) - *Пима махса* (луна); для *чандры* (луна) - *кенай чане* (луна); для *пада* (ступня), *Секумне подо* (нога); для *кама* (любовь), у *шошонов камах* (любить); для *па*, *Киж паа* (пить). Для малайской *тана* у нас есть *тепехуана тани* (просить); для *хурип*, *табах*, *Кора хури* (жить), *таба* (бить); для *хома*, *Шаста ома* (дом) и так далее.

Эти примеры я мог бы увеличивать до бесконечности и показать поразительное сходство в нескольких словах практически между любыми двумя языками мира. Когда в любых двух языках их достаточно схожих по звучанию и значению, чтобы составлять правило, а не исключения, такие языки считаются родственными; но там, где, как в приведенных выше примерах, это сходство просто случайно, доказать их родство было бы слишком сложно, поскольку тогда можно было бы сказать, что родственными являются все языки земли.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ.

Рассматривая языки Тихоокеанских штатов, начиная с северных и продвигаясь к югу, я взял за правило следовать им, куда бы они ни вели, не ограничивая себя местом или нацией. Одна нация может говорить на двух языках; на одном и том же языке может говорить дюжина народов, и если доказательства таковы, что предполагают существование одного и того же языка или его следов на Аляске и в Соноре, я могу сделать не меньше, чем шагнуть из одного места в другое, говоря об этом. Помимо названий и локализаций языков и языковых семей, я попытаюсь дать некоторое представление о нескольких их специфических характеристиках, их грамматической конструкции, приведя такие примеры каждого из них, которые позволят изучающему проводить сравнения и делать выводы. В следующей таблице я попытался провести классификацию этих языков; но в некоторых случаях из-за нехватки словарей, заимствованных до смешения, последовавшего за появлением европейцев, любая классификация может быть лишь приблизительной.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ТИХООКЕАНСКИХ ШТАТОВ.

	{		{	{	Naggeuktormute
	{		{	{	Котенок
	{		{	Северный	{ Кангмали-Иннуин
	{		{	Эскимосский	{ Нувангмеун
	{		{		{ Нунатангмен
	{		{		{ Кайтегу
	{		{		
	{	{			{ Мэйлмют
	{		{		{ Анлигмут
	{	Эскимосский	{		{ Чнагмут
	{		{		{ Паштолик
	{		{	Южный	{ Кангджулит { Кускокигмут.
	{		{	Эскимосский	{ Кускокигмут
	{		{	или	{ Магемут
	{		{	Кониаган	{ Агульмут
	{		{		{ Кеджатай - Муте
	{		{		{ Аглегмутный
	{		{		{ Чугач
	{		{		{ Кадьяк
	{				
	{	Алеут			{ Уналашка
	{				{ Атха
Гиперборейцы	{				
	{				{ Якутат
	{				{ Чилкат

{		{	Худсину
{		{	Такоо
{	Тлинкит	{	Аук
{		{	Кака
{		{	Ситка
{		{	Иликну
{		{	Стикин
{		{	Тунгасы
{			
{	{	{	Пила-тинне или Чепевян
{	{	{	Тансавхут-тинне или река Коппермайн
{	{	{	Гора Хорн
{	{	{	Бобер
{	{	{	Тлингча-тинне или собачье ребрышко
{	{ Восточный	{	Кавчо-тинне или Заяц
{	{ Подразделени е	{	Амбавтаухут-тинне или Овцы
{	{	{	Сарсис или Сурсе
{	{	{	Циллавдаухут-тинне или хворост
{	{	{	Нагайлер
{	{	{	Слоуакусс-тинне
{	{	{	Скалистые горы
{	{	{	Эдчавтавут-тинне
{	{		
{	{	{	{ Деготи-кутчин
{	{	{	{ или Loucheux
{	{	{	{ Ванта-кутчин
{	{	{	{ Натче-кутчин
{	{	{	{ Кукут-кутчин
{	{	{	{ Тутчоне- кутчин
{	{	{ Катчин	{ Татзи-катчин
{	{	{	{ Хан-кутчин
{	{	{	{ Артез-катчин
{	{ Западный	{	{ Кутча-кутчин

{		{ Подразделени е	{	{ Тенан-катчин
{		{	{	
{		{	{	{ Джунакачотан а
{		{	{	{ Jugelnut
{		{	{	{ Ингалик
{		{	{ Кенай	{ Инкалит
{		{	{	{ Кенай
{		{	{	{ Угаленц
{		{	{	{ Атна или Неханна
{		{	{	{ Koltschane
{		{	{	
{		{	{	{ Таутин или Талкотин
{	Тинне	{	{	{ Цилкотин или Чилкотин
{		{	{	{ Наскотин
{		{	{	{ Тетлиотин
{		{	{ Тактильно	{ Цацнотин
{		{	{ или	{ Нулаутин
{		{	{ Перевозчик	{ Ntshaautin
{		{	{	{ Натлиаутин
{		{ Центральный	{	{ Никозляутин
{		{ Подразделени е	{	{ Татшиаутин
{		{	{	{ Младенец
{		{	{	{ Сиканни
{		{	{	
{		{	{ Tlatskanai	
{		{	{ Куальхиокв а	
{		{	{ Судья	
{		{	{	{ Ласси
{		{	{	{ Вилацкий
{		{	{ Хупа	{ Хейнаджи
{		{	{	{ Толева

{		{	{	Tahahteen
{		{	{	Сиах
{		{		
{			{	{ Собственно Apache
{		{	{	Tonto
{		{	{	Чирикаги
{		{	{	Гиленьо
{		{	{	Мимбреньо
{		{	{	Фараон
{		{	{	Мескалери
{		{ Южный	{ Апачи	{ Льянеро
{		{ Подразделе ние	{	{ Липан
{		{	{	{ Вакери
{		{	{	{ Ксикарилья
{		{	{	{ Натаж
{		{	{	{ Piñaleno
{		{	{	{ Койотери
{		{	{	{ Теджуа
{		{	{	{ Коппермайн
{		{	{	{ Навахо
{	Хайда	{ Хайда		
{		{ Кайгани		
{				
{		{ Насс		
{	Насс	{ Себасса		
{		{ Хайльца		
{				
{	Беллакула			
{	Чимсян			
{				
{		{ Нутка		
{		{ Крякающий		
{		{ Коровий пирог		

Колумбийцы	{	Нутка	{	Тлаоквач
	{		{	Uclenu
	{		{	Куэйн
	{		{	Квакто
	{		{	Коскиемо
	{		{	Кватсино
	{		{	Кикукут
	{		{	Айтицзахт
	{		{	Чиклезахт
	{		{	Ахазахт
	{		{	Эшквахт
	{		{	Klaizzaht
	{		{	Нитинахт
	{		{	Токвахт
	{		{	Сешахт
	{		{	Клейоquot
	{		{	Пачина
	{		{	Сокэ
	{		{	Нимкиш
	{		{	Викинниш
	{		{	Сонги
	{		{	Санетч
	{		{	Сотих
	{		{	Нусдалум
	{		{	Квантлум
	{		{	Teet
	{		{	Нанаймо
	{		{	Такулта
	{		{	Ucleta
	{		{	Некульта
	{		{	Queehaniculta
	{		{	Новичок
{	{	Саукаулутук		
{	{	Мака		
{	{	Новая химия		
{	{	Шимиахму		
{	{	Нуксак		

{		{	Самиш
{		{	Скагит
{		{	Снохомиш
{		{	Чимакум
{		{	Ключица
{		{	Тоанхуч
{			
{		{	Собственно Салиш или Плоскоголовка
{		{	Лумми
{		{	Клаллам
{		{	Куллеспельм или Пенд д'Орейль
{		{	Шушвап
{		{	Сугоменеи
{		{	Спокан
{		{	Сик'озилни
{	Салиш	{	Соайатлпи
{		{	Оканаган
		{	Сент - лакам
{		{	Skitsuish, or Cœur d'Alêne
{		{	Пискус
{		{	Каулиц
{		{	Нсит - Шоуи
{		{	Правильно чехались
{		{	Чехалис
{		{	Куайантл
		{	Квениауитл ь
{		{	Некачественн о
{	Кутенай		
{		{	Собственно Сахаптин или Без него
{		{	Валла - валла
{		{	Бледный
{	Сахаптин	{	Якима
{		{	Кликетать
{		{	Таиртла

{		
{	Вайлатпу	{ Кайусе
{		{ Моллале
{		
{		{ Чинук
{		{ Вакиакум
{	Чавыча	{ Катламет
{		{ Клацанье
{		{ Малтнома
{		{ Skilloot
{		{ Ватлала
{		
{	Ямкали	
{	Калапуя	
{	Жаргон чинуков	
{	Тототин	
{	Якон	
{		{ Лутуами или Клапат
{	Клапат	{ Модок
{		{ Копа
{		
{		{ Шаста
{	Шаста	{ Палаик
{		{ Ватсахева
{		
{	Еурос	
{	Карок	
{	Оппегач	
{		{ Патэуэй
{	Патэуэй или	{ Вееард
{	Вайтспек	{ Вайот
{		{ Вишоск
{		
{	Енек или Пехцик	
{	Кактетеох	

	{	Набильце	
	{	Патават	
	{	Чиллула	
	{	Катта на колесах	
	{	Кайлта	
	{	Чималакваи	
	{		
	{		{ Юка
	{	Юка	{ Тахту
	{		{ Вапо или Ашохимия
	{		
	{		{ Укия
	{		{ Галлиномер
	{		{ Масалламагун
	{		{ Гуалала
	{		{ Matole
	{	Ромо	{ Kulaparo
	{		{ Sanél
	{		{ Йониос
	{		{ Човешак
	{		{ Батемдакайе
	{		{ Чокаем
калифорнийц	{		{ Оламентке
ев			
	{		{ Кайнамарэ
	{		{ Chwachamaju
	{		
	{	Кушна	
	{	Кинкла	
	{	Юба	
	{	Сонома	
	{	Олеепа	
	{	Елой или Йоло	
	{	Немшоус	
	{	Колуза	
	{	Башони	
	{	Вешанак	

	{	Мейду		
	{	Нишенам		
	{			
	{		{	{ Очная
	{		{	{ Сероумное
	{		{	{ Чупумне
	{		{	{ Омочумне
	{		{	{ Второе
	{		{	{ Валагумне
	{		{	{ Cosumne
	{		{ Восточный	{ Сололюмн
	{		{ Диалекты	{ Туреалумне
	{		{	{ Сайвамин
	{		{	{ Нью - Йорк
	{		{	{ Матчне
	{	Сакраменто	{	{ Сагаяумне
	{	Долина	{	{ Мутелемне
	{	Языки	{	{ Сопотатумн е
	{		{	{ Талатиу
	{			
	{		{	{ Пузлумне
	{		{	{ Ясумне
	{		{	{
Пуджуни			{ Западный	{ Секунде
	{		{ Диалекты	{ Киски
	{		{	{ Ялсумне
	{		{	{ Хук
	{		{	{ Юкал
	{		{	{ Цамак
	{		{	{ Немшоу
	{			
	{	Напобатин		
	{			
	{		{ Напа	
	{		{ Миакома	
	{	Напа	{ Калайомане	

	{		{	Кайму
	{		{	Uluca
	{		{	
	{			
	{	Муститул		
	{	Тулкай		
	{	Суйсун		
	{	Карквинес		
	{	Томалес		
	{	Лекатуит		
	{	Петалума		
	{	Гильуко		
	{	Туларер		
	{	Хавхоу		
	{	Кокосовый орех		
	{	Yocut		
	{	Маталан		
	{	Сальсе		
	{	Кирот		
	{	Олхоне		
	{	Рансьен		
	{	Эслен		
	{	Исмуракан		
	{	Аспианак		
	{	Сакхоне		
{		Шалон	Шалон	
	{			
	{	Пойтоки		
	{	Муцун		
	{	Тамьен		
	{	Чаучилла		
	{	Мивок		
	{	Татче		
	{	Сан - Мигель		
	{	Санта- Крус		

		{	Шошоны	{	Шошоны
	{		Шошоны	{	Вихинашт
	{			{	Баннак
	{			{	Шошоки
	{				
	{			{	Юта
	{			{	Uintaüte
	{			{	Гошут
	{			{	Пиутские
ШОШОНЫ	{	Юта		{	Пахуте
	{			{	Пайули
	{			{	Уошоу
	{			{	Сампиче
	{			{	Моно
	{				
	{	Команч			
	{	Мокуи			
	{	Киж			
	{	Нетела			
	{	Кечи			
	{	Чемехуэви			
	{	Кахуильо			
	{			{	Кивоми
	{	Вопрос		{	Кочитеми
	{			{	Акома
	{				
Пуэбло	{	Тегуа или Тезуке			
	{	Пикори			
	{	Хемес			
	{	Зуни			
	{			{	Юма
	{			{	Марикопа
	{			{	Кучан
	{	Юма		{	Мохаве
	{			{	Диегеньо

	{		{ Ямпаи
	{		{ Явипаи
	{		
	{	Chevet	
	{		
Нью - Мексиканцы	{	Кахуэнче	{ Кахуэнче
	{		{ Джалликвама й
	{		
	{	Тамаджаб	
	{		
	{	Бенеме	{ Текиче
	{		{ Тениквече
	{		
	{	Covaji	
	{	Noche	
	{		
	{	Cochimí	{ Лэймон
	{		{ Ika
	{		
	{		{ Кора
	{		{ Монки
	{		{ Дидиу
Нижний калифорнийц ев	{	Гуайкури	{ Люблю
	{		{ Edù
	{		{ Учение
	{		
	{	Pericú	
	{		
	{	Pima Alto	{ Pápago
	{		{ Sobaipuris
	{		
Pima	{	Pima Bajo	
	{		{ Уклоняться

{		{	Тегис
{		{	Тегима
{		{	Когуначи
{	Опата	{	Батука
{		{	Сахуарипа
{		{	Химери
{		{	Гуазаба
{		{	Джова
{			
{		{	Мауо
{	Кахита	{	Яки
{		{	Техуэко
{			
{	Зои		
{	Гуазаве		
{	Батука		
{	Айбино		
{	Окорони		
{	Вокареги		
{	Зуак		
{	Комопорис		
{	Домой		
{	Мокорито		
{	Петатлан		
{	Huite		
{	Руда		
{	Макояхуи		
{	Tauro		
{	Troes		
{	Нию		
{	Кауимето		
{	Тепаве		
{	Охуенно		
{	Чикората		
{	Басопа		
{			
{		{	Варохио

Северный	{	Тараумара	{ Мексиканцы
Гуазапаре	{		{ Пачера
	{		
	{	Кончо	
	{	Тобосо	
	{	Хулиме	
	{	Пиро	
	{	Сума	
	{	Чинарра	
	{	Ирритилия	
	{	Теджано	
	{	Тубар	
	{		
	{	Тепехуана	
	{		
	{		{ Топиа
	{	Асахее	{ Сабайбо
	{		{ Ксисим
	{		
	{	Сакатек	
	{	Казкане	
	{	Мазапиле	
	{	Уиткол	
	{	Гуачичиле	
	{	Колотлан	
	{	Тлаксомульте	
		к	
	{	Текуэксе	
	{	Тепекано	
	{		{ Муцикат
	{	Кора	{ Теаквалитзигти
	{		{ Кора, или Атеакари
	{		
	{	Ацтекский, мексиканский или	
		науатльский	
	{		

	{	Otomí	{	Otomí
	{		{	Мазахуа
	{			
Центральная	{	Пэм		
Мексиканцы	{	Меко или Серрано		
	{	Ты		
	{	Йем		
	{	Оливка		
	{	Занамбре		
	{	Пизон		
	{	Тамаулипек		
	{			
	{	Тараско		
	{	Матлалцинка		
	{	Ocuiltec		
		{, ,,	{	Тепускулано
	{		{	Yangüistlan
	{		{	Мизтек -баха
	{		{	Miztec alta
	{		{	Куишлауак
	{	Мизтек	{	Тлашьяко
	{		{	Куилапа
	{		{	Миктлантонго
	{		{	Тамазулапа
	{		{	Ксальтепек
	{		{	Ночизтлан
	{			
Южный	{	Чочо, или		
мексиканский	{	Развлечение		
	{	Масатек		
	{	Cuicatec		
	{	Чатино		
	{	Тлапанец		
	{	Китайская компания		
	{	Пополука		
	{			

майя-киче	{		{	Заачилла
	{		{	Ocotlan
	{		{	Этла
	{	Сапотек	{	Нецичо
	{		{	Серрано де Ицтепек
	{		{	Serrano de Cajonos
	{		{	Beni Xono
	{		{	Serrano de Miahuatlan
	{			
	{	Mije		
	{	Huave		

	{	Таулепа	
	{	Улуа	
	{	Киче	
	{	Чакчикель	
	{	Зутугил	
	{	Чорти	
	{	Алагилак	
	{	Кайчи	
	{	Иксиль	
	{	Зоке	
	{	Сохон	
	{	Шаньябаль	
{		Чол	
{		Узпанте	
		к	
{		Агуакате	Агуакатек
		к	
	{	Кечи	
	{	Майя	
	{	Кариб	
	{	Комар	
	{	Поя	
	{	Тоука	
	{	Секо	
	{	Валиенте	
	{	Рама	
	{	Кукра	
	{	Вульва	
Комар	{	Тунгласа	
	{	Ленка	
	{	Сму	
	{	Тегука	
	{	Альбатуина	
	{	Хара	
	{	Тоа	
	{	Гаула	

	{	Мотука
	{	Фансазмав
	{	Самбо
ст. амер.	{	Корибичи
	{	Чоротега
	{	Чонтал
	{	Оротинья
Costa Rica	{	Blanco
	{	Tiribi
	{	Talamanca
	{	Чирипо
	{	Гуатузо
	{	Никоя
	{	Церебаро
	{	Chiriquí
	{	Burica
	{	Veragua
	{	Париж
	{	Escoria
	{	Biruqueta
	{	Nata
	{	Urraca
	{	Чиру
	{	Чайм
	{	Чикакотра
	{	Сангана
	{	Гуарара
	{	Кутара
	{	Ranamá
	{	Чучура
	{	Огорчение
	{	Чепо
	{	Куэба
	{	Куарекуа

Истмийская	{	Чьяпе
	{	Понка
	{	Покора
	{	Зуманама
	{	Койба
	{	Понка
	{	Читаррага
	{	Асла
	{	Карета
	{	Дариен
	{	Абииба
	{	Абенамечей
	{	Дабайба
	{	Биру
	{	Тале
	{	Чоло
	{	Дорачо
	{	Симаррон
	{	Баяно
	{	Мансанильо, или Сан-Блас
	{	Мандинго
	{	Супа
	{	Супасупа
	{	Шоколад
	{	Каомане
	{	Urabá
	{	Idiba
	{	Рауа
	{	Гоаджиро
	{	Мотилоне
	{	Гайнета
	{	Кокина

ГЛАВА II. ГИПЕРБОРЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ.

Различие между эскимосским и американским языками—Эскимосское произношение и склонение—Диалекты кониagas и алеутов—Язык тлинкитов—Гипотетическое сходство—Семья тинне и ее диалекты—Восточное, западное, центральное и южное деления—Склонение чепевян—Ораторское искусство в речи катчинсов—Сравнение диалектов атна и угалензе—Образец языка колтшейн—Тактильные гортанные звуки—Словарь хупа—Диалекты апачей—Липанский Молитва Господня—Слова навахо—Сравнительный словарь семьи тинне.

Национальные и племенные различия, приведенные в первом томе этого труда, по большей части будут служить разделением языков и диалектов; поэтому я не буду повторять здесь названия и границы, упомянутые ранее, за исключением тех случаев, когда это может быть необходимо при разговоре только о языках. Как правило, соблюдаются те физические и социальные различия, которые указывают на обособленность народов, если они действительно не обусловлены обособленностью диалектов, то есть разнообразие языков действует так же сильно, как аспекты природы или любые другие причины, разделяя человечество на племена и нации; следовательно, в различных слоях человечества встречаются разные диалекты, а между диалектами - физические и географические различия.[II'-1]

ЯЗЫКИ АРКТИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

Как я уже говорил в другом месте, эскимосы - аномальная раса Нового Света; и это не менее верно в отношении их языка, чем в отношении их физических характеристик. Очевидно, что это полярный народ, а не американец или азиат.[II'-2] Они держатся морского побережья; и хотя различие между ними и внутренней Америкой четко прослеживается, по мере того как мы спускаемся по Берингову проливу и морю, пересекаем полуостров Аляска и следуем берегами Тихого океана на восток и юг, постепенно арктический диалект сливается с собственно американским. В нашей гиперборейской группе, южная граница которой проходит по пятьдесят пятой параллели, северная часть побережья полностью занята эскимосами, южная - народом, который одни называют эскимосами, а другие кониagas, в то время как в дальнейшем градация настолько полная, а переход от одного к другому настолько незаметен, что часто бывает трудно определить, кто из них индейцы, а кто эскимосы. Описывая их манеры и обычаи, я разделил жителей прибрежной Аляски на две группы, назвав их эскимосами и кониagами, но на их языках и диалектах я буду говорить о них как об одном. Ни один филолог, знакомый со всей территорией, не пытался классифицировать эти гиперборейские языки; разные авторы относят языки всех стран к таким конкретным частям, с которыми они случайно знакомы. Так, русский священник Вениаминов делит эскимосский язык на шесть диалектов, все они принадлежат племени кониага, проживающему на островах Кадьяк и прилегающей территории. Дело в том, что Вениаминов жил на юге Аляски и на Алеутских островах и ничего не знал о великих внутренних народах на севере и западе. Жителям Кадьяка он дает два диалекта, северный и южный, и переносит тот же язык на прилегающие основные земли.[II'-3] Русский исследователь Сагоскин на чнагмутском диалекте Вениаминова объединяет квичпагмут и кускоквигмут под собирательным названием кангджулит, из которых с кадьяком он составляет сравнительный словарь, устанавливающий их идентичность.[II'-4] Аналогичным образом Бэр классифицирует эти северные языки, но ограничивается почти исключительно побережьем над островом Кадьяк.[II'-5]

Коцебу говорит, что на диалекте этого же языка говорят уроженцы острова Святого Лаврентия.[II'-6] И все же, если мы можем поверить мистеру Симанну, все эти диалекты существенно отличаются. Эскимосский язык, пишет он, "делится на множество диалектов, которые часто настолько сильно различаются, что те, кто говорит на одном, не в состоянии понимать остальные. Например, уроженцам Коцебу-Саунда приходится пользоваться услугами переводчика при разговоре со своими соотечественниками в Нортон-Саунде; ближе к Пойнт-Барроу преобладает другой диалект, который, однако, недостаточно отчетлив, чтобы быть непонятным для народа Коцебу".[II'-7]

ПРИМЕРЫ ЭСКИМОССКОЙ ГРАММАТИКИ.

Согласно Вейтеру и Ричардсону, эскимосский язык, на котором говорят к востоку от реки Маккензи, по-видимому, имеет более мягкое звучание, как, например, для западного окончания *tch* восточные племена в основном используют *s* и иногда *h*. Немецкий звук *ch*, гортанный, часто слышен среди западных людей. Существительные имеют шесть падежей, изменения в которых выражаются придаточными слогами.

Это в единственном числе *мут, мик, мит, я и кут*, а также во множественном числе *нут, ник, нит, не и кишка. Га, го, не, айт, анга, ара* и т.д., прилагаемые к именительному падежу, обозначают притяжательный падеж. Как: —*кивгах, слуга; кивганга, мой слуга; кивгане, его слуга;* и т.д. *Арсу* и *арсуит* являются уменьшительными окончаниями и дополнениями *замачивать, садить* и *судсек*. Прилагательные также склоняются. Существительные могут быть преобразованы в глаголы с помощью аффиксов *evok* и *ovok*, и прилагательное изменяется таким же образом.

Третье лицо единственного числа изъявительного наклонения берется как корень глагола, и, изменив его окончание, оно может использоваться как существительное. Инфинитив образуется от послелога *нек*. Глагол имеет множество флексий.

"Быть" или "иметь", оба обладающие сходным значением, выражаются через *ги* или *ви* — как *нунагива*, это его земля.

Ричардсон приводит следующее склонение существительного, переходное и непереходное (?):

ТУПЕК, ПАЛАТКА.

		ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	ДВОЙСТВЕННОЕ.	Множественное число.
Ном.	тр.	тупек }		
	интр.	turkib }	tuppak	turket
быт.		turkib	tuppak	turket
Дат.	тр.	tuppek	tuppak	turket
	внутри.	tuppermut	tuppangnut	tuppernut
Согласно.	тр.	tuppak	таппак	туркинут
внутри.	tuppernik	tuppangnit	turkit	Abl.
тр.	tuppermit	.	tuppangnit	tuppermit
	внутри.	tuppermut	турецкий	орех[II'-8]

Некоторые утверждают, что языки кадьяка и Алеутских островов родственны, другие отрицают какое-либо родство. Стивен Глоттофф, одним из первых посетивший остров Кадьяк, положительно заявляет, что жители Уналашки и особенно мальчик с западных Алеутских островов не могли понять жителей Кадьяка.[II'-9] Капитан Кук считал, что существует фонетическое сходство между речью уналашек и жителей Нортон-Саунда, и это мнение, по-видимому, верно.[II'-10] С приходом русских языки аборигенов в этих окрестностях настолько испортились, что на исследования последних дней можно возлагать мало надежд. Далл признает, что речь двух народов непохожа, но все же считает их язык единым.[II'-11] Более осторожный Ватер считает, что, возможно, среди кониagas заметно некоторое эскимосское влияние.[II'-12] Бэр приводит мнение адмирала фон Врангеля, который также склоняется к подобной связи, но сам он выражает противоположное мнение, приводя в подтверждение этого тот факт, что внешний вид кониagas полностью отличается от внешнего вида эскимосов.[II'-13] Бушманн в результате тщательных исследований и сравнений высказывает мнение, что язык Уналашки отличается от языка кадьяка, и подтверждает это заявлениями путешественников, как, например, мате Сайкофф, приведенными в *Neue Nordische Beiträge*, том iii., стр. 284, который говорит, что эти два языка совершенно разные.

ДИАЛЕКТЫ АТХА И УНАЛАШКИ.

На всем Алеутском архипелаге есть только два диалекта, на одном из которых говорят на полуострове Уналашка и нескольких прилегающих островах, в то время как другой, названный Вениаминовым диалектом атха, распространяется оттуда на все остальные Алеутские острова. Ни в одном из диалектов нет различия по полу; но чтобы восполнить этот недостаток, помимо множественного числа, используется двойственное. Существительные имеют три падежа: — *адакч*, отец; *адам* или *адаганиляк*, отца; *адаман*, отцу; *адакик* или *адакин*, оба отца; *адан*, отцы; *аданик*, отцам. Глаголы спрягаются с помощью окончаний. Они делятся на три класса: активные, средние и пассивные. Отрицание выражается слогом *молюк*, добавляемым к корню глагола; иногда также *ляка*, *ляга* или *гана*. *Сюконг* - беру; *сюнакчинг* - беру; *сюлякакчинг* - не беру; *сюнаголютинг* - не беру; *сюда* - беру; *сюлягада* или *сюганаччин* - не беру.

Восточные алеуты произносят очень быстро, не разделяя слова отчетливо, что очень затрудняет понимание их посторонним человеком. В Уналашке их речь более протяжная, в то время как на острове Атха аборигены произносят каждое слово очень отчетливо. Западные алеуты и жители Умнака также говорят довольно медленно, растягивая слова.[II'-14] Далл утверждает, что главное различие между диалектами атха и уналашка состоит в образовании множественного числа существительных. Первые для этой цели используют конечные буквы *s*, *sh* или *ng*. Для уменьшительных имен атхи используют окончание *кутшак*, а уналашки - *дак*. [II'-15]

На следующей странице я вставляю словарь эскимосского, кускокигмутского, малемутского, алеутского и кадьякского языков.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ.

	ЭСКИМОССКИ Й.	КУСКОКИГМУ Т.	МЭЙЛМЮТ.	АЛЕУТ.	КАДЬЯК.
Мужчина	туак	югут	енук	тойох	шил
Женщину		агнак	оканок	айягар	Огонь

игник или игнук эмик	ник	икник	кигнак	кнок	Пресная Вода
Соленая вода	Тархун с соленой водой				
Вода		мик	иммик	таангак	таангак
Земля	нуни	нунех	тшекак	нуна	Камень
ангмак					
Собака	kenma или kooneack	annakhukhta	kiyukmuk	uikuk	pewatit
нож	sequetat	chivichuk	chowik	omgazshizshik	tshangielk
Солнце	baittsaach Майсак или neiya	akhtah	shukeenyuk	akathak	madzshak
я	woonga	hwihka	wunga	Кин	Чуи
ты		lpit	illewit	ingaan	chlput
съесть	ashadlooik или ishadlooweet	neega	nugerunger	kaangen	pittooaga
Да	, а	ты	ва	Аанг	Аанг
не	нага, НАУ, tuum, НАО, aunga	chashituk	peechuk	maselikan	pedok
один	tegara или adaitsuk	atauchik	atowsik	attakon	alcheluk
два	milleitsungnet	malkhok	malruk	всеук	malogh
три	pingettsatsungn et или pingeyook	païnaïvak	pinyusut	kankoon	pingaien
четыре	tsetummat или setumet	T'chamik	setemat	shitshin	тычинок
пять	tadglémat adreyeet или taleema	talimik	телемат	tshang	талиман
шесть	arkbunna aghwinnak akkaooinelget	akhvinok	aghwinuleet	attoon	agovinligin
семь	aitpa achwinnighipag ha mullaroonik или увеличьте изображение	ainaäkhvana m	mahluditaghwinule et	olung	malchongu n

восемь	penayua penniyooik pegesset	pinaiviak	pinyusunilaghwinul eet	kamtshing	inglulgin
девять	seetumna teeidimmik	chtamiakvana m	koolinotyluk	sitching	kollemgaie n
десять	tadleema или kólit	kullnuk	kooleet	hasuk	Коллен
одиннадца ть				attakathamatki ch	alchtoch

Обратимся теперь к тлинкитам, которые простираются вдоль побережья к югу от горы Святого Ильи, как говорит Хольмберг, до реки Колумбия;[II'-16] Хлебикофф - до сорок первой параллели; Ватер - до острова королевы Шарлотты;[II'-17] и Вениаминов - до реки Стикин; последний в то же время утверждает, что все они говорят только на одном диалекте.[II'-18] Народы, упомянутые капитаном Брайантом как говорящие на этом языке, - это чилкаты, ситки, худсиноо, ауки, кака, эликиноо, стикины и тунгасы.[II'-19]

РЕЗКОСТЬ ЯЗЫКА ТЛИНКИТОВ.

Судя по всему, тлинкиты владеют самой варварской речью, какую только можно найти в Тихоокеанских штатах. Возникает ли это из-за огромного куска дерева, которым матроны тлинкит украшают свою нижнюю губу, который выводит звук из горла через зубы и нос, прежде чем он достигнет ушей слушателя, я не берусь утверждать; но то, что он жесткий, гортанный, кудахчущий, шипящий, короче говоря, любой, кроме губного, несомненно. Все, кто их посещал, будь то немцы, англичане, французы или испанцы, соглашались с этим. Маршан описывает их как чрезмерно грубые и дикие. Большинство их артикуляций сопровождается сильным носовым выдыханием с напряженными усилиями горла; особенно при издании двойного *r*, который является тяжелым и твердым. Многие их слова начинаются с сильно гортанного звука, и этот же звук часто звучит трижды в одном слове. Доктор Роблет, сопровождавший Маршана, говорит, что, несмотря на все это, язык очень законченный, в нем много слов, и туземцы без труда дают названия всему.[II'-21] Лаперуз, который делает аналогичный отчет, приводит в качестве примера его резкости слово *khlrlleies*, волосы.[II'-22] В словаре Вениаминова встречаются такие слова, как *thlklunúk*, здоровый, и *katlhth*, пепел, буквально произносимые. Часто встречающийся звук *tl* побудил нескольких авторов предположить родство с языком ацтеков; как, например, Фатер, который составил небольшую сравнительную таблицу, которую я привожу, чтобы показать прямо противоположное тому, что он хотел доказать.

Оставляя в стороне *тетл*, текамень, о котором я упоминал ранее, если бы слова были выбраны так, чтобы доказать отсутствие родства между двумя языками, они не могли бы быть более уместными. Более того, Бушманн утверждает, что некоторые мексиканские слова неправильно процитированы.[II'-23]

	АЦТЕК.	ТЛИНКИТ.
Мать	нантли	аттли

миль, простирающуюся по диагонали на сорок два градуса широты; подобно огромному дереву, стволом которого является хребет Скалистых гор, корни которого охватывают пустыни Аризоны и Нью-Мексико, а ветви касаются границ Гудзонова залива[II'-29] и Северного Ледовитого океана и Тихого океанов.[II'-30] На севере огромные компактные территории покрыты этими диалектами; к югу линия неуклонно движется в одном направлении, в то же время по обе стороны находятся изолированные участки, так сказать, разрозненные фрагменты языка тинне, в некоторых случаях на большом расстоянии от центральной линии. Ссылка на классификацию, приведенную в конце предыдущей главы, покажет деление семейства тинне на четыре подразделения — восточное, западное, центральное и южное. Восточное деление охватывает диалекты, на которых говорят между Гудзоновым заливом и рекой Маккензи; западное - диалекты катчинсов и кенаи внутренней части Аляски и Тихоокеанского побережья в окрестностях горы Сент-Элиас и Коппер-Ривер; центральное - диалекты такулли в Новой Каледонии, ампуа в Орегоне и хупах в Калифорнии; южное - диалекты апачей в Нью-Мексико, Аризоне и Северной Мексике.

Недалеко от истоков рукава реки Саскачеван живут сурсы, которых часто причисляют к черноногим, но Маккензи до этого заявлял, что они говорят на диалекте тинне.[II'-31] Умфревилль, посетивший этих людей, сравнивает их язык с кудахтаньем кур и говорит, что их соседям очень трудно его выучить.[II'-32]

Взгляните сначала на диалекты вокруг Гудзонова залива и оттуда на запад. Северные диалекты чрезвычайно труднопроизносимы, поскольку состоят в основном из гортанных звуков. Ричардсон сравнивает некоторые звуки с кудахтаньем готтентотов, а Исбистер называет их "резкими и гортанными, трудными для произношения и неприятными для слуха".[II'-33] Они различаются в основном акцентом и произношением, и поэтому не требуется проведения филологических исследований, которые необходимы с более отдаленными ветвями семьи, чтобы установить их связь. Ричардсон говорит, что заячий диалект и диалект собачьих ребер почти не отличаются друг от друга даже по акценту; и снова, что овечий диалект хорошо понятен индейцам племени харе. Лэтем утверждает, что "индейский язык бивер является переходным к собственно славянскому и чепевянскому". О народе коппермайн Франклин пишет, что их язык "по существу тот же, что и у чипевянцев". Росс Кокс говорит, что язык слоукссов и наскудов "имеет близкое сходство с языком, на котором говорят чепевянцы и индейцы бивер".[II'-34]

ДИАЛЕКТЫ СЕМЬИ ТИННЕ.

Из статьи в сборнике М. Дюпонсо, цитируемой мистером Галлатином, следует, что в грамматике этих северных диалектов, по-видимому, присутствует как двойное, так и множественное число. Таким образом, *ужинай*, человек; *ужинай ты*, мужчина; *ужинай ты с двумя мужчинами*; *ужинай ты с лангом*, много мужчин. И снова у нас *болит кех*, моя нога; *болит кех кех*, мои ноги. Чепевянское склонение выглядит следующим образом:

Две мои шляпы, *сит сакхалле кех*; две твои шляпы, *нит сакхалле кех*; две его шляпы, *бит сакхалле кех* или *ноне бид цахалле кех*; их две шляпы, *хут сакхалле кех*; два куска дерева, *тейчин кех*; много, или много кусков дерева, *тейчин тхланг*; мой сын, *смотри азе*; двое моих сыновей, *см. азе кех*; двое твоих сыновей, *урожденные азе кех*; двое его сыновей, *би азе кех*; двое их сыновей, *ху би азе кех*; мои дети, *см. азе кех тхланг*, или *сискайне*. Таким образом, мы видим, что двойное окончание - *кех* (что также означает нога), а окончание множественного

числа - *тхланг*. Притяжательные местоимения: от первого лица, *си, сит* или *ни*; от второго лица, *нит* или *ни*; от третьего лица, его или их, *бит, пчела, нут* или *ху*.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА "Я ГОВОРЮ", YAWA'THEE.

ПРИСУТСТВУЕТ.

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Я говорю,	зевай, как	Я говорил,	зевай, как
Ты говоришь,	зевай, как	Ты говоришь,	яолт, как
Он говорит,	зевай, как	Он говорил,	ялт, как
Мы говорим,	зевай, как	Мы говорили,	тайаолти, как
Ты говоришь, как	тайоулт, как	Ты говорил, как	тайахелти
Они говорят,	тайати	Они говорили,	тайолти[II'-35]

В конце этой главы можно найти сравнительный словарь, включающий слова, выбранные из этих и других диалектов, принадлежащих к этой семье.

КАТЧИНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ ЮКОНА.

Пересекая страну, которую осушает Юкон, мы находим великую нацию катчин, а к северо-востоку от них - кенаи. Катчины, по словам Джонса, "разделены примерно на двадцать два разных племени, каждое из которых говорит на диалекте одного и того же языка". Хардисти утверждает, что "на собственно Louchoux говорят индейцы реки Пилс, оттуда пересекающие горы, на запад вниз по реке Рат, Тук-кут и Ван-тах-ку-чин, которые простираются до Тран-джик-ку-чин, На-цик-ку-чин и Ку-ча-ку-чин Юкона".[II'-36] Связь языка кутчин с тинне отрицалась ранними путешественниками, и это отрицание повторяли авторы, следовавшие за ними;[II'-37] но более поздние филологические исследования установили связь, не подлежащую сомнению. Более того, в подтверждение этого факта есть люди, хорошо знакомые с этими людьми и их языком, прожившие в их стране и торговавшие с ними в течение многих лет, которые уверены, что кутчин является диалектом тинне. Некоторые из них даже утверждают, что диалект восточного катчина имеет более тесное родство с диалектом их соседей, зайцев и славян, чем некоторые диалекты западных катчинов друг с другом, однако несомненно, что все племена катчинов Юкона и его притоков понимают друг друга, и основное различие между ними - акцентуация.

Большее расхождение с основным языком наблюдается в диалекте тутчоне-кутчин, который вместе с диалектами хан-кутчин, слав Фрэнсис-лейк и форт-Хэлкетт, сиканни, аббато-тинне с рек Пелли и Макмиллан и неханне с фортов Лиард и Симпсон можно почти назвать диалектным разделением языка тинне.[II'-38]

Ричардсон, следуя за Мюрреем, осторожно прослеживает эти отношения в следующих словах: "По его мнению, больше сходства можно проследить в речи горных индейцев (наха-'тдинне или дтче-та-ут'тинне), чем непосредственно между языками кутчин и дог-риб". Хан-кутчи из истоков Юкона говорят на диалекте языка кутча-кутчи, но они понимают индейцев озера Фрэнсис и берегов Пелли, и их легко понимают. Теперь они свободно общаются с наха- или дтче-та-уттинне и другими племенами Скалистых гор, чей язык напоминает язык собачьих ребер, и которые, фактически, являются признанными членами нации чепевиян. Опять же, индейцы Фрэнсис-Лейк понимают нетсилли, или Дикий народ, который торгует в форте Хэлкетт, на

Горной реке; их снова понимают сикани, а сикани - индейцы бивер, чей диалект мало отличается от диалекта атабасков, старейшего представителя нации тинне ".[II'-39]

Катчины гордятся своими ораторскими способностями, произнося длинные, ветреные и аллегорические речи, замечательные как природным остроумием, так и красноречием. В публичных выступлениях их подача уникальна и эффективна; начиная с низкого монотонного тона, голос медленно поднимается до крещендо, затем усиливается до сильной ноты и, наконец, переходит в грандиозное фортиссимо, после чего, сопровождаемый эффектными жестами, продолжается до тех пор, пока полное изнеможение не вынуждает оратора сделать паузу, чтобы перевести дух. Речь завершается "самым адским визгом", как называет это Хардисти, который должен стать решающим аргументом в самом заумном споре.

Именно среди этих людей, в окрестностях слияния Тананы с рекой Юкон, возник вышеупомянутый ломаный славянский жаргон. До прибытия иностранцев ощущалась и удовлетворялась необходимость торгового, или межплеменного, языка, основу которого составлял диалект, на котором говорили на реке Лиард. С приходом последовательно русских, французов и англичан каждая из этих национальностей внесла свои слова в общий жаргон. Далл говорит, что он используется всеми западными эскимосами, которые общаются с тинне. Европейский элемент в их жаргоне очень незначителен, гораздо меньше, чем в жаргоне чинуков, из-за того факта, что лишь немногие европейцы когда-либо вступали в контакт с племенами, обитающими во внутренних районах Аляски, даже косвенным образом.

Следуя по языку тинне на юг от Центральной Аляски, мы достигнем тихоокеанского побережья в районе залива Кука и пролива Принца Уильяма, где мы обнаружим кенай с шестью или более диалектами, простирающийся вдоль берегов океана до Коппер-ривер. Слово Kenaí, или, как их иногда называют, Thnaina,[II'-40], означающее людей, по значению и звучанию почти идентично слову Tinneh, Dinneh, Tinné, Dinay, Tinna, со многими другими вариациями, применяемыми к этому семейству.[II'-41] Согласно Сагоскину, ингалики, унакатаны и другие племена рек Юкон и Нулато называют себя ттынаичотана.[II'-42] Вениаминов, высокий авторитет в вопросах, находящийся под его непосредственным наблюдением, делает ошибочные выводы из своих сравнений кенайских диалектов. Кенайский язык, по его словам, делится на четыре диалекта: собственно кенайский, атна, на котором говорят колтшаны и жители коппер-ривер, кускоким и квичпак.[II'-43] Барон фон Врангель придерживается мнения, что кенаи принадлежат к племени тлинкит, утверждая, что, хотя их идиома различна, все же она происходит от одного корня;[II'-44] но Далл считает, что его "правильнее было бы сгруппировать с тинне".[II'-45] Диалект угаленцевцев, уверенно утверждает Бушманн, принадлежит к семье тинне, хотя его связь с кенай не сильно выражена, в то время как небольшие следы тиннехского диалекта отсутствуют. В нем встречается язык тлинкитов, но ни малейшей тени ацтекского, как предполагал Ватер.[II'-46] Длинные слова часто встречаются в речи угаленцев; как, например, *chakljtschejalsga*, работать; *текссеконачалек*, враг; *какуюяслятенна*, разделять; *аукатщетохатле*, отнимать.

ЯЗЫКОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КЕНАИ.

Диалект атна также был отнесен Бэром к тлинкитам, который вставил небольшой сравнительный словарь, чтобы показать сходство, но в нем найдено мало похожих слов, в то время как между атна и угалензе связь довольно заметна, как, например;

	АТНАХ.	УГАЛЕНЗЕ.
Небеса	яат	яа
Лед	ттон	ттец
Камень	тцещ	тца
Лиса	накатце	накатце
Орел	тччулак	ткоцчкалак
Кровь	скажи	тедлч
Жиру	чча	чче
Иди сюда	любая	анацча[II'-47]

Аналогичным образом кенайский диалект был отнесен к тлинкитскому;[II'-48] но здесь преобладают свидетельства в пользу тинне. Бушман утверждает, что это его открытие, что кенаи принадлежат к семейству тинне.[II'-49] Кенайский диалект очень сложен для произношения, настолько, что даже соседние народы с их резкими, гнусавыми и гортанными идиомами испытывают большие трудности с его четким произношением. Некоторые сочетания согласных действительно очень любопытны,[II'-50]—*aljtnjan*, земля; *kyssynj*, женщина; *mljchny*, пить; *keljkatj*, есть; *kaaaltatlni*, стрелять; *kydykntjassnissj*, я слышу; *tschatscheeintschichku*, не бойся; *казикатежитысный*, я не знаю.

Бэр роднит ингалик с кенай, Атнахом и тлинкитом;[II'-51] также обнаруживается сходство между инкалитами и диалектами кенай, атна и уналашка;[II'-52] в то время как Сагоскин причисляет ингалик и инкалит к членам семьи тинне.[II'-53] Как и у их соседей, эти два диалекта резкие и труднопроизносимые, как, например, в инкалите, *чугликчуя*, лиса.

С древнейших времен было известно, что колтшаны могли свободно общаться с атнами и кенаями, и связь, существующая между этими диалектами, давно признана.[II'-54] В качестве образца языка колтшане я представляю следующий: *tschiljkaje*, орел; *нюнкакут*, земля; *ссылочитанский*, холодный; *сщельсильский*, теплый; *чилье*, человек.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ ТИННЕ.

К языкам нашего центрального округа Тинне, язык которого Хейл разделяет на одиннадцать диалектов, Лэтем добавляет сиканни, а другие авторы - ампуа и хупах.[II'-55] Северные диалекты этого подразделения представлены как состоящие из резких и труднопроизносимых слов, в то время как южные диалекты более мягкие и звучные, но при этом сильные и выразительные. Мистер Хейл почувствовал необходимость использовать особый стиль орфографии для передачи звуков этих слов. Греческий *chi* он использовал для воспроизведения гортанных звуков, которые, по его словам, несколько глубже испанского *jota*, вероятно, почти сродни немецкому *ch* в *acht und achtzig*. С помощью *tchi l* он стремится передать звук, который "является комбинацией, произносимой путем выдоха сбоку рта между языком и небом".[II'-56] В следующих словах вместо греческого *chi* я пишу *kh*, а вместо *tchi l* -

sch. Шлинг, собака; шлукъ, рыба; сутчон, добро; квун, огонь; кух, дом; шелл, гора; це, камень; кушай, беги.

Хейл - единственный автор, который дает какую-либо информацию о двух племенах тлацканаи и квальхиокуа. Квальхиоква обитают на северном берегу Колумбии, недалеко от ее устья; но между ними и рекой проходит клин территории чинуков. Первые встречаются к югу от реки, на узкой полосе, простирающейся на север и юг. Будучи близкими родственниками такулли, эти языки также принадлежат к семье тинне. Единственный доступный словарь дан мистером Хейлом. У истоков реки Ампуа живет народ с таким названием, говорящий на языке, родственном двум последним упомянутым, но который, если верить мистеру Хейлу, "гораздо мягче остальных".

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТОВ ХУПЫ.

Скоулер, составивший любопытную классификацию языков северо-западной Америки, относит ампуа к одной семье с калапуа и ямкалли под общим названием катласконских.^[II'-57] Самым южным диалектом этого подразделения является диалект хупахов на реке Тринити. По авторитету мистера Пауэрс, "язык хупа достоин людей, которые на нем говорят — богатый словарный запас; крепкий, звучный и сильный в произношении; отличается воинственной простотой и грубостью конструкции". Снова он пишет: "как хупы напоминают римлян среди дикарей, так и их язык чем-то сродни латыни по своим фонетическим характеристикам: идиома лагерей — грубая, сильная, лаконичная. Пусть серьезный и благопристойный индеец произнесет это намеренно, и каждое слово прозвучит как удар тарана о стену. Например, пусть читатель возьмет слова, обозначающие "дьявол" и "смерть" — *китоанчва* и *чичвит* — и обратит внимание на мощную силу, с которой они могут быть произнесены. Какая величественная барабанная дробь звучит в этом длинном, сильном слове, *sonchwilchwil*." Мистер Пауэрс дает следующее склонение: я, *хве*; отец, *хута*; мой отец, *хвехута*; ты, *девять*; твой отец, *нинета*; мать, *нехо*; смерть, *чичвит*; смерть твоей матери, *нинчо чичвит*.^[II'-58]

На западном склоне горы Шаста распространен язык ви-лакки, который имеет близкое сходство с хупа; на реке Мэд-ривер - ласси, а на реке Ил - сия, оба, вероятно, диалекты хупа, а на реке Смит в округе Дель-Норте - хайнаджи, толева и тахатин, также предположительно диалекты хупа и Ви-лакки. Следующая сравнительная таблица числительных в диалектах толева, хупа и ви-лакки послужит иллюстрацией их взаимосвязи.

	ТОЛЕВА.	ХУПА.	ВАЙ-ЛАКЕЙ.
Один	chla	chla	clyhy
два	nacheh	нач	ноcka
три	tacheh	тач	так
четыре	tencheh	tinckh	tenckha
пять	swoila	chwola	tusculla
шесть	ostáneh	хостан	cooslac
семь	tsayteh	ochkit	coosnac
восемь	lanésh tnata	cahnem	coostac
девять	chla ntuch	nocósta	coosténckha

десять нех солнце minchla Кван энта

РЕЧЬ ПЛЕМЕН АПАЧЕЙ.

В южной и последней ветви семьи тинне находятся великие народы апачи и навахо с их многочисленными диалектами. Можно сказать, что апачи населяют или, скорее, кочуют по всей стране, начиная с пустыни Колорадо и простираясь на восток до Рио-Пекос, или примерно от 103 ° до 114 ° западной долготы, и от территории Юты до штатов Сонора, Чиуауа, Коауила, Нуэво-Леон и Техас, или примерно от 38 ° до 30 ° северной широты. Едва ли два автора согласны в определении численности и названий различных племен, принадлежащих к этому народу. [II'-59] Имена, под которыми они известны между собой, по словам Ороско-и-Берры: *Винни эттинен-не, Сегатайен-не, Тьюиккухен-не, Иккухен-не, Ютаджен-не, Седжен-не, Куэлькахен-не, Липаджен-не*, которые мексиканцы заменили такими словами, как апачи, Тонтос, Чирикагуи, Гиленьос, Мимбренос, Фараонес, мескалерос, льянерос, Липанес и навахо. [II'-60] Народы, которые составляют этот великий народ Chiricaguís в северо-восточной части Соноры; Coyoteros в хила страны; Faraones, к западу от Нью-Мексико в Сьерре-дель-Дьябло, бизнес, другие удобства и pilares в; Gileños на базе Восточной Сьерра-де-лос-Мимбрес югу от Рио-хила; народ медные рудники на обоих берегах Рио-Гранде, начиная Запада на Coyoteros и Pinaleños, а также в Чиуауа и Сонора, а также на озере Гусман западу от Пасо-дель-Норте; в Lipanes, или Ipanes, в Техасе; по играм llaneros, к северо-востоку от Санта-Фе, и северный из Рио-де-Рохо Натчиточес или Рио-Пекос; mescaleros не в Сьерре-дель-Дьябло, бизнес, другие удобства, pilares B, и на обоих берегах Рио Tuerco, выше ее слияния с Рио-Гранде; в Natages, или Natajes, в Техасе рядом с Lipanes; в Pelones, в Коауила; в Pinaleños в Сьерре-дель-пинал и Бланка; в Tejuas, к востоку от Рио-Гранде, в хила страны; Тонто, в северо-восточной части штата Сонора, на северо-востоке возле Seris в Пимерия-альта и к югу от Maricopas и Рио-хила; в Вакерос в восточной части Нью-Мексико; в Mimbrenos, в Сьерра-де-лос-Мимбрес, к западу от Пасо-дель-Норте, и в юго-западной части Нью-Мексико, на северной границе штата Чиуауа. [II'-61] Хикарильясы, чей диалект является основным связующим звеном между языком апачей и семьей тинне, живут на Рио-де-лос-Осос, к западу от Рио-Гранде; также в горах Моро и вдоль Симаррона. [II'-62] Все племена апачей говорят на диалектах, которые немного отличаются друг от друга, и все они могут легко общаться друг с другом. Различные акценты и некоторые своеобразные вокальные наименования - это, по большей части, все, что составляет обособленность в этих диалектах. Дон Хосе Кортес утверждает, что "произношение языка очень бурное, но говорить не так трудно, как можно было бы предположить по первому впечатлению от него ; ибо ухо, привыкая к звуку, обнаруживает интонацию в словах". "В нем большая бедность, как в выражении, так и в словах". Похоже также, что резкие гортанные звуки, которые так часто слышны среди северных представителей семьи тинне, часто встречаются в диалектах апачей. [II'-63] Бартлетт пишет: "это звучит как сочетание польского, китайского, чокто и голландского. Хрюканье и гортанные звуки присутствуют в изобилии, и в этом есть сильное сходство с готтентотским кликом. Теперь смешайте их вместе и, произнося слово, проглотите его, и звук станет прекрасным образцом слова апачей ". [II'-64] Разными авторами высказывались предположения о принадлежности апачей почти ко всем их соседям и даже к более отдаленным народам. Аррисивита намекает на возможные отношения с отоми, потому что погонщик мулов из племени отоми сказал ему, что он может разговаривать с апачами. [II'-65] Диалекты шошонов и команчей также относили к стволу тинне, но на самом деле они

принадлежат к сонорскому наречию, открытие, впервые сделанное Тернером и доказанное Бушманом.

ГРАММАТИКА АРАСНЕ.

Полковник Кремони, который был переводчиком мексиканской пограничной комиссии Соединенных Штатов и, следовательно, хорошо знаком с языком апачей, дает несколько ценных грамматических замечаний. "Их глаголы, - говорит он, - с большой регулярностью выражают прошлое, настоящее и будущее и имеют инфинитивное, изъявительное, сослагательное и повелительное наклонения вместе с первым, вторым и третьим лицами, а также числа единственного, двойственного и множественного числа. Многие из них очень нерегулярны и зависят от вспомогательных средств, которых немного. Во всем, что относится к особой индивидуальности, язык требователен; таким образом, *ши* означает "Я" или *те*; но *ши-да* означает "Я сам" или "я себя"; *ди* означает "ты" или "ты"; но *ди-да* означает "ты сам", особенно и лично, без привязки к какому-либо другому существу. Когда апач рассказывает о своих личных приключениях, он никогда не говорит "*ши*" для меня, потому что это слово в некотором смысле включает всех, кто присутствовал и принимал какое-либо участие в этом деле, но он использует слово "*ши-да*", чтобы показать, что поступок был полностью его собственным. Местоимения: *ши*—я; *ши-да*— я сам; *ди*— ты или ты; *ди-да*, ты сам; *аган*— оно, он, она или они. Слово *to-dah* означает "нет", и все их утверждения делятся на отрицательные путем разделения этого слова таким образом, чтобы первый слог находился впереди, а второй - позади глагола, подлежащего отрицанию. Например, *ink-tah* означает "садись", но чтобы сказать "*не садись*", мы должны выразить это *k-ink-tah-dah*; *nuest-chee-shee*, иди сюда; *k-nuest-chee-shee-dah*, не подходи сюда; *anah-zont-tee*, уходи; *k-anah-zont-tee-dah*, не убирайся".[II'-66]

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ТО ВЕ, АХ ГОНТАЙ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я,	так она	нас,	Тан-ах-Хи-ах-АГТ-тройник
ты,	Тан-Ди-а-АГТ-тройник	ты,	нах-Хи-ах-ахт-ти
он,	тах-annah	они,	соревнования-день-ахт-ти

несовершенны.

	Я был,	таш-и-а-аш-и-и
	Ты был,	ди-а-аль-ин
	Он был,	та анна-ка-он-ях
Мы были,	аканна син-ках	
.	Ты был,	нах-хи-дах-а-кан нах-даш-шош
	Они были,	аган-ду-до-ах-ках-га-ках

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду,	ше-а-дош-н-даль	Мы будем,	нах-хи-до-гонт-и-даль
Ты будешь,	ди-ай-го-ай-даль	Ты будешь,	нах-хи-нах-хат-хан-даль
Он будет,	андо-ай-га-и-даль	Они будут,	нах-хайд-хан-даль

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ДЕЛАТЬ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я вообще,	она-эш-Лак	мы делаем,	тах-нах-Хи-ах-ghont-Лак
ты,	Тан-Ди-aghon-Лак	ты,	нах-Хи-ах-призраку-Лак
он делает	тах-пи-ай-Ил-Лак	они делают,	тах-го-пи-ай-го-Лак

несовершенны.

Я сделал,	та-ши-аш-лах	Мы сделали,	та-
Ты сделал это,	ди-энд-ла	Ты это сделал,	нах-хи-аль-ла
Он так и сделал,	пи-инд-лах	Они так и сделали,	го-пи-а-го-нинд-лах

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я сделаю,	таш-и-а-дош-лил
Ты сделаешь,	ди-а-го-дон-лил
Он подойдет,	та-пи-ай-дал-тил
Мы сделаем,	та-на-хе-а-го-не-лил
Ты справишься,	нах-хи-а-даш-лил
Они подойдут,	иди-пи-а-гил-да-лил

В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

Если я это сделаю,	ше-аш-ла-на-а-а	Если мы это сделаем,	тах-нах-хи-ант-лах
Если ты это сделаешь,	ди-альт-ин-даль	Если ты это сделаешь,	нах-хи-альт-лах
Если он это сделает,	тах-пи-айилт-ин-даль	Если они это сделают,	иди-пи-а-вилт-и

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Делай ты,	иа-и-лах
-----------	----------

ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

Делаю,

ай-уи-лах

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ЕСТЬ, ИШ ШАН.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я ем, ше-иш-шан

Мы едим, та-на-де-хит-таан

Ты ешь, деа-ин-нах

Ты ешь, нах-он-налох-в-день

Он ест, аган-из-янь

Они едят, го-пи-гу-из-юнь

Идеальный.

Я поел,

ше-оз-ян

Ты поел,

dee-schlee-ohn-nah

Он поел, аган-онз-ян

аган-онз-ян

Мы поели,

tah-nah-hee-al-ke-dah-ohn-tan

Ты поел,

нах-хи-аз-ян

Они поели,

го-пи-го-джонз-ян

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду есть,

ши-го-иш-шан

Ты будешь есть,

ди-до-ин-мах-дал

Он будет есть,

агандох-из-ян

Мы будем есть, тах-нах-хи-хин-тан-
даль

..... Ты будешь есть,

нах-хе-го-ан-шан

.....

Они будут есть,

го-пи-го-из-ян-даль

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Ешь сам, тан-ди-ин-на

Дай им поешь,

та-го-пи-низ-ян

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА СПАТЬ, IL HOOSH.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я сплю, она-иш-hoosh

мы спим, та-не-а-он-Ил-hoosh

ляжешь спать, Ди-илт-hoosh

вы спите, не-а-он-Ил-hoosh

он спит, соревнования-он-
hoosh

они спят, иди-Пи-будет-hoosh

идеально.

Я спал,	ше-аль-ки-да-иш-хаш
Ты спал,	ди-аль-ки-да-иш-хаш
Он спал,	агандо-иш-хаш
Мы выпались,	та-на-хи-аль-ки-да-иль-гаш
Ты спал,	нах-хи-аль-ки-да-аль-хуш
Они спали,	иди-пи-аль-ки-да-го-иль-гаш

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

.

Я буду спать,	ши-ду-иш-хушт-талла
Ты будешь спать,	ди-ду-дол-гуш
Он будет спать,	агандо-иль-хушт-даль
Мы будем спать,	тах-на-хи-ду-иль-гуш-талла
Ты будешь спать,	нах-хи-до-аль-хуш-талла
Они будут спать,	иди-пописай-иди-уилл-хуш-талла

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Спи ты,	ди-иль-хуш
Спи ты,	нах-хи-до-аль-хуш
Спят они,	иди-пи-го-иль-хуш

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ЛЮБИТЬ В КЕЙ ГО ИШТ ЛИ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я люблю,	ши-ин-кей-го-ишт-ли,	Мы любим,	тан-а-хи-ин-кей-го-ит-ли,
Ты любишь,	ди-вик-кей-го-инт-ли,	Ты любишь,	нах-хи-вик-кей-ат-ли,
Он любит,	аган-и-кей-го-ит-ли,	Они любят,	го-пи-вик-кей - идиотский

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Я любил,	она-в-кей-гоу-иш-лит-лэй
Ты любил меня,	ди-вик-кей-го-инт-лит-ли
Он любил,	аган-вик-кей-гоу-ит-лилт-ли
Мы любили,	тан-а-хи-вик-кей-инт-лилт-ли
Ты любил,	не-он-вик-кей-ат-лилт-ли

Они любили, иди-пописай-вик-кей-иди-лилт-ли
ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

. Ты полюбишь, ди-вик-кей-гоу-ишт-ли-даль
Он полюбит, ган-вик-кей-гоу-ит-ли-даль
Я буду любить, хи-ин-кей-го-ишт-ли-дал
.... Мы будем любить, та-на-хи-вик-кей-гоу-ит-тли-дал
Тебе понравится, нах-хе-вик-кей-ат-тли-дал
Они будут любить, го-Пи-Вик-Кей-Го-это-tee-даль

несовершенный потенциал.

Я бы полюбил, она дн-вик-кей-го-ишт-лил-дал
Ты должен любить, ди ди-вик-кей-го-ишт-лил-дал
Он должен любить, аган-вик-кей-ич-кли-даля
Мы должны любить, та-на-хе-вик-кей-гоу-ин-кли-дал
Тебе должно не-хе-вик-кей-го-ин-кли-дал
понравиться,
Они должны любить, го-пи-вик-кей-го-ин-кли-даля

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Люблю тебя, вик-кей-гоу-ит-ли
Люблю тебя, не-он-вик-кей-ат-ли
Пусть любят, пи-вик-кей-гоу-ит-ли

ЦИФРЫ.

Один	Таш-ай-ай
двух	нах-ки
три	ках-яй
четыре	в-да
пять	Ашт-лей
шесть	хосту-кон-ная
семь	узлов-е-е-день
восемь	ха-Пи
девять	- Н-призрак-Ай
десять	идти-Най-НАНА-Най
одиннадцать	клац-ах-тах
двенадцать	не-е-ки-Шах-тах

тринадцать	ках-яй-Сак-тах
четырнадцать	оловянно-САХ-та-Хэй
пятнадцать	Ашт-лей-САХ-та-Хэй
шестнадцать	узлов-кон-Шах-тах-сено
Семнадцать	хост-е-е-Шах-тах-сено
восемнадцать	Тан-Пи-САХ-та-Хэй
девятнадцать	- Н-призрак-ах-Сак-та-Хэй
двадцать	натин-яй
тридцать	ках-олово-яй
сорок	tinsh-оловянно-ура
пятьдесят	Ашт-Лак-Тин-яй
шестьдесят	хост-кон-Тин-яй
семьдесят	хост-е-е-олово-яй
восемьдесят	Сан-ви-олово-яй
девянносто	Н-призрак-а-а-Тин-яй
сто	тах-лен-ТОО-уу
одна тысяча	идти-Най-НАНА-ТОО-уу
две тысячи	нах-олово-е-е-ТОО-уу

Следующие предложения послужат примерами, демонстрирующими конструкцию этого языка.

Откуда ты? *хаш-и-он-дал?*

Я пришел издалека, *ан-да-ше-о-тал.*

Я друг, *тах ин джун ай иш ли.*

Чего ты хочешь? *и-я-альте-и-н?*

Там есть дерево, вода и трава, *ту-тло-чи-гон-ли.*

Иди и следи за врагом, *нин-дах-бин-нахт-ха-аден-хе.*

Обрати на них внимание, *гон-джун-ай-го-ха-ден-и.*

Какой они нации? *ях-инда-ахт-и?*

Где их лагерь? *ха-ай-ви-коза-ха?*

Хорошенько запомни их положение, *гон-джун-ай-го-нел-хе-хаяго-а-тай-на-ли.*

Они рядом, *го-пи-ач-хан-най-ше-го.*

Я не верю в это, *ту-ва-ошт-лахдах.*

Покажи мне дорогу, *ин-тин-ди-ши-чи-то-голт-чи*.

Моя, *ши*.

Это мое, *эс-ши*.

Твоя, *ди*.

Это его или ее, *а-кун-пи*.

Это не мое, *ту-ше-да*.

Это не твое, *ту-ин-ди-да*.

Это не его или ее, *слишком-пи-пи-пи*.

Эти, *ти-хей-а*.

Те, *а-вэй-хай-ях*.

РЕЧЬ НА ДИАЛЕКТЕ МЕСКАЛЕРО.

В качестве дополнительной иллюстрации я привожу речь, произнесенную генералом Карлтоном во время интервью с the Mescaleros, которая была переведена и записана в то время полковником Дж. Кремони.

Нах-хидн дэй нах гуднлтай; (Ваши люди плохие;) туго забирайте голову; (они не сохранили веру;) байай джиах гонтай; (они вероломны;) шли наххах го инай инен; (они украли наших лошадей;) нахгах годилт сайд; (они убили наших людей;) нахханна гвинхей эндах ах тэй; (они должны загладить свою вину;) ту наххан нит и дах; (они должны прекратить беспокоить нас;) тах наки ахендах аден ди; (они должны подчиняться нашим приказам;) нах шлин нахханна видах айл; (они должны вернуть наших животных;) хан эгандай (они должны) нахханна гои далт йил; (выдать убийц;) эндай наххах хитджаш (они должны отдать нам) тугаяго андаду; (заложников;) алкида ллайнх илди; (пусть они помнят прошлые времена;) эшланай (они были) вайго дахт угорь; (многочисленные и могущественные;) сайлт ли го-пи; (они владели всеми сьеррами;) таат хуай таки (они заняли все) анах гох как; (водоемы;) тах голкахай такай икай гун ли; (они были хозяевами равнин;) таш лайнах ту нелчедах. (ни один из них не испугал их.) Ако ан дэй хахда? (Где они сейчас?) Иа виакках, цай ногоши и нилт ии? (Почему они прячутся за камнями?) Накай иа (Где их) хадда? (владение?) Бахай кей нилт ии? (Почему они прячутся, как койоты?) Она аган илтиш (я расскажу) ин ди; (им почему;) тайкай инда нэш ли; (они были врагами всем другим людям;) тайкай ай (они сделали) веака нах хинда; (всех других людей своими врагами;) тахнахе эльчинда нах хи; (они сделали врагами друг друга;) таннахи идалцай айвиакка хи нахинда; (они жили грабежом и убийствами;) ту нах (они есть) ях сеидах; (не работал;) тах налкони, викайго ти эн нахсего; (безделье порождает нужду;) ти эн нахсего, подбородок нах хилт даай; (нужда порождает голод;) чевилхайго (голод) вилкони, тахуго онт йил; (а безделье порождает преступление;) йонт хуайго анахт эл; (они совершили преступления;) тахуго нинис йах; (наказание пало на них;) агон алтай кохайго нахт ли; (их тысячи превратились в сотни;) эльчиналчего викеах голт сил; (мы говорим суровую правду;) нахи ва ахти (мы говорим так только для) эльчинахти; (их благо;) нашайхай ту анах лахда; (в наших сердцах нет мести;)

Эльчиначего инклис андах н джун; (Наш разговор труден, но хорош;) нах каши (пусть они) ванан ан киэйс; (поразмыслят над этим;) анахтай кадайх ту вахахдах; (пусть они изменят свои пути;) инни нал аш лах; (пусть они возделывают землю;) илк джил эго андах н джун. (пусть они будут сильными, но хорошими людьми.[II'-67])

Мистер Дорр, пишущий в *Overland Monthly*, делает ошибочное утверждение, что языки апачей и зуни - одно и то же: "отличаясь только акцентом, интонацией и интонацией, они без труда понимают друг друга. Язык зуни, или апачей, очень гибкий и *обходительный*, и, возможно, когда-то был придворным языком древних рас. Он часто так же полон тонких оттенков отличия, как и сам греческий. Он сохраняет — в *адите* с ее замечательными радикалами — традиционную двойственность человеческой расы: ее двойные, а также формы речи в единственном и множественном числе".[II'-68]

Ватер указывает на родство между апачами и пауни, и это главным образом на основании сходства имен пауни и липаны.[II'-69]

Пиментел читает Молитву Господню на липанском диалекте, которая послужит образцом языка:

Вырезать незлло эзлла анель ти куи Ллата; сетезданела нет, ага наутела; носесене нда тендаже, дочь аги танде: танзаниенда ага анкладжу, сенеге ти эзлза глези, ай уллу ти лата; Сын тулатана незлле, я лаге татичи, анисане татичи, я учу джулле вандаоже, ленеги аджуллу да йе начало десятилетия вандежца не связано с агатеньей тендой, связанной с тезчупаненом, с гликоа генечи и наджаченгли Гааче лье нетто".[II'-70]

СЛОВАРЬ ТИННЕ.

Навахо, или апачи-навахо, из Нью-Мексико, как и северные тинне, называют себя теннаи, люди. Их диалект приближается к ксикарильскому апачскому, и мистер Итон даже утверждает, что это примерно одно и то же.[II'-71] Пайк упоминает нанахау, название которых, вероятно, предназначено для навахо, поскольку других упоминаний об этом народе найти невозможно.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ СЕМЬИ ТИННЕ.

	КАМЕНЬ.	ОГОНЬ.	ВОДА.	СОБАКА.	СОЛНЦЕ.	НОЖ.
Апачи	зейзай	коу	тоах	зитсайан	скимай	пеш
Апачи	ци	кон	чочон	клинчане	чигонакай	пеш
Коппермайн						
Атнах	цеш	ткчон	ттуу	чликья	ноай	
Бивер			ту	тли		
Чепевян	тайх	считает	, что	тлинг	сакх	бесс
Догриб	тайский	кун	то	клинг	сса	паас
Хупа	тша	хох	танан	шлюн	хонцах	сальста
Инкилик		ттакуна	ту	клихк	нуджа	чавик

Инкалит	луона	кчун	те	клихк	нуи	чавик
Кенай	кальники	таси	военные	члика	чанну	кисяки
Кольцхане	тзи		токачи	лики	нааичете	
Кутчин	тчи	хон	чу	тлейне	р'сейе	р'си
Квальхиокуа			чохо	Луше		
чу		тлай	навахо	цай	ткоу	тое
кличахи		таси	токачи	лики	чохаеха	пеш
на севере Индии.		одельчат	икту	анелвош	,	пасе
Апачи Пиналеньо,	чейер	,	в		яхейе,	пейше,
Осмотрите		ку		тлей	,	марш
, Такулли,	це	страну,	ту, которая	спускается	с ца	теиш,
Тенан Кутчин,	утих,		чу	кланкоях,	сох,	Тлатсканай,
зейзай,	хтане,	в	шлинг,	таоссе,	техе,	техе
Угалензе	тза	такак	кая	чауа	катакил	захлдж
Ампква	сех	хонг	тхо	шлинге	ща	натлми
Унакатана	луонна	кхун	ту	клихк	талтохна	
Хикарилла		конус	ко	клинчаах		
Апач Мескалеро	teesch	kunh'	too-oo,	ниччли	шуннахайе,	пеш
,						
ЧЕЛОВЕК.	ГЛАЗ.	РАЗ.	ДВА.	ТРИ.	.	
Апачи	эйли	конда	тахсе	нахки	тай	
Апачи	н'де	сленда	таште	наки	та-и-	
Коппермайн						
Атнах	ткичли	сснега	щелькай	натеакча	таакей Бивер	
тине						
Чепевян	'тинне	на	слачи	нахе	такке	
Догриб	челаки	зтеннхе	нтларе	нахке	хтарре	
Хупа	кайтай	хуннах	тлах	нахе	тахек	
Инкилик	ттынная	нога	кисслека	интека	токак	
Инкалит	тинни	нога	кисслека	интека	тока	
Кенай	тынни	сснага	зелкей	теча	токчке	
Кольцхане	чилье	чинтаги	илите	лакеджи	такей	
Кутчин	тенги		тихлагга	нахей	тиека	
Калхиокуа						

Loucheux	tenghie				
Навахо	теннай	хуннах	татлай	наки	танх
на севере Индии.	тинне	нау	ше	челлатель	элтой
апачи Пиналеньо	пайяхнай	чиндар			
Сурси		сенурвох	вттегар	вккир	танки
Такулли	динай	нах	эча	нангкакх	таки
Тенан Кутчин	тинджи	синтага			
Тлацканаи	ханае	нахай	шлие	натоке	таге
Угалензе	тогоджу	калляг	тлчинке	гаатте	тулкоа
Ампкуа	тоене	наие	айчла	нахок	таак
Унакатана	тена ло	сунога			
Хикарилла	тиндай	пинда			
Апачи Мескалери	эндай	шинда	таш-айай	нахки	кахъйй

ГЛАВА III. КОЛУМБИЙСКИЕ ЯЗЫКИ.

Хайда, ее конструкция и спряжение—Язык насс и его диалекты—Сравнения беллакулы и чимсиана—Языки нутка острова Ванкувер—Десять заповедей нанаймо и Молитва Господня—Аналогии с ацтеками—Языки рек Фрейзер и Томпсон —Грамматика нитлакапамука и Молитва Господня—Языки звуков—Семья салиш—Грамматика плоскоголовых и молитва Господня—Кутенай—Семья сахаптин—Грамматика Нез Персе—Молитва Господня якима—Государственные языки сахаптин и языки рабов —Языки Семья чинуков—Грамматика языка чинуков—Сходство с ацтеками—Жаргон чинуков.

Вернувшись с юга, куда нас привела ветвь апачей семейства тинне, давайте рассмотрим языки нашей колумбийской группы. Следующими вдоль побережья, к югу от тлинкитов, являются хайды и кайганы, на языке которых говорят в южной части архипелага принца Уэльского и на острове королевы Шарлотты. Этот язык иногда называют хайда, а иногда кайганы,^[III'-1] и хотя многие племена принадлежат к этим народам, я не нахожу между ними никакой диалектической разницы, за исключением диалектической разницы между хайда острова Королевы Шарлотты и кайганы архипелага принца Уэльского.

Маршан утверждает, что этот язык понимают тлинкиты и другие восточные племена;^[III'-2] капитан . Диксон считает, что это отдельный язык;^[III'-3] Скоулер составляет одну большую северную семью, которая, по его словам, распространяется "от полярного круга до северной оконечности Квадры и острова Ванкувер";^[III'-4] Сравнительные исследования Радлофа склоняют его к мнению, что, хотя между этим и другими идиомами, такими как, например, тлинкит, может быть некоторое сходство в словах, их все же недостаточно для доказательства идентичности.^[III'-5]

ХАЙДА И КАЙГАНИ.

Некоторые из тех, кто слышал речь хайда, говорят, что их язык грубый и трудный для артикуляции, изобилующий согласными и с губным и зубоврачебным произношением; [III'-6] другие утверждают, что в нем нет твердых придыхательных согласных, столь часто встречающихся в языке тлинкитов, что он богаче гласными и мягче, хотя, как и в языке тлинкитов, в нем отсутствуют губные, зубные *r* и гортанные *l*, в то время как у Хайды есть четкая буква. [III'-7] В языке хайда отсутствуют буквы *b*, *p*, *f* и зубной *r*; ни у существительных, ни у прилагательных нет рода, и для выражения женского рода добавляется слово *dshetta*, женщина. *Итлк дшетта*, жена вождя; *ха*, собака; *ха дшетта*, шлюха. Также не существует какого-либо конкретного выражения для множественного числа. *Кьеганей*, мой дом; *кьеганей тленсл лагун*, три моих дома хороши; *тен дша*, твоя жена; *тен дша с'тонг хана*, две твои жены обе хорошенькие. Были упомянуты два исключения; —*gjeà*, мачта; *gjeàng hlöhhnl*, три мачты; *хата*, человек (homo); *хатеи*, мужчины. Существенные предложения не отклоняются, но остаются неизменными во всех случаях. *Хантл*, вода; *халл хантл*, принеси воды; *тлу*, лодку; *тлу тон гистаса*, я дарю тебе лодку; *катт*, олень; *катт хуцу зиггин*, у меня есть маленький олень; *слей*, руку; *халл тон слей*, дай руку. Местоимения являются либо отдельными словами, либо приставками к существительным и глаголам. Приставки также обозначают притяжательный падеж. К первому классу принадлежу *хтла*, я; и *тонга*, ты. К последним относятся *те*, *ти*, *де*, *ди*, *зи*, *кье*, *тея*, *тл*, *т*, мои, все они употребляются в первом лице единственного числа. Второе лицо единственного числа, *töng*, *tön*, *ten*, твой; второе лицо множественного числа, *töllöng*, твой.

Примером спряжения глагола может служить следующее: Настоящее указательное—я голоден, *текутке*; ты голоден, *тонг хуттус*; он голоден, *закон хуттунг*; мы голодны, *итл хуттунг*; ты голоден, *теллонг хуттус*; они голодны, *уннас хуттунг*. Корневые слова не отличаются большой длиной. Большую часть составляют слова из одного или двух слогов; некоторые состоят из трех или четырех, но они редки; тем не менее, слова могут быть склеены до любой длины. [III'-8]

На языке насс говорят с очень небольшими различиями нассы, хайлтза и себассас, которые живут вокруг Обсерватории Инлет, пролива Миллбэнк и островов архипелага Питт соответственно. Преобладают резкие звуки и гортанность. [III'-9] Личные местоимения — *nookwa*, я; *cusho*, ты; *нешо*, мой; *cusho*, твой; *nookwintok*, мы; *кичуско*, ты; *caigh qua*, он; *elee caigh qua*, они. [III'-10]

Данн приводит несколько предложений, которые я вставляю в качестве примеров: *уили лоуэлс куусу*, куда ты идешь? *ховмитлем покиалла ильцук*, ты понимаешь наш язык? *лоуэлс, кан кунтер кан милла*, иди стреляй оленей. [III'-11]

БЕЛЛАКУЛА И ЧИМЗЯН.

В непосредственной близости от насса находятся два других языка, беллакула и чимзян, о которых практически ничего не известно. Толми предполагает, что чимсийский язык связан с языком такулли, но Бушманн, сравнив словари, не смог обнаружить сходства. Преподобный мистер Гуд сообщает мне, что язык чимсиан простирается вглубь страны до озер Фрейзер и Стюарт. [III'-12] Сравните следующие слова:

БЕЛЛАКУЛА.

ЧИМЗЯН.

Я	untsh	newyo
ты	Ино	никто
мой	untshil	nawhawae
мы	unshto	neuhami
вы	enooh	neumi
он	teechtil taigh	условием
их	teech, пока олово не мо taight	queet
человек	tlimsdah	tzib
нож	teech tax	ilth-a-peesh
воды	Кулл ах	использование
камня	quils tolomick	сайт loap
солнцем	кожу Нуч	"стало" означает Великобритании
Луны	tlooki	"стало" означает угум ААТ Великобритании
хорошие	teeah	Аам
плохо	ushee	atuchk

У хайлтза и беллакул есть следующие общие слова: —*ватц*, собака; *по*, палтус; *тла*, черный медведь; *монахиня*, медведь гризли.[\[III'-13\]](#)

ЯЗЫКИ ОСТРОВА ВАНКУВЕР.

На острове Ванкувер говорят на множестве диалектов, и были сделаны различные и противоречивые классификации, ни одна из которых, на мой взгляд, не является правильной. Судя по имеющимся данным, диалектное разнообразие преобладает до такой степени, что почти каждое мелкое племя имеет свой идиом; так что, даже если сходство действительно существует, достаточное для обоснования классификации на языки и диалекты, наши знания настолько скудны, что во многих случаях невозможно сказать, какие языки, а какие диалекты. Следовательно, в моей классификации я не могу придумать ничего лучше, чем сделать из нутка один язык и дать список диалектов острова со всей имеющейся в моем распоряжении информацией о них. Говорят, что четыре языка острова — кваколл на севере, ковичин на востоке, клаллам на юге и маках на западе - "полностью отличаются друг от друга как по звучанию, так и по форме и способам выражения". Говорят, что последний упомянутый язык имеет некоторое сходство с языком, на котором говорят в устье реки Колумбия,[\[III'-14\]](#) и называется Спроутом языком ахт, в отношении которого он аналогичным образом утверждает, что его "можно проследить у всех племен на океанском побережье, вплоть до устья Колумбии на юге". Комуксы, народ, который он локализует на восточном побережье между ковичинами и кваколлами, мигрировали туда, по его словам, с материковой части, и племена "нелегко понимают язык друг друга"; из всего этого мы можем заключить, что в действительности существует только один язык, основными диалектами которого являются эти четыре.[\[III'-15\]](#) Однако этому частично противоречит Грант, который утверждает, что ковичины и клалламы могут общаться друг с другом, хотя и не очень легко, но что махахи и кваколлы не могут

разговаривать друг с другом или с каким-либо другим народом.[III'-16] Другой авторитет, который, безусловно, должен иметь право на свое мнение, поскольку несколько лет находился в плену у этих народов, также намекает, что в действительности на острове доминировал только один язык. После перечисления различных племен он заключает: "все они говорят на одном языке. Но ньючемасы, которые приходят с большого севера и с некоторого расстояния вглубь страны, говорят совсем на другом языке, хотя жители Нутки его хорошо понимают".[III'-17]

Национальные различия, по-видимому, заключаются скорее в произношении, чем в грамматической конструкции. Таким образом, артикуляция клаиццахтов более хриплая и гортанная, чем у жителей нутка-саунда.[III'-18] Диалектические различия иногда заходят так далеко, что нескольким группам одного племени бывает трудно объясниться; как, например, племенам нитинахт при разговоре друг с другом часто приходится повторять свои предложения с разным ударением, чтобы сделать их понятными. Главной особенностью нитинахтского диалекта является преобразование букв *m* и *n*, которые повсеместно используются на всем острове, вместо которых он заменяет *b* и *d*. Так, чтобы *мамук* работал, нитинахты говорят *бабоук*; *нишма*, страна, они произносят *диссибах*, и так далее.[III'-19]

По сравнению с языком тлинкитов, язык нутка не является ни грубым, ни неприятным. Его наиболее любопытной особенностью является преобладание губных и зубных костей над горловыми. Нутки обладают прекрасными ораторскими способностями, подкрепляя свои слова тряской головой, энергичной жестикуляцией и даже набрасываясь друг на друга. Особый звук, который вряд ли возможно выразить каким-либо сочетанием букв, встречается во многих их словах. Раздвигая уголки рта как можно шире и прижимая кончик языка к небу, они выталкивают воздух из уголков рта, в то же время сильно опуская язык, что, очевидно, производит звук, совершенно чуждый английскому словарю. Капитан Кук говорит об этом звуке: "он образуется особым образом путем частичного прижатия языка к небу со значительной силой; его можно сравнить с очень грубым способом шепелявления", и он пытается передать звук буквами *lszthl*. Многие слова заканчиваются этим звуком, а также на *tl*, *z* или *ss*; —как *opulszthl*, солнце; *onulszthl*, луна; *kahsheetl*, мертвый; *teeshcheetl*, бросить камень; *kooomitz*, человеческий череп; *quahmiss*, рыба икра. Капитан Кук далее замечает об их языке, что "из их манеры говорить, которая очень медленная и отчетливая, можно только заключить, что в ней мало предлогов или союзов; и, насколько мы смогли обнаружить, в ней нет даже единого междометия, чтобы выразить восхищение или удивление".[III'-20]

Кроме того, я могу добавить, что здесь нет ни падежа, ни рода, ни времени, а число выражается только в личном местоимении и в склонении глаголов. В первых лицах единственного и множественного числа глаголы оканчиваются на *аа* или *mah*; во вторых лицах - на *huk* или *ayts*; а в третьих лицах - на *mah*, *win* или *utlma*. Иногда эти окончания переходят к наречию, которое сопровождает глагол, и они подчиняются фонетическим правилам, в соответствии с которыми слоги иногда изменяются или вообще исключаются. У нас есть *вик*, а не; и *кумотоп*, чтобы понимать; *wikahkumotor* или *виммума*, я не понимаю; последний способ изменен ради благозвучия. Множественное число, и особенно часто встречающееся множественное число, выражается дублированием: как *маhte* или *mahs*, дом; *mahtmahs*, все дома. Разные классы слов, по-видимому, имеют разные окончания: например, инструменты заканчиваются на *ik-hukkaik*, нож; *hissik*, пила. Цвета заканчиваются на *великобритания* или *оук*—*эйохкук*, зеленый;

кистоккук, синий; *клайхук*, фиолетовый; *клисук*, белый; *тупкук*, черный. *Его* шрам, красный, составляет исключение. Деревья и растения оканчиваются на *pt—kowwhipt, seewhipt, ootsmupt, klakkupt* и т.д. Глаголы оканчиваются на *шитл, шетл* и *читл*, хотя встречаются некоторые исключения. Другим отличительным окончанием является *ир—шатаюп*, отрезать ножом; *каасуп*, причинить боль или ранение; *хюсатьюп*, уменьшать; *ашсуп*, порвать веревку; *квоюп*, сломать палку и т.д.[III'-21] В качестве образца языка я привожу первые три из Десяти заповедей и Молитву Господню на диалекте нанаймо.[III'-22]

ЗАПОВЕДИ НАНАЙМО.

НУЦА.

Ова тонова кинет та есайла цеецел сиам, охи танка цеецел сиам.

ИСАЙЛА.

Ова танова видит, как ты видишь, что ста та стем нет, что цецель, ста та стем айтна томук, и ста та стем нет, что ка, кооо тасва цецель видит, ова танова каппаусом и что ты остаешься, охи танка цецель видит. То, что ояс куллстак, танка усите, танка куакват и то, что игстак, танка и ояс шатлм тансван сквелл, то, что танка лаламат.

ТЛЕЕУХ.

Ова танова хеваулим та раздавит цеецеля, увидит, как осите цеецель, увидит, как квакает, чтобы узнать, что за человек.

ТА КАЛХЕМ ТА ИИСУС.

Солт мэн, не обращай внимания на то, что я чувствую, ояс застрял, чтобы не расплющиться. Тель-нимелт охи стлай танова, стхи сиам, нет, тумак томак. Я тасва местиу шатлм та сквелл айтна томук ста та цеецел местиу. Тана квиал и мук сквиал перепутали та солта солтана. Я танова нахи татаук, кто такой телнемелт, и та саулт кулл сквиахитс, кто такой телнемелт нахи татаук вунем тумак местиу, кулл сквиахитс, кто такой телнемелт. Я хочу, чтобы ованам этилкалт та кулл, я хочу, чтобы танова эта пришла. Охи танова оонанс, стхи сиам, танова охи стхи куамкум, тельнеемелтх охи каппаусом, хай кво танова ойас ойас. Аминь.

Из определенных толкований, помещенных в древние ацтекские рукописи, некоторые сделали вывод, что происхождение этого народа следует искать на севере; следовательно, филологи-спекулянты время от времени обнаруживали много воображаемого сходства между языком коренных мексиканцев и языками различных северных народов. Таким образом, в речи нутка отчетливое фонетическое сходство и частое употребление окончания *tl* были для Ватера и других достаточным доказательством того, что между ацтеками и нутка существует родство. Прескотт, следуя своим предшественникам, впал в ту же ошибку. Гумбольдт, хотя и был поражен упомянутым сходством, все же произносил их на разных языках,[III'-23] в то время как Бушман, который изучал этот предмет больше, чем все остальные, вместе взятые, отрицает всякую подобную связь.[III'-24]

Выходя на сушу, мы обнаруживаем, по большей части, в каждом из многочисленных заливов и каналов свой собственный язык. Между этими языками из-за постоянных межплеменных контактов в некоторых случаях невозможно определить, какое родство существует, если

такое вообще существует. Несколько языков острова мы находим также на прилегающей к нему основной суше. Клалламы обитают по обе стороны пролива Хуан-де-Фука; и близкими родственниками ковичинов, которые обитают как на материковой части суши близ устья реки Фрейзер, так и на самом острове, являются нудздалумы канала Худ, причем один язык является всего лишь диалектом другого.

ЯЗЫКИ БРИТАНСКОЙ КОЛУМБИИ.

Что касается языков, на которых говорят во внутренних районах Британской Колумбии, преподобный мистер Гуд, который провел пятнадцать лет среди внутренних народов и который полностью знаком с их языками, дает мне следующую информацию: от Йеля до Лиллуэта, на реке Фрейзер, оттуда от Бонапарта до реки Никола, говорят на языке нетлакапамуч, или реке Томпсон. От Дугласа, вдоль реки и озера Харрисон, до ее впадения в Фрейзер, до Чиликота и снова от Лиллуэта на север до Клинтона, преобладает язык стлателемак, или лиллуэт. Далее, от реки Бонапарт на север до озера Уильям, до озера Шушвап, вокруг озера Камлупс и на некотором расстоянии от реки Томпсон преобладает язык сувапамак, или шушвап; и, наконец, от озера Никола до Камлупса и на юг до реки Колумбия используется язык читвоут, или симилкамин. Г-н Гуд далее утверждает, что, хотя существуют четыре различных языка, они, тем не менее, в некоторой степени связаны. От того же джентльмена я также получил следующие грамматические заметки и образцы языка нетлакапамуч. Личные местоимения —я, *ens*; ты, *awee*; он, *cheneelt*; мы, *nemeemult*; ты, *aweepeeeaps*; они, *chinkoast*.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ДАВАТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я даю,	<i>ens nahktinna</i>	Мы даем,	немилосердно нахктам
Ты даешь,	<i>ах, нахктатта,</i>	Ты даешь,	<i>ах, нахктатта,</i>
Он дает,	<i>ченелт нахктасс,</i>	Они дают,	<i>чинкваст нахктиэйкс,</i>

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Я дал,	<i>huinahktlam</i>
--------	--------------------

первый будущем.

Я дам,	<i>уинахкчин</i>
--------	------------------

ПОВЕЛИТЕЛЬНО.

Отдай мне, <i>нахкчамс</i>	Отдай нам, <i>нахктиа</i>
----------------------------	---------------------------

Matans, вставленный в слово, означает желание что-то сделать; таким образом, *winaskin* означает идти; а *winasmamankin* - я желаю идти. Слог *weltin*, приложенный к слову, выражает, что что-то было сделано эффективно; *-tlokhtinnaweltin*, я закрепил это хорошо или основательно. *Tata* - отрицательный предлог.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Такамоте () немимульт (Наш) скатзазакт (Отец), Который (кто есть) ноль (в) кахтомью. (небеса.) Ахсиас (Хорошо) чатам (должно быть сделано), клас (то) самое (имя) милое. (твое.) Эйах (Хорошие) хантохи (поторопитесь) стакумы (все) асаит кунамах (мужчины) аксклахаки (придите) свонакум (истинно) зах (хорошие) туксмиты (дети) Иисуса (Иисуса) Кри (Христа) хантосиамала.

(поторопитесь.) Спасибо (Твоему) касеаху (за то, что) сделал (хорошо) чувство (по-новому) наанатомью, (на земле) кллах, (как) видят сатахах ангелы (archkhwamo) инчеах (там) нилкахтомеу. (небеса.) Такамосе (Все) нук (и) стакум (каждый) цит-лекут (день) нахктеа (дают) немеемульту (нам) стакумов (всем) как (нашим) схлаянам. (еда.) Алтла (И) куонкунстия (прости) неминулт (нас) такамоте (всех) немимульт (наших) последствий, (зла,) цеах (поскольку) немимульт (мы) куонкунстама (прости) такамоте (всех) туал (из) сайткунама (мужчин) акс (которые) мы совершаем (совершаем) наибольшее (любое зло) вау (для) немимульт. (нас.) Атахмос (Никогда) не (позволял) хошаману (злому) в роли мастила (вести) немимульт (нас) аксхокестумтум (желать) (чтобы) квонтиз (завладел) акестом. (любое зло.) Камулт (Но) акклокпистиип (доставит) немимулт (нам) такамоте (всем) тоже (что) а (есть) кест (зло) уилкакоу. (далеко от нас.) Затенмиенвави (Твой) такамосе (весь) atomew. (мир.) Заткнись, Вави (Твой) такамосе (весь) азозохт. (сила.) Шутенмиенвави (Твой) такамосе (весь) асямит. (поклоняюсь.) Таиах (Хорошо) аскакамеемус (навсегда) астинансауз, (грядущий,) аскакамеемус (навсегда) астинансауз. (грядет.) Благословения Господни. (Аминь.)

ДИАЛЕКТЫ ПЬЮДЖЕТ-САУНДА.

Продвигаясь на юг к заливу Пьюджет-Саунд, мы встречаем реки Шимиахму, Нуксак, Лумми, Самиш, Снохомиш и другие; а вокруг мыса Флэттери - Классет. Маках, классет или клаиццахт, о которых я уже говорил в связи с языком острова Ванкувер, и также оказывается, что клаллам, С'клалум, или, как они сами себя называют, нусклайюм, также связан с языком острова Ванкувер.^[III'-25] Вероятно, это то же самое, что доктор Скоулер назвал Ноздревой болезнью. Лумми, или нухлуми, и шимиахму также имеют некоторое сходство с диалектом санетч острова Ванкувер, а языки скагитов и самиш приближаются к языкам нискуалли. Тем не менее, хотя клаллам и лумми демонстрируют определенное сходство с диалектом нутка, они, тем не менее, явно принадлежат к семейству салиш, или плоскоголовых.^[III'-26]

САЛИШСКИЕ ДИАЛЕКТЫ.

Теперь мы переходим к великой семье внутренних салишей, хотя у меня еще будет возможность обратиться к языку побережья в этой местности. Самым северным салишским языком является шушвап, или атнах, который вплотную приближается к своему соседу собственно салишу;^[III'-27] затем есть куллеспелм, или пенд д'Орейль, спокан, соайатлпи и оканаган, которые демонстрируют близкое родство с другими языками, на которых говорят в Колумбии.

Собственно салиш, или Плоскоголовый, резкий и гортанный. Букв *b*, *d*, *f*, *r*, в этом языке не существует. Множественное число существительных образуется разными способами: во—первых, путем дублирования корня—*skoi*, мать; *skoikoi*, матери: во—вторых, путем дублирования и исключения гласной из корня—*skaltmigu*, мужчина; *sklaltmigu*, мужчины; *esmòck*, гора; *esmòckmck*, горы: в-третьих, путем дублирования согласной в середине слова—*skòlchemùs*, веко; *skòlchammùs*, веки: в-четвертых, с приставкой к слогу *ul-nackoemen*, вор; *ulnackoemen*, вору: и, наконец, существуют различные образования, такие как *esschíte*, дерево; *szlzlíl*, деревья, лес; *smèm*, женщина (mulier); *pèlplgui*, женщины. Уменьшительные выражаются путем помещения *l* перед корнем, как, *smèm*, женщина; *slmèm*, маленькая женщина; *lùk*, дерево; *llùllk*, маленький кусочек дерева. Аугментативы образуются приставкой к слогу *кутн*, или *кути*, когда слово начинается с *s* или *l*, таким образом, *скаге*, конь; *кути-скаге*, большой конь; *смот*,

дым; *кути-смот*, большой дым. Существуют местоимения личные, притяжательные, указательные, относительные, вопросительные и неопределенные. Согласно Менгарини, личное местоимение имеет две формы, абсолютную и копулятивную, точное значение, придаваемое этим терминам, не объясняется.

АБСОЛЮТНЫЙ. КОПУЛЯТИВНЫЙ.

Я	кои	ко
Тебе	ануи	ку
Он	зуилз	
Мы,	каэмпиле	каэ
Вас	поддерживаем	р, или
Они	знают	

В качестве примеров других есть притяжательные —мое, *в*; твое, *ань*; его, *с*; наше, *као*; ваше, *мп*; их, *с*: указательные—это, *иэ*; то, *цзы*: вопросительные—кто, *суэт*: и неопределенные —кто, *чнакси*.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ЗЛИТЬСЯ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я зол,	цель-я	Мы злы,	каэс аймт-и
Ты сердишься,	kues aimt-i	Ты злишься,	pes aimt-i
Он сердит,	es aimt-i	Они злы,	es afimt-i
Идеальный.			

Я был зол, tn-aimt или tnes aimt

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду сердиться, это неминуемо

.

Злишь, аймт щ

В НАСТОЯЩЕМ СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Если я сержусь,	tiks aimt-i	Если мы сердимся,	kaeks aimt-i
Если ты сердишься,	kuks aimt-i	Если ты сердишься,	pks aimt-i
Если он сердится,	ks aimt-i	Если они сердятся,	ks afimt-i

В НЕСОВЕРШЕННОМ СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Если бы я разозлился, то не стал бы

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ.

Если бы я мог разозлиться, коми тн аймт

Ниже приводится молитва Господня, национальность не указана:

Каэ л'у (отче наш) у (на небесах) л'чичмаскат (кто) ку л'зии, (живущий,) спрашивающий (твое) имя куks (о тебе) играй; (будь любим;) ку (ты) кл (будь) челтичем (Господом) с есией (

всех) сп'ус; (сердца;) асзнтел кс (твоя воля) колли (свершится) с (этим) мной (на) столигу, (землю,) эзгаила (как) л'чичмаската. (на небесах.) Каэ (Нам) гизлильт (дай сегодня) из тльгоа лу (что) каэсиапзинм. (нам нужно.) Келколгоэллильт (Мы прощаем) лу каэ (наши) гулгуилт (долги,) эзгаил (как) лу ткаэмпиле (мы) kaes kolgoelltm, (прости (тех)), кто (имеет) гулгулт (долги) л (с) кемпиле. (мы.) Каэ (Мы) олкщилильт (помогаем) та (не) ка кескуэзм лу (в любое время получаем) тайе; (зло;) у (но) кай (США) гулгиллilt (сохранить невредимым) лу тель (из) teié. (зло.) Коми эзгаил. (Да будет так.[III'-28])

Приведенное выше взято из грамматики Менгарини, написанной на латыни; ниже приводится молитва "Отче наш" из монастыря Пенд д'Орейль, написанная отцом Де Сметом по-французски:

Кайли, (отче наш) Ичичемаск, (с небес) попроси уис (чтобы твое имя) ковааскшаменшем (уважали) айлетземилкоу (всеми) йелскилугами; (земля;) нчиезиэзи (царствовать) теллеция (во всех) жутких (этих) регионах. (сердца.) Помогите Мне, (Что твоя воля) астсколе, (свершится) елстолоэз (на земле) эцагил, (а также) Зудящая Маска. (на небесах.) Хугвицилт (Дай нам) йеттилгва (сейчас) локайтсья (все наши) продукты. (предметы первой необходимости.) Knwaaskmeemiltem (Прости нас) klotayie (зло) kloitskeyen (которое мы совершили), etzageel (как) kaitsskolgwelem (мы прощаем) klotoiye ((зло)) kloitskwen (тем, кто) klielskyloog. (нас обидели.) Коаксалок (Согласись с нами) шитем (помощь) такааксквентем (уклониться) клотайе; (зло;) ковааксгвилтем (но избавь нас) клотайе. (со зла.) Komieetzegeel. (Да будет так.[III'-29])

К этой семье также принадлежат языки, на которых говорят скитсуиш, писквауз, нсиетшоу, нискваллис и чехали. Нсиетшоу больше других отличается от собственно салишского, который является основным языком этой семьи, и особенно отсутствием губных звуков; буквы *t* и *b* заменены на *w*, а *p* на *h*. Таким образом, в языках чехали и нискуалли мы имеем, *нуман*, сын; *томох*, земля; *пансототси*, зима; которые в нсиетшоу произносятся соответственно, *нувон*, *тавах* и *хансототси*. На чехали говорят на трех диалектах: собственно чехали, квайантль и квенияуитль.[III'-30]

Языки семьи салиш, особенно чехали, богаты словами, с помощью которых может быть выражено все, что им известно; они нелегко усваиваются незнакомцами; различным нациям и племенам трудно объясняться друг с другом. Это связано главным образом со многими распространенными среди них локализмами, хороший образец которых есть в чехалисском языке. Таким образом, *толнейч* означает западный ветер, дующий с берега, в сторону моря или на запад. Теперь, если чехали отплывают от берега на каноэ, и один из них хочет сказать своей паре, чтобы она убрала голову от берега, он скажет *толнейч*, но если спешит, то *неуч-неуч*. *Claathlum* означает восточный ветер, также на берегу; это они переводят в *clath-clath*. [III'-31] Языки клаллум и лумми имеют еще одну особенность, которая заключается в определенном носовом звуке в начале и конце слов, таком как сильный носовой *ns*; также широкий звук *a*, как в *far*, *path*. Не хватает звуков букв *v*, *r*, *z*. [III'-32] Часто встречающееся окончание *tl* также привело к предположениям и поиску сходства этих языков с ацтекскими, но ничего, кроме этого фонетического сходства, обнаружено не было. Это окончание *tl* очень распространено. Свон говорит, что "иногда они, как бы для развлечения, заканчивают все свои слова *tl*; и получается нелепый эффект - слышать, как трое или четверо разговаривают одновременно, издавая этот

странный звук, как множество сидящих кур".[III'-33] К востоку от Салиша говорят на языках китунаха, кутенай или кутани. Авторитетные источники сильно расходятся в описании этого языка. Паркер называет его "открытым и звучным, без гортанных звуков, которые распространены в языке окружающих племен"; в то время как капитан Дж. Паллисер утверждает, что это "самый гортанный и непроизносимый для европейца звук, каждое слово, кажется, с трудом вырывается из самых нижних конечностей".[III'-34] Следующая Молитва Господня, произнесенная французом, даст лучшее представление об этом языке, чем любое описание:

Катитое (отче наш), наитле (кто есть) наите, (на небесах) акикленаис (да будет велико твое) зедабицкинне (имя) уилкейн. (и почитаемый.) Ниншалинне (Будь ты) ошемаке (повелителем) капаик (всех) акайтлайнам. (сердца.) Иншазетлуите (Да будет воля твоя), ты сделаешь (да свершится на земле) екакаекинайте. (как на небесах.) Комнакайке (Даруй нам) логение (в этот день) ниггенавайшне (все наши желания.) найосаемяйтеке. () Кекеpaime (Прости нас) неkoetjekoetleaitle (все зло, которое у нас есть) ixzeai, (сделано) iyakaikakaaike (как мы прощаем) iyazeaikinawash (все зло) kokakiraimeaitle. (сделано для нас.) Amatikezawes (Укрепи нас), itchkestshimmekakowêlle (против всего зла), akatakzen. (и избавь нас от этого.) Shaeykiakakaaike. (Пусть будет так.[III'-35])

САХАПТИНСКИЕ ЯЗЫКИ.

На языках семьи сахаптин говорят вдоль рек Льюис и Снейк и их притоков, вплоть до подножия Скалистых гор. Собственно валла-валла, палоус, якима, кликетат и сахаптин, некоторые из которых сильно отличаются от родного языка, принадлежат к этой семье.[III'-36] Валла-валла отличается от собственно сахаптинского языка не больше, чем португальский от испанского. Отец Пандоси составил грамматику языка якима, под которую он подпадает вся семья сахаптинцев, разделив ее на диалекты, такие как валла-валла, таиртла, роилройлпам, или кликетат, и палуз.[III'-37]

В языке Нез-Персе встречаются только следующие буквы: *h, k, l, m, n, p, s, t, w, a, e, i, o, u*, но миссионеры ввели несколько новых слов, и было сочтено необходимым добавить *b, d, f, g, v, z*. Агглютинация распространена на большую длину, и длинные слова встречаются очень часто. На самом деле, везде, где предложение может быть выражено соединением одного слова с другим, это делается с пропуском букв местами ради благозвучия. Следующая яркая иллюстрация: *хитотуалавихнанкауна*, он проезжал мимо дождливой ночью.

Проанализированный, *hi* выражает третье лицо единственного числа; *tau* вещь, сделанная ночью; *tuala*, что-то сделанное под дождем; *wihnan*, путешествовать пешком; *kau* происходит от глагола *kokauna*, проходить мимо; *na* выражает изъявительное наклонение, время аориста, направление от говорящего. Множественное число существительных образуется путем дублирования первого слога: *питин*, девочка; *пиупитин*, девочки. Или, когда слово начинается с гласной, гласная иногда повторяется: *atwai*, старая женщина; *aatwai*, старые женщины. Исключения из этого правила делаются в словах, выражающих семейные отношения, причем приставка *ма* используется в таких случаях, как *лика*, мать; *ликама*, матери. Если *p* завершает слово, оно опускается как *askap*, множественное число *askama*. Для выражения пола используются слова *хама*, мужчина, и *айат*, женщина, но суть остается неизменной. Существительные склоняются либо путем изменения их окончаний, либо с помощью аффиксов:

Ном.	дом	,
------	-----	---

принадлежащий	из дома	ininm
Согласно.	,	inina
,		
1-го числа	к дому или для дома,	принадлежащего
2-му числу	, или на дом,	принадлежащий
1-й Абл.	с домом	инитки
2-й Абл.	из дома	,
3-м абл.	, с целью дома	начало

Сравнение—*тахс*, хорошо; *тахс канмаканм*, лучше; *тахсни*, лучший. Личные существительные—*в*, я; *им*, ты; *ипи*, он или она; *нун*, мы; *има*, ты; *имма*, они. Глагол имеет множество вариаций. Они делятся на три класса: средний, активно-переходный и активно-непереходный. Два глагола среднего рода - *мыть*, быть; и *витсаша*, становиться. За активными непереходными глаголами не может следовать винительный падеж.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ТО ВЕ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

	НАПРАВЛЕНИЕ ОТ.	НАПРАВЛЕНИЕ В СТОРОНУ.
Я,	в стирке	
Ты есть,	я уоши	я вамъ
Он есть, это его,	ипи хиваш, ипним уш	ипи хивам
Мы есть,	нун ваши	
Ты такой,	има ат васихи	я в вашингтоне
Они есть, это их,	имма хиуших, имман ауших	я приветинм

НЕДАВНЕЕ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ.

Я только что был,	вака	вамка
Ты только что был,	вака	вамка
Он только что был,		
это только что было его,	хивака, авака	хивамка
Мы только что были,	вашека	вашинмка
Ты только что был,	вашека	вашинмка
Они только что были,		это только что было их,
Это только что было их,	киншека, аушека	хиушинмка[III'-38]

ЯКИМА, ВАЛЛА-ВАЛЛА И ПАЛОУС.

Следующие грамматические примечания послужат иллюстрацией якима и некоторых других языков сахаптинской семьи.

ЕДИНСТВЕННОЕ число.

Имя	лошади	кусси-нан
Род.	лошади	кусси-нми
дат.	лошади	кусси-оу
Согласно	лошади	кусси-нан
Вокал.	O horse	na-kussi
Абл.	для лошади	kussi-ei

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Ном.	лошади	кусси-ма
Gen.	о лошадях	кусси-ма ми
Дата.	к лошадям	кусси-ма-мяу
Согласно.	лошади	kussi ma-man
Лос.	О лошади,	на-кусси-ма
Абл.	для лошадей	кусси-ма-мией

В языках палуза и валла- валла аффикс *nan* заменен на *na*. Личные местоимения—я, *ink*, *nes*, *nesh* или *sh*; от меня, *enmi*; мне, *enmiow*; мне, *inak*; для меня, *enmiei*; мы, *namak*, *natés*, *nanam*, *aatés* или *namtk*; от нас, *néémi*; для нас - *немиев*; для нас - *неманак*; для нас - *немей*. Валла-валлас пропускает *k* от аффикса *ak*; таким образом, вместо *инак*, я, они говорят *ина*, а вместо *намак* - мы, *нама*.

ЯКИМА.

ВАЛЛА-ВАЛЛА И ПАЛОУС.

Он	пеньк	пеньк
норки	пинмин	ему
пин-мивк	пинмиоу	Ему
пин-ним	пинминнан	Для Него
пин-микаэй	пинмиэй	Они
делают	пма	Из Них
норки	памин	им
пе-мивк	памивк	Им
пе-минак	.	паманак
Для них	чп-mikaiei	памикаиэй

На одном диалекте окончание *ak* заменено на *ei*.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ИМЕТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

У меня есть,	неш ва, или помой неш,
у тебя есть,	меш ва, или помой меш,
у него есть,	пенк ава, или пинминк ава,
у нас есть,	натеш ва, или помой натеш,
у тебя есть,	матеш ва, или помой матеш.
У них,	па ва, или пеминк ава, есть

,

У меня был или будет неш вача

ПЕРВЫЙ БУДУЩИЙ.

У меня будет, неш вата

В качестве примера агглютинации есть слово *ipinashapatawtrahliktamawarsha*, он сам заставляет ночь неприятно утомительно долго ждать; то есть он заставляет кого-то долго ждать его ночью.

МОЛИТВА ЯКИМЫ ГОСПОДНЯ.

Ними (Наш) Пшт, (Отец,) имк (ты) нам, (который) вамш (является) Ройм-ником; (высоко на стороне (небес);) шир (колодец) нам 'манак (ты) п'а (они (индеф.))) ти-макнани (должны) уважать) ванихта; (имя;) шир (колодец) эвианавитарней (должен прибыть) эминк (твой) миаварвит; (вождь;) шир (хорошо) намманак (ты) па (они) тваненитарней, (должны следовать) ичинак (здесь) техампе, (земле (на)) тенме, (обитателям (ее)) прв, (будут) амаквсримманак (ты сам по себе) па (они) тваненишамш (следовать) ройемипама (высоко на (небесах)) тенме. (жители (то).) Неманак (Наш (нас)) ним (дай нам) т-кватак (пищу) халиссим (всегда) майсрѣ (завтра) майсрѣ. (завтра.) Неманак (Наш (us)) лакнаним (забудь) челвитит: (грехи:) аатесквсри (нас как) намак (мы) т'нормама (другие) лакнаниша (забудь) челвитит (грехи) анаквинкинк (которые) неймиов (нас) па (имеют) челвития. (оскорбленный.) Р-т-к (Сильным) анианим (сделай) неманак (нашу (нас)) темну; (сердце;) т-крав криал. (чтобы он не упал.) Неманак (Мы) эйкренок (рывок) челвиткник (плохой удар сбоку.) Эквс (Итак) ива (это) низми (наша) темна. (сердце. [III'-39])

ПРИДВОРНЫЙ ЯЗЫК САХАПТИНОВ.

Нез персе используют два языка: один - собственно родной язык, или, как сказал бы европеец, придворный язык, а другой - язык рабов, или жаргон. Они настолько сильно отличаются друг от друга, что незнакомец, полностью знакомый с одним, не может понять другого. Этот жаргон возник, вероятно, из-за смешения военнопленных разных национальностей, которые были поработаны, и их языки смешались друг с другом и с языком их завоевателей. Чистокровные нез Персе все понимают жаргон, выучив его в детстве вместе со своим собственным родным языком. И это еще не все. Жаргон более или менее модифицируется каждым из нескольких языков или диалектов, на которых он используется. Служащие меховых компаний, которые

первыми вступили в контакт с сахаптинцами, были сильно раздосадованы этим разнообразием; например, один незнаком человек, пришедший продать бобровую шкуру, сказал бы: "*таммесесс такспул*", "я хочу продать бобра"; другой сказал бы: "*с тобой*", я хочу обменять бобра"; а третий сказал бы: "*э'товла э'еччи*", "я хочу обменять бобра".

Следующий краткий словарь покажет некоторые различия между языком Нез-персе и жаргоном:

	NEZ PERCÉ	ЖАРГОН.
Человек	кьюас	,
,	,	тилаки
,	тачнутцем	,
,	петен,	петен
НЕТ	уоттаун,	танцуй
вальс	,	Лошадь
Лошадь	она пришла	косы
Волосы	зубочистка	Глаза
.	она	В ужасе. [III'-40]

Профессор Рафинеск утверждает, что обнаружил шесть из двадцати четырех сахаптинских слов, имеющих близкое сходство с английским, но Бушманн говорит, что из этих двадцати четырех многие вообще не являются сахаптинскими.[\[III'-41\]](#) На языке вайилатпу, совпадающем с сахаптинским, говорят на двух диалектах, кайусе и моллале. Кайюсы часто общаются с сахаптинами, и поэтому многие слова последних вошли в их язык. В основном они понимают сахаптинский и часто говорят на валла-валла, и это не из-за каких-либо отношений на нескольких языках, а из-за общения.[\[III'-42\]](#)

Как и их соседи, кайюсы используют два языка: один при решении обычных жизненных вопросов, а другой - на высоких государственных мероприятиях, например, при произнесении речей у камина совета, при решении вопросов войны и мира, а также всех других межплеменных вопросов. Иными словами, сахаптины используют свой придворный язык во всех обычных, а также экстраординарных случаях, сохраняя жаргон для своих слуг, в то время как кайюсы используют более низкий язык для обычных случаев и более высокий - для государственных.

Кайюсы были красноречивыми ораторами; их язык изобилует изящными выражениями, и они хорошо знали, как извлечь из них максимум пользы. Когда он был впервые известен европейцам, он быстро угасал и впоследствии слился с сахаптинским; настолько мимолетны эти местные идиомы.[\[III'-43\]](#)

ТРУДНОСТИ ЧИНУКА.

На языке чинуков говорят различные племена, населяющие берега Нижней Колумбии и прилегающую страну. Эта семья делится на множество диалектов, которые расходятся с

родным языком по мере того, как мы поднимаемся вверх по реке; фактически, верховым племенам в основном приходится нанимать переводчика, когда они общаются с жителями нижней части реки. Главными разновидностями этого языка являются собственно чинукский, вакиакумский, катламетский и клатсопский, а также различные диалекты, упомянутые Льюисом и Кларком как принадлежащие тем, кто населял этот регион во время их экспедиции, но которые сейчас не могут быть однозначно идентифицированы ни с одним из известных нам языков. Два из последних упомянутых диалектов, малтнома и скиллут, исследователи описывают как принадлежащие чинукам. [III'-44] Среди всех языков северо-западной Америки, за исключением, пожалуй, тлинкитского, чинукский считается самым сложным по своей конструкции, а по произношению - самым трудным. В словаре английского языка нет слов, которые могли бы точно описать это. Сказать, что это гортанный звук, кудахчущий, фыркающий и тому подобное, - значит дать лишь слабое представление о звуке, издаваемом чавычей в его отчаянной попытке освободить свой разум от какой-либо идеи. Похоже, он еще не открыл для себя использование губ и языка при разговоре, но борется нижней частью горла, чтобы издавать звуки для выражения своих мыслей. Некоторые заявляют, что речь тлинкитов, в языке которых, как и в языке чинуков, отсутствуют губные гармоника, мелодична по сравнению с кваканьем чинуков. Росс говорит, что "чтобы говорить на диалекте чинуков, нужно быть чинуком". [III'-45] Действительно, они, похоже, устали от своего собственного языка и добровольно отказались от него, поскольку сегодня юные чинуки говорят почти исключительно на чехали и жаргоне. Служащие пушных компаний, путешественники, трапперы и торговцы, которые привыкли без особого труда овладевать языками аборигенов, с которыми им приходилось сталкиваться, были совершенно сбиты с толку чавычей. Канадец из компании Astor - единственный известный человек, который приобрел его таким образом, чтобы свободно говорить на нем. Во время долгой болезни за ним ухаживали чинуки, и во время выздоровления он посвящал все свое время совершенствованию в их языке. [III'-46]

Здесь звуки букв *f*, *r*, *v* и *z* отсутствуют, произношение обычно очень нечеткое, а *ç* и *s*, *k* и *g*, *d* и *t* почти всегда путаются.

В первом лице местоимений двойного и множественного числа присутствующее лицо, к которому обращаются, либо включается, либо исключается в зависимости от используемой формы.

Личными местоимениями на диалекте ватлала являются:

ЕДИНСТВЕННОЕ число.		ДВОЙСТВЕННОЕ.		МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	
Я	наика	Мы (двое) (искл.)	ндайка	Мы (напр.)	нчтайка
		Мы (двое) (вкл.)	тхайка	Мы (вкл.)	ольхайка
Ты	майка	Ты (двое)	мдайка	Ты	мишайка
Он	яхка	Они (двое)	ичтахка	Они	тхлайтчка

Примерами притяжательных местоимений послужат следующие. Они соединяются с существительным *itukutkhle* или *itukwutkhle*, дом.

ЕДИНСТВЕННОЕ число.

Мой дом

куквуткхл

Твой дом

меоквиткхл

Его дом

яквиткхл

ДВОЙНОЙ.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Наш дом (искл.) ндаквиткхл нтчаквиткхл (искл.)

Наш дом (вкл.) тхаквиткхл олхаквиткхл (вкл.)

Ваш дом мдаквиткхл маквиткхл

Их дом ичтаквиткхл тхлаквиткхл

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА БЫТЬ ХОЛОДНЫМ.

НАСТОЯЩЕЕ УКАЗАТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА.

Мне холодно, найка тчиноккеах,

Тебе холодно, майка тчичомкеах,

Ему холодно, яхка тчикеах,

ДУАЛ.

ДВОЙНОЙ.

Нам (двоим) холодно (искл.), ндайка тчичонткеах

Нам (двоим) холодно (вкл.), тхайка тчичткеах

Вам (двоим) холодно, мдайка тчимокеах

Им (двоим) холодно, ихтахка тчичткеах

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Нам холодно (искл.), нтчайка тчиконткеах

Нам холодно (вкл.), олхайка тчилокеах

Тебе холодно, макайка тчичомкеах

Им холодно, тхлайтка тчикотклкеах

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Вчера мне было холодно, такотхл найка тчиноткеах

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Скоро мне станет холодно, в наике тчичонхатка

Мне будет холодно, в наике ончхатка тчич

ГЛАГОЛ УБИВАТЬ.

Я убиваю тебя, аминовагуа

я убиваю его, тчиновагуа

Я убиваю тебя (дуально),	омткиновагуа
я убиваю их (дуально),	очткиновагуа
Я убиваю тебя (пер.),	омчкиновагуа
я убиваю их,	отхлкинонгуа
Ты убиваешь его,	омчкивагуа
Ты убиваешь их,	отхлкивагуа

Диалектические различия, особенно среди верхних чинуков, или ватлала, обнаруживаются главным образом в словах; грамматические формы у обоих одинаковы.^[III'-47] Кейн отмечает в качестве особенности, что в этом языке "нет клятв или каких-либо слов, выражающих благодарность".^[III'-48]

МЕСТОИМЕНИЯ КАЛАПУЯ.

Снова двигаясь на юг, в долину Уилламетт, я нахожу язык калапуя и впервые слышу мягкую и гармоничную идиому. Хотя иногда возникает гортанный звук *kh*, чаще он смягчается до *h*. Согласные - это *ç*, или *s, f, j, k, l, m, n, ng, p*, или *b, t*, или *d, q* и *w*. В отличие от сахаптинцев и чинуков, в языке калапуя нет ни форм двойного, ни множественного числа.

Личными местоимениями являются:

Я	ци, или ци
Ты	маха, или маа
Он	кока, или как
Мы	сото
Тебе	мити
Они	кинук

Мой отец	тси симна
Твой отец	Его отец,
Наш отец,	кок инифам
Отче наш	сото туфам
кинук инифам,	мити тифам
	кинук инифам

	тси синни
Твоя мать	маха канни
Его мать	кок ининим
Наша мать	сото тунним
Твоя мать	мити тинним
Их мать	кинук ининим

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА БОЛЕТЬ, ILFATIN.

НАСТОЯЩЕЕ СРЕДНЕЕ.

Я болен,	цити илфатин
Ты болен,	инци илфатин
Он болен,	илфатин
Мы больны,	цити илфаф
Ты болен,	инцип илфаф
Они больны,	кинук в илфаф

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ.

Я не болен,	ванг цик илфатит
-------------	------------------

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Я был болен вчера,	илфатин ци куйи
Ты был болен вчера,	имку илфатин
Он был болен вчера,	ху илфатин

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Завтра я буду болен,	миджи тайлфит ци
----------------------	------------------

Следующий пример послужит иллюстрацией больших изменений, которые претерпевают глаголы в их спряжении; —*кшитатацитуп маха*, я люблю тебя; *цитапинцуо кок*, я люблю его; *химтапинцивата ции* как, он любит меня; *хинцитапинцивата ции*, ты любишь меня?^[III'-49]

На ямкалли говорят у истоков реки Уилламетт. Сравнение словарей ямкалли и калапуи показывает определенную взаимосвязь между ними.^[III'-50]

СРАВНЕНИЕ Колумбии И МЕКСИКИ.

Я уже говорил, что обнаружено определенное сходство между вайлатпу и моллале, а также между ватлалой и чинуком; в них, так же как в калапуя и ямкалли, Бушманн обнаруживает слабые следы ацтекского языка. Другие обнаружили воображаемое родство между языком мексиканцев и более северных народов, но мистер Бушманн считает, что упомянутые народы, пришедшие с севера, земли которых осушаются Колумбией, являются первыми, у кого в неясных тенях появляется ацтек. Эти сходства он обнаружил не только путем прямых сравнений с ацтекским, но и путем обнаружения сходства между этими колумбийскими диалектами и диалектами определенных народов, которые он называет своей группой сонора и ее филиалами, все из которых содержат элементы языка ацтеков. Тем не менее, г-н Бушманн не утверждает отсюда о каком-либо родстве между ацтеками и колумбийцами, а лишь отмечает эти несколько незначительных ассимиляций.^[III'-51]

Ниже приводится сравнительная таблица, содержащая несколько похожих слов:

Сравнительная таблица, показывающая сходство колумбийского и мексиканского языков.

English. ВАЙЛАТПУ. МОЛЛАЛЕ. БАТЛАЛА. ЧАВЫЧА. КАЛАПУЯ. АЦТЕКИ. СЕМЬЯ
СОНОРА.

Да	я	И.	А	а	он, ОУ	е	ха
зуб	tenif				Танти	tlantli	
Красный			tkhlpal	tkhlpolpol		tlapalli	
ветра			ikkhala	itskhakh	ikhala	эекатль	heicala
черный			tkhlol	tkhlalukh		tlilli	
воды			wematkhhl	webatkhl		АТЛ	
я				Найка	nëe		не
главный	iatoiang	iakant					ивых, iauta

АНАЛИЗ ЖАРГОНА чавычи.

Жаргон чинуков используется белыми людьми в их общении с туземцами, а также туземцами между собой. На нем говорят по всему Орегону, территории Вашингтон, на острове Ванкувер и распространяется вглубь страны в Айдахо и некоторые районы Монтаны. Более чем вероятно, что, подобно другим *традиционным* языкам, он сформировался постепенно, сначала среди самих туземцев, и что с течением времени, чтобы облегчить общение с аборигенами, трапперы и торговцы переняли и усовершенствовали его, пока, наконец, он не был приведен в свое нынешнее состояние. В самом деле, так велико было разнообразие языков в этих краях и так сложны они были, что без чего-либо подобного общение между людьми могло быть лишь незначительным.

Несколько похожая смесь, о которой я уже упоминал, существует на Аляске. Отец Поль Ле Жен дает краткий отчет о жаргоне, использовавшемся французами и индейцами в северо-восточной части Америки еще в 1633 году. [III'-52] В Европе по сей день преобладает похожая смесь, или патуа, - лингва франка, используемая многими национальностями, проживающими на берегах Средиземного моря. В Китае и в Ост-Индии так называемый голубиный английский занимает одно и то же место; а в различных частях Центральной и Южной Америки можно встретить нейтральные языки. Чтобы показать, как возникают и развиваются языки, Ванкувер, посетив побережье в 1792 году, обнаружил в различных местах вдоль берегов Орегона, Вашингтона и острова Ванкувер народы, которые время от времени понимали слова и предложения нутка и других языков, некоторые из которых были заимствованы в их собственный язык.

Когда Льюис и Кларк в 1806 году достигли побережья, жаргон, по-видимому, уже принял фиксированную форму, как видно из предложений, цитируемых исследователями. Но только после прибытия экспедиции, отправленной Джоном Джейкобом Астором, выяснилось, что в нее были включены английские или французские слова, большой процент которых в ней содержится. Очень немногие слова, из которых состоит жаргон, если таковые вообще имеются, сохраняют свою первоначальную форму. Грубое, гортанное и непроизносимое местное

кудахтанье было смягчено или опущено, таким образом сформировав речь, подходящую для всех. Таким же образом некоторые английские звуки, такие как *f* и *r*, непригодные носителем языка, были опущены или переведены в *p* и *l*, в то время как все грамматические формы были сведены к наименьшему количеству возможных простых правил. [III'-53] Но даже в этом жаргоне есть то, что можно назвать диалектическими различиями; например, многие слова, используемые в Даллесе, совершенно непонятны в устье Колумбии и в заливе Пьюджет-Саунд. Часто утверждалось, что этот жаргон был изобретен или создан Компанией Гудзонова залива, но хотя меховая компания, несомненно, оказала большую помощь в его развитии и совершенствовании, хорошо известно, во-первых, что этот жаргон существовал до прихода европейцев, а во-вторых, что языки создаются не таким образом.

Мистер Гиббс утверждает, что количество слов составляет почти пятьсот, и после тщательного анализа языка пришел к следующему выводу относительно количества, внесенного несколькими национальностями:

Чинук и клатсоп	200	слов
чинук, имеющих аналогии с другими языками	21	"
Междометия, общие для нескольких	8	"
	нутка, включая диалекты	24
	чехалис, 32 и нискуалли, 7	39
Кликетат и Якима	2	"
Кри	2	"
Чиппева (Оджибве)	1	"
Васко (наверное)	4	"
Саларооуа (наверное)	4	"
по прямой onomatopœia	6	"
Деривация неизвестных или неустановленных	18	"
- французски, 90, канадский, 4	94	"
английский	67	"

[III в'-54]

Как упоминалось ранее, иностранные слова, принятые в жаргонный словарь, изменяются в соответствии со вкусом говорящего, например, в слове Français, поскольку он не может произнести *f*, *r* и *n*, для француза говорят *pasaiuks*, а для французского - *pasai*. Несколько слов, образованных звукоподражанием, звучат следующим образом:—*тум-тум*, сердце, имитация его биения; *тинтин*, колокольчик; *тиктик*, часы; *липлип*, кипятить, от звука закипающей воды и так далее.

Не используются ни артикли, ни флексии. *Okok*, это, иногда заменяет английское the. Как правило, множественное число не различается, но иногда используется слово *haiu* "много". Прилагательные предшествуют существительным, как в английском языке — *lasuai hakatshum*, шелковый носовой платок; *masatsi tilikum*, плохие люди. Сравнительная степень выражается, например, в предложении "Я сильнее тебя", написанном *майка скукум каква найка*, ты не такой сильный, как я. Превосходная степень — *хайас олуман оок канем*, "очень старое каноэ". Есть только два союза: *pi*, производный от французского *puis*, который обозначает и или тогда;

iros, от *предположим*, означающий, если, в случае чего, при условии, что. Частица *la* иногда используется как вопросительный. [III'-55]

Молитва Господня на жаргоне чинуков звучит следующим образом:

Несика (Наш) папа (Отец) клакста (который) митлите (пребывает) копа (в) сагали, (вышеупомнутый,) клоше (хороший) копа (в) несика (нашем) тумтуме (сердцах (будь)) микой (твоим) нем; (имя;) клоше (хороший) мика (ты) тайи (вождь) копа (среди) коновой (всех) тиликумов; (люди;) клоше (хороший) мика (твой) тумтум (будет) копа (на) иллахияе, (земле) какхве (как) копа (в) сагали. (вышесказанное.) Потлач (Давайте) конауэй (каждое) солнце (день), несика (наш) макамак. (еда.) На случай (если) несика (мы) мамук (сделаем) масахчи, (заболеем,) разбудим ((не будем) микой (ты) хяс (очень) соллекс, (разгневанный,) пе (и) на случай (если) клакста (кто-нибудь) масахчи (злой) копа (по отношению) к несике, (мы) разбудим (не) несику (мы) соллекс (злой) копа (по отношению) к класке. (их.) Махш (Отослать) сиях (далеко) копа (от) несайки (нас) конауэй (всех) масахчи. (зло. [III'-56]) Клоше каква. ()

ГЛАВА IV. КАЛИФОРНИЙСКИЕ ЯЗЫКИ.

Множественность языков—Сравнения якона, кламата и палейка—Словари Питт—Ривер и винтун—Сравнения вайота, вишоска, Вайцпека и эхнека—Языки залива Гумбольдт—Поттер—вэлли, языки русского и Ил—ривер-Языки помо—Грамматика галлиномер—Транстихоокеанские сравнения—Молитва Господня чокуем—Языки долин Сакраменто, Сан—Хоакин, Напа и Сонома—олхоне и другие языки залива Сан—Франциско—Рансиен и эслен Монтерейский—Молитва Господня в Санта-Кларе -Грамматика муцуна-Языки миссий Санта-Крус, Сан-Антонио-де-Падун, Соледад и Сан-Мигель-Грамматика Татче-Диалекты Санта-Крус и других островов.

Несмотря на большое разнообразие языков, встречающихся в северных регионах, при въезде в Калифорнию путаница возрастает в десять раз. Вероятно, нигде в Америке нет такого разнообразия языков и диалектов, как здесь. До недавнего времени не предпринималось никаких попыток навести порядок в этом лингвистическом хаосе, главным образом из-за нехватки грамматики и словаря. В течение последних нескольких лет эта потребность в какой-то мере была удовлетворена, и я надеюсь, что смогу представить несколько более широких классификаций, чем до сих пор предпринимались попытки. Благодаря исследованиям мистера Пауэрса, который любезно предоставил в мое распоряжение свои материалы, и ценной информации, переданной судьей Роузборо, диалекты северной Калифорнии были сведены к своего рода системе, однако остается тот факт, что в центральной и южной Калифорнии сотням диалектов было позволено вымереть, не оставив нам даже их названия. [IV'-1]

При попытке классифицировать калифорнийские языки немалая трудность возникает из-за двусмысленности названий племен. Что касается внешнего вида, у некоторых народов нет отличительных названий; другие известны только по имени своего вождя или их *ranchería*; принадлежность вождя, *ranchería* и племени идентична или различна, в зависимости от обстоятельств. Некоторые авторы используют общее название для всех племен, говорящих на одном и том же языке, или диалектов одного и того же языка; другие называют людей из

каждого диалекта. Наконец, есть нации и племена, которые называют себя одним именем, в то время как их соседи называют их другим, так что классификатор, этнологический или филологический, склонен перечислять один народ под двумя именами, опуская многие.[IV'-2]

Мы видели, что колумбийские языки по мере приближения к югу становятся мягче и менее гортанными; это еще более заметно среди калифорнийцев, чья речь по большей части гармонична, отчетлива и богата гласными; и эта черта становится все более заметной по мере продвижения от северной Калифорнии к южной. По этому поводу мистер Пауэрс пишет: "Калифорнийские языки отличаются не только обилием гласных звуков, что более или менее характерно для всех языков, на которых говорят в странах с теплым климатом; но большинство из них также примечательны своим особым стремлением к гармонии. Есть несколько языков, встречающихся в северных горах, которые являются грубыми и сескипедальскими, а некоторые на побережье имеют гортанный характер, недоступный нашим американским органам речи; но за этими немногими исключениями многочисленные языки штата превосходят всех своих соседей своей простотой, краткостью слов, мелодичностью и гармоничными последовательностями".[IV'-3]

ПРАВИЛА БЛАГОЗВУЧИЯ В КАЛИФОРНИИ.

По всей Калифорнии большое внимание уделяется благозвучию слов; и если в неизбежном процессе изготовления какой-либо слог звучит плохо или не совсем гармонирует с местным слухом, им безжалостно жертвуют. Во многих языках эти исключения делаются в соответствии с установленными правилами, в то время как другие, опять же, не подчиняются никаким другим требованиям, кроме гармонии.

Касаясь языков северной Калифорнии, судья Роузборо пишет: "С этнологической точки зрения язык этих различных племен представляет большой интерес. Они, по-видимому, обусловлены географической природой страны, которая оказала большое влияние на направление миграций и расселение различных племен в этом штате, где они были обнаружены белыми; и в отдаленные времена существовало по меньшей мере три течения, или линии миграции, а именно— первое, одно вдоль побережья на юг, более или менее распространяющееся вглубь страны, насколько позволяла природа страны и враждебные племена. В такой изуродованной и суровой стране миграции, должно быть, были медленными, а водовороты - многочисленными, оставившими тут и там множество фрагментов аборигенных племен с совершенно непохожими языком и обычаями. Во-вторых, вдоль долины Уилламетт, через перевалы Калапуи, через открытые земли Ампуа, на юг через долину реки Роуг в долины Шаста и Скотт. В качестве доказательства этого следа я могу упомянуть, что все племена на этой линии, от гор Калапуя на юг до верховьев долин Шаста и Скотт, говорят на одном языке и были союзниками в своих войнах с племенами на реке Питт, которые, по-видимому, остановили их продвижение на юг. В этой связи я могу упомянуть два факта, заслуживающих внимания, а именно, во-первых, в этом катаклизме племен произошли некоторые необычные перемещения; например, сходство языка и обычаев кумбатва и других родственных племен на реке Питт указывает на общее происхождение с небольшим племенем, обитающим на реке Смит, на северо-западном побережье; и, во-вторых, традиции шаста, поселившихся в долинах Шаста и Скотт, продвижение этой линии миграций показывают, что прежнее племя было обнаружено во владении этими долинами и горами и было вытеснено другими племенами. вон. Остатки их древних деревень и устройство, все еще видимое при их раскопках, подтверждают этот факт, а

также еще один факт, что изгнанные племена были такими же или родственны тем, которые белые обнаружили при заселении долины Сакраменто. Например, во всех этих древних деревнях был один дом очень больших размеров, используемый для проведения праздников, церемониальных танцев и т.д., точно такой же мы обнаружили в поселении в Калифорнии, в долине Сакраменто. Существующие племена в этих горах не имеют такого жилья и публичных домов. Когда их спрашивают, они говорят, что деревни были построены и заселены племенем, которое жило там до их прихода, и что эти древние жители поклонялись великой снежной горе Шаста и всегда строили свои деревни в местах, откуда они могли видеть эту гору. В-третьих, другая волна миграции, очевидно, пришла на юг вдоль реки Де-Шут, на большое озерное плато, и этот вывод подтверждается сходством языков и обычаев, а также традиций".[IV'-4]

В подтверждение этой теории судья Роузборо заявляет, что языки, на которых говорят на реке Смит и которые простираются оттуда на сорок миль вдоль побережья, радикально и полностью отличаются от языков соседних племен. Первые имеют резкий, гортанный, неправильный и, по-видимому, односложный характер, в то время как, с другой стороны, соседние племена, населяющие побережье к югу от залива Гумбольдта и вдоль Кламата вплоть до устья реки Тринити, говорят на языке, очень правильном по своей структуре; богатом способностью выражать идеи и оттенки мыслей и не неприятном для слуха, поскольку лишены резких и гортанных звуков. Из всех языков, на которых говорят в этой части, тот, который преобладает вдоль реки Кламат, вплоть до Хэппи Кэмп, и вдоль реки Лосось до ее истоков, безусловно, самый правильный и музыкальный. Фактически, благодаря своему регулярному и музыкальному акценту он занимает среди индейских языков континента такое же первенство, какое испанский занимает среди кавказских языков. Например, их имена собственные для обозначения людей и мест очень благозвучны, как, *euphippa*, *escassasoo*, имена людей, и *тахасуфка*, *чинич*, *панумна*, *чимикани*, *тук*, *саворум*, названия известных населенных пунктов вдоль реки.

В качестве примера обилия и богатства языков побережья над заливом Гумбольдта судья Роузборо приводит следующее: на раз, два, три, четыре они говорят: *кор*, *нихи*, *наксил*, *чона*; итак, на завтра они говорят: *кохчамол*; на послезавтра: *нахамол*; через три дня - *наксамол*; через четыре дня - *чонахамол*. И на этом они не останавливаются; *маре* пять лет, а *марунимихе* пятнадцать; пятнадцатый день от настоящего - *марунимичахамоль*.

Мистер Джордж Бэнкрофт в своей книге "Индианология" ошибочно утверждает, что звук нашей буквы *r* не встречается ни в одном из языков коренных народов Америки. Аналогичное утверждение было сделано в отношении азиатских языков, что от полуострова Индостан до Камчатки нет народа, который использовал бы этот звук. Хотя эта идея сейчас опровергнута, факты свидетельствуют о редкости использования буквы *r* в этих регионах; тем не менее, судья Роузборо уверяет меня, что в этих диалектах северной Калифорнии звук этой буквы не только частый, но и произносится с наиболее раскатистым, жужжащим акцентом; что такие слова, как *arrarra*, индийский; *carrook*, или *sahroc*, вверх; *eurok*, или *euroc*, вниз; *seearrook*, вдоль и выше; *микаппа*, название деревни; *тахасуфкаппа*, то есть деревня верхняя Тахасуфка, представлены с интенсивностью, которую не смог бы превзойти француз.

По обе стороны границы между Орегоном и Калифорнией говорят на языке кламат; к нему примыкают на севере якон, а на юге шаста и палаик. Модоки также говорят на диалекте

кламата. При этом я привожу краткую сравнительную таблицу, и хотя никакой связи между ними не утверждается, все же многие из выбранных мной слов не лишены сходства. [\[IV'-5\]](#)

	ЯКОН.	КЛАМАТ.	ШАСТА.	ПАЛАИК.
Человек	Кальт	hisuatsos	awatikoa	yaliu
женщина	tkhlaks	snawats	taritsi	omtewitsen
рот	Qai в качестве	суммы	АУ, или АОФ,	АП
ногу	СИА	ЦОКС	halaway, или Атис,	atetewa
воды	килограмм	Ампо	Аца	как
кровь	надувает	поэтов	име	ahati
Земли	onitstoh	каела	Тарак	Кела
камень	kelih	kotai	Ица	olisti
древесины	кух	Анко	- Ава -	хау
Бобер	kaatsilawa	пум	- тавай	пум
собаки	tskekh	watsak	hapso	watsaqa
птица	kokoaiā	Лелек	tararakh	lauitsa
лосось	tsutais	tsialus	Китая. при	tsialas
большой	haihaiat	moönis	Кемпе	Бава

ВИНО "ВИНТУН", "ЕВРОЦ" И "КАРОК".

Вдоль реки Питт и ее притоков проживают индейцы реки Питт и уинтуны, о языках которых дан краткий словарь.

РЕКА ПИТТ.

Человек	T'elyou	волос	teee
женщина	emmetowchan	глаза	Осса
дом	teoomchee	нос	яме
дерево (сосна)	oswoo	рот	янене
воды	ОСС	зубы	etesä
камень	аллисте	ноги	säyā
Солнце	tsool	огонь	маллис
Луны	tchool	большой	walswa
Ворона	owwicha	мало	chowkootcha
собаки	chahoom	мертвых	deoome
олень	doshshe	горы	АКОО
медведь	loehta	рыбы	олл [Ив'-6]

ВИНТУН.

Да	ummina	теплый	пела
женщина	darcus	глаза	могилы
доме	хозяин	носа	СОНО
я, или меня	чистый	рот,	все
воды	мем	зубы	видеть
дождь	luhay	говорить	teene
Солнце	створки	, чтобы убить	клома
Луны	chamitta	большие	bohama
ночь	kenavina, или пено	бороться	cluckapooda
собаки	суко	умер	Менил
олений	нет	севере	Вайоминг
медведь	chilch, или weemer	Южно -	Нора[Ив'-7]

В нижнем Кламате преобладает еврокский язык. По сравнению с диалектами южной Калифорнии, он гортанный; очевидно, в некоторых его словах или, скорее, ворчаниях полностью отсутствуют гласные — *mrprh*, нос; *chlh*, земля; *ynx*, ребенок. Среди других характерных для него звуков есть *ll*, столь частый в валлийском языке. Мистер Пауэрс говорит, что "в разговоре они заканчивают многие слова придыханием, которое не совсем точно обозначается буквой *h*, своего рода улавливанием звука, за которым немедленно следует выдох остатков дыхания с коротким ворчанием. Это делает их речь резкой и прерывистой; голос часто обрывается посреди предложения ". Далее он добавляет, что "язык, по-видимому, имелодносложное происхождение, и, на самом деле, они произносят многие двусложные слова так, как если бы это были два односложных слова".

В верхнем Кламате говорят на языке карок, который полностью отличается от языка еврок. Он звучный, и его интонацию даже сравнивали с испанской, поскольку она совсем не гортанная, как у еврокубков. *г*, когда оно встречается в таких словах, как *чарейя* и *карок*, имеет странный наклон. Язык богат; у людей, говорящих на нем, для всего есть названия, и, увидев какой-либо новый для них предмет, если подходящего обозначения нет под рукой, они немедленно приступают к его изготовлению.

Еще один гортанный язык - патауэй, на котором говорят на реке Тринити. Его произношение похоже на Еврос, и в нем такая же странная, резкая остановка голоса в конце слогов, заканчивающихся гласной, как описывает это мистер Пауэрс. С ним связан залив нижнего Гумбольдта. Числительные в последнем языке следующие: *koh-tseh*, один; *ди-те*, два; *ди-кех*, три; *ди-оу*, четыре; *вех-сах*, пять; *чилоке*, шесть; *автлох*, семь; *овит*, восемь; *сероке*, девять; *локель* десять.[IV'-8]

Язык, известный как вайцпек, на котором говорят на слиянии рек Тринити и Кламат, вероятно, тот же самый, который мистер Пауэрс назвал патавей. Также говорят, что в нем часто встречается скользящий *г*. *F*, как и в языках штата Орегон, отсутствует. Диалекты вайцпека - уиот и вишоск, на реках угорь и мэд. Этот язык понимают от прибрежного хребта до побережья

между мысом Мендосино и рекой Мэд.[IV'-9] На эхнеке, или пехцике, говорят на реке Салмон; оттуда в регион кламат входят языки ватсахева, ховтетео и набилтсе.[IV'-10]

СРАВНЕНИЯ.

СПАСИБО. ЖЕЛАЮ УДАЧИ. WEITSPEK. ЭХНЕК.

Человек	ко эх	ко-эх	пагек	ах вунш
стрела	сапе	цахпе	на кут	кха-пожелай
Воды	мера че	мер ах че	па ха	исс шах
Земля	пусть кук	пусть кук	чахк	крутой
Пес	уайетс	выец	чиш	чиш ее
Огненная	масса	месс	мец	ах
сун	таум	тахм	ва нуш лех	кош рах
Раз	ко це	кохца	спинеко	исса
Два	эр и та	ритта	нун эр	ач бок
Три	эр и ка	рик	нак са	куи рахк
Четыре	ре ав ва	ри ях	тох хун не	пи
Пять	весс	весах	махр о тум	ти рах о

На Редвуд-Крик говорили на чиллулах, уилкатта и кайлта, но перед исчезновением этих людей их языки были объединены с языком хупахов, которыми они были покорены. Язык чималкеев Нью-Ривер также был поглощен хупой. О Чималкейз Пауэрс гиперболически замечает: "их язык был подобен горному городу Калифорнии, прекрасному в своей простоте, но хрупкому".[IV'-11]

СЕМЬЯ ПОМО И ЕЕ ДИАЛЕКТЫ.

В заливе Гумбольдта упоминается язык под названием патават, а в Круглой долине - юка. Числительные в последнем языке следующие: *понгве*, один; *опех*, два; *мальме*, три; и *омехет*, четыре. В долине Поттер есть язык тахту, который, по мнению мистера Пауэрса, может принадлежать помо или юка.[IV'-12] В долинах реки Ил и Русской реки до устья Русской реки и в долине Поттер различные племена, известные под названиями укья или йокиа, санели, галлиномерос, масалламагуны, гуалалы и матолес, говорят на различных диалектах языка помо, который распространен в долине Поттер и диалекты которого становятся все более и более отчужденными в зависимости от расстояния от центра проживания аборигенов. Люди помо - хорошие лингвисты; они легко усваивают все различные диалекты своего языка, которые местами отличаются друг от друга до такой степени, что, если их предварительно не выучить, их невозможно понять. Женщинам помо не разрешается изучать никакой диалект, кроме своего собственного.

Следующая сравнительная таблица числительных проиллюстрирует родство этих племен, к которым я отношу племена куланапо, на которых говорят близ озера Клир, и у которых мистер Гиббс также заметил сходство с языками русской реки и ил-ривер, а также с языком, на котором говорят уроженцы ранчо Йониос в округе Марин.[IV'-13]

	ПОМО.	УКИЯ.	САНЕЛЬ.	ГАЛИНОМЕР.	КУЛАНАПО.	ЮНИО.
Одна	ча	Таро	Тейт	ча	к'hah ИГИЛ	Калли
два	сотрудничество	может	со	СКО	Коц	хотца
три	sibbo	sibbo	sibboo	mesibbo	homeka	humka
четыре	Тэкс	духан	ducho	мета	дол	caddol
пять	Шал	родной	Мату	tooshuh	Леха Ма	Лема
шесть	padeh	tsadeh	tsadeh	ланча	ТСА-Ди -	САВ
семь	copah	hoyneit	cóëmar	latco	ку Ла горячие	kolaus
восемь	ковал	cogodol	cogodol	cométa	ко ка dohl	kadol
девять	shalshal	némgoshum	númoshum	Чакко	хах да рол шум	Джин
десять	сала	némpotec	návacotec	chasúto	хах да руль ТЭК	hidelema

ГРАММАТИКА ГАЛЛИНОМЕР.

По поводу диалекта галлиномер я сделаю несколько грамматических замечаний. В разговоре галлиномер довольно неряшливы и используют частые сокращения, такие как английские *can't* и *shan't*, что затрудняет их понимание постороннему человеку. Другой трудностью для учащегося является преобразование ряда букв, таких как *t* в *ch*, *sh* в *ch*, *i* в *ah* и т.д.

Существительные не имеют ни числа, ни падежа, ни рода; первое лишь иногда обозначается отдельным словом — *cha ataboónya*, один человек; *aco ataboónja*, двое мужчин. Родительный падеж образуется путем сопоставления слов — *atópte meätega*, брат вождя; управляемое слово всегда является предложным. Ни один из оставшихся падежей не выделен; например — *chadúna bidácha*, я вижу реку; *bidácha hoalie*, я иду к реке или в реку; *bidácha huodúna*, я выхожу из реки; *didácha toholeéna*, я ухожу от реки; винительный падеж может быть распознан как стоящий сразу после глагола, но из этого правила есть много исключений. Иногда винительный падеж также обозначается окончанием *ga* или *gen* — *чечоаноотуген*, я бью мальчика; но это используется редко. Глаголы всегда правильные. Существуют настоящее, несовершенное и будущее времена, а также три формы повелительного наклонения, все отчетливо обозначенные временными окончаниями.

Настоящий изъявительный знак. Несовершенный вид. Первое Будущее.

Делай,	цита	цита-тина	цекува
Иди,	хоалие	хоалетина	хоалекува
Ломай,	матсана	мацантина	матсанкува
убивай,	матемана	матемантина	матманкува

Смотри, чадуна	чадутеена	чадукува
Сражайся, мехаилме	мехаилмутеена	мехаилмукува

В некоторых случаях эти окончания изменены для благозвучия, при этом некоторые буквы пропущены. Окончания действительно можно назвать вспомогательными глаголами, присоединенными к основному глаголу. Таким образом, имперфект буквально читается как "хотел бы я пойти сделать", окончание *teena*, представляющее собой не что иное, как слово *tseena*, с пропущенной буквой *s*. Подобным образом формируется будущее, как в *tudáwa*, хотеть, которое преобразуется в *síwa*.

В глаголе нет ничего, что могло бы обозначать число, как видно из

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА TO BE.

Я есть, ахва	Мы есть, айава
Ты есть, амава	Ты есть, амава
Он есть, хамова	Они есть, хамова

Примером повелительного наклонения может служить следующее: *хоалелух*, отпусти меня; *хоалин*, иди ты; *хоалегун*, отпусти его. Глагол *chadúna*, видеть, может означать либо "Я вижу", либо "видящий", либо "видеть", либо это может быть истолковано как субстантивированное— *sight*; или как прилагательное в агглютинации, как *chadunatoboónya*, наблюдательный человек. *Чанходин* является вспомогательным глаголом и всегда является предложным. Местоимения: *ах*, *ахто* или *ахмет*, я; *ама*, ты; и *вемо*, *ваймо*, *хамо* или *амата*, он. Первое лицо местоимения всегда опускается, за исключением глагола *to be*, а также часто второго и третьего лиц. Местоименные прилагательные довольно нерегулярны, например, *owkey*, от *ah*; *maykey*, от *ama*; *wébakey*, от *weto*; и они также нерегулярно используются с существительными. Таким образом, в *медде* - отец; *ахмен*, или *овкамен*, или *ахмедде*, что эквивалентно "Я отец", "мой отец". Здесь также вступает в действие благозвучие, которое иногда делает слова совершенно неузнаваемыми, например, *ahótána*, что эквивалентно *mehand*, и еще более отличается, как *мамушки*, это для меня. Твой отец - *майк-мей*; его отец - *уэбамен*. Таким образом, будет видно, что *medde* изменено, или сокращено, на *теп*, и может. Иногда личное местоимение присоединяется к глаголу, а иногда и нет; —*чечоаномдо* (*чечоана мето*), я бью тебя; *мето тудава*, я люблю тебя. Как и во многих других языках Тихоокеанских штатов, мы имеем здесь почтительный слог, который в этом языке всегда имеет префикс, тогда как в других, например, в ацтекском, это аффикс. Говоря о лицах, связанных с вождем, или о вещах, принадлежащих вождю, к почтительному мне или *джин* всегда добавляется приставка; —*оукейбаи*, моя жена; *майкейбаи*, твоя жена; *атопте митчен*, жена вождя; *шинна*, голова; *метошин*, твоя голова; *вебашин*, его голова; *атопте джиншинна*, голова вождя. голова. Все прилагательные на самом деле являются существительными и используются для обеих целей. Таким образом, *ootu*, мальчик, также означает маленький или юный. Прилагательные обычно ставятся после существительных —*majeu codeu*, добрый день; но есть также много исключений из этого правила. Сравнения выражаются частицей *pala*, больше; —*палеябата ваймо ахмет*, он больше меня, *пала* становящаяся *палеей*, по составу. Это используется только более интеллектуальным классом. Галлиномер низшего порядка сказал бы: *бата вэймо ахмет*, великий он. Основными характеристиками языка являются благозвучие и краткость, которым подчинено все остальное,

но, тем не менее, как я уже показал, агглютинация распространена в наибольшей степени.[\[IV'-14\]](#)

ТРАНС-ТИХООКЕАНСКИЕ СРАВНЕНИЯ.

Как будет видно из следующей сравнительной таблицы, язык помо, или, скорее, один из его диалектов, куланапо, демонстрирует некоторое сходство с малайской семьей языков. Из ста семидесяти слов, которые я сравнил, я нахожу пятнадцать процентов. сходство проявляется в малайском языке, и, возможно, можно было бы найти больше, если бы несколько словарей были составлены по какой-то одной системе. Как бы то ни было, я был вынужден использовать малайский, тонганский и другие полинезийские словари, взятые разными людьми в разное время. Не пытаюсь установить какое-либо родство между полинезийцами и калифорнийцами, я представляю эти сходства просто как факт; я не нахожу подобных аналогий ни в Калифорнии, ни между ними и никакими другими народами за пределами Тихого океана.[\[IV'-15\]](#)

	КУЛАНАПО.	МАЛАЙСКИЙ.	МАЛАЙСКИЙ ДИАЛЕКТ.
Женщина	Дах	делать	Каяне
мать	nihk	инди, Ини	Sakarran
муж	Дах Днепропетровская	лаки, озеро	Малайский
жена	бай Ле	бини	Малайский
головой	Кай Ях	капала	Малайский
волос	МОО sooh	fooloo	Тонга
шеи	Ми Ях	ГИА	Тонга
ноги	ках Ма	каки	Малайский
дома	ках (калусов, ацтекский)	Фалле	Тонга
Солнце	Лак	láa	Тонга
огонь	пох (Copeh)	ароé	Millanow
воды	к'hah	вы, sawna	Тонга
горы	да нет	darud	Suntah
черный	keela keelick	келе	полинезийские
кровать	во Дах-рех ДУК	dadara	Малайский
зеленый	МЗ Top	Ота	полинезийские
мертвых	му даль	Мати	Малайский
я	ха	АУ	полинезийские
один	к'hah ИГИЛ	Таси	полинезийские
один	tchah (Yukai)	Сату	Малайский
четыре	дол	тау	полинезийскому
пять	Леха Ма	Лима	Малайский
ем	ку ху	Кай	Полинезийский

напиток	Мих	МЭС inoo	Тонга
чтобы увидеть	Эль ИГИЛ (Chosuyem)	ilaw	Тонга
ехать	Ле ткацкий станок	алу	Тонга
лук	тьфу чи	пана	малайский
язык	лен тип (Chosuyem)	Лида	Малайский
ногу	со йок (Chosuyem)	ку о том,	Suntah

Сходства, существующего между японским, китайским и калифорнийскими языками, обнаруживающегося при тщательном сравнении одних и тех же ста семидесяти слов, недостаточно для установления какого-либо родства; немногочисленные сходства можно рассматривать как чисто случайные. Из этих слов я вставляю следующие, которые являются всеми, между которыми я смог обнаружить какое-либо сходство:

Муж	японских	Муко	Costaños	Махо
зубы	китаец	чи	Copeh	увидеть их
нож	японский	Деба	Costaños	теран
огонь,	китайский	Хо	Choweshak	Хо
воды	Японского	Суй	Costaños	увидеть ее
собака	японский	подбородок	Weitepek и Ehnek	chishe
олений	японский	Ш. Судакский	Copeh	siáh

Упомянутся языки чоушак и батемдакаи, на которых говорят в верховьях реки Ил, и чокуйем в округе Марин, недалеко от миссии Сан-Рафаэль. На Русской реке еще предстоит упомянуть Оламентке и Чвачамаджу. Все они могут быть должным образом классифицированы как диалекты, близкие к семейству помо, и некоторые из них могут даже быть одними и теми же диалектами под разными названиями. [\[IV'-16\]](#)

Из Чокуема я привожу следующую Молитву Господню:

Апи мако су лиловое, ма ненас ми ауес омаи маконо ми таукучс ойопа ми тауко чакенит опус, нетто чакенит опус лилетто. Ту мако муйе генум джи найя маконо сукуджи сулия макономасокте, чаге мат опу ма сули маяко. Макои янгия умэ омутто, улэми маконо ому инкапо. Nette esa Jesus. [\[IV'-17\]](#)

В Раунд-Вэлли, северная Калифорния, есть вышеупомянутый язык юка, который связан с вапо, или ашхими, на котором говорят близ Калистоги и в горах, ведущих оттуда к Гейзерам. [\[IV'-18\]](#)

На реках Юба и фезер живут мейду и нишенамы, о языковых способностях которых говорится, что "мейду так постепенно переходит в нишенам, что чрезвычайно трудно где-либо провести черту. Но это должно быть где-то нарисовано, потому что словарь, записанный на Feather River, потеряет три четверти своих слов, прежде чем достигнет Cosumnes. Даже словарь, взятый на Медвежьей реке, потеряет половину или больше своих слов при переходе в Cosumnes, что означает, как и тот факт, что язык нишенам сильно различается внутри себя. Действительно, он, вероятно, менее однороден и более насыщен диалектами, чем любой другой язык в Калифорнии. Пусть индеец поедет даже из Джорджтауна в Америкэн Флэт или с Беар-Ривер в

Оберн, и, за исключением цифр, он поначалу поймет не больше одного слова из четырех, или пяти, или шести. Но, имея этот небольшой общий запас и руководствуясь одними и теми же законами грамматики, они с поразительной быстротой усваивают диалекты друг друга. Именно эти широкие вариации заставили некоторых первопроходцев поверить, что на равнинах вокруг Сакраменто говорят на одном языке, а в горах - на другом; в то время как они так же почти идентичны, как и горные диалекты. Пока числительные остаются теми же, я считаю это одним языком; и пока это так, индийцы обычно изучают диалекты друг друга; но когда числительные полностью меняются, им часто бывает легче говорить по-английски вместе, чем овладеть другим языком. Что касается южной границы Нишенема, то в этом нет сомнений, поскольку в Косумнесе язык меняется резко и тотально".

ЯЗЫКИ ДОЛИНЫ САКРАМЕНТО.

Говорят, что на берегах Сакраменто преобладают две различные лингвистические системы. Но в какой степени все языки, упомянутые в этом районе, родственны или могут быть классифицированы, трудно сказать; ибо существует не только большая путаница в названиях, но, что более важно, отсутствуют словари для большинства из них. На восточном берегу Сакраменто, простирающемся вдоль реки Фезер, косумнес и других притоков Сакраменто, упоминаются следующие языки: очекамне, сероускумне, чупумне, омочумне, Секумне, валагумне, косумне, солोलумне, туреалумне, сайвамина, ньюичумне, матчемне, сагаяумне, мутелемне, сопотатумне и талатиу. На всех этих диалектах вода обозначается словом *кик*, но на диалектах, на которых говорят на западном берегу, это *моми*. На западном берегу упоминаются диалекты пуджуни, пузлумне, секумне, цамак, ясумне, немшоу, киски, ялесумне, хук и другие. [IV'-19] Несомненно, все эти диалекты долины Сакраменто более или менее родственны, но о них у нас нет достоверных сведений, за исключением того, что секумне и цамак тесно связаны, в то время как пузлумне и талатиу также имеют много общих слов, но нельзя сказать, что они являются аффилированными. [IV'-20] В горах к югу от Юбы, а также в некоторых частях Сакраменто распространен язык кушна. На последней реке Уилкс упоминает кинкла, о котором он говорит, что по сравнению с языком северных народов его можно назвать мягким, "в той же степени, что и язык полинезийцев". Повторения слогов кажутся частыми, такими как *вай-вай* и *хау-хау-хау*. [IV'-21] В долине Напа говорили на шести диалектах: миаккома, калайомане, кайму, Напа, улука и сускол. [IV'-22] В округе Солано говорили на языке гилуко, примером которого может служить следующая молитва "Отче наш":

Аллах, помоги мне, захуа, ом, яхуатай, ча уски, это шоу мур, цекали, зиам, пак онджинта, мул жайге, насояте челегуа, мул знатцойце, цекали, зикматан, чит илаа, чалехуа, мески, пихуаците, тейма омауа. Эмки Хесус. [IV'-23]

Вблизи Карквинского пролива, а также в долинах Сан-Хоакин и Туларе преобладал язык туларе. В этом языке, если верить господину Дюфло де Мофра, букв *b, d, f, g* и *r* не существует, *r* заменяется на *l*, как *мария*, *малия*. Встречается много гортанных звуков, таких как *kh, tsh, lm, tp, tsp, th* и т.д., Но они мягче, чем гортанные звуки севера. Несмотря на вышеприведенное утверждение, М. де Мофрас приводит в качестве образца языка туларе следующую молитву "Отче наш", в которой часто встречается *r*:

Аппа маккуэн эринигмо тасунимак эмракат, джиннин экси маккуэн юнисинмак маккуэн китти эне сотейма эринигмо: сумимак маккуэн хамджаму джиннан гуара айей: сунун маккуэн куит ти

энесунумак аякма: аквестем унисимтак нининти экветмини: юрина маккуэн экветмини среди мужчин.

ОБРАЗЦЫ ЮЖНЫХ ЯЗЫКОВ.

Из языков, на которых говорят в миссии Санта-Инес, следующая молитва "Отче наш" написана месье де Мофрасом; и весьма вероятно, что она написана на истинном языке туларе вместо приведенного выше.

Диос какикоко в алапе, квиеничо по выбору: пакининигуг в стиле кике, упалаки уатахук итимисшуп канече в алапе. Уламуху илахулалисахуэ. Пиксиюг снаряжает гинсукутаниюг уквиягмагин, канечик куисагин сукутанагун утиягмайюг reux hoyug quie utic lex ulechop santequiyug ilautechop. Amen Jesus.[\[IV'-24\]](#)

Язык туларе, вероятно, тот же самый, который был известен под названием кахвейя в центральной Калифорнии и, возможно, имеет некоторую связь с кауильо в южной части штата.[\[IV'-25\]](#)

Внутренними языками, о которых известно лишь название и регион, где на них говорили, являются: на реке Туолумне - хавхау и еще один, не имеющий конкретного названия; на реке Мерсед - кокон с диалектом, распространяющимся до реки Кинг и озера Туларе.[\[IV'-26\]](#) Мистер Пауэрс называет племена, населяющие долины Керн и Туларе, народом йокут, *йокут* означает скопление людей, в то время как *мие*, или *ноно*, означает человек. "Примечателен тот факт, - отмечает этот автор, - что в нескольких северных языках *кия* означает собаку, в то время как в йокуте *кия* означает койота".

От мистера Пауэрса я также получил следующие словари, которые никогда ранее не публиковались.

	КАРОК.	МЕЙДУ.	PALEGAWONÀP.
Человек	Аване	midoo	anghanil
женщина	asicitáwa	английском	coyeem
Солнце	coosooda	росум	tahl
Земли	soosaney	caweh	serwahl
собаки	cheshee	сейю	poongool
воды	ахи	момех	пал
камнем	задницу	ом	tuhnt
огонь	alih	сумма	quoat
глава	huchwa	онум	koönte
рот	apman	cumbo	tawkunte
силы	teeik	Ма мАч	
большой	nuckishnuck	haylin	
мало	neenums	wedaka	
Съесть	охамт	булавка	, Чтобы
Дать	танни	ми	

Для работы	ickeeàht	tawale	
	MEEWOC.	YOCUT.	NEESHENAM.
Человек	Meewa	Ноно	neeshenam или maidee
женщина	Osuh	mokella	cülle
Солнце	Watoo	опе	ophy
Земли	Toleh	hoocheh	корова
собака	Chookoo	chehca	sooh
воды	Kikuh	Илич	M3
камень	Савва	sileh	OAM
огонь	Wookeh	Осит	CAX
голову	Ханна	oochuh	tsoll
рот	Awoh	сама	сим
силы	Tissuh	poonose	мАч
большой	Oyaneh	koteh	нем
мало	Toonchickche	colich	hunum
поесть	Sowuh	hateh	пап
, чтобы дать		wahneh	мех
на работу		tawhaleh	towhàn

Информация о языках, на которых говорят там, где сейчас находится город Сан-Франциско, и по всей прилегающей стране, скудна и носит весьма неопределенный характер. На берегах залива Сан-Франциско есть языки, на которых говорят маталанцы, сальсе и кироты, которые являются диалектами одного родного языка.[\[IV'-27\]](#) Некоторые называют этот язык олхоне, и хотя в качестве принадлежащих к нему упоминаются другие диалекты, обычно утверждается, что все они говорили только на одном общем языке.[\[IV'-28\]](#) Южнее, недалеко от Монтерея, имеются более позитивные данные. Здесь мы находим в качестве основных языков два, на которых говорят рунсиенцы и эслены; кроме того, упоминаются исмураканский и аспианакский.[\[IV'-29\]](#)

ДИАЛЕКТЫ РАНСИЕНА И ЭСЛЕНА.

Но хотя их называют разными языками, Тейлор утверждает, что эслены, сахоны, шалоны, катлендарукасы, пойтоки, мутсуны, тамьенцы и многие другие говорили на разных диалектах рансиенского языка и что на протяжении ста семидесяти миль в длину все туземцы могли с большей или меньшей легкостью общаться друг с другом, и что, хотя "их диалекты были бесконечно малы и сбивали с толку, их голосовое общение было достаточно понятным, когда они собирались вместе в разных миссиях". Ахастлиены и экклемахи Лаперуза, вероятно, не что иное, как другие названия некоторых из вышеупомянутых диалектов.[\[IV'-30\]](#)

Все эти вышеупомянутые языки не только демонстрируют родство друг с другом, но и обнаруживают слабое сходство между ними и языком олхоне залива Сан-Франциско. Более

того, между последним и языком, на котором говорят в миссии Ла Соледад, а также языком оламентков Русской реки, которых я уже причислил к семье помо, есть слабые следы родства.^[IV'-31]

	МУЦУН.	LA SOLEDAD.	RUNSIEN.	СЧАСТЛИВЕЦ.
Один	hemethscha	himítsa	enjalá	moukala
два	usthrgin	utshe	ultis	outis
три	capjan	hapkha	каппэй	накидки
четыре	uthrit	utjit	ultizim	outiti
пять	парнес	paruash	Хали izú	является
отец	арра́	nikápa	arpan	
мать	Ананьева	nikána	aán	
Дочь	ка	ники	кааны	
Нос	нас	США		
Уши	очо	отшо		
Рот	джай	hai		

Дальнейшее подтверждение этого родства можно найти в заявлении первых отцов-миссионеров, которые путешествовали по суше от Монтеррея до Сан-Франциско и которые, хотя в то время совершенно не были знакомы с этими языками, распознали сходство в определенных словах.^[IV'-32] Диалект, на котором говорили в Миссии Санта-Клара, сохранился до нас только в форме Молитвы Господней, которая гласит:

Аппа макрен ме саура сараахтига элекпухмен имрагат, сакан макрен менсараах ассуэйи нуман урун макари пирека нума бан сарааттига пола макрен сухаи налтис анат макрен нина, иа аннанит макрен нина, иа аннанит макрен макрек эквестр маккари нумабау маре аннан, ноу мароте, джассемпер макрен в экуэ тамунири, иннам таттане икатрарка, он же макрен равняется наккариткуну на Иисуса.^[IV'-33]

ГРАММАТИКА МУЦУНА.

О муцунском диалекте я привожу следующие грамматические примечания. Слова этого языка не содержат букв *b, d, k, f, v, x* и скользящего *r*.

СКЛОНЕНИЕ СЛОВА АППА, ОТЕЦ.

	ЕДИНСТВЕННОЕ число.	МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.
Ном.	аппа	аппагма
Ген.	аппа	аппагма
Дата.	аппауас	аппагмахуа
Согласно.	просьба	апагамасе
Лос.	аппа	аппагма

Абл. аппацу, или аппатка, или аппаме .

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ARÁ, ДАВАТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я даю,	могут арабо	мы даем,	macse арабо
ты даешь,	мужчины арабо	вы даете,	macam арабо
он дает,	nunissia арабо	они дают,	nurcan арабо

прошлом.

Я дал (совсем недавно),	может ли это быть аран
Я дал (давным-давно),	могу попросить прощения
Я давал (очень давно),	может быть, арас
Я давал (с незапамятных времен),	может мунна арас
Я дал (не указывая времени),	can arán
Я отдал (кто знает, когда),	может ли арас
Я дал (когда-то назад),	могу араикуну
я дал (уже),	могу арагте

БУДУЩЕЕ.

Я дам (скоро),	могу ли и (или нет) ара
я дам (через много дней),	могу ли ити ара
Я дам (через много лет),	могу ли мунна ара
я дам (возможно),	может ли пин аран

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

.

Отдай мне,	арат или аратит
Отдай себя,	арайя
Отдай ему,	араи, или арати
Отдай их,	арайс

В

СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Это я даю,	кэт ара
Если бы я дал,	иматкум мог бы дать, или кочоп тукне мог бы дать

Язык изобилует наречиями, из которых я привожу следующие.

В этот день	перре Тенгис	завтра	аруту
сейчас	Наха	поскольку	такие
сразу	iñaha	всегда	ими
никогда не	есие Эт	перед	Ару
не более	есие ими	гораздо	Толон
хорошо	мисте, Утин	очень	тгок
плохо	equitseste	мало	Кутис
нежно	chequen	очень мало	кути
конечно	Амане	да	гехе
нет	есие	действительно	асаха, ересь
в день	Наха	смотреть	гирей

Прилагательные склоняются так же, как и существительные, когда они склоняются сами по себе; но они отличаются по своему склонению от существительных, когда они склоняются в связи с ними, потому что тогда они не меняют своих окончаний, а остаются неизменными во всех падежах. Правила синтаксиса сложны и очень трудны.

Отец Комелиас говорит о языке в миссии Санта-Крус с многочисленными диалектами, на самом деле их было так много, что язык менялся почти каждые две лиги и временами настолько расходился, что соседние народы с трудом понимали друг друга.^[IV'-34] В окрестностях миссии Сан-Антонио-де-Падуа существует язык, который назывался по-разному: татче, теламе и секстапай. Похоже, это отдельный язык, и Тейлор утверждает, что люди, говорящие на нем, не могли понять людей из миссии Ла Соледад, расположенной в тридцати милях к северу.^[IV'-35] В этом языке буквы *b*, *d*, *g* не появляются; *na* выражает артикль the, а также this. Существует много различных способов выражения множественного числа существительных. Некоторые добавляют слог *il*, *el*, *l* или *li*, другие вставляют *ti* или *t*, в то время как третьи снова добавляют *leg*, *aten*, *ten* или *teno*, как можно видеть в следующих примерах.^[IV'-36]

	ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.
Советник	tayito	tayilito
пламени	мне, ^А че ^{это} líya	мне, ^А че ^{это} Лилия
работы	tácâto	taquele ^а на
моего врага	zitcho ^Ф Н	zitcho ^Ф НЭ ^{ая}
брат	citól	citolanél
травы	Калифорния ^{ТЗ}	ка ^{ТЗ} А ^о nél
человека	тама	tamaten
мышь	e ^з zzqui*lmog	e ^з zzqui*lmoco*десять
духовка	alocóníya	alocotiníya
тюрьме	ke ^л luezúgne	ke ^л luezúgtine
жира	KP [*] pinit	cupinitleg

женщина	lixii	litzzin
кости	ejacô	ejaclíto

ОТЛИЧНАЯ ГРАММАТИКА.

Падежей, по-видимому, не существует, отношения существительных выражаются частицами. Прилагательные не изменяются для обозначения рода или степени. Личные местоимения обычно являются копулятивными и входят в состав глагола, будь то субъективные или объективные. Наиболее ясное представление об употреблении притяжательного местоимения дадут следующие примеры: Брат, *читоло*; мой брат, *китол*; твой брат, *э^ацмитол*; братья, *читоланело*; мои братья, *читоланель*; твои братья, *э^ацмитоланель*; мать, *эпджо*; твоя мать, *петсмипег*; дом, *ч^виконе*; мой дом, *ч^виконоу^в*; твой дом, *зимч^виконе*; кровь, *аката*; моя кровь, *эката*; твоя кровь, *чимеката*; отец, *экко*; мой отец, *тили*; твой отец, *чимик*; наш отец, *татилли*; работа, *такато*; моя работа, *такат*; твоя работа, *чимтачат*; наша работа, *затучат*; твоя работа, *зугтачат*; моя, *зи*; твоя, *э^ацме^аме*; это, *на*; то, *пэ^а*.

Глаголы также имеют форму множественного числа. *Са^{*}лом*, учить; *са^{*}лилом*, многому учить или, учить многих.

	ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.
Желание	Верую, ибо абсурдно°ЛЭП	Верую, ибо абсурдно°liler
пить	cácheme	cáchetem
для запуска	quenole	quenoltec
сказать	maláco	maloltaco
ходить	Квай*типа ^в	Квай*"Липа" ^в

глагол и местоимение.

Я учу,	эка°ломе	Дай мне,	мне ^а я°с
Он учит меня,	кепа°алач	Дай нам,	майтилтак
Поговор и со мной,	пссия°с	Он дает нам,	пе ^а я°к
Поговор и со мной,	а	я	О..... паитилтак
Давать,	пейко, пе ^а íсо		
	Я люблю тебя,	эпе ^а па°макеке	
	Ты любишь	миморучного ^{па} о ^{карте}	

себя,

*со_

Ниже приведены предлоги: by, zo; в *не^апэ^а*; к зуй, зуйо, зо; из *зе^аре^а*; on, *zui*; within, *zine^ара^в* Вот несколько примеров наречий —здесь, *сопа^в*; там, *не^апе*; сегодня, *таха*; завтра, *миксджай*; вчера, *нотсейо*.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

За тили, (отче наш), мо (ты) кихко (арте) непе^ав (лимаатниле). (небеса.) Благословляем на (то) эцматц: (имя твое:) анцейция (приди) на (то) эцмилину. (царствие Твое.) Читаха (Да свершится) нацмалог (воля твоя) зуй (на) лаке* (земле) кича (как) не^ар^а, и (в) лиме. (небеса.) Ма^итилтак (Дай нам) таха (сегодня) зизаламагет (нашу еду) зизуканатель зичия. (наша ежедневная газета.) За манимтилтак (Прости нас) на (тех) занайлах, (Долгах,) кича (как) на (тех) как (мы) апанинитилико (прости их) на (тех) зананаоле. Зи (наш долг.) кецца () общий (Пусть) за (нас) алимету (не впадет) зо (в) на (ту) любовь.(искушение.) За то, чтобы (Нас) не убили (от) джом зиг (зла) зумтайлтиэ. (защищай.) Аминь.[\[IV'-37\]](#)()

СЛОВАРЬ САН-МИГЕЛЯ И САНТА-КРУСА.

В миссии Сан-Мигель и рядом с ней есть еще один особый язык, но о нем ничего не известно, кроме краткого словаря, взятого мистером Хейлом. Язык, на котором говорят в Сан-Габриэле и в Сан-Фернандо-Рей, называемый киж, и нетела, используемый в Сан-Хуан-Капистрано, я не буду здесь описывать, но включу их в семью шошонов, с которой они связаны. Чемехуэви и кауильо я также отношу к диалектам шошонов, в то время как диегеньо и комейя будут включены в семью юма. Поэтому мне остается только рассказать о языках островов у побережья Калифорнии. На основном, или родном, языке говорили на острове Санта-Крус. Разные племена, населявшие разные острова, говорили на диалектах одного языка, который был несколько гортанным. Я добавляю краткий словарь языка острова Санта-Крус к словарю миссии Сан-Мигель.

	САН-МИГЕЛЬ.	ОСТРОВ САНТА-Крус.
Мужчина	лоаи, или логуаи	аламуун
Женщина	тлене	гематч
Отец	тата	ческе
Мать	Апай,	ослое,
Голова	тобуко	писпулаоах
тисахо,	тоффулл,	Уши,
тенхито,	тенхито	пастху
тисклизу,	Рот,	трелико,
Рот	трелико,	пасаоч
Один	тохи	исмала
Два	когсу	ишум
Три	тлобахи	масеге

Четыре	кеса	скуму
Пять	олдрато	сиетисма
Шесть	пайате	сиетишум
Семь	тепа	сиетмасхуг
Восемь	срател	малава
Девять	тедитруп	спах
Десять	трупа	каска[IV'-38]

ГЛАВА V. ЯЗЫКИ ШОШОНОВ.

Связи ацтеков-соноры с семьей шошонов—юта, команчи, моки, киж, нетела, кечи, кауильо и чемехуэви—Восточные и западные шошоны, или вихинашт—баннак и диггер, или шошоки—юта и ее диалекты—гошуты, уошо, пайули, пиуты, сампитче и моно—Популярное поверье об ацтекском элементе на Севере—Закон Гримма—шошоны, Сравнительная таблица команчей и мокиев—Строфа нетела—Грамматика киж—Молитва Господня на двух диалектах киж—Грамматика чемехуэви и кауилло—Сравнительный словарь.

В эту главу я включаю все языки семьи шошонов, вихинашт, или западные шошоны Айдахо и Орегона, юту с ее многочисленными диалектами, команчей, или этан, из Техаса и Нью-Мексико, мокви из Аризоны, киж, нетела и кечи из миссии Сан-Фернандо, и их диалекты, а также кауильо и чемехуэви из юго-восточной Калифорнии. Шесть последних упомянутых на самом деле не принадлежат к семейству шошонов, но из-за определенных слабых следов ацтекского, обнаруживаемых как в них, так и во всех идиомах шошонов, я не могу придумать ничего лучше, чем рассказать о них в этой связи. Что касается этого ацтекского элемента, я не хочу сказать, что эти языки родственны языку ацтеков в том же смысле, в каком о других языках говорят как о родственных друг другу, поскольку это может навести тех, кто ищет бывшее жилище или родину ацтеков, на мысль, что оно было найдено. Этот элемент состоит просто из ряда слов, идентичных или разумно приближенных к подобным ацтекским словам, и, возможно, из сходства нескольких грамматических правил. Как этот ацтекский словообразовательный материал проник в языки шошонов, то ли в результате межобщинного общения, то ли ацтекской колонизации, мы не знаем. Я также не хочу, чтобы меня поняли как попытку поддержать популярную теорию миграции ацтеков с севера; напротив, языковые свидетельства находятся на другой стороне. Независимо от того, был ли Великий бассейн или какая-либо часть Северо-запада когда-то заселена древними мексиканцами, несомненно, что язык ацтеков, как основа, не встречается нигде к северу от центральной Мексики, так что эти случайные словесные аналогии, если они что-то доказывают, указывают лишь на рассеяние из какого-то первобытного центра, отличного от места, где они найдены, и имеют тенденцию показывать, что язык, слова которого таким тонким слоем разбросаны по столь обширной территории, не мог быть основным языком аборигенов страны.

ДИАЛЕКТЫ шошонов И ЮТЫ.

Шошоны и юта являются основными языками большого внутреннего бассейна; и их можно рассматривать как сестер общего материнского языка с преобладанием шошонов. У каждого из них много диалектов. Язык шошонов можно разделить на восточный, или собственно шошонский, и западный шошонский, или вихинашт. Из первых основными вариациями являются Баннак и Диггер, или Шошоки. Диалекты Юты, более многочисленные, - это гошут, уошо, пайули, пиут, сампитче, моно и некоторые другие, последние настолько мало отличаются от некоторых других, что нет необходимости выделять их как отдельные диалекты. Диалекты команчей я не буду пытаться классифицировать.[V'-1] Ни для одного из этих языков никогда не было написано грамматики. Во всех них слова обычно имеют ударение на первом слоге, за исключением случаев, когда перед ними стоит притяжательное местоимение. Слова, состоящие более чем из четырех слогов, обычно имеют вторичное ударение на пятом, как в *те-и-тис-чи-хо-но*, долина.[V'-2] Несколько слов в этих языках почти идентичны аналогичным словам семейства тинне, которые, вероятно, попали в них в результате взаимодействия. Из них следующие являются основными в той мере, в какой они обозначаются существующими словарями:

СХОДСТВО Между ШОШОНАМИ И ТИННЕ.

Огонь: команчи, *ку-она*; шошоны, *куна*; Чепевьян, *графство*, *кон*, *кон*; Юта, *кун*. Поклон: команчи, *этан*; шошоны, *атше*; Вихинашт, *ати*; Чепевян, *атейке*. Холодные: команчи, *эчо*; шошоны, *отшойн*; Вихинашт, *изиц*; Чепевян, *эдза*. Око: Команч, *начич*; Чепевян, *накхей*. [V'-3]

В вихинаштском иногда встречаются слова, в которых сочетается необычное количество гласных — *раоаиу*, великий; нередко также длинные слова, такие как *pimatiyimwaiákin*, соль. [V'-4] Далее приводится краткий сравнительный словарь, показывающий связь между этими языками.

СЛЕДЫ АЦТЕКОВ К СЕВЕРУ ОТ МЕКСИКИ.

Давайте теперь рассмотрим часто обсуждаемый, но плохо понятый вопрос о языке ацтеков на севере. Торквемада и Ветанкврт повествуют об экспедиции Хуана де Оньяте, который вторгся в Нью-Мексико в последние годы шестнадцатого века. Отец Роке де Фигеро, сопровождавший экспедицию, говорит, что во время поисков потерянного мула в Рио-дель-Тизон мексиканские погонщики мулов встретили неких туземцев, которые обратились к ним на своем родном языке и которые, когда их спросили, откуда они пришли, ответили, что пришли с севера, где говорят на этом языке. Клавиджеро, который повторяет вышесказанное, также утверждает, что во время экспедиции, предпринятой испанцами в 1606 году в Нью-Мексико, к северу от Рио-дель-Тизон, они видели несколько больших домов, а рядом с ними неких туземцев, говоривших на мексиканском языке. Затем у нас есть заявление отца Херонимо де Сарате, что во время поисков Лагуны де Копала ему, среди прочего, сообщили, что местность в ее окрестностях густо населена людьми, говорящими на языке, похожем на язык его слуг-ацтеков. Сарате находился в это время в Рио-дель-Тизон, и местные жители, которые хорошо разбираются в подобных вопросах, заверили испанцев, что они уловили в речи слуги определенные слова, общие как для его собственного языка, так и для языка жителей Лагуна-де-Копала. И снова, в регионе к востоку, Акоста говорит, что "в последнее время они открыли новую землю, которую они называют Нью-Мексико, где, по их словам, много людей, говорящих на мексиканском языке".

Ватер в своем "Митридате" указывает, что мексиканский язык распространился далеко на север, через кочевья диких племен, особенно чичимеков; но если вспомнить, что термин "чичимек" применялся ранними испанцами ко всем огромным неизвестным ордам кочевников на севере и западе, это упоминание не имеет большого значения. Мистеру Андерсону, сопровождавшему капитана Кука на северо-западное побережье в 1778 году, показалось, что он обнаружил сходство между ацтекским языком и языком нутка. "Из нескольких мексиканских слов, - говорит он, - которые мне удалось раздобыть, наиболее очевидное совпадение проявляется в очень частых окончаниях гласных *vl*, *tl* или зво всем языке". И замечает редактор: "Не могли бы мы, в подтверждение замечания мистера Андерсона, заметить, что Опулсцтл, нуткинское название Солнца, и Виципуцли, имя мексиканского божества, не имеют очень отдаленного сходства по звучанию". Теперь абсурдность всех досужих спекуляций становится очевидной, когда мы сталкиваемся с такими притянутыми за уши сравнениями, как это. Во-первых, нет никакого сходства в звуках этих двух слов, а во-вторых, такого ацтекского бога не существует — вероятно, имелся в виду Уицилопочтли. Это последнее слово также не имеет никакого сходства с солнцем; оно состоит из двух слов: *huitzilin*, аббревиатуры мексиканского *huitzitzilin*, что означает "колибри", и *iorochtli*, то есть "слева". Ватер также проводит аналогии между ацтекским и нутка, а также угалензе, которые при близком сравнении не выдерживают никакой критики.

Что касается родства языка ацтеков с языками пуэбло, моки, апачей, юма и других народов Нью-Мексико и Аризоны, Ракстон отваживается на утверждение: "все они говорят на диалектах одного и того же языка.... Точно так же все они понимают язык друг друга. Какое отношение этот язык имеет к мексиканскому, неизвестно; но у меня сложилось впечатление, что он будет в значительной степени ассимилирован, если не идентичен", — во всех этих утверждениях мистер Ракстон сильно ошибается.

Все это, как свидетельство, мало что значит; оно лишь указывает на происхождение популярного поверья, согласно которому мексиканский язык был распространен в различных частях севера, и в то же время показывает, на какой тонкой ниточке висит это поверье и как самые смутные традиционные слухи при повторении становятся достоверными фактами.

Бушманн задает себе вопрос, не встречаются ли ацтекские слова в сколько—нибудь значительном количестве ни в каких других языках великой мексиканской империи — в сапотекском, мизтекском, тараско, отоми или уастекском, - и ответ отрицательный; он обнаружил несколько случайных сходств слов, таких, какие можно найти между ацтекским и другими американскими языками или между любыми двумя языками мира, но ничего такого, что могло бы указывать на родство.

Используя другой класс доказательств, мы немного приближаемся к истине. Андрес Перес де Рибас, миссионер в Синалоа, писавший около 1640 года, говорит, что, изучая язык своего народа, он заметил много мексиканских слов, особенно радикалов, а также слов, которые, по-видимому, были изначально мексиканскими, но которые были настолько изменены, что только один или два слога в них можно было распознать как ацтекские.

Отец Ортега в 1732 году составил словарь языка Кора, в котором он говорит, что люди включили в свой язык много слов мексиканского и несколько испанских языков, и это в период настолько ранний, что на момент написания им книги они считались принадлежащими языку оригинала.

Хервас, чья работа появилась в 1787 году, говорит, что язык тараумара полон мексиканских слов. Ватер, написавший в начале девятнадцатого века, утверждает, что кора примечателен своим родством с мексиканским и что тараумара, который является более утонченным языком, чем его соседи, содержит некоторые слова, сходные с ацтекскими. В своем "Митридите" Фатер замечает связь между коре и ацтеком, более того, утверждая, что сопряжения этих двух языков настолько похожи, что ясно доказывают эту связь.

Вильгельм фон Гумбольдт оставил нам краткую рукописную грамматику коры и тараумара, в которой он отмечает, что среди родственных языков корский и мексиканский имеют большие различия в своих звуковых системах, и хотя эти два языка определенно кажутся родственными, все же он не желает утверждать, что один из них произошел от другого. "Существует не один способ, - говорит великий филолог Вильгельм фон Гумбольдт, - с помощью которого языки связаны. Впечатление, оставленное на меня корой, таково, что это смесь двух разных языков: одного мексиканского, а другого какого-то более древнего и богатого, но более грубого. В грамматике коры встречается очень много форм, которые поразительно напоминают мексиканские, но в то же время есть много форм, совершенно отличных друг от друга, созданных по прямо противоположным правилам, среди которых и местоимения". Далее он отмечает два других важных различия между корским и мексиканским языками, которые заключаются в отсутствии дублирования слогов и почтительных форм.

Таково было отношение к этой теме, когда мистер Бушманн взялся за нее. Исходя из преобладающего впечатления об ацтекском происхождении на севере, но более конкретно из некоторых замечаний Александра фон Гумбольдта относительно вероятного прохождения древних мексиканцев через северные регионы, он взялся за поиск этого пути миграции и точных соотношений их языков в различных частях. Начав с долины Мехико, он провел тщательный анализ всех западных языков к северу от этого места, о которых ему удалось раздобыть какой-либо материал. Результатом исследований мистера Бушмана стало обнаружение следов ацтеков в определенных частях страны, но нигде он не нашел ацтекского языка в качестве основы.

СЛЕДЫ АЦТЕКОВ В СЕВЕРНОЙ МЕКСИКЕ.

Более конкретно эти ацтекские слова и словоанalogии были заметны в четырех определенных языках северо-западной Мексики; в коре, на котором говорят в районе Наярит в Халиско, начинающемся примерно в пятнадцати лигах от побережья в устье Рио-Тололотлан и простирающемся между параллелями $21^{\circ} 30'$ и 20° назад нерегулярно вглубь примерно на двадцать лиг; в тепехуане на севере Синалоа, на севере Дуранго и на юге Чиуауа, или, как указано на карте Ороско-и-Берра, начинающемся около двадцать третья параллель примерно в двадцати лигах от восточного берега Калифорнийского залива и простирается по территории в форме подковы примерно до двадцать седьмой параллели; в тараумара, на котором говорят непосредственно к северу от Тепехуаны в штатах Чиуауа и Сонора, в центре Сьерра-Мадре; и, наконец, в кахите, на котором говорят люди, населяющие восточное побережье Калифорнийского залива, между 26° и 28° северной широты, и который нерегулярно отступает от побережья примерно на сорок лиг, находясь почти прямо к западу от Тараумары, хотя не совсем смежные. Название кахита применяется миссионерами только к языку, а не к людям, говорящим на нем. В лицензии, прилагаемой к *Руководству по администрированию индейских идиоматических сообществ лос-Сантоса для священной компании Иисуса*,

напечатанному в Мексике в 1740 году, он называется общим языком миссий провинции Синалоа, на котором говорят индейцы яки и майо, причем последние простираются далеко на юг Соноры. В словаре кахита, приведенном Терно-Компаном в "*Новых анналах*", также встречается много ацтекских слов. Ни один из этих языков не связан с другими, однако во всех них есть вкрапления ацтекского словарного материала. Ацтекский основной заканчивая *Тл* и *илт*, в коре найдены изменилось в *ТИ*, *тэ*, и *т*; в Тереһуана в *де*, *Ре*, и *Научно*; в Тараумара в *Ки*, *Кэ*, *ка*, и *ЛА*, и в Саһита, в *ПИ*. Во всех четырех языках субстантивные окончания опускаются, во-первых, при составлении, когда субстантивное имя соединяется с притяжательным местоимением; во-вторых, перед аффиксом; в-третьих, только в Коре, перед окончанием множественного числа; и перед аффиксами при образовании слов. Они не выпадают в глаголах, образованных от существительных; и когда два существительных объединяются, образуя слово, ацтекская окончание опускается в первом, а также в сочетании существительного и глагола.

В коре окончание *tyahta* имеет то же значение, что и местное окончание ацтеков *tla*, или *tlan*, которое обозначает местоположение вещи; как, *acotn*, елка; (Ацтекский, *окомль*) *окомьяхта*, еловый лес; (Ацтек, *окомлан*). Еще одно поразительное сходство между этими четырьмя языками и ацтекским заключается в использовании постфикса при образовании существительных местности и названий мест. Затем идут числительные, в которых обнаруживаются сходства во всех их образованиях. Ацтекский глагол *са*, быть, и даже его неправильная ветвь, *catqui*, распространены во всех этих языках. В словаре Тараумара Штеффеля и в словаре Коры Ортеги Бушманн обнаружил, что ацтекский элемент даже сильнее, чем он предполагал, и он удивился, как Галлатин, владевший грамматикой Теллехи, мог допустить, чтобы эти сходства ускользнули от его наблюдения.

АЦТЕКСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ СЕМЕЙСТВА АЦТЕКСКО-СОНОРСКИХ.

Из этих четырех языков Бушманн создает то, что он называет своей семьей Сонора; этот термин является несколько неправильным применительно к языкам, не связанным между собой, и на которых говорят скорее за пределами провинции Сонора, чем в ее пределах. Их единственная связь - это ацтекский элемент, который, возможно, проникал в них в разное время и при разных обстоятельствах. Наиболее характерной чертой всего этого является отход этих ацтекско-сонорских языков, как от первоначального центра, и их несколько видов, каждый из которых отмечен одинаковыми знаками ацтеков, в то же время сохраняя свою индивидуальность, в разных частях великих северных регионов. Это похоже на то, как если бы горсть ацтекских слов время от времени попадала в языки каждого из этих четырех народов, и, после частичного смешения этих иностранных слов с языками аборигенов, каким-то образом измененные таким образом слова в большем или меньшем количестве проникли в языки других и отдаленных племен. Именно в такие моменты, когда мы издали бросаем взгляд на их темную историю, в сознании возникают видения их безграничного ненаписанного прошлого и могущественных потрясений и революций, которые навсегда должны остаться такими, какие они есть, окутанными глубочайшей тайной.

В этих четырех языках ацтеков-сонора насчитывается почти двести ацтекских слов, а слова, образованные от них соответствующими местными идиомами, в которые они были перенесены, увеличивают список в четыре раза; и они вместе с другими чисто ацтекскими словами на всех стадиях искажения и трансформации встречаются повторно разбросанными по вышеупомянутым языкам пуэбло, шошонов и другим языкам севера. Но опять же, позвольте мне

сказать, нигде ацтеки или кто-либо из их приверженцев не фигурируют в качестве базы к северу от центральной Мексики.[V'-5]

Принимая во внимание, что некоторые слова ацтеков и шошонов почти идентичны, а окончания других почти в точности похожи, неудивительно, что острый слух аборигенов обнаружил фонетическое сходство. Связь между этими языками, возможно, в одном отношении не такая положительная, как между языками, составляющими великую арийскую семью на азиатском и европейском континентах, но, с другой стороны, она представляет собой в некоторой степени аналогичную систему, с помощью которой становится возможным установить связь. Я имею в виду открытие мистером Гриммом того, что было названо "*Lautverschiebung*", или "*Lautveränderung*", что по-английски означает "Шумоподавление".[V'-6]

Это явление состоит в замене определенных гласных или согласных в словах одного языка на определенные другие гласные и согласные в тех же словах другого языка; и это не случайно, а в соответствии с установленными правилами. Переключение звуков, первоначально открытое г-ном Гриммом в арийских языках, также было обнаружено г-ном Бушманном в языках его семьи сонора, где оно более заметно в окончаниях слов. В последующем месте у меня будет возможность снова обратиться к этому пункту, и особенно когда речь пойдет о северомексиканских языках, тараумара, тепехуана, кора и кахита, где при сравнении с ацтекским может быть ясно показано, что такое смещение, или изменение, имело место. В рассматриваемых в настоящее время языках шошонов, юты и команчей мы имеем эту систему маневрирования, проиллюстрированную окончаниями существительных и прилагательных *p*, *pa*, *pe*, *pi*, *be*, *wa*, *ph*, *pee*, *rp* и *rpe*; и более конкретно в языках юты и шошонов *ts*, *tse*, *tsi*, все из которых могут быть отнесены к ацтекским окончаниям *tl*, *tli* и другим. В последнем упомянутом случае окончания были сохранены в более чистой форме, в то время как в первом соблюдается закон шунтирования или изменения. В качестве иллюстрации связи между рассматриваемыми языками и ранее упомянутыми языками соноры, а через них и с ацтекским, я привожу на следующей странице краткий словарь, в котором можно легко заметить сходство.[V'-7]

ЯЗЫК МОКВИ.

Моки, как уже отмечалось, на самом деле не принадлежат к семье шошонов, но демонстрируют связь с ацтеками. Странно, что два постоянно проживающих народа, моки и пуэбло, оба живущие в хорошо построенных городах недалеко друг от друга и оба демонстрирующие признаки зарождающейся цивилизации, говорят на языках, совершенно отличных друг от друга; что один из этих языков имеет связь с ацтекским, а другой нет; что ни один из них не связан с языком шошонов, которые их почти окружают; и, более того, что только в шести из семи городов моки говорят на языке моки, в то время как в седьмом, харно, тегуа, языке одного из местных племен. Говорят на языке нью-мексиканских пуэбло. Жители Харно могут общаться с моки из шести других городов, но между собой они никогда не используют моки, всегда говоря на тегуа.[V'-8]

	ШОШОНЫ.	ВИХИНАШТ.	ЮТА.	КОМАНЧИ.	МОКИ.
Ноги	namps	куки	намп	nahap	herkuck

глаз	Пуй, umboi	Пуй	puttyshoe	puile	представлять
воды	па	па	па	па	
руку	puiró	putá	"пооир"	Пур(е)	Махат
собаки	schari		sahreets	Зари	Поку
язык	Аку	эго	ahoh	ЭК	Линга
жена	werее				
Зима	Туму	tomó		tohane	
яйцо	nuráhw или нанки	anohó		Уно Ио	
уха	nongkawa или masoaki	inaka	nink	nahkarke	nookawuck
силы	mashitu	Имаи	masseer	mashpa	mocktay
зубы	tangwa	Тама	Тонга	tahnee	tahmah
один	chermti или shímutsi	singwáiu		semmus	
десять	paimanusch	síngwaloyu		matoëcut	
губы	тимпа	тупа	ТИМП	тупе	
Солнце	табы	тава	нажмите	tabih	tahwah
дом	uinkán	noöí		kanuke	
камень	timpi	tipí		Терп	
Луны	mungá	muschhá	mahtots	mushe	mooyah
голова	Иван пампи	дома Pompi	туц	ráaph	quatah
нос	Муи	moöi	mahvetah	moopee	yakuck
Бог					tockill
	ацтеков.	Тараумара.	ТЕПЕХУАНА.	КАХИТА.	КОРА.
Нога					
Глаз	икстелолотли	пустики	купить	Воду	
Вода	atl	багуи, паугики		баа	
Рука					
Собака	чичи				
Язык	ненецкий				
Жена	тенамик	упи		хуби	
Зима		гу томоджо			
Яйцо	ноно		nono		
Ухо	nacaztli	nachcala	наха	НАКа	naxaihti
силы	maitl			мама	moamati
зубы	tlantli	tamela	tatamo	Тами	tameti
одна	се, Сеп, джем		Сенн	полу	се
десять	matlactli				

Лип	тентли	чуми	туни	тени	теннити
Солнце				taa	
Дом	калли			cari	
Камень					
Мун	мечтли	меха	масаде	меха	
Голова	куэйтль				
Нос	якатль	джаччала	дача	иека	
Бог	теотль				

О языке мокви не написано ни одной грамматики, и несколько словарей - это все, что у нас есть о нем. Правительство. Лейн, говоря о языках пуэбло в совокупности, пишет: "Все эти языки чрезвычайно гортанные и, на мой слух, казались настолько похожими, что я предполагаю, что они произошли от одной и той же родительской ветви".[V'-9]

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К МОQUI.

Некоторые утверждают о родстве моки с апачами и другими, но такая связь никогда не была установлена.[V'-10] Единственное положительное утверждение в этом отношении сделано Бушманом, который путем фактического сравнения словарей определил его статус.[V'-11] Среди других связующих звеньев он особо упоминает субстантивные окончания *pe*, *bei* другие, с помощью которых, по его словам, мокви присоединяется к шошонско-команчской ветви идиом соноры. Приведенный ранее сравнительный словарь дополнительно проиллюстрирует их принадлежность.[V'-12]

ОБРАЗЦЫ КИЖА И НЕТЕЛЫ.

Возвращаясь к южной Калифорнии, давайте рассмотрим три языка, кижский, нетела и кечи, на которых говорят вблизи миссий Сан-Габриэль, Сан-Хуан Капистрано и Сан-Луис Рей соответственно, которые не только отдаленно связаны друг с другом, но и обнаруживают следы сонора-ацтекских идиом. Отец Боскана, который оставил нам точное описание туземцев Сан-Хуан-Капистрано, к сожалению, уделил мало внимания их языку и приводит лишь несколько разрозненных слов и строф. Одно из последних гласит следующее:

Почему никто не приходит

Quic secat peleblich

Йбикнум маджаар весагnek

Ibi panal, ibi urusar,

Ibi ecbał, ibi seja, ibi calcel.

Который может быть представлен следующим образом:

Я иду к себе домой

Который затенен ивами.

Эти пять они разместили,

Эта агава, этот каменный горшок,

Этот песок, этот мед и т.д.[V'-13]

Но о грамматической структуре этих языков известно очень мало. В кижском языке множественное число образуется различными способами, как можно видеть на следующих примерах:

	Единственном числе.	Множественное число.
Человек	woroit	wororoit
дом	kitsh	kikitsh
горы	haikh	hahaikh
Волк	ishot	ishishot
хорошо	tihorwait	tiriwait
небольшой	tshinui	tshitshínui
черный	yupikha	yupinot
женщина	tokor	totokor
лук	paítkhuar	papaítkhuar
плохо	mohai	momohoi
Белый	arawatai	rawanot
Красный	kwauokha	kwaukhonot

СКЛОНЕНИЕ С МЕСТОИМЕНИЕМ.

Мой отец	нинак	Наш отец	айойнак
Твой отец	монак	Твой отец	асойнак
Его отец	анак		
Мой дом	никин	Наш дом	эйокнга
Твой дом	мукин	Твой дом	асокнга
Его дом	акинга	Их дом	помокнга

Из нетелы также есть следующие несколько примеров образования множественного числа и местоимений;—суол, звезда; сулум, звезды; нопулум, мои глаза; нанакон, мои уши; никивалом, мои щеки; натакалом, моя рука; нетемелум, мои колени.

СКЛОНЕНИЕ С МЕСТОИМЕНИЕМ.

Мой дом	Ники	Наш дом	tshomki
---------	------	---------	---------

твой дом	ом ОПП	ваш дом	omomomki
его дом	поки	свой дом	ОМП omki
моя лодка	НОХ	наша лодка	tshomikh
твоя лодка	ом omikh	вашей лодки	мам omikh
своей лодке	ompomikh	их лодка	ompomikh[В'-14]

По-видимому, в миссии Сан-Фернандо также говорили на кижском на слегка отличающемся диалекте, в чем легко убедиться, сравнив следующие две версии Молитвы Господней; первая на языке Сан-Фернандо, а вторая на том, на котором говорят в Сан-Габриэле.

йорак йона тарай тукупума сагоуко мотоаниан маджарми моин майн моно муисми миохор якуткупар. Пан йогин гимиамерин маджарми мифема койо огорна йо мамаинай мии, йярма огонуг и йона, йо окайнен койяма майн йтомо моджай койяма хуерми. Парима.

Yyonac u yogin tucupugnaisá sujucoy motuanían masarmí magin tucupra maimanó muísme mílléosar u ya tucupar jiman bxí u yoní masaxmí mítema coy aboxmí u yo mamaínatar momojaích milli u yaxma abonac u yo no u yo ocaihuc coy jaxmea main itan momosaích coy jama juehme huememesaích.

Подобным образом Нетела и Кечи демонстрируют близкое родство. Молитва "Отче Наш" в Нетеле гласит:

Чана эч тупана аве оненч, отуне куачин, хаме ом рейно, либи йб чосонек эсна тупана чам нечетепе, микате том ча чаом, пепсум йг кай кайчапе, и джулугджалме кай эч. Избавьтесь от опко, чам-чам-ойота. Amen Jesús.

Кечи заключается в следующем:

Чам на чам миг ту панга аук онан мокиз чам то гай ха куа че наг омрейна ли ви хиче ка нок иба хег гай ви ау куи га топанга. Чам на чолане мим ча пан питуо, маг ма джан похи кала, кай гуй ча ме холлото гай, том чам о гуй чаг кей, не зови меня так, чтобы я мог успокоиться, алла линок, чам чо сиво.[V'-15]

Хотя мистер Тернер причислил эти языки к семье шошонов, на самом деле они образуют такую связь только благодаря своей связи с сонорой и ацтеками.[V'-16] Это проиллюстрировано мистером Бушманом в обширном сравнительном словаре трех языков, краткую выдержку из которого я приведу на следующей странице.[V'-17]

МЕСТОИМЕНЕНИЯ ЧЕМЕХУЭВИ И КАУИЛЬО.

Чемехуэви и кахуильо, последние двое из этого подразделения, также были отнесены к семейству шошонов, и некоторые даже называли их бандами пау-уте, но то, что было сказано относительно принадлежности трех последних упомянутых, применимо к ним с равной силой. О том, что это разные языки, уже заявлял падре Гарсес, который описывает их под названиями Чемегу кахуала, Чемегу себита, чемегуаба и чемегу, приписывая всем им один и тот же язык в отличие от их соседей. Вместе с чемехуэви он включает явипаи мука ораиве или мокуи, которые, хотя и не говорят на том же языке, все же в какой-то степени связаны с ними через свои родственные связи с сонорой и ацтеками, и эти предположения особенно важны.[V'-18]

Грамматических замечаний к этим языкам можно предложить очень мало. Ударение ни в том, ни в другом не очень регулярное; в чемехуэви оно обычно ставится на втором слоге, в то время как в кауильо оно в основном на первом.^[V'-19] Я привожу здесь личные местоимения двух языков.

	ЧЕМЕХУЭВИ.	КАХУИЛЬО.
Я	нуу	не
Ты	хайко	э
Он	эйнпа	пех
Мы		,
Ты	эмим,	Они
	вим	.

Чтобы проиллюстрировать связь соноры и ацтеков, я предлагаю следующий краткий сравнительный словарь.

ЯЗЫКИ ШОШОНОВ.

	ЧЕМЕХУЭВИ.	КАХУИЛЬО.	КЕЧИ.	НЕТЕЛА.	КИЖ.
Вода	па	пал	палы	палы	бар
терраса для	tabaputz	tamit	temet	temét	тамет
день	tuwaruwit	tamyit		temé	oronga
глаз	puoui	napush	pusun-опуш	populum	atshotshon
три	ПАИИ	мепа	пай	pahe	pahe
я	нуу	нех	нет	никаких	Нома
дом	Кани	Киш	кича	Ники	kitsh
стрелка	Ну	хуль	nohu	хуль	nihun
отец	Myo	Нена	pehnañ	НАНА	Анак
девушка	naiitsit	inismal		nawitmal	
лоб	cobanim	nepush			
Пять	ману	мамекваднун		махар	
Ухо	нанкаба	наночка	нонак	нанакум	анана, наджас
Чтобы умереть		мукуш			
Каменный	тимпан	коровы-пожелание		тот	тота
Черного	шавагаре	туликша		яаткнот	юпиха
Борода	муца	нултаман	нумус	аонг, пенен,	Хилл

каиб	оу-со-ни или ту-кнущ				.
Убить	пакаи	мека		какшитхл	
Женщину		мукеади			
АЦТЕКА.	КАХИТУ.	.	ТЕПЕХУАНА.	ТАРАУМАРА.	КОРА.
Вода	АТЛ	Бе			atih
Солнце		Таа			
день					
глаз		пуси	купить	pusiki	
три	ей	бахи			
я	не, ни				
Дом	калли	кари	куи	калики	
Стрелка	митл		ву, или и		
Отец	татли			pono	
Девушка					
Лоб	икскуэйтль		коба	ковара	
Пять	мачуилли	мамми			
Ухо	наказтли	нака	накса	наччала	наксайхти
Умирать	мики			мукуу	
Камень	,	,	тике,	teéke	тетети,
чукули,	чокамеке,	чукули	Борода,		муайзитль
Борода					
Холм				каги	
Убить	nomac miqui	амея		МЭС	МЭС
женщину				муки	[В'-20]

СЛЕДЫ АЦТЕКОВ В ЮЖНОЙ КАЛИФОРНИИ.

Что касается родства соноры и ацтеков, то здесь мы снова имеем субстантивные окончания *p*, *b*, *tv* в различных формах, которые, как уже говорилось, можно сравнить с ацтекскими окончаниями, измененными в соответствии с определенными лингвистическими законами. В кауильо, как и в кечи, притяжательные местоимения с приставкой перед существительными, представляющими части человеческого тела, особенно в первом лице единственного числа, *n*, являются доказательством принадлежности к соноре. В тех же словах у чемехуэви есть два местоимения *ni* и *wi*, которые всегда имеют окончание, *m*. [V'-21]

ГЛАВА VI.

ЯЗЫКИ ПУЭБЛО, РЕКИ КОЛОРАДО И НИЖНЕЙ КАЛИФОРНИИ.

Следы ацтеков, не обнаруженные среди пуэбло Нью—Мексико и Аризоны—Пять языков пуэбло, керес, тегуа, пикори, хемес и зуни—Сравнительный словарь пуэбло—юма и его диалекты, марикопы, кучан, мохаве, Диегеньо, ямпаи и явиapai—кочими, гуайкури и перику с их диалектами Нижней Калифорнии—Грамматика гуайкури—Патер Ностер в Три диалекта кочими - языки Нижней Калифорнии, полностью изолированные.

Уже упомянув некоторые из основных идиом, на которых говорят в южной части Большого бассейна, как части стволов, к которым они принадлежат или с которыми присоединяются, я посвящаю настоящую главу таким языкам Нью-Мексико и Аризоны, которые не могут быть отнесены к языкам племен тинне или Сонора, а также языкам Нижней Калифорнии. Начиная с нескольких языков пуэбло, оттуда продвигаясь на запад к реке Колорадо и следуя ее течению на юг к Калифорнийскому заливу, я включу языки южной оконечности Калифорнии и, наконец, языки полуострова. Ни один из этих языков не является родственным ни одному из тех, на которых говорят в Мексике. Что касается тех языков пуэбло, которые долгое время считались родственными южным языкам, то теперь совершенно очевидно, что они никоим образом не связаны с ними, если исключить ацтекский словарный материал, найденный в мокви. Исходя из аналогичных манер и обычаев, древних традиций и освященных веками верований, многие утверждали, что жители этих городов Новой Мексики являются остатками исконной цивилизации ацтеков, пытаясь тем временем объяснить неблагоприятные языковые характеристики слиянием древнего языка с языками других народов, или поглощением, или уничтожением; все это, насколько это касается достижения определенных выводов, ничего не значит. Аналогии можно провести между любыми народами земли; человеческие существа не так уж непохожи, но в каждом сообществе можно найти много общего с другими сообществами, независимо от расстояния и расы, особенно когда проводится сравнение между двумя народами, оба только что вышедшими из состояния дикости. Имеющиеся у нас факты, касающиеся языков пуэбло, таковы: хотя все они одинаково далеко продвинулись от первобытной дикости, живут в похожих прочных домах и имеют много общих обычаев, все же их языки, хотя и отличаются в целом от языков более диких окружающих племен, не согласуются друг с другом. Трудно доказать, что ацтекский, хотя сейчас, возможно, и исчезнувший, никогда не был языком Нью-Мексико; с другой стороны, невозможно доказать, что это было, и, несомненно, теоретики заходят далеко в своем стремлении обосновать народ на земле, где не существует никаких следов их языка или существует только в такой фазе, которая убедительно доказывает, что он никогда не мог быть основой языка, на котором говорят сейчас.

ПЯТЬ ЯЗЫКОВ пуэбло.

Пуэбло говорят на пяти различных языках с многочисленными диалектами, более или менее отличающимися друг от друга. Жители Санто-Доминго, Сан-Фелипе, Санта-Аны, Силлы, Лагуны, Пожуате, Акомы и Кочити говорят на языке керес; в Сан-Хуане, Санта-Кларе, Сан-Ильдефонсо, Пожуаке, Намбе, Тезуке, а также в Харно, одном из городов племени мокуи, преобладает язык тегуа; в Таосе, Пикорисе, Зандии и Ислете есть язык пикорис; в Хемесе и Старом Пекосе - хемес; в Зуни, язык зуни.[VI'-1] Тремя основными диалектами кереса являются кивомы, кочитеми и акома. Из них первые два очень похожи, в некоторых случаях почти идентичны, в то время как Акома более отчетлива.[VI'-2] В вопросниках ударение почти неизменно ставится на первый

слог, и слова в целом довольно короткие, хотя встречается несколько длинных слов. Притяжательные местоимения кажутся приставочными; это *ini*, *ni*, *ne*, *in* и *i*.

В тегуа и зуни личные местоимения следующие:

	ТЕГУА.	ЗУНИ.
Я	не	о
Тебе	э	тоо
Он	иих	lóoko
Она	иих	
Мы (вкл.)	тахкире	хооно
Мы (искл.)	нихьюбо	
Ты	нахих	ахче
Они	ихна	лооко

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ПУЭБЛО.

В тегуа, хотя встречается много односложных слов, есть также ряд длинных слов, таких как *rehgnahvicaahmborih*, кустарник; *haihiombotahrei*, навсегда; *hahnguenaahnpih*, быть; *haihahgnuhaí*, великий; *heinginubainboyoh*, ничто. В зуни, по—видимому, преобладают длинные слова -*akmeeashneekieah*, осень; *ahseeailah palhtonnai*, палец; *lahtailoorpeetsínna*, золото; *téhleenahweeteekieah*, полночь; *táhmchahpahnáhmnee*, боевая дубина и другие. [VI'-3] Как будет более ясно видно из следующего сравнительного словаря, ни один из этих языков не является родственным; они не имеют родства ни между собой, ни с какой-либо другой семьей или группой. [VI'-4]

	QUERES.	ТЕГУА.	PICORIS.	Хемес.	ZUÑI.
Солнце		тьфу	hoolennah	платить	yattockkah
Луны		роуе	pannah	пахах	
Звезда	shecat	adoyeah	hahheglannah	woonhah	moyatchuway
Земли	hahats	нах	pahhannah	dockah	oulocknannay
человек	hatssee	Сайен	tahhahnenah	shuotish	oatse
женщина	naiatsay	КЭР	clayannah	steosh	ocare
глава	nashcanne	pumbah	pinemah	chitchous	oshuckquinnay
глаз	kannah	чай	Шенэ	saech	toonahway
нос	karwishshe	Шей	poaenah	forsaech	nolinnay
рот	tseeikah	шо	clahmoenah	eaquah	aewahtinnay
уха	kahupah	оуео	taglayonay	washchish	lahschucktinnay
силы	kahmoshtay	МАЧ		mahtish	shoncheway
собаки	Тиш	Шер	sodornah	cannu	watsetah
огонь	hahkanye	ФА	pahannah	fwaah	mackke
воды	tseats	огх	pohahoon	тьфу	keaoway

ЯЗЫКИ РЕКИ КОЛОРАДО.

В регионе, через который протекает река Колорадо, и между этой рекой и Гилой, ранние миссионеры упоминали много разных языков, но в настоящее время трудно установить, насколько разные названия применяются к какой-либо одной нации.

Сами миссионеры часто не знали, как называть людей; часто они давали несколько названий одному языку, а нескольким языкам - одно название; известно, что многие из существовавших тогда диалектов с тех пор вымерли, и еще многие таинственным образом исчезли вместе с теми, кто на них говорил, так что во многих случаях спустя столетие после их первого упоминания такой язык найти не удавалось. Миссионерам и завоевателям, по-видимому, редко приходило в голову, что варварские языки этих язычников могут когда-либо представлять интерес или ценность для христианского мира, тем более списки их слов; так что словари, почти единственный ценный речевой материал филолога, чрезвычайно редки среди трудов ранних Отцов-миссионеров. Если бы половина их бесполезных проповедей о спасении дикарей была посвящена простому сбору фактов, наука выиграла бы, и души туземцев обрели бы ничуть не меньший покой. Однако в последнее время словарный запас диалектов этого региона стал многочисленным, и отношения, наконец, становятся постоянными.

Рассматриваемые языки при сравнении могут почти все входить в то, что можно назвать семейством юма. Основными диалектами, составляющими семью юма, являются юма, марикопа, кучан, мохаве и диегеньо, на последнем говорят в южной Калифорнии, и особенно в районе залива Сан-Диего. Среди прочих упоминаются явиapai и ямпаи.[VI'-5] По сравнению с языком их соседей язык диегеньос мягкий и гармоничный, а поскольку в нем присутствуют все звуки букв английского алфавита, люди, говорящие на нем, легко учатся правильно произносить английский и испанский языки.[VI'-6] Следующая молитва "Отче наш" является образцом диалекта диегеньос.

МОЛИТВА ДИЕГЕНЬО ГОСПОДУ.

Нагуа аналл ама такагуач нагуанетууксп мамамульпо каюка амаибо маматам мяеям канао амат амаибо кексуик эчасау нагуаги нана чоннакин нипил менеке пачис эчеучапо нягуа кексуик нягуайч накагуайхпо амамель анипуч уч-гуэлич-куапо. Nacuíuch-pambo-cuchlích-cuíatpo-ñamat. Napuíjá.[VI'-7]

Краткий словарь других диалектов на следующей странице послужит иллюстрацией:

	КУЧАН.	МАРИКОПА.	МОХАВЕ.	DIEGUEÑO.
Человек	épatch	eepáche	ipah	aycóotchet
женщина	seenyack	sinchayaíxhutch	sinyah	видел
дом	eenouwa		Ахба	awáh
Солнце	H'yatch	H'yatz	H'yatz	
Луны	hullyar	hullash	hullya	
огонь	aawo	áhooch	Ава	
Вода	аха		ахха	аха
Кукуруза	тердич	тердиц	тердича	

Хорошо	ахотка,	хан	я	н'ят,
н'яц,	н'яц,	inyátz	,	эсомаом,
	.		н'йимум	
Спать	.		эсома'ом	. [VI'-8]

Затем есть ямпаи и явиपाи, которые, как говорят, приближаются к кучану и мохаве; [VI'-9] чевет, о котором сообщается как об отдельном языке; [VI'-10] каджуэнче, о котором говорят как о другом языке, и джалликуамаи, диалект каджуэнче. [VI'-11] Тамаджаб - странный язык, описанный доном Хосе Кортесом как "на котором говорят с резкими выражениями и высокомерными манерами; при произнесении речей сильно ударяют ладонями по бедрам". [VI'-12]

Далее упоминаются бенемо с диалектами текуиче и теникече и, наконец, коваджи и ноче, каждый из которых является отдельным языком. [VI'-13] Люди, говорящие на ноче, вероятно, были северными и восточными соседями диегеньос и, возможно, упоминались некоторыми авторами под другими именами. Я предпочел перечислить их здесь, потому что эти имена часто встречаются в отчетах о более ранних экспедициях к народам юма.

ТРИ ОСНОВНЫХ ЯЗЫКА В НИЖНЕЙ КАЛИФОРНИИ.

На полуострове Нижняя Калифорния существуют три различных языка со множеством диалектов, более или менее связанных друг с другом. Некоторые из этих диалектов кажутся настолько далекими от родительской основы, что ранние миссионеры считали их независимыми языками, и, соответственно, количество языков на полуострове оценивалось по-разному: одни говорят о четырех, другие о шести; но тщательные сравнения относят их все к трем основным языкам. Это кочими с его основными диалектами, лаймон и ика; гуайкури с диалектами кора, монки, дидиу, лиуэ, эду и учити; и, наконец, перику. Помимо вышесказанного, почти в каждой миссии были и другие диалектические различия, такие как вариации окончаний слов и другие незначительные моменты. [VI'-14] В целом эти языки были описаны как суровые и бедные. Миссионеры жаловались на то, что не могут найти терминов для выражения многих доктрин, которые они хотели привить; но из грамматических заметок, оставленных отцом Бэггертом и Дюкру, содержащихся в книге Мурра "Нахрихтен", а также из различных Патер Ностеров, находящихся под рукой, выясняется, что эти языки в конце концов не так уж бедны. Ревностным Отцам, возможно, многого не доставало, многих горящих слов и волнующих душу выражений, которые бы очень помогли их усилиям, но, за исключением того, что в этих языках, безусловно, нет избыточности, они не предлагают ничего особо экстраординарного. [VI'-15] Далее я привожу несколько грамматических замечаний по языку гуайкури. Звуки, представленные немецкими буквами, o, f, g, l, x, z и s, за исключением tsh, не появляются. Притяжательные местоимения показаны в следующих примерах:

Мой отец	бедаре	Мой нос	минаму
Твой отец	эдаре	Твой нос	эйнаму
Его отец	тиаре	Его нос	тинаму
Наш отец	кепедаре		

ГРАММАТИКА ГУАЙКУРИ.

Из предлогов упоминаются только два — *tina*, на или по факту; и *deve*, или *типичную* из-за, или для (*проптера*). Артикля нет, и существительные несклоняемы. Союз *тши* всегда ставится после соединяемых слов. Глаголы имеют только одно наклонение и три времени — настоящее, совершенное и будущее. Настоящее образуется с помощью аффикса *re* или *reke*; совершенное - с помощью аффикса *rikíri*, *rujére*, *raúpe* или *raúpere*; а будущее - с помощью аналогичного добавления *te*, *téje* или *éneme*. Если необходимо выразить действие нескольких лиц, к глаголу приставляется слог *ku* или *k*, или первый слог заменяется на *ku*.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО. МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Сражаться с	пьябаке	купиабакe
Помнить	умуту	кумуту
Говорить	джейком	куакe

Некоторые глаголы имеют также совершенное страдательное причастие в форме субстантива— *чип-паке*, бить; *чип-чипичюрре*, человек, которого избили. Личные местоимения: *будь*, я, мне, для меня, мой; *эй*, ты, тебе, для тебя, твой; *becûn*, *бетикун*, *есûип* или *эйтикун*, мой, твой.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА АМУКÍRI - ИГРАТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я играю,	бе амукирире	Мы играем,	кошка амукирире
Ты играешь,	эй амукирире	Ты играешь,	пете амукирире
Он играет,	тутау амукирире	Они играют,	тукава амукирире

Идеальный.

.....Я
играл,

как
амукирикири

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду играть,
как
амукириме

ПОВЕЛИТЕЛЬНО.

Играй ты,	амукири тей	Играй ты,	амукири ту
-----------	-------------	-----------	------------

.	Лучше бы я не играл, или,	бери амукирикирикару бери амукирирухерару
---	---------------------------------	--

Я также добавляю Молитву Господню на гуайкури с буквальным переводом.

Кепе; (Наш) дарэ (отец) текерекадатемба (изогнутая земля (небеса)) дай, (ты есть) эйри (ты О том) акатуике-пу-ме, (признай всякую волю) чакарраке-пу-ме (восхвалим всякую волю) ти (люди) чие: (и:) экун (твоя) грация-ри (милость О том) атуме (имеешь волю) кате (мы) текерекадатемба (выгнутая дугой земля) чие: (и:) эйри (ты, О это) джебарракеме (повинуйся воле) ти (людей) пу (всех) джапе (здесь) датемба, (земля,) пае (как) эй (ты) джебарракере, (повинуйся,) аэна (вверху) кеа: (являются:) кепечун (нашей) бу (пищей) кепе (нам) кен (дай) джатупе (этому) унтаири: (день:) кате (мы) куитчарраке (прости) теи (ты) чие (и) кепечун (наш) атакамара, (зло,) пае (как) куитчарракер (прости) кате (мы) чие (также) кавапе (атукиара (зло) кепетуджаке: (мы делаем:) кате (мы) тикакамба (помоги) теи (ты) чие, (и,) кувумера (желания не будет) кате (мы) уе (что-то) атукиара: (зло:) кепе (мы) какунджа (защищаем) пе (от) атакары (зла) чие. (и.) Аминь. (Аминь.[VI'-16])

МОЛИТВЫ ГОСПОДНИ НА РАЗНЫХ ДИАЛЕКТАХ.

Что касается двух других языков, то единственными имеющимися материалами являются некоторые Молитвы Господни на различных диалектах кочими, используемые в различных миссиях. Из них я включаю следующие в качестве образцов диалектов, на которых говорят: I. в миссии Санта-Мария, II. в Сан-Франциско-де-Борджиа и III. в Сан-Игнасио:

I.

II.

III.() Лахай-апа

Кахаи апа,

Уа-баппа (Отче наш), пребывающий

раю

амма-банг (в раю) миа:

миа,

миаму, (кто такой:) мимбангаджуа

мимбанг-аджуа

ма манг-а-джуа (твое имя) вал

вал

хуит () вуит-маха:

вуит-маха;

майя тегем (всем чтим:) амет мидидивайджуа

амет мидидувайджуа

амат-ма-тадабаджуа (царство тебе небесное) кукуем:

кучем;

учуем: (приди:) дженму-джуа

джемму-джуа

кемму-джуа (воля твоя) амабанг

амабанг

аммабанг (небеса) вихи мьенг

вихи мьенг

вахи-манг (свершилось) амететенанг

аметенауг
аматананг (земля на) лувихим.
луичим.
лауахим. (как) Вап
Вап
Тегуап(Хлеб) и-кий
иекуэ
ибанг гуал() ти-ми-эй-ди-гуа
ти-ми-эй-ди-гуа,
гуян-авит-а-джуа() ибанг-а-нанг
ибанг-ананг гна
ибанг анане(День) на-кахит
кахит
пак-кагит:() тевичип
тевичип
мачи() нухигуа
нухигуа
пугиджуа() авиувехам:
авиувехам
абадакегем,() вичип
вичип
мачи() иег-уа на
иегуа гна
уайек-джуа() кавиу-вем
кави вем
пак кабайя гуэм;() кассетаджуан
кассетасуанг
казет-а хуан() инаменит накум
маменит гуакум
а хуан-амуэгнит()

пакум() гуан
гуан
гуан() тевицец
тевицец
майи-ачг() на-кавиньяха.
гна кавиньяха.
паканаджам.[\[VI'-17\]](#)()

Диалект, на котором говорили в миссиях Сан-Франциско Ксавье, Сан-Хосе-де-Комонду и в Санта-Гертрудис, значительно отличался от вышеупомянутого, как видно из следующей молитвы "Отче наш", используемой в последних упомянутых местах.

Пеннайу (Наш) макенамба, (отец) яа, (который) амбаюджуа (небеса) мия (ты) мо, (искусство,) буху (твоя) момбоуа (имя) таммала (мужчины) рекомандует (признать) привет (и) нагодогно

(любить) демуэджуэг гкаджим: (все;) пеннаюла (как) богодогно () гкаджим, () гихи (и) амбаюджуп (небеса) маба яа (вверху) каммет э (земля) декуйни моэгин: (удовлетвори) яам бухула (твою) муджуа (волю) амбаюджупмо (небеса) в дахиджуа, (свершилось) амет э (земля) на но гильугуи, (этот) джи пагкаджим. (как.) Тамада (Хлеб) яа (этот) ибо (день) теджуег () гильугигуи () памиджич эм , () ибо (день) янно пучин: () гуйхи (и) тамма (мужчины) яа гамбуэгула () кепуджуи (которые совершили) амбиньиджуа (зло) пеннаюла (мы) дедаудугуджуа, (совершили) гилуги () пагкаджим: (как:) гуйхи (и)яа тагамуэгла () хуи () амбинийджуа (зло) привет (и) думо (хотя) пугуэджуа, () привет (и) думо (хотя) погуним; () тамуэджуа, () гуйхи (также) уси махель () кеммет (земля) и дикуин (удовлетворяет) вкуснятину, () гуйхи (и) яа (что) хуэй (есть) мабини (зло) яа, гамбуэджуа пагкаудугум.[VI'-18] ()

Клавиджеро не приводит перевода этой Молитвы Господней, но Эрвас, который копирует ее в своем "*Саджио Пратико*", переводит все слова, которые смог найти в кратком словаре; Бушманн и другие копируют у него, и даже в настоящее время полного перевода получить невозможно.

Наконец, я привожу несколько предложений на леймонском диалекте, переведенных буквально.

Тамма (Человек) амайбен (лет) метань (много) агуинани (не живет)

Кенедабапа (Отец мой) урап, (ест,) гуан (и) лизи, (пьет,) квимиб (но) теджунои (маленький.)

Кенасса (Сестра) маба (твоя) гимма (спит.)

Кадагуа (рыба) гадей (видит) игуимил (но не) декуйни (слышит)

Јuetabajua (Кровавый рудник) тахипеньи (никуда не годный)

Котаджуа (камень) каманг (велик), () гехуа (тверд)

Ибунгаджуа (Луна) ганехмаджен (солнце) калуху (больше ис.[VI'-19])

ДИАЛЕКТ КОРЫ В НИЖНЕЙ КАЛИФОРНИИ.

Ни один из нижнекалифорнийских языков никоим образом не связан с каким-либо другим языком. В Халиско говорят на идиоме, которая называется Кора, но сеньор Пиментель, сравнив ее с кора полуострова, а также с другими в Нижней Калифорнии, уверяет нас, что между ними нет ни малейшей связи.[VI'-20] Также было заявлено, что языки, на которых говорят на полуострове к северу от Ла-Паса, связаны с языком юма, но это не так. Как мы видели, диалект диегеньос достигает морского побережья близ Сан-Диего и снова к югу от этого пункта, и поскольку это диалект юма, возможно, это дало повод полагать, что языки Нижней Калифорнии склоняются таким же образом.[VI'-21] В Южной Америке есть язык, называемый гуайкуру, который не имеет ничего общего с гуайкури Нижней Калифорнии.[VI'-22]

ГЛАВА VII.

ЯЗЫКИ ПИМА, ОПАТА И КЕРИ.

Грамматика Пима—Альто и Баджо—Папаго—Пима—Образование множественного числа—Личное местоимение—Спряжение—Классификация глаголов—Наречия, предлоги, союзы и междометия—Синтаксис пима—Молитвы на разных диалектах—Грамматика Опата и Эудеве—Эудеве—Спряжение активных и пассивных глаголов—Молитва Господня—Грамматика Опата—Склонение—Притяжательное местоимение—Спряжение—Язык кери с его диалектами, лексикой гуайми и тепока-кери.

ГРАММАТИКА ЯЗЫКА ПИМА.

От Рио-Хила к югу, в Соноре и в некоторых частях северного Синалоа, встречается язык пима, на котором говорят на многих диалектах, основными из которых являются пима-альто и пима-баджо, или верхняя и нижняя пима, и он обычно считается одним из основных языков северной Мексики. К северу от тридцать второй параллели папаго является доминирующим диалектом пима; в Соноре есть собайпури и другие, более или менее расходящиеся.^[VII'-1] Пима по сравнению с языками их северных и южных соседей представлен как целостный и гармоничный.^[VII'-2] Хотя его часто классифицируют вместе с юма, это, тем не менее, отдельный язык. Он тесно связан с языками ацтеков и сонора, что может быть доказано не только грамматическими совпадениями, но и сходством многих его слов.^[VII'-3] Ниже приводится выдержка из грамматики Пима. Алфавит состоит из следующих букв: *a, b, c, d, g, h, i, j, m, n, o, p, q, r, rh, s, t, u, v, x, y*. Почти все слова заканчиваются гласной. Для образования множественного числа дублируется первый слог существительного единственного числа —*хота*, камень; *хохота*, камни. Исключения из этого правила встречаются в нескольких случаях; —*виною*, змея; *випиной*, змеи; *туайя*, девочка; *туся*, девочки; *сиси*, брат; *сисики*, братья; *туву*, заяц; *тутуапа*, зайцы. Род выражается с помощью слов *ubi*, женский, и *ituoti*, мужской. Производные, выражающие нечто, имеющее отношение к природе примитива, образуются с помощью аффикса *tagui*; —*хаивори*, медовый; *хаиворимаqui*, медовый. Для этой же цели также используется терминалкама; —*хадуникама*, относящийся к. Кама также используется для образования названий мест и отчеств. Абстрактные слова образованы от слова *дага*; —*хуматкама*, человек; *хуматкамадага*, человечество; *стоа*, белый; *стоадага*, белизна. Частица *parha*, прилагаемая к существительным, подразумевает прошедшее состояние; —*нигага*, моя земля для посадки; *нигага парха*, земля для посадки, которая была моей.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ.

Единственном числе.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА.

Ном.	Ани в священный
быт., дат., и АБЛ.	ни
"Асс".	н. и., Нуно, ну и

ВТОРОГО ЧЕЛОВЕКА.

ном	АПИ АП детства
быт., дат., и АБЛ.	му
соотв.	Муму, му
лов.	АPI и

множественном числе.

Ном.	АТИ в АТИ	ном., и VOC.	apimu
быт., дат., и АБЛ.,	ти	быт., дат., и АБЛ.	АМУ
переменного тока.,	ти, Туту, ту	переменного тока.	амуму, АМУ

третьего лица.

Он, или она,	hugai Хука	они, те,	nugama, hukama
--------------	------------	----------	----------------

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА AQUIARIDA - СЧИТАТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я считаю,	ани хакиарида	Мы считаем,	ати хакиарида
Ты считаешь,	апи хакиарида	Ты считаешь,	апиму хакиарида
Он считает,	хугай хакиарида	Они считают,	хугам хакиарида

НЕСОВЕРШЕНЕН.

Я посчитал,	ани хакиарид када	Идеальный.	
		я посчитал,	и хакиари

ПРЕВОСХОДНО.

Я рассчитывал,	что када
----------------	----------

НЕ понравится

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

В	Я буду считать,	Ани aquiaridamucu, или ne'io haquiari
---	-----------------	---------------------------------------

второй будущем.

Я бы посчитал,	разве "ио хакьяри"
----------------	--------------------

ИМПЕРАТИВОМ.

Считай себя,	хакиаридани или хахакиарида
Считай себя,	хакиарида ворха или горха хакиарида

В НАСТОЯЩЕМ СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Если я правильно подсчитаю,	ко'н'игуи хакиаридана
-----------------------------	-----------------------

ОПТАТИВ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

О, если бы я мог сосчитать,	дод и ики хакиаридана
Когда я считаю (говоря только об	хакиаридату

одном человеке),	
Говорит о двух людях,	хакиаридада
Посчитал,	хакиаридак
Когда я посчитаю, или после подсчета,	хакиаридааай
Тот, кто считает,	хакиаридадама
Тот, кто считал,	хакиаридакама
Тот, кто должен считать,	хакиаридагидама, или ио хакиаридакама

Глаголы делятся на множество классов, таких как единственное, множественное число, частый падеж, аппликатив и побудительный. Глаголы множественного числа -*мурха*, бежать, один человек;*вопобо*, бежать, многие. Частотные падежи образуются от глагола *химу*, идти; например, *вайта*, звонить; *вайтахиму*, часто звонить. Аппликативы делаются путем изменения конечной гласной глагола на *i* и добавления конечной *da*—*tubanu*, чтобы понизить; *tubanida*, чтобы понизить что-либо. Глаголы принуждения образуются с помощью аффикса *туда*—*hukiaridatuda*, заставляющего считать. Используется большое количество наречий, из которых я привожу лишь несколько примеров:

Где	уа, убай	Здесь,	Здесь
иаву	Здесь	я	хай
тай	Здесь (двигаясь)	ай	Вчера
так	Возле	мии	, Как
ха, асту, хако	Ближе	миаку	Нет

Перед	вайтой	С	оити
Для	икити, вусио	С	буматой, бума
На	дамане	Из	амидурху
В	СОЕДИНЕНИЯХ		

И	впс, коси	Или	аспумуси, аспи
Но	поза	Тогда	бунога
Потому что	койва	Хотя	апкада

Существительные обычно ставятся после прилагательных. Для обозначения владения имя владельца просто дополняется приставкой —*Педро оннигга*, жена Педро. Предлоги прилагаются.[VII'-4] Из различных диалектов существует четыре образца, один из которых отличается до такой степени, что его с трудом можно узнать. Власть не сообщают ни названий

этих диалектов, ни мест, где на них говорили, ни вместе с одним из них. Первое, что я привожу, написано миссионером отцом Пфефферкорном и больше всего отличается от всех остальных.

Диош (Бог) ини (моя) мама, (дорогая,) друг мой (я очень) сожалею о том, что мы (идем навстречу) в (моем) ипудаките. (сердце) Муравья' (я) апотута (сделал) си (очень) сия (много) питаны, (уродливы,) способны' (ты) ум (я) сорето (наказать уилта) тайкиса (поджечь) пиа (нет) хумак (один) таш (раз) пиа (не) итонни (сжечь) тат. (есть.)

Следующая Молитва "Отче Наш" взята из *Христианской доктрины*:

Тога ти дама ка тум ами да кама с'куга м'агуна му тугига, тубуи дивианна симу туодидага. Косаси м'хуга кугаи кити ти дама катум' ами гусуда хуко бупо гусудана иа дубурх' аба. Сиари вугади ти коадага вуту ика тас аба кати мака. Впу гат'оанида пима с'кугати туйдига, потому что' ати пима тугитоа т'обага, чтобы купить пима с'куга туйдига. Пима т'хухугида тудана впу, пима с'куга туйдига, ко'пи ти дугувонидани, пима скуга ами дурху. Дода хапу мудуна Дж.С.

Далее следует Молитва Господня от Херваша:

T'oca titauacatum ami dacama; scuc amu aca mu tukica; tauí dibiana ma tuotidaca; cosassi mu cussuma amocasugai titamacatum ара нара куссудана в окрестностях апа муи сиарим хукиакугай будто ча ту мака. Пим'упу ча тукитоа, пима скока, та туика, коса ати, пима тукитоа, т'опа, церковь пима скока туитик; пим'упу ча та дакитоа, ко диавло, та хиатокидара; купто та итукубундана, церковь пим скока.

Четвертая, также Молитва Господня, находится в коллекции Мексиканского географического общества:

Чога дама ката дикама искьяма, табус матуяга косамакаи, дама ката гуссада имидирраба Сулит эквадору, но мака вупук чуан ига косисматито чавага тиапишнисквантильос пинитиандана копетуллани имискиандура дода мадуна сетус.

Из того же источника я также беру Молитву Отче Наш Папаго:

Пан ток момо тамкащина апета мичукуйка Санто: анчут ботония ати чуйка: энтупо хойехуи маэтачуи апо масима мотепа качитмо, мапотомал пами буэмаситаапа, джуммо томае, бозтоикусипуа чуечика, апомаси маза чайна сугокуита, хуанн мотупай ассими куи, джубо гибу матама кази пачуйчикаи, панчит боррапи. Аминь. [\[VII'-5\]](#)

ДИАЛЕКТЫ ЯЗЫКА ЭПАТА.

Между пима-альто и пима-баджо вклинился опата, или тегима, с его основным диалектом эудеве. Хотя опата и эудеве обычно считаются разными языками, после тщательного сравнения я думаю, что с миссионерами, которые были знакомы с обоими, будет безопасно назвать один диалектом другого. Анонимный автор даже утверждает, что разница между ними не больше, чем между португальцами и кастильцами или между французами и провансальцами. [\[VII'-6\]](#) Как и пима, это ветвь языков ацтеков-сонора. Как это чаще всего встречается на Тихоокеанском побережье, классификация сильно различается в зависимости от фантазии; так обстоит дело с опатой; ее классификаций было много, и среди прочих она была отнесена к семейству пима.

Упоминается много диалектов, но о них мало что говорится. Из них есть тегуи, Тегима, Когуиначи, Батука, сахуарипа, Химери, Гуазаба и Джова.[VII'-7] Опата представлена готовой, легкой в усвоении и изобилующей красноречивыми выражениями.[VII'-8] О диалекте эудеве я вставлю несколько грамматических замечаний. В алфавите отсутствуют буквы *f, j, k, w, x, y* и *l*; гласные произносятся как в испанском; существительные склоняются без помощи артиклей. Часто используются отглагольные существительные;—*hiósguadauh*, живопись или письмо, *othiósguan*"я пишу". Существительные как названия инструментов образуются от будущего активного глагола, обозначающего действие, выполняемое указанным инструментом;— *метекан*, я рублю; будущее, *метце*, путем изменения последнего слога на *сивен*, образует *метесивен*— как существительное, означающее топор или колун. В некоторых случаях окончание *рина* используется вместо *сивен*;—*бикусирина*, флейта, от *бикудан*, я свистлю, и *бихирина*, лопата, от *бихан*, я скребу. Абстрактные существительные образуются с частицами *рагуа* или *сура*—*ваде*, радостно, *вадерагуа*, радость; *дени*, хорошо, *денирагуа*, благодать; *домэ*, человек или люди; *домерагуа*, человечность. Все глаголы употребляются как существительные и поэтому склоняются так же, как и спрягаются;—*hiósguan*, "я пишу", также означает "писатель"; *nemútzau*, "Я завораживаю", также означает "волшебник". Существительные—прилагательные, оканчивающиеся *natéri* и *ei*, обозначают качество;—*bavitéri* элегантный; *aresumetéri*, отличный; *tasúquei*, узкий. Окончание *ráve* обозначает полноту;—*сумораве*, полный меда; *сумори*, медовый; и *раве*, полный. Окончания на *е, о, и* означают обладание;—*esé*, та, у кого есть нижние юбки; *nóno*, тот, у кого есть отец, от *nónogua*, отец; *sutúu*, тот, у кого есть ногти на пальцах, от *sutú*. *Са*, приставка к слову меняет его значение на противоположное;—*cúne*, женатый; *сасúне*, не женатый. *Сгуари*, приставленный, обозначает дополняющий;—*доци*, старик; *доцисгуари*, очень старый человек.

СКЛОНЕНИЕ СЛОВА СИЙБИ, ЯСТРЕБ.

Нем.	сииби	Асс.	сиибик
генерал	сиибик	Лос.	сииби
дат.	сиибт	абл.	сибитце

Множественное число существительных обычно образуется путем дублирования;—*dor*, мужчина или мужской пол, множественное число *dódor*; *hóit*, женщина, *hohoit*, женщины. Встречаются некоторые исключения из этого правила; —как, *doritzi*, мальчик, множественное число *vus*, применяется к обоим полам, но когда предназначено только для мужчин, это *dódorus*. В некоторых случаях женщины используют слова, отличные от тех, которые использует мужской пол; например, отец говорит своему сыну: *ногуа*, дочери: *моркуа*; мать говорит обоим: *нозгуа*; сын говорит отцу: *ноногуа*; а дочери: *моусгуа*.

ГРАММАТИКА ЭВДЕВИИ.

Личными местоимениями являются *ни*, я; *нар*, ты; *id*, *at*, или *ar*, он или она; *tamíde*, мы; *emet*, или *emíde*, ты; *amét*, или *met*, эти или они. При соединении местоимений с другими словами происходит опущение, при этом последняя буква или слог местоимения опускается.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА HIÓSGUAN - РИСУЮ.

НАСТОЯЩЕЕ УКАЗАТЕЛЬНОЕ.

АКТИВНОЕ.

Я рисую, урожденная хиосгуан,
Ты рисуешь, нап хиосгуан,
Он рисует, ид, или в хиосгуан,
Мы тамиде хиосгуаме,
раскрашиваем,
Ты рисуешь, эмет хиосгуадагуа
Они рисуют, амет хиосгуаме

ПАССИВНОЕ.

Я раскрашена, урожденная хиосгуадау,
Ты раскрашен, нап хиосгуадау,
Он раскрашен, ид, или в хиосгуадау,
Мы раскрашены, тамиде хиосгуаме, ид.
Тебя рисуют, эмет хиосгуадагуа
Они рисуют, амет хиосгуадагуа

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Рисовал я, в девичестве хиосгуамру
я был расписан, в девичестве хиосгуадаухру

идеально.

Я рисовала, урожденная хиосгуари
Меня рисовали, урожденная хиосгуакау
или урожденная хиосгуарит

СОВЕРШЕННАЯ.

Я рисовала, урожденная хиосгуариру
Меня рисовали, урожденная хиосгуакаухриту

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду рисовать, урожденная хиосгуацце
Меня будут рисовать, урожденная хиосгуацида

Пиши ты,	хиосгуа
Пиши ты,	хиосгуаву
Я прослежу, чтобы меня рисовали,	асманэ хиосгуацце
Я прослежу, чтобы меня рисовали,	асманэ хиосгуацидау
Даже если ты рисуешь,	венеция хиосгуам
Я хочу, чтобы ты рисуешь,	урожденная Эме хиосгуасо пақиэм
я хочу, чтобы ты нарисовал,	урожденная Эме хиосгуарико пақиэм

хотя я, возможно, покрасить,	venésmane hiósguam
хотя я, может быть окрашен,	venésmane hiósguadauh
Если бы я рисовала,	урожденная хиосгуацерн
Меня следовало бы покрасить,	урожденную хиоскватзиудаухру

Упоминается еще семь видов глаголов, таких как частый, компульсивный, аппликативный и т.д.

Цифры демонстрируют, в частности, сильное сходство с цифрами ацтекского языка: 1. *сей*; 2. *годум*; 3. *вейдум*; 4. *науой*; 5. *маркиз*; 6. *вусани*; 7. *сениовусани*; 8. *гос-навой*; 9. *весмакой*; 10. *макой*.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Тамо Ноно, тевицке катци, канне тегуа, уэхоа вицуа терадау. Томо канне венè hasém amo quéidagua. Амо канне хинадокау, юхтепатц эндо, теницце эндахтевен. Режиссер тамо бадагуа, он же ручной микрофон. Приручи новенциу, приручи пьюидедо тамо, канадская эмка; эйн тамиде тамо. Ovi tamо náven tziuhdahteven. Кана тотци Дьябло татакоритце приручил хуэстуденту; насса приручила хипура каденицеуи. [\[VII'-9\]](#)

АНГЛИЙСКАЯ ГРАММАТИКА.

Что касается эпаты, то существует грамматика, написанная Наталом Ломбардо, из которой здесь приведено несколько замечаний. Алфавит: *a, b, ch, d, e, g, h, i, k, m, n, o, p, r, rh, s, t, th, tz, u, v, x, z*. Большинство слов оканчиваются на гласную. Длинные слова не редкость, например, *чумиканахуинагуат*, название растения; *кугесагуатагуикиде*, весна (сезон); *макоисениньябуссанибегуа*, семнадцать. Пол выражается либо добавлением слова мужского или женского пола, либо отдельными словами. Множественное число образуется путем дублирования; способ дублирования варьируется; иногда повторяется первый, а в других случаях последний слог, и очень часто меняются буквы; — *Темачи*, парень; множественное число, *тетемати*; *хере*, белка; множественное число, *хохоре*; *ури*, мужчина; множественное число, *урини*; *ватзигуат*, брат; множественное число, *вапацигуат*; *марагуат*, дочь; множественное число, *мамарагуат*, дочери. Описаны десять склонений; их можно узнать по различным окончаниям родительного падежа, а именно: *те, ри, си, гуй, ни, цзы, ки, ку, ку, пи*. Большее количество слов относится к первому склонению. Во 2-м, 3-м, 4-м, 5-м, 6-м, 7-м и 10-м винительный и дательный падежи совпадают с родительным падежом; в 8-м родительный падеж, который оканчивается на *ки*, образован от винительного падежа, в то время как в 9-м, в котором родительный падеж также оканчивается на *ки*, винительный и дательный падежи похожи на именительный.

1-е СКЛОНЕНИЕ СЛОВА TAT, СОЛНЦЕ.

Nom. tät Gen. tätte Dat. или Согласно татте

2-е СКЛОНЕНИЕ СЛОВА "КУКУ", "ПЕРЕПЕЛ".

Имя куку генерала кукури Дата.или Асс. кукури

8-е СКЛОНЕНИЕ СЛОВА ЧИ, ПТИЦА.

Имя чи генерала чимику Дата.или Асс. чими

9-е СКЛОНЕНИЕ СЛОВА ТУТЦИ, ТИГР.

Nom. tutzi Gen. tutziku Dat.или Асс. тутци

Абстрактные термины образованы с помощью аффикса *рагуа*;—*масси*, отец; *массирагуа*, отцовство;*найдени*, хороший; *найденирагуа*, благость. Слово *ахка* используется с аналогичной целью;—*ури*, человек; *уриахка*, человечность; *тоссаи*, белый; *тоссайахка*, белизна. Чтобы выразить местное существительное, добавляется слог *де*;—*denide*, место света; *neomachide*, трудное место. *Сурауа*, *гуэуа*, *эна*, *эн*, *эсса* и *отце* имеют большое значение и используются для образования превосходной степени. Личные местоимения:—*не*, я; *та*, мы; *ма*, ты; *эмидо*, ты; *я* или *это*, он или она; *я*, они. Притяжательные местоимения:—*нет*, мое; *тамо*, наше; *амо*, твое; *эмо*, твое; *есть*, *араку*, его; *мереки*, их.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА НЕ НИО, я РИСУЮ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я рисую,	не хио	Мы рисуем,	та, или тамидо хио
Ты рисуешь,	ма хио	Ты рисуешь,	эмидо хио
Он рисует,	я хио	Они рисуют,	я

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Я нарисовал,	не хиокару	Идеальный.	
		Я нарисовал,	не хиосию, или не хиове,

ПРЕВОСХОДНО.

Я нарисовал, не hiosiruta

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

я распишу, не hiosea

второй будущем.

Я бы нарисовал, не оставляй

ИМПЕРАТИВА.

Пиши ты,	хиотте	Пиши ты,	хиову
Пусть рисует,	хиосейай	Пусть рисуют они,	хиосейме

Рисование, хиопа или хиоко, которые

нарисовали,	хиосару или хиосицци, которым
Необходимость рисовать,	хиосеакоко, или хиосеакико
Тот, кто будет рисовать,	хиосеакаме
Тот, кто рисует,	киокаме
Тот, кто рисовал,	хиози

Как и в Eudeve, в этом языке существует множество классов глаголов, отличающихся в основном окончаниями определенных лиц. Предлогов и наречий существует огромное количество. Наконец, я привожу несколько союзов; —*гецца*, хотя; *весе и*; *немаке* также; *нанегуари*, почему и т.д.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Тамомас (нашего отца) тегикакцигуа (небеса в) какаме (тот, кто есть) амо (от тебя) тегуа (имя) санто (святой) ах, (есть,) амо (от тебя) рейно (царство) приручи (нас) макте, (дай,) хинадока (волю твою) игуати (здесь) тевепа (земля на) анья (да свершится) тегикакци (небеса в) вери. (итак.) Чиама (всех дней) тамо (нас) гуака (пища) вэу (сейчас) приручи (нас) мак, (дай,) приручи (нас) нивере (прости) тамо (нас) кайнайдени (плохая) ата (как) апи (также) тамидо () нивере (прости) тамо (нас) опагуа, (враг,) кай (не) приручи (нас) таотидударе; (отпусти;) кианайдени (плохая) чигуаду (из) апиты (также) какция. [VII'-10] (доставить.)

Ниже приводится Молитва Господня на диалекте Йовы:

Диос Нойкса: Вантегуэка качи, защитник ян итемиджуналеква, итемиджуналеква мотекуан. Веда но парин, эмбейда могитапеджепа. Ennio ju güidade, naté, vite tevá, nate vanteguéca. Necho cuguírra, setata veté toomacá ento oreirá, en tobarurra, como ité yté topa oreira toon oreira seeján. Каа тон сурратога канечо джорра саку нуна догуэ сеян игуите каагуэта.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СХОДСТВО кери И валлийцев.

К востоку от Эпаты и Пима-баджо, на берегах Калифорнийского залива, а оттуда на некоторое расстояние вглубь страны, а также на острове Тибурон, говорят на языке кери с его диалектами гуайми и тепока. Немногие из этих слов известны, и путешественники оправдываются тем, что не взяли с собой словари, тем, что было слишком трудно уловить звук. Он представлен как чрезвычайно резкий и гортанный по своему произношению и хорошо подходит людям, говорящим на нем, которых описывают как диких и свирепых. [VII'-11] Насколько известно, не относится ни к одной из мексиканских языковых семей. Как и во многих других языках, некоторым казалось, что они увидели в нем следы валлийского; одному автору показалось, что он обнаружил сходство с арабским, но ни одно из этих предположений ничего не стоит. Арабское родство было опровергнуто сеньором Рамиресом, который сравнил их, а утверждение относительно валлийского языка основано на слухах некоторых моряков, которые, как говорят, заявили, что им показалось, что они услышали некоторые валлийские звуки, когда услышали речь кери. [VII'-12] Я привожу здесь единственный словарь этого языка, который мне удалось найти:

Женщина	джиджа,	Лошадь	, цай,
Население,	джичири,	Комната (камера),	мигенман,
Молоко,	джунин,	Больше,	аминь,
Вино, амат,	Меньше,	тунгура,	Хороший
танджаджипе,	Немного	джинас,	Лучше,
джипе,			

ГЛАВА VIII. ЯЗЫКИ СЕВЕРНОЙ МЕКСИКИ.

Кахита и ее диалекты—Грамматика кахита—Диалектические различия языков майо, яки и техуэко—Сравнительный словарь—Молитва Господня кахита—тараумара и его диалекты—Грамматика тараумара—Молитва Господня тараумара на двух диалектах—кончо, тобосо, хулиме, пиро, сума, чинарра, тубар, ирритила—Грамматика теджано—теджано—Образец теджано—Грамматика тараумара Тепехуана—Грамматика тепехуаны и молитва Господня — Акаши и его диалекты, топия, сабаибо и Сиксима—сакатек, казкане, мазапиле, Уитколе, гуачичиле, колотлан, тлаксомультек, Текуэксе и Тепекано—Кора и ее диалекты, муутцикат, теакуайцика и грамматика атеакари—кора.

Теперь мы переходим к четырем упомянутым ранее ацтекско-сонорским языкам: кора, кахита, тепехуана и тараумара, а также к их соседям. Я уже говорил, что, несмотря на содержащийся в них ацтекский элемент, они никоим образом не связаны друг с другом.

МНОЖЕСТВО ЯЗЫКОВ В СИНАЛОА.

В северной части Синалоа, простирающейся через границу до Соноры, основным языком является кахита, на котором говорят на многих диалектах, из большинства из которых до нас ничего не дошло. В этом регионе названы многочисленные языки, которые, возможно, были всего лишь диалектами, и некоторые причисляют их к кахита, но информация о них расплывчата и противоречива. Невозможно получить ни словарей, ни других их образцов, и я нигде не могу найти упоминания о том, что они когда-либо были написаны. Из них есть зои, гуазаве, вакорегу, батукари, айбино, окорони, которые упоминаются как родственники, а также зуаке и техуэко, а также комопори и ахеме. Есть также мокорито и петатлан, оба разные; уите, оре, варохио, тауро, макояуи, троэ, нио, кауимето, тепаге, охуэро, чикората, басопа, а также два разных языка, на которых говорят в миссии Сан-Андрес-де-Кониари, и четыре в миссии Сан-мигель-ду-мокориту.^[VIII'-1] Единственными диалектами кахита, относительно которых существует несколько заметок и которые в то же время, по-видимому, были основными, согласно лучшим источникам, являются майо, яки и техуэко.^[VIII'-2] Язык кахита богат, но не позволяет с готовностью выражать вежливые чувства.^[VIII'-3] Отец Рибас говорит, что индейцы яки всегда говорят очень громко и надменно, и что, когда он попросил их понизить голос, они ответили: "Разве ты не видишь, что я яки?" последнее слово означает "тот, кто говорит громко".^[VIII'-4]

В 1737 году была написана грамматика кахиты, отрывок из которой я привожу здесь. Алфавит состоит из следующих букв: *a, b, ch, e, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, v, y, z, mз*.

Существует три склонения: два для существительных и третье для прилагательных. К первому относятся те слова, которые оканчиваются на гласную, а также причастия, оканчивающиеся на *те* и *и*; ко второму - те, которые оканчиваются на согласную. Существительные, оканчивающиеся на гласную, и прилагательные образуют множественное число, добавляя *м* к единственному числу;—*табу*, кролик; *табум*, кролики. Те, которые заканчиваются на согласный аффикс *im*, и те, которые заканчиваются на *t* аффикс *zim*;—*парос*, заяц; *паросим*, зайцы; *yukum*, птица; *yukumzim*, птицы. Личные местоимения: *inopo*, *neheriua*, *neheri*, *в нэхэ*, *не*, *я*; *itopo*, *iteriua*, *itee*, *Тэ*, *то*; *эмпо*, *eheriua*, *eheri*, *ehee*, *е*, *еси*; *emrom*, *emeriuua*, *Эмери*, *етее*, *ЭМ*, *вы*; *uahaа*, *uahariua*, *uaharion*; *uameriua*, *uameri*, *uamee*, *им*, *ими*.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ЛЮБИТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я люблю,	не эрию	Мы любим,	эрию
Ты любишь,	эрию	Ты любишь,	эрию
Он любит,	эрию	Они любят,	я эрия

НЕСОВЕРШЕННА.

Я любил,	не эриай	Идеальный. Я любил,	не эриак
----------	----------	------------------------	----------

СОВЕРШЕНЕН.

Я любил,	ни эриакая	ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ. я не люблю,	ни эрианаке
----------	------------	--------------------------------	----------------

ВО ВТОРОМ БУДУЩЕМ.

Я должен был полюбить,	не эриасунаке
---------------------------	---------------

ИМПЕРАТИВ.

Люблю тебя,	эриа или эриама
Позволь ему любить,	эриа или эриама
Люблю тебя,	эм эриабу или эм эриамабу
Пусть любят,	я эриабу или им эриамабу

В НАСТОЯЩЕМ СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Если я люблю,	не эриауа или эриану
---------------	----------------------

ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНО.

О, если бы я мог	нецио эриайо
------------------	--------------

любить,

ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

Любящий,

эриакари, эриайо, эриако или
эриакако

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ИНФИНИТИВ.

Быть любимым,

эрианакетека или эрианакекари

Тот, кто любит, эриааме

Тот, кого любили,

эриау

Тот, кто любил, эриакаме

Тот, кто любил,

эриакау

Тот, кто
полюбит, эрианакеме

Из множества предлогов я вставляю только следующий:—

К уи Под ветукуни, тукуни

В тзи По Направлению К венукуци, патиуа

С вами За ветциу

До уэпаци, патци В пределах уахиуа

Над вепой, Откуда куни, уни

СОЮЗЫ.

Также веци, сури, хунери, соко, Как будто сиуа

, Хотя мауци , Таким образом, хулени

, Но вици, тепа, Помимо иоэнтотсоко, иентоик,

Даже не цепесан, Если сок

Диалектические различия между майо, яки и техуэко заключаются в следующем; —яки и майо используют букву *h*, где техуэко используют *s*, когда она встречается в середине слова и за ней следует согласная;—*тукта*, у техуэко произносится как *туста*. Другие слова также произносятся одними коротко, в то время как другие произносят их долго. Междометие звательного падежа встречается у одних *хиуа*, а у других - у *меня*. Местоимение *перо* индейцы яки используют вместо *иноро*. Майо используют несовершенный вид, как указано выше; теуэко заканчивают его на *t*, а яки - на *n*. Совершенство техуэко заканчивается на *k*; у яки - на *кам*; у майя - на *кай*.

Чтобы проиллюстрировать диалектические различия, я привожу краткий сравнительный словарь, составленный на основе словаря доктрины и слов майо и двух диалектов яки:

	СЛОВАРЬ.	DOCTRINA.	MAYO.	ЯКИ.	ЯКИ.
Отец	achai	atzai	hechai	ачай	achai
наш	itom	itom	itom	itom	itom
быть	КАТЭК	КАТЭК	КАТЭК	КАТЭК	КАТЭК
уважаемый	aioiore	ioiori	llori	llori	Иори
твои	ЭМ	ЭМ	ЭМ	ЭМ	ЭМ
имя	tehua	tehuam	тэгам	teguam	teguam
хлеб	buahuame	buaieu	buanakem	buaiem	Буайе
ежедневно	matzuke	makhukve	makehut	matehui	machuk
дать	Амака	АМиКа	АМиКа	АМиКа	Мика
на день	иени	иени	гелий-неонового	Ян	Хиен
из	ветана	betana	betana	betana	betana

Молитва Господня в Кахите:

Итом (Наш) ацай(отец) теуекапо (небеса в) катекаме (тот, кто есть) эмтехуам (твое имя) чечеуасу (очень люблю) иоиориуа, (будьте уважаемы,) итом ипейсана (к нам, чтобы он мог прийти) эмиаурауа (царствие твоё) эмуарепо (воля твоя) имбуиapo (земля в) ануа (пусть это свершится) аман (также) теуекапо ануа (небеса в свершились) эуени. (как.) Махукве (Каждый день) итом (наш) буайеу (хлеб) иени (сегодня) итом (нам) амика, (дай) итome (нам) мы сок (также) алулутурия (прости) итом (нас) кааланекау (грехи) итome (мы) сок (также) алулутурия (мы прощаем) эуени (как) итом (наших) бехерим (врагов) кейт(не) сок(и) итом(к нам) бутия(ведет) хуена(впадает) кутеком(искушение) уоти:(в:) эмпоси(ты) аман(также) итом (нас) иоретуа(спаси) катури (нехороший (плохой)) бетана.(из.)

Молитва Господня на диалекте яки:

Это чайный напиток санса тесаме emteguam чехегуасуллорима, приготовленный на льехосаме. Эмллаурагуа эмбалепо им буйджо Ангуа. Аман тегекапо ангабен матехуи итом буаллем ян ситома слюда. Сор и тома, хитария, кала, хитария, топонимия, литература, бегерим, катуизе, буллилаэ, контеготиама, хуена кучи, эмпосу, джучи аман, льоретуане, катурим, бетана. Amen Jesus.[VIII'-5]

ГРАММАТИКА ЯЗЫКА ТАРАУМАРА.

К востоку от кахиты, в штатах Чиуауа, Сонора и Дуранго, Сьерра-Мадре населяет нецивилизованный и варварский народ, говорящий на языке тараумара, который содержит те же ацтекские элементы, что и кахита, но в остальном, как указывалось ранее, является отдельным языком. Основными диалектами являются варохио, гуазапаре и пачера.[VIII'-6] Тараумара - довольно сложный для изучения язык, в основном из-за его произношения. Последние слоги слов часто опускаются или проглатываются, а иногда даже первые слоги или буквы. Ударение также сильно различается: существительные обычно ударяются на предпоследней, а глаголы - на последней. Алфавит состоит из следующих букв: *a, b, ch, e, g, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, v, y*. Эти буквы, а также следующие грамматические замечания относятся специально к языку, на котором говорят в чинипа. В других диалектах буква *h* используется

вместо *j* или *r*, а *z* вместо *s*. Множественное число существительных образуется путем дублирования слога; —*муки*, женщина; *мумуки*, женщины; или, в некоторых случаях, добавляется наречие, указывающее на множественное число. Отчества образуются во множественном числе путем дублирования последнего слога. Частица *ауа* также указывает на множественное число. Притяжательный падеж образуется путем присоединения слога *ра* к предмету, которым владеют; —*Педро букура*, дом Педро. Сравнительные степени выражаются добавлением терминальных *бе*; —*гара*, хорошо; — *garabé*, лучше; а превосходные - простым усилением ударения на сравнительной терминальной; -*reré*, низкий; -*rerebé*, низший; - *rerebéé*, низший. Личные местоимения: *недже*, я; *мудже*, ты; *сену*, он; *тамудже* или *рамудже*, мы; *эмедже* или *эме*, ты; *гуэпуна*, они.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА СЧИТАТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я считаю,	недже тара,	Мы считаем,	рамудже тара,
Ты считаешь,	мудже тара,	Ты считаешь,	эмедже тара,
Он считает,	сену тара,	Они считают,	гепуна тара,

Идеальный.

Я рассчитывал,	недже тарак	я рассчитывал,	недже тарак
----------------	-------------	----------------	-------------

ПРЕВОСХОДНО.

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду считать,	недже тарара
-----------------	--------------

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду считать,	недже тарак
-----------------	-------------

ПОВЕЛИТЕЛЬНО.

Считай ты,	тара	Пусть они считают,	тарара
Считает тебя,	тараси	Не считается,	кате тараси
Будем считать мы,	тарайка		

В НАСТОЯЩЕМ СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Если я посчитаю,	сонек тарара,	Если мы посчитаем,	сотаменек тарара,
Если ты посчитаешь,	сомук тарара,	Если они посчитают,	сопука тарара,
Если он посчитает,	сосенук тарара,		

.

Если бы я считал, сонек тарарейек

Тот, кто считает,	тарайек	Те, кто должен считать,	тарамери
Считая,	таройо	Тот, кто должен считать,	тарабери

Посчитав, тарасагу[VIII'-7]

На разных диалектах есть пять образцов, все "Молитвы Господни", сравнение которых покажет их вариации. Первое - от отца Штеффеля:

Tamí Nonó, mamú reguí guamí gatíkí, tamí noinéruje mú reguá seliméa rekíjena, tamí neguáruje mú jelalikí henná guetschikí, mapú hatschíbe réguega quamí. Tamí nutútuje hipelâ, tamí guecáuje tamí guikelikí, matamé hatschíbe réguega tamí guecáuje putsé tamí guikejámeke, ké tá tamí sátuje, telegatígameke mehcá hulá. Аминь.

Второе - от Теллечи, который жил в Чинипасе и Сапопане:

Tamú nonó repá regiiegáchi atígameque muteguárarí santo níreboa, mu semárarí regiiegáchi atigá, tamú jurá moyerarí jenagiiichíqui mapú regiiegá eguarígua repá regiiegáchi. Sesenú ragiiê tamú nitugára, jipe ragiiê tamí nejá, tamí cheligiie tamucheína yorí yomá matameregiiégiá, cheligué tamú ayoriguámeque uché mapú requí chàti ju mecá mu jurá, mapú tamí tayoràbua quéco.

Третье - на диалекте, на котором говорят в районе Мина:

Таминоно техуастики техуара санти рибоа разихуачи тамупера аримихуймира науичи чумирика техуанехуарио тимонетелла синерауэе хиперауи таменеха. Seoriqui cahuillé chumaricá cahuillé quiamoqué tarubé chimerá chinariqui mastí nahuchimoba. Amen Jesus.

МОЛИТВЫ ГОСПОДНИ ТАРАУМАРЫ.

Для следующих двух населенные пункты не указаны:

Тами ноно гуами, репа регуэгачи атиаме: та чейкичи джу, мапу мюрег узга, репа асага му атики: Джена иби, гуичимоба кима неогарае му нагуара; му лела литае гуичимоба, му льолара гуали, му си молленара, ми, репа регуэгачи. Amen Jesus.

Хонор тами нигуэга мату ати крепа: гебрука нилрера в деле мубрегуа. Тами нагибра в роли мунетебричи, нилрельра в роли му эль рабричи, гена гуйчимоба: мапу брегегаль репа. Брами гогуа эпилри браге, брами джипея, брами гуэкаге. Mata iguí güicá mapu bregüega bramegé. Гуекагуэ мапу брами гуик та нобри брами гичавари, читичи натабричи. Хабри брами гайни мане брисига равная. Аминь Исуис.[VIII'-8]

Хотя Галлатин владеет грамматикой теллехи, он отрицает связь между тараумара и ацтеками.[VIII'-9] Я привожу здесь некоторые из их грамматических сходств. К ним относятся объединение существительного с глаголом в некоторых случаях; сочетание двух глаголов, удаление исходных конечных слогов при соединении или объединении нескольких слов вместе, образование множественного числа путем дублирования и следы благоговейного конечного слога. Все это важные моменты, и в сочетании со сходством — в некоторых случаях даже идентичностью — большого количества слов они делают родство или следы ацтекского языка в тараумара неоспоримыми.[VIII'-10]

Проезжая по северо-восточной части Мексики, я попадаю в совершенно неизвестный регион, о языках которого есть упоминания, но не более того. Не существует ни словарей, ни грамматик, ни каких-либо других их образцов, и в большинстве случаев даже трудно установить точное

географическое местоположение людей, которые, как сообщается, говорили на них. Из них я называю сначала кончо, язык которого, как сообщается, был диалектом ацтеков, но это отрицает Хервас, получивший информацию от миссионера Паласиоса, хотя последний признает, что люди говорили на ацтекском. Утверждается, что они находились недалеко от Рио-Кончо.[VIII'-11] В болсон-де-мапими назван язык тобосо. Сообщается, что этот народ понимал язык сакатеков и ацтеков; более того, у него был свой особый язык.[VIII'-12] Другими идиомами, упомянутыми вблизи того же региона, являются хуалахуизе, хулиме, пиро, сума и чинарра.[VIII'-13] В Пиро я нахожу следующую Молитву Господню:

Китатак насаул и яполхуа тол хуи куамджиана ми куамнариу. Джаки мугилли насамагуи, хикиэй куамсамаи, мукиатаksam, хикиэй, хикиикиамо куиа инаэ, хаскилли нафолегуи, химорей, и апол и ахулей, куализэй, насан и помо льекей, квиале махимаге, йо се махи кана ррохой, се теман куиеннатекуи мукиллей, нани, нани эмолли, хинарой зетаси, насан куанатехуэй пемсихипомпо и, куи солакуэй кифоллохипука. Куэй майхуа ателлан, последователь. Аминь.

Ирритила, на котором говорили несколько племен, называемых испанцами лагунеро, населяющих страну недалеко от миссий Паррас, является еще одним вымершим языком.[VIII'-14] В Коауиле встречается язык теджано, или коауилтеков. На этом языке отцом Гарсией было написано краткое руководство для священников, и Пиментель почерпнул из него несколько грамматических замечаний.

ВЫДЕРЖКА ИЗ ГРАММАТИКИ КОАУИЛЬТЕКОВ.

Используются следующие буквы: *a, c, ch, e, g, h, i, j, l, m, n, o, p, q, s, t, u, y*. Произношение похоже на произношение некоторых народов, населяющих Северо-Западное побережье, таких как нутки, тлинкиты и другие. Своего рода щелкающий звук, производимый языком, который Гарсия обозначает апострофом, таким образом—*c', q', t', p', l'*. *c'* и *q'* произносятся со скрежещущим звуком, исходящим от корня языка; *t'* со щелчком кончиком языка о зубы и т.д. В языке нет множественного числа, кроме такого, которое выражается словами "многие", "все" и "некоторые". Местоимения: *тзин*, я; *джамин*, или я, ты; *нами*, мой; *джа*, твой; *джами*, наш. Вопрос выражается буквой *e* после глагола;—*japtû pôé?* ты отец? *по* - это глагол. Отрицание выражается через *оджуа*, если оно обозначает только "нет", но если оно присоединено к глаголу, оно выражается через *аджам*, следующий за глаголом, и если глагол заканчивается гласной, через *яджам*. Теджано делится на несколько диалектов, которые различаются главным образом различным произношением некоторых слов: что касается чеони говорят *чи*, или *со* для *се*, *кий* вместо *сои* т.д. Следующая догма о завоевании душ с переводом приводится в качестве образца языка.

Медж т'ажам питукуй пинта пилапам чойжи пильче гуацамохуаджамате, пиляпаджуай сауж чойаи: Медж т'ажам питукуй пилапуйпако сан-пау гуахатам ате; талом апнан пан т'ажам тукует апкуэ тукуи ападжаи санче гуасаяджам: саджпам пинапа-питахияе, май куан цам агуайта, намо, намо, о'аджам тукуэм мем исайяц; т'аджакат мем джаталам аджам э?

И там, в аду, нечего есть, нельзя ни поспать, ни отдохнуть; нет выхода из ада; великий адский огонь никогда не угаснет. Если бы ты умер с этими грехами, ты бы уже был там, в аду; тогда почему ты не боишься?[VIII'-15]

Тубар - еще одна идиома, на которой говорили у истоков Рио-Синалоа. Рибас утверждает, что этот народ говорит на двух совершенно разных языках. На основании Молитвы Господней,

сохранившейся на этом языке, мистер Бушманн после тщательного сравнения пришел к выводу, что тубар является еще одним представителем группы ацтеков-сонора, в которой безошибочно прослеживаются ацтекские следы. Я вставляю Молитву Господню с переводом.

Ите (Наш) каньяр (отец) тегмуэкаричин (небеса в) катемате (искусстве) подражай (твоему) тегмуарату (имени) милитураба теочигуалак; (будь восхваляем;) подражай (твоему) уэгмике (королевству) карин ити (нам в) бакачинассисагуин, (приди,) подражай (твоему) авамунарир (будет) эчу (здесь) наньигуалак (свершится) имо (как) куиган (также как) амо (там) начик (совершается) тегмуэкаричин; (небеса;) ите (наш) кокуатарит (хлеб) эссемер танигуарит (ежедневно) иабба (сегодня) ите (нас) микам; (дай;) ите (наши) татаколи (грехи) икири (прости) ацомуа (как) икирирайн (мы прощаем) ите (нас) бакачин (против) кейла (зла) куэгмуа (ранее) наньигуакантем (сделали) кайса (не) ите (нас) носам (привести) бака (в) татаколи (грех) бакачин (от) аккиро (зла) муэцерак (избавить) ите.[VIII'-16] (сша.)

Ниже приводится Молитва Господня на тубарском диалекте, на котором говорят в округе Мина в Чиуауа.

Хайт каньяк темо каличин катема химите мухара уитураба сантонетара химитемох акари хай сесахуи хитебакачин хитарамарэ хечинемолак амо куира пан амотемо каличин хитекокохатари эсеме тан хуарик. Льава хитемикахин татаколи, игуили, хайт начи, игуиррай, хитебакач в калькихуане, нехун, хитехохуи, кальтехуэ, черака, татакол, бакачин, хикуипо, калькихуа, ниауите, бакит, эбакачин, каласерак. Amen Jesus.[VIII'-17]

ГРАММАТИКА ТЕПЕХУАНЫ.

В штате Дуранго, распространяющемся на районы Халиско, Чиуауа, Коауила и Сонора, говорят на языке тепехуана.[VIII'-18] Как и тараумара, он гортанный и произносится довольно отрывисто. Тепехуане говорят очень быстро и часто пропускают или проглатывают конечные слоги, что доставляло много хлопот миссионерам, которые из-за этого с трудом понимали их. Другой трудностью является постановка ударения, поскольку малейшее изменение ударения изменит значение слова.[VIII'-19] Для обозначения звука тефуаны используется следующий алфавит: *a, b, ch, d, e, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, q, r, s, sc, t, u, v, y*. При образовании слов многие гласные часто сочетаются, например, *ooo*, кость; *iiuie*, пить. Часто встречаются длинные слова, такие как— *soigulidadatudadamo*, трудный; *meit sciuguidodadaguitodadamoe*, постоянно. Буква *d*, по—видимому, используется очень часто, например, в слове-*toddascidaraga* или *doadidamodaraga*, испуг. Чтобы образовать множественное число слов, первый слог дублируется. Личные местоимения:—*aneane*, или *ane*, я; *api*, ты; *eggue*, он; *atum*, мы; *apum*, ты; *eggama*, они; *in*, мой; *u*, твой; *di*, или *de*, его; *ut*, наш; *um*, твой.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ГОВОРИТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я говорю,	аниан агиди	Мы говорим,	атум агиди
Ты	апи агиди	Ты говоришь,	апум агиди
говоришь,			

Он говорит, эгге агиди

Они говорят, эггам агиди

НЕСОВЕРШЕНЕН.

Идеальный.

Я сказал, aneane aguiditade

я уже говорил,

aguidianta или aneaneanta
aguidi

первый будущем.

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я скажу, анин агидиага

Я должен был сказать,

анин аквидиамоку

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Позволь мне сказать,

агидиана, а

Скажи ты,

агидиани или агидиана апи

Пусть он скажет:

агидиана эгге

Допустим,

агиуиана атум

Скажи ты,

агидиана апум или
агидаворамоу

Пусть они скажут,

агидиана эггам

Я могу сказать,

анин агидана

Я должен был сказать,

анин агидагитаде

Я должен был сказать,

анин агидагиятаде

Если мне следует
сказать,

анин агидагиага

ПРИЧАСТИЕ.

Говоря, агидими

Сказав,

агидати

Он говорит, агидимиятаде

В некоторых местах окончание изъявительного наклонения несовершенного вида - *kade* вместо *tade*.

СОЮЗЫ.

И амидер

Как будто аппиа на

Также джаттика, кат

И для этого икайдиатут

Или схипу

Хотя тумаша, туме,

Для которого укаиди

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Утогга (отче наш) атемо (который на) тубагге (небесах) дама (вверху) сантусикамоэ (освященный) угге (он) утутугарага (твое имя) дувиана (приди) угиере (твое царство) апи (ты) оддуна (исполняй) гутугитодарага (твою волю) тами (также) дубур (земля) дама (вверху) тубагге. (небеса.) Удгуаддага (Наша пища) уд (нам) макане (дай) шиби (сегодня) уд (нам) джойгудане (прости) уд (наши) скеадоадарага (грехи) аддукате (как) джойгуде (мы прощаем) ют (наших) джаддуне (должников) майтаге (не) дагито (искушать) уд.[VIII'-20] (сша.)

Самая труднодоступная часть Сьерра-Мадре в штате Дуранго является родиной языка акаши, который из этого центра распространяется под разными названиями и диалектами в соседние штаты. Среди этих диалектов упоминаются топиа, сабайбо, ксисим, юм, медиотакель и тебака.[VIII'-21] Некоторые авторы утверждают, что акаши со всеми его различиями связан с мексиканским, в то время как другие, в том числе бальби, выделяют его в отдельный язык. Поскольку ни словарей, ни других его образцов не существует, реальный факт установить невозможно. Миссионеры говорят, что в этих краях говорили и понимали язык ацтеков. В Сакатекасе в качестве преобладающего языка упоминается сакатекский, кроме того, некоторые авторы говорят о казкане как об отдельной идиоме, в то время как другие утверждают, что казкане и сакатеки были одним народом. Кроме них, к ним примыкают мазапиле, уитколе и гуачичиле, ни в одном из которых я не нахожу ни образцов, ни словарей.[VIII'-22] Я также нахожу упоминания в Сакатекасе о Колотлане, а в Халиско - о тлаксомультеке, Текуэксе и Тепекано.[VIII'-23]

ЯЗЫК КОРА И ЕГО ДИАЛЕКТЫ.

В той части штата Халиско, которая известна под названием Наярит, говорят на языке кора. Он делится на три диалекта: мууцикат, на котором говорят в сердце гор; чайкаицика, на склонах гор; и кора, или атеакари, недалеко от устья Рио-Наярит, или Хесус Мария.[VIII'-24] Ацтекский элемент, который сильнее и очевиднее в коре, чем в любом другом из трех ацтекско-сонорских языков, был признан многими из самых ранних авторов.[VIII'-25] Язык кора сложный и довольно трудный для изучения, как, впрочем, и остальные три.[VIII'-26] Ниже приведены несколько грамматических замечаний, взятых из словаря Ортеги.

Буквы алфавита - это *a, b, ch, e, h, i, k, m, n, o, p, r, t, u, v, x, y, z, tz*. Произношение затруднено; нет устоявшегося способа выражения рода. Названия одушевленных существ, а также неодушевленных предметов образуют множественное число с помощью аффиксов *te, eri* или *ri, tzi* или *zi*, а также с предлогом *теа*, хотя из этого правила есть некоторые исключения; например;—*zearate*, пчела; *zearateri*, пчелы; *kanax*, овцы; *kanexeri*, овцы; *укубихуаме*, оратор; *укубихуаметзи*, ораторы; *театзауатеакаме*, тот, кто послушен, множественное число которого - *театзауатеакаметзи*; *куруте*, журавль; *куруци*, журавли; *тикаска*, скорпион; *тикаскаме*, скорпионы. Отглагольные существительные, обозначающие человека, совершающего действие, образуются присоединением к глаголу слога *каме*, или *хуаме*;— *хукабиуаме*, защитник (тот, кто умоляет); *тимуачикаме*, любовник, (тот, кто любит); *тичуикаме*, певец, (тот, кто поет).

ГРАММАТИКА КОРЫ И МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Личными местоимениями являются:—*неапуэ, неа, я*; — *апуэ, ап, ты*; - *аехпу, аэхп, он*; - *итеаммо, итеан, мы*; - *аммо, ан, ты*; - *аэхмо, аэхм, они*; но при спряжении используются следующие:—*не, Я, лэ* или *ла* - ты; *те* - мы; *зе* - ты; *я*- они. Из спряжения глагола указано только, что инфинитива нет, и приведен следующий пример настоящего указательного:

Я люблю, немуаче Мы любим, муаче
Ты любишь, пемуаче Ты любишь, зе муаш
Он любит, муаш Они любят, меня, муаче,

Есть глаголы множественного и единственного числа;—*tachuite*, давать длинную вещь; *taihte*, давать длинные вещи.

Предлогами являются:—*хетце, цахта, в*; *кеме, с, за*; *апоан, над*; *тихаузе, перед*.

Особенностью диалекта муутцикат является частое использование буквы *r*, которая либо добавляется, либо ставится в середине слова по своему усмотрению; —для *huihma* говорят *ruihma*; для *earit, erarit*. В диалекте теакуайцикай есть много отличных слов, не используемых ни в одном из других, так что порой они вообще не понятны тем, кто говорит на других диалектах. В качестве примера я привожу Молитву Господню:

Тайаоппа (отче наш) тахапоа (небеса) петебе (будь) чериуака (освященный будь) эйя (твой) тигуарира; (имя;) чемеахаубени (приди) тахеми (к нам) эйя (твоя) чианака (мир) чеагуастени (свершилось) эйя (твоя) джевира (будет) ийе (как) чианакатапоан (земля) восстань (как) тахапоа. (небеса.) Та (Наш) хамуит (хлеб) хуима (всегда) тахетзе (нас) руджеве (желающий) ихик (сегодня) та (нас) таа; (дай;) хуатаунирача (прости) та (наш) шанакат (грех) тетуп (как) итеахмо (мы) татахуатауни (мы прощаем) титаксанаканте (наших должников) та (нас) ваэре (помоги) театкай (чтобы не) хавоберени (дай нам упасть) ханакат (грех) хетце (в) хуаваехреака (помоги) текай (что не) тахеми (нам) рутахуаджа (достигни) техай (не) ес (что) эне (хорошо) че (так) энхуата (будь так.) хуа.[VIII'-27] ()

ГЛАВА IX. ЯЗЫКИ АЦТЕКОВ И ОТОМИ.

Языки науа или ацтеков, чичимеков и тольтеков идентичны—Анахуак — исконная резиденция языка ацтеков—Ацтекский древнейший язык на Анахуаке—Красота и богатство ацтекского языка—Свидетельства миссионеров и ранних авторов в его пользу—Образец из Руководства Паредеса—Грамматика языка ацтеков—Молитва Господня ацтеков—Отоми, односложный язык анахуака—Утверждается о родстве с китайским и чероки—Грамматика отоми-Молитва Господня отоми на разных языках Диалекты.

Науа, ацтекский или мексиканский язык - язык мексиканской цивилизации, на котором говорят на большей части империи Монтесумы, простирающийся от плато Анахуак, или долины Мехико, как центра, на восток до Мексиканского залива и вдоль его берегов от Веракруса на восток до Рио-Гоацакоалькос; на запад до Тихого океана и на его границе примерно с двадцать шестой по шестнадцатую параллель, образуя, таким образом, неправильную, но непрерывную

лингвистическую линию от Калифорнийского залива на юго-восток, через Мексиканское плато до Мексиканского залива, протяженностью более четырехсот лиг. Опять же, он встречается на побережье Сальвадора и во внутренних районах Никарагуа, и мы уже видели его связь с народами севера. В пределах древней Мексиканской империи говорили на многих других языках, помимо ацтекского, как, например, на отоми, уастекском, тотонакском, сапотекском, мизтекском, и тараско, всего около двадцати. Некоторые утверждали, что языки тольтеков и чичимеков отличались друг от друга и от ацтекского; было даже высказано предположение, что были обнаружены следы языка, более древнего, чем любой из этих. Педро де лос Риос упоминает два слова песни, используемой на религиозных церемониях в Чолуле, *туланский хулулаес*, которые, по его словам, принадлежат языку, непонятному мексиканцам, а Александр фон Гумбольдт считает, что они могут быть остатками какого-то домексиканского языка.^[IX'-1] Другие, и среди них аббат Брассер де Бурбур, заявляют о большей древности майя, утверждая, что на нем говорили в Мексике до того, как люди, говорящие на науа, достигли этой страны.

После тщательного изучения ранних источников я могу лишь согласиться с мнением, что языки тольтеков, чичимеков и ацтеков - это один язык, что науа, или ацтекский, является древнейшим известным языком Анахуака, и что противоположные выводы, к которым пришли некоторые более поздние авторы, являются просто умозрительными. Все многочисленные народы, упомянутые в качестве аборигенов в древнем Анахуаке, как говорят, говорили на ацтекском, как ульмеки, ксикаланки, текпанеки, колхуа, аколхуа, науа и т.д. Икстлильшочитль, историк-уроженец тецукана, рассказывает, что по приказу правителя Техотлалацина чичимеки отказались от своего собственного языка и переняли язык ацтеков.^[IX'-2]

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА АЦТЕКОВ.

Более того, все внутренние свидетельства свидетельствуют в пользу оригинальности языка ацтеков. Во всей великой империи Анахуак это был основной язык. По направлению к северу, как мы видели, его следы встречаются во многих местах, но нигде он не появляется в том направлении в качестве основы. Далеко на юге, в Никарагуа, он снова встречается как основной язык, но с диалектическим, а не аборигенным обликом, так что языковые свидетельства полностью свидетельствуют в пользу того, что плато Анахуак было первичным центром ацтекского языка, а не того, что он был занесен в течение какой-либо измеримой эпохи иммиграцией.

Несомненно, что мексиканская нация сделала все возможное для распространения этого языка. Это был придворный язык американской цивилизации, латынь средневековья и французский нового времени; он использовался как средство общения с людьми, не говорящими на языке ацтеков, также всеми послами и во всех официальных сообщениях; на всех недавно приобретенных и завоеванных территориях он был немедленно введен в качестве официального языка, и людям было приказано его изучать. Можно сказать, что он или родственные ему диалекты были обычным языком во всей внутренней части Анахуака и на большей части ацтекского плато, хотя в этих пределах были в моде другие языки. На юге он снова появляется вдоль берегов Тихого океана. На нем говорили вплоть до Гватемалы, во внутренних районах которой он появился в виде различных диалектов, более или менее искаженных. Его также можно проследить в Табаско и даже на Юкатане на атлантическом побережье. Он снова встречается в заливе Америк, откуда отходят линии, соединяющиеся с

ветвями ацтеков в Гватемале, Гондурасе и Никарагуа. Также возможно, что когда-то он использовался даже к востоку от Миссисипи, как явствует из следующих заявлений Акосты и Саагуна. В последнем говорится, что апалачи, жившие к востоку от Миссисипи, распространили свои экспедиции и колонии далеко в Мексику и с гордостью показывали первым завоевателям своей страны великие дороги, по которым они путешествовали. Акоста утверждает, что мексиканцы называли этих людей апалачами, тлатуйсами или горцами. Саагун, говоря о них, говорит: "они нахоа и говорят на мексиканском языке".[IX'-3] В этом нет ничего невероятного, поскольку ацтеки обитают восточнее, в нынешних штатах Тамаулипас и Коауила, а оттуда расстояние до Миссисипи не такое уж большое.[IX'-4]

ЯЗЫК АЦТЕКОВ К ВОСТОКУ ОТ МЕКСИКИ.

Из всех языков, на которых говорят на американском континенте, ацтекский является наиболее совершенным и законченным, приближаясь в этом отношении к языкам Европы и Азии и фактически превосходя многие из них своей элегантностью выражения. Несмотря на отсутствие шести согласных, *b, d, f, r, g, s*, его все же можно назвать полным и насыщенным. О его изобилии свидетельствует "Естественная история" доктора Эрнандеса, в которой описаны тысяча двести различных видов мексиканских растений, двести или более видов птиц и большое количество четвероногих, рептилий, насекомых и металлов, каждому из которых дано собственное название на мексиканском языке.[IX'-5] Мендьета говорит, что латынь не превосходит его по красоте, демонстрируя еще больше искусства в своей конструкции и изобилуя тропами и метафорами. Камарго называет его самым богатым во всей стране и самым чистым, так как в нем нет примеси иностранного варварского элемента; Гомара говорит, что он лучший, самый обильный и наиболее протяженный во всей Новой Испании; Давила Падилья, что он очень элегантный и грациозный, хотя содержит много метафор, которые затрудняют его использование; Лоренцана, что он очень элегантный, сладкий и заверченный; Клавиджеро, что он обильный, вежливый и выразительный; Брассер де Бурбур, что с самых возвышенных высот он спускается к обычным вещам с чувством юмора. звучность и богатство выражения свойственны только ему самому. Миссионеры сочли его достаточным для своей цели, поскольку на нем, без помощи иностранных слов, они могли выразить все оттенки своих догматов, от громов и анафем на Синае до возвышенного учения Христа.

Хотя испанцы обычно использовали слово *Dios* для обозначения Бога, ацтеки предлагали его по мере необходимости, свой *Теотль*, и *Tloque Nahuaque*, что означает невидимое высшее существо. Многочисленные письменные проповеди, катехизисы и ритуалы ацтеков также свидетельствуют о богатстве языка.[IX'-6] В мексиканском, как и в иврите и французском, нет существительных в превосходной степени, и, как в иврите и большинстве современных европейских языков, в нем нет сравнительных падежей, их место занимают определенные частицы. В ацтекском языке больше уменьшительных и дополняющих, чем в итальянском, и, вероятно, он богаче, чем любой другой язык в мире, отглагольными существительными и абстрагентами, поскольку вряд ли существует глагол, от которого отглагольные существительные не могут быть образованы, или субстантив или прилагательное, от которого не делаются абстрагирования. Он также богат глаголами, поскольку каждый глагол является корнем, от которого происходят другие глаголы с разными значениями. Агглютинация или агрегация распространены в самых широких масштабах, и слова чрезмерной длины не являются редкостью. При агглютинации конечные слоги или буквы обычно опускаются, главным

ОБРАЗЕЦ ДЛИННЫХ АЦТЕКСКИХ СЛОВ.

Слово из шестнадцати слогов, название растения, встречается в Эрнандесе—*mihuiittilmooyo icuitlatonpicixochitl*. [IX'-8] Хотя ацтеки сочиняли стихи, не сохранилось ни одного экземпляра их поэзии, кроме как в переведенном виде. Одно из них, составленное великим тецкуканцем, королем Несауалькотлем, полностью переведенное в предыдущем томе, дает нам возвышенное представление о продвинутом состоянии языка. [IX'-9]

АГГЛЮТИНАЦИЯ В ЯЗЫКЕ АЦТЕКОВ.

Путем сложения мексиканцы создают много длинных слов, некоторые даже из шестнадцати слогов; но есть и такие несоставные слова, которые очень длинные. Слова составляются путем объединения ряда целых слов, а не только путем простого сопоставления, поскольку при большом внимании к краткости и благозвучию буквы и слоги часто опускаются. Например;— *тлазотли*, любимый; *махуизтик*; почтенный или преподобный; *теопишки*, священник; *татли*, отец; *нет*, мой; из которых состоит *нотлазомахуизтеопиксацин*, то есть мой очень

уважаемый отец и преподобный священник. Это также является примером окончания *тзин*, которое просто означает уважение. *Теопикски* состоит из *теотля*, Бога, и *пиу*, которая охраняет. Есть две частицы, которые уместно назвать лигатурами, поскольку они служат для объединения слов в определенных случаях; это *са* и *ти*. *Куалани*, раздражать, гневаться; *итта*, рассматривать, размышлять; *никуаланичайтта*, наблюдать с гневом, гневно.

Из—за этих составных слов значение целого предложения часто содержится в одном слове, как; *-тлалнепантла*, посреди земли, или расположенный в середине; *попокатепетль*, дымящаяся гора; *ацкапуцалли*, муравейник, или место, где движется много людей — намекая на плотное население; *куаунахуак*, (Куэрнавака) рядом с деревьями; *атликско*, над водой; *тепетитлан*, над горой и т.д.

Существует несколько способов выражения множественного числа. Как правило, множественное число применяется только к одушевленным объектам. Неодушевленные предметы редко меняются во множественном числе, например: —*се тетл*, один камень; *йеи тетл*, три камня; *миес тетл*, много камней. В исключительных случаях множественное число неодушевленных предметов выражается терминами. Одним из таких исключений является случай, когда объект связан с людьми, например; —*зоквитл*, грязь; *мизокиме*, мы — земля; но есть и исключения из этого правила, как, например; *-ильуикаме*, небеса; *тепеме*, горы; *зитлалтин*, звезды. Иногда неодушевленные предметы также образуют множественное число путем удвоения первого слога; —*тетла*, место, полное камней; *тететла*, места, полные камней; *калли*, дом; *какалли*, дома. Эти различные варианты завершения могут быть сведены к следующим правилам. Примитивные слова имеют множественное число в *те*, *тин* или *ке*, как; —*ичкатл*, овца; *ичскаме*, овца; *золин*, перепелка, *золтин*, перепелка; *сосохкуи*, больной; *сосохке*, больной (множественное число); *топиле*, констебль; *топилеке*, констебли. Производные образуют множественное число следующим образом: те, которые называются обратными, заканчивающимися на *цинтли*, имеют во множественном числе *цицинтин*. Уменьшительные, оканчивающиеся на *тонтли*, имеют во множественном числе *тотонтин*, а уменьшительные, оканчивающиеся на *тон* и *пил*, увеличительные в *поле* и возвратные в *тзин*, удваивают окончание, как; —*тлакацинтли*, человек; *тлакацицинтин*, лица; *ичкататонтли*, ягненок; *ичкататонтин*, ягнята; ; *ичкапил*, ягненок; *ичкапипил*, ягнята; *чичитон*, маленькая собачка; *чичитотон*, маленькие собачки; *уэуэцин*, старик; *уэуэцицин*, старики.

Слова, в состав которых входит притяжательное местоимение, будь то первичное или производное, имеют во множественном числе *ван* или *хуань*; —*нойчкауан*, моя овечка; *нойчатотонхуан*, моя маленькая овечка. Слова *тлкатл*, мужчина, *чуатль*, женщина и те, которые подразумевают официальную или профессиональную должность, образуют множественное число, просто опуская последние буквы, как; —*мехикатл*, множественное число, *мексика*; однако в этом случае на последнем слоге ставится ударение. Некоторые слова, чтобы образовать множественное число, удваивают первый слог, а также используют такие окончания, как; —*теотл*, Бог; *тетео*, боги; *золин*, перепела; *зозолтин*, перепела; *зитли*, заяц; *зизилтин*, зайцы. *Тельпочтли* и *ичпочтли*, удваивайте слог *по*.

Некоторые прилагательные имеют несколько форм множественного числа, например; —*миес*, *мич*; множественное число, *миектин*, *миесинтин* или *миесин*. Пол выражается добавлением слов *окичтли* или *сиуатл*, мужского и женского пола, за исключением тех слов, которые сами по себе

указывают на пол. Отец, говоря о своем сыне, говорит: *нопильцин*, а мать о своей дочери: *ноконеух*.

ГРАММАТИКА АЦТЕКОВ.

Обычных склонений нет; в звательном падеже к именительному добавляется *е*, или слова, оканчивающиеся на *tli* или *li*, заменяют *i* на *е*. Те, которые заканчиваются на *тзин*, могут измениться на *цзе* или добавить *е*, но последнее используется только мужчинами. Родительный падеж обозначается притяжательным местоимением или сочетанием слов, например: — *теотл*, Бог; *тенауатилли*, исходящий; *теотенауатилли*, заповедь Божья. Дательный падеж обозначается глаголами, называемыми аппликативами; винительный падеж — определенными частицами, сопровождающими глагол, или противопоставлением; например; *-чихуа*, иметь; *тлашкалли*, хлеб; *нитлакскалчихуа*, у меня есть хлеб. Аблятивная степень обозначается определенными частицами и предлогами. Уменьшительные образованы окончаниями *тонтли* и *тон*, как; — *чичи*, собака; *чичитон*, маленькая собачка; *калли*, дом; *каконтли*, маленький дом. Аугментативы берут слог *pol*. Терминалы *tla* и *la* служат коллективами; — *xochitl*, цветок; *xochitla*, клумба. Слова, оканчивающиеся на *otl*, являются абстрактными, как; — *qualli*, хороший; *qualotl*, доброта. Те, которые заканчиваются на *ва* (*хуа*) и *е*, указывают на одержимость; — *илхуикамль*, небеса; *илхуикауа*, повелитель небес, (применительно к Богу). Сравнительные и превосходные степени не имеют определенных окончаний, но их место занимают наречия, такие как; — *achi*, *osachi* и т.д., Которые означают "больше". Педро лучше Хуана, *osachiqualli* в *Pedro ihuan amo Juan*; здесь наречие связано с *quallo*, хорошим. Слова, образованные от активных, средних, пассивных, отражательных и безличных глаголов, имеющие различные значения, оканчиваются на *ни*, *они*, *я*, *ia*, *уап*, *сап*, *уаи*, *ian*, *tli*, *li*, *liztli*, *оса*, *са*, *о*, *tl* — *кочини*, тот, кто спит; *тлашкальчихуани*, тот, у кого есть хлеб; *мотлалоани*, тот, кто бежит; *чиуалони*, осуществимый; *нейтонилони*, нечто, вызывающее потоотделение; *нотлачиуайя*, мой инструмент; *амотланекия*, наша воля; *тлакуальоян*, едок; *микоайан*, место для сна; *итепатиаян*, больница; *тлачихуалли*, созданный, произведенный; *тетлазотлатистли*, любовь; *начихуалока*, творение.

Личные местоимения: — *неуатль*, *нехуа*, *не*, *я*; - *теуатль*, *техуа*, *те*, *ты*; - *йехуатль*, *иехуа*, *ты*, он или кто-то; - *техуантин*, *техуа*, *мы*; - *амеуантин*, *амеуан*, *ты*; - *иехуантин*, *иехуан*, *они*. Собственнические; — *нет*, *мое*; *мо*, *твое*; *я*, *его*; *то*, *наше*; *ато*, *твое*; *ин* или *им*, *их*; *те*, принадлежащие другим.

Вышеупомянутые притяжательные используются в составных словах и изменяют последний слог слова, к которому они присоединены; *-teotl*, Бог; *noteuh*, мой Бог; *huehuetl*, старик; *amohuehuetcauh*, наш старик.

Глагол имеет изъявительное, повелительное, оптативное и сослагательное наклонения — настоящего, несовершенного, совершенного, множественного и будущего времен.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ТЕМІСТІА - УБИВАТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я убиваю,	нитемиктия	Мы убиваем,	титемиктия
Ты убиваешь,	титемиктия	Ты убиваешь,	антемиктия
Он убивает,	темиктия	Они убивают,	темиктия

НЕСОВЕРШЕННА.

Я убил, нитемиктиайя

Идеальный.

Я убил, онитемикти
Мы убили, противоборство

ПРЕВОСХОДНО.

Я убил, onitemictica

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я убью, нитемиктиз
Мы убьем, титемиктиз

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я убью, енитемикти

ИМПЕРАТИВ.

Убью тебя, максиктемикти Убью тебя, максиктемиктиканец

.

Если бы я мог убивать, манитемициани

ПАССИВНЫЕ ФОРМЫ.

Я убит, нимиктило
Меня убили, онимиктилоя

ПАССИВНЫЕ ФОРМЫ.

Меня убили, онимиктилок
Я был убит, онимитилока
Я буду убит, нимиктилос
Я был бы убит, ты, онимиктилок,
О, чтобы я мог быть убит, манимиктило
О, чтобы я был убит, манимиктилони
Я должен быть убит, нимиктилозкия
Тот, кто убит, инмицило

ДРУГИХ ФОРМАХ

.

Если бы я убил, intlaonitcmictiani
Если бы я не убил, intlacamo onitemictiani
Если я убью, intlanitemictiz
Тот, кто убивает, intemictia

Я прихожу убивать,	онитарно
Я приду убивать,	никто не убьет меня
Могу ли я прийти убивать,	манитемиктики
Я пошел убивать,	онемиктито
Я пойду убивать,	нитемиктиух
Могу ли я пойти убивать,	манитемичити

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ АЦТЕКОВ.

В языке ацтеков очень мало неправильных глаголов, и Пиментел смог найти только следующие: —*ка* и *мани* - быть; *икач* - идти пешком; *онок* - лежать; *яух* - идти; *хуаллаух* и *уиц* - приходить; *мазехуальти*, *ичнопилти* и *илуилти*- получать выгоду.

В качестве аффиксов всегда используются следующие слова:

За	палом, пампой
, от	техно
Позади	икампы, тепоцко, куитлапана
К	уику
Между	тзаланом
С	хуаном, па, копа, калифорния
Посреди	непантлы,
принадлежащей	tloc
Вместе	науак
Внутри	со, с
Выше	ісрас
С другой стороны	налко, нал
Перед	икско, испан, икстлан, икстла
На, со временем	проплывают
под	тланом
внутри	итика, итека
Под	тзинтланом

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Тотацин (Наш почитаемый отец) инилхуйчак (который на небесах) тимойезтика, (искусство,) да будет восхвалено (прославлено) инмотокатзин, (имя твое) махуалаух (да придет) инмотлатокайотзин (царство твое) мачихуало (да свершится) интлалтикпак (земля вверху) инмотланекилицин, (воля твоя) иньюхчичихуало (как свершится) инилхуйчак, (небеса в,)

intotlaxcalmomoztlac (наш хлеб каждый день) totech monequi (нам нужен) maaxcan (сегодня) xitechmomaquili, (дай нам,) maxitechmetlapopohuili (прости нас) intotlacol, (наши грехи,) iniuh (как) tiquintlapopolhuia (мы прощаем) intechtlatla (тех, кто) calhuia, (нас обижают,) macamoxitechmomacahuili (ты не ведешь нас) inicamo (что не) ipan (в) tihuetzizque (мы падаем) inteneyeyecoltiztli: (в искушении:) чанье (но) xitechmomaquixtili (избавь нас) inyuicpa (против) инамоквалли. (из "нехорошо".) Майухмочихуа.[IX'-10] ()

Было проведено множество сравнений ацтекского языка с языками Азии и Европы, и было заявлено о родстве почти с каждым известным языком, но при анализе все эти воображаемые сходства исчезают. Сходства в словах, общие для всех языков, обнаруживаются между ацтекским и другими, но в лучшем случае их можно назвать лишь случайными. Тем не менее, было замечено несколько замечательных аналогий слов, среди главных из которых следующие. Ацтекский, как греческий и санскрит, использует привативный предлога, который в кельтском был изменен на *an*, в латинском — на *in* или *im*, а в немецком - на *un*; -греческий, *athanatos*; ацтекский, *amiquini*, бессмертный. Далее, в совершенном времени, а иногда и в несовершенном, *o* используется в ацтекском, подобно санскритскому *a* и греческому *e*. Но самое замечательное совпадение - это слово *теотль*, которое максимально приближено к греческому *Теос*. Кингсборо и миссис Саймон видят в ацтекском языке язык евреев; Джонс - язык древних тирийцев; Лэнг - язык полинезийцев. Гарсия проводит сравнения с ивритом, испанским, финикийским, египетским, японским и немецким языками и находит претендентов на родство с этими и многими другими. Пока дальнейший свет не прольется на американскую филологию, ацтекский должен оставаться особняком, как один из независимых языков мира.[IX'-11]

На отоми, считающемся после ацтекского самым распространенным языком в Мексике, говорили грубые и варварские люди, населяющие горы, окружающие долину Анахуак, но особенно те, что расположены на северо-западе. Оттуда он распространился до нынешнего штата Сан-Луис-Потоси, на нем говорили по всему Керетаро и большей части Гуанахуато, а также местами в Мичоакане, Вера-Крус и Пуэбле.[IX'-12] Из журнала и материалов четвертого провинциального совета, состоявшегося в Мексике в 1771 году, явствует, что на этом языке говорили на четырех диалектах, различавшихся настолько сильно, что несколько племен могли поддерживать общение лишь с величайшим трудом.[IX'-13] Единственный диалект, на который было обращено особое внимание, - это мазауа, на котором говорили в древней провинции Мазауакан. Из остальных единственными образцами являются несколько Молитв Господних.

ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОТОМИ И КИТАЯ.

Отоми привлекает внимание в одном конкретном случае; это единственный настоящий односложный язык, встречающийся в Тихоокеанских штатах, и уже одно это побудило многих утверждать о родстве между ним и китайским.

Это китайское родство в основном отстаивал сеньор Наджера, уроженец Отоми, который в развитие своих своеобразных взглядов написал превосходную грамматику отоми, в приложении к которой он приводит подробное сравнение двух идиом. Но, обратившись к словам, которые он называет похожими, мы сразу же сталкиваемся с важными упущениями с его стороны. Первая заключается в том, что он совершенно не принял во внимание трудность сравнения односложных языков, в которых слово часто имеет десять или более значений, различимых только по произношению и ударению, а иногда едва ли обладающих этими

отличительными чертами. Во-вторых, словам, которые он называет похожими, недостает самого существенного, что составляет родство, поскольку в большинстве случаев они даже не похожи по звучанию, а это требование, которому в односложных языках следует уделять больше внимания, чем в многосложных. Несколько слов, которые на самом деле похожи, вероятно, являются лишь случайным сходством, и нельзя сказать, что вопрос о родстве между отоми и китайским языком еще не решен.[IX'-14]

Мистер Бринджер идет в другом направлении в поисках родства и воображает, что находит его в языке чероки, основывая весь свой аргумент на гипотетическом сходстве, возможно, полудюжины слов, которые на самом деле совсем не похожи друг на друга.[IX'-15]

Как и другие односложные языки, отоми довольно сложен для усвоения, его произношение грубое, гортанное, с часто встречающимися носовыми и придыхательными интонациями.[IX'-16]

ГРАММАТИКА ОТОМИ.

Как уже говорилось, многие слова, имеющие различные значения, различаются только различными звуками или интонациями одной и той же гласной; многие слова, даже имеющие одинаковое звучание и интонации, имеют разные значения. Слова этого языка состоят из одного или двух слогов; некоторые из них состоят из трех. В словах, состоящих более чем из одного слога, каждый слог сохраняет свое первоначальное значение. Слова, будь то существительное или глагол, являются негибкими. Ни существительные основного, ни прилагательного рода не имеют. Одно и то же слово может быть существительным, прилагательным, глаголом и наречием, как в следующем предложении;—*na nho nho ye na nho he nho*, что означает, что доброта человека хороша и делает его хорошим. Существительные не имеют ни склонения, ни рода, которые выражаются либо отдельными словами, либо через *та*, или *тза*, мужчина, и *нсу* или *нху*, женщина;—*тайо*, собака; *нсуйо*, шлюха. Частица *па* обладает свойством артикля и, приставленная к существительному, отличает единственное число. Во множественном числе заменяется *уа* с приставкой или *е* с приставкой. Прилагательные всегда ставятся перед существительными;—*ка ъе*, святой человек. Сравнения выражаются словами *пра*, больше, и *чу*, меньше;—*нхо*, хорошо; *пра нхо*, лучше. Превосходную степень аналогичным образом демонстрирует слово *тза* или *тзес* приставкой, означающей "очень много", "чрезмерно", "чрезвычайно";—*тза нхо*, "лучший"; *тзе нтзо*, "худший" или "очень плохой". Частица *зтзи*, или *зтзус* приставкой, обозначает уменьшительное;—*зтзи хенси*, маленькая бумага. В абстрактных существительных качества приставка *па* заменяется на *са*;—*па нхо уеһ*, хороший человек; *са нхо*, то, что хорошо. Личные местоимения:—*нуга*, *нугага*, *нугуи*, я; *гуи*, *ки*, я, для меня; *нугуэ*, *нуй*, ты; *у*, *привет*, тебе, для тебя; *нуну*, он; *би*, *ба*, *ки*, он, для него, ему; *нугахе*, *нугагахе*, *нугихе*, мы, или нас; *нугегуи*, *нугеху*, *ньюгуи*, *ньюху*, ты, для тебя; *ную*, они; *ма*, мои; *ни*, твои; *на*, его.

Глаголы спрягаются с помощью частиц, обозначающих время и лицо. Каждое время состоит из трех лиц, а также единственного и множественного числа. Множественное число всегда обозначается слогом *һе*, мы; *ви*, *гуй* или *ху*, вы; *ю*, они. Все существительные также могут быть глаголами, поскольку отоми, неспособные отделить абстрактную идею существования от существующей вещи, смешивают то и другое и не имеют глагола субстантивации;—*нхо*, хороший; *ди нхо*, я хороший, или я хороший.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА "НИ", "БУДУ".

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я,	в девичестве ди	,мы	- Ди-урожденная Эй,
ты хочешь,	интерфейс	вы,	интерфейс урожденная gúi
	урожденная		
пожелает,	у нее	они будут,	г девичестве Ю.

несовершенны.

Идеальный.

Я пожелал,	ди ни хма	я пожелал,	хта ни, или да ни
------------	-----------	------------	-------------------

СОВЕРШЕНСТВО.

Я пожелал,	чтобы она
	стала

ПЕРВОЙ В БУДУЩЕМ.

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду хотеть,	это	Я буду хотеть,	это
----------------	-----	----------------	-----

ИМПЕРАТИВ.

Будешь ли	урожденная	Будешь ли ты,	урожденная гуи, урожденная ху[IX'-17]
ты,			

МОЛИТВЫ ОТОМИ И МАЗАХУА ГОСПОДУ.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Мама (моя) tà (отец) он (то) ни (ты) bùu (дом) mahetsi (рай) да (называют) не (святой) ansu
есть (твое) ни (имя) элементе (имя) да (твой придет) Эхе (к) га он (нам) ни (твоего) bùu (дом)
да (твоя воля), ха (делать) ни (твоего) hnee (будет) ngù (а) Гуа (здесь) на (в) hàu (земля) те (а)
) ngù (также) mahètsi (рай) Ма (в) ЖКХ (хлеб) Он (нам) та nà (каждый) па (день) rà (дать) ему
(нам) нар (одного) па (день) я (новая), га (и) Пуни (простите) он (нам) Ма (наш) dupatè он (
долгов) tengù (а) - Ди - (мы) Пуни он (простите) U Ма (сейчас) ndupatè (должники) он (наш),
га (и) Е (не) графического интерфейса (то) он (ВНЖ) у него (нас), га (у) него (нас), Ха (На) На
tzò (БАД) Кади (действий) ма (а) на Пеге (спасти нас) он-Хин (нет) nhò. (хорошо.) Делай
(Свое) ха. (сделаю.)

То же самое на другом диалекте. Еще одна версия того же самого.

Иди ма та хэ

К гуи бу

Ма та ки хэ

Хе ци

Гу гуи бу

Да ма ка ни ху

Кха хетси

На ди ни хне	Кха ни ху
Хай хе хейси	Да ди хнек
Ма хме хе та па	Би кхо на хай
Са да ке ни	Бах кха махетси
Ха пу ни ма тай он	Да да се он
Нгу и пу ма тай те хе	Ма хме хе
Ха йо хе	Йо га зо хе джи цо ди.
Он га за цо ди.	

Грамматика диалекта мазахуа почти такая же, как у отоми, и поэтому я вставляю Молитву Господню только для иллюстрации связи между двумя языками.

Ми йхо ме (отче наш) ки обуихуи (есть) ахези (небеса) танерехо (освященный) ни (твой) чуу (имя) та эхе (приди) ни (ты) нахмуу (царство) та ча (сделай) аксонихомуэ (земля) чо (?) ни (твой) нанэ (будет) махе (как) анзи (также) оча (совершается) ахези. (небеса.) Ти як ме (Дай нам) ми бех ме (наш хлеб) чойазмуэ, (каждый день,) ти чотхе (прости) меня (нас) мо (наш) уэзок ме (ошибки) махе анзи (а также) тигаттотпуэ (мы прощаем) ме маше я (тех, кто) зохегуэ (оскорбляет) меня (нас) пекхечо (не нас) гуэгетме (должен) тезоксхемейо (вести) уэзок хи (грехи) типе езиз (доставить) одного (нас) мачо юньене (от) мачо (всех) тенси хигахо. [IX'-18] (зло.)

ГЛАВА X. ЯЗЫКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ МЕКСИКИ.

Паме и его диалекты — меко Гуанахуато и Сьерра—Горда—тараско Мичоакан и его грамматика—Матлальтзинка и ее грамматика—окуилтеки—мизтеки и их диалекты—Грамматика мизтеков—Амусго, чочо, масатек, куикатек, чатино, тлапанек, чинантек и пополука—сапотеки и их грамматика—Грамматика мие—мие и молитва Господня—Хуаве Теуантепекский перешеек-цифры Хуаве.

К северо-востоку от Отоми находится язык под названием паме, на котором говорят на трех различных диалектах; первый в Сан-Луис-де-ла-Пас, в Сьерра-Горде; второй, недалеко от города Маис, в Сан-Луис-Потоси; и третий в Пурисима-Консепсьон-де-Арнедо, а также в Сьерра-Горде. У меня под рукой есть только Молитва Господня на трех диалектах; я также не могу найти упоминаний о какой-либо лексике или грамматике. Его описывают как труднодоступный, главным образом из-за множества диалектических вариаций. [X'-1]

МОЛИТВА ПАМЕ И МЕКО ГОСПОДУ.

ПЕРВЫЙ ДИАЛЕКТ.

Тата микагон индис бонигемая: индис унаджа гроцтакуз: Кто победит: Наге ес нитаза, кто победит бениги: Уррозе парикагон увингуи амбогон букон гатиги баджир гомор, комо икагон гуморбон кипикго хичнангоу: ненанги нандазо пакунима: иморго кабонья паджанор. Amen Jesus.

ВТОРОЙ ДИАЛЕКТ.

Кавказец сюгуэн, что означает поражение хумиджу кантау, ахкалихон джи ниغيу юкант джи кумпо. Чокат джи киманг, ак-ги кумпо, акги кантау импейн. Сент-Кавказ сенда гуно, юкант чине, игуадкатан, кавказские гуманоиды, ак-гипайн, Кавказ худжуадптан, кавказские гуманоиды. Ты мой негенк, гуайк гунинг, какаа екет вали энинг, ак-ге-бо.

ТРЕТИЙ ДИАЛЕКТ.

Ttattahghuhggg ighegh ddiuhvoh hinh gghih qquihhmissches: ughgnjuhgh ttahghgihh innddisseh Qquihihh uhggúho uhghg gühih rrehhino, их qquih üghgghihghh wohlluhn ttáh ighschchahh, Асси uhggüghh связист УБ vóhnnihghh. Uhghehddi uhvrá hñvíh qquihhphphoggüuhh, yhchihh uh vehvéhh ihghgühhoghüuhh ih qqih ih chi wchveh ihhumhurhggüuhh uhhothdi nuch hêhôhuág. Assi commo ahpe hpâhddi ihec âhggüuhh kuhmhûhrûhhg uhonnddi ahphpiggüüh. Ih qquihngnahghnhêrrggüuhh phpahagh, Ahnâhssuhquih huhnhéhh. Mahhsséhh Uihbbráhrhr ihhehggüuhh. Ihghgôhttahhehrêh Ggéhssúhs.

Следует заметить, что в третьем диалекте используется весьма необычное сочетание букв. Это явный абсурд. Пиментель не упоминает, где он его получил, и не сообщает, какие звуки получаются из этого скопления согласных. Я привожу это скорее из любопытства, чем с мыслью, что филологи когда-либо извлекут из этого какую-либо пользу.[\[X'-2\]](#)

В Сьерра-Горде и Гуанахуато упоминается другой язык, называемый меко, или серрано, образца которого нет, кроме молитвы "Отче наш":

Матайге гуй бу маджетци, как и сундат туо, да сыграет с тобой джу да не па кекке, ни мок канани, ни дакка на мокканцу; танта на синфаи, тенгу, маджетци. Мат тумедже та, ат мапа, рак-джи пилла, не си ги пунгаге, мат-ойгадже, тенгу-си диди пумджее, ту дит-тук-джи, нелло хиджега, гатач-джи ратинтасьон; ман-аа джугадже, гатитит-джов ллайзунфенни.[\[X'-3\]](#)

Еще меньше сказано о языках, на которых говорят в штате Тамаулипас; о них ничего не известно, кроме названий, и невозможно установить, правильно ли они классифицированы или нет, поскольку образцов не существует. Языки, о которых я нахожу разговорными, - это юэ, йеме, олив, джанамбре, пизоне и общий язык под названием тамаулипеко.[\[X'-4\]](#)

Тараско, основной язык мичоакана, можно поставить почти в один ряд с ацтекским, поскольку он обильный и хорошо законченный. Оно особенно сладкозвучно, и по этой причине его сравнивают с итальянским, обладающим всеми буквами алфавита.

Каждый слог обычно содержит одну согласную и одну гласную; часто встречается буква *r*.[\[X'-5\]](#) Из разных грамматик я составляю следующее:

ГРАММАТИКА ТАРАСКО.

В алфавите нет ни *f*, *v*, ни *l*; ни одно слово не начинается с букв *b*, *d*, *g* и *r*; звук *k*отличается от звука *s* и произносится сильнее. Буква *s* часто вставляется для благозвучия; ее необходимо вставлять между *h* и *i*, когда слово заканчивается на *h*, а следующее начинается на *i*. В конце слова это означает "то же самое" или "я"; *привет*, я; *его*, я сам. Когда слово заканчивается на *s*,

а следующее начинается на *h*, буква *x* заменяется на оба. Буква *x* в конце слова указывает на множественное число. *Ph* никогда не произносится как *f*; *h* после *p* указывает только на придыхание следующей гласной:—*p-hica*. *Xam*, третье лицо единственного числа местоимения, используемого в спряжениях, может быть преобразовано в *нди*. *P* следующее сразу за *m*, преобразуется в *b*. *R* и *t* следующие за *n*, преобразуются в *d*; а *e* и *q* следующие за *n*, преобразуются в *g*. Есть три вида существительных — рациональные, иррациональные и неодушевленные. Последние два несклоняемы в единственном числе. Множественное число иррациональных животных образуется простым добавлением частицы *escha*. Две другие частицы используются для выражения множественного числа неодушевленных предметов; —*uan* и *харандети*, много, очень. Однако в пяти словах этого вида используется частица *escha* во множественном числе; *uata*, гора; *ambocuta*, улица; *ahchiuri*, ночь; *ципае*, утро; *hosqua*, звезда.

СКЛОНЕНИЕ СЛОВА ОТЕЦ.

Единственное		множественное	
число.	тата	Имя.	тата экба
Генерал.	татауэри, или хихчиремба.	Генерал.	тата эча зуэри
Дат.	тата ни	дат.	тата эча ни
Аcus.	тата ни	Аcus.	тста эча ни
Вокал.	тата эча	Вокал.	тата эче э
Абл.	тата ни химбо	Абл.	тата эча ни химбо

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ПОМИ, ПРИКАСАТЬСЯ.

НАСТОЯЩЕЕ УКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Активное.		Пассивное.	
Я прикасаюсь,	похача	Я тронут,	погахача
Ты прикасаешься,	похачаре	Ты тронут,	погахачаре
Он прикасается,	похати	Он тронут,	погахати
Мы прикасаемся,	похачачучи	Мы тронуты,	погахачачучи
Ты прикасаешься,	похачаречучи	Ты тронут,	погахачучучи
Они прикасаются,	потикс	Они тронутые,	погасшие

НЕСОВЕРШЕННЫЕ.

Я прикоснулся,	похамбихча	Я был тронут,	погахамбихча
----------------	------------	---------------	--------------

СОВЕРШЕНЕН.

Я уже коснулся,	поца	я был тронут,	погаса
-----------------	------	---------------	--------

плюсквамперфект.

Я был тронут, porhihca я был тронут, rogarhica

первый будущем.

Я коснусь, поуака Меня коснутся, пагауака

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я прикоснусь, тувин пуака

Я буду тронут, тувин пагауака

ПОВЕЛИТЕЛЬНО.

Позволь мне прикоснуться, попа Позволь нам прикоснуться, попакуше

Прикоснется к тебе, по Прикоснется к тебе, пау

Позволь ему прикоснуться, поу Позволь им прикоснуться, пауэз

Я мог бы прикоснуться, попиринга Меня могли бы тронуть, погапиринга[X'-6]

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Тата (Отец) хучауэри (наш) тукирехака (ты , кто есть) ауандаро (небеса в) санто (святой) арикеуэ (будь сказано) тучеуэти (твой) хачангурикуа (имя) ууэхцини (сделай так , чтобы мы) андаренони (прибыли) тучеуэти (твой) иречекуа (королевство) укеуэ (свершилось) тучеуэти (твой) уекуа (воля) искире (как в) ауандаро (небеса в) уменгахака (сделано) исту (как) уменгауэ (будет сделано) ишу (как) эчерендо. (земля внутри.) Хучауэри (Наш) куринда (хлеб) анганарипакуа (ежедневно) инсткухцини (дай нам) ия (сегодня) канхцини (и нам) уэпуачетснста (прости) хучауэри (нашу) хатцингакуарету (вину) иски (а также) хуча (мы) уэхпуачууанстахака (прости) хучауэри (наших) хатцингакуаечени (должников) ча (и) хасцини (не мы) терухтатземани (веди нас) терунгутахперакуа (искушение) химбо. (но) Эуахпентстатсини (избавь нас) кару (также) касингурита (зло) химбо.[X'-7] (из.)

ГРАММАТИКА МАТЛАЛЦИНКА.

К западу от долины Анахуак, в древнем королевстве Мичоакан, и в районе, который сейчас называется Толука, был независимый народ матлалътцинкас, чей язык, состоящий из нескольких диалектов, несмотря на утверждения некоторых авторов о том, что он был связан с тараско или родственен им, все еще должен оставаться отдельным языком. Сравнения могут выявить некоторое фонетическое сходство, но в остальном они нисколько не приближаются друг к другу.[X'-8]

В языке матлалцинка используется двадцать одна буква: -a, b, ch, d, e, g, h, i, k, m, n, o, p, q, r, t, tz, , u, x, y, z. Составные слова часто используются и считаются очень элегантными;— *кимитухоритакиминдуцицци*, искать что—нибудь поест; *китутегинчимутохуиникухумби*, я привожу хороший пример. Выражен род, а также есть склонение. Существует единственное,

двойственное и множественное число; двойственное обозначается предлогом *the*;—*huema*, мужчина; *thema*, двое мужчин. Множественное число обозначается предлогом *ne*;—*нема*, мужчины; но есть некоторые неодушевленные существительные, с которыми этот последний предлог не употребляется.

Личные местоимения:—*каки*, я; *какуэхуи*, *какуэби*, *какуэхеби*, мы; *какохуити*, *какехеби*, мы; *кахачи*, ты; *качехуи*, вы двое; *качохуи*, ты; *интехуи*, он; *интехуэхи*, они двое; *в связи с этим*, они. Собственнические:—*нитейе*, мой; *какнийе*, твой; *нийе инте-хуи*, его.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ЛЮБИТЬ.

УКАЗАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Я люблю,	китуточи
Ты любишь,	китуточи, или кикитуточи
Он любит,	китуточи

ДВОЙСТВЕННО.

Мы двое любим,	кикуэнтуточи
Вы двое любите,	кичентуточи
Они двое любят,	кикуэнтуточи

ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ.

Мы любим,	кикучентуточи
Ты любишь,	кичехентуточи
Они любят,	киронтуточи

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Идеальный.

Я любил,	кимитуточи	Я любил,	китабуточи
----------	------------	----------	------------

БУДУЩЕЕ.

Я буду любить,	кируточи или такимитутуточи
----------------	--------------------------------

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Позволь мне любить, куточи

ПАССИВНЫЙ.

Я любим, киточкикаки Мы любимы, киточикакехеби,
Мы двое любимы, киточихуэхуйкакуеби,

РЕФЛЕКСИВНО.

- Я люблю тебя,
киточкикаки..... Я люблю себя, кьютекочи

Тот, кто любит, инмутуточи Тот, кто полюбит, инкакатуточи

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Каботунтанки (Отче наш) кижечори (ты наверху) ипийтий (на небесах) тарехетемейухбутохуи (освящен будь) инитуйух (имя твоё) тапуэ (приди) нитубейе (царствие твоё) таретехехуи (исполни) инунихами (над землей) инкитух-нах-хуи (волю твою) ипузка (как) хетехехуи (свершилось) ипийтий. (на небесах.) Ачии (Сегодня) рипахкехби (дай нам) инботумехуи (наш хлеб) индахмутзе (каждый день) дихеминдикеби (прости нас) инботубучочи (наша вина) пукуэхентукаминди (как мы прощаем) индорихуэбике (наши должники) нусименкарихечи (не дай нам упасть) кехби (нам) мухе (и) дишед анита (избавь) кехби (нас) пинита (от) инбути.[X'-9] (зло.)

Язык, на котором говорят в Толуке, окуилтекский, упоминается Саагуном и Грихалуа, о котором, за исключением только названия, невозможно получить никакой информации.[X'-10]

ДИАЛЕКТЫ МИЗТЕКСКОГО ЯЗЫКА.

В основном в штате Оахака, но также и в некоторых частях нынешних штатов Пуэбла и Герреро на языке мизтеков говорят и по сей день. У этого языка есть много диалектов, из которых следующие упоминаются как основные; — тепускулано, янгуистлан, мизтекский баджо, мизтекский альто, куишлауак, тлашьяко, куилапа, миктлантонго, тамазулапа, ксальтепек и ночизтлан. В связи с мизтеками упоминается чочо, или чучон, также идиома оахака.[X'-11] Поскольку мизтеков обычно относят к автохтонам Мексики, их язык считается очень древним, поскольку о нем говорят в связи с языком ульмеков и ксикаланка.[X'-12] Почти все старые миссионеры жаловались на трудности овладения этим языком и его многочисленными диалектами, что часто требовало трех- или четырехкратного изучения.[X'-13]

Miztec может быть написан с помощью следующих букв:—*a, ch, d, e, h, i, j, k, m, n, ñ, s, t, u, v, x* или *ks, ., gs, y, z, dz, nd, tn, kh*. Произношение очень четкое; *h* - придыхательный; *v* - как в английском; *kh, nd* и *tn*- носовые. Длинные слова встречаются часто. Я привожу два из семнадцати слогов каждый; —*йодойокавуандисасикандиосаннинахасахан*, чтобы ходить, спотыкаясь; и *йокувуйуатининдийотувуйуатусиндисахата*, чтобы снискать расположение человека. Слова составляются или агглютинируются пятью различными способами; —Во— первых, без изменения ни одного из составляющих слов, таких как; -*ютну*, дерево; и *куихи*,

плод; *ютнукуйхи*, фруктовое дерево. Во—вторых, одно из составных слов меняется, как; -*хуаха*, хорошо, и *ñaña*, нет; *ñahuaha*, плохо. В-третьих, слова, которые сначала разделяются и разрезаются на части, впоследствии, так сказать, снова соединяются вместе. В—четвертых, одно слово вставляется в другое; как; -*йосининди*, я знаю; *мани*, достойная уважения вещь; *йосиниманинди*, я люблю или почитаю.

МИЗТЕКСКАЯ ГРАММАТИКА И МОЛИТВЫ ГОСПОДНИ.

В этом языке есть много слов, которые выражают совершенно разные вещи в зависимости от связи, в которой они используются, например:—*йондаканди*"Я сопровождаю кого-то" означает также "я прошу"; *йоюхуинди*"Я советую" означает также "я иду встретить кого-то в дороге"; также "пойдем" и т.д. Почтительные термины встречаются часто, что требует практически отдельного языка при обращении к начальству. Например;—*нохо*, зубы; *екня ючиха*, зубы повелителя; *дзитуи*, нос; *дутуя*, нос повелителя; *дзохо*, уши; *тнахайя*, уши повелителя. Здесь нет правильного множественного числа, но множественность выражается словом "много", или числом. Личные местоимения: —Я, говорящий с подчиненными или равными, *духу*, *нди*; Я, говорящий со старшими, *надзанья*, *надза*, *ндза*; ты, *дохо*, *ндо*; ты, используемый женщинами, разговаривающими со своими детьми, *дия*, *нда*; ты или ваша честь, *дизи*, *майни*, *ни*; он, *та*, *тай*, *юкуа*; она, *ña*, (также используется женщинами, говоря о мужчинах); он или она, говоря с уважением, *я*, *ия*; мы, *нду*; вы, *дохо*; они, *та*, *тай*, *юкуа*. Местоимения, *нди*, *ндо*, *та*, прикрепляются к глаголу; а местоимения, *духу*, *дохо* и *тай*, имеют префикс; *надзанья*, как правило, имеет префикс; *надза* или *ндза*, прикрепляются; *дизи* и *майни*, как правило, имеют префикс, *ни* прикрепляется; *дия*, имеет префикс, а *ña*, *нду* и *я*- приставки.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА TO SIN.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я грешу,	йодзатевуинди	Он грешит,	йодзатевуита
Ты гресишь,	йодзатевуиндо	Мы грешим,	йодзатевуинду

НЕСОВЕРШЕНЕН.

Я согрешил,	нидзатевуинди,	Я согрешил,	санидзатевуинди,
-------------	----------------	-------------	------------------

ПРЕВОСХОДНО.

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я согрешу,	дзатевуинди	Я согрешу,	садзатевуиканди
------------	-------------	------------	-----------------

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

ПОВЕЛИТЕЛЬНО.

Позволь мне согрешить,	надзатевуинди	Позволь нам согрешить,	надзатевуинду
Согреси ты,	дзатевуи	Согреси ты,	чидзатевуи
Позволь ему или им согрешить,	надзатевуита		

Отглагольные существительные образуются путем приставки слога *sa* или *sasi* к настоящему значению глагола. Что касается диалектов мизтеков, Пиментель цитирует следующее из грамматики отца Рейеса. Все диалекты могут быть сгруппированы в два основных языка - тепускулула и янгуйтлан. Город Тепускулула является наиболее известным во всем районе Мизтека.

Слово *Pater Noster* на диалекте тепускулула звучит следующим образом.

Дзутунду (отче наш) едзикани (ты есть) андевуи (небеса) накаунахихуаханду, (восславим) сананини (имя твое) накиси (приди) сантониисини (царство твое) накувуи (да свершится) нуньяевуи ((в) мире) инини (твоя воля) дзавуатнаха (а также) йокувуи (да свершится) андевуи. ((на) небесах.) Дзитанду (Наш хлеб) ютнаа ютнаа (каждый день) тасинисиндо (дай нам много) хуитно (сегодня) дзаандуи (прости нас) куачисинду (наши грехи) дзавуатнаха (а также) йодзандунду (мы прощаем) сухани (должник) синду (наш) хуаса (не) кивуиньяхани (веди нас) нукуитандодзонду (мы падём) куачи (в грехе) тавуиньяхани (избавить тебя) саньяхуахуа. (от зла.) Дзавуа (Так) накувуи. (да будет так.)

Чтобы проиллюстрировать разницу между диалектами, я вставляю два других имени Отца, первое из мизтекского баджо, а второе из диалекта альто:

Dútundo hiadícani andívi ñacúu hii ña nániní: naquíxidíca satónixiní: nacúu ndúdu íníní ñunahívi yóhò daguatnaha yo cúu ini andívi. Дитандо итиан итиан таксиния нунди виши: те дандуни куачинди дагуа тнаха дандунди наа ни дативи нунди: те маза данани нциуху ункагуанди ña дативинди: те кунегуаханинди нуу ндитака ña унгуаха. Душа на куу Иисуса.

Дзутуйо ийоксикани ииви накуи хии нананини. Накиси ксатонииксини. Накуи ндудзуинини ушайвиехо, сахуатна йокуи ини андиви. Дзитайо итиан итиан таксини нунди вичи: санду-ни куачийо, сахуатанха йо сандонди нанидзативи нунди таун-саяхани ньаканачахуанди дзадзативинди. Сакакунино ниахани нуу ндитака ña хунхуа. Дзаа накуу Ия Иисус.[\[X'-14\]](#)

Другим языком, который, как говорят, связан с мизтеками, является амусго. Между мизтекским и сапотекским втиснуто несколько языков, о которых, за исключением нескольких Молитв Господних, я не нахожу никаких упоминаний, кроме названий; не исключено, что некоторые из них были всего лишь диалектами либо мизтекского, либо сапотекского языков. Это масатек, куикатек и чинантек, последний описывается как очень гортанный язык с довольно нечетким произношением, так что трудно различить гласные; далее упоминаются чатино, тлапанек и пополука.[\[X'-15\]](#) Ороско-и-Берра заявляет, что следующие названия обозначают пополуку в разных штатах. Так, по его словам, назывались чочо, чочона или чучон: в Пуэбле — пополука, в Герреро - тлапанек, в Мичоакане - теко, а в Гватемале - пупулука.[\[X'-16\]](#) На этих языках у меня есть следующие Молитвы Господни:

ЧОЧО Или ЧУЧХОН.

Танай теенигармхи атиитнутху и най дитини ачуа динчашины атачу ндитетатчу кагуни, нчиятитатату нгармхи и атататчу сачермхи и тчама чатуенешаха кахау ацижукхи, каа туэнешаха ди оньихай, таангуйхине кагуни, дититхаксенгахине туэнесаха нчияквичуу, дайтитаангуйхине кагуквичуу ... сакаха, этичичексенгахине кичуу сакаха нетчанга хатамини чикситчеясачаха ихи чикамини чикакхи немини чатуннесачаха кааненндиньяна и атазу.

МАСАТЕКСКИЕ И КУИКАТЕКСКИЕ МОЛИТВЫ ГОСПОДНИ.

Из масатеков есть два образца, которые, по-видимому, не совпадают, что показывает, насколько мало внимания уделялось названиям:

Надмина Наина га техни гахами, сандуми или га тиррубанаджин нангили. Куаха катама джанимали, джакунит дик нанги кунит гахами. Ниньо рраджинна тей китаха наджин; кнтедчатаханаджин гадчидтонаджин джакунитгаджин недчата алехин чидтага тедтунаджин. Гукимит такунтуаджин, тьюд тинаджин куача ка тама.

Тата нахан си нака нихасено: чакука, катома ньере; катихова рико манимаджин. Катома куазуаре, доньяра батую кор нанги, батeko, нихасен: ниотисла наджин ри ганейхиникстин, тинто наджин дехи; никануи ри гитенаджин доньяра бату, джуирин ни каноджин ри китейсджаджин, хиникенахи наджин ри данджин куис и нонго никесте. Меё.

В куикатекском языке также есть два диалекта:

Чидao, шиканье чети джуби чинтуйко ѱа; кобичи, джуби ѱа; чичи, чикоби без нс: ненди ѱа; кобичи -еноша. Дуйка ньяхан, ньяхан тандо чети джуби. Нондо нэко; чи джуби, джуби; течи ни нонс: ма диненино, ни чи кантиконо, динен, тандононс; динениноно ни чи кантиконо, ни чи кантиконо, ни чи кантиконо, ни чи кондикно; на тентак ион, анте данхи, диненино ни чин ке хе данхи.

Чидa деко, чиканеде вае четингу куивику дучи, тандубе вединун денде ву четингу куи, тандубе вединун денде тика нанаа, танду вае четингу ин дингу деко де уэхуэ текиде деко гуэма ина декоде деку тикy тика, танду нусун надечeko деевиодучуэ чичати куса яти, тумандикуде куитао вендикуидо нангуазденовые дукуэ-чигеты.[\[X'-17\]](#)

САПОТЕКСКАЯ ГРАММАТИКА И МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Древнее королевство Сапотекaпан, в котором говорили на сапотекском языке, простиралось от долины Оахака до Техуантепека. Различными диалектами были заачилья, окотлан, этла, нецихо, серрано-де-икстепек, серрано-де-кахонес или бени-ксоно и серрано-де-миахуатлан.[\[X'-18\]](#)

Сапотекский язык более гармоничен, чем мизтекский, и на нем говорят со значительной элегантностью, изобилуя метафорами и притчами.[\[X'-19\]](#) Однако в некоторых местах оно произносится нечетко; настолько, что Хуан Кордова, автор грамматики, жалуется, что буквы *a* и *o*, *e*, *y* и *i*, *o* и *u*, *b* и *p*, а также *t* и *r* часто путают. *H* используется только в качестве аспирата. Следующие буквы алфавита обозначают звуки сапотеков: *a*, *b*, *ch*, *é*, *g*, *n*, *y*, *K*, *L*, *M*, *n*, *-*, *o*, *p*, *r*, *t*, *y*, *G*, *X*, *3*, *й*. Есть также пять дифтонгов: *æ*, *œ*, *ei*, *ie*, *ou*. Множественное число выражается либо числительными, либо прилагательными;—*пичина*, олень; *зиани пичина*, много оленей. Как и у ацтеков, мизтеков и других народов, у сапотеков есть почтительные термины. Личные местоимения;—*наа*, я, *a*, я; *lohui*, Лой, *looу*, Ло, ты; *yobina*, ваша честь (когда обращаюсь к начальству); *pikani*, Найк, *Нукее*, ни, *ке*, он или они; *yobini* или *yobina*, он, (выступая с уважением); *taono*, Тоно, *tonoo*, тона, нет, *HOO*, мы; *Лато*, чтобывы.

Собственники;—*кситения*, моя; *кситенило*, твое; *кситенини*, его; *кситенитоно* или *кситенино*, наше; *кситенито*, твое. Вопросительные, используемые с одушевленными существами, следующие: —*тукса* или *ту*, *ту* или *чу*; а с неодушевленными вещами: *ксиикакса*, *ксиикса*, *xii*; *кута* используется как для одушевленных, так и для неодушевленных объектов.

Существует четыре спряжения, которые различаются частицами, с которых они начинаются. Первый использует в настоящем *та*, в прошлом - *ка*, а в будущем - *ка*; у второго есть *те*, *пэ* и *ке*; у третьего - *ти*, *ко*, *ки*; и если они пассивны, то *ти*, *пи*, *ки* или *ти*, *ко* и *ка*; четвертый использует *то*, *ре* и *ко*.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА КОПАТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я копаю,	таная	Мы копаем,	тьенано
Ты копаешь,	танало	Ты копаешь,	танато
Он копает, или они копают,	танани		

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Я копал,	танатия, конатия или конайя,	я копал,	зианайя
----------	------------------------------	----------	---------

Идеальный.

ПРЕВОСХОДНА.

Я выкопал,	хуаяная, конакалая, зианакалая, или хуаянакалая
------------	--

ПЕРВОГО БУДУЩЕГО.

Я буду копать,	канайя
----------------	--------

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

	Копай ты,	кона
,	Позволь нам копать,	лакеянано, или колакиенано
	Копай ты,	колакана

ДРУГИХ ФОРМ.

Если бы я копнул,	нианалаяника
Если я копал,	зиантилайя
Если я буду копать,	никаная

Ниже приведен пример различий между диалектами. Ребенка в Заачилье зовут *бату*; в Окотлане - *мето*; в Этле - *биннито*; в сьерре - *битао*; на огненной земле - *бато*.

Патер Ностер с буквальным переводом, взятым из *Катехизиса* Леонардо Леванто, гласит следующее.

Биксуозетоноохе (Отец наш) киебаа (небеса) начиибало (ты , кто наверху) назиту (великая) зиикани (свершилась) лаало (твоё имя) келлакукии (царство) хтеннило (твоё) кита (придет) зиика руари (здесь) нитизигуэлало (твоё воля) зиика (как) рака (свершится) киаа, (вверху,) киебаа (небеса) лаанизиика (как) гака (свершится) руари (здесь) лайу. (земля.) Шиконина

(Хлеб для всех нас) кикси кикси (завтра) пенече (дай) зийке (также) анну (сегодня) челу (и) а (не) козаананаазиикало (приведи нас) тоноо (нас) нииани (чтобы) я (мы) кезихуина: (грех:) пезиилла (доставь) зику (также) тоноо (нам) нииакстенни (из) кираа (всех) келлауэчиие . (зло.) Гага (Будет сделано) зиига (так) зиика.[X'-20] (так.)

Между верховьями рек Рио-Нексапа и Гоацакоалько говорят на языке мийе. Он описывается как гортанный и грубый, а некоторые - как бедный словами, требующий вспомогательных жестов. Епископ Оахаки, к епархии которого они принадлежали, в письме архиепископу Лоренцане заявил, что под его началом находятся люди, которые могут разговаривать только при дневном свете, поскольку ночью они не могут видеть своих жестов и без них не могут понимать друг друга.^[X'-21] При написании этого языка Пиментел использует следующий алфавит;—*a, b, ch, e, h, i, k, m, n, o, p, t, u, v, x, y, .,., mз*. Две и более согласных часто следуют друг за другом в одном слове, например;—*akx, epх, itzp, otzk, mma, mne, mpi, mto, mхи* и т.д. Гласные также часто двойные, например;—*kôd, руки; те́йккаа и тинаак*, живот. В склонениях родительный падеж образуется приставкой к букве *i*;—*xêuh*, имя; *dios ixêuh*, имя Бога. Множественное число образовано окончанием *toch*;—*toix*, женщина; *toixtoch*, женщины.

МЕСТОИМЕНА.

Я	"тз, н, не тз
Ты	", миц, ми, мим, н
Ты, говоря с почтением	о
Нем	т, я
Он, или те, кто	худиипхи, худии", или те, кто (прикрепил)
То, что	фи-хи
Мы	"тз, н
Они	", "Ты", миц, ми, мим, н
Ты" -	Мое
, не	Твоя
м, мицм	Его
я	Наше, "м, мицм", мицм
Его	я
Наше, наш	нетц, нетц, нетц

ЭТО НАРЕЧИЯ, ПРЕДЛОГИ И СОЮЗЫ.

НАРЕЧИЯ, ПРЕДЛОГИ И СОЮЗЫ.

Здесь	я
Не	кати
, Отсюда	он
Всегда	хума
Никогда	не кахундиинил
Больше	ника
, чем	хуениит
, Когда	ко
Для, в, к, сверху, с	кучером
Из	кучеита, это
Внутри, между	походом
В	хуин
С	мотом
Внутри, в	акууке
Перед	хуиндуи
, Зачем	хикуксм
Так Сильно	хуен
, так что	икстаном
Еще не	катился
Как, поскольку	икста

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Нтейтоотц (Отец наш) цафоитп (на небесах) мцонаифи (живущий) конуикш (благословенный)
итот (да будет) мицм (твоя) ксех (имя) момоикотц (дай нам) мицм (твой) конкион (царство)
итунот (да будет исполнена) мицм (твоя) цокн (воля) я (как) нахуин (на земле) икста (как)
итуинью (свершится) тзафоитп. (на небесах.) Оотзн (Наш) каик (хлеб) помогает (ежедневно)
момоикотз (дай нам) йониит (сегодня) эц (и) моякнитокоикотзн (прости нас) покпа (грех)
икста (как) "отз (мы) ниякнитокой (прощаем)" оотзн (наш) яхотмаатпа (обидчик) эц (и) катии
(не) "отз (как) иксмоматзтуит (ведущий) хекуксм (что) катии (не) действуют (как) нкедаи (давай-
те перенесем) хуинонн (искушение) кексн. (ин.) Эц (И) мокохуанкоотц (избавить)
нанихум (всех) каоиафи (злых) куксмитов.[\[X'-22\]](#) (с)

Язык хуавов, на котором говорят на перешейке Теуантепек, согласно традиции, не является коренным для страны. Сообщается, что эти люди пришли по воде из места, расположенного ниже по побережью, хотя местность, откуда они пришли, не указана.[\[X'-23\]](#) У меня есть только следующие цифры в качестве образца языка.

Один	аноэт,	Десять	агакс-поакс,
Два	искье,	Одиннадцать	агакс-панокс,
Три	ареукса,	Двенадцать	Четыре
		агакс-пъеха,	

апекью,	Тринадцать	агакс-пар,	Пять
акокию,	Четырнадцать	агакс-папе,	Шесть
анаю,	Пятнадцать	агакс-пакоиг,	Семь
айю,	Двадцать,	никумайю,	Восемь,
акспек,	Тридцать,	ньюмяомкаспо,	Девять,
.....	акскейеу	Сто	анозакококмиау[X'-
.....,			24]

ГЛАВА XI. ЯЗЫКИ майя И КИЧЕ.

Майя-киче, языки цивилизованных народов Центральной Америки—Перечисление членов этой семьи—Гипотетические аналогии с языками Старого Света—Молитвы Господни в чанабале, чьяпанеке, Чоле, цендале, зоке и зоциле—Грамматика покончи—Грамматика мамэ или заклопахкап—киче—Молитва Господня какчикеля—Грамматика майя—Грамматика тотонак—Диалекты тотонак—Грамматика уастека.

Языки цивилизованных народов Центральной Америки, будучи все более или менее родственными, могут быть надлежащим образом классифицированы как семья майя-киче, причем майя являются их родным языком. Начинаясь в окрестностях реки Гоасакоалько, отсюда простираясь на Табаско, Чьяпас, Юкатан, Гватемалу и части Сальвадора, Гондураса и Никарагуа, он занимает такое же относительно важное положение на юге, как ацтеки дальше на север. Помимо распространения на этой огромной территории, еще дальше к северу есть две ветви, изолированные от родного языка, но совпадающие друг с другом: уастеки и тотонаки из Тамаулипаса и Вера-Крус. Без учета последнего упоминания, вероятно, самое полное перечисление всех этих языков дано лицензиатом Диего Гарсией де Паласио в письме, адресованном королю Испании в 1576 году. Не считая ацтеков, которых он включил в свой каталог, его резюме по существу таково. В Чьяпасе - чьяпанеки, тлоке, зотзил и зелдал-келен; в соконуско - язык, который он называет родным, и другой, называемый вебетлатека; в сучитепеке и Гватемале - мамэ, ачи, гватемальтеки, чинантеки, хататеки и чиричота; в Вера-Пас - покончи и каечикольчи; в долинах акасебаствла и чикимула - тлакасебаствла и Апай; а также в долине Сан-Мигель, Потон, Таулепа и Улуа. Другие авторы упоминают в Гватемале киче, какчикель, зутугиль, чорти, алагуилак, кайчи, иксиль, зоке, коксо, чанабаль, чол, узпантека, агуакатека, кекки; а на Юкатане - основной язык майя. Среди всех этих языков, перечисленных таким образом разными авторами, вовсе не маловероятно, что некоторые упоминались дважды под разными названиями.[XI'-1] Большинство из них, если не все, связаны с одним родным языком майя, если они действительно не произошли от него, диалект которого, называемый цендаль, считается древнейшим языком, на котором говорят в любой из этих стран. На самом деле, все они, по-видимому, являются диалектами и вариациями нескольких языков еще большей древности, которые, опять же, произошли от древнейшего из всех, майя. Этот последний, я мог бы сказать, образует лингвистический центр, от которого расходятся все остальные, уменьшаясь в кровном родстве соответственно расстоянию от этого центра, теряя из-за смешения и заимствования иностранных слов их исконные формы, пока, достигнув

внешнего края круга, не станет трудно проследить их связь с источником, из которого они произошли.[\[XI'-2\]](#)

ЯЗЫК МАЙЯ На ЮКАТАНЕ.

Майя, с их многочисленными родственными связями, по своему грамматическому построению и возможностям вполне можно сравнить с ацтеками. В этом отношении его сравнивали с древнегреческим, на который, как говорят, он похож во многих отношениях. Хотя односложные слова встречаются часто, в нем нет, как это свойственно односложным языкам, многих очень резких и гортанных звуков, а обычно его называют мягким и хорошо звучащим. Диалекты, на которых говорят на побережье Юкатана и недалеко от Белиза, являются самыми чистыми и элегантными в семье майя, и чем больше расстояние от этого региона, тем больше отличий от чистых майя.[\[XI'-3\]](#) Некоторые замечательные гипотезы, которые, если их доказать, произвели бы революцию во многих существующих теориях, этнологических и филологических, были недавно выдвинуты аббатом Брассером де Бурбургом. Этот джентльмен, который много лет посвятил изучению древней Центральной Америки и Мексики и который полностью знаком с языками Юкатана и Гватемалы, майя и киче, утверждает, что обнаружил тесную связь между майя, киче, какчикелем, зутугилем и другими с большинством основных языков Европы; среди них он выделяет греческий, но упоминает также латынь, французский, английский, немецкий, фламандский, датский и другие. Хотя при рассмотрении многие из так называемых корней аббата обнаруживают сходство, как фонетическое, так и по значению, с некоторыми европейскими словами, все же значительное большинство, очевидно, искажено в соответствии с идеями автора, и для обоснования его теорий потребуются не только дальнейшие исследования, но и непредвзятые исследования, которые проводятся не с целью доказательства какой-либо конкретной гипотезы. До тех пор, пока не будут проведены такие беспристрастные сравнения и не прольется более ясный свет на этот предмет, к этим центральноамериканским языкам придется довольствоваться тем, что к ним относятся как к чужим языкам старого света.[\[XI'-4\]](#) Из перечисленных ранее языков у меня есть следующие образцы.

Молитва Господня в Чанабале, произносимая в Комитане, штат Чьяпас:

Таттик хая кулчахан, танлинубал, вихиль джакузи, например, багтик гуаджан акотук, гуабал хичук, или лухум джастал калчахан. Йипил кальцил, например, гуиниквил, акватический сва ябанхи, сок куланпердон, например, мультихичук, куций гантикон, гуазт, кулантисон, пердон, мача хей, сигилтисон, сок ми зтагуа, смешанный мулил, мас лек, колтайотическая парша, пучуй джачук.

ЧЬЯПАНЕЦ, ЧОЛ И ЦЕНДАЛ.

Молитва Господня в Чьяпанеке:

Pua manguemé nilumá cané nacapajó totomomo copamimé chambriomo chalaya guipumutamu; gadilojá istanacupu cajilucá nacopajó: cajilo baña yacameomo nuori may tarilu mindamu oguajime lla copomimemo taguajime nambucamuñeme cuqueme gadiluca si memu casimemu tagnagime nambucamuñeme copá tipusitumu bica tipucapuimu mujarimimuñame mangueme. Диуси мутарилу нитангаме чакуилламе каджи Хесус.

Молитва Господня в Челе:

Тят те лохон, ауэ типучан, утзат альвилакаваль, триктик толахон, хан грасия, чули, вилич, пучикал, вафчек, ти паниумил, чи типанчан. Действительно, ты молодец, пел куин, де венномелохон, гуали сутвен ласвет башчи, мью сутвенлаа и ветоб ласпибулоб. Ластель ти лолонтекль котанон мелоджон и чачан джайпел и тиуэ ниалолойон. Amen Jesus.

Молитва Господня в Цендале, произнесенная возле знаменитых руин Паленке:

Татич, та накалат тачульчан: чулалвилук те аджалальвиле: акаталук те агуахуале: акапастаюк: те тусакане таджич та чулчан джичучникс та валумилал. Экта джуджхан акабейаотическая те гуаг лисица кунтичная таджуджун каал чайбейаотическая те мультиакиотическая чайбетическая ели сено смуль кагтожолтик сойок мамеагуак ялукотик та мулил кольта яотикнакс вкусная рыба те кола. Amen Jesus.

Молитва Господня на языке Зоке, произносимая в Табаско, Чьяпасе и некоторых частях Оахаки:

Тхешата цапгесмуйе итупуэ явекотзамуэ из-за неи, ямине из-за юмихакуи, я туке из-за сунойкуи, екнаскеси цапкесмуйе. Тесане хоимуэпе, домепе, цихете йшей, ятокойятеc, эскова, язикет, ятокойпасе, джаци, хуитемистецау, хоцисете, куиджомуэ, тикомайе, ятоцокамите, мумуятципуэ, кесу ятуке. Amen Jesus.

Молитва Господня в Зоциле:

Тотит от насморка и та винагеля-утзилалук ви-акотал агуахуалель-акопас хук чул кано-эхук окс та винагель-эклузе та валумил-акбеотик, чам-локом, льокомутик-эхахйбиотик-кюи тоджолик-ма гуае льокунтик-та алтайолтик-эхаколта, утилизирующий окс та стойл ти колок . Amen Jesus.[\[XI'-5\]](#)

ПОКОНЧИ ГРАММАТИКУ.

О языке покончи у меня есть краткая грамматика Томаса Гейджа, которой также пользовались Ватер и Галлатин. Ниже приведены некоторые из его характерных особенностей:

Существительные склоняются с помощью частиц, которых существует два вида, изменяющихся соответственно в зависимости от того, начинается ли слово, подлежащее склонению, с согласной или с гласной. Для слов, начинающихся на согласную, используются частицы *ni*, *a*, *ru*, *ca*, *ata* и *quitacque*; а для слов, начинающихся на гласную, - *v*, *av*, *r*, *c* или *q*, *ta*, *qu* и *tacque*. Эти частицы частично имеют префикс, а частично прикреплены, как будет показано в следующих примерах. Таким образом, слова *пэт*, дом, и *тат*, отец, по Гейджу склоняются следующим образом.

Мой дом	нупат	Наш дом,	капат
Твой дом,	апат	Твой дом,	апатта
Его дом,	рупат	Их дом,	quipattacque

Мой отец	нутат	Наш отец	катат
Твой отец	атат	Твой отец	ататта
Его отец	рутат	Их отец	квитатак

Склонение слов *asip*, сын, и *ixim*, кукуруза, приведено Гейджем следующим образом:

Мой сын	вакун	Наш сын	какун
Твой сын	авакун	Твой сын	авакунта
Его сын	ракун	Их сын	какунтак

Мой кукурузный	виксим	Наш кукурузный	кихим
Твой кукурузный	авиксим	Твой кукурузный	ависимта
Его кукурузный	риксим	Их кукурузный	кихимтак

Глаголы аналогичным образом изменяют частицы, с помощью которых они спрягаются, соответственно, поскольку слово начинается с согласной или гласной. Для тех, которые начинаются на согласную, используются частицы;—*ni, na, inru, inca, nata, inquitacque*. Таким образом, слово *locoh*, любить, спрягается следующим образом:

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА LOSOH - ЛЮБИТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я люблю,	нулокох	Мы любим,	инкалокох
Ты любишь,	налокох	Ты любишь,	налокохто
Он любит,	инрулокох	Они любят,	инквилокохтак

ПРИСУТСТВУЕТ ПАССИВНО.

Я любим,	килоконхи	Мы любимы,	колоконхи
Ты любим,	тилоконхи	Ты любим,	тилоконхита
Он любим,	инроконхи	Они любимы,	килоконхитак

ИДЕАЛЬНЫЙ ПАССИВНЫЙ.

Меня любили,	синлоконхи
Ты был любим,	икстилокони
Он был любим,	икслокони
Мы были любимы,	ксолокони
Тебя любили,	икстилоконхита
Их любили,	тактика ксилокони

ОБЯЗАТЕЛЬНА.

Будь любим,	тилоконхи
Пусть его любят,	чилоконхо

Давайте будем любимы,	чикалоконхо
Будьте вы любимы,	тилоконхота
Пусть их любят,	чикилоконхо таке

Я могу любить,	инчойнулоко
Я буду любить,	inranulocoh
Я был готов любить,	ixnulocoh
Я умел любить,	я был счастлив
Я могу любить тебя,	тичол нулоко
Я буду любить тебя,	тира нулоко

Иногда глагол "Я буду" добавляется для выражения будущего;—*инва*- я буду; *нава* - ты будешь; *инра*- он будет.

Глаголы, начинающиеся на гласную, состоят из следующих частиц; —*ino, nav, inr, inqui* или *inc, nauta, inqui tacque* или *inc tacque*. Таким образом, глагол *еџа*, доставлять, спрягается.

Я доставляю,	inveџа	Мы доставляем,	inqueџа
Ты доставляешь,	naveџа	Ты доставляешь,	naveџата
Он доставляет,	inreџа	Они доставляют,	запрос

Прилагательные несклоняемы, а множественное число существительных невозможно отличить от единственного, например;—*kiro uinas*, хороший человек; *kiro uinas*, хорошие люди.

Следующая молитва "Отче наш" исходит из того же источника:

Катат таксах вилкат; нимта инкахарчихи ави; инчалита авихаурипау кана. Инванивита нава яхвир вакакал, он же инватаксаб. Чайе руна каухунта, чихуахуа; начачтамак, он же инчачве кимак шимакиви, чихуахуа; макоакана чипам катакчихи, коавешата чайна, унче цири, мани кир, он же инки. Аминь.[\[XI'-6\]](#)

МАМИНО СПРЯЖЕНИЕ.

О Маме, или Заклохпакапе, следующий отрывок взят из грамматики, написанной Диего де Рейносо. Используются следующие буквы: *a, b, ch, e, h, i, k, l, m, n, o, p, t, u, v, x, y, z, tz*. Нет специальных слогов или знаков для выражения пола, но используются отдельные слова, такие как:—*мама*, старик; *ахкимикейя*, старуха; *мамайл*, старость мужчины; *кеиайл* или *ахкимикил*, старость женщины. Множественное число живых существ выражается частицей *е* с приставкой к слову; —*вуйнак*, человек; *эвуинак*, персоны; но считается изящным также добавлять то же *е*;— *киахол*, сын; - *экиахоле*, сыновья. Для неодушевленных предметов используются либо числительные, либо прилагательные, выражающие множественное число;—*абah*, камень; *ikoḥ abah*, много камней. Личные местоимения: —*айн*, я; *айя*, ты; *аху* или *ахи*, он; *ао* или *аойо*, мы; *ае* или *эйе*, ты; *эху* или *эхи*, они.

Мне, мне, мне	vuih
тебе, и к тебе, в тебе	тиха

ним, в его	тиху
нам, к нам, в нас	Кихо
вам, к вам, в вас	kihae
них, к ним, в их	kihaehu
меня, я	vuxm
тобою	Тума
им	tumhi
нами	Кумо
вами	кумэ
ими	kumhu
сам	типа
сам	tiphi
сами	Кибо
сами	кибе
сами	kibaehu или kibhu

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ТО ВЕ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я есть, айн ин, или айн инен,	Мы есть, ао, или аойя,
Ты есть, айя,	Ты есть, эйе, или эйе,
Он есть, аху,	Они такие, эхуу

НЕСОВЕРШЕННЫЕ.

Я был, не взял

Идеальный.

, я был, не

СОВЕРШЕНЕН.

Я был,

айн токем

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду, в абенелеме или айн-лойеме

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду, айн-лохи

ИМПЕРАТИВОМ.

Быть,

собой

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ХТАЕМ - ЛЮБИТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я люблю,	айн цум чим хталем	Мы любим,	цум ко хталем о
Ты любишь,	цум хталем а	Ты любишь,	цум че хталем е
Он любит,	цум хталем ху	Они любят,	цум че хталем ху

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Я любил,	цум ток чим эсталем
----------	---------------------

СОВЕРШЕНЕН.

Я любил,	ini xtalim, uni xtale, ma chim xtalim, ma ni xtale или ma uni xtale
----------	--

ПРЕВОСХОДНО.

Я любил,	ixtok chim xtalim
----------	-------------------

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду любить,	uni xtalibetz, или ain chim xtalem
----------------	------------------------------------

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я бы полюбил,	айн ло в экст-талеме
---------------	----------------------

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Люблю тебя,	иксталин о иа
Позволь ему любить,	иксталин о ху
Позволь нам любить,	ко иксталин о
Люблю тебя,	иксталин ке ие
Позволь им любить,	иксталин ке ху[XI'-7]

Что касается пирога с заварным кремом, то материала для него предостаточно. Используемые буквы; —*a, b, c, e, g, h, i, k, l, m, n, o, p, q, r, t, u, v, x, y, z, tz, tch*. Род выражается приставкой существительного *ixok*, женщина, к слову, как;—*coh*, лев; *ixok coh*, львица; *мун*, рабыня; *иксок мун*, рабыня. Звук *иш*, выраженный буквой *х*, обозначает неполноценность и поэтому часто используется для выражения женского начала низших существ. *U* в киче и *ru* в *Sakchiquel* являются либо притяжательными местоимениями, либо обозначают обладание следующим словом. Частицы *pe* и *pu* иногда используются для одной и той же цели;—*у чуч ахпоп*, мать принца; *qui quoxtum tinanit*, крепостные стены города. Перед гласными *a, o* и *u* они заменяются на *c*; а перед *e* и *i* - на *qu*. Производные образуются с помощью предлога *ah*, либо приставленного к первоначальному существительному;—*car*, рыба; *ahcar*, рыбак; *tzih*, слово; *ahtzih*, говорящий; и т.д. Для образования множественного числа нельзя дать никакого положительного правила, поскольку используется несколько различных методов. Наиболее распространенными, по—видимому, являются аффиксы *ab, eb, ib, ob, ub*;—*beom*, торговец;

множественное число, *beotab*; *ixok*, женщина; множественное число, *ixokib*; *ahau*, господин; множественное число, *ahauab*. В языке чакчикель последняя буква *b* опущена, так как;— *иксокиб*, женщины, в киче, является *иксоки* в чакчикеле. С прилагательными вместо них используются слоги *ак*, *так*, *ик*, *тики* т. Д.;—*ним*, великий; *нимак ха*, великие дома; *рихи*, старый; *рихитак винак*, старики; *утц*, хороший; *утзич ва*, хорошие съестные припасы. Прилагательные всегда ставятся перед существительными; —*зак*, белый; *заки ха*, белый дом. Существительные образуются от прилагательных путем добавления одной из частиц, *al*, *el*, *il*, *ol*, *ul*;—*ним*, великий; *нимал*, величие; *зак*, белый; *закил*, белизна; *утц*, хороший; *утзил*, благость. Те же самые существительные можно снова превратить в прилагательные, добавив частицу *ах*;— *нималах мак*, великий грех; *утзилах ачи*, хороший человек. Таким же образом все существительные можно превратить в прилагательные, добавив одну из частиц *ала*, *элах*, *илах*, *олах*, *улах* и т.д.; *ахау*, король или господин; *ахауалах*, королевский.

Для выражения сравнения используется причастие настоящего времени глагола *iqou* превосходить, которое является *iqouinak*, а иногда также слово *yalacuhinak* от *yalacuh* превосходить. Например;—*ним*, великий, сравнительный, *iqouinak chi nim*, тот, кто превосходит величием; *iqouinak chi nim u hebeliquil ka xokahau Gapoh maria chiqui vi conohel ixokib*, (буквально) великой красотой Богородица Дева Мария превосходит всех других женщин. Превосходная степень выражается слогом *mai*, очень великим или очень; *ним*, великим или сильно; *тих*, *ху*, *куи*, много; все они ставятся перед словом и сопровождаются слогом *чи*;—*майх чи ним*, очень великий; *майх чи хебель*, очень прекрасный; *майх чи тинамит*, очень великий город; *ху катан*, очень сильная жара; *тихая нима ха*, очень большой дом. Наречие *lavolo* или *lolo* также используется для той же цели — *lavolo* или *lolo sou ch' a bana*, крепко держись.

Названия цветов дублируются для выражения превосходной степени, как;—*гах ггах*, очень зеленый; *зак зак*, очень белый.

Используемые почтительные слоги —*лал* и *ла-лал ну кахау*, ваше превосходительство - мой отец; *в алькуал-лая* сын вашего превосходительства.

МЕСТОИМЕНЕНИЯ КИЧЕ.

МЕСТОИМЕНЕНИЯ.

Я, или меня	внутри, ну, нув
ты	ПО, а
он	есть, Ри, Рь
сам	Хави в
себя	Хави на
себя	Хави которые
мы	Ах
ты	ух
они	Е он
себя	Хави о

себе	Хави ух
сами	Хави е, он

Когда существительное начинается с согласной, *ни, а, и* в единственном числе и *ка, у, qui* во множественном числе используются как притяжательные местоимения, но если оно начинается с гласной, то *у, ав', г* используются в единственном числе, и *к', ув', с',* или *qu'*, во множественном числе.

Мой раб	ну Мун
Твой раб,	а Мун
его рабом	у Мун
наши рабы	ка Муниб
своих рабов	г Муниб
своих рабов	да Муниб

мой гнев	в оуоуаl
гнев Твой	АВ' оуоуаl
его гнев	Р' оуоуаl
нашего гнева	к' оуоуаl
свой гнев	ыв' оуоуаl
их гнев	с' оуоуаl

ВОПРОСЫ.

Кто	наки, ачинак, апачинак
Кто я	апа-ин-чинак
Кто ты	апа-ат-чинак
Кто этот	апачинак-ри
Кто это	наки-ла
Кто бы это был	наки-лало
Кто мы	апа-о-чинак
Кто ты	апа-икс-чинак
Кто они	апа-и-чинак

Глагол *to be* выражается либо *их*, либо *qо*, либо *qоhe*. В качестве примера его спряжения я вставляю изъявительное настоящее.

Я есть,	в потоке	или в qolic
Ты есть,	в потоке	"в qolic
Он есть,	это поток	" в qolic

Мы есть,	о их	" о qolic
Ты есть,	ух их	" в qolic
Они,	е, или он в их	" е, или он в qolic

В грамматике, составленной аббатом Брассером де Бурбургом, приведены четыре различных вида глаголов, которые он называет активными, абсолютными, пассивными и среднего рода. Следующие предложения приведены в качестве примеров каждого вида. Активный;—*могу ну логох в'ахтих*, я люблю своего учителя. Абсолютный; —*ку'и логон*, или *логонический*, я люблю; *ку'и цибанический*, я пишу. Пассивный;—*та х-э цонокс румал ахтзак*, затем их допросил создатель. Средний; —*когда я прихожу*, или *qui sam*, я умираю; *когда я в ул*, я прихожу; *когда я*, я ухожу; *когда я вар*, я сплю.

СПРЯЖЕНИЯ КИЧЕ.

Далее я вставляю спряжение активного глагола любить, в котором слово *logoh*, любить, начинается с согласной, а также спряжение активного глагола *oyohbeh*, ждать, которое начинается с гласной, показывая, таким образом, различные используемые частицы.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ЛЮБИТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я люблю,	с логосом	Мы любим,	с логосом, которого
Ты любишь,	с логосом, которого	Ты любишь,	с логосом, которого
Любит Он,	с логосом, которого	Любят Они,	с логосом, который

СОВЕРШЕНЕН.

....

Я любил,	х-in, xi-nu, или х-nu logoh, или nu logom
----------	---

ПРЕВОСХОДНО.

Я любил,	nu, или х-nu logom-шикарный
----------	-----------------------------

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду любить,	ch' in, х-ch'in chi nu, или х-chi nu logoh
----------------	--

в

СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

Если я люблю,	ну логом-чи-тах
Если бы я любил,	ну логом-чи-тах

ПРИЧАСТИЕ.

Любящий,	логонел
----------	---------

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ОУОВЕН, ЖДАТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я жду,	ча во'ойобе	Мы ждем,	ча к'ойобе
Ты ждешь,	ча к'ойобе	Ты ждешь,	ча к'ойобе
Он ждет,	ча к'ойобе	Они ждут,	ча к'ойобе

Идеальный.

Я ждал, xi-v'ойобе, или ав'ойобем

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я бы подождал, чи ви", или "чи ви в ойобе"

В

НАСТОЯЩЕМ СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Если я подожду, может быть, в ойобе-та

В следующих трех столбцах я привожу пример спряжения абсолютного, страдательного и среднего глагола.

АБСОЛЮТНЫЙ.

Я люблю, для входа в систему
Ты любим, для входа в систему
Он любит, для входа в систему
Мы любим, для входа в систему
Ты любишь, для входа в систему
Они любят, для входа в систему

ПАССИВНЫЙ.

Я люблю, для входа в систему
Ты любим, для входа в систему
Он любим, для входа в систему
Мы любимы, для входа в систему
Ты любим, для входа в систему
, что такое логокс

СРЕДНЕГО рода.

Я катаю, когда бол
Ты катаешь, с этим бол
Он катит, когда бол

Мы катаем, ко
Ты катишь, когда бол
Они катают, потому что бол

АБСОЛЮТНЫЙ.

Я любил, x-i logon,
или в logoninak

ПАССИВНЫЙ.

меня любили, x-i logox,
или в logoxinak

СРЕДНЕГО рода.

Я приехал, x-во ул, или в ulinak

первый будущем.

АБСОЛЮТНЫЙ.

Я буду любить, x-qui logon

ПАССИВНЫЙ.

Я буду любим, x-qui logox

СРЕДНЕГО рода.

Я приду,

икс-куин ул

Далее упоминаются возвратный и распределительный глаголы.

Примером первого является следующее.

Я люблю себя, Ты любишь себя,
ты любишь себя, с логическим ребром
Он любит себя, с логическим ребром
Мы любим себя, ты любишь себя,
ты любишь себя, потому что ты логический киб
Они любят себя, потому что ты логический киб

Это пример второй формы.

Тебя я люблю, кот ну логох
Он любит своего отца, ку ри, или логох -кахау
Ты любишь нас, кох и логох
Тебя они любят, кот ну логох

Предлоги—*та, тап* или *тапа* и *таве* являются отрицательными. Когда с глаголом используется *тап* или *тапа*, необходимо добавить частицу *tah*;—*man sa v'il-tah*, я не вижу. Отец Хименес называет следующие неправильные глаголы: *qo, qoh* или *qolic*, *pa, ix* или *ixic*; *qaz*- жить, *ioh*, или *ho*- идти.

Спряжение последнего упомянутого слова выглядит следующим образом.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДАРОК.

Я ухожу, когда Мы уходим, о'хо
Ты уходишь, когда Ты уходишь, когда
Он уходит, или когда Они уходят, он

Зутугиль и Какчикель, по-видимому, имеют более тесное родство друг с другом, чем Какчикель и Киче. Некоторые из принципиальных различий между этими тремя методами заключаются в следующем. Множественное число существительных, которое в киче образовано аффиксами *ab, eb, ob, ib, ub*, в чакчикеле обозначается простым присоединением гласных вышеперечисленных слогов, а в зутугиле - аффиксами *ау* или *i*. Местоимения, которые в киче и

чакчикеле *в*, я и т.д., в зутугиле удваиваются как;—*в-в*, я и т.д. Притяжательные местоимения различаются во всех трех языках. У Киче есть *веч*, мой; *авеча*, твоя; *речь*, его; *кеч*, наш; *ивеч*, твой; *кеч*, их. В Чакчикеле это;—*вичин*, *авичин*, *ричин*, *кичин*, *ивичин*, *кичин*, а Зутугиль меняет *ch* в Чакчикеле на *n*;—*виксин*, *авиксин*, *риксин*, *киксин*, *ивиксин*, *донкихотство*. Дательный падеж в киче, по-моему, *чувеч*, в чакчикеле - *чувичин*, а в зутугиле - *чувиксин*. Ответными местоимениями в киче являются *vib*, *avib*, *rib*, *kib*, *yvib* и *quib*, а в зутугиле это *vi*, *avi*, *ri*, *ki*, *yvi*, *qui*. Глагол *ganeh*, который также означает любить, в какчикеле и зутугиле спрягается следующим образом.

Я люблю,	тин ганех	Мы любим,	ти ка ганех
Ты любишь,	тах ганех	Ты любишь,	тай ганех
Он любит,	ту ганех	Они любят,	ти кви ганех

В трех языках есть также много других слов, отличающихся одной или несколькими буквами, но, тем не менее, оказывается, что они настолько похожи, что разные люди, говорящие на них, могут понимать друг друга.

КИЧЕ И КАКЧИКЕЛЬ В МОЛИТВАХ ГОСПОДНИХ.

Молитва Господня в Киче:

Ка кашау чи кабал ко-ви, ауазиризаксик-та би ла. Чи пе-та ахаварим ла. Чи бан-та ахауам ла, варал чуви улеу кехери ка бан чи ках. Ях ла чикеч ка хутагихил ва. Зача ла ка мак, кехери ка ка зако куи мак рии х-и макун чике рук м'о окота ла па такчибал мак, хата но кол-та ла па итцель. Квехе чуксок.

Молитва Господня в Чакчикеле:

Ка тата р'ат кох чи ках, р'ауазиризаксик-та би. Ти пе-та-ок ав'ахаварим. Ти бан-тах ав'ахум ваве чуви улеу, куерери тан-ти бан чи ках. Та ята-ок чике вакамик ка хутагихил вай. Та зач-та-ка-ок ка мак, керери тан-ти ка зач куи мак рий х-и макун чике. Рукин ка маки-тах, кох ав'окота, па такчибал мак, шатах, кох а коло пан итцель. С тобой все в порядке.[\[XI'-8\]](#)

Что касается грамматики майя, то ниже приводится краткий сборник:

Для записи языка майя используется следующий алфавит: *a, b, c, ç, z, tz, э, cti, ch, e, h, i, y, k, l, m, n, o, p, pp, t, th, u, x*.

Буква *ç* произносится как английская *z* или, например, как если бы слово *sambez* писалось *sambez*. *э* произносится как *dj*, *çib* произносится как *djib*, писать; *h*, без придыхания и очень часто опускается; *k*, скорее гортанный; *pp* и *p*, резкие и с силой; *th*, твердый, в то же время слегка приближающийся к английскому *tt*. Пол разумных существ обозначается приставками *ah*, обозначающими мужской род, и *ix*, обозначающими женский род;—*ah sambezah*, господин; *ix sambezah*, госпожа. В случае с животными частицы *шибил* для самцов и *чупул*, для самок имеют префикс. Исключением из этого правила является слово *приятель*;—*шибил пал*, мальчик; и *чупал пал*, девочка. Существительные образуют множественное число путем добавления частицы *ob*;—*ich*, глаз; *ich ob*, глаза. Прилагательные, оканчивающиеся на *пас*, во

множественном числе теряют два последних слога и заменяют их слогом *lac*;—*kakatnác*, праздная вещь; *kaklác*, праздные вещи. Когда прилагательное и субстантив соединяются вместе, прилагательное всегда ставится перед субстантивом, но множественное число выражается только субстантивом;—человек, *uinic*; хороший, *utzul*; *utzúl uinicob*, хорошие люди. Для образования сравнительного прилагается последняя гласная прилагательного с добавленной к нему буквой *l*; часто просто добавляется частица *il*; —кроме того, местоимение третьего лица *и* или *у* всегда имеет префикс в сравнительном;—*тибил*, хорошая вещь; *у тибил*, лучшая вещь; *утц*, хороший; *ютзил* или *ютзул*, лучше ; *лоб*, плохой; *улобол*, или *уллобил*, хуже; *каз*, уродливый; *указал*, или *указил*, уродливее. Превосходная степень выражается частицей *hachc* приставкой;—*lob*, плохой; *hachlob*, очень плохой. *Il*, добавляемый к существительным и прилагательным, делает их абстрактными, *uinic*- человек; *uinicil*-человечность.

СПРЯЖЕНИЯ майя.

В языке майя используются четыре вида местоимений, и все они используются при спряжении глаголов. Но два последних также используются в сочетании с существительными или как притяжательные местоимения, но никогда отдельно или как абсолютные местоимения.

МЕСТОИМЕНИЯ.

Я	десять	мы	tóon
ты	техник	вы	téex
он	лежал	они	lóob

я	Ан	мы	на
ты,	Да	, ты	экс
, он	Лайло	они	об'

я	в	Мы, наша	ка
ты, твое	лишь	тебя, твое	а-ех
его	-	они, их	ú-Оби

шахты	у	наших	Калифорния
твои	АУ	твое	ас-ех
его	у	их	г-Оби

ВЗАИМНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ.

Себя	в	Себе	ка-ба-ба
Себя	а-ба-	Себя	а-ба-бывшего
Себя	у-ба-	Себя	у-ба-об

СПРЯЖЕНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ГЛАГОЛА TENI, TO BE.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДАРОК.

Я есть,	десять	Нас есть,	тон
Ты есть,	техник	Ты есть,	текс
Он есть,	миряне	Они есть,	люди

НЕСОВЕРШЕННЫЕ.

Я был	тен кучи
-------	----------

СОВЕРШЕНЕН.

Я был,	десять лет
--------	------------

СОВЕРШЕНЕН.

Я был	десятью хай-или кучи
-------	----------------------

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду,	бин тен-ас
---------	------------

ВТОРОМ БУДУЩЕМ.

Я был бы,	десять лет назад,
-----------	-------------------

ИМПЕРАТИВОМ.

Быть,	десятизначное
-------	---------------

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

Если я буду, то	с десятью ударами в
-----------------	---------------------

НЕСОВЕРШЕННОМ СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Если бы я был таким,	привет, тен-ас
----------------------	----------------

ПЕРВОЕ СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА NASAL - ПОДНИМАТЬСЯ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я возношусь,	nasal in sah	Мы возносимся,	nasal sah
Ты возносишься,	nasal a sah	Ты возносишься,	nasal a-cau-ex
Он возносится,	nasal u-sah	Они возносятся,	nasal u-sah-ob

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

"Идеальный.

Я поднялся, насал в Хаг-кучи я поднялся, НАК-Ан

плюсквамперфект.

Я вознесся, нак-эу или-куэхи

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я вознесусь, бин насак-эн Я вознесусь, нак-эн или-кучом

ПОВЕЛИТЕЛЬНО.

Вознесись, насак-эн

ВТОРОЕ СПРЯЖЕНИЕ КАМБЕЗА, ДЛЯ ИНСТРУКТАЖА.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я инструктирую,	камбезах в ках, или десять камбезов
Ты инструктируешь,	камбезах а-ках, " техник камбезик",
Он инструктирует,	камбезах а-ках, " лежащий камбезик",
Мы инструктируем,	камбезах а-ках, " тоон камбезик",
Ты инструктируешь,	камбезах а-ках, " теекс камбезик",
Они инструктируют,	камбезах а-ках. камбезийский

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Я проинструктировал, камбеза в ках кучи

ИДЕАЛЬНА.

Я проинструктировал, в камбезе

ПРЕВОСХОДНО.

Я проинструктировал, в камбезе или-кучи,

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ

.

Я буду инструктировать, находясь в Камбезе

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду проинструктирован, в камбезе или-кочоме

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Позволь мне наставлять, в камбезе

Наставляю тебя,	камбез
Пусть наставляет,	у камбеза
Будем наставлять мы,	ча камбез
Наставит тебя,	у камбеза
Пусть они наставляют, у камбеза	

НАСТОЯЩЕЕ СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ.

Если я прикажу,	десять в камбезе
-----------------	------------------

Третье и четвертое спряжения, не отличающиеся от приведенных выше, я их не вставляю.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Каюм (отче наш) ианих (который есть) ти (на) канноб (небесах) чиличтхантабак (да будет благословен) акаба: (имя твое;) так (возможно), что (наступит) ахаулил (царствие твое) с'(нами) окол. (прием.) Менкахак (Свершится), (твоя) воля (будет) уай (как) ти (на) луун (земле), бай (как) ти (в) каане. (небеса.) Занзамал (Ежедневная) гривна (хлеб) са (нам) azotoon (дай) heleae (сегодня) саазаате (нам прости) с'(наши) ziipil (грехи) он бик (как) с' (мы) zaatzic (прости) uziipil (их грехи) ahziipiloobtoon (грешникам) та ix (не также) appatic (дай) с' (нам) lubul (впасть) ti (в) tuntah, (искушение) саатосоон (нам доставить) ти (из) области. [XI'-9] (зло.)

Двум языкам, уазтекскому и тотонакскому, на которых говорили соответственно в штатах Тамаулипас и Вера-Крус, приписывается большая древность. Я включаю их обоих в эту главу и причисляю к семье майя; уазтеков, потому что их родство уже было удовлетворительно установлено Ватером и его преемниками, и тотонаков на основании заявлений Саагуна и других авторитетных источников. [XI'-10] К обоим этим языкам я вставляю некоторые грамматические примечания. Тотонакский язык делится на четыре основных диалекта, названных соответственно Сьерра-альта или тетикильхати, халпан-и-понтепек или чакауаксти, ипапана и наолинго или татимоло. Следующая грамматика специально относится к последнему диалекту.

ГРАММАТИКА ТОТОНАКОВ.

Используемые буквы: *a, ch, e, g, h, i, k, l, m, n, o, p, t, u, v, x, y, z, tz, lh*. Часто встречаются составные или агглютинированные слова; кажется, что они соединяются без какой-либо определенной системы, хотя кажется, что последняя буква часто опускается. Ниже показан состав слова; —*lioxilhmagatlakachalikihuin*, идти пророчествовать; состоит из частицы *li*, глагола *oxilha*, наречия *magat*, субстантива *lakatin* и глаголов *chaan* и *likihuin*. Не существует особых знаков или букв для обозначения пола, но в большинстве случаев слова *huixkana*, мужской, и *pozkat*, женский, имеют приставку к словам.

Множественное число для обозначения одушевленных существ образуется одним из следующих окончаний; —*п, в, нин, итни, нитни, ан, на, не, ни, но, ну*;—*оксга*, молодежь; *оксган*, юноши; *агапон*, небеса; *агапонин*, небеса; *пулана*, капитан; *пулананин*, капитаны; *макан*, рука; *маканитни*, руки; *зтако*, звезда; *зтаконитни*, звезды; *ксанат*, цветок; *ксанатна*, цветы;

и т.д. и т.п.; в и *итни* используются, когда слово оканчивается на согласную, и *нин* и *нитни* когда оно заканчивается на гласную.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ.

Я родня
Мне ,
Ты хуикс
Он ама, или хуата,
Мы родня
Нам кила, или кинка,
Ты хуиксин,
Они хуатонин

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ИК-ПАКСКИ-У, я ЛЮБЛЮ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я люблю,	ик-пакски-й	Мы любим,	ик-пакски-яух
Ты любишь,	пакски-а	Ты любишь,	пакски-ятит
Он любит,	пакски-й	Они любят,	пакски-гой

НЕСОВЕРШЕНЕН.

Мне понравилось, хак-пакски-и

ИДЕАЛЬНО.

Я любил, ик-пакски-лх, или ик-пакски-нит

ПРЕВОСХОДНО.

Я любил, ха-пакски-ничтожество

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

Я буду любить, нак-пакски-и

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я бы полюбил, ик-пакски л.х. науан или ик-пакски-нит науан

ИМПЕРАТИВ.

Люблю, ка-пакски

В НАСТОЯЩЕМ СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Если я люблю, как-то

НЕСОВЕРШЕННО.

Если бы я любил, закс-пакски-лх

Можно увидеть разницу между тремя диалектами:

Сердце	нако	алконоко	лакацин,
Мир	килтамако,	катоксауат,	танкилатзон,
Луна	, малкойо,	папа,	лакскипап,
Маис,	коси,	тапакшни,	киспа,
Хороший	цей,	тлаан,	колхана,
Истина,	зтонкуа,	лолото,	тиксляна,
Верить,	акаений,	каналай,	катаяуай

Молитва Господня на диалекте наолинго:

Кинтлаткане (отче наш) нак (ин) тияан (небеса) хуил (искусство) таколлалиуакауанли - (да будет освящен) мимаокшот (имя твоё) никиминанин (приди) - минтакакчи (царство твоё) тахолакауанла (свершится) - минпахуат (имя твоё) чолей (как) какнитиет (мир) чалчикс (как) нак (ин) тияан. О (небеса.) кинчоухкан (Наш хлеб) лакаллия (ежедневно) никилайшкиух (дай нам) янохуэ (сегодня) какиламатзанканиух (прости нас) кинтакаллиткан (наши ошибки) чонлей - (поскольку мы) китнан (сами) ламатзанканиаух (мы прощаем) - кинталакалланьян (наши должники) ка (и) ала (не) киламактактоаух (нас ведут) нали (это) йояух (мы будем) накой (в) лиегни. (искушение.) Чон (Со) тахолакауанла. (да будет так.)

Описания или грамматические замечания Фатера и Пиментеля различаются по многим пунктам. Например, Ватер говорит, что буквы *k* и *v* не используются в этом языке, в то время как Пиментел упоминает их оба как используемые. Выражение множественного числа также по-разному используется обоими, как и несколько других точек зрения.[\[XI'-11\]](#)

ГРАММАТИКА УАЗТЕКОВ.

Из грамматики Карлоса де Тапия Зентено, которой также пользовались Галлатин и Пиментель, я привожу следующие замечания об уазтеках:

При написании этого языка используются следующие буквы: *a, b, ch, d, e, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, t, u, v, x, y, z, tz*. Произношение мягкое. Род обозначается добавлением слов *imik*, мужчина, и *uxum*, женщина;—*tzalle*, король; *uxumtzalle*, королева; *tzejelinik*, молодой человек; *tzejeluxum*, молодая девушка. Аффикс *чик* используется для выражения множественного числа;—*атик*, сын; *атикчик*, сыновья; но есть несколько исключений из этого правила. Уменьшительные выражаются предлогом *чичик*, как;—*те*, дерево; *чичикте*, маленькое дерево. В некоторых

случаях для этой цели используется предлог *tzakat* или аффикс *il*. В превосходной степени слог *le* используется перед словом, как;—*пуллик*, великий; *лепуллик*, очень великий. Личные местоимения;—*нана*, я; *тата*, ты; *джаджа*, он; *хуахуа*, мы; *закса*, ты; *баба*, они.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА ТАНЈАЛ, ИМЕТЬ.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДАРОК.

У меня есть,	нана утахджал или интахджал	У нас есть,	хуахуа ятахджал
У тебя есть,	тата атахджал или иттахджал	У тебя есть,	закса ятахджал
У него есть,	таджа, интахджал	У них есть,	баба тахджал

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

У меня была,	нана утхьялиц или интахьялиц
--------------	------------------------------

ИДЕАЛЬНО.

У меня была,	нана утаджайтц, или утаджамал, или утаджамалиц
--------------	--

ПРЕВОСХОДНАЯ.

У меня была,	нана утахджалак, или утахамалак, или утахамалакиц
--------------	--

ПЕРВОЕ БУДУЩЕЕ.

У меня будет,	нана ку или кин, или киатаджа
---------------	-------------------------------

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Есть,	тата катахджа
-------	---------------

В НАСТОЯЩЕМ СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Если у меня есть,	нана кутахджа или киатахджа
-------------------	-----------------------------

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Если бы у меня был,	нана кин или интахджалак
---------------------	--------------------------

ИНФИНИТИВ.

Обладать,	тахджал
-----------	---------

Отглагольные существительные и причастия образуются добавлением *x* или *chix* инфинитиву, как;—*tzobnal*, знать; и *tzobnax*, тот, кто знает. Говорят, что существует несколько различных диалектов этого языка. Ниже приводится "Отче наш", приведенный Зентено в его "Доктрине" и произносимый в горах округа Тампико.

Пайломе (Отец) анитквахат (искусство) тиаеб, (небеса) куакваухлу (святой саид) анаби, (имя твоё) качич (приди) анацаллеть. (царствие Твое.) Катахан (Да свершится) аналенал (воля твоё) тетицабал, (на земле) нуантиани (как) хуатахаб (иметь) тиаеб. (небеса.) Ани (И) такупиза (ты даёшь) хахуэ (сегодня) кайлель (каждый день) ябаканил (наш хлеб) ани (и) такупакуламчи (ты прощаешь) антухуалабчич, (грехи) антиани (как) хуахуа (мы) тупакуламчиал (прощаем) тутомнанчикслончик, (должники) ани (и) иб (не) такухила (ведут) тинкал (которые мы) иб (не) кукуаллам (осень США) олово (в) эксексталаб. (искушение.) Тимат (Но) такулух (спаси нас) тимба ана (от) иб (но) куакуа. (святой (злой)) Аниц (со) катахан. (да будет так.[XI'-12])

Молитва Господня на диалекте, на котором говорят в департаменте Сан-Луис-Потоси:

"Тату пуилом хуахуа", иткуахат, ти эб чие пелит санто, джаджац аби качич, атзале тал ти эб аль хуахуа: катаджац такулбетал, хантзана титзабал хантини, тиаеб ани кап уд паталагича такубинанчи, сок ани такупакуланчи; кал игуалаб, ани эла теги такупаланчи, кал и ат гуитзаб ани иль такуджила кугуалан. кал джунхи фатаксталб, максибтакулоху кал бан атакс мал таяна гваталель.

Молитва Господня на диалекте, на котором говорят в другой части округа Тампико:

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ УАЗТЕКОВ.

Пайлон куа, как куахат тиаэл: ту кабину, таяль ханчана, энта би, чикс ханти, ча илал катая, на аквизталь, ханчана, антиаваль, квинитин тиаэл. Ан пан абалгуа в патасе, хуича-ха, ту пица-сегуэ, ту плакуанчи ни гуалал анчана джонтинегуа и плацуанчал в квалаблеме, и ту ан гила ку куалан против атаса ча лаблала, ту ан библиотекар в патасе и атаз табале, анчана хунтам. Анчанан катаджан.[XI'-13]

ГЛАВА XII.

ЯЗЫКИ ГОНДУРАСА, НИКАРАГУА, КОСТА-РИКИ И ДАРЬЕНСКОГО ПЕРЕШЕЙКА.

Карибский импортированный язык—Язык москито—пойя, тоука, секо, валиенте, рама, кукара, вулва и другие языки в Гондурасе—Грамматика чонтал—москито—Любовная песня на языке москито—Сравнительный словарь языков Гондураса— корибики, чоротеге, чонтал и оротиныя в Никарагуа—Грамматика оротиныи или награда—Сравнение оротиныи и чоротеге—чирики, гуатусо, тириби и других в Коста—Рике Словарь Рика—таламанка—Разнообразие речи на Дарьенском перешейке—Перечисление языков-Сравнительная лексика.

В Гондурасе существует длинный список названий племен, каждому из которых приписывается отдельный язык. Словари были взяты только из трех или четырех, и грамматическая структура

одного из них, на котором говорят на Москито-кост, была сведена к письменной форме. Поэтому невозможно провести сравнения и на их основе определить, насколько их количество может быть уменьшено путем классификации. Первый, который я представляю, обычно считается импортированным. Это карибский язык, на котором говорят на берегах Гондурасского залива и на прилегающих островах, и было доказано, что он почти идентичен тому, на котором говорят на островах Вест-Индии. От мыса Гондурас до Рио-Сан-Хуана и простираясь вглубь материка до Блэк-Ривер, язык москито широко используется. О нем я вставлю несколько грамматических замечаний. В горах Пойя говорят на одноименном языке; в верховьях реки Патук называется таука, а на Рио-Секос - секо. Далее в горах, недалеко от границы Никарагуа, и на территории этого штата произрастают валиенте и рама, которые, как говорят, являются отдельными языками; а во внутренних районах штата есть кукра и вулва, на последнем говорят в провинции Чонталес. Также упоминаются тонглас, ленка, сму, тегуака, альбатуина, хара, таа, гаула, мотука, фантазма и самбо. Из них нельзя назвать ничего, кроме названий. Старейшие источники упоминают в качестве основного языка чонтал, название народа и языка, встречающегося во многих вариациях почти в каждом штате от Мексики до Никарагуа. Поскольку не существует образцов этого языка, невозможно сказать, распространялся ли один народ и язык на всей этой территории или же этим общим названием обозначались определенные дикие племена, поскольку, согласно мексиканскому словарю Молины, *чонталли* означает чужак или иностранку; а *пополука*, который, по-видимому, также используется как чонталли, определяется как варвар или человек другой нации и языка. Поэтому я придерживаюсь мнения, что таких народов, как чонталы или пополуки, не существует, но что эти названия использовались более цивилизованными нациями для обозначения людей, говорящих на других, варварских языках.[XII'-1]

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И СКЛОНЕНИЯ ОТ КОМАРОВ.

О языке москито, который понимают по всему побережью москито и о котором я здесь привожу несколько грамматических замечаний, мистер Сквайер замечает, что "он не лишен благозвучия, хотя и лишен грамматической силы".[XII'-2] В нем есть только один артикль, числительное-прилагательное *куми*, один, используемое также для *a* и *an*. Прилагательных немного, они не имеют единообразного окончания и обнаруживаются только по их значению, за исключением причастий, когда они всегда оканчиваются на *ra* или *n*. Прилагательные образуют сравнительную степень, добавляя *кара* к положительной, и превосходную степень, добавляя *поли*, за исключением двух слов, *мау* и *сильпе*, у которых есть отдельные слова для каждой степени сравнения, таким образом;—*сильпе*, маленький; *урия*, меньший; *катара*, наименьший; *мау*, много; *кара*, больше; *поли*, самый. Сравнение обычно составляется следующим образом;—*ямне*, хороший; *ямне кара*, лучший; *ямне поли*, лучший; *конра*, сильный; *конра кара*, более сильный; *конра поли*, сильнейший.

По композиции, чтобы выразить избыток или уменьшение, сравнение иногда составляется таким образом;—*Ян альмук*, *Сэмюэль альмук апиа*: Джон стар, Сэмюэль не стар.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

Старый	almuk	плохо	Саура
каждый	Бэйн	зеленый	вменяемые
плотно закройте	bitne	черный	sixaбыл
заметил	bulne	небольшой	silpe
жадные	slabla	прозрачный	slilong
тупая	системы dimdim	скользкой	swokswaka
круговой	iwit	кислый	Сване
менее	kausa	влажной	tauske
более	Кара	большую	тапу
горячей	лапта	тонкий, квартира	Танта
насыщенный	Лела-Кера	толщиной	twotne
круглый	marbra	бедных	umpira
острые	мата	много	МАУ
Белый	сосна	меньше	Урия
Красный	рауне	усталых	влажных
всего, очень	Поли	тяжелая	Вира
- серый, светло-голубой и т. д.	porotne	главный	Вита
Нью	raiaka	хорошо	Ямное

СОВЕРШЕННОЕ ВРЕМЯ, ИСПОЛЪЗУЕМОЕ В КАЧЕСТВЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО.

Сухой	лаван,	Сердитый	палан, или луан,
ленивый	шрингван,	Пугливый	сибрин,
вялый, рыхлый	лангван,	Больной	латван,
Мокрый	бусуан	Больной, обеспокоенный	варбан
Грязный	klaklan	пруан,	Щедрый
купия-сосна	купия-сосна		

Пол обычно обозначается добавлением *вайкна* для самца и *майрен* для самки, или, для животных, *вайнатка* для самца и *майрен*, как и раньше, для самки. Таким образом; —*люпия вайкна*, сын; *люпия майрен*, дочь; *бип вайнатка*, бык; *бип майрен*, корова. В существительных, относящихся к человеческому виду, множественное число образуется добавлением *нани* к единственному числу; как; —*вайкна*, мужчина; *вайкна нани*, мужчины; *япте*, мать; *япте нани*, матери. Другие существительные имеют множественное число такое же, как и единственное, хотя иногда множественное число образуется добавлением *ра* к единственному числу; —*инска*, рыба; *инскара*, рыбы.

Существует четыре падежа, различающихся по окончаниям: именительный, дательный, винительный и аблативный.

СКЛОНЕНИЕ СЛОВА АЙЗ, ОТЕЦ.

	ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.		МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	
Имя	Отца	айзе	отцы	айзе-нани
Дата.	Отцу	айзеру	отцам	айзе-нанире
Соответственно.	Отцу	айзе	Отцам	айзе-нани
Абл.	С отцом	айзе-не	С отцами	айзе-не-нани

С АФФИКСОМ КЕ.

	ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.		МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	
Имя	Моего отца	айзе-ке	Моих отцов	айзеке-нани
Дата.	Моему отцу	айзекре	Моим отцам	айзеке-нанире
Согласно	Моему отцу	айзеке	Моим отцам	айзеке-нани
Абл.	С моим отцом	айзе-ке-не	С моими отцами	айзеке не нани

С АФФИКСОМ КАМ.

	ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.		МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	
Именное.	Твой отец	айзекам	Твои отцы	айзекам-нани
Дата.	Твоему отцу	айзекамре	Твоим отцам	айзекам-нанире
Согласно	Твой отец	айзекам	Твои отцы	айзекам-нани
Абл.	С твоим отцом	айзекам-не	С твоими отцами	айзекам-не нани

	ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.		МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	
Ном.	Его народ	ай апла	Их люди	ай упла-нани
Дата.	-ай упла-нани Своему народу	ай уплара	их народу	ай упла-нанира
Согласно	Его народу	ай упла	Их народу	ай упла-нани
Абл.	Со своим народом	ай аплейн	Со своим народом	ай аплейн-нани

Для образования притяжательного падежа существительных добавляется слово *dukia*, означающее "принадлежность". Поскольку это слово подвержено своеобразному склонению, оно по этой причине не ставится в качестве аффикса в обычном склонении существительных.

СКЛОНЕНИЕ СЛОВА ДУКИЯ, ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ВЛАДЕНИЕ.

Принадлежность, владение	дукией
Принадлежащей ему, им	ай дукиара

Принадлежащей тебе, тебе	ай дукамра
В моем распоряжении, принадлежащий мне	дукия-не

ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА.

Обо мне, моем юнг дукии

О тебе, твоём мужчине дукии

О нем, его, ее, сыне дукии
ее

МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА.

О нас, юнг-нани дукии
нашем

О тебе, мужчине-нани
твоём дукии

О них, их сыне нани дукии

Существует двенадцать местоимений, в основном склоняемых. Шесть из них личные.

Я	знаю	Себя	но
Ты	мужчина	Наш	желанный
Он	влажный	Он, его, она, ее, Я, те и т.д.	ай

Три - относительные, а три - прилагательные.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ. ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ.

Этот	баха	Что	наки
Тот	наха	Который	анса
Другой	вала	Который	диа

Первые три склоняются одинаково; таким образом,

СКЛОНЕНИЕ СЛОВА ЮНГ, Я

	ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.		МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	
Имя.	Я	юнг	Мы	юнг-нани
Дата.	Для меня	юнггра	Для нас	юнг-нанира,
Согласно	Мне	юнг	Нам	юнг-нани
Абл.	Во мне	юнг-не	С нами	юнг-нани кера

СКЛОНЕНИЕ СЛОВА ЧЕЛОВЕК, ТЫ.

	ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.		МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	
Имя.	Ты	человек	Ты	человек нани
Дата.	Тебе	манра	тебе	ман-нанира
Согласно.	Ты	мужчина	Ты	мужчина-нани
Абл.	В тебе	человек-не	С тобой	человек-нани-кера

СКЛОНЕНИЕ СЛОВА WETIN, HE.

	ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.		МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.	
Имя.	Он	мочит	Их	-нани
Дата.	Ему	хотелось бы	Им	помочь-нанира
Согласно.	Ему	нужно	Им	помочь нани
Абл.	В нем	мокрый-не	С ними	мокрый-нани кера

Аффиксы также присоединяются к местоимениям для усиления, варьирования или изменения их значения, например, *sa, ne, ra, ати* другие, а также к предлогам и наречиям.

Здесь всего три междометия: *алай!* увы! *кайс!* lo! и *алакай!* О боже!

НАРЕЧИЯ И ПРЕДЛОГИ ОТ КОМАРОВ.

Наречия многочисленны и допускают определенные вариации в своем значении за счет использования аффиксов, например:—*нара*, здесь; *нараса*, вот оно; *лама*, рядом; *ламара*, ближе.

Быстро	Ане	никогда	тара
для	ankia	где	ansera
каждый	бане	вместе	Айка-Айка
вчера	ЕАУ-вала	там	бара
днях		там	Бараса
настоящее время	Канары	там,	букра
, когда	Канка	возле	ламы
опять	кли,	ближе, ближе	Ламара
только	МИТ	далее	liwara
в день	коды	вот	Нара
далее и	Найка	вот это	narasa
уже	ставить	не более	yulakane
сразу	tiske	да	АУ
завтра	Юнка	ничего	deradera
после завтра	yawanka	сладко	дум-дум
нет, не	Апия	точно	Кут
только	baman	странно	бледный
зря	барке	очень, по-настоящему	Поли
нет, никогда не	пункт	достаточно	sipse
не	глоток	по-настоящему	Косак
это не	sipsa		

Существует двадцать восемь предлогов. Некоторые из них также используются как союзы; а некоторые, как и наречие, допускают вариации.

В, рядом, около	байлы	За	мата
До, там	бара	Под	майрой
В	беле	Под	монунтарой
, внутри	белары	Под	монунтарой
Против	дары	Позади	нинары
За	кау	После	нинки
С	керой	Снаружи, обездоленный	пара
Через	крауан	, на	пуру
С, вместе с	куки	На, над	пурарой
Перед	ламарой	Перед, перед	гноем
Напротив, перед	лам-марой	Снаружи, наружной	скерой
, закрывай,	лама	Среди	тилара
Снаружи, вовне	латара	С	вал
Между, в центре	лилапос	Откуда, из	wina

СОЕДИНЕНИЙ.

Затем	баха	До	кута
Так как	баха-вина	Теперь	мек
Нравится	бако	Как	наки
, Потому что для	бамны	Следующая	наика
Так что	бун	Но	секуна
Так оно и есть	,	Чтобы	,
Если	кака	А также	,
Пока	кау	И	вал
Все еще	.		

СПРЯЖЕНИЕ ВЕЕБ КАЙЯ, ДОЛЖНО БЫТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ.

Я,	юнг не	Тот же самый, только ставлю <i>нани</i> после
местоимений "Ты есть", "	ман кам"	.
Он такой,	Мы	

Идеальный.

Я был,	каре	Я буду,	камне
--------	------	---------	-------

БУДУЩЕЕ.

Ты был,	карум	Ты будешь,	кама
Был,		Он будет,	кабия

ИМПЕРАТИВ.

Ты,	Кама	давайте,	капе
пусть будет,	kabia	вы,	человек-Нани-Кама
		пусть будут,	wetin Нани kabia

другие формы.

Меня там не было,	керус
Тебя там не было,	керум
Его там не было,	керуискан
Меня не будет,	камуэ-апиа
Тебя не будет,	кама-апиа
Его не будет,	кабия-апиа
Нас не будет,	юнг-нани камне-апиа
Тебя не будет,	человек-нани кама-апиа
Их не будет,	ветин-нани кабия-апиа
Мне не быть?	камне-апяке
А ты не будешь?	кама-апяке
А ему не быть?	кабия-апиаке

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА DAUKAIA - ДЕЛАТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ УКАЗАТЕЛЬНОЕ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Я создаю, даукисне
 Ты создаешь, даукисма
 Он делает, даукиса, или данки,

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Мы создаем, юнг-нани даукисне,
 Ты создаешь, человек-нани даукисма,
 Они делают, ветин-нани дауки, или данкиса,

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Я сделал,	даукатне
Ты сотворил,	даукатма
Он сотворил,	дауката

Точно так же каждое время образует множественное число, не имея разницы в окончаниях.

ИДЕАЛЬНОЕ.

Я создал, данкре
Ты создал, даукрум
Он создал, даукан

БУДУЩЕЕ.

Я создам, даукамне
Ты создашь, даукама
Он сделает, даукбиа

ИМПЕРАТИВ.

Сделай, дауксе

, Позволь ему даукбиа или
сделать, даутбиасика

, Позволь нам даукпе
сделать,
Сделай тебя, мужчина нани даукс

Пусть они
приготовят, мы используем нани даукбиа
 или даукбиасику

В ДРУГИХ ФОРМАХ.

Я не создаю,	даукрусне
Я не создавал,	даукрускатне
Я не создавал,	юнг даукрус
Я не буду делать,	даукамме-апиа
, Не буду делать	даукпараму или ман даукпару
Не позволяй ему	даукьера, или мокин даукбиера
создавать,	
Не позволяй нам	юнг нани даукбиера
создавать,	
Не заставляй тебя,	человек нани даукпарама
Пусть они не делают,	мы с нани даукбиерой
Я могу или могу сделать,	юнг шеп даукисне
Я должен приготовить,	даукаякатне
Возможно, я уже	юнг шеп даукре
приготовил,	
Я мог бы сделать,	юнг даукатнекране
Я приготовлю,	даукаякамне
Я приготовлю?	даукиснеке
Разве я не создаю?	даукруснеке
Ты не создаешь или не	даукрусмаке
создаешь?	
Он не готовит?	даукруске
Мне не готовить?	даукамне апиаке
Если я приготовлю,	юнг даукикака

Если бы я не сделал, юнг даукрускака[XII'-3]

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ КОМАРОВ.

В качестве образца этого языка у меня есть следующая песня о любви:

Кекер мирен нане, варвар пасер ямне круекан. Купите нарер ми колкун И дуксер. Дорогой мане Кукер, уважаемый. Я саббин, уважаемый мунтер моппара. Кекер, несчастный япте винеган. Кокер сомболо барнар липпун, липпун, липпунке. Кулункер пунатер бин бивеган. Купе нарер танес И дуксер. Купе нарер ми колкун И дуксер.

Перевод этого приводится следующим образом:

Дорогая девочка, я ухожу далеко от тебя. Когда мы встретимся снова, чтобы побродить вместе по берегу моря? Я чувствую, как приятный морской бриз приветственно касается моей щеки. Я слышу отдаленные раскаты заунывного грома. Я вижу молнию, сверкающую на вершине горы и освещающую все внизу, но тебя нет рядом со мной. Мое сердце печально; прощай! дорогая девочка, без тебя я опустошен.[XII'-4]

Ниже приводится сравнительный словарь некоторых других языков.[XII'-5]

	ЛЕНКА.						
	ГУАХИКЕР	ОПАТОР	ИНТИБУКА	СРАВНЕНИ	ВУЛВА.	ХИКАК.	КАРИБ.
	О.	О.	Т.	Е.			
Ман		тахо	амаске		всем	джоме	
Женщин		двига́й	напу,	мэб,	ты,	питме,	
а,							
Голова	торо,	тохоро,	кагаси,	торо,	тунни,	лайпуко,	вайчи,
Лицо,	амптига,	амптига,	тидже,				
Ухо	Ян	Ян	yangaga	Йоан	фора		
глаз	саинг	saringla	saring	saarim	miniktaka	номера	
нос	напсе	napseh	nepton	nepse	nágnitak	meguin	
дом	tahü	taoo	Таху		у	шеф-повара	
Солнце	ГАСИ	ГАСИ	ГАСИ		Маа	behapou	Уилсон
огонь	УГА	ya	юга	Юки	cukh	iqueamo os	Ват
воды	guass	uash	guash	güas	уасс	сюр	не
камень	САА	ПС	Тупан			пай	
собака	- шуй	- шуй	Шушу	Суй	Суло	сойо	
Белый	Шого	Шого	Шого			Сae	
черный	sihiri	sihiri	seriga			tiltique	

Съесть	коорту	горкин	гормал	уланта	текутинг		
Пить	супач	талги	талмал				
Одна	Ита	Ита	itaska	эта	alaslach	пани	Абама
два	наа			pé	muyebu	Матис	biama
три	lagua			lágua	muyebas	Конти	организова но ченнайским отделением
четыре	Ария			eslea	muyarun ca	urupau	biamburi
пять	saihe	saihe		Саи	muyesinc a	casanpa ni	abanawajap
десять	ИГИЛ	сиис		ИГИЛ	muyhaslu y	camaspu s	sunwajp

СПРЯЖЕНИЯ ОРОТИНЬИ.

Помимо ацтекского, о котором я уже говорил в предыдущей главе, в Никарагуа говорили на четырех различных языках: корибичи, чоротегуа, чонтал и оротинья. [XII'-6] Об оротинье, который мистер Сквайр называет награнданским, у меня есть следующие грамматические примечания.

Ни Артикли, ни предлоги не выражены. Множественное число образовано аффиксом *ни*;—*руску*, птица; *рускуну*, птицы. Сравнительные и превосходные степени выражаются через *таһ*, лучше или больше, и через *рооги* или *риги*, лучший или наиболее;—*теһеһа*, хороший; *та-теһеһа*, лучший; *риги-теһеһа*, наилучший. Уменьшительные, или недостаток, выражаются через *ай* или *май*;—*ай-мехена* или *май-мехена*, плохой или недостаточно хороший.

МЕСТОИМЕНИЯ.

Я	сис
- мы, Ганн.	hechelu
мы, ФЭМ.	hecheri
ты	Ики
, м.	hechela
ты, Ф.	hechelai
он	МКСХ
она	icagui
они, М.	icanu
они, Ф.	icagunu
что	cagui
тех	caguinu

этого, М.	кала -
это Ф.	Халали
эти, м.	cadchinulu
эти, Ф.	cadchici
шахты, м.	cugani
шахты, Ф.	icagani
уважением, М.	cutani
твой, Ф.	icatani
его	cagani

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА SA, TO BE.

НАСТОЯЩЕЕ УКАЗАТЕЛЬНОЕ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО. МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Я есть,	как	Мы есть,	поэтому
Ты есть,	как	Ты есть,	как
Он есть,	как	Они есть,	сула

НЕСОВЕРШЕННА.

Я был,	кана	Мы были,	канана
Ты был,	кана	Ты был,	канано
Он был,	кана	Они были,	лаканана

СОВЕРШЕНЕН.

Я был,	са ка	Мы были,	са куа
Ты был,	сачу	Ты был,	са чнахи
Он был,	сака	Они были,	са гаху

ПРЕВОСХОДНО.

Я был,	мукасини	Во множественном числе, таким же, каким
был Ты,	муканасини	
Он был	муканасадини	

ПЕРВЫМ БУДУЩИМ.

Я буду,	ламанамби	Мы будем,	ламананна
---------	-----------	-----------	-----------

ВТОРЫМ БУДУЩИМ.

Я был бы, маламана Мы были бы, ламана

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА АЙХА, ТИХА, АХИХА, ПРИХОДИТЬ.

НАСТОЯЩЕЕ УКАЗАТЕЛЬНОЕ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Я прихожу, ичунаха

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Мы приходим, хечелунагуби

НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Я пришел, инкунахалу

Мы пришли, хечелунагубалу

Идеальный.

Я пришел, икусанаха

Мы пришли, хечелусагуалалу

ПРЕВОСХОДНО.

Я пришел, icuschisalu

мы пришли, hechelunigualalu

первый будущем.

Я приду, ицугаха

Мы придем, хечелугуха

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ.

Я приду, ичувихилуниха

Мы придем, хечехивихилуингвалу

ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Приди, ахияика

Давай придем, ахиехечеу

Я должен прийти, ицугахалу

Мы должны прийти, хечелугуалалу

Если бы я пришел, ицумахалувихилу Если бы мы пришли, хечелумайнуамагиха[XII'-7]

Об оротинья и чоротеге я также привожу краткий словарь.

	ОРОТИНЬЯ.	ЧОРОТЕГА.		ОРОТИНЬЯ.	ЧОРОТЕГА.
Человек	гаһра	нуһо	воды	ееia	нимбу
женщина	гараки	наһсейомто	камень	вюве, или esenu	нуго
голову	в канальцу, или EDI	goochemo	древесины	бара	nanguima
лицо	ЕНУ	гrote	пить	таһуia	боpima
уха	НАУ	нуһме	идти	aiyu, или сис	Пайя
глаза	сету	наһте	мертвых	ganganu	gagame
носа	та Калько	mungoo	Белый	Меша	andirume

руку	па'ри	дено	я	сис	Сахо
дом	Гуа	nahngu	ты, он	Ики	sumusheta
Солнце	АНСА	numbu	мы	hechelu	semehmu[XII'-8]
огонь	ahku	наху			

СЛОВАРИ НИКАРАГУА И КОСТА-РИКИ.

Еще более скудной является информация о языках Коста-Рики. Из языков, на которых говорят бланко, валиентес и таламанка, населяющих восточное побережье между Рио-Зентом и Бокадель-Торо, под рукой имеется только один словарь. Помимо них упоминаются, как говорящие на разных языках, чирипо, гватусо и тириби. О языке таламанцев я скажу несколько слов.

Человек	сигна-kirinema	воды	dí-tzítá
женщина	сигна-arágre	камень	ák
глава	СА-за-Кубарев	древесины	п-рук
лице	са-кар-Кубарев	собаки	тсчи-тсчи
ухо	Су-Кубарев-ке	хорошая	buisi
глаз	су-у-ákétéi	плохо	будет-так я
нос	Су-ТШУ-ко-то	я	быть-Эй,
руки	СА-Фра-Цзин-крон,	ты -	тсчи-Си
дом	suhú	он	се-де
Сун	Кан-Хюэ	мы	СА-та-война-ке
Луна	ту-лу	ты	Се-hetsch-те
пожара	tschú-ко	они	Бе-зо[XII'-9]

ЯЗЫКИ ЧОЛО, ТУЛЕ И ДАРИЕН.

На Дариенском перешейке нет ничего, что можно было бы упомянуть, кроме названий языков, на которых, как говорят, там говорили, а об образцах не существует ничего, кроме нескольких скудных словарей. Овьедо, говоря о Никарагуа, Коста-Рике и древней провинции Огненная Земля, считает, что в этом регионе говорили на целых семидесяти двух различных языках. Он особо упоминает койбу, бурику и Париж.[XII'-10] Андагоя говорит об отдельном языке в провинции Акла; другой называется куэва, на нем говорят в провинциях Комогре и Бирукета, на Жемчужном острове, около залива Сан-Мигель и в провинции Коиба; в Номбре-де-Диос - чучура; за каждой из провинций Тобрейтрота, Ната, Чиру, Чаме, Парис, Эскори, Чикакотра, Сангана и Гуарара закреплен отдельный язык.[XII'-11] Еще один язык, о котором упоминает старый писатель, - это язык симеронов.[XII'-12] Различным геодезическим экспедициям последующих лет мы обязаны несколькими заметками о языках, на которых говорят в Дариене в наши дни. Тулы, дариены, Чолосы, Дорачосы, саванерики, кунасы и байамосы - это новые имена, не упоминаемые ни одним из старых авторов; из некоторых из них были взяты словари, но в остальном мы остаемся в неведении.[XII'-13]

	ЧОЛО.	ТУЛЕ.	ВОКАБУЛЯР ДАРИЕНА ВАФЛИ.
Вода	пайто	ти	дула
Огня	тубур	чо	
Солнце	песеа	ипе	
Мун	хедечо	ни	ни
Дерево	пачру	човала (пл.)	
Дом	дхе	нека	
Человек	мочина	мастола	
Женщина	wièna	пандола	пуна
Гром	ра́	марра	Собака
Собака		Ухо	
	Глаз	ибиа	
Глаз	учуу	ибиа	
		ан учуу	
		кагья	
Отец			таутах
Мать		науна	Брат
	рупа	Иди	
чауна	Спать		котча
Прекрасно			
кенчакуа	он	Два	
Один		дерева	хеан
Четыре	пагва	пакегуа	.
		пагва	дерево
Четыре		пакегуа	каэр
Пять		аптали	куиг
Десять		амбе	де[XII'-14]

Хотя после прочтения того, что здесь собрано, мы, возможно, пожелали бы узнать больше о странных фантазиях, которые возникали в умах этих народов, и проследить дальше за бесконечным смешением языков и диалектов, на которых говорят, хрюкают и жестикулируют между Северным Ледовитым океаном и рекой Аtrato, мы должны довольствоваться тем, что у нас есть. Я собрал и привел в этом томе все, что смог найти; и из-за готовности, с которой американцы имели обыкновение принимать догмы и верования европейцев, сверхъестественные концепции, предположительно превосходящие их собственные, и настаивать на том, что они аборигены, и из-за быстрых и сбивающих с толку изменений, которые так быстро искажают и уничтожают первоначальную чистоту языков, мало надежды на то, что мы узнаем что-то еще из живых уст или что мы когда-либо сможем изучить эти вещи у рассеянных и деградировавших остатков самих людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Тот, кто внимательно изучает мифы и языки коренных народов, населяющих Тихоокеанские штаты, не может не быть впечатлен сходством между ними и верованиями и языками человечества в других местах. Здесь проявляется та же ненасытная жажда познать непознаваемое, здесь проявляются те же дерзкие попытки разорвать завесу, то же формирование и заселение миров, размещение и очерчивание небесных областей, производство и установка, духовно и материально, творцов, создателей людей и животных и правителей, повсюду. Здесь очевидна, казалось бы, одна и та же неотъемлемая необходимость в богослужении, в умилоствлении, в очищении или в очищении от греха, в искуплении и жертве, со всеми символами и атрибутами естественной и искусственной религии. В их речи встречаются одни и те же грамматические конструкции с обычными вариациями формы и объема, бедности и богатства, которые встречаются у народов, грубых или культурных, повсюду. Как бы мало мы ни знали о начале и конце вещей, мы можем лишь чувствовать, по мере того как выявляются новые факты и проводятся новые сравнения между расами и эпохами земли, что человечество, какого бы происхождения оно ни было и в каких бы обстоятельствах ни находилось, сформировано по одному образцу и развивается под влиянием единого вдохновения.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ТОМА

СНОСКИ

[II-1] В Вене в 1857 году книга, ныне наиболее известная как "Пополь Вух", была впервые представлена европейским ученым под следующим названием: *"История происхождения индейцев в провинции Гватемала", "Предания о Ленгуа Киче аль Кастеллано", "Комодидад министерства Святого Евангелия", "Курс доктринеро", "Курс реального патронатоя Пуэбло де С. Thomas Chuila.—Exactamente segun el texto español del manuscrito original que se halla en la biblioteca de la Universidad de Guatemala, publicado por la primera vez, y aumentado con una introduccion y anotaciones por el Dr C. Scherzer.* То, что доктор Шерцер говорит в докладе, прочитанном в Венской академии наук, 20 февраля 1856 г.; и повторяет в своем введении о его авторе, сводится к следующему: В начале 18 века Франсиско Хименес, отец-доминиканец, пользующийся большой репутацией за свою ученость и любовь к истине, занимал должность викария в маленьком индийском городке Чичикастенанго в высокогорье Гватемалы. Ни время его рождения, ни время его смерти не могут быть точно установлены, но внутренние свидетельства одной из его работ показывают, что он работал над ней в 1721 году. Он оставил много рукописей, но предполагается, что неприятных истин, содержащихся в некоторых из них относительно жестокого обращения с индейцами со стороны колониальных властей, было достаточно, как ранее в случае с Лас Касасом, чтобы обеспечить их частичное уничтожение и полное подавление. То, что от них осталось, долгое время хранилось в темном уголке монастыря доминиканцев в Гватемале, а впоследствии, после упразднения всех религиозных орденов, перешло в библиотеку Университета Сан-Карлоса (Гватемала). Здесь доктор Шерцер обнаружил их в июне 1854 года и тщательно скопировал, а затем опубликовал, как указано выше, конкретный трактат, которым мы сейчас занимаемся. Это, по словам самого отца Хименеса и согласно его внутренним свидетельствам, является переводом *буквальной* копии оригинальной

книги, написанной одним или несколькими киче на языке киче латинскими буквами после того, как христиане оккупировали Гватемалу, и после того, как настоящий оригинал "Пополь Вух" — Национальной книги — был утерян или уничтожен — буквально, его больше нельзя было увидеть — и написан для замены этой утерянной книги. 'Quise trasladar todas las historias á la letra de estos indios, y tambien traducirla en la lengua castellana.' 'Esto escribiremos ya en la ley de Dios en la cristiandad los sacaremos, porque ya no hay libro comun, original donde verlo, Ximenez, *Hist. Ind. Guam.*, стр. 1, 4, 5. "Вуаля, что никто из осужденных не должен (при обнародовании) помолвки и посвящения христианству; никто из осужденных не должен быть лишен права голоса плюс национальная жизнь", "Вай хи-ка циба чупан шик и шабаль Диос, шик христианского масла; хи-ки-элеза, румаль ма- хаби шик ильбал ре Пополь-Вух", *Брассер де Бурбур, Пополь-Вух*, стр. 5. Доказательства того, что автор был из племени киче, можно найти в многочисленных отрывках, разбросанных по повествованию, в которых он говорит о народе киче и о предках этого народа как о "нашем народе", "наших предках" и так далее. Теперь мы переходим к тому, что говорит об этой книге аббат Брассер де Бурбур. Он говорит, что Хименес "обнаружил этот документ в последние годы 17 века". В 1855 году в Гватемале аббат впервые увидел рукопись Хименеса, содержащую это произведение. Рукопись содержала текст киче и перевод этого текста, сделанный испанским викарием. Брассер де Бурбур скопировал оба в то время, но он был недоволен переводом, считая его полным ошибок из-за предрассудков и невежества эпохи, в которую он был сделан, а также искаженным сокращениями и пропусками. Итак, в 1860 году он поселился среди киче и с помощью местных жителей, объединив свои собственные практические знания их языка, разработал новый буквальный перевод (*aussi littérale qu'il a été possible de la faire*). Таким образом, в целом мы, кажется, правы, принимая этот документ за то, что Хименес и его собственные свидетельства утверждают, что это воспроизведение более старого произведения или свода традиционной истории киче, написанного потому, что это более старое произведение было утеряно и, вероятно, будет забыто, и написанного киче вскоре после испанского завоевания. Одним из следствий последнего факта, по-видимому, является то, что оттенок библейского выражения, сознательно или бессознательно для писавшего Киче, повлиял на форму повествования. Но эти совпадения могут быть совершенно случайными, тем более что есть также поразительное сходство с выражениями в скандинавской Эдде и в Индуистских Ведах. И даже если они не случайны, "многое остается", принимая язык и заключение профессора Макса Мюллера, "в этих американских традициях, которые настолько отличаются от всего остального в национальных литературах других стран, что мы можем смело рассматривать это как подлинный рост интеллектуальной почвы Америки". *Чипсы из немецкой мастерской*, том i, стр. 328. Вышесказанное, а также дополнительную информацию по этому вопросу см.:—*Брассер де Бурбур, Пополь Вух*, стр. 5-31, 195-231; *Существуют исторические источники. Прим.*, с. 83-7; *История. des Nat. Civ.*, том i., стр. 47-61; *Хименес, Hist. Ind. Guat.*, pp. 5-15; Scherzer, in *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften Wien*, 20th Feb., 1856; *Helps' Spanish Conquest*, vol. iv., pp. 455-6. Профессор Мюллер в своем эссе о Пополь-Вухе в одном или двух местах неправильно понял повествование. Не было такого сотворения человека, которое он называет вторым, в то время как его третье творение является вторым от первоначального. Опять же, он делает четырех предков киче прародителями *всех племен, как белых, так и черных*; в то время как они были родителями только киче и родственников им рас. Ход легенды подводит нас к племенам странной крови, с которыми эти четыре предка и их народ часто воевали. Однако само повествование настолько запутано и противоречиво в некоторых местах, что избежать подобных вещей практически невозможно; и в целом взгляды профессора Мюллера на Пополь

Вух кажутся справедливыми и хорошо продуманными. Болдуин, *Древняя Америка*, стр. 191-7, просто разбавляет эссе профессора Мюллера, да и то без подтверждения.

[II-2] Оригинальное киче звучит следующим образом: "Ты цихоксический, ты ча цинин-ок, ты ча чамам-ок, ты цинонический; ты ча зилановый, ты ча лолинический, ты ча толона пуч у па ках. Милый набе цих, набе учан.—Ма-хаби-ок хун винак, хун чикоп; цикин, кар, тап, че, абах, хул, чиван, ким, кичела: ха-утукель ках кулич. Мави калах у вач улеу: ха-утнкель реманик пало, у па ках ронохель. Ма-хаби надила ча молобич, ча коцобич: хунта ча зилобич; ча мал ча бан-тах, ча коц ча бан-тах па ках. Х-ма ко-ви надила колич якалич; ха реманик ха, ха лианик пало, ха-утукель реманик; х-ма ко-ви надилало колич. Ча чаманик, ча цининик, чи гекум, чи агаб".

This passage is rendered by the Abbé Brasseur de Bourbourg thus: 'Voici le récit comme quoi tout était en suspens, tout était calme et silencieux; tout était immobile, tout était paisible, et vide était l'immensité des cieux. Voilà donc la première parole et le premier discours. Il n'y avait pas encore un seul homme, pas un animal, pas d'oiseaux, de poissons, d'écrevisses, de bois, de pierre, de fondrières, de ravins, d'herbe ou de bocages: seulement le ciel existait. La face de la terre ne se manifestait pas encore: seule la mer paisible était et tout l'espace des cieux. Il n'y avait encore rien qui fit corps, rien qui se cramponnât à autre chose: rien qui se balançât, qui fit (le moindre) frôlement, qui fit (entendre) un son dans le ciel. Il n'y avait rien qui existât debout; (il n'y avait) que l'eau paisible, que la mer calme et seule dans ses bornes; car il n'y avait rien qui existât. Ce n'était que l'immobilité et le silence dans les ténèbres, dans la nuit.' *Popol Vuh*, p. 7.

And by Francisco Ximenez thus: 'Este es su ser dicho cuando estaba suspenso en calma, en silencio, sin moverse, sin cosa sino vacio el cielo. Y esta es la primera palabra y elocuencia; aun no habia hombres, animales, pájaros, pescado, cangrejo, palo, piedra, hoya, barranca, paja ni monte, sino solo estaba el cielo; no se manifestaba la faz de la tierra; sino que solo estaba el mar represado, y todo lo del cielo; aun no habia cosa alguna junta, ni sonaba nada, ni cosa alguna se meneaba, ni cosa que hiciera mal, ni cosa que hiciera "cotz," (esto es ruido en el cielo), ni habia cosa que estuviese parada en pié; solo el agua represada, solo la mar sosegada, solo ella represada, ni cosa alguna habia que estuviese; solo estaba en silencio, y sosiego en la obscuridad, y la noche.' *Hist. Ind. Gyam.*, стр. 5-6.

[II-3] '*Gucumatz*, littéralement serpent emplumé, et dans un sens plus étendu, serpent revêtu de couleurs brillantes, de vert ou d'azur. Les plumes du guc ou quetzal offrent également les deux teintes. C'est exactement la même chose que *quetzalcohuatl* dans la langue mexicaine.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. des Nat. Civ.*, том i., стр. 50.

[II-4] Здесь представлена длинная бессвязная история, которая не имеет ничего общего с Сотворением Мира и которая пока опущена.

[II-5] *Балам-Кице*, тигр с милой улыбкой; *Балам-Агаб*, тигр ночи; *Махукутах*, выдающееся имя; *Ику-Балам*, тигр луны. 'Telle est la signification littérale que Ximenez a donnée de ces quatre noms.' *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, p. 199.

[II-6] *Каха-палума*, падающая вода; *Чоми-ха* или *Хомих-а*, красивый дом или красивая вода; точно так же, *Тзунуниха* может означать либо дом, либо воду колибри; и *Чакишаха*, либо дом, либо воду араса [которые являются разновидностью попугаев]. *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. 205.

[II-7] 'Are ma-habi chi tzukun, qui coon; xavi chi cah chi qui pacaba qui vach; mavi qu'etaam x-e be-vi naht x-qui bano.' 'Alors ils ne servaient pas encore et ne soutenaient point (les autels des dieux); seulement ils tournaient leurs visages vers le ciel, et ils ne savaient ce qu'ils étaient venus faire si loin.' *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, p. 209. Уместно, однако, добавить, что Хименес придает этому отрывку гораздо более прозаический оборот: "Нет кабиана де сустенто, китайцы из левантабана, лас карас аль съело и нет се сабиана аলেখара". *История. Гуат.*, стр. 84.

[II-8] Или как Хименес, *Hist. Ind. Guat.*, p. 87, writes it—*Tulanzú*, (las siete cuevas y siete barrancas).

[II-9] The following passage in a letter from the Abbé Brasseur de Bourbourg, to Mr. Rafn of Copenhagen, bearing date 25th October, 1858, may be useful in this connection:—'On sait que la coutume toltèque et mexicaine était de conserver, comme chez les chrétiens, les reliques des héros de la patrie: on enveloppait leurs os avec des pierres précieuses dans un paquet d'étoffes auquel on donnait le nom de Tlaquimilolli; ces paquets demeuraient à jamais fermés et on les déposait au fond des sanctuaires où on les conservait comme des objets sacrés.' *Nouvelles Annales des Voyages*, 1858, tom. iv., p. 268. Один из этих "свертков" был передан христианам тлашкальтеком через некоторое время после завоевания. Сообщалось, что в нем находились останки Камаштли, главного бога Тлашкалы. The native historian, Camargo, describes it as follows: 'Quand on défit le paquet où se trouvaient les cendres de l'idole Camaxtle, on y trouva aussi un paquet de cheveux blonds, ... on y trouva aussi une émeraude, et de ses cendres on avait fait une pâte, en les pétrissant avec le sang des enfants que l'on avait sacrifiés.' *Hist. de Tlaxcallan*; in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcix., p. 179.

[II-10] См. "Мифология арийских народов" Кокса, том i, стр. 333.

[II-11] Даже если предположить, что не было особых исторических причин для проведения такого различия, представляется удобным провести такое разделение в стране, где различие классов было столь заметным, как в Мексике. Как излагает дело Ридс, *Мученичество человека*, стр. 177, "В тех странах, где существуют два различных класса людей: один интеллектуальный и образованный, другой неграмотный и деградировавший, в действительности будут две религии, хотя номинально может быть только одна".

[II-12] 'Les prêtres et les nobles de Mexico avaient péri presque tous lors de la prise de cette ville, et ceux qui avaient échappé au massacre s'étaient réfugiés dans des lieux inaccessibles. Ce furent donc presque toujours des gens du peuple sans éducation et livrés aux plus grossières superstitions qui leur firent les récits qu'ils nous ont transmis; Les missionnaires, d'ailleurs, avaient plus d'intérêt à connaître les usages qu'ils voulaient déraciner de la masse du peuple qu'à comprendre le sens plus élevé que la partie éclairée de la nation pouvait y attacher.' *Ternaux-Compans, Essai sur la Théogonie Mexicaine*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1840, tom. lxxxv., c. 274.

[II-13] Это последнее утверждение основывается на авторитете Доминго Муньоса Камарго, уроженца города Тласкала, написавшего около 1585 года. Посмотри его *биографию. де Тлашкаллан* в переводе Терно Компанса в "*Новых анналах войны*", 1843, том. xcix., стр. 129. 'Les Indiens ne croyaient pas que le monde eût été créé, mais pensaient qu'il était le produit du hazard. Ils disaient aussi que les cieux avaient toujours existé.' 'Estos, pues, alcanzaron con claridad el verdadero origen y principio de todo el Universo, porque asientan que el cielo y la tierra y cuanto en ellos se halla es obra de la poderosa mano de un Dios Supremo y único, á quien daban el nombre de Tloque Nahuaque, que quiere decir, criador de todas las cosas. Llamábanle tambien

Ipalmemohualoni, que quiere decir, por quien vivimos y somos, y fué la única deidad que adoraron en aquellos primitivos tiempos; y aun despues que se introdujo la idolatría y el falso culto, le creyeron siempre superior á todos sus dioses, y le invocaban levantando los ojos al cielo. En esta creencia se mantuvieron constantes hasta la llegada de los españoles, como afirma Herrera, no solo los mejicanos, sino tambien los de Michoacan.' *Veytia, Historia Antigua de Méjico*, tom. i., p. 7. 'Los Tultecas alcanzaron y supieron la creacion del mundo, y como el Tloque Nahuaque lo crió y las demas cosas que hay en él, como son plantas, montes, animales, aves, agua y peces; asimismo supieron como crió Dios al hombre y una muger, de donde los hombres descendieron y se multiplicaron, y sobre esto añaden muchas fábulas que por escusar prolijidad no se ponen aqui.' *Ixtlilxochitl, Relaciones*, in Kingsborough, vol. ix., p. 321. 'Dios Criador, que en lengua Indiana llamò Tlòque Nahuàque, queriendo dàr à entender, que este Solo, Poderoso, y Clementissimo Dios.' *Boturini, Idea de una Hist.*, p. 79. 'Confessauan los Mexicanos a vn supremo Dios, Señor, y hazedor de todo, y este era el principal que venerauan, mirando al cielo, llamandole criador del cielo y tierra.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii., lib. ii., cap. 15, p. 85. 'El dios que se llamaba Titlacàon, (Tezcatlipuca), decian que era criador del cielo y de la tierra y era todo poderoso.' *Sahagun, Hist. Ant. Mex.*, tom. i., lib. iii., p. 241. 'Tezcatlipoca, Questo era il maggior Dio, che in que' paesi si adorava, dopo il Dio invisibile, o Supremo Essere, di cui abbiám ragionato.... Era il Dio della Provvidenza, l'anima del Mondo, il Creator del Cielo e della Terra, ed il Signor di tutte le cose.' *Clavigero, Storia Antica del Messico*, tom. ii., p. 7. 'La creacion del cielo y de la tierra aplicaban á diversos dioses, y algunos á Tezcatlipuca y á Uzilopuchtli, ó segun otros, Ocelopuchtli, y de los principales de Mexico.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 81.

[II-14] 'Lorsque le ciel et la terre s'étaient faits, quatre fois déjà l'homme avait été formé ... de cendres Dieu l'avait formé et animé.' *The Codex Chimalpopoca, or Chimalpopoca MS.*, after Brasseur de Bourbourg, *Hist. des Nat. Civ.*, том i., стр. 53. Этот Кодекс Чимальпопока, названный так аббатом Брассером де Бурбургом, представляет собой анонимную рукопись на мексиканском языке. То, что мы действительно знаем об этом нашумевшем документе, немногочисленно, и лучше всего его изложить в первоначальном виде. Ниже приводится первое упоминание, которое я нахожу об этой рукописи с ее принадлежностями, являющееся описанием Ботурини того, что она когда-то принадлежала ему. *Catálogo*, pp. 17-18. 'Una historia de los Reynos de Culhuàcan, y Mexico en lengua Nàhuatl, y papel Europèo de Autor Anonymo, y tiene añadida una Breve Relacion de los Dioses, y Ritos de la Gentilidad en lengua Castellana que escribió el Bachiller Don Pedro Ponce, Indio Cazique Beneficiado, que fuè del Partido de Tzumpauàcan. Это сегодняшняя копия летописи дона Фернандо де Альбы и ее примера фохи". Что касается термина "науатль", используемого в этом *Каталоге*, см. *Id.*, стр. 85: "Рукописи на языке Хуатль, как в катакомбах, так и в Китае, так как они принадлежат мексиканской земле!" Эта рукопись или ее копия попала в руки аббата Брассера де Бурбур в городе Мехико, в 1850 году, *Брассер де Бурбур, Библиотека Мексики-Гватемальен, Введение*, стр. xxi., и ученый аббат описывает это следующим образом:—"Кодекс Чимальпопока (Копия), продолжение эпох, История солей и история королевств Колхуакана и Мексики, мексиканский текст (исправление апре обморока М. Обен), очерк французской традиции в отношении. гр. в 4°—Рукопись 93 и далее, копия и традиция для подписи в библиотеке. C'est la copie du document marqué au n° 13, § viii., du catalogue de Boturini, sous le titre de: Historia de los Reynos de Colhuacan y Mexico, etc. Ce document, où pour la première fois j'ai soulevé le voile énigmatique qui recouvrait les symboles de la religion et de l'histoire du Mexique est le plus important de tous ceux qui nous soient restés des annales antiques mexicaines. Il renferme chronologiquement l'histoire géologique du monde, par séries de 13 ans, à commencer de plus de dix mille ans avant l'ère chrétienne, suivant les calculs mexicains.' *Id.*, p. 47.

[II-15] Иначе называемый, согласно Клавиджеро, богом *Ометевктли* и богиней *Омециуатль*. Ternaux-Compans says: 'Les noms d'Ometeuctli et d'Omecihuatl ne se trouvent nulle part ailleurs dans la mythologie mexicaine; mais on pourrait les expliquer par l'étymologie. *Ome* signifie deux en mexicain, et tous les auteurs sont d'accord pour traduire littéralement leur nom par deux seigneurs et deux dames.' *Nouvelles Annales des Voy.*, 1840, tom. lxxxvi., стр. 7.

[II-16] *Ксолотль*, "слуга или паж". — *Молина, Словарь языка мексиканского Кастеллана*. Не "глаз", как выражаются некоторые схолиасты.

[II-17] Буквально, в самой ранней копии мифа, которую я видел, "*молоко чертополоха*", "лече де кардо", этот термин повторялся вслепую и, по-видимому, без какого-либо представления о его значении различными последующими авторами. Старые авторитеты, однако, и особенно Мендьета, от которого я заимствую легенду, имели обыкновение называть магуэй чертополохом; и действительно, огромные колючки мексиканского растения могут с полным правом претендовать на *Немо мне неотразимый шнурок* шотландской эмблемы. 'Maguey, que es el cardon de donde sacan la miel.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 110. 'Metl es un arbol ó cardo que en lengua de las Islas se llama maguey.' *Motolinia, Hist. де- лос- Индиана*, в *Икасбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 243. 'Et similmente-cogliono le foglie di questo albero, ò cardo che si tengono là, come qua le vigne, et chiamanlo magueis.' *Relatione fatta per un Gentil'huomo del Signor Cortese*, in *Ramusio, Viaggi*, tom. iii., fol. 307.

[II-18] Мотолиния в *Icazbalceta, кол.*, том i., стр. 6-10, говорит, что эти первые мужчина и женщина были зачаты между дождем и пылью земной — "происхождение любви и польво земли" — и другими способами усугубляет недоумение; так что я склонен согласиться с Мюллером, *Amerikanische Urreligionen*, стр. 518, когда он говорит, что эти космогонические мифы имеют признаки о местном происхождении и последующем слиянии нескольких легенд в несочетаемое целое. 'Aus dieser Menge von Verschiedenheiten in diesen Kosmogonien ist ersichtlich, dass viele Lokalmythen hier wie in Peru unabhängig von einander entstanden die man äusserlich mit einander verband, die aber in mancherlei Widersprüchen auch noch später ihre ursprüngliche Unabhängigkeit zu erkennen geben.'

[II-19] Здесь, как и везде в этой легенде, мы следуем рассказу Андреса де Ольмоса, приведенному Мендиетой. Саагун, однако, местами сильно отличается от него. В этом месте, например, он упоминает некоторых выдающихся личностей, которые правильно угадали восход солнца:—"Отросший пусьеро в мирариа эль Ориенте, и дигерон акви, де эста часть ха-де-салир эль Соль". El dicho de estos fué verdadero. Dicen que los que miraron ácia el Oriente, fueron Quetzalcoatl, que tambien se llama Ecatl, y otro que se llama Totec, y por otro nombre Anaoatlytecu, y por otro nombre Tlatavictzecatlipuca, y otros que se llaman Minizcoa,' or as in Kingsborough's edition, *Мех. Антик.*, том vii., стр. 186. 'Por otro nombre Anaoatl y Tecu, y por otro nombre Tlatavictzecatlipuca, y otros que se llaman Mimizcoa, que son innumerables; y cuatro mugeres, la una se llama Tiacapan, la otra Teicu, la tercera Tlacoeoa, la cuarta Xocoyotl.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том ii., lib. viii., c. 248.

[II-20] Помимо уже отмеченных различий в авторитетах, я могу добавить, что Саагун описывает персонажа, ставшего солнцем, — а также того, кто, как мы вскоре увидим, стал луной, — как принадлежавшего до своего превращения к числу богов, а не как одного из людей, которые им служили. Далее, рассказывая о смерти богов, Саагун говорит, что Воздуху, Экатлю, Кецалькоатлю, была поручена задача убить остальных; также не похоже, что Кецалькоатль

покончил с собой. Что касается Ксолотля, то в этой версии он играет довольно трусливую роль; пытаясь избежать своей смерти, он превращался в различные существа и только в конце концов был схвачен и убит в виде рыбы по имени *Аксолотль*.

[II-21] Этот вид идола, очевидно, соответствует таинственной "Оболочке" мифа о киче. См. также [примечание 9](#).

[II-22] Помимо рукописи Чимальпопоки, самое раннее изложение мексиканских мифов о сотворении мира можно найти в *Mendieta, Hist. Eccles.*, стр. 77-81; *Саагун, История человечества*, том i, библиотека iii, стр. 233, том ii, библиотека vii, стр. 246-250; *Ботурины, Идея истории*, стр. 37-43; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. i., стр. 31-5, том. ii., стр. 76-8; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том. ii., стр. 8-10.

[II-23] *Икстлильшочитль, История. Чичимека в мексиканском Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 205-6. Тот же автор в своих *Реляциях, Ib.* стр. 321-2, либо по собственной неосторожности, либо по вине переписчика, переносит вторую и третью эпохи. Чтобы увидеть, что это своего рода оплошность, нам достаточно перейти к резюме, которое он приводит в конце тех же *Реляций, Ib.*, стр. 459, где рассказ снова находится в строгом согласии с версией, приведенной в тексте. Камарго, *Привет. de Tlax.* в "*Новых анналах Войны*", том xcix., 1843, стр. 132, приводится, как мы можем предположить, тлашкальтекская версия общемексиканского мифа, который согласуется с Икстлильшочитлем относительно общего числа эпох, следуя, однако, порядку ошибок, замеченных выше в *Relaciones*. Более того, историк тлашкальтеков утверждает, что прошли только две из этих эпох и что третье и четвертое разрушения еще впереди. М. Терно-Компанс, *Новые летописи Войны.*, том. lxxxvi., 1840, стр. 5, принимает этот рассказ тлашкальтеков как общемексиканскую традицию; ему следует доктор Причард, *Исследования*, т. v., стр. 360-1. Доктор Причард цитирует Брэдфорда как поддерживающего то же мнение, но ошибочно, поскольку Брэдфорд, *Am. Antiq.*, стр. 328, следует за Гумбольдтом. Ботурины, *Идея истории.*, стр. 3. и Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 57, точно согласуются с текстом. Аббат Брассер де Бурбур также принимает версию о трех прошлых разрушениях. *S'il existe des Sources de l'Hist. Прум.*, стр. 26-7. Профессор Й. Г. Мюллер, *Amerikanische Urreligionen*, стр. 510-12, признает, что версия о трех прошлых разрушениях и одном грядущем, приведенная в тексте и в приведенном там порядке, "кажется самой древней мексиканской версией"; хотя он решает последовать Гумбольдту и принимает то, что он называет "последней и наиболее полной формой мифа". *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* [Ватиканский] кодекс противоречит сам себе, приводя первые два прошлых разрушения и далее четвертый, *мексиканец из Кингсборо. Antiq.*, vol. v., стр. 163-7; как и *Экспликация. Теллеруано-Ременский кодекс, Ib.*, стр. 134-6. Сам Кингсборо, похоже, поддерживает идею трех прошлых разрушений и всего четырех эпох; см. *Мех. Antiq.*, том vi., стр. 171, примечание. Гомара, *История Мексики.*, fol. 297-8; Леон-и-Гама, *Дос-Пьедрас*, часть i, стр. 94-5; Гумбольдт, *Vues*, том ii, стр. 118-129; Прескотт, *Conq. из Мексики.*, том i, стр. 61; Галлатин, в *Ам. Этнол. Soc., Transact.*, vol. i., стр. 325—описание четырех прошлых разрушений и одного грядущего, или пяти эпох, и рукопись Чимальпопоки, см. [Примечание 13](#), похоже, также подтверждает это мнение. Наконец, Мендьета, *Ист. Eccles.*, стр. 81, заявляет, что мексиканцы верят в пять Солнц, или Эпох, в прошлые времена; но эти солнца были низкого качества, так что почва давала свои плоды только в сыром и несовершенном состоянии. Следствием этого было то, что в каждом случае жители мира умирали, поедая разные продукты. Однако нынешнее, шестое Солнце было добрым, и под его влиянием все вещи производились должным образом. Торквемада, который, действительно,

все это время присваивал целыми главами так долго не редактировавшийся труд Мендьеты; и это, если верить Иказбальсете, *история. Eccles., Авторские заметки.*, стр. xxx—xliv., "При обстоятельствах особой распущенности" - конечно, приводит также пять прошлых эпох, слово в слово повторяя Мендиету, за исключением единственного "la". *Монарк. Изд.*, том ii., стр. 79.

[II-24] Professor J. G. Müller, *Amerikanische Urreligionen*, p. 568, remarks of these two personages: 'Rein nordisch ist der chichimekische Coxcox, der schon bei der Fluthsage genannt wurde, der Tezpi der Mechoakaner. Das ist auch ursprünglich ein Wassergott und Fischgott, darum trägt er auch den Namen Cipactli, Fisch, Teocipactli, göttlicher Fisch, Huehuetonacateocipactli, alter Fischgott von unserem Fleisch. Darum ist auch seine Gattin eine Pflanzengöttin mit Namen Xochiquetzal d. h. geflügelte Blume.'

[II-25] *Boturini, Idea de una Hist.*, pp. 113-4; *Id., Catálogo*, pp. 39-40; *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. i., pp. 129-30, tom. ii., p. 6; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), tav. vii., in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. v., стр. 164-5; *Джемелли Каррери*, в "полковнике Воёе" *Черчилля.*, том iv., стр. 481; *Гумбольдте, Вью*, том i., стр. 114-15, том ii., стр. 175-8; "*Анауак*" *Тайлора*, стр. 276-7; *Гондре*, в "*Прескотте, Конкиста де Мехико*", том iii, стр. 1-10. Тщательное сравнение приведенных выше отрывков покажет, что вся эта история о спасении Кокскокса и его жены в лодке от великого потопа и о распространении птиц различных языков среди их потомков основана на интерпретации определенных ацтекских рисунков, содержащих предполагаемые изображения потопа, Кокскокса и его жены, каноэ или какого-то грубого судна, горы Кулхуакан, которая была мексиканским Араратом, и птицы, раздающей языки нескольким людям. Ни один из первых авторов мексиканской мифологии, никто из тех, кто лично знаком с местными жителями и их устными традициями, существовавшими во время завоевания или сразу после него, похоже, не знал этой легенды; Ольмос, Саагун, Мотилиния, Мендиета, Икстлильшочитль и Камарго, все они хранят молчание относительно нее. Эти факты должны вызывать серьезные подозрения относительно точности общепринятой версии, несмотря на то, что до сих пор она, по-видимому, неявно воспринималась наиболее критически настроенными историками. Эти подозрения не уменьшатся от результатов исследований дона Хосе Фернандо Рамиреса, хранителя Мексиканского национального музея, джентльмена, не менее замечательного своим знакомством с языком и древностями Мексики, чем умеренностью и спокойствием своих критических суждений, насколько это известно. В сообщении, датированном апрелем 1858 г., адресованном Гарсии—и—Кубасу, *Географический атлас, Исторический центр Республики Мехикана*, entrega 29, где говорится о знаменитой мексиканской картине, впервые, как он утверждает, точно представленной публике — копии Сигуэнсы, предоставленной Джемелли Каррери, копии Клавиджеро в его *Истории Мессу*, копии Гумбольдта в его *Atlas Pittoresque*, и что приведенные Кингсборо неверны - сеньор Рамирес говорит: "Авторитет таких компетентных писателей, как Сигуэнса и Клавиджеро, заставил недоверчивых замолчать, и после того, как прославленный барон фон Гумбольдт добавил свой непререкаемый авторитет, приняв эту интерпретацию, никто не усомнился в том, что "традиции евреев были найдены среди народов Америки"; что, как думал мудрый барон, "их Кокскокс, Теоципактли или Тезпи - это Ной, Ксисутрус или Мену азиатских семей". ;" и что "Серро Кулхуакан - это Арарат мексиканцев". Великая и великолепная мысль, но, к сожалению, всего лишь заблуждение. Синий квадрат № 1 с его полосами или неясными линиями того же цвета не может представлять земной шар, покрытый водами всемирного потопа, потому что нам пришлось бы предположить повторение того же потопа на рисунке № 40, где он воспроизведен с некоторыми из его основных происшествий. Точно так же, по той же причине, человеческие

головы и головы птиц, которые, кажется, плавают там, не указывают на погружение людей и животных, поскольку было бы необходимо дать такое же объяснение тем, кого видели в группе № 39. Можно было бы возразить, что группа слева (из № 1), состоящая из человеческой головы, помещенной под головой птицы, фонетически представляла имя Кокскак и обозначала ацтекского Ноя; но группа справа, образованная женской головой с другими символическими фигурами над ней, очевидно, не отражает имя Шочикецаль, которое, как говорят, было именем его жены.... Давайте теперь перейдем к голубю, дающему языки первобытным людям, которые родились немыми. Запятые, которые, по-видимому, исходят из клюва изображенной там птицы, образуют один из самых сложных и разнообразных по своей фонетической силе символов, которые встречаются в нашем иероглифическом письме. В связи с одушевленными существами они обозначают в общем виде испускание голоса.... В группе перед нами они означают просто—напросто, что птица пела или разговаривала — с кем? - с группой людей перед ней, которые по направлению своих лиц и тел ясно и отчетливо показывают внимание, с которыми они слушали. Следовательно, автор вышеупомянутого рисунка для Клавиджера, поглощенный идеей показать им мнимое смешение языков, изменил своим карандашом историческую правду, придав этим фигурам противоположные направления. При внимательном рассмотрении неточностей и ошибок гравера и карандаша на всех исторических гравюрах, относящихся к Мексике, становится ясно, что они не менее многочисленны и серьезны, чем ошибки пера. Интерпретации, данные древним мексиканским картинам пылким воображением, движимым любовью к новизне или духом системы, в определенной степени оправдывают недоверие и немилость, с которыми последний и наиболее выдающийся историк завоевания Мексики (У. Х. Прескотт) отнесся к этому интересному и ценному классу исторических документов. "Таким образом, сеньор Рамирес довольно подробно переходит к своим выводам, которые сводят оригинальную картину к простому описанию блуждания мексиканцев среди озер Мексиканской долины — этого путешествия, начинающегося в месте, "расположенном не более чем в девяти милях от сточных канав". из Мексики" — запись, не имеющая абсолютно никакой связи ни с мифическим потопом, уже описанным как одно из четырех разрушений мира, ни с каким-либо другим. Говорящую птицу на картине он связывает с хорошо известной мексиканской басней, рассказанной Торквемадой, в которой описывается птица, говорящая с дерева с вождями мексиканцев на определенном этапе их миграции и повторяющая работу *Тихуи*, то есть "Поехали". Маленькая птичка по имени *Тихуиточанс* криком, который простолудины до сих пор интерпретируют в несколько сходном смысле, хорошо известна в Мексике и, возможно, лежит в основе традиции. Можно добавить, что Торквемада приводит раскрашенную рукопись, возможно, обсуждаемую, в качестве источника для этой истории. Лодка, гора и другие дополнения к картинке объясняются так же просто, как иероглифы, по большей части, различных имен собственных. Наше место здесь не позволяет вдаваться в дальнейшие подробности — хотя в другом томе будет эта картина и дальнейшее обсуждение предмета, — но в заключение я могу отметить, что сдержанность, с которой сеньор Рамирес обсуждает этот вопрос, а также его большой опыт и познания в вопросах мексиканской старины, по-видимому, требуют серьезного рассмотрения его взглядов будущими студентами.

[II-26] *Brasseur de Bourbourg, Hist. des Nat. Civ.*, том i., стр. 425-7.

[II-27] Отец Грегорио Гарсия, *Ориген де лос Индиан.*, стр. 327-9, взял это повествование из книги, которую он нашел в монастыре в Куилапе, маленьком индейском городке примерно в полутора лигах к югу от Оахаки. The book had been compiled by the vicar of that convent, and—

'escrito con sus Figuras, como los Indios de aquel Reino Mixteco las tenian en sus Libros, ò Pergaminos arrollados, con la declaracion de lo que significaban las Figuras, en que contaban su Origen, la Creacion del Mundo, i Diluvio General.'

[II-28] 'Que aparecieron visiblemente un Dios, que tuvo por Nombre *un Ciervo*, i por sobrenombre *Culebra de Leon*; i una Diosa mui linda, i hermosa, que su Nombre fue *un Ciervo*, i por sobrenombre *Culebra de Tigre*,' *Garcia, Id.*, pp. 327-9.

[II-29] *Бургоа, Геог. Описание.*, том i, фол. 128, 176.

[II-30] *Бургоа, Геог. Описание.*, fol. 196-7.

[II-31] В одной из рукописей Лас Касаса, согласно Хелпсу, приводится "trece hijos" вместо "tres hijos"; последнее, однако, является правильным прочтением, как показывает список имен в той же рукописи, и как дает его отец Роман. См . [примечание 33](#).

[II-32] Эта традиция, как говорит аббат Брассер де Бурбур, *историческая. des Nat. Civ.*, том ii, стр. 74-5, несомненно, имеет отношение к королеве, память о которой сохранилась во многих местах Гватемалы и Центральной Америки в целом. Ее звали *Атит*, Бабушка; и от нее вулкан Атитлан получил название *Атитал-хую*, под которым он до сих пор известен аборигенам. Эта Атит прожила четыре столетия, и от нее произошли все королевские семьи Гватемалы.

[II-33] *Roman, República de los Indios Occidentales*, part 1, lib. 2, cap. 15, after *Garcia, Origen de los Ind.*, pp. 329-30; *Las Casas, Hist. "Апологемика"*, ср., глава 235, после "помощи". *Конк.*, том ii., стр. 140; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 53-4; *Брассер де Бурбург, История. des Nat. Civ.*, том ii., стр. 74-5.

[II-34] Первое из этих двух имен ошибочно пишется как "Фамагостад" М. Терно-Компансом, мистером Сквайером и аббатом Брассером де Бурбур, двое последних, возможно, введены в заблуждение ошибкой М. Терно-Компана, ошибкой, которая впервые появилась в переводе Овьедо этим джентльменом. *Овьедо, История. Бытие.*, том iv., стр. 40. *Петр Мученик*, декабрь vi., глава 4.

[II-35] Эта традиция была "собрана главным образом от родственников Кон Куена, умного вождя центральных папагосов". *Дэвидсон*, в *Ind. Aff. Rept.*, 1865, стр. 131-3.

[II-36] Легендарного Монтесуму, которого мы так часто встретим в мифологии долины Хила, не следует путать с двумя мексиканскими монархами, носившими один и тот же титул. Само название, по-видимому, в отсутствие доказательств обратного, было принесено в Аризону и Нью-Мексико испанцами или их мексиканскими слугами и постепенно стало ассоциироваться в умах некоторых нью-Мексико и соседних племен со смутным, мифическим и ушедшим в прошлое величием. Таким образом, имя Монтесума стало, используя слова мистера Тайлора, именем великого "Кого-то" в племени. Если бы это произошло, все меньшие герои были бы постепенно поглощены более великими, а их имена забыты. Их деяния стали бы его деяниями, их слава - его славой. Существует достаточно свидетельств того, что это общая тенденция традиции, даже в исторические времена. Страницы научной и всеобъемлющей работы мистера Кокса "*Мифология арийских народов*" изобилуют примерами этого. В Персии деяния любого рода и даты относят к Антару. В России здания всех эпох объявляются творением Петра Великого. По всей Европе, в Германии, Франции, Испании, Швейцарии, Англии, Шотландии,

Ирландии, подвиги древнейших мифологических героев, фигурирующих в Сагах, Эддах и сказаниях о Нибелунгах, были приписаны в народных преданиях и балладах Барбароссе, Карлу Великому, Боабдилу, Карлу V, Вильгельму Теллю, Артуру, Робину Гуду, Уоллесу и Святому Патрику. Связь имени Монтесумы с древними постройками и легендарными приключениями в мифологии долины Гила, по-видимому, является просто еще одним примером того же рода.

[II-37] Этими подробностями о верованиях пима я обязан доброте мистера Дж. Х. Стаута из агентства Pima, который устроил мне личную встречу с пятью вождями этого народа и их очень умным и услужливым переводчиком, мистером Уокером, в Сан-Франциско в октябре 1873 года.

[II-38] За убийство этого Огромного Орла Сеуха должен был понести своего рода епитимью, которая заключалась в том, чтобы никогда не царапать себя ногтями, а всегда маленькой палочкой. Этот обычай до сих пор соблюдают все пимы; и для этой цели они носят с собой кусочек дерева, обновляемый каждый четвертый день, воткнутый в их длинные волосы.

[II-39] У читателя, как и у меня, этот пункт, вероятно, вызовет нечто большее, чем простое подозрение в испанском влиянии, окрашивающем эпизоды легенды. Сами пимы, однако, утверждали, что эта традиция существовала у них задолго до прихода испанцев и не была изменена ими. Один факт, который, кажется, говорит в пользу сравнительной чистоты их традиций, заключается в том, что имя Монтесумы нигде в них не встречается, хотя Кремони, Апахи, стр. 102, утверждает обратное.

[II-40] *"Торговля прерий" Грегга*, том i, стр. 268.

[II-41] *Тен Брук*, в сборнике *Скулкрафта*., том iv., стр. 85-6.

[II-42] *Тен Брук*, в сборнике *Скулкрафта*., том iv., стр. 89-90; и *Итон*, *Ib.*, стр. 218-9. Последний рассказ немного отличается от приведенного в тексте и содержит следующее дополнение: После того, как навахо вышли из пещеры, наступило время, когда из-за свирепости великанов и хищных животных их численность сократилась до трех человек — старика, старухи и молодой женщины. Запас пополнился тем, что последняя родила ребенка солнцу.

[II-43] *Рибас, История.*, стр. 18, 40.

[II-44] *Клавиджеро, История культуры.*, том i, стр. 139.

[II-45] *Clavigero, Storia della Cal.*, tom. i., pp. 135-7.

[II-46] *Хьюго Рид* в *"Звезде Лос-Анджелеса"*.

[II-47] *Хьюго Рид, Ib.*

[II-48] Долина Русской реки, округ Сонома.

[II-49] *Помо Пауэрса*, МИСС

[II-50] Округ Гумбольдт.

[II-51] *Powers' Pomo*, МИСС

[II-52] *Powers' Pomo*, МИСС

[II-53] *Помо Пауэрс*, МИСС

[II-54] *Джонстон*, в сборнике *Скулкрафта*, том iv., стр. 224-5.

[II-55] *Г. Б. Д.* в *Гесперийском журнале*, том iii., 1859, стр. 326.

[II-56] *Уодсворт*, в *Кал. Хатчингса. Mag.*, vol. ii., 1858, pp. 356-8.

[II-57] *Powers' Pomo*, МИСС

[II-58] *Жизнь Хоакина Миллера среди модоков*, стр. 235-236, 242-6.

[II-59] *Преимущество Ракстона. в Мексике.*, стр. 244-6.

[II-60] *Нар Уилкса. в США Ex. Ex.*, том iv., стр. 496.

[II-61] *Рассказ Франшера.*, стр. 258; *Совет Кокса.*, том i, стр. 317; *Словарь Гиббса "Чинук"*, стр. 11-13; *Id.*, *Словарь Клаллама и Лумми*, стр. 15-29; *Исследование Паркера. Тур*, стр. 139.

[II-62] *Сцены Спроута*, стр. 176-85, 203-14.

[II-63] К уже приведенным примерам этого мы можем добавить случай с хайд с острова Королевы Шарлотты, о которых мистер Пул в *Q. Char. Isl.*, стр. 136, говорит: "Их происхождение от ворон вполне серьезно подтверждено и стойко поддерживается".

[II-64] *Андерсон*, в *Лордс Нат.*, том ii., стр. 240.

[II-65] *Журнал Хармона.*, стр. 302-3.

[II-66] Этот Ханух был прародителем семейства Волков Тлинкитов, точно так же, как Йель был прародителем семейства Воронов. Влияние этого божества-волка, по-видимому, было в целом пагубным, но, за исключением связи с этой легендой о воде, он мало упоминается в мифах тлинкитов.

[II-67] 'Seit der Zeit, entgegnete Khanukh, als von unten die Leber herauskam.' *Holmberg, Ethn. История.*, стр. 61. Что подразумевается под термином "die Leber", буквально обозначающим особую железу тела, называемую по-английски "печенью", я не могу сказать; ни Хольмберг, ни кто-либо другой, насколько мне известно, не пытается ничего объяснить.

[II-68] *Путешествие Барретта-Леннарда.*, стр. 54-7; *Хольмберг, Этн. Skiz.*, стр. 14, 52-63; *Бэр, Stat. u. Ethn.*, стр. 93-100; *Аляска Далла*, стр. 421-22; *Ванкуверский остров Макфи*, стр. 452-5; *Журнал Ричардсона.*, том i., стр. 405; *В.С. Мейна*, стр. 272.

[II-69] *Бэр, Статистика и Этнос.*, стр. 116; *Война Лисянского*, стр. 197-8; *Аляска Далла*, стр. 405; *Хольмберг, Этнос. История.*, с. 140.

[II-70] *Choris, Voy. Путт.*, пт. vii., стр. 7; *"Война" Коцебу.*, том ii., стр. 165.

[II-71] *"Орегон"Данна*, стр. 102, и далее.; *Свод Скулкрафта.*, том v., стр. 173; *"Война" Маккензи.*, стр. cxviii.; *Рассказ Франклина.*, том i., стр. 249-50.

[II-72] *Путешествие Хирна*, стр. 342-3.

[II-73] *Миф Кейтли. о Древней Греции и Италии*, стр. 14.

[III-1] Норт Ам. откр., вып. iii., стр. 1.

[III-2] Алегри, История. Сост. Иисуса, том i., стр. 279; Апостоликос Афанес, стр. 68.

[III-3] Саагун, История. Генерал., том i., библиотека ii., стр. 74-5, 200-18; Объяснение Теллеруано-Ременсисского кодекса, часть ii., лам. x., в мексиканском архиве Кингсборо. *Antiq.*, vol. v., стр. 139; Справочник по Кодексу Мексики (Ватикан), тав. xxv. и xxxiii., в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, т. v., стр. 178, 181-2; Мендиета, История. *Ecles.*, стр. 80-1; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 9, 11, 17, 34-5.

[III-4] Brasseur de Bourbourg, *Hist. des Nat. Civ.*, том. iii., p. 301; Brasseur de Bourbourg, *Quatre Lettres*, p. 156; Tylor's *Prim. Культ.*, том ii., стр. 259, 262-3; Символ Змеи Сквайера, стр. 18-20; Свод Скулкрафта., том iii., стр. 60, том iv., стр. 639, том v., стр. 29-87, том vi., стр. 594, 626, 636.

[III-5] Müller, *Amerikanische Urreligionen*, p. 474.

[III-6] Саагун, История. Бытие., том ii., lib. vii., стр. 244-5. В Кампече в 1834 году М. Вальдек стал свидетелем лунного затмения, во время которого юкатеки вели себя во многом так, как могли бы вести себя их отцы в языческие времена, страшно были и прилагали все усилия, чтобы разнять небесных воюющих. Единственным очевидным прогрессом, достигнутым в отношении старых обычаев, была стрельба из мушкетов, "чтобы доказать", по словам саркастичного художника, "что современные юкатеки не чужды прогресса цивилизации". Вальдек, *Вой. Пут.*, стр. 14.

[III-7] Камарго, История. *de Tlaxcallan*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 193.

[III-8] Алегри, Привет. Сост. Иисуса, том ii, стр. 218; Рибас, История. *de los Triumphos*, стр. 202; Боскана, в "Жизни Робинсона" в Калифорнии., стр. 296-300.

[III-9] Саагун, История. Быт., том ii., lib. viii., с. 250.

[III-10] Объяснение Теллеруано-Реминисценционного кодекса, часть ii., лам. x., в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, vol. v., p. 139; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Ватикан), тав. xxvi., in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. v., стр. 179; Саагун, История. Быт., том ii., lib. vii., стр. 250; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 9-17.

[III-11] Brasseur de Bourbourg, *Quatre Lettres*, pp. 155-6.

[III-12] Объяснение мексиканского кодекса поведения, часть первая, часть вторая, часть вторая, часть xiv, в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, vol. v., стр. 132, 140; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Ватиканский), тав. xvii., xxxi., *Ib.*, vol. v., стр. 175, 181; Саагун, История. Генерал., том ii., lib. vii., стр. 250-252; Камарго, История. *de Tlaxcallan*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 193; Мендиета, История. *Эклз.*, стр. 81. Слово *текутли* часто встречается в качестве окончания в именах мексиканских богов. Это означает "господь" и пишется с различными вариантами написания. Я следую тому, что дано в словаре Молины.

[III-13] Чопорный Тайлор. *Культ.*, т. ii., с. 259.

[III-14] Мифы Бринтона, стр. 143.

[III-15] Уорд, в издании *Aff. Rept.*, 1864, стр. 193.

[III-16] Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. i., стр. 16; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 56-7; Брассер де Бурбург, *История. des Nat. Civ.*, том iii., стр. 491-2.

[III-17] Powers' *Pomo*, МИСС

[III-18] Итон, в сборнике *Скулкрафта.*, том iv., стр. 218-19.

[III-19] Powers' *Pomo*, МИСС

[III-20] Brasseur de Bourbourg, *S'il Existe des Sources de l'Hist. Чопорный. du Mexique*, p. 101.

[III-21] Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 485; Мифы Бринтона, стр. 51.

[III-22] Мифы Бринтона, стр. 66-98.

[III-23] Хольмберг, *этнос. История.*, стр. 141.

[III-24] Хименес, *Hist. Ind. Гуат.*, стр. 6; Брассер де Бурбург, *Пополь Вух*, стр. 9.

[III-25] Гама, *Дос Пьедрас*, часть ii., стр. 76.

[III-26] Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 197.

[III-27] Исключительно уместными в этой связи являются мудрые слова, которые Карлейль в "*Прошлом и настоящем чартизма*", книга i, стр. 233, вкладывает в уста своего мифического друга Зауэртайга— "Разденься, иди в ванну, или, лучше, в прозрачный бассейн с бегущим ручьем, там умойся и очистись; ты выйдешь оттуда более чистым человеком. Это сознание совершенной внешней чистоты, того, что к твоей коже теперь не прилипает ни малейшего постороннего пятнышка несовершенства, как оно проникает в тебя хитрыми символическими воздействиями, в самую душу!... Это остается религиозным долгом с древнейших времен на Востоке.... Даже тупые англичане чувствуют что-то подобное; у них есть поговорка: "чистота близка к благочестию".

[III-28] Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том. ii., pp. 15-16. 'Era conosciuta con altri nomi assai espressive, i quali o significavano i diversi effetti, che cagionano l'acque, o le diverse apparenze, colori, che formano col loro moto. I Tlascallesi la chiamavano Matlalcueje, cioè, vestita di gonna turchina.' See also Müller, *Reisen in Mex.*, том. iii., p. 89.

[III-29] Овьедо, *История. Генерал.*, том iv., стр. 46, 55.

[III-30] Тен Брук, в сборнике *Скулкрафта.*, т. iv., стр. 91; Бристоль, в издании. *Афф. Репт.*, 1867, стр. 358.

[III-31] Бэкус, в сборнике *Скулкрафта.*, том iv., стр. 213.

[III-32] Уиппл, в журнале *Рас. R. R. Rept.*, т. iii., стр. 39.

[III-33] Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 43.

[III-34] Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. v., ар., стр. 21-2.

[III-35] Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 70.

[III-36] Камарго, *История. de Tlaxcallan*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1834, том. xcvi., стр. 192.

[III-37] Рид в "Звезде Лос-Анджелеса".

[III-38] *Landa, Rel. de las Cosas de Yucatan*, p. 206.

[III-39] Хольмберг, этнос. История., стр. 141.

[III-40] Вильягутьерре, История. Конк. де Ица, стр. 151-2.

[III-41] Саагун, История. Генерал., том i., lib. ii., стр. 177.

[III-42] Помо Пауэрса, ср. Это традиция йокутов, калифорнийского племени, населяющего бассейны Керн и Туларе, средний Сан-Хоакин и различные ручьи, впадающие в озеро Туларе.

[III-43] Кал Хатчингса. Журнал, том iv., стр. 197-9.

[III-44] Кал Хатчингса. Журнал, том iv., стр. 243.

[IV-1] Саагун, История. Быт., том ii., lib. v., стр. 1-14, приложение. стр. 25-6.

[IV-2] Натуралист Лорда на острове Ванкувер, том ii., стр. 32-4.

[IV-3] Помо Пауэрса, МИСС

[IV-4] Аляска Далла, стр. 145.

[IV-5] Ватиканский кодекс (Мех.), в мексиканском университете Кингсборо. *Antiq.*, vol. ii., plate 75; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. v., стр. 197, tav. lxxv.; Объяснение Ватиканского кодекса, в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, том vi., стр. 222-3, таблица lxxv. Будет видно, что я больше доверял самой таблице, чем итальянскому объяснению. Что касается перевода Кингсборо этого объяснения, то это не что иное, как глосс с дополнениями и пропусками в оригинале.

[IV-6] Новое исследование Гейджа, стр. 334.

[IV-7] Хольмберг, этнос. История., стр. 30.

[IV-8] Натура Лорда., том ii., стр. 52-4.

[IV-9] Совет Кокса., том i, стр. 253.

[IV-10] Аляска Далла, стр. 422-3.

[IV-11] Свод Скулкрафта., том v., стр. 215.

[IV-12] Перс. нар. Бартлетта, том ii., стр. 222.

[IV-13] Тен Брук, в сборнике Скулкрафта., том iv., стр. 86.

[IV-14] Путешествие Хирна, стр. 341.

[IV-15] Вильягутьерре, История. Конк. Ица, стр. 43.

[IV-16] Чарльтон, в сборнике Скулкрафта., т. v., стр. 209.

[IV-17] *Представители Уиппла, Юэнка и Тернера.*, стр. 39-40, в *Рас. R. R. Rept.*, том iii.

[IV-18] *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 54-5.

[iv-19] Суинберн, *Анактория*, нашел родственную идею, достойную его возвышенного стиха:

"Низвергнутый с небес, с ногами из ужасающего золота,
С крыльями без оперения, которые ослепляют яркий воздух, с молниями, с громом вместо
гончей за спиной,
Охотящийся на неспаханых и незасеянных полях..."
....."

[IV-20] *Мифы Бринтона*, стр. 205. Скандинавское поверье сродни этому:—

"Великан Хруэлгур,
На краю небес,
Восседает в облике орла;
Говорят, что от его крыльев
Холодные ветры проносятся
Над всеми народами".
Вафтрудверс маал; Перевод Гренвилла Пиготта, в "*Скандинавской мифологии*", стр. 27.

Скотт, *Пират*, глава v., в "Песне бури", которую он переводит устами Норны, показывает, что та же идея все еще встречается на Шетландских островах:

"Суровый орел далекого северо-запада,
Ты, держащий в своих руках молнию,
Ты, чьи стремительные крылья доводят океан до безумия..."
Прекрати ты размахивать своими крыльями,
Пусть океан успокоится в своей темной силе;
Прекрати ты сверкать своими глазами,
Пусть молния уснет в оружейной Одина.

[IV-21] *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. iii., стр. 265; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 5.

[IV-22] *Powers' Pomo*, МИСС

[IV-23] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 713: "Все племена Калифорнийской Индии, по-видимому, испытывали большую преданность и почитание Кондора, или желтоголового грифа". *Тейлор*, в *Кал. Фермер*, 25 мая 1860 года. "*Cathartes Californianus*, крупнейшая хищная птица Северной Америки". "*Птицы Бэрда в Северной Америке*", стр. 5. "Эта птица является объектом великого почитания среди индейских племен во всех частях штата". *Рейд*, в "*Лос-Анджелес Стар*".

[IV-24] *Мифы Бринтона*, стр. 112.

[IV-25] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 46-71; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 14-15; *Гама, Дос Пьедрас*, часть ii., стр. 76-7.

[IV-26] *Müller, Amerikanische Urreligionen*, p. 500.

[IV-27] Чопорный Тайлор. *Культ.*, т. ii., с. 217.

[IV-28] Чарльстон, в сборнике *Скулкрафта.*, т. v., стр. 209.

[iv-29] *Virginia City Chronicle*, в газете *S. F. Daily Ev'g Post* 12 августа 1872 г.

[IV-30] Ком Грегга. *Прерии*, том i., стр. 271-2; *Уиппл, Юбанк и Репортер Тернера*, стр. 38-9, в *Рас. R. R. Rept.*, том iii.; *Мелхаузен, Тагебух*, стр. 170; *Пустыни Доменека*, том i., стр. 164-5. Некоторые более поздние путешественники отрицают все вышесказанное как "вымысел и басню", имея в виду, вероятно, что они ничего этого не видели или что в настоящее время этого не существует. *Палочка, в издании*, 1864, стр. 193; *"Две тысячи миль" Мелина*, стр. 256.

[IV-31] *Castañeda, Voy. de Сибола*, в *"Терно-Компании"*, *"Путешествия"*, сери i, том ix, стр. 150.

[IV-32] *Берналь Дуас, Hist. Конк.*, фол. 3, 8.

[IV-33] *Берналь Дуас, Hist. Conq.*, fol. 136; *Свод Скулкрафта.*, том v., стр. 105.

[IV-34] *Натура Лорда.*, том ii., стр. 218.

[IV-35] *Помо Пауэрса*, ср.; *Боскана в "Жизни Робинсона в Калифорнии"*, стр. 259-262, описывает некоторых других калифорнийцев, которые поклоняются своему главному богу чему-то в виде чучела койота.

[V-1] *Рассказ Армстронга.*, стр. 102, 193; *Пол. Ричардсона. Рег.*, стр. 319-20, 325; *Журнал Ричардсона.*, том первый, стр. 358, 385; *Аляска Далла*, стр. 144-5.

[V-2] *Хардисти*, в *Smithsonian Rept.*, 1866, стр. 318-19; *Религия Джарвиса, Ind. N. Am.*, стр. 91; *Кенникотт*, в книге *Уимпера "Аляска"*, стр. 345; *"Война" Маккензи.*, стр. cxviii.; *Свод Скулкрафта.*, т. v., стр. 178; *Росс*, в *Смитсоновский институт*, 1866, стр. 306-7; *Рассказ Франклина*, том i, стр. 246-7; *Журнал Хармона*, стр. 300; *Хуперовские таски*, стр. 317; *Журнал Ричардсона*, том i, стр. 385-6; *Аляска Далла*, стр. 83-90; *Аляска Уимпера*, стр. 231-2.

[V-3] *Хольмберг, этнос. Обзор.*, стр. 140-1; *Зауэр, Бывший Биллингс.*, стр. 174.

[V-4] *Д'Орбиньи, Voy.*, стр. 579-80; *Русский дис. Кокса*, стр. 217; *Аляска Далла*, стр. 335, 389; *См. Натуру Бэнкрофта. Расы*, том i, стр. 93.

[V-5] В рассказе Холмберга об этих сверхъестественных силах Тлинкитов ничего не говорится о солнце или луне как указывающих на обладание ими жизнью или какими-либо нематериальными качествами. Но *Данн, Территория Орегона*, стр. 284, и *Диксон, Путешествие вокруг света*, стр. 189-90, описывают по крайней мере некоторое племя или племена тлинкитов и многие племена хайда, которые считают солнце великим духом, проходящим над землей один раз в день, оживляющим и поддерживающим жизнь всех существ, и, по-видимому, являющимся источником всего; луна - подчиненный и ночной наблюдатель.

[V-6] *Хольмберг, этнос. Перевод.*, стр. 52-73; *"Аляска" Далла*, стр. 421-3; *"Новое путешествие" Коцебу*, том ii, стр. 58; *"Орегон" Данна*, стр. 280; *"Алекс" Бенделя. Арх.*, стр. 31-3. Этот последний путешественник дает нам вариацию истории Йела и Хануха, которая лучше всего представлена его собственными словами: "Клинкиты верят не в одно Высшее Существо, а

в сонм добрых и злых духов, над которыми возвышаются два возвышенных существа богоподобной величины, являющиеся главными объектами индийского почитания. Это Йетл и Кануг — два брата; первый - благодетель и доброжелатель человечества, но очень капризного и ненадежного характера; второй - суровый Бог Войны, ужасный в своем гневе, но истинный покровитель каждого бесстрашного храбреца. Именно он насылает эпидемии, кровопролитие и войны на тех, кто вызвал его недовольство, в то время как главной функцией Йетла, по-видимому, является противодействие зловещим целям своего темноволосого брата. Йетл и Кануг некогда жили на земле и родились от женщины сверхъестественной расы, ныне ушедшей из жизни, о происхождении и природе которой рассказывается множество противоречивых легенд, трудных для понимания. Когда Йетл ходил по земле и был совсем маленьким, он приобрел большое мастерство в обращении с луком и стрелами. Он убивал крупных птиц, принимал их форму и летал повсюду. Его любимой птицей был ворон; отсюда и его название "Йетл", что на языке клинкитов означает "ворон". В его распоряжении также были туманы и тучи, и он часто собирал их вокруг себя, чтобы спастись от своих врагов. Имя его брата, Кануг, означает "волк", следовательно, "ворон" и "волк" - это имена двух богов клинкитов, которые, как предполагается, являются основателями индийской расы.

[V-7] *Орегон Данна*, стр. 253-9; *Скоулер*, в *Лондоне. Геогр. соц., журнал.*, том xi., стр. 223; *Бэнкрофт, нац. Расы*, том i, стр. 170-71.

[V-8] *Нар. Джевитта.*, стр. 83; *Скоулер*, в *Лондоне. Геог. соц., журнал.*, том xi., стр. 223-4; *Мофрас, Исследование.*, том i., стр. 345; *Сутил и Мексикана, Виаж*, стр. 136; *Война Мирса.*, стр. 270; *Хатчингс Кал. Журнал*, том v., стр. 222-4; *Ванк. Остров Макфи*, стр. 433-441, 455; *Путешествие Барретта-Леннарда*, стр. 51-3; *Сцены Спроата*, стр. 40, 156-8, 167-75, 205-11; *Война Кука. к Пак.*, том ii., стр. 317. В качестве убедительной иллюстрации идей нутка в отношении святости луны и солнца, а также связи солнца с огнем, возможно, стоит обратить внимание на два следующих обычая: "Эль—Тайс [вождь] не имеет права вступать на дискотеку луны". *Сутил и Мексикана, Виаж*, стр. 145. "Девочки в период полового созревания ... их особенно оберегают от солнца или огня". *Бэнкрофт, урожденный. Расы*, том i, стр. 197. В этой связи можно упомянуть, что мистер Лорд, *Натуралист*, том ii, стр. 257, видел среди нутка, находясь в Форт-Руперте, очень своеобразное индийское "лекарство", твердый кусок самородной меди, выкованный плоским, овальной формы, как следует из описания, и разрисованный любопытными приспособлениями, особенно бросающимися в глаза глазами всех размеров. Торговцы с Гудзонова залива называют это "индейской медью" и говорят, что ее выставляли только в исключительных случаях и что ее ценность для племени оценивалась в пятнадцать рабов или двести одеял. Это "лекарство" хранилось в искусно украшенном деревянном футляре, и знахари охраняли его, принадлежащее племени, а не вождю. Подобные листы меди, по описанию Скулкрафта, использовались некоторыми аборигенами Весперика: могут ли все они быть предназначены для символов солнца, подобных тому, которое почитают перуанцы?

[V-9] *Совет Росса.*, стр. 287-9.

[V-10] "Самая храбрая женщина племени, привыкшая носить амуницию воину, участвующему в бою, обнажила грудь перед человеком, который за храбрость и поведение был признан достойным преемником ушедшего. От грудки он отрезал небольшой кусочек, который бросил в огонь. Затем она отрезала небольшой кусочек от плеча воина, который также был брошен в

огонь. Затем в огонь бросали кусочек горького корня с куском мяса, все это предназначалось в качестве подношений Солнцу, божеству плоскоголовых". *Толми*, в *Натуре Господа.*, том ii., стр. 237-8. Для ссылок на оставшуюся часть параграфа см. *Id.*, том ii., стр. 237-43, 260.

[V-11] *Палочка Кейна.*, стр. 218-9; *Словарь Клаллама и Лумми Гиббса.*, стр. 15.

[V-12] Настоящий том, стр. 95-96.

[V-13] *Нар Уилкса.* в *U.S. Ex. Ex.*, т. v., стр. 124-5; *Прил. Кокса*, т. i., стр. 317; "*Орегон*" Данна, стр. 125-6; *Нар. Франшера*, стр. 258; *Мофрас, исследование.*, том ii., стр. 354; *Прил. Росса*, стр. 96; *Исследование Паркера. Тур*, стр. 139, 246, 254; *Толми*, в "*Натуре Лорда*", том ii., стр. 248; *Словарь Гиббса "Чинук"*, стр. 11, 13; *Словарь Клаллама и Ламми Гиббса*, стр. 15, 29; "*Астория*" Ирвинга, стр. 339-40; "*Прим. Культ.*", т. ii., с. 253.

[V-14] *Исследование Паркера. Тур*, стр. 254: "Вожди говорят, что они и их сыновья слишком велики, чтобы умереть сами, и хотя они могут болеть, приходить в упадок сил и умирать, как это делают другие, все же какой-то человек или какой-то злой дух, спровоцированный кем-то, является невидимой причиной их смерти; и поэтому, когда умирает вождь или сын вождя, предполагаемый виновник деяния должен быть убит".

[V-15] *Алворд*, в *сборнике Скулкрафта.*, том v., стр. 652.

[V-16] *Монтана Стюарта*, стр. 64-6.

[V-17] *Пауэрса*, МИСС

[V-18] *Жизнь Хоакина Миллера среди модоков*, стр. 21, 116, 259-60, 360.

[V-19] *Помо Пауэрса*, МИСС

[V-20] *Война Бичи.*, том ii., стр. 78.

[V-21] *Fages*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, vol. ci., pp. 316, 335.

[V-22] Отец Боскана, один из первых миссионеров в Верхней Калифорнии, оставил после себя краткую рукописную историю, из которой была взята традиция, изложенная в тексте, — посредством ныне редкого перевода мистера Робинсона. Наполненный предрассудками своего времени и профессии своего автора, он, тем не менее, удивительно правдив; хотя, очевидно, была проявлена кропотливая забота о его самых, казалось бы, незначительных деталях, в нем нет ни одного из тех слишком заметных нарушений последовательности и заполнения лакун, которые так несомненно выдают руку искушенного писателя во многих монашеских рукописях на сходные темы. С другой стороны, встречаются откровенные признания в невежестве по сомнительным пунктам и множество наивных и озадаченных комментариев в целом. По-видимому, это самое длинное и ценное из существующих сведений о религии нации коренных калифорнийцев, существовавших на момент испанского завоевания, и оно более достойно доверия, чем общее количество подобных документов любой даты. Отец добыл свою информацию следующим образом. Он говорит: "Бог приставил ко мне трех пожилых индейцев, самому младшему из которых было более семидесяти лет. Они знали все секреты, ибо двое из них были *капитанами*, а другой - *пулом*, которые были хорошо обучены мистериям. С помощью подарков, ласковых обращений и доброты я выведал у них их секреты с их

объяснениями; и, наблюдая за церемониями, которые они совершали, я постепенно постиг их тайны. Таким образом, посвятив часть ночей глубокой медитации и сравнив их действия с их разоблачениями, я смог спустя долгое время получить представление об их религии". *Боскана*, в книге *"Жизнь Робинсона в Калифорнии"*, стр. 236.

[V-23] Смотрите [стр. 113](#) этого тома, чтобы узнать об обычаях мексиканцев, не лишенном аналогий с этим.

[V-24] См. [стр. 134](#) этого тома.

[V-25] *Боскана*, в *Жизни Робинсона в Калифорнии*., стр. 242-301.

[V-26] Христианская закваска, действие которой очевидно из этого повествования, бродит здесь слишком сильно, чтобы нуждаться в указании.

[V-27] См. [стр. 83-4](#) этого тома.

[V-28] *Венегас*, *Заметка о Кал.*, том i., стр. 102-124; *Клавиджеро*, *История Кал.*, том i., стр. 135-141; *Гумбольдт*, *Эссе Пол.*, том i., стр. 314.

[V-29] *Virginia City Chronicle*, цитируется в *S. F. Daily Ev'g Post* от 12 октября 1872 г.; *Browne's Lower Cal.*, стр. 188.

[V-30] *Письма де Смета*, стр. 41.

[V-31] *Паркер*, в сборнике *Скулкрафта*., т. v., стр. 684; *Представители Уиппла*, *Юбанка и Тернера*, стр. 35-6, в *Пак. Р. Р.*, т. iii.; *Баррейро*, *Охеада собр. Н. Мексико.*, ар. стр. 8; *Жизнь Филли и приключения*., стр. 82; *Армейская жизнь Марси*, стр. 58, 64; *Доменек*, *Жур. единственная мисс.*, стр. 13, 131, 469.

[V-32] *Баррейро*, *Охеада собр. Н. Мексико.*, стр. 2-3; *Генри*, в сборнике *Скулкрафта*., т. v., стр. 212.

[V-33] *"Западный мир" Крофута*, август 1872 г., стр. 27; *Уиппл*, *Юбанк и Тернер от редакции*, стр. 42, в *Рас. R. R. Rept.*, том iii.; *Тен Брок*, в сборнике *Скулкрафта*, том iv., стр. 91; *Бристоль*, в *инд. Аф. Репт.*, *Специальный ком.*, 1867, стр. 358; *Мифы Бринтона*, стр. 158; *Пустыни Доменека*, т. ii., с. 402.

[V-34] См. [стр. 77-8](#), [примечание 36](#), этот том.

[V-35] *Калифорниец Хоакина Миллера*.

[V-36] *Связь Грегга. Прерии*, том i, стр. 271-3; *Эль Гринго Дэвиса*, стр. 142, 396; *Сухопутный журнал Симпсона*, стр. 21-3; *Пустыни Доменека*, том i, стр. 164-5, 418, том ii, стр. 62-3, 401; *Мелхаузен*, *Тагебух*, стр. 170, 219, 284; *"Две тысячи миль верхом" Мелина*, стр. 202, 226; *"Приключения Ракстона"*. в *Мексике.*, стр. 193; *Тен Брок*, в *Сборнике Скулкрафта*, т. iv., стр. 73; *Уорд*, в *инд. Аф. репт.*, 1864, стр. 192-3; *Разведка Эмори*, стр. 30; *Прим. Тайлора. Культ.*, том ii., стр. 384; *Мифы Бринтона*, стр. 190; *Коронадо*, в *"Войне" Хаклюта.*, том iii., стр. 379. Фремонт рассказывает о рождении Монтесумы. Говорят, его мать была женщиной изысканной красоты, которой восхищались и за которой охотились все мужчины, они дарили ей кукурузу, шкуры и все, что у них было; но привередливая красавица не принимала от них ничего, кроме их

подарков. Со временем сезон засухи привел к массовому голоду и большим бедствиям; тогда богатая леди показала, что ее милосердие столь же велико в одном направлении, сколь и не хватало в другом. Она открыла свои закрома, и дары любовников, которых она не любила, пошли на помощь голодающим, которых она жалела. Наконец, с дождем плодородие вернулось на землю; и на целомудренную Артемиду пуэбло его прикосновение тоже коснулось. В густом летнем ливне она родила сына, и этим сыном был Монтесума.

[V-37] *Тен Брук, в сборнике Скулкрафта.*, том iv., стр. 85-6.

[V-38] *Представители Уиппла, Юбанка и Тернера.*, стр. 42-3, в *R. R. Rept.*, том iii.; *Додт*, в *Ind. Aff. Rept.*, 1870, стр. 129.

[VI-1] *Мексиканский язык. Геог., Болетин*, том iii., стр. 22; *Док. История Мексики.*, серия iv., том iii., стр. 86.

[VI-2] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., том iii., глава 168; *Отношение Смита к Кабесе де Вака*, стр. 177.

[VI-3] *Рибас, История. de los Triumphos*, стр. 473-5; *Док. История Мексики.*, серия iv., том iii., стр. 48.

[VI-4] Очевидно, то же самое, что и тот Вайруби, о котором говорится на [стр. 83](#) этого тома.

[VI-5] *Рибас, История. de los Triumphos*, pp. 16, 18, 40. 'A uno de sus dioses llamaban Ouraba, que quiere decir fortaleza. Era como Marte, dios de la guerra. Ofrecíanle arcos, flechas y todo género de armas para el feliz éxito de sus batallas. A otro llamaban Sehuatoba, que quiere decir, deleite, á quien ofrecian plumas, mantas, cuentecillas de vidrio y adornos mugeriles. Al dios de las aguas llamaban Vamusehua. El mas venerado de todos era Cocohuame, que significa muerte.' *Alegre, Hist. Комп. де Хесус*, том ii., стр. 45. "Они поклоняются своим богам таким вещам, которые носят в своих домах, а именно слухам и птицам, и поют им песни на их языке". *Коронадо*, в "Войне Хаклюта"., том iii., стр. 363.

[VI-6] 'Ils célébraient de grandes fêtes en l'honneur des femmes qui voulaient vivre dans le célibat. Les caciques d'un canton se réunissaient et dansaient tous nus, l'un après l'autre, avec la femme qui avait pris cette détermination. Quand la danse était terminée, ils la conduisaient dans une petite maison qu'on avait décorée à cet effet, et ils jouissaient de sa personne, les caciques d'abord et ensuite tous ceux qui le voulaient. A dater de ce moment, elles ne pouvaient rien refuser à quiconque leur offrait le prix fixé pour cela. Elles n'étaient jamais dispensées de cette obligation, même quand plus tard elles se mariaient.' *Castañeda, in Ternaux-Compans, Voy., série i., tom. ix., pp. 150-1*. "Хотя эти мужчины были очень аморальны, все же они так уважали всех женщин, которые вели безбрачную жизнь, что устраивали в их честь грандиозные праздники". И на этом он заканчивает. "*Пустыни Доменека*", том i, стр. 170.

[VI-7] Этот том, [стр. 55-6](#).

[VI-8] Я хотел бы привлечь внимание к тому факту, что Альварадо, румяного красавца испанского капитана, мексиканцы называли Тонатиух, точно так же, как жители Листры называли Варнаву Юпитером, а Павла Меркурием, — чтобы показать, насколько неэтичными и антропоморфными были представления, связанные мексиканцами с богом солнца.

[VI-9] *Прим. Тайлора. Культ.*, том ii., стр. 311.

[VI-10] Müller, *Amerikanische Urreligionen*, pp. 473-4. Так часто обсуждаемое сходство по форме и значению между двумя мексиканскими словами *teotl* и *calli* (см. *Molina, Vocabulario*) и двумя греческими словами *theos* и *kalia*, достаточно хорошо замечено Мюллером. 'Die Mexikanischen Völker haben einen Appellativnamen für Gott, Teotl, welcher, da die Buchstaben tl bloss aztekische Endung sind, merkwürdiger Weise mit dem indogermanischen theos, Deus, Deva, Dew, zusammenstimmt. Dieses Wort wird zur Bildung mancher Götternamen oder Kultusgegenstände gebraucht. Hieher gehören die Götternamen Tcotlacozanqui, Teocipactli, Teotetl, Teoyamiqui, Tlozolteotl. Der Tempel heisst Teocalli (vgl. Kalia, Hütte, Kalias, Capelle) oder wörtlich Haus Gottes— das göttliche Buch, Teoamoxtli, Priester Teopuixqui, oder auch Teoteuktli, eine Prozession, Teonenemi, Göttermarsch. Dazu kommen noch manche Namen von Städten, die als Kultussitze ausgezeichnet waren, wie das uns schon früher bekannt gewordene Teotihuacan. Im Plural wurden die Götter Teules genannt und eben so, wie uns Bernal Diaz so oft erzählt, die Gefährten des Cortes, welche das gemeine Volk als Götter bezeichnen wollte.' *Id.*, p. 472.

[VI-11] Klemm, *Cultur-Geschichte*, том v., pp. 114-5.

[VI-12] Brasseur de Bourbourg, *Hist. des Nat. Civ.*, том i., стр. 45-6.

[VI-13] Галлатин, в *Америке. Antiq. Соч., Transact.*, том i, стр. 352.

[VI-14] *Победа Прескотта. из Мексики.*, том i, стр. 57.

[VI-15] *Символ Змеи Сквайера*, стр. 47.

[VI-16] Бюссьер, *Мексиканская империя*, стр. 131-3.

[VI-17] Бранц Майер, в сборнике *Скулкрафта.*, том vi., стр. 585; см. Также, "*Мексика, какой она была*" Бранца Майера, стр. 110.

[VI-18] Карбахаль Эспиноса, *Hist. de Mexiko*, том i, стр. 468-9; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii, стр. 3-4.

[VI-19] *Добрый человек.*

[VI-20] Pimentel, *Mem. sobre la Raza Indígena*, pp. 11-13.

[VI-21] Солис, *Hist. de la Conq. de Mex.*, том i., стр. 398-9, 431.

[VI-22] Галлатин, в *Америке. Этнол. Soc., Transact.*, vol. i., стр. 350, отождествляет этого бога с Тецкатлипокой, о котором он пишет в следующих выражениях: "Тецкатлипока. Истинный невидимый бог обитает на небесах, земле и аду; единолично управляет миром, дает и отнимает богатство и процветание. Называется также *Тутлакоа* (отсюда его звезда *Тутлакауан*). Под именем *Некоциаотля*, автора книги "Войны и раздоры". По словам Ботурини, он - бог провидения. Похоже, он является единственным эквивалентом *Тонакатлекомтла* среди толкователей Кодексов".

[VI-23] *Понятно. del Codex Telleriano-Remensis*, в мексиканском *Кингсборо. Антик.*, том v., стр. 135. Я пользуюсь этой возможностью, чтобы предостеречь читателя от перевода Кингсборо

вышеупомянутого кодекса, а также от его перевода *Мексиканского кодекса прав человека*: в эти два, похоже, вкрались все ошибки, которые могли исказить перевод.

[VI-24] Смотрите этот том. [стр. 57](#), [примечание 13](#). На [страницах 55 и 56](#), а также в относящемся к ним примечании также можно найти множество ссылок, относящихся к обсуждаемому вопросу.

[VI-25] Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава xviii., стр. 253.

[VI-26] Qües, как называет их Овьедо (большинство авторов пишут *реплики*), следующее объяснение дается в глоссарии *американских словарей для Овьедо*, приложенном к четвертому тому *Истории. Ген.*: 'Qü: templo, casa de oracion. Esta voz era muy general en casi toda América, y muy principalmente en las comarcas de Yucatan y Mechuacan.'

[VI-27] Овьедо, *История. Генерал.*, том iii., стр. 503.

[VI-28] 'Ypalnemoaloni, que quiere decir, Señor por quien se vive, y ai sèr en èl de Natureleça.' *Torquemada, Monarq. Изд.*, том iii., стр. 30.

[VI-29] Смотрите этот том. [стр. 183](#). — Следует отметить, что Акоста не отрицает знания мексиканцами Верховного Бога; он лишь отрицает существование какого-либо имени, под которым указанное божество было общеизвестно. Это ясно из следующей выдержки из *Hist. Nat. Ind.*, стр. 333: "Во-первых, хотя мрак неверия держит эти народы в ослеплении, все же во многих вещах свет истины и разума в некоторой степени действует в них. И они обычно признают верховного Повелителя и Автора всего сущего, которого они в Перу называют Виракоча.... Ему они поклонялись, как главному из всех, кого они почитали за созерцание небес. Подобных мы видим среди них в Мексике".

[VI-30] Акоста, *Хист. Нац. Изд.*, стр. 334, 337-8.

[VI-31] Мендьета, *История. Эклз.*, стр. 88, 91, 107.

[VI-32] Интерпретация названия Tloque Nahuaque не только несовместима с другой, данной тем же автором несколькими строками выше в нашем тексте, но и полностью расходится с интерпретациями всех других авторов, с которыми я знаком. Возможно, здесь не лишним обратиться к лучшему доступному авторитету в вопросах мексиканской идиомы: Молина, *Словарь*, описывает название как означающее "Тот, от кого зависит существование всех вещей, сохранение и поддержание их" — слово, используемое также для обозначения Бога или Повелителя. '*Tloque nauaque*, cabe quien esta el ser de todas las cosas, conseruandolas y sustentandolas: y dize de nro señor dios.'

[VI-33] Камарго, *История. de Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 191, том. xcix., стр. 168.

[VI-34] Мотилиния, *История. Indios*, в *Icazbalceta*, кол., том i., стр. 4, 33-34.

[VI-35] Икстлильшочитль, *История. Чичимека в мексиканском Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 261. 'Tuvo por falsos á todos los dioses que adoraban los de esta tierra, diciendo que eran estatuas ó demonios enemigos del género humano; por que fue muy sabio en las cosas morales, y el que mas vaciló buscando de donde tomar lumbre para certificarse del verdadero Dios y criador de todas las cosas, como se ha visto en el discurso de su historia, y dan testimonio sus cantos que compuso en

razon de esto como es el decir que habia uno solo, y que este era el hacedor del cielo y de la tierra, y sustentaba todo lo hecho y criado por él, y que estaba donde no tenia segundo, sobre los nueve cielos, que él alcanzaba, que jamas se habia visto en forma humana, ni otra figura, que con él iban á parar las almas de los virtuosos despues de muertos, y que las de los malos iban á otro lugar, que era el mas ínfimo de la tierra, de trabajos y penas horribles. Nunca jamas (aunque habia muchos ídolos que representaban muchos dioses) cuando se ofrecia tratar de deidad, ni en general ni en particular, sino que decia yntloque in nauhaque y palne moalani, que significa lo que està atras declarado. Solo decia que reconocia al sol для отца; и а ля огненная земля для матери". Смотрите также *Relaciones* того же автора в том же томе, стр. 454.

[VI-36] *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. iii., стр. 241-2.

[VI-37] "За фрезу де ла комида". *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 39.

[VI-38] 'Porque á la verdad no os engañais con lo que haceis.' See *Sahagun*, in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. v., стр. 356, поскольку замена "engañeis" на "engañais" разрушает смысл отрывка в изд. Бустаманте. о том же, *Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., стр. 43.

[VI-39] По ошибке и solecизму изд. Бустаманте. слова "роды рохаса" заменены прилагательным "generosos". Смотрите, как и в предыдущем примечании, *Саагун* в журнале *Кингсборо Mex. Antiq.*, vol. v., стр. 357, и *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 43.

[VI-40] 'Es decir Comandantes ó Capitanes generales de ejército:' *Bustamante*, in *Sahagun, Hist. Gen.*, том. ii., lib. vi., p. 44.

[VI-41] "Борлас", см. *Саагуна* в книге *Кингсборо "Мексиканец"*. *Antiq.*, vol. v., стр. 358, дан "боллас" в "*Саагуне, История. Генерал.*", том ii., lib. vi., стр. 45.

[VI-42] "Дигнидад", *Саагун* в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, vol. v., стр. 359, опечатка "diligencia" в "*Саагуне, История. Генерал.*", том ii., lib. vi., стр. 46.

[VI-43] This doubtful and involved sentence, with the contained clause touching the nature of the fire-god, runs exactly as follows in the two varying editions of the original: 'Si alguna cosa aviesa ó mal heche hiciera en la dignidad que le habeis dado, y en la silla en que le habeis puesto, que és vuestra, donde està tratando los negocios populares, como quien lava cosas sucias con agua muy clara y muy limpia; en la qual silla y dignidad tiene el mismo oficio de lavar vuestro padre y madre de todos los Dioses, el Dios antiguo que és el Dios del fuego, que está en medio del albergue cerca de quatro paredes, y está cubierto con plumas resplandecientes que son como alas, lo que este electo hiciere mal hecho, con que provoque vuestra ira é indignacion, y despierte vuestro castigo contra si, no será de su albedrio ó de su querer, sino de vuestra permission, ó de algun otra sugestion vuestra, ó de otro; por lo cual os suplico tengais por bien de abrirle los ojos y darle lumbre y abrirle las orejas, y guiadle á este pobre electo, no tanto por lo que él és, sino principalmente por aquellos á quienes ha de regir y llevar á cuestas.' *Sahagun*, in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, том v., c. 360-361. 'Si alguna cosa aviesa ó mal hecha hiciere, en la dignidad que le habeis dado, y en la silla en que lo habeis puesto que es vuestra, donde está tratando los negocios populares, como quien laba cosas sucias, con agua muy clara y muy limpia, en la cual silla y dignidad tiene el mismo oficio de labar vuestro padre y madre, de todos los dioses, el dios antiguo, que es el dios del fuego que está en medio de las flores, y en medio del albergue cercado de cuatro paredes, y está cubierto con plumas resplandecientes que son como alas; lo que este electo hiciere mal hecho con que provoque vuestra ira é indignacion, y despierte

vuestro castigo contra sí, no será de su alvedrio de ó su querer, sino de vuestra permision, ó de alguna otra sugestion vuestra, ó de otro; por lo cual os suplico tengais por bien de abirle los ojos, y darle luz, y abridle tambien las orejas, y guiad á este pobre electo; no tanto por lo que es él, sino principalmente por aquellos á quien ha de regir y llevar a cuestras.' Bustamante's *Sahagun, Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., p. 48.

[VI-44] Смотрите этот том [стр. 60](#).

[VI-45] Некоторые из этих имен по-разному пишутся в изд. Кингсборо, *Мексика. Антик.*, том v., стр. 362. 'Uno de los quales fué Camapichtli, otro fué Tizocic, otro Avitzotl, otro el primero Motezuzoma, otro Axayaca, y los que ahora á la parte han muerto, como el segundo Motezuzoma, y tambien Ylhiycamina.'

[VI-46] "Obejas", в изд. Бустаманте. *Саагун, История. Генерал.*, том ii., lib. vi., стр. 53; "абехас" в *мексиканском Кингсборо. Антик.*, том v., стр. 364.

[VI-47] 'Y como el loco de los beleños.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., p. 54.

[VI-48] Оба редактора "Саагуна" согласны здесь в использовании слова "obejas". Поскольку овцы были неизвестны в Мексике, слишком очевидно, что при создании этого сравнения использовались другие руки, кроме мексиканских.

[VI-49] 'Si es así ha hecho burla de V. M., y con desacato y grande ofensa, se ha arrojado á una cima, y en una profunda barranca.' Bustamante's ed. of *Sahagun, Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., p. 58. The same passage runs as follows in Kingsborough's ed.: 'Si és así ha hecho burla de vuestra magestad, y con desacato y grande ofensa de vuestra magestad será arrojado en una sima, y en una profunda barranca.' *Kingsborough's Mex. Антик.*, том v., стр. 367.

[VI-50] "Роса" ошибочно напечатано вместо "роза" в изд. Бустаманте, *Саагун, История. Генерал.*, том ii., lib. v., стр. 58.

[VI-51] 'Cosa que descende del cielo, como agua clarísima y purísima par lavar los pecados.' *Sahagun, in Kingsborough's Mex. Антик.*, том v., стр. 368. См. также *Саагуна, Историю. Бытие.*, том ii., lib. vi., стр. 59.

"Милосердие не требует напряжения,
Оно ниспадает, как нежный дождь с небес,
На то, что внизу". — *Венецианский купец*, акт IV.

[VI-52] 'Mayormente á los enfermos porque son imágen de dios.' *Саагун, История. Бытие.*, том ii., lib. vi., стр. 63.

[VI-53] 'Los pasados señores y señoras que tuvieron cargo de éste reino.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., p. 71.

[VI-54] "Украшение лас криатурас". *Саагун, в мексиканском Кингсборо. Антик.*, том v., стр. 377. "Адорнадор де лас Альмас". *Саагун, История. Генерал.*, том ii., lib. vi., стр. 71.

[VI-55] Точную силу большей части этого предложения трудно понять. Во всяком случае, это, по-видимому, показывает, что предполагалось, что торговцы были очень близки с этим божеством и пользовались его особым благоволением. The original runs as follows: 'En este lugar burlan y rien

de nuestras boberías los negociantes, con los quales estais vos holgados, porque son vuestros amigos y vuestros conocidos, y allí inspirais é insuflais á vuestros devotos, que lloran y suspiran en vuestra presencia y os dan de verdad su corazon.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. ii., lib. vi., p. 73.

[VI-56] 'Para que vean como en espejo de dos hazes, donde se representa la imagen de cada uno'. *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 73.

[VI-57] *Накочтли*, орехерас (серьги); *Тентетль*, бечоте де индио (украшение для губ). *Молина, Словарь*. Молина также приводит *Matemecatli*, означающий золотой браслет или что-то в этом роде; Бустаманте переводит это слово таким же образом, объясняя, что ремешок, упомянутый в тексте, использовался для завязывания браслета. *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 74.

[VI-58] 'Espaldar de vuestra silla.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. ii., lib. vi., p. 75.

[VI-59] "Тот, кто произнес эту молитву перед Тецкатлипокой, встал на ноги, близко поставив ступни друг к другу, склонившись к земле. Те, кто был очень набожен, были обнажены. Перед началом молитвы они приносили в жертву огню копал или какую-нибудь другую жертву, и если они были накрыты одеялом, они затягивали его узел на груди, так что спереди они были обнажены. Некоторые произносили эту молитву, сидя на корточках на икрах и держа узел одеяла на плече". *Саагун, История. Бытие.*, том ii., lib. vi., стр. 75.

[VI-60] Отец Бернардино де Саагун, испанский францисканец, был одним из первых проповедников, посланных в Мексику; где он много занимался обучением местной молодежи, работая по большей части в провинции Тецкоко. Находясь там, в городе Тепеопулько, во второй половине шестнадцатого века, он начал работу, наиболее известную нам как "*Всеобщая история лас Козас Новой Испании*", из которой были переведены вышеупомянутые молитвы и из которой мы будем в основном черпать дополнительную информацию. Было бы трудно представить себе произведение с таким персонажем, созданное в лучшей манере работы, чем у него. Собрав главных уроженцев города, в котором он продолжал свои труды, он убедил их назначить ему несколько человек, наиболее образованных и опытных в том, о чем он хотел написать. Когда этих ученых мексиканцев собирали, отец Саагун обычно заставлял их зарисовывать в их родной манере различные легенды, детали истории и мифологии и так далее, которые он хотел; внизу упомянутых рисунков эти ученые мексиканцы выписывали пояснения к ним на мексиканском языке; и это объяснение отец Саагун перевел на испанский: этот перевод подразумевает то, что мы сейчас читаем как "*Общая история*". Ниже следует перевод Пролога его работы, в котором он описывает все вышесказанное по-своему: "Все писатели делают все возможное, чтобы сделать свои произведения авторитетными; одни опираются на свидетельства, достойные веры, другие - на труды предыдущих авторов, заслуживающих доверия, третьи - на свидетельства Священных Писаний. Для меня важно, чтобы все эти основы сделали авторитетным то, что я написал в этих двенадцати книгах [из *Общей истории*]. У меня нет другого основания, кроме как изложить здесь рассказ о том усердии, которое я приложил, чтобы познать истину всего, что написано в этих двенадцати книгах. Как я уже говорил в других предисловиях к этой работе, мой главный прелат повелел мне со всем святым послушанием написать на мексиканском языке то, что, по моему мнению, было полезно для доктрины, богослужения и поддержания христианства среди этих уроженцев Новой Испании, а также для помощи работникам и служителям, которые их обучали. Получив эту заповедь, я составил на испанском языке протокол, или памятную записку, по всем вопросам, которые мне предстояло обсудить, а именно по тому, что написано в двенадцати книгах, ... которые были начаты в пуэбло

Тепеопулько, что в провинции Кулхуакан или Теццоко. Работа была выполнена следующим образом. В вышеупомянутом пуэбло я собрал всех видных людей вместе с хозяином этого места, которого звали дон Диего де Мендоса, отличавшегося большими способностями, хорошо опытного в церковных, военных, политических делах и даже в том, что касалось идолопоклонства. Когда они собрались вместе, я изложил им то, что я предполагал сделать, и попросил их назначить мне способных и опытных людей, с которыми я мог бы побеседовать и прийти к взаимопониманию по таким вопросам, которые я мог бы предложить. Они ответили мне, что обсудят этот вопрос и дадут свой ответ в другой день; и с этими словами они удалились. Итак, на другой день пришли господь и его главные мужи, и, посоветовавшись с большой торжественностью, как они привыкли делать в то время, они выбрали десять или двенадцать главных старцев и сказали мне, что с ними я могу общаться и что они проинструктируют меня в любых вопросах, о которых я спрошу. Из них четверо были обучены латыни, которым я сам несколько лет назад преподавал грамматику в колледже Санта-Крус в Тлалтелолко. С этими назначенными главными людьми, включая четверых, обученных грамматике, я беседовал много дней в течение примерно двух лет, следуя порядку минут, который я уже составил. По всем предметам, по которым мы совещались, они давали мне рисунки — это были письма, издревле использовавшиеся среди них, — и грамматисты переводили их мне на своем языке, записывая толкование внизу рисунка. Даже по сей день я храню их оригиналы.... Когда я пришел в капитул, которым закончился семилетний срок правления брата Франсиско Торалья — того, кто возложил на меня ответственность за эту работу, — меня увезли из Тепеопулько со всеми моими трудами. Я переехал жить в Сантьяго-дель-Тлалтелолко. Там я собрал ведущих людей, изложил им суть моих трудов и попросил их назначить мне нескольких способных ведущих людей, с которыми я мог бы изучить и обсудить труды, привезенные мной из Тепеопулько. Губернатор вместе с алькальдами назначил мне целых восемь или десять главных людей, отобранных из числа наиболее сведущих в их языке и в предметах их старины. С ними и с четырьмя или пятью членами коллегии, все трехязычные и жившие в течение года или более уединенно в колледже, все, что было привезено написанным из Тепеопулько, было явно исправлено и дополнено; и все это было переписано мелкими буквами, поскольку писалось с большой поспешностью. В этом исследовании усерднее всех членов колледжа трудился Мартин Якобита, который в то время был ректором колледжа и проживал в приходе Санта-Ана. Я, сделав все, как было сказано выше, в Тлалтелолко, уехал, взяв с собой все свои труды, жить в Сан-Франциско-де-Мексико, где в одиночестве в течение трех лет я снова и снова изучал труды, исправлял их, разделил на двенадцать книг, а каждую книгу - на главы и параграфы. После этого, поскольку отец Мигель Наварро был провинциалом, а отец Диего де Мендоса - генеральным комиссаром в Мексике, по их милости я переписал все двенадцать книг хорошим почерком, а также "*Postilla*" и "*Cantares*" [это были другие работы, над которыми работал Саагун]. Я разобрал также Искусство мексиканского языка со словарным приложением. Мексиканцы во многом дополнили и исправили мои двенадцать книг [из *Общей истории*], пока они переписывались полностью; так что первым ситом, через которое прошла моя работа, было сито Тепеопулько, вторым - Тлалтелолко, третьим - Мексики; и во всех этих исследованиях были задействованы академические грамматисты. Главным и наиболее образованным был Антонио Валериано, житель Ацтапузалько; другим, немногим меньше первого, был Алонсо Вегерано, житель Куаухтитлана; другим был Мартин Якобита, упомянутый выше; еще один Педро де Санта Буэнавентура, житель Куаухтитлана; все они знатоки трех языков: латыни, испанского и индийского [мексиканского]. Переписчики, сделавшие четкие копии всех работ, - Диего Деградо, житель прихода Сан-Мартин, Матео Северино, житель Сочимилько, части Уллака.

Поскольку четкая копия была полностью сделана, благодаря благосклонности вышеупомянутых отцов и расходованию звонкой монеты на переписчиков, ее автор попросил делегата отца Франсиско де Риверу, чтобы работа была представлена трем или четверем религиозным организациям, чтобы они могли высказать свое мнение о ней, и чтобы в провинциальном капитуле, который был совсем рядом, они могли присутствовать и доложить об этом ассамблее, говоря так, как им кажется. И они сообщили ассамблее, что эти труды представляют большую ценность и заслуживают такой поддержки, которая была необходима для их завершения. Но некоторым из собравшихся показалось, что тратить деньги на копирование этих писаний противоречит их обету бедности; поэтому они приказали автору уволить своих переписчиков и чтобы он один, своей рукой, переписывал все, что хотел; но поскольку ему было более семидесяти лет, и из-за дрожи его руки он не мог ничего написать и не мог получить разрешение на основании этого мандата, с писаниями ничего не делалось более пяти лет. В течение этого перерыва и на следующем собрании отец Мигель Наварро был избран генеральным собранием от *custos custodium*, а отец Алонсо де Эскалона - от *provincial*. За это время автор составил краткое изложение всех книг и всех глав каждой книги, а также прологов, в которых было кратко изложено все, что содержалось в книгах. Это краткое изложение отец Мигель Наварро и его спутник, отец Херонимо де Мендиета, привезли в Испанию, и таким образом в Испании появилось то, что было написано об этой земле. Тем временем отец-провинциал забрал все книги автора и рассеял их по всей провинции, где их увидели многие религиозные деятели и одобрили как очень ценные. Через несколько лет, на повторном собрании общего капитула, отец Мигель Наварро, по ходатайству автора, обратился с порицаниями, чтобы снова собрать упомянутые книги; которые из этого собрания примерно через год попали в руки автора. За это время над ними ничего не было сделано, и не было никого, кто помог бы перевести их на местный испанский, пока генеральный делегат отец Родриго де Секера не приехал в эти края, не увидел их и остался ими очень доволен, и приказал автору перевести их на испанский; предоставив все необходимое для их переписывания, мексиканский язык в одной колонке и испанский в другой, чтобы их можно было отправить в Испанию; ибо самый прославленный сеньор Дон Хуан де Овандо, президент Совета Индии, справился о них, зная о них. Их из-за резюме, которое упомянутый отец Мигель Наварро привез в Испанию, как было сказано выше. И все вышесказанное должно показать, что эта работа была изучена и одобрена многими, и в течение многих лет прошла через множество неприятностей и несчастий, прежде чем достигла того места, которое она сейчас занимает". *Саагун, История. Генерал*, том i., lib. i., Prólogo, стр. iii. vii. Что касается даты, когда Саагун писал, он говорит: "Эти двенадцать книг, а также приложение к искусству и словарю были закончены в виде четкой копии в 1569 году; но не переведены на испанский". *Саагун, История. Генерал.*, том ii, библиотека i, Введение, стр. xv. Следующий скудный очерк жизни Саагуна взят, вслед за Бустаманте, из *Наставлений Серафико* отца Бетанкура: "Отец Бернардино Саагун, уроженец из Саагуна, принял рясу в монастыре Саламанки, будучи студентом этого университета. Он прибыл в эту провинцию [Мексика] в 1529 году в компании отца Антонио де Сьюдад-Родриго. В юности он был наделен красотой и изяществом личности, которые соответствовали его душе. С самых юных лет он был очень наблюдательным, замкнутым и преданным молитве. Отец Мартин де Валенсия поддерживал с ним очень тесное общение, благодаря чему много раз видел, как тот впадал в экстаз. Саагун был очень аккуратен в посещении хора, даже в преклонном возрасте он никогда не отсутствовал на заутрене. Он был мягким, скромным, вежливым в общении со всеми. Он был избран вторым после ученого отца Хуана де Гаоны профессором в Тлалтелолко в колледже Санта-Крус; где он сиял, как огонек на

подсвечнике, ибо был совершенен во всех науках. Его владение мексиканским языком было в совершенстве, равного которому нет и по сей день; он написал на нем много книг, которые будут упомянуты в каталоге авторов. Ему пришлось столкнуться с большим сопротивлением, поскольку некоторым казалось нехорошим записывать на языке мексиканцев их древние обряды, чтобы это не дало повода для их настойчивого соблюдения. Он охранял честь Бога от идолопоклонства и искренне стремился внушить христианскую веру обращенным. Как священник с большим опытом, он подтвердил, что в течение первых двадцати лет [его жизни в провинции] рвение местных жителей было очень велико; но что впоследствии они склонились к идолопоклонству и стали очень теплыми в вере. Об этом он говорит в имеющейся у меня книге своих *почтальонов*, из которой я многому научился. В течение первых двадцати лет своей жизни [в провинции] он был попечителем нескольких женских монастырей; но после этого он не желал брать на себя никаких должностей или опекунов более сорока лет, чтобы иметь возможность заниматься проповедью, исповедью и писательством. В течение шестидесяти одного года, что он прожил в провинции, по большей части в колледже, не отдыхая ни дня, он знакомил мальчиков с цивилизацией и хорошими обычаями, обучая их чтению, письму, грамматике, музыке и другим вещам на службе Богу и государству. Так продолжалось до 1590 года, когда приближение смерти стало очевидным для всех, он поступил в больницу Мехико, где и скончался 23 октября. Там собрались на его похороны члены коллегии, следуя за своими *беками*, и местные жители, проливающие слезы, и члены различных религиозных домов, возносящие хвалу Господу нашему за эту святую смерть, о которой говорится в мартирологе, — Гонзага, Торквемада, Деза, Рампинео и многие другие. В библиотеке сеньора Эгиары, в рукописи коллекции Турриана, я прочитал статью, касающуюся отца Саагуна; в ней приведен большой каталог произведений, которые он написал. I remember only the following: *Historia General de las Cosas de Nueva España*; *Arte de gramática mexicana*; *Diccionario trilingue de español, latin, y mexicano*; *Sermones para todo el año en mexicano*, (poséo aunque sin nombre de autor); *Postillas ó commentarios al evangelio, para las misas solemnes de dia de precepto*; *Historia de los primeros pobladores franciscanos en Mexico*; *Salmodia de la vida de Cristo, de la virgen y de los santos, que usaban los indios, y preceptos para los casados*; *Escala espiritual*, que fué la primera obra que se imprimió en Mexico en la imprenta que trajo Hernan Cortés de España. 'Sahagun, *Hist. Gen.*, tom. i., pp. vii.-ix. Что касается способа, которым *Общая история* о Саагуне, "которому, — говорит Прескотт, *Mex.*, vol. i., стр. 67, — я следовал как высшему авторитету" в вопросах мексиканской религии — наконец-то увидела свет публикация, я привожу отчет Прескотта, *Mex.*, vol. i., стр. 88, как точный, за исключением одного пункта, исправление к которому смотрите в скобках: "Наконец, к концу прошлого столетия неутомимому Муньосу удалось извлечь давно утраченную рукопись из того места, где она была найдена". традиция приписывала ей библиотеку монастыря в Толосе, в Наварре, на северной оконечности Испании. Со свойственным ему рвением он переписал все произведение собственными руками и добавил его к бесценному собранию, из которого, увы! ему не суждено было самому извлечь всю пользу. Эта расшифровка позволила лорду Кингсборо раздобыть копию, которая была опубликована в 1830 году в шестом томе его великолепного сборника. [Она была опубликована в двух частях, в пятом и седьмом томах этого сборника, и точной датой публикации был 1831 год.] В нем он выражает искреннее удовлетворение тем, что был первым, кто представил миру работу Саагуна. Но в этом предположении он ошибся. Годом ранее в Мексике вышло его издание с аннотациями в трех томах 8vo. Она была подготовлена Бустаманте — ученым, редакторской деятельности которого во многом обязана его страна, — на основе копии рукописи Муньоса, попавшей в его распоряжение. Таким образом, это замечательное

произведение, которому при жизни автора было отказано в почестях прессы, после того как оно кануло в лету, появилось вновь, спустя почти три столетия, не в его собственной стране, а в других странах, значительно удаленных друг от друга, и это почти одновременно.... Саагун разделил свою историю на двенадцать книг. Первые одиннадцать посвящены социальным институтам Мексики, а последняя - Завоеванию. О религии страны он особенно подробно рассказывает. Очевидно, его главной целью было дать ясное представление о его мифологии и о связанном с ней обременительном ритуале. Религия настолько глубоко вошла в самые частные заботы и обычаи ацтеков, что работа Саагуна должна стать учебником для каждого изучающего их древности. Торквемада воспользовался рукописным экземпляром, который попал к нему в руки перед отправкой в Испанию, чтобы обогатить свои собственные страницы — обстоятельство, более благоприятное для его читателей, чем для репутации Саагуна, чья работа теперь, когда она опубликована, теряет большую часть оригинальности и интереса, которые в противном случае придавали бы ей значение. В одном отношении она бесценна: она представляет собой полное собрание различных форм молитвы, приспособленных ко всем возможным чрезвычайным ситуациям и используемых мексиканцами. Они часто облечены в достойные и красивые формулировки, показывающие, что возвышенные умозрительные догматы вполне совместимы с самыми унижительными практиками суеверия. Вызывает большое сожаление, что у нас нет восемнадцати гимнов, вставленных автором в его книгу, которые представляли бы особый интерес как единственный сохранившийся образец религиозной поэзии ацтеков. Иероглифические рисунки, сопровождавшие текст, также отсутствуют. Если они избежали рук фанатизма, то оба могут появиться снова когда-нибудь в будущем". Как можно было заметить, издания "Саагуна" Бустаманте и Кингсборо постоянно использовались вместе и сопоставлялись в ходе настоящей работы. Они отличаются друг от друга, особенно во многих незначительных типографских моментах, в этом отношении Бустаманте отредактирован более небрежно. Однако, несмотря на противоположное мнение мистера Харрисса, издание Бустаманте в целом более полное; Кингсборо открыто опустил некоторые части оригинала, которые он считал неважными или неинтересными, — ошибка также Бустаманте, но в меньшей степени. К счастью, то, чего нет в одном, я всегда находил в другом; и действительно, в целом, принимая во внимание все обстоятельства, они вполне согласуются. Критика мистера Харрисса, о которой только что говорилось, заключается в следующем, *Биб. Ам. Вет.*, стр. 208, примечание 52: "*Генеральная история Новой Испании*; Мексика, 3 тома., 4то, 1829 (отредактировано и кастрировано Бустаманте [Бустаманте] таким образом, что для совершенного понимания этого сухого, но важного труда требуется чтение частей, также опубликованных в томах v. и vi. [v. и vii.] "*Древностей* Кингсборо"). Однако мы еще не закончили с изданиями "*Истории Новой Испании*". Саагун. Третье издание части его работы увидело свет. Сам Бустаманте пытается заменить часть своего первого издания. Он утверждает, что книга xii. об этом его первом издании, как, конечно, и о книге xii. из издания Кингсборо, является поддельным и было искажено и приукрашено испанскими руками довольно далеко от оригинала, написанного Саагуном. Как именно и когда произошла эта порча, он не показывает; но он оставляет за собой право предположить, что это произошло сразу после того, как оригинальная рукопись была изъята у ее автора, и что это было сделано потому, что двенадцатая книга, в которой более непосредственно говорится о Завоевании, слишком мало отразила Завоевателей. Бустаманте раздобыл, как теперь будет передано его собственными словами, правильный и подлинный экземпляр двенадцатой книги, экземпляр, написанный и подписанный рукой самого Саагуна, и в 1840 году подарил его миру под необычным названием "*Апарисион Нуэстра Сеньора де Гваделупе де Мехико, собрание с опровержением негативных*

аргументов в настоящем документе" Д. Хуана Баутисты Муньоса, фонд свидетельств П. о. Бернардино Саагуна". море, Оригинальная история создателя, альтернатива публикации в 1829 году, в которой содержится двусмысленная концепция происхождения и оригинального авторства дихотомии. Все это означает, что он, Бустаманте, уже опубликовавший в 1829-30 годах полное издание "Общей истории" Саагуна в двенадцати книгах, согласно лучшей рукописи, которую он смог тогда найти, обнаружил, что двенадцатая книга этой истории не является подлинной, нашел подлинный оригинал упомянутой двенадцатой книги и теперь, в 1840 году, публикует упомянутую подлинную двенадцатую книгу под вышеупомянутым необычным названием, поскольку в ней содержится некоторая ссылка на то, что, как предполагается, занимает главное место в сознании каждого религиозного мексиканца, а именно, на чудесное явление Блаженного. Девственница некоей коренной мексиканки, ла Апарисион де нуэстра Сеньора де Гваделупе-де-Мехико. Собственный отчет Бустаманте обо всем вышесказанном, переведенный с вышеупомянутого *Nra. Сеньора де Гуадалупе*, стр. iv., viii., xxiii., гласит следующее: "Поскольку он [Саагун] писал с откровенностью, присущей правде, и поскольку это не нравилось ни главам тогдашнего правительства, ни даже некоторым из его братьев-монахов, у него отобрали его труды. Их отправили в Испанию и приказали хранить в архиве монастыря Сан-Франциско-де-Толоса-де-Наварра, чтобы никто никогда не смог их прочесть; там они пролежали спрятанными более двух столетий. Во время правления Карлоса III сеньору Муньосу было поручено написать историю Нового Света. Но он оказался без этой работы [Саагуна], столь необходимой для его цели; и он не знал о ее местонахождении, пока, читая указатель Францисканской библиотеки, не узнал о ней и, наделенный правительством всеми полномочиями, не забрал ее из упомянутого монастыря. Полковник Д. Диего Гарсия Панес приехал в Мадрид в то же время, чтобы опубликовать работы сеньора Вейтия, и этот джентльмен подружился с Муньосом, который позволил ему скопировать два толстых тома, в которых были написаны работы Саагуна.... Таким образом, эти два тома, которые скопировал полковник Пейнс, считались исключительно работой отца Саагуна и как таковые пользовались уважением; тем не менее, по-видимому, не подтверждено свидетельством, что это был оригинальный автограф автора. Если бы это было так, это обстоятельство вряд ли осталось бы без определенного упоминания, когда говорилось о способе, которым книга попала в руки, и когда была получена гарантия точности копии. Сегодня я располагаю оригинальной рукописью, полностью написанной и подписанной рукой отца Саагуна; в ней следует отметить существенное отличие некоторых глав, которые я сейчас представляю, от тех, которые я ранее опубликовал в двенадцатой книге его *Всеобщей истории*, которая представляет собой книгу о завоевании. Саагун написал эту рукопись в 1585 году, то есть за пять лет до своей смерти, и он написал ее, без сомнения, предчувствуя изменения, которым подвергнется его работа. Он сам уже внес в них изменения, поскольку признает (это его слова), что в них имелись определенные недостатки, что в повествование об этом Завоевании были включены определенные вещи, которые не следовало туда включать, в то время как другие вещи были опущены, которые не следовало опускать. Следовательно, [говорит Бустаманте], эта рукопись с автографом обнаруживает изменения, которым подверглись его сочинения, и дает нам веские основания сомневаться в подлинности и точности текста, увиденного Муньосом.... Во время мадридской революции в мае 1808 года, вызванной вторжением французов и переездом королевской семьи в Байонну, кабинет секретаря Исторической академии был ограблен, и из него были изъяты различные собрания сочинений отца Саагуна. Их купил старый юрист суда, и среди них одна, озаглавленная: *"История конкисты Новой Испании"*, комментируя историю индейских солдат, которую представляет халларон. *Convertióse en lengua española llana é intelígible y*

bien enmendada en este año de 1585. К сожалению, сохранился только [из реликвии т.д., (?)] единственный том рукописи, который купил сеньор Д. Хосе Гомес де ла Кортина, бывший граф с таким титулом, заплатив за это сумму в сто долларов. Он разрешил мне воспользоваться им, и я сделал точную копию, добавив примечания для лучшего понимания "Завоевания"; вышеупомянутые полностью написаны, как я уже сказал, и подписаны рукой отца Саагуна. Эта часть, которую подтвердил упомянутый экс-граф, наводит нас на мысль, что другие работы Саагуна, относящиеся как к Завоеванию, так и к Апарисион Гваделупана, были фальсифицированы, потому что они оказали мало чести первым Завоевателям. То, что они вообще стали обсуждаться с потомками, объяснялось тем, что знания о них были в целом разрозненными и таким образом, что больше не было возможности скрывать их; или, возможно, потому, что фракция, заинтересованная в их сокрытии, исчезла. В доказательство подлинности и идентичности этой рукописи мы ссылаемся на отца Бетанкура в его "Хронике провинции Санто-Евангелио-де-Мексико", составившего каталог ее выдающихся людей; говоря о Саагуне, он говорит на странице 138: "Девятой книгой, которую сочинил этот писатель, было "Завоевание Мексики Кортесом"; эту книгу позже, в 1585 году, он переписал и исправил; оригинал этой книги, подписанный его рукой, я видел у сеньора Д. Хуана Франсиско де Монтемайора, президентакоролевской аудиенции, которая привезла ее в Испанию с намерением напечатать; и об этом у меня есть перевод, в котором говорится, что маркиз Вилья-Манрике, вице-король Мексики, взял у него [Саагуна] двенадцать книг и отправил их его величеству для королевского хрониста ". Наконец, Бустаманте выдает свидетельство о подлинности обсуждаемой и опубликованной им рукописи. Свидетельство подписано Хосе Гомесом де ла Кортиной и гласит: "Мексика, 1 апреля 1840 года. Я подтверждаю, что, находясь в Мадриде в 1828 году, я купил у Д. Лоренцо Руиса де Артеды через посредство моего друга и компаньона Д. Хосе Муссо Валиенте, члена Испанской академии языка и истории, оригинальную рукопись отца Саагуна, о которой упоминается в этой работе его превосходительства сеньора Д. Карл Мария Бустаманте, что подтверждается квитанциями продавца и другими документами, находящимися в моем распоряжении." Вот и все, что касается нового положения Бустаманте как редактора части книги "Отец Саагун". *Общая история* Саагуна; мы изложили это его собственными словами и словами его собственных свидетелей, приведенными им самим. Упомянутые изменения не связаны с каким-либо вопросом, имеющим отношение к мифологии; однако, возможно, будет уместно сказать, что доказательства в пользу новых взглядов Бустаманте кажутся убедительными и правдивыми.

[VII-1] *Акоса, Hist. Nat. Ind.*, стр. 353-4; *Клавиджеро, История древней Мессии*, том ii., стр. 7; *Дюран, История Новой Испании*, ср., цитируется в *Примечаниях Сквайера к Паласио, Хартия*, примечание 27, стр. 117-8; *Саагун, История генерала*, том i., lib. iii., стр. . 242; *Объяснение Теллеруано-ременского кодекса*, главы ii и xxvi, в *мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, vol. v., pp. 132, 144-5; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano*, tav. xlii., xlix., в *мексиканском Кингсборо. Антик.*, том v., стр. 185, 188.

[VII-2] Смотрите этот том [стр. 62](#).

[VII-3] *Мендиета, История. Эклз.*, стр. 82.

[VII-4] Храм; см. Этот том, [стр. 192](#), [примечание 26](#).

[VII-5] Или, возможно, *ксипакоя*, как в изд-ве Кингсборо *Саагуна, Мексика. Антик.*, том vii., стр. 108.

[VII-6] 'Y acordarseos há de los trabajos y fatigas de la muerte, ó de vuestra ida.' *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. vii., p. 109. 'Y acordarseos ha los trabajos y fatigas de la muerte, ó de vuestra vida.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. i., lib. iii., pp. 245-6.

[VII-7] Мотыга из обожженного дерева. 'Coa: palo tostado, empleado por los indios para labrar la tierra, á manera de hazada. (Lengua de Cuba.)"Голос Америки за Овьедо", приложенный к *Oviedo, Hist. Gen.*, том iv., стр. 596.

[VII-8] *Шочитла*, сад; см. *Молина, Словарь*. Возможно, тот сад, принадлежавший Кецалькоатлю, который уже стал таким роковым для тольтеков. См. Этот том, [стр. 246](#).

[VII-9] *Мексиканец Кингсборо. Antiq.*, том vii., стр. 108-13; *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. iii., стр. 243-55. Будет видно, что почти во всех пунктах написания предпочтение отдается изданию Кингсборо, а не изданию Бустаманте, в таких пунктах очень неточному.

[VII-10] *Акоста, Хист. Нац. Изд.*, стр. 354.

[VII-11] Что касается первой жены и ее семьи, смотрите в этом томе. [стр. 60](#).

[VII-12] *Мотолиния, История. Indios*, в *Icazbalceta, кол.*, том i., стр. 10-11.

[VII-13] Смотрите этот том, [стр. 240](#).

[VII-14] *Мендиета, История. Эклз.*, стр. 82, 86, 92-3, 97-8.

[VII-15] Смотрите этот том. [стр. 243](#).

[VII-16] *Tlachtli*, juego de pelota con las nalgas; el lugar donde juegan assi. *Молина, Словарь*.

[VII-17] Это последнее предложение можно найти только в изд. Бустаманте.; см. *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. iii., стр. 258.

[VII-18] *Мексиканец Кингсборо. Antiq.*, том vii., стр. 114-5; *Саагун, История. Быт.*, том i, библиотека iii., стр. 255-9.

[VII-19] 'Era Hombre blanco, crecido de cuerpo, ancha la frente, los ojos grandes, los cabellos largos, y negros, la barba grande y redonda.' *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii., стр. 47.

[VII-20] Саагуном пишется "Вемак"; см. Предыдущие страницы этой главы.

[VII-21] Это плохо согласуется с тем, что рассказывает в этом месте Саагун; см. Этот том. [стр. 242](#).

[VII-22] В этой части рассказа Торквемада, пользуясь случаем, в скобках замечает, что эта басня была очень распространена среди мексиканцев и что, когда отец Бернардино де Саагун был в городе Кучимилько, они спросили его, где находится Тлапалла. Саагун ответил, что он не знает, как на самом деле не знал ни он (ни кто—либо другой — по-видимому, это полностью миф), ни даже не понял их вопроса, поскольку в то время он пробыл в стране совсем недолго - это было за пятьдесят лет до того, как он написал свою книгу [*Общая история*]. Саагун добавляет, что

мексиканцы в то время проводили различные испытания подобного рода, допрашивая христиан, чтобы выяснить, знают ли они что-нибудь об их древностях. *Торквемада, Монарк. Изд., том ii., стр. 50.*

[VII-23] Отрывок Торквемады, упомянутый мною, я сокращаю следующим образом: — Определенные люди пришли с севера через Пануко. Это были люди хорошей осанки, хорошо одетые в длинные одежды из черного льна, открытые спереди и без накидок, с глубоким вырезом у шеи, с короткими рукавами, не доходившими до локтя; фактически, такие же, какие туземцы и по сей день используют в своих танцах. Из Пануко они мало-помалу очень мирно перешли в Туллу, где были хорошо приняты жителями. Однако тамошняя местность была уже слишком густонаселенной, чтобы прокормить вновь прибывших, поэтому они переехали в Чолулу, где их прекрасно приняли. Они привели с собой в качестве своего вождя персонажа по имени Кецалькоатль, светловолосого румяного мужчину с длинной бородой. В Чолуле эти люди остались и размножились, и основали колонии для жителей Верхней и Нижней Мизтеки и сапотекской страны; и говорят, что они воздвигли величественные здания, остатки которых до сих пор можно увидеть в Миктлане. Эти последователи Кецалькоатля были людьми больших знаний и искусными мастерами во всех видах тонкой работы; они были не так хороши в кладке и использовании молотка, как в литье, гравировке и оправе драгоценных камней, во всех видах художественной скульптуры и в сельском хозяйстве. Однако у Кецалькоатля было два врага; одним из них был Тецкатлипока, а другим - Уэмак, король Туллы; эти двое сыграли большую роль в том, что он покинул Туллу. И в Чолуле Уэмак последовал за ним с большой армией; и Кецалькоатль, не желая ввязываться ни в какую войну, отбыл в другую часть с большей частью своего народа — направляясь, как говорят, в страну под названием Онохуалко, которая находится недалеко от моря и охватывает земли, которые сейчас называются Юкатан, Табаско и Кампече. Затем, когда Уэмак пришел в то место, где он думал найти Кецалькоатля, и не нашел его, он пришел в ярость и опустошил и разрушил всю страну, и сделал себя ее властелином, а также добился того, что люди поклонялись ему как богу. Все это он сделал, чтобы затемнить и стереть память о Кецалькоатле и из ненависти, которую тот питал к нему. *Торквемада, Монарк. Изд., том i., стр. 254-6.*

[VII-24] *Торквемада, Монарк. Изд., том ii, стр. 48-52.*

[VII-25] *Клавиджеро, История Мессии, стр. 11-13.*

[VII-26] См. [стр. 60](#) этого тома.

[VII-27] См. [стр. 112](#) этого тома.

[VII-28] Такова в своей поразительной необъятности теория аббата: его предполагаемая Страна полумесяца была колыбелью всех человеческих рас и вероисповеданий. После его затопления вышеупомянутые расы и вероучения распространились и развились по всему миру до их соответствующих нынешних местностей и фаз. Мексиканскую ветвь этой разработки он считает наиболее похожей на оригинал и наиболее тесно связанной с ним.

[VII-29] На Юкатане.

[VII-30] *Brasseur de Bourbourg, Quatre Lettres*, pp. 154-7. Большая часть этого последнего абзаца кажется совершенно непонятной и абсурдной, даже если смотреть с точки зрения самого аббата Браспера. By no means certain, at all points, of having caught the exact meaning by its author,

I give the original:—'Deux ordres de dieux, dont les uns, tombés du ciel dans l'abîme où ils deviennent les juges des morts, se personnifient en un seul qui ressuscite, symbole de la vie et de la mort; dont les autres survivent à la destruction, symbole de la vie impérissable; tel est le double caractère du mythe de Quetzal-Coatl, à son origine. Mais en réalité, ce dieu, c'est la terre, c'est la région ensevelie sous les eaux, c'est le vaincu étouffé sous le poids de son adversaire, sous l'effort de la vague victorieuse et celle-ci s'unissant au feu sur le bûcher de Nanahuatl, c'est Tezcatlipoca, c'est Hercule, vainqueur de ses ennemis, c'est le dieu dont la lutte est éternelle, comme celle de l'Océan battant le rivage, c'est celui en qui se personnifie ensuite la lumière et qui devient ainsi le drapeau des adversaires de Quetzal-Coatl. Au dieu mort, il fallait une victime, comme lui, descendue dans l'abîme: ce fut une jeune fille, choisie parmi celles qui lui étaient consacrées au pied de la pyramide, et qu'on noyait en la plongeant sous l'eau, coutume qu'on retrouva longtemps en Egypte, comme à Chichen-Itza, ainsi que dans bien d'autres pays du monde. Mais au dieu ressuscité, au dieu en qui se personnifiait le feu, la vie immortelle, à *Quetzal-Coatl*, devenu *Huitzil-Opochtli*, on sacrifia des victimes sans nombre, à qui l'on arrachait le cœur, symbole du jet de flamme sortant du volcan, pour l'offrir au soleil vainqueur, symbole de Tezcatlipoca qui, le premier, avait demandé des holocaustes de sang humain.' *Id.*, pp. 342-3.

[VII-31] *Исследования Тайлора*, стр. 155-6.

[VII-32] *Мифы Бринтона*, стр. 180-3.

[VII-33] *Помогает "Охватить". Конк.*, том i, стр. 286-7.

[VII-34] *Пустыни Доменека*, т. i, стр. 32-3, 39.

[VII-35] *Объяснение Теллеруано-Ременсисского кодекса*, часть ii., лам. ii., в *мексиканском университете Кингсборо. Антик.*, том v., стр. 135-6.

[VII-36] *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano*, tav. xli., *Kingsborough's Mex. Антик.*, том v., стр. 184-5.

[VII-37] *Müller, Amerikanische Urreligionen*, pp. 577-590. Некоторые дополнительные заметки об этом божестве с другой точки зрения можно найти в *Брассер де Бурбур, Паленке*, стр. 40 и т.д., 66 и т.д.

[VIII-1] Уицилопочтли происходит от двух слов: *уицилин*, колибри, и *опочтли*, левый — назван так из-за того, что левая ступня его изображения украшена перьями колибри. *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., pp. 17-19.

[VIII-2] *Ботурины, Идея общей истории.*, стр. 60-1.

[VIII-3] *Акоста, Хист. Нац. Изд.*, стр. 352-3, 361-3. Акоста дает описание странствий мексиканцев и того, как их бог Вицилипуцли направлял их в этом, подобно тому, как Бог Израиля направлял свой народ через пустыню к Земле Обетованной. Традиция также рассказывает, как он сам открыл способ жертвоприношения, наиболее приемлемый для его воли: — некоторые из жрецов ночью оскорбили его, и вот, утром все они были мертвецами; им вспороли животы и вырвали сердца; эти обряды жертвоприношения были впоследствии приняты для служения этому божеству и сохранялись до тех пор, пока их не выкорчевали суровые испанские земледельцы, так хорошо приспособленные к таким мерзким и кровавым плеведам. *Покупает свои "Пилигримы"*, том iv., стр. 1002-3.

[VIII-4] *Солис, История. Конк. Мексикан.*, том i., стр. 396-8. Этот автор говорит: "Испанские солдаты называли этого идола *Хучилобос*, искаженное произношение: так пишет Берналь Диас дель Кастильо. Авторы сильно расходятся в описании этого великолепного здания. Антонио де Эррера слишком близко следует за Франсиско Лопесом де Гомарой. Мы последуем примеру отца Жозефа де Акосты и более информированных авторов". *Id.*, стр. 395.

[VIII-5] *Саагун, История. Генерал.*, том i., библиотека i., стр. i.

[VIII-6] *Новое исследование Гейджа*, стр. 116-7; *Эррера, История. Генерал.*, том i., дек. ii., lib. vii., глава xvii.

[VIII-7] 'Pero los mismos Naturales afirman, que este Nombre tomaron de el Dios Principal, que ellos traxeron, el qual tenia dos Nombres, el uno Huitzilopuchtlí, y el otro Mexitly, y este segundo, quiere decir Ombligo de Maguey.' *Torquemada, Monarquía Ind.*, том i., стр. 293.

[VIII-8] 'Aconteció, pues, vn día, que estando barriendo, como acostumbraba, vió bajar por el Aire, una pelota pequeña, hecha de plumas, à manera de ovillo, hecho de hilado, que se le vino à los manos, la qual tomó, y metió entre los Nahuas, ò Faldellín, y la carne, debajo de la faja que le ceñía el cuerpo (porque siempre traen fajado este genero de vestido) no imaginando ningún misterio, ni fin de aquel caso. Acabo de barrer, y buscó la pelota de pluma, para ver de qué podría aprovecharla en servicio de sus Dioses, y no la halló. Quedó de esto admirada, y mucho mas de conocer en sí, que desde aquel punto se avia hecho preñada.' *Torquemada, Monarquía Ind.*, том ii, стр. 41-2.

[VIII-9] Этот Пейналтон, или Пайнал, был своего рода заместителем бога или заменой Уицилопочтли; использовался в случаях крайней спешки и неотложных чрезвычайных ситуаций, когда, возможно, можно было подумать, что не было времени для длительных церемоний, необходимых для призыва высшего божества войны. Рассказ Саагуна о Пейнале лаконичен и прольет свет на замечания Торквемады, приведенные выше в тексте. По сути, Саагун говорит: этот бог Пейнал был чем-то вроде младшего капитана Уицилопочтли. Последний, как главнокомандующий, диктовал преднамеренное начало войны против любой провинции; первый, как наместник другой, служил, когда возникала неожиданная необходимость взяться за оружие и поспешно выступить против врага. Именно тогда Пайнал, чье имя означает "быстрый", когда жил на земле, лично отправился поднимать людей на отпор врагу. После его смерти он был обожествлен, и в его честь был назначен праздник. На этом празднике его изображение, богато украшенное, несли длинной процессией, каждый, носитель идола или нет, бежал так быстро, как только мог; все это олицетворяло быстроту, которая часто необходима, чтобы противостоять нападению врага, нападающего врасплох или из засады. *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. i., стр. 2.

[VIII-10] *Торквемада, Монарх. Изд.*, том. i., стр. 293, том. ii., стр. 41-3, 71-3.

[VIII-11] Смотрите этот том, [стр. 69, примечание](#).

[VIII-12] Смотрите этот том. [стр. 67](#).

[VIII-13] Смотрите этот том. [стр. 134](#).

[VIII-14] Если некоторые имена и мифы, время от времени упоминаемые Мюллером и другими, еще неизвестны читателю, он, вероятно, помнит о невозможности какой-либо организации этих смешанных и запутанных легенд, с помощью которых, без бесконечного многословия, можно

было бы полностью устранить эту проблему. В свое время и со всей возможной ясностью список богов и легенд будет составлен настолько полно, насколько это возможно.

[VIII-15] *Müller, Amerikanische Urreligionen*, pp. 591-612.

[VIII-16] *Чопорный Тайлор. Культ.*, том ii., стр. 279.

[VIII-17] *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), tav. lxxi.-ii., в мексиканском университете Кингсборо. *Антик.*, том v., стр. 195-6.

[VIII-18] *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 14; *Леон и Гама, Дос Пьедрас*, часть i., стр. 101, часть ii., стр. 76-9.

[VIII-19] *Саагун в мексиканском Кингсборо. Antiq.*, том v., стр. 372-6; *Саагун, История. Быт.*, том ii., стр. 64-70.

[VIII-20] *Камарго, История. de Tlaxcallan*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. 99, pp. 133, 135-7. Камарго, будучи тлашкальтеком, в большинстве своих сочинений имеет особое отношение к его собственной провинции, но в этом, как и в других местах, он, по-видимому, описывает общие мексиканские обычаи.

[VIII-21] The text, without saying directly that these unfortunate children were closed there alive, appears to infer it: 'Cuando el maiz estaba á la rodilla, para un dia repartian y echaban pecho, con que compraban cuatro niños esclavos de edad de cinco á seis años, y sacrificábanlos á Tlaloc, dios del agua, poniéndolos en una cueva, y cerrábanla hasta otro año que hacian lo mismo. Самое жестокое жертвоприношение'. *Мотолиния, в Иказбалсете, полковник. de Дос.*, том i., стр. 45.

[VIII-22] 'Tambien tenian ídolos junto á los aguas, mayormente cerca de las fuentes, á do hacian sus altares con sus gradas cubiertas por encima, y en muchas principales fuentes cuatro altares de estos á manera de cruz unos enfrente de otros, y allí en el agua echaban mucho encienso ofrecido y papel.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 87, 102.

[VIII-23] 'In questo mese ritornavano ad ornare li tempj, e le immagini come nello passato, ed in fine delli venti dí sacrificavano un putto al Dio dell' acqua, e lo mettevano infra il maiz, a fine che non si guastasse la provisione di tutto l' anno.' *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano*, tav. lx., in *Kingsborough's Mex. Антик.*, том v., стр. 191.

[VIII-24] "Откуда происходит название *socoles*, под которым теперь известны мальчики из хора кафедрального собора Мексики". *Бустаманте*, примечание к *Саагуну, История. Генерал.*, том i, lib. ii., стр. 85.

[VIII-25] *Мексиканец Кингсборо. Antiq.*, том vii., стр. 37-8; *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 84-7.

[VIII-26] 'En aquellas talegas llevaban una manera de harina hecha á la manera de estiercol de ratones, que ellos llamaban yuaqualli, que era conficionada con tinta y con polvos de una yerva que ellos llaman yietll; és como veleños de Castilla.' *Kingsborough's Mex. Антик.*, том vii., стр. 51.

[VIII-27] Саагун дает два разных описания этого инструмента: "Уна табла тан ларга комо дос варас, и анча комо ун пальмо о поко мас". Yvan dentro de estas tablas unas sonajas, y el que le llevaba iba sonando con ellas. Llamaban á esta tabla Axochicaoliztli, ó Nacatlquoavtl.' The second

description is: 'Una tabla de anchura de un palmo y de largura de dos brazas; á trechos ivan unos sonajas en esta tabla unos pedazuelos de madero rollizos y atados á la misma tabla, y dentro de ella ivan sonando los unos con los otros. Эста табла се ламаба айаухчикаоазтли".*Мексиканец Кингсборо. Антик.*, том vii., стр. 51 и 53.

[VIII-28] 'Comenzaban á vocear y á gritar y a contrahacer las aves del agua, unos á los anades, otros á unas aves zancudas del agua que llama pipititi, otros á los cuervos marinos, otros á las garzotas blancas, otros á las garzas. Aquellas palabras que decia el satrapa parece que eran invocacion del Demonio para hablar aquellos lenguages de aves en al agua.'*Kingsborough's Mex. Антик.*, том vii., стр. 51.

[VIII-29] "Яутлаулли или Яуитль, майз морено о негр". *Молина, Словарь.*

[VIII-30] 'Comenzaban luego á matar á los captivos; aquellos que primero mataban decian que eran el fundamento de los que eran imagen de los Tlaloques, que ivan aderezados con los ornamentos de los mismos Tlaloques que (ivan aderezados) decian eran sus imagenes, y asi los que morian á la postre ivanse á sentar sobre los que primero habian muerto.'*Kingsborough's Mex. Антик.*, том vii., стр. 54.

[VIII-31] *Мексиканец Кингсборо. Antiq.*, том vii., стр. 49-55; *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 111-124.

[VIII-32] Этот отрывок, касающийся создания изображений гор, в оригинале представляет собой такое хаотичное нагромождение, что приходится использовать практически любое конструктивное воображение, которым только можно обладать, чтобы воспроизвести хотя бы понятное описание. Я привожу оригинал; если кто-нибудь сможет найти в нем рифму или логическое объяснение, внимательнее следуя словам Саагуна, он не упустит такой возможности: 'Al trece mes llamaban Tepeilhuitl. En la fiesta que se hacia en este mes cubrian de masa de bledos unos palos que tenian hechos como culebras, y hacian imagenes de montes fundadas sobre unos palos hechos á manera de niños que llamaban Hecatotonti: era la imagen del monte de masa de bledos. Ponianle delante junto unas masas rollizas y larguillas de masa de bledos á manera de bezos, y estos llamaban Yomiiio. Hacian estas imagenes á honra de los montes altos donde se juntan las nubes, y en memoria de los que habian muerto en agua ó heridos de rayo, y de los que no se quemaban sus cuerpos sino que los enterraban. Estos montes hacianlos sobre unos rodeos ó roscas hechas de heno atadas con zacate, y guardabanlas de un año para otro. La vigilia de esta fiesta llevaban á lavar estas roscas al rio ó á la fuente, y quando las llevaban ivanlas tañendo con unos pitos hechos de barro cocido ó con unos caracoles mariscos. Lavabanlas en unas casas ú oratorias que estaban hechos á la orilla del agua que se llama Ayauh calli. Lavabanlas con unas ojas de cañas verdes; algunos con el agua que pasaba por su casa las lavaban. En acabandolas de lavar volvianlas á su casa con la misma musica; luego hacian sobre ellas las imagenes de los montes como está dicho. Algunos hacian estas imagenes de noche antes de amanecer cerca del dia; la cabeza de cada un monte, tenia dos caras, una de persona y otra de culebra, y untaban la cara de persona con ulli derretido, y hacian unas tortillas prequeñuelas de masa de bledos amarillos, y ponianlas en las mexillas de la cara de persona de una parte y de otra; cubrianlos con unos papeles que llamaban Tetcuitli; ponianlos unas coronas en las cabezas con sus penachos. Tambien á los imagenes de los muertos las ponian sobre aquellas roscas de zacate, y luego en amaneciendo ponian estas imagenes en sus oratorios, sobre unos lechos de espadañas ó de juncias ó juncos.'*Kingsborough's Mex. Антик.*, том vii., стр. 71-2.

[VIII-33] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 71-3; Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 159-162.

[VIII-34] 'Tzotzopaztli, palo ancho como cuchilla con que tupen y aprietan la tela que se texe.' Molina, *Vocabulario*.

[VIII-35] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 80-1; Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 176-9, 198, 210. Дальнейшие сведения о Тлалоке и его поклонении можно найти в "Кодексе мексиканской культуры", тав. xxviii., lvii., lx., lxii., в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, том v., стр. 179, 190-2; Ботуруни, *Идея*, стр. 12-3, 99, 101; Амер. Этнол. Soc., *Transact.*, vol. i., стр. 305; Мотолуния, *Hist. Ind.*, в *Icazbalceta*, кол. de Doc., том i., стр. 32, 39, 42, 44-5; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 290, и том ii., стр. 45-6, 119, 121, 147, 151, 212, 251-4; Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., lib. vi., глава xv.; Гомара, *История. Conq. Mex.*, fol. 216; Прим. Тайлора. *Cult.*, vol. ii., pp. 235, 243; Müller, *Amerikanische Urreligionen*, pp. 500-4 et passim.

[IX-1] Müller, *Amerikanische Urreligionen*, p. 493.

[IX-2] Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii, стр. 16, 22, действительно говорит, что Тетионан и Тоцицин "определенно разные".

[IX-3] Символ Змеи Сквайера, стр. 47. Отрывок, который превращает главный элемент характера Тоси или Тоцицин в символ Богини Раздора, может быть сжат у Акосты следующим образом: Когда мексиканцы в своих скитаниях на некоторое время обосновались на территории Кулхуакана, их бог Уицилопочтли велел им отправиться в путь и вести войны, и сначала, по его указанию, возвести в культ Богиню Раздора. Следуя этим указаниям, они послали к королю Кулхуакана за его дочь в качестве их королевы. Тронутый оказанной честью, отец отправил свою несчастную дочь в великолепном наряде на трон. Но хитрые, суеверные и свирепые мексиканцы убили девушку, содрали с нее кожу и одели в нее молодого человека, назвав его "своей богиней и матерью своего бога" под именем Токси, что означает "великая мать". См. Также "Пилигрымы" Перчаса, т. iv., стр. 1004.

[IX-4] Клавиджеро, *История древней Мессии*, том i., стр. 16-22; Объяснение Теллеруано-Ременсисского кодекса, лам. xii., в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, vol. v., стр. 140; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano*, tav. xxx., lb., стр. 180; Гумбольдт, *Политические очерки*, том i., стр. 217; Свод Скулкрафта., vol. vi., стр. 631. Жертвоприношения Сентеотль, если она идентична матери-земле, иллюстрируются утверждением Мендиеты, *Hist. Eccles.*, стр. 81, что мексиканцы изображали богиню земли в виде лягушки с окровавленным ртом в каждом суставе ее тела (с этой лягушкой мы вскоре снова встретимся на фестивале Сентеотль), поскольку они говорили, что земля пожирает все сущее, - кстати, это также доказательство среди других подобных вещей, с которыми мы столкнемся, что не только индусам (как где—то утверждает г-н Й. Г. Мюллер), но и мексиканцам принадлежала идея умножения органов их божеств для выражения великой силы в любом заданном направлении. . Следующая заметка из Мексиканского журнала *Spiegazione delle Tavole del Codice*, в журнале *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. v., стр. 179-80, иллюстрирует последний замеченный момент, дает другую форму или отношение к богине пропитания, а также происхождение имени, применявшегося к мексиканским жрецам: "Они воображают, что Маягуил была женщиной с четырьмя сотнями грудей, и что боги из-за ее плодовитости превратили ее в Магуэй, виноградную лозу этой страны, из которой они делают вино. Она руководила этими тринадцатью знаками; но кто бы ни

родился под первым знаком Травы, это оказалось для него несчастьем; ибо они говорят, что это было применено к Тламатцагексам, которые были расой демонов, обитавших среди них, которые, согласно их рассказам, странствовали по воздуху, от которых служители их храмов взяли свое название. Когда появился этот знак, родители запретили своим детям не выходить из дома, чтобы с ними не случилось какого-нибудь несчастья. Они верили, что те, кто родился с Двумя Тростями, что является вторым знаком, проживут долго, ибо они говорят, что этот знак был нанесен на небеса. Они производят так много всего из этого растения, называемого Магуэй, и оно так полезно в этой стране, что дьявол воспользовался случаем, чтобы внушить им веру в то, что это бог, и поклоняться ему и приносить жертвы".

[IX-5] Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. i., стр. 5-6; Галлатин, в *амер. Этнол. Соч., Transact.*, том i, стр. 341, 349-50, в обобщении и комментарии к Ватиканским кодексам и Теллериану говорится: "Тонакачигуа, она же Тучикеаль (срывающая розу) и Чикомекуатль (семь змей); жена Тонакатлектля; причина бесплодия, голода и жизненных невзгод.... Среди высших божеств Саагуна встречается Чивакоатль, "женщина-змея", также называемая Тонанцин, "наша мать"; и он, как бы трезво он ни относился к ссылкам на Священные Писания, называет ее Евой и приписывает ей, как толковательнице [кодексов] Тонатачинги, все несчастья и неблагоприятные явления мира. Эта аналогия, если я не ошибаюсь, является единственной основой для всех намеков на Еву и ее историю до, во время и после грехопадения, которые интерпретаторы пытались извлечь из картин, которые ничего подобного не указывают. Они, конечно, ошибались, говоря, что их Тонакачинга также называлась Чикомекуатль, семь змей. Им следовало бы сказать Чивакоатль, женщина-змея. Чикомекоатль, вместо того чтобы быть причиной бесплодия, голода и т.д., является, согласно Саагуну, богиней изобилия, той, которая обеспечивает как еду, так и питье: вероятно, то же самое, что Цинтеотль, или Цинтеотль, богиня кукурузы (от *centli*, кукуруза), которую он не упоминает. Больше нет оснований приписывать Тонакачигуа имя Сучикеаль. "Гама, Дос Пьедрас, pt i., стр. 39, фактически говорит: Чихуакуанатль, или женщина-змея, как предполагалось, родила двоих детей, мужчину и женщину, от которых произошел человеческий род. Именно по этой причине близнецов в Мексике называют кокохуа, "змеи", или в единственном числе коуатль или коатль, ныне вульгарно произносимый коате.

[IX-6] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 3-4; Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. i., стр. 4-7.

[IX-7] Или, согласно изд. Бустаманте, Аба, Тлавитекки и Соквахтли.' Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 149.

[IX-8] Лайм широко использовался при приготовлении кукурузы для приготовления различных пищевых продуктов.

[IX-9] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 69-70; Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 148-56.

[IX-10] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 60-1; Саагун, *История. Генерал.*, том i, библиотека ii., стр. 135-9; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 75; Торквемада, *Монарк. Изд.*, том ii, стр. 269-71.

[IX-11] Чикьюитль, что-нибудь вроде канасты. Молина, *Словарь*.

[IX-12] Chian, ó Chia, cierta semilla de que sacan azeite. *ID.*

[IX-13] Pinolli, la harina de mayz y chia, antes que la deslian. *Id.*

[IX-14] По-видимому, земля символизировалась в виде лягушки (см. Этот том. [стр. 351](#), [примечание 4.](#)) и приносила свои плоды на спине.

[IX-15] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 43-4; Саагун, *История. Генерал.*, том i, библиотека ii., стр. 97-100; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 67; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том. ii., стр. 52-3, 60-1, 134, 152-3, 181, 255-6.

[IX-16] Йоалтичитль, другое имя богини-матери, матери богов, матери всех нас, нашей бабушки или прародительницы; более конкретно, та форма богини-матери, описанная после Саагун (этот том, [стр. 353](#)), как покровительница медицины, врачей и парилок. Саагун говорит в другом отрывке Йоалтиситля (*мексиканский роман Кингсборо. Antiq.*, vol. v., p. 453): 'La madre de los Dioses, que és la Diosa de las medicinas y medicos, y és madre de todos nosotros, la cual se llama Yoalticiti, la qual tiene poder y autoridad sobre los Temazcales (sweat-baths) que llaman Xuchicalli, en el qual lugar esta Diosa vé las cosas secretas, y adereza las cosas desconcertadas en los cuerpos de los hombres, y fortifica las cosas tiernas y blandas.'

[IX-17] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, vol. vii., стр. 5, 35, vol. v., стр. 459-2; Саагун, *История. Быт.*, том i, lib. i., стр. 8-9, lib. ii., стр. 78-9; том ii, lib. vi., стр. 185-191.

[IX-18] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 16.

[IX-19] Ботурины, *Идея*, стр. 25-6.

[IX-20] Камни, которые мексиканцы называли *чальчиуутами* (и писали по-разному *chalchibetes*, *chalchihuis* и *calchihuis* у летописцев), высоко ценились всеми народами Центральной Америки и Мексики. Обычно они были из зеленого кварца, нефрита или камня, известного как *мадре де Эсмеральда*.... Богиня воды у мексиканцев носила имя *Чальчиуилькуйе*, женщина из *чальчиуутов*, а название *Чальчиуухапан* часто применялось к городу Тлашкалла из-за найденного рядом с ним красивого фонтана с водой, "цвет которой, - согласно Торквемаде, - был между синим и зеленым". *Сквайер в Паласио, Carta*, стр. 110, примечание 15. В той же работе, стр. 53, мы находим упоминание Паласио об идолу, по-видимому, представляющем Чальчихуитликуэ: "Совсем недалеко отсюда находится маленькая деревушка под названием Коатан, по соседству с которой находится озеро ["Это озеро находится на расстоянии двух лиг к югу от нынешнего значительного города *Гуателеке*, от которого оно получило свое название, *Лагуна де Гуатепуэ*" — Гватемала], расположенное на склоне вулкана. Вода в нем плохая; оно глубокое и полно кайманов. Посреди него есть два небольших острова. Индейцы считают озеро очень авторитетным оракулом.... Я узнал, что некоторые негры и мулаты из соседнего поместья побывали там [на островах] и нашли большого каменного идола в виде женщины и некоторые предметы, которые приносились в жертву. Неподалеку были найдены камни, называемые *халхибитами*.

[IX-21] Торквемада, *Монарк. Изд.*, том ii., стр. 47.

[IX-22] *Atlacueçonan*, ninfa del onenufar, flor de yerna de agua. *Молина, Словарь*. Аббат Брассер добавляет, каких источников я не смог найти, что этот лист был украшен золотыми флажками. *История. des Nat. Civ.*, том i, стр. 324. He adds in a note to this passage, what is very true, that,

'suivant Ixtlilxochitl, et après lui Veytia, la déesse des eaux aurait été adorée sous la forme d'une grenouille, faite d'une seule émeraude, et qui, suivant Ixtlilxochitl, existait encore au temps de la conquête de Mexico. La seule déesse adorée sous la forme unique d'une grenouille était la terre.' (See this vol. [p. 351, note 4.](#)) Гомара, *Привет. В Конг. Мех.*, fol. 326, говорится, что фигура лягушки считалась богиней рыб: "Entre los idolos " ... estaua el de la rama. Традиционный тенийский праздник диоса дель пескадо". Мотолиния расширяет это последнее утверждение следующим образом. У мексиканцев были кумиры, говорит он в *Icazbalceta, полковник . de Doc.*, том. i., p. 34, 'de los pescados grandes y de los lagartos de agua, hasta sapos y ranas, y de otros peces grandes, y estos decian que eran los dioses del pescado. De un pueblo de la laguna de México llevaron unos ídolos de estos peces, que eran unos peces hechos de piedra, grandes; y despues volviendo por allí pidiéronles para comer algunos peces, y respondieron que habian llevado el dios del pescado y que no podian tomar peces.'

[IX-23] *Мексиканец Кингсборо. Antiq.*, том vii., стр. 5-6, 36; *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. i., стр. 9-10, lib. ii., стр. 81; *Амер. Этнол. Соц., Transact.*, т. i, стр. 342, 350.

[IX-24] См. Этот том, [стр. 58, примечание 15.](#)

[IX-25] См. [примечание 24.](#) 'Entre los Dioses que estos ciegos Mexicanos fingieron tener, y ser maiores, que otros, fueron dos; vno llamado Ometecutli, que quiere decir, dos hidalgos, ò cavalleros; y el otro llamaron Omecihuatl, que quiere decir, dos mugeres: los quales, por otros nombres, fueron llamados, Citlalatonic, que quiere decir, Estrella que resplandece, ò resplandeciente; y el otro, Citlalicue, que quiere decir, Faldellin de la Estrella: ... Estos dos Dioses fingidos de esta Gentilidad, creian ser el vno Hombre, y el otro Muger; y como à dos naturalezas distintas, y de distintos sexos las nombraban, como por los nombres dichos parece. De estos dos Dioses, (o por mejor decir, Demonios) tuvieron creïdo estos naturales, que residian en vna Ciudad gloriosa, asentada sobre los once Cielos, cuio suelo era mas alto, y supremo de ellos; y que en aquella Ciudad goçaban de todos los deleites imaginables y poseian todas las riqueças de el Mundo; y decian que desde alli arriba regian, y governaban toda esta maquina inferior del Mundo, y todo aquello que es visible, è invisible, influyendo en todas las Animas, que criaban todas las inclinaciones naturales, que vemos aver en todas las criaturas racionales, è irracionales; y que cuidaban de todo, como por naturaleza los convenia, atalaindo desde aquel su asiento las cosas criadas.... De manera, que segun lo dicho, está mui claro de entender, que tenian opinion, que los que regian, y governaban el Mundo, eran dos (conviene á saber) vn Dios, y vna Diosa, de los quales el vno que era el Dios Hombre, obraba en todo el genero de los Varones; y el otro, que era la Diosa, criaba, y obraba en todo el genero de las Mugeres.' *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii., стр. 37.

[IX-26] Saquantototl, paxaro de pluma amarillo y rica. *Молина, Словарь.* Однако, по словам Бустаманте, эта птица ни в коем случае не отличается оперением, но идентична цакуа, описанному Клавиджеро, и здесь используется как пример бдительного и активного солдата. Бустаманте (в примечании к *Саагуну, Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., стр. 194-5) пишет: Цакуа, в этой истории неоднократно упоминалась эта птица, поскольку индейцы использовали ее как средство сравнения в своих речах. Это рано встающая птица (madrugador), и у нее нет ничего примечательного ни в оперении, ни в голосе, а только в повадках. Эта птица одной из последних ложится спать ночью и одной из первых возвещает о приближении солнца. За час до рассвета птица этого вида, проведя ночь со многими своими собратьями на какой-либо ветке, начинает звать их пронзительным чистым звуком, который она продолжает повторять радостным тоном,

пока кто-нибудь из них не откликнется. Цакуа размером примерно с воробья и очень похож по окраске на овсянку (*calandria*), но более восхитителен по своим повадкам. Это социальная птица, каждое дерево - это городок из множества гнезд. Один цакуа играет роль вождя и охраняет остальных; его пост находится на верхушке дерева, откуда время от времени он перелетает от гнезда к гнезду, записывая свои заметки; и пока он посещает гнездо, все внутри него молчат. Если он видит, что какая-либо птица другого вида приближается к дереву, он совершает вылазку на захватчика и клювом и крыльями вынуждает его отступить. Но если он видит приближающегося человека или какой-либо крупный предмет, он с криком улетает на соседнее дерево и, встретив других птиц своего племени, летящих домой, заставляет их удалиться, изменив тон своей ноты. Когда опасность миновала, он возвращается на свое дерево и начинает свой обход, как и прежде, от гнезда к гнезду. В Мичоакане много цакуас, и своим наблюдениям относительно них индейцы, несомненно, обязаны многими намеками и сравнениями, применяемыми к солдатам, усердно выполняющим свой долг. Кечутль, или тлаухкечоль, - крупная водная птица с оперением красивого алого или красновато-белого цвета, за исключением черной шеи. Его дом находится на берегу моря и рек, где он питается живой рыбой, никогда не прикасаясь к мертвой плоти. See *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. i., pp. 87, 91-3.

[IX-27] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, vol. v., стр. 479-483, vol. vii., стр. 151-2; Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 215-221. Согласно некоторым авторам, и я думаю, что Ботурины в частности, это крещение было дополнено прохождением ребенка через огонь. Такая церемония существовала; однако она не была связана с крещением, но она происходила в последнюю ночь каждого четвертого года, перед пятью несчастливыми днями. В последнюю ночь каждого четвертого года родители выбирали крестных родителей для своих детей, родившихся в течение трех предыдущих лет, и эти крестные отцы и крестные матери передавали детей над, или рядом, или около пламени приготовленного костра (*rodearlos por las llamas del fuego que tenian aparejado para esto, que en el latin se dice lustrare*). Они также раздражали уши детей, что вызвало немалый переполох (*Habia gran voceria de muchachos y muchachas por el ahugamiento de las orejas*), как легко можно себе представить. Они обхватили детей за виски и подняли их, "чтобы заставить их расти"; поэтому они называли праздник *изгалли*, "растущими". Они закончили тем, что подали малышам пульке в крошечных чашечках, и за это праздник был назван "детским пьянством". Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 189-192. In the *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), tav. xxxi., in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, t. v., стр. 181, приводится описание водного крещения, несколько отличающееся от приведенного в тексте. В нем говорится следующее: "Они взяли немного фикуса; и, имея под рукой большой сосуд с водой, они связали листья фикуса в пучок и окунули его в воду, которой окропили ребенка; и после окуливания его благоговениями они дали ему имя, взятое из знака, под которым он родился; и они вложили ему в руку щит и стрелу, если это был мальчик, что и обозначает фигура Ксиуатлатля, который здесь представляет бога войны; они также произнесли над ребенком определенные молитвы на английском языке". манера осуждать его за то, что он мог бы стать храбрым, бесстрашным и отважным человеком. Подношение, которое его родители отнесли в храм, старшие жрецы взяли и разделили с другими детьми, находившимися в храме, которые побежали с ним через весь город". Мендиета, *История. Eccles.*, стр. 107, снова описывает этот обряд, по существу следующим образом: "У них было что-то вроде крещения: таким образом, когда ребенку было несколько дней от роду, вызывали старую женщину, которая выносила ребенка во двор дома, где он родился, и омывала его определенное

количество раз местным вином и столько же раз водой; затем она давала ему имя и совершала определенные церемонии с пуповиной. Эти имена были взяты от идолов, или от праздников, которые приходились примерно на то время, или от зверя или птицы". См. Далее *Описание коллекции Мендосы*, часть iii., в *Кингсборо, Мексика. Антик.*, том v., стр. 90-1; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 445, 449-458; *Клавиджеро, История муравьев-мексиканцев*, том ii., стр. 85-9; *Гумбольдт, Жизнь Кордильер*, том ii., стр. 311, 318; *Гама, Дос Пьедрас*, часть ii., стр. 39-41; *Прескотт Мекс.*, том iii., стр. 385; *Мифы Бринтона*, стр. 122, 130; *Мюллер, Американская религиозность*, стр. 652; *Бьярт, Темперированная земля*, стр. 274. Мистер Тайлор, говоря о Мексике, в своем "*Анауак*", стр. 279, говорит: "Детей окропляли водой, когда им давали имена. Это, безусловно, верно, хотя утверждение о том, что они верили, что процесс очистил их от первородного греха, вероятно, является монашеской выдумкой." Дальнейшее чтение, однако, показало мистеру Тайлору несправедливость этого суждения, и в своей последней и величайшей работе (см. *Первобытная культура*, том ii., стр. 429-36) он пишет следующее: "Последняя группа обрядов, ход которых в религиозной истории должен быть описан здесь, включает в себя разнообразные драматические акты церемониального очищения или люстрации. При всей неясности и запутанности, вызванной вековыми изменениями, примитивная мысль, лежащая в основе этих церемоний, все еще открыта для обозрения. Это переход от практического очищения к символическому, от удаления телесной нечистоты к освобождению от невидимого, духовного и, наконец, морального зла. (См. Этот том. [стр. 119](#)).... В старой Мексике первый акт церемониальной люстрации происходил при рождении. Кормилица омыла младенца во имя богини воды, чтобы удалить нечистоту его рождения, очистить его сердце и дать ему хорошую и совершенную жизнь; затем, подув на воду в правой руке, она снова омыла его, предупреждая о предстоящих испытаниях, невзгодах и трудах и моля невидимое Божество снизойти на воду, очистить ребенка от греха и скверны и избавить его от несчастий. Второй акт состоялся примерно через четыре дня, если только астрологи не отложили его. На праздничном собрании, среди костров, которые поддерживались с момента первой церемонии, кормилица раздела ребенка, посланного богами в этот печальный и скорбный мир, велела ему получить животворящую воду и омыла его, изгоняя зло из каждого члена и вознося назначенные божествами молитвы о добродетели и благословении. Именно тогда игрушечные орудия войны, ремесла или домашнего труда вкладывались в руку мальчика или девочки (обычай, удивительно соответствующий обычаю в Китае), а другие дети, проинструктированные родителями, давали новичку его детское имя, которое и здесь должно было быть заменено другим в зрелом или женском возрасте. В заявлении о том, что ребенка также четыре раза пропускали через огонь, нет ничего неправдоподобного, но оснований для этого недостаточно. Религиозный характер омовения хорошо проявляется в Мексике тем, что оно является неотъемлемой частью ежедневной службы священников. Жизнь ацтеков закончилась так же, как и началась, церемониальным очищением; одной из похоронных церемоний было окропление головы трупа очищающей водой этой жизни".

[IX-28] *Camargo*, in *Nouvelles Annales des Voyages*, 1843, tom. xcix., pp. 132-3. 'On célébrait chaque année une fête solennelle en l'honneur de cette déesse Xochiquetzal, et une foule de peuple se réunissait dans son temple. On disait qu'elle était la femme de Tlaloc le dieu des eaux, et que Texcatlipuca la lui avait enlevée et l'avait transportée au neuvième ciel. Metlacueycati était la déesse des magiciennes. Tlaloc l'épousa quand Xochiquetzal lui eut été enlevée.'

[IX-29] *Boturini, Idea*, pp. 15, 63-8: 'Pero, no menos indignados los Dioses del pecado de Yàppan, que de la inobediencia, y atrevimiento de Yàotl, le convirtieron en Langosta, que llaman los Indios

Ahuacachapùllin, mandando se llamasse en adelante *Tzontecomàma*, que quiere decir, *Carga Cabeza*, y en efecto este animal parece que lleva cargo consigo, propiedad de los Malsines, que siempre cargan las honras, que han quitado à sus Proximos.'

[IX-30] См. Этот том. стр. 220-5.

[IX-31] См. Этот том, стр. 212, 226.

[IX-32] Other descriptions of this rite are given with additional details: 'Usaban una ceremonia generalmente en toda esta tierra, hombres y mugeres, niños y niñas, que quando entraban en algun lugar donde habia imagenes de las idolos, una ó muchas, luego tocaban en la tierra con el dedo, y luego le llegaban á la boca ó á la lengua: á esto llamaban comer tierra, haciendolo en reverencia de sus Dioses, y todos los que salian de sus casas, aunque no saliesen del pueblo, volviendo á su casa hacian lo mismo, y por los caminos quando pasaban delante algun Cu ú oratorio hacian lo mismo, y en lugar de juramento usaban esto mismo, que para afirmar quien decia verdad hacian esta ceremonia, y los que se querian satisfacer del que hablaba si decia verdad, demandabanle hiciese esta ceremonia, luego le creian como juramento.... Tenian tambien costumbre de hacer juramento de cumplir alguna cosa á que se obligaban, y aquel á quien se obligaban les demandaba que hiciesen juramento para estar seguro de su palabra y el juramento que hacian era en esta forma: Por vida del Sol y de nuestra señora la tierra que no falte en lo que tengo dicho, y para mayor seguridad como estatierra; y luego tocaba con los dedos en la tierra, llegabalos á la boca y lamialos; y asi comia tierra haciendo juramento.' *Kingsborough's Mex. Antiq.*, том vii., стр. 95-6, 101; *Саагун, История. Генерал.*, том ii., lib. i., ap., стр. 212, 226; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 25.

[IX-33] Совершенно разные версии этого предложения приведены в изданиях Кингсборо и Бустаманте соответственно. Это мексиканец из *Кингсборо. Antiq.*, vol. vii., p. 7, reads: 'Quando decienden á la tierra las Diosas Ixcuiname, luego de mañana ó en amaneciendo, para que hagas la penitencia conveniente por tus pecados.' That of Bustamante, *Sahagun, Hist. Gen.*, том i., lib. i., p. 13, reads: 'Cuando descenden á la tierra las diosas llamadas *Civapipilti*, ó cuando se hace la fiesta de las diosas de la carnalidad que se llaman *Yxtuiname*, ayunarás cuatro dias afligiendo tu estómago y tu boca, y llegado el día de la fiesta de estas diosas *Yxtuiname*, luego de mañana ó en amaneciendo para que hagas la penitencia conveniente por tus pecados.'

[IX-34] 'De esto bien se arguye que aunque habian hecho muchos pecados en tiempo de su juventud, no se confesaban de ellos hasta la vejez, por no se obligar á cesar de pecar antes de la vejez, por la opinion que tenian, que el que tornaba á reincidir en los pecados, al que se confesaba una vez no tenia remedio.' *Kingsborough's Mex. Antiq.*, том vii., стр. 6-8; *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. i., стр. 10-16. Прескотт пишет, *Mex.*, том i, стр. 68: "Примечательно, что они проводили обряд исповеди и отпущения грехов. Секреты исповеди считались неприкосновенными, и налагались епитимьи почти такого же рода, какие предписывались Римско-католической церковью. В церемонии ацтеков были две примечательные особенности. Первое заключалось в том, что, поскольку повторение однажды искупленного проступка считалось непоправимым, исповедь делалась только один раз в жизни человека и обычно откладывалась на более поздний период, когда кающийся облегчал свою совесть и сразу же заглаживал давнюю вину за беззаконие. Другой особенностью было то, что священническое отпущение грехов было получено вместо законного наказания за правонарушения и санкционировало оправдательный приговор в случае ареста. " Упоминание о Тлазолтеотле можно найти в *Гомаре, Conq. Mex.*, fol. 309;

Торквемаде, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 62, 79; Эррера, *История. Быт.*, том i., декабрь ii., lib. vi., глава xv.; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 21. Говорят, что Иксуина, которая была богиней стыда, защищала прелюбодеев. Она была богиней соли, грязи и нескромности, а также причиной всех грехов. Они нарисовали ее с двумя лицами или с двумя разными цветами на лице. Она была женой Мизуитлантекутли, бога ада. Она также была богиней проституток; и она руководила этими тринадцатью знаками, которые все были несчастливыми, и поэтому они считали, что те, кто родился в этих знаках, будут мошенниками или проститутками. *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano*, (Vaticano), tav. xxxix., in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. v., p. 184; *Brasseur de Bourbourg, Quatre Lettres*, pp. 291-2, 301.

[IX-35] См. Этот том, [стр. 212](#), [226](#).

[IX-36] 'Il Jauhtli è una pianta, il cui fusto e lungo un cubito, le foglie somiglianti a quelle del Salcio, ma dentate, i fiori gialli, e la radice sottile. Così i fiori, come l'altre parti della pianta, hanno lo stesso odore e sapore dell' Anice. "assai utile per la Medicina, ed i Medici Messicani l'adoperavano contro parecchie malattie; ma servivansi ancora d'essa per alcuni usi superstiziosi". Это примечание Клавиджеро, *История античности в Мессико*, том ii, стр. 77, в описании этого праздника и благовоний, используемых для одурманивания жертв; однако смотрите другое примечание в этом томе, [стр. 339](#), в который Молина описывает *яухтли* как "черную кукурузу". В некоторых случаях, по словам Мендиеты, *Hist. Эклз.*, стр. 100, осужденным давали определенный напиток, который выводил их из себя, так что они шли на жертвоприношение с жутким пьяным весельем.

[IX-37] 'Cuexpalli, cabello largo que dexan a los muchachos en el cogote, quando los tresquilan.' *Molina, Vocabulario*.

[IX-38] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 8-9, 28, 63-6; Саагун, *История. Генерал.*, том i., библиотека i., стр. 16-19, библиотека ii., стр. 62-4, 141-8; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 16, 76; Мексиканский кодекс, (Ватикан), tav. lvi., в мексиканском городе Кингсборо. *Антик.*, том v., стр. 190.

[IX-39] 'Esta estatua asi adornada no lejos de un lugar que estaba delante de ella, á la media noche sacaban fuego nuevo para que ardiese en aquel lugar, y sacabanlo con unos palos, uno puesto abajo, y sobre él barrenaban con otro palo, como torciendolo entre las manos con gran prisa, y con aquel movimiento y calor se encendia el fuego, y alli lo tomaban con yesca y encendian en el hogar.' *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. vii., стр. 84; Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 184.

[IX-40] Или *тапачтли*, как это произносит Бустаманте. "*Тапачтли*, крал, конча о венера". *Молина, словарь*.

[IX-41] См. Этот том, [стр. 376](#), [примечание 27](#).

[IX-42] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, vol. vii., pp. 33, 83-7; *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. i., lib. ii., pp. 74-5, 183-92; *Boturini, Idea*, p. 138; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano*, (Vaticano), tav. lxxiv., в мексиканском Кингсборо. *Antiq.*, том v., стр. 196-7; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 82.

[IX-43] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, vol. vii., стр. 96; Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. ii., ар., стр. 213.

[IX-44] Или *изицимиты*, как на [стр. 327](#) этого тома.

[IX-45] Мексиканский город Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 157, 191-3; Саагун, *История. Генерал.*, том i., библиотека iv., ар., стр. 346-7, том ii., библиотека vii., стр. 260-4; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 292-5; Ботурины, *Идея*, стр. 18-21; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 62, 84-5; Мендиета, *История. Эклз.*, стр. 101; Акоста, *История. de las Yndias*, pp. 398-9. Леон-и-Гама, *Душ Пьедрас*, часть первая, стр. 51-55, несколько отличается от текста; к сожалению, он никогда не видел работ Саагуна.

[IX-46] Настоящий том. [стр. 59](#). Толкования кодексов изображают этого бога особо почитаемым на своих картинах: они помещают Мичитлатекотля напротив солнца, чтобы посмотреть, сможет ли он спасти кого-нибудь из тех, кого захватили повелители мертвых, поскольку Мичитла означает мертвых внизу. Эти народы изображали только двух своих богов в коронах, называемых Altoutcatecoatl, а именно Бога неба и изобилия и повелителя мертвых, подобные короны я видел на военачальниках в войне при Коатле. *Объяснение Восстановленного Теллеруанского кодекса*, часть ii, часть xv, в мексиканском Кингсборо. *Антик.*, т. v., с. 140. Микитлантекотли означает великого повелителя мертвеца в аду, который единственный после Тонакатекотля был нарисован с короной, которая использовалась на войне даже после прихода христиан в эти страны и была замечена во время войны при Коатлане, как рассказывает человек, скопировавший эти картины, который был братом ордена Святого Доминика по имени Педро де лос Риос. Они нарисовали этого демона рядом с солнцем, ибо точно так же, как они верили, что один ведет души на небеса, они предполагали, что другой ведет их в ад. Он здесь изображен с раскрытыми руками, протянутыми к солнцу, чтобы схватить любую душу, которая может ускользнуть от него. *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), tav. xxxiv., in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, том v., стр. 182. Далее в Ватиканском кодексе говорится, что это были четыре бога или главных демона мексиканского ада. Микитламтекотль или Цицимитль; Изпунтеке, хромой демон, появлявшийся на улицах с ногами петуха; Некстепельма, рассыпающий пепел; и Контемок, тот, кто спускается головой вперед. У этих четверых богини были не как жены, а как спутницы, что было простым отношением, в котором все мексиканские боги и богини находились друг к другу, поскольку — согласно большинству авторитетных источников — на их олимпе не было ни женящихся, ни выходящих замуж. Стараясь как можно точнее ориентироваться в устрашающей орфографии переводчика, мы видим, что мужчины и женщины разделены следующим образом: к Микитламтекотлю или Цицимитлю присоединилась богиня Микитекачигуа; к Изпунтеке - Некоксочо; к Некстепельме - Микапетлаколи; и к Контемоку - Чалмекачатль. *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), tav. iii., iv., in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. v., стр. 162-3; Ботурины, *Идея*, стр. 30-1; Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. iii., ар. стр. 260-3; Мексиканский Кингсборо. *Antiq.*, том v., стр. 116-17, говорится, что этот бог был известен под дальнейшими именами Тзонтемок и Акульнаоакатль. Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 6, 17. Галлатин, *амер. Ethnol. Soc., Transact.*, vol. i., стр. 350-1, говорится, что "Миктлантектли особо выделяется переводчиками как один из коронованных богов. Его изображение находится под основанием статуи Теояомики, и Гама опубликовал копию. По его словам, имя этого бога означает "бог места мертвых". Он председательствовал на похоронах тех, кто умер от болезней. Души всех погибших в битве были отведены Теояомикви в обитель солнца. Остальные попали под власть Миктантектли. Торквемада, *Монарк. Ind.*, том. i., стр. 77, 148, 447, том. ii., стр. 428. Брассер де Бурбур упоминает этого бога и его жену, поднимая несколько интересных моментов, за которые, однако, он должен нести исключительную ответственность: *Существуют ли исторические*

источники. Прим., стр. 98-9. 'Du fond des eaux qui couvraient le monde, ajoute un autre document mexicain (*Cod. Mex. Tell.-Rem.*, fol. 4, v.), le dieu des régions d'en bas. *Mictlan-Teuctli* fait surgir un monstre marin nommé *Cipactli* ou *Capactli* (*Motolinia, Hist. Anmur. de los Indios*, part. MS. Dans ce document, au lieu de *cipactli* il y a *capactli*, qui n'est peut-être qu'une erreur du copiste, mais qui, peut-être aussi est le souvenir d'une langue perdue et qui se rattacherait au *capac* ou *Manco-Capac* du Pérou.): de ce monstre, qui a la forme d'un caïman, il crée la terre (*Motolinia, Ibid.*). Ne serait-ce pas là le crocodile, image du temps, chez les Égyptiens, et ainsi que l'indique Champollion (Dans *Héropollon*, i., 69 et 70, le crocodile est le symbole du couchant et des ténèbres) symbole également de la *Région du Couchant*, de l'*Amenti*? Dans l'Orcus mexicain, le prince des Morts, *Mictlan-Teuctli*, a pour compagne *Mictēcacihuatl*, celle qui étend les morts. On l'appelle *Ixcuina*, ou la déesse au visage peint ou au double visage, parce qu'elle avait le visage de deux couleurs, rouge avec le contour de la bouche et du nez peint en noir (*Cod. Mex. Скажу. -Прим.*, фол. 18, ст.). On lui donnait aussi le nom de *Tlaçolteotl*, la déesse de l'ordure, ou *Tlaçolquani*, la mangeuse d'ordure, parce qu'elle présidait aux amours et aux plaisirs lubriques avec ses trois sœurs. On la trouve personifiée encore avec *Chantico*, quelquefois représentée comme un chien, soit à cause de sa lubricité, soit à cause du nom de *Chiucnauh-Itzcuintli* ou les Neuf-Chiens, qu'on lui donnait également (*Cod. Mex. Скажу. -Прим.*, фол. 21, ст.). C'est ainsi que dans l'Italie anté-pélasgique, dans la Sicile et dans l'île de Samothrace, antérieurement aux Thraces et aux Pélasges, on adorait une Zérinthia, une Hécate, déesse Chienne qui nourrissait ses trois fils, ses trois chiens, sur le même autel, dans la demeure souterraine; l'une et l'autre rappelaient ainsi le souvenir de ces hétaires qui veillaient au pied des pyramides, où elles se prostituaient aux marins, aux marchands et aux voyageurs, pour ramasser l'argent nécessaire à l'érection des tombeaux des rois. "Tout un calcul des temps, dit Eckstein (*Sur les sources de la Cosmogonie de Sanchoniathon*, pp. 101, 197), se rattache à l'adoration solaire de cette déesse et de ses fils. Le Chien, le Sirius, règne dans l'astre de ce nom, au zénith de l'année, durant les jours de la canicule. On connaît le cycle ou la période que préside l'astre du chien: on sait qu'il ne se rattache pas seulement aux institutions de la vieille Égypte, mais encore à celles de la haute Asie." En Amérique le nom de la déesse *Ixcuina* se rattache également à la constellation du sud, où on la personnifie encore avec *Ixtlacoliuhqui*, autre divinité des ivrognes et des amours obscènes: les astrologues lui attribuaient un grand pouvoir sur les événements de la guerre, et, dans les derniers temps, on en faisait dépendre le châtiment des adultères et des incestueux (*Cod. Mex. Скажу. - Прим.*, фол. 16, ст.).' См. также, *Мифы Бринтона*, стр. 130-7; *Леон и Гама, Дос Пьедрас*, часть i., стр. 12, часть ii., стр. 65-6.

[IX-47] *Амер. Этнол. Соч., Transact.*, том i, стр. 338-9.

[IX-48] Говоря о великом изображении в мексиканском музее древностей, которое некоторые считают мексиканской богиней войны или смерти, Теояомике, мистер Тайлор говорит, *Анауак*, стр. 222-3: "Камень, известный как статуя богини войны, представляет собой огромную базальтовую глыбу, покрытую скульптурами. Антиквары полагают, что фигуры на нем обозначают разных персонажей и что это три бога — Уицилопочтли, бог войны, Теояомики, его жена, и Миктлантекти, бог ада. На нем есть ожерелья из чередующихся сердец и рук мертвецов, центральным украшением которых является мертвая голова. В нижней части глыбы находится странная расprostертая фигура, которую сейчас нельзя разглядеть, поскольку это основание опирается на землю; но есть два выступающих из идола плеча, которые ясно показывают, что он не стоял на земле, а поддерживался наверху на вершинах двух колонн. Фигура, вырезанная внизу, изображает монстра, держащего по черепу в каждой руке, в то время как другие свисают с его колен и локтей. Его рот представляет собой простое овальное

кольцо, обычную черту мексиканских идолов, и прямо над ним торчат четыре бивня. Новолуние, расположенное в виде моста, образует его лоб, и по обе стороны от него помещено по звезде. Считается, что это было общепринятое изображение Миктлантекти (Владыки страны мертвых), бога ада, который был местом полной и вечной тьмы. Вероятно, каждая жертва, когда ее вели к алтарю, могла посмотреть вверх между двумя колоннами и увидеть отвратительного бога ада, взирающего на нее сверху вниз.

[IX-49] *Леон-и-Гама, Дос-Пьедрас*, часть первая, стр. 41-4.

[IX-50] Десятый месяц, названный так тлашкальтеками и другими. См. *Торквемаду, Монарка. Инд.*, том ii, стр. 298. 'Al decimo Mes del Kalendario Indiano llamaban sus Satrapas, Xocotlhuetzi, que quiere decir: Quando se cae, y acaba la Fruta, y debia de ser, por esta raçon, de que por aquel Tiempo se acababa, que cae en nuestro Agosto, è ià en todo este Mes se pasan las Frutas en tierra fria. Pero los Tlaxcaltecas, y otros lo llamaban Hueymiccailhuatl. que quiere decir: La Fiesta maior de los Difuntos; y llamavanla asi, porque este Mes solemniçaban la memoria de los Difuntos, con grandes clamores, y llantos, y doblados lutos, que la primera, y se teñian los cuerpos de color negro, y se tiznaban toda la cara; y asi, las ceremonias, que se hacian de Dia, y de Noche, en todos los Templos, y fuera de ellos, eran de mucha tristeza, segun que cada vno podia hacer su sentimiento; y en este Mes daban nombre de Divinos, à sus Reies difuntos, y à todas aquellas Personas señaladas, que havian muerto haçañosamente en las Guerras, y en poder de sus enemigos, y les hacian sus Idolos, y los colocaban, con sus Dioses, diciendo, que avian ido al lugar de sus deleites, y pasatiempos, en compaña de los otros Dioses.'

[IX-51] As the whole description becomes a little puzzling here, I give the original, *Leon y Gama, Dos Piedras*, p. 42: 'Enfrente de esta figura está Teoyaomique desnuda, y cubierta con solo un cendal, parada sobre una basa, ó porcion de pilastra; la cabeza separada del cuerpo, arriba del cuello, con los ojos vendados, y en su lugar dos viboras ó culebras, que nacen del mismo cuello. Entre estas dos figuras está un árbol de flores partido por medio, al cual se junta un madero con varios atravesaños, y encima de él una ave, cuya cabeza está tambien dividida del cuerpo. Se vé tambien otra cabeza de ave dentro de una jicara, otra de sierpe, una olla con la boca para abajo, saliendo de ella la materia que contenia dentro, cuya figura parece ser la que usaban para representar el agua; y finalmente ocupan el resto del cuadro [of the representation of the constellation above mentioned in the text] otros geroglíficos y figuras diferentes.'

[IX-52] Boturini, *Idea*, pp. 27-8, mentions the goddess Teoyaomique; on pp. 30-1, he notices the respect with which Mictlantecutli and the dead were regarded: 'Me resta solo tratar de la decima tertia, y ultima Deidad esto es, el *Dios del Infierno*, Geroglifico, que explica el piadoso acto de sepultar los muertos, y el gran respeto, que estos antiguos Indios tenian à los sepulcros, creyendo, à imitacion de otras Naciones, no solo que alli asistian las almas de los Difuntos, ... sino que tambien dichos Parientes eran sus Dioses *Indigetes, ita dicti, quasi inde geniti*, cuyos huessos, y cenizas daban alli indubitables, y ciertas señales de el dominio, que tuvieron en aquella misma tierra, donde se hallaban sepultados, la que havian domado con los sudores de la Agricultura, y aun defendian con los respetos, y eloquencia muda, de sus cadaveres.... Nuestros Indios en la segunda Edad dedicaron dos meses de el año llamados *Micaylhuatl*, y *Hueymicaylhuatl* à la Commemoracion de los Difuntos, y en la tercera exercitaron varios actos de piedad en su memoria, prueba constante de que confessaron la immortalidad de el alma.' See further *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 529-30. О составном идоле, обсуждавшемся выше, Гумбольдт, *Вуэс де Кордильер*, том ii, стр. 153-7, говорит довольно

подробно. He says: 'On distingue, à la partie supérieure, les têtes de deux monstres accolés et l'on trouve, à chaque face, deux yeux et une large gueule armée de quatre dents. Ces figures monstrueuses n'indiquent peut-être que des masques: car, chez les Mexicains, on étoit dans l'usage de masquer les idoles à l'époque de la maladie d'un roi, et dans toute autre calamité publique. Les bras et les pieds sont cachés sous une draperie entourée d'énormes serpens, et que les Mexicains designoient sous le nom *decohuatlicuye*, *vêtement de serpent*. Tous ces accessoires, surtout les franges en forme de plumes, sont sculptés avec le plus grand soin. M. Gama, dans un mémoire particulier, a rendu très-probable que cette idole représente le dieu de la guerre, *Huitzilopochtli*, ou *Tlacauepancuexcotzin*, et sa femme, appelée *Teoyamiqui* (de *miqui*, mourir, et de *teoyao*, guerre divine), parcequ'elle conduisoit les ames des guerriers morts pour la défense des dieux, à *la maison du Soleil*, le paradis des Mexicains, où elle les transformoit en colibris. Les têtes de morts et les mains coupées, dont quatre entourent le sein de la déesse, rappellent les horribles sacrifices (*teoquauhquetzolitli*) célébrés dans la quinzième période de treize jours, après le solstice d'été, à l'honneur du dieu de la guerre et de sa compagne *Teoyamiqui*. Les mains coupées alternent avec la figure de certains vases dans lesquels on brûloit l'encens. Ces vases étoient appelés *top-xicalli sacs en forme de calebasse* (de *toptli*, bourse tissée de fil de pite, et de *xicali*, calebasse). Cette idole étant sculptée sur toutes ses faces, même par dessous (fig. 5), où l'on voit représenté *Mictlanteuhtli*, le seigneur du lieu des morts, on ne sauroit douter qu'elle étoit soutenue en l'air au moyen de deux colonnes sur lesquelles reposoient les parties marquées A et B, dans les figures 1 et 3. D'après cette disposition bizarre, la tête de l'idole se trouvoit vraisemblablement élevée de cinq à six mètres au-dessus du pavé du temple, de manière que les prêtres (*Teopixqui*) traînoient les malheureuses victimes à l'autel, en les faisant passer au-dessous de la figure de *Mictlanteuhtli*.'

[IX-53] According to Brasseur de Bourbourg, in *Nouvelles Annales des Voyages*, 1858, tom. clx., pp. 267-8: 'Les héros et demi-deux qui, sous le nom générique de Chichemèques-Mixcohuas, jouent un si grand rôle dans la mythologie mexicaine, et qui du viie au ixe siècle de notre ère, obtinrent la prépondérance sur le plateau aztèque.... Les plus célèbres de ces héros sont Mixcohuatl-Mazatzin (le Serpent Nébuleux et le Daim), fondateur de la royauté à Tollan (aujourd'hui Tula), Tetzcatlipoca, spécialement adoré à Tetzeuco, et son frère Mixcohuatl le jeune, dit Camaxtli, en particulier adoré à Tlaxcallan, l'un et l'autre mentionnés, sous d'autres noms, parmi les rois de Culhuacan et considérés, ainsi que le premier, comme les principaux fondateurs de la monarchie tolteque. On ignore où ils reçurent le jour. Un manuscrit mexicain, [Codex Chimalpopoca], en les donnant pour fils d'Iztac-Mixcohuatl ou le Serpent Blanc Nébuleux et d'Iztac-Chalchiuhlicué ou la Blanche Dame azurée, fait allégoriquement allusion aux pays nébuleux et aquatiques où ils ont pris naissance; le même document ajoute qu'ils vinrent par eau et qu'ils demeurèrent un certain temps en barque. Peut-être que le nom d'Iztac ou Blanc, également donné à Mixcohuatl, désigne aussi une race différente de celle des Indiens et plus en rapport avec la nôtre.'

[IX-54] Мифы Бринтона, стр. 158.

[IX-55] Саñas de humo. Мексиканец из Кингсборо. *Antiq.*, vol. vii., стр. 75; Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 166.

[IX-56] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 73-6; Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 162-7; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 148-9, 151-2, 280-1; Клавиджеро, *История борьбы с Мессией*, том ii., стр. 79; Мюллер, *Американская религиозность*, стр. 483, 486 и другие. Брассер, по своему обыкновению, эвхемеризирует этого бога, подробно описывая

события его правления и теоретизируя о его политике, так трезво и правдоподобно, как если бы речь шла о правлении Людовика XIV или Наполеона I.; см. *Историю. Нац. Сив.*, том i., стр. 227-35. Гомара, *Conq. Mex.*, fol. 88 и другие, отождествляют Камаштля, главного бога Тлашкалы, с Мишкоатлем. У чичимеков был только один бог по имени Мишкоатль, и они хранили это изображение или статую. Они поклонялись другому богу, невидимому, без образа, называемому Иоалли Гекатль, то есть богу невидимому и неосязаемому, благосклонному, укрывающему, всемогущему, чьей силой все живут и т.д." *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 64.

[IX-57] Это божество, по-видимому, не следует путать с другим, упомянутым Саагуном, а именно с Коатлясе, или Коатляте, или Коатлантонан, богиней, о которой мы мало знаем, за исключением того факта, случайно упомянутого, что торговцы цветами относились к ней с большой преданностью. Посмотрите на *мексиканский университет Кингсборо. Antiq.*, vol. vii., стр. 42, и *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 95.

[IX-58] *Мексиканец Кингсборо. Antiq.*, том vii., стр. 10-11, 136; *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. i., стр. 19-22, lib. iv., стр. 305. Ботурини, *Идея истории.*, стр. 14-15, говорит о богине по имени Макуильшочикецалли; при сравнении отрывка с [примечанием 28](#) этой главы, я думаю, станет очевидным, что Макуильшочикецалли шевалье идентична не Макуильшочитль, а Хочицецал, ацтекской Венере. Смотрите далее, об отношениях этой богини, *Брассер де Бурбур, Hist. Nat. Civ.*, том. iii., pp. 490-1: 'Matlalcuéyé, qui donnait son nom au versant de la montagne du côté de Tlaxcallan, était regardée comme la protectrice spéciale des magiciennes. La légende disait qu'elle était devenue l'épouse de Tlaloc, après que Xochiquetzal eut été enlevée à ce dieu [see this vol. [p. 378](#)]. Celle-ci, dont elle n'était, après tout, qu'une personnification différente, était appelée aussi Chalchiuhlycué, ou le Jupon semé d'émeraudes, en sa qualité de déesse des eaux. Символ любви в "La représente", "comme deesse des amours honnêtes", "есть обморок в приключенческой композиции из синих цветов", а затем исполнить на бис по прозвищу Луи Донне "Макуй-Шочикетсалли". Следует помнить, что Брассер проводит различие между Шочикетсале́м как богиней искренней любви и Тлазольтеотль как богиней сластолюбия.

[IX-59] Бог огня Сяхтекутли использовал инструмент такого рода; см. Этот том. [стр. 385](#).

[IX-60] *Мексиканец Кингсборо. Antiq.*, том vii., стр. 11-12; *Саагун, История. Генерал.*, том i., библиотека i., стр. 22-3; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 58, 240-1; *Клавиджеро, История античности*, том ii., стр. 22; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Сив.*, том iii., стр. 492.

[IX-61] Этот бог, который также был известен под именем Тлальтекуин, является третьим мексиканским богом, связанным с медициной. Сначала эта безымянная богиня описана на [стр. 353](#) этого тома.; и затем есть некая Цапутлатена, описанная мексиканцем Саагуном— *Кингсборо. Antiq.*, vol. vii., стр. 4; *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. i., стр. 7-8 — как богиня скипидара (см. *Брассер де Бурбур, История. Нац. Сив.*, том. iii., p. 494), or of some such substance, used to cure the itch in the head, irruptions on the skin, sore throats, chapped feet or lips, and other such things: 'Tzaputlatena fué una muger, segun su nombre, nacida en el pueblo de Tzaputla, y por esto se llama la Madre de Tzaputla, porque fué la primera que inventó la resina que se llama uxitl, y es un aceyte sacado por artificio de la resina del pino, que aprovecha para sanar muchas enfermedades, y primeramente aprovecha contra una manera de bubas, ó sarna, que nace en la cabeza, que se llama Quaxococivistli; y tambien contra otra enfermedad es provechosa asi mismo, que nace en la cabeza, que es como bubas, que se llama Chaguachicioztli, y tambien para la sarna

de la cabeza. Aprovecha tambien contra la ronguera de la garganta. Aprovecha tambien contra las grietas de las pies y de los labios. Es tambien contra los empeines que nacen en la cara ó en las manos. Es tambien contra el usagre; contra muchas otras enfermedades es bueno. Y como esta muger debió ser la primera que halló este aceyte, contaronla entre las Diosas, y hacianla fiesta y sacrificios aquellos que venden y hacen este aceyte que se llama Uxítl.'

[IX-62] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 12-13; Саагун, *История. Генерал.*, том i, библиотека i., стр. 24-5; Клавиджеро, *История. И. дель Мессико*, том ii., стр. 21.

[IX-63] 'Tenia en la mano izquierda una rodela teñida de colorado, y en el medio de este campo una flor blanca con quatro ojas á manera de cruz, y de los espacios de las ojas salian quatro puntas que eran tambien ojas de la misma flor. Tenia un cetro en la mano derecha como un caliz, y de lo alto de él salia como un casquillo de saetas.' *Kingsborough's Mex. Antiq.*, том vii., стр. 13; Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. i., стр. 26-7; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 20; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том. ii., pp. 60-1. 'La pêche avait, toutefois, son génie particulier: c'était Opochtli, le Gaucher, personnification de Huitzilopochtli.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. des Nat. Civ.*, том iii., стр. 494.

[IX-64] Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 22. Однако это, очевидно, ошибка; Ботурины объясняет, что Тотек означает "бог, наш господь", а Хипе (или Оксипе, как он это пишет) означает "бог сдирания кожи". "Тлаксихуальцтли", Символ начального слова, кьер децир *Описание семьи*, порк-ан-су-праймер для тех, кто хочет сохранить здоровье, посвятить себя Богу *Тотеук*, естествоиспытатель, *сеньор нуэстро*, "аль-Диос Оксипе, Диос де-Холламыенто", обморок от токсикоза. Ботурины, *Идея истории.*, стр. 51. Саагун говорит, что название означает "тот, с одного содрали кожу. "Ксипетотек, как и положено десолладо". Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, vol. vii., стр. 14; Саагун, *История. Генерал.*, том i., библиотека i., стр. 27. В то время как Торквемада утверждает, что это означает "лысый" или "почерневший". "Тениан лос Платерос отро Диос, ке се ламаба Хиппе, и Тотек.... Este Demonio Xippe, que quiere decir, Calvo, ó Ateçado.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том. ii., стр. 58. Брассер, *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 503, частично принимает все эти производные: "Сипе, оставайся верным своему королю, приходи на бис к нашему сеньору нотр-дама". В дальнейшем этот бог получил прозвище, согласно толкователю Ватиканского кодекса, "скорбный воин", или, как говорит Галлатин, "безутешный"; см. *Свод законов Мексики* (Ватиканский), тав. xliii., в *мексиканском университете Кингсборо. Antiq.*, т. v., стр. 186; и *Амер. Этнол. Соч., Transact.*, том i., стр. 345, 350.

[IX-65] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 14; Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. i., стр. 27-8; Ботурины, *Идея новой истории.*, стр. 51.

[IX-66] Эти человеческие жертвоприношения были начаты, согласно Клавиджеро, *Storia Ant. del Messico*, том i., стр. 165-7, мексиканцами еще до основания их города, когда они были рабами кулхуа. Эти мексиканцы оказали хорошую услугу своим правителям в битве против хочимилька. Предполагалось, что хозяева должны были преподнести своим крепостным благодарственное подношение богу войны. Они прислали грязную тряпку и тухлую птицу. Мексиканцы получили и промолчали. Настал день праздника, а вместе с ним и знатные люди Кулхуа пришли посмотреть на забаву — илотов и их мерзкое жертвоприношение. Но грязь так и не появилась, только грубый алтарь, увитый душистой травой, с большим куском остро отшлифованного обсидиана. Танец начался, неистовство нарастало, священники подошли к алтарю и потащили за собой

четырёх заключенных Хочимильча. Происходит быстрая борьба, и над пленником, покрытым синяками, согнувшимся пополам навзничь на алтарной плите, блестит и падает ицли, нанесенный ударом двумя руками. Кровь, словно отдача, брызжет в склоненное лицо первосвященника, который хватается, хватается, вырывает и швыряет сердце богу. Еще, еще, еще, и на коленях мрачного изображения бьются четыре сердца. Есть еще танцы, но для кулхуа больше нет спорта: со значительно побелевшими губами они возвращаются на свое место. После этого не могло быть больше ни господства, ни мысли о господстве над таким народом; в них было слишком много от дикого зверя; они уже отведали крови. И мексиканцам было позволено покинуть землю своего рабства и отправиться на север, в сторону будущего Теночтитлана.

[IX-67] См. Этот том, стр. 415.

[IX-68] Дальнейшее упоминание об этом камне появляется в журнале *Кингсборо Mex. Antiq.*, vol. vii., стр. 94, или *Саагун, История. Ген.*, том i., lib. ii., ap., стр. 207-8: "Урок и наставление лламабы Темалакатль". Era una piedra como muela de molino grande, y estaba agujereada en el medio como muela de molino. Sobre esta piedra ponian los esclavos y acuchillabanse con ellos: estaban atados por medio de tal manera que podian llegar hasta la circunferencia de la piedra, y dabanles armas con que peleasen. Era este un espectaculo muy frequente, y donde concurría gente de todas las comarcas á verle. Un satrapa vestido de un pellejo de oso ó Cuetlachtli, era allí el padrino de los captivos que allí mataban, que los llevaba á la piedra y los ataba allí, y los daba las armas, y los lloraba entre tanto que peleaban, y quando caian los entregaba al que les habia de sacar el corazon, que era otro satrapa vestido con otro pellejo que se llamaba Tooallaoan. Esta relacion queda escrita en la fiesta de Tlacaxipealitzli.'

[IX-69] Мексиканец *Кингсборо. Antiq.*, том vii., стр. 23, 37-43; *Саагун, История. Генерал.*, том i., библиотека ii., стр. 51-3, 86-97; *Объяснение Теллеруано-ременсисского кодекса*, часть i., лам. iii., в мексиканском издании *Кингсборо. Antiq.*, vol. v., p. 133; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), tav. lxiii., в *Изд.*, т. v., стр. 191; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 154, 252-4; *Леон-и-Гама, Дос-Пьедрас*, часть ii., стр. 50-4; *Прескотт Мекс.*, том i., стр. 78, примечание; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 481. Мы узнаем из Клавиджеро, там же., том i., стр. 281-2, что эта огромная гладиаторская плаха иногда в необычайной степени служила "жертвенным камнем" как для палачей, так и для обреченной жертвы. В последний год правления последнего Монтесумы знаменитый тлашкальтекский полководец Тлауиколь был захвачен в плен по чистой случайности. Сила его рук была такова, что мало кто из мужчин мог поднять его *макауил*, или меч мексиканского типа, с земли. Монтесума, слишком гордый, чтобы воспользоваться таким бесславным триумфом, или, возможно, движимый искренним восхищением грозным и достойным воином, предложил ему свободу либо вернуться в Тласкалу, либо занять высокий пост в Мексике. Но на карту была поставлена честь вождя, как он это понимал; и даже одолжения он не принял бы от ненавистного мексиканца; смерть, смерть! он сказал: "и, если ты осмелишься, сразись на гладиаторском камне". И они привязали его (за ногу, говорит Клавиджеро) *ктемалакатлю*, вооруженного только большим посохом, и выбрали для его убийства воинов из числа самых прославленных; но суровый тлашкальтек своей дубинкой вышиб мозги восьмерым и ранил еще двадцать, прежде чем упал, умерев, как и он сам. Они по обыкновению вырвали ему сердце, а более дорогого сердца для Мексики никогда не было на солнце.

[IX-70] Эта фамилия означает "Торквемада", *Монарк. Ind.*, том ii, стр. 57, далее следует "крюконосый"; и достаточно любопытно, что этот тип лица, столь обычно связанный с еврейской расой и через них с особой проницательностью в торговле, должен быть характерен для мексиканского бога торговли: "Los mercaderes tuvieron Dios particular, al qual llamaron Iyacatecutli, yor otro nombre se llamó Yacacoliuhqui, que quiere decir: El вопрос о наризе Агилене, вопрос о правах представителя личности, вопрос о жизни, "навыках, призванных к изяществу", "анганьяр, и эс сабио, и сагаз (вопрос о прописке меркадерс.)"

[IX-71] Не придавая особого значения этому разжиганию огня перед Иякатекутли — возможно, здесь это необходимо в качестве походного костра и, во всяком случае, вероятно, это делается перед многими другими богами, — можно заметить, что бог огня, по-видимому, особенно связан с богом торговцев и даже с самими торговцами. Описывая некое нисхождение или прибытие богов к людям, которое, как полагают, произошло в двенадцатый мексиканский месяц, Саагун — после описания пришествия сначала Тецкатлипоки, который, "будучи юношей, легким и сильным, ходил быстрее всех", а затем пришествия всех остальных (об их прибытии жрецы узнали по следам их ног на небольшой кучке маисовой муки, специально приготовленной для этой цели) — говорит, что на день позже всех остальных богов пришли бог огня и бог торговцев вместе; они были стары и не могли ходить быстро. идите так же быстро, как их младшие божественные братья: "Диа сигиенте льягаба эль диос лос Меркадерес льямадо Йиакапицаоак", "Иакатекутли", "ты другой Диос льямадо Хискокауски" (Yxcocauhqui), "Хиветеуктли" (Xiuhtecutli), "Диос фуэго" (el Dios del fuego), "Диос лос меркадерес тяньен гранд девосьон". Estos dos llegaban á la postre un dia despues de los otros, porque decian que eran viejos y no andaban tanto como los otros: ' *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. vii., стр. 71, или *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 158. Смотрите также, о связи бога огня Ксиутекутли с бизнесом, в этом томе, [стр. 226](#); а о высоком положении самих торговцев, помимо Тецкатлипоки, смотрите в этом томе, [стр. 228](#).

[IX-72] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 14-16; *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. i., стр. 29-33; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 20. Науихехекатли, или Науихехекатль, упоминаемый толкователями кодексов как бог, почитаемый торговцами, является либо каким-то богом воздуха, подобным Кецалькоатлю, либо, как говорит Саагун, просто названием знака; см. *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Ватикано), tav. xxvii., в книге Кингсборо "Мексика". *Antiq.*, vol. v., стр. 179; также, стр. 139-40; *Объяснение Теллеруано-реминисценционного кодекса*, лам. xii.; также, *Саагун, История. Генерал.*, том i, библиотека iv., стр. 304-5, и мексиканский Кингсборо. *Антик.*, том vii., стр. 135-6.

[IX-73] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 16-17; *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. i., стр. 33-5; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 59-60; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 22.

[IX-74] Мексиканец Кингсборо. *Antiq.*, том vii., стр. 7, 19, 90, 93; *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. i., стр. 14, 39-40, lib. ii., стр. 200, 205; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 58, 152, 184, 416; *Справочник по мексиканскому кодексу* (Ватикан), тав. xxxv., и *Объяснение Теллеруано-Ременсиса*, лам. xvi., в мексиканском кодексе Кингсборо. *Antiq.*, vol. v., стр. 141, 182; *Галлатин, в Америке. Этно. Soc., Transact.*, vol. i., pp. 344, 350; *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 87, 315; *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 21. 'Otros tenian figuras de hombres; tenian estos en la cabeza un mortero en lugar de mitra, y allí les echaban vino, por ser el dios del vino.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том. i., p. 33. 'Otros con un mortero en la cabeza, y este parece

que era el dios del vino, y así le echaban vino en aquel como mortero.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 88. 'Папазмла - Папазмат.... Este era uno de los tres pueblos de donde se sacaban los esclavos para el sacrificio que se hacia de dia, al idolo *Centzentotochtin*, Dios del vino en el mes nombrado *Hueipachtli*, ó *tepeilhuitl* en su templo propio que es el cuadragésimo cuarto edificio de los que se contenian en la area del mayor, como dice el Dr. Hernandez: "Templum erat dicatum vini deo, in cujus honorem tres captivos interdium tamen, et non noctu jugulabant, quorum primum Tepuztecatl nuncupabant secundum toltecatl, tertium vero Papaztac quod fiebat quotanni circa festum Tepeilhuitl." Apud P. Nieremberg, pag. 144.' *Leon y Gama, Dos Piedras*, pt ii., p. 35. 'Les buveurs et les ivrognes avaient cependant, parmi les Aztèques, plusieurs divinités particulières: la principale était Izquitecatl; mais le plus connu devait être Tezcatzoncatl, appelé aussi Tequechmecaniani, ou le Pendeur.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 493.

[IX-75] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 64; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 23. Это было то, что испанцы называли "ораториями" в домах мексиканцев. В этих молельнях или перед ними люди предлагали приготовленную пищу таким изображениям богов, какие у них были там. Каждое утро добрая жена хозяина дома будила членов своей семьи и заботилась о том, чтобы они сделали надлежащее подношение, как указано выше, этим божествам. *Мексиканец из Кингсборо. Antiq.*, vol. vii., стр. 95; Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. ii., приложение. стр. 211.

[IX-76] Очевидно, что для мифологии не имеет большого значения, называли ли мексиканцы месяц Атлкауалько первым или третьим месяцем (или, как говорит Ботурини, восемнадцатым), пока мы с некоторой точностью знаем, какому месяцу и дню месяца он соответствует в нашем собственном григорианском календаре. Для полного обсуждения этого вопроса о календаре мы отсылаем читателей к предыдущему тому этой серии. Гама, к сожалению, не был знаком с трудами Саагуна, и Бустаманте (который редактировал работы как Гамы, так и Саагуна) отмечает в примечании к трудам астронома: "Мучас векес он сожалеет, к вопросу о Сабио-старшем. Д. Антонио Леон и Гама, но хубиезе тенидо, о том, как сформировать точные изображения рукописей П. Саагуна, к вопросу о публикации в газетах 1829 и 30 годов в офисе ". Д. Алехандро Вальдес, и соло хубьеze лейдо ла обра дель П. Торквемада, дискипуло де Д. Antonio Valeriano, que lo fué de dicho P. Sahagun; pues la lectura del texto de éste, que acaso truncó, ó no entendió bien, podrian haberle dejado dudas en hechos muy interesantes á esta historia.' See *Leon y Gama, Dos Piedras*, pt i., pp. 45-89; *Kingsborough's Mex. Antiq.*, том vii., стр. 20-34, или Саагун, *История. Генерал.*, том i, библиотека ii., стр. 49-76; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 251-86; Акоста, *История. de las Ynd.*, p. 397; *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., pp. 58-84; *Explicacion del Codex Telleriano-Remensis*, pt i., and *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), tav. lvii-lxxiv, в *Мексике Кингсборо. Antiq.*, vol. v., стр. 129-34, 190-7; Ботурини, *Идея единой истории.*, стр. 47-53; Гомара, *Конк. Мексика.*, fol. 294; Мюллер, *Американская религиозность*, стр. 646-8; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 502-37; Галлатин, в *амер. Этно. Соц., Transact.*, т. i, стр. 57-114.

[IX-77] См. Этот том, стр. 332-4.

[IX-78] Он также называется Коуайлуитль, "пир змеи", см. Выше.

[IX-79] Кажется, существует некоторая путаница относительно того, проводились ли гладиаторские жертвоприношения в каждый из первых двух месяцев. Саагун, однако, по-видимому, описывает жертвоприношения такого рода как происходящие в оба периода;

жертвоприношения первого месяца совершаются в честь тлалоков, а жертвоприношения второго месяца - в честь Хипи. Описание этих обрядов смотрите в этом томе. [стр. 414-5](#).

[IX-80] См. Этот том, [стр. 360-2](#).

[IX-81] 'Le *Tzohualli* était un composé de graines légumineuses particulières au Mexique, qu'on mangeait de diverses manières.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 513.

[IX-82] Название "Тепопочуилицтли" означает "дым или пар". Относительно значения "Токскатль" мнения авторов расходятся: Ботурини интерпретирует его как "усилие", а Торквемада - как "скользкое место". Однако Акоста, Саагун и Гама соглашаются, принимая его как эпитет, применяемый к пучку высушенной или поджаренной кукурузы, используемой в церемониях, подлежащих немедленному описанию, а Акоста далее приводит в качестве его корневого значения "сушеная вещь". Дополнительно обратитесь к ссылаясь на ссылки, приведенные в примечании в начале этих описаний праздников, *Акоста, Hist. de las Ind.*, стр. 383; *Мексиканский Кингсборо. Antiq.*, том vii., стр. 45-9; *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. iii., стр. 100-11.

[IX-83] С тремя из этих богинь мы довольно хорошо знакомы, зная, что они тесно связаны друг с другом и занимаются производством, сохранением или поддержанием жизни и животворящей пищи. Об Атлатонан известно мало, но она, по-видимому, принадлежит к тому же классу, поскольку обычно упоминается в связи с Цинтеотлем. Согласно Торквемаде, ее имя означает "та, что сияет в воде". "От Капильи", "Темпло авиа", "ке се ламаба Ксиукалько", "посвящение всех святых", "на празднике жертвоприношения дос Варонес Эсклавос", "и уна Мугер", "как определить пони-номбре-де-су-Диос". Al vno llamaban Iztaccinteutl, Dios Tlatlahuicinteutl, Dios de las Mieses encendidas, ò coloradas; y à la Muger Atlantona, que quiere decir, que resplandece en el Agua, à la qual desollaban, cuio pellejo, y cuero, se vestia vn Sacerdote, luego que acababa el Sacrificio, que era de noche.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том. ii., стр. 155; смотри также, *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. vii., стр. 94; или *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. ii., ар. стр. 209.

[IX-84] Акоста, *История. de las Ynd.*, стр. 382-3, дает отчет о различных других церемониях, имевших место за десять дней до великого праздника, которому следовали Торквемада, Клавиджеро и более поздние авторы, и который мы воспроизводим по странному, но в данном случае, по крайней мере, полному и точному переводу Э. Г. — переводу, который, однако, делает эту главу 29-й в пятой книге вместо 28-й, как в оригинале: "Затем вышел один из настоятелей храма, одетый как идол, с цветами в руке". , и земная флейта, имеющая очень резкий звук, и, повернувшись к востоку, он протрубил в нее, а затем, посмотрев на запад, север и юг, проделал то же самое. И после того, как он протрубил таким образом, обращаясь к четырем частям света (показывая, что и присутствующие, и отсутствующие услышали его), он поднял палец в воздух, а затем собрал землю, которую положил в рот, и съел ее в знак обожания. То же самое сделали все присутствующие, и, рыдая, они пали ниц на землю, взывая к темноте ночи и ветрам, умоляя их не покидать их и не забывать о них, или же отнять у них жизни и освободить их от трудов, которым они там подвергались. Вевы, прелюбодеи, убийцы и все другие правонарушители испытывали большой страх и тяжесть, пока звучала эта флейта; так как некоторые не могли ни притворяться, ни скрывать свои проступки. Таким образом, все они ничего другого не требовали от своего бога, кроме сокрытия своих проступков, проливая много слез, с великим раскаянием и печалью, предлагая большой запас благовоний, чтобы умиловить своих богов. Отважные и доблестные люди и все старые воины, которые

следовали Искусству Войны, услышав эту флейту, выразили великую преданность Богу-Создателю, Повелителю, ради которого мы живем, сунне и другим своим богам, что они дадут им победу над их врагами и силу взять много пленников, тем самым почтив их жертвы. Эта церемония совершалась за десять дней до праздника: во время которой Священник тенне дейес действительно играл на этой флейте, чтобы все могли совершать это богослужение, вкушая землю и снимая со своего идола все, что им заблагорассудится: они каждый день возносили свои молитвы, подняв глаза к небу, со вздохами и стенаниями, как люди, опечаленные своими грехами и оскорблениями".

[IX-85] *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 100-11; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 263-6; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 70-3.

[IX-86] О месяце Эцалквалицтли см. В этом томе, стр. 334-43; о месяцах Текуилуицинтли, Уэйтекуилуитль и Тлакочимако см. Том ii. этой работы, стр. 225-8; о Шокотлхуэцин и Очпанизтли, в этом томе, стр. 385-9, 354-9; для Теотлеко, том ii., стр. 332-4; для Тепейлуитля, Кечолли, Панкетзализтли и Атемозтли, этот том, стр. 343-6, 404-6, 297-300, 323-4, 346-8. 337-8; для Ицкалли, этот том, стр. 390-3.

[IX-87] *История. Бытие.*, том i., lib. ii., стр. 194-7, 216. Есть и другие разрозненные объявления об этих передвижных праздниках, которые будут упоминаться по мере их появления.

[IX-88] *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. clxxvi.

[IX-89] *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 84; *Саагун, История генерала*, том i., lib. ii., стр. 77-8, 195-218. Согласно Гомаре, *Conq. Mex.*, fol. 331, последние пять дней в году были посвящены религиозным церемониям, таким как пролитие крови, жертвоприношения и танцы, но большинство других авторов утверждают, что они проходили в тихом уединении.

[IX-90] См. Этот том, стр. 393-6.

[X-1] 'Los Pueblos, que à los Templos de la Ciudad de Tetzcuco servian, con Leña, Carbon, y corteça de Roble, eran quince ... y otros quince Pueblos ... servian los otros seis meses del Año, con lo mismo, à las Casas Reales, y Templo Maior.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 164.

[X-2] *Реппорт*, в книге Терно-Компанс, Вой., сери ii., том v., стр. 305.....

[X-3] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 164-6; *Лас Касас, История. Апологетика*, CP., глава cxxxix., cxli. 'È da credersi, che quel tratto di paese, che avea il nome di *Teotlalpan*, (Terra degli Dei,) fosse così appellata, per esservi delle possessioni de' Tempj.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 36.

[X-4] *Гомара, Конв. Мексика*, fol. 120.

[X-5] *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 112; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 36-7.

[X-6] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 175-7; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 37. Саагун называет их Кецалькоатлем Теотецтламаказки, который также был верховным жрецом Уицилопочтли, и Тлалоктламаказки, который был главным жрецом Тлалока; они были равны и избирались из самых совершенных, независимо от рождения. *История*

бытия., том i, библиотека iii, стр. 276-7. В этом есть два несоответствия, единственное сильное противоречие приведенному выше утверждению, а также нескольким другим авторам, которые составляют авторитет моего текста: во-первых, Саагун называет первого верховного жреца Кецалькоатля Теотецмамаки, имя, которое едва ли согласуется с титулом верховного жреца Уицилопочтли; во-вторых, он игнорирует почти единодушные свидетельства старых авторов, которые утверждают, что последняя должность была наследственной в определенном районе. 'Al Summo Pontífice llamaban en la lengua mexicana Tehuategol.' *Las Casas, Hist. Apologética*, CP., глава cxxxiii. 'El mayor de todos que es superlado, Achcauhtli.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 323. Но это был титул верховного жреца тлашкальтеков. 'A los supremos Sacerdotes ... llamauan en su antigua lengua Papas.' *Acosta, Hist. de las Ynd.*, p. 336. См. также *Шавес, Раппорт*, в книге Терно-Компанс, Вой., сери ii., том v., стр. 303-4.....

[X-7] Торквемада, *Монарх. Ind.*, том ii., стр. 177, 180; Клавиджеро, *История античного Мексико*, том ii., стр. 41; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава xv.; Лас Касас, *История. Apologética*, CP., глава cxxxiii.

[X-8] Саагун, *История. Быт.*, том i, библиотека ii, стр. 218-19. Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 549-51, чьим главным авторитетом является Эрнандес и чье описание не очень ясно, утверждает, что мексиканец Теохуацин был верховным жрецом, и что он также носил титул Теотекутли, ранг главного жреца Уицилопочтли, и был правой рукой короля. Верховного жреца Кецалькоатля он ставит следующим по рангу, но вне политической сферы. На одной странице он утверждает, что первосвященник был избран двумя главными людьми в иерархии, а на другой он отчетливо подразумевает, что король назначал высших руководителей, чтобы контролировать церковь. Приносящего жертву жреца, которого он, очевидно, считает тем же, что и первосвященника, он наделяет званием генералиссимуса и наследника престола.

[X-9] Карбахаль утверждает, что храм, носящий имя народа, или их главного города, был возведен в метрополии, и его посещала группа священников, привезенных из провинции. *Дискурсо*, стр. 110. Это, однако, может быть неправильным толкованием Торквемады, который дает описание здания, пристроенного к главному храму в Мексике, в котором содержались в заточении идола поработанных людей, чтобы они не помогали своим верующим обрести свободу.

[X-10] Некоторые авторы, по-видимому, связывают эту должность с должностью понтифика, но, похоже, первосвященник просто открывал жертвоприношения по особым случаям. 'Era esta una dignidad suprema, y entre ellos tenuta en mucho, la qual se heredaua como cosa de mayorazgo. El ministro que tenia oficio de matar ... era tenido y reuerenciado como supreme Sacerdote, o Pontífice.' *Acosta, Hist. de las Ynd.*, p. 352. 'Era como decir, el Sumo Sacerdote, al qual, y no à otro, era dado este oficio de abrir los Hombres por los pechos, ... siendo comunmente los herederos, de este Patrimonio, y suerte Ecclesiastica, los primogenitos.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том. ii., стр. 117. Трудно определить с толкованием этих предложений. Выражение о том, что он "занимал или почитался как понтифик", безусловно, указывает на то, что этот пост занимал другой священник, так же как и предложение "он был унаследован первенцами" определенных семей. Но фраза "el Sumo Sacerdote, al qual y no à otro, era dado este oficio" прямо указывает на верховного жреца как на обладателя этого поста.

[X-11] Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 178-9; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 37-9; Саагун, *История генерала*, том i., lib. ii., стр. 218-26; Брассер де Бурбур, *История нац. Сив.*, том iii., стр. 551.

[X-12] Гомара, *Конв. Мексика*, fol. 323-4. Он описывает платье как "vna ropa de algodón blanca estrecha, y larga, y encima vna manta por capa anudada al hombro".... Tiznaunse los dios festiuales, y quando su regla mandaua de negro las piernas,' etc.

[X-13] Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 39-40; Акоста, *История. de las Ynd.*, pp. 369-71. Брассер де Бурбур считает, что теопатли была мазью, используемой при посвящении первосвященника, но маловероятно, что препарат, который служил монахам и инвалидам в качестве краски для тела, наносили на головы первосвященников и королей. *История. Nat. Сив.*, том. iii., стр. 558. Каждое жреческое украшение, несомненно, имело свое мистическое значение. Обычай окрашивать тело в черный цвет впервые появился в честь бога Аида. *Ботурины, Идея*, стр. 117.

[X-14] См. том ii., стр. 242, и далее.

[X-15] Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 189-91; Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 223-31; Мотолиния, *История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник . de Doc.*, том i., стр. 53-4. 'Sustentábanse del trabajo de sus manos ó por sus padres y parientes.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 107.

[X-16] 'Trahan en las cabeças coronas como frayles, poco cabello, aunque crezido hasta media oreja, y mas largo por el colodrillo hasta las espaldas, y a manera de trençado le atauan.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii., lib. ii., cap. xvi.

[X-17] Клавиджеро утверждает, что в возрасте двух лет мальчик был посвящен в орден *тламакаскайотля* с помощью пореза в груди, а в семь лет он был принят. *Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 44; *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник . de Doc.*, том i., стр. 53.

[X-18] Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii, стр. 220-4. Некоторые авторы склонны сомневаться в том, были ли соблюдены этикет после закрытия заседания.

[X-19] *История. de las Ynd.*, pp. 341-2.

[X-20] *История. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcix., pp. 134-5.

[X-21] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава cxxxii.; *Мендиета, Hist. Эклз.*, стр. 90.

[X-22] *Las Casas, Hist. Апологетика*, СР., глава cxxxix.; Торквемада, *Монарк. Изд.*, том ii., стр. 185-6.

[X-23] Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii, стр. 39. Согласно Торквемаде, ночная служба была частично посвящена богу ночи. *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 227.

[X-24] *История. Апологетика*, ср., загл. clxxv.; Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 224-5, 275; Акоста, *История. de las Ynd.*, стр. 336, 343; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. ii., глава xv.

[X-25] Таков был ответ Хуана де Товара в его *Истории*, рукописи, на сомнения, высказанные Акостой относительно подлинности многословных молитв мексиканцев, чей несовершенный почерк не был хорошо приспособлен для воспроизведения речей. *Справочный материал "Span. Conq.", том i, стр. 282.*

[X-26] Мендьета, *История. Eccles.*, стр. 93. Клавиджери, *История античного Мессико*, том ii, стр. 24, определенно говорит: "Тасеано ле лоро предшествует общению с ингиноччионе", но Саагун и другие говорят нам, что когда они приближались к божеству с наибольшим смирением, а именно, при исповеди, принималось положение на корточках; то же самое делалось, когда они произносили речи. Величайшим знаком поклонения, согласно Камарго, было взять горсть земли и травы и съесть ее; очень похоже на манеру произносить клятву или приветствовать вышестоящего, которая заключалась в прикосновении руки к земле, а затем в поднесении ее к губам. *Ист. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcix., p. 168.

[X-27] *Ib.*

[X-28] В наши дни обряд обрезания можно проследить почти непрерывной линией от Китая до мыса Доброй Надежды.

[X-29] *Мифы*, стр. 147.

[X-30] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 83; Мендиета, *История. Eccles.*, стр. 108-9; Лас Касас, *История. Апологетика*, ср., загл. clxxv.; *Объяснение Теллеруано-реминисценционного кодекса*, в мексиканском издании Кингсборо. *Антик.*, том v., стр. 133.

[X-31] Смотрите этот том, стр. 380-4.

[X-32] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том. ii., стр. 212-13; Акоста, *История. де лас Инд.*, стр. 343; Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. iii., стр. 275-6.

[X-33] *Conq. Mex.*, fol. 336. Некоторые из этих палочек были толще пальца, "y largos, como el tamaño de vn braço". "Eran en numero de quatrocientas". Торквемада, *Монарк. Ind.*, том. ii., стр. 102-3; Мотилиния, *История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 51-2.

[X-34] *Репорт*, в книге Терно-Компанс, Вой., сери ii., том v., стр. 305. Мексиканские священники совершали это жертвоприношение каждые пять дней. *Объяснение Ватиканского кодекса в мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, vol. vi., p. 225, 'De la sangre que sacaban de las partes del Cuerpo en cada provincia tenían diferente costumbre.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава. clxx.

[X-35] Смотрите этот том, стр. 61.

[X-36] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. i., pp. 165-7. Торквемада, однако, упоминает об одном более раннем жертвоприношении некоторых непокорных мексиканцев, которые вопреки повелению бога пожелали покинуть своих странствующих соотечественников и поселиться в Туле. *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 115-16, 50. 'On prétend que cet usage vint de la province de Chalco dans celle de Tlaxcallan.' *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., p. 199; *Brasseur de Bourbourg, Quatre Lettres*, p. 343. "Кецалькоатль был первым изобретателем жертвоприношений из человеческой крови". *Объяснение Ватиканского кодекса в мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, том vi., стр. 201. Однако другие авторы признают, что

Кецалькоатль был против любого кровопролития. См. Этот том, [стр. 278](#). Мюллер, *Amerikanische Urreligionen*, стр. 628, считает, что ацтеки ввели определенные обряды человеческих жертвоприношений, которые они связали с другими, уже существующими в Мексике.

[X-37] Торквемада, *Монарк. Инд.*, том i., стр. 186. 'Eran cada año estos Niños sacrificados mas de veinte mil por cuenta.' *Id.*, том ii., p. 120. Неправильное толкование Зумарраги, который не называет их детьми. Клавиджеро, *История древней Мессии*, том ii., стр. 49, том i., стр. 257; Икстлильшочитль, *История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, vol. ix., p. 268; Boturini, *Idea*, p. 28. 'Afirman que auia vez que passauan de cinco mil, y dia vuo que en diuersas partes fueron assi sacrificados mas de veynta mil.' Acosta, *Hist. de las Ynd.*, p. 356. Гомара утверждает, что завоеватели насчитали 136 000 черепов только на одном складе черепов. *Conq. Mex.*, fol. 122.

[X-38] 'Non furono mai veduti i Messicani sacriücare i propj lor Nazionali, se non coloro, che per li loro delitti erano rei di morte.' Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том iv., p. 299. Довольно поспешное утверждение.

[X-39] См. том ii., стр. 307.

[X-40] Salazar y Olarte, *Hist. Conq. Mex.*, стр. 71; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава х.

[X-41] Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 79-82. Этот автор называет это имя Курикавери.

[X-42] 'El Sumo Sacerdote Curinacanery.' Beaumont, *Crón. Мехоакан*, ср., стр. 52.

[X-43] "Guirnaldas de fluecos colorados", - говорит Эррера, *Hist. Gen.*, декабрь iii., lib. iii., глава х.

[X-44] Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава х.; Бомон, *Крона. Мехоакан*, ср., стр. 52-3, 75; Алегри, *История. Сост. Иисуса*, том i., стр. 91-2; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 59, 64-5, 79-82; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii, стр. 525; Карбахаль Эспиноса, *История Мексики.*, том i, стр. 291-2, считает, что жертвоприношения были введены соседними племенами и что каннибализм был неизвестен тапаско. 'Sacrificaban culebras, aves y conejos, y no los hombres, aunque fuesen cautivos, porque se servian de ellos, como de esclavos.' Sahagun, *Hist. Gen.*, том iii., lib. x., p. 138. См. также том ii., стр. 620-1, этой работы.

[X-45] Бомон, *Крона. Мехоакан*, рукопись, стр. 232, повествует о Высшем Существо на небесах и с ним о вечно юной деве, от которой происходят все люди; говорят, что вера в бога-ребенка была провозглашена; но рассказ кажется несколько запутанным как в отношении места, так и авторитета. Алегри, *привет. Комп. де Хесус*, том iii, стр. 197, и Падилья, *Conq. N. Galicia*, ср., стр. 8, упоминают дополнительных богов, но не дают описания. Вилла-Сеньор-и-Санчес, *Театр*, том ii., стр. 269-70; Альседо, *Диккионарио*, том iii., стр. 299; Телло, в *Icazbalceta*, кол. de Doc., том ii., стр. 363; Овьедо, *История. Генерал.*, том iii., стр. 566; Гил, в *Соц. Мексике. Геог., Болетин*, том viii., стр. 496-8.

[X-46] 'Les dieux, de quelque nature qu'ils fussent, avaient dans la langue zapotèque le nom de "Pitao," qui correspond à l'idée du grand-esprit, d'un esprit étendu.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 26-7.

[X-47] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 255-6, также ссылается на эмиграцию вождей толтеков с целью основания новых государств.

[X-48] 'Vna esmeralda tan grande como vn grueso pimienta de esta tierra, tenia labrado encima vna auesita, ò pajarillo con grandissimo primor, y de arriba à baxo enroscada vna culebrilla con el mesmo arte, la piedra era tan transparente, que brillaba desde el fondo.' *Burgoa, Geog. Описание.*, том ii., часть i., фол. 156.

[X-49] Бургоа дает реликвии в данном случае название, которое несколько меняется в формулировке, хотя прежний смысл остается: "Эль Альма, и корасон дель Рейно". *Геог. Описание.*, том ii., пт ii., фол. 396. Dávila Padilla, *Hist. Fvnd. Mex.*, стр. 639, упоминает идола сапотеков в форме руки, который, возможно, представлял Уэмака.

[X-50] У сапотеков были и другие храмы, построенные, как и в Мексике, на насыпных террасах из облицованной камнем земли. Бургоа описывает одну, которая имела 2000 шагов в окружности и поднималась на высоту 88-90 футов; на каждой террасе стояли глинобитные часовни с пристроенным к ним колодцем для хранения воды. По случаю великой победы к штабелю была добавлена еще одна терраса. *Геог. Описание.*, том i, часть ii, фол. 198.

[X-51] Кабрера, *Театр*, в описании Рио, стр. 37.

[X-52] Он также называет его Культурным богом мизтеков. *Amerikanische Urreligionen*, pp. 486-90.

[X-53] *История. Нац. Civ.*, том i., стр. 44-5.

[X-54] Чан, "змея", было названием племени лакандонов близ Паленке, известного также как Колхуа, чанес или кинамс. *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. 109. Упомянутая книга или ее копия, написанная на языке цендаль или киче, находилась во владении Нуньеса де ла Веги, епископа Чьяпасского, который опубликовал короткие выдержки из нее в своем издании *Constitut. Погибает*, но, по-видимому, его сожгли вместе с другими местными реликвиями в 1691 году в Уэуэтане. Однако до этого Ордоньес-и-Агиар получил копию этого документа, написанную латинскими буквами, и кратко изложил его содержание в своей *Истории. дель Сьело*, ср. Этот автор противоречит сам себе, заявляя в одной из частей своей рукописи, что оригинал был написан потомком Вотана. *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. lxxxvii., cviii.; *Перуанский антиквариат Чуди*, стр. 12; Кабрера, *Театр*, в описании Рио, стр. 33-4. Кабрера, который основывает свой рассказ о мифе на передаче Ордоньеса, которую он иногда, кажется, неправильно понимал и искажал, считает, что "Чивим" относится к Триполи, и это то же самое, что "Хивим" или "Гивим", финикийское слово, обозначающее змею, которое, опять же, относится к хивитам, потомкам Хета, сына Ханаана. Выражение Вотана, приведенное в его книге "Я змея, чивим", означает "Я хивит из Триполи". *Театр*, в описании Рио., стр. 34 и далее.

[X-55] *Ботурины, Идея*, стр. 115. Возможно, будет интересно сравнить его имя с Одоном в календаре Мичоакана и Отоном, богом и вождем отоми. Гумбольдта особенно поразило его сходство с Одином, скандинавским богом-героем. *Вю*, том i., стр. 208; *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. lxxvi.

[X-56] равносильно закладыванию фундамента цивилизации. По словам Ордоньеса, он был послан населять континент; этой точки зрения придерживается также Клавиджеро, *История античного Мессико*, том i., стр. 150-1. Рассказ Торквемады о распространении толтеков на юг может пролить некоторый свет на этот предмет. *Монарк. Ind.*, том i, стр. 256 и далее.

[X-57] Валум Чивим, Валум Вотан, земля Чивим и Вотана. См. примечание 15. Кабрера считает две мраморные колонны, найденные в Танжере, с финикийскими надписями следом своего маршрута; жилища тринадцати змей - это тринадцать островов Канарской группы и Валум Вотан, остров Санто-Доминго. *Teamp*, в описании *Puo.*, стр. 34, и далее. Мюллер, *Amerikanische Urreligionen*, стр. 489, многозначительно намекает на поклонение богу-змее Вотану на острове Санто-Доминго под именем Воду. Идеи Брассера де Бурбура на этот счет уже были достаточно очевидны в изложении мифа о Кецалькоатле. Тринадцать змей могут означать тринадцать вождей Шибальбы. Примерно в девяти лигах от Сьюдад-Реаля, штат Чьяпас, есть руины, носящие название Валум Вотан. *Пополь Вух*, стр. lxxxviii. Ордоньес считает, что Валум Вотан - это Куба, откуда он забирает с собой семь семей. *Кабрера*, супервайзер ubi

[X-58] Ордоньес говорит, что первоначальное На-чан означает "место змей". *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 69.

[X-59] Дата, которая подтверждается рукописью Чимальпопоки. *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. lxxxviii. Согласно одной из традиций, текилы говорят на диалекте науа, но вполне возможно, что Ордоньес путает две эпохи. *Id.*, *Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 70.

[X-60] В преданиях, представленных на стр. 67-8, 50 этого тома, можно найти упоминание о Чолуле как о месте, где была построена Вавилонская башня, и о смешении языков, которое, как правило, связывает этот миф с мифами соседней страны. Ортодоксальные идеи Ордоньеса, вероятно, многое добавили к местной рукописи, из которой он черпал информацию, однако Нуньес де ла Вега согласен с ним во многих отношениях. Кабрера, *Teamp*, в *Описании Пуо.*, стр. 84, считает великим городом Рим, но соглашается со своими авторитетами в том, что последнее сооружение является Вавилонской башней. Цендальская легенда гласит, что подземный ход, ведущий из Паленке в Тулху, недалеко от Окочинго, был построен в память о небесном проходе, или "змеиной норе", в которую был допущен Вотан в своем качестве змеи. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 72-3.

[X-61] Кабрера утверждает, что вновь прибывшие - это семеро Чекилей, или потерпевших кораблекрушение соотечественников Вотана. Путешествия и другие инциденты, по его мнению, подтверждаются скульптурами на руинах Паленке, на которых изображен Вотан в окружении символов путешествий, указывающих на места, посещенные в старом и новом свете; он узнает атрибуты Осириса в идоле, принесенном Вотаном с намерением установить поклонение ему в новом свете. Наконец, Вотан и его семьи - карфагеняне. *Teamp*, в *описании Пуо*, стр. 95, 34.

[X-62] Руины Уэуэтана, "города стариков", все еще можно увидеть. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 73-4; *Перуанский антик* Чуди, стр. 11-15; *"Пустыни Доменека"*, том i., стр. 10-21. Вега упоминает, что в Теопикске в штате Чьяпас он нашел несколько семей, которые носили имя героя и утверждали, что являются его потомками. Однако это не имеет большого значения, поскольку мы знаем, что жрецы принимали имя своего бога, и почти у всех мифических героев были потомки, такие как Зевс, Геракл и другие. *Ботурины, Идея*, стр. 115.

[X-63] Часть этой реликвии была отправлена папе Павлу V. в 1613 году; остальная часть была передана на хранение в собор. *Бургоа, Геог. Описание.*, том ii., пт ii., фол. 350-2.

[X-64] Место мертвых, или гадес, также называемое Йопаа, земля гробниц. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 9.

[X-65] Брат Хуан де Охедо увидел и ощутил отпечатки двух ступней на ладье, мышцы и пальцы ног были так отчетливо обозначены, как будто их вдавили в мягкий воск. У мийесов эта традиция была написана иероглифами на коже. *Бургоа, геог. Описание.*, том ii., пт ii., фол. 299.

[X-66] Имя, данное Виксепекоче традицией, которая добавляет, что его видели на острове Монапостиак, недалеко от Теуантепека, незадолго до его окончательного исчезновения. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 411. Кецалькоатль также исчез в море.

[X-67] Он сошел на берег близ Теуантепека с крестом в руке; *Гондра, Расгос и сеньалес примера прогнозирования в Нуэво-Мундо, СР.; Каррьедо, Эстудиос, Hist. дель Эстадо Оахакеньо*, том i., глава i.; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 9-10.

[X-68] Брассер де Бурбург, кажется, относит это к Чалкатонго. *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 19; *Бургоа, Геог. Описание.*, том ii., часть i., фол. 170.

[X-69] *Эскалера и Льяна, медж. История. Описание.*, стр. 330.

[X-70] 'Le tenian enterrado, seco, y embalsamado en su proporcion.' Предполагалось, что пещера соединяется с городом Чьяпас, находящимся на расстоянии 200 лиг друг от друга. *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава xiv.

[X-71] 'Piedra blanca, labrada al modo de vn acho de bolos ... в.Н. груссо таладро. *Бургоа, геог. Описание.*, том ii., пт ii., фол. 362.

[X-72] *Берналь Диас, гистолог. Conq.*, fol. 179; *Салазар-и-Оларте, История. Конк. Мексикан.*, стр. 137. Среди падре было много тех, кто считал Ябалана прямым потомком Хама, сына Ноя, потому что это имя означало "главный черный человек, или негр". *Пиньеда, в соц. Мексике. Геог., Болетин*, том iii., стр. 419.

[X-73] *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 17; *Давила Падилья, История. Немецкий язык.*, стр. 638-9. В Чьяпасе найдено множество изображений небесных тел, скульптурных или нарисованных, а в Паленке, как предполагается, существовал храм солнца. *Пиньеда, в мексиканском обществе. Геог., Болетин*, том iii., стр. 419.

[X-74] Они "поклоняются его изображению по-своему, иногда отрубая голову индейке". "Туземцы примерно так же продвинулись в христианстве, как и во времена завоевания". *Хатчингс, Калифорния. Mag.*, vol. ii., p. 542.

[X-75] *Бургоа, Геог. Описание.*, том ii., пт ii., fol. 395; *Ферри, Costal L'Indien*, стр. 6-7.

[X-76] Некоторые считают, что он состоит из трех сросшихся стволов, и глубокие выемки, безусловно, придают ему такой вид; но деревья этого вида обычно имеют неправильную форму. *Эскалера и Льяна, Медж. История. Описание.*, стр. 224-5; *Шарне, Губит Америку.*, фото. xviii.

[X-77] *История. Быт.*, дек. iii., lib. iii., глава xiv.; *Бургоа, Геог. Описание.*, том ii., часть ii., fol. 282; *Мюленпфордт, Мехико*, том ii., стр. 194. Понтелли, который утверждает, что несколько лет назад посетил запретные места на горе Лакандон, упоминает, среди прочих особенностей, жертвенный камень, обвитый змеями и покрытый иероглифами, на котором были вырваны человеческие сердца. *Correo de Ultramar*, Paris 1860; *Cal. Фермер*, 7 ноября 1862 г.

[XI-1] 'Toda esta Tierra, con estotra, ... tenia vna misma manera de religion, y ritos, y si en algo diferenciaba, era, en mui poco.' 'Lo mismo fue de las Provincias de Quatimala, Nicaragua, y Honduras.' *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii., стр. 54, 191. Тайлор считает, что "цивилизации Мексики и Центральной Америки изначально были независимыми, но они часто контактировали и, таким образом, в немалой степени модифицировали друг друга". *Анауак*, стр. 191. 'On reconnaît facilement que le culte y était partout basé sur le rituel toltèque, et que les formes mêmes ne différaient guère les unes des autres.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 559.

[XI-2] Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii, стр. 42, называет его солнцем.

[XI-3] Изображения солнца, с которым его, по-видимому, отождествляют, не являются чем-то невозможным для этих народов, если мы можем судить по солнечным пластинам с высывающимися языками и другим изображениям, найденным на руинах в Мексике и Центральной Америке.

[XI-4] 'Porque à este le llamaban tambien Ytzamnà.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, pp. 196, 192.

[XI-5] Дочь Икшель, юкатекской богини медицины. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 43. Он пишет имя девы как Чирибиас. Икшель, по-видимому, то же самое, что гватемальское Шмукане, мать богов". *Id.*, *Четверостишие*, стр. 243.

[XI-6] *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. cxxiii.; *Cogolludo, Hist. Yuc.*, стр. 190; *Remesal, Hist. Чьяпа*, стр. 246; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. iii., стр. 133.

[XI-7] 'Celle de l'eau matrice d'embryon, ix-a-zal-uoh.' *Brasseur de Bourbourg, MS. Troano*, том. ii., p. 258.

[XI-8] "Идоло, Земля". *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 33. "Земли, которые являются образами их знакомых и домашних духов". *Петр Мученик*, iv дек., lib. vi.

[XI-9] 'Les dieux de l'Yucatan, disent Lizana et Cogolludo, étaient presque tous des rois plus ou moins bons que la gratitude ou la terreur avait fait placer au rang des divinités.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 20; *Ланда, Relacion*, стр. 158; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 198.

[XI-10] *Лизана* в "Ланда, "Связь", стр. 356; *Коголлудо, "История"*, стр. 197; Бринтон, "Мифы", стр. 188, говорит о "Замне, или Кукулкане, повелителе зари и четырех ветров", и также связывает его с Вотаном. 'Il y a toute apparence qu'il était de la même race (as Votan) et que son arrivée eut lieu peu d'années après la fondation de la monarchie palenquéenne.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 76 и последующие. Рука, изображающая надпись, означает силу, могущество, мастерство, и ее часто можно встретить на руинах Центральной Америки, оттиснутых красным цветом. У североамериканских дикарей это был символ мольбы. Их врачи иногда мазали руку краской и мазали ею пациента. *Скулкрафт*, в книге *Стивенса "Юкатан"*, том ii., стр. 476-8.

[XI-11] Лизана в "Ланда, *Relacion*, стр. 360, переводит название как "Соль на ростро в поисках райоса эран-де-фуэго", Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 198, 178; Брассер де Бурбург, г-жа Троано, стр. 270; *Id.*, *История. Нац. Civ.*, том ii., pp. 5-6; Müller, *Amerikanische Urreligionen*, p. 475. В слове *мо* имени героя встречается еще одно указание на солнце, поскольку *му* - это термин майя, обозначающий птицу *ара*, символ солнца.

[XI-12] 'El que recibe, y posee la gracia, ò rozio del Cielo.' 'No conocian otro Dios Autor de la vida, sino à este.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 179. 'Celui qui demande ou obtient la rosée ou la glace, ou rempli de l'eau en bras de glace, *itz-m-a-tul.*' *Brasseur de Bourbourg, MS. Troano*, том ii., p. 257; *Landa, Relacion*, pp. 284-5.

[XI-13] Пробыв короткое время в Потончане, он сел на корабль, и больше о нем ничего не было слышно. В Кодексе Чимальпопока, однако, говорится, что он умер в Тлапаллане через четыре дня после своего возвращения. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 18. В другом месте этот автор упоминает трех братьев, *ицаоба*, "святого человека", которые, вероятно, были посланы Кецалькоатлем распространять его доктрины, но которые в конечном итоге основали монархию. Они также, кажется, ставят под сомнение идентичность Кукулкана и Кецалькоатля. 'Il n'y a pas à douter, toutefois, que, s'il est le même que Quetzalcohuatl, la doctrine aura été la même.' *Id.*, pp. 10-1, 43. Torquemada, *Monarq. Ind.*, том ii, стр. 52, утверждает, что Кокомы были его потомками, но поскольку герой никогда не был женат, его учеников скорее следует принимать за своих предков. *Ланда, Relacion*, стр. 35-9, 300-1; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава ii. Вейтия связывает его со святым Фомой. *Hist. Antig. Mej.*, том i., стр. 195-8. Говоря о Кукулькане и его спутниках, Лас Касас говорит: "Это ламарон Диос де лас Фибрес и Калентурас.... Los cuales mandaban que se confesasen las gentes y ayunasen; y que algunos ayunaban el viernes porque habia muerto aquel dia Bacab; y tiene por nombre aquel dia Himis." *Hist. Apologética*, ср., загл. cxiii. 'Kukulcan, vient de kuk, oiseau qui paraît être le même que le quetzal; son déterminatif est kukul qui uni à can, serpent, fait exactement le même mot que Quetzal Cohuatl, serpent aux plumes vertes, ou de Quetzal.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, p. 35.

[XI-14] Гомара, *Конв. Мексик.*, fol. 22; *Ланда, Relacion*, стр. 158; Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 202; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii, стр. 46-7. 'Se tenian por santificados los que alla auian estado,' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. iv.

[XI-15] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 50, называет бога смерти Ракалку. Баэза в *Registro Yuc.*, том i., стр. 168-9, упоминает прозрачный камень под названием *зацун*, с помощью которого можно было обнаружить скрытые вещи и причины болезней.

[XI-16] 'Cette divinité paraît être la même que le *Tihax* des Quichés et Cakchiquels, le *Tecpatl* des Mexicains, la lance ou la flèche.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, p. 363.

[XI-17] *Зи-Роверс*, стр. 64; Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 178, 190-1, 196-7; *Ланда, Связь*, стр. 206-8; Лизана, в *Ид.*, стр. 356-64; Терно-Компанс, в *Новых анналах Войны.*, 1843, том . xcvi., стр. 40-4; "Пустыни Доменека", т. i, стр. 17, 32; *Переработка, История. Чьяпа*, стр. 245-6; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 4-10, 20, 42-50.

[XI-18] "Кресты святых Юкатана, Мизтеки, Керетаро, Тепике и Тянькивистепека". *Клавиджеро, История Муравьев Мессико*, том ii, стр. 14. Также кресты были в Паленке, на Сан-Хуан-де-Уллоа, в Копане, в Никарагуа, и в других местах. 'Die Tolteken haben nämlich die Verehrung des

Kreuzes mit durchaus bewusster Beziehung desselben auf den Regen, von der alten Urbevölkerung aufgenommen.'Müller, *Amerikanische Urreligionen*, pp. 498-9; Palacio, *Carta*, p. 88.

[XI-19] Это и другие пророчества, которые если и не являются простой выдумкой, то несут на себе, по крайней мере, следы искажений и дополнений, можно найти у *Торквемады, Монарка. Ind.*, том iii., стр. 132-3; *Переработка, История. Чьяпа*, стр. 245-6; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 99-100; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том ii, стр. 603-6. Бринтон считает, что они могут относиться к "возвращению Замны, или Кукулькана, повелителя зари и четырех ветров, которому поклонялись на Косумеле... под знаком креста". *Мифы*, стр. 188. Сообщение, распространенное Агиляром о своем народе и кресте, возможно, дало пророкам ключ к разгадке.

[XI-20] "Формирование такого мнения испанцами, по-видимому, почти убедительно показывает, что у аборигенов страны не сохранилось никакой традиционной истории по этому вопросу, которая оправдывала бы простую веру в то, что европейцы-католики когда-либо обладали среди них достаточным влиянием, чтобы установить столь важную черту в своих суеверных обрядах". *Маккаллох, Исследования в Америке.*, стр. 327. "Afirmaban que por que" habia muerto en ella un человек, который восстановил страну из-за эль-соли". *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. cxhiii.; *Петр Мученик*, iv дек., первая часть

[XI-21] Мистер Годфри Хиггинс в своей книге "*Кельтские друиды*", стр. 126, говорит: "Немногие причины были более сильными в создании ошибок в древней истории, чем идея, поспешно подхваченная христианами во все века, что каждый памятник древности, отмеченный крестом или любым из тех символов, которые они принимали за монограммы Христа, были христианского происхождения.... Крест так же распространен в Индии, как в Египте и Европе", - пишет мистер Морис в своих "*Индийских древностях*", том ii, стр. 361. "Пусть благочестие христианина-католика не будет оскорблено предыдущим утверждением, что крест был одним из самых распространенных символов среди иероглифов Египта и Индии". Эмблема универсальной природы одинаково почитается в языческом и христианском мире. "В пещере Элефанта, в Индии, над головой главной фигуры снова можно увидеть эту фигуру (крест), а немного впереди - огромный Лингам (фаллос)".

[XI-22] Констанцио считает его символом солнцестояний. *Malte-Brun, Précis de la Géog.*, том vi., pp. 464-5; *Humboldt, Exam. Kpum.*, том ii., стр. 354-6; *Вальдек, Воѳ. Pitt.*, p. 24; Müller, *Amerikanische Urreligionen*, pp. 497-500; *Torquemada, Monarq. Ind.*, том iii., стр. 133, 200-6, 299; *Исследования Маккаллоха*, стр. 331-6; *Клемм, Культурно-исторический журнал*, том v., стр. 143; *Гомара, История.*, fol. 63. Бринтон ссылается на утверждение о том, что у мексиканцев были крестообразные могилы, и предполагает, что это относилось к четырем духам мира, которые должны были перенести умершего в небеса, но, похоже, здесь допущена ошибка по обоим этим пунктам. *Мифы*, стр. 95-8; "*Любопытные мифы*" *Гулда*, том ii., стр. 79, и далее; "*Мифология арийских народов*" *Кокса*, том ii., стр. 369-72. На некоторых из упомянутых крестов отсутствует головной убор, и, имея форму буквы Т, они чем-то напоминают мексиканскую монету.

[XI-23] "Нет соло се халло вна Крус, китайские алгуны". *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 199-302; *Берналь Диас, История. Конк.*, след. 3; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. iii., глава i.; *Гомара, Конв. Мексика.*, fol. 24. Стивенс нашел крест в церкви Мехорада в Мериде, который старый монах выкопал из руин церкви на острове Косумель. "Связь "Косумельского креста" с

разрушенной церковью на острове полностью сводит на нет самое убедительное доказательство, предлагаемое в наши дни, того, что крест когда-либо признавался индейцами символом поклонения". *Юкатан*, том ii., стр. 377-8. Довольно поспешное утверждение, сделанное перед лицом стольких старых авторитетов.

[XI-24] Это, кажется, подтверждает идею о том, что ему поклонялись, однако Констанцио рассматривает его как изображение рождения солнца в день зимнего солнцестояния и считает руины, к которым принадлежит крест, храмом солнца. *Malte-Brun, Précis de la Géog.*, том. vi., pp. 464-5; *Müller, Amerikanische Urreligionen*, p. 498; *Stephens' Cent. Amer.*, том i, стр. 345-8. Сквайер, который отрицает, что Тонакакуауитль должен был изображать крест, считает, что крест Паленке просто представляет одно из этих деревьев с расположенными крест-накрест ветвями. *Palacio, Carta*, pp. 120-1. Джонс, *историк. Амер.*, стр. 149 и далее., который отождествляет почти все черты культа Центральной Америки с финикийским, утверждает, что крест в Паленке доказывает тирское происхождение аборигенов.

[XI-25] Cogolludo says, however: 'Solian ayunar dos, y tres dias, sin comer cosa alguna.' *Hist. Yuc.*, p. 194.

[XI-26] Эти увечья временами были очень серьезными. 'Otras vezes hazian un suzio y penoso sacrificio añudandose los que lo hazian en el templo, donde puestas en rengla, se hazian sendos aguzeros en los miembros viriles al soslayo por el lado, y hechos passavan toda la mas cantidad de hilo que podian, quedando assi todos asidos.' *Landa, Relacion*, pp. 162-3. Этот автор считает, что практика разрезания крайней плоти породила идею о существовании обрезания на Юкатане.

[XI-27] *Ланда, Relacion*, стр. 164-8; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 193-4; *Медель*, в *Новых анналах Войны.*, 1843, том. xcvi., стр. 43; том ii., стр. 704-5, этой работы. "За неимением детей они приносят в жертву собак". *Peter Martyr*, dec. iv., lib. vi. 'El numero de la gente sacrificada era mucho: y esta costumbre fue introduzida en Yucatan, por los Mexicanos.' 'Flechauan algunas vezes al sacrificado ... desollauanlos, vestiase el sacerdote el pellejo, y baylauo, y enterrauan el cuerpo en el patio del templo.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. iii., iv. Традиция гласит, что в пещере близ Ушмаля существовал колодец, подобный колодцу в Чичене, охраняемый старой женщиной, строительницей дворца гномов в этом городе, которая продавала воду для младенцев, а их бросала перед змеей рядом с собой. *Цент Стивенса. Амер.*, том ii., стр. 425.

[XI-28] *Ланда, Relacion*, стр. 165; *Коголлудо, Hist. Yuc.*, стр. 25, 180; *Гомара, Hist. Ind.*, fol. 62.

[XI-29] *Relacion*, стр. 154; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv. Описание обрядов крещения см. в т. ii., стр. 682-4, этой работы.

[XI-30] 'Que se deriva de un verbo *kinyah*, que significa "sortear ó echar suertes."' *Lizana*, in *Landa, Relacion*, p. 362.

[XI-31] "Длинные одежды нуаров". *Мореле, Путешествие*, том i., стр. 168.

[XI-32] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 198; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том. ii., p. 6; *Ternaux-Compans*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 39-41. Храмы описаны в т. ii., стр. 791-3, этой работы.

[XI-33] 'Célèbres dans toutes les traditions d'origine toltèque, comme les pères du soleil et de la magie.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 120.

[XI-34] '*Hun-Ahpu-Vuch* un Tireur de Sarbacane au Sarigue et *Hun-Ahpu-Utiu* un Tireur de Sarbacane au Chacal.' *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, pp. cxviii., cxix., pp. 2-5. Их также называют фокусниками. *Id.*, *Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 54. Хименес произносит по буквам последнее имя Хун-ахпу-уху и утверждает, что они считаются оракулами. *История. Гуат.*, стр. 4, 156-8, 82. Лас Касас, *История. Апологетика*, ср., загл. в cxiv. говорится, что этим существам поклонялись под именем дедушки и бабушки до потопа, но позже появилась женщина, которая научила их называть богов другими именами. Эта женщина, Брассер де Бурбур, считается традиционной и прославленной королевой Атит, от которой вулкан Атитлан получил свое название и от которой произошли княжеские семьи Гватемалы. Местные жители до сих пор помнят ее имя, но как имя призрака. *Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 74-5. Далее он находит значительное сходство между ней и Адити из Веды. В своем объяснении катаклизма на Антильских островах он идентифицирует Шмукане как южноамериканскую часть континента, а Спиякок - как Северную Америку. *Quatre Lettres*, pp. 223-4, 235-8. Гарсия, *Ориген де лос Индиан.*, стр. 329-30, называет этих первых существ Хмелем и Хтманой и дает им трех сыновей, которые создают все сущее. В младшем из них мы узнаем двух законных сыновей Хунхун Ахпу, которые позже будут описаны как покровители изящных искусств.

[XI-35] Быть пораженным бубонами означало обладание многими женщинами и, следовательно, богатство и величие. *История. Гуат.*, стр. 157; см. Этот том. [стр. 60](#); Брассер де Бурбур, *Пополь Вух*, стр. 3.

[XI-36] Брассер де Бурбур, *Пополь Вух*, стр. 315, не понимает, почему Хименес, *Hist. Ind. Гуат.*, стр. 125, переводит heaven and Xibalba как рай и ад, но поскольку оба термина, несомненно, относятся к провинциям или городам, лучше сохранить переносное название. Шибальба, кроме того, происходит из того же источника, что и бессмертный "демон" юкатеков. Brasseur translates: 'Chaque sept (jours) il montait au ciel et en sept (jours) il faisait le chemin pour descendre à Xibalba;' while Ximenez with more apparent correctness renders: 'Siete dias se subia al cielo y siete dias se iba al infierno.' In *Quatre Lettres*, p. 228, the Abbé explains Xibalba as hell. См. также том ii., стр. 715-7, этой работы.

[XI-37] *Пополь Вух*, стр. cxvii.-cxx., 7, 9; см. Этот том, [стр. 48-54](#). Число 4 встречается в мифических и исторических повествованиях о Мексике и Центральной Америке очень часто.

[XI-38] 'Parait venir des Antilles, où il désignait la tempête et le grondement de l'orage.' *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, p. 8.

[XI-39] Брассер де Бурбур, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 496.

[XI-40] Garcilaso says: 'C'est encore l'idée du Tonnerre, de l'Eclair et de la Foudre, contenus dans un seul *Hurakan*, le centre, le cœur du ciel, la tempête, le vent, le souffle.' *Comentarios Reales*, lib. ii., cap. xxiii., lib. iii., cap. xxi., lib. iii.; *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, p. ccxxxv., 9; *Id.*, *Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 51.

[XI-41] 'Ximenez dit qu'il signifie *Pluie, Averse*: mais il confond ici le nom du dieu avec le signe. *Toh*, ... est rendu par le mot *paga*, paie, *pagar*, payer. Mais le MS. *Пирог - миквель* ... dit que les Quichés reçurent celui de *Tohohil*, qui signifie grondement, bruit,' etc. Брассер де Бурбур, *Пополь Вух*, стр. 214. Он кажется идентичным хунпиктоку майя.

[XI-42] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 553, том i., стр. 128.

[XI-43] Бринтон, *Мифы*, стр. 156-7, который считает Хуракана Тлалоком, связывает Тохилья с Кецалькоатлем — идеи, скорее всего, заимствованные у Брассера де Бурбура, — утверждает, что он был представлен кремнем. Должно быть, это относится к его традиционному превращению в камень, поскольку аббат заявляет, что хронисты не дают описания его идола. *История. Нац. Сив.*, том ii., стр. 552. Теперь, хотя аббат заявляет, что Тохиль - это то же самое, что и Кецалькоатль, в *Пополь Вух*, стр. 214, и в других местах, он признает, что традиция однозначно отождествляет его с Хураканом, и подтверждает это, объясняя на стр. cclxvii., что Тохиль, иногда сам по себе, иногда в связи с двумя другими членами троицы, сочетает в себе атрибуты грома, вспышки и молнии; далее, он приводит молитву священников Тохилья, в которой к этому богу обращаются как к Хуракану. *История. Нат. Сив.*, том ii., стр. 553. Кроме того, показано, что Гукумац, признанный представитель Кецалькоатля, отличается от Тохилья. Таким образом, каждый пункт, традиция, имя, атрибуты связывают Тохилья и Хуракана и отождествляют их с Тлалоком.

[XI-44] *История. Нац. Сив.*, том ii., стр. 552-3.

[XI-45] Брассер де Бурбург, *Пополь Вух*, стр. cclxvii., 235; *Id.*, *Hist. Nat. Сив.*, том ii., стр. 554. The turning into stone 'veut dire que les trois principaux volcans s'éteignirent ou cessèrent de lancer leurs feux.' *Id.*, *Quatre Lettres*, p. 331.

[XI-46] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Сив.*, том ii., стр. 497, 75; *Id.*, *Пополь Вух*, стр. cclxii.; см. примечание 7.

[XI-47] *Id.*, *Hist. Nat. Сив.*, том ii, стр. 521; *История Хуаппоса. Гуат.*, стр. 384.

[XI-48] 'Hunhun-Ahpu signifie Chaque Tireur de Sarbacane; Vukub-Hun-Ahpu, Sept un Tireur de Sarbacane.' *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, p. cxxxv. Their chief name, Ahpu, 'désigne la puissance volcanique.' *Id.*, *Quatre Lettres*, p. 225.

[XI-49] Хун Ахпу, стрелок из сарбаджана. 'Xbalenque, de balam, tigre, jaguar; le que final est un signe pluriel, et le x qui précède, prononcez sh (anglais), est alternativement un diminutif ou un signe féminin.' *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, p. cxxxv. Хименес, *История. Инд. Гуат.*, стр. 146-7, 156, отмечает сходство этих персонажей с Богом, сыном и девой у христиан.

[XI-50] 'Хун-Бац, Обжигающий (ты же не Филер); Хун-Чоуен, не блан-шит, а эмблема". Они, по-видимому, соответствуют мексиканским озоматли и Пильтцинтекутли. Брассер де Бурбург, *Пополь Вух*, стр. cxxxv., 69, 117. ба в Хун-Баце означает что-то подземное, или глубоко внизу, а Хун-Чуэн "Une Souris cachée" или "un lac en sentinelle". Оба названия указывают на беспорядочное состояние и движение региона (Антильских островов). *Id.*, *Quatre Lettres*, pp. 227-9.

[XI-51] 'Les deux frères, s'étant embrassés, s'élancent dans les flammes.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Сив.*, том i, стр. 137.

[XI-52] Вукуб Чакиш, "семь арас", прообраз солнца, хотя в одном месте и было объявлено, что он узурпировал солнечный атрибут, по-видимому, почитался как солнце; двое его сыновей, Ципакна и Кабракан, представляют соответственно создателя земли и землетрясения, что подтверждает высокое положение их отца. Брассер де Бурбург, *Пополь Вух*, стр. 31-9, cciv., ccliii.

[XI-53] Аллегорический отчет об этих событиях приведен на стр. 31-122 книги *"Пополь Вух"*, а замечания Брассер приведены на страницах sxxxiv. - sxl. Хуаррос, *Привет. Гуат.*, стр. 164, утверждает, что Хун Ахпу открыл использование какао и хлопка, что является лишь еще одним свидетельством внедрения культуры. Согласно Лас Касасу, Шбаланке спускается в ад, Шибальбу, где он захватывает сатану и его главарей, и когда дьявол умоляет героя не вытаскивать его на свет божий, он пинает его обратно с проклятием, чтобы все гнилое и отвратительное прилипло к нему. Когда он возвращается, его народ не принимает его с должным почетом, и, соответственно, он уезжает в другие части. *История. Апологетика*, ср., загл. sxxiv.; *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii, стр. 53-4.

[XI-54] *Четверостишия*, стр. 225-53; см. Этот том. 261-4.

[XI-55] On one occasion the people 'égorgèrent chacun un de leurs fils, dont ils mirent les cadavres dans les fondations.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 561-4.

[XI-56] *Indianer von Istlávacan*, pp. 11-3. Туземцы верили, что им придется разделять все страдания и эмоции своих нагвалей. *Новое исследование Гейджа*, стр. 334; Эррера, *История. Генерал.*, декабрь iv., lib. viii., глава iv., также относится к нагвалям и утверждает, что гондурасский протезе заключил с ними договор в горах путем подношений и кровопускания.

[XI-57] *Эспиноса, Хрон. Апост.*, стр. 344-5; *Переработка, История. Чьяпа*, стр. 726; *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 151-3.

[XI-58] 'Tenian por sus Dioses à los Venados.' *Villagutierre, Hist. Конк. Ица*, стр. 43.

[XI-59] *Hist. Yuc.*, стр. 699, 489-93, 509; *Виллагутьерре, Hist. Конк. Ица*, стр. 100-2, 182, 500-2; *Мореле, Путешествие*, том ii., стр. 32; *Исследования Маккаллоха в Америке.*, стр. 318.

[XI-60] 'Cha-malcan serait donc Flèche ou Dard frotté d'ocre jaune,' etc. *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. 248-9.

[XI-61] *Id.*, *Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 173.

[XI-62] Müller, *Amerikanische Urreligionen*, p. 475. Из-за отсутствия идолов они сильно отличались от своих соседей. *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 74; *Мореле, Путешествие*, том ii., стр. 79.

[XI-63] 'C'est à eux qu'elles offraient presque tous leurs sacrifices.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 556; *Паласио, Хартия*, стр. 66-70.

[XI-64] 'L'époque que les événements paraissent assigner à cette légende coïncide avec la période de la grande émigration toltèque et la fondation des divers royaumes guatémaliens.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 81; *Id.*, *Пополь Вух*, стр. sxxviii. Недалеко от деревни Коатан было небольшое озеро, которое они считали оракулом, в которое никто не осмеливался заглянуть, иначе его охватила бы немота и смерть. *Palacio, Carta*, p. 50.

[XI-65] 'Aujourd'hui de Gracias.... Il y a encore aujourd'hui un village du même nom, paroisse à 12 l. de Comayagua.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 106.

[XI-66] 'Aunque otros dicen, que eran sus Hermanos.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том i., стр. 336.

[XI-67] *Хартия*, стр. 82-4. В качестве примера уважения, которое питали к идолам, Лас Касас рассказывает, что когда испанцы однажды осквернили их своим прикосновением, туземцы принесли кадилъницы, которыми они воскурили их, а затем с большим почтением отнесли обратно к своему алтарю, пролив свою кровь на дорогу, по которой проходили идолы. *История. Апологетика*, ср., загл. clxxx.; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., 326; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. viii., глава iv.

[XI-68] См. том ii. этой работы, стр. 719-20.

[XI-69] *Римская, Республика Индейцев, в Хименесе, история. Инд. Гуат.*, стр. 176-81; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 564-566; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. clxxix.; *Хуаррос, История. Гуат.*, стр. 196.

[XI-70] The ancient Quichés 'recueillirent leur sang avec des éponges,' *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, p. 259.

[XI-71] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 559-63; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., глава. clxxvii.; том ii. этой работы, стр. 688.

[XI-72] *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. 226-7; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., глава. cxiv., clxxvii.; *История Хуарроса. Гуат.*, стр. 225; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 54; *Palacio, Carta*, стр. 66; *Squier, in Id.*, стр. 116-7; *Cortés, Cartas*, стр. 417-8; *Cogolludo, Hist. Yuc.*, стр. 699; *Villagutierre, Hist. Конк. Ица*, стр. 392, 502; *Гомара, Hist. Ind.*, fol. 268; *Вальдек, Вой. Путт.*, стр. 40; смотри также, этот том. стр. 688-9, 706-10, 735; *Цент Стивенса. Амер.*, том ii., стр. 184-5. Хименес, *История. Инд. В Guat.*, стр. 210, говорится, что в случае тяжелой болезни отец без колебаний пожертвовал бы своим сыном, чтобы получить облегчение. Сам факт того, что такая сказка попала в обиход, показывает, как мало ценилась человеческая жизнь.

[XI-73] 'Ils n'avaient pour toute nourriture que des fruits.' MS., *Quiché de Chichicastenango*, in *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 552-553, 496-7; *Лас Касас, История. Апологетика*, CP., глава cxxiii.

[XI-74] Терно-Компанс переводит это как *tuti*, *Обзор документа.*, стр. 29, в то время как Сквайер переводит это как *tecti*. *Palacio, Carta*, стр. 62. Но как ацтекское слово, его следовало бы писать *teoti*.

[XI-75] *Паласио, Carta*, стр. 62-6; *Эррера, История. Быт.*, дек. iv., lib. viii., глава x.; *Хименес, Hist. Ind. Гуат.*, стр. 200-1; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 105, 555-6; *Салазар-и-Оларте, История. Конк. Мексика.*, стр. 315-6.

[XI-76] *История. Конк. Ица*, стр. 61; *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. cxviii., cclxvi.; *Шерцер, Индианец фон Иштлавакан*, стр. 10.

[XI-77] Гомара говорит по этому поводу: "Религия Никарагуа как случай мексиканского месмы". *Hist. Ind.*, fol. 63.

[XI-78] Сходство имен *тамачаз* и *тамагаст*, имен, данных ангелам и священникам, поразительно. Окончание *там* также можно рассматривать как сокращение от ацтекского *тамли*, отец. *Buschmann, Ortsnamen*, pp. 164-5.

[XI-79] *Buschmann, Ortsnamen*, p. 163.

[XI-80] 'Ich bringe es in Verbindung mit dem Stammworte *cihua* oder *ciyahu* befeuchten, bewässern.' *Ib.* Следует отметить, что в этих странах ацтекское *h* часто меняется на *g*.

[XI-81] *Müller, Amerikanische Urreligionen*, pp. 435-8, 503; *Squier's Nicaragua*, (Ed. 1856), vol. ii., pp. 349-60; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 112; этот автор отождествляет Тамагостата и Чипальтону с солнечными божествами тольтеков Оксомоком и Чипактоналом, но ставит их в довольно низшее положение.

[XI-82] Также представлен Оксомого, что ставит под сомнение отождествление Брассером Джамагостада с этим персонажем.

[XI-83] 'Ehecatl oder verkürzt Ecatl ... ist die Berichtigung für Oviedo's Hecat.' *Buschmann, Ortsnamen*, p. 163; *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iv., pp. 40-5, 52.

[XI-84] В *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том iii., стр. 40, они пишутся Homey-Ателите и Homey-Атесигуат, но приведенное выше написание лучше соответствует другим подобным ацтекским названиям в Никарагуа. *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iv., p. 46.

[XI-85] 'Von quiahui oder quiyahui regnen: mit *teotl* Gott verbunden.' *Buschmann, Ortsnamen*, p. 167.

[XI-86] *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 46.

[XI-87] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 113. Последнее, похоже, совпадает с мексиканским теотохтли, "богом-кроликом".

[XI-88] 'Y esso tenemos por el dios de los venados.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iv., p. 55.

[XI-89] Все, вероятно, происходит от *тламаказки*, священник. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 112-4. Этот автор, следуя за *Овьедо, Hist. Nic.*, произносит названия несколько иначе. *Buschmann, Ortsnamen*, pp. 165-8; *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iv., pp. 48, 52, 101.

[XI-90] Эти замечания кажутся несовместимыми с утверждением, что дух только людей возносился на небеса. *Id.*, стр. 41-2.

[XI-91] 'Téobat vient probablement de *Téohuatl*, être divin.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 113.

[XI-92] 'En toda la plaza, ni en el templo donde están, entran allí hombre ni muger en tanto que allí están, sino solamente los muchachos pequeños que les llevan é dan de comer.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iv., p. 47.

[XI-93] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 330.

[XI-94] Петр Мученик описывает это сооружение следующим образом: "В пределах видимости их Храмов есть другие Основания или Пиллеры, подобные Кафедрам ... базы которых состоят из восьми степеней или стоянок, в некоторых местах двенадцати, а в других пятнадцати". Декабрь vi., lib. vi.

[XI-95] Овьедо, *История. Генерал.*, том iv., стр. 46-7, 53, 56, 93-4, 98, 101; *Петр Мученик*, декабрь vi., lib. vii.; *Гомара, История. Ind.*, fol. 265-6; *Эррера, История. Gen.*, декабрь iii., lib. iv., глава vii.; том ii., стр. 708-10, 715, этой работы.

[XI-96] Овьедо, *Hist. Gen.*, том iv., стр. 55-6; *Эррера, Hist. Gen.*, дек. iii., lib. iv., глава vii., lib. v., глава xii.; *Гомара, Hist. Ind.*, fol. 256.

[XI-97] Brasseur de Bourbourg says: '*Tamagoz*, c'est encore une autre corruption du mottlamacazqui.' *Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 114.

[XI-98] Овьедо, *История. Генерал.*, том iv., стр. 46-7, 53; *Андагоя*, в *Наваррете, Полковник де Вуажес*, том iii., стр. 414; том ii., стр. 728, этой работы. *Гомара, Hist. Ind.*, fol. 265, утверждает, что все священники были женаты, в то время как *Эррера, Hist. Gen.*, дек. iii., lib. iv., глава vii., утверждает обратное. Последняя точка зрения кажется более правильной, если учесть, что женщинам не разрешалось входить в храмы и что первосвященник и преданные были вынуждены оставлять своих жен, когда те входили в святилище. Вполне вероятно даже, что не существовало отдельного священства, поскольку храмы не имели доходов, и храмовая служба, по крайней мере частично, выполнялась добровольцами; к этому следует добавить тот факт, что, хотя исповедник мог и не быть связан с храмом, все же он предписывал епитимью в его интересах. Однако следует учитывать, что без постоянных служителей было бы трудно поддерживать распорядок праздников и церемоний, вести книги записей, обучать детей и поддерживать дисциплину.

[XI-99] *Arricivita, Crónica Seráfica*, p. 57; *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iv., pp. 101, 107. 'Sous le nom de "Texoxé" on désignait les naguals, les génies mauvais de toute espèce, ainsi que les sorciers.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 113.

[XI-100] *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii., стр. 63.

[XI-101] На мысе Гондурас они состояли из длинных, узких домов, приподнятых над землей, в которых стояли идолы с головами животных. *Эррера, История. Генерал.*, декабрь iv., lib. viii., глава v.

[XI-102] *Id.* и dec. iv., lib. i., глава vi.; см. Том i., стр. 740, этой работы.

[XI-103] 'Es ist dafür das Wort God aus dem Englischen aufgenommen.' *Mosquitoland, Bericht*, p. 142.

[XI-104] *Вайкна Барда*, стр. 243. "Дьяволы, главного из которых они называют Шерстяной Пилой, или злым началом, колдовством". *Москитный берег Стрэнджуэйса*, стр. 331. Янг пишет Оулассер. *Повествование*, стр. 72.

[XI-105] *Колокол в Лондоне. Геогр. соц., журнал.*, том. xxxii., стр. 254.

[XI-106] Форма, которая относит историю к сравнительно недавней дате, если только изначально не подразумевался олень.

[XI-107] *Колокол в Лондоне. Геогр. соц., журн.*, вып. xxxii., стр. 253-4; *Повествование Янга*, стр. 79.

[XI-108] *Цент Фребеля. Амер.*, стр. 137; см. также том i, стр. 740-1, этой работы.

[XI-109] *Hist. Ind.*, fol. 255.

[XI-110] *Id.*, fol. 89; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 20, 125.

[XI-111] *Путер Мартир*, декабрь vii., библиотека x.; "*Колумб Ирвинга*", том iii., стр. 173-4; *Мюллер, Американская религиозность*, стр. 421.

[XI-112] *Андагоя*, в *Наваррете, полковник де Вуажес*, том iii, стр. 401; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. i., глава xi., дек. ii., lib. iii., глава v.

[XI-113] *История. Апологетика*, ср., загл. cxxiv., cxxlii.; *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii., стр. 63.

[XI-114] Дек. iii., библиотека iv., дек. ii., библиотека iii.

[XI-115] Имя, применяемое в Куэбе ко всем, кто преуспел в том или ином искусстве. *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iii., pp. 126-7.

[XI-116] 'Las manos no se las vian.' *Andagoya*, in *Navarrete, Col. de Viages*, tom. iii., p. 400.

[XI-117] Для дальнейшего описания магов см. Том i, стр. 779-80. Гомара пишет: "Тауира, что значит эль Диабло". *История. Ind.*, fol. 255; *Эррера, История. Gen.*, дек. ii., lib. ii., глава x., lib. iii., глава v., дек. iv., lib. i., глава x.

[XI-118] *Петр Мученик*, дек. vii., lib. x.

[XI-119] *Древние фрагменты*, введение, стр. 34. М. Пикте говорит о примитивной кельтской религии: "Из примитивной двойственности, составляющей фундаментальные силы вселенной, возникает двойная последовательность космических сил, которые, пересекшись друг с другом путем взаимного перехода, в конце концов сливаются в Одно Высшее Единство, как в своих основных принципах". Сэр Уильям Джонс говорит: "Мы не должны удивляться, обнаружив при ближайшем рассмотрении, что характеры всех языческих божеств, мужского и женского пола, переходят друг в друга и, наконец, в одно или два, поскольку представляется вполне обоснованным мнение, что вся толпа богов и богинь в древнем Риме и современном Варане означают только Силы Природы, и главным образом силы Солнца, выражаемые различными способами и множеством причудливых имен". *О богах Греции, Италии и Индии*, стр. 273.

[XI-120] "Это предположение было впервые публично высказано в ходе чтения сообщения, - говорит Сквайер, *Символ змеи*, стр. 49, - перед Американским этнологическим обществом выдающимся членом этого органа; из которого извлечены следующие отрывки. Отметив несколько фактов, указывающих на прежнее существование фаллического культа в Америке, автор статьи продолжает следующим образом: "Теперь мы переходим к Центральной Америке. Ознакомившись с первым путешествием наших коллег-членов, господа. Стивенс и Катервуд, в Гватемале и на центральных территориях Континента, я был насильно поражен монолитными идолами Копана. Раньше мы ничего не знали, кроме останков Мексики, Паленке и Ушмаля; а те, что были найдены в Копане, показались мне непохожими на все остальные и, вероятно, датированы более древним временем. Мое чтение дает мне лишь одну параллель с этими необычными монолитными скульптурами, и это было замечено на Цейлоне в 1796 году

капитаном Колином Маккензи и описано в 6-м томе "Азиатских исследований". Поскольку описание короткое, я расшифровываю его: "Фигура вырезана из камня в рельефе; но вся она погружена в углубление, выглаженное, чтобы защитить ее от повреждений по бокам. Ростом он может быть около четырнадцати футов, выражение лица дикое, полное круглое лицо, глаза большие, нос круглый и длинный; у него нет ни бороды, ни обычных отличительных знаков представителей племени Генту. Он поднимает обе руки, согнув указательные и большие пальцы; головной убор высокий и, кажется, украшен драгоценными камнями; на мизинце левой руки кольцо; на руках браслеты; пояс высоко на талии; нижнее платье или драпировка, закрепленная поясом намного ниже, чем платье Дженту, от которого зависит что-то вроде кисточек; воротник и украшения на шее и плечах; и кольца, кажется, низко свисают с ушей. Никакого вида оружия". Это было самое близкое приближение, которое я мог сделать к копанским идолам; ибо идолами я их считал, исходя из того факта, что перед ними неизменно ставился алтарь. Внимательно изучив рисунки мистера Катервуда, я обнаружил, что, хотя ни одна фигура не обладает всеми вышеперечисленными характеристиками, тем не менее, в различных фигурах я мог найти все особенности, перечисленные в цейлонской скульптуре. Тогда мне пришло в голову, что одним из самых распространенных символов Фаллоса был эрегированный камень, часто в его грубом состоянии, иногда скульптурный, и что ни один другой объект языческого поклонения так часто не затенялся единственным камнем, поставленным торчком, как Фаллос. То, что поклонение Приапу [Лингаму] существовало на Цейлоне, уже давно было удовлетворительно установлено; и поэтому у меня возникло подозрение, что эти памятники в Копане могут быть остатками аналогичного идолопоклонства. Дальнейший осмотр подтвердил мои подозрения; ибо, как я и предполагал, я обнаружил изваянные на американских руинах органы зачатия, а на обратной стороне одной из эмблем, относящихся к существованию в утробе матери, родам и т. Д. Я бы, однако, хотел полной уверенности в правильности моих подозрений, если бы дело остановилось на этом. По возвращении господ. Стивенс и Катервуд во время их второй экспедиции развеяли все сомнения в существовании фаллического культа, особенно на Юкатане".

[XI-121] *Четверостишия*, стр. 290, 301; *Символ Змеи Сквайера*, стр. 47-50.

[XI-122] *Леон-и-Гама, Дос-Пьедрас*, часть i, стр. 40.

[XI-123] In Pánuco and other provinces 'adorano il membro che portano gli huomini fra le gambe, & lo tengono nella meschita, & posto similmente sopra la piazza insieme con le imagini de rilieuo di tutti modi di piacere che possono essere fra l'huomo & la donna, & gli hanno di ritratto con le gambe di alzate in diuersi modi.' *Relatione fatta per un Gentil'huomo del Signor Fernando Cortése*, in *Ramusio, Navigationi*, tom. iii., fol. 307.

[XI-124] 'Hallaron entre vnos arboles vn idolillo de oro y muchos de barro, dos hombres de palo, caualgando vno sobre otro, a fuer Sodoma, y otro de tierra cozida con ambas manos a lo suyo, que lo tenia retajado, como son casi todos los Indios de Yucatan.' *Gomara, Hist. Ind.*, fol. 58.

[XI-125] См. том ii., стр. 336-7, об этом празднике.

[XI-126] "Идол пьедра редондо", что может означать "цилиндрический камень", как передал это переводчик *Хартуи* Паласио.

[XI-127] *Паласио, Carta*, стр. 84.

[XI-128] О кресте в Америке см. Этот том. [стр. 468](#).

[XI-129] Я имею в виду рисунок слева в вырезке на стр. 348, том iv., этой работы. Примеры упомянутых амулетов смотрите на иллюстрациях в книге Пэйна Найта "*Поклонение Приапу*."

[XI-130] См. том i. этой работы, стр. 93; *Овьедо, История. Бытие.*, том iv., стр. 48; См. Том ii. этой работы, стр. 719-20.

[XI-131] *Ботурины, Идея*, стр. 13; смотри также этот том, [стр. 243-4](#).

[XI-132] См. том i. этой работы, стр. 200, 414, 566-6; том ii., стр. 676, и описание праздников Юкатека в гл. xxii. Приводя эти жестокие оргии, я не предполагаю и не хочу утверждать, что они были каким-либо образом связаны с поклонением фаллосу или что в них действительно было что-либо религиозного характера. Тем не менее, поскольку им, несомненно, предавались во время или сразу после великих религиозных праздников, и поскольку мы знаем, как фаллический культ выродился из своей первоначальной чистоты в такое же скотство в Греции и Риме, я счел нужным упомянуть о них. В нижеследующих замечаниях мистера Бринтона по этому поводу есть много правды, хотя с его утверждением о том, что доказательств признания американцами принципа оплодотворения в Природе "совершенно недостаточно", я не могу согласиться. Он говорит: "Нет никаких оснований придавать этим дебошам какое-либо непонятное значение. Они просто указывают на полную безнравственность, которая преобладала на протяжении всей расы. И еще более отвратительным доказательством этого является частое появление среди различных племен мужчин, переодетых женщинами и предающихся неопишуемому порокам. Поначалу в таких выставках не было ничего религиозного. Похотливые священники иногда придавали им какой-то подобный смысл.... Мнимое фаллическое поклонение натчезов и Кульуакана, на которое ссылается аббат Брассер, не опирается на авторитетные источники, и если это правда, то оно подобно поклонению уастеков Пануко, не что иное, как безудержное и безграничное распутство, которое было бы абсурдом называть религией. То, что мистер Стивенс пытается показать, существовало когда-то на Юкатане, полностью основывается по его собственному утверждению на воображаемом сходстве, не имеющем никакой ценности, и аргументы Лафито на тот же счет совершенно недостаточны. В остатках древнего американского искусства, особенно в Перу (Мейен), есть явная непристойность и большая непристойность во многих церемониях, но доказательством является полное нежелание связывать их с признанием принципа оплодотворения во всей природе или, действительно, предполагать их какое-либо иное происхождение, кроме побуждений нечистой фантазии. Я даже сомневаюсь, часто ли они упоминали огонь как божество сексуальной любви. По полету фантазии, вдохновленной изучением восточной мифологии, поклонение принципу взаимности в Америке было связано с поклонением солнцу и Луне как первобытной паре, от плодотворного союза которой произошли все создания. Достаточно сказать, что если такой миф существует у индейцев — что сомнительно, — он не оправдывает такого вывода; что луна часто упоминается в их языках просто как "ночное солнце"; и что у таких важных племен, как ирокезы, атапаскасы, чероки и тупи, солнце считается существительным женского рода; в то время как мифы чаще представляют их как брата и сестру, чем как мужа и жену; и, по крайней мере, северные племена вообще не считали солнце причиной плодородия в природе, а только дающим свет и энергию. тепло". *Мифы*, стр. 149-50; *Свод Скулкрафта.*, том v., стр. 416-17.

[XI-133] Полный отчет об этом празднике см. в т. ii. этой работы, стр. 329-30.

[XII-1] "Предвзятые мнения, - говорит Бринтон, - видевшие в метеорологических мифах индейцев конфликт между Духом Добра и Духом Зла, с такой же бессознательной ошибкой исказили его учение о будущей жизни и почти без исключения нарисовали его более или менее по подобию христианских рая, ада и чистилища".... Нигде не существовало какой-либо четко сформулированной доктрины о том, что моральная распущенность будет осуждена на том свете. Невозможно обнаружить контраста между местом мучений и царством радости; в худшем случае лжеца, труса или скупердяя ожидало суровое наказание". *Мифы*, стр. 242.

[XII-2] *Доисторические времена*, стр. 139.

[XII-3] См. том ii., стр. 618, 623.

[XII-4] *Мифы*, стр. 257.

[XII-5] См. [стр. 59](#) этого тома.

[XII-6] *Oviedo, Hist. Nic.*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том. iii. p. 36; *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 74; *Id., Ortsnamen*, стр. 159; *Брассер де Бурбург, Грамм. Киче*, стр. 196; *Мифы Бринтона*, стр. 49-52, 235.

[XII-7] Том ii., стр. 606, 799, настоящей работы.

[XII-8] *Прим. Культ.*, т. ii., с. 22.

[XII-9] *Аляска Далла*, стр. 145, 422.

[XII-10] Однако Барретт-Леннард говорит: "Те, кто умирает естественной смертью, обречены веками жить среди ветвей высоких деревьев". *Trav.*, стр. 54. "Забота о религиозных идеях алгун, и живое убеждение в полной ликвидации человека с его смертью". *Сутил и Мексикана, Виаж*, стр. cxviii. Сомнительно, состоит ли последний класс из духов людей или просто из морских животных. См. Этот том, [стр. 148](#).

[XII-11] Тиннехи не считают их духами людей. *Аляска Далла*, стр. 88.

[XII-12] "*Новая война*" *Коцебу*, том ii., стр. 54. "У них смутное представление о бессмертии". *Id.*, стр. 58. Кониаги также убивали рабов на могилах богатых людей. *Аляска Далла*, стр. 403.

[XII-13] *Аляска Далла*, стр. 422-3; *Холмберг, Этно. История.*, стр. 63-5.

[XII-14] Чепевяны также придерживались этой теории, хотя и верили в рай блаженства и состояние наказания. *Война Маккензи.*, стр. cxix.

[XII-15] *Журнал Ричардсона.*, том i., стр. 409-10; *Бэр, Статистика США. Этно.*, стр. 107-8, 111; *Журнал Хармона.*, стр. 299-300; *Нар Уилкса.*, в *США Ex. Ex.*, том iv., стр. 482.

[XII-16] "*Аляска*" *Умпера*, стр. 345; "*Война Маккензи*", стр. cxviii.; *Хардисти*, в *Смитсоновском институте*, 1866, стр. 318. 'Nach dem Tode wurde nach ihren (Koniagas) Begriffen jeder Mensch ein Teufel; bisweilen zeigte er sich den Verwandten, und das hatte Glück zu bedeuten.' *Holmberg, Ethno. Skiz.*, стр. 122; *Ванк. остров Макфу*, стр. 457-8.

[XII-17] Том і., стр. 126-7, этой работы; "Орегон" Данна, стр. 83; "Журнал Силлимана", том хvi., стр. 147; "Война" Симанна. Вестник, том ii., стр. 67; Политика Ричардсона. Reg., стр. 322. Эскимосы понятия не имели о "будущей награде и наказании". Аляска Далла, стр. 145.

[XII-18] Война Д'Орбиньи., стр. 50.

[XII-19] Война Маккензи., стр. cxix.; Орегон Данна, стр. 104.

[XII-20] Орегон Данна, стр. 272-3.

[XII-21] Совет Росса., стр. 288; Совет Кокса., том ii., стр. 158.

[XII-22] Исследование Паркера. Тур, стр. 235, 246-7; Нар. Уилкса, в США Ex. Ex., т. v., стр. 124; Dunn's Oregon, стр. 120. Салиши и Пенд д'Орейли верили, что храбрые отправляются к солнцу, в то время как плохие остаются вблизи земли, чтобы беспокоить живых, или перестают существовать. Лордс Нат., том ii., стр. 239-40. Но этому противоречат другие свидетельства.

[XII-23] Описание Макфи оставляет сомнение в том, являются ли кив-ук и киваккоу названиями одного и того же неба или отдельными. Ванк. Исл., стр. 457.

[XII-24] Вопрос Пула Char. Isl., стр. 320.

[XII-25] В издании Кокса, том і, стр. 252; Данн, Орегон, стр. 318, говорится: "бобры - падшая раса индейцев".

[XII-26] Свод Скулкрафта., том vi., стр. 619; том і., стр. 248, этой работы.

[XII-27] Один туземец утверждает, что колдун насадил душу на маленькую палочку и забросил ее обратно в голову ее тела. Сцены Спроута, стр. 214. "Туземцы часто воображают, что злой дух, который любит досаждать и мучить, занимает место души-прогульщика во время ее отсутствия". Id., стр. 173-4; Хатчингс, Кал. Журнал, том v., стр. 225.

[XII-28] Б.К. Мейна, стр. 181; Сутил и Мексикана, Виаж, стр. 136; Война Мирса, стр. 270; Ванк. Остров Макфи, стр. 457; Сцены Спроута, стр. 212-3.

[XII-29] Стивенс, в Ind. Aff. Rept., 1854, стр. 212; Мифы Бринтона, стр. 233-4; см. Примечание 2.

[XII-30] Джонстон, в сборнике Скулкрафта., том iv., стр. 225.

[XII-31] Кал Хатчингса. Журнал., том iii., стр. 438-9; Ванк. остров Макфи, стр. 448.

[XII-32] Пауэрс, СР.

[XII-33] Ib.; Гиббс, в сборнике Скулкрафта., т. iii., стр. 140.

[XII-34] Помо Пауэрс, СР.; Жизнь Миллера среди модоков, стр. 241, 249.

[XII-35] Полномочия, в "Сухопутном ежемесячнике", т. viii., стр. 430-1.

[XII-36] Id., Помо, СР.; настоящий том, стр. 177.

[XII-37] Мичем, Религия индейцев.

[XII-38] Помо Пауэрс, МИСС

[XII-39] Том i., стр. 439-40, эта работа; Браун Л. Кал., стр. 188.

[XII-40] Мейер, Начало в Сакраменто, стр. 228-9; Свод Скулкрафта., том v., стр. 215-6.

[XII-41] Лаперуз, Вой., том ii., стр. 307; Мармье, Заметка, в Брайанте, Вой. en Cal., p. 238; Fages, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1844, tom. ci., pp. 335-6; Mofras, *Explor.*, tom. ii., pp. 379-80.

[XII-42] Боскана, в "Жизни Робинсона" в Калифорнии., стр. 316-24.

[XII-43] 'Ives legte dem Gebirge den Namen: "Berg der Todten" bei.' Möllhausen, *Reisen in die Felsengeb.*, tom. i., pp. 357-8. "Все трусливые индейцы (а храбрость была у них хорошим качеством) были измучены лишениями и неудачами, болезнями и поражениями. Этот холм, или ад, они так и не осмелились посетить". Капитан Страттона. *Oatman Girls*, стр. 233; Додт, в инд. Афф. Репт., 1870, стр. 129; Уиппл, Юбанк и Тернерс Репт., в Пак. Р. Р. Репт., т. iii., стр. 43.

[XII-44] Estupes, душа или сердце, может быть связано с еер, дыханием. "Пимы Уокера", ср. В Сборнике Скулкрафта, том iii, стр. 461, встречается термин "ангел", но вожди Пима, которых я допрашивал, утверждают, что термин "ангел" им был неизвестен.

[XII-45] Пимы Уокера, МИСС

[XII-46] Чел. Нар., т. ii., стр. 222; Апачи Кремони, стр. 104-5. 'Cuando muere vá á vivir su corazon por el mar hácia el poniente: que algunos despues que mueren viven comotecolotes, y últimamente dijeron que ellos no saben bien estas cosas.' Garcés, *Diario*, in *Doc. История Мексики.*, серия ii., том i., стр. 239.

[XII-47] День, в *Hesperian*, т. iii., стр. 482.

[XII-48] Генри, в сборнике Скулкрафта., т. v., стр. 209.

[XII-49] Тен Брук, в Изд., т. iv., стр. 86.

[XII-50] Id., стр. 78; "Пустыни Доменека", т. ii., стр. 402; Представитель Уиппла, в *Rac. R. R. Rept.*, т. iii., стр. 59.

[XII-51] Бидл, в "Западном мире" Крофута, август 1872 г., стр. 27; Бристоль, в издании Aff. Rept., 1867 г., стр. 358; Итон, в Сборнике Скулкрафта., том iii., стр. 218; "Эль Гринго" Дэвиса, стр. 418.....

[XII-52] Армейская жизнь Марси, стр. 57; Свод Скулкрафта., т. v., стр. 54, 685. Пищу оставляют на могиле на определенное время; это указывало бы на то, что собственно душа, или ее вторая форма, остается с телом на некоторое время. *Ид.*, стр. 78-9.

[XII-53] Смитсоновский институт., 1866, стр. 387; Клавиджеро, История культуры., том i., стр. 136-7, 139.

[XII-54] Будущая жизнь Эджера, стр. 208. 'Lo llevan á enterrar sentado y con sus mejores vestidos, poniendo á su lado competente porcion de sus ordinarios, alimentos.' Alegre, *Hist. Cosm. Иусуса*, том ii, стр. 218.

[XII-55] История. de los Triumphos, p. 18.

[XII-56] *Апостоликос Афанес*, стр. 22-4.

[XII-57] Эта легенда взята из рукописи, любезно представленной мне мистером Стивеном Пауэрсом, и является исправленной версией легенды, озаглавленной "Хилпмекон и Олеганс", опубликованной тем же джентльменом в *Overland Monthly*, январь 1874 г. стр. 30-1.

[XII-58] 'El que tenia rodela horadada de saetas no podia mirar al sol.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. i., lib. iii., p. 265. Возможно, это может означать, что более скромный воин, чей нижний щит с большей вероятностью был пробит, не мог смотреть на величественный лик солнца, точно так же, как ему было запрещено смотреть на лик своего короля.

[XII-59] "Когда акушерка говорит с женщиной, умершей при родах, она ссылается на благородную манеру, с которой она использовала меч и щит, фигура речи, которая, вероятно, предназначена для обозначения высокой оценки, которой они ее пользовались". *Id.*, том. ii., lib. vi., стр. 189.

[XII-60] 'Descendian acá á la tierra.' *Ib.* Но столь же вероятно, что они пользовались ткацкими принадлежностями, предоставленными им при погребении, как и живыми. Брассер де Бурбур говорит, что у жителей этого региона был день, когда обитатели земли спали; но поскольку женщины возобновляли свою работу после захода солнца, более вероятно, что у них там всегда был свет и что они никогда не спали. *История. Nat. Civ.*, том. iii., стр. 497.

[XII-61] Колибри, эмблема и атрибут бога войны, приносимая в жертву на могиле в месяц Кечолли, вероятно, имела отношение к этому превращению. *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 164, lib. iv., стр. 264-5, том ii., lib. vi., стр. 188-9, lib. ix., стр. 358; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 530. 'Nachher werden sie theils in Wolken verwandelt, theils in Kolibris.' *Müller, Amerikanische Urreligionen*, p. 661. Превращение в облака, по-видимому, относится к тлашкальтекам.

[XII-62] Тлалокан - это название, данное некоторыми древними авторами стране между Чьяпасом и Оахакой. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. iii., стр. 496; *Мифы Бринтона*, стр. 88-9. Это также может быть место, упоминаемое под названиями Тамоанча, Ксучитликакан. *Объяснение кодекса Теллеруано-Ременсис в мексиканском издании Кингсборо. Антик.*, том vi., стр. 127.

[XII-63] Том ii., стр. 336, настоящая работа.

[XII-64] *Мендиета, История. Эклз.*, стр. 97; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 82, 529. Замечания вышеупомянутых авторов относительно тех, кто умирает от болезней, могут, однако, относиться к страдающим от обычных недугов, которые были обречены на Миктлан. В *Объяснении Ватиканского кодекса, в мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, том vi., стр. 169-71, все, кто умирает от болезней и насильственной смерти, отправляются в Миктлан. *Мифы Бринтона*, стр. 246-7; *Будущая жизнь Элджера*, стр. 475-6. Шевалье, мексиканец. *Ancien et Mod.*, стр. 91, который считает солнце раем, а Миктлан - адом, считает это промежуточным и неполным раем. *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. iii., стр. 264; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 5.

[XII-65] Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. iii., стр. 260-1, том ii., lib. vi., стр. 176; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том. ii., стр. 529; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 571; Тезозомоц, *История. Мексика.*, том i., стр. 329, 331.

[XII-66] *Id.*, p. 329. 'Le plus commun est *Chiucnauh-Mictlan*, les Neuf séjours des Morts.' Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 495; Мендиета, *История. Ecles.*, стр. 97; Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. iii., стр. 263.

[XII-67] Похоже, что это также идея Гомары, *Conq. Mex.*, fol. 308-9, хотя он отличает небеса друг от друга и включает в список Дом Солнца и Тлалокан.

[XII-68] Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 166, lib. iii., стр. 263.

[XII-69] *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 522. Тот факт, что участники похорон в течение четырех дней совершали подношения и молитвы, подтверждает это утверждение. Саагун, *История. Генерал.*, том i., библиотека iii., стр. 263, том ii., библиотека vi., стр. 189. "До тех пор, пока души не прибывали в предназначенное место по истечении этих четырех лет, им приходилось сталкиваться со многими лишениями, холодом и тяжелым трудом". *Объяснение Кодекса Теллеруано-Ременсис*, в журнале *Kingsborough's Mex. Антик.*, том vi., стр. 96.

[XII-70] *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 193; Тезозомоц, *История медицины.*, том i, стр. 331. "Когда солнце садится, оно идет, чтобы дать свет мертвым". *Объяснение "Кодекса Теллеруано-Ременсис" в "Мексике Кингсборо". Антик.*, том vi., стр. 128.

[XII-71] *История Муравьев Мессико*, том ii, стр. 6. Тлалчикко можно рассматривать как собственно ад, отличный от Миктлана, и, возможно, им правил Тзонтемок, которого тогда следует рассматривать как отличного от Миктлантекутли. *Мексиканский Кингсборо. Антик.*, том vi., стр. 219.

[XII-72] Миктлампехекатль, северный ветер, как говорят, приходит из ада. Саагун, *История. Генерал.*, том ii., lib. vii., стр. 253, 256-7; Торквемада, *Монарк. Изд.*, том ii., стр. 81.

[XII-73] *Объяснение Ватиканского кодекса в мексиканском издании Кингсборо. Антик.*, том vi., стр. 218-9.

[XII-74] 'Despues de pasados cuatro años, el difunto se salía y se iba á los nueve infiernos ... en este lugar del infierno que se llamaba *Chicunamictla*, se acababan y fenecian los difuntos.' Sahagun, *Hist. Gen.*, том. i., lib. iii., p. 263; see also note 8. По прошествии четырех лет души пришли в место, где они наслаждались определенной степенью покоя. *Объяснение Ватиканского кодекса в мексиканском издании Кингсборо. Антик.*, том vi., стр. 218.

[XII-75] Этот том, стр. 59; см. также, стр. 296-402.

[XII-76] См. примечание 12. Четыре было самым священным числом у мексиканцев, а также у других народов Америки, и происходит от почитания сторон света. *Мифы Бринтона*, стр. 67. Жители Центральной Америки верили, что душа прибывает к месту назначения через четыре дня после смерти.

[XII-77] Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. iii., стр. 263.

[XII-78] 'Pour qu'il ne fût pas entraîné en traversant le Styx indien.' *Biart, Terre Tempérée*, p. 280; *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 309. 'Los perros de pelo blanco y negro, no podían nadar y pasar el río, porque dizque decía el perro de pelo negro: "yo me labé" y el perro de pelo blanco decía: "yo me he manchado de color prieto, y por eso no puedo pasarlo" solamente el perro de pelo vermejo podía pasar.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. i., lib. iii., p. 263.

[XII-79] *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. iii., стр. 260-4; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 528-30; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 5-6; том ii., стр. 603-19, этой работы.

[XII-80] *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcix., pp. 192-3.

[XII-81] 'Tenían por cierto, que en el infierno habían de padecer diversas penas conforme á la calidad de los delitos.' *Mendieta, Hist. Eccl.*, p. 83. 'Entonces todos serán castigados conforme á sus obras.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. ii., lib. vii., pp. 36-7; *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii, стр. 80. 'Ils étaient plongés dans une obscurité profonde, livrés à leurs remords.' *Chevalier, Mex. Ancien et Mod.*, p. 91.

[XII-82] 'Padecen por los pecados de sus padres.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. ii., lib. vi., p. 36. Их молитвы и епитимьи, говорит Акоста, были вызваны лишь телесными наказаниями, поскольку они, конечно, не боялись никакого наказания в грядущем мире, но ожидали, что там все успокоится. *Ист. de las Ynd.*, p. 383. "В судьбе, которую они назначали нечестивым, мы различаем схожие следы утонченности; поскольку отсутствие каких-либо физических пыток составляет разительный контраст со схемами страданий, столь искусно придуманными фантазиями самых просвещенных наций. Во всем этом, столь противоречащем естественным представлениям свирепых ацтеков, мы видим свидетельства более высокой цивилизации, унаследованной от их предшественников на земле". *Прескотт, Мексика.*, том i, стр. 62-3.

[XII-83] *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. iii., стр. 267, и далее.

[XII-84] Читатель, который вообще размышляет на эту тему, не может не быть поражен замечательным сходством в некоторых моментах между этими будущими жилищами мексиканцев и жилищами древних греков и римлян. Трепещущая душа должна переправиться через ту же ужасную реку, через которую переправляется грубый Харон. В Гадесе, как и в Миктлане, состояние мертвых было призрачным видом видимой жизни, в которой, будучи всего лишь призраками своих прежних "я", они продолжали мечтательно выполнять работу и заниматься занятиями, к которым привыкли на земле. В Греции, как и в Мексике, теням умерших иногда разрешалось навещать своих друзей на земле, вызываемых жертвоприношением и религиозными обрядами. Ни Элизиум, ни славный Дом Солнца не были наградой за чистое добро в такой степени, как за любимцев богов. Подобные моменты сходства, однако, остаются незамеченными теми, кто теоретизирует о происхождении американцев; они идут дальше в поисках аналогий, и, возможно, дела у них обстоят хуже.

[XII-85] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., p. 5; *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 97.

[XII-86] *Будущая жизнь Элджера*, стр. 475-6.

[XII-87] *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. ix., глава vii.

[XII-88] *Мифы*, стр. 258; *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. 175.

[XII-89] *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcviij., с. 192; *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii., стр. 64.

[XII-90] *Торквемада, Монарк. Ind.*, стр. 81. "Тлакатеколотль, демонио о диавло". *Молина, Диккионарио*.

[XII-91] *Мендиета, История. Эклз.*, стр. 109.

[XII-92] "Жители полагают, что кинги (которые, пока они жили, держали амиссу) временно остановились там, будучи товарищами с диуэлсом в этом пламени, где они могут очистить пятна своей порочности". *Путер Мученик*, декабрь v., lib. ii.

[XII-93] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., p. 4; *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 96.

[XII-94] *История. Генерал.*, декабрь iii., библиотека iii., глава х.; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 292; том ii., стр. 620-2, этой работы.

[XII-95] *Бургоа, Геог. Описание.*, том ii., fol. 230-1, том i., fol. 159-61; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 5; *Объяснение Теллериано-ременского кодекса, в мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, том vi., стр. 96; *Id., Ватиканский кодекс*, стр. 218; том ii., стр. 622-3, этой работы.

[XII-96] 'Le Yaxché, qui signifie arbre vert, est probablement le même que le tonacaste ou tonacazquahuitl, arbre au tronc puissant et élevé, au feuillage immense, mais menu et serré, dont la beauté et l'extrême fraîcheur lui ont fait donner le nom d'arbre de la vie.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, p. 200.

[XII-97] Очевидное искажение Миктлана.

[XII-98] 'Dezian se lo (el difunto) avia llevado el diablo porque del pensavan les venian los males todos y especial la muerte.' *Landa, Relacion*, p. 196, 198-202; *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 192; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 62-3; *Каррильо, в Mex. Soc. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том iii., стр. 265-6.

[XII-99] *Мифы Бринтона*, стр. 246; *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. lxxix.-lxxx., cxxviii.-cxxx; том ii., стр. 799, этой работы.

[XII-100] *Дворец, Хартия*, стр. 76-8.

[XII-101] *Дольфус и Мон-Серрат, Воѳ. Géologique*, p. 12.

[XII-102] *Йолия* или *юлия* производное от *йоли*, жить отличается от сердца, *йоллотли*. *Buschmann, Ortsnamen*, p. 159. Тем не менее, сердце, очевидно, считалосьместилищем души, поскольку некоторые индейцы утверждали, что "эль корасон ва арриба", в то время как другие объясняли, что под этим подразумевалось дыхание. *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iv., pp. 44-5.

[XII-103] *Наваррете, Полковник де Виаж*, том iii., стр. 415.

[XII-104] Соответствует ацтекскому миктлантекутли. Не совсем ясно, все ли согласились на полное уничтожение в этом месте.

[XII-105] "Спаситель торнара в доме святых отцов, а также святых отцов лос-коносеран и криаран". *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 41, 42-9; *Brinton's Myths*, pp. 145, 235; *Brasseur de Bourbourg, Civ.*, том ii., стр. 113-4.

[XII-106] Белл добавляет, что эти деньги на переправу были предоставлены на тот случай, если ребенок "умрет молодым". На могилу также кладутся подношения. *Lond. Геогр. соц., Журн.*, вып. xxxii., стр. 254-5.

[XII-107] "Они полагают, что люди живут и умирают естественным образом, как и другие животные". *Петр Мученик*, дек. iii., lib. iv.

[XII-108] 'Aquel humo iba donde estaba el ánima de aquel defunto ... en el cielo, y que en el humo iba allá.' *Андагоя, в Наваррете, полковник де Виажес*, том iii, стр. 402; *Эррера, История. Генерал.*, дек. i., lib. vii., глава xvi., дек. ii., lib. iii., глава v.; *Гомара, История. Инд.*, fol . 255; *Овьедо, История человечества.*, том iii., стр. 142.

[XII-109] Дек. vii., lib. x.

[XII-110] "Возможно, - заключает мистер Пауэрс, - что эта легенда имеет смутное отношение к тому великому древнему катаклизму, или излиянию лавы с севера, которое было продемонстрировано профессором ле Конте в докладе, прочитанном перед Калифорнийской академией наук".

[XII-111] Мистер Пауэрс считает, что этот миф был принижен или искажен древним мифом о зодиаке, и, по его мнению, доказывает американцам цивилизованное или, по крайней мере, получивилизованное азиатское происхождение - я бы сказал, очень надуманный вывод.

[II'-1] См. том i, стр. 42 и последующие. этой работы.

[II'-2] 'Ces deux langues ... sont absolument la même que celle des Vogules, habitants de la Tartarie, et la même que celle des Lapons.' *Monglave*, in *Antiq. Mex.*, том. i., div. i., p. 65. 'Les Esquimaux d'Amérique et les Tchoutchis de l'extrémité nord de l'Asie orientale ... il est aisé de reconnaître qu'ils appartiennent à une même famille.' *Mofras, Explor.*, том. ii., p. 330. "Все арктическое побережье Северной Америки населено эскимосами и гренландцами, которые говорят на исконном языке, называемом каралит". *Исследования Маккаллоха в Америке.*, стр. 36. "Арктический регион в основном покрыт диалектами единственного языка — эскимосского". *Комп. Латама. Фил.*, том. viii., стр. 384. 'Der Amerikanische Sprachtypus, die Eskimo-Sprache, reicht hinüber nach Asien.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 711. 'Alle Eskimos sprechen im Wesentlichen dieselbe Sprache.' *Baer, Stat. u. Ethno.*, p. 280. "Язык западных эскимосов так напоминает язык племен, расположенных восточнее". "Путешествие Бичи", т. ii., стр. 311; "Биллингс" *Зауэра, например.*, стр. 245; "Путешествие Коцебу", т. iii., стр. 314; "Рассказ Франклина", т. i., стр. 30; "Диз и Симпсон", в "Лондоне". *Геогр. соц., журн.*, вып. viii., p. 222; *Seemann's Voy. Вестник*, том ii., стр. 68. Но Ватер не верит, что этот язык распространяется на Азию. 'Dass sich wohl ein Einfluss der Eskimo-Sprache, aber nicht diese selbst über die zwischen Asien and Amerika liegenden Inseln erstreckt.' *Mithridates*, том. iii., pt iii., pp. 458, 426.

[II'-3] *Veniaminoff, Ueber die Sprachen des russ. Амер.*, в *Эрмани, Архив.*, том vii., № 1, стр. 126 и далее.

[II'-4] *Сагоскин, Тагебух, на русском языке. Геог. Гезелл., Денксхр.*, том i., стр. 359 и далее.

[II'-5] 'Alle diese Völkerschaften reden eine Sprache and gehören zu einem und demselben Stamme, der sich auch weiter nördlich längs der Küste ... ausdehnt.' *Baer, Stat. u. Ethno.*, p. 122.

[II'-6] *Путешествие Коцебу*, том ii., стр. 175.

[II'-7] О сходстве между идиомой кадьяк и аляска Лангсдорф говорит: "В значительной степени одежда и язык жителей Аляски такие же, как у народа Кадьяк". *Voy.*, том ii., стр. 236. *Seemann's Voy. Вестник*, том ii., стр. 68-69.

[II'-8] *Журнал Ричардсона.*, том ii., стр. 364 и далее; *Вениаминов, в Эрман, Архив*, том iii., № i., стр. 142-43; *Путешествие Бичи*, том ii., стр. 366; *Ватер, Митридат*, том iii., часть iii., стр. 458 и др. далее; заметки о чугатшском диалекте в проливе принца Уильяма в *Войне Кука. к Пак.*, том ii., стр. 374-6, и *Вой Портлока.*, стр. 254-5.

[II'-9] 'Er konnte die Sprache dieser Insulaner nicht ... verstehen.' *Neue Nachrichten*, p. 105.

[II'-10] *Война Кука. к Пак.*, том ii., стр. 522.

[II'-11] *Аляска Далла*, стр. 377-8.

[II'-12] 'Dass sich wohl ein Einfluss der Eskimo-Sprache aber nicht diese selbst über die zwischen Asien and Amerika liegenden Inseln erstreckt.' *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., 458.

[II'-13] 'Der Bewohner von Unalaschka kann den von Kadjack gar nicht verstehen.' *Baer, Stat. u. Ethno.*, pp. 123-289.

[II'-14] 'Dass ... sich das aleutische Idiom ... als ein eigner, von dem grossen eskimoischen ganz verschiedener Sprachtypus erweist.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 702 и далее. Примеры Вениаминова следующие: активный, он взял; средний, он взял меня; пассивный, он родился. В *Эрмане, Архиве*, том iii., № 1, стр. 136-8; *Вениаминов, Заметки об острове Ооналашкинского острова*, том ii., стр. 264-71.

[II'-15] *Аляска Далла*, стр. 386; *Ватер, Митридат*, том iii., pt iii., стр. 459-460.,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,

[II'-16] 'Von St Eliasberge bis hinunter zum Columbia-Strome.' *Holmberg, Ethno. История.*, стр. 9.

[II'-17] 'Sie erstrecken sich von Iakutat südlich bis zu den Charlotten-Inseln.' *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., p. 219.

[II'-18] 'Von Ltu bis Stachin, und hat fast nur einen Dialect.' *Veniaminoff, in Erman, Archiv*, tom. vii., No. i., p. 128.

[II'-19] *Журнал Брайанта.*, в *Америке. Antiq. Соч., Transact.*, том ii., стр. 302. Тунгасский язык, "как предположил мистер Толми, почти такой же, как тот, на котором говорят в Ситге". *Скоулер, в Лондоне. Геогр. соц., журнал.*, том xi., стр. 218.

[II'-21] *Маршан, Путешествие*, том ii., стр. 109-110.

[II'-22] *La Pérouse, Voy.*, tom. ii., p. 238. "Их язык резок и неприятен для слуха". *Вой Портлока.*, стр. 293. "Это кажется варварским, неотесанным и труднопроизносимым". "*Голос Диксона*", стр. 172. "Различное произношение слов"... pues las forman de la garganta con un movimiento de la lengua contra el paladar.' *Bodega y Quadra, Nav.*, MS., pp. 46-47.

[II'-23] 'Von der ganzen Liste bleibt allein The, Stein als ähnlich.' *Buschmann, Pima u. Koloschen Sprache*, p. 386. 'Zwischen ihnen und der mexicanischen in Wörtern und Grammatik keine Verwandtschaft existirt ... gänzlich vom Mex. verschieden sind.' *Buschmann, Ortsnamen*, p. 69. 'Je n'ai trouvé aucune ressemblance entre les mots de cette langue et celle des ... Mexicains.' *La Pérouse, Voy.*, tom. ii., p. 240.

[II'-24] *Ватер, Мутридат*, том iii., пт iii., стр. 212-13; *Хольмберг, Этно. История.*, стр. 16.

[II'-25] *Buschmann, Pima u. Koloschen Sprache*, p. 388.

[II'-26] *Ла Перуз, Вой.*, том ii., стр. 238-9.

[II'-27] *Вениаминов, Заметки об острове Ооналашкинского острова*, том iii., стр. 149-51. Перевод не приводится.

[II'-28] *Ватер, Мутридат*, том iii., пт iii., стр. 225.

[II'-29] 'Dimensionen, in welchen er ein ungeheures Gebiet im Innern des nördlichen Continents einnimmt, nahe an das Eismeer reicht, und queer das nordamerikanische Festland durchzieht: indem er im Osten die Hudsonsbai, im Südwesten in abgestossenen Stämmen am Umpqua-Flusse das stille Meer berührt.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 323. "Эта великая семья включает в себя большое количество североамериканских племен, простирающихся от устья реки Маккензи на юг до границ Мексики". *"Аляска" Далла*, стр. 428. "Представители этого племени встречаются даже в южных частях штата Орегон. Более того, атабасканцы есть в Калифорнии, Нью-Мексико и Соноре". *Сост. Лэтема. Фил.*, том. viii., с. 393. 'Dass er in seinem Hauptgürtel von der nördlichen Hudsonsbai aus fast die ganze Breite des Continents durchläuft; und dass er in abgesonderten, in die Ferne geschleuderten Gliedern, gen Süden nicht allein unter dem 46ten (Tlatskanai und Kwalhioqua) und 43ten Grade nördlicher Breite (Umpqua) das stille Meer berührt, sondern auch tief im Innern in den Navajos den 36ten Grad trifft ... während er im Norden und Nordwesten den 65ten Grad und beinahe die Gestade des Polarmeers erreicht.' *Buschmann, Athapask. Шпрахштамм*, стр. 313. См. также том i, стр. 114, 143-9.

[II'-30] *Гиббс, в журнале Smithsonian Rept.*, 1866, стр. 303.

[II'-31] Немногочисленные сарси, судя по их языку, напротив, пришли с северо-Запада и принадлежат к тому же народу, что и индейцы Скалистых гор ... которые являются племенем чепевянцев". *"Путешествия Маккензи"*, стр. lxxi-lxxii.

[II'-32] *Ватер, Мутридат*, том iii., пт iii., стр. 252; *Галлатин, в Америке. Antiq. Soc., Transact.*, том ii., стр. 19. Сарси, Сассеи, "говорят на диалекте чипевян (атапасканского), родственном тахкали". *Этнолог Хейла.*, в *США Напр.*, том vi., стр. 219.

[II'-33] "Они говорят на богатом языке, которым очень трудно овладеть". *"Путешествия Маккензи"*, стр. 114. "Как язык он чрезвычайно скуден и несовершенен". *Журнал Ричардсона.*, том ii., стр. 3, 28.

[II'-34] *Журнал Ричардсона.*, том ii., стр. 3, 7; *Рассказ Франклина.*, том ii., стр. 76. "Индейцы-зайцы, которые также говорят на диалекте чипевянского языка". *Ид.*, стр. 83. Индейцы скалистых гор мало чем отличаются от стронгбоу, бивера и т. Д. *Ид.*, стр. 85; *Сост. Латама. Фил.*, вып. viii., стр. 388, 391; *Ид.*, т. iii., стр. 393; *Совет Кокса.*, стр. 323.

[II'-35] *Галлатин, в Америке. Antiq. Соч., Transact.*, том ii., стр. 215-16, 269.

[II'-36] *Журнал Ричардсона.*, стр. 377-413; "*Коренные расы*" Лэтэма, стр. 293-4; Джонс, в *Смитсоновском институте*, 1866, стр. 320; *Хардисти*, в *Ид.*, стр. 311.

[II'-37] "Они говорят на языке, отличном от чипевян", *Рассказ Франклина.*, том ii., стр. 83. "Сходство языка у всех племен (атабасков), перечисленных в этой главе (за исключением луше), полностью установлено. Похоже, что он не имеет какого-либо явного сходства ни с кем, кроме кинаев". *Галлатин, в амер. Antiq. Соч., Transact.*, том ii., стр. 20. "Язык последнего (Loucheux) полностью отличается от языка других известных племен, которые владеют обширной областью к северу от линии, проведенной от Черчилля, на Гудзоновом заливе, через Скалистые горы, до Новой Каледонии". *Нар Симпсона.*, стр. 157. "Деготы, или Loucheux, которых англичане называют Quarrellers, говорят на другом языке". *Свод Скулкрафта.*, том iii., стр. 542.

[II'-38] *Хардисти*, в журнале *Smithsonian Rept.*, 1866, стр. 311.

[II'-39] *Журнал Ричардсона*, том i, стр. 400-1; "*Таски*" Хупера, стр. 270.

[II'-40] *Хольмберг, этно. Skiz.*, стр. 6-7; *Бэр, Статистика. и. Этно.*, стр. 97; *Вамер, Мумридат*, том iii., пт iii., стр. 228; *Аляска Далла*, стр. 430; *Латам нац. Гонки*, стр. 292.

[II'-41] *Buschmann, Athapask. Sprachstamm*, p. 223; *Krusentern, Woerter-Sammlung*, p. xi.

[II'-42] 'So nennen die Seeküstenbewohner Ulukag Mjuten Inkiliken, und diese letzten nennen sich selbst entweder nach dem Dorfe, oder im allgemeinen Ttynai-Chotana.' *Sagoskin, Tagebuch, in Russ. Georp. Gesell., Denkschr.*, p. 321.

[II'-43] *Вениаминов, Эрман, Архив*, том vii., № i., стр. 128.

[II'-44] 'Ihre Sprache ist zwar von der der Koloschen verschieden, stammt aber von derselben Wurzel ab.' *Baer, Stat. u. Ethno.*, p. 97.

[II'-45] *Аляска Далла*, стр. 430.

[II'-46] 'Ich bleibe dabei stehn sie für eine athapaskische Sprache zu erklären.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 687. "В Тихом океане обитают два племени, родственные языки которых, хотя и обнаруживают некоторое сходство как с языком западных эскимосов, так и с языком атапасков, мы пока будем рассматривать как составляющие отдельную семью. Это Кинаи, в заливе Кука или около него, и Угалячмуци (*Ougalachmioutzy*) в проливе принца Уильяма". *Галлатин, в амер. Antiq. Соч., Transact.*, том ii., стр. 14.

[II'-47] 'Dieses Volk gehört gleich den Ugalenzen zu einem und demselben Stamme mit den Koloschen.... Auch in der Sprache giebt es mehrere Wörter, die auf eine gemeinschaftliche Wurzel hindeuten.' *Baer, Stat. u. Ethno.*, p. 99.

[II'-48] 'Gehört zu demselben Stamme wie die Galzanen oder Koltschanen, Atnaer und Koloschen. Dieses bezeugt nicht nur die noch vorhandene Aehnlichkeit einiger Wörter in den Sprachen dieser Völker (eine Aehnlichkeit, welche freilich in der Sprache der Koloschen kaum noch merkbar und fast gänzlich verschwunden ist).' *Baer, Stat. u. Ethno.*, p. 103.

[II'-49] 'Die Kinai, Kenai oder Kenaizen wurden bisher schon als ein Hauptvolk und ihre Sprache als eine hauptsächlich des russischen Nordamerika's betrachtet. Sie umziehen in ihren Wohnungen an jener Küste die grosse Kinai-Bucht oder den sogenannten Cooks-Fluss. Ihr Idiom galt bisher als eine selbstständige und ursprüngliche Sprache, Trägerinn mehrerer anderer. Nach meinen Entdeckungen ist es ein Glied des grossen athapaskischen Sprachstammes, und seine Verwandten im russischen Nordwesten sind andere Glieder desselben.' *Buschmann, Athapask. Шпрахштамм*, стр. 223.

[II'-50] 'Die Kenai-Sprache ist, wegen der Menge ihrer Gurgellaute, von allen Idiomen des russischen Amerika's am schwierigsten auszusprechen. Selbst die Nachbarn der Kenajer, deren Sprachen schon ein sehr geschmeidiges Organ erfordern, sind nicht im Stande, Wörter des Kenajischen rein wiederzugeben.' *Veniaminoff, in Erman, Archiv*, tom. vii., No. i., p. 128.

[II'-51] *Бэр, Stat. u. Ethno.*, стр. 119.

[II'-52] 'Sie sprechen eine Sprache, die ganz verschieden ist von der an der Seeküste gebräuchlichen Sprache der Aleuten von Kadjack; der Dialect der Inkaliten ist ein Gemisch aus den Sprachen der Kenayer, Unalaschken und Atnaer ... auch die Anwigmüten und Magimüten sind Inkaliten.' *Baer, Stat. u. Ethno.*, pp. 120-1.

[II'-53] 'Der zwei Stämme des Volkes Ttynai, hauptsächlich der Inkiliken und der Inkaliten-jug-elnut.' *Sagoskin, Tagebuch*, in *Russ. Geogr. Гезелл., Денксхр.*, том i., стр. 352; *Аляска Уимпера*, стр. 175.

[II'-54] 'Die näher wohnenden gehören zu demselben Stamme wie die Atnaer und Kenayer und können sich mit ihnen, obgleich sie einen anderen Dialect sprechen, verständigen.' *Baer, Stat. u. Ethno.*, p. 101.

[II'-55] "*Пустыни Доменека*", том ii, стр. 62; "*Путешествия Маккензи*", стр. 284. "Их язык очень похож на язык чипевийцев и имеет большое сходство с языками, на которых говорят индейцы бивер и сикауны. Между всеми разными деревнями носителей преобладают различия в диалектах до такой степени, что они часто дают разные названия самой распространенной утвари". *Журнал Хармона.*, стр. 285-6, 379, 193, 196; *Книга Людевига Ab. Lang.*, стр. 178. 'Les Indiens de la côte ou de la Nouvelle Calédonie, les Tokalis, les Chargeurs (*Carriers*), les Schouchouaps, les Atnas, appartiennent tous à la nation des Chipeouaïans.' *Mofras, Explor.*, том. ii., p. 337; *Gallatin, in Amer. Antiq. Soc., Transact.*, том ii., стр. 20. "Ветвь великого чиппевянского (атапасского) племени". *Этнолог Хейла.*, в *США Напр.*, том vi., стр. 202.

[II'-56] *Этнолог Хейла.*, в *США Напр.*, том vi., стр. 533.

[II'-57] *Скоулер*, в *Лондоне. Геогр. соц., журнал.*, том xi., стр. 225; *Война Хайнса.*, стр. 117.

[II'-58] *Пауэрс*, в журнале *Overland Monthly*, том ix., стр. 157-8; *Гиббс*, в сборнике *Скулкрафта.*, том iii., стр. 422; *Тернер*, в журнале *Pac. R. R. Rept.*, том iii., стр. 87-5. 'Ich habe später die Hoorah Sprache wirklich für eine athapaskische angenommen.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 576.

[II'-59] *Перс. Нар. Бартлетта*, том i, стр. 325. 'Desde el Real de Chiguagua, cruzando al Poniente, hasta el rio Gila, y subiendo al Norte, hasta el Moqui, y Nuevo México, y Provincias de Texas y Quahuila; y revolviendo al Sur remata en el sobredicho Real.' *Arricivita, Crónica Seráfica*, p. 338; *Vater, Mithridates*, том. iii., pt iii., p. 177; *Mühlenpfordt, Mejico*, том. i., pp. 212-3; 'Extend from the black

mountains in New México to the frontiers of Cogquilla.' *Pike's Explor. Trav.*, (Phil. 1810,) приложение, стр. 10; Тернер, в документе *R. R. Rept.*, том iii., стр. 83; Мальте-Брюн, *Краткое изложение геологии.*, том vi., стр. 446; Папа, в документе *R. R. Rept.*, том ii., стр. 13; Бушманн, *Шпурен дер Ацтек. Spr.*, p. 298; *Ludewig's Ab. Lang.*, p. 8. 'Se extienden en el vasto espacio de dicho continente, que comprenden los grados 30 á 38 de latitud Norte, y 264 á 277 de longitud de Tenerife.' *Cordero*, in *Orozco y Berra, Geografía*, p. 369; *Villa-Señor y Sanchez, Teatro*, том. ii., pp. 393, et seq. 'Tota hæc regio, quam Novam Mexicanam vocant, ab omnibus pene lateribus ambitur ab *Apachibus*.' *Laet, Novus Orbis*, p. 316; *Venegas, Noticia de la Cal.*, том. ii., 553; *Orozco y Berra, Geografía*, p. 40.

[II'-60] *Orozco y Berra, Geografía*, p. 369. 'La nacion apache es una misma aunque con las denominaciones de Gileños, Carlanes, Chilpaines, Xicarillas, Faraones, Mescaleros, Natales, Lipanes, etc. varia poco en su idioma,' *Doc. История Мексики.*, серия iv., том iii., стр. 10. "Los Apaches se dividen en cinco parcialidades como son: Tontos ó Coyoteros, Chiricahues, Gileños, Faraones, Mescaleros, Llaneros, Lipanes, Xicarillas y otras". *Баррейро, Охеада*, приложение, стр. 7. Браун упоминает апачей Гила и как принадлежащих к ним Мимбрена, Чирикахуа, Сьерра-Бланкас, Пинал-льянос, койотерос, Коминос, Тонтос и Могаллоны. "*Страна апачей*", стр. 290; *Ватер, Митридат*, том iii., пт iii., стр. 177-8; *Мюленпфорт, Мехико*, том i., стр. 211. "Апачи; от которых происходят навахо, апачи, койотеро, мескалери, моки, ябипиас, марикопы, чирикаки, чемегуабы, юмайя (два последних племени моки) и ниджора, небольшое племя на реке Гила". *Совет Ракстона. Мех.*, стр. 194; *Ind. Aff. Rept.*, 1857, стр. 298; 1858, стр. 205-6; 1854, стр. 180; 1861, стр. 122; 1862, стр. 238; 1863, стр. 108; 1864, стр. 156; 1865, стр. 506; 1869, стр. 234; *Гумбольдт, Эссе Пол.*, том i., стр. 289. 'Los apaches se dividen en nueve parcialidades ó tribus.' *Pimentel, Cuadro*, том. ii., p. 251. "С тех пор, как я овладел языком апачей, я обнаружил, что они (липаны) являются ветвью этого великого племени, говорящей практически на одном языке, за исключением нескольких терминов и названий вещей, существующих в их регионе и обычно не известных тем ветвям, которые населяют Аризону и Нью-Мексико". *Апачи Кремони*, стр. 21.

[II'-61] *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 303 и далее. 'El intermedio del Colorado y Gila, ocupan los yavipaistejua, y otros yavipais; al sur del Moqui son todos yavipais, que es lo mismo que apaches, donde se conoce el gran terreno que ocupa esta nacion.' *Garcés, Diario*, in *Doc. История Мексики.*, серия ii., том i., стр. 352; *San Francisco Evening Bulletin*, 18 февраля 1864 г. Падилья упоминает следующие народы вместе с апачами: "Апачи, фараоны, натагеи, гилас, мескалери, коснинас, кварталехос, паломас, хикарильяс, ютас, мокино". *Conq. N. Galicia, MS.*, стр. 785; *Cortez, Hist. Племена апачей*, в журнале *Pac. R. R. Rept.*, том iii., стр. 118-20. - Апачи, навахо и липаны из Техаса говорят на диалектах одного и того же языка. Хикарильи, (ик-а-ри-ахи) мескалери, тонто и койотены - все это группы апачей; и я склонен думать, что гаротерос также являются ответвлением племени апачей". *Лейн*, в сборнике *Скулкрафта.*, т. v., стр. 689.

[II'-62] "Дистанция синко легуас, аль-месмо-румбо (к северу от Таоса), эста Национальной индейской общины, кел ламан хикарильяс". *Вилла-сеньор-и-Санчес, Театр*, том ii., стр. 420; *Дэвис*, в издании *Ind. Aff. Rept.*, 1869, стр. 255. Ксикарильяс, индейцы-апачи из северной части штата Нью-Мексико. Их язык демонстрирует близость к большому набору языков атабасков. *Buschmann, Spr. N. Mex. u. der Westseite des B. Nordamer.*, p. 274; *Id., Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 318-9; *Свод Скулкрафта.*, том v., стр. 203.

[II'-63] *Кортес, История. Племена апачей*, в журнале *Рас. R. R. Rept.*, том iii., стр. 120. 'Hablan un mismo idioma, y aunque varia el acento y tal cual voz provincial, no influye esta diferencia que dejen de entenderse reciprocamente.' *Orozco y Berra, Geografía*, p. 339.

[II'-64] *Bartlett's Letter*, in *Literary World*, 24 апреля 1852 г., стр. 298-9. "Он в равной степени изобилует гортанными, шипящими и невнятно произносимыми смешанными интонациями.... Он изобилует звуком *tz*, столь распространенным в шемитских языках, *zl d* и грубым *rr*.... Можно предположить, что его подлинные сходства следует искать в *Athrasca*.' *Свод Скулкрафта*, том v., стр. 202-3.

[II'-65] 'Le preguntó que si acaso entendia la lengua de los Apaches, y satisfizo con que era la misma Otomite que él hablaba, y solo con la diferencia de que ellos variaban la significacion de muchos vocablos que en la suya querian decir otras cosas: pero por el contexto de las otras palabras, facilmente se entendian.' *Arricivita, Crónica Seráfica*, p. 339.

[II'-66] *Апачи Кремони*, стр. 239; *Id.*, в *Overland Monthly*, сентябрь 1868 г., стр. 306-7.

[II'-67] Приготовлено в форте Самнер, Боске-Редондо, на реке Пекос, Нью-Мексико, в 1863 году, как заверено бригадным генералом. Джеймс Х. Карлтон, США, и единственная известная на сегодняшний день грамматика *Апаче. Словарь и грамматика Кремони языка апачей мескалери*, ср.

[II'-68] *Поездка Дорра с апачами*, в журнале *Overland Monthly*, т. vi., стр. 343.

[II'-69] *Ватер, Мутридат*, том iii., п. iii., стр. 179.

[II'-70] *Pimentel, Cuadro*, том. ii., p. 251, and in *Coleccion Polidiónica Mexicana que contiene La Oracion Dominical; por la Sociedad Mex. Georp. y Estad.*, México, 1860.

[II'-71] Апачи называют навахо Ю-та-ка. Навахо называют себя как племя тенуаи (человек). Название "Навахо", несомненно, было дано им испанцами". *Итон*, в сборнике *Скулкрафта*, том iv., стр. 217-8; *Мелльхаузен, Тагебух*, стр. 229. 'Gehört ebenfalls zur Familie der Apaches.' *Id.*, *Reisen*, том. ii., p. 236.

[III'-1] 'Die Kaigan-Sprache wird auf der Insel Kaigan und den Charlotten Inseln ... gesprochen. *Вениаминов*, в *Эрман, Архив*, том vii., № 1., стр. 128.

[III'-2] 'En parlant du langage de *Tchinkîtainé*, j'ai rapporté d'avance les termes numériques employés aux îles de *Queen-Charlotte*, tels que le capitaine *Chanal* a pu les recueillir á *Cloak-Bay*; il observe que quelques-uns de ces termes sont communs aux autres parties de ces îsles qu'il a visitées, ainsi que quelques autres termes qu'il a pu saisir, et par lesquels les Naturels expriment les objets suivantes.... Cette similitude des termes numériques et d'autres termes, employés également par les diverses Tribus, séparées les unes des autres, qui occupent la partie de côtes des îles de *Queen-Charlotte* que le Capitaine *Chanal* a visitée, me semble démontrer, contre l'opinion hasardée du Rédacteur du Journal de *Dixon*, que ces Tribus communiquent habituellement entre elles: cette identité du langage pourroit encore prouver que les *Peuplades* qui habitent ces îles ont une origine commune.' *Marchand, Voyage*, том. ii., p. 216.

[III'-3] "На побережье говорят по крайней мере на двух или трех разных языках, и все же, вероятно, все они довольно понятны; хотя, если мы можем поверить старому вождю с островов

королевы Шарлотты, его народ был совершенно незнаком с тем, на котором говорят жители восточнее". *Dixon's Voy.*, стр. 240.

[III'-4] Скоулер, в Лондоне. *Геогр. соц., журнал.*, том ii., стр. 218, 220.

[III'-5] *Radloff, Sprache der Kaiganen*, in *Mél. Рус.* том. iii., лив. v., стр. 575; *Грин*, в *амер. Antiq. Соч., Transact.*, том iii., стр. 302.

[III'-6] *Война Диксона.*, стр. 240.

[III'-7] 'Es fehlen dem Kaigáni (Haidah) jene harten aspirirten Consonanten, die dem Thlinkít so geläufig sind, es ist vocalreicher und weicher. Dagegen theilt es mit dem Thlinkít den Mangel der Labialen, des dentalen *r*, wie auch der Verbindung des *l* mit Dentalen, Gutturalen und Sibilanten, während jenem dagegen das reine *l* des Kaigani ganz fremd ist.' *Radloff, Sprache der Kaiganen*, in *Mél. Русские*, том iii., лив. v., стр. 575-6.

[III'-8] *Id.*, стр. 569-607.

[III'-9] *Зеленый*, в *Америке. Antiq. Соч., Transact.*, том ii., стр. 302. 'Náss ... по обычаям и языку напоминайте сабассу". *Dunn's Oregon*, стр. 279. *Buschmann, Spr. N. Mex. u. der Westseite des b. Nordamer.*, p. 398, et seq.

[III'-10] Скоулер, в Лондоне. *Геогр. соц., журнал.*, том ix., стр. 234.

[III'-11] *Орегон Данна*, стр. 358.

[III'-12] Скоулер, в Лондоне. *Геогр. соц., журнал.*, том ix., стр. 221.

[III'-13] *Id.*, стр. 230 и далее.

[III'-14] *Ванкуверский остров* Гранта, в Лондоне. *Геогр. соц., журнал.*, том. xxvii., стр. 295-6.

[III'-15] *Сцены Спроута*, стр. 311.

[III'-16] *Ванкуверский остров* Гранта, в Лондоне. *Геогр. соц., журнал.*, том. xxvii., стр. 295.

[III'-17] "Жители пролива Нутка и тлаокватча, которые занимают юго-западные оконечности острова, говорят на одном языке". Скоулер, в Лондоне. *Геог. Соц., журнал.*, том xi., стр. 224; *Нар. Джевитта*, стр. 74-77; *Этнолог Хейла*, в *США Ex. Ex.*, том vi., стр. 220; *Отчет Мирса*, стр. 229-32; *Отчет Дугласа*, в Лондоне. *Геог. соц., журнал.*, том. xxiv., стр. 246. В Пойнт Дискавери Ванкувер встретил людей, некоторые из которых "понимали несколько слов на языке нутка". *Путешествие*, том i, стр. 228. "Отдельные языки, на которых говорят индейцы, немногочисленны, но диалектов, используемых различными племенами, так много, что, хотя жители любого конкретного района не испытывают больших трудностей в общении друг с другом ..." *В.С.Мейна*, стр. 244; *Сцены Спроута*, стр. 311. Преподобный мистер Гуд разделяет и локализует языки острова Ванкувер и противоположного берега материка следующим образом. Первый язык, по его словам, распространен вдоль побережья от Нитинахта до пролива Нутка; второй преобладает от Суке до Нанаймо и через Пролив до Берд-Инлет на материке, оттуда следует вверх по реке Фрейзер до Йеля; его он называет ковичинским. На острове к северу от Ковичина он находит Комукс и примыкающую к нему Уклету; наконец, начиная с форта Руперт и

следуя вдоль северного побережья острова, а также на противоположном берегу мейн-лэнда находится Кваколл.

[III'-18] *Рассказ Джевитта.*, стр. 75.

[III'-19] *Сцены Спроута*, стр. 132.

[III'-20] 'El idioma de estos naturales es tal vez el mas áspero y duro de los conocidos. Abundan mucho en él las consonantes, y las terminaciones en tl y tz, constando el intermedio y el principio de los vocablos de aspiraciones muy fuertes.' *Sutil y Mexicana, Viage*, p. 147. "Их язык очень гортанный, и если бы можно было привести его к нашей орфографии, он был бы очень богат согласными". "Жизнь Ледьярда" *Спаркса*, стр. 72; *Cook's Voy. к Пак.*, том ii., стр. 334-6.

[III'-21] *Сцены Спроута*, стр. 124 и далее.

[III'-22] За экземпляр которого я в долгу перед покойным владельцем *Overland Monthly* из Сан-Франциско.

[III'-23] 'En examinant avec soin des vocabulaires formés à Noutka et à Monterey, j'ai été frappé de l'homotonie et des désinences mexicaines de plusieurs mots, comme, par exemple, dans la langue des Noutkiens.... Cependant, en général, les langues de la Nouvelle-Californie et de l'île de Quadra, diffèrent essentiellement de l'aztèque.' *Humboldt, Essai Pol.*, том. i., p. 321. 'Sprachähnlichkeiten ... hat man, wie auch nachher bey der Betrachtung der Mexikanischen Sprache aus einander gesetzt werden soll, an dieser Nordwest-Küste am Nutka-Sunde und bey den Völkern in der Nähe der Russischen Colonien gefunden.' *Vater, Mithridates*, том. iii., pt iii., p. 76. 'In the neighborhood of Nootka, tribes still exist whose dialects, both in the termination and general sound of the words, bear considerable resemblance to the Mexican.' *Prescott's Mex.*, vol. iii., p. 399.

[III'-24] 'So gewinnt die Nutka-Sprache, durch eine reiche Zahl von Wörtern und durch grosse Züge ihres Lautwesens, einzig vor allen anderen fremden ... in einem bedeutenden Theile einetäuschende Ähnlichkeit mit der aztekischen oder mexicanischen; und so wird die ihr schon früher gewidmete Aufmerksamkeit vollständig gerechtfertigt. Ihrer mexicanischen Erscheinung fehlt aber, wie ich von meiner Seite hier ausspreche, jede Wirklichkeit.' *Buschmann, Spr. N. Mex. u. der Westküste des b. Nordamer.*, p. 371.

[III'-25] Они говорили на том же языке, что и нутка. *Ванкуверский вестник.*, том i, стр. 218.

[III'-26] "Родство клалламов и лумми слишком очевидно, чтобы требовать демонстрации". *Словарь клаллама и лумми Гиббса.*, стр. vii. "Языки цихайли-селиш достигают моря в части, противоположной острову Ванкувер. Возможно, они касаются его и на севере". *Сост. Лэтема. Фил.*, том. viii., с. 401; *Гэрднер, в издании. Геогр. соц., журнал.*, том xi., стр. 255.

[III'-27] 'Les Indiens de la côte ou de la Nouvelle Calédonie, les Tokalis, les Chargeurs (Carriers), les Schouchouaps, les Atnas appartiennent tous à la nation des Chipeouaïans.' *Mofras, Explor.*, том. ii., p. 337. "Язык атна не имеет ничего общего ни с одним из известных мне языков". "Путешествия Маккензи", стр. 258.

[III'-28] *Менгарини, Селиш Грам.*

[III'-29] 'Nationes que radicaliter linguam Selicam loquuntur sunt saltem decem: Calispelm, (vulgo) *Pends d'oreilles du Lac Inférieur*. Slatkomlchi, *Pends d'oreilles du Lac Supérieur*. Selish, *Têtes Platte*. Sngomènei, Snpoilschi, Szk'eszilni, *Spokanes*. S'chizni, *Cœurs d'alène*. Sgoièlpi, *Chaudières*. Окинакейн, Стлакам, *Оканеган*". Менгарини, *Селиш Грам.*, стр. 120. "Их язык такой же, как у спокойных и плоскоголовых". *Исследование Паркера. Тур*, стр. 307. - Споканцы говорят на том же диалекте, что и Плоскоголовые и Пенд д'Орейли. Чепмен, в *Ind. Aff. Rept.*, 1866, стр. 201; Де Смет, *Voy.*, стр. 237. "Плоскоголовые делятся на многочисленные племена, каждое из которых имеет свою особую местность и более или менее отличается от других языком, обычаями и манерами". "Индейцы Спокана - небольшое племя, очень мало отличающееся от индейцев Колвилла ни внешностью, ни привычками, ни языком". *Палочка Кейна.*, стр. 173, 307. Пенд д'Орейлей обычно называют Плоскоголовыми, поскольку два клана, по сути, объединены.... Тем не менее, эти две расы совершенно разные, их языки фундаментально различаются. Разнообразие языков на западной стороне (Скалистых) гор почти бесконечно, так что едва ли какие-либо два племени понимают друг друга в совершенстве. Однако все они имеют общую черту - они очень гортанные; и, фактически, предложения часто кажутся просто мешаниной хрюканья и кваканья, которые ни один алфавит не мог бы выразить письменно". *"Сухопутный журнал Симпсона"*, том i, стр. 146.

[III'-30] *Этнолог Хейла.*, в *США Ex. Ex.*, том vi., стр. 535-7.

[III'-31] *Swan's N. W. Coast*, стр. 315.

[III'-32] *Словарь Каллама и Лумми Гиббса.*, стр. 7.

[III'-33] "В северных районах великой цепи Скалистых гор, которые посетил сэр Александр Маккензи, проживает несколько народов с неизвестным языком и происхождением. Нация Атнах - одна из них. Из краткого словаря, приведенного этим путешественником, следует, что их диалект является одним из тех языков, которые в частом повторении своеобразных согласных имеют определенное сходство с мексиканским". *Причард нац. История. Человек*, том ii., стр. 550; *Побережье Свон на Северо-Западе*, стр. 315-6.

[III'-34] 'Der Prinz bezeugt (Bd. ii., 511) dass der behauptete Mangel an Gurgellauten ein Irrthum ist; er bemerkt: dass die Sprache durch den ihr eignen "Zungenschmalz" für das Aussprechen schwierig werde, und dass sie eine Menge von Gutturaltönen habe. Man spreche die Wörter leise und undeutlich aus; dabei gebe es darin viele schnalzende Töne, indem man mit der Zungenspitze anstösst; auch gebe es darin viele dumpfe Kehllaute.' *Prinzschoschonischen Max zu Wied*, in *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 661. "Их язык не имеет никакого сходства ни с одним из западных народов. Он бесконечно мягче и свободен от непроницаемых гортанных звуков, столь распространенных среди низших племен". *Совет Кокса.*, стр. 233; *Представитель Блейкстона.*, в *Исследовании Паллисера.*, стр. 73; *Исследование Паркера. Тур*, стр. 307.

[III'-35] *"Мисс Орегон" Де Смета.*, стр. 409.

[III'-36] Племена, говорящие на языке кликетат: вулхипум, тайт-инапум, якима, валла-валлапум, кьузе, уматилла, пелузе, вьямпам; якимы и кликетаты, или вулхипумы ... говорящий на языке валла-валла, иначе известном как кликетат. *Натура Господа.*, том ii., стр. 244, 232. "Кьезы очень похожи на валла-валласов.... Их язык и обычаи почти идентичны". *Палочка Кейна.*, стр. 280. Пенд д'Орейли "говорят на одном языке" (Не Персе). *Хатчинс*, в *Ind. Aff. Rept.*, 1863, стр. 456. Индейцы Палуза "говорят на одном языке". *Каин*, в *Id.*, 1860, стр. 210. "Валлах-валлах, чей язык

принадлежит к той же семье". "Валлах-валлах и Нез-персе говорят на диалектах общего языка, а кайюсы отказались от своего ради языка последнего". Гиббс, в *Rac. R. Rept.*, т. i., стр. 416, 425; *Этнолог Хейла.*, в *U.S. Ex. Ex.*, т. vi., стр. 213, 542. Народ, среди которого мы сейчас находимся, называет себя сокулками; и с ними объединены несколько представителей другого народа, которые проживают на западном рукаве, впадающем в Колумбию в нескольких милях выше устья последней реки, и название которого Чимнапум. Язык обоих этих народов лишь немногим отличается друг от друга или от языка чопуннов, населяющих кускоски и реку Льюиса. "Путешествие Льюиса и Кларка", стр. 12. "Язык валла-валлас отличается от языка нез-персе". *Исследование Паркера. Экскурсия*, стр. 137.

[III'-37] Якама Ланг Пандоси., стр. 9.

[III'-38] *Этнолог Хейла.*, в *США Напр.*, т. vi., стр. 542, и далее.

[III'-39] Якама Ланг Пандоси.

[III'-40] *Охотники за пушниной Росса*, том i, стр. 313, и далее.

[III'-41] Рафинецк, *Журнал Atlantic.*, стр. 133, цитируется в *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 615. 'Ich habe diese Wörter Rafinesque's zu einem Theil ganz verschieden von den *Sahaptan* gefunden.' *Ib.*

[III'-42] *Этнолог Хейла.*, в *США Ex. Ex.*, т. vi., стр. 561.

[III'-43] "У скайузов есть два разных языка: один используется при обычном общении, другой - в чрезвычайных случаях; например, на военных советах и т. Д.". "Путешествия Фарнхэма", стр. 153. "Кайюсы отказались от своего собственного языка ради языка нез-персе". Гиббс, в *Rac. R. Rept.*, том i., стр. 416, 425. "Их язык имеет некоторое сходство с языком сахаптин или нез-Персе". *Ab. Lang.* Людевига, стр. 199; *Рокки Ммс Кока.*, стр. 295; *Палочка Кейна.*, стр. 279. - Их первоначальный язык, ныне почти вымерший ... имеющий сходство с носителями из Северной Каледонии и индейцами амפקва из Южного Орегона". *Лордс Нат.*, том ii., стр. 249-50.

[III'-44] "Язык племен, расположенных выше по реке, все больше и больше отклонялся от собственно языка чинуков, так что нижние племена не могли понимать других без переводчика". "Вокабуляр чинуков" Гиббса., стр. 4. "Словарь, приведенный доктором Скоулером как "чинукский", почти полностью составлен на языке чихали. His "Cathlascon" ... is Chinook." *Id.*, p. 5. 'Des *Tchinooks*, d'où est sortie la langue-mère de ces sauvages.' *Saint-Amant, Voyages*, p. 381. "Катлама говорят на том же языке, что чиннуки и клатсопы". "Путешествия Льюиса и Кларка", стр. 424. Язык "чинуков" ... похожи на клатсопов, катламахов и вообще на всех жителей близ устья Колумбии". *Id.*, стр. 426. "Чинуки, клатсопы, вакиакумы и катламахи ... походили друг на друга лицом, одеждой, языком". "Астория" Ирвинга, стр. 85, 336. Чавыча, Клатсопс, Катламукс, Вакикумс, Вакаламус, Рогатый скот, Клатскания, Киллимукс, Молтномы, Чикелис ... похожи друг на друга по языку. *Совет Росса.*, стр. 87-88. "На языке чинуков говорят все народы от устья Колумбии до водопадов". *Нар. Франшера.*, стр. 262.

[III'-45] "Язык, на котором говорят эти люди, гортанный, очень трудный для изучения иностранцем и столь же трудный для произношения". *Росс "Адвен.*, стр. 101. "Определенно, это самое непроезжимое соединение гортанных звуков, когда-либо созданных для передачи человеческих мыслей или выражения человеческих желаний". *Кокс Адвен.*, том ii., стр. 133. "Я

бы охотно привел образец варварского языка этого народа, если бы было возможно передать какой-либо комбинацией нашего алфавита ужасные, резкие, хриплые звуки, которые вырываются из их горла, очевидно, неподконтрольные ни языку, ни губам". *Палочка Кейна.*, стр. 182. - Незнакомым людям это трудно произносить, потому что в нем много гортанных звуков, как в гэльском. Сочетания *thl*, или *tl*, и *lt* так же часты у чавычи, как и у мексиканцев".

Нар. Франшера, стр. 262. "После мягких языков и быстрой речи островитян, чинуки представляли собой разительный контраст в медленной, обдуманной манере, с которой они, казалось, заглушали свои слова, произнося звуки, некоторые из которых едва ли можно было представить комбинациями известных букв". *"Расы" Пикеринга, в США, например.*, т. ix., стр. 23. "Он изобилует горловыми и "кудахтающими" звуками, проанализировать которые почти так же трудно, как и произнести". *"Чинук" Гиббса Словарь.*, стр. 5.

[III'-46] "Древний язык ченуков настолько гортанный и трудный, что многие молодые индейцы ченуков не могут говорить на нем, но их родители обучили их языку чехали и жаргону". *Swan's N. W. Coast*, стр. 306; *Hale's Ethnol.*, в *США Ex. Ex.*, том vi, стр. 562. "Очень трудное произношение и чрезмерно сложная форма чавычи фактически помешали ее приобретению даже миссионерами и торговцами мехом". *Вокабуляр чавычи Гиббса.*, стр. 5.

[III'-47] *Этнолог Хейла.*, в *США Напр.*, т. vi., стр. 562, и далее.

[III'-48] *Палочка Кейна.*, стр. 183.

[III'-49] *Этнолог Хейла.*, в *США Напр.*, т. vi., стр. 566, и далее.

[III'-50] Ямкалиэ, Каллапуя. Орегонские индейцы с равнин Уолламетта, говорящие на языке, родственном языку катласконов и эльцуков". *Ab. Lang Людевига.*, стр. 202. 'Gross die Verwandtschaft der Kalapuya und des Yamkallie; aber an verschiedenen Wörtern fehlt es nicht.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 628.

[III'-51] 'Höchst merkwürdig sind einzelne unläugbare aztekische und zweitens einzelne sonorishe Wörter, welche ich in diesen Sprachen aufgefunden habe.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 629.

[III'-52] "Эта система жаргонов возникла очень рано и, несомненно, привела ко многим ошибкам. Еще в 1633 году отец-иезуит Поль Ле Жен писал: "Изучая их язык, я заметил, что между французами и индийцами существует определенный жаргон, который не является ни французским, ни индийским; и все же, когда французы используют его, они думают, что говорят по-индийски, а индейцы, использующие его, думают, что говорят на хорошем французском". *"История. Журнал.*, т. v., стр. 345.

[III'-53] *"Чинукский диктант" Гиббса.*, стр. 6; *San Francisco Evening Bulletin*, 15 июня 1866 г. "Чинук - это жаргон, который был изобретен Компанией Гудзонова залива с целью облегчения общения с различными индейскими племенами. Они были так многочисленны, а их языки так разнообразны, что торговцы сочли невозможным выучить их все и приняли устройство разумной смеси английского, французского, русского и нескольких индейских языков, словарный запас которой весьма ограничен, но которая с помощью знаков легко понимается всеми туземцами и служит общим языком". *Отрывок из книги Милтона и Чидла "Нью-Йорк"*, стр. 344. "Жаргон, столь широко используемый на всем побережье Северной части Тихого океана, как среди белых, так и среди индейцев, в качестве вербального средства общения друг

с другом, первоначально был изобретен Компанией Гудзонова залива, чтобы способствовать развитию их торговли с индейцами". *Словарь жаргона чинуков Стюарта*, стр. 161. "Чинук - это жаргон, состоящий не более чем из трехсот или четырехсот слов, заимствованных из французского, английского, испанского, индейского языков и фантазии изобретателя. Это было изобретено Компанией Гудзонова залива для удобства торговли". *Брюно, в издании* Ind. Aff. Rept., 1871, стр. 124. Спроут оспаривает изобретение жаргона и говорит: "Такое достижение, как изобретение языка, находится за пределами возможностей даже главного фактора". *Сцены*, стр. 139. "Я думаю, что, в частности, среди индейцев Побережья, индийская часть языка использовалась в течение многих лет". *Swan's N. W. Coast*, стр. 307. *Этнолог Хейла.*, в *США Ex. Ex.*, том vi., стр. 635, и далее.

[III'-54] *Чинук Гиббса, Диктант*, стр. vii.-viii. "Всех слов, таким образом сведенных воедино в этой необычно построенной речи, насчитывается около двухсот пятидесяти". *"Этнолог Хейла"*, в *США Ex. Ex.*, том vi., стр. 636. "Слова, несомненно, японского происхождения, все еще используются в жаргоне, на котором говорят на побережье под названием Чинук". *Лордс Нат.*, том ii., стр. 217.

[III'-55] *Этнолог Хейла.*, в *США Напр.*, том vi., стр. 636, и далее.

[III'-56] *Справочник Гиббса "Чинук"*, стр. 44.

[IV'-1] *Письмо Роузборо автору, ср.; Шасты и их соседи*, СР. "Разнообразие языков в Калифорнии настолько велико, что почти через каждые 15-20 лиг вы находите отчетливый диалект". *Боскана, в "Жизни Робинсона в Калифорнии"*, стр. 240. 'Il n'est peut-être aucun pays où les différens idiomes soient aussi multipliés que dans la Californie septentrionale.' *La Pérouse, Voy.*, том. ii., р. 323. "Человек может потратить годы на то, чтобы с усердием овладеть индейским языком, затем проделать трехчасовой путь и снова обнаружить, что плывет по течению, настолько многочисленны языки и диалекты Калифорнии". *Север Пауэрса. Кал. Инд.*, в *Overland Monthly*, том. viii., стр. 328. "Разнообразие таково, что почти полностью исключает всякое вербальное общение". *Кэл Хатчингс. Mag.*, vol. iii., р. 159. "Языки различаются от племени к племени". *"Расы" Пикеринга, в США, например.*, том ix., стр. 106. "В Калифорнии, по-видимому, говорят на двух или более различных языках". *Исследования Маккаллоха в Америке.*, стр. 37; *Путешествие Коцебу*, том iii., стр. 48; *Id., New Voy.*, том ii., стр. 98; *Тейлор, в Справочном альманахе Бэнкрофта*, 1864, стр. 29.

[IV'-2] См. том i, стр. 325; *Письмо Роузборо автору, ср.; Шасты и их соседи*, СР.; *Кал. Хатчингса. Mag.*, vol. iii., р. 159

[IV'-3] *Помо Пауэрса, МИСС*

[IV'-4] *Письмо Роузборо Автору, Г-же*

[IV'-5] 'Лутуами, Шасты и Палайк разделены Галлатином на три отдельных класса. Они, без сомнения, взаимно непонятны. Тем не менее, они не могут быть сильно разделены'. *Комп. Лэтема. Фил.*, том. viii., стр. 407. Индейцы Ти-ка, Ид-до-а, Хо-те-дэй, Ве-о-хау или шаста говорят на одном языке. *Стил, in Ind. Aff. Rept.*, 1864, стр. 120. Модоки говорят на том же языке, что и кламаты. *Палмер, в издании*, 1854, стр. 262; *Этнолог Хейла.*, в *США Напр.*, т. vi., стр. 218; *Berghaus, Geographisches Jahrbuch*, том iii., стр. 48; *Тейлор, в кал. Фермер*, 8 июня 1860 года.

"Ветвью последнего (шошонов) является племя индейцев тламат". *Адвен Ракстона. Мексика.*, стр. 244.

[IV'-6] *Шасты и их соседи*, СР.

[IV'-7] *Вокабуляр Джексона. языка винтунов*, ср.; *Словари Пауэрса*, СР.

[IV'-8] *Помо Пауэрса*, МИСС

[IV'-9] Гиббс, в сборнике *Скулкрафта.*, том iii., стр. 422. "Слияние рек Кламат, или Тринити, указывает нам местонахождение Вайтспека. Его диалекты, вейот и вишоск, простираются далеко в округ Гумбольдт, где они, вероятно, являются преобладающей формой речи, используемой на реке Мэд и в районах вокруг мыса Мендосино. От Вайцпека они отличаются гораздо больше, чем друг от друга". *Сост. Лэтема. Фил.*, том. viii., с. 40. 'Weeyot und Wish-osk, unter einander verwandt.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 575.

[IV'-10] Гиббс, в сборнике *Скулкрафта.*, том iii., стр. 422-3.

[IV'-11] *Powers' Помо*, МИСС

[IV'-12] *Письмо Розборуха Автору*, Г-жа; *Помо Пауэрса*, Г-жа

[IV'-13] Гиббс, в сборнике *Скулкрафта.*, том iii., стр. 421-2; *Помо Пауэрса*, ср.; *Тейлор*, в кал. Фермер, 30 марта 1860 года.

[IV'-14] *Заметки Пауэрса о Кал. Языки*, СР.

[IV'-15] Гиббс, в сборнике *Скулкрафта.*, том iii., стр. 428, и далее.; *Этнолог Хейла.*, в США *Ex. Ex.*, том vi., стр. 342, и далее.; *Справочник Кеппела.*, том i., приложение, стр. 14, и далее.; *Остров Тонга Мартина*, том ii.

[IV'-16] 'Die Indianer in Bodega verstehen nur mit Mühe die Sprache derjenigen welche in den Ebenen am Slawänka-Flusse leben; die Sprache der nördlich von Ross lebenden Stämme ist ihnen völlig unverständlich.' *Baer, Stat. u. Ethno.*, p. 75. 'Die Bodegischen Indianer verstehen die nördlichen nicht, sowohl die Sprache als die Art der Aussprache ist verschieden. Die Entferten und die Steppen-Indianer sprechen eine Menge Dialecte oder Sprachen, deren Eigenthümlichkeit und Verwandtschaft noch nicht bekannt sind.' *Kostromitonow*, in *Id.*, p. 80; *Gibbs*, in *Schoolcraft's Arch.*, vol. iii., p. 421. 'Kulanapo und Yukai, verwandt: d. h. in dem beschränkten Grade, dass viele Wörter zwischen ihnen übereinstimmen, viele andere, z. B. ein guter Theil der Zahlwörter, verschieden sind.... Choweshak und Batemdakaiee sehr genau und im vollkommenen Maasse unter einander und wiederum beide ganz genau mit Yukai, und auch Kulanapo verwandt.... Wichtig ist es aber zu sagen, dass die Sprache Tchokoyem mit dem Olamentke der Bodega Bai und mit der Mission S. Raphael nahe gleich ist.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 575. "Канимапе говорят на диалекте, отличном от диалекта тамало. Индейцы сонома также говорят иначе, чем тамалос. Сономо говорят на том же диалекте, что и суйсуны. Индейцы Сан-Рафаэля говорят так же, как тамало. - *Тейлор*, на калифорнийском. Фермер, 30 марта 1860 года.

[IV'-17] *Мофрас, Исследование.*, том ii., стр. 391.

[IV'-18] *Помо Пауэрса*, СР.

[IV'-19] *Этнолог Хейла.*, в *США Эк. Эк.*, т. vi., стр. 222, 630; *Нар. Уилкса*, в *Id.*, т. v., стр. 201.

[IV'-20] 'Пужуне, Секамне, Цамак и Талатуи ... Sekumne und Tsamak sind nahe verwandt, die übrigen zeigen gemeinsames und fremdes.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 571. Словарь Талатиу Хейла принадлежит к группе, для которой предложено название Мокелумне, поскольку холм Мокелумне и река Мокелумне находятся в пределах территории, на которой говорят на принадлежащих к ним языках. Опять же, названия племен, говорящих на них, заканчиваются в основном на мнэ, чупумне и т.д. На юге, вплоть до округа Туолумне, язык относится к этому подразделению, а именно: 1, мумалтачи; 2, муллатеко; 3, апаугаси; 4, лапаппу; 5, сиянте, или группа тайпокси, говорят на этом языке". *Комп. Фил.*, т. viii., с. 414.

[IV'-21] *Рассказ Уилкса.*, в *U. S. Эк. Эк.*, т. v., стр. 201.

[IV'-22] *"Индинология округа Напа" Монтгомери*, СР.

[IV'-23] *Мофрас, Исследование.*, том ii., стр. 391.

[IV'-24] *Арройо, Грам. de la lengua Tulareña*, ср., цитируется в *Mofras, Explor.*, том ii., стр. 388, см. также стр. 392-3. 'Malgré le grand nombre de dialectes des Missions de la Californie, les Franciscains espagnols s'étaient attachés à apprendre la langue générale de la grande vallée de los Tulares, dont presque toutes les tribus sont originaires, et ils ont rédigés le vocabulaire et une sorte de grammaire de cette langue nomméee *Tulareño*.' *Id.*, p. 387.

[IV'-25] *Тейлор, в Калифорнии. Фармер*, 25 мая 1860 г.

[IV'-26] *Джонстон*, в *сборнике Скулкрафта.*, том iv., стр. 407. 'Die Sprachen der Coconoos und die vom King's River sind nahe verwandt.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 564.

[IV'-27] 'Dans la baie de San Francisco on distingue les tribus des Matalans, Salsen et Quirotes, dont les langues dérivent d'une souche commune.' *Гумбольдт, Эссе о политике*, том i, стр. 321-2; *Мюленпфордт, Мехико*, том ii, часть ii, стр. 454.

[IV'-28] "Племя индейцев, которое кочевало по этой великой долине от Сан-Франциско до окрестностей миссии Сан-Хуан-Баутиста ... были олхоны. Их язык немного напоминал тот, на котором говорили мутсуны в миссии Сан-Хуан-Баутиста, хотя это ни в коем случае не было тем же самым". *"Сан-Хосе" Холла*, стр. 40. "В одной миссии Санта-Клара говорят более чем на двадцати языках". *"Новый вояж" Коцебу.*, том ii., стр. 98; *"Путешествие Коцебу"*, том iii., стр. 51; *"Путешествие Бичи"*, том ii., стр. 78; *"Чорис"*, *"Вою."*, *"Вою."*, *"Вою."*. *Питт.*, часть iii., стр. 5-6; *Мексиканский язык Кондера. Гуат.*, том ii., стр. 94-5.

[IV'-29] 'La misma diferencia que se advierte en los usos y costumbres de una y otra nacion hay en sus idiomas.' *Sutil y Mexicana, Viage*, p. 172.

[IV'-30] У каждого племени свой диалект; и хотя их округа невелики, языки иногда настолько различаются, что соседние племена не могут понимать друг друга. I have before observed that in the Mission of San Carlos there are eleven different dialects.' *Beechey's Voyage*, vol. ii., p. 73. 'La langue de ces habitants (Ecclemachs) diffère absolument de toutes celles de leurs voisins; elle a même plus de rapport avec nos langues Européennes qu'avec celles de l'Amérique.... L'idiome de cette nation est d'ailleurs plus riche que celui des autres peuples de la Californie.' *La Pérouse, Voy.*, том. ii., pp. 324-326. 'La partie septentrionale de la Nouvelle-Californie est habitée par les deux

nations de Rumsen et Escelen. Elles parlent des langues entièrement différentes.' *Humboldt, Essai Pol.*, tom. i., p. 321. 'Beyde Darstellungen derselben sind, wie man aus der so bestimmten Erklärung beider Schriftsteller, dass diese zwey Völker die Bevölkerung jener Gegend ausmachen, schliessen muss, ohne Zweifel unter verschiedenen Abtheilungen Eines Volkes aufgefasst, unter dessen Zweigen die Dialekte, ungeregelt, wie sie sind, leicht grosse Abweichungen von einander zeigen werden.' *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt. iii., p. 202; *Taylor*, in *Cal. Фермер*, 22 февраля - 20 апреля 1860 г.

[IV'-31] 'Es erhellt aber aus den Zahlwörtern und anderen Wörtern, dass die Sprache von la Soledad, der Runsien nahe gleich und der Achastlier ähnlich ist.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 561; *Turner*, in *Hist. Mag.*, том i., стр. 206. В

[IV'-32] 'En estos indios reparé que entendian mas que otros los términos de Monterey y entendí muchos términos de lo que hablaban.... El diciéndome *meapam* tu eres mi padre, que es la misma palabra que usan los de Monterey.' *Palou, Noticias*, in *Doc. История. Мексика.*, серия iv., том. vii., стр. 62-3, 59, 65, 67, 69.

[IV'-33] *Мофрас, Исследование.*, том ii., стр. 392.

[IV'-34] *Comelias*, в *кал. Фермер*, 5 апреля 1860 г.

[IV'-35] *Тейлор*, в *удостоверении личности*, 27 апреля 1860г.

[IV'-36] 'Quod quanquam hoc idioma ineloquens videatur et inelegans, in rei veritate non est ita: est valde copiosum, oblongum, abundans et eloquens.' *Arroyo de la Cuesta, Alphabs Rivulus Obeundus*, preface, also, *Arroyo de la Cuesta, Mutsun Grammar*. На обложке рукописи есть следующее важное примечание. 'Copia de la lengua Mutsun en estilo Catalan á causa la escribió un Catalan. Кастеллана США - де-ла-фуэрза, де-ла-произношение букв других языков на альфабето." Каталонцы произносят *ch* с трудом, а *j* как немцы.

[IV'-37] *Sitjar, Vocabulario de la M. de San Antonio*. Орфография, используемая отцом Ситджаром, очень любопытна; постоянно используются ударения, звездочки, строчные буквы над или под строкой и различные другие знаки; но никаких объяснений этому в рукописи найдено не было. Поэтому я, насколько это было возможно, представил оригинальный стиль написания. См. также *Мофрас, Исследование.*, том ii., стр. 392-3.

[IV'-38] *Этнолог Хейла.*, в *США Ex. Ex.*, том vi., стр. 633-4; *Тейлор*, в *кал. Фермер*, 4 мая 1860 г.

[V' -1] *Шошони и панашты* (боннаки) из Колумбии, *юты* и *сампичи* ... говорят, что *команчи* Техаса и некоторые другие племена вдоль северной границы Мексики говорят на диалектах общего языка". *Hale's Ethnog.*, в *США Ex. Ex.*, том vi., стр. 218-9. - Великая семья шошони, или Змей, которая включает собственно шошонов ... ута ... Па-Ута ... киж ... Нетела ... кечи ... the Comanches.' *Turner*, in *Pac. R. R. Rept.*, vol. iii., p. 76. '*Shoshónies ou Serpents et de Soshocos ou Déterreurs de racines* ... parlent la même langue.' *De Smet, Voy.*, p. 126. "На языке шошонов говорят в основном все группы индейцев юго-восточной Невады". *Паркер*, в *Ind. Aff. Rept.*, 1866, стр. 114. "Их язык (шошонов) сильно отличается от языка бэнноков или пи-ютов". *Кэмпбелл*, в *Ид.*, стр. 120. Гошоты говорят на том же языке, что и шошоны. *Форни*, в *издании*, 1859, стр. 363. "На этом языке говорят группы в районе золотых приисков Сакраменто". *Свод Скулкрафта.*, том i, стр. 198. "Паи говорят на том же языке, что и юты". "*Жизнь Фарнхэма в Калифорнии*", стр. 371, 375. "*Пи-эдысы*, родственные по языку ютам". *Кули*, в *издании Indef. Aff. Rept.*, 1865, стр. 18. Гошипы

или Гоша утес "говорят почти на языке шошони". *Ирландский*, в *Id.*, стр. 144. Шошоны и команчи "говорят на одном языке". Сампичи. "Говорят, что их язык родствен змеиному". Youtas. "Некоторые считают, что их язык своеобразен". *Уилкс, Нар.*, в *США, например.*, том iv., стр. 501. 'Pueblan todas las partes de esta sierra por el sueste, sur sudoeste y oeste, gran número de gentes de la misma nacion, idioma etc.,' which they call Timpanogotzis. *Домингес и Эскаланте*, в документе. *История Мексики.*, серия ii., том i., стр. 467. "Язык, на котором говорят команчи, очень древний и лишь немногим отличается от языка инков Перу". *Hist. Tex.* Майяра, стр. 249; *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 349, 351. Ям-па. "Так змеи называют команчей, родителями или потомками которых они являются, поскольку эти два языка почти одинаковы, и они легко понимают друг друга и говорят, что когда-то были одним народом". "На змеином языке говорят и его понимают все племена от Скалистых гор до Калифорнии и от Колорадо до Колумбии, а также некоторые представители многих племен за пределами этих пределов". "*Монтана*" *Стюарта*, стр. 58, 82. "Различные группы команчей и шошонов, или змей, составляют еще одну обширную группу, говорящую на одном языке. - *Связь с Греггом. Прерию*, том ii., стр. 251. "Говорят, что местный язык юта отдаленно родствен языку навахо, но мне он показался гораздо более гортанным, с глубоким замогильным звучанием, напоминающим чревоуещание". *Id.*, том i, стр. 300. - Юты, которые говорят на том же языке, что и киавети. *Мексиканец Кондера. Гуат.*, том ii., стр. 74; *Свод Скулкрафта.*, том v., стр. 197. Язык гошуттов отличается от языка шошонов. *Дуглас*, в *Ind. Aff. Rept.*, 1870, стр. 96. Диггеры "несколько отличаются от других змей языком". *Уайет*, в *Сборнике Скулкрафта.*, т. i., стр. 206; *Бергхаус*, в *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 371. Кузи-уты: "говоря, они сокращали свои слова... мы узнали звуки языка шошонов". "*Путешествие Реми и Бренчли*", том ii, стр. 412; *Тюммель, Мексико*, стр. 359; "*Кэтлин в Северной Америке*", том ii, стр. 113. "Их родной язык (команчей) по звучанию отличается от языка любого другого народа, и никто не может легко научиться говорить на нем. У них также есть язык знаков, с помощью которого они общаются между собой". *История Френча.*, (Нью-Йорк, 1869), стр. 156. - Примитивные термины команчей коротки, и некоторые из них объединены для выражения сложных идей. В языке очень мало глаголов, функции которых часто выполняются с помощью жестов и гримас". "*Техас Кеннеди*", том i, стр. 348.

[V'-2] *Тернер*, в журнале *R. R. Rept.*, том iii., стр. 77.

[V'-3] *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 402-3.

[V'-4] *Id.*, стр. 645 и далее.

[V'-5] 'Que en casi todas ellas (que son muchas y varias) se hallan vocablos, principalmente los que llaman radicales, que o son de la lengua Mexicana, o se deriuau della, y retienen muchas de sus silabas, de que pudiera hazer aqui vn muy largo catalago. De todo lo qual se infieren dos cosas. La primera que casi todas estas Naciones comunicaron en puestas y lenguas con la Mexicana: y aunque los Artes y Gramaticas dellas son diferentes; pero en muchos de sus preceptos concuerdan.' *Ribas, Hist. de los Triumphos*, p. 20. 'Pintaron esta laguna en tierra y muy poblada de gentes, y oyendo hablar á un indio, criado de un soldado, en el idioma mexicano, preguntaron si era de Copala, porque así hablaban los de alla ... que distaba de allí diez jornadas pobladas.' *Zarate*, in *Doc. Historia Mexicana.*, серия iii., том iv., стр. 83. 'El Padre Fr. Roque d Figueredo haze del viage que hizo con D. Iuan de Oñate 500 leguas al Norte hallaremos que dice, que aviendoseles perdido vnas bestias, buscandolas el rio de Tizon arriba encontraron los mosos vn Indio que les hablò en lengua mexicana que preguntado de donde era, dixo ser del Reyno adentro ... que està en las Provincias del Norte donde se

habla en esta lengua Mexicana cuyo es vocablo.' *Vetancurt, Teatro Mex.*, pt ii., p. 11. 'In un viaggio, che fecero gli Spagnuoli l'anno 1606. dal Nuovo Messico fino al fiume, che eglino appellarono *del Tizon*, seicento miglia da quella Provincia verso Maestro, vi trovarono alcuni grandi edificj, e s'abbatterono in alcuni Indiani, che parlavano la lingua messicana.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. iv., p. 29. Tarahumara 'la cui lingua abbonda di parole Messicane.' *Hervás, Saggio Practico delle Lingue*, p. 71. 'Die Sprache (Cora) ist auch wegen ihres Verhältnisses zur Mexicanischen merkwürdig.' 'Die Sprache (Tarahumara) welche eine gewisse Ausbildung zeigt, hat manche dem Mexicanischen ähnliche Wörter,' *Vater, Litteratur der Grammatiken, Lexica und Wörter-Sammlungen aller Sprachen der Erde*, pp. 52, 231; *Cook's Voy. к Пак.*, том ii., стр. 336; *Совет Ракстона. Мексика.*, стр. 194.

[V'-6] Макс Мюллер просто называет это "Законом Гримма". *Наука о языке*, серия ii., стр. 213, и далее.

[V'-7] 'Indem ich die Urtheile wegen der comanchischen und schoschonischen Verwandtschaft bestätige, erkläre ich die Yutah-Sprache für ein Glied des sonorischen Sprachstammes.' 'Noch ehe ich zur Wortvergleichung übergehe, kann ich die sonorische Natur der Sprache nach den beiden Elementen der aztekischen und sonorischen Gemeinschaft, und sogar ihre besondere Stellung zwischen der comanche-schoschonischen Ligue, durch blosse zwei, in ihr sich hervorthuende Substantiv-Endungen (ts und p) darlegen.' 'Die zwiefache Schoschonen Sprache und das Volk der Schoschonen sind das äusserste Glied meiner Entdeckungen: des grossen Bundes, durch ein mächtiges eignes Element zusammengehaltener Sprachen, von einem kleinen Erbtheil aztekischen Wortstoffes durchdrungen; welches ich, von Guadalajara aus nordwärts suchend nach den Spuren des Azteken-Idioms und seines Volkes, angetroffen habe; sie bilden den Schlusstein meinessonorischen Baues.' *Buschmann, Spuren der Aztek.*, стр. 349, 351, 648, 391, 652, и далее; *Сиверс, Муттеламерика*, стр. 291-2.

[V'-8] "Все они говорят на одном языке, за исключением Харно, самого северного города из трех, в котором есть свой особый язык и некоторые обычаи". *Армейская жизнь Марси*, стр. 111. Говорят, что в шести из семи пуэбло моки говорят на одном языке.... В тех, что в Сан-Хуане ... и в одном пуэбло моки все говорят на одном языке ... Тэй-во. *Лейн, в сборнике Скулкрафта.*, т. v., стр. 689; *Тен Броек, в сборнике Скулкрафта.*, т. iv., стр. 87... не все говорят на одном языке. В Ораибе некоторые индейцы действительно заявили, что не могут понять, о чем говорил вождь Мушанех, и последний сказал мне, что язык этих двух городов разный. В Тегуа говорят, что говорят на третьем отдельном языке.... Люди ... отказались от привычки навещать друг друга до тех пор, пока языки, которые у всех индейских племен подвержены большим мутациям, постепенно не станут непохожими". *Ives' Colorado Riv.*, стр. 127. 'Wie ich erfuhr, sollen die Moquis nicht alle eine und dieselbe Sprache haben, und die Bewohner einiger Städte nicht nur fremde Dialekte, sondern sogar fremde Sprachen reden.' *Möllhausen, Reisen*, tom. ii., p. 239. Дэвис, ссылаясь на рукопись Крузате, бывшего губернатора Нью-Мексико, утверждает, что моки говорят на языке керес, но в то же время он говорит: "некоторые утверждают, что ... в четырех деревнях мокви говорят на диалекте, почти таком же, как у навахо, в то время как в пятой говорят на диалекте Сан-Хуана, который называется тегуа.... Расстояние от Пикориса до деревень моки составляет около четырехсот миль ... тем не менее, эти широко разделенные пуэбло говорят ... тот же язык". *Эль Гринго*, стр. 116-7, 155. Сравнение словарей Симпсона, Дэвиса и Мелина доказывает, что мокви является отдельным языком. *Уорд, in Ind. Aff. Rept.*, 1864, стр. 191.

[V'-9] Переулок, в сборнике *Скулкрафта.*, т. v., стр. 689.

[V'-10] "Говорят, что язык мок, или мокино, лишь немногим отличается от языка навахо". Хьюз "Исх. Донифана", стр. 197. Говоря обо всех языках пуэбло, включая моки: "Все они говорят на диалектах одного и того же языка, более или менее приближающегося к апачскому, и у всех них одинаковая идиоматическая структура. Точно так же все они понимают язык друг друга. Какое отношение этот язык имеет к мексиканскому, неизвестно, но у меня сложилось впечатление, что он будет в значительной степени ассимилирован, если не идентичен". *Raxton's Adven. Мексика.*, стр. 194; *Ком. по Греггу. Прерию*, том i, стр. 269.

[V'-11] "Пока не прослежено никакой аналогии между языком древних мексиканцев и каким-либо племенем на севере в районе, откуда они предположительно пришли". *Бартлеттовский пер. Нар.*, том ii., стр. 283. 'Reste der Mexikanischen Sprache fanden dagegen in den Sprachen dieser Völker die im Mexikanischen sehr geübten Missionäre nicht, sondern die Sprache von Moqui, und die der *Yabipais*, welche lange Bärte tragen, wesentlich unterschieden von dem Mexikanischen.' *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., p. 182. 'Cependant la langue que parlent les Indiens du Moqui, les *Yabipais*, qui portent de longue barbes, et ceux qui habitent les plaines voisines du Rio Colorado, diffère essentiellement de la langue mexicaine.' *Гумбольдт, Очерки политики.*, том i., стр. 305. 'Doch reden die Moquis.... Sprachen ganz verschieden vom Aztekischen.' *Mühlenpfordt, Mejico*, tom. ii., pt ii., p. 539. 'Die Moqui-Sprache ist doch der mexikanischen befreundet! sie ist—dies ist meine Erfindung—ein Zweig des Idioms, welches dem Suchenden als ein Phantom statt des lebhaften *nahuatl* als sein Schattenbild, in dem alten Norden überall entgegentritt: ein Gebilde der sonorisches Zunge, bei welchem Namen ein kleines aztekisches Erbtheil sich von selbst versteht.... Ich erkläre die Moqui-Sprache für ein Glied meines Sonorisches Sprachstammes. Schon die auffallend vielen, manchmal in vorzüglich reiner Form erscheinenden, aztekischen Wörter bezeichnen die Sprache als eine sonorisches; es kommt das zweite Kennzeichen hinzu: der Besitz gewisser ächt sonorisches Wörter. In einem grossen Theile erscheint die Sprache aber überaus fremdartig: um so mehr als sie auch von den 5 Pueblo-Sprachen, wie schon Simpson bemerkt hat, gänzlich verschieden ist.... Die Spuren der Subst. *Endungpe, be* u.ä. weisen der Moqui-Sprache ihren Platz unter der *comancheschoschonischen* Familie des Sonora Idioms an. Dieses allgemeine Urtheil über die Sprache ist sicher.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 289-90.

[V'-12] Журнал Симпсона. *Млн. Разведка.*, стр. 128-30; "Эль Гринго" Дэвиса, стр. 157-9.

[V'-13] Боскана, в "Жизни Робинсона" в Калифорнии., стр. 282.

[V'-14] Этнолог Хейла., в США *Ex. Ex.*, том vi., стр. 566-7; Бушманн, *Киж и Нетела*, стр. 512-13.

[V'-15] Мофрас, *Исследование.*, том ii., стр. 393-4.

[V'-16] "Принадлежат к великому шошони, или Змеиному семейству". Тернер, в документе *R. R. Rept.*, том iii., стр. 76. "Сходство, которое существует между многими словами в этих двух языках и в языке шошони, достаточно очевидно из сравнения словарей. Сходство слишком велико, чтобы его можно было отнести к простому случайному общению, но сомнительно, что доказательства, которые оно дает, оправдают нас в отнесении их друг к другу как ветвей одной семьи". *Hale's Ethnog.*, в *U.S. Ex. Ex.*, т. vi., стр. 567. "Уроженцы Сент-Диего не понимают ни слова из языка, используемого в этой миссии, и аналогичным образом жители окрестностей Сент-Барбары и дальше на север". Боскана, в "Жизни Робинсона в Калифорнии", стр. 240; *История Глисона. Кат. Церковь*, стр. 97.

[V'-17] 'Ich habe in dem Kizh ... und in der Netela ... zwei Glieder meines sonorischen Sprachstammes, ausgestattet mit Aztekischem Sprachstoff, entdeckt.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр., стр. 546.* 'Bei der, genugsam von mir aufgezeigten Gemeinschaft der zwei californischen Idiome, so lautet *mein Urtheil*, hofft man auch hier *vergebens* auf ein genaues, glückliches *Zutreffen* eigenthümlicher Formen dieser Sprachen mit dem Comanche und Schoschonischen oder mit den südlicheren sonorischen Hauptsprachen, ein Zusammentreffen mit etwas recht Besonderem Einer Sprache mit einer anderen: so nahe liegen die Sprachen sich nie, sie sind alle fremd genug gegen einander.' *Buschmann, Kizh und Netela, p. 518.*

[V'-18] *Гарсес, Дневник, в документе. История Мексики., серия ii., том i., стр. 351.* Ороско-и-Берра относит их, а также юты и моки к семейству языков апачей, в подтверждение чего он цитирует Бальби, таблица xxxii. 'Die Chimehwhuebes, Comanches und Cahuillos, also Stämme, die zwischen den Küsten der Südsee und Texas verbreitet sind, als Nebenstämme der Nation der Schoschone oder Schlangen-Indianer betrachtet werden können.' *Möllhausen, Reisen in die Felsengeb., tom. i., pp. 435-6.* - Чемехуэвцы - это банда паутинников ... чей язык ... наиболее близок к языку юты Симпсона и Восточных шошони Хейла. Кауильо проявляет самое близкое родство с кечи и нетела, особенно с первыми. Its affinity to the Kizh is equally evident.' *Turner, in Pac. R. R. Rept., vol. iii., p. 76.* 'Die Chemehuevi- und Cahuillo-Sprache sind einander so fremd, dass sie beinahe für alle Begriffe ganz andere Wörter besitzen; ihre Verschiedenheit ist so gross, dass man aus ihnen allein nicht ahnden sollte, sie seien beide gleichmässig sonorische Glieder.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр., стр. 554.*

[V'-19] *Тернер, в журнале R. R. Rept., том iii., стр. 77.*

[V'-20] Составлено по Бушманну, Тернеру, Хейлу, Молине, Ортеге и другим.

[V'-21] *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр., стр. 553-4.*

[VI'-1] "Ни у кого нет ничего, кроме *самых слабых* признаков родственного происхождения, если таковые вообще имеются". *Журнал Симпсона. Mil. Разведка., стр. 5, 128-9.* "Классифицированные по диалектам, пуэбло Нью-Мексико в период прибытия испанцев говорили на четырех отдельных языках, называемых тега, пиро, керес и тагнос". "В настоящее время пуэбло говорят на пяти различных диалектах". Ни один пуэбло не может "понимать другого, говорящего на другом диалекте". "Из этого не следует, что группы по диалектам соответствуют их географическому распределению; ибо часто те, кто находится дальше всего друг от друга, говорят на одном и том же, а те, кто находится ближе всего, - на разных языках". *Расстояние в две тысячи миль от Мелина, с. 203-4; Пер., в сборнике Скулкрафта, т. v., стр. 689.* "Индейцы пуэбло Таоса, Пекуриса и Акомы говорят на языке, диалектом которого пользуются жители Рио-Абахо, включая пуэбло Сан-Фелипе, Сандиа, Ислета и Шемес". *Совет Ракстона. Мексика., стр. 194.* "Среди них говорят всего на трех или четырех разных языках, и они, действительно, могут быть отдаленно родственны друг другу". "Те, что дальше к западу, возможно, родственны навахо". *Ком Грегга. Прерию, том i, стр. 269.* "В древние времена несколько пуэбло образовали четыре отдельные нации, называемые *пиро, тега, керес и тагнос* или *танос*, говорящие на множестве различных диалектов или языков". *Дэвис "Эль Гринго", стр. 116; см. Также стр. 155-6, о классификации по Крузате. - Тот самый Джемез ... говорят точно на том же языке, что и пекос". "Пустыни Доменека", том i, стр. 198; Тернер, в Pac. R. R. Rept., том iii., стр. 90, и далее. - Девятнадцать пуэбло говорят на пяти разных диалектах. Они настолько различны, что к испанскому языку "приходится прибегать как к обычному средству*

общения". *Ward*, в *Ind. Aff. Rept.*, 1864, стр. 191; *Buschmann, Spr. N. Mex. u. der Westseite des b. Nordamer.*, стр. 280 и далее.

[VI'-2] *Turner*, в *Pac. R. R. Rept.*, vol. iii., p. 90; *Buschmann, Spr. N. Mex. u. der Westseite des b. Nordamer.*, p. 302.

[VI'-3] Слова на тасук "односложны и предполагают связь с азиатскими корнями, в которых эта особенность заметна". *Свод Скулкрафта.*, том iii., стр. 406. "Все эти языки чрезвычайно гортанные и на мой слух казались настолько похожими, что я предполагаю, что они произошли от одной и той же родительской ветви". *Лейн*, в *Id.*, т. v., стр. 689; *Тернер*, в *Pac. R. R. Rept.*, т. iii., стр. 93 и далее.; *Бушманн, Нью-Мексико. и брит. Н. Амер.*, стр. 280 и далее.

[VI'-4] 'Die Queres-Sprache ist trotz einiger Anklänge an andere eine ganz besondere Sprache, von der keine Verwandtschaft aufzufinden.' *Buschmann, Spr. N. Mex. u. der Westseite des b. Nordamer.*, p. 303. 'Die Fremdheit der Tezuque-Sprache gegen alles Bekannte ist durch das Wortverzeichniss genugsam erwiesen.' 'Ich unterlasse es spielende aztekische oder Sonorische Aehnlichkeiten zu bezeichnen, da auch die Zuñi-Sprache diesen Idiomen ganz fremd ist.' *Id.*, pp. 296-7. Танос, "одна из деревень моки, в настоящее время говорит на языке тегуа, на котором также говорят несколько индейцев пуэбло Новой Мексики, что почти не оставляет сомнений в общем происхождении всех деревенских индейцев этой страны и Старой Мексики". *Арну*, в *Ind. Aff. Rept.*, 1871, стр. 381. "Эти индейцы утверждают, и обычно предполагается, что они произошли от древней расы ацтеков, но тот факт, что они говорили на трех или четырех разных языках, ставит этот пункт под сомнение". *Merriwether*, в *Id.*, 1854, стр. 174. "Слова в языке зуни очень похожи на английские". *Хатчингс Кэл. Журнал*, том ii., стр. 348; *Ком. Грегга. Прерию*, том i., стр. 285.

[VI'-5] Кокомарикопы, Юма, Джалчедун и Джамаджаб говорят на одном языке. *Гарсес, Дневник, в документе. История Мексики.*, серия ii., том i., стр. 350; *Куно, Relacion, в документе, серия iv., том i., стр. 292-3.* 'Opas, que hablan la lengua de los Yumas y Cocomaricopas ... Corre la gentilidad de éstos y de su misma lengua por los rios Azul, Verde, Salado y otros que entran el Colorado.' *Arricivita, Crónica Seráfica*, p. 416. 'La lengua de todas estas naciones es una, Cocomaricopas, Yuma, Nijora, Quicamora.' *Sedelmair, Relacion, in Doc. История Мексики.*, серия iii., том iv., стр. 852. Кучаны, или юма, "говорят на том же диалекте", что и марикопы. *Представитель Эмори в США и Мексике. Пограничная съёмка*, стр. 107; *Тернер, в документе R. R. Rept.*, т. iii., стр. 101-3; *Мелльхаузен, Райзен в "Фельзенгебе".*, том i., стр. 433. Юмас - нет, сир нации других целей, помимо их-де-ла-Сосомарисора до Усан Эл месмо идиома. ' *Вилла-сеньор г Санчес, театр*, том. II в., стр. 408; *Галлатин, в Эмори Reconnaissance*, стр. 129; *Сремону по Апачей*, стр. 90. - Пимо и Кокомарикопы ... говорят на разных языках. *Закон Камтса о Калифорнии*, стр. 189. Cosninos and Tontos, 'leur langue aurait plus d'affinité avec celle des Mohaves et des Cuchans du Colorado.' 'Les Yumas, auxquels se joignent lesCocopas, les Mohaves, les Hawalcoes, et les Dieguenos. Chacune de ces tribus a une langue particulière, mais qui, jusqu'à un certain point, se rapproche de celles des tribus du même groupe.' *Brasseur de Bourbourg, Esquisses*, pp. 28-9. 'Gewiss ist, dass die Cocomaricópas und Yumas nur Dialecte einer und derselben Sprache reden.' *Mühlenpfordt, Mejico*, том. i., p 211. - Говорят марикопы ... диалект языков кокапа, юма, мохаве и диегана". *Моури, в инд. Афф. репт.*, 1859, стр. 361; *Id.*, 1857, стр. 302. Папагос, Пимос и Марикопас. "Эти племена говорят на общем языке, который считается древним языком ацтеков". *Дэвидсон, в Ид.*, 1865, стр. 131. Пима и Марикопы. "Их языки совершенно разные, настолько, что я смог различать их, когда на них

говорили". *Бартлеттовский пер. Нар.*, том ii., стр. 262. 'Los opas, cocomaricopas, hudcoadan, yumas, cuhuanas, quiquimas, y otros mas allá del rio Colorado, se pueden tambien llamar pimas y contar por otras tantas tribus de esta nacion; pues la lengua de que usan es una misma con sola la diferencia del dialecto.' *Sonora, Descrip. Георг.*, в документе. *Hist. Mex.*, série iii., p. 554; *Sonora, Rudo Ensayo*, p. 103. -Юма. Dialecto del Pima, lo tienen los Yumas, ó chirumas, gileños ó xileños, opas, cocopas, cocomaricopas, hudcoadanes, jamajabs ó cuesninas, ó cuismer ó cosninas ó culisninas ó culisnurs y los quicamopas. Кахуенче. Dialecto del pima, pertenecen á esta seccion los cucapá ó cuhanas, jallicuamai, cajuenches, quiquimas ó quihuimas, yuanes, cutganes, alchedomas, bagiopas, cuñai y quemeyá. *Orozco y Berra, Geografía*, pp. 353, 37; *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 264 и далее. 'Die Yumas, deren Sprache von der Cocomericoopas ... wenig verschieden ist.' 'Cocomericoopas, Yumas, Pimas ... haben jede ihre besondere Sprache.' *Pfefferkorn, in Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., p. 159. "Похожие во всех других отношениях индейцы пима и кокомарикипа различаются по языку". *Сост. Фил.*, т. viii., с. 421.

[VI'-6] 'Suave al parecer, y mas fácil que no la pima, pues tiene la suave vocal el la que falta á los pimas, repitiendo ellos la u hablan su idioma cantando.' *Sedelmair, Relacion*, in *Doc. История Мексики.*, серия iii., том iv., стр. 852. "Мягкий и мелодичный". *Перс. нар. Бартлетта*, том ii., стр. 262; *Тернер, в Рас. R. R. Rept.*, том iii., стр. 101.

[VI'-7] *Мофрас, Исследование.*, том ii., стр. 395.

[VI'-8] *Тернер, в книге Р. Р. Репт.*, том iii., стр. 95 и далее; *Свод Скулкрафта.*, том ii., стр. 118 и далее.

[VI'-9] *Уиппл, Юбанк и Тернер, в Рас. R. R. Rept.*, том iii., стр. 14.

[VI'-10] "Национальное движение "Шевет" ... de muy distinto idioma de los que tienen las demas Naciones.' *Arricivita, Crónica Seráfica*, p. 472.

[VI'-11] 'La lengua de los cajuenches es muy distinta de la yuma.' Jalliquamais 'aunque parece el mismo idioma que el de los cajuenches, se diferenciá mucho.' *Garcés, Diario*, in *Doc. История Мексики.*, серия ii., том i., стр. 247, 251.

[VI'-12] "Кукапа, таллигуамай и кахуенччи говорят на одном языке; у юма, талчедумов и тамаджабов другой". *Кортес, История. Народы апачей*, в журнале "Пак. Р. Р. Репт.", том iii., стр. 124.

[VI'-13] *Id.*, стр. 125.

[VI'-14] 'Nun dann fünf andere ganz verschiedene, und in dem bisher entdeckten Californien übliche Sprachen (welche seynd die Laymóna, in der Gegend der Mission von Loreto, die Cotschimi, in der Mission des heil. Xaverii und anderen gegen Norden, die Utschiti, und die Pericúa in Suden, und die annoch unbekannte welche die Völker reden, so P. Linck auf seiner Reis hat angetroffen) nebst einer Menge Absprossen oder Dialekten, auf Seit gesetzt, und von der Waicurischen allein etwas anzumerken.' *Baegert, Nachr. von Cal.*, pp. 176-7. 'Tres son (dice el Padre Taravà) las Lenguas: la Cochimi, la Pericù y la de Loreto. De esta ultima salen dos ramos, y son: la Guaycùra, y la Uchiti; verdad es, que es la variacion tanta, que ... juzgarà, no solo que hay quatro Lenguas, sino que hay cinco.' *Venegas, Noticia de la Cal.*, tom. i., pp. 63-7. *Перикуи, Гуайкури, Кочими.* 'Ognuna di queste tre Nazioni aveva il suo linguaggio proprio.' *Clavigero, Storia della Cal.*, tom. i., p. 109. 'Vehitls, Coras,

Pericos, Guaicuras, Cantils, Cayeyus, y otros muchos.' 'Los de la baja peninzula ... hablan distintos idiomas pero todos se entienden.' *Revillagigedo, Carta*, MS., p. 7. Edues, Cochimies, et Periuches. 'Ces trois tribus parlent neuf dialectes différents, dérivés de trois langues-matrices.' *Pauw, Rech. Phil.*, том i., стр. 168. 'Les unes parlant la Langue *Monqui* ... les autres la Langue *Laimone*.' *Piccolo, Mémoire*, in *Recueil de Voyages au Nord*, том. iii., p. 279. 'Dreyerley Sprachen in Californien,' 'die de los Picos, dann die de los Waïcuros ... und endlich die de los Laymónes.' *Ducrue*, in *Murr, Nachrichten*, p. 392. 'Die Pericu; die Waicura mit den Dialecten Cora, Uchidie und Aripe; die Laymon; die Cochima mit 4 verschiedenen Dialecten, worunter der von S. Francesco und Borgia; die Utschita; die Ika.' *Hassel, Mex. Guat.*, p. 57. 'Die Perícues, dann die Monquis oder Menguis, zu welchen die Familien der Guaycúras und Coras gehören, die Cochímas oder Colímiës, die Laimónes, die Utschitas oder Vehítis, und die Icas.' *Mühlenpfordt, Mejico*, том. i., p. 212. См. также том ii., часть ii., стр. 443-4; *Тейлор*, в книге *Брауна L. Cal.*, стр. 53-4. "Языки кочими, перику и лоретто; первый такой же, как лаймонский, поскольку лаймоны - это северные кочими; в лоретто есть два диалекта, гуайкуру и учити". *Нац. Причард. История. Человек*, том ii., стр. 553. "Языками старой Калифорнии были: 1. вайкур, на котором говорили на нескольких диалектах; 2. утшити; 3. лаймон; 4. кочими на Севере и перику на южной оконечности полуострова; 5. Вероятно, новая форма речи, используемая некоторыми племенами, которые посетил Линк". *Комп. Латама. Фил.*, вып. viii., стр. 423. Моррелл упоминает три языка: перикусский, менки и кочими. *Нар.*, стр. 198. Forbes, цитируя отца Таравала, также упоминает три языка: перикуес, монки и кочимис. *Cal.*, p. 21. 'Solo habia dos idiomas distintos; el uno todo lo que comprehende la parte del Mediodía, y llamaban *Ado*; y el otro todo lo que abraza el Departamento del Norte y llamaban *Cochimi*.' *Californias, Noticias*, carta i., p. 99; *Vater, Mithridates*, том. iii., pt iii., p. 182, et seq.; *Baegert*, in *Smithsonian Rept.*, 1864, p. 393. Ороско-и-Берра также принимает три, называя их перику; Гуайкура с диалектами кора, кончос, учита и арипа; и кочими с диалектами эду, диду и Северными кочими. *Geografía*, pp. 365-7; *Pimentel, Cuadro*, том. ii., p. 207, et seq.; *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 469 и далее.

[VI'-15] 'La lingua Cochimi, la quale è la più distesa, è molto difficile, è piena d'aspirazioni, ed ha alcune maniere di pronunziare, che non è possibile di darle ad intendere.... La lingua Pericù è oggimai estinta.... La branca degli Uchiti, e quasi tutta quella de' Cori si sono estinte.' *Clavigero, Storia della Cal.*, том. i., pp. 110, 109. Edues and Didius, 'sus palabras no eran de muy difícil pronunciacion, pero carecian enteramente de la f y s.' *Alegre, Hist. Cosm. Иуцуса*, том iii, стр. 46-7. 'Die Aussprache ist meistentheils gutturalis und narium.' *Ducrue*, in *Murr, Nachrichten*, p. 392. Вайкури. 'Kann man von derselben sagen, dass sie im höchsten Grad wild sey und barbarisch ... so bestehet derselben Barbarey in folgendem, und zwar—1. In einem erbärmlichen und erstaunlichen Mangel unendlich vieler Wörter ... in dem Mangel und Abgang der Präpositionen, Conjunctionen, und Relativorum, das déve, oder tipitscheû, so wegen, und das tina, welches auf heisset ausgenommen.... Im Abgang des Comparativi und Superlativi, und der Wörter mehr und weniger, item, aller Adverbiorum, so wohl deren, welche von Adjectivis herkommen, als auch schier aller anderen.... Im Abgang des Modi Conjunctivi, mandativi und schier gar des optativi. Item, des verbi Passivi, oder an statt dessen, des verbi Reciproci, dessen sich die Spanier und Franzosen bedienen. Item, in Abgang der Declinationen, und zugleich der Artiklen der, die, das, etc.' *Baegert, Nachr. von Cal.*, pp. 177-83. См. также, *Smithsonian Rept.*, 1864, стр. 394-5.

[VI'-16] *Берепт, нач. von Cal.*, стр. 175-94; *Id.*, в *Smithsonian Rept.*, 1864, стр. 394-393; также в *Pimentel, Cuadro*, том ii., стр. 207-14; *Soc. Mex. Geog., Boletin*, 2da época, том. iv., pp. 31-40; *Vater, Mithridates*, том. iii., pt iii., pp. 188-92; *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 484-95.

[VI'-17] *Hervás, Saggio Pratico*, p. 125; *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 496-7; *Vater, Mithridat*, том iii., pt iii., стр. 193-4; *Пиментель, Куадро*, том ii., стр. 222; *Мофрас, Исследование.*, том ii., стр. 395-6; *Клавиджеро, История Калифорнии.*, том i., стр. 265.

[VI'-18] *Clavigero, Storia della Cal.*, том. i., pp. 264-5; *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 497; *Эрвас, Саджио Пратико*, стр. 125; *Vater, Mithridat*, том iii., pt iii., стр. 192-4; *Мофрас, Исследование.*, том ii., стр. 395-6; *Пиментель, Куадро*, том ii., стр. 221-2.

[VI'-19] *Ducruet, in Murr, Nachrichten*, pp. 394-7.

[VI'-20] 'Hay otra idioma llamado Cora en California, que es un dialecto del Guaicura ó Vaicura, diferente al que se habla en Jalisco.' *Pimentel, in Soc. Mex. Geog., Boletín*, том. viii., стр. 603.

[VI'-21] "Все индейские племена полуострова, по-видимому, связаны с юмами в Колорадо и с корасами ниже Ла-Паса". *Тейлор, в книге Брауна L. Cal.*, стр. 53.

[VI'-22] 'Beide Sprachen, die californische und die Südamerikanische Guaycura oder Guaycuru (Mbaya) von einander gänzlich verschieden sind.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 494.

[VII'-1] 'Estos se parten en altos y bajos ... hasta los rios Xila y Colorado, aunque de otra banda de este hay muchos que hablan todavia el mismo idioma.' *Alegre, Hist. Cosm. Nucya*, том ii, стр. 216. 'Los *pimas bajos* usan del mismo idioma con los *altos*, y estos con todas las demas parcialidades de indios que habitan los arenales y páramos de los pápagos, los amenos valles de *Sobaipuris*, las vegas de los rios *Xila* (á escepcion de los apaches) y *Colorado*, y aun el lado opuesto del último gran número de gentes, que á dicho del Padre Kino y Sedelmayr, no diferencian sino en el dialecto,' *Sonora, Descrip. Geogr.*, в документе. *Hist. Mex.*, série iii., том. iv., pp. 534-5. 'Los opas, cocomaricopas, hudcoadan, yumas, cuhuanas, quiquimas, y otras mas allá del rio Colorado se pueden tambien llamar pimas y contar por otras tantas tribus de estar nacion; pues la lengua de que usan es una misma con sola la diferencia del dialecto.' *Id.*, p. 554. *Sonora, Estado de la Provincia*, in *Id.*, pp. 618-19; *Sonora, Papeles*, in *Id.*, p. 772. 'Sobaypuris, y hablan en el idioma de los Pimas, aunque con alguna diferencia en la pronunciacion.' *Villa-Señor y Sanchez, Teatro*, том. ii., p. 396; *Ribas, Hist. de los Triumphos*, p. 369. 'El idioma es igual, y con respecto al de los pimas se diferencian en muy determinadas palabras.' *Velasco, Noticias de Sonora*, p. 161; *Zapata, Relacion*, in *Doc. Historia Mexicana.*, серия iv., том iii., стр. 301, и далее. 'Las naciones Pima, Soba y sobaipuris ... es una misma y general el idioma que todos hablan, con poca diferencia de tal cual verbo y nombre' 'papabotas ... de la misma lengua. "Кино, Связь, в изд., том i, стр. 292-3. Pimas 'usan todos una misma lengua, pero especialmente al Norte que en todo se aventaja á los demas, mas abundente y con mas primores que al Poniente y Pimería baja; todos no obstante se entienden.' *Velarde*, in *Id.*, том. i., p. 366. 'El pima se divide en varios dialectos, de los cuales ... эль текорипа и эль сабагуи". *Пиментель, Куадро*, том ii, стр. 94. Ороско и Берра приводят диалекты пима, папаго, собайпури, юма и кахуэнче. *Geografía*, pp. 58-9, 35-40, 345-53. *Papàgos* 'die mit den Pimas dieselbe Sprache reden.' *Pfefferkorn*, in *Vater, Mithridates*, том. iii., pt iii., p. 159. 'Die Sprache der *Sovaipure*, als verwandt mit der Pima.' *Id.*, p. 161. 'Aux Yumas ... se rattachent aussi, quant à la langue ... les *Cocomaricopas* et les tribus nombreuses qui, sous le nom de *Pimos*, s'étendent ... de la même souche paraissent venir aussi les *Papayes* ... mais dont la langue s'éloigne davantage de celle des Yumas.' *Brasseur de Bourbourg, Esquisses*, p. 30.

[VII'-2] 'Esta lengua distingue par flexion el singular del plural de los nombres sustantivos; coloca de las preposiciones despues de sus regímenes y las conjunciones al fin de las preposiciones: la sintáxis

es muy complicada y del todo distinta de la de las lenguas Europeas.' *Balbi*, in *Orozco y Berra, Geografía*, p. 352; *Bartlett's Pers. Nar.*, vol. ii., p. 262.

[VII'-3] 'Sie ist unfraglich und deutlich ein Glied des sonorisches Sprachstammes; aber wieder sehr eigenthümliches, selbständiges und wichtiges Idiom.' *Buschmann, Pima-Sprache*, p. 352. Семья, Дом.... Язык, пима.... Диалекты: Опата, Хеве, Невоме, Папагос и т. Д." *История. Журнал.*, том v., стр. 236. "Эти племена говорят на общем языке, который считается древним языком ацтеков". Дэвидсон, в *Ind. Aff. Rept.*, 1865, стр. 131; *Паркер*, в *Id.*, 1869, стр. 19.

[VII'-4] *Произведение искусства Новой истории, как играть в кости Пима; Пиментель, Куадро*, том ii, стр. 93-118; *Ватер, Митридат*, том iii, часть iii, стр. 166-9; *Коултер*, в *Лондоне. Геог. соц., журнал.*, том xi., стр. 248-50; *Парри*, в *сборнике Скулкрафта.*, том iii., стр. 461-2; *История. Журнал.*, том v., стр. 202-3; *Бушманн, Пима-Спрахе*, стр. 357-69; *Мофрас, Исследование.*, том ii., стр. 401.

[VII'-5] *Pfefferkorn*, in *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., pp. 164-5; *Pimentel, Cuadro*, tom. ii., pp. 113-15; *Doctrina Christiana*, in *Arte de la Lengua Névome*, p. 3.; *Buschmann, Pima-Sprache*, p. 353; *Col. Polidíomica Mex., Oracion Dominical*, pp. 34-5.

[VII'-6] 'Á la Opata se pueden reducir los *Edues* y *Jovas*; aquellos, por diferenciar tan poco su lengua de la ópata, como la portuguesa de la castellana, ó la provenzal de la francesa.' 'La nacion Opata y Eudeve, que con muy poco diferencian en su idioma.' *Sonora, Descrip. Георг.*, в *документе. История Мексики.*, серия iii., том iv., стр. 534, 494. 'A las opatas se reducen los tovas y eudeves, poco diferentes en el idioma.' *Alegre, Hist. Cосм. Иусуса*, том ii, стр. 216.

[VII'-7] 'É vero, che fra alcune di queste lingue si scorge una tale affinità, che da tosto a divedere, che esse son nate da una medesima madre, sicome l'*Eudeve*, l'*Opata*, e la *Tarahumara* nell'America settentrionale.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. iv., p. 21; *Hervás, Catálogo*, tom. i., p. 333; *Salmeron, Relaciones*, in *Doc. Hist. Mex.*, série iii., tom. iv., p. 68. 'Auch von den, nachher anzuführenden Opata und Eudeve sieht man aus Pfefferkorn, dass sie von eben denselben Missionären bedient wurden, wie die Pima: gleichwohl sind die Sprachen derselben, so weit sich aus den V. U. schliessen lässt, sehr verschieden.' *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., p. 161. Eudeve 'Ihre Verwandtschaft mit dem sonorisches Sprachstamme, als eines ächten Gliedes, mit erfreulicher Bestimmtheit beweisen.' 'Man kan sie (Opata) mit Ruhe und ohne viele Einschränkung als ein Glied in den sonorisches Sprachstamm einreihen.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, pp. 227, 235; *Orozco y Berra, Geografía*, pp. 343-5.

[VII'-8] 'El idioma de los ópatas es muy arrogante ó elocuente en su espresion, fácil de aprender, y tiene muchas voces del castellano.' *Velasco, Noticias de Sonora*, p. 154.

[VII'-9] *ГраммСмута. Heve Lang.*; *Hervás*, in *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., pp. 165-6; *Pimentel, Cuadro*, tom. ii., pp. 154-67; *Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 222-9.

[VII'-10] *Lombardo*, in *Pimentel, Cuadro*, tom. i., pp. 407-445; *Hervás*, in *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., p. 166; *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 229-236; *Пиментель*, в *мексиканском собр. соч. Геог., Болетин*, том x., стр. 288-313; *Кол. Polidíomica Mex., Oracion Dominical*, p. 11.

[VII'-11] 'Posee un idioma gutural muy difícil de aprender.' *Velasco, Noticias de Sonora*, p. 131. 'Los guaimas ... de la misma lengua.' *Alegre, Hist. Cосм. Иусуса*, том ii, стр. 216. 'Poco es la distincion

que hay entre seri y upanguaima, ... y unos y otros casi hablan un mismo idioma.' *Gallardo*, in *Doc. История Мексики.*, серия iii., стр. 889; *Сонора, Описание. Геогр.*, в *Изд.*, стр. 535.

[VII'-12] 'Por su idioma ... se aparta completamente de la filiacion de las naciones que la rodean.' *Orozco y Berra, Geografía*, pp. 42, 353-4. - Их язык гортанный и сильно отличается от любого другого idioma в Соноре. Говорят, что однажды некоторые из этих индейцев проходили мимо магазина в Гуаймаса, где разговаривали несколько валлийских моряков, и, услышав разговор на валлийском языке, остановились, прислушались и, казалось, очень заинтересовались; заявив, что эти белые люди были их братьями, потому что у них был такой же язык, как у них самих". *Стоун*, в *Истории. Журнал.*, т. v., стр. 166; *Лавандера*, цитируется *Рамиресом*, в *Soc. Mex. Геог.*, *Болетин*, том ii, стр. 148, и *Рамирес*, в *Id.*, стр. 149.

[VIII'-1] Мокорито, Петатлан и Окорони - это "разновидности языка". *Рибас, Hist. de los Triumphos*, p. 34. Ahome are 'gente de diferente lengua llamada Zoe.' Zoes 'son de la misma lengua con los Guaçaues.' *Id.*, p. 145. 'Comoporis los quales aunque eran de la misma lengua de los mansos Ahomes.' *Id.*, p. 153. "Huites de diferente lengua" из Чиналоа. *Id.*, стр. 207. Zuaques and Tehuecos 'ser todos de una misma lengua.' Batuca 'de una lengua no difícil, y parecida mucho á la de Ocoroiri.' *Alegre, Hist. Cosm. Иусуса*, том ii, стр. 10, 186. 'La lengua es ore.' 'Varogia y segun se ha reconocido es lo mismo que la taura, aunque varia algo principalmente en la gramática.' 'La lengua es particular macoyahui con que son tres las lenguas de este partido.' In San Andres de Conicari 'la lengua es particular y distinta de la de los demas pueblos si bien todos los demas de ellos entienden la lengua tepave, y aun la caita aunque no la hablan.' 'La lengua es particular que llaman troes.' 'La gente en su idioma es guazave.' 'La lengua es distinta y particular que llaman nio.' 'Conversan entre sí distintas las lenguas de cahimetos y ohueras.' 'Lenguas que hablan entre sí y son chicurata y basopa.' San Miguel de Mocorito 'de cuatro parcialidades y distintas lenguas.' *Zapata, Relacion*, in *Doc. История. Мексика.*, серия iv., том iii., стр. 363-409. 'Los misioneros ... colocaban en las misiones de la lengua cahita á los sinaloas, hichucios, zuaques, biaras, matapanes y tehuecos.' 'El ahome y el comopori son dialectos muy diversos ó lenguas hermanas del guazave.' *Orozco y Berra, Geografía*, p. 35; *Vater, Mithridates*, том. iii., pt iii., pp. 154-7; *Hassel, Mex. Грам.*, стр. 175.

[VIII'-2] 'La nacion Hiaqui y por consecuencia la Mayo y del Fuerte, ... que en la sustancia son una misma y de una propia lengua.' *Cancio*, in *Doc. История Мексики.*, серия iv., том ii., стр. 246. Mayo and Yaqui: 'Su idioma por consiguiente es el mismo, con la diferencia de unas cuantas voces.' *Velasco, Noticias de Sonora*, p. 82. Mayo 'su lengua es la misma que corre en los rios de Çuaque y Hiaqui.' Yaqui 'que es la mas general de Cinaloa.' *Ribas, Hist. de los Triumphos*, pp. 237, 287; *Laet, Novus Orbis*, p. 286. 'La lengua cahita es dividida en tres dialectos principales, el mayo, yaqui y tehueco; ademas hay otros secundarios.' *Пиментель, Куадро*, том i., стр. 485. 'Tres dialectos principales, el zuaque, la maya y el yaqui.' *Balbi*, in *Orozco y Berra, Geografía*, p. 35; *Brasseur de Bourbourg, Esquisses*, p. 31.

[VIII'-3] 'Su idioma es muy franco, nada difícil de aprenderse, y susceptible de reducirse á las reglas gramaticales de cualquiera nacion civilizada.' *Velasco, Noticias de Sonora*, p. 75.

[VIII'-4] 'En hablar alto, y con brio singulares, y grandemente arrogantes.' 'No vès que soy Hiaqui: y dezianlo, porque essa palabra, y nombre, significa, el que habla a gritos.' *Ribas, Hist. de los Triumphos*, p. 285.

[VIII'-5] *Pimentel, Cuadro*, tom. i., pp. 456-91, *Hervás*, in *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., pp. 157-8; *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, pp. 211-18; *Ternaux-Compans*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1841, tom. xcii., стр. 260-87; *Кол. Polidiómica Mex., Oracion Dominical*, p. 49.

[VIII'-6] 'Varogia y segun se ha reconocido es lo mismo que la taura aunque varia algo principalmente en la gramática.' *Guazapare* 'la lengua es la misma aunque ya mas parecida á la de los tараумares.' *Zapata, Relacion*, in *Doc. История Мексики.*, серия iv., том iii., стр. 388, 390, 334 и далее.; *Штеффель*, в *Murr, Nachrichten*, стр. 296-300; *Рубас*, *История. de los Triumphos*, p. 592; *Pimentel, Cuadro*, tom. i., p. 363; *Orozco y Berra, Geografía*, p. 34.

[VIII'-7] *Теллехея*, *Сборник статей. del Idioma Tarahumar*, pp. 2-3.

[VIII'-8] *Теллехея*, *Сборник статей. идиома Тараумара*; также в мексиканском языке. *Geog., Boletin*, tom. iv., pp. 145-68, and in *Pimentel, Cuadro*, tom. i., pp. 366-400; *Steffel, Tarahumarisches Wörterbuch*, in *Murr, Nachrichten*, pp. 296-374; *Ternaux-Compans*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1841, tom. xcii., стр. 260-287; *Ватер, Митридат*, том iii., пт iii., стр. 144-54; *Кол. Polidiómica Mex., Oracion Dominical*, pp. 40-43.

[VIII'-9] "Не имеют сходства с мексиканцами". *Галлатин*, в *амер. Этно. Соч., Transact.*, том i, стр. 4. "Этот (тараумара) язык не имеет в своих словах никакого сходства с мексиканским; и люди, говорящие на нем, придерживаются десятичной арифметики". *Id.*, стр. 203. 'Ihre Aehnlichkeit mit dem Mexikanischen ... ist doch gross genug.' *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., p. 143; *Wilhelm von Humboldt*, in *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 46-50.

[VIII'-10] *Wilhelm von Humboldt*, in *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 50.

[VIII'-11] *Алегри*, *Ист. Comp. de Jesus*, tom. ii., p. 58; *Orozco y Berra, Geografía*, pp. 324-5; *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 172.

[VIII'-12] *Villa-Señor y Sanchez, Teatro*, tom. ii., p. 348; *Pascual*, in *Hist. Doc. Mex.*, série iv., tom. iii., p. 201; *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, p. 172; *Orozco y Berra, Geografía*, pp. 308-9.

[VIII'-13] *Orozco y Berra, Geografía*, pp. 309, 327; *Col. Polidiómica Mex., Oracion Dominical*, p. 36.

[VIII'-14] *Orozco y Berra, Geografía*, p. 309.

[VIII'-15] *Пиментель*, *Куадро*, том ii., стр. 409-413.

[VIII'-16] 'Tienen estos indios dos lenguas totalmente distintas: la una, y que mas corre entre ellos, y demas gente, es de las que yo tengo en este partido, con que les hablo, y me entienden ... la otra es totalmente distinta.' *Hervás, Catálogo*, tom. i., p. 320. *Рубас*, *Ист. de los Triumphos*, p. 118; *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., p. 139. 'Zwar voll von Fremdheit und sehr für sich dasteht, aber doch als ein wirkliches sonorisches Glied, bei bestimmten Gemeinschaften mit den anderen und als vorzugsweise reich an aztekischen Stoff ausgestattet.... Ihre Ähnlichkeiten neigen abwechselnd gegen die *Cora*, *Tarahumara*, und *Cahita*, besonders gegen die beiden letzten, auch *Hiaqui*; der *Tepeguana* bleibt sie mehr fremd.' *Buschmann, Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 164, 170-1.

[VIII'-17] *Кол. Polidiómica Mex., Oracion Dominical*, p. 47.

[VIII'-18] *Рубас*, *История. de los Triumphos*, p. 673; *Alegre, Hist. Сост. Иисуса*, том i, стр. 319; *Мексиканский музей*, том iii, стр. 269; *Сапата, Relacion*, в документе. *Hist. Mex.*, série iv., том.

iii., pp. 310-315; Orozco y Berra, *Geografía*, pp. 34, 320; Vater, *Mithridates*, tom. iii., pt iii., p. 138; Pimentel, *Cuadro*, tom. ii., p. 43; Buschmann, *Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 162; Эрвас, *Каталого*, том i., стр. 327.

[VIII'-19] 'La pronunciacion es muy gutural y basta el mas ligero cambio en ella para que cambien de sentido las palabras.' Rinaldini, *Gramatica*, in Pimentel, *Cuadro*, tom. ii., p. 46; Buschmann, *Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 36.

[VIII'-20] Пиментель, *Куадро*, том ii., стр. 46-68.

[VIII'-21] Sabaibos 'eran de la misma lengua y Nacion Acaxee.' Ribas, *Hist. de los Trivmфos*, стр. 471, 491. Sabaibos 'distinta nacion, aunque del mismo idioma'—Acaxee. Алегри, *Привет. Comp. de Jesus*, tom. i., p. 422. 'Humes, nacion distinta de los xiximes aunque tienen una misma lengua.' Alonso del Valle, in *Doc. Hist. Mex.*, série iv., tom. iii., p. 96. 'Me parece que tienen afinidad las lenguas *topia*, *acajee* y *tepehuana*, las quales, como tambien la de Parras, son dialectos de la *Zacateca*.' Hervás, *Catálogo*, tom. i., p. 327. 'Im Norden von Tepehuana enthält die gebirgige Provinz Topia um den 25° N. Br. ausser der lingua *Topia* und der damit verwandten *Acaxee*, noch im Norden der letzteren die *Xixime*, *Sicuraba*, *Hina* und *Iluime* als Sprachen ebenso vieler verschiedener in der Nähe der Topia und Acaxee wohnenden Völkerschaften.' Vater, *Mithridates*, tom. iii., pt iii., pp. 138-9. Кастанеда упоминает в этих регионах языки тахус, пакасас и акаксас в *Ternaux-Comrans, Voy.*, serie i., том ix., стр. 150-3; Сапата, *Relacion*, в документе. *Hist. Mex.*, série iv., tom. iii., pp. 415-17; Orozco y Berra, *Geografía*, pp. 12-13, 319-20; Buschmann, *Spuren der Aztek. Spr.*, стр. 173-4.

[VIII'-22] 'Indios cascanes que son los Zacatecas.' 'Xuchipila que entendian la lengua de los Zacatecos.' Padilla, *Conq. N. Galicia*, MS., p. 234; Bernardez, *Descrip. Zacatecas*, p. 23. 'Cazcanes, qui ad fines *Zacatecarum* degunt, lingua moribusque á caeteris diversi: *Guachachiles* itidem idiomate diferentes; Denique *Guamaræ*, quorum idioma supra modum concisum, difficilime addiscitur.' Laet, *Novus Orbis*, p. 281. 'La lengua mexicana que es la generica de toda la Provincia.' Arlegui, *Chrón. Zacatecas*, p. 52. 'Sobre el Cascon ó Zacateco, no creo que hubiera sido ni aun dialecto del mexicano, sino que era el mismo mexicano hablado por unos rústicos que estropeaban las palabras y que les daban distinto acento.' Huacbachiles, Tejuejue and Tlajomolteco 'Sobre estos idiomas, ó si les considera dialectos, juzgo que no existieron.' Romero Gil, in *Soc. Mex. Geog., Болетин*, том. viii., с. 499; Рибас, *История. de los Triumphos*, стр. 676; Хассель, *Мексика. Гуат.*, стр. 159.

[VIII'-23] Orozco y Berra, *Geografía*, p. 61.

[VIII'-24] *Apostólicos Afanes*, cap. vii., p. 56. 'Dentro de Reyno de la Galicia quedaron algunos otras Naciones como son los Cocas, Tequexes, Choras, Tecualmes y Nayaritas, y otras que despues de pacíficada la tierra han dejado de hablarse por que ya reducidos los de la lengua Azteca, que era la major nacion se han mixturado de suerte que ya todos las mas hablan solo una lengua en toda la Galicia excepta en la Provincia del Nayarit.' Padilla, *Conq. N. Galicia*, MS., p. 8. 'La lengua Cora, que es la del Nayar.' Arricivita, *Crónica Seráfica*, p. 89; Orozco y Berra, *Geografía*, pp. 39, 281-2; Vater, *Mithridates*, tom. iii., pt iii., pp. 131-2.

[VIII'-25] 'La lengua mas comun del pais es la *chota* aunque muy interpolada y confundida hoy con la Mexicana.' Alegre, *Hist. Cост. Иусуса*, том iii, стр. 197. 'Muchos vocablos de la lengua mexicana, y algunos de la castellana, los han corisado haciéndolos propios de su idioma tan antiguamente; que ya hoy en dia corren, y se tienen por Coras.' Ortega, in *Soc. Mex. Geog., Болетин*, том. viii., стр. 563. 'No carezco totalmente de datos para creer que los indios nayaes son pimas, ó al menos

descendientes de ellos.' *Orozco y Berra, Geografía*, p. 39. 'Es idioma hermano del azteca, tal vez fundado en algunas palabras que tienen la forma ó las raíces del mexicano; nosotros creemos que estas semejanzas no provienen de comunidad de origen de las dos lenguas, sino de las relaciones que esas tribus mantuvieron por espacio de mucho tiempo.' *Id.*, p. 282. 'La core offrent très-peu d'affinité avec les autres langues américaines.' *Malte-Brun, Précis de la Géog.*, tom. vi., p. 449. 'Die Cora ... bewährt ihre Verwandtschaft vornehmlich durch die unverkennbare Gleichheit einer nur diesen beiden Sprachen gemeinschaftlichen Formations-Weise des Verbum in seinen Personen und die Bezeichnung ihrer Beziehung auf ein leidendes Object, wie die Vergleichung des grammatischen Charakters beyder Sprachen deutlich zeigen wird.' *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., pp. 87, 89. 'Für verwandte Sprachen, wie sie allerdings scheinen, haben die Cora und die mexicanische grosse Verschiedenheiten in ihrem Lautsystem.' *Wilhelm von Humboldt, in Buschmann, Spuren der Aztek. Спр.*, стр. 48-9.

[VIII'-26] 'La lengua Cora ... es tan difícil, que si no se está entre ellos muchos años, no se puede aprender y tiene de particular, que no se asemeja á otra de las naciones que tiene vecinas.' *Cavo, Tres Siglos*, tom. ii., p. 117.

[VIII'-27] *Ортега, Словарь, в соц.-мексик. Геог., Бюлетин*, том. viii., pp. 561-602; *Pimentel, Cuadro*, tom. ii., pp. 71-88; *Vater, Mithridates*, tom. iii., pt iii., pp. 131-8; *Buschmann, Die Lautveränderung Aztek. Wörter in den Sonor. Spr.*; *Id., Грамм. der Sonor. Спр.*

[IX'-1] 'Les Cholulains chantoient dans leur fêtes en dansant autour du téocalli, et que ce cantique commençoit par les mots *Tulanian hululaez*, qui ne sont d'aucune langue actuelle du Mexique. Dans tous les parties du globe, sur le dos des Cordillères, comme à l'île de Samothrace, dans la mer Egée, des fragmens de langues primitives se sont conservés dans les rites religieux.' *Humboldt, Vues*, tom. i., p. 115.

[IX'-2] 'Les Culhuas, les Tecpanèques, les Aculhuaques, les Chalmecas, les Ulmecas les Xicalancas ... parlaient la même langue, quoique dans chaque province avec un autre dialecte; la principale différence consistait dans la prononciation.' *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., стр. 138. 'Les Ulmecas, les Xicalancas et les Zacatecas ... avaient les mêmes mœurs et la même langue.' *Id.*, p. 137. 'Car la langue de ce pays (Xalisco) est le chichimeque, et Marina parlait mexicain. On se servait, à la verité, aussi dans ce pays d'un Mexicain grossier et barbare, tandis que Marina le parlait avec beaucoup d'élégance.' *Id.*, tom. xcix., p. 143. Techotlalatzin 'fue el primero que usó hablar la lengua nahua, que ahora se llama Mexicana, porque sus pasados nunca la usaron; y así mandó que todos los de la nacion Chichimeca la hablasen, en especial todos los que tuviesen oficio y cargos de republica.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 217. 'Los Mexicanos ... son de los mismos de Colhua ... por ser la lengua toda una.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник . de Doc.*, tom. i., p. 5. 'La lengua de los Mexicanos es la de los Nahuales.' *Id.*, p. 187. 'La principal lengua de la Nueva España que es de nahuatl.' *Id.*, p. 231; see also pp. 10-11. 'Los Tetzucucanos (llamados Aculhuaques) y los Mexicanos, ... eran de vn Language.' 'La propia, y antigua Lengua, de los Chichimecas Antiguos ... es esta que aora corre, con comun Nombre de Mexicana.' *Torquemada, Monarqu. Инд.*, том i., стр. 31, 33, 44. Текпанека, Отоми и Аколхуа. 'El language de estas tres naciones era diverso, no lo era rigorosamente hablando el de la tecpaneca y aculhua, ni pueden llamarse tales y distintos de la lengua nahuatl ó mejicana, sino solamente en el dialecto y frasimos, al modo que el portuguez respecto del castellana. La Otomi se diferencia mas de la nahuatl.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, tom. ii., p.

44. Ulmecs; 'su lengua era la Nahuatl que hoy llaman mejicana, y se tiene por madre; y esta fué de la nacion tolteca, y he oido decir á personas bien instruidas en este idioma, que en algunos pueblos que aun subsisten en nuestros dias conocidas por de la nacion ulmeca.' *Id.*, tom. i., p. 154. 'Los *Nahoas*, eran los que hablaban la lengua mexicana, aunque no la pronunciaban tan clara, como los perfectos mexicanos; y estos *Nahoas* tambien se llamaban *Chichimecas*.' 'De estos *Chichimecas* unos habia que se decian *Nahuazchichimecas* llamándose de *Nahóas* y de *Chichimecas* porque hablaban algo la lengua de los *Nahóas* ó Mexicanos y la suya propia Chichimeca.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. iii., lib. x., pp. 120, 130, 147. 'Lengua *Nàhuatl* ... se entiende ser en lengua Mexicàna; aunque la que al presente hablan y hablaron en la Gentilidad los Mexicànos no es suya, sino aprehendida de las otras antecedentes Naciones, y mas bien se debia llamar Tultèca, porque esta Nacion la traxo desde su peregrinacion, haviendola perfeccionado en la tercera Edad.' *Boturini, Catálogo*, p. 95. 'Los tlaxcaltecos, que tienen la misma lengua nahual de México y Tezcuco.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 147. 'Le nahuatl est sans nul doute une langue déjà ancienne dans l'Amérique centrale, et plus ancienne même que l'empire dont Montézuma fut le chef.' *Brasseur de Bourbourg, Lettre*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1855, tom. cxlvii., стр. 154, 153. 'Io però non dubito, che la lingua propria dei Cicimechi antichi fosse la medesima degli Acolhui, e Nahuatlachi, cioe messicana.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. i., p. 153. 'Los Mexicanos, ó por mejor decir Aztlanecas, no es su natural lengua la que hablan ahora, ... es la que aprendieron en Tezcuco.' *Ixtlilxochitl, Relaciones*, in *Kingsborough's Mex. Антук.*, том ix., стр. 345. 'Que el language mexicano se usó por las antiquísimas naciones de los *Toltecas* y *Chichimecas*.' *Hervás, Catálogo*, tom. i., p. 298. 'Xochimilcas, Chalqueños, Tepanecas, Colhuas, Tlahuicas, Tlazcaltecas y Mexicanos ... todas hablan un mismo idioma.' *Heredia y Sarmiento, Sermon*, p. 86. 'Mehr oder minder zahlreiche Sprachreste aus dem Mexikanischen Sprachstamme ... sind Zeugen von der ehemaligen Verbreitung der Tolteken im Süden.' *Müller, Amerikanische Urreligionen*, p. 525. "Чичимеки ... из той же семьи, что и тольтеки, на языке которых они, по-видимому, говорили". *Прескотт, Мексика.*, том i, стр. 14. "Чичимекен вельче ацтекиш реден". *Мюленпфордт, Мехико*, том ii., пт ii., стр. 364; *Валпаус, Геогр. статистика.*, стр. 34-5. 'Dass sie Eines Ursprunges mit den Tolteken, ... waren, beweist die allen gemeinschaftliche Sprache, welche noch die aztekische heisst.' *Buschmann, Ortsnamen*, p. 6. 'The Aztecs, Acolhuas, and other kindred tribes ... говорили на том же языке... что и толтеки. *Галлатин, на амер. Этно. Соч., Transact.*, т. i, стр. 203. 'Lengua mexicana, llamada tolteca.' *Orozco y Berra, Geografía*, p. 86. 'Toltecas y las siete tribus nahuatlacas tenían un mismo origen y hablaban la misma lengua, que era el mexicano, nahuatl ó azteca; pero de ninguna manera succede esto respecto á los chichimecas, aunque hasta hoy por un error muy comun se cree lo contrario.' *Pimentel, Cuadro*, tom. i., p. 154; *Grijalua, Crón. Augustin*, fol. 32. 'Les rares traditions qui nous sont restées de l'empire des Votanides, antérieurement à l'arrivée des Nahoas, ne donnent aucune lumière sur les populations qui habitaient, à cette époque, les provinces intérieures du Mexique.... Ce que nous pensons, toutefois, pouvoir avancer avec une conviction plus entière, c'est que la majeure partie des nations qui en dépendaient parlaient une seule et même langue.' 'Cette langue était suivant toute apparence le *Maya* ou Yucatèque.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 102; *Heller, Reisen*, p. 379, et seq.

[IX'-3] Акоста, *Хист. Нац. Ind.*, стр. 600; *Саагун, История. Быт.*, том iii., lib. ix., cap. 9; *Brasseur de Bourbourg, Palenqué*, p. 39.

[IX'-4] Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., lib. v., cap. v., lib. vi., cap. xii., дек. iii., lib. iii., cap. ix., lib. iv., cap. vii., дек. iv., lib. ix., cap. xiii.; *Давила Падилья, История. Fvnd. Mex.*, p. 64. 'Nicaragua sea y esté poblada de Nahuales, que son de la lengua de México.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник . de Дос.*, том i, стр. 10-11, 231; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii, стр. 103, том iv, стр.

35-37, 108; *Солис, История. Conq. Mex.*, том первый, стр. 118. 'Seine Herrschafft, Lands-Sprach, und Glaubens-Sect erstreckten sich einer seits biss zu dem Markflecken Tecoautepec, das ist zweyhundert, anderseits biss gehn Guatemala dass ist dreyhundert Meil sehr von der Statt Mexico.' *Hazart, Kirchengeschichte*, том. ii., p. 499. 'Esta lengua mexicana es la general que corre por todas las provincias de esta Nueva España, puesto que en ella hay muy muchas y diferentes lenguas particulares, de cada provincia, y en partes de cada pueblo, porque son innumerables.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 552. 'Sie haben viererley Sprach darinnen, unter welchen der Mexicaner am lieblichsten vnd gebräuchlichsten (in Nicaragua).' *West und Ost-Indischer Lustgart*, p. 390; *Grijalua, Crón. Augustin*, p. 12. 'La lengua general del pais, que era la Mejicana.' *Beaumont, Crón. Мехоакан*, ср., стр. 89; *Арная, Хартия, в документе Doc. Hist. Mex.*, série iv., том. iii., p. 67. 'Celui de Mexico est regardé comme le dialecte original.' *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 138; *Бургоа, Геог. Описание.*, том ii., fol. 341; *Лаэт, Novus Orbis*, стр. 252; *Готфрид, Новый мир*, стр. 285; *Хуаррос, История. Гуат.*, стр. 224; *Шевалье, Мексика. Древний и современный*, стр. 160; *Мексиканский музей*, том iii., стр. 269; *Дворец, Хартия*, стр. 20; *Сквайер, в Ид., примечание iii.*, стр. 100; *Монография авторов Сквайера*, стр. ix.; *Ид., цент. Амер.*, стр. 320, 327-9, 339, 413; *Цент Стивенса. Амер.*, том ii., стр. 190; *Фребель, Aus Amerika*, том i., стр. 285; *Мех Кондера. Guat.*, vol. ii., p. 178; *Romero, Noticias para formar la Historia de Michoacan*, p. 5; *Alegre, Hist. Комп. де Хесус*, том i., стр. 89-90; *Бариль, Мексика*, стр. 212; *Брассер де Бурбург, Id., Esquisses*, стр. 24; *Галлатин, в Америке. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 3, 8; *Ороско-и-Берра, География*, стр. 54-5; *Ватер, Митридат*, том iii., пт iii., стр. 85; *Пиментель, Куадро*, том i., стр. 158; *Анализы министерства внутренних дел*, 1854, том i.; *Акоста, История. Нац. Ind.*, стр. 584; *Id., Hist. de las Ynd.*, p. 530.

[IX'-5] Эрнандес, завод "Нова".

[IX'-6] See *Juan de la Anunciacion, Doctrina Christiana muy cumplida, donde se contiene la exposicion de todo lo necessario para doctrinar a los Indios y administralles los Sanctos Sacramentos. Compuesta en lengua Castellana y Mexicana.* Мексика, 1575 год. *Juan de la Anunciacion, Sermonario en lengua Mexicana.* Мексика, 1577 год. *Joan Baptista, Advertencias para los Confesores de los Naturales.* Mex., 1600. *Rosales, Loa en Obsequio de la Aparicion de Nuestra Señora de Guadalupe, Poem*, 1582. *Joan de Mijango, Espejo Diuino, en lengua Mexicana.* Мексика, 1607 год. *Martin de Leon, Camino del Cielo, en lengua Mexicana.* Мексика, 1611 год. *Martin de Leon, Manual breve y forma de administrar los Santos Sacramentos á los Indios.* Мексика, 1640 год. *Carlos Celedonio Velasquez de Cardenas y Leon, Breve Practica, y Regimen del Confessionario de Indios en Mexicano.* Мексика, 1661 год. *Ignacio de Paredes, Promptuario Manual Mexicano.* Мексика, 1759 год. *Francisco de Avila, Platica para hazer a los Indios.* Мексика, 1717 год. *Antonio Vasquez Gastelu, Confessionario Breve en lengua Mexicana, Catecismo Breve.* Пуэбла, 1716 год, и 2-е издание, 1826, 1838, а также 1860 год. *Lecciones Espirituales para las Tandas de Ejercicios.* Puebla, 1841. *Pequeno Catecismo en el idioma Mex.* Puebla, 1819. *Juan Romualdo Amaro, Doctrina.* Mex. 1840.

[IX'-7] *Паредес, Мексиканское справочное пособие*, стр. xc.

[IX'-8] *Buschmann, Ortsnamen*, p. 24.

[IX'-9] 'La mexicana no es menos galana y curiosa que la latina, y aun pienso que mas artizada en composicion y derivacion de vocablos, y en metáforas, cuya inteligencia y uso se ha perdido.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 552. 'La langue mexicaine est la plus riche de toute contrée: elle est aussi la plus pure, car elle n'est pas mélangée d'aucun mot étranger.' *Camargo, Hist. Tlax.*, in

Nouvelles Annales des Voy., 1843, tom. xcix., p. 136. 'Lengua Mexicana y Nahuatl, que es la mejor, mas copiosa y mas estendida que ay en la nueva España.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 293; *Purchas his Pilgrimes*, vol. iv., fol. 1135. 'La lengua Mexicana, que aunque es muy elegante y graciosa, tiene por su artificio y agudeza muchas metáforas, que la hazen dificultosa.' *Dávila Padilla, Hist. Fvnd. Mex.*, p. 31. 'Malgrado la mancanza di quelle sei consonanti é una lingua copiosissima, assai pulita, e sommamente espressiva.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., p. 171. 'Es muy elegante este idioma, dulce, y muy abundante de Frases, y composiciones.' *Cortés, Hist. Новая Испания*, стр. 5; *Лаэт, Novus Orbis*, стр. 240-1; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 635; *Мюллер, Райзен*, том iii., стр. 105-8. 'Su lengua es la mejor y mas polida.' (Tezcuco.) *Эррера, История Генерал.*, дек. iii., lib. ii., глава x. "Элегантная маска Тецуканы, комо Кастеллана в Толедо". *Ветеринар, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 14; *Ботурины, Идея*, стр. 142; *Гумбольдт, Вью*, том ii., стр. 382-3. 'Esta lengua mas elegante y expressiva que la Latina, y dulce que la Toscana.' *Granados y Galves, Tardes Amer.*, p. 401. 'La langue mexicaine est riche comme les autres langues indiennes; mais, comme elles, elle est matérielle et n'abonde pas en mots significatifs d'idées abstraites; comme elles, elle est synthétique dans sa structure, et n'en diffère, quant à ses formes, que par les détails qui n'affectent point son génie et son caractère. Elle abonde en particules intercalées,' *Du Ponceau, Mémoire*, p. 255; *Sonneschmid, Remarks on Mex. and the Mex. Лэнг.*, в *амер. Ежемесячный журнал*, том iii., стр. 118; *Полинезийский нац. Ланга*, стр. 95-7. Мексиканский язык изобилует выражениями почтения и вежливости. Стил и наименования, используемые в общении между равными, были бы настолько неподобающими в устах человека из низшей сферы, когда он обращался к человеку более высокого ранга, что были бы расценены как оскорбление". *История Робертсона. Амер.*, том ii., стр. 278-9. "Низкое гортанное произношение мексиканцев или ацтеков". *Мексиканец Уорда*, том i., стр. 31; *Галисия Чимальпопокатль, Диссертация*, в *Мексиканском музее*, том iv., стр. 517, и последующие.; *Хеллер, Райзен*, стр. 377. 'Des hauteurs les plus sublimes, de la métaphysique, elle descend aux choses les plus vulgaires; avec une sonorité et une richesse d'expression qui n'appartiennent qu'à elle.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 103; *Прескотта мексиканский*, том i., стр. 108, том iii., стр. 395. "Язык мексиканцев, по нашему мнению, чрезвычайно суров". *Помогает" Span. Конк.*, том i, стр. 288.

[IX'-10] Педро де Арена, *Словарь языка Кастеллана и Мексики*. Мексика, 1583 год. *Manuel Perez, Arte del Idioma Mexicano*. Мексика, 1713 год. *Antonio Vasquez Gastelu, Arte de la Lengua Mexicana*. Пуэбла, 1716 год, и 2-е издание, 1838 год. *Francisco de Avila, Arte de la Lengua Mexicana*. Мексика, 1717 год. *Carlos de Tapia Zenteno, Arte Novissima de Lengua Mexicana*. Мексика, 1753 год. *Horacio Carochi, Compendio del Arte de la Lengua Mexicana*. Мексика., 1759. *Молина, Словарь*. Мексика, 1571 год. *Rafael Sandoval, Arte de la Lengua Mexicana*. Мексика, 1810 год. Педро де Арена, *Путеводитель по беседе*. Париж, 1862. *Галлатин, в Америке. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 214-245; *Пиментель, Куадро*, том i., стр. 164-216; *Ватер, Митридат*, том iii., пт iii., стр. 85-106; *Бушманн, Ортснамен*, стр. 20-37.

[IX'-11] 'Es ist nicht möglich von einer Verwandtschaft der mexicanischen Sprache mit den Sprachen anderer Erdtheile zu reden.' *Buschmann, Ortsnamen*, p. 20; *Garcia, Origen de los Ind.*, pp. 118-21, 187, 232-5, 241, 269; *Jones' Hist. Anc. Амер.*; "Десять колен Саймона", стр. 163, 173; "Полинезийская нация", стр. 96-8 и далее; *Ежеквартальный обзор*, 1816, стр. 415; *Гумбольдт, Вью*, том ii., стр. 229 и далее.

[IX'-12] Orozco y Berra, *Geografía*, p. 17; Alegre, *Hist. Comp. de Jesus*, том i., стр. 282; Пиментель, *Куadro*, том i., стр. 118; Ватер, *Митридат*, том iii., пт iii., стр. 113.

[IX'-13] 'Concordándose en que no se entienden los mismos Otomites de diversos Pueblos, aun Vecinos, de que diò una prueba concluyente el Obispo de Puebla, con el hecho de haver juntado quatro Curas estindantes de su sierra Otomì los que mutuamente se improbaban por hereticas, a disparatadòs sus esplicaciones de los Mystérios de nrã Religion.' *Concilio Provincial Mexicano*, iv., 1771, Julio 31, MS.

[IX'-14] Наксера, дис. собр. по истории Отоми; Надзиратель, Изучает, в античном издании. Мексика., стр. 125-9.

[IX'-15] Bringier, *Письмо*, в *Журнале Суллимана.*, том iii., стр. 35-6.

[IX'-16] 'La Otomí, lengua bárbara cuasi enteramente gutural, y que á penas cede al estudio y á la mas séria aplicacion.' Alegre, *Hist. Comp. de Jesus*, том i., p. 90. 'La Otomí, que se dilata casi tanto como la Mexicana, y en la dificultad, y obscuridad le haze grandes ventajas.' Grijalua, *Crón. Augustin*, fol. 74. 'Loro linguaggio è assai difficile, e pieno d'aspirazioni, che fanno parte nella gola, e parte nel naso ma peraltro è abbastanza copioso ed espressivo.' Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том i., p. 148. 'Une langue pleine d'aspirations nasales et gutturales.' Humboldt, *Essai Pol.*, том i., p. 255. 'Die Sprache der Othomi zeichnet sich durch die Einsylbigkeit oder wenigstens Kürze ihrer meisten Wörter, durch Härte und Aspiration aus.' Vater, *Mithridates*, том iii., пт iii., p. 114. 'Leur langue, rude comme eux, est monosyllabique: embrassant à la fois tous les sons, mais dénuée d'ornements, elle montre, néanmoins, dans sa simplicité quelque chose de majestueux qui rappelle les temps antiques.' Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том i., p. 157. 'Es dura, seca, ingrata á la lengua y mal al oido: todo lo de ella es rústico, vasto, sin pulidez.' Naxera, *Dis. sobre la lengua Othomí*, p. 23. 'Su language es muy duro y corte.' Herrera, *Hist. Gen.*, dec. iii., lib. v., cap. xix.; Duponceau, *Mémoire*, pp. 68-71; Torquemada, *Monarq. Ind.*, том i., p. 33, том ii., p. 82; Müller, *Reisen*, том iii., p. 45; Hassel, *Mex. Guat.*, стр. 152; Мюленпфордт, *Мехико*, том ii., часть ii., стр. 364; *Словарь Кондера. Гуат.*, том ii., стр. 119.

[IX'-17] Yoaquin Lopez Yepes, *Catecismo y Declaracion de la Doctrina Cristiana, en lengua Otomí*. Francisco Perez, *Catecismo de la Doctrina Cristiana, en lengua Otomí*. Naxera, *Disertacion sobre la lengua Othomí*. Галлатин, в Америке. Этно. Соч., *Transact.*, том i., стр. 286-98; Ватер, *Митридат*, том iii., часть iii., стр. 115-24; Пиментель, *Куadro*, том i., стр. 120-50; Антонио Гваделупе Рамирес, *Краткий сборник... Dispuesto en lengua Othomí*. См. также Lond. *Геогр. соц., журнал.*, том iii., стр. 355; Луис де Неве-и-Молина, *Грамматика языка Отоми*.

[IX'-18] Пиментель, *Куadro*, том ii., стр. 194-201.

[X'-1] 'Es mucha la dificultad del idioma, porque en treinta vecinos suele haber cuatro y cinco lenguas distintas, y tanto, que aun despues de mucho trato no se entienden sino las cosas muy ordinarias.' Alegre, *Hist. Socm. Иусуса*, том i., стр. 282.

[X'-2] Pimentel, *Cuadro*, том ii., p. 267; Col. *Polidiómica Mex.*, *Oracion Dominical*, pp. 31-3.

[X'-3] Pimentel, *Cuadro*, том ii., p. 267.

[X'-4] Berlandier, *Diario*, p. 144; Orozco y Berra, *Geografía*, p. 296.

[X'-5] Мендиета, *Ист. Эклз.*, стр. 552. 'Tarascum, quod hujus gentis proprium erat et vulgare, concisum atque elegans.' *Laet, Novus Orbis*, p. 267. 'La Tarasca, que corre generalmente en las Prouincias de Mechoacan, esta es muy facil por tener la mesma pronunciacion que la nuestra: yassi se escriue con el mesmo abecedario. Es muy copiosa, y elegante.' *Grijalua, Crón. Augustin*, fol. 75; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава ix.; Алегри, *История. Сост. Иисуса*, том i., стр. 90-1; Акоста, *История. Нац. Изд.*, стр. 506. 'La loro lingua è abbondante, dolce, e sonora. Adoperano spesso la R soave: le loro sillabe constano per lo più d'una sola consonante e d'una vocale.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. i., p. 149. 'Les Tarasques ... célèbres ... номинальная l'гармоніебыл де леур Риш язык ванной voyelles'. Гумбольдт, *Эссе Польск.*, том. я., стр. 255; Бомонт, *Crón. де Мехоасан*, стр. 43; Mühlendorff, *Mejico*, том. II в., пт ПП. II стр. 364; Ромеро, *Новости Мичоакан*, стр. 5; Эредия г Сармьенто, *проповедь*, стр. 83; *Anales дель Ministerio de Фоменто*, 1854, стр. 185 и след.; Wappäus, *Географов. ЕД. Стат.*, стр. 35; Хассель, *Мекс. Гуат.*, стр. 152. 'Die Sprache in dieser Provinz wird für die reineste und zierlichste von ganz Neu-Spanien gehalten.' *Delaporte, Reisen*, pp. 313-4; Vater, *Mithridates*, том. iii., pt iii., p. 125. 'Tarasca een nette en korte spraek, die eigentlijk alhier te huis hoort.' *Montanus, Nieuwe Weereld*, p. 256. Уорд, говоря о тараско, допустил серьезную ошибку, смешав его с отоми, и, похоже, думает, что это один и тот же язык. Два языка вряд ли могут быть дальше друг от друга, чем эти два. *Мексика*, том ii., стр. 681. Раффинеске, неутомимый исследователь иностранных связей с мексиканскими языками, утверждает, что обнаружил сходство между тараско, итальянским, атлантическим, коптским, пеласгическим, греческим и латинским языками. Он пишет, что был "поражен его очевидной аналогией" с приведенным выше и с "языками Африки и Европы как по словам, так и по структуре, несмотря на разделение в несколько тысяч лет". В *Priest's Amer. Антик.*, стр. 314.

[X'-6] Пиментел, *Куадро*, том i., стр. 275-309; Галлатин, в *амер. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 245-52; Моксо, *Картас Мехиканас*, стр. 68; Ватер, *Митридат*, том iii., пт iii., стр. 126; Мануэль де Сан-Хуан Кризостомо Наджера, *Грам. Тараска*, в *Мексике. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том iv., стр. 664-684.

[X'-7] Pimentel, *Cuadro*, том. i., p. 304; Vater, *Mithridates*, том. iii., pt iii., pp. 126-7; Araujo, *Manual de las Santos Sacramentos en el Idioma de Michuacan*.

[X'-8] 'Estos toluacas, y por otro nombre *Matlatzincas*, no hablaban la lengua mexicana, sino otra diferente y obscura ... y su lengua propia de ellos, no carece de la letra R.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том. iii., lib. x., p. 129; *Grijalua, Crón. Augustin*, fol. 75; *Brasseur de Bourbourg, Esquisses*, p. 33.

[X'-9] Пиментель, *Куадро*, том i., стр. 499-539; Гевара, *Доктринальное искусство*, в *Соц. Мексике. Геог., Болетин*, том ix., стр. 197-260; Ватер, *Митридат*, том iii., часть iii., стр. 126.

[X'-10] 'Ocuiltecas, viven en el distrito de Toluca, en tierras y terminos suyos, son de la misma vida, y costumbre de los de la Toluca, aunque su language es diferente.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том. iii., lib. x., p. 130. 'Ocuilteca, que es lengua singular de aquel pueblo, y de solo ocho visitas, que tenia sujetas así, y assi somos solos, los que la sabemos.' *Grijalua, Crón. Augustin*, fol. 75.

[X'-11] 'Y aunque la lengua los haze generalmente à todos vnos en muchos partes la han diferenciado en syllabas, y modo de pronunciarlas, pero todos se comunican, y entienden.' *Burgoa, Geog. Описание*, том i., фол. 127, 130; Грихалуа, *Крона. Огюстен*, стр. 75; Брассер де Бурбург, *Эскиз*, стр. 34-6; *Лаэт, Novus Orbis*, стр. 260; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., главы xii-xiii.;

Ороско-и-Берра, География, стр. 189-96; Вилла-сеньор-и-Санчес, Театр, том ii., стр. 137; Переработка, История. Чьяпа, стр. 712.

[X'-12] Торквемада, Монарк. Ind., том. i., p. 32. 'Ein Volk, das zu den Autochthonen von Mexico gehört.' Buschmann, Ortsnamen, p. 18.

[X'-13] 'Mistica, cuya entera pronunciacion se vale algunas vezes de las narizes, y tiene muchos equiuocos que la hazen de mayor dificultad.' Dávila Padilla, Hist. Fvnd. Mex., p. 64. 'La lengua dificultosissima en la pronunciacion, con notable variedad de terminos y voces en vnos y otros Pueblos.' Burgoa, Palestra, Hist., pt i., fol. 211. 'Que como eran Demonios se valian de la maliciosa astucia de variar las voces y vocablos en esta lengua, asi para los Palacios de los Caziques con terminos reuerenciales, como para los Idolos con parabolos, y tropos, que solos los satrapas los aprendian, y como era aqui lo mas corrupto.' Id., Geog. Описание., том первый, стр. 156. 'La lengua de aquella nacion, que es dificultosa de saberse, por la gran equiuocacion de los bocablos, para cuya distincion es necessario vsar de ordinario del sonido de la nariz y aspiracion del aliento.' Remesal, Hist. Чьяпа, стр. 321. 'Ser la Lengua dificultosa de aprender, por las muchas equiuocaciones que tiene.' Dávila, Teatro Ecles., том. i., p. 156.

[X'-14] Пиментель, Куадро, том i., стр. 41-79; Ватер, Митридат, том iii., пт. iii., стр. 31-41; Катехизис П. Рипальдо, традудца аль Мистеко; Катехизис в идиоме Микстеко.

[X'-15] Повторно, Hist. Чьяпа, стр. 712. Chinantec 'con la dificultad de la pronunciacion, y voces tan equiuocas que con vn mesmo termino mas blando ò mas reciò dicho significa disonante sentido.' 'Por que la locucion es entre dientes, violenta, y con los accentos de consonantes asperas, confusas las vocales, sin distincion vnas de otras que parecian bramidos, mas que terminos de locucion.' Бургоа, Геог. Описание., том. i., т. 183., том. ii., т. 284, 286; Вилла-сеньор-и-Санчес, Театр, том. ii., стр. 137, 141, 163, 187, 189, 197; Ороско и Берра, География, стр. 187-197; Война Хаклюта., том iii., стр. 497.

[X'-16] Саагун, История. Генерал., том iii., lib. x., стр. 135; Пиментель, Куадро, том ii., стр. 262.

[X'-17] Пиментель, Куадро, том ii., стр. 259-62.

[X'-18] Вилла-Сеньор-и-Санчес, Театр, том ii., стр. 190-9; Мексиканский музей, том ii., стр. 554; Мюленпфордт, Мехико, том ii., стр. 186; Ваппаус, Геогр. статистика, стр. 36; Ороско-и-Берра, География, стр. 177; Бургоа, Геог. Описание., том ii., фол. 312.

[X'-19] 'Su language era tan metaforico, como el de los Palestinos, lo que querian persuadir, hablaban siempre con parabolos.' Burgoa, Geog. Описание., том первый, фол. 196. 'La langue Zapotèque est d'une douceur et d'une sonorité qui rappelle l'Italien.' Brasseur de Bourbourg, Esquisses, p. 35.

[X'-20] Pimentel, Cuadro, том. i., pp. 321-60; Nouvelles Annales des Voy., 1841, том. xcii., p. 260, et seq.

[X'-21] 'Expressa el Illmº Señor Obispo de Oaxaca en su Pastoral, que en su Diocesis hay una Lengua, que solo de dia se entienden bien, y que de noche en apagándoles la luz, ya no se pueden explicar, porque con los gestos significan.' Lorenzana y Buitron, Cartas Pastorales, p. 96, note 1. 'Tambien su idioma tiene fuerça y energia.' Burgoa, Geog. Описание., том ii., фол. 271. "Язык иллорума, рудис и крассум, как сын в возрасте Аллеманорума". Лаэнт, Novus Orbis, стр. 262; Barnard's Tehuantepec,

pp. 224-5; *Villa-Señor y Sanchez, Teatro*, том ii., pp. 155, 199-201; *Mühlenpfordt, Mejico* 143; *Мексиканский музей*, том ii., стр. 555; *Ороско и Берра, География*, стр. 176.

[X'-22] *Пиментель, Куадро*, том ii., стр. 173-88.

[X'-23] 'Y se dixo antes, que la nacion destos Indios huaves avian venido de tierras muy lexanas, de allà de la Costa del Sur, mas cerca de la Eclyptica vezindad del Perú, y segun las circunstancias de su lengua, y trato de la Provincia ò Reyno de Nicaragua.' *Burgoa, Geog. Descrip.*, том ii., fol. 396; 'El huave, huavi, guave, llamado tambien en un antiguo MS. guazonteca ó huazonteca, se habla en el Estado de Oaxaca, Los huaves son originarios de Guatemala; unos les hacen de la filiacion de los peruanos, fundándose en la semejanza de algunas costumbres, mientras otros les suponen hermanos de los pueblos de Nicaragua. La segunda opinion nos parece la mas acertada, y aun nos atreveriamos á creer que el huave pertenece á la familia maya-quiché.' *Orozco y Berra, Geografia*, pp. 44, 74. 'Il paraît démontré, cependant, que la langue des Wabi a de grandes analogies avec quelqu'une de celles qu'on parlait à Nicaragua.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 36.

[X'-24] *Сиверс, Миттеламерика*, стр. 290.

[XI'-1] *Palacio, Carta*, p. 20; *Juarros, Hist. Guat.*, стр. 198; *Registro Yucateco*, том i., стр. 166; *Галиндо*, в *Лондоне. Геог. соц., журнал.*, том iii., стр. 95, 63; *Галлатин*, в *амер. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 4-7; *Мюленпфордт, Мехико*, том ii., стр. 8, 17; *Ваппойс, Геогр. Статистика.*, стр. 245; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., главы ii-xiv.; *Лаэт, Novus Orbis*, стр. 277, 317, 325; *Гумбольдт, Эссе Пол.*, том i., стр. 267; *Хеллер, Райзен*, стр. 380; *Галиндо*, в *античном издании. Мексика.*, стр. 67; *Странствия Нормана*, стр. 238; *Хефкенс, Цент. Амер.*, стр. 412; *Нац. Причард. История. Человек*, том ii., стр. 513; *Отчет Берендта*, в *Smithsonian Rept.*, 1867, стр. 425; *Монография Сквайера*, стр. ix.; *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 84.

[XI'-2] На языках семьи майя говорят в старых провинциях Соконуско, Чьяпас, Сучитепек, Вера-Пас, Гондурас, Изалькос, Сальвадор, Сан-Мигель, Никарагуа, Херес-де-Чолутека, Тегусигальпа и Коста-Рика, говорит аббат Брассер де Бурбур, *г-жа Троано*, том ii., стр. vi. "Множество языков противоположного мира, кратные первому аспекту", се совершенен в реальности, а не в маленькой номинации. Ce sont des dialectes qui ne diffèrent les uns des autres que par le mélange de quelques mots étrangers, une certaine variété dans les finales ou dans la prononciation.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1855, том. cxlvii., стр. 155. 'Il me paraît indubitable que la langue universelle des royaumes guatémaliens devait être, avant l'invasion des tribus que les Espagnols trouvèrent en possession de ces contrées, le maya d'Yucatan ou le tzendal qui lui ressemble beaucoup.' *Ib.* 'Lacandons ... les *Mames, Pocomames*, etc., qui parlent encore aujourd'hui une langue presque en tout semblable à celle des Yucatèques.' *Id.*, p. 156. 'Le *Tzendal* ou *Tzeldal* et un dialecte de la langue *zotzile* dont il diffère fort peu.' *Id.*, *Palenqué*, p. 34. 'Toutes sont issues d'une seule souche, dont le *maya* paraît avoir gardé le plus grand nombre d'éléments. Le *quiché*, le *cakchiquel*, le *mame*, le *tzendal*, sont marqués eux-mêmes au sceau d'une très-haute antiquité, amplement partagée par le *mexicain* ou *nahuatl* malgré les différences que comporte sa grammaire; car si ses formes et sa syntaxe sont très-distinctes de celles du *maya*, on peut dire, néanmoins, que tous ces vocables sont composés de racines communes à tout le groupe. *Id.*, *МИСС Троано*, том ii., стр. vii., viii. 'La langue primitive forme le centre; plus elle s'avance vers la circonférence, plus elle perd de son originalité la tangente, c'est-à-dire le point où elle rencontre un autre idiome, est l'endroit

où elle s'altère pour former une langue mixte.' *Waldeck, Voy. Pitt.*, pp. 24, 42. 'Les Taitzaes, les Cehatches, les Campims, les Chinamitas, les Locènes, les Ytzaes et les Lacandons. Toutes ces nations parlent la langue maya, excepté les Locènes, qui parlent la langue Chol.' *Ternaux-Compans*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvii., стр. 50; *Изд.*, 1840, том. lxxxviii., p. 6. 'La de Yucatan, y Tabasco, que es toda vna.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, след. 25; *Solis, Hist. Mex.*, tom. i., p. 89. 'Zoques, Celtales y Quèlenes, todos de lenguas diferentes.' *Remesal, Hist. Чьяпа*, стр. 264, 299; также в *Montanus, Nieuwe Weereld*, стр. 269; *Helps' Span. Conq.*, tom. iii., p. 252; *Squier*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1855, tom. cxlviii., стр. 275; *Id.*, 1857, том. cliii., стр. 175, 177-8. The natives of the island of Cozumel 'son de la lengua y costumbres de los de Yucatan.' *Landa, Relacion*, p. 12; *Orozco y Berra, Geografía*, pp. 18-25, 55-56.

[XI'-3] 'La simplicité originale de cette langue et la régularité merveilleuse de ses formes grammaticales, c'est la facilité avec laquelle elle se prête à l'analyse de chacun de ces vocables et à la dissection des racines dont ils sont dérivés.' *Brasseur de Bourbourg, MS. Troano*, tom. ii., pp. iii., vi., v. 'The Maya tongue spoken in the northern parts of Yucatan, is remarkable for its extremely guttural pronunciation.' *Gordon's Hist. u Geog. Mem.*, стр. 73. "Все местные языки чрезвычайно гортанны в своем произношении". *Guatemala Данна*, стр. 265. 'Diese Sprache war wohlklingend und weich.' *Müller, Amerikanische Urreligionen*, p. 453; *Ternaux-Compans*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvii., стр. 32; *Сквайр*, в *изд.*, том. cliii., стр. 178.

[XI'-4] 'Dans ces langues kakchiquèle, kichée et zutugile, les mots qui n'appartiennent pas au Maya, m'ont tout l'air d'être d'origine germanique, saxons, danois, flamands, anglais même.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1855, tom. cxlvii., стр. 156-7. 'Je fus frappé, dès mon arrivée ... de la similitude qu'une quantité de mots de leur langue offrait avec celles du nord de l'Europe.' *Id.*, *Lettre à M. Rafn*, in *Id.*, tom. clx., 1858, pp. 263, 281-90. "Основные формы и слова языков этих регионов (за исключением мексиканского) тесно связаны с майя или цендалем и что все слова, которые не являются ни мексиканскими, ни майя, принадлежат к нашим языкам Северной Европы, а именно английскому, саксонскому, датскому, норвежскому, шведскому, фламандскому и немецкому, некоторые даже кажутся принадлежащими французскому и персидскому, и в целом они действительно очень многочисленны и поразительны". *Id.*, *Письмо в New York Tribune*, 21 ноября 1855 г.

[XI'-5] *Пиментель, Куадро*, том ii., стр. 231-45.

[XI'-6] *Новое исследование Гейджа*, стр. 465-477 и далее.

[XI'-7] *Пиментель, Куадро*, том i., стр. 84-110.

[XI'-8] *Brasseur de Bourbourg, Grammaire de la Langue Quiché; Pimentel, Cuadro*, том. ii., pp. 126-47.

[XI'-9] *Beltran de Santa Rosa María, Arte; Ruz, Catecismo Historico; Id., Cartilla; Id., Gram.* Юкатека; *Галлатин*, в *Америке. Этно. Соч.*, *Transact.*, том i., стр. 252, и далее.; *Хеллер, Райзен*, стр. 381, и далее.; *Ватер, Митридат*, том iii., пт iii., стр. 4-24; *Пиментель, Куадро*, том i., стр. 5, 223, том ii., стр. 119, 229; *Брассер де Бурбур, Грамматик*, в *Landa, Relacion*, стр. 459-479; *Id.*, в *MS. Троано*, том ii.

[XI'-10] Эстос Тотонакес ... decian ser ellas de *Guastelas*. 'Otros hay, que entienden la lengua Guasteca.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. iii., lib. x., pp. 131-2. 'Im alten Centralamerika also waren die Sprachen der Totonaken, Otimier, Huasteken, Macahuer unter sich sowohl als auch mit der Sprache

in Yucatan verwandt.'Müller, *Amerikanische Urreligionen*, p. 453; *Mexikanische Zustände*; tom. i., p. 143; *Montanus, Nieuwe Weereld*, p. 251; *Hassel, Mex. Guat.*, стр. 245; *Альмапар, Меморио*, стр. 18, 20; *Вилла-сеньор-и-Санчес, Театр*, том i., стр. 287-91; *Галлатин, в амер. Этно. Соч., Transact.*, т. i., стр. 4; *Терно-Компаны, в Новых анналах Войны.*, 1840, том. lxxxviii., стр. 7; *Ватер, Митридат*, том iii., пт iii., стр. 106; *Ороско и Берра, География*, стр. 18-20, 204.

[XI'-11] *Пиментель, Куадро*, том ii., стр. 223-68; *Ватер, Митридат*, том iii., часть iii., стр. 44-60.

[XI'-12] *Зентено, Ленгуа-Уастека; Галлатин, в Америке. Этно. Соч., Transact.*, т. i., стр. 276-85; *Пиментель, Куадро*, том i., стр. 5-34.

[XI'-13] *Кол. Polidíomica Mex., Oracion Dominical*, p. 8-10.

[XII'-1] Мистером Сквайером была составлена классификация, но в отсутствие надежных данных, на которых она могла бы основываться, она не может быть принята безоговорочно. Он говорит: "Похоже, что Гондурас в древности был заселен по меньшей мере четырьмя различными семьями или группами". Их он называет: чорти или сесенти, принадлежащие к семейству майя, ленка, под различными названиями чонталов и, возможно, шикаков и пояс; — в третий он включает различные племена, занимавшие промежуточное положение между собственно ленками и жителями Кариая, или того, что сейчас называется Москито-шор, такие как тоаки, тонглас, рамас и т.д., и, наконец, в четвертый, дикарей, которые обитали на москито-шор от лагуны Каратаска на юг до Рио-Сан-Хуана. *Столетие. Амер.*, стр. 252-3. См. также *Squier, in Palacio, Carta*, примечание iii., стр. 100-5; *Froebel, Aus Amerika*, том i., стр. 399-403; *Id., Cent. Amer.*, pp. 133-36; *Boyle's Ride*, vol. i., p. 287; *Squier, in Nouvelles Annales des Voy.*, 1858, tom. clx., pp. 134-5; *Palacio, Carta*, p. 20. 'Variis et diversis linguis utebantur, Chontalium tamen maxime erat inter eos communis.' *Laet, Novus Orbis*, p. 337. 'Tenian diferencias de lenguas, y la mas general es la de los Chontales.' *Эррера, История. Генерал.*, декабрь iv., lib. viii., глава iii.; *Хуаррос, История. Гуат.*, стр. 62; *Галиндо, Заметка о карибах, в Лондоне. Geog. Soc., Jour.*, vol. iii., p. 290-1; *Orozco y Berra, Geografía*, p. 20. 'Die Karaiben bedienen sich noch gegenwärtig ihrer ganz eigenthümlichen Sprache, welche bedeutend von allen übrigen abweicht, und von den anderen Indianerstämmen nicht verstanden wird.' *Mosquitoland, Bericht*, pp. 19-20, 140; *Bell's Remarks on Mosquito Ter.*, in *Lond. Геогр. соц., журнал.*, том. xxxii., стр. 258-9; *Исследование скважин. Хонд.*, стр. 552-3.

[XII'-2] *Вайкна Барда*, стр. 363. 'Die Sprache ... der Sambos oder eigentlichen Mosquitos, am meisten ausgebildet, allgemein verbreitet und wird im ganzen Lande von allen Stämmen verstanden und gesprochen. Sie ist wohlklingend, ohne besondere Kehllaute aber ziemlich arm und unbeholfen.' *Mosquitoland, Bericht*, p. 140.

[XII'-3] *Странамоскитов, Берихт, стр. 241-68*;,,, *Алекс. Грамматика Хендерсона, московский язык.*, Нью-Йорк, 1846.

[XII'-4] *Повествование Янга*, стр. 77-8.

[XII'-5] *Цент Сквайра. Амер.*, pp. 253-6; *Id., in Nouvelles Annales des Voy.*, 1858, clx., p. 135; *Froebel, Aus Amerika*, том. i., pp. 400-1.

[XII'-6] 'Ay en Nicaragua cinco lenguajes muy diferentes: Coribici, que loan mucho, Chorotega, que es la natural, y antigua: y assi estan en los que lo hablan los heredamientos, y el Cacao, que es la

moneda, y riqueza dela tierra.... Chondal es grossero, y serrano. Orotiña, que dize mama, por lo que no otros (nosotros). Mexicano, que es la principal.' *Gomara, Hist. Ind.*, fol. 264. 'A quatro ó cinco lenguas distintas é diverssas las unas de las otras. La prinçipal es la que llaman de *Nicaragua*, y es la mesma que hablan en México ó en Nueva España. La otra es la lengua que llaman de *Chorotega*, é la terçera es Chondal.... Otra hay ques del golpho de Orotiñaruba háçia la parte del Nordeste, ó otras lenguas hay adelante la tierra adentro.' *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iv., pp. 35, 37. Эррера, который почти дословно скопировал с Гомары, допустил очень важную ошибку; он говорит о пяти языках и упоминает только четыре. Поскольку Эррера упоминает местечко Чулотека, некоторые авторы, и среди них мистер Сквайер, применяли это название к языку, но, по-видимому, неавторитетно. Herrera's copy reads: 'Hablauan en Nicaragua, cinco lenguas diferentes, Coribizi, que lo hablan mucho en Chuloteca, que es la natural, y antigua, y ansi estauan en los que la hablauan.... Los de Chondal son grosseros, y serranos, la quarta es Orotina, Mexicana es la quinta.' *Hist. Gen.*, dec. iii., lib. iv., cap. vii. Пуркас более точно скопировал Гомару и цитирует пятерых подобных ему. "*Пилигримы*", т. v., стр. 887. Мистер Сквайер делает следующее разделение: Дириан, Награндан, Чолутека, Оротина и Чондал. Тех, кто говорит на ацтекском диалекте, он называет никиранцами, а также считает чолутекским диалектом того же языка. *Nicaragua*, vol. ii., p. 310-12; *Buschmann, Ortsnamen*, p. 132; *Froebel, Cent. Amer.*, стр. 59 и далее; *Поездка Бойла*, том i., стр. 267, том ii., стр. 286-7; *Хассель, Мексика. Гуат.*, стр. 397; *Дворец, Хартия*, стр. 20.

[XII'-7] "*Никарагуа*" *Скуайера*, том ii., стр. 315-319.

[XII'-8] *Id.*, стр. 320-23.

[XII'-9] *Wagner and Scherzer, Costa Rica*, p. 562; *Scherzer, Vocab.*, in *Sitzungsberichte der Akad. der Wissensch., Wien*, vol. xv., no. i., 1855, pp. 28-35.

[XII'-10] 'Pienso yo que son apartados del número de las septenta y dos.' *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. i., lib. ii., cap. xliii. 'En tierra firme ... ai mui diversas, i apartadas Lenguas.' *Oviedo, Proemio*, in *Barcia, Historiadores*, tom. i., p. 12. 'Ai entre ellos lenguas diferentes.' *Фернандо Колон, в Барсии, Historiadores*, том i., fol. 106. 'Son trà lor diuerse lingue.' *Colombo, Hist. Аммераль*, стр. 405.

[XII'-11] *Андагоя, Relacion*, в *Наваррете, кол.*, том iii., стр. 393, и последующие.; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. i., глава xi.

[XII'-12] *Баптиста Антонио, Родственник*, в книге *Хаклюта "Война"*., том iii., fol. 554.

[XII'-13] *Ватер, Митридат*, том iii., часть ii., стр. 707; *Дарьен Каллена*, стр. 65; *Фицрой*, в *Лондоне. Геог. соц., журнал.*, том xx., стр. 164; *Латам*, в *издании*, стр. 189-90; *Войс Симанна. Вестник*, том i, стр. 312; *Перешеек Бидвелла*, стр. 33-38; *Де Пуйдт, Исследование.*, в *Лондоне. Геогр. соц., журнал.*, том. xxxviii., стр. 91.

[XII'-14] *Дарьен Каллена*, стр. 99-102; *Латам*, в *Лондоне. Геог. соц., журнал.*, том xx., стр. 190; *Новая война Вафли.*, стр. 185-188.]